

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

ТОМЪ СХІІ.

ИСТОП. ВѢСТН., ОКТЯБРЬ 1915 Г., Т. СХІІ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ СХІІ.

1915

ПЕТРОГРАДЪ
Тип. Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время», Эргелевъ, 13

1915

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ТРИНАДЦАТАГО іюля фельдмаршалъ Френчъ доносилъ: «8-го іюля мы отразили атаку, произведенную съ помощью ручныхъ гранатъ на воронку, образовавшуюся отъ взрыва нашей мины къ западу отъ Гоожа. 7-го іюля наша тяжелая артиллерія привела къ молчанію тяжелыя окопныя мортиры непріятеля, содѣйствовавшія атакѣ. 10-го іюля мы взорвали мину подъ выступомъ германскихъ окоповъ къ юго-востоку отъ Цильбека, разрушивъ непріятельскіе окопы. Вскорѣ послѣ этого непріятелемъ была взорвана мина нѣсколько далѣе къ югу, не причинившая намъ значительнаго вреда. Съ того времени мы захватили небольшую часть территоріи, занявъ воронку, образовавшуюся отъ взрыва германской мины и примыкающую къ нашимъ окопамъ. 12-го іюля мы отразили новую атаку, произведенную съ помощью ручныхъ бомбъ на наши окопы вокругъ воронки близъ Гоожа».

На французскомъ фронтѣ велась минная и артиллерійская борьба. Командиръ перваго дивизіона миноносцевъ и подводныхъ лодокъ французской первой морской эскадры Средиземнаго моря сообщилъ, что контръ-миноносецъ «Биссонъ» совершилъ блестящій подвигъ, уничтоживъ стоянку для снабженія австрійскихъ подводныхъ лодокъ и аэроплановъ, находящуюся на островѣ Лакоста, и перерѣзалъ телеграфный кабель. Нѣсколько австрійцевъ было убито. Французы потеряли убитыми лишь одного матроса, который торжественно былъ похороненъ въ Бриндизи.

14-го іюля штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ, что между Двиной и Нѣманомъ не произошло существенныхъ перемѣнъ. Бои конницы

и передовыхъ частей продолжались. Къ юго-западу отъ Ковны непріятель боємъ въ ночь на 13-е іюля былъ отгѣсненъ за р. Есю. На наревскомъ фронтѣ сраженіе 12-го и 13-го іюля велось съ нарастающимъ упорствомъ на участкѣ отъ сел. Доброленка до района крѣпости Новогеоргіевскъ. Распространеніе непріятеля на лѣвомъ берегу Нарева сдерживалось нашими энергичными контръ-атаками. Многія селенія и рощи переходили изъ рукъ въ руки. Весьма напряженный характеръ получилъ бой въ лѣсу къ востоку отъ Рожанъ. Вечеромъ 13-го іюля непріятель ввелъ здѣсь въ боевую часть большіе резервы выше Сероцка. По обоимъ берегамъ Нарева мы вели успѣшныя атаки, вынудивъ нѣкоторыя части непріятеля къ безпорядочному отступленію. Въ районѣ деревни Цешелинъ нами было взято 700 плѣнныхъ германцевъ и нѣсколько пулеметовъ. Контръ-атака непріятеля отъ с. Константинова отбита при содѣйствіи бронированныхъ автомобилей. На лѣвомъ берегу Вислы на разсвѣтъ 13-го іюля успѣшной штыковой атакой мы отбросили непріятеля, пытавшагося приблизиться къ фронту Надаржинъ—Пясечно.

Между Вислой и Вепржемъ наблюдалось затишье, а къ востоку отъ этой рѣки до Буга сраженіе продолжалось. Въ районѣ Раколупы—Майданъ-Островскій вечеромъ 13-го іюля германцы вели атаку крупными силами и захватили часть нашихъ окоповъ, но затѣмъ нашей контръ-атакой они были потѣснены назадъ. Особенной энергіей попрежнему отличались атаки германцевъ къ сѣверу отъ Грубешова, которыя, однако, мы продолжаемъ отражать. Въ районѣ деревни Аннополь наши войска произвели стремительную контръ-атаку. На Бугѣ происходили упорные бои въ районѣ Сокаль—Потуржица, гдѣ непріятель частью силъ перешелъ на правый берегъ рѣки. Между Днѣстромъ и Прутомъ непріятель велъ безуспѣшныя частичныя атаки.

Въ Черномъ морѣ наши миноносцы бомбардировали портовые сооруженія въ Самсунъ-Уніе и Ризе и уничтожили у береговъ Анатолиі свыше 150 парусныхъ судовъ.

Въ приморскомъ районѣ кавказскаго фронта происходила артиллерійская перестрѣлка; частичное наступленіе турокъ здѣсь на нашъ правый флангъ было нами отбито. Наша моторная лодка потопила турецкое груженное судно. На мушскомъ направленіи встрѣчный бой продолжался, причемъ турки получили значительныя подкрѣпленія. Одинъ изъ нашихъ доблестныхъ кавалерійскихъ полковъ лихо атаковалъ и изрубилъ двѣ роты турокъ, а остальныхъ отбросилъ на правый берегъ Евфрата.

14-го іюля итальянская главная квартира извѣщала о томъ, что 13-го іюля на нижнемъ теченіи рѣки Изонцо послѣ весьма успѣшной обычной подготовки артиллерійскимъ огнемъ итальянская пѣхота перешла въ рѣшительное наступленіе и значительно продвинулась впередъ. На лѣвомъ крылѣ къ западу итальянцы захватили большую площадь лѣса Боско дель-Капуччіо. Въ центрѣ они захватили нѣсколько траншей, служившихъ для обороны перевала Санъ-Мартино.

На правомъ крылѣ гора Сеи-Буси нѣсколько разъ переходила изъ рукъ въ руки, и, наконецъ, въ большей своей части осталась за ними. Повсюду развивались ожесточенные бои и главнымъ образомъ въ лѣсу, гдѣ непріятель

сильно укрѣпился и откуда итальянцы принуждены были выбивать его пты-ками. Непріятель пользовался бомбами и гранатами, развивающими удушливые газы, отъ которыхъ французскія войска защищались масками. Къ концу дня ими захвачено было около 1,600 человекъ плѣнными, изъ которыхъ 30 офицеровъ.

14-го іюля французское правительственное сообщеніе гласило: «За бомбардировкой Фюрна къ востоку отъ Дюнкерка послѣдовала съ нашей стороны въ видѣ репрессаліи бомбардировка расположенія германцевъ въ Вестенде и Мидлькеркъ. Пять бомбъ, сброшенныхъ 13-го іюля вечеромъ германскимъ аэропланомъ на Дюнкеркъ, не причинили никакихъ поврежденій. Въ Артуа и въ секторѣ Сушэ происходила артиллерійская стрѣльба и велись въ теченіе части ночи съ 13-го на 14-е іюля бои съ ручными гранатами. Въ Аргоннахъ двѣ попытки германцевъ произвести атаки у Лайона, Винарвиля и Ла-Гаразэ были легко отражены. Въ Вогезахъ намъ удалось 13-го іюля вечеромъ распространить и укрѣпить свои позиціи на вершинѣ Линдскопфъ и занять горный проходъ между Ленжъ и Карьеръ. Непріятель три раза безуспѣшно производилъ контръ-атаки. Германская артиллерія обстрѣливала горный проходъ Шлухтъ. Въ Артуа и въ секторѣ Сушэ бомбардировка въ теченіе дня 14-го іюля возобновилась съ большою силою. Городъ Аррасъ два раза подвергся бомбардировкѣ; возникшій въ немъ пожаръ вскорѣ былъ потушенъ. Одинъ мирный житель убитъ. Отъ рѣки Соммы до рѣки Эна обычныя дѣйствія нашей и непріятельской артиллеріи. Въ Аргоннахъ происходилъ сильный артиллерійскій огонь на всемъ фронтѣ. Въ Эльзасѣ наши войска окончательно захватили сильно укрѣпленныя непріятельскія позиціи, которыя нѣмцы занимали на высотѣ 200 метровъ надъ нашими траншеями на хребтѣ Линдскопфа, Сахратсманелле и Баренкопфа, т.-е. на фронтѣ двухъ километровъ. Эти высоты господствуютъ надъ долиною Фехта, а также надъ большою дорогою къ Нотр-Дамъ-де-Троасени. Мы захватили въ плѣнъ нѣсколько офицеровъ и свыше 100 солдатъ, принадлежащихъ къ пяти различнымъ полкамъ.

Официальное сообщеніе итальянскаго правительства отъ 14-го іюля обрисовало положеніе дѣла на итало-австрійскомъ театрѣ войны въ такомъ видѣ: «Въ долинѣ Даонъ мы окончательно овладѣли высотами на правомъ склонѣ послѣ того, какъ заняли Монте-Лаванешъ и вершину Писсоля. Непріятельская артиллерія съ господствующихъ пунктовъ противоположнаго склона пыталась помѣшать нашей операціи, но безрезультатно. Послѣ долгой подготовки артиллеріею средняго калибра непріятель въ ночь на 13-е іюля отправилъ въ атаку пѣхотныя части, которая, несмотря на поддержку, оказанную многочисленными пулеметами, была отражена. Въ области Монте-Неро продолжаютъ ожесточенные бои, несмотря на туманъ, препятствующій артиллеріи. Въ секторѣ Плавы наши дѣйствія, клонящіяся къ расширенію территории у предмостнаго укрѣпленія, развиваются благопріятно. На Карсо вчера продолжался ожесточенный бой. Вдоль всего фронта наши войска съ большимъ одушевленіемъ и отвагою вели наступленіе и успѣли на своемъ лѣвомъ крылѣ захватить весьма сильную позицію Санъ-Мишель, господствующую надъ большей частью плоскогорья. Но, оказавшись здѣсь подъ перекрестнымъ

ожесточеннымъ огнемъ многочисленныхъ непріятельскихъ батарей всѣхъ калибровъ, наши войска должны были нѣсколько отойти подъ прикрытіе горнаго кряжа, гдѣ удерживаются до сихъ поръ. Въ центрѣ мы продвинулись впередъ въ направленіи перевала Сантъ-Мартино, выбивъ штыками непріятели изъ его траншей и редутовъ. Въ направленіи праваго крыла при наступленіи почти мы съ помощью согласованныхъ пѣхотныхъ и артиллерійскихъ дѣйствій завершили овладѣніе позиціею на Монте-Сеи-Буси, выбивая непріятели шагъ за шагомъ изъ его сильно укрѣпленныхъ позицій. Нами взято около 3,200 плѣнныхъ, изъ которыхъ одинъ подполковникъ и 41 офицеръ. Кромѣ того, нами захвачено 5 пулеметовъ, 2 небольшихъ миномета, большое число ружей, снарядовъ, съѣстныхъ припасовъ и другой военной добычи, являющейся трофеями этого кровопролитнаго дня».

15-го іюля штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣщалъ о томъ, что къ западу и къ югу отъ Митавы 13-го іюля имѣли мѣсто успѣшныя для насъ столкновенія передовыхъ частей. Наступающій отъ Поневѣжа непріятель 13-го іюля былъ задержанъ нашимъ аррьергардомъ у м. Субочъ, причѣмъ огонь нашей тяжелой артиллеріи нанесъ противнику большія потери. На наревскомъ фронтѣ велся сильный артиллерійскій огонь; у Новогрода непріятель продолжалъ пытаться переправиться. У устья рѣки Шквы 14-го іюля ему удалось захватить часть нашихъ окоповъ на лѣвомъ берегу рѣки, но штыковымъ ударомъ непріятель былъ отброшенъ за рѣку.

На лѣвомъ берегу Нарева отъ Доброленки до рѣчки Прутъ велся упорный бой безъ измѣненія линіи фронта. На правомъ берегу Нарева непріятель перешелъ въ наступленіе противъ нашихъ частей, ведшихъ контръ-атаку къ сѣверу отъ Сероцка; у сел. Буды-Обремскія нами отбито 6 атакъ. Между Вепржемъ и Бугомъ въ ночь на 14-е іюля продолжался весьма упорный бой въ районѣ сел. Раколупы — Майданъ-Островскій. Отбивъ три настойчивыя атаки непріятели на высотахъ сѣвернѣ Майдана-Островскаго, наши войска перешли въ наступленіе и, овладѣвъ указаннымъ селеніемъ, захватили до полуторы тысячи плѣнныхъ. На грубешовскомъ правленіи непріятель продолжалъ вести настойчивыя атаки. Сѣвернѣ сел. Степанковице мы отразили съ большими для непріятели потерями три его яростныя попытки прорвать нашъ флангъ. Къ югу отъ Сокала мы успѣшно вели наступленіе противъ переправившихся у Потуржицы непріятельскихъ силъ. Утромъ 14-го іюля наши войска ворвались на высоты непріятельской позиціи и захватили много плѣнныхъ. Непріятель ввелъ новыя силы для контръ-атаки Горячій бой продолжался. На Верхнемъ Бугѣ и верхнемъ теченіи Золотой Липы сильный артиллерійскій огонь и попытки небольшихъ частей противника продвинуться.

На французскомъ фронтѣ, по свѣдѣніямъ отъ 15-го іюля, въ Аргуа, къ сѣверу отъ Сушэ, германцы, послѣ усиленной бомбардировки, ночью съ 14-го на 15-е іюля предприняли въ трехъ различныхъ пунктахъ нѣсколько атакъ на французскія позиціи. Послѣ ожесточеннаго боя они были выбиты изъ траншей, которыя успѣли занять, за исключеніемъ одного пункта, гдѣ удержали за собою 20 метровъ головной части сапы впереди французскаго фронта. 14-го

юля вечеромъ Суассонъ подвергся бомбардировкѣ. Въ Аргоннахъ, въ районѣ Фонтэнъ-о-Шармъ, непріятель произвелъ попытку атаковать французовъ, но былъ отброшенъ къ своимъ траншеямъ ружейнымъ огнемъ. Артиллерійская и минная борьба продолжалась почти на всей линіи фронта.

Ллойдъ-Джорджъ, министръ военныхъ снабженій въ Англии.

На итало-австрійскомъ фронтѣ въ Карниі непріятель, воспользовавшись туманомъ, пытался атаковать итальянскія позиціи у перевала Пассо-Дель-Каччіоторе, между Монте-Кіадонисъ и Монте-Авинца, но былъ быстро отраженъ контръ-атакою итальянцевъ. Итальянскіе альпійскіе стрѣлки произвели атаки на нѣкоторыя непріятельскія траншеи передъ позиціями Паль-Пикколо и овладѣли большею частью ихъ траншей. На Карсо весь день итальян-

янцы были заняты укрѣпленіемъ важныхъ позицій, которыми мы овладѣли 13-го іюля. Въ центрѣ же итальянцы снова продвинулись значительно впередъ путемъ овладѣнія нѣкоторыми непріятельскими окопами, вслѣдствіе чего они могли выполнить свое развертываніе.

16-го іюля штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что на наревскомъ фронтѣ, на которомъ продолжался рядъ упорныхъ боевъ, общая линія фронта за 15-е іюля не измѣнилась. Противникъ понесъ очень большія потери при попыткѣ его артиллеріи утвердиться на лѣвомъ берегу Нарева въ районѣ устья рѣки Шквы. Въ районѣ Рожанъ непріятель значительными силами пытался наступать между Наревомъ и р. Ожъ, однако продвинуться ему не удалось. На р. Прутъ велся сильный огневой бой. На направленіи Сероцкъ—Пултускъ бой на обоихъ берегахъ Нарева имѣлъ встрѣчный характеръ. На лѣвомъ берегу Вислы мы потѣснили передовыя части непріятели на направленіи Гура-Кальварія—Гройцы. Между Вислой и Вепржемъ наблюдалось затишье. Между Верржемъ и Бугомъ непріятель понесъ 14-го іюля огромныя потери у сел. Майданъ-Островскій и къ сѣверу отъ Грубешова, гдѣ на фронтѣ Тяртинъ—Аннополь нами цѣлый день отражались непрерывныя и стремительныя атаки непріятели. 15-го іюля непріятельскія войска вели лишь отдѣльныя частныя атаки на Майданъ-Островскій, а также къ востоку отъ Войславце и у сел. Кулановице. На Бугѣ выше гор. Сокаля мы отразили двѣ атаки австрійцевъ. У Каменки до шести австрійскихъ полковъ постепенно переправились черезъ Бугъ, причеиъ непріятель успѣлъ овладѣть частью нашихъ окоповъ, однако 15-го іюля при попыткѣ продвинуться дальше противникъ въ полномъ безпорядкѣ былъ отброшенъ нашей контръ-атакой за рѣку, при этомъ за сутки у Сокаля и Каменки мы захватили до 1,500 плѣнныхъ.

Въ приморскомъ районѣ кавказскаго фронта происходила перестрѣлка и успѣшныя дѣйствія нашихъ передовыхъ частей. На ольтинскомъ направленіи въ районѣ Аха велась перестрѣлка. На мушскомъ направленіи турки сосредоточили значительныя силы, вслѣдствіе чего наши войска приостановили свое движеніе къ западу и сосредоточились на указанныхъ позиціяхъ

16-го іюля итальянская главная квартира извѣщала о томъ, что въ долинѣ Кордеволе наступленіе итальянцевъ дало имъ возможность значительно продвинуться впередъ и занять склонъ, спускающійся отъ Коль-ди-Рана къ мѣстечку Шиеве-ди-Ливиналлонго. Въ долинѣ Падоло непріятель наступалъ на Уршъ, вдоль большой дороги, но былъ отбитъ, оставивъ нѣсколько человѣкъ плѣнными. Въ Карни дѣйствія итальянской артиллеріи противъ укрѣпленій непріятели продолжались, причеиъ итальянскими снарядами былъ поврежденъ другой куполь на фортѣ Гензель. На Карсо 15-го іюля утромъ непріятель, развернувъ большія силы, при поддержкѣ ожесточеннаго артиллерійскаго огня пытался продвинуться съ очевидной цѣлью отбросить насъ отъ позицій, которыми итальянцы овладѣли въ теченіе предшествующихъ дней. Однако, благодаря энергіи и отвагѣ итальянскихъ войскъ, попытка эта потерпѣла полную неудачу, и непріятель былъ вынужденъ отступить, понесъ весьма серьезныя потери. По показаніямъ плѣнныхъ, эта контръ-атака была пред-

принята свѣжими войсками, только что прибывшими на театр военных дѣйствій. Среди этихъ войскъ находился по крайней мѣрѣ одинъ полкъ альпійскихъ стрѣлковъ, который былъ почти совершенно уничтоженъ. Наступленіе хотя и медленно продолжалось, но за 14-е и 15-е іюля ими въ общемъ взято въ плѣнъ 1,485 человекъ съ 27 офицерами.

На французскомъ фронтѣ минная и артиллерійская борьба продолжалась въ теченіе всей ночи съ 15-го на 16-е іюля. Въ Вогезахъ, близъ Лингенюфа, у занятой позиціи французы подобрали 200 германскихъ труповъ и нашли два пулемета, 200 ружей и большое число боевыхъ припасовъ и военного снаряженія. Въ мѣстности у Баренкофа германцами было оставлено болѣе 400 труповъ.

На фронтѣ отъ моря до Вогезъ день 16-го іюля прошелъ довольно спокойно. Артиллерійскій огонь достигалъ нѣкотораго напряженія только въ секторѣ Сушэ, вокругъ Арраса, у Суассона, въ Аргоннахъ, у укрѣпленія Мари-Терезъ и передъ Фе-ан-Гэ. Въ Вогезахъ у Бандесапта французамъ удалось захватить новую группу домовъ въ юго-западной части Лонуа. Нѣсколько снарядовъ попали въ Сень-Діе и Тань. У Баренкофа германцы пытались вернуть позиціи, которыми французы овладѣли. Предпринятая ими ожесточенная атака была, однако, отражена, и французы удержали за собою всю захваченную ими территорію. Германская батарея, поддерживавшая атаку, попала подъ губительный огонь.

Союзныя войска у Дарданеллъ заняли островъ Митилену.

17-го іюля штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ, что между Нѣманомъ и Двиной 16-го іюля происходили бои передовыхъ частей къ югу отъ Бауска на лѣвомъ берегу рѣки Муши. Въ занѣманскомъ районѣ непріятель велъ вновь въ ночь на 16-ое іюля атаки къ сѣверо-востоку отъ Сувалокъ у с. Клепорейцы. Въ районѣ Ковны его передовыя части, наступая съ юго-запада, подошли къ передовымъ позиціямъ крѣпости. На Наревѣ велся преимущественно огневой бой на прежнемъ фронтѣ. Между с. Каменка на Наревѣ и желѣзной дорогой мы потѣснили германцевъ, а на правомъ берегу Нарева къ сѣверу отъ Сероцка успѣшно отбили нѣсколько ихъ атакъ. На Вислѣ по обѣ стороны устья Радомки непріятель переправилъ на понтонахъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ свои передовыя части на правый берегъ нѣки и пытается навести мосты. Наши войска атаквали переправившіяся части непріятели. Тяжелая артиллерія разбила непріятельскій мостъ у сел. Кобыльница. Между Вислой и Бугомъ 16-го іюля непріятель большими массами велъ атаки по обоимъ берегамъ рѣки Вепржа. На участкѣ Хмѣль—Пяски непріятель былъ отбитъ съ большими потерями, но вдоль лѣваго берега Вепржа послѣ упорнаго боя ему удалось на участкѣ одной дивизіи продвинуться и захватить селеніе Травники, а, затѣмъ, выше названнаго пункта, переправиться на правый берегъ Вепржа. Между Вепржемъ и Бугомъ всѣ настойчивыя атаки непріятели 16-го іюля были нами отражены. На Бугѣ, въ районѣ гор. Сокала, мы выбили непріятели изъ двухъ линій окоповъ и захватили до 1.000 плѣнныхъ съ четырьмя пулеметами. У Каменки успѣшно была отбита атаки австрійцевъ.

Въ Черномъ морѣ наши миноносцы имѣли перестрѣлку съ батареями у го-

рода Шили вблизи Босфора и уничтожили в угольном районѣ одинъ большой грузенный уголь пароходъ и 47 парусныхъ судовъ.

За 14-го іюля въ приморскомъ районѣ кавказскаго фронта сильныя турецкія развѣдочныя партіи пытались проникнуть черезъ наше сторожевое охраненіе, но огнемъ нашимъ были отброшены.

На французскомъ фронтѣ, по свѣдѣніямъ отъ 17-го іюля, въ теченіе ночи съ 16-го на 17-ое іюля и днемъ 17-го іюля продолжалась минная и артиллерійская борьба въ Артуа, между рѣками Уазой и Эномъ, между Бурейль и Вокюа, а также въ Маланкурскомъ лѣсу, въ Вогезахъ на Баренкопфѣ, въ Бельгіи въ окрестностяхъ Сень-Жоржа, на плоскогорьѣ Кеневьеръ и въ Шампани, въ районѣ Оберивъ-сюръ-Сюижъ, въ западной части Аргоннъ и между Маасомъ и Мозелемъ. Въ Лепретрскомъ лѣсу попытка германцевъ атаковать Круа-де-Кармъ была легко отражена. Германскій аэропланъ сбросилъ на Нанси четыре бомбы, не причинившихъ ни потерь людьми, ни поврежденій. 16-го іюля французскіе аэропланы бомбардировали: 1) желѣзную дорогу Ипръ—Рулэ на высотѣ Пашенделя, 2) германскіе бивуаки въ районѣ Лангеваль къ западу отъ Комбля, 3) германскія укрѣпленія на холмѣ Бримонъ около Реймса, 4) военный вокзалъ Бюртекуръ въ Лотарингіи. Въ ночь съ 16-го на 17-ое іюля одинъ изъ французскихъ аэроплановъ бомбардировалъ заводъ, изготовляющій удушливыя газы въ Донранхе въ Эльзасѣ. 17-го іюля небольшой отрядъ бомбардировалъ вокзалъ во Фрейбургѣ. Другой отрядъ, состоящій изъ десяти аэроплановъ и принадлежащій парижскому укрѣпленному лагерю, сбросилъ 44 снаряда на вокзалъ Шони. Отрядъ изъ 45 аэроплановъ 17-го іюля утромъ отправился съ цѣлью совершить набѣгъ на керосиновый заводъ въ Пешельброннѣ, между Хагенау и Висембургомъ. Вслѣдствіе облачности и тумана лишь части аэроплановъ удалось достигнуть цѣли. Въ заводъ въ Пешельброннѣ и его окрестности попало 103 снаряда, кромѣ того, шесть снарядовъ было сброшено на вокзалъ Детвилеръ близъ Фальсбурга и шесть на авіаціонныя ангары въ Фальсбургѣ. Всѣ аэропланы вернулись къ мѣсту своего отправленія.

17-го іюля итальянская главная квартира доносила, что вечеромъ 14-го іюля непріятельская пѣхота, поддержанная пулеметами, атаковала итальянскія позиціи, расположенныя у входа въ Травенамзасскую долину, но, понеся потери, была отбита. 15-го іюля въ долинѣ Санъ-Пеллегрино другой непріятельскій отрядъ пытался внезапно атаковать расположеніе итальянцевъ у Кустобеллы. Итальянскія войска подпустили непріятели на сто метровъ къ своимъ траншеямъ, а затѣмъ внезапнымъ огнемъ отбросили его, захвативъ плѣнныхъ. Въ долинѣ Фелли альпійскія войска заняли, послѣ нѣкотораго сопротивленія, выступы, идущіе съ задняго лѣваго склона этой долины къ Лузницѣ.

На плоскогорьи Карсо 15-го іюля непріятель, послѣ понесенной имъ неудачи, ограничивался въ теченіе всего дня лишь попытками помѣшать движенію итальянцевъ, но не могъ его задержать. Подъ сильнымъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ непріятели итальянцы взяли приступомъ нѣсколько новыхъ траншей. Въ ночь на 16-ое іюля непріятельскіе патрули пытались зажечь лѣсъ Капучіо, гдѣ итальянцы сильно окопались. Однако, благодаря бдительности итальянскихъ часовыхъ, попытка эта не имѣла успѣха. Непріятель пытался

16-го іюля утромъ захватить обратно островъ Пелагосу. Два легкихъ крейсера и шесть контръ-миноносцевъ бомбардировали его съ моря въ то время, какъ морской отрядъ высаживался на берегъ. Нападеніе было отражено съ потерями для непріятеля, причѣмъ нѣкоторымъ австрійцамъ пришлось возвращаться вплавъ на свои контръ-миноносцы. Со стороны итальянцевъ было всего двое раненыхъ.

18-го іюля штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ о томъ, что между Двиной и Нѣманомъ въ ночь на 17-ое іюля утромъ того же дня германцы вели безуспѣшныя атаки на Ваускъ. Южнѣе на фронтѣ южнѣе на фронтѣ Константиново—Кринчинъ—Субочъ—Трашкуну мы потѣснили ихъ передовыя части. Къ западу отъ Ковны вечеромъ 16-го іюля дружнымъ штыковымъ ударомъ мы выбили непріятеля съ нѣсколькихъ позицій, захваченнымъ имъ поутру. На Наревѣ 17-го іюля непріятель небольшими силами продолжалъ попытки переправиться на лѣвый берегъ рѣки близъ устья Шквы, а къ востоку отъ Рожанъ велъ атаки частнаго характера въ районѣ сел. Жабинъ—Рембише. Мы сохранили прежній фронтъ. На лѣвомъ берегу Вислы 17-го іюля мы отразили атаку непріятеля къ сѣверо-западу отъ Блоне. Непріятельскія войска, переправившіяся на фронтѣ Магнушевъ—Козенице черезъ Вислу, были нами въ теченіе того же дня энергично атакованы. На участкѣ ниже устья Радомирки непріятель выбитъ изъ лѣсовъ праваго берега и отброшенъ на острова и отмели Вислы. Выше по Вислѣ непріятель удерживается въ районѣ посада Мацевеице. Между Вислой и Бугомъ нашимъ войскамъ въ ночь на 17-го іюля было указано перейти на подготовленныя въ тылу позиціи. Противникъ не препятствовалъ занятію нами новаго фронта, на коемъ 17-го іюля наши войска устраивались безъ боя. Городъ Люблинъ и участокъ желѣзной дороги между станціями Новая Александрія и Реіовець нами оставлены. На Бугѣ наши войска продолжали выбивать непріятеля съ нѣкоторыхъ участковъ его позицій къ югу отъ гор. Сокаля. Непріятель, по свидѣтельству плѣнныхъ, понесъ здѣсь въ теченіе послѣднихъ дней тяжелыя потери.

На ольгинскомъ направленіи кавказскаго фронта наши развѣдчики атаковали турецкіе посты на перевалѣ Гюлли—Багдадъ и многихъ перекололи.

18-го іюля французское правительство увѣдомляло, что германскіе аэропланы бомбардировали Сень-Поль-сюр-Меръ, не причинивъ никакихъ поврежденій, и Гравелинъ, гдѣ былъ убитъ ребенокъ. Въ Артуа, вокругъ Сушэ и Лабиринта, продолжалась ружейная и артиллерійская стрѣльба съ перерывами въ продолженіе всей ночи съ 17-го на 18-ое іюля. Пѣхотныхъ операций не было. Въ Аргоннахъ, на перекресткѣ дороги Сервонъ, Багатель и Лайонъ-де-Бинарвилль германцами была взорвана мина, вслѣдъ за чѣмъ завязался бой, во время котораго французамъ удалось занять произведенную взрывомъ воронку.

Нѣсколько бомбъ, сброшенныхъ непріятельскими аэропланами на Нанси, причинили незначительный матеріальный ущербъ. Одинъ изъ германскихъ аппаратовъ, подстрѣленный французской артиллеріей, на возвратномъ пути вынужденъ былъ снизиться между французскими и германскими линіями. Германскимъ авиаторамъ, находившимся на этомъ аппаратѣ, удалось скрыться,

самый же аппарат был доставлен к траншеям французов. перевал Плухт подвергся бомбардировкѣ.

Германскими аэропланами сброшено на Дюнкеркѣ нѣсколько бомбъ, причинивших незначительный вредъ. Въ Артуа, отъ Ангра и до Арраса, происходила обычная артиллерійская перестрѣлка. Германцами изъ дальнѣйшаго орудія было выпущено девять снарядовъ по Компьену.

Въ Аргоннахъ, въ области Фонтень-о-Шармъ и Фуръ-де-Пари, съ нашей стороны и со стороны противника происходилъ артиллерійскій обстрѣлъ окоповъ. Въ Лепретрскомъ лѣсу также была оживленная канонада. Въ Вогезахъ непріятель бомбардировалъ позиціи французовъ у высоты 627, у Ла-Фонтенель и у деревни Мецераль. Утромъ 18 іюля семь французскихъ аэроплановъ бомбардировали вокзалъ и заводы аэроплановъ въ Фрибургенъ-Бристгау. Одинъ изъ французскихъ аэроплановъ на обратномъ пути вынужденъ былъ слѣдствіемъ поломки мотора въ предѣлахъ непріятельскаго расположенія.

18-го іюля донесеніе итальянской главной квартиры гласило:

«На плоскогорьѣ Камоника въ ночь на 17-ое іюля непріятель возобновилъ потерпѣвшее неудачу 2-го іюля наступленіе противъ нашихъ позицій близъ Рефуджіо-Гарибальди и былъ отраженъ нашими аванпостами. Въ ту же ночь въ Карниі непріятельскіе отряды дважды пытались атаковать гору Фрейкофель, но оба раза были отражены. Въ теченіе дня наша пѣхота, усгѣбно поддержанная артиллеріей, предприняла въ области Паль-Пикколо отважное наступленіе, результатомъ котораго явилось овладѣніе сильной линіей австрійскихъ окоповъ. Непріятель понесъ при этомъ весьма тяжелыя потери, оставивъ въ нашихъ рукахъ нѣсколько человекъ плѣнными. Вечеромъ непріятель, получивъ подкрѣпленія, предпринялъ контръ-атаку въ направленіи небольшого холма у Паль-Пикколо, но снова былъ отбитъ съ тяжелыми потерями. На Изонцо операциі, клонящіяся къ расширенію территоріи у предмостнаго укрѣпленія Плавы, развивались успѣшно. Послѣ того, какъ нами была разрушена обширная площадь проволочныхъ загражденій, мы расширили занятую нами территорію къ юго-востоку вдоль склоновъ горы Кукъ и въ окрестностяхъ Загоры. Въ Карсо продвиженію впередъ нашихъ войскъ препятствуетъ въ настоящій моментъ вторая линія укрѣпленій, возведенныхъ непріятелемъ къ востоку отъ тѣхъ, которыя сооружены недавно нами. Вчера послѣ успѣшной артиллерійской подготовки мы предприняли новую атаку на эту линію и значительно продвинулись впередъ, въ особенности въ центрѣ, гдѣ нашими войсками захвачено нѣсколько окоповъ и взято въ плѣнъ 334 человекъ, изъ которыхъ 15 офицеровъ. Кромѣ того, нами захвачены три пулемета, большое число ружей и боевыхъ припасовъ».

Французская подводная лодка разрушила выпущенной миной большой Галатскій мостъ въ Константинополѣ.

19-го іюля, въ день годовщины объявленія войны, Государь Императоръ далъ слѣдующій приказъ по арміи и флоту:

Годъ тому назадъ Германія и Австро-Венгрія, а затѣмъ и Турція подняли оружіе противъ Россіи и направили полчища свои въ предѣлы Отечества нашего.

Доблестныя войска Арміи и Флота! Ровно годъ вы призваны къ защитѣ чести Россіи и благосостоянія мирнаго населенія Родины нашей. Въ теченіе этого года вы явили издревне присущія вамъ доблесть и мужествѣ, покрыли знамена свои новой славою и многія тысячи лучшихъ сыновъ Родины запечатлѣли жизнью своею преданность правому дѣлу Россіи. Подготовлявшіеся въ теченіе десятилѣтій въ вторженію въ Отечество наше, враги не сокрушили мощи вашей и, попирая существующіе законы войны, разбиваютъ полки свои о гранитную твердость русскаго солдата.

Съ гордостью и умиленіемъ взираетъ на васъ все Отечество наше и съ глубокой благодарностью къ подвигамъ вашимъ относятся вѣрные союзники Россіи.

Несмотря однако на всю проявленную вами безпримѣрную доблесть, силы врага не сокрушены и много усилій и упорства потребуется еще, чтобы вновь вернуть Россіи блага мирной жизни. Да не сокрушаются сердца ваши и да не падетъ духъ вашъ передъ предстоящими новыми испытаніями и новыми жертвами. Въ неисповѣдимой мудрости своей Господу Богу неоднократно угодно было ниспосылать Отечеству нашему тяжкія испытанія, и каждый разъ выходило оно изъ борьбы съ новою силою и съ новою мощью.

Вѣрные долгу своему и охваченные однимъ общимъ чувствомъ, всѣ истинные сыны Россіи встали нынѣ, чтобы въ духовной связи съ вами содѣйствовать достиженію предстоящей задачи и облегчить вамъ помощью своею трудное дѣло одолѣнія врага.

Съ непоколебимою вѣрою и твердою надеждою въ благопріятный исходъ тяжелой борьбы взираетъ на насъ вмѣстѣ со Мною вся Россія и призываетъ благословеніе Божіе на предстоящіе вамъ многіе, тяжелые, но и славные ратные подвиги.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ».

Царское Село.

19-го іюля состоялось открытіе засѣданій Государственнаго Совѣта и Государственной Думы.

19-го іюля штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что на рѣкѣ Аа Курляндской ниже Бауска 17-го и 18-го іюля мы вели упорный бой съ германцами; послѣ многихъ безуспѣшныхъ попытокъ непріятелю съ большими потерями удалось закрѣпиться на правомъ берегу рѣки у мызы Юнгфернгофъ. На путяхъ къ Поневѣжу наши войска у сел. Даршишки опрокинули наступавшую германскую колонну, а въ районѣ сел. Бутяны и Тылтаголы отбросили непріятельскій авангардъ, причемъ нами взято нѣсколько сотъ плѣнныхъ германцевъ и пулеметы. Непріятельскіе окопы, перешедшіе въ наши руки, были полны его убитыми. На наревскомъ фронтѣ непріятель въ ночь на 18-ое іюля велъ атаки на восточномъ берегу рѣки Писсы у сел. Серватки и близъ устья Шквы, причемъ на второмъ изъ названныхъ участковъ ему удалось въ началѣ распространиться по лѣвому берегу Нарева, но затѣмъ нашей энергичной шты-

ковой контръ-атакой онъ былъ отброшенъ и отхлынулъ къ самому руслу рѣки. Въ ту же ночь непріятель весьма значительными силами развивалъ наступленіе на рожанскомъ участкѣ на наши позиціи между Наревомъ и рѣкой Ожъ, а также вдоль послѣдней. 18-го іюля здѣсь шелъ крайне напряженный бой; непріятель широко примѣнялъ снаряды съ удушливымъ газомъ. Послѣ многихъ ожесточенныхъ штыковыхъ боевъ германцамъ удалось нѣсколько продвинуться на фронтѣ Каменка—Жабинь, южнѣе на рѣкѣ Ожъ непріятелю также удалось первоначально захватить нашу линію окоповъ, но затѣмъ доблестными штыковыми ударами мы отбросили его на этомъ участкѣ въ исходное положеніе. Бой былъ очень кровопролитенъ, и непріятель понесъ большую убыль, причѣмъ во время контръ-атакъ нами было взято до 1.000 плѣнныхъ германцевъ и захвачена непріятельская батарея. На нѣкоторыхъ участкахъ наревскаго фронта непріятель въ теченіе послѣднихъ дней вводилъ въ бой свѣжія войска, впервые появившіяся противъ насъ. На лѣвомъ берегу Вислы на фронтѣ Блоне—Надаржинь происходила перестрѣлка. На правомъ берегу Вислы утромъ 18-го іюля велся упорный встрѣчный бой съ переправившимися непріятельскими частями на прежнемъ фронтѣ Маціевце—Кобыльница. Атака противника у Гнѣвашева въ районѣ Ивангорода была нами отражена. Между Вислой и Бугомъ непріятель 18-го іюля безуспѣшно велъ энергичныя атаки на наши позиціи между рѣкой Вепржемъ и райономъ станціи Реіовець. Между гор. Холмомъ и рѣкой Бугомъ наши войска, подъ натискомъ превосходныхъ силъ непріятеля, послѣ упорнаго боя отошли нѣсколько на сѣверъ.

На французскомъ фронтѣ, по извѣстіямъ отъ 19-го іюля, въ Артуа вокругъ Сушэ попытка германцевъ произвести атаку ночью съ 18-го на 19-ое іюля при помощи гранатъ была легко отражена французами. Въ Эльзасѣ непріятель безуспѣшно атаковалъ позиціи на Шрацменеле и Рейхаклеркопфѣ, но потерпѣлъ довольно чувствительныя потери. 18-го іюля французскіе аэропланы сбросили 30 снарядовъ на авіаціонный лагерь Дальхеймъ близъ Моранжъ и шесть снарядовъ на военный поѣздъ близъ Шато-Салэнъ. Днемъ 19-го іюля шелъ артиллерійскій бой средняго напряженія въ Артуа и долину р. Эна и болѣе ожесточенный къ сѣверо-западу отъ Реймса, въ районѣ фермы Люксембургъ, между Коруа и Луавромъ, и въ западной части Аргоннъ въ районѣ Фонтень-о-Шармъ и высоты «213». Между рѣками Маасомъ и Мозелемъ, въ районѣ Лагэ германскій батальонъ, застигнутый въ деревнѣ Вильсэ-сюръ-Трѣ въ тотъ моментъ, когда части его собирались, подвергся очень успѣшному огню нѣсколькихъ французскихъ батарей. Понтъ-а-Муссонъ и деревня Медьеръ подверглись бомбардировкѣ, но матеріальный ущербъ незначительный. Германскіе аэропланы сбросили на плоскогорье Мальзевиль, близъ Нанси, 20 снарядовъ, не причинившихъ ни потерь людскими, ни матеріальнаго ущерба.

19-го іюля фельдмаршалъ Френчъ доносилъ, что бой 17-го іюля послѣ первой германской атаки привелъ къ отобранію у непріятеля части захваченныхъ имъ траншей къ востоку отъ Гоожа. 18-го іюля главнымъ образомъ происходилъ артиллерійскій бой, но вечеромъ англійскія войска съ успѣхомъ отразили двѣ атаки пѣхоты. 19-го іюля дѣйствій пѣхоты не было.

На итало-австрійскомъ фронтѣ, въ долину Санъ-Пеллегрино, по извѣстіямъ

итальянской главной квартиры от 19-го июля, неприятель 17-го июля возобновилъ съ большими силами атаку, не удавшуюся ему 15-го июля противъ позиціи итальянцевъ у Костабелла. Несмотря на поддержку артиллеріи, расположенной на сосѣднемъ холмѣ Омбертъ, неприятельскія колонны были и на этотъ разъ совершенно отражены. Нѣсколько съверше, въ районѣ Ливиналлонго, отряды

Герой войны.

Капитанъ 2-го ранга П. Н. Черкасовъ, командиръ «Сивуча», погибшій вмѣстѣ со своимъ кораблемъ въ бою съ германскимъ флотомъ въ Рижскомъ заливѣ.

неприятельской пѣхоты пытались ночью 16-го июля, путемъ внезапнаго нападенія, овладѣть вершинами Пеской и Сассо-ди-Меццоли. Итальянцамъ удалось ихъ разсѣять. Въ Карніи итальянскія войска произвели 17-го трудную операцію вытѣсненія неприятеля съ Форцеллы, а также съ вершины восточнаго Пиццо, въ Верхней Доньѣ. Операція эта выполнена была успѣшно, благодаря удачному комбинированію фронтальной атаки, направленной отъ Грануды по склонамъ

«истор. вѣстн.», октябрь 1915 г., т. сѣш.

II

Пиццо противъ Форцеллы, съ диверсіей, произведенной одной изъ итальянскихъ колоннъ, которая двигалась изъ Форцеллы-ди-Біелита по направленію къ Лузницѣ, расположенной въ долинѣ Фолла.

Итальянская пѣхота храбро овладѣла траншеями у Форцеллы, удаливъ оттуда непріятеля штыковымъ ударомъ, причѣмъ взяли въ плѣнъ 107 человекъ, въ томъ числѣ 7 офицеровъ. Благополучному исходу предпріятія содѣйствовала энергичная и точная стрѣльба изъ итальянскихъ тяжелыхъ орудій. Сначала были разрушены непріятельскія траншеи, а затѣмъ продольнымъ огнемъ воспрепятствовали подходу подкрѣпленій. На Карсо непріятель въ ночь на 19-го іюля произвелъ энергичную атаку противъ праваго крыла итальянскихъ войскъ въ районѣ Монто-Сеи-Буси, однако былъ отброшенъ съ большими потерями. Большая непріятельская колонна, шедшая отъ Дуино по направленію къ Добердо, была обнаружена итальянскими развѣдчиками и подверглась энергичному обстрѣлу со стороны итальянской тяжелой артиллеріи, которая и разсѣяла ее, нанеся ей большой уронъ. Днемъ 19-го іюля наступленіе итальянцевъ вдоль фронта продолжалось, причѣмъ ими захвачены были еще другія траншеи и взято 348 плѣнныхъ, въ томъ числѣ 14 офицеровъ.

20-го іюля штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что въ Балтійскомъ морѣ англійская подводная лодка потопила большой германскій транспортъ. Въ районѣ Митавы и Бауска утромъ 19-го іюля не произошло существенныхъ переменъ. Къ востоку отъ Поневѣжа вечеромъ 18-го іюля мы продолжали тѣснить непріятельскіе авангарды и дополнительно захватили въ плѣнъ свыше 500 германцевъ съ 6 офицерами и 6 пулеметами. 19-го іюля германцы, двинувъ на поддержку свои главныя силы, сдѣлали попытку перейти въ наступленіе, почему бои приобрѣли въ этомъ районѣ встрѣчный характеръ.

На наревскомъ фронтѣ непріятелю 19-го іюля послѣ многодневныхъ упорныхъ боевъ удалось продвинуться къ правому берегу Нарева. Вблизи устья Писсы въ рожанскомъ районѣ имъ сосредоточены весьма значительныя силы, которыя 19-го іюля продолжали вести атаки въ направленіи на участокъ желѣзной дороги къ югу отъ станціи Остроленки до сел. Кобылинъ включительно. Бой здѣсь сохранялъ по прежнему чрезвычайно ожесточенный и кровопролитный характеръ. На фронтѣ Вислы 19-го іюля продолжались успѣшныя для насъ стычки къ сѣверо-западу отъ Блоне и къ югу отъ Гуры-Кальваріи; переправившіяся черезъ Вислу у Магнушева и Рычивола непріятельскія части отгѣснены къ рѣкѣ; въ районѣ Маціевице непріятель энергичными атаками стремится распространить свое расположеніе, но въ теченіе 19-го іюля бой велся приблизительно на прежнемъ фронтѣ. Въ районѣ ивангородской переправы вечеромъ 19-го іюля, послѣ упорнаго боя, наши войска на лѣвомъ берегу Вислы стянулись въ болѣе сосредоточенное положеніе. Между Вислой и Бугомъ продолжались упорные бои на любартовскомъ направленіи, на фронтѣ отъ Маркушева до Быстрицы, а также по обоимъ берегамъ Вепржа и въ районѣ шоссе Травники—Влодава, причѣмъ 19-го іюля всѣ атаки непріятеля нами отбиты. На участкѣ лѣваго берега Буга наши войска расположились на новомъ фронтѣ нѣсколько сѣвернѣе Холма безъ помѣхи со стороны непріятеля.

Въ Черномъ морѣ наши миноносцы въ угольномъ районѣ сожгли складъ угля и уничтожили 10 груженныхъ парусныхъ судовъ. У береговъ Анатолиі наши миноносцы уничтожили свыше 200 парусныхъ судовъ, занимавшихся перевозкой угля и военныхъ запасовъ, а также три эллинга для постройки такихъ судовъ. Находившіеся на нѣкоторыхъ судахъ боевые запасы конфискованы.

20-го іюля французское правительство увѣдомило о томъ, что вечеромъ 19-го іюля и въ ночь съ 19-го на 20-ое іюля были стычки пѣхотныхъ частей. Въ Артуа послѣ того, какъ было отражено нѣсколько германскихъ атакъ при помощи ручныхъ гранатъ, французы овладѣли частью окопа по дорогѣ Абленъ—Ангръ къ сѣверу отъ большого поссе Бетюнъ—Аррасъ.

Въ Шампани на фронтѣ Перть—Боссежуръ происходила минная борьба, въ которой французы одержали верхъ. Въ Аргоннахъ, въ области Мари-Терезъ и Сентъ-Юберъ, послѣ ожесточеннаго боя ручными бомбами, германцы пытались произвести нѣсколько атакъ, которыя были отбиты. На правомъ берегу Мааса между Эпаржемъ и Калонской траншеей непріятель трижды атаковалъ французскія позиціи у Бли. Артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ французы, однако, остановили атаки. Понтъ-а-Муссонъ и селенія Медьеръ и Манонкуръ-сюръ-Селль подверглись бомбардировкѣ зажигательными снарядами.

Въ Артуа и въ долинѣ Эна происходила менѣе оживленная артиллерійская перестрѣлка. Въ Аррасъ и Суассонъ попало нѣсколько снарядовъ. Въ Аргоннахъ происходили значительныя дѣйствія пѣхоты. Къ концу ночи съ 19-го на 20-ое іюля въ области возвышенности 213 германцы овладѣли одной изъ французскихъ траншей, которая контръ-атакою французскихъ войскъ была частью отбита. Въ теченіе дня 20-го іюля, пользуясь горючею жидкостью, непріятель повелъ энергичную атаку на французскія траншеи въ области Мари-Терезъ, причѣмъ ему удалось укрѣпиться въ одной изъ нихъ. Французы тотчасъ же произвели контръ-атаку и вновь овладѣли большею частью уступленной территоріи. На правомъ берегу Мааса и въ Веврѣ происходила обычная орудіяная перестрѣлка, болѣе интенсивная въ окрестностяхъ Шамплонъ. Въ Вогезахъ 19-го іюля вечеромъ произошелъ рядъ боевъ передъ позиціями, которыя французы завоевали на высотахъ Ленжъ, у Шрацменелле и Баренкопфа. Они овладѣли нѣсколькими германскими траншеями, нанеся непріятелю тяжелыя потери и взявъ въ плѣнъ 50 солдатъ изъ состава двухъ различныхъ полковъ.

Донесеніе итальянской главной квартиры отъ 20-го іюля гласило: «Наши гидропланы вечеромъ 18-го іюля совершили новый воздушный набѣгъ на Риву, сбросивъ успѣшно нѣсколько бомбъ и благополучно ускользнувъ отъ сильнаго ружейнаго обстрѣла непріятеля. Наша тяжелая артиллерія успѣшно обстрѣливала вокзалъ Роверетто, гдѣ нашими наблюдателями замѣчено было прибытіе поѣздовъ съ войсками. Въ долинѣ Кадора густой туманъ, окутывавшій мѣстность въ послѣдніе 10 дней, разсѣялся, и мы съ новой энергіей начали обстрѣлъ и разрушеніе загражденій въ верхней части Кордеволе и въ верхнемъ теченіи Бойтѣ, Ландрэ и Секстанъ. Въ Карниі мы можемъ отмѣтить новый блестящій успѣхъ нашихъ войскъ, завершившійся занятіемъ Монте-Медетта въ сѣверо-востоку отъ Чима Гуастальтра, гдѣ непріятель сильно укрѣпился и располагалъ находившимися поблизости батареями. Эта операція была чрезвычайно

затруднительной вследствие условий местности. Доступъ на вершину представлялъ собою крутой подъемъ. Послѣ долгой борьбы съ различными препятствіями наши альпійскія войска, поддержанныя успѣшной и мѣткой артиллерійской стрѣльбой изъ орудій, поставленныхъ позади, съ большой отвагой и мужествомъ выбили неприятеля, который, получивъ подкрѣпленія, предпринялъ вслѣдъ за тѣмъ ожесточенныя контръ-атаки, и только къ вечеру вершина, изъ-за которой шель бой, оказалась прочно закрѣпленной за нами. На плоскогорьѣ Карсо неприятель послѣ дѣлаго ряда демонстративныхъ операцій, произведенныхъ имъ въ ночь на 18-го іюля и имѣвшихъ цѣлью отвлечь наше вниманіе, на разсвѣтѣ предпринялъ большими силами наступленіе противъ нашей позиціи на Монте-Сей-Буси. Остановивъ огнемъ атакующихъ, наша пѣхота перешла въ отважное наступленіе, направивъ ударъ на фронтъ и флангъ противника, который былъ приведенъ въ замѣшательство и обращенъ въ бѣгство. Около 150 плѣнныхъ, изъ которыхъ 6 офицеровъ, остались въ нашихъ рукахъ. По ихъ показаніямъ, эта атака была предпринята избранными войсками, причемъ полкъ императорскихъ егерей, только недавно прибывшій на этотъ фронтъ, былъ почти совершенно уничтоженъ».

20-го іюля великобританское адмиралтейство извѣстило: «Англійская подводная лодка потопила 13-го іюля у береговъ Германіи германскій контръ-миноносецъ. Англійская подводная лодка потопила въ Мраморномъ морѣ другой небольшой пароходъ, въ 3,000 тоннъ водоизмѣщенія, выпустила мину въ шаланду, которой повредила константинопольскую набережную, и бомбардировала пороховой складъ и желѣзную дорогу».

21-го іюля штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что наши гидропланы атаковали у Виндавы стоявшее тамъ посыльное судно и заставили его выброститься на берегъ. Ими же были атакованы и принуждены къ отступленію неприятельскій цеппелинъ и два гидроплана, изъ коихъ одинъ сбитъ. На рижскомъ направленіи наши войска отошли за рѣку Экау.

Къ востоку отъ Поневѣжа 19-го и 20-го іюля продолжались упорные бои. Къ западу отъ Ковны участились стычки. На Наревѣ неприятель велъ настойчивыя атаки у устья Шквы, гдѣ наши окопы переходятъ изъ рукъ въ руки и дѣло нерѣдко доходитъ до штыковъ. Упорный бой продолжался на лѣвомъ берегу Нарева, къ сѣверо-востоку отъ Рожанъ, на участкѣ Дзевенинъ—Бжезно, гдѣ неприятелю каждый шагъ впередъ дается цѣной огромныхъ потерь и усилій. На Н. Наревѣ и на лѣвомъ берегу Вислы 20-го іюля велась только перестрѣлка. Переправившіяся черезъ Вислу германскія части послѣ весьма упорнаго боя вечеромъ 19-го іюля захватили часть большого лѣса сѣвернѣ Маціевце и распространились на болѣе значительномъ пространствѣ. Между Вислой и Бугомъ неприятель велъ атаки въ районѣ п. Куровъ и къ сѣверу отъ Люблина, гдѣ былъ отбитъ нами съ большими для него потерями, а также по обѣ сторонѣ шоссе Травники—Влодава. Неприятелю удалось нѣсколько продвинуться на нижнемъ теченіи рѣки Свинки. На Бугѣ, Золотой-Липѣ и Днѣстрѣ безъ перемѣнъ. Между Днѣстромъ и Бугомъ была отбита слабая атака неприятеля.

На Черномъ морѣ наши миноносцы обыскали все побережье Анатолиі, причемъ ими уничтожено свыше 450 парусныхъ судовъ и четыре верфи

для их постройки. Командиры судов, захваченных в море, взяты в плен.

На ольгинском направлении кавказского фронта у Аркина наши разведчики сбили турецкий пост. По всему фронту были столкновения наших разведчиков с турецкими передовыми частями. В саракмышском направлении во время воздушной разведки один из наших летчиков бросил бомбы в большой лагерь турок, приведши их в разстройство. На алашкертском направлении происходили аррьергардные бои.

На французском фронте, по сведениям от 21-го июля, в Артуа в округе Суэ происходили в течение части ночи с 20-го на 21-ое июля оживленные бои с применением гранат и петард. В равнине Кеневьер и в долине реки Эна велись довольно ожесточенные артиллерийские бои, причем подвергся бомбардировке Суассон. В Аргоннах, в секторе Сент-Юбер—Мари-Терез—Фонтен-о-Шарм, у высоты 213 сражение продолжалось и ночью. Германцы произвели несколько атак, однако не имели никакого успеха. В Эпарже происходила довольно энергичная бомбардировка. В Вогезах неприятель произвел в ночь на 20-ое июля атаку против французских позиций у Ленжа и три атаки против позиций у Баренкофа. Эти ожесточенные атаки были отражены французами.

В продолжение всего дня 21-го июля в Аргоннах происходил очень оживленный бой с помощью ручных гранат в западной части леса, до района Сент-Юбера. Оживленная бомбардировка происходила в Апремонском лесу и в Бандесапте.

21-го июля итальянская главная квартира известила:

«В долине Кадора нами продолжается успешный обстрел и разрушение укрепленных неприятельских позиций. В Карни 19-го июля неприятель пытался предпринять контр-наступление против вершины Медетта, захваченной нами 17-го июля, но был отражен с большими для него потерями. 20-го июля неприятель под прикрытием тумана атаковал врасплох наши позиции, идущие от Скарница до Монте-Квестальта, но также был отражен. По дополнительным сведениям, 17-го июля перед Форчеллой неприятелем на месте боя было оставлено, кроме 100 трупов, около 200 ружей, много боевых припасов, а, кроме того, нами взято около двух десятков пленных. В следующие два дня неприятельская артиллерия, находившаяся в окрестностях Мальборгето, продолжительное время обстреливала Форчеллу, пользуясь также снарядами с удушливыми газами. Однако наша артиллерия быстро привела к молчанию неприятельские орудия. На Карсо, в ночь на 20-ое июля неприятель возобновил ожесточенные атаки против нашего правого крыла в области Монте-Сеи-Буси, предварительно предприняв демонстративные действия против левого крыла. Однако все его усилия разбились о наше стойкое сопротивление. Вчерашний день мы продолжали наше наступление, продвинувшись значительно в направлении центра. На правом крыле продолжается упорный, тяжелый бой за расширение занятой нами территории у Монте-Сеи-Буси. Нами захвачено 345 пленных, из которых 3 офицера».

22-го іюля штабъ верховнаго главнокомандующаго допосылъ: На направленіи Баускъ—Рига 21-го іюля бои велись на рѣкѣ Миссѣ. Къ востоку отъ Поневѣжа германцы, собравъ свои силы, продолжали вести встрѣчное наступленіе, бои въ этомъ районѣ развивались послѣдніе дни съ переменнымъ успѣхомъ. На Наревѣ 21-го іюля мы отражали настойчивыя атаки непріятеля на направленіи Кольно—Ломжа, а близъ устья Шквы и на остроленскомъ участкѣ наши войска съ упорнымъ боемъ отходили на новый фронтъ. На Вислѣ наши войска, въ соотвѣтствіи съ полученными ими распоряженіями, перешли съ линіи Блоне—Надаржинъ на варшавскую позицію. Передвиженіе это выполнено безъ помѣхи со стороны противника. Германскія войска, переправившіяся въ теченіе предшествовавшихъ дней черезъ Вислу у Маціевце, 20-го іюля вели крупными силами рядъ безуспѣшныхъ атакъ, тщетно стремясь къ дальнѣйшему расширенію занятого ими района. Въ районѣ Ивангородской переправы наши войска, въ соотвѣтствіи съ намѣченнымъ образомъ дѣйствій, постепенно сокращаютъ на лѣвомъ берегу Вислы свой фронтъ. Между Вислой и Бугомъ бои продолжаются. На правомъ берегу Вепржа у озера Дратовъ къ сѣверо-востоку отъ с. Ленчна и на шоссе отъ Холма во Влодаву, въ районѣ Горы Лысой, 21-го іюля непріятель производилъ крупными силами попытки прорвать нашъ фронтъ, бой здѣсь достигъ почти невиданнаго еще ожесточенія. Особенно отличались 42-я пѣхотная дивизія, поддержанная 19-мъ Костромскимъ полкомъ, и 18-я и 70-я дивизіи. Въ теченіе цѣлаго дня градъ непріятельскихъ снарядовъ засыпалъ ихъ окопы, но эти части стойко держались, находя укрытіе въ воронкахъ отъ непріятельскихъ снарядовъ, и упорно отражали натискъ большихъ силъ непріятеля, затѣмъ съ наступленіемъ темноты онѣ перешли въ стремительное наступленіе и опрокинули густыя массы германцевъ, кои были обращены въ безпорядочное отступленіе. При контръ-ударѣ на холмскомъ направленіи успѣху въ большой мѣрѣ содѣйствовали боевые автомобили.

Морской генеральный штабъ опубликовалъ слѣдующее заявленіе:

Успѣшность нашихъ военно-морскихъ операцій, предпринятыхъ для осуществленія контроля на путяхъ Чернаго моря, вызвала германское официальное сообщеніе, въ которомъ командиры русскихъ судовъ обвиняются въ примѣненіи варварскихъ пріемовъ войны. Указывая, что уничтожаемая турецкія суда вовсе не занимаются перевозкой грузовъ, служащихъ для цѣлей войны, германское сообщеніе утверждаетъ, что разстрѣливаютъ и топятъ торговыя суда безъ предварительнаго осмотра, опроса или предупрежденія, причемъ той же участи подвергаютъ и личный составъ этихъ судовъ.

Невзирая на то, что такое сообщеніе исходитъ отъ правительства страны, которая, ведя войну, систематически, упорно и настойчиво нарушаетъ сама передъ глазами цѣлаго міра законы не только международные, но и общечеловѣческіе, морской генеральный штабъ все-таки почитаетъ нужнымъ выступить съ опроверженіемъ и рѣшительно заявляетъ, что все содержаніе германскаго сообщенія представляетъ собою сплошную неправду.

Наши миноносцы и подводныя лодки дѣйствительно топятъ турецкія суда, занимающіяся транспортной службой вдоль турецкаго побережья, такъ какъ суда эти перевозятъ уголь, керосинъ, съѣстные припасы и боевое снабженіе непріятеля. Конфискованные артиллерійскіе снаряды были доставлены въ Севастополь и такимъ образомъ являются вещественнымъ доказательствомъ лживости германскаго сообщенія въ

той его части, которая утверждаетъ, что турецкія суда не занимаются перевозкой военныхъ грузовъ.

По показаніямъ плѣнныхъ грековъ, снимаемыхъ нами съ этихъ судовъ, турецкіи власти силой и угрозами заставляютъ ихъ служить на шхунахъ, занятыхъ перевозкой военной контрабанды, причемъ для наблюденія за ними на судно обычно назначается турецкій капитанъ. Матросы этихъ судовъ, какъ греческой, такъ и турецкой національности, по особому распоряженію не были призваны на военную службу и остаются для комплектованія пловучихъ средствъ—транспорта военныхъ грузовъ снабженія на Черномъ морѣ.

Тѣмъ не менѣе, уничтожая турецкія суда, нашъ флотъ неизмѣнно принимаетъ всѣ возможные мѣры къ спасенію непріятельскаго личнаго состава; потребовавъ остановки шхуны, русскіе командиры прибѣгаютъ къ выстрѣламъ лишь въ случаѣ неповиновенія; при этомъ личный составъ уничтожаемаго судна всегда предварительно снимается; во многихъ случаяхъ матросы-греки сами на своихъ шлюпкахъ снѣшатъ перебраться на русское судно; что касается матросовъ-турокъ, то послѣдніе, если шхуна уничтожается въ виду берега, часто пытаются достигнуть берега вплавъ съ цѣлью набѣжать плѣна; эти спасавшіеся люди ни разу и ни при какихъ обстоятельствахъ нами не разстрѣливались. Всѣ сдавшіеся непріятельскіе моряки обязательно принимаются на наши суда и доставляются въ Севастополь. Это дѣлаютъ и подводныя лодки, несмотря на неудобство для нихъ брать къ себѣ лишніе люди. Сіе правило соблюдалось даже въ случаяхъ предательства, каковыя бывали неоднократно, когда экипажъ турецкаго судна подпускалъ къ себѣ лодку яко бы съ намѣреніемъ сдаться, а на близкомъ разстояніи открывалъ затѣмъ по ней огонь изъ скрытыхъ орудій и винтовокъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ морскою генеральнымъ штабъ считаетъ необходимымъ отмѣтить, что привозимые въ Севастополь многочисленные плѣнные турки и греки съ уничтоженныхъ судовъ доставляются всегда полностью по списку, изъ чего явствуетъ, что ни одинъ человекъ изъ сдавшейся команды не былъ оставленъ на гибель въ морѣ. Плѣнные всякій разъ выражаютъ нашимъ властямъ признательность за заботливое и чело-вѣколюбивое отношеніе къ нимъ, причемъ греки во многихъ случаяхъ предлагаютъ даже перейти на службу въ нашъ военный флотъ для войны противъ турокъ.

Въ Вогезахъ, несмотря на энергичныя атаки германцевъ, французы сохранили всѣ свои позиціи, за исключеніемъ части траншей, расположенныхъ на гребнѣ горы Ленжъ. На правомъ берегу р. Мааса у Буахо французы легко отразили попытку непріятельской атаки. На остальномъ протяженіи фронта продолжалась артиллерійская и минная борьба.

Итальянская главная квартира извѣстила:

«Наша тяжелая артиллерія успѣшно бомбардировала вокзалъ и желѣзную дорогу между Борго и Вальсугано, гдѣ была замѣчена интенсивная перевозка войскъ и обоза. Установлено, что непріятель понесъ тяжелыя потери во время своихъ упорныхъ атакъ противъ Монте-Медетта въ Карніи. Въ Карсо ночь на 21-е іюля прошла спойно. Утромъ наша артиллерія обстрѣляла непріятельскую пѣхоту близъ Маркотини и колонны, двигавшіяся вдоль дорогъ изъ Руна въ Добердо. Передвиженіе нашихъ войскъ снова возобновилось на лѣвомъ крылѣ и въ центрѣ, гдѣ мы слегка продвинулись впередъ; однако на лѣвомъ крылѣ намъ пришлось ограничиться удержаніемъ ранѣе отбитыхъ у непріятеля позицій. Непріятель тщетно пытался отбить у насъ территорію, захваченную нами на Монте-Сей-Вуси, но былъ отраженъ съ тяжелыми для него потерями.

23-го іюля штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ о томъ, что на рижскомъ направленіи непріятель послѣ боевъ на р. Миссѣ 22-го іюля

поспѣшно отступилъ къ р. Экау, оставивъ въ своихъ окопахъ много патроновъ и снаряженія. Въ районѣ къ востоку отъ Поневѣжа бои продолжались, причемъ германцамъ удалось продвинуться вновь нѣсколько впередъ. На наревскомъ фронтѣ германцы вели атаки на ломжинскомъ направленіи, а съ фронта Остроленка—Рожаны они перешли крупными силами въ наступленіе къ Острову. 22-го іюля сраженіе велось съ особымъ упорствомъ на участкѣ рѣки Ожъ. Наши войска вели энергичныя контръ-атаки противъ непріятели, перешедшаго эту рѣку во многихъ пунктахъ. Къ западу отъ Варшавы южнѣе шоссе на Блоне мы 22-го іюля съ утра успѣшно отбивали атаки германцевъ. Непритель, неся огромныя потери, достигалъ линіи нашихъ проволочныхъ загражденій, но здѣсь былъ задержанъ нашимъ огнемъ. На правомъ берегу Вислы у Маціевце положеніе въ общемъ оставалось безъ переменъ. Въ районѣ Ивангорода наши войска перешли безъ натиска противника на правый берегъ Вислы и взорвали за собой мосты. На Верхнемъ Бугѣ, Золотой Липѣ и Днѣстрѣ переменъ не произошло. Въ Черномъ морѣ наши миноносцы имѣли перестрѣлку съ батареями Эрегли и уничтожили 37 парусныхъ судовъ и одну верфь для ихъ постройки. Между Вислой и Бугомъ поздно вечеромъ 21-го іюля наши войска отбросили германцевъ съ огромными для нихъ потерями. На многихъ участкахъ фронта эти частныя успѣхи, завершенные короткимъ преслѣдованіемъ, дали возможность нашимъ войскамъ въ ту же ночь безъ всякой помѣхи со стороны противника занять новый болѣе выгодный фронтъ какъ на лѣвомъ берегу р. Буга, такъ и на направленіи Владимирь-Волинскій—Ковель.

По условіямъ общей обстановки наши войска, находившіяся къ западу отъ Варшавы, получили приказаніе отойти на правый берегъ Вислы. Согласно полученному донесенію, приказаніе это выполнено: войска, прикрывавшія Варшаву 23-го іюля, къ пяти часамъ утра, отошли безъ давленія со стороны противника на указанный имъ новый фронтъ, взорвавъ за собою всѣ мосты черезъ Вислу.

Въ Артуа, вокругъ Сушэ, въ теченіе ночи съ 22-го на 23-е іюля происходили бои ручными гранатами и подрывными снарядами, а также довольно сильный артиллерійскій бой. Довольно энергичная артиллерійская перестрѣлка происходила у Траси-ле-Валя и вокругъ Ваи, въ долину рѣки Эна. Въ Аргонахъ ночью происходили ружейная перестрѣлка, бой бомбами въ траншеяхъ и нѣсколько разъ въ дѣлѣ принимала участіе артиллерія. На правомъ берегу р. Мааса у Брахо французы легко отразили попытку непріятельской атаки. Въ Вогезахъ продолжался энергичный артиллерійскій обстрѣлъ французскихъ траншей у Лингекопфа. Въ ночь на 22-е іюля германцы произвели весьма энергичную атаку, но, несмотря на нее, французы сохранили всѣ свои позиціи, за исключеніемъ части траншей, расположенныхъ на гребнѣ горы Ленжъ. Минная и артиллерійская борьба продолжалась въ теченіе всего дня 22 апрѣля почти на всемъ протяженіи фронта. Въ Вогезахъ происходили ожесточенные бои на высотахъ, господствующихъ надъ сѣверной частью долины Фехта, особенно на перевалѣ Шрацменелле, гдѣ непритель, завладевъ однимъ изъ французскихъ блокаузовъ, былъ немедленно оттуда вы-

тѣсненъ контръ-атакой. Встрѣчный огонь французовъ причинилъ непріятелю тяжелыя потери.

23-го іюля сербское «Прессбюро» сообщило:

«17-го іюля, въ половинѣ третьяго утра непріятель съ помощью двухъ большихъ баркасовъ пытался переправиться на островъ Скеланска-Ада, но былъ встрѣченъ огнемъ нашей пѣхоты и обращенъ въ бѣгство, не успѣвъ достигъ середины рукава Савы, отдѣляющаго островъ отъ лѣваго берега Савы.

«Днемъ 21-го іюля наша артиллерія разсыяла непріятеля, окопавшагося близъ вокзала Орипавы. Въ тотъ же день, къ вечеру, близъ Текіе завязался

Герой войны.

Князь В. В. Трубецкой, капитанъ 1-го ранга, командовавшій миноносцами въ бою съ турецкимъ крейсеромъ «Гамидіе» и участвовавшій въ нашемъ десантѣ въ Эрегли.

артиллерійскій бой. Однако наша артиллерія быстро привела къ молчанію непріятельскія батареи. Въ ночь съ 21-го на 22-е іюля непріятель въ нѣсколькихъ мѣстахъ у береговъ Савы открывалъ огонь, дабы укрѣпиться подъ его прикрытіемъ, но огнемъ съ нашей стороны мы помѣшали работамъ непріятеля.

«20-го іюля утромъ одна изъ нашихъ батарей на бѣлградскихъ позиціяхъ завязала бой съ непріятельской мортирной батареей на высотахъ Бежанін. Одинъ изъ нашихъ аэроплановъ успѣшно корректировалъ нашу стрѣльбу, результаты которой были прекрасны. Непріятельская батарея была нами

разрушена и приведена къ молчанію. Двѣ полевыя батареи непріятеля выпустили безъ всякаго результата 56 снарядовъ по нашему аэроплану. Нѣсколько нашихъ аэроплановъ съ успѣхомъ сбросили 26 бомбъ на непріятельскій аэродромъ въ Баваништѣ. На другой день одинъ изъ нашихъ отрядовъ перешелъ Саву близъ небольшого острова Цингалія и, совершивъ успѣшную рекогносцировку, возвратился, захвативъ нѣсколько плѣнныхъ».

Четверное соглашеніе вручило софійскому правительству ноту, предлагающую содѣйствовать державамъ четверного соглашения взаменъ уступокъ территории, согласно договору 1912 года.

23-го іюля донесеніе итальянскаго главнокомандующаго гласило:

«Въ долину Кордеволе мы продолжали наступательныя операціи, стремясь завершить занятіе Коль-ди-Лана, гдѣ во время боевъ отъ 4-го до 14-го іюля мы захватили передовые окопы въ направленіи Салесеи, Пиевэ-ди-Авиналонцо и Агаи. Подъ сильнымъ огнемъ противника наша пѣхота, успѣшно поддерживаемая артиллеріей, штурмомъ овладѣла весьма сильнымъ защитнымъ укрѣпленіемъ на Коль-ди-Лано. Въ Карсо непріятель, съ цѣлью остановить наступленіе нашего центра и лѣваго крыла, предпринялъ вчера послѣ полудня ожесточенную атаку въ направленіи лѣса Капуччіо. Наши войска съ успѣхомъ выдержали ударъ, а затѣмъ, предпринявъ съ своей стороны отважное наступленіе, штурмомъ овладѣли однимъ изъ сильныхъ укрѣпленій, такъ называемыхъ Тринчерони, господствующихъ надъ восточнымъ выходомъ изъ лѣса Капуччіо и подступомъ къ Санъ-Мартино-дель-Карсо. Позднѣ вечеромъ непріятель пытался снова предпринять атаки на наши линіи, поддерживаемый интенсивной и продолжительной канонадой, однако и на этотъ разъ никакого результата достигнуто имъ не было».

24-го іюля штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что между Двиной и Нѣманомъ существенныхъ переменъ не произошло. 23-го іюля германцы, атаковавшіе насъ въ районѣ истоковъ рѣки Пивессы, были нами успѣшно отброшены. На лѣвомъ берегу Нарева въ ночь на 23-е іюля и весь слѣдующій день продолжался упорнѣйшій бой на путяхъ отъ Рожанъ и Остроленки къ Острову. Рядъ нашихъ энергичныхъ контръ-атакъ остановилъ непріятеля на фронтѣ, протягивающемся верстахъ въ десяти отъ названной рѣки. Взято нѣсколько сотъ плѣнныхъ. Жестокій огневой бой продолжался. На фронтѣ Средней Вислы, послѣ отхода нашихъ войскъ на правый берегъ рѣки, тихо. Варшава была нами оставлена, дабы не подвергать ее послѣдствіямъ бомбардировки. Лишь въ районѣ Маціевице продолжались безуспѣшныя попытки непріятельскихъ войскъ расширить занимаемый ими районъ. Между Вислой и Бугомъ наибольшимъ упорствомъ отличались бои 23-го іюля къ востоку отъ шоссе Травники—Влодава, гдѣ непріятель сосредоточилъ массовый огонь своей артиллеріи, вынудившій отойти наши войска нѣсколько къ сѣверу.

Главное управленіе генеральнаго штаба опубликовало слѣдующее объявленіе:

Въ официальномъ сообщеніи отъ 20-го іюля стараго стиля, исходящемъ изъ Вѣны, говорится о захватѣ семиградскими войсками подъ Ивангородомъ восьми позицій съ казематированными помѣщеніями, причемъ указывается, что австрійскія

войска могут считать этот день одним из славнейших в своей исторической жизни.

«Относительно этих заявлений австрийского генеральнаго штаба необходимо имѣть въ виду, что верки Ивангорода, почти исключительно изъ кирпича вовсе не отвѣчали требованіямъ современной фортификаціи, и въ октябрѣ 1914 года атаки непріятеля отражались не на линіи долговременнаго обвода, а на устроенныхъ впереди полевыхъ позиціяхъ.

Нынѣ, въ виду неспособности Ивангорода выдержать осаду, всѣ запасы изъ него были своевременно планомѣрно эвакуированы. На нѣсколькихъ линіяхъ полевыхъ укрѣпленій къ западу отъ Ивангорода наши арріергарды задержали непріятеля на нѣсколько дней, поскольку это вызывалось общей стратегической обстановкой, причемъ упорныхъ боевъ вовсе не было, а 22-го іюля въ соотвѣтствіи съ общимъ планомъ нашихъ дѣйствій эти арріергарды взорвали немногочисленныя бетонныя надбавки къ кирпичнымъ казематамъ укрѣпленій, разрушили мосты и отошли на правый берегъ Вислы.

24-го іюля французское правительство увѣдомляло о томъ, что въ Артуа, вокругъ Сушэ, происходили бои ручными гранатами въ теченіе всей ночи съ 23-го на 24-е іюля. Передъ Невиль-Сентъ-Ваастъ легко отражена попытка непріятеля произвести атаку. Въ Аргоннахъ происходилъ бой подрывными снарядами и метательными бомбами. Въ бою участвовала артиллерія, причемъ онъ принялъ болѣе интенсивный характеръ ночью, въ особенности вокругъ высоты 213, въ районѣ Фонтенъ-о-Шармъ и въ направленіи къ Сентъ-Юберу. На западъ отъ высоты 215 германцы пытались выйти изъ траншей, но были тотчасъ же остановлены французскимъ огнемъ. На правомъ берегу рѣки Мааса у Буае непріятель дважды атаковалъ французскія войска безъ успѣха, причемъ отраженъ ручными гранатами и огнемъ пѣхоты. Въ Лотарингіи германцы бомбардировали ночью деревню Амбермениль и позиціи французовъ вокругъ Гейлона. Два германскихъ летчика сбросили надъ Фрезь, въ долину рѣки Мергы, около десяти бомбъ, которыми убиты двѣ женщины и одинъ солдатъ. Минная и артиллерійская борьба продолжалась въ теченіе всего дня 24-го іюля почти по всей линіи фронта.

25-го іюля штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ о томъ, что у Ковны непріятель атакуетъ передовыя позиціи крѣпости на лѣвомъ берегу Нѣмана, наши тяжелыя батареи ведутъ энергичный огонь.

У Осовца непріятель 24-го іюля съ разсвѣтомъ, развивъ сильный огонь и выпустивъ большія облака ядовитыхъ газовъ, началъ штурмъ крѣпостныхъ позицій, захватилъ укрѣпленія у Сосни, но огнемъ и контръ-атаками былъ отовсюду выбитъ.

На Наревѣ упорное сраженіе. На путяхъ къ Острову непріятелю 24-го іюля, послѣ кровопролитныхъ схватокъ, удалось нѣсколько продвинуться и расширить занятое имъ пространство. Ожесточенныя атаки непріятеля въ районѣ Сероцка наканунѣ вечеромъ были нами успѣшно отбиты.

На Вислѣ велась перестрѣлка. Наша тяжелая артиллерія успѣшно обстрѣливалась въ ночь на 24-е іюля непріятельскія мостовыя работы на Вислѣ.

Между Вислой и Бугомъ болѣе упорные бои велись на направленіи отъ Курова на Коцкъ и въ районѣ праваго берега р. Вепржа, сѣвернѣе Ленчны.

На итальянскомъ фронтѣ, по свѣдѣніямъ отъ 25-го іюля, въ секторѣ Плавы итальянскія войска укрѣпились на захваченныхъ позиціяхъ. Непріятель пытался въ ночь на 24-е іюля произвести противъ нихъ двѣ атаки, поддерживая послѣднія огнемъ многочисленной артиллеріи, однако послѣдняя была приведена къ молчанію итальянскими орудіями. Обѣ атаки были отражены. Въ Карсо сраженіе продолжалось 24-го іюля въ теченіе всего дня и закончилось къ ночи съ значительнымъ успѣхомъ для итальянцевъ, особенно въ центрѣ, гдѣ они овладѣли широкимъ склономъ въ направленіи къ Добердо и захватили 140 плѣнныхъ. На правомъ флангѣ непріятельская артиллерія обстрѣливала зажигательными снарядами верфь въ Монфальконе, гдѣ возникъ большой пожаръ. Ожесточеннымъ огнемъ непріятель пытался воспрепятствовать подходу отрядовъ для тушенія огня, однако, благодаря энергіи и храбрости итальянскихъ войскъ, имъ удалось въ скоромъ времени локализовать пожаръ и въ значительной степени уменьшить его разрушительное дѣйствіе. Ночью съ 24-го на 25-е іюля итальянскій дирижабль сбросилъ бомбы надъ Полой, на которую уже ранѣе было произведено нѣсколько успѣшныхъ налетовъ. По причинамъ, еще не установленнымъ, дирижабль упалъ въ воду. Экипажъ, состоявшій изъ трехъ офицеровъ и трехъ нижнихъ чиновъ, оставшійся невредимымъ, былъ взятъ въ плѣнъ.

На французскомъ фронтѣ, 25-го іюля артиллерійскій бой происходилъ въ Артуа вокругъ Сушэ и Рокленкура, а также между Узой и Эномъ, на плоскогорьѣ Нувронъ. Въ Аргоннахъ германцы дважды возобновляли атаки вокругъ высоты 213, но были отброшены, взрывъ двухъ минъ позволилъ имъ занять одну изъ французскихъ траншей, изъ которой, однако, они немедленно были выбиты контръ-атакой французовъ. Въ Апремонскомъ лѣсу артиллерійскій огонь продолжался съ тою же интенсивностью, какъ и въ предыдущіе дни. Въ Вогезахъ непріятель неоднократно открывалъ огонь по фронту французскихъ позицій Ленжъ—Шрацменнеле. Около двухъ часовъ дня онъ произвелъ атаку на горный кряжъ Шрацменнеле по дорогѣ въ Гоннекъ. Атака это была остановлена огнемъ французовъ. Къ концу дня новая германская атака была отбита штыковымъ ударомъ и ручными гранатами.

26-го іюля штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что на направленіяхъ отъ Риги мы очистили отъ непріятеля пространство между рѣками Двиной, Экау и нижнимъ теченіемъ рѣки Аа. На путяхъ къ востоку отъ Поневѣжа бои продолжались попрежнему безъ существеннаго измѣненія. Атаки непріятеля на Ковну и Осовецъ, отбитыя нами 24-го іюля, на слѣдующій день не возобновлялись. Съ линіи рѣки Нарева непріятель продолжалъ вести напряженныя атаки по всему фронту, причемъ главныя массы непріятеля устремлены на участокъ Ломжа—Островъ. На лѣвомъ берегу рѣки Вепржа велись упорные арріергардные бои. При контръ-атакахъ нами было захвачено нѣсколько сотъ плѣнныхъ. На лѣвомъ берегу рѣки Буга между рѣками Турія и Луга мы успѣшно потѣснили на широкомъ фронтѣ непріятельскія передовыя части. На Верхнемъ Бугѣ, Золотой Липѣ и Днѣстрѣ мѣстами происходилъ рѣдкій артиллерійскій огонь.

26-го іюля штабъ кавказской арміи увѣдомилъ о томъ, что въ приморскомъ

районъ происходила перестрѣлка. Наша моторная лодка у Вице пулеметнымъ огнемъ разсѣяла части противника. На ольтинскомъ направленіи мы удерживали занятыя нами наканунѣ турецкія позиціи и отбили атаки турецкой пѣхоты на гору Гей-Дагъ, съ большими для нихъ потерями. Турки усиленно окапывались. На сарыкамышскомъ направленіи мы также удерживали за-

Герой войны.

Полковникъ Н. И. Зиньковскій, подъ командой котораго батальонъ удостоился получить Царскую милость—шефство Его Императорскаго Величества—за беззавѣтную храбрость пластуновъ на турецкомъ фронтѣ.

нятыя наканунѣ турецкія позиціи и въ теченіе дня велся огневой бой. Здѣсь имѣлъ мѣсто успѣшный для насъ встрѣчный бой. Боевыя столкновенія развивались въ районѣ Мергемирскаго перевала. На алашкертскомъ направленіи наши дѣйствія развивались успѣшно. Одна изъ важныхъ турецкихъ позицій на высокомъ перевалѣ была взята лихой атакой въ штыки съ тыла, причемъ было переколото много непріятеля, а также захвачены плѣнные, пулеметы и оружіе.

26-го іюля французскія правительственныя сообщенія гласили: «Въ Артуа происходятъ бои вокругъ Сушэ съ примѣненіемъ ручныхъ гранатъ. Въ Аргонахъ къ концу дня 25-го іюля германцамъ удалось проникнуть въ одно изъ нашихъ полевыхъ укрѣпленій, расположенныхъ въ сѣверной части лѣса, къ сѣверу отъ Фонтень-Гуэгтъ. Германцы были оттуда выбиты контръ-атакой и удержались только въ наблюдательномъ пунктѣ, расположенномъ впереди нашей передовой линіи. Ночью непріятель атаковалъ наши позиціи въ секторѣ Ла-Филль-Мортъ и овладѣлъ одной изъ нашихъ траншей, однако тотчасъ же былъ оттуда выбитъ, удержавъ за собой лишь пространство въ тридцать метровъ. Въ Вогезахъ атака, произведенная 25-го іюля къ вечеру германцами, имѣла чрезвычайно ожесточенный характеръ и была направлена противъ нашихъ позицій у Лингекопфа и Пратценнеле, а также противъ холма, раздѣляющаго эти двѣ высоты. Атакующіе были отражены и потерпѣли большой уронъ. Передъ фронтомъ одной лишь роты, передъ проволочными загражденіями осталось болѣе ста труповъ германцевъ. Въ западной части фронта идетъ артиллерійскій бой: въ Бельгии—въ секторѣ Стеенстраате-Хетзасъ, въ Артуа—на фронтѣ Сантерръ и въ долинѣ Эна, гдѣ Суассонъ подвергся бомбардировкѣ. Въ Аргонахъ происходитъ траншейный бой при помощи бомбъ и ручныхъ гранатъ. Въ Веврѣ значительный артиллерійскій бой, въ особенности въ области Флирэ и Лепретрскомъ лѣсу. Въ Вогезахъ германцы вечеромъ произвели новую атаку на наши позиціи на Ленжъ, но были совершенно отброшены. Гильгенфирстъ подвергся сильной бомбардировкѣ со стороны непріятеля.»

26-го іюля итальянская главная квартира извѣстила: «Въ области Тоналэ наши альпійскіе стрѣлки, отважно продвигаясь впередъ по трудной скалистой дорогѣ, идущей съ юга надъ долиной Бельмонте, въ верхней части долины Ноче на разсвѣтъ 25-го іюля напали враспlohъ и разсѣяли непріятельскія войска, окопавшіяся къ юго-востоку отъ вершины Эркавало, захвативъ при этомъ фугасные снаряды, патроны и другой военный матеріалъ, оставленный непріятелемъ. Въ тотъ же день другой непріятельскій отрядъ, окопавшіяся въ Мальга-Палюдси къ сѣверо-востоку отъ вершины Эркавало, былъ также выбитъ изъ своихъ позицій съ помощью мѣткой стрѣлбы нашей горной артиллеріи, установленной болѣе чѣмъ на 3.000 метровъ высоты на скалахъ Эркавало. Въ долинѣ Секстена и Кадора успѣшныя дѣйствія нашей артиллеріи средняго калибра содѣйствовали продвиженію впередъ нашей пѣхоты, которая, тѣсня постепенно противника, заняла фронтъ отъ Монте-Неро до южныхъ склоновъ Бургсталя, гдѣ и укрѣпились. Въ Карсо непріятель 26-го іюля съ цѣлью остановить предпріятыя нами работы произвелъ нѣсколько незначительныхъ контръ-атакъ, которыя немедленно нами отражались, а кромѣ того пытался установить предъ нашими окопами проволочныя загражденія. Наша артиллерія обстрѣляла непріятельскую колонну, двигавшуюся отъ Деветакки къ передовымъ линіямъ, а кромѣ того мѣткой стрѣлбой вызвала взрывы и пожары въ окрестностяхъ Маркотини.»

27-го іюля штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что между Двиной и Нѣманомъ 26-го іюля наши войска на направленіи отъ Фридрих-

штабта отгнѣнили непріятеля на правый берегъ рѣки Нѣменекъ на участкѣ выше Шенберга. Въ районѣ къ сѣверо-востоку отъ Вилькомира передовыя части германцевъ съ крупными для нихъ потерями были выбиты изъ нѣсколькихъ селеній, при этомъ нами взято нѣсколько десятковъ плѣнныхъ. Въ ночь на 26-е іюля противникъ возобновилъ свои попытки атаковать укрѣпленія Ковны. Наши позиціи въ теченіе дня усиленно обстрѣливались непріятельской артиллеріей до самыхъ крупныхъ калибровъ включительно. Атаки противника на передовыя позиціи носили весьма ожесточенный характеръ. По только что полученнымъ донесеніямъ, штурмъ германцевъ на западный фронтъ Ковны, произведенный ими въ ночь на 27-е іюля, былъ повсюду отбитъ съ огромными для германцевъ потерями. Наша артиллерія энергично отвѣчала на огонь врага. У Осовца и въ районѣ Едвабно происходилъ оживленный огонь. На лѣвомъ берегу Нарева въ теченіе 26-го іюля велись отдѣльные бои преимущественно въ направленіи на Ломжу и на сѣверный участокъ шоссе Ломжа—Островъ. Въ прочихъ районахъ и на правомъ берегу Средней Вислы крупныхъ боевыхъ столкновеній не было. На путяхъ къ Влодавѣ, а также на Бугѣ, Золотой Липѣ и Днѣстрѣ положеніе оставалось безъ переменъ.

26-го іюля германскій флотъ въ составѣ девяти кораблей, двѣнадцати крейсеровъ и большого числа миноносцевъ упорно атакывалъ входъ въ Рижскій заливъ. Атаки отбиты, отраженію ихъ способствовали наши гидропланы, бросающія бомбы. На нашихъ минахъ подорванъ одинъ непріятельскій крейсеръ и два миноносца.

На всемъ протяженіи кавказскаго фронта продолжался бой. За 25-е и 26-е іюля боевыя столкновенія развивались по всему фронту отъ рѣки Туртунъ до рѣки Евфрата. На ольтинскомъ направленіи и въ Пассинской долинѣ существенныхъ переменъ не произошло. На даярскомъ направленіи наши войска атаковали хребетъ Шаріанъ-Дагъ и къ вечеру 26-го іюля овладѣли сѣвернымъ хребтомъ двойного перевала Мергемиръ. Турки нѣсколько разъ бросались въ контръ-атаку, но были опрокинуты. На евфратскомъ направленіи наша конница лихимъ налетомъ атаковала турокъ въ Дутахъ, многихъ порубила, захватила въ плѣнъ восемь офицеровъ и болѣе 300 аскеровъ, а также верблюжій транспортъ, нѣсколько сотъ головъ скота, телеграфную станцію, снаряды, оружіе и запасы продовольствія. Въ долинѣ Евфрата у селенія Оханъ былъ упорный бой. Наши колонны преслѣдовали турокъ по пятамъ.

27-го іюля фельдмаршалъ Френчъ доносилъ: «Съ 19 іюля артиллерія обѣихъ сторонъ проявляла активность къ сѣверу и востоку отъ Ипра, причемъ успѣхъ былъ на нашей сторонѣ. Сегодня утромъ послѣ успѣшнаго обстрѣла нашей артиллеріей, которой французы на лѣвомъ флангѣ оказывали энергичное содѣйствіе, мы атаковали траншеи у Гоожъ, захваченныя непріателемъ 17-го іюля. Всѣ онѣ были взяты обратно, причемъ, развивая нашъ успѣхъ, мы продвинулись къ сѣверу и западу отъ Гоожъ, расширивъ нашъ фронтъ до 1.200 ярдовъ. Нами захвачено въ плѣнъ три офицера и 124 нижнихъ чина, а также два пулемета».

27-го іюля французское правительство увѣдомило о томъ, что въ Артуа ночь прошла тревожно въ секторѣ къ сѣверу отъ Арраса. Атака германцевъ,

произведенная къ сѣверу отъ станціи Сушэ, была отражена. Въ секторѣ Невилль - Сентъ-Ваастъ къ востоку отъ Лилльской дороги германцы, взорвавъ заложенную мину, ожесточенно бомбардировали французскія позиціи и пытались выйти изъ своихъ траншей, но были немедленно остановлены огнемъ французской пѣхоты и артиллеріи. Въ Аргоннахъ близъ дороги Вьеннь-ле-Шато — Бинарвилль непріятель атаковалъ французскія позиціи, забрасывая ихъ гранатами и петардами, но былъ отброшенъ къ своей линіи дружнымъ французскимъ огнемъ. Въ западной части лѣса, отъ Хотъ-Шевосэ вплоть до Вокюа, ночью происходилъ бой съ примѣненіемъ гранатъ и ружейнаго огня. Въ Вогезахъ новая атака германцевъ противъ французскихъ позицій у Ленжа, произведенная около часу ночи, закончилась полной неудачей: огнемъ французскихъ войскъ непріятелю причинены значительныя потери. День 27-го іюля прошелъ сравнительно спокойно на всемъ протяженіи фронта. Въ Артуа происходили артиллерійскіе бои между Соммой и Уазой и въ долинѣ рѣки Эна. Реймсъ подвергся бомбардировкѣ. Въ Аргоннахъ въ направленіи Фонтень-о-Шармъ непріятель пытался овладѣть французскими передовыми постами, но повсюду былъ отраженъ. Въ Вогезахъ происходила обычная канонада. Воздушная эскадра въ составѣ 32 аэроплановъ-бомбометовъ, въ сопровожденіи аэроплановъ-развѣдчиковъ, направилась для бомбардировки станцій и заводовъ въ Сарребрюкке. Атмосферическія условія были неблагоприятны: долины были покрыты туманомъ, небо облачно. Тѣмъ не менѣе, несмотря на трудности при опредѣленіи направленія, 28 аппаратовъ достигли цѣли и сбросили 164 снаряда разныхъ калибровъ. Аэропланы-развѣдчики заставили отойти германскіе аппараты, пытавшіеся преградить дорогу эскадрѣ. Послѣ налета наблюдались многочисленные пожары въ мѣстахъ попаданія бомбъ.

27-го іюля съ французскаго колоніальнаго театра войны были получены слѣдующія вѣсти: «Французскія колонны съ большимъ успѣхомъ оперируютъ въ южномъ и восточномъ Камерунѣ. Часть Конго, уступленная Германіи въ 1911 году, будетъ окончательно занята французскими войсками. Наши войска проявляютъ энергичную дѣятельность на фронтѣ Гаджи—Вері—Бимба. Гаджи уже очищенъ германскими войсками, окруженіе которыхъ продолжается».

27-го іюля итальянская главная квартира доносила: «Въ Верхнемъ Комелико, въ Кадорѣ, наши войска прочно укрѣпили за собой вершину Ундичи. Въ Карніи одинъ изъ нашихъ отрядовъ, оборонявшій проходъ Кабалло, между Фреткофелемъ и Пальграндэ, утромъ 25-го іюля атаковалъ находившіяся на противъ австрійскія траншеи и очистилъ ихъ отъ непріятеля. Съ наступленіемъ ночи послѣдній сдѣлалъ попытку съ большими силами снова овладѣть позиціями, однако былъ отраженъ съ большимъ урономъ. Въ зонѣ Плавы наши войска заняли нѣсколько непріятельскихъ окоповъ въ направленіи Загоры и Пальеро, причемъ захватили снаряды, ручныя гранаты и метательныя бомбы. Въ Карсо военныя дѣйствія продолжаютъ развиваться для насъ благоприятнымъ образомъ. Вчера непріятель снова сталъ обстрѣливать судостроительную верфь въ Монфальконе, причемъ тамъ опять возникъ пожаръ. Несмотря на сильный артиллерійскій огонь противника, и въ этотъ разъ пожаръ былъ быстро потушенъ».

28-го іюля черногорское Прессбюро сообщило: «В течение 27-го іюля происходил артиллерійскій и ружейный бой на фронтѣ Гораждо и Гацко. Непрiятель былъ отраженъ, понесъ значительныя потери».

28-го іюля штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ:

На путяхъ отъ Риги въ ночь на 27-е іюля мы успѣшно отбили послѣ рукопашныхъ схватокъ нѣсколько атакъ германцевъ, несмотря на содѣйствіе послѣднимъ сильной тяжелой артиллеріи. Послѣ боевъ въ теченіе той же ночи и слѣдующаго дня на двинскомъ направленіи, въ районѣ Шенбергъ—Понѣмуни—Вилькомирь противникъ, подѣ нашимъ патискомъ, началъ отходить назадъ, причемъ въ наши руки попало до сотни пѣшныхъ, нѣсколько пулеметовъ и зарядные ящики. На фронтѣ Нарева, на путяхъ отъ Ломжи, Снядово и Острова упорные бои продолжаются. Предпринятое германцами наступленіе противъ Новогеографіевска вдоль лѣваго берега Вислы отбито огнемъ нашей артиллеріи. На направленіи Люблинъ—Луковъ, на правомъ берегу Вепржа, противникъ днемъ 27-го велъ наступленіе, которое, несмотря на настойчивый его характеръ, нами остановлено. На путяхъ отъ Влодавы успѣшно отбита атака противника, примѣнявшаго удушливые газы. На Дибѣстрѣ, въ районѣ устья рѣки Стрыпы австрійцы 28-го іюля перешли въ частичное наступленіе, бой продолжается. На остальныхъ участкахъ всего нашего фронта крупныхъ столкновеній не происходило.

По полученнымъ даннымъ, штурмъ Ковны, предпринятый германцами 26-го іюля, представляется въ слѣдующемъ видѣ. Противникъ штурмовалъ фронтъ нашихъ укрѣпленій отъ деревни Пипле до ф. Елизенталя на рѣчкѣ Еся. Непрiятельская осадная артиллерія начала бомбардировку послѣ полуночи, введя въ бой орудія всѣхъ калибровъ до 16-дюймоваго включительно; ураганный огонь противника длился не менѣе двухъ часовъ, причемъ на него энергично отвѣчали наши батареи. Около трехъ часовъ ночи штурмующія колонны, прикрываясь густыми цѣпями, двинулись на наши позиціи. Сосредоточеннымъ огнемъ, взрывомъ фугасовъ, а затѣмъ доблестными контръ-атаками нашихъ войскъ противникъ уже къ пяти часамъ утра былъ отбитъ на всемъ атакванномъ фронтѣ. Обезсиленные германцы, понесъ чрезвычайныя потери, отхлынули въ ближайшіе овраги, гдѣ, повидимому, стали приводиться въ порядокъ и готовиться къ новому штурму. Къ полудню 26-го іюля огонь противника снова усилился до ураганнаго. Несмотря на его интенсивность, продолжительность и разрушительную силу непрiятельскихъ мощныхъ орудій, наши войска стойко выдержали градъ сыпавшихся на нихъ артиллерійскихъ снарядовъ. Наша артиллерія доблестно поддерживала огнемъ своихъ героевъ. Такъ прошелъ весь день. Съ приближеніемъ темноты постепенно накопившіяся передъ нашими позиціями колонны противника снова ринулись на штурмъ. Послѣдній продолжался два часа. Противнику удалось овладѣть частью сменности его огнемъ окоповъ на линіи передовыхъ позицій, но затѣмъ геройскими усилиями подослѣвшихъ резервовъ нѣмцы и на этотъ разъ были отбиты съ огромными для нихъ потерями. Въ рукахъ врага остались лишь укрѣпленія у дер. Пипле, доставшіяся ему цѣной огромныхъ усилій и потерь.

На кавказскомъ фронтѣ, по свѣдѣніямъ отъ 28-го іюля, въ Пассинской до-

лишь атаки турок по всему фронту были нами отражены. Упорный бой шел из-за Мергемирского перевала, который взят нашими войсками, несмотря на ожесточенные атаки турок. Противник в беспорядке отступил к югу. На евфратском направлении наши войска, тыся отступающих турок, с боем овладели палантекенскими позициями, захватили два орудия с зарядными ящиками, массу патронов, оружие, телефонную станцию, верблюжий транспорт и плѣнных, в числе которых командир пѣхотного полка и 4 офицера. Наши команды, преслѣдуя турок, захватывали все новые партии плѣнных.

На французском фронтѣ, по сообщеніямъ отъ 28-го іюля, въ Артуа, къ сѣверу отъ ст. Сушэ, германцы произвели ночью съ 27-го на 28-ое двѣ атаки подрывными снарядами, но были отброшены огнемъ французовъ въ свои траншеи. Въ Аргонахъ, въ восточной части лѣса, происходила артиллерійская и ружейная перестрѣлка, безъ столкновений между пѣхотными частями. Въ Вокюа происходила бой бомбами и ручными гранатами. Въ Лепретрскомъ лѣсу непріятель, послѣ сильнаго обстрѣла, произвелъ 27-го іюля около 8 часовъ вечера атаку французскихъ траншей въ районѣ Круа-де-Кармь, но былъ остановленъ французами встрѣчнымъ огнемъ. Ночью новая атака, сопровождаемая бомбардировкой снарядами съ удушливыми газами, была также остановлена французской артиллеріей. Къ Лотарингіи развѣдка, направленная непріятелемъ противъ станціи Муленъ-Монсель, была легко отражена. День 28-го іюля прошелъ спокойно. Имѣлись донесенія только объ артиллерійскихъ бояхъ въ Артуа, въ долину Эна, въ районѣ Труайонъ и на опушкахъ лѣсовъ Аргонскихъ и Апремонского. Четыре аэроплана, принимавшіе участіе въ обстрѣлѣ Саарбрюкена, не вернулись на французскія линіи. Передаютъ, будто одинъ изъ нихъ спустился на швейцарской территоріи близъ Пеернъ, въ Ваадскомъ кантонѣ.

Общее положеніе на итальянскомъ фронтѣ къ 28-го іюля оставалось безъ переменъ. Однако итальянская артиллерія нанесла непріятелю крупный уронъ близъ Ливиналлонга. Въ Карсо итальянцы легко отразили мелкія ночныя атаки непріятеля, ставшія обычнымъ явленіемъ и щетно предпринимаемая съ цѣлью помѣщать производствѣ итальянцами земляныхъ работъ.

28-го іюля генераль Гамильтонъ доносилъ о положеніи дѣлъ въ Дарданеллахъ:

«За послѣдніе нѣсколько дней мы значительно продвинулись впередъ. Въ зонѣ Суртъ-Хори мы выиграли 200 ярдовъ на фронтѣ въ 300 ярдовъ, къ востоку отъ дороги на Критію, и удержали ихъ, несмотря на рѣшительныя контръатаки, которыя были отбиты съ тяжелыми потерями для непріятеля. Повторныя атаки турокъ на другихъ пунктахъ этой зоны отбиты. Нѣсколько атакъ, сдѣланныхъ французскими частями, и ихъ содѣйствіе принесли огромную пользу. Въ зонѣ Анзакъ мы укрѣпились на Чунукъ-Баиръ, часть Саръ-Баира тоже занята нами. Заняты и вершины кряжа, послѣ ожесточеннаго боя и успешнаго штурма сильно защищенныхъ позицій. Здѣсь потери непріятеля были значительны. Наше наступленіе началось ночью при помощи прожектора съ контръ-миноносца. Въ другихъ мѣстахъ успѣшно высажены новые десанты, и

мы тоже значительно продвинулись впередъ. Захвачено 630 пѣнныхъ, одно орудіе, двѣ мортиры, девять пулеметовъ и большое число бомбъ. Повсюду разбросано много неприятельскихъ ружей, снарядовъ и аммуниціи». Англійская подводная лодка потопила въ Дарданеллахъ турецкій броненосецъ «Хейрдинъ-Барбаросса»; большая часть экипажа была спасена.

29-го іюля штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ о томъ, что на путяхъ отъ Риги вечеромъ 27-го іюля наши войска успѣшно отбили атаки противника на рѣкѣ Экау. На направленіи отъ Якобштадта мы отбросили германцевъ изъ района Шенберга, а на направленіяхъ отъ Двинска къ Поневѣжу продолжали тѣснить отступающаго противника, причемъ мѣстами его упорно задерживающіяся части приходилось выбивать штыками. У Ковны въ ночь на 28-ое германцы снова настойчиво штурмовали наши западныя укрѣпленія, возобновивъ свои атаки и на слѣдующій день. Контръ-атаками гарнизона почти совершенно уничтожены были три германскихъ батальона, нами взято до сотни пѣнныхъ и пулеметы. На направленіяхъ отъ Остроденки, Рожанъ и Пултуска упорное наступленіе германцевъ продолжается. Наши войска, несмотря на потери и непрерывные бои съ усиливающимся противникомъ, оказывали ему энергичное сопротивленіе на всемъ протяженіи фронта отъ Нарва до Буга. У Новогеоргиевска предпринятое нѣмцами послѣ сильной артиллерійской подготовки наступленіе на наши южныя укрѣпленія было остановлено огнемъ послѣднихъ. На путяхъ отъ Средней Вислы происходили стычки охраняющихъ частей. На путяхъ отъ Венржа къ Лукову и Влодавѣ 28-го іюля наши войска отбивали атаки противника, причемъ наступавшіе отъ Холма германцы отброшены къ рѣкѣ Ухеркѣ. Въ районѣ Владимира-Вольнскаго наша конница потѣснила противника. На Днѣстрѣ бой, начавшійся 26-го іюля въ районѣ устья рѣки Стрыпы, продолжался весь слѣдующій день, причемъ австрійцы вновь начали употреблять разрывныя пули. Атаки ихъ къ вечеру были нами остановлены.

29-го іюля французское правительство извѣстило о томъ, что въ Артуа происходила оживленная артиллерійская перестрѣлка въ теченіе ночи на 29-ое іюля вокругъ Сушэ. Попытка германцевъ произвести атаку съ примѣненіемъ подрывныхъ снарядовъ были французами отражена. Въ Аргоннахъ непріятель ожесточенно бомбардировалъ французскія позиціи въ востому отъ дороги Вьеннъ-Шато—Бипарвилль. На остальномъ протяженіи фронта ночь прошла спокойно.

Днемъ 29-го іюля въ Артуа, въ секторѣ къ сѣверу отъ Арраса, происходили артиллерійскіе бои. Въ Аргоннахъ артиллерійскій огонь вновь усилился, причемъ непріателемъ примѣнялись снаряды, распространяющіе удушливые газы. На разсвѣтѣ артиллерійская канонада сопровождалась ожесточенной германской атакой противъ французскихъ позицій между дорогой Винарвилль—Вьеннъ-Шато и ложиной Гуеттъ, въ которой участвовали по крайней мѣрѣ три полка. Въ центрѣ этого сектора германцамъ удалось проникнуть въ французскія позиціи, но затѣмъ они были вытѣснены контръ-атаками французовъ, происходившими въ теченіе дня, причемъ имъ удалось сохранить лишь часть одной изъ французскихъ перволинейныхъ траншей. Французы захватили

III*

плѣнныхъ, принадлежащихъ къ вюртембергскому корпусу. Болѣе на востокъ, въ направленіи Фонтень-о-Шармъ, непріятель также произвелъ атаку противъ французскихъ траншей, которая, однако, была совершенно отражена. Въ Лепретрскомъ лѣсу и въ Вогезахъ у Ленжа и Гильзенфирста происходилъ довольно ожесточенный артиллерійскій бой.

29-го іюля офіціальныя сообщенія изъ Лондона гласили:

«Небольшое британское дозорное судно «Ramsey» потоплено германскимъ вспомогательнымъ крейсеромъ «Meteor» 26-го іюля въ Сѣверномъ морѣ. 4 офицера и 39 матросовъ спасены. Послѣ этого «Meteor» былъ замѣченъ эскадрой британскихъ крейсеровъ. Командиръ германскаго судна, видя, что спастись бѣгствомъ невозможно, приказалъ экипажу покинуть судно, которое затѣмъ взорвалось.

«28-го іюля на Галлипольскомъ полуостровѣ, главнымъ образомъ въ зонѣ, занятой австралійцами и новозеландцами, шли ожесточенные бои. Результатомъ этихъ боевъ явилось то, что площадь, занимаемая австралійскими и новозеландскими войсками въ сѣверномъ секторѣ близъ Габатепе, увеличилась почти втрое, благодаря доблестнымъ дѣйствіямъ этихъ войскъ. Въ сѣверу мы не могли продвинуться впередъ, но тѣмъ не менѣе наши войска нанесли тяжелыя потери непріятелю. Какъ сообщаютъ, французскій броненосецъ «Saint-Louis» подбилъ пять изъ шести орудій турецкихъ батарей на азиатскомъ побережьи.

«Отрядъ германскихъ дирижаблей въ минувшую ночь съ 28-го на 29-ое іюля совершилъ воздушный набѣгъ на восточное побережье Англии, причемъ зажигательными бомбами вызвалъ нѣсколько пожаровъ, быстро, однако, потушенныхъ. Сброшенными бомбами убиты: 1 мужчина, 8 женщинъ и 4 дѣтей; ранены 4 мужчинъ, 6 женщинъ и 2 дѣтей. Одинъ изъ цеппелиновъ былъ серьезно поврежденъ огнемъ нашихъ батарей и, какъ сообщаютъ, сегодня утромъ, былъ отведенъ на буксирѣ въ Остенде. Здѣсь цеппелинъ подвергся нападенію аэроплана, вылетѣвшаго изъ Дюнкерка, и въ настоящее время цеппелинъ окончательно разрушенъ происшедшимъ на немъ взрывомъ».

На итальянскомъ фронтѣ въ Кадорѣ при успѣшной дѣятельности итальянской артиллеріи, направленной противъ сильныхъ укрѣпленій горныхъ равнинъ, непріятель повторными, но безуспѣшными атаками пытался отбросить итальянцевъ съ нѣкоторыхъ захваченныхъ ими позицій. 27-го іюля итальянцы отразили атаку въ долинѣ Секстенъ, противъ Монте-дель-Роибіанко и наступленіе непріятеля отъ Сейкофеля. Въ Карниі происходилъ ожесточенный артиллерійскій бой по всему фронту и небольшія столкновенія пѣхоты. Непріятель безуспѣшно пытался установить подвижныя проволочныя загражденія передъ итальянскими траншеями въ Монте-Мадетто. Близъ Плавы 28-го іюля къ вечеру итальянскія войска отразили двѣ атаки непріятеля, несмотря на то, что онѣ были подержаны многочисленной артиллеріей. На Карсо итальянцы отразивъ въ ночь на 28-ое іюля атаку у Сеи-Буси, перешли къ утру въ контръ-атаку и въ нѣкоторыхъ пунктахъ фронта достигли значительнаго успѣха. Натискъ итальянской пѣхоты былъ столь энергиченъ, что двумъ ротамъ удалось штыковымъ ударомъ овладѣть сильно укрѣпленной и вдающейся въ линію непріятельскаго фронта высотой, но вслѣдствіе сосредоточеннаго артиллерійскаго огня и ожесточенной

контръ-атаки противника позиція эта не могла быть итальянцами удержана; однако войсками, овладѣвшими позиціями позади этой высоты, контръ-атака непріятеля была отбита.

Въ Адриатическомъ морѣ итальянской подводной лодкой была потоплена со всѣмъ экипажемъ австрійская подводная лодка.

30-го іюля штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что въ рижскомъ районѣ утромъ 29-го іюля попытки германцевъ потѣснить наши передовыя части отражены. На якобштадтскомъ и двинскомъ направленіяхъ наши войска 28-го и 29-го числа продолжали успѣшно продвигаться впередъ, тѣся передъ собой противника. Въ районѣ къ сѣверу отъ Вилькомира нами были заняты съ боя Коварскъ и Товяны. Захвачены плѣнные. У Ковны атаки германцевъ на западномъ фронтѣ отъ Нѣмана до Еси нами отбивались. Противнику удалось достигъ лишь нѣкотораго успѣха у деревни Годлева. Идетъ ожесточенный артиллерійскій бой. На фронтѣ между Наревомъ и Бугомъ германцы съ упорствомъ продолжали свои атаки, особенно на путяхъ отъ Ломжи, Снядова и Коссева. Южнѣе, по обѣ стороны желѣзной дороги отъ Чижева на Малкинъ, наши войска днемъ 29-го іюля перешли въ контръ-атаку. На путяхъ отъ Средней Вислы положеніе оставалось безъ существенныхъ перемѣнъ. На фронтѣ между Вепржемъ и Бугомъ 29-го іюля противникъ предпринялъ рядъ ожесточенныхъ атакъ въ направленіи на Парчевъ и вдоль обоихъ шоссе отъ Холма на Влодаву; всѣ атаки были отбиты съ огромными для врага потерями. Эти потери особенно велики къ востоку отъ Острова, гдѣ передъ нашими позиціями остались груды германскихъ тѣлъ.

На Днѣстрѣ, въ районѣ устья р. Стрыпы, попытка противника перейти въ наступленіе была нами остановлена. 28-го іюля непріятель въ большихъ силахъ подходилъ одновременно ко входу въ Рижскій заливъ и къ Аландскимъ шхерамъ и обстрѣливалъ маяки. Послѣ отвѣтныхъ выстрѣловъ съ нашихъ судовъ и батарей непріятель быстро отошелъ въ море.

30-го іюля штабъ кавказской арміи доносилъ, что за 27-е іюля бои продолжались. На одномъ изъ участковъ ольгинскаго направленія пять ротъ турокъ, подъ прикрытіемъ огня четырехъ батарей, начали наступленіе въ долину рѣки, но наша батарея, заставивъ замолчать турецкую артиллерію, сосредоточила свой огонь по турецкой пѣхотѣ. Когда же приняла участіе съ нашей стороны одна рота стрѣлковъ, турки смѣшались и бросились бѣжать. Наперерѣзъ имъ была выдвинута партія охотниковъ въ пятнадцать стрѣлковъ подъ командой унтеръ-офицера Колонда. Партія бросилась въ штыки на группу турокъ, силою около 100 человекъ, заколола 31 аскера, 28 аскеровъ взяла въ плѣнъ, въ томъ числѣ двухъ унтеръ-офицеровъ. Остальные турки спаслись бѣгствомъ. Попытки частичныхъ наступленій турокъ на ольгинскомъ направленіи и въ Пасинской долинѣ повсюду были отбиты. При овладѣніи нами Мергемирскимъ переваломъ захвачено три турецкихъ пулемета и плѣнные, число которыхъ выясняется. Въ числѣ плѣнныхъ командиры двухъ полковъ. На евфратскомъ направленіи преслѣдованіе турокъ продолжалось, причемъ за послѣдніе дни одной нашей колонной взято въ плѣнъ 19 офицеровъ и 1.172 аскера, захвачено также болѣе 200 повозокъ, въ томъ числѣ повозки съ пироксилиномъ и

иначевымъ инструментомъ. Захвачено оружіе, патроны и палатки. Въ деревьяхъ отступающимъ противникомъ брошено много раненыхъ аскеровъ, а по дорогѣ наши войска находятъ груды артиллерійскихъ патроновъ. Попытки турокъ пробиться у селенія Харчамбекъ на правый берегъ Евфрата успѣха не имѣли.

30-го іюля на французскомъ фронтѣ въ Артуа велась артиллерійская перестрѣлка и бой при помощи подрывныхъ снарядовъ вокругъ Сушэ. Въ Аргоннахъ непріятель въ теченіе ночи на 30-е іюля дважды атаковалъ наши траншеи въ районѣ Мари-Терезъ и Фонтенъ-о-Шармъ, но былъ совершенно отбитъ. Въ Лепретрскомъ лѣсу шелъ довольно оживленный траншейный бой при помощи ручныхъ гранатъ и бомбъ. Въ Вогезахъ, у Ланжа, германцы пытались произвести атаку, которая была отражена ручными гранатами. Артиллерійскій бой происходилъ вокругъ Сушэ и Невилля. Въ Аргоннахъ путемъ новыхъ контръ-атакъ французы снова овладѣли потерянной раньше траншеей къ востоку отъ дороги Вьеннъ-Лешато-Винарвилль. Довольно сильный артиллерійскій бой шелъ въ сѣверной части Вевра, въ Лепретрскомъ лѣсу и въ Вогезахъ на Барренкопфѣ. Непріятель обстрѣливалъ Ронлетань, причѣмъ среди мирнаго населенія четверо убито, 7 женщинъ и дѣтей ранено.

30-го іюля итальянская главная квартира доносила:

«Въ зонѣ неудобной и возвышенной, находящейся при входѣ въ долину Фурвы (Адды), непріятель, замѣченный уже 22-го іюля на высотѣ Віосъ (3,337 метровъ) и ночью на 27-е іюля отброшенный черезъ ледникъ Форну, атаковалъ нашу позицію передъ гостиницей, одноименной съ ледникомъ, въ то время, какъ другой отрядъ продвинулся черезъ возвышенность Седеваль (3,627 метровъ) до занятой нами позиціи Капалка-Цедекъ. Однако, благодаря дѣятельной и неусыпной бдительности нашихъ альпійцевъ, несмотря на ледники и высоту горъ, намъ удалось помѣшать этимъ смѣлымъ попыткамъ и отбить непріятели, который нашей контръ-атакой былъ обращенъ въ бѣгство. Въ Кадорѣ происходили небольшія благопріятныя для насъ стычки въ горныхъ долинахъ Ансіен, и въ одной изъ нихъ мы захватили сорокъ императорскихъ стрѣлковъ. Частные пѣхотные и артиллерійскіе бои происходили также въ Карніи. Въ долинѣ Понтебба австрійскій отрядъ пытался подняться по итальянскому склону, но былъ атакованъ и обращенъ въ бѣгство».

30-го іюля сербское Прессбюро сообщило о слѣдующемъ:

«30-го іюля въ 2 часа ночи непріятель, безъ всякаго повода, началъ бомбардировку Вѣлграда, причѣмъ огонь былъ направленъ съ высоты 109 метровъ, расположенной къ западу отъ Землина. Бомбардировка производилась нѣсколькими орудіями крупнаго калибра. Чтобы заставить непріятели прекратить огонь, мы начали бомбардировку Землина и Панчева, причѣмъ обстрѣляли сѣверную и сѣверо-западные стороны Землина, гдѣ размѣщены непріятельскіе резервы. Результатъ нашего огня былъ весьма ощутителенъ. Во многихъ пунктахъ надъ Землиномъ поднялся густой дымъ отъ горѣвшихъ домовъ. Въ Панчево произошла паника и жители бѣжали. Непріятель прекратилъ артиллерійскій огонь противъ Вѣлграда, какъ только наши авіаторы сбросили нѣсколько бомбъ надъ Землиномъ и Панчевымъ. Послѣ этого непріятель вы-

пустилъ по нашимъ позиціямъ у Вѣлграда 105 снарядовъ и снарядовъ, однако безъ всякаго результата. Нѣсколько снарядовъ попали въ частные дома, но человѣческихъ жертвъ не было».

31-го іюля штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ:

Въ районѣ юго-восточнѣе Митавы 30-го іюля германцы были отгѣснены нашими войсками за р. Да, при отходѣ противника нами захвачены плѣнные. На направленіяхъ отъ Якобштадта, Двинска и Вилькомира мы продолжали также тѣснить войска противника, преодолевая его упорное сопротивленіе. Въ районѣ Ковны атаки германцевъ пока прекратились; артиллерійскій бой продолжался. На фронтѣ между Наревомъ и Бугомъ наша контръ-атака, произведенная 29-го іюля, облегчила войскамъ сѣвернаго участка названнаго фронта отходъ на нѣсколько поданныхъ назадъ позиціи. На путяхъ отъ Средней Вислы мы, въ соотвѣтствіи съ общей обстановкой, оставили Соколовъ, Сѣдлецъ и Луковъ.

Соучастники нынѣ казенныхъ государственныхъ преступниковъ Мясоѣдова, Бориса Фрейдберга, Шліома и Арона Зальцмановъ, Отто Ригертъ, Давидъ Фрейдбергъ, Робертъ Фалькъ и Матеушъ Микулисъ, приговорены военнымъ судомъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе.

Приговоръ приведенъ въ исполненіе въ ночь съ 25-го на 26-е іюля. Прочіе соучастники приговорены: баронъ Гротгусъ къ каторгѣ безъ срока, Отгонъ Фрейштагъ къ каторгѣ на восемь лѣтъ и жепя казеннаго Мясоѣдова, Клара Мясоѣдова, къ ссылкѣ на поселеніе.

На кавказскомъ фронтѣ за 28-е іюля въ Пассинской долинѣ наши войска съ боемъ овладѣли важной высотой, отбросили турокъ назадъ, причѣмъ захватили въ плѣнъ командира батальона, трехъ офицеровъ и сотню аскеровъ. На евфратскомъ направленіи преслѣдованіе турокъ продолжалось. Взяты были нами въ плѣнъ 200 аскеровъ.

31-го іюля великобританское адмиралтейство извѣстило о томъ, что одна изъ англійскихъ подводныхъ лодокъ, оперирующая въ Дарданеллахъ, утромъ 26-го іюля, при входѣ въ Мраморное море, потопила турецкій броненосецъ. Турецкая канонерская лодка «Perci-Satwet» и пустой транспортъ также потоплены въ Дарданеллахъ одной изъ англійскихъ подводныхъ лодокъ. Вспомогательный крейсеръ «India», несшій въ Сѣверномъ морѣ дозорную службу, 26-го іюля потопленъ германской подводной лодкой. 22 офицера и 119 матросовъ спасены.

31-го іюля сообщеніе французскаго правительства гласило: Въ Артуа попытка атаки, произведенной германцами къ сѣверу отъ замка Карлейль, была легко отражена. Въ Аргоннахъ германцы возобновили 30-го іюля къ вечеру свои атаки въ секторѣ, заключенномъ между дорогой Бинарвилль-Вьенъ-Ле-Шато и ущельемъ Лагуйетъ, но были отражены послѣ горячаго боя, во время котораго употреблялись гранаты и подрывные снаряды. 31-го іюля день прошелъ сравнительно спокойно. Въ районѣ Ньюпорта попытка германской атаки была остановлена огнемъ французовъ. На остальномъ фронтѣ ничего существеннаго, кромѣ артиллерійскаго боя въ Артуа, въ Аргоннахъ, гдѣ пе-

рестрѣлка сопровождалась боемъ ручными гранатами и подрывными снарядами, и въ Апремонскомъ лѣсу.

31-го іюля итальянская главная квартира сообщила:

«Въ Кадорѣ близость нашихъ линій къ линіямъ непріятеля, вызванная тѣмъ, что мы медленнымъ наступленіемъ продвинулись впередъ, влечетъ за собою частыя небольшія атаки и контръ-атаки какъ съ нашей стороны, такъ и со стороны непріятеля. Въ ночь на 30-е іюля непріятель при сильномъ артиллерійскомъ огнѣ подступилъ къ нашимъ новымъ позиціямъ на хребтѣ горы Больдильяно въ верхнемъ Бордеволѣ, но былъ отброшенъ. Наоборотъ, нашимъ войскамъ удалось выбить непріятельскіе отряды, укрывшіеся на западномъ склонѣ Монтепьяно въ началѣ долины Ріенца. На Изонцо непріятель произвелъ демонстрацію противъ нашихъ позицій на укрѣпленіяхъ Слема и Марзли въ горномъ массивѣ Монтенеро и противъ высотъ, недавно нами захваченныхъ къ востоку отъ Плавы, но былъ отброшенъ. На Карсо въ ночь на 30-е іюля, во время сильной бури, непріятель безуспѣшно пытался внезапно атаковать наиболѣе угрожающіе ему наши подступы къ его траншеямъ. Атака отбита».

1-го августа штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ о томъ, что въ рижскомъ районѣ 31-го іюля положеніе оставалось безъ существенныхъ перемѣнъ. На направленіяхъ отъ Якобштадта, Двинска и Вилькомира противникъ пытался контръ-атаками задержать наше наступленіе. Идутъ встрѣчные бои. У Ковны въ теченіе ночи на 30-е число нашими войсками вновь отбиты четыре атаки германцевъ на западныя позиціи. Артиллерійскій бой продолжается. На фронтѣ между Наревомъ и Бугомъ существенныхъ перемѣнъ не произошло. 31-го іюля шелъ горячій бой въ районѣ юго-западнѣе Цѣхановца. У Новогеоргіевска въ теченіе послѣднихъ дней происходилъ артиллерійскій огонь, а также мелкіе бои и столкновенія въ расположеніи сторожевого охраненія. На лѣвомъ берегу Буга боевыя столкновенія въ охраняющихъ частяхъ, имѣли въ ночь на 31-е болѣе упорный характеръ лишь на направленіяхъ сѣвернѣе Сѣдлеца и въ районѣ Лукова.

На кавказскомъ фронтѣ за 29-е іюля на приморскомъ и ольгинскомъ направленіяхъ велась перестрѣлка. Въ Пассинской долинѣ турки два раза вели наступленіе по всему фронту, но наши, подпустивъ ихъ на близкую дистанцію до 200 шаговъ, оба раза отбили съ громадными для противника потерями. Нами захваченъ одинъ штабъ-офицеръ, 5 оберъ-офицеровъ и 30 аскеровъ. Одинъ изъ кавалерійскихъ полковъ атаковалъ стрѣлковую цѣпь турокъ у селенія Мармузь, многихъ изрубилъ и взялъ плѣнныхъ, число коихъ выясняется. Колонна нашей конницы, высланной къ Мелазгерту, захватила 24 офицера, выпущенныхъ изъ эзерумскаго училища. Въ районѣ Даркотъ—Бурну—Булакъ удачныя столкновенія нашихъ конныхъ разъѣздовъ съ турецкими; казакъ Трещочкинъ одинъ съ пашкой бросился на турецкій дозоръ изъ семи чловѣкъ и взялъ ихъ всѣхъ въ плѣнъ.

1-го августа французское правительство увѣдомило:

«Въ Артуа, къ сѣверу отъ замка Карлейль и вокругъ станціи Сушэ въ теченіе части ночи съ 31-го іюля на 1-е августа происходилъ бой гранатами и

подрывными снарядами. Въ Аргоннахъ непріятель произвелъ ночью атаку на весь протяженіи фронта въ секторѣ Мари-Терезъ, но повсюду былъ отраженъ французскимъ огнемъ, причемъ потерпѣлъ значительный уронъ. Къ концу ночи германцы произвели атаку, однако, менѣе ожесточенную, которая была быстро остановлена.

У Дарданеллъ британскія войска успѣшно высадились въ районѣ бухты Сувлы и продвинулись въ южномъ направленіи, въ районѣ Габа-Тепе, гдѣ послѣ ожесточеннаго боя овладѣли склонами горнаго массива Сари-Баиръ, захвативъ болѣе 650 пѣхотныхъ и 9 пулеметовъ. Въ этомъ пунктѣ военныя дѣйствія продолжали развиваться. На югѣ полуострова попытки турокъ прорвать французскія линіи кончились неудачей. Французы нѣсколько продвинулись 25-го іюля. Съ тѣхъ поръ на французскомъ фронтѣ происходилъ преимущественно артиллерійскій бой, причемъ наблюдался успѣхъ французскихъ батарей.

На Изерѣ происходили днемъ 1-го августа артиллерійскіе бои у Ломбартзиде, Сенъ-Жоржа, Безинго и Вестенъ. Въ Артуа къ востоку отъ Лилъскаго шоссе французы съ помощью заложеной мины разрушили передовыя укрѣпленія непріятеля. Между Монши и Рансаръ въ окопахъ непріятеля взорвался складъ боевыхъ припасовъ. Къ сѣверу отъ Лассини французы бомбардировали германскія позиціи близъ Ролана. Ожесточенная канонада происходила въ Аргоннахъ въ секторѣ Улетъ, въ Мормарскомъ лѣсу, въ Тэтъ-а-Вашъ, на границѣ Лотарингіи и въ Вогезахъ у Шаплетъ и Фонтенель.

1-го августа сербы остановили работы непріятеля на фронтѣ Дуная вдоль дороги Панчево—Старчево. На фронтѣ Савы сербскія войска разсылали непріятельскій отрядъ, пытавшійся укрѣпиться близъ Хртковаца.

1-го августа итальянская главная квартира доносила: «Бои по ту сторону границы Кадора становятся все болѣе интенсивными. Въ области Монте-Пьяно непріятель, поддерживаемый многочисленною артиллерією, пытался вчера произвести контръ-атаку противъ нашихъ позицій, но послѣ ожесточеннаго боя былъ отброшенъ, понесъ тяжелыя потери. Въ Секстенской долинѣ въ то время, какъ наша артиллерія обстрѣливала непріятеля, отрядъ нашей пѣхоты вскарабкался на вершину Обербакеръ-Канцеля, находящуюся къ юго-востоку отъ Обербакеръ-Шпицъ и укрѣпился тамъ. Въ то же время другой отрядъ занялъ важный узелъ альпійскихъ сообщеній къ западу отъ Форчеллы-Ченджіа. На Изонцо наша артиллерія открыла уничтожающій огонь по непріятельскимъ укрѣпленіямъ, защищающимъ бассейнъ Пеццо. Одна изъ непріятельскихъ батарей, искусно скрытая въ пещерѣ на Свинжакѣ, 31-го іюля была совершенно разрушена. На Карсо въ ночь на 31-е число непріятель выпустилъ огромное число свѣтящихся фугасовъ по нашимъ позиціямъ, не принимая, однако, никакихъ атакъ. Наша артиллерія продолжаетъ методически разрушать непріятельскія укрѣпленія, причемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ позиціи непріятеля, находящіяся противъ нашихъ окоповъ на Сеи-Буси, были разрушены, а солдаты, занимавшіе эти окопы, были обращены въ бѣгство и большею частью перебиты нашимъ шрапнельнымъ и ружейнымъ огнемъ. За послѣдніе дни непріятельскіе аэропланы нерѣдко появляются въ области

Изонцо, причемъ наша артиллерія, специально приноровленная для отраженія воздушнаго врага, удачно обстрѣливаетъ и обращаетъ въ бѣгство непріятельскихъ летчиковъ».

2-го августа штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что на направленіяхъ отъ Якобштадта и Двинска бои 31-го іюля и 1-го августа приобрѣли болѣе упорный характеръ. На фронтѣ между Наревомъ и Бугомъ настойчивыя атаки германцевъ были нами отражены съ успѣхомъ. На лѣвомъ берегу Буга 31-го іюля и 1-го августа противникомъ велось усиленное наступленіе на наши позиціи вдоль желѣзныхъ дорогъ отъ Сѣдлеца и Лукова. Наступленіе нами сдерживалось, причемъ на 1-е августа захвачено въ плѣнъ до 800 австро-германцевъ съ нѣсколькими пулеметами. У Новогоріевска бомбардировка непріятелемъ укрѣпленій орудіями крупныхъ калибровъ и рядъ частичныхъ атакъ на различные отдѣлы крѣпости. Атаки въ общемъ отбиты. На Золотой Липѣ, въ районѣ къ югу отъ Дунаюва, наши передовыя части 31-го іюля произвели удачный поискъ въ расположеніи германцевъ. Нами были уничтожены ихъ искусственныя препятствія и захвачены два ряда окоповъ, защитники коихъ переколоты. На Днѣстрѣ 31-го іюля и въ ночь на 1-е августа въ районѣ устья Стрыпы и близъ впаденія Золотой Липы происходили частичныя столкновенія, поддержанныя со стороны австрійцевъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ легкихъ и тяжелыхъ орудій.

2-го августа французское правительственное сообщеніе гласило:

«Въ теченіе ночи происходила бомбардировка позицій обоихъ противниковъ, особенно ожесточенная въ Артуа, въ секторѣ Сушэ, Рокленкуръ, въ Шампани, у укрѣпленій Босежуръ, въ Лотарингіи, въ районѣ Линтри и у Рейонъ. Между Уазой и Эномъ мы взорвали мину къ сѣверу отъ Юисаленъ и послѣ ожесточенной рукопашной схватки заняли воронку. Въ Аргоннахъ бои ручными гранатами и подрывными снарядами въ Куртешоссъ и Фонтэнъ-о-Шармъ. Въ Вогезахъ въ районѣ Ла-Фавъ взорвалась германская мина у высоты 607 къ югу отъ Люсь, не причинивъ намъ ни потерь, ни матеріальныхъ поврежденій. Отрядъ изъ 19 аэроплановъ бомбардировалъ военные парки и склады германцевъ въ долини Спада. Сброшены 108 бомбъ. Всѣ аэропланы вернулись невредимыми. День прошелъ спокойно на всемъ фронтѣ. Въ Аргоннахъ наша артиллерія остановила обстрѣлъ непріятелемъ Куртешоссъ и Фонтэнъ-о-Шармъ. Въ секторѣ Багатель взрывъ мины вызвалъ бой изъ-за обладанія воронкой, которая осталась за нами. Непріятель выпустилъ нѣсколько снарядовъ изъ дальнобойныхъ орудій по незащищенному городу Мондидь, но наши батареи остановили непріятельскій огонь. Съ другой стороны, въ отвѣтъ на бомбардировку Сентъ-Діэ и нашего лагеря въ Веттштейнѣ, къ западу отъ Ленжкопфа, мы обстрѣляли станцію Сентъ-Мари-о-Минъ и германскій лагерь у Барренштеля».

Итальянская главная квартира 2-го августа доносила:

«Въ долини рѣки Адижъ непріятельскій блиндированный поѣздъ, снабженный пушками малаго калибра и пулеметами, сдѣлалъ попытку атаковать нашу станцію въ Серравалѣ, но былъ легко отброшенъ. Та же участь постигла и слабыя атаки, направленные противъ нашихъ позицій въ Монтемаджіо и

на плоскогорьѣ къ сѣверу-западу отъ Арзіеро. Въ долинахъ Попена (верхнее теченіе Ріенца) непріятель большими силами атаковалъ позиціи, но послѣ суроваго боя долженъ былъ отступить съ тяжелыми потерями. Въ долину Секстена 31-го іюля непріятельскія укрѣпленія перестали отвѣчать на огонь нашей артиллеріи. Наша пѣхота продвинулась тогда впередъ до склоновъ Сейкофеля и Кродароссы. Равнымъ образомъ въ бассейнѣ Плецо и въ зонѣ Монтенеро наша пѣхота, подъ прикрытіемъ тяжелой артиллеріи въ Кемпаль, достигла значительнаго успѣха. Непріятельскій блиндированный поѣздъ, снабженный легкой артиллеріей, пытался атаковать крайнее правое крыло нашихъ позицій къ юго-востоку отъ Монфальконе, но не имѣлъ успѣха».

3-го августа штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что въ районѣ Бауска въ ночь на 2-ое августа наши войска вновь потѣснили германцевъ къ рѣкѣ Аа; непріятельскія контръ-атаки были нами отбиты. У Ковны продолжались непрерывная бомбардировка и упорныя атаки германцами укрѣпленій западнаго фронта. Между Наревомъ и Вугомъ 1-го и 2-го августа бои велись съ большимъ упорствомъ. Рядъ атакъ противника былъ отбитъ съ громадными для него потерями.

На кавказскомъ фронтѣ за 30-ое іюля въ приморскомъ и ольгинскомъ направленіяхъ происходила перестрѣлка. Въ Пассинской долинѣ атаки турокъ въ теченіе дня отбиты съ большими для нихъ потерями. Къ югу отъ Кара-Дербента шель огневой бой. На евфратскомъ направленіи одна изъ нашихъ колоннъ, продолжая преслѣдованіе турокъ, имѣла бой, послѣ чего заняла Мелазертъ. Въ теченіе сутокъ нами было захвачено болѣе 200 человекъ въ плѣнъ. Въ ванскомъ направленіи нашъ отрядъ имѣлъ столкновеніе съ курдами, которымъ нанесъ пораженіе и многихъ взялъ въ плѣнъ. За 31-ое іюля въ приморскомъ направленіи велась перестрѣлка. На ольгинскомъ—въ районѣ Вильдосоръ попытка турокъ перейти въ наступленіе остановлена нашимъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ. Въ Пассинской долинѣ, послѣ упорнаго боя, мы овладѣли хребтомъ къ западу отъ Кара-Дербента. Всѣ попытки турокъ вернуть утраченныя позиціи остались безрезультатными. Эскадронъ одного изъ нашихъ полковъ налетомъ на турецкій обозъ забралъ въ плѣнъ прикрытіе обоза и большой гуртъ скота, въ обозѣ были повозки съ ручными гранатами и винтовками.

На французскомъ фронтѣ въ теченіе ночи со 2-го на 3-е августа съ перерывами происходила орудійная перестрѣлка въ районѣ Сушэ и на плоскогорьѣ Нувронъ, къ сѣверу отъ рѣки Эна. Въ секторѣ Кеневьеръ и въ западныхъ Аргоннахъ происходили бои съ примѣненіемъ ручныхъ бомбъ и гранатъ. Въ Вогезахъ послѣ взрыва мины въ непріятельской траншеѣ между Нижнимъ Бурнгауптомъ и Аммерцвиллеромъ французы взяли нѣсколько человекъ въ плѣнъ и захватили два бомбомета и одинъ пулеметъ. Въ теченіе всего дня 3-го августа во многихъ пунктахъ фронта происходилъ ожесточенный артиллерійскій бой. Французскія батареи причинили непріятелю чувствительныя потери въ районѣ Кеневьера и остановили его обстрѣлъ на плоскогорьѣ Нувронъ; онъ серьезно повредилъ германскія укрѣпленія къ сѣверу отъ Колла между Бери-о-Бакъ и Луавромъ. Послѣ того, какъ непріятель выпустилъ снарядъ въ Сендіэ, французы открыли огонь по газовымъ резервуарамъ въ Сентъ-Мари-о-Минъ, которые воз-

рвались, а также обстрѣляли германскую фабрику къ востоку отъ Мюнстера, вызвавъ въ ней пожаръ.

3-го августа великобританское правительство официально сообщило:

«Германская подводная лодка рано утромъ выпустила нѣсколько снарядовъ въ Партонъ, Харрингтонъ и Уайтгэвенъ. Матеріальнаго ущерба не причинено: нѣсколько снарядовъ попало въ желѣзнодорожную насыпь къ сѣверу отъ Партона. Желѣзнодорожное движеніе было лишь на короткое время задержано: пожары, причиненные въ Уайтгэвенъ и Харрингтонъ, были быстро прекращены. Несчастныхъ случаевъ съ людьми не было».

Сообщеніе главной итальянской квартиры отъ 3-го августа гласило:

«Въ районѣ Тонале и въ секторѣ Вальсаса (Сеттекомуни) вчера происходила довольно интенсивная артиллерійская дуэль. Въ Секстенской долиинѣ (въ Драва) мы нѣсколько продвинулись впередъ. На Сейкофель и Брода-Росса мы разрушили непріятельскія позиціи и привели къ молчанію непріятельскую артиллерию, пытавшуюся вступить съ нами въ состязаніе. Наша пѣхота наступала вдоль долиинъ Бахербаха и Боденбаха, взявъ приступомъ непріятельскія позиціи и захвативъ въ плѣнъ нѣсколько десятковъ человекъ. Въ ночь на 2-ое августа непріятель съ помощью контръ-атаки пытался возвратити потерянные имъ позиціи на Боденбахѣ, но былъ отраженъ. По дополнительнымъ свѣдѣніямъ о боѣ, происходившемъ 31-го іюля въ долиинѣ Попена, подтверждается извѣстіе о тяжелыхъ потеряхъ, понесенныхъ непріятелемъ. Въ одномъ изъ окоповъ найдено было до 200 труповъ, изъ которыхъ нѣсколько офицеровъ. Въ Карни въ ночь на 2-ое августа непріятель предпринялъ ожесточенную атаку противъ нашихъ позицій на Паль-Пикколо, Фрейкофель и Паль-Гранде, но, благодаря стойкости нашей пѣхоты, поддержанной ураганнымъ огнемъ нашихъ батарей, непріятель былъ отбитъ по всему фронту, понеся тяжелыя потери. Въ области Монтенеро мы снова вчера продвинулись впередъ въ направленіи Пледцо, захвативъ въ плѣнъ около 300 человекъ».

4-го августа штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ о томъ, что въ рижскомъ районѣ и на якобштадтскомъ направленіи особыхъ перемѣнъ не произошло. Попытки непріятеля 2-го и 3-го августа продвинуться впередъ успѣха не имѣли. На двинскомъ направленіи упорные бои продолжаются, всѣ атаки германцевъ нами отбиты. У Ковны бои приобрѣли чрезвычайно напряженный и упорный характеръ. Противникъ въ теченіе 2-го и 3-го августа, тщательно подготовивъ атаку тяжелой артиллеріей всѣхъ калибровъ до 16-ти дюймовыхъ включительно, употреблялъ всѣ усилія овладѣть штурмомъ укрѣпленіями лѣваго берега Нѣмана. Къ вечеру 3-го ему удалось овладѣть однимъ сильно разрушеннымъ огнемъ фортомъ и прорваться въ промежутки между нѣкоторыми другими фортами западнаго фронта. Бой продолжался. На лѣвомъ берегу Верхняго Нарева въ теченіе 2-го августа нами отбитъ рядъ стремительныхъ атакъ германцевъ на направленіяхъ къ Бѣлостоку и Бѣльску. Также успѣшно задерживалось наступленіе противника между рѣками Нурецъ и Бугомъ. Потери противника были весьма значительны.

На Бугѣ выше м. Янова происходили столкновенія преимущественно охраняющихъ частей, но въ районѣ Влодавы противникъ стремится закрѣпитися

на правом берегу рѣки. Въ районѣ Новогеоргіевска велся напряженный артиллерійскій огонь. Противникомъ были введены въ бой орудія самыхъ крупныхъ калибровъ. За 2-ое и въ ночь на 3-е августа нѣмцы произвели рядъ атакъ, направляя ихъ преимущественно на укрѣпленія между Наревомъ и лѣвымъ берегомъ рѣки Вкры.

Въ Черномъ морѣ, въ угольномъ районѣ, наша подводная лодка потопила турецкій пароходъ съ углемъ.

4-го августа штабъ кавказской арміи доносилъ:

«За 1-ое августа на приморскомъ и ольгинскомъ направленіяхъ удачныя дѣйствія нашихъ развѣдчиковъ. У селенія Безъ уничтожена переправа турокъ черезъ рѣку Чорохъ. На евфратскомъ направленіи наши войска заняли Копъ, а затѣмъ, послѣ пятичасового боя наша колонна принудила значительныя силы турокъ отступить къ Торгону. Въ этомъ же районѣ наши развѣзды хорунжаго Вѣлаго и подхорунжихъ Сычева и Иващенко атаковали въ конномъ строю отбившіяся турецкія роты, причемъ многихъ порубили и забрали плѣнныхъ съ винтовками. По донесенію одного командира пѣхотной части, слѣдовавшей за нашей конницей, весь путь отъ Духата до Мелазгерта усѣянъ турецкими трупами изрубленныхъ при преслѣдованіи нашей конницей турецкихъ аскеровъ.

«За 2-ое августа въ приморскомъ районѣ перестрѣлка. На ольгинскомъ направленіи партія развѣдчиковъ, устроивъ засаду туркамъ, захватила плѣнныхъ. Къ югу отъ Кара-Дербента наши войска послѣ упорнаго боя овладѣли селеніями Сейгманъ и Айдархомъ. Въ ванскомъ районѣ нашъ отрядъ, тѣсни турокъ, занялъ городъ Ванъ.

«Лѣвый флангъ кавказской арміи, постепенно вытѣсняя турокъ изъ Ванскаго вилайета и долины Евфрата, въ началѣ іюля достигъ фронта Мелазгертъ—Ахлатъ, гдѣ были встрѣчены значительныя силы турокъ на крѣпкихъ позиціяхъ Копъ-Кормунджъ. Турки, озабоченные происходившимъ въ этомъ районѣ, уже давно начали сосредоточивать къ своему правому фронту значительныя подкрѣпленія и къ началу іюля противъ нашихъ войскъ въ районѣ Мелазгертъ—Ахлатъ были сосредоточены силы, достаточныя для притиводѣйствій намъ, а еще большія подкрѣпленія находились въ пути въ томъ же районѣ. Нашимъ войскамъ лѣваго фланга приказано было разбить турокъ, находившихся передъ ними, до подхода всѣхъ ихъ подкрѣпленій. Произошелъ рядъ упорныхъ боевъ, окончившихся овладѣніемъ нами весьма крѣпкими и сильно укрѣпленными позиціями на фронтѣ Копъ—Ахлатъ. Турки начали поспѣшно отступать въ юго-западномъ направленіи на подходящія къ нимъ подкрѣпленія; эти подкрѣпленія вмѣстѣ съ разбитыми на фронтѣ Копъ—Ахлатъ войсками образовали крупную группу въ десять дивизій. Благодаря особымъ условіямъ мѣстности съ выгодами ближняго базированія турокъ на Мушъ, они имѣли возможность не только остановиться на хребтѣ Коруръ-Дагъ, но и перейти въ наступленіе противъ значительно слабѣйшихъ силъ нашихъ, дѣйствовавшихъ на этомъ направленіи. Въ виду этого нашимъ частямъ приказано было отходить, не принимая рѣшительнаго боя, и въ то же время было приступлено къ необходимой для контрманевра перегруппировкѣ.

«10-го іюля турки перешли въ наступленіе, а 22-го іюля наши войска лѣваго

фланга достигли частью силъ района сѣвернѣ Каракилисса, гдѣ и заняли позицію южнѣ Ахтинскаго перевала, притягивая къ себѣ главныя силы турокъ. Частью же силы прикрыли направленіе въ Діадинскую долину.

«23-го іюля наши войска, закончивъ перегруппировку, перешли совершенно неожиданно для турокъ въ энергичное наступленіе, какъ со стороны Ахтинскаго перевала и Діадинской долины, такъ и, главнымъ образомъ, со стороны Дайяра сильной колонной во флангъ и тылъ турокъ. Съ перваго же дня обозначились серьезные результаты наступленія нашихъ войскъ. Турки вездѣ подъ нашимъ натискомъ начали спѣшно отходить.

«24-го іюля нашей обходной колонной были захвачены Клычъ-Гядукскій перевалъ съ лучшимъ по качеству и главнѣйшимъ коммуникационнымъ путемъ турокъ по правому берегу Евфрата. Турки пытались обратно овладѣть этимъ весьма важнымъ для нихъ переваломъ и открыть себѣ путь отступленія правымъ берегомъ Евфрата. Съ этой цѣлью они произвели рядъ яростныхъ атакъ перевала съ сѣвера, во всѣ онѣ были отбиваемы съ громаднымъ для турокъ уропомъ, причѣмъ положеніе турецкихъ частей, задержавшихся въ долинѣ Шаріанъ, становилось все затруднительнѣе, такъ какъ съ сѣвера, сѣверо-запада и сѣверо-востока наши части все болѣе и болѣе начали ихъ тѣснить. Тогда турки, дабы остановить движеніе нашей обходной колонны, двигавшейся къ Дутаху, бросили подходившую изъ Пассинской долины 29-ю пѣхотную дивизию на Мергемирскій перевалъ, оттѣснили наши небольшія части, бывшія на немъ, и рѣшили ударить на сообщенія обходной Клычъ-Гядукской колонны. Но это намѣреніе было парировано. Подошедшія наши части въ числѣ нѣсколькихъ батальоновъ рѣшительной атакой въ теченіе всего дня 26-го іюля и ночи на 27-го іюля, послѣ упornaго штыкового боя, овладѣли къ разсвѣту 27-го іюля Мергемирскимъ переваломъ, сбросивъ съ хребта 29-ю дивизию и, захвативъ пулеметы, двухъ командировъ полковъ, нѣсколько офицеровъ плѣнныхъ, закрѣпились на Шаріанъ-дагѣ и тѣмъ обезпечили безпрепятственное и настойчивое преслѣдованіе турокъ, отступавшихъ къ долинѣ Евфрата. Турки пытались задержать наше преслѣдованіе на рядѣ позицій: къ югу отъ Кара-Килисса, на верхнемъ берегу Верхняго Евфрата, въ районѣ Хамура на Паланъ-Текенскихъ позиціяхъ, выставляя заслоны къ западу въ сторону обходящей колонны и стараясь открыть путь на правый берегъ Евфрата. Всѣ ихъ усилія не дали результатовъ и одиннадцать турецкихъ дивизій, такъ смѣло наступавшихъ на сѣверѣ, были опрокинуты и принуждены къ беспорядочному отступленію по разнымъ направленіямъ.

«30-го іюля нами занятъ районъ Мелазгерта, т. е. положеніе на нашемъ лѣвомъ фронтѣ вновь восстановлено.

«Число трофеевъ нами пока еще не установлено, но уже имѣются свѣдѣнія о захватѣ пушекъ, пулеметовъ, оружія, боевыхъ и другихъ припасовъ, а также большого количества обозовъ и вьючныхъ животныхъ. Въ числѣ плѣнныхъ уже установлено нѣсколько тысячъ нижнихъ чиновъ. По всему фронту, пройденному нами, бродятъ группы аскеровъ, сдающихся безъ всякаго сопротивленія. Снаряды, зарядные ящики брошены на всѣхъ путяхъ движенія турокъ.

«Изъ всего этого видно, что турецкимъ войскамъ праваго фланга нанесено серьезное поражение».

Въ теченіе ночи съ 3-го на 4-ое августа на различныхъ пунктахъ французскаго фронта, а именно у Буасенга и Кенневьера, а также въ Лотарингіи у Арракуръ и Лейнтрей происходилъ довольно оживленный артиллерійскій бой. Въ Аргоннахъ у Фонтенъ-о-Шармъ и у Отъ-Шевошэ бой велся съ помощью ручныхъ гранатъ. Въ послѣднемъ пунктѣ германцы 3-го августа вечеромъ вышли изъ своихъ траншей и предприняли атаку; огнемъ французскихъ войскъ они были отброшены къ своимъ линіямъ.

Въ теченіе дня 4-го августа на большей части фронта происходили артиллерійскіе бои, но безъ какого-либо значительнаго результата. Въ Вогезахъ французы подвергли сильному обстрѣлу позиціи непріятели въ районѣ Ленжъ—Рейхаккеркопфа и на горномъ хребтѣ между Сондернахомъ и Ландерсбахомъ. Въ послѣднемъ пунктѣ французская пѣхота перешла въ атаку, овладѣла хребтомъ и на немъ утвердилась. Контръ-атака непріятели была отражена.

На итальянскомъ фронтѣ, по свѣдѣніямъ отъ 4-го августа, военныя дѣйствія развивались въ такомъ порядкѣ: въ дикомъ горномъ массивѣ Ортлера, между верхними частями долинъ Адда и Адиге, одинъ изъ итальянскихъ отрядовъ, выйдя въ ночь на 3-е августа изъ Капанаса, перешелъ, раздѣлившись на мелкіе отряды, переваль Камосчи (3.084 метра) и Ведрету-де-Кампо, причемъ люди были связаны другъ съ другомъ веревками, а затѣмъ, вскарабкавшись на ледяную вершину Туркетъ-Шпицъ (3.469 метровъ), напалъ врасплохъ на непріятельскій отрядъ и послѣ этого направился на Гинтере-Мадатачъ-Шпицъ (3.432 метра) занятый непріятельскимъ отрядомъ, атаковалъ его, разсѣялъ и прочно занялъ вершину. Въ верхнемъ теченіи Ріенца итальянская пѣхота снова продвинулась впередъ и заняла Заттельбергъ, къ западу отъ Ланге-Альпе. Въ секторѣ Монте-Неро итальянцы овладѣли нѣсколькими непріятельскими траншеями, находящимися между горнымъ хребтомъ Врси и мѣстностью, называемой Плюнь. Контръ-атака, предпринятая непріятелемъ на позиціи итальянцевъ Врси, была мужественно отражена. Въ области Тольмино итальянцами было развито блестящее наступленіе на холмы Санта-Марія и Санта-Лючія, находящіеся на правомъ берегу Изонцо. Послѣ обычной успѣшной артиллерійской подготовки итальянская пѣхота бросилась въ штыки и завладѣла линіей сильно укрѣпленныхъ окоповъ вдоль западныхъ склоновъ этихъ высотъ. Непріятель понесъ при этомъ весьма серьезныя потери. Итальянцами захвачено 17 офицеровъ, 547 нижнихъ чиновъ, четыре пулемета и большое количество боевыхъ припасовъ.

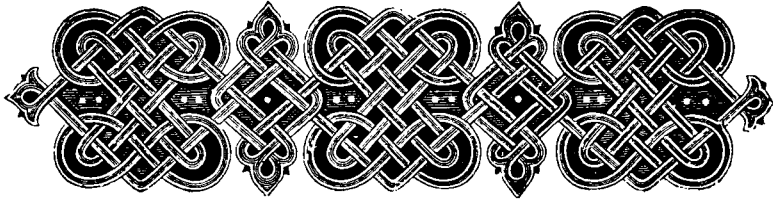
5-го августа штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ о томъ, что въ рижскомъ районѣ и на якобштадтскомъ направленіи существенныхъ переменъ не произошло. Попытки непріятельскаго флота къ траленію миннаго загражденія у входа въ Рижскій заливъ отбивались огнемъ нашихъ судовъ. На двинскомъ направленіи въ ночь на 4-е августа и на слѣдующій день попытки германцевъ перейти въ наступленіе были нами отбиты. У Ковны, послѣ ожесточенныхъ одиннадцатидневныхъ боевъ, стоявшихъ противнику огромныхъ потерь, германцамъ удалось утвердиться въ укрѣпленіяхъ, расположенныхъ на лѣвомъ берегу Нѣмана къ западу отъ рѣки Еси. Германцы производили по-

пытки переброситься на правый берег этого овражистаго ручья, гдѣ часть укрѣпленій продолжаетъ находиться въ нашихъ рукахъ. На правомъ берегу Иѣмана всѣ укрѣпленія занимались нами. На фронтѣ Верхняго Нарева, а также между нимъ и Бугомъ, 3-го и 4-го числа бои продолжались съ переменнымъ успѣхомъ. Съ особой настойчивостью противникомъ велись атаки на путяхъ къ Бѣлостоку и Бѣльску съ запада. На Бугѣ, въ районѣ желѣзной дороги Сѣдлецъ—Черемха, отбивъ наступленіе германцевъ, мы произвели удачную контръ-атаку. Захвачено нѣсколько пулеметовъ. Въ районѣ Новогеоргіевска противникомъ продолжались настойчивыя атаки на сѣверо-восточный фронтъ укрѣпленій, причеиъ главныя усилія германцевъ направлены были на укрѣпленія, запирающія желѣзную дорогу отъ Млавы.

На Кавказскомъ фронтѣ въ приморскомъ районѣ велась обычная перестрѣлка. На ольтинскомъ направленіи происходили столкновения развѣдывательныхъ частей. Въ Пассинской долинѣ наступленіе турокъ на Топоджу было нами остановлено, причеиъ особенно удачно дѣйствовала наша артиллерія. Къ югу отъ Кара-Дербента нами съ боя занята сильная позиція турокъ на горѣ Мирза-Ага. Въ евфратскомъ направленіи наша колонна съ боя заняла иркусскую позицію и отбросила турокъ на запада. За сутки нами взято въ плѣнъ одинъ командиръ батальона, четыре оберъ-офицера и больше трехсотъ аскеровъ; отбитъ обозъ съ винтовками, ручными гранатами и большой гуртъ скота.

На французскомъ фронтѣ ночь съ 4-го на 5-е августа прошла относительно спокойно на большомъ протяженіи фронта. Артиллерійскіе бои происходили лишь въ секторѣ къ сѣверу отъ Арраса и между Соммой и Уазой, въ районѣ Руа и Ласиньи. Происходили бои ручными бомбами и подрывными снарядами въ Аргоннахъ, въ Хотъ-Шевошэ, Фонтенъ-о-Шармъ и въ лѣсу Шеппи. Французской бомбардировкой германскихъ позицій въ районѣ Ленжъ разрушены двѣ тяжелыя батареи и взорвано нѣсколько военныхъ складовъ. Двѣ ожесточенныя контръ-атаки, произведенныя ночью германцами противъ французскихъ позицій на вершинѣ Зондернаха, были французами отражены, причеиъ послѣдніе взяли въ плѣнъ около пятидесяти человекъ. Въ теченіе дня 5-го августа въ Артуа, Шампани, въ Апремонскомъ лѣсу, въ Люверъ и Вофери, въ Лепретрскомъ лѣсу, въ районѣ Круа-де-Шармъ, а также на фронтѣ Лазейль, происходилъ сильный артиллерійскій бой. Минная борьба продолжается во многихъ пунктахъ. Около Беврэна, къ югу отъ Руа, взрывомъ одной изъ французскихъ минныхъ камеръ разрушены саперныя работы германцевъ. Въ Аргоннахъ попытки непріятеля продвинуться въ районѣ Мари-Терезъ были всѣ отражены. Въ Вогезахъ позиція, отнятая французами у непріятеля, на вершинѣ Зондернаха, была ими удержана, несмотря на весьма ожесточенную бомбардировку.

ЗА ЧУЖУЮ СВОБОДУ¹⁾

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XXXI.

СЕЗОНЪ въ Карлсбадѣ былъ чрезвычайно оживленъ. Никогда еще не было такого блестящаго и многолюднаго съѣзда; съѣхались представители аристократіи трехъ столицъ: Петербурга, Вѣны и Берлина; прибыли раненые офицеры, русскіе и въ меньшемъ числѣ прусскіе. Появлялись и исчезали дипломаты, мелькали фигуры блестящихъ адъютантовъ изъ главныхъ союзныхъ штабовъ, изъ императорской квартиры—изъ Петерсвальде, изъ Гитчина, гдѣ находился австрійскій дворъ, изъ Рейхенбаха—ставки главнокомандующаго Барклая-де-Толли. Дамы соперничали красотой и туалетами. Съ объявленіемъ перемирія оживленіе замѣтно возросло и появились новыя лица, а съ пріѣздомъ изъ сѣверной Богеміи великихъ княгинь Екатерины Павловны и Маріи Павловны, герцогини Саксенъ-Веймарской, пріѣхавшей на свиданіе съ братомъ, это оживленіе достигло своего апогея. Тѣмъ болѣе, что съ пріѣздомъ Екатерины Павловны все чаще и чаще появлялся въ Карлсбадѣ «великій очарователь», русскій императоръ.

Все это общество, по которому едва скользили великія событія, продолжало заниматься привычнымъ дѣломъ: интриговало,

¹⁾ Продолженіе. «Истор. Вѣстн.», т. СХLI, стр. 673.

«Истор. вѣстн.», октябрь 1915 г., т. СХLII.

злословило, ловило милости императора, составляло планы походовъ, критиковало или хвалило военачальниковъ и обсуждало условія предстоящаго мира, въ которомъ не сомнѣвалось. Въ петербургскихъ салонахъ, перенесенныхъ сюда, Дегранжъ, пріѣхавшій изъ Варшавы, попрежнему уловлялъ въ свои сѣти скупающихъ дамъ и дѣятельно агитировалъ въ пользу единой истинной церкви. Во главѣ его поклонницъ стояла чернокудрая красавица Зинаида Александровна Волконская. Пріѣхала и княгиня Напраксина, разочарованная и какъ бы сконфуженная. Надъ ней втихомолку подсмѣивались, такъ какъ ей одной пришлось особенно расплатиться за увлеченіе многихъ. Со святымъ отцомъ Никифоромъ произошла въ Москвѣ, куда его увезла Напраксина послѣ петербургскаго случая, довольно неприятная исторія. Рассказывали, что въ Москвѣ онъ успѣлъ втереться въ кружокъ богачей Пенастьевыхъ, сектантовъ-хлыстовъ, и занять тамъ видное положеніе. Но тутъ у него какъ-то сорвалось. Произошло что-то темное. Онъ успѣлъ соблазнить дочь московскаго туза изъ купцовъ Ворошилову, подбилъ ее украсть брильянты ея матери и крупную сумму у отца, забралъ добычу и бѣжалъ, оставивъ соблазненную Ворошилову. Та въ отчаяніи призналась во всемъ отцу, а тотъ бросился къ генераль-губернатору. Но отца Никифора и слѣдъ простылъ. Обобранныхъ оказалось еще довольно много. Видно, что отецъ Никифоръ, потерявъ свою карьеру въ Петербургѣ, сбросилъ съ себя маску и показался въ истинномъ свѣтѣ. Такой безславный конецъ «пророка» глубоко поразилъ княгиню Напраксину. И такъ какъ она была его поклонницей до послѣдняго дня, въ то время, какъ другія остались въ сторонѣ, въ Петербургѣ, то она одна оказалась скомпрометированной... Всѣ поспѣшили отречься отъ своего «учителя». Однако княгиня довольно скоро утѣшилась, присоединившись къ кружку Зинаиды Волконской.

Но эта сплетня не долго занимала карлсбадское общество, живущее настоящимъ. Гораздо больше привлекала любопытство общества милость, оказываемая императоромъ Дегранжу (было извѣстно, что Дегранжъ тайно нѣсколько разъ былъ въ Петерсвальде), и еще исключительное вниманіе, проявленное государемъ княгинѣ Бахтѣевой, только здѣсь представленной ему великой княгиней Екатериной Павловной. И между этими двумя обстоятельствами существовала какъ бы нѣкоторая связь, такъ какъ Дегранжъ былъ постояннымъ гостемъ въ домѣ Бахтѣевыхъ. Сама княгиня Ирина рѣдко гдѣ появлялась, за исключеніемъ великой княгини. Это тоже волновало общественное мнѣніе. Но когда молодая княгиня, всегда сумрачная и блѣдная, появлялась въ какомъ-нибудь собраніи, гдѣ ей слѣдовало быть, она, къ зависти всѣхъ дамъ, была центромъ вниманія. Всѣ лица, близкія ко двору, наперерывъ выказывали ей необыкновенное вниманіе, равнодушно

принимаемое ею. Благоволеніе императора и дружба великой княгини окружали ее словно ореоломъ. Тутъ было о чемъ поговорить и позлословить, тѣмъ болѣе, что въ числѣ ея поклонниковъ былъ самъ Пронскій, мужъ известной красавицы, кумиръ дамъ обѣихъ столицъ, флигель-адъютантъ и любимецъ государя. Всѣ видѣли его настойчивыя ухаживанія—и завидовали, и ревновали. Одна только его жена смотрѣла на это совершенно равнодушно. И мужъ, и жена оба имѣли шумный успѣхъ и уже давно перестали вмѣшиваться въ маленькія сердечныя дѣла другъ друга.

Обѣды, приемы, вечера, балы тянулись непрерывной цѣпью. Въ теплыя, благоуханныя ночи въ садахъ вспыхивали фейерверки, сплетались интриги, завязывались романы, такіе же короткіе и, быть можетъ, такіе же яркіе, какъ разсыпающіяся цвѣтными искрами въ темномъ небѣ ракеты.

Но когда стали прибывать раненые офицеры, дамы встрепенулись и тотчасъ занялись ими съ настоящей трогательной заботливостью. Такъ какъ въ виду большого стѣзда прибывшимъ на отдыхъ и для леченія офицерамъ было очень затруднительно находить помѣщенія, то русскія дамы озаботились оставить за собою нѣсколько уютныхъ домиковъ, наняли прислугу и предоставили ихъ офицерамъ. Вѣнскія дамы держались въ сторонѣ, соблюдая по примѣру своего двора нейтралитетъ; что же касалось берлинскихъ дамъ, то, относясь съ явнымъ неодобреніемъ, по примѣру короля, къ этой войнѣ, онѣ не проявляли никакого участія къ русскимъ офицерамъ, но своихъ считали жертвами русской политики и единственными героями бѣдственной войны.

Бахтѣевы заняли большой красивый домъ, окруженный великолѣпнымъ садомъ, съ чудесными цвѣтниками. Евстафій Павловичъ чувствовалъ себя на верху блаженства. Онъ всюду бывалъ, собиралъ и разносилъ новости, имѣлъ прекрасный выѣздъ, не стѣснялся въ деньгахъ и притомъ чувствовалъ себя въ полной безопасности. Старый князь тоже какъ будто успокоился. Внѣшне Прина поправилась, не проявляла прежней нервности и лихорадочной дѣятельности. Она избѣгала бывать на праздникахъ и по возможности вела затворническій образъ жизни. Дегранжъ попрежнему бывалъ почти ежедневно. Но за этимъ внѣшнимъ спокойствіемъ Никита Арсеньевичъ не замѣтилъ странной перемѣны, происшедшей въ княгинѣ. Словно она пережила что-то очень тяжелое, что-то поборола въ себѣ, въ чемъ-то нашла силы и даже отраду. Глубокая покорность свѣтилась въ ея прекрасныхъ глазахъ. Не зналъ князь и тѣхъ минутъ отчаянія, которыя вдругъ нарушали достигнутый покой, когда въ тишинѣ ночи княгиня плакала, молилась, проклинала жизнь и жаждала смерти... Но эти минуты проходили, покой покорности снова возвращался на мигъ въ возмутившееся сердце...

Князь очень удивлялся, что отъ Левона нѣтъ никакого извѣстія. Изъ штаба и отъ нѣкоторыхъ офицеровъ онъ зналъ, что Левонъ живъ. Онъ такъ былъ увѣренъ, что Левонъ, узнавъ о ихъ пріѣздѣ, поспѣшитъ пріѣхать или хоть написать о себѣ. Онъ нѣсколько разъ начиналъ объ этомъ разговоръ съ женой, но Ирина съ видимымъ равнодушіемъ отвѣчала:

— Вы знаете, что онъ живъ. Вѣдь, это самое главное.

Но каждый разъ Ирину стоило большихъ усилій сохранить это виѣшнее спокойствіе. Ея оскорбленное сердце болѣло. Левону было извѣстно, что онъ здѣсь, а его не было. Она не знала, что Старосельскій былъ убитъ, не успѣвъ исполнить порученіе. Но она подавляла движеніе своего сердца, непрестанно твердя себѣ, что прошлаго нѣтъ, что Левонъ для нея умеръ и что она не должна, не смѣетъ желать съ нимъ встрѣчи. «Красота не должна быть проклятемъ,—говорилъ Дегранжъ,—и не должна убивать и нести за собою грѣхъ и разрушеніе... Преступныя мечты убиваютъ душу... Одно спасеніе въ отреченіи, пока не поздно»... И подъ вліяніемъ этихъ мыслей Ирина находила въ себѣ силы побѣждать порывы сердца. Кромѣ того, ихъ заглушали и виѣшнія впечатлѣнія, и новые горизонты, открывавшіеся передъ ней. Особенно сильное впечатлѣніе произвела на нее великая княгиня Екатерина Павловна, и неотразимо и властно захватывали ее недолгія бесѣды съ ней императора у его сестры, такъ непохожія на его обычно любезные разговоры со свѣтскими красавицами. И что-то родственное своимъ настроеніямъ видѣла она въ настроеніи этихъ двухъ такъ высоко стоявшихъ надъ ней людей: одинъ—вершитель судебъ міра, окруженный лестью и поклоненіемъ сильныхъ и слабыхъ, и другая—молодая царственная красавица, его сестра, близкій другъ и наперсница глубокихъ и тайныхъ печалей его души. Инстинктомъ страдающей женщины она почувала въ этихъ баловняхъ судьбы такихъ же, какъ и она, мятущихся, страдающихъ людей. Подъ величавой спокойною виѣшностью, напоминавшей Екатерину II, въ великой княгинѣ чужалось ей страстная и страдающая душа. И иногда въ интимной обстановкѣ, наединѣ, прекрасное лицо утрачивало свою величавость и имѣло скорбное выраженіе... Ирина вспоминала смутные придворные слухи, когда она была еще дѣвочкой, и догадывалась о причинахъ этой скорби. Любовь не разбираетъ положенія... Имя героя, любимца арміи, связывалось въ этихъ слухахъ съ именемъ великой княжны... Невозможность выхода, насильственная долгая разлука, бракъ безъ увлеченія, годы тоски и геройская смерть его на Бородинскомъ полѣ... Весенняя мечта, ставшая трагедіей сердца... Но весна не забывается... Ни блескъ, ни слава не замѣняютъ первыхъ весеннихъ чувствъ, и дни весны навсегда остаются днями славы... И этой женщинѣ, такъ много пережившей и

дважды овдовѣвшей, едва было двадцать пять лѣтъ... И тихій голосъ государя, когда, глядя на нее прекрасными голубыми глазами, словно читая въ ея душѣ, онъ говорилъ:

— Возмездіе начинается здѣсь, а не тамъ. Каждый злой поступокъ, каждая грѣховная мысль уже носитъ въ себѣ зерно возмездія—страданія здѣсь. И это зерно растетъ и вырастаютъ цвѣты скорби, наполняя сердце, убивая радость и веселіе и навсегда отнимая счастье. Нѣтъ человѣка несчастіе преступника. Быть можетъ, до поры это зерно не произрастаетъ на бесплодной почвѣ, но дыханіе Бога оживитъ ее... зерно дастъ плоды, и тогда начинается искупленіе... бессонныя ночи, тоска, одиночество, страшные призраки, отчаяніе...

Императоръ опустилъ голову... Ирина слушала, затанувъ дыханіе, пораженная его словами. Такъ можетъ говорить только человѣкъ, испытавшій все это... Но онъ! Такой добрый, такой великодушный!.. А императоръ уже съ ласковой улыбкой и прояснившимся лицомъ говорилъ:

— Но все это не можетъ относиться къ вамъ, милая княгиня, вы такъ юны, такъ чисты. Ваше назначеніе разсѣивать печали и приносить утѣшеніе...

И императоръ цѣловаль ея руку, а она сторала отъ чувства мучительнаго стыда...

И въ такія минуты образъ Левона таялъ и расплывался...

XXXII.

Вѣсть о перемиріи была принята Леономъ съ истиннымъ облегченіемъ. Онъ не сочувствовалъ этой войнѣ. Не раздѣлялъ энтузіазма нѣкоторой части офицерства и высшаго общества и не находилъ въ своей душѣ никакой ненависти къ врагамъ, а, наоборотъ, чувствовалъ антипатію къ союзникамъ. Онъ надѣялся, что перемиріе закончится миромъ. И миръ этотъ послѣ многолѣтнихъ войнъ будетъ проченъ и глубокъ. Тогда онъ выйдетъ въ отставку, станетъ свободнымъ человѣкомъ и, быть можетъ, найдетъ забвеніе и удовлетвореніе въ той дѣятельности, теперь смутно представляющейся ему, о какой говорилъ ему Монтрозъ.

Бѣлоусовъ былъ радъ перемирію, какъ ребенокъ, и все порывался въ Карлсбадъ, гдѣ, какъ говорили побывавшіе тамъ офицеры, было такъ весело. Но пока его еще задерживали нѣкоторыя дѣла по службѣ. Онъ уговариваль ѣхать и Бахтѣева, но Левонъ колебался. То онъ рвался туда въ надеждѣ встрѣтить тамъ Ирину, то боялся новыхъ страданій при встрѣчѣ съ ней, а безъ нея тоже не хотѣлъ быть въ томъ обществѣ, гдѣ каждый встрѣчный наполнялъ бы о ней. Боевая жизнь, иные интересы, опасности, постоянная игра со смертью нѣсколько притупили остроту его тоски.

Онъ довольно часто видѣлся съ Батюшковымъ, и бесѣды съ нимъ дѣйствовали на него успокоительно, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Батюшковъ въ минуту откровенности разсказалъ ему печальную повѣсть своей молодой любви. Это было пять лѣтъ тому назадъ, когда поэтъ послѣ шведскаго похода, раненый, лечился въ Ригѣ... И тамъ полюбилъ дочь своего хозяина, Мюгель... Начавшаяся идиллія была грубо оборвана ея отцомъ... и они разстались. Но забыть ее онъ не могъ до сихъ поръ и, должно быть, никогда не забудеть... Эти чувства находили отзвукъ въ душѣ князя...

— Любить въ жизни можно только разъ,—съ глубокимъ убѣжденіемъ говорилъ Батюшковъ.—Настоящая любовь такъ много беретъ силъ и такъ опустошаетъ душу, если она несчастна, что послѣ нея душа дѣлается бесплодной. Она становится похожей на мертвое море, покрывшее цвѣтушіе сады Содома и Гоморры...

Левону казалось, что поэтъ правъ.

Еще удерживало его желаніе дожидаться Новикова, судьба котораго уже начинала беспокоить его. Ходили слухи, что весь отрядъ майора Люцова предательски истребленъ вюртембергцами. Эти слухи были очень упорны. Кто-то говорилъ, что въ Карлсбадѣ находится теперь раненый адъютантъ Люцова, извѣстный поэтъ Теодоръ Керперъ.

Все это очень тревожило Левона и внушало ему мрачныя предчувствія. И предчувствія эти оправдались. Изъ Рейхенбаха пріѣхалъ Бѣлоусовъ, куда ѣздилъ немного провѣтриться со штабными пріятелями, взволнованный, почти въ отчаяніи. Онъ сообщилъ, что видѣлъ Новикова, но въ какомъ видѣ! У него разрублена голова, прострѣлено плечо... Онъ въ бреду, никого не узнаетъ, и доктора не ручаются за его жизнь. Онъ разсказалъ и подробности. Изъ пятидесяти человѣкъ Новикова спаслось только пятнадцать. Остальные были изрублены баварскими кирасирами. Съ невѣроятными трудностями уцѣлѣвшимъ удалось спастись и вывезти раненаго командира. Они заботились о немъ въ дорогѣ, какъ могли, но какія же заботы возможны при такой обстановкѣ! Надо удивляться только, какъ они сумѣли довести его живымъ...

На глазахъ Бѣлоусова были слезы. Левонъ слушалъ его, блѣдный и потрясенный.

— Я пріѣхалъ,—говорилъ Бѣлоусовъ,—посоветоваться съ вами. Въ Рейхенбахѣ его нельзя оставить. Тамъ ужасныя условія леченія... Онъ не выживетъ... А что сдѣлать и какъ? И возможно ли везти его и куда? Я во всякомъ случаѣ вернусь къ нему... Я не могу оставить его одного... О, Боже мой, какіе же они негодяи!

— Хорошо, Гриша,—сказалъ Левонъ:—мы не оставимъ его. Я поѣду съ вами. Что-нибудь да сдѣлаемъ.

Левонъ тотчасъ же отправился къ Громову, объяснилъ, въ чемъ дѣло, и попросилъ отпускъ для себя и Бѣлоусова.

— Еще бы нѣтъ!—отвѣтилъ Громовъ.—Конечно, ѣзжайте оба. Да и тебѣ надо отдохнуть. Я не стѣсняю тебя. Уѣзжай хоть на все перемиріе. Экій бѣдняга! И чортъ дернулъ его связываться съ этимъ нѣмчурой. Сидѣлъ бы съ нами... и былъ бы цѣль...

— Такъ я ѣду сейчасъ,—сказалъ Левонъ:—а тебѣ во всякомъ случаѣ дамъ знать, что и какъ.

— Пожалуйста, голубчикъ,—отвѣтилъ Громовъ, обнимая его.

Громовъ тоже былъ взволнованъ. Онъ былъ другомъ всѣхъ своихъ офицеровъ, со всѣми былъ на ты и за cadaго былъ готовъ въ огонь и воду, какъ и каждый за него.

Бахтѣевъ собрался быстро и уже черезъ два часа выѣхалъ съ Бѣлоусовымъ въ сопровожденіи Егора въ Рейхенбахъ.

Они нашли Новикова въ маленькомъ, чистенькомъ домикѣ на окраинѣ городка. Когда Левонъ вошелъ, онъ засталъ въ комнатѣ денщика Данилы Иваныча и штабнаго доктора, маленькаго, толстаго человѣка, очень озабоченнаго и даже встревоженнаго. Левонъ пришелъ въ ужасъ, взглянувъ на своего друга. Съ забинтованной головой, Новиковъ лежалъ сине-блѣдный, давно небритые, отраставшіе усы и борода дѣлали еще страшнѣе его блѣдность. И на этомъ лицѣ мертвеца ярко горѣли огромные, лихорадочно открытые глаза. Запекшіяся губы шевелились. Онъ никого не узнавалъ.

Левонъ молча поздоровался съ докторомъ, вопросительно глядя на него.

— Плохо, очень плохо,—сказалъ докторъ.

— Нѣтъ надежды?—поблѣвшими губами, почти беззвучно спросилъ Левонъ.

Докторъ нетерпѣливо передернулъ плечами.

— Надежда всегда должна быть,—угрюмо отвѣтилъ онъ:—но что я могу сдѣлать! Въ этой дырѣ, несмотря на присутствіе главной квартиры, ничего нѣтъ! Ни медикаментовъ, ни перевязочныхъ средствъ... Да что говорить!—онъ махнулъ рукой.—Во всей арміи ничего нѣтъ. Люди мрутъ, какъ мухи, съ насъ требуютъ, а что мы можемъ? Мы не боги, чтобы излечить словомъ или прикосновеніемъ руки! Раненые гниютъ заживо, а мы только смотримъ...

Онъ отвернулся.

Левонъ подошелъ къ постели и взялъ Новикова за руку. Ему показалось, что онъ обжегъ руку.

— Неужели ничего нельзя сдѣлать?—спросилъ онъ, обращаясь къ доктору.

— Здѣсь—ничего,—отвѣтилъ докторъ.

— А гдѣ же? Въ Карлсбадѣ?—продолжалъ Левонъ.—Вѣдь ближе ничего нѣтъ.

Докторъ задумался и потомъ сказалъ:

— Въ Карлсбадѣ—да. Тамъ все есть, и, пожалуй, его можно было бы спасти. Но вынесетъ ли онъ перевозку, вотъ вопросъ?

И, помолчавъ, добавилъ:

— Впрочемъ, здѣсь его можетъ спасти только чудо. Такія чудеса бывають, но рѣдко. Попробовать довести его до Карлсбада меньше риску, чѣмъ попробовать оставить его здѣсь..

— Хорошо,—рѣшительно сказалъ Левонъ:—я увезу его.

Гриша, стоя въ ногахъ у постели раненаго, плакалъ, закрывъ рукою глаза.

— Надо пріобрѣсти коляску или дормезъ,—продолжалъ Левонъ:—а вы, докторъ, не согласитесь ли сопровождать его вмѣстѣ съ нами до Карлсбада?

Докторъ въ нерѣшительности покачалъ головой.

— Но мы еще незнакомы,—вдругъ вспомнилъ Левонъ:—ротмистръ Бахтѣевъ.

— Лекаръ штаба Ковровъ,—отвѣтилъ докторъ.—Не знаю, какъ отпущъ,—уклончиво сказалъ онъ.

— Объ отпущѣ не заботьтесь,—прервалъ его Левонъ:—я устрою его.

— Тогда я готовъ,—согласился докторъ, которому, видимо, хотѣлось побывать въ Карлсбадѣ:—дѣло только за отпускомъ...

— И отлично,—отозвался Левонъ:—а теперь надо пойти за экипажемъ. Гриша, идемъ,—крикнулъ онъ.

Хотя жители по обычаю припрятали отъ своихъ союзниковъ все, что можно, припасы, экипажи, даже лошадей, но, узнавъ, что русскій князь въ деньгахъ не стѣняется, сейчасъ же охотно показали свой товаръ. За тройную цѣну князь очень скоро купилъ большую карету, приспособленную для долгихъ путешествій, и четверку крѣпкихъ, сильныхъ лошадей, и даже нанялъ кучера. Потомъ заѣхалъ въ штабъ, гдѣ его хорошо знали, и въ нѣсколько минутъ устроилъ Коврову отпущъ.

Къ вечеру съ величайшими предосторожностями Новикова перенесли въ карету; съ нимъ сѣли Ковровъ и Бахтѣевъ, а Бѣлоусовъ съ денщикомъ поѣхали верхомъ. Въ поводу денщикъ велъ лошадь князя.

XXXIII.

Жаркій, ослѣпительный день. Ни дуновенья вѣтерка. Словно въ томной лѣни задремалъ густой садъ, съ лѣнивымъ жужжаньемъ садятся на цвѣты пчелы, и самые цвѣты, палимые солнцемъ, едва дышать своимъ ароматнымъ дыханіемъ. На открытой террасѣ, въ креслѣ-качалкѣ, сонно покачиваясь, сидѣла Ирина, полузакрывъ глаза, словно въ мечтательной дремѣ. Легкое бѣлое платье было перехвачено въ поясѣ широкой пунцовой лентой, въ черныхъ во-

досахъ была воткнута яркая роза. Тишина ничѣмъ не нарушалась. Даже затихъ шумъ города въ этотъ знойный, полуденный часъ. И такая же тишина царяла въ душѣ Ирины. Она, сейчасъ ничего не хотѣла, ни о чемъ не думала, ни къ чему не стремилась. Ей такъ было хорошо въ этомъ солнечномъ воздухѣ, среди цвѣтовъ, въ сонномъ затишѣ стараго сада. Быть можетъ, этотъ кажущійся покой былъ лишь временной усталостью души.

Шумъ шаговъ на песчаной дорожкѣ заставилъ ее выйти изъ этого блаженнаго состоянія. Она открыла глаза и вся словно замерла, судорожно сжавъ ручки кресла. Къ террасѣ по дорожкѣ, опустивъ голову, медленно шель Левонъ. Онъ не могъ еще ее видѣть, оглябая клумбу. Но въ эти короткія мгновенія она разглядѣла его осунувшееся, поблѣднѣвшее лицо и странную, горькую полуулыбку. И ея душа на мигъ всыхнула любовью, жалостью. Она сдѣлала движеніе броситься ему навстрѣчу, но вдругъ застыла, поблѣднѣвшая, съ остановившимся сердцемъ.

Левонъ поднялъ голову и увидѣлъ ее. Онъ на мгновение пріостановился, потомъ его лицо приняло необыкновенно счастливое выраженіе и съ заглушеннымъ крикомъ: «Ирина!» онъ взбѣжалъ на ступени террасы, протягивая обѣ руки.

Но сейчасъ же остановился, и лицо его погасло.

Ирина стояла передъ нимъ блѣдная, надменная и холодная, какъ въ самые первые дни ихъ знакомства. Ни радости, ни волненія, ни даже удивленія не было на ея застывшемъ лицѣ.

— Я очень рада видѣть васъ,—равнодушнымъ тономъ произнесла она, протягивая руку.—Какая будетъ радость для Пикеты Арсеньевича!

Она отвернулась въ сторону, чтобы не видѣть его лица, его вопрошающаго, печальнаго взгляда. Но онъ быстро овладѣлъ собою и, слегка прикоснувшись губами къ ея рукѣ, сухо отвѣтилъ:

— Я также радъ видѣть васъ. Я уже четыре дня въ Карлсбадѣ, но только сегодня имѣлъ возможность прійти сюда.

Онъ не сказалъ, что пришелъ потому, что три дня Новиковъ былъ словно въ агоніи, что онъ считалъ преступленіемъ оставить его, что въ минуты прояснявшагося сознанія Новиковъ, крѣпко сжимая ему руку, умоляюще шепталъ:

— Левонъ, не уходи, я долженъ сказать...—и снова впадалъ въ забытье.

Было видно, что что-то камень лежитъ на его душѣ, что онъ хочетъ завѣщать другу свою послѣднюю волю.

Только сегодня рано утромъ консилиумъ врачей рѣшилъ, что смертельная опасность миновала, и только тогда Левонъ рѣшился оставить больного друга на попеченіе Гриши Бѣлоусова.

— Вы вообще не торопились навѣстить дядю,—небрежно произнесла Ирина.—Да это не удивительно. У васъ новые интересы.

Въ душѣ Ирины послѣ его словъ вновь воскресла обида. Онъ такъ давно былъ извѣщенъ о ихъ пріѣздѣ сюда и не торопился. Тѣмъ лучше! Еще нѣсколько минутъ тому назадъ всѣмъ своимъ обращеніемъ она хотѣла оттолкнуть его, показать, что онъ чуждъ ей, а теперь, когда ей казалось, что онъ самъ отходитъ отъ нея, ея сердце сжималось отъ обиды и безпричинной ревности.

— Эти три дня—причина была слишкомъ серьезна,—сказалъ Левонъ.

— Конечно,—насмѣшливо произнесла Ирина:—но, вѣдь, до сегодня отъ сраженія на Будисинскихъ высотахъ прошло не три дня, а, кажется, больше мѣсяца.

— Но развѣ я зналъ, что дядя здѣсь!—воскликнулъ Левонъ съ умысломъ, какъ и она сама, подчеркивая слово «дядя».

— А развѣ вы не знали?—удивилась Ирина.—Вѣдь Никита Арсеньевичъ увѣдомлялъ васъ.

— Когда? Я ничего не получалъ,—возразилъ Левонъ.

— Это было наканунѣ сраженія,—начала Ирина, чувствуя, какъ невольная радость наполняетъ ея душу:—мы были въ Герлицахъ.

— Вы тамъ были!—воскликнулъ удивленный Левонъ.—И я не зналъ.

— Да,—кинула головой Ирина:—мы тамъ были и встрѣтили тамъ знакомаго вамъ офицера, Старосельскаго. И ему-то и поручилъ Никита Арсеньевичъ передать вамъ, что мы ѣдемъ въ Карлсбадъ.

Ирина, сама того не замѣчая, совершенно утратила свой высокоумѣрный тонъ и надменный видъ. Ея голосъ звучалъ обычной простотой.

— Старосельскій?—повторилъ Левонъ.—Да, я зналъ его. Но я не видѣлъ его. Онъ былъ убитъ въ самомъ началѣ сраженія.

Вспомнивъ убитаго товарища, Левонъ снялъ киверъ.

— Убить!—съ волненіемъ произнесла Ирина.—Такой молодой, такой веселый... Боже!..

— Теперь вы видите, Ирина,—тихо началъ Левонъ:—что я не зналъ. Только поэтому я не пріѣхалъ раньше... хотя, кажется, мнѣ было бы лучше не пріѣзжать вовсе. Я не ожидалъ такой встрѣчи... Мы разстались не врагами,—продолжалъ онъ,—и разстались давно. Скажите же, что случилось опять, что вы вновь отталкиваете меня?

Онъ говорилъ съ глубокимъ чувствомъ, тихимъ и серьезнымъ голосомъ. Облокотясь на перила веранды, Ирина неподвижно смотрѣла передъ собой. Князь видѣлъ ея строгій профиль, черные локоны, яркую розу въ волосахъ и печальные глаза. И во всей ея склоненной фигурѣ, въ этихъ глазахъ не было ни надменности, ни холодности. И, казалось, была минута, когда Ирина, какъ

тогда въ Петербургѣ, вдругъ обернется къ нему съ довѣрчивой улыбкой и, какъ тогда, протянетъ ему руки... Но этого не случилось. Ея лицо стало вдругъ снова холодно и непроницаемо, и, выпрямившись, опять чужая и недоступная, она отвѣтила равнодушнымъ тономъ:

— Но ничего не случилось. Я очень рада видѣть васъ. И что могло случиться? У насъ разные пути въ жизни. Я интересуюсь вашей судьбой, какъ племянника моего мужа. Я уважаю васъ, какъ честнаго человѣка и мужественнаго офицера.

— Но, вѣдь, было время...—началь Левонъ.

Краска медленно залила ея лицо.

— Я прошу васъ забыть объ этомъ,—дрогнувшимъ голосомъ прервала она.—Это было... это прошло...

— Но что было и что прошло!—страстно воскликнулъ Левонъ.—Было одно мгновеніе, но оно безвозвратно... Ему не будетъ повторенія, я знаю это... я не жду его; не ищу его... но были тихіе вечера, долгіе разговоры, была нѣжная сестра, было тепло и свѣтъ въ одинокой жизни!.. И этого нѣтъ! И этого не будетъ, говорите вы... Это жестоко и незаслуженно...—упавшимъ голосомъ закончилъ онъ.

— Эта дружба была самообманомъ,—отвернувшись, сказала Ирина.—Вы должны знать это... Но Бога нельзя обмануть... да и притомъ все это уже пережито... Все прошло... Все это было не нужно... Надо совѣмъ иное...—Ирина говорила медленно, съ усиленіемъ.—Но вотъ и Никита Арсеньевичъ,—съ видимымъ облегченіемъ вдругъ прервала она себя.

Левонъ обернулся. По дорожкѣ шель старый князь въ сопровожденіи молодого красавца въ конногвардейскомъ бѣломъ мундирѣ.

— Кто это?—спросилъ Левонъ, пристально глядя на Ирину.

Ему показалось, что Ирина слегка покраснѣла и въ ея голосѣ послышалось смущеніе, когда она отвѣтила:

— Это князь Пронскій.

Это имя было слишкомъ извѣстно въ столичныхъ кругахъ, и Левонъ, конечно, слышалъ его. Онъ круто повернулся и пошелъ навстрѣчу старому князю.

Никита Арсеньевичъ, узнавъ его, еще издали раскрылъ свои объятія, крича:

— Иди, иди, блудный племянникъ!

Онъ съ большимъ чувствомъ обнялъ Левона. Потомъ познакомилъ его съ Пронскимъ.

— Очень радъ наконецъ встрѣтиться съ вами,—любезно сказалъ Пронскій.—Я такъ много слышалъ о васъ отъ Никиты Арсеньевича и встрѣчалъ ваше имя въ реляціяхъ о Будисинскомъ сраженіи.

Левонъ сдержанно поклонился. Дядя взялъ его подъ руку и сталъ подробно спрашивать.

Какъ бы находя себя лишнимъ, а, главное, замѣтивъ на террасѣ бѣлую фигуру Ирины, Пронскій, извинившись, поспѣшилъ впередъ. Левонъ, нахмураясь, посмотрѣлъ ему вслѣдъ. Пока они дошли до террасы, Левонъ успѣлъ въ общихъ чертахъ сказать о себѣ и о томъ, какъ попалъ онъ сюда съ раненымъ Новиковымъ.

— Бѣдняга,—замѣтилъ Никита Арсеньевичъ,—непремѣнно навѣщу его.

Войдя на террасу, они застали Ирину сидѣвшей въ качалкѣ и около нея князя Пронскаго, что-то оживленно рассказывавшаго ей. Ирина равнодушно слушала его.

Завязалась общая бесѣда. Главнымъ образомъ говорили Пронскій и Никита Арсеньевичъ. Разговоръ вертѣлся на предстоящемъ въ Прагѣ мирномъ конгрессѣ. Старый князь былъ увѣренъ, что въ августѣ будетъ уже заключенъ миръ, такъ какъ обѣ стороны въ достаточной мѣрѣ истощены и, кромѣ того, продолженіе войны не въ интересахъ Россіи. Какъ человѣкъ, близкій къ императорской главной квартирѣ, Пронскій былъ очень сдержанъ, и не возражалъ и не соглашался съ этимъ мнѣніемъ.

— Наполеонъ очень упрямъ и снова чувствуетъ себя побѣдителемъ,—замѣтилъ онъ.—Поведеніе Австріи тоже еще нерѣшительно.

— Охъ, ужъ эти друзья,—вздыхнулъ Никита Арсеньевичъ.— Говорятъ, скоро сюда будетъ государь?—перемѣнилъ онъ разговоръ.

Пронскій пожалъ плечами.

— Мы знаемъ тамъ столько же, сколько знаютъ и здѣсь,—улыбаясь, отвѣтилъ онъ.—Объ отъѣздѣ государя мы часто узнаемъ только черезъ нѣсколько часовъ. Притомъ государь часто за послѣднее время выѣзжаетъ въ Нейдорфъ къ прусскому королю.

— Говорятъ, государь живетъ совсѣмъ отшельникомъ?—спросила Ирина.

— Мы также,—засмѣялся Пронскій.—Его величество всегда одинъ въ этомъ мрачномъ замкѣ, какъ его называютъ, графа Штильберга. Но его величество имѣетъ о чемъ подумать. Но, Боже мой! Княгиня, представьте себѣ наше положеніе. Положимъ, наше мѣстопробываніе—цвѣтущая долина, но вѣдь и самый чудный видъ надобѣтъ, если онъ цѣлые дни передъ глазами. Службы у насъ нѣтъ. Мы «на всякій случай»... И если бы вы знали, какъ уныло тянутся вечера, особенно ненастные... Брр... Благодарю Бога, что его величеству пришла мысль отправить именно меня сюда съ письмомъ къ великой княгинѣ.

— Вы знаете,—обратилась Ирина къ мужу:—что князь пріѣхалъ ко мнѣ съ приглашеніемъ отъ великой княгини сегодня на обѣдъ?

Никита Арсеньевич кивнулъ головой.

— Миѣ уже говорилъ Андрей Петровичъ. Это вѣдь не званый обѣдъ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Пронскій,—ея высочество просто соску-чилась о княгинѣ, не видя ея второй день.

И онъ съ улыбкой посмотрѣлъ на Ирину. Странное чувство испытывать Левонъ. Ему казалось, что онъ совершенно лишній, чужой. У Ирины свои интересы, свой кругъ новыхъ и старыхъ знакомыхъ, и эта видимая близость къ любимой сестрѣ императора, конечно, наполняетъ ея жизнь. А этотъ красавецъ, такъ очевидно влюбленный? И что, дѣйствительно, для нея онъ самъ, Левонъ, съ его глупой и смѣшной, безплодной любовью?.. Онъ хотѣлъ уйти, но князь рѣшительно запротестовалъ, и Левонъ остался завтракать. Къ завтраку пріѣхалъ и Евстафій Павловичъ, веселый и живой. Онъ шумно и непринужденно привѣтствовалъ Левона. Вообще, во всей фигурѣ Евстафія Павловича было замѣтно чувство собственнаго достоинства. Пржеией приниженности не было и слѣда. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ очутился за границей и старый князь, ни во что не вмѣшиваясь, передалъ ему полное веденіе дѣлъ, Евстафій Павловичъ снова почувствовалъ себя баринномъ. Онъ вошелъ въ роль и распоряжался деньгами стараго князя, какъ своими собственными. Сначала онъ еще пробовалъ спрашивать князя относительно расходовъ, но князь отмахивался обѣими руками и просилъ Евстафія Павловича дѣйствовать совершенно самостоятельно. Онъ привезъ съ собой новости о пораженіи арміи Наполеона въ Испаніи—Веллингтономъ при Витторіи.

Братъ Наполеона, испанскій король Іосифъ, самъ едва спасся, чуть ли даже не бѣжалъ во Францію.

— Ну, что жъ,—замѣтилъ Бахтѣевъ:—это сдѣлаетъ Наполеона болѣе уступчивымъ.

Левонъ едва слушалъ эти разговоры, изрѣдка бросая взгляды на Ирину и сидѣвшаго рядомъ съ нею князя Андрея Петровича. Онъ много слышалъ о необыкновенныхъ успѣхахъ князя и теперь слѣдилъ за нимъ съ любопытствомъ и ревностью, и долженъ былъ сознаться, что ни въ наружности, ни въ манерѣ говорить молодого князя онъ не могъ замѣтить ни признака чего-нибудь грубаго или самодовольства и непріятной самоувѣренности. Все въ немъ было естественно, изящно и просто. Онъ какъ будто совѣмъ не придавалъ никакого значенія ни своей красотѣ, ни своему положенію, ни своимъ успѣхамъ. Особенно поразило Левона доброе и довѣрчивое выраженіе его необыкновенно большихъ и глубокихъ темныхъ глазъ. Пронскій имѣлъ врожденный рѣдкій даръ очарованія, и это въ большей или меньшей степени испытывали всѣ встрѣчающіеся съ нимъ и мужчины, и женщины. Онъ никогда не вызывалъ къ себѣ, несмотря на свои успѣхи, острой ненависти

мужчинъ. Любовь сама шла къ нему навстрѣчу, и онъ принималъ ее такъ же естественно, какъ дышалъ. Черезъ пять минутъ разговора онъ уже казался старымъ знакомымъ, проникнутымъ интересами своего собесѣдника, добрымъ и отзывчивымъ. Онъ располагалъ къ откровенности и довѣрью, и у него было много друзей среди мужчинъ и женщинъ.

Едва окончился завтракъ, Левонъ поднялся прощаться. Онъ ушелъ съ тяжелымъ чувствомъ. При выходѣ изъ сада онъ столкнулся съ высокой, стройной фигурой въ сутанѣ. Это была аббатъ Дегранжъ. Они молча обмѣнялись поклонами.

— Не отсюда ли эта трогательная святость?—съ горькой усмѣшкой подумалъ Левонъ.

XXXIV.

Новиковъ поправлялся. Докторъ Ковровъ оказался очень свѣдущимъ и искуснымъ. Кромѣ того, не было во всемъ Карлсбадѣ сколько-нибудь извѣстнаго врача, котораго онъ не привлекъ бы къ консультаціи. Бахтѣевъ не зналъ, какъ и благодарить его. Ко всему, докторъ былъ не корыстолюбивъ. Онъ упорно отказывался отъ гонорара, но князь, узнавъ, что у него въ Россіи большая необезпеченная семья, настоялъ на своемъ и вручилъ ему крупную сумму.

Новиковъ ничего не скрылъ отъ друга. Съ мрачно горящими глазами онъ рассказалъ о предательствѣ баварскаго офицера.

— О, если бы мнѣ только встрѣтить, только встрѣтить его!—съ бѣшенствомъ говорилъ онъ.

Иногда онъ впадалъ въ отчаянне и цѣлыми часами лежалъ неподвижно, обернувшись лицомъ къ стѣнѣ. И Левонъ не находилъ словъ утѣшенія. Да и что онъ могъ сказать?

Бѣлоусовъ, успокоившись за Новикова, цѣлые дни пропадалъ изъ дому. Онъ нашелъ уже и родственниковъ и свойственниковъ, завелъ новыя знакомства и чувствовалъ себя отлично. Онъ приносилъ домой вмѣстѣ съ молодымъ оживленіемъ всевозможные толки, сплетни, наблюденія и новости. Раза два ему удавалось встрѣтиться и съ княгиней Ириной, отъ которой онъ былъ въ восторгѣ, и, желая доставить Левону удовольствіе, рассказывалъ объ успѣхахъ его тетушки, передавалъ слухи о вниманіи къ ней государя, о ревности дамъ изъ-за Пронскаго; говорилъ, что будто государь пріѣзжаетъ въ Карлсбадъ довольно часто, и тогда великая княгиня приглашаетъ къ себѣ княгиню Бахтѣеву. Левонъ, блѣднѣя, слушалъ эти рассказы, но не прерывалъ ихъ, а даже поощрялъ къ нимъ. Самъ онъ рѣшилъ никуда не ходить, но чувствовалъ, какъ его влечетъ туда, гдѣ бываетъ Ирина, гдѣ говорятъ о ней, гдѣ онъ самъ собственными глазами можетъ провѣрить эти слухи.

Мрачное одиночество друзей было радостно нарушено неожиданнымъ прїѣздомъ Зарницына. Онъ тоже участвовалъ въ Будисинскомъ сраженіи въ Конно-Гренадерскомъ полку и былъ раненъ въ руку. Она и теперь на перевязи. Гаврила Семенычъ принесъ съ собою обычную жизнерадостность и, узнавъ, что домъ друзей довольно просторенъ, рѣшилъ переѣхать къ нимъ, чему они были чрезвычайно рады. Своей непобѣдимой жизнерадостностью и непоколебимой увѣренностью въ благополучной развязкѣ всякихъ житейскихъ обстоятельствъ онъ сумѣлъ подѣйствовать успокоительно даже на Новикова. Съ Бѣлоусовымъ онъ сразу дружески сошелся. Но, несмотря на свою видимую безпечность, онъ глубоко сочувствовалъ Новикову и наединѣ съ Бахтѣевымъ часто среди разговора грустно повторялъ:

— Герта, бѣдная, маленькая Герта!

Старый князь сдержалъ слово и навѣстилъ Данилу Ивановича. Не зная сердечной печали Новикова, старикъ былъ пораженъ не столько болѣзненнымъ, сколько страдальческимъ выраженіемъ его лица и мрачнымъ отчаяніемъ, иногда невольно прорывавшимся въ его словахъ. Желая развлечь его, Никита Арсеньевичъ разсказалъ ему о бѣгствѣ Соберсе. Новиковъ дѣйствительно ожилъ.

— Такъ и надо,—сказалъ онъ.—Но какъ обожаютъ Наполеона! Мудрено ли съ такими людьми покорить міръ!

Левонъ тоже выразилъ удовольствіе, что Соберсе вырвался на волю. Уходя, старый князь сказалъ Левону:

— Мнѣ кажется, что Новиковъ больше страдаетъ отъ какого-то личнаго горя, чѣмъ отъ своихъ ранъ. Это опаснѣе.

Левонъ подивился чуткости старика.

На карлсбадскомъ горизонтѣ взошла новая звѣзда. Изъ Петерсвальде послѣ свиданія съ государемъ прїѣхалъ графъ Меттернихъ. Собираясь на Пражскій конгрессъ, онъ рѣшилъ отдохнуть въ Карлсбадѣ. Графъ Меттернихъ, европейская знаменитость, ближайшій совѣтникъ австрійскаго императора! Меттернихъ, на котораго теперь устремлено вниманіе всего міра, такъ какъ у него въ карманѣ окончательное рѣшеніе Австріи! Меттернихъ, еще молодой, красивый, обаятельный собесѣдникъ и страстный поклонникъ женщинъ, столь же извѣстный своими любовными похождениями, какъ и дипломатическими успѣхами при дворахъ Вѣны и Парижа!..

Боже мой! Любовь и политика! Это совсѣмъ въ стилѣ Louis XIV или XV.

Среди дамъ царило повышенное настроеніе. А прїѣздъ очаровательнаго дипломата какъ разъ совпалъ съ уже созрѣвшимъ рѣ-

шеніемъ мѣстнаго общества дать вечеръ въ честь великой княгини Екатерины Павловны, оказывавшей такое радушіе гостепрїимство представителямъ этого общества. Присутствіе Меттерниха придастъ новый интересъ этому блестящему балу. Наконецъ-то нашлось живое, настоящее дѣло! Костюмы, выборъ приглашенныхъ,—все это требовало усиленныхъ заботъ и размышленій. А вдругъ будетъ и самъ императоръ. Статсъ-дама великой княгини Екатерины Павловны княгиня Буракина составляла списокъ приглашенныхъ, и дамы были въ тревогѣ, чтобы какъ-нибудь не быть пропущенными. Много разговоровъ вызвалъ выборъ мѣста для предстоящаго бала. Но наконецъ остановились на предложеніи княгини Бахтѣевой—дать балъ у нея. Всѣ знали ея близость къ великой княгинѣ, вниманіе къ ней государя. Кромѣ того, вдругъ вспомнили, что старый князь былъ оберъ-камергеръ, а главное, что онъ несмѣтно богатъ, и хотя и были разговоры о подпискѣ на этотъ балъ, даваемый не однимъ лицомъ, а всѣмъ обществомъ, но всѣ были увѣрены, что Бахтѣевъ будетъ просить, чтобы ему оказали честь быть въ полномъ смыслѣ представителемъ общества. Такъ и случилось, и никто упорно не возражалъ, хотя и дѣлали это для виду. Естественно, Левонъ сейчасъ же получилъ объ этомъ сообщеніе отъ дяди, съ просьбой принять участіе въ обсужденіи деталей праздника. Первой мыслью его было отказаться, но у него не хватило рѣшимости. А разъ рѣшившись принять приглашеніе, онъ счелъ необходимымъ сдѣлать предварительно нѣсколько визитовъ, чтобы не показаться на балу выходцемъ и сразу отдѣлаться отъ неизбѣжныхъ все однихъ и тѣхъ же вопросовъ.

Онъ посвятилъ визитамъ цѣлый день и вернулся мрачнѣе тучи. Цѣлый день его словно поджаривали на медленномъ огнѣ намеками, улыбками, недосказанными словами, вопросами о здоровьѣ дяди, произнесенными тономъ, къ которому нельзя придраться, но отъ котораго въ немъ закипало бѣшенство. А онъ долженъ былъ не понимать и мило улыбаться.

На другой день онъ побывалъ у дяди.

— Ну, что жъ, Левонъ, тряхнемъ стариной,—самодовольно встрѣтилъ его князь:—я самъ буду наблюдать за всѣмъ. Ты можешь?

— Съ удовольствіемъ, дядя,—отвѣтилъ Левонъ:—но если позволите, я вамъ порекомендую еще двухъ моихъ прїятелей. Они лучше меня помогутъ.

— Кого?—спросилъ князь.

Левонъ назвалъ Бѣлоусова и Заринцына.

— Разъ они твои друзья,—они здѣсь дома, я очень буду радъ ихъ помощи,—серьезно и важно отвѣтилъ старый князь.

Левонъ былъ увѣренъ, что доставитъ этимъ прїятелямъ удовольствіе.

— У нихъ бездна вкуса,—замѣтилъ онъ на всякій случай.
Уходя, онъ встрѣтилъ въ залѣ Ирину и молча поклонился ей.
Она равнодушно протянула ему руку.
— Вы одинъ?—спросилъ онъ.
— Пока одна,—спокойно отвѣтила она.
Нѣсколько мгновений онъ ждалъ, что она предложитъ ему остаться. Но тѣмъ же тономъ она добавила:
— Сейчасъ долженъ бы прійти Пронскій, но его нѣтъ.
— Я не мѣшаю,—холодно произнесъ Левонъ, закусивъ губы, и, снова поклонившись, быстро вышелъ...

Въ тотъ же день вечеромъ у княгини Пронской очень оживленно обсуждали сенсаціонное извѣстіе. Графъ Меттернихъ, послѣ великихъ княгинь, первый визитъ сдѣлалъ княгинѣ Бахтѣевой. Такъ и говорили: «княгинѣ Бахтѣевой», а не князю Бахтѣеву, или Бахтѣевымъ. О, конечно, хитрый дипломатъ сдѣлалъ это не случайно и не зря потомъ, при всѣхъ остальныхъ визитахъ, восторгался красотой и умомъ молодой княгини.

XXXV.

Никита Арсеньевичъ дѣйствительно потрянулъ стариной, припомнивъ сказочные пиры, какіе онъ давалъ въ былые дни въ честь императрицы и своего незабвеннаго друга великолѣпнаго князя Тавриды.

Передъ домомъ толпились зѣваки, любясь на убранный русскими, прусскими и австрійскими флагами ярко освѣщенный фасадъ и на пылающаго надъ подъѣздомъ большого двухглаваго орла подъ императорской короной.

Густой садъ освѣтился цвѣтными лампіонами, и меланхолическіе звуки менуэта доносились на улицу. Длинной вереницей стояли кареты и коляски.

Левонъ поздно пріѣхалъ на балъ послѣ долгаго колебанія. Съ утра онъ твердо рѣшилъ не ѣхать, но чѣмъ дальше шло время, тѣмъ все больше росло въ его душѣ чувство мучительнаго любопытства и раздраженной ревности. Но, придя, онъ сразу почувствовалъ себя одинокимъ и чужимъ. Смотря на скользящія передъ нимъ нарядныя и оживленныя пары танцующихъ, онъ не могъ отдѣлаться отъ недавнихъ воспоминаній страданья и ужаса; и опять, какъ и на первомъ балу у дяди въ Петербургѣ, дикимъ и чуждымъ казалось ему это веселье въ ярко освѣщенныхъ залахъ, убранныхъ цвѣтами, когда еще и теперь тысячи раненыхъ умирали безъ помощи, перевозимые, какъ дрова, на простыхъ телегахъ,

по сквернымъ дорогамъ, за сотню верстъ... Его не удивляло веселье молодыхъ офицеровъ, вырвавшихся изъ ада и готовыхъ опять броситься туда. Но всё эти разряженные куклы, все это такъ называемое общество, потянувшееся ради тщеславія, забавы и жалкаго честолюбія за императорской квартирой!..

Пробираясь среди толпы знакомыхъ и незнакомыхъ, онъ искалъ глазами Ирину и онъ нашелъ ее въ сторонѣ отъ танцующихъ въ малой залѣ, окруженной цѣлой толпой. Она сидѣла рядомъ съ великой княгиней Екатериной Павловной, прѣхавшей безъ сестры, уже отираившейся въ Веймарнъ.

Бахтѣевъ въ первый разъ видѣлъ великую княгиню. Его поразила спокойная красота ея лица, съ выраженіемъ мысли и печали. Лицо Ирины тоже было задумчиво и серьезно, и эти двѣ женщины представляли рѣзкій контрастъ съ веселымъ оживленіемъ окружающихъ.

За кресломъ Ирины, наклонясь къ ней, стоялъ высокій стройный человѣкъ въ расшитомъ придворномъ мундирѣ. Во всей его осанкѣ, въ манерѣ говорить чувствовался человѣкъ, для котораго блестящее общество и присутствіе принцессы были привычны. Его лицо не было красиво, но въ немъ было что-то не общее, рѣзко выдѣляющее его изъ круга другихъ. Чрезвычайно высокій лобъ, большіе яркіе глаза и полупасмѣшливая улыбка на чуть полныхъ, красивыхъ губахъ.

— Графъ Меттернихъ,—сказалъ кто-то рядомъ съ Левонемъ.

Такъ вотъ онъ, тотъ человѣкъ, который, по всеобщему убѣжденію, являлся сейчасъ рѣшителемъ войны и мира...

Но теперь на лицѣ всемогущаго министра не было видно ничего, кромѣ искренняго восхищенія красавицей-собесѣдницей. Онъ казался просто изящнымъ, придворнымъ кавалеромъ, искренно влюбленнымъ. Можно было подумать, что ничего иного онъ никогда не дѣлалъ, какъ только ухаживалъ за красавицами. Но всёмъ было извѣстно, что блестящій дипломатъ дѣлилъ свою жизнь между политикой и любовью. Ирина внимательно слушала его и казалась заинтересованной. Рядомъ съ Меттернихомъ неподвижно стоялъ Пронскій, перво потирая подбородокъ, изрѣдка бросая взоръ на Меттерниха.

«Онъ ревнуетъ», съ ясновидѣніемъ влюбленнаго подумалъ Левонъ.

Великая княгиня бесѣдовала со стоявшимъ передъ ней Никитой Арсеньевичемъ. Въ ближайшей къ нимъ группѣ Левонъ видѣлъ неизмѣннаго Дегранжа въ тихой, но оживленной бесѣдѣ съ Волконской и княгиней Буракиной. Къ нимъ подошелъ сіяющій Буйносовъ. Сказалъ нѣсколько словъ и подлетѣлъ къ другой группѣ. Вездѣ онъ говорилъ по нѣскольку словъ и вновь въ радостной суетливости устремлялся къ новому мѣсту. Онъ, видимо,

чувствовалъ себя на верху блаженства и игралъ роль гостепріимнаго хозяина.

«Чужіе, всё чужіе»,—думалъ Бахтѣевъ и не могъ оторваться отъ милаго лица. Вотъ Ирина подняла голову, улыбнулась и слегка покраснѣла. Левону казалось, что Меттернихъ слишкомъ низко наклоняется къ ней и держится свободнѣе, чѣмъ слѣдовало. Онъ невольно взглянулъ на Пронскаго и словно прочелъ на его лицѣ выраженіе своихъ чувствъ. Пронскій, очевидно, забывъ, что на него устремлена не одна пара глазъ, стоялъ, нахмуривъ брови, пристально глядя на Меттерниха. Ирина вдругъ повернулась къ нему и съ улыбкой что-то сказала, и мгновенно лицо князя просіяло. Левонъ почувствовалъ, что кровь приливаетъ ему къ головѣ и холодѣютъ руки. Онъ рѣзко повернулся и хотѣлъ уйти, но въ эту минуту произошло какое-то движеніе; пронесся, какъ дуновеніе вѣтра, неясный шопотъ и чей-то негромкій голосъ произнесъ:

— Государь.

Меттернихъ замолчалъ и выпрямился. Ирина встала, Екатерина Павловна тоже, а старый князь, поклонившись великой княгинѣ, быстро направился къ выходу.

Великая княгиня взяла подъ руку Ирину и направилась за нимъ. За нею потянулись и остальные. Хотя смутно мечтали о пріѣздѣ государя, но никто на это не надѣялся, тѣмъ болѣе, что сама великая княгиня, пріѣхавъ, сообщила, что ея августѣйшій братъ не пріѣхалъ въ Карлсбадъ.

Среди низко склонившихся рядовъ государь шелъ по большой залѣ. За нимъ въ адмиральскомъ мундирѣ тяжело ступалъ Александръ Семеновичъ съ оберъ-гофмаршаломъ графомъ Толстымъ, а за ними, къ величайшему изумленію Левона, въ темномъ фракѣ и темныхъ чулкахъ видѣлся Монтрозъ. Левонъ даже не повѣрилъ своимъ глазамъ. Но ошибиться было нельзя. Монтрозъ замѣтилъ его и, едва улыбаясь, сдѣлалъ ему привѣтственный жестъ рукой.

Лицо государя было удивительно яено и молодо, какъ будто никогда никакая печаль не омрачала этого чистаго лба и блеска большихъ, слегка прищуренныхъ сѣро-голубыхъ глазъ.

Онъ милостиво поздоровался со старымъ княземъ, что-то сказавъ, на что Никита Арсеньевичъ очень громкимъ голосомъ, такъ какъ государь былъ слегка глуховатъ, отвѣтилъ по-французски:

— Государь, это величайшее счастье подданнаго.

Тутъ же вертѣлся и Евстафій Павловичъ, стараясь обратить на себя вниманіе государя. И когда это ему удалось, когда государь съ ласковой улыбкой протянулъ ему руку, Евстафій Павловичъ весь засіялъ и даже прослезился. Ирина и великая княгиня

встрѣтили его на порогѣ маленькой залы. Левона поразило то особенное выраженіе лица, съ какимъ Пронскій смотрѣлъ на покраснѣвшую Ирину и на государя, слегка наклонившагося передъ ней, цѣлуя ея руку. И, какъ отравленные иглы, вдругъ впились въ душу Левона темные, странные намеки.

Всѣ замѣтили, что государь неблагосклонно взглянулъ на графа Меттерниха, стоявшаго съ ней рядомъ, и слегка кивнулъ ему, не протягивая руки. Одинъ Меттернихъ, казалось, не замѣтилъ этого сухого обращенія, непринужденно и почтительно поклонившись.

И, дѣйствительно, невниманіе государя не лишало Меттерниха обычной самоувѣренности. Былъ только одинъ въ мірѣ человекъ, передъ которымъ онъ терялся и на пышныхъ пріемахъ въ Сень-Клу или Тюльери, и въ рабочемъ кабинетѣ. Это маленький корсиканецъ съ холодными сѣрыми глазами, дѣлавшимися иногда такими страшными...

Но за это онъ и ненавидѣлъ этого человекѣка!

Левонъ чувствовалъ себя словно въ туманѣ. Пронскій, Меттернихъ, государь, Дерганжъ, сейчасъ говорящій съ императоромъ, Ирина— всѣ казались ему странно соединенными между собою какой-то незримой паутиной...

Мимо него прошелъ радостный и сіяющій Гриша Бѣлоусовъ.

— Неужели вамъ не весело?— блестя глазами, спросилъ онъ и, не дожидаясь отвѣта, добавилъ:— это сонъ какой-то!

И, замѣтя Зарницына около княгини Пронской, поспѣшилъ къ нему.

Левонъ видѣлъ, какъ изъ маленькой гостиной, куда вошелъ императоръ, всѣ вышли. Тамъ остались только, кромѣ государя, Ирина и великая княгиня. Послѣднимъ вышелъ Пронскій, съ опущенной головой и блѣднымъ лицомъ.

«Ну, я насмотрѣлся», рѣшилъ Левонъ, пробираясь къ выходу, но почувствовалъ, что кто-то взялъ его подъ руку. Это былъ Монтрозь, о которомъ онъ забылъ, поглощенный своими мыслями.

— Здѣсь, дѣйствительно, душно,—спокойно началъ Монтрозь, словно продолжая прерванный разговоръ:— пройдемте въ садъ.

Левонъ машинально подчинился ему.

На темномъ июльскомъ небѣ ярко горѣли звѣзды, и жалкими казались гирлянды цвѣтныхъ лампѣоновъ, прихотливо переплетавшихся между деревьевъ. Садъ благоухалъ. Монтрозь свернулъ въ одну изъ боковыхъ темныхъ аллей.

— Здѣсь лучше,—началъ онъ:—здѣсь прекраснѣе звѣзды и не слышно шума. Вы очень удивлены, увидѣвъ меня здѣсь?—спросилъ онъ князя.

— Больше, чѣмъ я могу сказать,—отвѣтилъ Левонъ:—какъ, въ самомъ дѣлѣ, вы очутились здѣсь и откуда?

— Но изъ Петерсвальде, милый князь,—со смѣхомъ отвѣтилъ шевалье,—и пріѣхалъ вмѣстѣ съ императоромъ.

— А туда?—спросилъ Левонъ.

— А, вы очень любопытны,—замѣтилъ шевалье:—но такъ какъ вы нашъ и, кромѣ того, какъ я надѣюсь, мой личный другъ, то я скажу вамъ. Я пріѣхалъ къ императору съ письмомъ отъ свергнутаго Наполеономъ испанскаго короля Фердинанда, созданія, говоря правду, совершенно ничтожнаго, но на котораго мы имѣемъ виды. Нѣтъ нужды пока объяснять вамъ подробности и мои связи съ нимъ. Все это вы узнаете въ свое время. Я только хотѣлъ удовлетворить ваше любопытство, какъ я попалъ въ Петерсвальде.

— Кажется, дѣла Наполеона въ Испаніи пошатнулись?—спросилъ князь.

— Хуже,—отвѣтилъ шевалье:—миѣ кажется, Испанія потеряна для него. Иосифъ разбитъ на голову Веллингтономъ при Витторіи. Его армія въ страшномъ безпорядкѣ прогнана до самыхъ стѣнъ Байоны. Я привезъ государю подробности этого гибельнаго для Наполеона дѣла. Повидимому, жаркій климатъ вреденъ императору французовъ такъ же, какъ и холодный сѣверъ.

— Скоро будетъ заключенъ миръ, и онъ поправится,—сказалъ Левонъ.

— Мира не будетъ,—быстро перебилъ его Шевалье:—Меттернихъ привезъ подписанный союзный договоръ: Австрія по окончаніи перемирія выставляетъ двѣсти тысячъ противъ Наполеона. Вашъ государь счастливъ. Она вѣритъ въ свою божественную миссію освобожденія народовъ отъ ига Наполеона. Онъ идетъ еще дальше. Онъ мечтаетъ о свободѣ духа, о христіанскомъ братствѣ народовъ и священномъ союзѣ королей. Онъ мечтаетъ о томъ же, о чемъ и мы.

Шевалье говорилъ со страстнымъ увлеченіемъ.

— Но у него,—продолжалъ онъ,—дурные союзники. И въ этомъ вся опасность. Они притворяются и притомъ очень неумѣло, что раздѣляютъ взгляды Александра. Они ненавидятъ свободу и готовы задушить ее. Они ненавидятъ Наполеона за то, что его походы пробудили въ ихъ болотахъ духъ свободы. Они хотятъ его гибели, надѣясь, что съ нимъ вмѣстѣ погибнутъ и великія идеи революціи и народы впадутъ въ прежнее сонное рабство. Вотъ за что они борются, вотъ чего они хотятъ, въ глубинѣ своихъ темныхъ душъ всегда готовые на предательство по отношенію къ своему великодушному союзнику. Въ этомъ вся опасность.

Шевалье замолчалъ. Собесѣдники сѣли на скамью.

— То, что вы говорите,—прервалъ молчаніе Левонъ:—приходило и миѣ въ голову. Я видѣлъ, что наши союзники не любятъ насъ и не довѣряютъ намъ. Эта война не принесетъ свободы Рос-

сіи! Зачѣмъ проливать нашу кровь за чужую свободу, когда Россія изнемогаетъ.

Монтрозь тихо положилъ руку на плечо Левона.

— Если вашъ государь осуществитъ то, о чемъ мечтаетъ, то Россія пойдетъ впереди всѣхъ народовъ. *Ex oriente lux*...—торжественно произнесъ Монтрозь.

— А вы, вы вѣрите въ это?—спросилъ Левонъ.

— Я надѣюсь,—тихо отвѣтилъ шевалье и, помолчавъ, добавилъ:—а если нѣтъ... что жъ! Мы будемъ бороться...

Снова наступило молчаніе. Глубокая тоска легла на душу Левона при мысли о томъ, что эта несчастная война будетъ длиться еще и еще... и не видно ей конца, и сомнителенъ успѣхъ, несмотря на помощь Австріи... Молчаніе прервалъ шевалье, вдругъ спросивъ:

— Вѣдь, это—жена вашего родного дяди, эта красавица съ мистическими глазами, княгиня Бахтѣва?

— Да,—отвѣтилъ Левонъ:—а что?

— Она, дѣйствительно, склонна къ мистицизму?—вопросомъ отвѣтилъ шевалье.

Левонъ вспомнилъ пророка и аббата и въ раздумьи отвѣтилъ:

— Мнѣ кажется, что да.

— Я слышалъ объ этомъ,—продолжалъ Монтрозь:—кажется, у княгини частый гость аббатъ?

— Кажется,—въ изумленіи сказалъ Левонъ:—но почему васъ такъ это интересуетъ?

— Я видалъ аббата въ Петерсвальде,—уклончиво отвѣтилъ Монтрозь, пристально глядя на Левона.

Въ темной аллеѣ трудно было рассмотреть выраженіе лица, но звукъ голоса Левона много сказалъ шевалье.

— Да, но при чемъ княгиня?—уже нѣсколько нетерпѣливо спросилъ Левонъ.

— Мнѣ кажется,—медленно произнося каждое слово, началъ Монтрозь:—что аббатъ Дегранжъ, пользуясь возвышеннымъ религіознымъ строемъ души русскаго государя и либеральнымъ направленіемъ его ума, дѣйствуетъ *pro domo sua*, вы знаете, что онъ орденна іезуитовъ. Ему нужна поддержка извѣстныхъ круговъ. Княгиня Волконская, княгиня Напраксина уже его ученицы.

Монтрозь положилъ, какъ бы нечаянно, руку на руку Левона и еще медленнѣе продолжалъ:

— Княгиня Бахтѣва очень вліятельна. Она удостоена дружбы великой княгини, любимой сестры императора, и въ силу этого, вниманія императора... Старанія Дегранжа понятны. Вотъ все, что я хотѣлъ сказать,—закончилъ онъ, чувствуя, какъ похолодѣли руки Левона.

— Но откуда вы все это знаете?—воскликнулъ Левонъ.

— Но этому я посвящаю всю мою жизнь,—мягко отвѣтил Монтрозъ, вставая.—Однако, пойдѣте. Мы еще поговоримъ съ вами о многомъ... Вѣдь, я знаю, что г. Новиковъ былъ раненъ, и я завтра же навѣщу его.

Левонъ молча послѣдовалъ за Монтрозомъ.

Государь съ великой княгиней уже уѣхали. Пронскаго нигдѣ не было видно, а около Ирины попрежнему былъ Меттернихъ.

Взволнованный всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ, Левонъ чувствовалъ, что не въ силахъ оставаться дольше. Онъ уѣхалъ такимъ же чужимъ и одинокимъ, какъ и пріѣхалъ, даже не подойдя ни къ дядѣ, ни къ Иринѣ. Онъ не замѣтилъ ни одного взгляда, который искалъ бы его въ толпѣ гостей....

XXXVI.

Монтрозъ сдержалъ свое слово и на другой день пріѣхалъ навѣстить Данилу Ивановича. Но даже пріѣздъ великаго мастера не подѣйствовалъ оживляюще на Новикова. Онъ находился въ состояннн угрюмаго отчаяннн. Блѣдный, невѣроятно исхудавшнн, съ ввалившимися глазами и бритой, забинтованной на половину головой, онъ былъ страшенъ. Монтрозъ не касался никакихъ волнующихъ темъ и легко и поверхностно скользилъ съ предмета на предметъ, не переставая внимательно изучать выраженнн лица Новикова. Иногда взглядъ его скользилъ по лицу Левона. Казалось, онъ сравнивалъ ихъ. Новиковъ едва поддерживалъ разговоръ, занятый своими мыслями и ослабѣвшнн отъ болѣзни.

Монтрозъ замѣтилъ это и всталъ:

— Ну, выздоравливайте, дорогой другъ,—ласково сказалъ онъ:—вѣрьте въ лучшее будущее и надѣйтесь.

Онъ съ такимъ особымъ выраженннмъ сказалъ послѣдння слова, словно что-то зналъ, что Новиковъ съ изумленнмъ посмотрѣлъ на него.

— Передъ отѣздомъ я еще навѣщу васъ,—закончилъ Монтрозъ, пожимая ему руку.

Бахтѣевъ вышелъ провожать его.

— Вотъ что, князь,—обратился къ нему въ сосѣдней комнатѣ Монтрозъ:—положеннн нашего друга гораздо серьезнѣе, чѣмъ думаете вы и, можетъ быть, врачи. Его организмъ утратилъ всякую силу сопротивленнн. Онъ сгораетъ отъ тайной тоски, и онъ сгоритъ, если мы не поможемъ ему.

Съ этими словами Монтрозъ вытащилъ изъ бокового кармана небольшую плоскую склянку, наполненнную блѣдно-розовой жидкостью.

— Возьмите это и давайте ему въ питьѣ три раза въ день по три капли. Лучше не говорите объ этомъ врачамъ. Это единственное

лекарство. Если не поможетъ оно, — не поможетъ ничто. Это средство производитъ сильную реакцію въ организмѣ и напрягаетъ его силы до максимума, не ослабляя въ послѣдствіи. Если не поздно, — оно поможетъ.

Съ чувствомъ необъяснимаго довѣрія Бахтѣевъ принялъ склянку изъ рукъ Монтроза.

— Благодарю, — сказалъ онъ.

— Сегодня я сдѣлаю визитъ вашему дядѣ и княгинѣ. Я увижу васъ? — спросилъ Монтрозъ, пристально глядя въ лицо Левона.

— Нѣтъ, я не буду тамъ, — отвѣтилъ Левонъ, отворачиваясь. Шевалье крѣпко пожалъ ему руку.

Новиковъ лежалъ на спинѣ съ открытыми глазами. Губы его тихо шевелились.

— Ты усталъ? — спросилъ Левонъ.

— Нѣтъ, — тихо отвѣтилъ Новиковъ: — но я хотѣлъ бы заснуть и боюсь... я боюсь своихъ сновъ, — добавилъ онъ.

Левонъ накапалъ въ стаканъ въ питье изъ склянки, данной Монтрозомъ, и, подавъ стаканъ Данилѣ Ивановичу, сказалъ:

— Монтрозъ говоритъ, что это питье дѣйствуетъ успокоительно.

— Успокоительно, — съ горькой улыбкой повторилъ Новиковъ: — если бы оно дало сонъ безъ сновидѣній.

Онъ поднялъ голову, выпилъ и снова откинулся на подушку. Глаза закрылись, и онъ почти сейчасъ же заснулъ.

Бахтѣевъ тихо вышелъ и сѣлъ у открытаго окна, выходящаго въ садъ.

Зарницынъ и Гриша уѣхали съ визитами послѣ вчерашняго бала.

Бахтѣевъ долго сидѣлъ у окна, неподвижно глядя на залитый солнцемъ садъ. Онъ не слышалъ, какъ вернулись молодые люди. И только веселый голосъ и громкій смѣхъ Гриши вывели его изъ задумчивости. Гриша былъ восторженно настроенъ послѣ вчерашняго бала. Еще бы, такого удовольствія онъ еще никогда не испытывалъ. Онъ видѣлъ государя совсѣмъ, совсѣмъ близко, онъ танцевалъ съ красивыми женщинами, принадлежавшими къ высшему кругу столицы, и самъ теперь не зналъ, въ кого онъ влюбленъ? Въ княгиню Ирину или Пронскую, въ Волконскую или Бахметьеву... Зарницынъ, напротивъ, всегда оживленный и веселый, былъ сосредоточенъ и задумчивъ и часто украдкой съ тревогой поглядывалъ на Левона. Онъ вчера многое подмѣтилъ и, какъ ему казалось, угадалъ. Поэтому онъ ни однимъ словомъ не касался Ирины въ разговорахъ о вчерашнемъ балѣ. Не передалъ онъ и того, что во время его визита къ Пронскимъ князь Андрей Петровичъ былъ какъ-то странно разсѣянъ и нервенъ, а княгиня довольно прозрачно шутила насчетъ искусства австрійскаго дипломата въ любви и политикѣ. Но, что особенно поразило Зарницына, такъ это страдальческое выраженіе, мгновенно промелькнувшее по лицу Прон-

скаго, когда княгиня уже безъ всякой шутливости упомянула объ исключительномъ вниманіи, оказанномъ государемъ княгинѣ Иринѣ...

«Нѣтъ, тутъ что-то неладно,—думалъ Зарницынъ:—какой-то клубокъ замотался.—То ли дѣло тамъ, на позиціяхъ, въ полку».

Лекарство Монтроза дѣйствительно оказало чудесное дѣйствіе. Прошло два дня, и Новиковъ удивительно окрѣлъ. У него появился хорошій сонъ, аппетитъ, бодрость духа. Къ нему словно вернулась прежняя энергія, а вмѣстѣ съ нею и надежда.

— Я найду, я найду ее,—твердилъ онъ:—я скоро совсѣмъ поправлюсь. Я чувствую, какъ вливается въ меня жизнь. Во всякомъ случаѣ она была подъ покровительствомъ д'Обрейля. Не можетъ быть, что они оба убиты.

Левонъ, какъ могъ, поддерживалъ его въ этой увѣренности, хотя самъ думалъ противоположное. Онъ хорошо зналъ необузданную жестокость нѣмцевъ въ случаѣ побѣды.

За все эти дни Левонъ ни разу не былъ въ домѣ дяди, да и вообще не былъ нигдѣ. Онъ никуда не выходилъ; только по ночамъ онъ часами бродилъ по темнымъ дорожкамъ сада, стараясь овладѣть своими мыслями и разобраться въ чувствахъ. Все въ его душѣ клокотало, и она замутилась. Онъ словно тонулъ и не видѣлъ береговъ, словно заблудился въ глухомъ лѣсу, безъ надежды выйти изъ него. Ни одна звѣзда не свѣтила ему. Безпорядочныя, дикія мысли пронеслись въ его головѣ, какъ лохмотья тучъ. Одно рѣшеніе смѣнялось другимъ, часто безумнымъ. Минутами ему казалось, что онъ сходитъ съ ума. А эти теплыя, темныя, іюльскія ночи, благоуханіе цвѣтовъ, таинственный шелестъ листьевъ въ душныхъ аллеяхъ дразнили его несбыточной мечтой. Иногда, остановясь среди аллеи, въ порывѣ страстнаго отчаянья, онъ простиралъ руки къ далекимъ звѣздамъ и шепталъ безумныя слова, похожія на заклинанія...

Онъ худѣлъ и блѣднѣлъ, дѣлаясь все молчаливѣе. Даже Гриша въ его присутствіи притихалъ и сдерживалъ свою юношескую веселость.

Въ одну изъ такихъ ночей Левонъ пришелъ, какъ ему показалось, къ единственному правильному рѣшенію—бѣжать. Новиковъ уже не нуждался въ его заботахъ. Онъ уже всталъ съ постели и бродилъ, хотя еще слабый, но уже здоровый, къ великой гордости Коврова. Левонъ рѣшилъ ѣхать въ полкъ. Срокъ перемирія истекалъ черезъ двѣ недѣли, говорили, что представитель Наполеона Коленкуръ, герцогъ Виченцкій, еще не пріѣхалъ на конгрессъ...—что Наполеонъ хранитъ молчаніе, и самые крайніе оптимисты уже сомнѣвались въ мирномъ окончаніи переговоровъ. Что

касается Левона, то послѣ разговора съ Монтрозомъ онъ ждалъ войны. Какъ будто сама судьба лишала Левона возможности измѣнить рѣшеніе. Онъ получилъ изъ полка экстренный приказъ немедленно выѣхать въ Прагу, куда, по случаю ожидаемаго пріѣзда государя и многихъ высокопоставленныхъ лицъ, назначались офицеры, преимущественно громкихъ фамилій, для несенія обязанностей ординарцевъ и для почетныхъ карауловъ.

«Ну, вотъ, все рѣшено,—думалъ Левонъ:—надо ѣхать немедленно, и слава Богу».

Но судьба подшутила надъ нимъ. Въ день, назначенный для отъѣзда, къ нему пріѣхалъ старый князь съ неожиданной новостью.

Черезъ Балашева онъ получилъ извѣщеніе, что государь желаетъ, чтобы онъ, какъ оберъ-камергеръ двора, пріѣхалъ въ Прагу. Отъ себя Александръ Дмитріевичъ прибавлялъ, что это приглашеніе вызвано возможностью заключенія мира, что будетъ, конечно, сопровождаться торжествами, и государь желаетъ, чтобы на этихъ торжествахъ присутствовали чины двора и представители знати. Великая княгиня уже уѣхала. Вслѣдъ за ней, не ожидая приглашенія, потянулись всѣ, кто имѣлъ возможность. Они же именно хотѣли остаться въ опустѣвшемъ Карлсбадѣ отдохнуть, но, видно, не судьба.

— Да, видно, не судьба,—подтвердилъ Левонъ, думая о себѣ.

Это приглашеніе было для него новымъ откровеніемъ. Онъ понялъ его по-своему, и страданіе, похожее на ужасъ, охватило его. Надвигалось что-то черное и страшное, съ чѣмъ нельзя бороться и отъ чего некуда уйти!..

Какъ во снѣ слушалъ онъ стараго князя, говорившаго ему:

— Евстафій Павловичъ уже уѣхалъ впередъ подыскать домъ, а мы выѣзжаемъ завтра; если ты свободенъ, то могъ бы проѣхаться въ Прагу. До конца перемирія осталось немного,—и, какъ показалось Левону, князь съ тревогой посмотрѣлъ на него.

— Но я ѣду туда,—овладѣвая собою, сказалъ Левонъ, и онъ передалъ князю полученное приказаніе.

Никита Арсенѣвичъ съ облегченіемъ вздохнулъ. Тутъ только Левонъ внимательнѣе посмотрѣлъ на дядю. Онъ увидѣлъ, что старый князь не польщенъ и не обрадованъ этимъ приглашеніемъ, а какъ будто удивленъ. На его величавомъ лицѣ лежала тѣнь недоумѣнія, и густыя брови изрѣдка сдвигались.

— Ѣхать надо,—серьезно сказалъ князь:—хотя я уже старъ представлять, но это желаніе государя и, значитъ, мой долгъ.

— А княгиня?—спросилъ Левонъ.

— А княгиня также знаетъ свой долгъ, какъ и я,—какимъ-то страаннымъ тономъ отвѣтилъ князь.

XXXVII.

Конгрессъ собрался, но бездѣйствовалъ. Дипломаты съѣхались, засѣдали, словно не зная, съ чего начать, втайнѣ обманывая другъ друга, скрывая другъ отъ друга полученныя отъ своихъ правительствъ инструкціи. Русскій представитель Анштеттъ, которому было дано понять Александромъ, что заключеніе мира противорѣчить всѣмъ его желаніямъ, повидимому, находился въ полномъ согласіи съ представителемъ Пруссіи Гумбольтомъ, которому, наоборотъ, было строго внушено нануганнымъ Фридрихомъ добиваться мира, хотя бы цѣной нѣкоторыхъ уступокъ. Въ то же время Фридрихъ увѣрялъ Александра въ своей твердой рѣшимости бороться до конца и не принимать отъ Наполеона никакихъ обѣщаній, какъ бы заманчивы они ни были. Французъ требовалъ отъ Меттерниха мира съ Франціей, и Меттернихъ обѣщавалъ употребить для этого всѣ силы, вплоть до открытой угрозы, а въ душѣ поклялся довести дѣло до войны.

Герцогъ Виченцкій, пріѣхавшій послѣ всѣхъ, хотя и держался высокомерно, но вовсе не получилъ отъ Наполеона никакихъ инструкцій, кромѣ какъ доносить о ходѣ работъ конгресса, также какъ и графъ Нарбоннъ.

Изъ Брандвейса, въ семнадцать верстахъ отъ Праги, Французъ надоѣдалъ Меттерниху. Пруссскій король не находилъ себѣ мѣста отъ безпокойства и, пріѣзжая въ Прагу, метался отъ одного къ другому, надоѣдая всѣмъ. Александръ внесъ новое осложненіе, потребовавъ поставить въ число условій мира низложеніе испанскаго короля Іосифа и возвращеніе на престолъ Фердинанда. Присоединеніе къ арміи союзниковъ бывшаго маршала Наполеона, теперь наслѣднаго принца шведскаго, Бернадотта съ тридцатитысячнымъ шведскимъ войскомъ, тоже желавшаго войны противъ своего благодѣтеля и родины во что бы то ни стало, тоже запутывало дѣла.

Наполеонъ, оставивъ Дрезденъ, поѣхалъ въ Майнцъ для свиданія съ императрицей Маріей-Луизой и, повидимому, вовсе не интересовался дѣлами конгресса, хотя время приближалось уже къ окончанію перемирія, но находился въ тайныхъ оживленныхъ сношеніяхъ со своимъ тестемъ, а тестъ эти сношенія скрывалъ отъ своего министра.

Естественно, что при такихъ условіяхъ конгрессъ обращался въ театръ маріонетокъ, гдѣ только одинъ Меттернихъ дѣйствовалъ самостоятельно, по своей волѣ.

Бездѣлье конгресса давало ему много свободнаго времени, и онъ продолжалъ вести образъ жизни свѣтскаго человѣка, тѣмъ болѣе, что въ Прагѣ вновь составилъ большой кругъ. Центромъ

общества являлся домъ Бахтѣевыхъ. Великая княгиня по своему высокому положенію была, конечно, виѣ общества, хотя милостиво участвовала иногда въ возобновившихся, какъ въ Карлсбадѣ, празднествахъ. Ирина попрежнему часто бывала у нея, гдѣ также часто, но обыкновенно почти тайно, одинъ, безъ свиты, бывалъ императоръ. Екатерина Павловна тоже бывала у Ирины. Дружба ея къ Иринѣ доходила до того, что, засидѣвшись у нея раза два, великая княгиня оставалась ночевать. Но къ этому всё привыкли, и это уже не возбуждало ни толковъ, ни комментарий, но всё какъ къ солнцу тянулись къ княгинѣ Иринѣ, попрежнему избѣгавшей шумныхъ собраний и никогда не танцовавшей.

Бахтѣевы заняли одинъ изъ лучшихъ домовъ, вѣрнѣе, дворець, нѣкогда принадлежавшій князьямъ Радзивилламъ. Дегранжъ попрежнему былъ у нихъ почти ежедневнымъ гостемъ.

Левону было неудобно вовсе прекратить посѣщенія дома дяди. Это могло бы привлечь общее вниманіе, а, главное, это было бы неприятно старому князю. Да и самого Левона мучительно влекло въ этотъ домъ, гдѣ каждое посѣщеніе вызывало въ немъ новыя страданія. Въ старомъ князѣ была замѣтна переменна. Его лицо стало строже, онъ рѣже шутилъ и улыбался, сталъ недоступнѣе, словно желая отгородиться отъ возможности услышать въ своемъ присутствіи неосторожное слово. И, дѣйствительно, его надменный и величавый видъ, строгій взглядъ еще молодыхъ и блестящихъ глазъ невольно заставляли сдерживаться самыхъ злыхъ и смѣлыхъ силенницъ и силенниковъ. Онъ, видимо, желалъ, чтобы Левонъ бывалъ какъ можно чаще и проводилъ больше времени около Ирины. Онъ словно въ глубинѣ души поручалъ Левону охрану своей жены отъ какихъ-то невидимыхъ, но злыхъ силъ. И это было и наслажденіемъ и пыткой для Левона. Ирина опять была съ нимъ такой же, какъ въ первые дни знакомства. Она, казалось, не замѣчала его, между тѣмъ какъ у нея находились и улыбки и привѣтливыя слова для Меттерниха и князя Пронскаго. Левонъ замѣтилъ, что красавецъ князь то былъ въ подавленномъ настроеніи, то лицо его сіяло нескрываемымъ счастьемъ. Съ Меттернихомъ онъ едва держался въ границахъ, требуемыхъ самой простой вѣжливостью. Но блестящій дипломатъ былъ всегда ровень, очаровательно любезенъ и будто не замѣчалъ едва скрытой враждебности князя. А Левонъ, глядя на того и другого, чувствовалъ, что готовъ возненавидѣть ихъ обоихъ.

Многочисленное общество собралось у Ирины на ея утренній пріемъ. Былъ ясный день. Гости частью расположились на террасѣ, частью бродили по саду. Ирина сегодня была оживленнѣе обыкновеннаго, окруженная молодежью; она сидѣла рядомъ съ графиней Остерманъ. Меттернихъ забавлялъ общество анекдотами изъ при-

дворной хроники французскаго двора, причемъ съ презрѣніемъ аристократа насмѣшливо и зло вышучивалъ манеры «маскарадныхъ», какъ выражался онъ, герцоговъ, принцевъ и королевъ, созданныхъ Наполеономъ, и самого императора, приводившаго въ ужасъ дамъ своими замѣчаніями насчетъ ихъ туалетовъ и нескромными вопросами.

— Что же мѣшаетъ, однако, имъ,—насмѣшливо замѣтилъ Пронскій,—стараться чаще попадаться ему на глаза, въ тайной надеждѣ привлечь къ себѣ, хоть на одинъ день, его особое вниманіе, такъ же, какъ не мѣшаютъ насмѣшки надъ нимъ аристократамъ старой Европы и даже принцамъ крови цѣловать его руку въ надеждѣ на тѣ короны, надъ которыми они смѣются, не получивъ ихъ. Это старая басня.

— Что дѣлать, дорогой князь,—съ улыбкой пожалъ плечами Меттернихъ, не замѣчая явной враждебности тона Пронскаго:—люди—всегда люди.

Юный Строгановъ, на дняхъ тоже появившійся въ Прагѣ, чтобы навѣстить отца, находящагося въ свитѣ государя, съ увлеченіемъ воскликнулъ:

— Что бы ни говорили, но Франція можетъ гордиться своимъ императоромъ!

— Вы очень великодушны и незлопамятны,—насмѣшливо прознесъ Меттернихъ:—послѣ того, что онъ сдѣлалъ для Россіи.

— Вы правы, графъ,—весь вспыхнувъ, но съ чувствомъ достоинства отвѣтилъ Строгановъ:—русскіе великодушны и умѣютъ признавать величіе даже въ своемъ врагѣ. И вѣрно, что русскіе не злопамятны, иначе всѣхъ нашихъ теперешнихъ союзниковъ мы считали бы своими злѣйшими врагами. Даже оставивъ старые счеты, вѣдь Пруссія и Австрія вмѣстѣ съ Наполеономъ приходили въ Россію въ прошломъ году!

Несмотря на всю свою находчивость, Меттернихъ на мгновеніе потерялся передъ этой правдивой юношеской горячностью.

— Bravo! Bravo!—воскликнула Остерманъ:—но вы должны сознаться, графъ,—обратилась она къ Меттерниху:—что русскіе также и находчивы.

— И большое счастье, графиня, считать себя въ числѣ ихъ друзей,—отвѣтилъ Меттернихъ, наклоня голову.

А въ саду княгиня Пронская, не имѣя иной жертвы, завладѣла Бахтѣевымъ. Ей давно уже было досадно, что молодой князь словно не замѣчаетъ ея. Она слишкомъ была избалована и не привыкла къ этому. Кромѣ того, она смутно подозрѣвала, что князь неравнодушенъ къ своей юной тетушкѣ; при этомъ отъ нея не могло укрыться, что ея мужъ окончательно потерялъ голову отъ любви къ прекрасной княгинѣ. Это не возбуждало ея ревности, но тревожило ее, такъ какъ мужъ сталъ манкировать своими обязанностями флигель-

адъютанта и это могло плохо отразиться на его придворной карьерѣ, а слѣдовательно и на ея. Всѣ эти соображенія побудили ее постараться временно завладѣть Левонъ, чтобы «освѣтить положеніе», какъ мысленно выразилась она.

Но Левонъ туго поддавался ея ухищреніямъ. Онъ довольно разсѣянно слушалъ ея болтовню и сдержанно отвѣчалъ на ея вопросы.

— Посмотрите на этотъ павильонъ, напоминающій собою маленькій античный храмъ,—обратила вниманіе Левона княгиня, указывая на мраморный съ колоннами и плоской крышей павильонъ.— Не правда ли, какъ красиво?

— Дѣйствительно, очень красиво,—отвѣтилъ Левонъ.

Они подошли ближе.

Окна павильона были закрыты темно-зелеными занавѣсками, дверь заперта.

— Обратите вниманіе на эту надпись,—сказала княгиня:— это по-латыни. Мнѣ ее переводили. Что-то о любви; что безъ любви нѣтъ жизни. Очень хорошо!

Она указала на надпись золотыми буквами надъ входной дверью.

Частью буквы вывалились, частью потемнѣли, но прочесть все же было можно. И Левонъ прочелъ:

«Magnus est amor, sine amore non est vita!»

— Могущественна любовь, безъ любви нѣтъ жизни,—задумчиво повторилъ онъ по-русски.

— Какъ это прекрасно!—воскликнула Пронская.—Сядемъ здѣсь, около этихъ розовыхъ кустовъ, и я вамъ еще что-то расскажу.

— Очень хорошо,—согласился Левонъ.

Въ концѣ концовъ княгиня достигла своего, и онъ уже обнаруживалъ нѣкоторый интересъ къ ея обществу.

— Такъ вотъ,—начала она:—говорятъ, что этотъ «храмъ любви» соединенъ подземной галерей со дворцомъ. Посмотрите, какъ укромно онъ помѣщенъ. Кругомъ густыя деревья, тамъ, видите, заросшая тропинка прямо къ маленькой калиткѣ въ толстой каменной стѣнѣ. Лучшаго мѣста для свиданія не придумать.

Она разсмѣялась.

— Вы знаете графа Оскольскаго?—спросила она.

— Гдѣ-то слышалъ,—отвѣтилъ Левонъ:—не въ Карлсбадѣ ли?

— Возможно,—сказала графиня:—онъ былъ тамъ. Это камергеръ или что-то въ родѣ этого при австрійскомъ императорѣ. Родовитый полякъ. Ему хорошо знакомъ этотъ дворецъ. Графъ теперь здѣсь. Онъ пріѣзжалъ съ какимъ-то порученіемъ къ Меттерниху изъ Брандвейса. Такъ онъ мнѣ разсказалъ, почему владѣлецъ бросилъ этотъ дворецъ и потомъ продалъ. Вамъ интересно?

— Очень,—отозвался Левонъ.

— Ну, такъ слушайте,—начала княгиня.—Этотъ дворецъ былъ

выстроены Радзивиллами, а въ концѣ прошлаго вѣка какимъ-то путемъ перешель къ ихъ родственнику князю Кшепольскому. Этотъ князь былъ женатъ на молодой красавицѣ. И былъ у него вѣрный другъ..

— Ну, конечно,—засмѣялся князь.—Все легенды старыхъ замковъ похожи одни на другую. Очевидно, что другъ соблазнилъ его жену.

— Это вѣрно,—улыбнулась княгиня:—но вы не знаете, чѣмъ дѣло кончилось. Князь, конечно, узналъ объ измѣнѣ и прослѣдилъ, что свиданія происходятъ въ этомъ павильонѣ. Тогда въ одну прекрасную ночь, лишь только княгиня вышла въ подземную галерею, онъ заперъ за нею дверь оставленнымъ ею въ двери ключомъ. Затѣмъ отправился сторожить. Когда изъ павильона вышелъ человѣкъ, онъ переждалъ нѣсколько минутъ, открылъ подобраннымъ ранѣе ключомъ павильонъ, вошелъ и такимъ же ключомъ заперъ дверь потайного хода.

— Какой вздоръ!—произнесъ Левонъ, почувствовавъ невольное содроганіе.

— Почему вздоръ?—задумчиво сказала Пронская:—Оскольскій говоритъ, что еще въ прошломъ году видѣлъ князя Кшепольскаго въ Парижѣ. Ему нѣтъ еще пятидесяти лѣтъ, но онъ выглядитъ настоящимъ старикомъ. Его невѣрный другъ былъ вскорѣ убитъ въ своемъ домѣ, какъ тогда говорили, съ цѣлью грабежа. Жена Кшепольскаго съ того времени пропала безъ вѣсти. А что важнѣе всего, это (мнѣ клялся въ этомъ Оскольскій) то, что новые владѣльцы черезъ пятнадцать лѣтъ нашли въ этой галереѣ истлѣвшій трупъ женщины. Но, чтобы не пугать возможныхъ жильцовъ, это скрыли. Брр! это ужасно,—нервно вздрогнула она:—но я не вѣрю, что ея призракъ по ночамъ ходитъ...

— Увѣряю васъ, что проходилъ,—раздался за кустами сзади чей-то негромкій голосъ.

Это было такъ неожиданно, что княгиня замерла на полусловѣ, судорожно схвативъ Левона за руку. Онъ тоже вздрогнулъ.

— Это вамъ показалось, дядя Іоганнъ,—произнесъ другой голосъ.

— Мнѣ не могло показаться. Я слышалъ, какъ хлопнула дверь въ павильонѣ, а когда я подошелъ, то услышалъ шорохъ вѣтвей, потомъ хлопнула калитка. Да и видно, что кто-то ходилъ.

— Ну, такъ свой кто-нибудь,—сказалъ первый.

— Еще бы не свой,—словно съ насмѣшкой произнесъ второй голосъ.

Бахтѣевъ и Пронская одновременно повернули лица и взглянули другъ на друга. Оба были блѣдны и, глядя въ глаза другъ другу, казалось, вели безмолвный, но имъ понятный разговоръ.

Это продолжалось одно мгновеніе.

На дорожкѣ показались двое мужчинъ.

Одинъ былъ старикъ, другой юноша. Оба были въ холстинныхъ передникахъ. У стараго въ рукахъ были садовые ножницы, у молодого ножъ. Они прошли мимо, вѣжливо снявъ шляпы.

— Однако, какъ они напугали,—съ нервнымъ смѣхомъ произнесла Пронская.

— Это было дѣйствительно страшно,—произнесъ Левонъ.

Онъ хотѣлъ это сказать шутливымъ тономъ, но голосъ сорвался...

Пронская встала, и они молча, избѣгая смотрѣть другъ на друга, направилась къ дому.

XXXVIII.

Въ девять часовъ вечера 29-го іюля (по н. ст. 10-го августа) 1813 года у пражскихъ городскихъ воротъ съѣхались два курьера. Одинъ ѣхалъ изъ Брандвейса отъ императора Австріи къ графу Меттерниху, другой изъ Дрездена отъ императора Франціи къ герцогу Виченцкому.

Меттернихъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, изрѣдка посматривая на часы. Несмотря на все самообладаніе, онъ не могъ сдерживать частаго бѣненія сердца. Осталось только три часа до окончанія перемирія! Доведетъ ли онъ до конца дѣло? Удастся ли ему? Или въ самый послѣдній моментъ что-нибудь неожиданное разрушитъ стройное зданіе его дипломатіи, и вмѣсто первой роли, несомнѣнно, принадлежащей ему въ случаѣ войны, онъ принужденъ будетъ потерять все и остаться въ тѣни—въ случаѣ мира.

Онъ вздрогнулъ, когда открылась дверь и вошелъ Кунстъ.

— Отъ императора экстренное письмо,—произнесъ онъ, подавая графу пакетъ.

Онъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что рука Меттерниха дрожала, когда онъ принялъ письмо.

— Вы можете итти, Кунстъ.

Кунстъ вышелъ.

Нетерпѣливо, не по привычкѣ аккуратно, Меттернихъ вскрылъ конвертъ, и то, что прочелъ онъ, чуть не свалило его съ ногъ.

Императоръ Наполеонъ соглашается на всѣ условія, предложенныя ему вѣнскимъ кабинетомъ, и настаиваетъ на удержаніи за собой лишь ганзеатическихъ городовъ и Голландіи и то въ видѣ залога, только до заключенія общаго мира. «Видите, милый Меттернихъ,—писалъ Франць. Мы тоже стали дипломатомъ. Надѣюсь, вы не будете сердиться на своего государя и друга за то, что онъ немного пощипалъ лавры, принадлежащія вамъ по праву. Итакъ, миръ! Не проливъ ни одной капли крови, не обнаживъ меча, мы возвращаемъ себѣ прежнее могущество и спасаемъ друзей. Итакъ, немед-

ленно объявите это на конгрессѣ. Герцогъ Виченцкій уже имѣеть инструкціи своего императора».

Меттернихъ нѣсколько разъ перечелъ письмо, стараясь глубже вникнуть въ его содержаніе. Но содержаніе было ясно, какъ день:

— Мирь!

Мирь! Это значитъ разореніе и ничтожество! Мирь—это торжество Наполеона! Мирь—это рядъ новыхъ униженій. Нѣтъ, больше! Мирь—это окончательное паденіе, потому что послѣ всего, что было, Наполеонъ не потерпитъ больше его вліянія на политику. Бѣшенство овладѣло Меттернихомъ. Онъ одураченъ. Онъ дуракъ и кукла въ глазахъ своего государя и сдѣляется посмѣшищемъ всѣхъ дипломатовъ, знавшихъ его игру!

Онъ долго сидѣлъ, обхвативъ голову руками. Наконецъ всталъ, злая улыбка появилась на его губахъ.

— Нѣтъ, мой милый скрипачъ, вы на этотъ разъ не сыграете дуэта съ Наполеономъ. Вы будете играть то, что хочу я, потому что дирижеръ все же я.

Онъ аккуратно вновь запечаталъ конвертъ и позвалъ Кунста.

— Я ѣду на засѣданіе конгресса,—сказалъ онъ.—Вотъ письмо. Возьмите его. Въ двѣнадцать часовъ и пять минутъ вы подадите его мнѣ на засѣданіе. Вы скажете, что оно только что пришло. Ровно въ двѣнадцать часовъ пять минутъ. Ни минутой раньше, ни минутой позже.

Кунстъ взялъ письмо и молча поклонился, не выражая никакого удивленія.

— Да,—добавилъ Меттернихъ:—немедленно, отъ имени императора, отправьте нарочныхъ съ приказомъ на сторожевыя вышки зажечь на горахъ сигнальные маяки и костры,—часа въ два полуночи.

Кунстъ поклонился еще разъ.

Меттернихъ уѣхалъ на засѣданіе конгресса. Всѣ представители были уже на своихъ мѣстахъ. Лицо Анштетта было сумрачно, Гумбольтъ сіялъ, графъ Нарбоннъ смотрѣлъ съ затаенной насмѣшкой, герцогъ Виченцкій привѣтствовалъ его радостнымъ возгласомъ.

— Миръ, дорогой графъ, миръ!

— Въ чемъ дѣло?—притворяясь изумленнымъ, спросилъ Меттернихъ.

— Вотъ читайте! Императоръ согласенъ на всѣ ваши условія,—торжествующе произнесъ Коленкуръ, протягивая ему бумагу.

Меттернихъ сдѣлалъ радостное лицо и весело отвѣтилъ:

— Тогда—миръ! Давно пора!

Онъ взялъ бумагу и погрузился въ чтеніе. Коленкуръ съ довольной улыбкой смотрѣлъ на него. Но вдругъ онъ замѣтилъ, что лицо Меттерниха омрачилось. Потомъ графъ покачалъ головой и, возвращая Коленкуру бумагу, съ грустнымъ вздохомъ, произнесъ:

«истор. вѣстн.», октябрь 1915 г., т. схи.

— Къ сожалѣнію, дорогой герцогъ, здѣсь есть но... Мои полномочія не простираются на измѣненія условій, а здѣсь новыя условія относительно ганзеатическихъ городовъ и Голландіи.

— Но вѣдь это временная мѣра!—воскликнулъ Коленкуръ:— и притомъ здѣсь указано, что его величество императоръ австрійскій одобряетъ эти условія и вы будете извѣщены.

— Тогда подождемъ,—со спокойной улыбкой проговорилъ Меттернихъ.

— Конечно, вопросъ можно рѣшить и завтра—это одна формальность, разъ уже имѣется согласіе,—успокоившись, согласился Коленкуръ.

— Разумѣется,—подтвердилъ Нарбоннъ.

Меттернихъ поддерживалъ незначительный разговоръ. Наконецъ часы пробили двѣнадцать. Меттернихъ словно съ облегченіемъ перевелъ духъ. Ровно черезъ пять минутъ вошелъ секретарь конгресса:

— Письмо его сіятельству графу Меттерниху отъ императора австрійскаго.

— Ну, вотъ! Это оно!—воскликнулъ Коленкуръ.

Меттернихъ медленно распечаталъ письмо и пробѣжалъ. Лицо его словно застыло.

— Вы правы,—сказалъ онъ:—императоръ согласенъ.

— Такъ, значить, миръ,—весело перебилъ его Коленкуръ.

— Но,—спокойнымъ тономъ продолжалъ Меттернихъ:—къ сожалѣнію, уже поздно...

— Какъ поздно!—воскликнулъ изумленный Коленкуръ.

— Согласіе пришло въ двѣнадцать часовъ пять минутъ. До двѣнадцати часовъ французское правительство не изъявило безусловнаго согласія на условія союзниковъ,—ровнымъ металлическимъ голосомъ продолжалъ Меттернихъ:—съ двѣнадцати часовъ ночи вступаетъ въ силу союзный договоръ между Австріей и коалиціей. Австрія уже не посредникъ болѣе, а воюющая сторона.

Ошеломленный Коленкуръ молчалъ.

— Но развѣ же не отъ васъ зависитъ принять это?—спросилъ онъ наконецъ Меттерниха.

— Спросите ихъ,—указалъ графъ на Анштетта и Гумбольдта:—согласны ли они?

— Я протестую отъ имени русскаго императора. Переговоры кончены,—рѣзко сказалъ Анштеттъ.

Гумбольдтъ, хотя и былъ несогласенъ съ Анштеттомъ, но не смѣлъ раскрыть рта.

— Итакъ, конгрессъ конченъ,—началъ Меттернихъ:—именемъ его величества императора австрійскаго объявляю вамъ, г. посолъ, что съ двѣнадцати часовъ ночи 10-го августа 1813 года Австрія находится въ состояніи войны съ Франціей.

— Но вы возьмете это завтра назад!—воскликнулъ возмущенный Коленкуръ:—это неслыханно!

— Невозможно,—покачалъ головой Меттернихъ:—черезъ два часа мы начинаемъ военныя дѣйствія.

Нѣсколько мгновений Коленкуръ, сильно поблѣднѣвшій, молча смотрѣлъ на Меттерниха, и въ его глазахъ было презрѣніе и бѣшенство. Наконецъ онъ овладѣлъ собою:

— Хорошо,—сказалъ онъ:—вы хотите войны! Вамъ будетъ война. До свиданія, въ Вѣнѣ!

Онъ слегка кивнулъ головой и, круто повернувшись, вышелъ. Молча поклонившись, графъ Нарбоннъ послѣдовалъ за нимъ...

XXXIX

Левонъ и ненавидѣлъ, и презиралъ себя, но не могъ побѣдить себя...

Третью ночь въ полубреду, въ лихорадочномъ состояніи онъ стоялъ на стражѣ у заросшей тропинки, ведущей изъ павильона къ калиткѣ.

«Я узнаю, я узнаю», говорилъ онъ себѣ. Безумныя, нелѣпыя чувства овладѣли имъ. Откуда вдругъ выросло у него убѣжденіе, что княгиня измѣняетъ мужу? Почему онъ съ увѣренностью ждалъ на этой тропинкѣ своего соперника? Онъ весь былъ охваченъ безуміемъ. Но если я увижу, узнаю... Что тогда? Здѣсь останавливалось его воображеніе...

Луна изрѣдка выглядывала изъ-за тучъ. Ночь была темная. Прижавшись къ стволу толстаго дерева, почти слившись съ нимъ, стоялъ Левонъ. Было темно, но онъ дрожалъ, и его зубы стучали. Онъ завернулся въ шинель, крѣпко сжимая эфесъ сабли.

Время шло. Левонъ чувствовалъ себя, какъ въ кошмарѣ. Онъ ли это? Онъ ли, гордый князь Бахтѣевъ, крадется, какъ шпионъ или сыщикъ, ночью въ чужой садъ, чтобы украсть чужую тайну, выслѣдить женщину, притомъ носящую то же гордое имя. Послѣдняя степень позора! Все это чувствовалъ Левонъ и въ полусознаніи упрямо твердилъ:

— Пусть, пусть я презрѣнный человѣкъ! Но я хочу знать! Сомнѣнія ужаснѣ правды! Нѣтъ пытки мучительнѣе пытки неизвѣстности.

А, наконецъ-то! Онъ весь напрягся, какъ струна. Дверь павильона хлопнула, послышались шаги. Левонъ совсѣмъ прижался къ дереву, едва высунулъ голову, боясь дышать, изо всѣхъ силъ сжимая зубы, судорожно стучащія.

Закутанная въ плащъ высокая темная фигура все ближе. Вотъ почти поровнялась. Лучъ луны, пробившейся изъ-за тучъ, упалъ на незнакомца и озарилъ его. Ногти Левона со страшной

силой впились въ кожу дерева. Онъ до крови прикусилъ губу, чтобы не застонать.

Онъ узналъ эту высокую, слегка сутуловатую фигуру, эту голову, слегка склоненную на бокъ, это блѣдное, на половину закрытое лицо...

Наступила минута, когда мракъ окуталъ сознание Левона. Быть можетъ, онъ лишился чувствъ. Когда онъ немного опомнился, онъ все такъ же судорожно обнималъ дерево. Въ ушахъ шумѣло, дрожали ноги.

Нетвердыми шагами дошелъ онъ до калитки. Она оказалась открытой. Онъ вышелъ на улицу. Обыкновенный путь его былъ черезъ стѣну. Глубокая тишина и тѣма царили вокругъ. Но вотъ на небѣ появилось зарево... Высоко на горизонтѣ запылали гигантскіе смоляные факелы... Они разгорались все сильнѣе... Вѣтеръ несъ къ небу сверкающія искры. Одинъ за другимъ вспыхивали еще и еще факелы, теряясь вдали... Это были сигналы, возвѣстившіе о прекращеніи перемирія...

Сигналы бѣдствія, зарево грознаго пожара войны, вновь охватившей Европу!..

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Меттернихъ торжествовалъ. Онъ нашелъ полную поддержку со стороны Александра и при его помощи легко убѣдилъ своего государя въ неизбежности и выгоды происшедшаго. Александръ весь горѣлъ желаніемъ поскорѣе начать рѣшительныя дѣйствія, восторженно настроенный, счастливый и увѣренный въ близкой побѣдѣ. Окруженный австрійскими и прусскими генералами и личными врагами Наполеона, онъ, казалось, не замѣчалъ, а если и замѣчалъ, то не обращалъ вниманія, хмурыхъ недовольныхъ лицъ вышихъ русскихъ генераловъ, сразу отодвинутыхъ на второй планъ.

Съ королевскими почестями, возмутившими даже добродушнаго Александра Семеновича Шишкова, былъ принятъ въ Прагѣ, вызванный Александромъ изъ Америки, съ береговъ Делаваара, генераль Моро, соперникъ военной славы Наполеона. Этотъ прославленный вождь, въ свое время кумиръ республиканской Франціи и ея герой, движимый личной ненавистью къ Наполеону, явился въ станъ враговъ Франціи, чтобы принять участіе въ растерзаніи своей родины, которую онъ такъ мужественно и славно защищалъ

противъ нихъ же. Еще не прошло пятнадцати лѣтъ съ того памятнаго дня, когда при Гогенлинденѣ онъ разбилъ на голову австрійскую армію и открылъ путь на Вѣну. Долгое пребываніе вдали отъ Европы и ненависть къ Наполеону—торжествовавшему сопернику, изгнавшему его изъ Франціи,—лишили его яснаго пониманія людей и обстоятельствъ. Онъ серьезно предлагалъ нелѣпый планъ—сформировать изъ находящихся въ Россіи плѣнныхъ французовъ сорокатысячную армію и поставить его во главѣ ея. По его словамъ, появленіе его съ этой арміей на берегахъ Рейна подниметъ всю Францію противъ Наполеона и заставитъ Наполеона отречься отъ престола. Онъ былъ убѣжденъ, что вся Франція раздѣляетъ его ненависть къ Наполеону.

Александръ до такой степени былъ очарованъ Моро, что, несмотря ни на что, хотѣлъ вручить ему главное командованіе всѣми союзными арміями. Но пока, не получивъ еще никакого назначенія, Моро щеголялъ въ круглой шляпѣ, въ сѣромъ штатскомъ сюртукѣ и сапогахъ со шпорами.

Почти одновременно съ Моро въ Прагу прибылъ и другой дорогой гость—начальникъ штаба маршала Нея, генераль Жомини. Чтобы измѣнить своимъ знаменамъ, онъ нашелъ основательный поводъ. Начальникомъ штаба императора, маршаломъ Бертье, принцемъ Невшательскимъ, онъ былъ обойденъ производствомъ въ дивизионные генералы. Здѣсь его тотчасъ утѣшили, сдѣлавъ генераль-лейтенантомъ русской службы. Впрочемъ, Жомини оправдывалъ себя тѣмъ, что родился швейцарскимъ гражданиномъ и умалчивалъ о своихъ заслугахъ въ арміи Наполеона въ борьбѣ противъ своихъ сегодняшнихъ друзей, при Іенѣ, Ульмѣ, Эйлау, на Березинѣ и недавно при Бауценѣ.

Его тоже считали гениальнымъ стратегомъ.

Къ нимъ же причисляли и наслѣднаго принца шведскаго Бернадотта, прибывшаго съ тридцатитысячнымъ шведскимъ войскомъ на помощь союзникамъ противъ своего благодѣтеля и своей родины. Этотъ счастливый авантюристъ, бывший маршалъ имперіи, принцъ Понте-Корво и теперь наслѣдный принцъ шведскій, всей своей чудесной карьерой былъ обязанъ своей женѣ Евгении-Дезире, урожденной Клари, на которой двадцать лѣтъ тому назадъ мечталъ жениться влюбленный въ нее генераль Бонапартъ. Благодаря навсегда сохранившимся нѣжнымъ воспоминаніямъ, а также свойству, такъ какъ Дезире была родной сестрой жены брата Наполеона Іосифа, Наполеонъ сдѣлалъ Бернадотта маршаломъ, принцемъ и, наконецъ, наслѣдникомъ престола Швеціи, не говоря уже о томъ, что обогатилъ его. Пользуясь черезъ жену всѣми благодѣяніями всемогущаго императора, Бернадоттъ никогда не переставалъ интриговать противъ него, но ему все прощалось. Когда же Наполеонъ довершилъ свои благодѣянія и Бернадоттъ почувствовалъ само-

стоятельность, онъ послѣшилъ стая на сторону враговъ императора и своей родины. Онъ никогда не совершилъ ни одного выдающагося воинскаго подвига, какъ Ней, Даву, Лефевръ и другіе, заработавшіе себѣ маршальскіе жезлы. Его дарованія воинскія Наполеонъ охарактеризовалъ одной фразой: «*Ce qui s'agit de celui-ci, il ne fera que piaffer!*»

Но все же онъ былъ маршаломъ императора, и лучъ славы великаго полководца упалъ на него. Этого было вполне достаточно, чтобы въ него вѣрили.

Кромѣ этихъ лицъ, какъ бы руководителей арміи, ближайшими къ Александру лицами были—Анштеттъ, русскій представитель на пражскомъ конгрессѣ, и на дняхъ произведенный въ генералъ-майоры Поццо-ди-Борго. Первый—французъ, по мнѣнію Наполеона, не лишнему основанія, измѣнникъ, подлежащій разстрѣлу, второй—личный врагъ Наполеона;—корсиканецъ, злобный, мстительный, ненавидящій своего соотечественника родовой ненавистью, посвятившій всю свою жизнь борьбѣ всѣми мѣрами противъ ненавистнаго семейства Бонапартовъ.

Эти люди тѣснымъ кольцомъ окружили русскаго императора, поддерживая въ немъ его мистическую и личную ненависть къ Наполеону, отстраняя отъ него всѣхъ, кто хотѣлъ и могъ бы показать императору истинное настроеніе русской арміи и русскаго общества.

Государь оказался изолированнымъ отъ своей арміи.

Вся русская армія была оскорблена, когда стало извѣстно, что ни одинъ изъ любимыхъ русскихъ вождей не былъ поставленъ во главѣ самостоятельной арміи.

Вся масса союзныхъ войскъ была раздѣлена на три арміи: Богемскую, или главную, Силезскую и Сѣверную.

Командующимъ первой, онъ же главнокомандующій, былъ назначенъ австрійскій фельдмаршалъ князь Шварценбергъ, самый молодой изъ австрійскихъ фельдмаршаловъ. Ему было сорокъ два года. Онъ не обладалъ ни въ какой мѣрѣ воинскимъ талантомъ, но зато принадлежалъ къ аристократическому роду, былъ придворнымъ человѣкомъ, изысканно любезнымъ, мягкимъ и уступчивымъ. Не имѣя никакихъ собственныхъ плановъ, онъ былъ пассивнымъ исполнителемъ велѣній императорской квартиры.

Силезскую армію поручили Блюхеру, хотя въ этой арміи было два русскихъ корпуса: Ланжерона и Сакена и только одинъ прусскій—Горка.

Блюхеръ, окончивъ свое образованіе на пятнадцатомъ году жизни, когда бѣжалъ изъ школы въ шведскую армію, такъ и остался навсегда полуграмотнымъ. Онъ глубоко презиралъ стратегію, счи-

тая ее измышленіемъ праздныхъ людей, не умѣлъ читать картъ, не отличая на нихъ лѣса отъ болота, и втайнѣ не вѣрилъ имъ. Онъ пренебрежительно слушалъ мнѣнія знатоковъ, пренебрегаль выработанными планами и никогда не могъ понять необходимости согласованности дѣйствій. Онъ не могъ охватить общаго плана и, командуя полкомъ или бригадой, считалъ себя совершенно свободнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ и ничѣмъ не связаннымъ. Все военное искусство представлялось ему до крайности несложнымъ. Никакихъ знаній не требовалось. Нужно быть только храбрымъ и идти впередъ. Онъ отъ всей души ненавидѣлъ Наполеона, не вѣрилъ въ его гениальность и былъ увѣренъ, что побѣдить его ему, Блюхеру, ничего не стоитъ. Для этого надо имѣть только армію. Теперь онъ ее имѣетъ, и онъ покажетъ съ ней, какъ надо побѣждать Наполеона. До сихъ поръ во всей долгой карьерѣ Блюхера было только два подвига, сдѣлавшіе на время его имя популярнымъ.

Первый относился ко временамъ его молодости, когда онъ пользовался репутаціей пьяницы, дуэлиста и скандалиста. Будучи обойденъ производствомъ въ чинъ майора, онъ въ пьяномъ видѣ написалъ королю Фридриху II: «Фонъ-Эгерфельдъ, единственная заслуга котораго состоитъ въ томъ, что онъ сынъ маркграфа, произведенъ мимо меня. Прошу у вашего величества отставки».

На это посланіе послѣдовалъ короткій отвѣтъ: «Ротмистръ Блюхеръ уволенъ отъ службы и можетъ убираться къ чорту».

Объ этомъ подвигѣ много говорили. Но это было еще въ 1773 г.

Другой подвигъ былъ совершенъ гораздо позднѣе, а именно въ памятный для Пруссіи 1806 году, когда Блюхеръ имѣлъ уже чинъ генераль-лейтенанта. Слѣдуя своей собственной стратегіи, онъ тогда самовольно оставилъ со своей кавалеріей корпусъ Гогенлоэ, въ которомъ состоялъ, и бросился куда-то впередъ. Въ результатѣ — ослабленный корпусъ Гогенлоэ принужденъ былъ капитулировать у Пренцлова, а неудачный стратегъ положилъ оружіе при Любекѣ. Объ этомъ уже говорили гораздо больше. Но все же, какъ осторожно выражается одинъ извѣстный историкъ; «въ 1813 году, достигнувъ уже свыше семидесяти лѣтъ отъ роду, Блюхеръ еще не имѣлъ случая прославиться великими военными подвигами».

Но въ тѣхъ полкахъ, гдѣ Блюхеръ служилъ, онъ тѣмъ не менѣе пользовался среди солдатъ популярностью и даже симпатіями. Онъ, несомнѣнно, былъ очень храбръ и подвергался опасностямъ наравнѣ со своими солдатами. Кромѣ того, не превышая общимъ развитіемъ своихъ вахмистровъ, онъ имѣлъ и одинаковые съ ними вкусы — къ вину, дебошу, грубымъ выраженіямъ, тяжелому прусскому остроумію и циничнымъ анекдотамъ, его неудобосказуемыя словечки пользовались большой популярностью и приводили въ восторгъ легко усваивающихъ ихъ прусскихъ героевъ.

Главнокомандующимъ третьей арміи былъ назначенъ Бернадоттъ.

Русскіе генералы заняли второстепенное положеніе. Русскіе офицеры почувствовали нѣмецкій гнетъ. Русскіе солдаты приучались слушать нѣмецкія ругательства.

10-го августа богемская армія, въ составѣ двухсотъ шестидесяти тысячъ человѣкъ, при 672 орудіяхъ, большинство которыхъ были русскія, двинулась, согласно общему плану, на Дрезденъ, защищаемый только однимъ французскимъ корпусомъ, подъ начальствомъ маршала Сент-Сира.

Сѣверная армія была направлена къ Лейпцигу, а силезской приказано, не теряя изъ вида противника, не ввязываться въ дѣло и быть готовой только къ поддержкѣ главной арміи.

Получивъ инструкцію, Блюхеръ усмѣхнулся въ свои усы и рѣшилъ, что онъ слишкомъ опытный полководецъ для того, чтобы только поддерживать другую армію. У него у самого есть армія, и онъ знаетъ, какъ дѣйствовать. Пусть другіе дѣйствуютъ, какъ хотятъ, онъ не мѣшаетъ другимъ—пусть не мѣшаютъ и ему.

Союзные государи слѣдовали при главной арміи.

II.

Гриша Бѣлоусовъ крѣпко спалъ и видѣлъ во снѣ Пронскую, когда былъ разбуженъ довольно энергичнымъ толчкомъ. Онъ открылъ сонные глаза и въ сумракѣ начинающагося разсвѣта увидѣлъ надъ собою необыкновенное блѣдное, осунувшееся лицо князя Левона. Выраженіе этого лица такъ поразило его, что сонъ сразу слетѣлъ съ него. Онъ быстро поднялся и тревожно спросилъ:

— Что съ вами? Что случилось?

— Война объявлена,—услышалъ онъ отвѣтъ и не узналъ этого странно прерывавшагося хриплаго голоса:—я уѣзжаю. Вотъ мой рапортъ. Передайте его князю Волконскому. Прощайте.

И прежде, чѣмъ Гриша успѣлъ задать еще одинъ вопросъ, князь бросилъ ему на постель бумагу и почти выбѣжалъ изъ комнаты.

Гриша былъ такъ ошеломленъ, что нѣсколько минутъ сидѣлъ, какъ окаменѣлый, безмысленно глядя на раскрытую дверь.

— Что же это значитъ?—произнесъ онъ наконецъ.—Война такъ война. Но съ нимъ-то что?

Онъ развернулъ рапортъ.

«Доношу вашему сіятельству,—прочелъ онъ:—что сего числа я отбылъ въ дѣйствующую армію по мѣсту моей службы».

Мысли Гриши мало-по-малу прояснились. Онъ прочелъ еще разъ этотъ рапортъ.

«Но это безуміе,—думалъ онъ:—за это князя отдадутъ подъ судъ! Что заставило его рѣшиться на это?»

И дѣйствительно, князь Левонъ, откомандированный къ особѣ императора, вдругъ самовольно бросаетъ свой постъ. Это было вопіющее нарушеніе дисциплины, которое, при томъ, могло быть истолковано, какъ дерзостное неуваженіе къ священной особѣ государя. Очевидно, случилось что-то невѣроятное... Гриша долго и напряженно думалъ и наконецъ рѣшилъ, что самое лучшее поручить это дѣло старому князю. Онъ любимъ государемъ и, конечно, Волконскій не рѣшится сдѣлать ему непріятность. Эта мысль успокоила Гришу за служебную карьеру Левона, но вмѣстѣ съ тѣмъ усилилась тревога за то, что сдѣлаетъ самъ Левонъ. Князь былъ въ такомъ состояніи, когда отъ человѣка можно ожидать всего. У него было лицо приговореннаго къ смерти,—думалъ Гриша... Зарницына не было дома.

Гриша торопливо одѣлся и, хотя ему не хотѣлось будить Данилу Ивановича, не вытерпѣлъ и вошелъ къ нему.

Новиковъ сразу пришелъ въ себя, почувявъ въ его голосѣ тревогу.

— Что случилось, Гриша?—спросилъ онъ.

— Я самъ не знаю,—отвѣтилъ Гриша:—война объявлена...

— Объявлена!—прервалъ его Новиковъ, приподнимаясь.—Объявлена,—повторилъ онъ чуть не съ отчаяніемъ.—Это ужасно! Это безуміе. Россія не прусская провинція, и наша кровь не вода.

Это извѣстіе также разрушало и его личныя надежды найти Герту. Она въ рукахъ враговъ, и онъ безсиленъ броситься за ней, искать ее и, быть можетъ, спасти. И отчаяніе все глубже овладѣвало его душой.

Онъ опустилъ голову и черезъ минуту добавилъ упавшимъ голосомъ:

— Впрочемъ, я почти ожидалъ этого. Что жъ! Будемъ воевать.

Но въ настоящій моментъ Гриша пропустилъ мимо ушей слова Новикова, такъ какъ былъ полонъ одной только мыслью о князѣ.

— Да, конечно, будемъ воевать,—торопливо сказалъ онъ:—но собственно я разбудилъ васъ изъ-за князя...

— А что?—сразу встрепенувшись, спросилъ Данила Ивановичъ.

— Я боюсь за него,—отвѣтилъ Гриша и въ волненіи рассказалъ случившееся.—Вотъ и его рапортъ,—закончилъ онъ.

— Ну, рапортъ—это вздоръ. Теперь не до того,—медленно и задумчиво произнесъ Новиковъ:—это обойдется... Тутъ есть болѣе серьезное что-то... Вы не знаете, гдѣ вчера былъ князь? А Зарницынъ вернулся?

Гриша покачалъ отрицательно головой.

— Зарницына еще нѣтъ, а князь ушелъ вчера поздно вечеромъ, а куда—не сказалъ, послѣдніе дни онъ былъ вообще молчаливъ и словно разстроенъ чѣмъ-то...

— А вы, Гриша,—помолчавъ, началъ Новиковъ:—съ этимъ рапортомъ не ходите къ старому князю.

— Почему?—удивленно спросилъ Гриша.

— Такъ,—уклончиво отвѣтилъ Новиковъ:—зачѣмъ путать въ это дѣло старика. Дайте лучше его мнѣ. У меня тамъ есть кое-какія знакомства.

— Какъ хотите, Данила Иванычъ,—сказалъ Гриша, отдавая бумагу.

Въ это время послышались шаги, и въ комнату, веселый и оживленный, вошелъ Семень Гаврилычъ.

— Ура!—закричалъ онъ съ порога:—въ походъ, други, въ походъ!

— Чему жъ ты радъ?—угрюмо спросилъ Новиковъ.

— Чудакъ ты,—отвѣтилъ Зарницынъ:—рука моя здорова. На что же я офицеръ, если не буду радоваться войнѣ!..

— Ну, не въ томъ дѣло,—прервалъ его Новиковъ:—а вотъ послушай, что съ княземъ...

Зарницынъ сразу сталъ серьезенъ и внимательно выслушалъ Новикова. Потомъ пристально взглянулъ въ глаза Данилѣ Ивановичу и многозначительно произнесъ:

— Конечно, ты правъ. Старого князя въ это лучше не мѣшать...

Новиковъ испытующе посмотрѣлъ на него и отвернулся.

— Тогда я ѣду за нимъ сегодня же!—воскликнулъ Гриша.

— Вотъ это очень хорошо,—отозвался Новиковъ.

— Я думаю, что на дняхъ и я смогу присоединиться къ вамъ.

— Жаль, что мы не вмѣстѣ,—вздыхнулъ Зарницынъ:—какъ бы мнѣ перемахнуть къ вамъ въ пятый драгунскій? Надо хлопотать.

— Конечно, хлопочи,—замѣтилъ Новиковъ:—у насъ въ офицерахъ большая убыль. Ну, я встану и отправлюсь въ штабъ,—закончилъ онъ.

— И я пойду собираться,—сказалъ Гриша:—сдѣлаю еще кое-какіе визиты и къ вечеру выѣду.

— Что могло случиться?—началъ Новиковъ, когда Бѣлоусовъ вышелъ.—Я подозрѣваю источникъ его настроеній, но откуда упалъ ударъ? Вотъ загадка...

Зарницынъ пожалъ плечами.

— Я много замѣтилъ и понялъ на послѣднемъ балу,—сказалъ онъ:—подозрѣвать можно много, есть подозрѣнія, которыхъ не слѣдуетъ высказывать.

— Я хорошо знаю князя,—замѣтилъ Новиковъ:—и я боюсь за него... Теперь такъ легко найти смерть,—слегка нахмурясь, добавилъ онъ.

Несмотря на слабость, Новиковъ все же собрался и, забравъ съ собою рапортъ Левона, отправился выручать товарища.

Зарницынъ послѣ бессонной ночи завалился спать.

Когда онъ проснулся черезъ нѣсколько часовъ, Новиковъ былъ уже давно дома.

— Все устроилъ,—весело рассказывалъ онъ:—оказалось, легче легкаго. Тамъ всё голову потеряли, тутъ и планы будущихъ побѣдъ, и парадные обѣды по случаю пріѣзда знатныхъ гостей. Дымъ коромысломъ. На меня даже руками замахали,—не до такихъ пустяковъ, молъ, теперь... Словомъ, съ этой стороны все обстоитъ благополучно... Сегодняшняя побѣдка показала миѣ, что черезъ нѣсколько дней я смогу вернуться въ полкъ. Тамъ мы съ Гришей какъ-нибудь отходимъ Левона... А кто отходитъ меня,—съ тоскою, подумалъ онъ, и грядущая жизнь показалась ему темной, какъ тюрьма...

III.

Вѣсть о войнѣ вызвала переполохъ въ обществѣ, но нельзя сказать, чтобы встревожила. Хотя почти всё были увѣрены въ заключеніи мира, тѣмъ не менѣе общество чрезвычайно быстро освоилось съ мыслью о войнѣ. Переполохъ былъ вызванъ главнымъ образомъ соображеніями о дальнѣйшихъ передвиженіяхъ императорской квартиры. Куда переѣдетъ она? Возможно ли слѣдовать за ней? Гдѣ будетъ государь?

Никита Арсеньевичъ, узнавъ о разрывѣ мирныхъ переговоровъ, ходилъ мрачнѣе тучи. Онъ отказался поѣхать на парадный обѣдъ, данный государемъ въ честь австрійскаго императора, гдѣ присутствовали въ качествѣ почетныхъ гостей Моро и Жюмнини. Ирина получила отъ великой княгини особое приглашеніе и сочла неудобнымъ отказаться. Она поѣхала одна. Евстафій Павловичъ безпокойно суетился, бѣгая отъ одного къ другому изъ штабныхъ знакомыхъ, съ тревогой разспрашивая, не грозитъ ли со стороны непріятеля опасность Прагѣ.

Старый князь былъ сильно удивленъ, что въ такое время Левонъ не считаетъ нужнымъ побывать у него.

На парадномъ обѣдѣ Ирина имѣла головокружительный успѣхъ. Въ этомъ обществѣ, гдѣ присутствовали два императора, король, наследный принцъ и великая княгиня, она была истинной царицей красоты и вела себя съ достоинствомъ принцессы крови. Даже мутные глаза императора Франца оживлялись при взглядѣ на нее, и онъ снисходительно удостоилъ ее нѣсколькими неясно произнесенными, но, повидимому, лестными словами. Это было величайшей милостью, такъ какъ его величество считалъ вообще ниже своего достоинства обращать вниманіе на кого бы то ни было, въ чьихъ жилахъ не текла царственная кровь.

Меттернихъ, не отходившій отъ нея, казался ея лакеемъ. Но Ирина была печальна и задумчива. Князь Пронскій находился въ

числѣ свиты и напрасно бросалъ на нее ревнивые и восторженные взоры, она не замѣчала его.

Она вернулась домой все такая же печальная, словно утомленная.

— Я очень устала,—сказала она встрѣтившему ее Никитѣ Арсеньевичу:—я не понимаю ихъ торжества... Они словно празднують побѣду... Я не вѣрю,—вдругъ добавила она, словно отвѣчая кому-то:—я не вѣрю, чтобы это была воля Божья! Это море крови...

Она опустила въ кресло и закрыла лицо руками. Никита Арсеньевичъ подошелъ къ ней и тихо погладилъ ее по головѣ.

— Что за странная идея, Иренъ,—началъ онъ:—это не бредни ли нашего краснорѣчиваго проповѣдника Дегранжа? При чемъ здѣсь Богъ? Неужели можно видѣть Божій промыселъ въ томъ, чтобы рѣками русской крови, нищетой, разореньемъ и рабствомъ Россіи покупали свободу и благополучіе Пруссіи...

Голосъ Никиты Арсеньевича задрожалъ.

— Ты не знаешь,—тихо продолжалъ онъ:—что творится тамъ у насъ, а я знаю по письмамъ моихъ управляющихъ. Нѣтъ, я не буду тебѣ рассказывать... Но скажу одно: у меня разрывалось сердце, когда я видѣлъ цвѣтуція нѣмецкія деревни, благоденствующихъ крестьянъ, но жадныхъ и корыстныхъ—этихъ, какъ тамъ говорятъ, несчастныхъ жертвъ тираніи Наполеона, и когда я сравнивалъ ихъ съ нашими...

Ирина опустила руки и, странно неподвижная, молча слушала мужа, а онъ продолжалъ голосомъ, понизившимся до шопота:

— И наши солдаты, оставивъ пустующія поля и голодныя семьи, идутъ и идутъ безропотно орошать своею кровью чужія нивы для тучной жатвы чужихъ и враждебныхъ поколѣній!.. Это ли воля Божія!

Князь сѣлъ рядомъ съ женой и взялъ ея холодную руку.

— А если,—задумчиво начала Ирина,—если изъ этой крови, проливаемой вмѣстѣ, вырастетъ братство народовъ и народы соединятся въ одну семью во имя благодарности, общаго мира и общей свободы? Развѣ въ теченіе двадцати лѣтъ не одинъ Наполеонъ мѣшалъ общему миру? Быть можетъ, и есть въ томъ воля Божія, чтобы народы, соединившись, устранили это зло и водворили долгій и счастливый миръ... И во главѣ этихъ народовъ, по христіанскому завѣту, босая, голодная и нищая, но непобѣдимая, съ мечомъ и крестомъ идетъ Россія!

Ирина встала, и ея глаза загорѣлись.

— Развѣ это не святое, не великое назначеніе и развѣ изъ этого испытанія Россія не выйдетъ, вся осіянная лучами Христовой славы?

Но ея одушевленіе сейчасъ же погасло, она опять сѣла въ кресло.

— Я не знаю,—глухо сказала она:—я ничего не знаю... кто правъ. Вы или другіе... Я не знаю, только мое сердце болит... Ахъ, какъ болитъ оно!

Ирина откинулась на спинку, вытянувъ на колѣняхъ блѣдныя руки и поднявъ полныя слезъ глаза.

Князь бережно взявъ ея руку и поднесъ къ губамъ.

— Не тамъ ли, у себя,—медленно спросилъ онъ:—наше мѣсто теперь?

Ирина отрицательно покачала головой.

— Нѣтъ,—рѣшительно сказала она:—наше мѣсто, мое по крайней мѣрѣ, здѣсь. Здѣсь мы тоже можемъ облегчить страданія. Предстоятъ бои, страшные, кровавые... и ничего нѣтъ. Я знаю это... Нѣтъ госпиталей, нѣтъ врачей, нѣтъ лекарствъ... Мнѣ рассказывали, что послѣ Будисинскаго боя люди умирали на дорогахъ, въ канавахъ, среди поля. Заживо гнили безъ перевязокъ, умирали въ сараяхъ-госпиталяхъ отъ жажды... Здѣсь тоже нужна помощь.

Князь съ величайшимъ удивленіемъ слушалъ жену. Все это было для него такъ неожиданно и странно. И эти мистическія идеи о спасеніи народовъ, и эта жажда благороднаго дѣла, и видимыя мучительныя противорѣчія ея души.

Онъ съ чувствомъ поцѣловалъ ея руку и растроганнымъ голосомъ сказалъ:

— Хорошо. Мы останемся здѣсь. Будетъ такъ, какъ хочешь ты. А я твой ближайшій и вѣрнѣйшій помощникъ.

Никита Арсеньевичъ долго въ эту ночь ходилъ по своему кабинету, погруженный въ размышленія. Слова Ирины многое освѣтили ему, и на многія отношенія, что втайнѣ мучили его, въ чемъ онъ никогда бы не признался, онъ глядѣлъ теперь иными глазами. Этотъ мистицизмъ, такъ связывающій другъ съ другомъ нѣкоторыя души... Бесѣды, переменчивость настроеній.

Мало-по-малу и душа, и лицо Никиты Арсеньевича свѣтлѣли.

— Милое, чистое, бѣдное дитя!—въ умиленіи шепталь онъ.

IV.

Казалось, планъ будущей кампаніи былъ разработанъ детально, но съ первыхъ же шаговъ обнаружился странный разногласіе. Францъ боялся за Вѣну, Фридрихъ за Берлинъ, Александръ жаждалъ прямого нападенія, Моро противился штурму Дрездена, хотя тамъ едва было двадцать двѣ тысячи молодыхъ конскриптовъ Сенъ-Сира, а Жомини, пожимая плечами, говорилъ, что смѣшно подойти къ Дрездену только для того, чтобы на него полюбоваться

Князь Шварценбергъ по очереди соглашался со всѣми и наконецъ на категорическій вопросъ Александра, что дѣлать съ Дрезденомъ, отвѣтилъ съ придворнымъ поклономъ:

— Я вполне согласенъ съ планомъ вашего величества, хотя отлично зналъ, что у государя не было никакого личнаго плана, а только желанія, мѣняющіяся подъ вліяніемъ окружающихъ.

Но все же, какъ бы то ни было, главная армія ползла къ Дрездену и наконецъ въ нерѣшительности остановилась въ виду беззащитнаго города.

И снова собрался военный совѣтъ для обсужденія плана дальнейшихъ дѣйствій.

Если не больше искусства, то по крайней мѣрѣ больше рѣшимости проявилъ Блюхеръ. Получивъ неопредѣленные и не провѣренныя свѣдѣнія, что какія-то французскія войска находятся на берегахъ Кацбаха, онъ двинулъ туда свою армію форсированнымъ маршемъ. Подъ дождемъ, по грязи, голодныя, теряя обувь, войска сдѣлали переходъ въ 30 верстъ и не нашли непріятели. Но Блюхеръ не потерялся. Говорятъ, что непріятель отошелъ къ Боберу, значитъ надо идти за нимъ. Не давъ арміи никакого отдыха, не покормивъ даже людей, Блюхеръ устремился прямо къ Боберу. Свѣдѣнія на этотъ разъ оказались вѣрными, но только непріятельскія силы, оказавшіяся подъ командою Нея, уже перешли Боберъ. Но это не остановило великаго стратега. Прогнавъ свою армію еще тридцать верстъ, онъ составилъ планъ окружить Нея. Это казалось ему чрезвычайно просто. Вѣдь сила у него было втрое больше. Стоило только перейти Сакену рѣку ниже, а Ланжерону—выше Нея, а Йорку двинуться прямо и дѣло сдѣлано. Такъ имъ и были отданы приказанія. Но отъ проливныхъ дождей рѣка вздулась, мосты были снесены. Это все вздоръ—мои солдаты должны вездѣ найти дорогу,—рѣшилъ неустрашимый вождь и приказалъ во что бы то не стало выполнить его планъ.

Угрюмый Сакенъ, получивъ это приказаніе, остановилъ движеніе своего корпуса, пылкій Ланжеронъ вернулъ свой авангардъ и отступилъ, а Йоркъ не тронулся съ мѣста. Судьба явно покровительствовала Блюхеру. На этотъ разъ онъ былъ спасенъ.

Наполеонъ, получивъ свѣдѣнія о движеніи арміи Блюхера и затруднительномъ положеніи Дрездена, двинулся изъ Бауцена со своей гвардіей и кавалеріей Латуръ-Мобура, перешелъ Боберъ, шута отбросилъ Блюхера и, давъ ему, такъ сказать, щелчокъ по носу, повернулъ свой путь на Дрезденъ, захвативъ съ собою самого Нея и поручивъ его армію Макдональду. Узнавъ, что противъ него самъ Наполеонъ и не зная, что Наполеонъ уже уѣхалъ, Блюхеръ рѣшилъ отомстить «дерзкому врагу» и поднять духъ своихъ войскъ, потерявшихъ уже убитыми и ранеными три тысячи и вдвое больше отсталыми и разбѣжавшимися. Для этого онъ еще помучилъ свои

войска стратегическими маршами и принялъ бой у Гольдберга, гдѣ снова потерялъ нѣсколько тысячъ, опять не считая отсталыхъ и разбѣжавшихся.

Утомленные, голодные войска совершенно упали духомъ, солдаты рожгали, офицеры тоже. Промокшіе, босые, голодные солдаты имѣли жалкій видъ. Но, подкрѣпляемый рейнвейномъ и мечтой на прозвище «побѣдителя Наполеона», Блюхеръ не обращалъ вниманія ни на чьи жалобы и возраженія и составилъ новый столь же гениальный стратегическій планъ. Но тутъ Ланжеронъ отказался ему повиноваться, а Йоркъ послѣ бурнаго объясненія съ нимъ послалъ королю рапортъ объ отставкѣ, въ которомъ между прочимъ писалъ:

«...Быть можетъ, ограниченность моихъ способностей не позволяеть мнѣ понять гениальныя соображенія, коими руководствуется генераль Блюхеръ. Но изъ всего видѣннаго мною могу заключить, что безпрестанные переходы впередъ и обратно въ продолженіе восьми дней со дня возобновленія дѣйствій привели вѣрныя мнѣ войска въ такое состояніе, что, въ случаѣ рѣшительнаго наступленія французской арміи, не могу ожидать никакихъ благопріятныхъ послѣдствій, и только лишь нерѣшительность непріятели сохранила по сіе время союзную армію отъ участи, подобной событіямъ 1806 года. Торопливость и несвязность дѣйствій, недостатокъ вѣрныхъ свѣдѣній о непріятелѣ и увлеченіе его демонстраціями, невѣдѣніе практическихъ приемовъ, болѣе необходимыхъ для командованія арміей, чѣмъ заносчивые взгляды,—вотъ причины, могущія довести армію до крайняго разстройства... Какъ генераль, подчиненный главнокомандующему, я долженъ слѣпо повиноваться ему, но какъ вѣрноподанный считаю, напротивъ, обязанностью противиться ему»...

«Стратегія» Блюхера обошлась ему въ 15000 человекъ, вышедшихъ изъ строя.

Кое-какъ примирившись съ непокорными корпусными командирами, Блюхеръ предпринялъ движеніе снова къ Кацбаху по обоимъ берегамъ Вютенде-Нейссе. Онъ увѣрялъ, что имѣетъ точнѣйшія свѣдѣнія о намѣреніяхъ Макдональда. Ему повѣрили. Но на самомъ дѣлѣ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго представленія ни о численности, ни о планахъ противника. Проливной дождь и туманы густой завѣсой закрывали впереди лежащія мѣстности. Горныя рѣчонки вышли изъ береговъ. Передовые отряды Йорка, увѣреннаго на этотъ разъ въ точности свѣдѣній Блюхера, безостановочно двигались впередъ и, перейдя Кацбахъ, носъ къ носу столкнулись съ арміей Макдональда.

Авангардъ Йорка былъ стремительно сбитъ и отступилъ, преслѣдуемый кавалеріей непріятели.

Этого не ожидалъ никто и меньше всего самъ Блюхеръ. Но

онъ не растерялся и со свойственной ему быстротой соображенія отдалъ общій приказъ: «впередь!» Хотя «впередь» для Горка значило тонуть подъ огнемъ противника въ Кацбахѣ, для Сакена—ставить свой флангъ подъ удары Лористона.

Но судьба явно покровительствовала прусскому главнокомандующему. Никто не обратилъ вниманія на его приказаніе. Положеніе спасъ Сакенъ. Воспользовавшись тѣмъ, что Макдональдъ, на-сѣдая на Горка, обнаружилъ свой лѣвый флангъ, онъ отдалъ приказъ къ общему наступленію. Русская кавалерія Васильчикова атаковала непріятеля съ трехъ сторонъ. Подъ стремительнымъ натискомъ русскихъ, кавалерія Себастьяни была опрокинута на пѣхоту и вмѣстѣ съ ней отброшена къ рѣкѣ, потерявъ тридцать орудій. Французы, обращенные въ бѣгство, пытались перейти рѣку, но мосты были снесены разливомъ и броды сдѣлались непроходимы.

Артиллерія Сакена поражала густыя толпы противниковъ.

Главные силы французовъ понесли полное пораженіе. На лѣвомъ флангѣ Ланжеронъ завершилъ побѣду пораженіемъ Лористона. Побѣда была выиграна. Ночь прекратила сраженіе.

Главнокомандующій долго какъ будто не зналъ, побѣдилъ онъ, или побѣжденъ, и не могъ отдать себѣ яснаго отчета, что и какъ произошло и при чемъ собственно здѣсь онъ?

Но донесенія о трофеяхъ, рапорты Сакена, ординарцы со всѣхъ сторонъ наконецъ заставили его повѣрить въ побѣду.

Все еще нѣсколько недоумѣвающей, возвращался онъ подъ проливнымъ дождемъ со своимъ штабомъ въ Брехтельсгофъ, въ главную квартиру. Штабъ, повидимому, тоже недоумѣвалъ. Не было слышно ни поздравленій, ни оживленныхъ разговоровъ. Наконецъ Блюхеръ прервалъ молчаніе, воскликнувъ, обратясь къ начальнику штаба Гнейзенау:

— А, вѣдь, мы выиграли сраженіе, Гнейзенау, и никто въ мірѣ не можетъ спорить противъ этого! Теперь слѣдуетъ подумать, чтобы получше объяснить, какъ мы его выиграли?

И объяснили.

Когда на другое утро Сакенъ прочелъ въ главной квартирѣ реляцію о сраженіи, онъ съ удивленіемъ узналъ, что русскіе со свойственнымъ имъ мужествомъ только отчасти способствовали къ одержанію прусскими войсками блистательной побѣды.

— Но мы, кажется, сдѣлали побольше!—весь вспыхнувъ, обратился онъ къ Гнейзенау.

— Вы, генералъ, герой вчерашняго дня, и главнокомандующій помнить это. Но вы, гг. русскіе, такъ богаты побѣдами, что вамъ, какъ добрымъ нашимъ союзникамъ, грѣшно не уступить намъ хоть часть вашей славы.

— Что жъ, поправляйте ваши дѣла,—насмѣшливо замѣтилъ

Сакенъ, это будетъ слѣдующая страница вашей военной славы за Иеной и Ауэрштедтомъ.

И, слегка поклонившись, Сакенъ вышелъ отъ негодующаго Гнейзенау.

V.

Толькевицкій лѣсъ гнулся и стоналъ подь буйными набѣгами холоднаго вихря. Вѣтеръ бѣшено срывалъ его зеленяя одежды, взметалъ тучи листьевъ, но, едва поднявшись, они падали на землю подь тяжелыми потоками дождя. Вѣтеръ неся дальше въ поле, яростно сбивалъ каски и кеши съ головы солдатъ, рвалъ плащи, пугалъ лошадей и словно тонкими прутьями до боли хлесталъ по лицамъ дождевыми струями. Черныя тучи тяжелой пеленой закрывали небо, зловѣщій сумракъ повисъ надъ землей. Замокшія ружья не могли стрѣлять, но ожесточенный рукопашный бой кипѣлъ по всему фронту союзниковъ, широкимъ полукругомъ охватившихъ Дрезденъ. Только тяжело ухали орудія, густой дымъ низко стлался по землѣ и не было возможности сквозь сумракъ дня, дождь и пушечный дымъ слѣдить за движеніемъ врага. Завыванье вѣтра, грохотъ орудій, разнородные крики сражающихся, топотъ несущейся бѣшенымъ галопомъ кавалеріи смѣшались въ одной чудовищной какофоніи.

Былъ второй день Дрезденской битвы. Союзники пропустили удобный моментъ овладѣть беззащитнымъ Дрезденомъ, и, когда рѣшились его атаковать, тамъ былъ уже самъ Наполеонъ съ кавалеріей Мюрата, со старой и молодой гвардіей, съ арміями Мортье, Мармона и Виктора. Было что-то невыразимо ужасное, отъ чего вздрагивали самыя мужественныя сердца, въ этихъ бѣшенныхъ нѣмыхъ атакахъ безъ одинаго ружейнаго выстрѣла. Мюратъ вспомнилъ лучшіе дни своей славы, и его кавалерія съ громкими криками: «vive l'empereur!» словно на крылатыхъ коняхъ неслась среди непріятельской арміи, своей тяжестью и неудержимостью прорывая непріятельскія карре. Всю силу своего удара Наполеонъ обратилъ на лѣвое крыло союзныхъ войскъ, находившееся подь командой австрійца Гюлая. Оцетинившись штыками, безъ выстрѣла, встрѣчали ее австрійскія карре и гибли подь копытами коней. Селеніе за селеніемъ—Науслицъ, Косталь, Корбицъ—одно за другимъ переходили въ руки французовъ... Съ ружьями наперевѣсь, стройно, какъ на парадѣ, бѣглымъ шагомъ наступала молодая гвардія Мортье на передовые отряды графа Витгенштейна.

Въ передовомъ отрядѣ былъ и пятый драгунскій полкъ вмѣстѣ съ лубенскими гусарами.

Товарищи не узнали Бахтѣва, когда онъ вернулся.

— Его подмѣнили, — говорилъ Громовъ.

«истор. вѣстн.», октябрь 1915 г., т. схлп.

И, дѣйствительно, Левона было трудно узнать. Онъ словно сразу сталъ старше лѣтъ на десять. Его лицо приняло жесткое, суровое выраженіе. Онъ прекратилъ товарищескія отношенія, его обращеніе стало сдержанно и холодно, онъ, видимо, избѣгалъ своихъ товарищей и чуждался ихъ. Въ первый день сраженія онъ обратилъ на себя вниманіе какой-то неестественной, совершенно безразсудной отвагой. Громовъ принужденъ былъ употребить свою власть командира, чтобы сдержать его. Пріѣхавшаго Гришу онъ встрѣтилъ больше, чѣмъ сухо и тотчасъ отправилъ его въ другой эскадронъ. Онъ хотѣлъ быть одинъ. Новиковъ не могъ пріѣхать; онъ былъ еще слабъ, хотя и порывался ѣхать.

Левонъ словно окаменѣлъ. Ему казалось, что онъ даже не живетъ, что его существованіе не есть жизнь, а какое-то странное неопредѣленное состояніе, что-то среднее, промежуточное между смертью и жизнью. Онъ не страдалъ. Онъ просто не ощущалъ жизни. Онъ не искалъ смерти, по имъ владѣла дикая, навязчивая мысль, что онъ не можетъ быть убитъ. И когда Громовъ совѣтовалъ ему не лѣзть бесплодно на смерть, онъ бессмысленно, но для самого себя логично и естественно отвѣтилъ:

— Трупъ нельзя убить...

Юные голоса восторженно кричали: «vive l'empereur!» И вѣтеръ несъ этотъ боевой восторженный кличъ въ лицо русскимъ полкамъ. И на одно мгновеніе, заглушая эти крики, раздался тяжелый ревъ французской батареи, на рыскахъ вѣхавшей на фланговый холмъ.

Въ эту минуту передъ фронтомъ показался какой-то генераль (Бахтѣевъ не зналъ его) и громко крикнулъ Громову и командиру лубенскихъ гусаръ Мелиссино:

— Остановите ихъ!—И онъ указалъ рукой по направленію туда, откуда неслись крики французской гвардіи.

Пронзительно и хрипло заиграли трубы атаку, пронеслось грозное «ура», и Лубенскій и пятый драгунскій колыхнулись и разомъ рванулись впередъ.

Наткнувшись на желѣзное карре, первые ряды упали, но въ своемъ паденіи разстроили непріятельскую фалангу. Дождь и кровь смѣшались. Люди бились въ кровавыхъ лужахъ по шиколотки лошади... Черезъ нѣсколько минутъ только груды изуродованныхъ и растоптанныхъ тѣлъ людскихъ и лошадиныхъ остались на томъ мѣстѣ, откуда слышались восторженные молодые голоса... Только немногія разсѣянныя кучки непріятели разсыпались въ беспорядкѣ по полю. Эта блестящая атака русскихъ дала возможность передохнуть авангарду Витгенштейна.

Войска остановились, вновь готовя къ бою, но, насколько могъ видѣть глазъ, за густой сѣтью дождя впереди было пусто. Замолкла и фланговая непріятельская батарея. Замѣтно темнѣло. Дождь усиливался. Не только не было возможности разложить костеръ,

чтобы хоть немного согрѣться, но было трудно даже раскурить трубку. Унылое молчаніе царило въ рядахъ. Солдаты вполголоса обмѣнивались короткими замѣчаніями.

Но вотъ вдругъ словно дуновение тревоги пронеслось по рядамъ. Замѣтно стало движеніе, голоса громче и оживленнѣе... И изъ усть въ уста пробѣжала грозная вѣсть, что лѣвый флангъ союзной арміи уничтоженъ, что австрійскій корпусъ Мецко положилъ оружіе, что русскія войска обойдены. Обойдены! Вотъ страшное слово, внушающее на полѣ битвы панической ужасъ!

Бахтѣевъ увидѣлъ вдали группу всадниковъ. Кто-то сказалъ, что это графъ Витгенштейнъ со штабомъ.

Воспользовавшись затншьемъ, Левонъ подкакалъ къ Громову.

— Что случилось?—спросилъ онъ.

— Что-то недоброе,— угрюмо отвѣтилъ Громовъ:—къ Витгенштейну сейчасъ одинъ за другимъ прискакали нѣсколько австрійцевъ. А французы вдругъ остановились. И эта проклятая батарея замолчала... А вотъ еще одинъ... Смотри!..

Къ нимъ приближался австрійскій офицеръ.

— Лейтенантъ,—крикнулъ по-нѣмецки Громовъ:—какія вѣсти?

Молодой австрійскій лейтенантъ въ эту минуту поравнялся съ ними. Онъ былъ, видимо, разстроень.

Отдавъ честь, онъ взволнованно сказалъ:

— Гдѣ графъ? Это ужасно! Все потеряно! Случилось непоправимое несчастье, кажется. Князь требуетъ графа... Боже! Страшно сказать...

Онъ замолчалъ и потомъ быстро, шопотомъ, низко наклонившись къ Громову, продолжалъ:

— Я не хочу вѣрить, хотя... Но это, во всякомъ случаѣ, надо скрывать до поры до времени... Императоръ Александръ убитъ на Рекницкихъ высотахъ...

Громовъ пошатнулся въ сѣдлѣ.

— Нѣтъ! Нѣтъ!—въ ужасѣ произнесъ онъ.

Левонъ судорожно сжалъ рукою гриву лошади и застылъ съ какой-то странной улыбкой на губахъ.

«Теперь мой чередъ», мелькнула въ его головѣ Богъ вѣсть изъ какой непонятной ему самому темной глубины души всплывшая мысль...

— Я не хочу вѣрить,—продолжалъ лейтенантъ:—мы еще при томъ разбиты.... Лѣваго фланга не существуетъ,—но, кажется, не спасется никто. Простите, тамъ, кажется, графъ, я спѣшу...

И, пришпоривъ лошадь, онъ умчался прочь.

Громовъ снялъ киверъ, подставляя голову холодному дождю и вѣтру.

— Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть,—тихо повторялъ онъ...

— Почему не можетъ быть?—холодно отозвался Лсвоиъ:—онъ не безсмертнѣ насъ...

— Этого не можетъ быть! Богъ справедливъ,—сказалъ Громовъ.

— Я увѣренъ въ этомъ,—коротко отвѣтилъ Бахтѣвъ.

Громовъ такъ былъ потрясенъ этимъ извѣстiемъ, что не могъ собрать своихъ мыслей.

Помимо его естественной привязанности къ императору, въ немъ говорило еще смутное сознанiе какой-то грозящей катастрофы...

Наконецъ, нѣсколько овладѣвъ собою, онъ сказалъ:

— Не надо пока ни думать объ этомъ, ни говорить.

Положенiе почти двухсоттысячной армiи союзниковъ становилось отчаяннымъ. Разбивъ Гiулая и разбивъ Мецко, Мюрать зашелъ въ тылъ и флангъ австрiйскимъ дивизiямъ за Плаценскимъ оврагомъ. День клонился къ вечеру, буря не утихала, вихрь, смѣшавшись съ дождемъ, билъ прямо въ лицо союзнымъ полкамъ. Лошади и люди едва передвигали ноги по колѣни въ грязи.

Маршалъ Викторъ грозилъ тылу русскихъ войскъ, прикрывая Пирну. Сжатымъ желѣзнымъ кольцомъ союзнымъ армiямъ оставался единственный путь отступленiя между Пирнской и Фрейбургской дорогами по тѣснинамъ Рудныхъ горъ...

И еще до приказа объ отступленiи вся масса войскъ ринулась въ это узкое дефиле...

Напрасно графъ Витгенштейнъ, прикрывавшiй отступленiе, употреблялъ нечеловѣческiя усилiя сдержать и привести въ порядокъ отступающiя колонны.

Напрасно Бахтѣвъ со своимъ эскадромъ старался направлять обозы и артиллерiю...

И люди, и животныя обезумѣли. Не разбирая дороги, по тѣламъ раненыхъ и убитыхъ, сбивая съ ногъ пѣхотинцевъ, въ полумракѣ и грязи, подъ дождемъ и вихремъ неслись двуколки, телѣги, скакала артиллерiя, ѣздовые обрѣзали построжки и бросали въ грязи орудiя; опрокинувшiеся передки, повозки, лафеты, зарядные ящики создавали цѣлыя баррикады. Измученные, голодные и босые солдаты, преимущественно австрiйскiе, бросали ранцы, ружья и бѣжали... Нѣкоторые въ отчаянiи бросались прямо въ грязь на краю дороги и сейчасъ же засыпали тяжелымъ свинцовымъ сномъ, погибая подъ колесами и копытами и ногами бѣгущей пѣхоты. Вся дорога была завалена такими тѣлами. Сгоны и раздрающiе душу крики оставленныхъ на произволъ судьбы раненыхъ и погибающихъ перемѣшивались въ воздухѣ со свистомъ бури, криками и руганью, командою офицеровъ, топотомъ лошадей и трескомъ ломающихся повозокъ. И изрѣдка, покрывая весь этотъ шумъ, рывкала фланговая батарея, посылая по едва различимымъ въ сгущавшемся

сумракъ толпамъ свои смертельныя, прощальныя привѣты, внося неописуемый ужасъ въ эти деморализованныя толпы, бывшія еще наканунѣ грознымъ войскомъ. Эта искусственная и страшная батарея состояла всего изъ двухъ орудій, но, благодаря своей позиціи, обстрѣливала, такъ сказать, самое устье дороги. И передовой отрядъ авангарда, теперь обратившійся въ крайній отрядъ аррьергарда, получилъ приказъ снять эту батарею. Это было безумье, и приказъ притомъ запоздалъ. Зловѣщая тьма уже надвигалась. Приказъ былъ отданъ еще три часа назадъ, но дошелъ только сейчасъ.

Командиръ лубенскихъ гусаръ Мелиссино уже былъ убитъ. Старшимъ въ аррьергардѣ остался Громовъ. Получивъ приказъ, онъ только махнулъ рукой, но бывший здѣсь же Левонъ быстро обратился къ нему:

— Господинъ полковникъ, прошу разрѣшенія атаковать батарею.

— Вы съ ума сошли, ротмистръ!—воскликнулъ Громовъ и потомъ добавилъ:—ты это что же? Жизнь надоѣла, что ли? Это, братъ, дохлое дѣло!

— Прошу позволенія атаковать батарею,—упрямо повторилъ князь:—приказъ возможно исполнить.

Громовъ колебался.

— Вы не имѣете права отмѣнять приказъ,—рѣшительно сказалъ князь.

— Это мое дѣло,—нахмурился, отвѣтилъ Громовъ.

Однако, послѣ нѣкотораго размышленія, онъ добавилъ:

— Впрочемъ, какъ хочешь. При бѣшенномъ счастьи это возможно. Иди!

Онъ протянулъ руку и горячо пожалъ руку Левона. Левонъ отвѣтилъ ему холоднымъ пожатіемъ...

«Бѣдняга, очевидно, хочетъ смерти,—подумалъ Громовъ, смотря въ слѣдъ исчезнувшему въ темнотѣ князю:—а, впрочемъ, всѣ тамъ будемъ», закончилъ онъ свои размышленія и, снявъ киверъ, перекрестился.

Еще можно было смутно различать безпорядочно двигавшіяся по шоссе густыя массы, и французская батарея продолжала обстрѣливать ихъ картечью съ разстоянія тысячи двухсотъ шаговъ. Широко разсыпавъ свой эскадронъ полукругомъ, князь съ разстоянія пятисотъ шаговъ пустилъ его въ карьеръ на высоты, занятыя батареей. По мѣрѣ приближенія эскадронъ сжимался къ своимъ флангамъ, разрывая свой центръ. Цѣлый вихрь картечи встрѣтилъ его. Пригнувшись къ шеѣ лошади, неся впереди Левонъ и съ крикомъ «ура» первый взлетѣлъ на высоту. Орудія не успѣли дать второй очереди, какъ прислуга была уже перебита. Слѣжившіеся драгуны бросились къ орудіямъ и съ радостными криками столкнули ихъ внизъ съ противоположнаго крутого ската. Орудія переверну-

лись и скатились съ крутизны въ топкое болото. На это потребовалось нѣсколько минутъ, но уже бѣжала французская пѣхота, стоявшая въ прикрытіи, и съ обѣихъ сторонъ, отрѣзая путь отступленія, неслись французскіе кавалеристы. Еще была нѣкоторая возможность прорваться, и, пустивъ свой эскадронъ по склону, князь остался съ однимъ взводомъ задержать наступленіе противника. Уже тьма легла на землю. Тяжелой лавиной скатывался со склона эскадронъ драгунъ. Левонъ преградилъ путь французскому отряду, скакавшему наперерѣзъ. Конечно, борьба была неравная, но онъ далъ время своему эскадрону, и по грозному, ликующему «ура» онъ понялъ, что имъ удалось спастись...

Левонъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ. Онъ слышалъ изъ темноты голосъ, кричавшій: «бросьте оружіе», его драгуны дрались отчаянно, тѣнимые со всѣхъ сторонъ, падая одинъ за другимъ. Левонъ задыхался. Уже рука отказывалась ему служить. Но мысль о сдачѣ не приходила ему въ голову. «Такъ надо! Такъ хорошо!» повторялъ онъ про себя.

Мгновенно онъ почувствовалъ сильный толчокъ въ бокъ, ударъ по головѣ, и съ послѣдней мыслью: «ну, теперь совсѣмъ хорошо», потерялъ сознание...

Всю ночь продолжалась беспорядочное бѣгство арміи. Отчаяніе охватило и солдатъ и офицеровъ. Въ главной квартирѣ царилъ непонимаемое смятеніе. Армія казалась обреченной на гибель. Когда стало извѣстно, что самъ Наполеонъ бросился на дорогу въ Пирну, чтобы загородить путь отступленія разбитой арміи, всякая надежда казалась потерянной...

Слухъ о смерти императора Александра, къ радости слышавшихъ его, въ томъ числѣ Громова, оказался ложнымъ. Онъ былъ вызванъ тѣмъ, что на Рокшицкихъ высотахъ рядомъ съ государемъ былъ смертельно раненъ генераль Моро. Государь спасся чудомъ, только нѣсколько мгновеній до этого случайно помѣнявшись съ Моро мѣстомъ.

VI.

Когда на другой день послѣ страшной ночи взошло солнце на безоблачномъ небѣ, Громовъ сталъ приводить въ порядокъ свой полкъ. Къ удивленію всѣхъ, непріятель не тревожилъ аррьергарда Витгенштейна. Это такъ было не похоже на Наполеона, что за этимъ подозрѣвали что-то новое и ужасное. Если Наполеонъ прекратилъ въ этомъ мѣстѣ преслѣдованіе, значитъ онъ считалъ эту часть уже обреченной.

Полкъ выстроился. Глухо и печально то и дѣло при перекличкѣ отзывались вахмистры:

— Выбыль! Выбыль! Выбыль! Выбыль!

Слезы навертывались на глаза Громова при взглядѣ на порѣдѣвшіе ряды его драгунъ.

Особенно велика была убыль въ эскадронѣ князя Бахтѣева. Самъ онъ не вернулся. И, нахмутивъ брови и кусая усы, чтобы не разрыдаться, слушалъ Громовъ перекличку этого несчастнаго и геройскаго эскадрона. Одинъ взводъ былъ уничтоженъ до послѣдняго человѣка. Никто не могъ даже рассказать о послѣднихъ минутахъ эскадроннаго командира... Въ остальныхъ взводахъ не хватало трехъ четвертей людей. Самъ эскадронъ казался не больше, чѣмъ боевымъ взводомъ. Бѣлоусова, тяжело раненаго въ грудь, успѣли унести съ поля сраженія.

Громовъ поднялъ киверъ и дрогнувшимъ голосомъ крикнулъ:

— Спасибо, братья, за службу!

— Рады стараться, ваше высокоблагородіе!—отчетливо и радостно прогремѣлъ отвѣтъ.

Громовъ взглянулъ на мужественныя, суровыя лица своихъ драгунъ, уже снова готовыхъ летѣть на битву, и его сердце сжалось сладкимъ и горделивымъ чувствомъ. Ему захотѣлось всѣхъ ихъ обнять и прижать къ своей груди. И безконечно дороги и близки были ему эти оборванные, грязные, но великіе въ своей простотѣ и героизмѣ люди.

Вѣстовой Бахтѣева Егоръ вымолилъ у Громова позволенія итти искать трупъ своего барина. Послѣ нѣкотораго колебанія, вызваннаго боязнью погубить этимъ позволеніемъ Егора, Громовъ наконецъ согласился, и въ то же утро Егоръ отправился на поиски...

Армія Витгенштейна получила приказъ двинуться на Теплицъ. Императоръ Александръ находился при главной квартирѣ князя Шварценберга, направляясь въ Богемію. Графу Остерману было приказано присоединиться къ главнымъ силамъ. Но если бы графъ исполнилъ это приказаніе, онъ открылъ бы непріятелю путь на Теплицъ, откуда французы могли двинуться навстрѣчу нашимъ колоннамъ, сходящимъ съ горъ, медленно пробиравшимся по узкимъ извилистымъ тропкамъ, между тѣмъ какъ съ тылу арміи союзниковъ преслѣдовали Мюратъ, Мармонъ, Викторъ и Сень-Сиръ. Остерманъ ослушался этого приказа, указывавшаго ему безопасный путь въ Богемію, и рѣшился съ отборными гвардейскими полками предупредить движеніе французовъ въ Теплицъ и тѣмъ спасти обреченную на гибель армію союзниковъ.

Императоръ Францъ сидѣлъ въ Теплицѣ и усиленно предавался музыкальнымъ занятіямъ. Повидимому, онъ не очень близко принималъ къ сердцу разгромъ своей арміи. Потери людьми его вообще не трогали, а насчетъ иного его успокоилъ Меттернихъ. Австрія оставалась все же сильной державой, а Наполеонъ былъ

ослабленъ. Если бы даже послѣ разгрома русскій императоръ отказался отъ продолженія войны, то Наполеонъ удовольствовался бы одной Пруссіей, поспѣшивъ заключить съ Австріей почетный миръ, Меттернихъ былъ, конечно, правъ, забывая только то, что, покончивъ съ Пруссіей, Наполеонъ принялся бы спустя нѣкоторое время и за Австрію. Но Меттернихъ всегда былъ политикомъ минуты, и въ этомъ была его сила и его слабость. Въ случаѣ мира Александръ тоже, въ худшемъ случаѣ, ничего не потерялъ бы.

Единственной жертвой являлся бы прусскій король, и Фридрихъ-Вильгельмъ хорошо это понималъ, переходя отъ бѣшенства къ отчаянію, то ругая Штейна, вовлекшаго его въ гибельный союзъ съ Россіей, то плача передъ Александромъ въ припадкѣ малодушнаго страха и умоляя не оставлять его.

Александръ успокаивалъ своего друга, какъ могъ, и вновь клялся не покидать Пруссіи на произволь судьбы. Несмотря на неудачи, Александръ оставался спокоенъ и попрежнему увѣренъ въ конечной побѣдѣ. Его вѣра въ Божественную волю, руководившую имъ, была непоколебима. И эта воля приведетъ его къ побѣдѣ. Онъ утѣшалъ прусскаго короля, успокаивалъ Шварценберга, ободрялъ своихъ генераловъ, всегда ровный, внимательный и дѣятельный. И если лично, какъ полководецъ, онъ не могъ внести ничего, то его постоянное дѣятельное участіе въ выработкѣ всѣхъ военныхъ плановъ напрягало усилія другихъ до максимума.

Послѣ двухдневныхъ героическихъ боевъ, прокладывая себѣ штыками дорогу, графъ Остерманъ съ гвардіей подъ начальствомъ Ермолова спустился въ Богемію и занялъ позицію у Кульма, въ тѣсныхъ Богемскихъ горахъ, въ трехъ миляхъ отъ Теплица. Здѣсь онъ преграждалъ путь арміи Вандама. Здѣсь онъ долженъ былъ сдержать бѣшеный натискъ французовъ, чтобы спасти союзныя войска, медленно спускавшіяся съ горъ.

Противъ сорока тысячъ Вандама у него было едва четырнадцать уже два дня бывшихъ въ ожесточенныхъ бояхъ. За нимъ въ Теплицѣ былъ государь, прусскій король и австрійскій императоръ. Его поражение значило уничтоженіе арміи, проигрышъ кампаніи, потеря Богеміи, взятіе Берлина и паденіе Вѣны, потому что арміи, сѣверная и силезская, безъ главной теряли между собою всякую связь и, конечно, погибли бы подъ ударами самого Наполеона. Лишь немногіе понимали въ то время все огромное значеніе предстоящаго дѣла. Но понималъ его Наполеонъ, общавшій Вандаму за успѣхъ маршальскій жезлъ и хотѣвшій самъ руководить операціей. Но ему помѣшала внезапная болѣзнь, и онъ отъ Пирны рѣшилъ возвратиться въ Дрезденъ. Но его собственному признанію, это было одной изъ величайшихъ ошибокъ его военнаго

поприща. Понималъ это и графъ Остерманъ, когда обратился къ своимъ немногочисленнымъ войскамъ, объѣзжая ряды, и сказалъ, что отступленія не будетъ,—надо устоять или умереть! Понималъ это и Ермоловъ, когда открыто сказалъ своей гвардіи, что поддержки ждать почти нельзя, что армія далеко и что отъ ихъ мужества зависитъ спасеніе арміи и даже личная безопасность обожаемаго монарха!

Узнавъ объ угрожаемомъ положеніи Остермана, государь, не теряя ни минуты, отдалъ распоряженія перемѣнить направленіе австрійской колонны Коллоредо и прусской Клейста и обѣимъ выйти на теплицкое шоссе въ тылъ Вандаму. Но эти распоряженія были бы бесполезны и запоздалы, если бы не сверхчеловѣческое мужество гвардіи...

Въ сознаніи огромнаго численнаго перевѣса, съ мечтой о маршальскомъ жезлѣ, съ увѣренностью въ быстрой побѣдѣ, Вандамъ стремительно и яростно атаковалъ русскихъ... и разбился...

Гвардейскіе полки Измайловскій, Преображенскій, Семеновскій, Егерскій, уланы и кирасиры, какъ вышей чести, добивались самыхъ опасныхъ мѣстъ. Пощадъ не было. По трупамъ враговъ шли преображенцы, измайловцы пронеслись на врага среди пламени пылающей деревни. Съ развѣвающимся знаменемъ, съ барабаннымъ боемъ наступалъ Егерскій полкъ, гремѣли трубы уланъ и кирасиръ... За каждый кустъ, за каждую рытвину ожесточенно дрались враги. Но несоизмѣримое неравенство силъ давало себя чувствовать. Жертвъ уже не считали. Ядро оторвало руку Остерману, и онъ передалъ команду Ермолову... Офицеры дрались впереди. Всѣ войска уже были введены въ дѣйствіе. Въ резервъ оставалась лишь шефская рота Преображенскаго полка. Страшный огонь 80 французскихъ орудій сметалъ цѣлыя роты гвардіи...

День угасалъ. Вандамъ съ ужасомъ увидѣлъ, что его партія проиграна, что его войска разстроены и уже неспособны на дальнѣйшее наступленіе...

Ночь прекратила сраженіе... Заутра ожидался новый бой, но въ русскомъ станѣ отъ Ермолова до солдата всѣ уже знали, что сраженіе выиграно, что армія спасена и никакая опасность не грозитъ государю.

На слѣдующее утро русскія войска атаковали Вандама, отѣснили его, а подоспѣвшіе корпуса Коллоредо и Клейста докончили пораженіе уже побѣжденнаго врага.

Вся артиллерія, 12 тысячъ солдатъ и самъ Вандамъ были захвачены нашими войсками.

Сраженіе при Кульмѣ нанесло смертельный ударъ грандіозному стратегическому плану Наполеона. Здѣсь померкла его звѣзда! Здѣсь было положено начало освобожденію Европы, свободѣ и будущему могуществу Германіи.

Но союзники или дѣйствительно не понимали, или не хотѣли понимать истиннаго значенія этой побѣды. Только въ угоду Александру Фридрихъ-Вильгельмъ наградила всѣхъ участниковъ Желѣзнымъ крестомъ, хотя въ душѣ гораздо больше значеніе придавалъ побѣдѣ Блюхера, вѣсть о которой была получена на полѣ Кульмскаго сраженія.

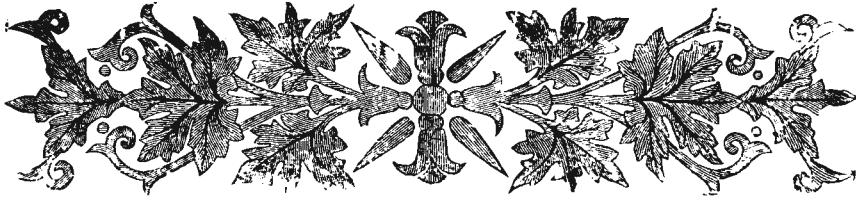
Александръ приписывалъ побѣду себѣ и потому особенно торжествовалъ.

Францъ попрежнему игралъ на скрипкѣ.

Ф. Заринъ-Несвицкій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

САНЪ-СТЕФАНО ¹⁾.

(Записки гр. Н. П. Игнатьева съ примѣчаніями А. А. Башмакова и К. А. Губастова).

XVI.

ОСЛѢ торжественнаго приѣма въ Одессѣ 28-го февраля турецкаго посла Игнатьевъ, встрѣченный любезно одесскимъ градоначальникомъ, графомъ Левашевымъ, и его женою, обѣдалъ у нихъ. Встрѣтившись въ Одессѣ съ княземъ Дондуковымъ - Корсаковымъ ²⁾ и княземъ Имеретинскимъ ³⁾, изъ коихъ первый былъ назначенъ въ главную квартиру въ виду предназначенія быть императорскимъ комиссаромъ въ Болгаріи, а второй предназначался быть комиссаромъ по разграниченію между Турціею и Болгаріею и предѣтелемъ разграничительныхъ комиссій, Игнатьевъ объяснилъ имъ содержаніе договора и опредѣленные для Болгаріи границы. Тотчасъ по прибытіи своемъ въ Одессу Игнатьевъ телеграфировалъ Нелидову (№ 65, 27-го февраля) о результатѣ разговора съ Реуфомъ-пашою, проишедшаго

¹⁾ Продолженіе. См. «Истор. Вѣстн.», т. схи, стр. 729.

²⁾ Князь Александръ Михайловичъ Дондуковъ-Корсаковъ (1820—1893 гг.). По окончаніи юридическаго факультета петроградскаго университета поступилъ на военную службу и отличился во время Крымской кампаніи, при штурмѣ Карса. Во время турецкой кампаніи 1877—78 гг. командовалъ 13-мъ корпусомъ. Въ 1878 г., по кончинѣ кн. Черкаскаго, былъ назначенъ императорскимъ русскимъ комиссаромъ въ Болгаріи, гдѣ приложилъ много трудовъ по организаціи гражданскаго управленія. Состоялъ затѣмъ съ 1882 по 1890 гг. главноначальствующимъ гражданскою частью и командующимъ войсками на Кавказѣ. А. Б.

³⁾ Князь Александръ Константиновичъ Имеретинскій (1837—1900 гг.), потомокъ царей Имеретіи. По окончаніи академіи генеральнаго штаба участвовалъ въ усми

во время плаванія, согласно желанію великаго князя, просившаго русскаго посла условиться съ турецкимъ военнымъ министромъ касательно наилучшаго способа обмѣна визитовъ нашего главнокомандующаго съ султаномъ. Игнатьевъ убѣдилъ Реуфа-пашу въ основательности своего мнѣнія, высказаннаго Портѣ и возбудившаго опасенія и сомнѣнія Ахмета-Вефика-паши. Вотъ содержаніе шифрованной телеграммы, отправленной изъ Одессы по кабелю въ Санъ-Стефано:

«Согласно приказанію великаго князя, говорилъ съ Реуфомъ о необходимости уладить обмѣнъ визитовъ и движеніи нашихъ войскъ въ Буюкъ-дере для посадки ихъ тамъ на суда. Онъ одобряетъ возвращеніе султаномъ визита главнокомандующему въ Санъ-Стефано съ смотровою постановкою нашихъ войскъ по пути слѣдованія. Будетъ телеграфировать отсюда въ смыслѣ моихъ предложеній Саиду-пашѣ (министру двора) и Портѣ, но проситъ насъ не ссылаться на его согласіе».

Поздно вечеромъ экстренный поѣздъ увезъ Игнатьева вмѣстѣ съ Реуфомъ-нашою и ихъ свитою въ Петербургъ.

Передъ отъѣздомъ Игнатьевъ написалъ (28-го февраля) барону Стюарту, въ дополненіе телеграммы, посланной ему изъ Санъ-Стефано, о содержаніи статей, касающихся Румыніи, и послалъ копию съ французскаго текста договора для свѣдѣнія, добавивъ слѣдующее: «Вамъ вполнѣ извѣстны мои переговоры въ Бухарестѣ съ румынскимъ министромъ, а потому нѣтъ надобности объяснять вамъ причины, заставившія меня соблюдать большую сдержанность во время мирныхъ переговоровъ по вопросамъ, относящимся до Румыніи. Статьи о Сербіи и въ особенности о Черногоріи гораздо обстоятельнѣе изложены и опредѣленнѣе. Но такъ какъ князь Карлъ не отправилъ въ главную квартиру своего представителя, съ которымъ бы я могъ посоветоваться, а, съ другой стороны, мнѣ было извѣстно, что румынское правительство настоятельно желаетъ вести переговоры непосредственно и самостоятельно съ Портою, безъ участія Россіи, то я счелъ долгомъ ограничиться постановкою лишь общихъ основаній для будущаго соглашенія, могущаго ихъ развить. Тѣмъ не менѣе я успѣлъ, однакоже, достигнуть принятія Портою въ принципѣ почти всего того, что было упомянуто въ инструкціяхъ князю Гикъ¹⁾, которыя мнѣ сообщилъ Братіано въ Бухарестѣ, а именно независимости Румы-

реніи польскаго возстанія 1863 г. Отличился во время войны съ Турціею тѣмъ, что взялъ Ловчу 22-го августа 1877 г. При осадѣ Плевны былъ у Тотлебена начальникомъ штаба, а когда Тотлебенъ ушелъ, былъ назначенъ главнокомандующимъ его арміи. Съ 1881 по 1892 гг. былъ главнымъ военнымъ прокуроромъ и начальникомъ военно-суднаго управленія. Въ 1897 году князь Имеретинскій былъ назначенъ на постъ варшавскаго генераль-губернатора.

¹⁾ Румынскій посланникъ въ Петербургѣ.

А. Б.

А в т.

ніи, права на денежное вознагражденіе, приобрѣтенія для румынскихъ подданныхъ равноправности съ европейскими иностранными подданными, срытія дунайскихъ крѣпостей и проч. Что же касается Тульчинской области, то она пѣликомъ, вмѣстѣ съ Дунайскими островами, уступлена Россіи, которая оставила за собою право вымѣнять оную на Бессарабію, отдѣленную по договору 1856 года и граничащую на югѣ русломъ Килійскаго рукава. Такимъ образомъ, отъ румынскаго правительства зависитъ вступить въ соглашеніе по этому предмету съ императорскимъ правительствомъ.

«Въ теченіе нашихъ переговоровъ турецкіе уполномоченные возбудили вопросъ о недвижимыхъ имуществахъ, преклоненныхъ къ церквамъ и монастырямъ, находящимся въ Турціи, и предложили проектъ статьи, выговаривающей право Порты при возбужденіи румынами вопроса о военномъ вознагражденіи предъявить встрѣчное денежное требованіе касательно этихъ имуществъ. Послѣ большихъ усилій мнѣ удалось отстранить включеніе въ договоръ такой статьи. Но послѣ подписанія договора турецкіе уполномоченные прислали мнѣ официальную ноту, содержащую оговорку для сохраненія за православными общинами въ Турціи правъ на преклоненныя къ святымъ мѣстамъ имущества. Права эти Порта намѣрена предъявить при разсмотрѣніи притязаній румынскаго правительства къ Турціи. Я считалъ долгомъ сообщить вамъ вышеизложенное до полученія вами тѣхъ инструкцій, которыя вамъ дастъ императорское министерство относительно положенія, долженствующаго быть вами принятымъ въ сношеніяхъ съ румынскимъ правительствомъ».

На станціи Казатинъ Игнатъевъ разстался съ женою, которая отправилась въ гор. Кіевъ къ семьѣ, тамъ зимовавшей. Во время переѣзда своего изъ Одессы въ Петербургъ Игнатъевъ составилъ объяснительную записку для министерства иностранныхъ дѣлъ, въ которой выяснилъ происхожденіе и значеніе каждой статьи договорной, для облегченія послѣдовательности дальнѣйшихъ дѣйствій министерства и русскихъ представителей за границею. Вотъ содержаніе этой записки, представленной канцлеру 3-го марта:

«Статья I. Черногорія. Новая граничная черта Черногорскаго княжества проведена на основаніи слѣдующихъ соображеній: 1) русскіе уполномоченные вынуждены были принять во вниманіе настойчивыя возраженія Австро-Венгріи противъ всякаго расширенія владѣній черногорскихъ въ сѣверо-западномъ направленіи, въ западной части Герцеговины и обязательство, принятое императорскимъ правительствомъ въ Вѣнѣ, не допускать черногорцевъ за линію Требинье—Билекъ—Гацко. А потому уполномоченные не были, къ сожалѣнію, въ состояніи исполнить желаніе князя Николая распространить его владѣнія до рѣки На-

ренты ¹⁾, включивъ въ Черногорію Любинье, Требинье, Невесинье и Столаць—главнѣйшіе очаги герцеговинскаго возстанія въ 1875 г. ²⁾. Надо надѣяться, что австро-венгерское правительство признаетъ наше доброе расположеніе, фактически доказанное, и подастся на соглашеніе съ нами по всѣмъ другимъ вопросамъ, касающимся Черногоріи и Сербіи ³⁾.

«2) Съ той минуты, когда Черногорія лишена владѣнія тою частью Герцеговины, на которую она рассчитывала, справедливость требовала, чтобы ей доставлено было соотвѣтствующее вознагражденіе въ направленіи къ рѣкамъ Дрину и Лиму, на сѣверо-востокъ, хотя присоединеніе къ княжеству этой мѣстности, не занятой черногорцами при заключеніи перемирія, весьма естественно должно было встрѣтить горячее сопротивленіе со стороны Порты, и очищеніе оной отъ турецкихъ войскъ могло даже вызвать вооруженное столкновеніе. Австро-Венгрія не имѣетъ основанія возражать противъ увеличенія черногорской территоріи въ этомъ направленіи, такъ какъ граничная черта не переходитъ за условленную во время переговоровъ съ вѣнскимъ кабинетомъ линію, означенную на картѣ, врученной въ началѣ 1877 года Новиковымъ графу Андраши ⁴⁾.

«3) Нѣвая граница княжества не захватила въ юго-восточномъ направленіи часть Старой Сербіи, предназначенной на упомя-

¹⁾ Согласно первоначальному проекту и намѣреніямъ Игнатьева, отъ которыхъ ему трудно было отказаться, ибо въ 1875 году онъ стремился присоединить къ Черногоріи эту многострадальную часть Герцеговины. Населеніе этой мѣстности, первое взявшееся за оружіе и сроднившееся съ черногорцами, по справедливости, должно было быть присоединено къ княжеству, какъ хотѣлъ этого достигнуть Игнатьевъ еще на константинопольской конференціи. Онъ упорно оспаривалъ притязанія Австро-Венгрии, доказывая нашему министерству иностранныхъ дѣлъ ихъ неосновательность и наносимый Черногоріи и Россіи нравственный ущербъ. Авт.

²⁾ Вызваннаго вмѣшательство сначала трехъ державъ, а потомъ всей Европы въ пользу христіанъ, поднявшихъ оружіе противъ турецкаго владычества и которыхъ теперь отдавали подъ тягчайшее для православныхъ сербовъ иго австро-иѣмецко-мадьярско-католическое, лишающее ихъ народности, вѣры, языка, всякой самостоятельности и самобытности. Авт.

³⁾ Надеждѣ, выраженной для побужденія министерства иностранныхъ дѣлъ, стать твердо и настойчиво на эту почву и ничего болѣе не уступать въ отношеніи Черногоріи и Сербіи не суждено было исполниться. Графъ Андраши не оцѣнилъ значительной уступки, сдѣланной ему въ Салъ-Стефанскомъ договорѣ, а наши дипломаты не сумѣли выставить это въ надлежащемъ свѣтѣ и стали уступать болѣе или менѣе по всѣмъ пунктамъ. Авт.

⁴⁾ Какъ указано будетъ впоследствии, графъ Андраши, съ свойственнымъ ему нахальствомъ, и самоувѣренностью, пользовался скромностью, деликатностью и обходительностью, нерѣшительностью и непаходчивостью нашихъ дипломатовъ, чтобы отвергать и послѣдствія соглашенія, съ нимъ заключеннаго, когда оно клонилось въ выгоду славянъ и было неудобно для Венгрии, и даже отрицать самое существованіе кзрты, привезенной въ Вѣну Обручевымъ и переданной австро-венгерскому министру нашимъ посломъ, подписавшимъ съ нимъ секретную конвенцію. Авт.

нутой картѣ Черногоріи, главнѣйше по той причинѣ, что мы были въ невозможности доставить Сербіи соотвѣтствующее увеличеніе территоріи къ сторонѣ рѣки Лима и Старой Сербіи, вслѣдствіе слишкомъ ограниченнаго выраженія «исправленія границъ», употребленнаго при подписаніи 7 ст. адрианопольскихъ основаній мира ¹⁾, и особеннаго упрямства, съ которымъ турки отказывали Сербіи въ значительномъ приращеніи, преимущественно же въ уступкѣ укрѣпленныхъ городовъ, которыхъ сербы не успѣли занять. Впрочемъ, эту часть Старой Сербіи предполагалось, на основаніи обмѣна мыслей въ Вѣнѣ, присоединить къ Черногоріи въ случаѣ, если бы Австро-Венгрія потребовала занятія Босніи и Герцеговины ²⁾. Если бы это случилось, было бы естественно потребовать, въ вознагражденіе Черногоріи, присоединеніе къ ней всей этой мѣстности, съ проведеніемъ южной границы княжества по рѣкѣ Дрину ³⁾. Но до поры, до времени было бы опрометчиво требо-

¹⁾ Въ вопросѣ о Сербіи всего болѣе выказалась двойная игра Австро-Венгрии, успѣвшая, къ сожалѣнію, обить съ прямого и естественнаго пути какъ русское правительство, такъ и Сербію. Австро-Венгрія настаивала на урѣзваніи тѣхъ выгодъ, которыя мы желали предоставить обоимъ княжествамъ, не допуская въ особенности расширенія ихъ въ мѣстности, обитаемой сербскимъ племенемъ. Подстрекаемая изъ Вѣны и Пешта, Порта всего упорнѣе отказывалась отъ уступокъ въ пользу Сербіи. А на Берлинскомъ конгрессѣ графъ Андраши беззастѣнчиво притворился защитникомъ сербовъ противъ болгаръ и покровительницы послѣднихъ Россіи. Сербы легкомысленно повѣрили, что мы ихъ бросили, и громко жаловались на предпочтеніе, оказанное болгарамъ, не вникая въ коварный образъ дѣйствій графа Андраши и не распознавъ, что уменьшеніе территоріальнаго вознагражденія Сербіи произошло въ угоду Австро-Венгріи.

Авт.

²⁾ Этотъ случай могъ представиться, лишь если бы мы заняли Константинополь или Турція распалась.

Авт.

³⁾ Читатель долженъ обратить вниманіе на то, что не слѣдуетъ смѣшивать рѣку Дрину, притокъ Дуная, составляющую границу между Сербіею и Босніею, съ рѣкой Дриномъ, впадающей въ Адриатическое море. Послѣдняя рѣка, о которой здѣсь именно идетъ рѣчь, вытекаетъ изъ сѣверныхъ отроговъ такъ называемыхъ «Проклятыхъ Горъ», около Печа, орошаетъ подъ именемъ Бѣлаго Дрина плоскогорье, именуемое Метохіею, принимаетъ слѣва, около Брути такъ называемый Черный Дринъ, истекающій изъ Охридскаго озера, затѣмъ широкимъ полукругомъ окаймляя страну дукаджинъ и миридитовъ, около Скутари, сообщается боковымъ протокомъ съ озеромъ того же наименованія, наконецъ впадаетъ въ море къ юго-западу отъ Лѣша (Алессіо). Достиженіе береговъ Дрина, этой главной рѣки Сѣверной Албаніи, за которой стоялъ городъ Призренъ, всегда было заветною мечтою черногорцевъ. Это имъ удалось только въ 1913 году, по окончаніи послѣдней турецко-славянской войны. По Санъ-Стефанскому же договору (ст. 1), Черногоріи было предназначено одно только плоскогорье вокругъ Плавскаго Влата, гдѣ города Гусинье и Плава, а также высокая горная долина Ругова, по ту сторону хребта Мокрой Планины. Да и эти прирѣзки не достались фактически во владѣніе Черногоріи, вслѣдствіе сопротивленія албанской лиги и послѣдовавшихъ событій 1879 года, закончившихся демонстраціею англійскаго флота у Дульциньо. Въ теченіе послѣдовавшихъ затѣмъ тридцати лѣтъ край Гусинья и Плавы считался совершенно недоступнымъ для христіанъ, въ чемъ авторъ настоящихъ примѣчаній могъ убѣдиться по одичалости

вать еще большаго распространенія владѣній княжества Дѣйстви- тельно, не говоря уже о матеріальной невозможности миролюбиво выжить мусульманское, воинственное населеніе и турецкія войска изъ этой территоріи и подчинить власти князя Николая албанскія племена, оную населяющія, надо опасаться, что преждевременное присоединеніе къ Черногоріи большей части Старой Сербіи вызо- ветъ, съ одной стороны, занятіе Босніи и Герцеговины австрійскими войсками ¹⁾, а съ другой—возбудить ревность и вожделѣнія Серб- скаго княжества, которое будетъ имѣть тогда основаніе настаивать на присоединеніи къ Сербіи Призрена, Приштины и всего Коссов- скаго вилайета. Черногорцы должны быть довольны территоріаль- ными приобрѣтеніями, выговоренными въ ихъ пользу, потому что земельное пространство княжества будетъ по договору увеличено втрое.

«4) Доставивъ Черногоріи на юго-востокѣ границею р. Бояну, русскіе уполномоченные были счастливы, что могли такимъ обра- сомъ достигнуть обезпеченія княжеству главнѣйшаго преимуще- ства, котораго оно уже столько лѣтъ добивалось, а именно владѣнія отличною гаванью въ Антивари, а равно морскихъ бухтъ въ Спицѣ и Дульцино ²⁾.

«5) Ввиду необходимости считаться съ прежними примѣрами, на которые могли бы державы сослаться, требуя участія европей- скихъ комиссаровъ въ турецко-черногорскомъ разграниченіи, и съ тѣми затрудненіями, которыя вѣнскій кабинетъ не преминулъ бы вызвать при проведеніи граничной линіи на мѣстѣ, если бы оно состоялось внѣ его участія, пришлось установить, что окон- чательное проведеніе границы будетъ произведено европейскою

мѣстныхъ албанцевъ, когда онъ, въ 1908 году, посѣтилъ Гусинье и Плаву, подвергшись при этомъ значительному личному риску (Ср. книгу А. Башмакова: «Черезъ Черногорию въ страну дикихъ геговъ». С.-Петербургъ. 1913 г.). А. Б.

¹⁾ Главнѣйшею заботою Игнатьева при переговорахъ о Черногоріи и Сербіи, стѣснявшею всё его дѣйствія, было не допустить завладѣнія Босніей и Герцеговиной Австро-Венгріею, соглашеніе съ которою, заключенное въ январѣ 1877 года, возбу- ждало его порицаніе и подозрѣніе. Въ переговорахъ съ Новиковымъ графъ Андраши давалъ неоднократно понять, что всякое излишнее—по его мнѣнію—увеличеніе того или другаго княжества; или же распространеніе ихъ въ сторону Босніи и Герцеговины вынудитъ Австро-Венгрію заручиться матеріальнымъ обезпеченіемъ своихъ инте- ресовъ. Авт.

²⁾ Санъ-Стефанскій договоръ проводилъ границу между Черногоріею и Тур- ціею отъ залива Личени-Кастрати прямо къ пункту истеченія р. Бояны изъ Скутарійскаго озера и затѣмъ по этой рѣкѣ до ея устья, оставляя хребетъ Тарабоша на черногорской сторонѣ. Берлинскій же трактатъ, доводя границу съ сѣвера до озера около Плавницы, оттуда проводилъ ее на пересѣченіи черезъ Скутарійское озеро къ западу отъ деревни Шкіа, и оставляя большую часть правобережной р. Бояны за Турціею, выводилъ границу р. Боянъ лишь въ ея низовьяхъ, а затѣмъ вдоль этой рѣки до устья. Что касается приморскихъ городовъ, предназначавшихся Черногоріи, то изъ нихъ городъ Спица былъ отданъ Австріи по ст. 29-й Берлинскаго трактата. А. Б.

комиссіею, которая, разумѣется, обязана сообразоваться съ текстомъ статьи нашего договора и съ картою, къ оному приложенною. Такимъ способомъ возраженія австро-венгерскаго правительства могутъ быть разрѣшены законно и справедливо комиссіею, которая будетъ имѣть право произвести на мѣстѣ въ намѣченномъ очертаніи границъ тѣ измѣненія, которыя она единогласно признаетъ дѣйствительно нужными и справедливыми съ точки зрѣнія взаимныхъ интересовъ и спокойствія смежныхъ государствъ. Имъ она обязана будетъ, во всякомъ случаѣ, доставить соотвѣтствующее территоріальное вознагражденіе ¹⁾. Инструкціи, которыми будутъ снабжены комиссары, должны быть проникнуты этимъ духомъ для того, чтобы тѣ изъ членовъ комиссіи, которые будутъ пристрастны къ Турціи и желали бы лишить княжество присоединенія нѣкоторыхъ изъ предназначенныхъ ему мѣстностей, были бы вынуждены сообразоваться съ мнѣніями другихъ своихъ сочленовъ и удовлетворить, въ равной степени, интересамъ Черногоріи, какъ и Турціи, доставленіемъ князю Николаю соотвѣтствующаго территоріальнаго вознагражденія въ случаѣ, если бы первые считали необходимымъ оттянуть отъ него нѣкоторые участки, опредѣленные по договору въ пользу Черногоріи.

«Статья II. Исключительное положеніе, которымъ пользовалась Черногорія, провозгласившая свою независимость, и затрудненія, которыя она всегда встрѣчала въ сношеніяхъ своихъ съ оттоманскими властями, внушили уполномоченнымъ мысль ввести въ редакцію статьи о независимости княжества отѣнокъ отличный отъ того, что установлено касательно Сербіи и Румыніи, а именно: въ статьѣ выражено, что Порта признаетъ окончательно независимость Черногоріи. Порта, сверхъ того, обязалась заключить особую конвенцію съ Черногоріею, на равныхъ правахъ, отъ чего она упорно отказывалась до сихъ поръ. Всѣ вопросы, которые въ послѣдніе годы были спорные, какъ-то: учрежденіе черногорскихъ агентовъ, выдача преступниковъ, частныя права черногорцевъ, путешествующихъ или пребывающихъ въ Турціи, — упомянуты въ договорѣ, и ихъ окончательное разрѣшеніе предоставлено соглашенію между императорскимъ правительствомъ, Портою и княжествомъ. Если бы мы не приняли подобной предосторожности, новыя замѣшательства неминуемо возникли бы тотчасъ послѣ заключенія мира.

«Чтобы обезпечить Черногоріи мирное и продолжительное пользование преимуществами, выговоренными въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ, принявъ, однакоже, во вниманіе то вліяніе, котораго

¹⁾ Указанія эти должны были служить основаніемъ той инструкціи, которою министерство иностранныхъ дѣлъ снабдило бы нашего делегата въ комиссіи, а также и собесѣдованій нашихъ дипломатовъ съ другими кабинетами.

А в т.

«истор. вѣстн.», октябрь 1915 г., т. сѣдл.

5

такъ горячо добивается вѣнскій кабинетъ, мы допустили нововведеніе—постоянное посредничество въ видѣ третейскаго суда Россіи совместно съ Австро-Венгріею въ тѣхъ случаяхъ, когда Порты и княжество не будутъ въ состояніи прійти непосредственно къ соглашенію въ вопросахъ, касающихся приграничныхъ жителей и укрѣпленій въ обѣихъ странахъ, а равно и вообще при спорахъ и столкновеніяхъ, за исключеніемъ совершенно новыхъ территоріальныхъ притязаній, оговоренныхъ турецкими уполномоченными. Казалось бы, что съ введеніемъ, по нашей доброй волѣ, этого постановленія въ договоръ всякое основательное неудовольствіе Австро-Венгріи могло бы считаться устраненнымъ. Десятидневный срокъ со времени подписанія договора, данный черногорскимъ войскамъ для очищенія мѣстностей, не включенныхъ въ новую границу княжества, не создаетъ затрудненій для послѣдняго. Въ дѣйствительности, двухъ или трехъ дней совершенно достаточно для возвращенія черногорцевъ въ свои границы изъ тѣхъ немногихъ отдѣльныхъ пунктовъ, находящихся въ мѣстности, остающейся за Турціею, тогда какъ три четверти территоріи, отходящей въ пользу Черногоріи,—по новому очертанію границы, опредѣленному договоромъ,—вовсе не заняты были черногорцами, по собственному признанію князя Николая. Такъ, напримѣръ, крѣпости: Подгорица, Служъ и Жаблякъ не были взяты черногорцами и даже въ настоящее время находятся во власти турокъ ¹⁾. Было невозможно вытребовать отъ турокъ, чтобы они сразу и одновременно очистили всю эту мѣстность. Чтобы ускорить и облегчить вступленіе черногорцевъ въ крѣпости и занятіе ими всей уступленной имъ мѣстности, русскимъ уполномоченнымъ пришлось прибѣгнуть къ слѣдующей ловкѣ: воспользовавшись медленностью, съ которою турки проводили демаркаціонную линію, опредѣленную перемиріемъ, и сославшись на настоянія и упреки князя Николая, Игнатьевъ предложилъ турецкимъ уполномоченнымъ признать за временную демаркаціонную линію граничную черту, опредѣленную договоромъ, не принимая въ расчетъ положенія воевавшихъ сторонъ при заключеніи перемирія. Если это предложеніе будетъ принято Портою, турецкія войска, находящіяся нынѣ внутри демаркаціонной линіи, со стороны Черногоріи,

¹⁾ Князь Николай чрезъ Ионина обратился къ Игнатьеву, по телеграфу, съ настоятельною просьбою о скорѣйшемъ выводѣ турецкихъ гарнизоновъ, въ особенности изъ Подгорицы, завладѣніемъ которой очень дорожили черногорцы, тогда какъ туркамъ не хотѣлось сдавать эти укрѣпленные пункты. Всѣ многолѣтнія усилія черногорцевъ разбивались объ эти укрѣпленія. Конечная цѣль ихъ борьбы съ турками была всегда обладать этими крѣпостцами, а равно Никшичемъ. Теперь удалось мирнымъ образомъ отнять у турокъ означенныя три крѣпостцы и передать ихъ нашимъ храбрымъ союзникамъ. Турецкимъ уполномоченнымъ было весьма трудно согласиться на это пожертвованіе.

А в т,

должны будутъ отступить одновременно съ тѣми черногорцами, которые случайно очутились бы въ турецкой мѣстности, такъ какъ князь Николай отзоветъ свои передовые посты и займетъ новую граничную линію, пріобрѣтенную княжествомъ по договору ¹⁾).

«Сербія. Статья III. По проекту, предъявленному турецкимъ уполномоченнымъ въ Адрианополь, новая граница Сербіи достигала рѣки Лима, и оба славянскія княжества были бы пограничными, владѣя всеми сухопутными сообщениями между Босніею и Герцеговиною и остальными областями Европейской Турціи. Но непреодолимое сопротивление Порты принять предложенную русскими уполномоченными въ пользу Сербіи пограничную черту и категорическій отказъ турокъ уступить сербамъ укрѣпленные пункты Митровицу, Новый-Базаръ, Сенницу и Вышгородъ, стратегическое значеніе которыхъ они подмѣтили и которые были во время санъ-стефанскихъ переговоровъ еще сильно заняты турецкими войсками подъ начальствомъ Хафизъ-паши ²⁾, вынудили измѣнить первоначальный проектъ и изыскивать такую граничную черту для Сербіи, которая могла бы быть принята турецкими уполномоченными. Остановившись, наконецъ, на той, которая опредѣлена третьей статьею договора, уполномоченные имѣли въ виду слѣдующее:

«1) Дѣлая видъ, что уступаютъ настояніямъ турокъ, опиравшихся главнѣйше на необходимости сохранить сухопутное сообщеніе съ Босніею, Игнатъевъ озабочился доставленіемъ Сербіи стратегическихъ позицій, которыя бы дозволили ей господствовать вполнѣ надъ большою дорогою, проходящею чрезъ Новый-Базаръ въ Сараево, и надъ желѣзною дорогою изъ Митровицы, а вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечивали бы Сербскому княжеству такое положеніе въ Старой Сербіи, которымъ оно могло бы, при послѣдовательномъ и умѣломъ дѣйствиіи, воспользоваться впоследствии для распространенія своего вліянія и значенія ³⁾).

¹⁾ Предложеніе это было сдѣлано русскими уполномоченными Савфету-пашѣ и принято имъ уже послѣ установленія договорныхъ статей о Черногоріи, когда было удостовѣрено сознаниемъ самихъ черногорцевъ, что они не въ состояніи, безъ новаго кровопролитія и большихъ усилій, овладѣть присоединяемою къ княжеству турецкою территоріею. Въ запискѣ упоминалось объ этомъ обстоятельстве съ цѣлью побудить министерство иностранныхъ дѣлъ и главнокомандующаго нашей арміи настойчиво преслѣдовать исполненіе нашего требованія турками. Авт.

²⁾ Проявлявшій воинственность Хафизъ-паша ручался Портѣ, что сербы никогда не выбьютъ его изъ занимаемыхъ имъ позицій, и возставалъ, вмѣстѣ съ Мехмедомъ-Али противъ всякой территоріальной уступки Сербіи. Авт.

³⁾ По соображеніямъ, подробно изложеннымъ въ «Запискахъ» графа Н. П. Игнатъева, ему пришлось отказаться отъ намѣченной сначала цѣли—довести Сербію и Черногорію до общей между ними границы. При этомъ Турція получала, по Санъ-Стефанскому договору, какъ доступъ къ Босніи, узкую смычку ея разрозненныхъ владѣ-

«2) Необходимо было обезпечить Сербіи достаточное территориальное вознагражденіе за мѣстность, которая не могла быть къ ней присоединена къ сторонѣ отъ рѣки Лима, и соблюдать по возможности равновѣсіе между ею и Черногоріею, чтобы не доставить нищизни для взаимной зависти и раздраженія между двумя сербскими княжествами ¹⁾).

«3) Князь Миланъ просилъ присоединенія къ Сербіи всей Нишской области (санджака) съ казами (уѣздами) Вранье и Трънъ, основываясь на томъ, что много сербовъ, перемѣшанныхъ съ албанцами, живутъ въ этой мѣстности. Надо было принять во вниманіе желаніе сербовъ, но въ то же время мы обязаны были, при созданіи Болгарскаго княжества, оградить его отъ чрезмѣрныхъ притязаній сосѣдей, отстраняя вмѣстѣ съ тѣмъ поводъ къ немедленной ссорѣ между сербами и болгарами. А потому, не допуская слишкомъ большого развитія сербскихъ вождельній, несомнѣнныя ихъ права были удовлетворены выдѣленіемъ въ пользу Сербіи изъ территоріи, опредѣленной для Болгаріи константинопольскою конференціею, слѣдующихъ уѣздовъ (казъ) Нишскаго санджака: Куршумли, Лѣсковацъ и Прокоплье, населенныхъ въ дѣйствительности большинствомъ сербовъ ²⁾). Въ виду жалобъ, могущихъ быть предъявленными болгарами касательно нынѣшняго разграниченія съ Сербіею, лишшающаго ихъ мѣстности, признанной болгарскою на константинопольской конференціи, выговорено участіе болгарскаго делегата въ разграничительной комиссіи, которая будетъ проводить на мѣстѣ граничную черту между двумя княжествами и Турціею ³⁾).

ній,—нѣчто въ родѣ длиннаго коридора черезъ Ново-Базарскій санджакъ. Эту смычку значительно расширилъ затѣмъ Берлинскій трактатъ, такъ что Сербія и Черногорія остались широко разединенными еще на цѣлыя тридцать пять лѣтъ. Снежности ихъ владѣній онѣ добились только въ 1913 году. А. Б.

¹⁾ Одною изъ главныхъ заботъ Игнатьева было не давать повода къ ссорамъ и территориальнымъ распрямъ между черногорцами, сербами и болгарами, которыхъ онъ всегда стремился сблизить въ братскій союзъ, вопреки стараніямъ Австро-Венгрии ихъ перессорить другъ съ другомъ, съ цѣлью ослабить славянъ на Балканскомъ полуостровѣ и легче ихъ эксплуатировать. Этнографическіе сложные пограничные вопросы Игнатьевъ предполагалъ разрѣшить впоследствии, какъ дѣло домашнее, при дружественномъ посредничествѣ благорасположенной Россіи. Авт.

²⁾ При заключеніи Санъ-Стефанскаго договора можно было скорѣе предположить, что болгары будутъ протестовать противъ передачи сербамъ четырехъ казъ или довольно значительной территоріи изъ Болгаріи, предположенной константинопольскою конференціею, чѣмъ допустить мысль, что на Берлинскомъ конгрессѣ стануть отнимать у болгаръ другія еще мѣстности для кажущейся пользы Сербіи, но въ сущности чтобы сгнать сербовъ съ болгарами въ пользу австро-венгерской политики. Авт.

³⁾ Вся территорія бывшаго Нишскаго санджака, состоявшаго изъ восьми казъ (Куршумлье, Прокоплье, Нишъ, Топольница, Пиротъ, Лѣсковацъ, Трънъ и Вранья), была причислена къ будущей Болгаріи по предположенію константинопольской конференціи 1876—77 гг. (См. приложение лит. А. къ протоколу конференціи подъ № 1). Санъ-Стефанскій же договоръ отчислилъ къ пользу Сербіи четыре казы: Куршумлье, Прокоплье, Нишъ и Лѣсковацъ. Вслѣдъ за тѣмъ Берлинскій трактатъ расши-

«4) Нынѣшнее увеличеніе Сербіи не должно вызвать возраженій со стороны вѣнскаго кабинета, такъ какъ расширеніе территоріи княжества произошло на счетъ Болгаріи, а не Босніи и Герцеговины, какъ нами предполагалось прежде. вмѣстѣ съ тѣмъ исчезнетъ предлогъ, выставляемый графомъ Андраши для занятія Босніи и Герцеговины, такъ какъ онъ основывался на утвержденіи, что, лишенная сухопутнаго сообщенія съ Константинополемъ, эти двѣ области силою обстоятельствъ должны быть отторгнуты отъ Турціи, а допустить ихъ присоединеніе къ Сербіи Австро-Венгрія ни въ какомъ случаѣ не можетъ.

«5) Очищеніе отъ турецкаго гарнизона и срытіе укрѣпленій Аде-Кале опредѣлены договоромъ, и турки уже приводятъ условіе это въ исполненіе, не ожидая разрѣшенія вопроса о владѣніи этимъ остро-
вомъ¹⁾. Такое упущеніе сдѣлано нами умышленно, чтобы мы имѣли

ривъ права Сербіи, присудивъ ей, сверхъ указанныхъ казъ, еще Топольницу, Пиротъ и на югъ Вранью. Такимъ образомъ, изъ всего бывшаго Нишкаго санджака Болгарія получила только одну казу—Трънъ. (Для уразумѣнія прежнихъ дѣлений бывшихъ вилайетовъ и санджаковъ турецкихъ см. прекрасную карту, озаглавленную: «Die neueste Eintheilung, die türkischen Gebiete und die Confessionen in der Türkei», приложенную къ статьѣ Stein «Die Vorgänge in der Türkei in ihrer ethnographischen und geschichtlichen Begründung»—въ географическомъ журналѣ «Mittheilungen» von D-r A. Petermann, 1876 г., вып. VII; Gotha, Justus Perthes.

Означенныя колебанія въ опредѣленіи политическихъ границъ между Сербіею и Болгаріею имѣли свое основаніе въ существовавшемъ тогда спорѣ относительно племеннаго состава населенія въ указанныхъ мѣстностяхъ. Сербы утверждали, что весь Нишскій санджакъ былъ заселенъ сербами, и продолжали въ послѣдующіе годы указывать на сербскій характеръ жителей Трискаго округа въ Болгаріи. Нерѣдко споръ заходилъ дальше и заходила, съ ихъ стороны, рѣчь о сербскомъ происхожденіи исповѣ (жителей Софійской равнины). Съ болгарской же стороны проводился тотъ взглядъ, что населеніе Пирота, Ниша, Лѣсковаца и Враньи принадлежитъ къ болгарскому племени. Этотъ взглядъ выраженъ даже въ новѣйшей этнографической картѣ славянскаго расселенія, изданной въ Софіи, подъ названіемъ: «Этнографска карта на славянството въ Европа» (Издава Славянска Бесѣда въ София; 1908 г.). Наиболѣе авторитетныя заключенія Т. Д. Флоринскаго не подтверждаютъ этихъ взаимныхъ сербско-болгарскихъ претензій и въ своей «Этнографической картѣ западнаго славянства и Западной Руси», изданной въ 1911 году (въ Кіевѣ) петроградскимъ славянскимъ благотворительнымъ обществомъ, профессоръ Т. Д. Флоринскій не отмѣчаетъ никакихъ болгарскихъ этническихъ острововъ въ Сербіи, ни сербскихъ острововъ въ Болгаріи; изъ него слѣдуетъ заключить, что если такія чрезполосныя группы и могли нѣкоторое время просуществовать, то со временемъ онѣ растворились въ окружающемъ ихъ большинствѣ, въ условіяхъ новѣйшей государственной и національной жизни.

Въ настоящее время этотъ заглохшій споръ слѣдуетъ считать лишеннымъ всякаго политическаго значенія.

А. Б.

¹⁾ Въ переговорахъ съ нами и при заключеніи секретной конвенціи между графомъ Андраши и Новиковымъ, въ январѣ 1877 г., Австро-Венгрія выговорила себѣ присоединеніе Аде-Кале. Но при заключеніи Санъ-Стефанскаго договора мы обязаны были умалчивать объ этомъ, чтобы не обнаружить существованія предварительнаго дѣлежа турецкой территоріи, условленнаго между нами и Австро-Венгріею.

А в т.

возможность уступить островъ Австро-Венгрии, если это будетъ признано необходимымъ ¹⁾.

«6) Давнишній споръ Турціи съ Сербіею о владѣніи Малымъ Зворникомъ и Сакаркомъ ²⁾ окончательно рѣшенъ нашимъ договоромъ въ пользу Сербіи, равно какъ и принадлежность острововъ на рѣкѣ Дринѣ, такъ какъ отнынѣ русло (талъвегъ) будетъ служить границею между Босніею и Сербіею ³⁾.

«Статья IV. Предвидя тѣ затрудненія, которыя могутъ возникнуть между Сербіею и Турціею по вопросу недвижимой собственности мусульманъ въ предѣлахъ мѣстности, отходящей къ княжеству отъ Турціи, равно какъ и государственныхъ земель Турціи и вакуфныхъ, разрѣшеніе вопросовъ этихъ предоставлено спеціальной смѣшанной комиссіи. Определено, что непосредственная конвенція между Турціею и Сербіею установитъ форму и значеніе будущихъ сношеній между нами, а равно и размѣнъ военноплѣнныхъ, на правахъ совершеннаго равенства. Измѣненія въ положеніи сербскихъ подданныхъ въ Турціи, вытекающія изъ признанія независимости княжества, предусмотрѣны договоромъ и для временнаго огражденія частныхъ интересовъ сербовъ оговорено,

¹⁾ Игнатьевъ напоминаетъ въ запискѣ канцлеру, что Аде-Кале уступленъ турками не кому другому, какъ Россіи, а потому, если Австро-Венгрія дорожить положеніемъ этого дунайскаго острова, мы можемъ его ей передать, но не иначе, какъ за вознагражденіе. Безпечность министерства иностранныхъ дѣлъ и постоянная уклончивость предъ графомъ Андраши имѣли результатомъ, что въ Вѣнѣ, какъ только фактъ очищенія крѣпостцы турками совершился, не обратили никакого вниманія на нашу услугу и распорядились помимо насъ занятіемъ этого нашего приобрѣтенія, присоединивъ островъ къ Венгрии, какъ нѣчто достодолжное. А в т.

²⁾ Зворникъ находится на лѣвомъ берегу р. Дрины (въ Босніи), а Малый-Зворникъ и Сакаръ—на правомъ берегу р. Дрины (т. е. въ Сербіи). А. Б.

³⁾ Приращенія территоріи и населенія Черногоріи и Сербіи, а также размѣръ Болгаріи, по Санъ-Стефанскому договору, заключались въ слѣдующихъ цифрахъ:

Наименованіе страны.	Поверхность въ геогр. □ миляхъ.		Населеніе.	
	Прежде.	По Санъ- Стеф. дог.	Прежде.	По Санъ- Стеф. дог.
1) Черногорія	78	170	170.000 д.	143.000 д.
2) Сербія	783	154	1.366.923 д.	226.000 д.
3) Болгарія	—	3091	—	4.118.000 д.

(См. статью E. Behm: «Die Umgestaltung der politisch-geographischen Verhältnisse auf der Balkan-Halbinsel»—въ журналѣ «Petermann's Mittheilungen» 1878 г., вын. V).

А. Б.

что къ нимъ будутъ примѣнены общія начала международнаго права ¹⁾).

«Румынія. Статья V. Невозможно было и не соответствовало бы нашимъ интересамъ удовлетворить вполнѣ все притязанія румынскаго правительства. Дѣйствительно, румыны заявили, съ одной стороны, требованіе непосредственно вести переговоры съ турками и съ трудомъ признавали обязательными для себя результаты нашихъ переговоровъ съ Портою, а съ другой стороны домогались значительнаго денежнаго вознагражденія, которое они хотѣли сполна получить чрезъ наше посредство, прежде выхода румынскихъ войскъ изъ крѣпостей: Виддина, Рахова, Никополя и Ломъ-Паланки, гдѣ оныя были оставлены главнокомандующимъ при нашемъ наступленіи за Балканы. Предавъ забвенію недружелюбное положеніе, принятое Румыніею въ бессарабскомъ вопросѣ, и тѣ справедливыя и многочисленныя упреки, которые мы имѣли основаніе имъ предъявить, мы вытребовали отъ Порты признаніе независимости княжества, преимущества въ пользу румынскихъ подданныхъ въ Турціи, срытіе всѣхъ дунайскихъ крѣпостей и запрещеніе турецкимъ военнымъ судамъ появляться въ водахъ Румыніи ²⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы обязали Порту непосредственно вести переговоры съ княжествомъ для заключенія договора и для разрѣшенія вопроса о военноплѣнныхъ. Наконецъ, мы выговорили Румыніи право требовать денежное вознагражденіе, размѣръ и условія котораго должны быть опредѣлены соглашеніемъ между двумя сторонами. Это преимущество какъ разъ соответствовало тому, что было требовано румынами въ вознагражденіе содѣйствія, оказаннаго ими намъ во время войны. Способъ уплаты и размѣръ контрибуціи не могли быть установлены нами, разъ что мы предоставили, согласно желанію Румыніи, разрѣшеніе этого вопроса непосредственному соглашенію между нею и Портою. Предвидѣть можно, что турки, покончивъ соглашеніе съ нами, отнесутся пренебрежительно къ домогательствамъ румынъ и что эти послѣдніе, для достиженія благопріятнаго результата, вынуждены будутъ прибѣгнуть къ нашему содѣйствію ³⁾, тѣмъ болѣе, что, судя по заявленію турецкихъ уполномоченныхъ объ имуще-

¹⁾ Т. е. что сербы будутъ пользоваться тѣми же правами, какъ и подданные другихъ иностранныхъ державъ, у которыхъ нѣтъ особыхъ договоровъ (капитуляцій) съ Портою, и не подвергнутся болѣе послѣдствіямъ вассальныхъ отношеній между княжествомъ и султаномъ. А в т.

²⁾ Передъ войною эти именно требованія выставлялись румынами, какъ выраженіе желаній ихъ и какъ условія обезпеченія безопасности княжества на будущее время. А в т.

³⁾ Министерству иностранныхъ дѣлъ подсказывались въ запискѣ Игнатъева доводы для будущихъ объясненій съ румынами и указывался путь для попытки привести Румынію къ лучшему настроенію проявленіемъ пользы не отворачиваться отъ Россіи. А в т.

ствахъ святыхъ мѣсть, Порта намѣревается противопоставить требованіямъ княжества права греческаго духовенства на денежное вознагражденіе. Румыны должны сами на себя пенять за то неблагопріятное для нихъ направленіе, которое, вѣроятно, примутъ ихъ переговоры съ Портою, если не будетъ имъ оказана поддержка державъ.

«Въ послѣднюю минуту оттоманскіе уполномоченные предъявили, несомнѣнно, вслѣдствіе иностранныхъ внушеній, предложеніе нейтрализовать Румынію. Русскіе уполномоченные отказались обсуждать это предложеніе, и имъ удалось измѣнить воззрѣнія турокъ объясненіемъ, что такъ какъ Румынія сравнена нынѣ въ положеніи съ Сербією и Черногорією, то, признавая за первою нейтралитетъ, придется примѣнить тотъ же принципъ ко всѣмъ тремъ княжествамъ одинаково, потому что нѣтъ достаточной причины дѣлать исключеніе для одной Румыніи. Объявленіе княжества нейтральнымъ не помѣшаетъ имъ—какъ воображала Порта—содержать войска и развивать свои военныя средства въ видахъ оборонительныхъ (въ подтвержденіе сего турецкимъ уполномоченнымъ былъ приведенъ примѣръ Бельгій), но будетъ имѣть единственнымъ результатомъ доставить имъ безотвѣтственность какъ въ отношеніи къ Турціи, такъ и пограничныхъ государствъ и такимъ образомъ создастъ имъ чрезвычайно выгодное и даже болѣе сильное положеніе, нежели то, которое доставилъ имъ Парижскій договоръ. Порта была стѣснена въ сношеніяхъ своихъ съ княжествами положеніемъ, созданнымъ для нихъ въ 1856 году, и на это постоянно жаловалась. Вслѣдствіе сего она стремится покончить съ коллективною гарантією державъ, которою пользовались княжества, рассчитывая, что, оставшись съ ними въ обычныхъ сосѣдскихъ отношеніяхъ, она будетъ въ состояніи воспользоваться ихъ взаимною завистью и даже свести съ ними старые счеты, не имѣя надобности добиваться, какъ прежде, предварительнаго соглашенія съ гарантирующими державами. Эта задняя мысль оттоманскаго правительства, теряющаго изъ вида, что мы всегда будемъ имѣть возможность, если сочтемъ это нужнымъ, выступить въ защиту православныхъ государствъ, созданныхъ нашимъ договоромъ, должна быть въ виду при окончательномъ установленіи политическаго положенія княжествъ.

Въ вопросѣ низовья Дуная (дельты) уполномоченные признали необходимымъ уклониться отъ министерскихъ инструкцій, выговоривъ, вмѣсто уступки этой мѣстности прямо Румыніи, присоединеніе оной къ Россіи, съ предоставленіемъ лишь намъ права передачи, вмѣстѣ съ нѣкоторыми частями Тульчинскаго санджака, Румыніи. Такую предосторожность уполномоченные считали совершенно необходимою въ виду неблагопріятнаго расположенія, проявленнаго къ Россіи румынскимъ правительствомъ, и чтобы лишить послѣднее возможности, по вступленіи во владѣніе остро-

вами и дельтою Дуная, отказать намъ въ возвратѣ части Бессарабіи, отдѣленной отъ Россіи въ 1856 году.

«Обмѣнъ территорій съ Румыніею требуетъ особенныхъ непосредственныхъ переговоровъ¹⁾). Окончательное соглашеніе по этому вопросу съ Румыніею должно быть, во всякомъ случаѣ, отложено до завершения засѣданій европейскаго конгресса для того, чтобы, въ случаѣ признанія державами вопреки нашей оппозиціи, нейтралитета Румыніи, не допустить распространенія онаго виѣ нынѣшнихъ предѣловъ княжества на дельту Дунайскую и Добруджу. Эта послѣдняя область должна остаться доступною для нашей арміи на случай, если бы послѣ прекращенія выговореннаго въ договорѣ занятія Болгаріи нашими войсками обстоятельства потребовали бы ихъ возвращенія въ Болгарію²⁾). Въ конвенціи съ Румыніею необходимо ясно и опредѣленно, для предупрежденія будущихъ притязаній, оговорить, что румынское правительство, объявившее войну Турціи, не имѣетъ права предъявлять какихъ-либо денежныхъ требованій Россіи, а, соглашаясь съ Санъ-Стефанскимъ договоромъ, должно вступить съ Портою въ непосредственные переговоры, стараясь получить отъ нея денежное вознагражденіе за потери, понесенныя въ продолженіе войны.

«Болгарія. Статья VI. Всего важнѣе въ настоящее время, чтобы проведеніе на мѣстѣ границъ княжества было произведено безотлагательно и какъ можно поспѣшнѣ. Нашъ комиссаръ по разграниченію³⁾ долженъ имѣть въ своемъ распоряженіи нѣ-

¹⁾ По первоначальному проекту договора, служившему инструкціею уполномоченнымъ, дельта отдавалась Румыніи взамятъ Бессарабскаго участка. Игнатъевъ избѣгнувъ рѣшенія этого вопроса въ Санъ-Стефано, предоставивъ императорскому правительству право или оставить низовье Дуная за собою, какъ территоріальное вознагражденіе, замѣнившее часть обязательной денежной уплаты Турціи, или же договориться съ Румыніею о переуступкѣ ей отчужденной Портою мѣстности на опредѣленныхъ условіяхъ. Авт.

²⁾ Не теряя изъ виду необходимости обезпечить русскимъ войскамъ доступъ въ Болгарію, Игнатъевъ былъ озабоченъ мыслью, что если нельзя будетъ избѣгнуть отдачи Добруджи Румыніи, то слѣдуетъ согласиться на передачу этой области не иначе, какъ на особыхъ условіяхъ которыя Россія выговоритъ въ свою пользу прежде, нежели совершитъ уступку мѣстности, присоединенной къ Россіи взамятъ уплаты извѣстной суммы контрибуціи. Министерство иностранныхъ дѣлъ, равно какъ и уполномоченные наши на Берлинскомъ конгрессѣ пренебрегли предостереженіями Игнатъева. Задача и занятія министерства иностранныхъ дѣлъ были упрощены тѣмъ, что не было сдѣлано попытки заключить особый договоръ съ Румыніею, а предоставлено Берлинскому конгрессу распорядиться, сообразно желаніямъ Англіи и Австро-Венгріи, всеми пріобрѣтеніями Россіи, достигнутыми въ Санъ-Стефано. Авт.

³⁾ Начавшись въ мартѣ, оно должно было окончиться въ іюніѣ. Быстрота осуществленія разграниченія была единственнымъ залогомъ достиженія цѣли и предупредила бы плачевные результаты Берлинскаго конгресса. Игнатъевъ настаивалъ, чтобы къ разграниченію было приступлено тотчасъ послѣ ратификаціи султана (24-го февраля) и чтобы Скобелевъ, со вѣреннымъ ему корпусомъ, безотлагательно занялъ ту часть болгарской территоріи (Македонію), которая находилась виѣ демаркаціонной линіи

сколько офицеровъ генеральнаго штаба и топографовъ, равно какъ и нѣсколько чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ, чтобы быть въ состояніи раздѣлить труды разграниченія между тремя подкомиссіями, которыя тотчасъ приступили бы къ работѣ: одна между Чернымъ моремъ и Родопскими горами, другая по направленію къ Салоникамъ и третья на западной границѣ княжества. Безъ этихъ мѣропріятій невозможно ожидать, чтобы окончательное разграниченіе могло быть произведено на такомъ большомъ протяженіи въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, какъ было бы желательно для успѣшнаго разрѣшенія вопроса. А между тѣмъ совершенно необходимо, чтобы разграниченіе не затянулось бы на долгое время, потому что всякая проволочка будетъ лишь способствовать успѣшному развитію иностранныхъ интригъ, которыя постараются воспользоваться предубѣжденіями грековъ, албанцевъ и куцо-влаховъ ¹⁾ противъ болгаръ. Надо будетъ въ особенности оградить граничную черту Болгаріи отъ такихъ измѣненій, которыя удалили бы княжество отъ моря, а именно отъ бухты Кавалы, залива Орфано, устьевъ рѣки Карасу и въ особенности рѣки Струмы,—куда, несомнѣнно, должна быть проведена въ послѣдствіи желѣзная дорога, которая доставитъ болгарской Македоніи сообщеніе съ моремъ и наконецъ отъ устьевъ рѣки Вардара и части Салоникскаго за-

перемирія. Въ должностъ главнаго пограничнаго комиссара Игнатьевъ предложилъ князя Имеретинскаго, который затѣмъ предпочелъ выступить орудіемъ константинопольской интриги противъ Игнатьева, рассчитывая быть его замѣстителемъ въ Константинополѣ, въ качествѣ посла. Главнокомандующій далъ ему порученіе въ апрѣлѣ прѣхать въ Петербургъ и заявить государю, что возвращеніе Игнатьева въ Константинополь невозможно, что и имѣло послѣдствіемъ назначеніе князя Лобанова посломъ въ Турцію.

Авт.

¹⁾ Куцо-влахами называется племя, родственное молдаванамъ и валахамъ Румынскаго королевства; это племя разсѣяно почти по всему Балканскому полуострову, не образуя нигдѣ компактнаго большинства и нигдѣ не имѣя возможности претендовать на территориальное обладаніе. Большая часть куцо-влаховъ (или цинцаръ) занимается скотоводствомъ въ горахъ и стоитъ на низкой степени культуры. Есть и городской элементъ, большею частью мелкіе лавочники, содержатели постоялыхъ дворовъ и харченень. Въ послѣднее время куцо-влахи стали стремиться къ національному самосознанію, пользуясь поддержкою изъ Румынскаго королевства.

А. Б.

²⁾ Береговая линія на Эгейскомъ морѣ, предназначавшаяся для Болгаріи, по Санъ-Стефанскому договору, была слѣдующая:

а) на сѣверномъ краю Солунскаго залива Болгарія получала берегъ около устьевъ рѣкъ Биетрицы и Вардара; Солунъ оставался турецкимъ портомъ;

б) по ту сторону Халкидонскаго полуострова весь морской берегъ—къ сѣверу отъ заливовъ: Орфанскаго, Кавалы и Порто-Лагось.

По Берлинскому же трактату Болгарія была вовсе лишена всякаго доступа къ Эгейскому морю.

Наконецъ, по Бухарестскому договору 1913 года, она получила небольшую береговую полосу, съ двумя портами: Порто-Лагось и Дедеагачъ.

Для оцѣнки того, какое значеніе имѣли предвидѣнія графа Н. П. Игнатьева относительно будущихъ желѣзнодорожныхъ линій, связывающихъ Болгарію съ эгейски-

лива, уступаемаго по договору новому княжеству ¹⁾. Болгарскіе порты на Черномъ морѣ: Варна, Бургасъ и Сизополь, равно какъ и эгейскіе порты княжества и гавани, уступленныя Черногоріи на Адриатическомъ морѣ, сверхъ своего коммерческаго значенія, какъ вывозныя порты ближайшихъ областей, имѣють для насъ особенное значеніе, какъ будущія станціи русскаго флота, который для своего развитія нуждается въ складочныхъ пунктахъ по близости къ проливамъ и въ водахъ Средиземнаго моря.

«Такъ какъ значительное пространство территоріи, входящей въ составъ Болгарскаго княжества, не было занято нашими войсками и находится внѣ демаркаціонной линіи ²⁾, проведенной при заклю-

ми портами, слѣдуетъ въ точности имѣть въ виду картину тогдашней и нынѣшней желѣзнодорожной сѣти на Балканскомъ полуостровѣ. Нынѣ существуетъ береговая линія изъ Константинополя въ Солунь, а оттуда черезъ Водену на Битоля. Тогда же не было другихъ линій, кромѣ желѣзной дороги Солунь—Митровица и Константинополь—Филиппополь—Сарамбей (не доходившей до Софіи). А. В.

¹⁾ Граничная черта, выговоренная для Болгаріи, измѣнила весьма мало общее пространство, признанное Болгаріею и всею Европою на константинопольской конференціи. По четыре казъ изъ общей площади—Пишь, Прокоплье, Куршумлье и Лѣсковацъ были выдѣлены въ пользу Сербіи, а десять казъ (уѣздовъ) уступлены Россіи въ Добруджѣ, взамятъ денежной контрибуціи: Кимя, Бабадагъ, Махмудіе, Сулина, Исакча, Тульча, Мѣчингъ, Гирсова, Кюстендже и Меджидіе. Взамѣнъ этихъ десяти казъ вновь присоединены въ Болгаріи тринадцать казъ—Горча, Епидже—Вардаръ, Дойранъ, Кукушь, Демиръ-Хиссаръ, Сересъ, Зихнэ, Кавала, Баба-Эски, Буларъ-Хиссаръ, Люле-Бургасъ и часть казъ Адрианопольской, Мидіи (близъ Чернаго моря), Старово и частичка казъ Водена и Эгри-Буджакъ, какъ заселенныя болгарскимъ большинствомъ.

А в т.

²⁾ Относительно перечисленныхъ здѣсь «казъ», присоединенныхъ къ Болгаріи по Санъ-Стефанскому договору, но не имѣвшихъ въ виду, по предположеніямъ конференціи 1876 года, слѣдуетъ отмѣтить слѣдующія о нихъ свѣдѣнія топографическаго и этнографическаго характера: .

а) «Горча» есть албанское названіе мѣстечка «Корицы», къ юго-западу отъ Преспанскаго озера, на этнографической границѣ между албанцами и болгарами. Она по новому разграниченію 1913 года причислена къ Албаніи.

б) «Епидже-Вардаръ», на дорогѣ между Воденой и Солунемъ, въ районѣ этнографической границы между болгарами и греками; нынѣ присоединенъ къ Греціи.

в) «Дойранъ» на лѣвомъ берегу рѣки Вардара, въ полосѣ смѣшаннаго турецко-болгарскаго населенія. Послѣднее усановленная греко-сербская граница проходитъ какъ разъ черезъ середину Дойранскаго озера. Городъ Дойранъ принадлежитъ Сербіи.

г) «Кукушь» (онъ же Калкичъ) къ югу отъ Дойрана, стало быть—нынѣ принадлежитъ Греціи.

д) «Демиръ-Хиссаръ» («железная твердыня»)—находится на рѣкѣ Струмѣ, между Сересомъ и Мельникомъ; нынѣ—на желѣзной дорогѣ Константинополь—Солунь и принадлежитъ Греціи. Населеніе здѣсь смѣшанное — турецко-болгарское (по крайней мѣрѣ до войны 1913 г.).

е) «Сересъ»—къ востоку отъ предыдущаго мѣстечка, на той же желѣзной дорогѣ; имѣетъ смѣшанное греко-болгарско-турецкое населеніе и принадлежитъ теперь Греціи.

ж) «Зихнэ» (между Сересомъ и Кавалой).

з) «Кавала»—портовый городъ, противъ острова Тасо. Жители въ его окрестностяхъ греки и турки.

ченіи перемирія ¹⁾, необходимо, тотчасъ послѣ размѣна ратификацій договора отправить гражданскаго комиссара ²⁾ и войска, съ порученіемъ занять всю эту мѣстность, водворить порядокъ и безопасность и ввести новое управленіе. Распоряженія по этому предмету уже были сдѣланы въ главной квартирѣ ³⁾.

«Статья VII. Противно своему нерасположенію допустить выборъ иностранныхъ принцевъ въ своихъ вассальныхъ княжествахъ, Порта вынуждена была допустить это преимущество въ Болгаріи и удовольствовалась введеніемъ ограниченія, направленного къ тому, чтобы никто изъ членовъ царствующихъ домовъ великихъ

и) «Баба-Эски»—во Фракіи, на Константинопольско-Адріанопольской желѣзной дорогѣ—у ея развѣтвленія на Киркъ-Килиссе (Лозенградъ); сейчасъ принадлежитъ Турціи.

і) «Биларь-Хиссаръ», вѣроятно, тождественный съ «Бунаръ-Хиссаромъ», между Лозенградомъ и Визой, во Фракіи.

к) «Люле-Бургасъ»—нынѣ всемірно извѣстный городокъ, вслѣдствіе побѣды, одержанной здѣсь Радко Дмитріевымъ надъ турками 16-го октября 1912 года.

л) «Старово» (или «Поградецъ»)—селеніе на юго-западномъ берегу Охридскаго озера, въ мѣстности, нынѣ исключительно населенной албанцами.

м) «Водена»—городъ съ преимущественно болгарскимъ населеніемъ, расположенный къ востоку отъ озера «Острово», на станціи Солунь-Витольской желѣзной дороги. Въ Воденскомъ округѣ населеніе съ примѣсью грековъ и турокъ. Нынѣ этотъ округъ принадлежитъ Греціи.

н) «Эгри-Буджакъ» есть названіе горной мѣстности между «Кайларомъ» и «Кожанами», къ юго-востоку отъ Костурскаго озера, въ крайне-южной части славянской Македоніи. Здѣсь преобладаетъ турецкій элементъ, съ меньшинствомъ болгаръ. Мѣстность эта нынѣ принадлежитъ Греціи.

(Источники: 1) «Этнографія и статистика Македоніи» Василія Кынчева (по-болгарски) Софія, 1910 г.—2) Коллекція картъ, изданныхъ македонской организаціей въ 1903 г., со статистикою населенія въ таблицахъ. Изъ нихъ: а) вилаеты Косовскій, Солунскій и Витольскій въ масштабѣ 1:250.000; б) Адріанопольскій—въ масштабѣ 1:450.000.—3) Сербская карта новыхъ границъ, составленная полковникомъ Бошковицемъ (изд. въ Бѣлградѣ въ 1913 г., въ масштабѣ 1:1.000.000). А. Б.

¹⁾ Это доказываетъ, что Игнатьеву удалось въ Санъ-Стефано истребовать отъ турокъ гораздо болѣе, нежели предполагалось въ главной квартирѣ при определеніи демаркаціонной линіи. Авт.

²⁾ Т. е. Хитрово. Редакція этой записки, поданной Игнатьевымъ канцлеру, доказываетъ, что онъ, при отъѣздѣ своемъ изъ Санъ-Стефано, считалъ это дѣло рѣшеннымъ безповоротно главнокомандующимъ и не допускалъ мысли, что сдѣланныя распоряженія будутъ отмѣнены произвольно. Увѣжая съ Босфора съ Реуфомъ-пашою, Игнатьевъ былъ убѣжденъ, что распоряженія главнокомандующаго относительно отправления Хитрово съ прокламаціями и Скобелева съ войсками, сдѣланныя въ бытность его въ Санъ-Стефано, будутъ выполнены. Авт.

³⁾ 4-го марта состоялся размѣнъ ратификацій въ Петербургѣ. Игнатьевъ рассчитывалъ, что разграничительныя коммисіи могутъ быть на мѣстахъ и начать свою работу въ половинѣ марта, окончивъ проведеніе граничной черты на мѣстѣ до сѣзда Берлинскаго конгресса, который бы тогда утратилъ вредное для насъ значеніе. Вотъ почему иностранные дипломаты и агенты старались сбить съ толку главную квартиру, бездѣйствовавшую въ ожиданіи настояній министерства иностранныхъ дѣлъ, которое безмолвствовало, преклоняясь предъ «приговоромъ Европы». Авт.

европейскихъ державъ не могъ быть избранъ княземъ болгарскимъ. Болгары естественно надѣялись поставить себѣ во главу одного изъ членовъ императорской россійской фамиліи. Узнавъ о введенномъ въ договоръ ограниченіи, они стали допрашивать въ Санъ-Стефано уполномоченныхъ: могутъ ли, при избраніи, подать голоса за принца Александра Петровича Ольденбургскаго или за герцога Евгенія Лейхтенбергскаго. Казалось бы полезнымъ, чтобы императорское правительство заблаговременно остановилось на выборѣ кандидата, съ тѣмъ, чтобы нашъ комиссаръ въ Болгаріи могъ подготовить умы и, когда наступитъ время избранія, направить выборъ собранія на то лицо, которое будетъ указано государемъ императоромъ. Первоначально русскіе уполномоченные намѣревались оговорить въ договорѣ право наслѣдованія для избраннаго князя. Но, удостовѣрившись въ глубокомъ отвращеніи турокъ, они воздержались разрѣшить этотъ вопросъ, усматривая, что онъ, собственно, можетъ быть опредѣленъ въ органическомъ уставѣ ¹⁾ княжества, какъ вопросъ внутренней. Но они, естественно, отвергли требованіе турокъ, чтобы при каждомъ новомъ избраніи князя населеніемъ онъ подвергался утвержденію Порты. Умышленно оговорено, для утвержденія общаго руководящаго правила указаніемъ на исключеніе, что только въ случаѣ вакансіи княжескаго достоинства въ Болгаріи будутъ происходить новые выборы князя. Такой случай не можетъ представиться, очевидно, когда у князя будетъ прямой и законный наслѣдникъ и когда основные законы края опредѣляютъ наслѣдованіе княжеской семьи.

«Созваніе собранія болгарскихъ выборныхъ можетъ состояться лишь послѣ введенія правильнаго управленія во всѣхъ уѣздахъ (казахъ), долженствующихъ войти въ составъ княжества, а именно послѣ образованія мѣстныхъ административныхъ совѣтовъ и, по возможности, послѣ возвращенія на родину политическихъ изгнанниковъ, упомянутыхъ въ 17 статьѣ договора и которые составляютъ самый образованный, дѣятельный и вліятельный элементъ въ болгарскомъ народѣ. Императорскій комиссаръ долженъ будетъ, по всей вѣроятности, начать съ того, чтобы созвать всѣхъ предсѣда-

¹⁾ Знакомый съ дѣйствительными пуждами создаваемаго государства и съ умственными силами, которыми оно будетъ обладать, подготовляя въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ народное возрожденіе Болгаріи, Игнатъевъ далекъ былъ отъ мысли, что народу, вышедшему только что изъ-подъ двойного ига—турецкаго и греческаго, будетъ внезапно, сразу, дана конституція самаго либеральнаго и разнузданнаго свойства. Онъ признавалъ необходимымъ лишь дарованіе Россією органическаго устава (статута) съ тѣмъ, чтобы окончательная форма правленія была выработана исподоволь самими болгарскими къ концу русской оккупатіи. Если бы послѣдовали этому мнѣнію, Болгарія не была бы разорена и растерзана партіями, политиками и иностранными интригами. Вліяніе Россіи на самостоятельное развитіе Болгаріи не было бы утрачено.

Авт.

телей административныхъ совѣтовъ ¹⁾), чтобы стовориться съ ними относительно избранія именитыхъ представителей и подготовленія работъ учредительнаго собранія. Но не слѣдуетъ допускать слишкомъ продолжительнаго временнаго положенія въ Болгаріи продленіемъ подготовительныхъ работъ, чтобы не дать повода предположить, что мы желаемъ сохранить въ странѣ русское управленіе. Выставляя желаніе наше покончить скорѣе съ нашею задачею въ Болгаріи, мы должны торопить Порту даровать какъ можно скорѣе свободу и способствовать возвращенію на родину бывшаго экзарха Анѳима, членовъ болгарскаго духовенства и всѣхъ значительныхъ людей, содержащихся въ тюрьмахъ или находящихся въ ссылкѣ въ различныхъ частяхъ Азіатской Турціи.

«Турецкіе уполномоченные настаивали на томъ, чтобы совмѣстно съ русскими уполномоченными начертать основанія «Органическаго устава», который былъ бы рекомендованъ обѣими державами будущему учредительному болгарскому собранію или по крайней мѣрѣ, чтобы послѣднее было обязано представить тотъ уставъ, который будетъ имъ составленъ, на одобреніе Порты, съ предоставленіемъ ей права ввести, по ея усмотрѣнію, «тѣ измѣненія, которыя будутъ признаны необходимыми». Русскіе уполномоченные отвергли и то, и другое предложеніе, но, принявъ во вниманіе неоспоримыя права Порты, какъ представительницы верховной власти Турецкой имперіи, они допустили присутствіе оттоманскаго комиссара въ засѣданіяхъ собранія, которое будетъ работать подъ надзоромъ русскаго комиссара. Очевидно, что положеніе турецкаго представителя будетъ очень принижено въ сравненіи съ императорскимъ комиссаромъ, опирающимся на симпатіи освобожденнаго болгарскаго народа и на значительныя военныя силы. Малѣйшая попытка вмѣшательства турецкаго комиссара, несомнѣнно, встрѣчена будетъ враждебно. Съ тактомъ и нѣкоторою ловкостью императорскому комиссару будетъ легко низвести къ простой формальности присутствіе турецкаго комиссара, за которымъ, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ учредить наблюденіе, чтобы лишить его возможности произвести неблагоприятное давленіе на рѣшенія собранія въ случаѣ, если, паче чаянія, нашлись бы депутаты, поддающіеся турецкому вліянію. Впрочемъ, упоминаніе въ договорѣ примѣра, установленнаго въ 1830 году въ дунайскихъ

¹⁾ Опасаясь, чтобы въ Болгаріи не завелось бюрократическое управленіе, т. е. дорого стоящіе, ложные и неестественные болгарскому народу порядки, тогда какъ населеніе издавна привыкло къ мелкому самоуправленію и съ трудомъ можетъ дать на первое время людей для высшаго управленія страны, Игнатьевъ пытался дать нѣкоторыя указанія касательно лучшаго способа управленія Болгаріею, надѣясь, что министерство иностранныхъ дѣлъ ими воспользуется для составленія разумной инструкціи комиссару, не знавшему вовсе ни свойствъ населенія, ни характера людей, во главѣ которыхъ его случайно поставили.

княжествахъ, опредѣляетъ совершенно достаточно характеръ дѣятельности и политическое положеніе императорскаго комиссара. Одно изъ самыхъ главныхъ возраженій, возбужденныхъ оттоманскими уполномоченными противъ распространенія на югъ границъ новаго княжества, основывалось на присутствіи на берегахъ Эгейскаго моря и Салоникскаго залива, а также въ окрестностяхъ Битоліи (Монастыря) многочисленнаго смѣшаннаго населенія, состоящаго изъ мусульманъ и албанцевъ, куцо-влаховъ и въ особенности грековъ. Въ виду неопровержимости этого факта и чтобы уменьшить противодѣйствіе упомянутаго населенія, установлено въ его пользу руководящее начало, которое Россія никогда не отвергала на Востокъ, какъ основанное на точной справедливости и безпристрастїи, а именно опредѣлено, что будутъ приняты въ должное вниманіе права и интересы меньшинства населенія въ выборахъ и при составленіи органическаго устава. Отъ умѣнья и ловкости императорскаго комиссара будетъ зависѣть распредѣленіе значенія и положенія между составными частями этого меньшинства такимъ образомъ, чтобы не слишкомъ ослабить славянскій строй новаго Болгарскаго княжества.

«Статья VIII. Такъ какъ всѣ крѣпости, находящіяся въ Болгаріи, должны быть срыты, то важно, чтобы къ работамъ было безотлагательно приступлено и чтобы существенное было закончено прежде выхода изъ Болгаріи русскихъ войскъ, оставивъ лишь тѣ укрѣпленія, которыя могли бы быть полезными впослѣдствіи для болгарскаго ополченія¹⁾. Наши военныя власти, равно какъ и новая гражданская администрація въ краѣ должны обратить на этотъ предметъ особенное вниманіе для возбужденія содѣйствія всего болгарскаго населенія къ скорѣйшему достиженію благоудѣтельнаго для него разрушенія. Уже послѣ подписанія договора сераскириатъ (военное министерство) хлопоталъ передъ главною квартирою о дарованіи облегчительныхъ сроковъ для вывоза артиллеріи, военнаго снаряженія, запасовъ военныхъ и продовольственныхъ, оставшихся въ крѣпостяхъ. Всякое снисхожденіе касательно вывоза военныхъ и продовольственныхъ запасовъ можетъ быть оказано Портѣ при непремѣнномъ условіи, однакоже, чтобы выходъ войскъ и властей оттоманскихъ изъ укрѣпленныхъ пунктовъ былъ ускоренъ²⁾. Артиллерія и военные за-

¹⁾ Ничего этого не было исполнено.

Авт.

²⁾ На основаніи международнаго права и всѣхъ авторитетовъ этой науки, всѣ условія подписаннаго уполномоченными договора становятся обязательными для обѣихъ сторонъ съ минуты ратификаціи правительствами, а еще больше со времени обмѣна ратификацій (Санъ-Стефанскій договоръ былъ ратификованъ султаномъ 27-го февраля, а обмѣнъ ратификацій послѣдовалъ 4-го марта). Слѣдовательно, передача намъ не только дунайскихъ крѣпостей, но Шумлы, Варны и Батума была обязательна для турокъ съ того срока, и командующіе нашими войсками должны были воспользо-

насы, которые бы въ нихъ временно остались, даже подъ охраною турецкихъ часовыхъ, служили бы намъ дополнительнымъ залогомъ покорности Порты ¹⁾).

«Турецкіе уполномоченные, основываясь на примѣрахъ, установленныхъ въ прежнее время для Сербіи и Румыніи, пытались неоднократно ограничить численность болгарскаго ополченія. Русскіе уполномоченные отказались принять ихъ предложенія, сославшись на разстройство и замѣшательство, въ которыя приведена страна, не позволяющія нынѣ еще опредѣлить численность вооруженной силы, потребной для обезпеченія порядка, безопасности и благоустройства, а также и соразмѣрить со средствами населенія военные расходы, которые окажется возможнымъ на него возложить. Положено, что численность ополченія должна быть опредѣлена впоследствии по соглашенію между императорскимъ и турецкимъ правительствами. Допущеніемъ размноженія вопросовъ, въ которыхъ Порты должна будетъ искать нашего добраго расположенія ²⁾, исключительность положенія Россіи въ устройствѣ болгарскихъ дѣлъ вполне выяснена, но оставлена, однакоже, возможность соглашенія съ кабинетами другихъ державъ.

«Оккупационныя русскія войска въ Болгаріи сохраняютъ свои сообщенія съ Россіею по Черному морю и имѣютъ право поль-

ваться правомъ ввести въ эти крѣпости русскіе гарнизоны и настоять на точномъ исполненіи договора. А мы, напротивъ, безопасно дозволили туркамъ,—подстрекаемымъ англичанами и австрійцами,—не только не пустить наши войска въ Шумлу, Варну и Батумъ, но даже возводить подъ глазами нашей арміи новыя укрѣпленія. При составленіи статьи объ очищеніи крѣпостей Савфеть-паша, ссылаясь на телеграфныя ходатайства сераскириата и начальниковъ войскъ, указывавшихъ на физическую невозможность скоро очистить крѣпости,—просилъ оговорить въ договорѣ, что сдача крѣпостей отсрочивается на двѣ недѣли. Но Игнатьевъ отказалъ туркамъ въ ихъ просьбѣ, указавъ, что крѣпостныя ворота должны быть немедленно открыты для русскаго войска въ крѣпостяхъ, до совершеннаго вывоза вооруженія, который долженъ начаться безотлагательно. Неприлично было бы побѣдителямъ оставаться на бивуакахъ, когда ихъ легко и удобно можно размѣстить въ крѣпостяхъ. Савфеть и Реуфъ-паша съ этимъ согласились. Такимъ образомъ, отсрочка сдачи не была допущена русскими уполномоченными и вступленіе нашихъ войскъ въ крѣпостныя ограды должно было совершиться 4-го или 5-го марта, по простому требованію нашихъ военныхъ начальниковъ. Непонятно, почему главная квартира объ этомъ не позаботилась.

Авт.

¹⁾ Никакихъ мѣръ, не было принято нашими военными и дипломатическими властями, чтобы ускорить передачу крѣпостей, что было на руку противникамъ нашимъ, такъ какъ безопасность эта отразилась весьма на нашемъ военно-политическомъ положеніи на Балканскомъ полуостровѣ, передъ и во время Берлинскаго конгресса. Крѣпости были заняты нами лишь въ августѣ, т. е. пятью мѣсяцами позже, нежели предполагалось въ минуту подписанія Санъ-Стефанскаго договора. Авт.

²⁾ Этимъ выгоднымъ положеніемъ наши дипломаты не умѣли или не желали воспользоваться и сѣтовали, что въ Санъ-Стефано были оставлены многіе вопросы открытыми, обнаруживши слабость и безпечность министерства иностранныхъ дѣлъ.

Авт.

зоваться для сего Варною и Бургасомъ, учреждая въ этихъ пунктахъ нужные имъ склады. Это постановленіе не исключаетъ возможности для насъ оградить эти порты отъ нападенія и обратить ихъ въ опорные пункты войскъ, остающихся въ Болгаріи.

«Варненскія укрѣпленія, безспорно, могли бы намъ пригодиться въ продолженіе занятія русскими войсками Болгаріи.

«Статья IX. Отсутствие какихъ-либо статистическихъ данныхъ относительно будущихъ доходовъ Болгаріи воспрепятствовало опредѣленію дани, которую Болгарія будетъ платить Турціи такъ какъ вопросъ этотъ былъ связанъ съ обезпеченіемъ платежей по военной контрибуціи ¹⁾, подробности которой не разрѣшены въ договорѣ, то уполномоченные почли долгомъ отложить опредѣленіе болгарской дани до дальнѣйшаго соглашенія между Россією, Портою и европейскими кабинетами ²⁾.

«Было весьма важно не сохранить за оттоманскимъ правительствомъ право вмѣшательства въ финансовое управленіе Болгаріи чрезъ посредство компаніи румынскихъ желѣзныхъ дорогъ (барона Гирша), въ особенности потому, что она преобразилась почти совершенно въ австрійскую и что вообще необходимо разъединить въ этомъ вопросѣ интересы турецкіе съ австро-венгерскими. Эту цѣль преслѣдовали постановленія, содержащіяся въ статьѣ объ обязательствахъ княжества въ отношеніи къ компаніямъ желѣзныхъ дорогъ, проходящихъ черезъ Болгарію.

«Статья X. Уступая, по мѣрѣ возможности, турецкимъ уполномоченнымъ въ ихъ требованіи пропуска турецкихъ войскъ чрезъ Болгарію въ Боснію и обратно, русскіе уполномоченные старались выставить право прохожденія войскъ, какъ исключеніе изъ общаго правила, чтобы яснѣе выразить совершенное исключеніе турецкихъ войскъ изъ предѣловъ княжества. Такъ какъ военный путь сообщенія былъ предоставленъ Турціи для Босніи и Герцеговины, а Албанія и Призренская области должны также сохранить какое-либо сухопутное сообщеніе съ столицею имперіи, то нельзя было отказать туркамъ ³⁾ въ возможности провозить чрезъ

¹⁾ По мысли Игнатѣева предполагалось не уступать ни копейки съ 300 милліоновъ рублей, и Порта должна была дать намъ полное обезпеченіе платежа, включая, между прочимъ, въ гарантію передачу Россіи права получить болгарскую дань. Такимъ образомъ, Болгарія была бы, во всѣхъ отношеніяхъ, поставлена въ независимое положеніе отъ султана, находясь въ то же время въ полной отъ насъ зависимости въ теченіе времени, достаточнаго, чтобы славянская почва на Балканскомъ полуостровѣ окрѣпла и чтобы русское вліяніе не могло быть подорвано Австро-Венгерією.

Авт.

²⁾ Вслѣдствіе того, что почти всѣ главные источники доходовъ Турціи уже были отданы прежде въ обезпеченіе займовъ и долговъ банкирамъ, поддержаннымъ западными державами.

Авт.

³⁾ Предоставленіемъ туркамъ военной дороги черезъ Болгарію ослаблялись возраженія противъ присоединенія къ княжеству бывшей части Македоніи. Турки,

Болгарію войска, военные и продовольственные запасы, предназначенные этимъ областямъ, и которые не могли бы туда попасть иначе, какъ по дорогамъ, ведущимъ чрезъ Салоники и Адрианополь, проходящимъ чрезъ княжество. Для предупрежденія, чтобы передвиженіе войскъ не породило какія-либо затрудненія, Болгарія должна, разумѣется, быть достаточно обеспечена. Для этой цѣли опредѣлено, что сообщеніе можетъ производиться лишь по дорогамъ заранѣе опредѣленнымъ и что особенное положеніе установитъ условія пользованія этимъ правомъ и будетъ заключено въ теченіе трехъ мѣсяцевъ послѣ ратификаціи договора между Портою и болгарскимъ управленіемъ. А такъ какъ въ теченіе этого срока управленіе Болгаріей будетъ въ вѣдѣніи императорскаго комиссара, то отъ послѣдняго будетъ зависѣть обставить вышеупомянутое право турокъ такими ограниченіями, которыя окажутся необходимыми на практикѣ. Наконецъ, безусловно запрещенъ доступъ и прохожденіе чрезъ Болгарію нерегулярнымъ войскамъ, башибузукамъ и черкесамъ. Надо замѣтить, что военное сообщеніе чрезъ Болгарію предоставлено лишь для связи съ областями по ту сторону княжества, а потому, въ случаѣ столкновенія Порты съ Сербією, Румынією или Черногорією, Болгарія имѣетъ право воспретить проходъ турецкихъ войскъ, если бы оныя были предназначены не исключительно въ упомянутыя турецкія области. Это истолкованіе можетъ быть поддержано; было бы полезно при составленіи положенія о военныхъ путяхъ, проходящихъ чрезъ Болгарію, ввести еще болѣе обстоятельныя постановленія по сему предмету.

«Статья XI. Турецкіе уполномоченные выказали, въ продолженіе всѣхъ переговоровъ, желаніе обезпечить мусульманскому населенію въ Болгаріи преимущества и право пользованія недвижимою собственностью въ предѣлахъ княжества. Въ статьяхъ, вошедшихъ въ договоръ, руководствуясь справедливостью и равноумѣрностью въ отношеніи къ мусульманамъ, было, однакоже, приложено стараніе преимущественно оградить интересы болгаръ, облегчая, по возможности, переходъ недвижимой собственности въ руки христіанъ.

«Европейское общественное мнѣніе можетъ только рукоплескать

поддержанные англичанами, выставляли на видъ, что Стамбуль будетъ совершенно отрѣзанъ отъ западныхъ областей Турціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ отстранялся и поводъ, выставляемый Австро-Венгрією для завладѣнія Боснією и Герцеговиною. Графъ Андраши утверждать, что созданіемъ «Великой Болгаріи» Боснія и Герцеговина, отдѣленная отъ остальной части Турціи и лишенная сухопутнаго сообщенія съ столицею, сдѣлаются неизбѣжно добычею Сербіи и Черногоріи, что противорѣчитъ интересамъ Австро-Венгріи. Чтобы лишить эту аргументацію всякаго основанія, приходилось допустить на нѣкоторое время существованіе неизбѣжнаго турецкаго военного пути.

А в т,

постановленію, опредѣляющему, что недвижимыя мусульманскія имущества, на которыя въ теченіе двухъ лѣтъ не будетъ предъ-
явлены несомнѣнные права собственности, будутъ продаваемы съ
публичныхъ торговъ въ пользу вдовъ и сиротъ потерпѣвшихъ во
время послѣднихъ событій мусульманъ, какъ и христіанъ ¹⁾.

«Успокоивъ Порту, выразившую опасеніе, что болгары потре-
буютъ предоставленія имъ, внѣ предѣловъ княжества, сравненія
въ правахъ, коими пользуются, на основаніи капитуляцій, ино-
странные подданные, русскіе уполномоченные провели мысль,
что оттоманскіе законы не могутъ имѣть никакого примѣненія въ
предѣлахъ Болгаріи, оговоривъ, что лишь въ другихъ частяхъ
Турецкой имперіи болгары будутъ имъ слѣдовать. Это постановле-
ніе, впрочемъ, имѣетъ цѣлью понудить болгаръ, обитающихъ внѣ
предѣловъ княжества, переселяться и способствовать, такимъ
образомъ, уменьшенію тренія, раздоровъ и столкновеній между
греками и болгарами въ мѣстностяхъ Эракии и Македоніи, остав-
шихся внѣ новаго княжества.

«Вообще существенно важно, чтобы въ вопросахъ второстепен-
ныхъ ²⁾, но въ особенности принципиальныхъ, императорскій ко-
миссаръ никогда не терялъ бы изъ виду необходимости привести
ихъ къ практическому разрѣшенію, клонящемуся къ огражденію
княжества отъ всякаго вмѣшательства Порты ³⁾ въ его внутреннія
дѣла и къ развитію самостоятельныхъ правъ Болгаріи во всѣхъ
подробностяхъ учрежденій, съ цѣлью привести оную постепенно,
безъ потрясенія, но систематическимъ и законнымъ ходомъ къ со-
вершенной независимости.

«Статья XII. Постановленіе, что впредь не будетъ ни крѣпо-
стей на Дунаѣ, ни военныхъ судовъ въ его водахъ, имѣетъ въ виду
успокоить умы и дать удовлетвореніе общественному мнѣнію какъ
въ Австро-Венгріи, такъ и въ Германіи Этою статьею уполномо-
ченные надѣялись лишить вѣнскій кабинетъ всякаго предлога
считать въ опасности свои интересы на Дунаѣ и подозрѣвать у насъ
намѣреніе ввести въ эту рѣку военныя суда подъ флагомъ сербскимъ

¹⁾ Т.-с. не только въ теченіе войны, но и прежде, при неистовствахъ, произве-
денныхъ въ Болгаріи съ 1875 года.

²⁾ Имѣющихъ на Востокѣ несравненно большее значеніе, нежели въ Европѣ,
но на которые министерство иностранныхъ дѣлъ и большинство русскихъ агентовъ
привыкли не обращать должнаго вниманія, пренебрегая ими. Иностранцы, напро-
тивъ, никогда не упускали изъ виду самыхъ мельчайшихъ вопросовъ для нанесенія
намъ вреда и водворенія своего вліянія. Авт.

³⁾ Тогда главнѣйшею заботою было оградить Болгарію отъ вмѣшательства Пор-
ты, которая могла служить слѣпымъ орудіемъ нашихъ европейскихъ противниковъ.
Нельзя было предвидѣть, что мы допустимъ безцеремонное вмѣшательство и влія-
ніе Англіи и Австро-Венгріи, права которыхъ не могли итти въ сравненіе съ верховнымъ
правомъ Порты. Авт.

или болгарскимъ. Православныя княжества не лишены, однакоже, возможности имѣть военныя суда на Дунаѣ, ибо имѣютъ право содержать на рѣкѣ, точно такъ же, какъ и Россія, стаціонеровъ и легкія суда для рѣчной полиціи и таможенной службы.

«Статья XIII. Одна изъ статей, которая встрѣтила наибольшія затрудненія, заключала обязательство Порты возстановить безпрепятственное судоходство въ Сулинскомъ устьѣ и вознаградить частныхъ людей, потерпѣвшихъ убытки во время войны. Невозможность исчислить, хотя приблизительно, размѣръ суммы, которую турецкое правительство должно выслать, и опасеніе узаконить предьявленіе безчисленныхъ домогательствъ чрезвычайно затрудняли всякое соглашеніе по сему предмету. Порта первоначально надѣялась отдѣлаться уплатою намъ пятидесяти тысячъ франковъ. Лишь послѣ большихъ усилій русскіе уполномоченные успѣли вынудить признаніе общей отвѣтственности Порты за потери, съ спеціальнымъ ассигнованіемъ на означенные расходы пятисотъ тысячъ франковъ, взятыхъ изъ суммы, должной отоманскому правительству дунайскою международною комиссіею. Нужно поручить нынѣ же нашему консулу въ Галацъ ¹⁾ озаботиться взысканіемъ означенной суммы съ тѣмъ, чтобы она не могла быть употреблена на другой предметъ, такъ какъ въ нынѣшнемъ финансовомъ положеніи Порты сомнительно, чтобы она нашла другой источникъ для уплаты слѣдующаго.

Статья XIV. Въ вопросѣ Босніи и Герцеговины турецкіе уполномоченные желали установить всѣ подробности новаго управленія по соглашенію съ русскими уполномоченными, но эти послѣдніе формально отказались, въ виду заднихъ мыслей и ревнивой подозрительности Австро-Венгріи, а равно и затрудненій, которыя такого рода соглашеніе о подробностяхъ управленія могло вызвать на конференціи. А потому ограничились общими началами ²⁾; подробности оставлены до будущаго соглашенія между Россіею, Турціею и Австро-Венгріею.

«Статья XV. Казалось бы, что въ трактатѣ, оговоривъ точное примѣненіе и осуществленіе органическаго устава 1868 года ³⁾

¹⁾ Состоявшему русскимъ представителемъ въ этой комиссіи и ея членомъ.
Авт.

²⁾ Русскіе уполномоченные были связаны при этомъ постановленіемъ константинопольской конференціи, выработавшей управленіе для Босніи и Герцеговины. Уклоненіе отъ этого основанія доставило бы законный поводъ Австро-Венгріи требовать передѣлки русско-турецкаго соглашенія относительно этихъ областей.

Когда писалась записка, еще не было рѣчи, въ телеграммахъ князя Горчакова, о конгрессѣ. Предполагалась простая конференція для дополненія Санъ-Стефанскаго договора по вопросамъ обще-европейскаго значенія.
Авт.

³⁾ Составленный для острова Кандіи, при заступничествѣ Россіи за своихъ единовѣрцевъ, но не исполнявшійся добросовѣстно и въ полномъ объемѣ.
Авт.

не только въ Кандіи, но въ Эпирѣ, Фессаліи, Македоніи и остальныхъ частяхъ Европейской Турціи, Россія оградила по возможности положительно великодушно и безкорыстно интересы грековъ, равно какъ и обитателей Старой Сербіи. Согласившись ввести упомянутый уставъ во всѣхъ этихъ областяхъ, Порта обязалась допустить выработку подробностей новаго управленія для каждой изъ этихъ областей въ специальныхъ комиссіяхъ, въ которыхъ туземное населеніе должно быть «широко представлено». Такъ какъ сверхъ того Порта обязалась посовѣтоваться съ императорскимъ правительствомъ прежде, нежели ввести въ дѣйствіе выработанный уставъ, можно надѣяться, что реформа эта будетъ имѣть существенное значеніе. Очевидно, что въ этомъ вопросѣ, какъ, впрочемъ, во всѣхъ другихъ, вытекающихъ изъ заключеннаго нами договора, необходимо непрерывное, бдительное и неослабное наблюденіе какъ императорскаго кабинета, такъ и въ особенности русскаго посла въ Константинополѣ и нашихъ консуловъ въ различныхъ областяхъ Турціи ¹⁾.

«Статья XVI. Полное удовлетвореніе доставлено этою статьею всеобщему желанію армянъ. Впервые имя Арменіи произнесено въ международномъ договорѣ и обязательства, принятія Портою, могутъ послужить основаніемъ для попечительства нашего надъ большинствомъ христіанскаго населенія въ Малой Азіи. Статья эта докажетъ Европѣ, что Россія не исключительно объ однихъ славянахъ, ни даже о своихъ единовѣрцахъ заботится, но что она, движимая челоуѣколюбіемъ, имѣла въ виду обезпечить благосостояніе всего христіанскаго населенія въ Турціи. Такъ какъ турецкіе уполномоченные упорно и горячо возставали противъ предложеннаго имъ упоминанія эчмиадзинскаго католикоса и наименованія его верховнымъ главою всѣхъ армянъ, то русскіе уполномоченные сочли болѣе осторожнымъ не настаивать на этомъ. Дѣйствительно, приданіе слишкомъ большого международнаго значенія католикосу могло бы создать намъ самимъ нѣкоторыя административныя затрудненія на Кавказѣ и даже поддержать вождельнія и стремленія между армянами, не соответствующія нашимъ интересамъ.

«Статья XVII. Уполномоченные смотрѣли, какъ на вопросъ чести для Россіи, на включеніе въ договоръ всеобщей амнистіи для

¹⁾ Никакой договоръ не будетъ добросовѣстно примѣненъ на Востокѣ безъ настойчиваго преслѣдованія исполненія его на мѣстѣ всѣми исполнительными органами туземнаго правительства. А чтобы его достигнуть, надо проявлять энергическую настойчивость и постоянную бдительность. Въ этомъ отношеніи намъ надо поучиться у англійскихъ и германскихъ агентовъ. Русская дипломатія, безпечною и бездѣйствіемъ своимъ, въ критическое время послѣ войны дозволила противникамъ нашимъ отгѣснить себя на задній планъ и лишитъ Россію плодовъ побѣдъ и Санъ-Стефанскаго договора.

Авт.

турецкихъ подданныхъ, замѣшанныхъ въ послѣднія событія и провинившихся предъ Портою.

«Необходимо намъ слѣдить за выполненіемъ обязательства прощенія.

«Статья XVIII. Статья эта доставила Персіи справедливое удовлетвореніе въ вопросѣ о Хотурѣ ¹⁾.

«Статья XIX. Въ статьѣ о земельномъ уступкахъ, сдѣланныхъ Турціею въ счетъ должнаго ею Россіи денежнаго вознагражденія, рѣчь идетъ не объ одной Добруджѣ, какъ значилось въ первоначальномъ проектѣ, но о всемъ Тульчинскомъ санджакѣ. Это дополненіе введено, чтобы мы имѣли возможность, приобрѣтая часть Бессарабіи, отторгнутую въ 1856 году, и нѣкоторые рукава дунайскаго устья, удовлетворить отчасти Румынію территориальнымъ вознагражденіемъ. Новая граничная черта отходитъ отъ морского берега у Мангаліи и упирается въ Дунай немного выше Расова ²⁾. Въ текстѣ статьи ясно выражено, что Россія не желаетъ ³⁾ присоединить къ себѣ эту территорію и острова дельты дунайской и что она себѣ предоставляетъ право промѣнять часть оной на отошедшую часть Бессарабіи. Но если Румынія не согласится на этотъ обмѣнъ, мы имѣемъ полное право распорядиться иначе этою областью, такъ какъ она уступлена Россіи Турціею взамѣнъ значительной суммы, которую мы имѣемъ полное право требовать и которую Порта признала своимъ долгомъ.

«Змѣнный островъ, о которомъ упомянуто въ статьѣ, не вошелъ въ составъ предполагаемаго обмѣна съ цѣлью, чтобы предоставить императорскому правительству сохранить его за собою въ случаѣ надобности въ виду отрицательной пользы, которую можно извлечь изъ этого острова созданіемъ затрудненій для навигаціи и, въ особенности, ночного входа въ Дунай въ военное время посредствомъ прекращенія освѣщенія находящагося на островѣ маяка ⁴⁾.

«Граница возвращаемой намъ части Бессарабіи обозначена на

¹⁾ Англія совмѣстно съ Россіею, въ качествѣ державъ-посредницъ, рѣшили спорный вопросъ объ обладаніи Хотуромъ въ пользу Персіи, но въ теченіе многихъ лѣтъ не могли достигнуть исполненія турками этого приговора. Включеніе этой статьи въ договоръ имѣло цѣлью поддержать наше вліяніе въ Персіи и доказать ей, что Россія ей покровительствуетъ болѣе, нежели Англія. А в т.

²⁾ Границу между Болгаріею и отдѣляемой отъ нея Добруджей предполагалось, по Санъ-Стефанскому договору, провести по линіи: Мангалія—Расова; но Берлинскій договоръ провелъ ее съ большимъ ущербомъ для Болгаріи, именно отъ Мангаліи къ пункту на Дунаѣ, около самой Силистріи. А. Б.

³⁾ Заявляя для успокоенія европейскаго и румынскаго общественнаго мнѣнія, о томъ, что Россія отбираетъ у Турціи Тульчинскій санджакъ не изъ желанія увеличенія своихъ владѣній, Россія не лишалась возможности повести такъ дѣло, что могла за собою оставить этотъ участокъ, или передать Болгаріи, выговоривъ нужныя для нея условія. А в т.

⁴⁾ По ст. 46 Берлинскаго договора, «Змѣнный островъ» отданъ Румыніи.

А. Б.

югѣ русломъ Килійскаго рукава (талъвегъ) и Старо-Стамбульскимъ устьемъ ¹⁾, съ цѣлью обезпечить за нами обладаніе селеніями Вильково и Очаковъ, населенными исключительно русскими выходцами, двадцать уже лѣтъ желающими принять русское подданство и быть подвластными государю императору. Проведеніе этой граничной линіи обезпечивало намъ обладаніе Очаковскимъ проходомъ, находящимся сѣвернѣе Старо-Стамбульскаго устья и который естественнымъ образомъ годъ отъ году углубляется и можетъ впослѣдствіи служить гораздо лучшимъ, доступнымъ болѣе глубоко сидящимъ судамъ сообщеніемъ съ моремъ, нежели Сулинскій каналъ, на который европейская комиссія потратила столько средствъ и техническихъ усилій. Весьма важно, чтобы не допустить на конгрессѣ измѣненія редакціи, касающейся этой граничной черты, и ввести оную цѣлкомъ въ текстъ окончательнаго договора ²⁾.

«Въ Азіи новая закавказская граница проведена согласно проекту, одобренному въ Тифлисѣ, который и оуцществленъ во всѣхъ подробностяхъ. Россія приобрѣтаетъ богатый край, считающійся

¹⁾ Мысль Н. П. Игнатъева уцѣлѣла и послѣ отмѣны Санъ-Стефанскаго договора, перейдя въ статью 45 Берлинскаго трактата.

Благодаря этому, мы сейчасъ владѣемъ всѣми развѣтвленіями Килійскаго гирла. Вотъ ихъ наименованія, идя съ юга къ сѣверу:

1) устье Килійское, 2) гирло Корпусово, 3) гирло Восточное, 4) гирло Касаткино, 5) гирло Быстрое, 6) гирло Романово, 7) гирло Песчаное, 8) гирло Матвѣйкино, 9) гирло Отножное, 10) гирло Казекино, 11) гирло Анкудиново, 12) гирло Раково, 13) гирло Полуденное, 14) гирло Очаковское, 15) гирло Полушабанное, 16) гирло Полуночное, 17) гирло Бѣлгородское.

Наименованіе этихъ гирлъ, а равно размѣщеніе во всѣхъ островахъ между ними «куреней» разныхъ названій свидѣтельствуетъ, совершенно согласно съ «Записками» Н. П. Игнатъева о древне-народномъ и казацкомъ характерѣ русскаго населенія этихъ гирлъ. Благодаря способности Н. П. Игнатъева приближать къ себѣ народные элементы и освѣдомляться у нихъ о такихъ бытовыхъ свѣдѣніяхъ, которыхъ ни обыденная наука не сообщала, ни тѣмъ болѣе «петербургскія» высокія канцеляріи не вѣдали,—намъ была дана возможность не упустить этого исконно русскаго и казацкаго края и возвратитъ его Россіи. Мы говоримъ «возвратитъ», потому что не слѣдуетъ забывать, что вся Дунайская дельта принадлежала Россіи съ 1829 года (Адріанопольскій миръ) до 1856 г. (Парижскій трактатъ); владѣнія Россіи оканчивались на самомъ южномъ рукавѣ—на Георгіевскомъ.

Приобрѣтъ по Санъ-Стефанскому договору и Берлинскому трактату гирла Килійскаго устья, мы рѣшили, между прочимъ, и судьбу того поселка «Вилкова», о которомъ говорится здѣсь, въ «Запискахъ». Этотъ поселокъ, находящійся на сѣверномъ берегу главнаго Килійскаго протока, остался за Россіею. А. Б.

²⁾ Польза и необходимость измѣненія южной граничной черты Бессарабіи были совершенно упущена изъ вида въ Петербургѣ, и Игнатъевъ, дорожившій своимъ нововведеніемъ, опасался, что редакціоннымъ измѣненіемъ текста на конгрессѣ сущность дѣла будетъ утрачена Россіею по канцелярскому недосмотру съ нашей стороны. Не получая никакихъ указаній, ни свѣдѣній по этому вопросу, Игнатъевъ рѣшился предъявить требованіе новой дунайской границы по собственной инициативѣ, велѣдствіе свѣдѣній, добытыхъ имъ отъ нашихъ выходцевъ-раскольниковъ объ углубленіи Очаковскаго устья. А в т.

житницей Сѣверной Анатоліи, съ прекрасною батумскою гаванью и важнѣйшими стратегическими позиціями, облегчающими подступы къ Эрзеруму и затрудняющими до невозможности всякое наступленіе со стороны непріятеля на наши кавказскія владѣнія. Карсъ, Батумъ и Баязеть¹⁾ остаются въ нашей власти. Сверхъ того мы будемъ господствовать надъ транзитнымъ путемъ въ Персію и получили возможность держать въ рукахъ всѣ кочевыя курдскія племена, владѣя пунктами, съ которыхъ легко распространить наше вліяніе на все населеніе Анатоліи и имѣть открытый доступъ въ долину Муша и Вана — главные очаги армянской народности.

«Въ первоначальномъ проектѣ, предложенномъ нами турецкимъ уполномоченнымъ, въ предвидѣніи разномыслія между пограничными комиссарами на азіатской границѣ и для устраненія разногласій, было указано на посредничество германскаго представителя. Турки, однакоже, не приняли этого предложенія, сославшись на то, что имъ противно предвидѣть при самомъ заключеніи договора разногласіе, вынуждающее прибѣгнуть къ постороннему посредничеству, и что они предпочитаютъ, въ случаѣ проявленія разномыслія въ трудахъ пограничной комиссіи, предоставить разрѣшеніе недоумѣній непосредственному соглашенію между двумя заинтересованными кабинетами. Русскіе уполномоченные не настаивали на своемъ предложеніи, сдѣланномъ лишь для отстраненія вмѣшательства англійскаго посредничества. Определенность выраженного очертанія пограничной линіи дѣластъ маловѣроятными недоразумѣнія при проведеніи оной на мѣстѣ. Впрочемъ, ничего не предрѣшая, мы можемъ всегда прибѣгнуть, въ случаѣ надобности, къ посредничеству для разрѣшенія пограничныхъ разногласій безъ того, чтобы оно было оговорено въ статьѣ договора.

«Въ виду возраженій, которыя могутъ возникнуть въ Европѣ относительно земельного приращенія Россіи, уполномоченные настаивали на включеніи въ текстъ договора:

«1) Что Порта обязалась выплатить военную контрибуцію, цифра которой опредѣлена въ 1410 милліоновъ рублей.

«2) Упомянутія, что лишь въ виду финансовыхъ затрудненій Турціи и согласуясь съ желаніемъ султана, его императорское величество благоизволилъ согласиться замѣнить уплату большей части означенной суммы земельными уступками.

«3) Опредѣлить соотвѣтствіе денежныхъ суммъ съ уступаемыми территоріями съ тою цѣлью, чтобы въ случаѣ, если бы, паче чаянія, признано было необходимымъ отказаться, вслѣдствіе сопротивленія державъ, отъ части уступаемой Россіи Турціею территоріи, мы

¹⁾ По Берлинскому трактату Баязеть отданъ обратно Турціи.

могли бы съ полнымъ основаніемъ требовать для вознагражденія соотвѣтствующую денежную сумму ¹⁾.

«Статья XX. Эта статья предоставляетъ императорскому посольству въ Константинополѣ твердое основаніе добиться ускоренія окончательнаго разрѣшенія всѣхъ тяжбныхъ дѣлъ, преслѣдуемыхъ въ Портѣ русскими подданными въ теченіе многихъ лѣтъ и которыя порождали нескончаемые и тягостные переговоры съ Портою ²⁾. Сверхъ того турецкое правительство приняло на себя обязательство выплатить десять милліоновъ рублей въ вознагражденіе подданныхъ и учреждений русскихъ (госпиталь), понесшихъ потери во время войны. Предполагалось, что десять милліоновъ должны быть выплачены русскому правительству и затѣмъ Порте не будетъ имѣть ни права, ни надобности участвовать въ распредѣленіи этихъ денегъ. Разобрать степень основательности претензій и опредѣлить нужное вознагражденіе каждому пострадавшему лицу или учрежденію было дѣломъ императорскаго правительства. Возвращеніе капитала русскаго госпиталя Св. Николая ³⁾ въ Перѣ было спеціально выговорено въ первоначальномъ проектѣ договора, но такъ какъ турки опасались, что это послужитъ примѣромъ для благотворительныхъ учреждений католиковъ и протестантовъ и даже для иностранныхъ подданныхъ, потерпѣвшихъ вслѣдствіе банкротства Турціи, то редакція статьи была измѣнена и упоминаніе о госпиталѣ замаскировано общимъ именованіемъ русскихъ учреждений. Турецкіе уполномоченные объявили, что Порта принимаетъ на себя обязательство возвратитъ двадцать тысячъ лиръ, принадлежавшихъ русскому госпиталю, но предпочитаетъ высказать это въ отдѣльномъ письмѣ. Эта предосторожность оказалась излишнею потому, что возвратъ больничнаго капитала включенъ

¹⁾ Несмотря на предусмотрительную предосторожность Игнатъева, графъ Шуваловъ въ Лондонѣ, въ переговорахъ своихъ съ Салисбюри, потерялъ это изъ виду и отказался отъ Баязета, Алашкерта и значительнаго участка, безъ соотвѣтствующаго возвращенія денежнаго вознагражденія, и затѣмъ на Берлинскомъ конгрессѣ наши уполномоченные совѣмъ не воспользовались своимъ правомъ, въ прямой ущербъ Россіи. Мы постепенно сдѣлали уступки Англіи, Австро-Венгріи, Турціи и Румыніи, но соотвѣтствующихъ суммъ или уступокъ не потребовали, допустивъ умаленіе результатовъ войны изъ опасенія борьбы съ Европою. Авт.

²⁾ Предъ войною Игнатъевъ предупредилъ официално турецкое правительство. сославшись на неоконченныя дѣла русскихъ подданныхъ, что рано или поздно они должны быть удовлетворены и что права ихъ, во всякомъ случаѣ, будутъ ограждены. При заключеніи договора Игнатъевъ воспользовался представившимся случаемъ, чтобы достигнуть окончанія старыхъ тяжбъ русскихъ подданныхъ и избавитъ посольство и генеральное консульство въ Константинополѣ отъ нескончаемаго препирательства съ Портою. Авт.

³⁾ Построеннаго и учрежденнаго Игнатъевымъ въ 1874 г. Капиталъ заключается въ турецкихъ процентныхъ бумагахъ, упавшихъ въ цѣнѣ во время войны и даже въ 1876 году. Авт.

въ сумму десяти милліоновъ рублей вознагражденія, которую Порты обязалась выплатить.

«Статья XXI. Статья эта опредѣляетъ подробности, протекшія изъ территоріальныхъ уступокъ въ Азіи.

«Статья XXII. Право покровительства, нами требуемаго для лицъ духовныхъ, паломниковъ и русскихъ монаховъ, возбуждало самыя большія опасенія въ турецкихъ уполномоченныхъ, которые намъ дали замѣтить, что подобное притязаніе возбудило двадцать пять лѣтъ тому назадъ Восточную войну. Они, наконецъ, поняли, что нынѣ рѣчь шла не о грекахъ, подданныхъ султана, но исключительно о природныхъ русскихъ, и что касательно сихъ послѣднихъ мы должны быть поставлены въ то же положеніе, въ которомъ находится Франція и другія державы въ отношеніи къ духовенству и паломникамъ ихъ національностей. Благодаря содержанію этой статьи, учрежденія наши, въ Палестинѣ и другихъ мѣстахъ на Востокѣ нынѣ существующія и имѣющія быть устроенными впослѣдствіи, будутъ выведены изъ того неблагопріятнаго положенія, которое было имъ создано какъ въ отношеніи турецкихъ властей, такъ и греческихъ патріарховъ. Императорское посольство въ Константинополь, а равно и консулы наши могутъ отнынѣ выступить въ ихъ защиту, не испытывая тѣхъ затрудненій, которыя проявлялись въ послѣдніе два года, т. е. послѣ броженія на Востокѣ и возбужденія грековъ и турокъ противъ славянъ.

«Статья XXIII. Всѣ преимущества, предоставленныя торговлѣ и положенію русскихъ подданныхъ въ Турціи, опредѣленныя старыми договорами и общими капитуляціями, возобновлены съ возстановленіемъ силы прежнихъ договоровъ. Нашъ послѣдній торговый трактатъ съ Турціею также возстановленъ, но такъ какъ ему истекаетъ срокъ, то необходимо безотлагательно озаботиться заключеніемъ новаго торговаго договора.

«Статья XXIV. Открытіе проливовъ Босфора и Дарданеллъ во время войны, точно такъ же, какъ и въ мирное время, коммерческимъ судамъ нейтральныхъ державъ и устраненіе фиктивной блокады ¹⁾, приносившей столько вреда нашему морскому побережью и вообще торговлѣ, должны бы встрѣтить сочувствіе всѣхъ морскихъ государствъ.

«Статья XXV. Для очищенія Европейской Турціи назначено три мѣсяца срока, а для Азіатской Турціи шесть мѣсяцевъ послѣ заключенія окончательнаго мира ²⁾. Такимъ образомъ, если дер-

¹⁾ Которую Турцію весьма удобно было практиковать, слѣдуя совѣтамъ англичанъ и считая проливы для насъ закрытыми по желанію Порты. Авт.

²⁾ Игнатьевъ имѣлъ въ виду, съ одной стороны, сохранить за нами право оставить въ Турціи армию нашу, пока всѣ требованія наши не будутъ выполнены, а съ другой стороны, понудить державы, опасавшіяся продолжительности пребыванія русскихъ войскъ въ Турціи, торопить водвореніе окончательнаго замиренія въ Европѣ и въ Турціи. Авт.

жавы будутъ претендовать, что договоръ нашъ съ Портою не можетъ считаться окончательнымъ, то занятіе Турціи нашими войсками должно продолжиться далѣе назначенныхъ сроковъ. Слѣдовательно, затыжки конгресса, которыя кабинеты могутъ возбудить противъ насъ, послужатъ лишь къ продленію пребыванія нашихъ войскъ въ окрестностяхъ Константинополя ¹⁾ и въ Эрзерумѣ.

«Возможно, что подобный результатъ воздѣйствуетъ благотѣльнымъ образомъ на сужденіе кабинетовъ о Санъ-Стефанскомъ договорѣ ²⁾).

«Статья XXVI. Условія пребыванія нашихъ войскъ въ мѣстностяхъ, подлежащихъ возврату Турціи, и порядокъ постепеннаго очищенія оныхъ составляютъ предметъ особаго соглашенія.

«Статья XXVII. Порта обязуется ни подъ какимъ видомъ не преслѣдовать турецкихъ подданныхъ, компрометированныхъ своими сношеніями съ русскою арміею.

«Статья XXVIII. Необходимость уплатить всѣ расходы содержанія военноплѣнныхъ, находящихся нынѣ въ Россіи, пугала турокъ. Въ виду совершеннаго безденежья турецкой казны и невозможности, въ которой она нынѣ находится, заплатить наличными деньгами за произведенные нами расходы, постановлено, что платежи будутъ производиться въ теченіе шести лѣтъ, въ восемнадцать сроковъ, равными суммами.

«Статья XXIX. Русскіе уполномоченные намѣревались вслѣдъ за договоромъ заключить секретный протоколъ, опредѣляющій, что обѣ договорившіяся стороны торжественно обязуются другъ друга взаимно поддерживать для сохраненія неизмѣнными договорныхъ постановленій и не допускать никакого въ нихъ измѣненія безъ предварительнаго соглашенія между собою. Но, получивъ повелѣніе «не умножать предосторожностей до окончательнаго разсмотрѣнія договора», они ограничились тѣмъ, что условились съ

¹⁾ Уѣзжая въ Россію, Игнатъевъ предполагалъ, что, такъ какъ миръ заключенъ и демаркаціонная линия сама собою уничтожается, то войска наши перейдутъ на болѣе здоровыя и выгодныя позиціи, распространяясь влѣво отъ Санъ-Стефано къ Босфору и Черному морю. А в т.

²⁾ Игнатъевъ надѣялся, что желаніе удалить войска наши понудитъ державы какъ можно скорѣе признать заключенный нами договоръ окончательнымъ. Но, разумѣется, для достиженія такого результата необходимо было не выказывать непонятной слабости, сговорчивости и желанія угодить и Англіи, и Австро-Венгріи, и султану, а стоять твердо, неуклонно и рѣшительно на почвѣ договора, ратификованнаго и султаномъ, и государемъ. Слѣдовало ввести тотчасъ войска наши въ Шумлу и Варну и отнюдь не позволять туркамъ строить укрѣпленія вокругъ Константинополя, передъ глазами нашихъ войскъ, а, напротивъ того, подъ предлогомъ здоровья войскъ, размѣстить ихъ на высотахъ Босфора и въ Бѣлградскомъ лѣсу. Министерству же иностранныхъ дѣлъ и представителѣмъ нашимъ за границею не слѣдовало итти навстрѣчу измѣненіямъ Санъ-Стефанскаго договора, а, напротивъ, упорно его отстаивать. Но въ это время у насъ, къ сожалѣнію, все какъ-то дѣлалось противно нашимъ собственнымъ интересамъ и въ угоду нашимъ противникамъ. А в т.

турками, что «договорившіяся стороны будутъ считать себя формально связанными прелиминарнымъ договоромъ съ минуты его ратификаціи». Сверхъ того постановлено, что въ Петербургѣ будетъ опредѣлено время, когда договоренныя условія будутъ облечены въ торжественную форму окончательнаго мирнаго трактата. Отъ императорскаго кабинета, слѣдовательно, зависитъ обратить нашъ прелиминарный договоръ ¹⁾, въ окончательный, ограничившись лишь измѣненіемъ формы трактата и не умаляя содержанія тѣхъ условій, которыя приняты окончательно Портою.

Гр. Н. П. Игнатьевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Когда писалась записка, Санъ-Стефанскій договоръ былъ утвержденъ лишь султаномъ, послѣ же ратификованъ государемъ императоромъ. Авт.

КОШМАРЫ НАЯВУ ¹⁾.

(Изъ человѣческихъ документовъ о мирѣ и войнѣ. Очерки).

Отчего погасъ свѣтильникъ?
Я заслонилъ его своимъ плащомъ, чтобы спасти его отъ вѣтра,—вотъ отчего погасъ свѣтильникъ.

Отчего завялъ цвѣтокъ?
Я прижалъ его къ сердцу съ мучительной любовью,—вотъ отчего завялъ цвѣтокъ.

Отчего высохъ ручей?
Я запрудилъ его плотиной, чтобы пользоваться имъ для себя,—вотъ отчего высохъ ручей.

Отчего лопнула струна у арфы?

Я пытался исторгнуть изъ нея звукъ, который ей былъ не по силамъ,—вотъ отчего лопнула струна у арфы.

Рабиндранатъ Тагоръ
(«Садовникъ»).

За дверью глухою двойные засовы,—
Тамъ стоны и кровь... Мы не слышимъ —
идемъ...

В. Умановъ-Каплуновскій
(«Незримыя преграды»).

I.

Подмижуй.

1.

ВИНЪ подрядчика Глуменкова, Никита, не окончилъ гимназіи и ни къ какому занятію не могъ приспособиться или не хотѣлъ.

Отецъ и рукой на него махнулъ: «Никудашній!.. Другой бы отвернулся и не глядѣлъ вовсе, а онъ нималонисколько... И сердчать не охота—такой у меня смиренникъ, подмижуй... Ругнешь, а онъ хоть бы что... Папашенька да папашенька! Тихоня! Въ братца-покойника, видно...»—добродушно посмѣивался про себя старикъ.

Никитѣ вообще легко жилось.

То уваженъе, какимъ пользовался Сидоръ Тарасовичъ въ уѣздномъ городѣ Южномъ, и сыну приносило извѣстную пользу: ни отъ кого не было отказа ни въ деньгахъ, ни въ поблажкахъ. Денегъ, разумѣется, не дарили, но давали въ дол-

¹⁾ «Кошмары наяву» могутъ служить окончаніемъ ранѣе напечатанныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» повѣстей, рассказовъ и очерковъ: «Пять этажей» (1909,

госрочный кредитъ подъ расписки, считая Никиту главнымъ наследникомъ вдоваго подрядчика, имѣвшаго изрядный капиталъ, но скуповатаго.

И Никита исподтишка кутить, тихонько игралъ въ карты, такъ, чтобъ это не бросалось въ глаза, сладко ѣлъ, вкусно выпивалъ и не задавался никакими серьезными намѣреніями насчетъ будущаго.

Картежничаль до послѣдняго времени сравнительно удачно.

Однако къ осени вдругъ не повезло.

Пріѣхали изъ губернскаго города Чуйскій и Сѣкачъ (по слышкѣ—крупные землевладѣльцы) и быстро подружились съ мѣстнымъ частнымъ ходатаемъ по судебнымъ дѣламъ Трехколеснымъ, не особенно разборчивымъ въ приемахъ защиты.

Какой-то тайный голосъ, правда, предостерегалъ Никиту не садиться съ ними за зеленый столъ, точно смутное подсознанье напередъ предрѣшало грустный исходъ событій, но у Трехколеснаго языкъ, какъ говорится, былъ хорошо подвѣшенъ, и онъ безъ труда сумѣлъ убѣдить молодого Глуменкова попробовать счастье съ новыми посѣтителеми «Южнаго собранія».

О нихъ уже упоминали въ разговорахъ, какъ о необыкновенныхъ удачникахъ.

Въ особой комнатѣ, куда не все допускались, а по непосредственному выбору старшинъ, играли въ «макашончикъ» (какъ нѣжно выражались клубные завсегдатаи).

Никита застѣнчиво пятился назадъ, закрывалъ раскраснѣвшія щеки и отмахивался, а Трехколесный подталкивалъ его и вышучивалъ:

— Экая красная дѣвица! Къ Марьѣ Филипповнѣ ѣздите, съ шансонеточками въ губерніи путаетесь, а приличныхъ господъ чураетесь.

— Те... Бога ради... Еще палашенькѣ передадутъ... Я шитокрыто... И откуда такія свѣдѣнія, право?

— То-то «шитокрыто»!.. Ну, нечего зубы-то заговаривать... Деньжата при себѣ имѣете? Или «яко благъ, яко нагъ, яко нѣтъ ничего»? Конечно же, имѣете! Иначе, какого, съ позволенія сказать, рожна вы въ собраніи-то околачиваетесь? Съ платоническими чувствами, хе-хе?..—и онъ хитро подмигнулъ лѣвымъ глазомъ и какъ-то молодцовато тряхнулъ мелкими завитками жирно напомаженныхъ, черныхъ, какъ смоль, волосъ, а потомъ, пере-

XII), «Изломы жизни» (1910, X), «Вокругъ Петербурга» (1911, V—VI), «Двуногий звѣрь» (1912, VIII—XII), «Съ надломленными крыльями» (1913, X—XI) и «Ужасы города» (1914, VI—XII), составляющихъ отдѣльные звенья въ длинной цѣпи житейскихъ суетъ, которымъ такъ часто довлѣетъ Человѣкъ-Звѣрь въ союзѣ съ госпожой Пошлостью.

Примѣчаніе автора.

ходя въ неожиданный шопоть, спросилъ совершенно просто, точно допрашивалъ свидѣтеля по уголовному дѣлу:—кромѣ шутокъ, сколько у васъ въ карманѣ-то, Никита Сидорычъ? Набирается солидная компанія денежныхъ тузовъ для сраженія... Не мальчишки... Съ ними неловко, вѣдь, сѣсть съ четвертнымъ билетомъ въ рукахъ.

Слова адвоката уже подзадорили Никиту и, видимо, задѣли его за живое.

Онъ захорохорился.

— Какъ съ четвертнымъ! Полтысячи есть... да еще наскребу.

— Ну, и ладно... Я только такъ, по-пріятельски предупредилъ на всякій случай, ежели бы что...

Познакомились.

И Чуйскій, и Сѣкачъ вполне подходили подъ обликъ джентльменовъ.

У перваго было, очевидно, слабое зрѣніе, и онъ носилъ темно-синіе консервы, придававшіе его сухому лицу какую-то мертвенную неподвижность маски.

Зато у Сѣкача быстрые, сѣрые глаза сверкали такими пытливыми огоньками, что, казалось, ничто не могло ускользнуть отъ ихъ пронизывающаго взгляда.

Усѣлись за столъ.

Присоединились еще нѣкоторые члены собранія, мало знакомые Глуменкову.

Никита выигрывалъ.

Трехколесный радостно поздравлялъ его.

Когда страсти значительно разгорѣлись, наступила очередь метать банкъ Чуйскому.

Сидѣвшій противъ него Сѣкачъ приготовлялъ карты и три раза провелъ длиннымъ, выхолненнымъ мизинцемъ, униженнымъ кольцами, по подбородку.

Были большія ставки, и банкометъ трижды выигрывалъ, снимая приличную сумму. Холодная маска лица оставалась, однако, тою же безжизненной, что и раньше.

Никита заволновался.

Значительная часть своихъ денегъ и выигрышныхъ утлыла.

«Этимъ молодцамъ чертовски везетъ»,—пробѣжала у него невольная мысль.

Пришелъ и его чередъ держать банкъ.

Попросивъ сконфуженно минуту перерыва, отправился за подкрѣпленіемъ къ знакомому купцу, сидѣвшему въ буфетѣ.

— Выручите, драгоценный, до зарѣзу нужно три сотенныхъ. Только папашенькѣ ни словечка...

— Эхъ, Никитушка-свѣтъ, играй, да не отыгрывайся. Должокъ за тобой и такъ числится. Никакъ забылъ? Забелъшило въ молодой головушкѣ, а? Нехорошо.

— Что вы, драгоценный!.. Помню... вотъ какъ передъ иконой...

— Ну, что съ тобой дѣлать—бери, коли нужно, полторы сотняги... Себѣ дороже стоитъ... Жалко тебя, а то бы ни за что не далъ. Максимка, ступай сюда! А что же гамбургскіе битки? Смотри, пострѣль, чтобъ этого самаго «гамбургу» и луку совсѣмъ не было. Смекаешь?

Никита вернулся запыхавшійся, извинился и заложилъ въ банкъ половину всего, что имѣлъ при себѣ.

«Можетъ, кривая вывезетъ»,—подумалъ онъ, хотя тайный голосъ продолжалъ и теперь запугивать, и это лишало обычной увѣренности.

Хотѣлъ начать метку, а Сѣкачъ, широко улыбаясь, черезъ столъ просить его одолжить папиросу.

Въ небольшой комнатѣ уже было сильно накурено, и фигуры сидѣвшихъ игроковъ будто тускнѣли и расплывались въ голубоватой дымкѣ.

У Никиты отчего-то кружилась голова. Онъ поборолъ минутную слабость и протянулъ надъ картами серебряный портсигаръ съ инициалами и надписями.

Въ это же самое время Чуйскій вынулъ изъ бумажника сто-рублевку и положилъ ее подъ рукой у Никиты, чтобы размѣнять, и тутъ же незамѣтно опустилъ на приготовленную талію нѣсколько своихъ картъ изъ широкой манжеты, о чемъ-то непридуманно продолжая спорить съ сосѣдомъ.

Все было дѣломъ какой-нибудь минуты, даже меньше.

Начались щедрыя ставки, и въ два удара банкъ былъ сорванъ Сѣкачомъ.

Никита сдѣлалъ еще попытку—заложилъ послѣднюю наличность, но и та сейчасъ же улетучилась.

Влѣдный, съ трясущимися губами, всталъ тогда онъ, обвелъ игроковъ мутнымъ взоромъ (Трехколесный при этомъ потупилъ рѣсницы) и, не сказавъ никому ни слова, поплелся въ буфетъ спросить коньяку, чтобы собраться съ мыслями.

Былъ увѣренъ, что выпивка поможетъ (привычка слабыхъ).

Счастье рѣшительно отвернулось отъ него, и это больше всего пугало. Въ головѣ бродили какія-то неясныя подозрѣнія насчетъ прїѣзжихъ игроковъ и ходатая по дѣламъ, и въ душѣ ощущался горькій осадокъ.

2.

Слышалъ Никита, что отъ «землевладѣльцевъ» многимъ досталось въ тотъ памятный вечеръ, послѣ чего они благополучно поспѣшили уѣхать.

Разбирала злоба.

Тихій при постороннихъ, Никита у себя въ комнатѣ смѣло поднималъ голову, расправлялъ крылья и философствовалъ:

«И какой я несчастный человѣкъ!.. Ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга... Папашенька такой добренькій, а вотъ живетъ себѣ, не умираетъ... Только грѣхъ на душу беру съ такими мыслишками. И куда ему деньги, право? Одна нога въ могилѣ, а, поди, жалко разстаться... Не за что и ухватиться мнѣ... Надъ бездной... Что и придумать?..»

Услыхавъ, что отецъ возвратился домой и поскрипываетъ подошвами, осторожно пріотворилъ дверь къ нему и вошелъ бокомъ. Сразу сталъ какъ-то ниже ростомъ, и выраженіе глазъ перемѣнилось: сдѣлалось до приторности слащавымъ.

— Дозвольте ручку поцѣловать, папашенька. А я къ вамъ съ просьбицей.

Сидоръ Тарасовичъ сухой былъ и жилистый, съ рѣзкими чертами лица, но съ мягкимъ взглядомъ (лишь на первый разъ пугали густые пучки бровей).

— Говори, говори, сынокъ. Что въ голову влѣзло, все выкладывай безъ обиняковъ.

— Вы думаете—денежекъ пришелъ клянчить? Анъ нѣтъ, папашенька, ей-ей правда. Къ занятіямъ опредѣлите. Полно баклуши бить! Скучно безъ дѣла валацаться да къ вамъ за каждымъ рублемъ приставать. У меня тоже совѣсть имѣется.

Говорить и весь ходуномъ ходить, изгибается въ три погибели, улыбка до ушей и глаза смѣются, а взоръ украдкой по угламъ рыщетъ, все высматриваетъ да выуживаетъ.

— Къ занятіямъ? Чудно!.. Удивилъ, Никита!—пріятно удивилъ. Это мы живымъ манеромъ устроимъ. А что насчетъ денегъ—напрасно такъ говоришь. Одинъ ты у меня, для тебя, вѣдь, коплю. Умру, хоть въ двѣ ночи прокути да потомъ и пеняй на себя. Люди—волки, не дадутъ, небось!.. Наплачешься...

Въ концѣ концовъ расцѣловался, обнялъ Никиту и сто рублей подарилъ «на гостинцы».

Сталъ Никита конторскія книги у отца вести, на счетахъ щелкать, въ клубъ почти прекратилъ забѣгать, «чтобы своей репутаціи передъ папашенькой не испортить»; а покучивалъ совѣмъ «шито-крыто», даже Трехколесный ничего не подозревалъ.

Протекло такъ мѣсяца полтора.

Старикъ Глуменковъ не нахвалится сыномъ и началъ къ нему относиться съ большимъ довѣріемъ («Остепенился мальчуганъ»...).

Часто думалъ:

«Налгали мнѣ на сынишку—человѣкъ изъ него выйдетъ».

А тотъ тайныя думы носилъ въ головѣ, какъ бы поскорѣе разбогатѣть, стать самому себѣ господиномъ.

Весенняя пора создавала яркія картины для воображенія.

Какъ-то сидитъ онъ одинъ въ конторѣ и видитъ вдругъ зарево изъ сосѣдней улицы, растеть, разливается горячимъ потокомъ. Привскочилъ, глядитъ, а оттуда уже крики слышны, топоть, звонки пожарныхъ, гудки, показались языки пламени.

Первымъ дѣломъ къ отцу бросился предупредить объ опасности, но никого въ домѣ не было,—очевидно, на пожаръ пошли и самъ старикъ, и слуга Степанъ, и кухарка Христина.

И въ мигъ осѣнило что-то: «надо использовать удобную минуту».

Не нужно было ни фомки, ни сверла, ни отмычекъ,—точно по особому заказу все было подготовлено къ приходу Никиты... И онъ понялъ, что давно этого ожидалъ.

Старикъ подъ вліяніемъ испуга второпяхъ просто-напросто забылъ запереть несгораемый шкапъ и отлучился, вѣроятно, на самый короткій срокъ.

Лежало двадцать пять начекъ по тысячѣ въ каждой, приготовленныхъ, должно быть, для расплаты по подряду.

«Господи, счастье-то привалило! Ужели дуракомъ всю жизнь быть! Да и не воровство это, ежели у папашеньки беру».

Рѣшилъ сперва всё пакки забрать, потомъ раздумалъ и схватилъ десять, запряталъ въ карманы и, оставивъ дверцу шкапа въ томъ же положеніи, въ какомъ ее нашель, войдя въ комнату, съ кошачьей приткостью выбрался безшумно изъ дому, перебѣжалъ дворъ и усѣлся опять въ конторѣ, но ненадолго, понялъ, что такъ не годится. «Не глупый, вѣдь! Смекаю...»

Деньги сунулъ до поры до времени гдѣ-то за грудой бумагъ, а самъ тоже отправился на пожаръ и видѣлъ издали, какъ Степанъ, прихрамывая, озабоченно возвращается домой.

Никита спокойно подошелъ тогда къ отцу, заговорилъ и не разставался уже съ нимъ до вечера, любовно заглядывая въ глаза. Слѣдъ заметалъ!

Старикъ только послѣ ужина замѣтилъ покражу и вмѣстѣ съ сыномъ допрашивалъ Степана, все болѣе и болѣе убѣждаясь, если не въ виновности слуги, то въ соучастіи.

Нарастали улики.

Никита старательно исполнялъ роль строгаго разслѣдователя, и заподозрѣнный Степанъ запутывался въ сѣтяхъ показаній, блѣднѣлъ и терялъ нить доказательствъ, которая казалась ему такой ясной и прямой.

Глуменковъ заявилъ въ полицію.

Пріѣхалъ самъ исправникъ, пріятель Сидора Тарасовича, и, когда тотъ ему что-то возразилъ въ защиту Степана, полковникъ шутливо замѣтилъ:

— Всяка душа властемъ преержащимъ да повинуется, нѣсть бо власть, аще не отъ Бога. А посему помалкивайте, ваше степенство.

Учинили формальный допрос и обыск, но денег, конечно, не нашли, а Степанъ, совершенно сбитый съ толку свалившимся на него великимъ несчастьемъ, взялъ да и повѣсился у себя въ каморкѣ, гдѣ прожилъ около двадцати лѣтъ.

На слѣдующій день, когда свечерѣло, захвативъ десять пачекъ и разсовавъ ихъ по карманамъ, Никита осторожно отправился къ тому мѣсту, гдѣ обыкновенно дежурилъ на площади въ ожиданіи сѣдоковъ его постоянный извозчикъ, Тютюнниковъ.

— Поѣдемъ, Лаврентій, прокатиться.

— Къ Марьѣ Филипповнѣ прикажете?—сказалъ, прищурился и задергалъ вожжами.

— Никуда не надо, а такъ—прогулочку учинимъ, подышимъ чистымъ воздухомъ. Къ тебѣ дѣло есть,—тутъ же прибавилъ вполголоса:—вези туда, гдѣ поменьше народу.

Лукавое лицо Тютюнникова мигомъ подбодрилось.

— Ну, ты, воспа!—прикрикнулъ на лошадку, и пролетка помчалась по тряской мостовой, подпрыгивая и звеня.

Деревья уже просыпались, и гдѣ-то близко благоухали березовыя почки.

Въ липовыхъ сумергахъ не было настоящей тишины, хотя и притихло все; напротивъ, казалось, будто подъ этимъ мнимымъ покоемъ таятся бунтъ вѣчно молодой оживающей природы, готовой каждую минуту сбросить съ себя послѣднія путы недавней зимы.

И кровь бродила... Зарождались странныя, горячія мысли... Подымались робкія, смутныя пока желанья...

Когда пролетка пріѣхала къ пустырю, Никита промолвилъ нерѣшительно и тускло, словно боялся разстаться съ сокровенной думой:

— Ты говорилъ сколько разъ, что все сможешь для меня сварганить въ благодарность, что на ноги тебя поставилъ... Насталъ и твой чередъ... Я, видишь ли, деньги получилъ... выигралъ... но хочу отъ папашеньки припрятать, а то отберетъ... Знаю его!.. Понимаешь?

— Какъ не понять, Никита Сидорычъ! А въ такомъ разѣ примѣрно каковъ капиталецъ будетъ?

— Гм... тысячь десять.

— Десять!.. Мать Пресвятая... Денжищъ-то!..—вскрикнулъ и отъ удивленія развелъ руками, даже кнutomъ чуть не задѣлъ Глуменкова.

— Съ ума спятилъ? Что орешь, дурень! Слушай! Одну тысячу себѣ возьмешь за сохрану и за молчокъ, а девять мнѣ вернешь, какъ только приду за ними. И чтобы никакихъ больше разговоровъ! Понялъ, чай?

— Это съ нашимъ удовольствіемъ, панычокъ... Ни Боже мой!..—медленно, какъ бы съ испугомъ проговорилъ Тютюнниковъ послѣ

минутнаго раздумья, искоса неуверенно поглядывая на Никиту, котораго вообще не считалъ человѣкомъ положительнымъ, такъ какъ онъ иногда по нѣскольку недѣль не платилъ ему за проѣздъ, — и нельзя было разобрать, что скрывалось въ этомъ взглядѣ, — радость передъ наживой, изумленіе, укоръ или скрытая жадность.

Особенной благодарности онъ не выражалъ, точно не ему дѣлали прибыль, а, напротивъ, онъ самъ выручалъ кого-то изъ бѣды.

Да и благодарителемъ своимъ онъ совсѣмъ не считалъ Глуменкова.

«Шалый панычъ чего не придумаетъ!.. На ноги меня поставилъ!.. Ишь ты какой!..»

— Подними два пальца и присягай, что не обманешь, — потребовалъ Никита, не зная, чѣмъ другимъ закрѣпить сдѣлку.

— Вотъ какъ передъ Истиннымъ... ей-Богу... Коли вы не обманете, и я — нѣтъ... Вотъ даже перекрестился, панычокъ... Аминь.

Никита вынималъ пачку за пачкой и отсчитывалъ, а извозчикъ скорехонько припрятывалъ ихъ, потомъ крикнулъ, и пролетка бодро покатила обратно при общемъ молчаньи, тарыхтѣла и позвякивала.

3.

Шли мѣсяцы за мѣсяцами.

Никита все никакъ не могъ рѣшиться взять деньги. Боялся понасться. Этотъ страхъ, какъ постоянный кошмаръ, стоялъ передъ нимъ и днемъ, и ночью.

Ни у кого, впрочемъ, не являлось подозрѣнія, что онъ-то и есть единственный виновникъ таинственнаго похищенія; да и самъ старикъ не думалъ этого, только еще больше поскупѣлъ и какъ-то осѣлъ на ноги, будто подъ постояннымъ гнетомъ какой-то неотвязчивой, тревожной мысли.

Тютюниковъ оставилъ извозъ, открылъ дровяной дворъ, разбогатѣлъ, женился и совсѣмъ походилъ на купца-толстосума. При встрѣчахъ съ Никитой отворачивался или нехотя снималъ шапку, если сталкивался съ нимъ носъ къ носу.

И всякій разъ у Никиты что-то обрывалось въ груди, и онъ не смѣлъ спросить о своихъ тысячахъ. Удерживало что-то, и языкъ прилипалъ къ гортани.

Наконецъ набрался-таки храбрости всему этому положить предѣлъ и, отклнувъ мнительность, отправился къ бывшему извозчику подъ вечеръ, когда было пасмурно и малоллюдно. Шелъ и про себя молился.

Увидѣвъ Тютюникова на улицѣ, приблизился къ нему, первый поклонился съ занскивающимъ взглядомъ и заговорилъ робкимъ, срывающимся голосомъ:

— Хочу покалякать съ тобою, Лаврентій.

— Кому—Лаврентій, а кому—Лаврентій Данилычъ. И въ родствѣ съ вашей милостью мы не состоимъ, такъ что и на *вы* не обидимся, ежели что...

Никиту какъ обухомъ по головѣ ударило отъ такихъ словъ, даже отшатнулся, а потомъ кровь закипѣла, покраснѣлъ весь.

— Эхъ, объ этомъ послѣ, не торговаться пришелъ... Глупости мелешь... безтолочь! Свиныя ты!...—вдругъ опять вспылилъ и почувствовалъ, что горько какъ-то стало во рту, будто полыни попробоваль:—возврати-ка деньги честь-честью, что я тебѣ дамъ, и разойдемся въ разныя стороны, по-божески.

Тютюнниковъ стоялъ, подбоченясь, и усмѣхался веселой и злой улыбкой.

— По-божески?.. А много ли изволили дать-то? Запоматоваль, ваше благородіе.

Ноги подкашивались у Никиты.

— Десять тысячъ, Лаврентій. Коротка память. Ужели забылъ? Десятую себѣ возьми, девять миѣ верни, какъ уговорились... По-клялся ты!.. Восемь верни, шуть съ тобой, лишь бы развязаться-то...

— Премного благодаренъ вамъ. Шутники эти паньчи!.. Э, да что тамъ! Одинъ сказъ: денегъ отъ васъ никакихъ не бралъ и вернуть, значить, нечего. Что зря молоть-то!

Повернулся, чтобъ уйти, но, замѣтивъ искаженное судорогой лицо Глуменкова, остановился и, наклонившись къ самому его уху, зашепталъ, отдавая запахомъ водочнаго перегара, табаку и луку:

— Ежели заявить вздумаете, то ступайте-съ... Мы сами въ участокъ хаживали и насчетъ вашего батюшки, дай имъ Богъ здравьица на многи лѣта, свидѣтельство учинимъ, кто, значить, ихъ кровныя денежки прикарманилъ и душу христіанскую загубилъ. Упокой, Господи, раба твоего Степана!.. Панихиду бы отслужили за упокойничка.

Перекрестился Лаврентій и скорымъ шагомъ, не попрощавшись, пошелъ прочь и захопнулъ за собой калитку.

— А клятву развѣ не помнишь?—крикнулъ ему влѣдъ Никита, и голосъ его задрожалъ и оборвался, какъ у плачущаго ребенка:—Иуда-предатель!.. Иродъ... Чтобъ тебѣ...

Прижавшись къ забору въ глухомъ, холодномъ переулкѣ, стоялъ онъ такой жалкій, растерянный и глоталъ скупыя слезы—стыда, обиды и одиночества...

4.

«Самъ заслужилъ... самъ заслужилъ... самъ заслужилъ...»—весь вечеръ и всю ночь настойчиво раздавались у него въ ушахъ одни и тѣ же навязчивыя слова, такъ что Никита совсѣмъ не могъ уснуть, какъ ни старался.

И жутко было, чуть вспоминалъ висящаго на веревкѣ Степана съ распухшимъ, вывалившимся языкомъ и ужасными глазами муки и смертельной тоски. А воспоминаніе росло и выплывало, заслоня всякія другія думы.

Безмолвіе ночи такъ явственно выдвигало это кошмарное видѣніе. Предательскій лунный свѣтъ, проникавшій въ окно сквозь кружевную занавѣску, творилъ сказочныя чудеса... И Никита, обливаясь потомъ и дрожа, натянулъ на голову одѣяло, чтобы спрятаться отъ страшнаго призрака и докучныхъ мыслей.

Когда луна скрылась за тучи, и пропала въ комнатѣ волшебная игра тѣней,—стало спокойнѣй на душѣ, но тогда новое замѣнило прежній страхъ: поднималась досада, что все сдѣлано напрасно, что безвозвратно погибли деньги, и хотѣлось кричать отъ какой-то внутренней жгучей боли, и клокотать въ груди гнѣвъ на Лаврентія.

«Сплю его со всёмъ добромъ... Пускай помнитъ!..»—съ ненавистью думалъ и кусалъ пальцы отъ безсильной ярости.

Такъ промаялся до утра и всталъ съ измятымъ, мучнистымъ лицомъ и воспаленнымъ взглядомъ.

«Папашенькѣ признаюсь... Каяться буду... упаду на колѣни...»

Но едва переступилъ Никита порогъ отцовскаго кабинета, какъ рѣшимость упала, и съ языка слетѣли не тѣ фразы, которыя затвердилъ наизусть, лежа въ кровати съ закрытыми вѣками.

Пошли разговоры о томъ, о семь, и твердое намѣреніе осталось не исполненнымъ.

«Подлецъ!» сказалъ самому себѣ Никита и на этомъ успокоился до поры, до времени.

Отправился въ клубъ, куда не захаживалъ съ самаго проигрыша «землевладѣльцамъ».

«Развлекусь, а то дурь въ голову полѣзла...»

Были новые посѣтители, которыхъ Глуменковъ еще не встрѣчалъ. Въ одной изъ гостиныхъ сидѣла кучка знакомыхъ, и кто-то высокій, съ просѣдью, съ увлеченіемъ говорилъ; остальные слушали. Никита незамѣтно приблизился и тоже началъ слушать. Никто не обратилъ на него вниманія.

«Вѣрно, охотникъ...»—рѣшилъ Никита о высокомъ господинѣ, а тотъ, между тѣмъ, говорилъ:

— Ну, конечно же, съ вами, друзья мои, отлично, но безъ собаки я—какъ потерянный. Хорошая собака дорогого стоитъ!.. Въ ней я увѣренъ, а гдѣ люди,—тамъ надо зорко оглядываться (хищники!..), да-съ... Вотъ вы послушайте. Въ запрошломъ году наступили изрядно-таки холодные дни послѣ ноябрьской слякоти. Я жилъ за городомъ,—тамъ природа ближе къ человѣку, тамъ всякій ся вздохъ, каждый ея шагъ непременно будутъ замѣчены нами и хоть блѣдный слѣдъ, да оставятъ въ нашей душѣ. Эхъ вы,

городскіе! Толкаетесь у скучныхъ каменныхъ зданій, въ вѣчной погонѣ за чѣмъ-то, въ какомъ-то лихорадочномъ волненіи только и знаете, что спѣшите куда-то, а не замѣчаете, однако, что природа давно очнулась, стряхнула зимнюю спячку, готовится къ новой жизни!.. Ранняя весна—что за прелесть! Выйдешь это поутру, чуть станетъ свѣтать, а жаворонокъ такъ и заливается звонко-презвонко. Въ городѣ, вѣдь, его не услышите, да-съ... Онъ любить деревню, въ особенности пока еще береза въ дремотномъ состояніи и запаховъ своихъ не распустила... Я... того... уклонился немножко... Нужно о зимѣ, а я къ веснѣ перескочилъ...

«Хорошій человѣкъ!»—разсудилъ Никита и впился взглядомъ въ высокаго господина.

— Ну, такъ вотъ, видите ли, вышелъ это я какъ-то передъ сномъ грядущимъ на прогулку съ собаками (двѣ ихъ у меня: Стокъ—молодой, трехлѣтка и старичокъ—Рыжикъ), вдругъ, откуда ни возьмись, большущій песъ. Обнюхалъ меня, хвостомъ повилиалъ и за нами по пятамъ, то обгонить, то отстанеть, то рядомъ поидеть. Не обращаю вниманія. Иду. Нагулявшись, возвращаюсь обратно и хочу запереть у себя калитку передъ самымъ его носомъ («ступай, мошь, восвоеси!»—обычный пріемъ у нашего брата-эгоиста), а онъ какъ завизжить, да такъ жалобно, и въ глаза мнѣ смотреть, точно просить чего-то, даже какъ будто слезы у него блестятъ. Мои собаки не огрызаются, тоже словно сочувствуютъ ему, хвостами помахиваютъ. «Была—не была», думаю. Вернулся, открылъ калитку, впустилъ, разглядываю, какова собака. Эге—типичный гончакъ изъ костромскихъ, должно быть, и хвостъ съ бѣлой кисточкой... Морда—преумная и голосъ—пріятный, переливчатый. Ясно—или отбился откуда-нибудь, или хозяева уѣхали, а его бросили на произволъ судьбы, какъ частенько водится у добродушныхъ русскихъ людей.

«И не то водится... Да ужъ—добродушные!»—пробѣгаютъ обрывки мыслей въ головѣ Никиты.

— Вѣрите ли, завязалась у насъ самая искренняя дружба, какую лишь можно себѣ представить между хитрымъ человѣкомъ и привязчивой собакой, не знающей лжи.

«Хитрый человѣкъ, хитрый!»—шепчетъ Никита, и весь охваченъ волненіемъ.

— Началось, разумѣется, съ поблажекъ. Допустилъ сперва гончака въ сарай, куда и нищу ему ставили, и питье, и солому набросали, чтобы помягче спать. Выйду, бывало, прогуляться, а онъ уже тутъ какъ тутъ, визжить, ласкается, трется у моихъ ногъ и съ такой силой, что иной разъ, право, чуть не упадешь. А мои собаки, видимо, ревнуютъ, огрызаются, чего-то никакъ поделить не могутъ. Бѣда да и только! День изо дня хуже. Жду себѣ, молчу. Кличку придумалъ я гончаку: «Мухтаръ». Много

названій перепробоваль, но ни на одно не отозвался, а какъ сказалъ почему-то: «Мухтаръ»,—такъ онъ и повернулся ко мнѣ мордой и радостно завизжалъ. Ну, значить,—«Мухтаръ» и дѣло съ концомъ! Прошло недѣли двѣ, не больше. Ударили лютые морозы, безспѣжные, съ вѣтромъ. Вспомнить даже холодно. Бр... Вижу—Мухтаръ совсѣмъ оконченъ въ сараѣ. Позвалъ бѣднягу въ кухню на часокъ-другой, а Рыжика и Стока въ комнаты перевелъ. Съ каждымъ днемъ все больше ему чести оказывалъ, купилъ ему ошейникъ, перемѣстилъ окончательно изъ сарая въ домъ. Если онъ въ кухнѣ, другія собаки оставались въ комнатахъ; если онъ въ комнатахъ—тѣ въ кухнѣ,—все дѣлалъ, лишь бы не повстрѣчались, а то грызня неминуемая была бы. Ужъ такіе у нихъ странные нравы! Какъ-то, впрочемъ, не усмотрѣли мои домашніе, и Стокъ набросился на него съ мертвой яростью мстителя, защищающаго свои поруганныя права отъ покушеній непрощеннаго пришельца. Если бы не я,—не вѣдаю, чѣмъ бы окончилось. Я не растерялся и мигомъ сумѣлъ разъединить враговъ. Рыжикъ издали посматривалъ и словно подбадривалъ Стока сердитымъ лаемъ,—то, что называется, «подливалъ масла въ огонь». Послѣ этого я твердо рѣшилъ разстаться съ Мухтаромъ и подарилъ его знакомому охотнику. Тотъ взялъ его на цѣпь и увелъ. Вѣрите, мнѣ стало грустно, когда онъ покорно пошелъ за новымъ хозяиномъ, безпрестанно оглядываясь въ мою сторону. Безъ году недѣлю прожилъ у меня, а такая привязанность! Онъ, вѣдь, у меня пользовался полной свободой, бѣгалъ, куда хотѣлъ, по пяти-шести часовъ и опять возвращался, слушалъ съ перваго слова, все понималъ, едва свисну,—онъ уже здѣсь и ждетъ приказаній. Собака—на рѣдкость. Черезъ дней десять возвращаюсь, какъ всегда, домой со службы около семи часовъ, а моя прислуга стоитъ у воротъ и посмѣивается.

«— Баринъ, а баринъ! Большой прибѣжалъ!

«— Какъ большой? Не понимаю...

«— А Мухтарка! Лежитъ въ гостиной и лапа разбита!

— Вотъ такъ штука,—шестьдесятъ верстъ отмахать! И, главное, по шпаламъ... Гдѣ-то блуждалъ, ногу повредилъ, а все-таки прибѣжалъ, запыхался, голодный, усталый... Молодецъ! Чуть-то какое чертовское! Къ моему привѣтствію отнесся сначала недовѣрчиво. «Знаю, молъ, твою ласку! фальшивая... Снова отдашь меня»,—но на другой же день попрежнему вилялъ хвостомъ и норовилъ лизнуть въ щеку. Нѣкоторое время отдыхалъ, отлеживался послѣ побѣга и завоевалъ у меня новыя права,—спалъ на диванѣ. Слабъ я,—что подѣлаете! Да я не надоѣлъ вамъ, господа? Скоро до самой сути доберусь.

— Говорите, говорите! Мы сгораемъ отъ любопытства,—отвѣтилъ ближайшій сосѣдъ, и всѣ другіе тутъ же поддержали его возгласами:—«говорите, говорите!»

— Квартира моя,—продолжалъ рассказчикъ,—дѣлилась на двѣ половины, такъ какъ собаки оставались непримиримыми, и я самъ тоже словно раздвоился между ними. Невольно казалось мнѣ, что *такъ почему-то нужно*. Опасность кроваваго столкновенія Стока и Мухтара висѣла въ воздухѣ, какъ грозовая туча, но я почему-то медлилъ разстаться со своимъ любимцемъ и, знаете ли, если бы не онъ,—меня, пожалуй, теперь въ живыхъ бы не было, такъ-то!.. Да-съ... Пришлось однажды довольно поздно тащиться домой,—извозчика отпустилъ съ полдороги, хотѣлъ пѣшкомъ пойти ради моціона.

Упоминаніе объ извозчикѣ заставило Никиту вздрогнуть. Онъ нахмурился, но сейчасъ же справился съ собой, закусивъ губу и затрещавъ суставами пальцевъ, и сталъ вслушиваться.

— Мѣстность, гдѣ я тогда жилъ,—сравнительно глухая, особенно по почамъ, да еще зимой. На бѣду и деньги были при мнѣ (не Богъ вѣсть сколько, а все же)! Какъ всегда, понадѣялся на «авось!» Только поворачиваю за уголъ, уже совсѣмъ близко отъ дома, а на меня три тѣни надвигаются. Не успѣлъ и опомниться, какъ, молча, набрасываются, окружаютъ мертвымъ кольцомъ и хватаютъ за руки и шею. Ужасное чувство! Умѣю, вѣдь, боксировать, а такъ растерялся, что все приемы борьбы перезабылъ (смѣхотворно, право!). Куда тамъ бѣжать или сопротивляться! Съежился, замеръ... «Господи!» шепчу. Вдругъ внезапная мысль о Мухтарѣ прорѣзала мозгъ, и, самъ удивляюсь теперь, съ какимъ отчаяньемъ вырвалось у меня:—«Мухтаръ, Мухтаръ, ко мнѣ...»—и свиснулъ пронзительно, съ послѣднимъ порывомъ надежды, всю душу вложилъ въ этотъ свистъ. Къ счастью, ротъ не успѣли зажать... Не догадались!.. Неопытные были. Чтобъ имъ!.. И совершилось, друзья мои, великое чудо: вѣрный песъ, очевидно, поджидалъ меня у воротъ, точно чуялъ бѣду, услыхалъ мой вопль и вихремъ примчался въ минуту какую-нибудь. Ахъ, что было!.. Клубокъ какой-то покатился. Съ воемъ и визгомъ бросили меня мерзавцы, какъ могли только,—разбѣжались, голубчики... Досталось! Чортъ бы ихъ!.. Одинъ такъ и заковылялъ, оставляя на снѣгу кровавые слѣды. Ловко раздѣлалъ ихъ Мухтаръ! Но и ему не сошло это даромъ... да-съ! Кто-то изъ проходивцевъ, убѣгая, должно быть, полосонулъ его ножомъ по горлу... Э, да что тамъ вспоминать! Тяжело... Развѣ у меня будетъ когда-нибудь еще такая собака, какъ Мухтаръ!..

Слушатели еще были подъ впечатлѣніемъ рассказа, а Никита уже выскочилъ впередъ и трясъ руку озадаченному хозяину Мухтара.

— Хорошій вы, славный, хорошій... Благодарю...—и выбѣжалъ изъ клуба, будто спѣшилъ куда-то.

5.

Съ этой поры Никита замѣтно измѣнился, ушелъ въ самого себя, избѣгалъ общества, имѣлъ вообще видъ человѣка, что-то безвозвратно потерявшаго...

Особенно часто вспоминалъ разсказъ, подслушанный въ клубѣ, и задумывался.

«Вотъ ужъ меня не спасалъ бы Мухтарка, да и не присталъ бы ко мнѣ, сразу разнюхалъ бы, что я за фруктъ... Чѣмъ я лучше тѣхъ самыхъ хулигановъ, которыхъ Мухтарка помялъ?.. Они хоть промыселя такой избрали, а я ни за что, ни про что слугу вѣрнаго до веревки довелъ и молчу, какъ проклятый... Пойти бы и сказать папашенькѣ, какой у него сынокъ,—анъ нѣтъ!..»

И дѣйствительно ходилъ, но не говорилъ—храбрости не хватало, боялся животнымъ страхомъ за собственную шкуру.

«А какъ возьметъ да за порогъ вытолкаетъ?..»

Смирался и на нѣкоторое время затихалъ, прятаясь, какъ улитка въ скорлупу.

Ужъ прежде былъ тихоней, въ особенности на глазахъ у отца, а теперь и совѣмъ притихъ—сталъ тише воды, ниже травы. По цѣлымъ днямъ сидѣлъ, не разгибая спины, за папашенькиными бухгалтерскими книгами и счетами, словно почерпалъ въ нихъ своеобразную утѣшительную прелесть.

Иногда, когда опять находило то, чего такъ страшился, исчезалъ, шлялся по улицѣ, гдѣ стояли дровяной дворъ и домъ Тютюникова, обыкновенно на другой сторонѣ передъ окнами, точно предполагая вызвать въ бывшемъ извозчикѣ укору совѣсти. Маячилъ по цѣлымъ часамъ и уходилъ обратно, словно облегчивъ свою душу.

Разъ, правда, вышелъ Лаврентій и, не кланаясь, крикнулъ:

— Кажинный разъ!.. И что попусту валандаетесь? Шли бы къ тятенькѣ, Сидору Тарасычу, да покаялись въ грѣхѣ. Неровень часъ, собаку выпущу изъ воротъ—еще Волчокъ закусаеъ ваше благородіе. Извѣстно, хотишь—не хотишь, а какъ нужно—побѣгнишь.

— Тоже разсказчикъ выискался!—отвѣчалъ пренебрежительно Никита и чувствовалось, что кровь подступаетъ у него къ сердцу горячей волной:—бываетъ, что и медвѣдь по воздуху летаетъ. Небось, совѣсть зазрела? Думаешь, съѣлъ полнуда и живъ покуда?.. Воръ огьявленный и тотъ каторжную совѣсть имѣеть, а у тебя хоть колъ на головѣ теши...

Лаврентій не дослушалъ—ушелъ, рукой махнувъ и хлопнувъ калиткой, и донесся сейчасъ же глухой, сердитый лай собаки и звонъ цѣпи.

«Стращаетъ... дуракъ!»—подумалось Никитѣ.

Но онъ, въ сущности, и самъ не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, зачѣмъ пришелъ сюда и къ чему затѣялъ перебранку съ извозчикомъ, котораго давно, по его мнѣнію, слѣдовало вырвать навсегда изъ памяти и затѣмъ примириться съ непріятной дѣйствительностью.

Хотѣлось крикнуть передъ уходомъ какое-нибудь обидное слово, но удержался, лишь плюнулъ по направленію дровяного двора.

«На папашенькины денежки выстроился проходимецъ... А слѣдовало бы подпалить ночью! Пущай тогда повоетъ по-собачьи... Кажется, спалю... ей-ей, спалю!»

И этотъ мелькнувшій планъ настолько крѣпко засѣлъ въ голову, что ни на минуту не забывался, а, напротивъ, развивался и разрабатывался до мельчайшихъ подробностей.

Ночью разбудить—и тогда вспомнить...

Онъ уже хорошо изучилъ, въ какомъ мѣстѣ забора есть большая щель и что тамъ, за этой щелью, сложены мелкія дрова. Зналъ также, что поздними часами, въ глухомъ переулкѣ, куда этотъ заборъ упирался, трудно кого-нибудь встрѣтить. Когда рѣшимость окончательно созрѣла, Никита выбралъ подходящій пасмурный вечеръ, взялъ что нужно, и отправился на «судъ Божій», какъ самъ называлъ задуманное дѣло.

«Миѣ отмщеніе и Азъ воздамъ»,—своеобразно перетолковалъ онъ священный текстъ:—и никакого тутъ грѣха нѣтъ, ежели отниму то, что самъ ему сдуру отдалъ, положившись на честность. Принялъ волка за овцу... Лишняго не возьмешь, а кожу сдереть. Съ такими не слѣдуетъ миндальничать. Папашенька хоть самъ не изъ аристократовъ, однако постоянно говорить: «Не дай Богъ свинѣ рогъ, а мужику панства...» Точно про Лаврентія поговорки сложили»...

Быстро шелъ, и думы за думами такъ и кружили въ возбужденномъ мозгу.

Въ спертой духотѣ чувствовалась гроза.

Весь день стоялъ сухой и жаркій, и природа будто искала выхода изъ этого мертваго затишья.

Издали надвигалась черная туча; изъ нея уже поблескивали огненные зигзаги молній, но грома не было слышно и зловѣщая тишина казалась отъ этого еще страшнѣе.

Съ возможными предосторожностями завернулъ Никита въ переулокъ, отыскалъ щель и оглянулся.

Было полное безлюдье; только собака Лаврентія, точно ощущая чью-то непріязненную близость, гдѣ-то въ сторонѣ лаяла и визжала, позвякивая цѣпью.

«Чуетъ, вѣдь!.. На Мухтарку похожа, значить... А ежели оборвется да на меня?»

Послышалсь шаги... потомъ замерли...

Молнія опять сверкнула, и стало еще темнѣе.

Вынулъ Никита дрожащей рукою пузырекъ съ керосиномъ, обмочилъ платокъ и просунулъ въ щель, положивъ его на торчащее полѣно, чиркнулъ спичкой, поломалъ, снова чиркнулъ и дрожащій огонекъ съ возможной осторожностью приблизилъ къ платку. Сквозь щель блеснуло пламя, и очень скоро затѣмъ послышалось легкое потрескиваніе высохшаго дерева.

«Взяло... клюнуло...»

Оглянулся—никого, какъ и раньше. Пузырекъ съ остаткомъ керосина тоже протолкнулъ въ щель и слышалъ, какъ онъ упалъ и разбился.

Рѣшилъ было остаться, но непреодолимый страхъ вдругъ охватилъ все его существо, и онъ бросился отъ этого мѣста туда, гдѣ люди, чтобы снова вернуть себѣ прежнее хладнокровіе. Началъ накрапывать мелкій дождь и гдѣ-то недалеко уже гремѣло и освѣщалось небо въ разныхъ направленіяхъ красными и лиловыми вспышками.

«Вотъ и аминь... все дождикомъ зальетъ... Тучку бы, тучку пронесло мимо!.. Ахъ кабы, право!.. Неужли терпѣть до гроба и такъ-таки ничѣмъ не отплатить лиходѣю!.. И земля держитъ, ничего ей»...

Мелкія капли дождя падали скупо и черезъ нѣсколько минутъ совсѣмъ прекратились; очевидно, туча проходила дальше, только слегка задѣвъ городъ.

Никита прошагалъ по улицамъ довольно долго и забрелъ, усталый, въ увеселительный садъ «Южный берегъ Крыма».

Въ закрытомъ театрѣ подъ звуки танго извивались двѣ пары, принимая томныя позы.

Исполнители имѣли успѣхъ, и всѣ, кромѣ Глуменкова, бѣшено аплодировали и кричали: «браво!»

Никита еле дождался конца и вышелъ, какъ пьяный.

Голова кружилась, и какой-то клубокъ подкатывалъ къ горлу.

«Еще разрыдаюсь, чего добраго. Чортъ меня возьми! За что ни возьмусь—все срывается...»

Молнія утихла, и небо мѣстами вызвѣздѣло, но изъ-за деревьевъ и садовыхъ павильоновъ виднѣлось какое-то отдаленное зарево.

Никита не отдавалъ себѣ отчета, гдѣ оно, и хотѣлъ усѣсться за столикъ и спросить пива, но его взоръ перехватилъ ходатай по дѣламъ Трехколесный и, по своему обыкновенію, хитро подмигивая, подскочилъ сейчасъ же вертлявой походкой.

— А, любезный тихоня, и вы тутъ налицо? Эге!.. Опять «шитокрыто»? Сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались, за руку не держались!.. Что жъ вы одинъ, безъ мамзели? Хе-хе... А то бы при по-

жарномъ освѣщеніи этакъ кренделькомъ вдоль аллеи вздохомъ... весьма даже эффектно! и пикантно...

Никиту передернуло отъ такихъ словъ.

— Я, собственно, не совсѣмъ въ толкъ возьму-сь, на какой это вы пожаръ изволите намекать, драгоценный мой?

— Какъ на какой? Святая простота! На вотъ этотъ самый... Не угодно ли полюбоваться. Синьоръ, вы никакъ съ отдаленной планеты? Развѣ не слышали: дровяникъ Тютюниковъ горить... и, говорятъ, не застраховалъ по скаредности и темнотѣ мѣщанской. Да вы что поблѣднѣли, любезнѣйшій? Мужчина съ виду, а нервы истрепаны, какъ у истеричной бабенки. Хуже всего, что огонь сосѣднимъ домамъ угрожаетъ.

Глуменковъ еле справился съ волненіемъ.

— Отъ панашенькинаго дома далеко?—только и могъ онъ выговорить, заикаясь.

Трехколесный смѣрилъ его удивленнымъ взглядомъ и расхохотался, широко открывая ротъ.

— Ахъ, вотъ вы отчего переполошились? Чудагъ!.. Стало быть, хоть весь міръ пропадай—лишь бы панашенькинъ домъ уцѣлѣть? Правильно! Примѣрный сыночекъ у родителя... Только позвольте... Я все нюхаю и не понимаю... По какой-такой причинѣ отъ васъ нынче керосиновый духъ исходить? За женою лавочника приволонкнуться вздумали? Подозрительно!..

— Зачѣмъ придирайтесь-то?—разсердился вдругъ Никита, ища предлога поскорѣе отдѣлаться отъ назойливаго адвоката:—разъ ко всякому состраданію имѣете, то и пошли бы съ Богомъ заливать пожаръ, а вы прохлаждаетесь межъ нами, какъ архіерей межъ нами... Такъ-то-сь... Ну, и насчетъ керосину-сь неизвѣстно, почему приехали... Можно сказать—ни къ селу, ни къ городу-сь... Гм... гм... А я все же пойду-сь... Спокойной ночи желаю.

Поклонился и пошелъ.

Трехколесный, при всей своей находчивости, даже не нашелся, что отвѣтить, и пожалъ плечами, ехидно посмѣиваясь ему вслѣдъ, и тутъ же подумалъ:

«Саврасъ... Никакого обхожденія не понимаетъ».

6.

Когда Никита добрался до пожара, то и глазамъ своимъ не повѣрилъ.

«Не я тутъ виной, не я!.. Судь Божій, судь... Одинъ человекъ не сможетъ такъ сдѣлать... Судь Божій...»—шепталъ онъ дрожащими губами и крестился, снявъ сѣрую, полотняную шляпу.

Было что-то стихійное въ томъ разрушеніи, которое произвелъ шальной огонь.

Всѣ постройки Лаврентія, огромная площадь, занятая дровами и досками, сосѣдніе дворы другихъ владѣльцевъ,—все это было залито бушующимъ моремъ пламени.

Выскакивали со свистомъ и шипѣньемъ зловѣщіе, огненные столбы; тутъ же раскаленные головни, благодаря поднявшемуся вѣтру, перебрасывались въ разныя стороны, разсыпая миллионы искръ, и пылающая бездна напоминала чудовищную печь, готовую поглотить всю округу.

Пожарныя команды, уѣздная, городская и земская, были на ногахъ. Пріѣхали на помощь и любители изъ вольныхъ дружинъ. Принималъ участіе въ тушеніи и народъ.

Потомъ пригнали роту солдатъ.

Невообразимый гулъ, крики, звонки, гудки, ржанье лошадей и лай собакъ соединялись въ одинъ страшный звукъ, пугающій уже издалека.

— А собачку спасли?—приставалъ Никита къ первымъ попавшимся, вспоминая, что у Лаврентія жила во дворѣ цѣпная собака, Волчокъ, и въ его расширенныхъ зрачкахъ отражался ужасъ какой-то тайны.

— Тутъ и людей-то, казалось, не всѣхъ спасли, а не то, что шавку.

— А развѣ собака не такая же Божія тварь? Сообрази-ка, что говоришь!—горячился Глуменковъ и отъ волненія весь ходункомъ ходилъ.

— Да оно, конечно... и собака—тварь... Можетъ, и спасли, баринъ... Эхъ, жисть наша—аржаная каша!

— «Можетъ... можетъ...» Развѣ это по-христіански! Отъ краю до краю всѣмъ добра желаю, а чтобъ сдѣлать это—ни-ни... —не успокаивался Никита, будто мечталъ словами поправить дѣло.

— А собака никакъ ваша, что такъ убиваетесь?—спросилъ кто-то изъ толпы:—навѣрняка вырвалась... Лѣтомъ, извѣстно, всякій кустикъ ночевать пустить. А коль сгорѣла—такъ сгорѣла. Туда и дорога. Умираетъ не старый, а поспѣлый. Чередъ, значитъ, пришелъ и—баста.

— Гляди-ка, самъ исправникъ на лисапетѣ!—торопливо перебилъ говорившаго чей-то голосъ, и толпа отхлынула отъ Никиты, уступая мѣсто новымъ любопытнымъ.

«Вотъ, кажется, такъ и упалъ бы на колѣни и покаялся: суди меня, окаяннаго, честной людъ! Согрешилъ передъ Богомъ и передъ тобой! Но суди и того, кто душу мою вымоталъ и довелъ до преступленія...»

Такъ поминутно разсуждалъ Глуменковъ, то смотря на пожаръ, то прислушиваясь однимъ ухомъ къ бѣглымъ разговорамъ.

— Не иначе, какъ молніей зажгло, али цыгарку кто бросилъ...

— Никого дома не было. Самъ Лаврентій Данилыч за лѣсомъ укатилъ верстѣ за сорокъ. То-то сюрпризець застанеть... не дай Боже!...

— Жена Лаврентьева съ дитей въ деревнѣ... Ребята разбрелись кто-куда. Волчокъ весь дворъ сторожилъ, заливался лаемъ. Пожарные еле отвязали... спасли бѣднягу, а то бы изжарился... Уже цѣнь докрасна накалилась...

— Ну, положимъ, это—брехня. Еслибъ накалилась—и собакѣ капуть, а Волчокъ по улицѣ рыскаль, искаль хозяина... я самъ видаль.

«Живъ Волчокъ, живъ!.. Словно камень свалился съ души, а съ Лаврентіемъ насъ Богъ разсудить,—Богъ!..»

И Никита отправился домой ровными, бодрыми шагами, точно ничего особеннаго не произошло и будто не онъ еще такъ недавно каялся въ душѣ и готовъ былъ упасть на колѣни передъ народомъ. Ничего не чувствовалось, кромѣ усталости, смѣнившей возбужденіе.

Слышались раскраснѣвшіеся глаза отъ долгаго и пристальнаго смотрѣнія на огонь.

Поть лиль градомъ.

Никита шель, обмахиваясь шляпой, и никакой жалости къ Лаврентію не имѣль въ сердцѣ. Было одно непреодолимое желаніе—покрѣпче выспаться.

Востокъ давно розовѣль, и приближалось тихое, теплое утро.

Обернулся—мигающее зарево еще стояло позади, но значительно ослабѣло. Вѣроятно, догорали послѣдніе остатки зданій и дровъ; должно быть, дальше пожаръ не двинулся, такъ какъ и вѣтеръ при-молкъ, и пожарные бились изо всѣхъ силъ, чтобъ одолѣть могучій натискъ огня.

7.

Протекло нѣсколько недѣль, какихъ-то тусклыхъ, пустыхъ. Никита хорошо сознаваль, сколько имъ пережито за послѣдніе два-три года.

«Во-первыхъ, увороваль у панашеньки малую толику; во-вторыхъ, взвалиль вину на чужія плечи и этимъ способствовалъ самоубійству Стенушки, друга сердечнаго; въ-третьихъ, обманулъ въ мерзавцѣ Лаврентія; въ-четвертыхъ, Мухтарку пожалѣль, хотя и не зналь этой вѣрной собаки: въ-пятыхъ, долго носилъ сладкую мечту о мести и спалиль-таки душегуба проклятаго, а съ нимъ неповинныхъ людей, Господи прости; въ-шестыхъ, обрадовался, что Волчокъ не сгорѣль, а живъ остался, хотя Лаврентій и недостойнъ этого благороднаго сторожа; въ-седьмыхъ и послѣднихъ, ежечасно питаль и питаю надежду—покаяться и передъ папашенькой, и

передъ честнымъ людомъ православнымъ, а силы-то и не хватаетъ... Не всякому дается».

Однажды увидѣлъ Тютюнникова, оборваннаго, испитого, съ лицомъ звѣря, и опустил глаза, когда тотъ странно усмѣхнулся и прошелъ мимо, ничего не сказавъ.

Кажется, оба поняли другъ друга...

И злобы уже не было противъ Лаврентія: осталось все въ прошломъ, а прошлое смыто огненной волной.

Только въ душѣ какое-то маленькое мѣстечко не могло никакъ примириться съ дѣйствительностью. Нѣтъ-нѣтъ, да и давало себя чувствовать. И это чувство росло съ каждой ночью больше и больше и наполняло все существо Никиты, мѣшало ему забыться здоровымъ сномъ, а днемъ опять стыдливо пряталось, уступая свою жертву житейскимъ заботамъ.

Точно невидимый червь, подтачивающій корни дерева, подтачивалъ и его съ той же убійственной послѣдовательностью.

Нужно было рѣшиться—предпринять что-нибудь такое, чтобы душу облегчить. Безъ этого жизнь становилась невмоготу.

Сидѣть за бухгалтерскими книгами да щелкать на счетахъ, притворяться передъ «папашенькой»—опротивѣло до мозга костей, такъ что по временамъ поднималась безотчетная ненависть ко всему рѣшительно, и Никита старался тогда не глядѣть на отца,—иначе взглядъ выдалъ бы его съ головой,—вѣдь мысли одиѣ были: «Живеть старикъ... Чего добраго, и меня переживетъ!»

Глуменковъ-сынъ исхудалъ, поблѣдѣлъ, смотрѣлъ какъ-то вкось, ежеминутно оглядывался, словно боясь погони или невидимаго свидѣтеля.

Глуменковъ-отецъ только дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ этого, а на самомъ дѣлѣ давно уже наблюдалъ за сыномъ и приписывалъ перемѣну, происшедшую съ нимъ, неудачной любви, но пришелъ къ заключенію, что лучше оставить его въ покоѣ и ждать, пока время сведетъ концы съ концами.

«Пускай его образуется!»—думалъ про себя и также грустить, также по ночамъ вздыхалъ и томился. «Свихнулся паренекъ».

Такъ они жили изо дня въ день, каждый по-своему, и не находили въ себѣ достаточной рѣшимости переступить раздѣляющую грань и облегчить другъ друга признаньемъ и близкимъ участиемъ къ судьбѣ другого.

Въ ихъ молчаливомъ страданьи было что-то трагическое.

И вдругъ произошло нѣчто совсѣмъ неопредѣленное, измѣнившее весь кругозоръ, перевернувшее весь строй тихой обывательской жизни, начинавшей напоминать стоячее болото.

И это *нѣчто* была война...

Давно ея ждали, но именно не тогда, когда она пришла. И даже не знали, съ кѣмъ будутъ воевать.

«Вѣроятно, за сербовъ заступаемся»,—предполагало большинство, услыхавъ о мобилизаціи.

Уѣздный городъ Южный, какъ стоящій въ сторонѣ отъ политическихъ и общественныхъ движеній, городъ старины, еще не успѣвшій страхнуть съ себя нѣкоторой отсталости понятій, естественно, не былъ подготовленъ къ разыгравшимся міровымъ событіямъ.

Железнодорожная станція Южная, находящаяся въ 3—4 верстахъ отъ города, стала вдругъ, волею судебъ, узловымъ пунктомъ, черезъ который двинулись безконечные воинскіе поѣзда.

Благодаря этому, пассажирское сообщеніе временно тоже прекратилось. Замедлились и почтовые отправленія.

Газеты и письма задерживались и разносились почтальонами по разу въ день, да и то къ вечеру. Частныя телеграммы не принимались безъ оговорокъ, что отправители не будутъ имѣть претензій въ случаѣ несвоевременной ихъ доставки. И онѣ дѣйствительно шли наравнѣ съ письмами. Словомъ, все приняло необычайный видъ.

Даже позакрывались пивныя и «казенки».

18-го и 19-го іюля выступили мѣстныя полковыя части, и весь городъ высыпалъ на улицы—поглазѣть и посплетничать, покривать прощальныя привѣтствія и помахать платками.

Любимой музыки не было, и хотя это лишало проводы привычной торжественности, но зато и придавало картинѣ шествія молитвенную трогательность священнослуженія, напоминающую забытые обычаи предковъ. Строгія, задумчивыя лица мелькали безконечной цѣпью.

— Прощайте, братики! Возвращайтесь съ побѣдой!

— Ура!..

— Христось съ вами, соколики!..

— А битесь-то съ кѣмъ будутъ, родненькій,—съ япономъ аль съ туркой?

И всѣ возгласы сливались со стукомъ копытъ, съ мѣрнымъ шагомъ пѣхоты, съ шумомъ и скрипомъ колесъ артиллерійскихъ орудій и разносились по улицамъ, смѣшиваясь съ чириканьемъ птицъ и съ другими поющими и звенящими звуками теплаго іюльскаго вечера, говорящаго скорѣй о безмятежномъ покоѣ, чѣмъ о враждѣ и битвѣ народовъ.

Солнце заходило, и въ небѣ играли яркія краски.

Были изумительные свѣтовые контрасты, такъ что зрители невольно придавали имъ особое, символическое значеніе.

Одинъ мигъ казалось, напимѣръ, будто конница скачетъ въ заревѣ багроваго пожара.

— Ой, много человѣческой крови, много крови прольется!—шептали суевѣрные уста дряхлой старухи.

А вотъ облачныя кружева сложились наподобіе воскрылій, и можно было различить золотистыя тѣни, напоминающія ангеловъ съ трубами.

— Глядите, благословляютъ нашихъ-то защитниковъ! Ой, страда будетъ великая, а съ честью выйдемъ, сокрушимъ нехристей... ей-ей, такъ, какъ Богъ святы!

Уже поблекли закатныя огни, а вдали все еще виднѣлась въ пыльной дымкѣ ползущая лента уходящихъ войскъ. Доносились урывками и казацкая пѣсня.

Потомъ все стихло. Точно ничего и не было. Словно въ кинематографѣ промелькнула сценка изъ походнаго быта.

Но осталось надолго острое воспоминаніе, и на другой же день, когда жители города Южнаго узнали, наконецъ, что Россія начинаетъ войну съ Германіей, а затѣмъ, вѣроятно, и съ Австріей,—сдѣлалось вдругъ такъ грустно, что многимъ изъ ушедшихъ вчера, ставшимъ такими близкими, родными, быть можетъ, не суждено вернуться обратно... И въ душѣ поднималось негодованье противъ кичливаго врага, дерзнувшаго взбудоражить міръ и дать волю инстинктамъ первобытнаго звѣря.

8.

Черезъ Южный погнали цѣлыя табуны лошадей, признанныхъ годными для военныхъ надобностей, затѣмъ двинулись безконечныя вереницы запасныхъ то пѣшкомъ, то на телѣгахъ.

Шли, шли безъ конца отъ ранняго утра до поздняго вечера и одну недѣлю, и другую...

Многіе изъ постоянныхъ жителей поуѣзжали вслѣдствіе призыва. Зато пощахали случайныя, новыя, какъ присланныя въ мѣстный лазаретъ для освидѣтельствованія, такъ и для пополненія воинскихъ частей взамѣнъ ушедшихъ на войну.

Никита съ болѣзненнымъ вниманіемъ наблюдалъ изъ окна конторы за жизнью улицы Широкой, служившей главной соединительной вѣткой, ведущей къ вокзалу.

И съ каждымъ днемъ въ Глуменковѣ все больше и больше созрѣвала рѣшимость—уйти вслѣдъ за этими толпами безвѣстныхъ людей,—уйти отъ прежней жизни, отъ всего того, что угнетало и мучило тяжелыми кошмарами, лишая сна въ долгія тревожныя ночи.

Хотѣлось не громкаго подвига, а незамѣтнаго, чтобы въ боевомъ крещеніи смыть навсегда пятно позора.

И мысли кружили въ головѣ однѣ и тѣ же, какъ вчера, такъ и сегодня.

«Украль, обезчестилъ невиннаго, поджегъ... обезчестилъ невиннаго, украль, поджегъ... украль... украль...»

Нужно было чѣмъ-нибудь сильнѣйшимъ отвлечь навязчивыя думы и сумѣть найти если не оправданье своимъ поступкамъ, то по крайней мѣрѣ хоть самопрощенье. Но сейчасъ же врѣзывался клиномъ животный страхъ смерти:

«А если убьютъ? или, еще хуже,—замучаютъ?.. Что же, пускай! Неужели лучше, ежели Лаврентій уличить и къ папашенькѣ придеть да все выложить?... Охъ, съ него станется... Придетъ!.. Вижу по его рожѣ. Третьёводни столкнулись. Такъ и вытаращилъ буркала».

Всю ночь проходилъ по комнатѣ, прислушиваясь, не ломится ли въ двери Лаврентій, такъ и спать не ложился; уже подь самое утро присѣлъ и, уронивъ голову на столъ, забылся на нѣкоторое время тяжелымъ сномъ.

Явился къ отцу рано, когда тотъ едва всталъ, и былъ Никита съ лицомъ помятымъ, но выражающимъ непоколебимую рѣшимость и удивительное спокойствіе духа.

— Что съ пѣтухами, сынокъ, поднялся?.. Чудно!—сказалъ, посмѣиваясь, старикъ:—ну, говори, говори! Рѣдко просишь... Говори!.. Доволенъ тобою: баклушъ не бьешь, книги въ порядкѣ...

— Я, папашенька, ничего не ищу, кромѣ одного: желаю за родину животъ свой положить. Благословите.

— Да, вѣдь, тебя не возьмутъ—единственный ты у меня!—изумился Сидоръ Тарасовичъ и даже посѣрѣлъ какъ-то, хотя глаза на мигъ внезапно зажглись, словно просіяли, и у густыхъ бровей легла мягкая складка.

— Ежели вы разрѣшите, папашенька, я телеграмму Царю-батюшкѣ пошлю. Отказа не будетъ-сь. На передовыя позиціи хочу. Чѣмъ я хуже иныхъ прочихъ? Въ развѣдчики-добровольцы либо что другое. А вдругъ крестикъ георгіевскій схвачу? Лестно...

Подумалъ старикъ, покачалъ головой, за ухомъ почесалъ, потомъ отвернулся, слезу вытеръ и принялъ снова, какъ всегда, серьезный, озабоченный видъ.

— Съ Богомъ, сынокъ,—съ Богомъ! У насъ говорится: куплено пшено—такъ дѣло рѣшено. Шли телеграмму и въ путь, но не засиживайся тамъ, въ окопахъ-то... замерзнешь! Повоюй и обратно. Съ кѣмъ-я-то останусь?.. Ну, благословляю, благословляю... хвалю... Молодецъ! Ступай!..

И Никита сталъ готовиться къ отъѣзду, но никому объ этомъ не говорилъ, боялся, что до Лаврентія дойдетъ слухъ и онъ каверзу какую-нибудь учинить.

Ожиданье измочалило его, а вѣчная боязнь еще болѣе разстроила нервы.

Наконецъ получилось радостное извѣстіе, и Никита въ качествѣ добровольца выѣхалъ изъ Южнаго въ дѣйствующую армію, оставляя позади всѣ кошмары и страхи, не давашіе ему покоя столько времени.

9.

Моросилъ холодный, частый дождь.

Въ окопахъ отъ постоянныхъ ливней вода совсѣмъ не просыхала, такъ и стояла громадными лужами, а подъ ними валялись доски набросанныя и кирпичи, по которымъ осторожно пробирались солдаты изъ одного конца въ другой.

По бокамъ тянулись поля съ примятымъ, не убраннымъ хлѣбомъ и жалкія развалины сожженной деревни съ одиноко торчащими печными трубами и обуглившимися бревнами.

Еще недавно здѣсь жили въ домашнемъ уютѣ, работали, любили, можетъ быть, были счастливы или несчастливы, но во всякомъ случаѣ пользовались настоящимъ и надѣялись на будущее. Вѣра въ лучшее согрѣвала и поддерживала силы... И вдругъ все стало прошедшимъ, невозвратнымъ!

Нужно было все бросать, къ чему привыкъ, съ чѣмъ сжился, и съ жалкими пожитками безъ оглядки тащиться — куда глаза глядятъ, безъ гроша за душой, въ непредѣльную даль, лишь бы не попасться въ руки непріятеля — грубаго и алчнаго, съ низкими страстями, не признающаго никакой святости...

Все было разграблено имъ и увезено, гдѣ онъ проходилъ, постройки были преданы огню и разрушенію.

Но вотъ насталь и для врага судный день: русская пуля «нащупала» его берлогу.

По линіи солдатъ раздавалось уже сухое пощелкиванье затворовъ, и вновь все затихало, затѣмъ затрещали выстрѣлы, зажужжала свинцовая саранча, загрохотали пушки.

Все небо избороздилось яркими зигзагами, точно молніями, а вслѣдъ за ними отвратительно завывли гранаты и, вертясь волчкомъ, стали падать, коварно умолкая, словно пытаясь обмануть кого-то. Въ клубахъ черноватаго дыма и пламени разворачивалась грудь земли, какъ могила, и оттуда вылетали острые куски стали, неся смерть и увѣчье.

Нѣмецъ долго не сдавался и отвѣчалъ на выстрѣлы выстрѣлами, пока не дрогнули передовые ряды, а едва дрогнули — началась суматоха.

И когда, преслѣдуемые русскими штыками, бросились въ паникѣ бѣжать со всѣхъ ногъ, нелѣпо кидая оружіе, было что-то дикое и въ самомъ ихъ бѣгѣ, и въ звѣриныхъ крикахъ тупого отчаянія.

Казалось, самъ ужасъ встрѣчалъ ихъ на кровавомъ пути, протирая впередъ желѣзныя лапы.

Никита Глуменковъ съ непривычки чувствовалъ себя разбитымъ.

Неоднократно приходилось ему ночевать подъ дождемъ, лежа на землѣ со скатанной шинелью подъ головой.

Руки его заскоружили, обвѣтрилось лицо, и прежнія думы какъ будто перестали тревожить.

Онъ высунулъ голову за брустверь и сосредоточенно смотрѣлъ вдаль, прислушиваясь къ выстрѣламъ, долетавшимъ изъ-за лѣса, гдѣ скрывались послѣдніе остатки нѣмецкаго отряда.

— Что ты? сдурѣлъ?—послышался внизу голосъ товарища:— разстрѣляютъ, какъ Сидорову козу. Вотъ она, «марфутка», вылетѣла!.. Визжить, проклятая.

Никита не отвѣчалъ и упрямо продолжалъ вглядываться въ какую-то точку, откуда что-то бѣжало по направленію къ окопамъ. Стрѣльба опять усилилась.

Загорался лѣсъ багровыми отвѣтами.

Земля содрогалась отъ лошадинаго топота и стука человѣческихъ ногъ.

«Да это собачка!.. Мухтарка какой-нибудь, заброшенный, голодный, ищетъ хозяина... А онъ, поди-ка, гниеть уже въ ямѣ»...— подумалъ Глуменковъ, и все слышанное когда-то въ клубѣ настолько сроднилось съ нимъ, что вспомнилось ему теперь, какъ свое собственное, точно Мухтаръ былъ его собакой и точно она спасла отъ нападенія хулигановъ не другого кого, а именно его самого.

И Никита еще болѣе высунулся, стараясь ее приманить.

— Какъ есть дуракъ!—въ сердцахъ крикнулъ опять товарищъ и потащилъ его за ногу, но въ эту минуту раздался чмокающій звукъ пули, впивающейся въ тѣло, и Никита, не проронивъ ни одного слова, какъ-то неестественно взмахнулъ руками, наклоняясь въ сторону, и повалился въ ровъ, какъ тяжелый мѣшокъ, брошенный кѣмъ-то сверху.

Никитинъ товарищъ перекрестился.

— Я жъ ему говорилъ! Не сдюжалъ... Ну, прощевай покудова. Эхъ, миляга!

Между тѣмъ вблизи раздавалось уже оглушительное «ура»! Побѣда была одержана послѣ упорныхъ семидневныхъ боевъ, и русскія войска вели плѣнныхъ, тащили пулеметы, обозъ, и среди этихъ трофеевъ виднѣлось непріятельское знамя. Раненые и убитые валялись цѣлыми горами.

Мелькали санитары и сестры милосердія.

Священникъ напутствовалъ умирающихъ.

Мертвые молчали.

Живые жаждали отдыха...

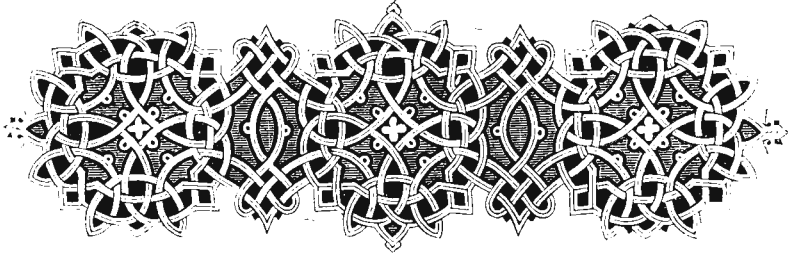
Посинѣвшее лицо Никиты было совершенно спокойно.

Такъ и казалось—онъ скажетъ сейчасъ:

— Папашенька, вы правы: холодновато въ окопахъ. Ежели что—я и назадъ приѣду и Мухтарку съ собой прихвачу... правда!..

В. Умановъ-Наплуновскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ БЫВШАГО СУДЕБНАГО ДѢЯТЕЛЯ.

I.

ВОЛЖНОСТНЫЯ лица судебного вѣдомства всегда завалены работой. Несмотря, однако, на свой тяжелый трудъ, они любятъ свое вѣдомство, любятъ потому, что судейскій трудъ — почетный, и потому, что имъ приходится имѣть дѣло не съ бумагой, а съ живыми людьми. Сколько передъ ними житейскихъ драмъ протечетъ! Съ какими только всевозможнаго рода типами имъ не приходится столкнуться! Зато ни у кого не можетъ быть такого большого количества воспоминаній, какъ у лицъ судебного вѣдомства.

Во время отдыха, собираясь въ своемъ тѣсномъ кружкѣ, судейскіе, конечно, больше всего говорятъ о своихъ дѣлахъ. Сначала передаются подробности какого-нибудь интереснаго съ юридической точки зрѣнія или съ бытовой стороны дѣла. Потомъ отъ дѣлъ переходятъ къ отдѣльнымъ лицамъ. Разказы льются одинъ за другимъ. Почти каждый имѣетъ въ запасѣ какой-нибудь курьезный случай.

Я долго служилъ по судебному вѣдомству. За это время много интересныхъ дѣлъ и лицъ прошло передъ моими глазами. Не мало пришлось мнѣ и слышать разныхъ воспоминаній. Кое-что я записалъ, но много чего, къ сожалѣнію, забылъ. Удержались въ памяти больше всего разныя анекдотическія происшествія.

Старикъ, служившій при министрѣ юстиціи графѣ Паленѣ, всегда отзывался о немъ, какъ о человѣкѣ неподкупно-честномъ,

благородномъ, рыцарскаго характера, любившемъ правду и никогда ни при какихъ обстоятельствахъ не стѣснявшемся прямо высказать правду. Въ то же время ни о комъ другомъ не сложилось такъ много анекдотическихкихъ воспоминаній, какъ о немъ.

Графъ Паленъ былъ убѣжденъ, что онъ большой знатокъ человѣческой души и что поэтому онъ при первой же встрѣчѣ можетъ разгадать человѣка. По этому поводу рассказываютъ о слѣдующемъ случаѣ.

Какъ-то лѣтомъ на вокзалѣ въ ожиданіи поѣзда графъ Паленъ гуляетъ по перрону съ сигарой во рту. Къ нему подходитъ какой-то молодой человѣкъ съ сигарой въ рукахъ, почтительно кланяется и проситъ позволенія закурить. Графъ Паленъ вынимаетъ сигару изо рта, стряхиваетъ пепель и протягиваетъ ее молодому человѣку. Тотъ закуриваетъ и благодаритъ за одолженіе. Въ это время графъ Паленъ замѣчаетъ на немъ фуражку судебного вѣдомства.

— Вы служите въ судебномъ вѣдомствѣ?—задаетъ вопросъ графъ Паленъ.

— Такъ точно, ваше сіятельство.

— Какую занимаете должность?

— Судебный слѣдователь такой-то губерніи, уѣзда, такого-го участка.

— И вы знаете, кто я такой?

— Знаю, ваше сіятельство. Вы министръ юстиціи.

— И несмотря...?!

— Несмотря...

— Какъ ваша фамилія?

— Такой-то.

Графъ Паленъ вынимаетъ изъ бокового кармана записную книжку и записываетъ.

На слѣдующій же день графъ Паленъ потребовалъ дѣло о службѣ этого судебного слѣдователя. Отзывы непосредственнаго начальства были о немъ хорошіе.

— Въ какомъ городѣ имѣется вакантная должность товарища прокурора?—спросилъ онъ у директора отдѣленія по личному составу.

— Вы хотите назначить его на должность товарища прокурора, но онъ еще мало служилъ, — замѣтилъ директоръ.—Вѣроятно, кто-нибудь ходатайствовалъ?

— Никто мнѣ о немъ ничего не говорилъ. Я самъ случайно встрѣтился съ нимъ и лично удостовѣрился, что онъ будетъ отличнымъ товарищемъ прокурора. У него замѣчательный апломбъ.

Молодой человѣкъ оправдалъ выборъ графа Палена, былъ хорошимъ служакою и скоро получилъ повышеніе.

II.

Въ другомъ случаѣ графъ ошибся въ своемъ выборѣ.

Окончивъ курсъ въ одномъ изъ высшихъ привилегированныхъ заведеній, молодой человѣкъ поступилъ на службу, причислившись къ департаменту. У него были большія связи и хорошія средства. Одѣвался онъ элегантно. Случайно, идя на службу, онъ у подъѣзда зданія министерства юстиціи встрѣтился съ графомъ Паленомъ. Онъ приподнял цилиндръ и раскланялся. Графъ Паленъ любезно отвѣтилъ на поклонъ, внимательно разсмотрѣвъ фронта. Молодой человѣкъ, узнавъ, что графъ Паленъ ежедневно ходитъ на прогулку въ опредѣленные часы, сталъ каждый день попадаться ему навстрѣчу и раскланываться. Въ шестой или седьмой разъ онъ встрѣтилъ графа Палена вмѣстѣ съ директоромъ департамента. На поклонъ молодого человѣка отвѣтилъ и директоръ.

— Вы его знаете? Кто это?—спросилъ министръ.

— Причисленный къ нашему министерству такой-то,—отвѣтилъ директоръ.

— Очень приличный молодой человекъ. Сколько онъ получаетъ содержанія?

— Пока ничего не получаетъ.

— Назначьте его помощникомъ столоначальника.

Встрѣчи и поклоны не прекращались, и скоро изъ помощниковъ молодой человѣкъ сталъ столоначальникомъ. Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ, и молодой человѣкъ, благодаря своимъ связямъ, получилъ званіе камеръ-юнкера.

Однажды на одномъ изъ придворныхъ баловъ всеобщее вниманіе обращено было на замѣчательно роскошное и богатое шитье камеръ-юнкерскаго мундира. Подходили, разсматривали и восхищались.

— Какіе въ вашемъ вѣдомствѣ элегантные и приличные молодые люди служатъ, ваше сіятельство,—сказалъ, подходя къ графу Палену одинъ изъ генераловъ:—какой у него великолѣпный мундиръ!

— Мнѣ уже говорили о мундирѣ. У кого это?

— У вашего служащаго такого-то. Да вотъ и онъ. Взгляните.

Графъ подошелъ къ камеръ-юнкеру и узналъ въ немъ интересовавшаго его молодого человѣка. Графъ Паленъ былъ польщенъ. Онъ любезно протянулъ руку своему подчиненному и сказалъ, что онъ имъ очень доволенъ. Ловкій столоначальникъ воспользовался случаемъ и сказалъ, что у него будетъ просьба.

— Съ удовольствіемъ исполню ваше желаніе.

— Извините, ваше сіятельство, но я васъ ловлю на словѣ. Вы обѣщаете исполнить мою просьбу.

— Я никогда не отступаю отъ даннаго мною слова,—гордо отвѣтилъ графъ Палень:—если сказалъ, значить, исполню.

На слѣдующій день камеръ-юнкеръ явился къ министру.

— Чего вы просите?

— Прошу назначить меня на должность прокурора окружнаго суда.

— Прокуроромъ!—изумился графъ Палень:—сразу это невозможно. Я назначу васъ товарищемъ прокурора, а затѣмъ, впослѣдствіи, вы будете и прокуроромъ.

— Я желаю теперь же получить должность прокурора. Вчера, ваше сіятельство, обѣщали сдержать слово.

— Да, я далъ слово. Хорошо. Вы будете назначены,—со вздохомъ отвѣтилъ министр.

Директоръ департамента пришелъ въ ужасъ, узнавъ о рѣшеніи графа Палена.

— Что дѣлать?! Я самъ сознаю, что это невозможно, но я попался. Я долженъ назначить его прокуроромъ. Я далъ слово.

Назначенный въ одинъ изъ городовъ, юный прокуроръ сталъ держать себя высокоомѣрно. Съ товарищами прокуроровъ онъ обращался не какъ со своими помощниками, а какъ съ канцелярскими служителями. Безъ приглашенія они не имѣли права къ нему приходить, являться могли только въ форменномъ вицъ-мундирѣ и своихъ взглядовъ или мнѣній по дѣламъ не должны были имѣть. Говорилъ онъ съ ними только по дѣлу и въ частные разговоры не вступалъ. Вспоминая бывшаго прокурора, обращавшагося съ ними любезно и по-товарищески, товарищи прокурора, какъ люди, жившіе только на получаемое содержаніе, вздыхали потихоньку и изъ боязни потерять службу безпрекословно исполняли суровыя требованія сердитаго и недоступнаго прокурора.

Однажды прокуроръ уѣхалъ куда-то по дѣламъ службы. Временно исполнялъ его обязанности одинъ изъ товарищей прокурора, который въ этотъ день принималъ участіе въ распорядительномъ засѣданіи окружнаго суда. Засѣданіе приходило уже къ концу, какъ вдругъ неожиданно явился прокуроръ. Обмѣнявшись привѣтствіями, онъ сѣлъ и засѣданіе продолжалось. Начался докладъ очереднаго дѣла. Прокуроръ сердито взглянулъ на товарища прокурора.

— Почему вы позволили себѣ сѣсть безъ моего разрѣшенія и не уходите, когда я здѣсь.

— Господинъ товарищъ прокурора записанъ въ журналъ засѣданія, какъ дающій заключеніе,—заступился предсѣдатель.

— Теперь я буду давать заключеніе,—отвѣтилъ прокуроръ:—вы же убирайтесь вонъ!—крикнулъ онъ товарищу прокурора.

Оскорбленный товарищъ прокурора быстро ушелъ изъ залы засѣданія, сообщилъ о случившемся своимъ товарищамъ и сѣлъ

писать прошеніе объ отставкѣ. Тогда остальные четыре товарищи прокурора рѣшили тоже уйти. Всѣ впятеромъ подписали одно прошеніе и послали.

Узнавъ объ этомъ случаѣ, графъ Паленъ причислилъ всѣхъ товарищей прокурора къ департаменту министерства юстиціи и командировалъ ревизора. Ревизіей было установлено неумѣлое и не тактичное поведеніе прокурора. Онъ былъ уволенъ.

Товарищи прокурора, получивъ свѣдѣніе объ увольненіи прокурора, тотчасъ же заявили о своемъ желаніи продолжать службу, но имъ было въ этомъ отказано. Графъ Паленъ, хотя и признавалъ, что они были правы, но не могъ простить имъ того, что они подали общее прошеніе, а не каждый отдѣльно.

На всѣ ходатайства и просьбы о назначеніи ихъ, хотя бы въ другой городъ, графъ Паленъ отрицательно кивалъ головой и говорилъ только одно слово: «коллективно!»

Только по истеченіи года они постепенно стали получать назначенія.

III.

Въ числѣ товарищей прокурора окружнаго суда былъ одинъ баронъ. Это былъ корректный, порядочный человекъ, прекрасный товарищъ. Держалъ онъ себя съ большимъ достоинствомъ. Написалъ онъ какъ-то не особенно удачно обвинительный актъ. Тѣмъ не менѣе прокуроръ нашелъ его удовлетворительнымъ и представилъ прокурору судебной палаты. Прочитавъ этотъ актъ, прокуроръ палаты подчеркнул карандашомъ какую-то фразу и на поляхъ написалъ: «Глупость! Передѣлать!» Случайно баронъ увидѣлъ возвращенный для передѣлки обвинительный актъ и прочиталъ замѣтку. Онъ очень оскорбился. На слѣдующій же день отъ имени барона явились къ прокурору судебной палаты два секунданта съ вызовомъ на дуэль. Прокуроръ палаты отвѣтилъ имъ, что онъ не можетъ драться съ подчиненнымъ и что вообще дуэли воспрещены закономъ. На это секунданты заявили, что товарищъ прокурора уйдетъ въ отставку и что, по его убѣжденіямъ, онъ нанесенное ему оскорбленіе можетъ смыть только кровью. Впрочемъ, имъ дано полномочіе заявить, что баронъ возьметъ свой вызовъ обратно, если ему будутъ принесены извиненія въ присутствіи прокурора и его товарищей. Прокуроръ палаты обѣщалъ подумать и далъ отвѣтъ черезъ день.

На слѣдующій день онъ поѣхалъ къ графу Палену. Послѣдній уже зналъ объ этомъ инцидентѣ, но сдѣлалъ видъ, что ему ничего неизвѣстно. Доложивъ о нѣкоторыхъ дѣлахъ, прокуроръ палаты началъ говорить и по поводу этого случая.

— Есть еще одно непріятное происшествіе, которое поставило меня въ затруднительное положеніе. Просматривая обвинительный актъ, я сдѣлалъ отмѣтку, можетъ быть, немного рѣзкую. Товарищъ прокурора узналъ объ этомъ. Онъ оказался черезчуръ впечатлительнымъ и вспыльчивымъ и поэтому прислалъ мнѣ вызовъ на дуэль...

— А, понимаю,—перебилъ его графъ Паленъ:—вы находитесь въ затруднительномъ положеніи потому, что не можете найти секундантовъ. Я съ удовольствіемъ готовъ быть вашимъ секундантомъ. Попросите еще кого-нибудь быть вторымъ секундантомъ.

Возвратившись отъ министра юстиціи, прокуроръ палаты пригласилъ къ себѣ обиженнаго барона и извинился передъ нимъ въ присутствіи прокурора и его товарищей.

IV.

Въ одной изъ газетъ почти ежедневно стали появляться рѣзкія статьи противъ окружныхъ судовъ. Указывая на разные промахи и недостатки въ судебныхъ процессахъ, авторъ не стѣснялся и бранью. Графъ Паленъ сначала не обращалъ вниманія на эти выпады, но такъ какъ они все продолжались, сталъ возмущаться. Узнавъ объ этомъ, градоначальникъ пріѣхалъ къ графу Палену и предложилъ выслать журналиста изъ Петербурга.

— Нѣтъ, высылать не нужно,—запротестовалъ графъ Паленъ.— Вы лучше сдѣлайте ему внушеніе.

Послѣ полученнаго внушенія журналистъ пріѣхалъ къ графу Палену и былъ имъ принятъ. Журналистъ по поводу напечатаннаго имъ принесъ извиненія, и графъ Паленъ отвѣтилъ, что онъ противъ него ничего не имѣетъ.

— Къ тому же,—добавилъ, уходя, журналистъ,—я писалъ только о судахъ. Вашего же имени я ни разу не упомянулъ и васъ не ругалъ.

— Что!?—крикнулъ графъ Паленъ:—только попробуйте! Ментально пулю въ лобъ!...

V.

Вообще, когда графъ Паленъ бывалъ въ дурномъ расположеніи духа, съ нимъ надо было говорить очень осторожно и умѣло.

Однажды въ числѣ другихъ просителей явился на пріемъ служившій по назначенію отъ правительства въ одномъ изъ захолустныхъ уѣздныхъ городовъ Сѣверо-Западнаго края мировой судья. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ духовной семинаріи, и поэтому у него осталась привычка говорить витіеватымъ слогомъ.

Графъ Паленъ въ этотъ день былъ чѣмъ-то разсерженъ. Нахмуренный, онъ подошелъ къ просителямъ и сталъ выслушивать ихъ. Дошла очередь и до мирового судьи.

— Мировой судья такой-то, — представился онъ.

— Что такое мировой судья! — сердито проговорилъ графъ Паленъ: — какой губерніи, уѣзда, участка?

Мировой судья несдержанно пожалъ плечами. Графъ Паленъ вспыхнулъ и закусилъ губы.

— Такой-то губерніи, такого-то уѣзда и участка.

— Что вамъ угодно?

— Въ теченіе пяти лѣтъ, среди скученнаго еврейскаго населенія, не покладая рукъ и игнорируя отпусками, я, пренебрегая здоровьемъ, неусыпно работалъ. Въ виду столь продолжительной, добросовѣстной и полезной дѣятельности въ одной и той же должности, я счелъ себя въ правѣ ходатайствовать о предоставленіи мнѣ высшихъ ступеней по іерархической лѣстницѣ.

— А не желаете ли вы низшихъ ступеней вотъ по этой лѣстницѣ! — быстро проговорилъ графъ Паленъ, указывая на выходную дверь.

VI.

Слѣдующій случай указываетъ, какъ графъ Паленъ не почувствовалъ переходу его служащихъ въ другое министерство.

Сынъ одного изъ крупныхъ чиновъ Высочайшаго двора воспитывался въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія. Деньги за его ученіе вносились изъ собственныхъ средствъ государя императора.

Когда воспитанникъ былъ въ послѣднемъ классѣ училища, умеръ его отецъ. Сдавъ экзамены, юноша сталъ раздумывать, въ какое министерство поступить на службу. Получивъ, кромѣ училищнаго, еще и домашнее блестящее образованіе и владѣя въ совершенствѣ иностранными языками, онъ рѣшилъ поступить въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Когда онъ обратился къ занимавшему видный постъ въ этомъ министерствѣ старому знакомому его отца, тотъ прежде всего спросилъ, какими онъ обладаетъ матеріальными средствами. На отвѣтъ, что послѣ смерти отца остались лишь долги, сановникъ сказалъ, что въ такомъ случаѣ о поступленіи въ его министерство и думать нечего, такъ какъ онъ будетъ чувствовать себя очень неловко среди товарищей, принужденныхъ вертѣться въ высшемъ обществѣ и поэтому тратящихъ болѣе или менѣе крупныя суммы. Не рекомендуя такимъ образомъ поступленіе на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ, онъ посоветовалъ поступить въ министерство двора.

Молодой человѣкъ отправился на новыя хлопоты, которыя на этотъ разъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Ему была обѣщана долж-

ность съ хорошимъ содержаніемъ. Однако ему было указано, что съ ходатайствомъ о переводѣ его онъ долженъ обратиться въ министерство юстиціи, въ которомъ онъ, какъ окончившій курсъ наукъ въ училищѣ правовѣдѣнія, долженъ былъ прослужить четыре года.

Молодой человѣкъ отправился прямо къ министру юстиціи графу Палену.

На общемъ приѣмѣ графъ Паленъ, выслушавъ просьбу молодого человѣка, вспылить:

— Это неблагодарность! Это гадость!—сказалъ онъ.—Вы воспитывались подвѣдомственнымъ министерству юстиціи учрежденіемъ и поэтому должны отблагодарить его своею службою, а не переходить въ другое министерство.

Молодой человѣкъ отвѣтилъ, что онъ желаетъ служить вообще на пользу Россіи и что и въ другомъ министерствѣ онъ надѣется оказать услуги правительству.

— А на чей счетъ вы воспитывались?

— Не на казенный счетъ, а на средства, отпускаяшіяся изъ министерства двора, въ которое я намѣренъ поступить и такимъ образомъ отблагодарить его своею службою.

— Это другое дѣло. Дайте прошеніе.

Черезъ двѣ недѣли графъ Паленъ испросилъ высочайшее соизволеніе на переводъ молодого человѣка въ министерство двора.

Способный и трудолюбивый юный чиновникъ былъ оцѣненъ начальствомъ и быстро повышался по службѣ.

Черезъ четыре года ему по дѣламъ службы пришлось быть у графа Палена. Послѣдній сейчасъ же узналъ его.

— А, это вы, тотъ молодой человѣкъ, который не захотѣлъ служить въ министерствѣ юстиціи,—сказалъ онъ.—А какое вы получаете содержаніе?

Получивъ отвѣтъ, графъ Паленъ задумался.

— Если бы вы остались на службѣ въ министерствѣ юстиціи, вы въ настоящее время получали бы вдвое меньше,—откровенно заключилъ онъ.

Доказательствомъ того, насколько графъ Паленъ былъ добръ и отзывчивъ на обращенія къ нему просьбы, если онъ видѣлъ, что проситель говоритъ правдиво и откровенно, можетъ служить слѣдующій случай.

Молодой человѣкъ былъ назначенъ на должность судебного слѣдователя въ глухой уѣздный голодь. Желѣзной дороги вблизи не было. Скука была невыносимая. Общества, кромѣ нѣсколькихъ чиновниковъ, не было. Развлеченіемъ была водка и игра въ карты. Къ водкѣ молодой судебный слѣдователь по своей натурѣ чувствовалъ инстинктивное отвращеніе, но отстать отъ окружающей его среды у него не было достаточно воли. Онъ сталъ пить коньякъ, къ

которому сталъ привыкать и безъ котораго вскорѣ не могъ обходиться.

Однажды онъ призадумался и, подводя итоги своей жизни въ захолустьи, испугался. Онъ немедленно испросилъ отпускъ и поѣхалъ въ Петербургъ.

Протекціи у него никакой не было. Поэтому онъ рѣшилъ обратиться прямо къ графу Палену.

— Ваше сіятельство,—сказалъ онъ ему:—я прошу перевести меня на ту же должность судебного слѣдователя въ губернской городъ. Если я останусь еще нѣкоторое время въ этой глуши, я сойбюсь. Пьяницей я никогда не былъ, но уже теперь я пью черезчуръ много коньяку. Еще немного, и я стану отчаяннымъ пьяницей.

Такая откровенность понравилась графу Палену. Онъ зорко оглядѣлъ просителя, понялъ, что передъ нимъ стоитъ вполне порядочный молодой человекъ, котораго начинаетъ заѣдать среда, и рѣшилъ спасти его.

— Вы будете переведены,—коротко объявилъ онъ.

Въ самомъ непродолжительномъ времени молодой человекъ былъ переведенъ въ губернской городъ. Съ тѣхъ поръ не только коньяку, но и вообще спиртныхъ напитковъ онъ никогда больше не пилъ.

Вблизи Александринскаго театра существовалъ въ тѣ времена театръ «Буффъ», въ которомъ шла французская оперетка. Наслаждаться игрой Жюдикъ и другихъ опереточныхъ знаменитостей ходилъ весь высшій классъ общества. Посѣщалъ иногда спектакли и графъ Паленъ.

Однажды общій хорошій ансамбль нарушила какая-то вновь выступившая второстепенная актриса. Въ публикѣ раздалось сначала шиканье, а потомъ и свистъ.

Корректнаго графа Палена свистъ этотъ покоробилъ. Съ недовольнымъ видомъ онъ сталъ осматривать публику. Глаза его остановились на какомъ-то сидѣвшемъ во 2-мъ ряду приличномъ молодомъ человекѣ, который въ этотъ моментъ свистнулъ.

Прошелъ годъ. На должность прокурора одного изъ провинціальныхъ судовъ былъ назначенъ одинъ изъ товарищей прокурора. Графъ Паленъ пожелалъ его увидѣть.

На слѣдующій день товарищъ прокурора явился на приемъ. Едва только графъ Паленъ взглянулъ на него, какъ мгновенно вспыхнулъ.

— Какъ! это вы?—крикнулъ онъ.—Вы свистунъ, а не прокуроръ!..

Проговоривъ эти слова, графъ Паленъ быстро ушелъ. Товарищъ прокурора назначенія не получилъ и перешелъ на службу въ другое министерство.

Графъ Паленъ всѣми силами старался возвысить судебное вѣдомство. Особенно большое значеніе онъ придавалъ власти прокуроровъ и ревливо слѣдилъ за дѣйствіями прокурорскаго надзора при столкновеніяхъ съ административной властью.

Одинъ изъ прокуроровъ въ веселой компаніи кутнулъ однажды въ загородномъ саду Егарева. Вечеръ закончился скандаломъ и составленіемъ полицейскаго протокола, въ который попало и имя захмелѣвшаго прокурора. Утромъ, протрезвившись, прокуроръ вспомнилъ о скандалѣ и сейчасъ же поѣхалъ къ градоначальнику просить не давать дальнѣйшаго движенія протоколу. Узнавъ объ этомъ, графъ Паленъ немедленно уволилъ прокурора.

— Я увольняю васъ не за то, что вы произвели буйство въ публичномъ мѣстѣ и нарушили общественное спокойствіе,—объяснилъ графъ Паленъ явившемуся къ нему съ повинной прокурору:— а за то, что вы недостаточно себѣ усвоили и не понимаете значенія прокурорской власти, унизивъ ее просьбой, обращенной къ чину полиціи.

VII.

Припоминаю еще разсказъ объ одномъ неприятомъ случаѣ, бывшемъ съ графомъ Паленомъ. Разсказалъ мнѣ объ этомъ очевидецъ, бывший жандармскій офицеръ. Хотя случай этотъ и не можетъ служить къ характеристикѣ личности графа Палена, но онъ самъ по себѣ интересенъ.

Въ 1876 году была первая демонстрація у Казанскаго собора. Полиція ничего не знала о подготовляющейся демонстраціи и поэтому блистала своимъ отсутствіемъ. Когда народъ сталъ выходить изъ собора, внезапно сконцентрировалась небольшая группа, человекъ въ пятнадцать-двадцать. Впереди шель мастеровой Потаповъ, семнадцати лѣтъ, съ краснымъ флагомъ, рядомъ съ нимъ еврейка Шефтель, и остальные слѣдовали за ними. Съ площади они направились на Невскій проспектъ. Не успѣли они пройти нѣсколько шаговъ, какъ навстрѣчу имъ попался артельщикъ, который съ трудомъ несъ на головѣ большую люстру. Артельщикъ шель прямо по торцовой мостовой и не уступалъ дороги. Тогда Шефтель подскочила къ нему и ударила его въ лобъ кастетомъ. Артельщикъ пошатнулся, люстра упала и разбилась. Артельщикъ съ крикомъ бросился на Шефтель, сшибъ ее съ ногъ и сталъ таскать за волосы. Сотоварищи Шефтель бросились къ ней на помощь, но публика приняла сторону артельщика. Мгновенно образовалась громадная толпа. Прибѣжало четыре городовыхъ, которымъ съ помощью публики удалось арестовать Потапова, Шефтель и еще человекъ семь. Городовымъ съ трудомъ удалось вырвать изъ рукъ остервенившагося артельщика Шефтель, у которой онъ космачи

вырывалъ волосы, такъ что впослѣдствіи она предстала передъ судомъ въ чепчикѣ.

Первоначальное дознаніе производилось чинами петербургскаго жандармскаго управленія. Черезъ нѣсколько дней министръ юстиціи графъ Паленъ пожелалъ взглянуть на арестованныхъ демонстрантовъ. Его сопровождали чиновникъ особыхъ порученій и чины жандармскаго корпуса. Когда онъ подошелъ къ Потапову, производившій дознаніе майоръ сказалъ: «Это тотъ, который несъ красное знамя». Графъ Паленъ, взглянувъ на тщедушную фигуру Потапова и его неинтеллигентное, маловыразительное лицо, вѣроятно, пожалѣлъ это пущечное мясо. Какъ бы отвѣчая на свои мысли, онъ произнесъ:

Какой глупый мальчишка!

— Не вамъ судить о моемъ умѣ,—неожиданно крикнулъ Потаповъ съ злымъ выраженіемъ лица.

— О, да онъ очень дерзкій!—сказалъ графъ Паленъ и ушелъ. Демонстранты по приговору суда были сосланы на поселеніе.

VIII.

Описывая, какъ нѣкоторымъ лицамъ удавалось получить повышение по службѣ, благодаря смѣлости, не могу не вспомнить случая, когда одинъ изъ судебныхъ слѣдователей не получилъ назначенія вслѣдствіе растерянности и трусости.

Министръ юстиціи Муравьевъ обыкновенно выходилъ къ ожидавшимъ его въ пріемной комнатѣ просителямъ съ цѣлою свитой. Впереди шелъ онъ, за нимъ товарищъ министра, потомъ директоръ департамента по личному составу и, наконецъ, чиновники особыхъ порученій. Просители стояли, выстроившись полукругомъ.

Однажды явился на такой пріемъ проситься на должность товарища прокурора пріѣхавшій изъ провинціи судебный слѣдователь, мало знакомый съ петербургскими порядками. Торжественность шествія и присутствіе многочисленныхъ начальствующихъ лицъ произвели на него подавляющее впечатлѣніе, и онъ почувствовалъ трусливую первную дрожь. Когда министръ началъ подходить по порядку отъ одного къ другому, онъ услышалъ, какъ одинъ изъ стоявшихъ съ нимъ рядомъ спросилъ у другого шопотомъ:

Кто идетъ вслѣдъ за министромъ?

— Товарищъ министра,—послышался отвѣтъ.

Этотъ отвѣтъ глубоко засѣлъ въ головѣ нервничавшаго судебного слѣдователя. Министръ между тѣмъ къ нему приближался. Вотъ наконецъ и передъ нимъ остановился.

— Судебный слѣдователь такого-то окружнаго суда такой-то.

— О чемъ ходатайствуете?

— Я явился просить ваше высокопревосходительство о назначеніи меня на должность товарища министра,—дрожащимъ голосомъ проговорилъ судебный слѣдователь.

Муравьевъ улынулся.

— Вотъ на вашу должность просится,—насмѣшливо сказали онъ, повернувшись къ товарищу министра.

Вѣдный судебный слѣдователь окончательно растерялся, густая краска залила его лицо, и онъ не въ состояніи былъ проговорить больше ни слова. Муравьевъ постоялъ еще секунду на мѣстѣ и затѣмъ направился къ слѣдующему просителю.

Судебный слѣдователь должности товарища прокурора не получилъ.

IX.

Сухіе формалисты и буквоѣды, обращающіе вниманіе больше на внѣшность, чѣмъ на сущность дѣла, производятъ всегда гнетущее впечатлѣніе на кипящихъ живою дѣятельностью лицъ судебного вѣдомства. Къ сожалѣнію, хотя и рѣдко, но и среди начальствующихъ лицъ судебного вѣдомства встрѣчаются люди, которые не замѣчаютъ, что предварительное слѣдствіе произведено идеально и что обвинительный актъ составленъ умѣло и литературно, а все свое вниманіе обращаютъ на обложку, на цвѣтъ бумаги, на почеркъ и, самое главное, на знаки препинанія. Малѣйшее отступленіе отъ рекомендованной наказами формы сейчасъ же служитъ поводомъ къ возвращенію дѣла для дополненія и исправленія. Въ архивахъ окружнаго суда можно найти дѣла, гдѣ въ обвинительныхъ актахъ имѣются удивительныя исправленія; напримѣръ, во фразахъ: «поэтому и на осн. 201 ст. Уст. Уг. Суд. такой-то подлежитъ суду окружнаго суда», зачеркнуто слово «поэтому» и надписано «посему». Въ инструкціи чинамъ прокурорскаго надзора, составленной министромъ юстиціи Муравьевымъ, стоитъ слово «посему», и слово «поэтому», по мнѣнію формалиста, являлось вольнодумнымъ отступленіемъ.

По поводу такого формальнаго отношенія къ дѣлу могу передать слѣдующій рассказъ.

Одинъ директоръ департамента, строго слѣдившій за правильностью знаковъ препинанія, получилъ для подписи какую-то бумагу, уже подписанную начальникомъ отдѣленія. Прочитавъ, онъ ея не подписалъ и возвратилъ начальнику отдѣленія. Одна фраза была подчеркнута карандашомъ, и на поляхъ стояла замѣтка: «Я полагаю, что послѣ слова «было выяснено» передъ словомъ «что» слѣдуетъ поставить запятую». Начальникъ отдѣленія, возмущенный такой формалистикой, подъ этой замѣткой сдѣлалъ надпись: «Для начертанія вашимъ превосходительствомъ послѣ слова «выяснено» запятой съ моей стороны препятствій не встрѣчается», и опять послалъ бумагу директору департамента.

По поводу отгѣтокъ на поляхъ бумаги могу рассказать еще слѣдующій случай.

Въ Сенатѣ по дѣламъ пишутся заключенія, которыя посылаются для просмотра сенаторамъ. Обыкновенно по цѣлому ряду простыхъ, шаблонныхъ дѣлъ заключенія эти цѣликомъ переходятъ въ опредѣленія Сената. Одинъ вновь назначенный сенаторъ сталъ на поляхъ такихъ заключеній дѣлать замѣчанія. Черезъ нѣкоторое время онъ убѣдился, что его замѣчанія въ опредѣленія Сената не попадаютъ.

— Скажите, пожалуйста,—спросилъ онъ у помощника оберъ-секретаря:—что вы дѣлаете съ моими замѣчаніями, которыя я пишу карандашомъ.

— А мы ихъ стираемъ резинкой,—отвѣтилъ бойкій помощникъ оберъ-секретаря.

X.

Съ удовольствіемъ слушается и съ интересомъ читается чья-нибудь краснорѣчивая и талантливая рѣчь, но она потомъ какъ-то скоро забывается. Какой же нибудь промахъ или неосторожно вылетѣвшее слово на долгое время связывается съ именемъ сказавшаго. Мы очень часто слышимъ: «Это тотъ, который тогда-то сказалъ (или сдѣлалъ) то-то». Поэтому не слѣдуетъ думать, что воспоминанія тенденціозно переполняются фактами изъ судебной жизни лишь отрицательнаго характера. Просто смѣшные и оригинальные случаи легче вспоминаются.

На выѣздныхъ сессіяхъ окружныхъ судовъ бываетъ много оригинальныхъ случаевъ.

Однажды, вслѣдствіе болѣзни товарища председателя, пріѣхалъ на сессію въ уѣздный городъ председательствующій членъ суда, родомъ нѣмецъ, окончившій дерптскій университетъ и поэтому плохо знавшій русскій языкъ.

При провѣркѣ вызванныхъ по дѣлу свидѣтелей оказалось, что всѣ свидѣтели налицо, кромѣ крестьянина Сидорова. Показаніе этого свидѣтеля было очень важнымъ, такъ какъ почти на одномъ его показаніи было построено все обвиненіе подсудимаго. Приходилось отложить дѣло. Свѣдѣній о причинѣ его неявки никакихъ не было. Поэтому председательствующій спросилъ, не извѣстно ли кому изъ свидѣтелей, почему не явился Сидоровъ.

— Да онъ померъ. Его кондрашкахватила. Вотъ и нашъ староста подтвердить,—послышался голосъ изъ публики.

— Староста! пожалуйста сюда. Вы подтверждаете?

— Такъ точно. Егохватила кондрашка, и онъ померъ.

— Вы сообщили объ этомъ полиціи? Дознаніе и слѣдствіе было произведено?

— Для чего же сообщать? Похоронили.

— Господинъ секретарь, запишите въ протоколъ засѣданія, что свидѣтель Сидоровъ не явился по уважительной причинѣ, такъ какъ

умеръ, и что умеръ онъ отъ побоевъ, нанесенныхъ ему Кондратіемъ. А какъ фамилія хватившаго Сидорова Кондратія?

— Кондратія! какого Кондратія?

Членъ суда наклоняется къ предсѣдательствующему и вполголоса объясняетъ ему, что кондрашка—апоплектический ударъ.

— Неужели? Я этого не зналъ. И что можетъ быть общаго между выраженіемъ апоплексія и кондрашка. Дикій, необразованный народъ!

XI.

Нѣкоторые изъ предсѣдательствующихъ любятъ разнообразить свое скучное пребываніе въ уѣздныхъ городишкахъ разными островами.

Долго и монотонно тянется дѣло о кражѣ. Стоящій около находящагося подъ стражей подсудимаго рядовой мѣстной конвойной команды начинаетъ дремать и покачиваться. Одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей подозрительно на него посматриваетъ. Солдатъ еще разъ покачнулся, наклонивъ ружье въ сторону присяжныхъ засѣдателей.

— Господинъ предсѣдатель,—испуганнымъ голосомъ заявляетъ присяжный засѣдатель:—солдатъ дремлетъ и направляетъ на насъ свое ружье. Онъ кого-нибудь изъ насъ можетъ убить!

— Не беспокойтесь,—успокаиваетъ предсѣдательствующій.—Законъ предусмотрѣлъ случай смерти кого-либо изъ присяжныхъ засѣдателей. Для пополненія должнаго состава имѣются два запасныхъ.

Другой предсѣдательствующій передъ объявленіемъ перерыва засѣданія для обѣда всегда обращался къ присяжнымъ засѣдателямъ съ одною и тою же рѣчью.

— Господа присяжные засѣдатели,—говорилъ онъ:—всѣ люди-человѣки. Каждый же человѣкъ требуетъ принятія горячей пищи. А такъ какъ судьи—тоже человѣки, я дѣлаю перерывъ на два часа для принятія ими надлежащей горячей и иной пищи, какая найдется въ вашемъ городѣ.

По одному дѣлу подсудимый, на вопросъ предсѣдательствующаго, за что онъ былъ ранѣе высланъ въ Архангельскую губернію, заявилъ, что онъ много лѣтъ тому назадъ былъ высланъ лишь по одному подозрѣнію и что дѣло то было на политической подкладкѣ.

— Ну, это не совсѣмъ такъ было. Передо мною лежитъ дѣло изъ архива. Изъ дѣла видно, что не на политической подкладкѣ и не на ватной, а на лисьемъ мѣху была ротожда, которую вы похитили, и за это преступное дѣяніе были приговорены судомъ къ ссылкѣ на житье въ Архангельскую губернію.

Много, много лѣтъ служилъ почтенный членъ окружнаго суда. Много трудился и состарился. Сталъ терять память и не могъ долго

сидѣть въ засѣданіяхъ. Поэтому подалъ прошеніе объ отставкѣ. Въ ожиданіи ея тѣмъ не менѣе продолжалъ принимать участіе въ засѣданіяхъ и даже поѣхалъ на два дня на сессію въ уѣздный городъ, въ качествѣ предсѣдательствующаго по несложнымъ дѣламъ.

На второй день засѣданіе затянулось до поздняго вечера. Во время разбирательства послѣдняго дѣла старикъ безпокойно ерзалъ по стулу, поглядывалъ постоянно на часы, шепталъ товарищу прокурора: «Скорѣе кончайте вашу рѣчь», и довольно громко ворчалъ въ сторону защитника: «Когда же онъ наболтается!» Наконецъ окончены рѣчи, и подсудимый сказалъ свое послѣднее слово. Предсѣдательствующій съ удовольствіемъ провозгласилъ объ окончаніи судебного слѣдствія.

— Господа присяжные засѣдатели,—началъ онъ свое резюме:— вы уже хорошо знаете свои обязанности и поэтому повторяю о нихъ не буду. Вы слышали показанія свидѣтелей и составите себѣ о виновности подсудимаго извѣстное убѣжденіе. Прокуроръ говоритъ, что подсудимый виноватъ, а защитникъ, что онъ невиновенъ. Что же касается меня, то мнѣ рѣшительно все равно, обвините ли вы его, или оправдаете. Самое же главное обстоятельство, которое вы непременно должны имѣть въ виду, это то, что послѣдній пароходъ отходитъ черезъ полчаса.

Присяжные засѣдатели едва успѣли войти въ совѣщательную комнату, какъ сейчасъ же вышли оттуда и вынесли подсудимому оправдательный вердиктъ.

— Подсудимый, вы свободны,—объявилъ предсѣдательствующій.—Васъ же, господа присяжные засѣдатели, очень благодарю. Такъ какъ вы оправдали подсудимаго, намъ не нужно писать о назначеніи ему наказанія, и мы, такимъ образомъ, успѣемъ попасть на пароходъ. Еще разъ благодарю!

Слушалось какъ-то на сессіи въ уѣздномъ городѣ дѣло, по которому одинъ изъ свидѣтелей долженъ былъ коснуться интимной стороны супружеской жизни подсудимаго. На основаніи закона необходимо было удалить публику и выслушать свидѣтеля при закрытыхъ дверяхъ. Предсѣдательствующій вмѣсто того, чтобы просто объявить объ этомъ, прибѣгнулъ къ слѣдующему приему. Онъ объявилъ, что свидѣтель будетъ рассказывать о такихъ подробностяхъ совместнаго супружескаго сожителства, что женщинамъ, принадлежащимъ къ порядочному обществу, будетъ непріятно и неловко услышать нѣкоторыя выраженія и что поэтому онъ предлагаетъ имъ удалиться изъ залы засѣданія суда.

Въ залѣ сидѣло нѣсколько дамъ, но ни одна изъ нихъ не тронулась съ мѣста.

Предсѣдательствующій, прождавъ нѣсколько минутъ, обратился къ судебному приставу.

— Господинъ, судебный приставъ,—распорядился онъ:—такъ какъ всѣ порядочныя дамы ушли добровольно, остальныхъ вмѣстѣ съ мужчинами прошу удалить изъ зала засѣданія въ виду того, что дѣло должно слушаться при закрытыхъ дверяхъ.

ХII.

Обладающіе ораторскимъ искусствомъ предѣдательствующіе въ своихъ резюме широко пользуются своимъ талантомъ. Нѣкоторые любятъ сравненія и метафоры.

Между прочимъ могу привести въ сокращенномъ видѣ отрывки изъ длиннаго резюме предѣдателя, любившаго говорить «красно».

— Конечно,—говорилъ онъ:—вы должны остановить ваше вниманіе и на словахъ потерпѣвшаго, хотя онъ и имѣлъ наклонность погуще накладывать краски на картину преступленія. Съ другой стороны, хотя, по его выводамъ, у подсудимаго крѣпко загнился сосущій червь преступленія, но и показаніе подсудимаго не есть мертворожденное дитя истины. Вы разберитесь въ ихъ противорѣчивыхъ показаніяхъ, имѣя въ виду, что на челѣ ни у одного, ни у другого не лежитъ адская печать лживости... Относительно укрывателя могу сказать, что укрыватель это та тихая пристань, въ которую преступникъ направляетъ свой утлый челнъ, это та скала, за которой онъ скрываетъ плоды преступленія... При обсужденіи виновности вы должны отбросить въ сторону зерна легковѣрія, пройти страну отрицанія и остановиться на горахъ суровой дѣйствительности.

Среди чиновъ прокурорскаго надзора, конечно, много ораторовъ. Объ ихъ рѣчахъ говорятъ, обыкновенно, тогда, когда кто-нибудь изъ нихъ увлечется и скажетъ лишнее слово.

Вспоминается одинъ изъ нихъ, который не могъ обойтись безъ остротъ.

Однажды по дѣлу по обвиненію подсудимаго въ поджогѣ съ цѣлью полученія страховой преміи свидѣтельница въ защиту подсудимаго стала рассказывать, что пожаръ произошелъ, вѣроятно, потому, что въ печи сбоку была большая трещина, черезъ которую въ большомъ количествѣ сыпались искры. У свидѣтельницы были больные глаза съ опухшими красными вѣками.

— Не попала ли одна изъ этихъ искръ вамъ въ глаза?—задалъ вопросъ товарищъ прокурора.

За этотъ вопросъ ему самому попало.

На выѣздныхъ сессіяхъ стараются говорить поменьше. Объ одномъ товарищѣ прокурора, который съ каждымъ годомъ сокращалъ свои рѣчи, шла легенда, что по дѣлу о ворѣ-рецидивистѣ онъ сказалъ такъ: «Гг. присяжные засѣдатели, онъ въ седьмой разъ попался. А сколько разъ не попадался?!» и этимъ закончилъ свою рѣчь.

Давая заключенія на сѣздахъ мировыхъ судей, товарищи прокурора говорятъ еще короче. Рассказываютъ объ одномъ, что онъ сначала безъ всякой мотивировки говорилъ: «полагалъ бы утвердить (или отмѣнить) приговоръ мирового судьи», потомъ сталъ говорить: «утвердить, отмѣнить» и наконецъ ограничивался тѣмъ, что произносилъ лишь послѣднїя слога этихъ словъ: «дить, нить!»

ХІІІ.

Находя, что виновные часто оправдываются, нерѣдко нападаютъ на судъ присяжныхъ засѣдателей и высказываютъ мысль, что судъ присяжныхъ—это лотерея. Конечно, какъ и вездѣ и во всемъ, бываютъ грустныя исключенія, но въ общемъ судъ присяжныхъ—лучшій изъ всѣхъ существующихъ, и нападки на нашихъ присяжныхъ засѣдателей несправедливы. Не слѣдуетъ основывать сужденіе о присяжныхъ засѣдателяхъ по приговорамъ столичныхъ судовъ. Хотя и здѣсь приговоры почти всегда справедливы, но исключенія возможны потому, что присяжные не знаютъ подсудимыхъ. Въ губернскихъ же городахъ и въ особенности въ уѣздныхъ приговоры всегда безусловно правильны, такъ какъ мѣстное общество, изъ среды которой выбираются присяжные засѣдатели, всегда лучше производившихъ дознаніе и слѣдствіе освѣдомлено и о подсудимомъ, и о свидѣтеляхъ, и объ обстоятельствахъ дѣла. Иногда послѣ произнесенія вердикта или прокурору, недоумѣвающему, почему послѣдовалъ оправдательный вердиктъ, или защитнику, интересующемуся о причинахъ обвинительнаго вердикта, рассказываются такія данныя, о которыхъ совершенно не упоминалось на слѣдствіи и которыя, однако, были извѣстны присяжнымъ. Чаще всего это случается по дѣламъ о преступленіяхъ, совершенныхъ въ крестьянской средѣ. Всѣ въ деревнѣ знаютъ мельчайшія подробности совершеннаго преступленія и тѣмъ не менѣе всѣ молчатъ. Одни боятся мести подсудимаго и его родныхъ, другіе не говорятъ изъ родственныхъ чувствъ и третьи не желаютъ терять времени для хожденія въ судъ. Попадающій же въ составъ присяжныхъ засѣдателей односельчанинъ подсудимаго по совѣсти открываетъ своимъ товарищамъ истину, и приговоръ является справедливымъ.

Конечно, бываютъ и своеобразные приговоры. Рассказывается обыкновенно по этому поводу слѣдующій случай.

Обвиняется какой-то крестьянинъ въ поджогѣ. Улики слабы и гадательны. Между тѣмъ ему выносятся обвинительный вердиктъ и не дается даже снисхожденія. Впослѣдствіи въ частномъ разговорѣ, на вопросъ, почему подсудимый былъ признанъ виновнымъ, одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей отвѣтилъ: «Да онъ извѣстнѣй конокрадъ. Мы не знали, какъ отъ него отдѣлаться!»

Присяжные засѣдатели изъ крестьянъ въ уѣздныхъ городахъ чрезвычайно добросовѣтно относятся къ своимъ обязанностямъ. Попадающіе же въ первый разъ иногда недоумѣваютъ, почему защитнику разрѣшается говорить такъ много, по ихъ мнѣнію лишняго и возмущаются.

Однажды былъ такой случай.

Защитникъ всѣми силами старался разбить изобличавшее подсудимаго показаніе свидѣтеля. Онъ силился доказать, что свидѣтель не понялъ совершившагося передъ его глазами факта и что, по всей вѣроятности, дѣло происходило иначе. На основаніи своихъ заключеній онъ въ своей защитительной рѣчи началъ рисовать выгодную для подсудимаго картину совершеннаго дѣянія, какъ она, по его мнѣнію, происходила. Вдругъ неожиданно приподнимается со скамьи присяжный засѣдатель изъ крестьянъ и говоритъ: «Господинъ предсѣдатель, запретите защитнику такъ говорить. Онъ говоритъ несправду!»

Присяжные засѣдатели глубоко цѣнятъ возложенныя на нихъ обязанности судей совѣсти и относятся къ этимъ обязанностямъ съ полною добросовѣтностью. Поэтому рѣзкіе выпады производятъ на нихъ непріятное впечатлѣніе, и громкія требовательныя фразы ими правильно понимаются, какъ вторженіе въ ихъ судейскую совѣсть. Черезчуръ рьяная обвинительная рѣчь служитъ иногда для присяжныхъ мотивомъ для смятенія участі подсудимаго и, наоборотъ, пылкая, неводержанная рѣчь защитника иногда вредитъ подсудимому.

По этому поводу расскажу о случаѣ, бывшемъ на выѣздной сессіи въ уѣздномъ городѣ.

Защитникъ въ пылу своей рѣчи выступилъ на средину залы засѣданія и, театрално размахивая руками, требовалъ оправданія.

Былъ вынесенъ обвинительный вердиктъ, и подсудимому не было дано снисхожденія.

Впослѣдствіи присяжные засѣдатели объясняли, что снисхожденія подсудимому не дали лишь благодаря рѣзкости защитника, который даже дозволилъ себѣ грозить имъ кулаками.

Припоминается мнѣ еще одинъ оригинальный случай, бывшій въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ средней полосы Россіи.

Богатый купецъ обвинялся въ растратѣ опекунскихъ денегъ. Защищать его пріѣхалъ изъ Москвы одинъ извѣстный присяжный повѣренный. Рѣчь его была блестяща. И составъ суда, и публика, которой собралось порядочно, всѣ съ видимымъ удовольствіемъ внимательно слушали. Заканчивая свою рѣчь, защитникъ сослался на слова Екатерины Великой, рекомендовавшей лучше оправдать десять виновныхъ, чѣмъ осудить одного невиннаго. Не успѣлъ онъ произнести эти слова, какъ вся зала разразилась громкимъ хохотомъ. Защитникъ былъ сильно сконфуженъ.

— Почему всё захохотали? Что я сказалъ смѣшного?—спрашивалъ защитникъ, когда присяжные засѣдатели удалились въ совѣщательную комнату.

— Хотеть возбудило ваше упоминаніе о словахъ Екатерины Великой,—объяснилъ ему подсудимый.—Дѣло въ томъ, что у насъ имѣется мѣстный ходатай по дѣламъ, который всегда, даже по дѣламъ о личныхъ оскорбленіяхъ и нарушеніяхъ общественной тишины и спокойствія, непремѣнно оканчиваетъ свою рѣчь этими словами. Я хвалился тѣмъ, что пригласилъ васъ меня защищать, и говорилъ, что пріѣзжій будетъ дѣло говорить, а не ссылаться на Екатерину Великую. Вы же, какъ нарочно, и сослались на нее. Публика и не выдержала, засмѣялась. Вчера, вѣдь, нашъ адвокатъ по тремъ дѣламъ защищалъ подсудимыхъ и три раза упоминалъ Екатерину Великую.

XIV.

Если приходитея неожиданно попадать вприсакъ извѣстнымъ адвокатамъ, нельзя удивляться тому, какъ много приходится испытывать непріятностей назначаемымъ судомъ защищать подсудимыхъ бѣднымъ кандидатамъ на судебныя должности. Однажды такому казенному защитнику была поручена на сессіи въ уѣздномъ городѣ защита по двумъ дѣламъ: по дѣлу о пожарѣ и по дѣлу о кражѣ меда. Защищать приходилось въ первый разъ. Поэтому онъ долго совѣщался съ товарищами, обдумывалъ и наконецъ написалъ свои защитительныя рѣчи на двухъ отдѣльныхъ листахъ. Во время судебного слѣдствія на предложенія председательствующаго, не желаетъ ли онъ задать вопросы свидѣтелямъ, онъ отвѣчалъ отрицаніемъ. Онъ совершенно не сознавалъ того, что у него происходитъ передъ глазами, ничего не слушалъ и не слышалъ и все зубрилъ только свою рѣчь. Но вотъ прокуроръ уже закончилъ свою обвинительную рѣчь, и настала его очередь.

— Господинъ защитникъ, ваше слово,—заявилъ председательствующій.

Онъ всталъ и, хотя и дрожащимъ голосомъ, но громко и отчетливо сталъ говорить.

— Зарево пожара озарило окрестности,—началъ онъ.

— Позвольте, господинъ защитникъ,—остановилъ его председательствующій—О чемъ вы говорите? Разматривается дѣло о кражѣ, а не о поджогѣ.

— О кражѣ?!... Ахъ, пардонъ, присяжные засѣдатели!.. я сейчасъ.. Изъ кубла былъ украденъ медъ!.. Да, изъ кубла былъ украденъ медъ!..

Онъ умолкъ и сталъ искать второй листъ. Председательствующій нѣсколько минутъ подождалъ и затѣмъ, увидѣвъ, что тотъ все еще роется въ бумагахъ, заявилъ:

— Защитникъ свою рѣчь окончилъ. Подсудимый, что вы желаете сказать въ послѣднемъ словѣ?

Защитникъ растерялся окончательно. Зато въ своемъ резюме председательствующій, разбирая рѣчь прокурора, указалъ и на доводы, приведенные защитникомъ въ его рѣчи. Доводы эти, надо думать, были болѣе основательны, чѣмъ тѣ, которые готовился и не успѣлъ высказать кандидатъ на судебныя должности.

Какъ бы ни была хороша и блестяща защитительная рѣчь, иногда случается, что вся она идетъ на смарку, благодаря только послѣднему слову подсудимаго. Укажу на два случая.

Первый случай. Шло дѣло о кражѣ. Подсудимый, хотя былъ еще молодой человѣкъ, но уже отбылъ три раза наказаніе за кражу. Въ данномъ дѣлѣ улики противъ него были очень слабыя. Какъ на предварительномъ слѣдствіи, такъ и на судѣ онъ упорно настаивалъ на своей невинности.

Защитникъ, разобравъ подробно свидѣтельскія показанія и указавъ присяжнымъ засѣдателямъ на шаткость уликъ, всю свою рѣчь построилъ на томъ, что подсудимый преданъ ихъ суду, главнымъ образомъ, за безупречное свое прошлое поведеніе, говоря, что, если бы онъ раньше никогда не судился, онъ, вѣроятно, и не былъ бы привлеченъ къ отвѣтственности по этому дѣлу и не былъ бы посаженъ на скамью подсудимыхъ. Поэтому, въ виду возникающаго большого сомнѣнія въ его виновности, онъ просилъ объ оправданіи его.

По лицамъ присяжныхъ засѣдателей можно было замѣтить, что у нихъ зародилось это сомнѣніе и что поэтому они, повидному, рѣшили вынести оправдательный вердиктъ.

— Ваше послѣднее слово, подсудимый,—объявилъ председательствующій.

— Господа присяжные засѣдатели,—плаксиво заявилъ подсудимый:—простите! Это я въ послѣдній разъ. Больше никогда воровать не буду!

Словно электрическій токъ пробѣжалъ по рядамъ присяжныхъ засѣдателей. Они нервно шевельнулись и переглянулись.

Подсудимому было вынесенъ обвинительный приговоръ и даже снисхожденія дано не было.

Второй случай. Слушалось дѣло безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Обвинялся нѣкій нѣмецъ въ томъ, что въ апелляціонной жалобѣ, поданной на рѣшеніе волостного суда, онъ употребилъ оскорбительныя для волостныхъ судей выраженія.

Защитникъ, указавъ на то обстоятельство, что рѣшеніе волостного суда, какъ несправедливое и совершенно непонятное, было отмѣнено, просилъ объ оправданіи подсудимаго на томъ основаніи, что подсудимый плохо понимаетъ русскій языкъ и по-

этому, когда писалъ жалобу, не сознавалъ, что онъ оскорбляетъ волостныхъ судей.

Не успѣлъ защитникъ закончить свою рѣчь, какъ вскочилъ подсудимый и негодуящимъ тономъ заявилъ:

— Я не просилъ защитника такъ говорить. Я отлично понимаю русскій языкъ. Я назвалъ волостныхъ судей дураками потому, что они дѣйствительно дураки!

Наказаніе было назначено въ увеличенномъ размѣрѣ.

Обыкновенно на сессіяхъ въ уѣздныхъ городахъ и составъ суда и публику приводятъ въ веселое расположеніе духа рѣчи мѣстныхъ частныхъ ходатаевъ изъ бывшихъ писарей. Какіхъ только выраженій вы не услышите! Вы узнаете, напримѣръ, что «обезпечить на зиму» это значитъ «сломать печи зимой».

Вотъ выдержка изъ записанной мною рѣчи такого ходатая, защищавшаго подсудимаго, обвинявшагося въ кражѣ:

«Тяжелина этого дѣла доказываетъ, что жалоба была миниатюромъ. Жизнь общебезпорядочная и въ тѣсномъ смыслѣ дружелюбная, потому что оба, и потерпѣвшій, и обвиняемый, были пьяны. Теперь я проливаю свѣтъ на то, что имущество было не въ нормальномъ положеніи, а въ разбросанномъ видѣ. Обвиняемый, не будучи преступникомъ закона и имѣя за собою лишь фактъ пато-психологическій, ввержень въ рукотворную геенну уже три мѣсяца тому назадъ. Сидя въ тюрьмѣ, онъ находится не въ своихъ савяхъ, а въ не принадлежащемъ ему положеніи. Нельзя же, чтобы судъ былъ такимъ чудовищемъ, которое ничего не разбираетъ въ своей пасти и все пережевываетъ и проглатываетъ...» философствовалъ защитникъ.

Если въ уѣздныхъ городахъ мелкіе, необразованные ходатаи возбуждаютъ смѣхъ, обитающіе въ столицахъ другого сорта частные ходатаи, такъ называемые дѣльцы, наводятъ на разныя размышленія.

Объ одномъ изъ такихъ дѣльцовъ рассказываютъ слѣдующій случай.

Является къ нему кассиръ частнаго банка и проситъ спасти. Проигралъ сорокъ тысячъ. Ревизія кассы будетъ черезъ нѣсколько дней.

— Ключи отъ кассы у васъ?

— У меня.

— Сколько тамъ осталось?

— Четыреста тысячъ.

— Въ такомъ случаѣ я васъ могу избавить отъ наказанія. За услугу вы мнѣ дадите пятнадцать тысячъ. Противъ васъ же только не будетъ возбуждено уголовнаго преслѣдованія, но вы еще получите пятнадцать тысячъ. Согласны?

— Согласенъ.

— Въ такомъ случаѣ немедленно забирайте всё остальные деньги и привозите ко мнѣ. Только ни одному человѣку не говорите, что были у меня и что деньги у меня. Когда деньги будутъ привезены, я научу васъ, что вамъ нужно будетъ продѣлать.

На слѣдующій день кассиръ подалъ прошеніе объ отставкѣ. На вопросъ, почему онъ уходитъ, объяснилъ, что всё бывшія въ кассѣ деньги онъ растратилъ. Поднялся страшный переполохъ. Собрались директора и, удостовѣрившись въ отсутствіи денегъ, рѣшили послать за полиціей и дать знать прокурору.

— Не совѣтую сообщать властямъ,—заявилъ спокойно кассиръ.—Если вы мнѣ дадите удостовѣреніе, что я сдалъ всё деньги полностью, я возвращу вамъ 370 тысячъ. Остальные я проигралъ. Если заявите о растратѣ, потеряете и эти 370 тысячъ. Обыски не помогутъ. Деньги въ надежномъ мѣстѣ.

Долго спорили и горячились директора. Въ концѣ концовъ рѣшили спасти 370 тысячъ, не возбуждая преслѣдованія противъ кассира.

Дѣлецъ заработалъ пятнадцать тысячъ.

Другой придумалъ слѣдующій способъ взысканія съ лица, у котораго по заранѣе совершеннымъ нотаріальнымъ документамъ все имущество принадлежало его пріятелямъ.

По окончаніи спектакля къ театральному подъѣзду была подана карета должника. Не успѣлъ онъ съ своимъ знакомымъ подойти къ ней, какъ въ карету вскочилъ какой-то господинъ.

— Милостивый государь, это моя карета.

— Нѣтъ, моя.

Собственникъ сталъ выгонять нахала изъ кареты. Тотъ не уходилъ. Въмѣшалась полиція, и всё отправились въ управленіе участка. Тамъ при составленіи протокола должникъ заявилъ, что и карета, и лошади составляютъ его собственность. Знакомый его подтвердилъ это заявленіе. Въ это время въ дверяхъ появилось новое лицо.

— А вотъ и судебный приставъ съ исполнительнымъ листомъ,—заявилъ дѣлецъ.—Потрудитесь наложить арестъ на собственность моего должника: карету и лошадей. Я обѣщалъ доказать, что карета и лошади мои, и теперь доказалъ. Были ваши, а теперь мои!

Собственникъ молча вынулъ бумажникъ и уплатилъ деньги по исполнительному листу.

Заканчивая мои воспоминанія о частныхъ ходатаяхъ, привожу выдержки изъ апелляціонной жалобы, поданной ходатаемъ по нековому гражданскому дѣлу.

«На гранитныхъ берегахъ Финскаго залива,—такъ начинается эта жалоба,—на оплотѣ русской силы и могущества, на утесѣ Свеаборгскомъ, отъ котораго уже не одно тысячелѣтіе съ жалоб-

нымъ воємъ и свистомъ отскакиваетъ разъяренная морская волна, въ канунъ празднованія знаменитой Полтавской битвы, въ моментъ перваго оглушительнаго залпа, раздавагося съ этой грозной твердыни по случаю явившагося въ первый разъ передъ Свеаборгомъ стопушечнаго фрегата «Георгій Побѣдоносецъ»,—суждено было явиться на свѣтъ Божій, 26-го іюня 1822 года, вашему покорному слугѣ, характеръ коего вылился и закалился въ эти формы и событія. Никто не можетъ похвалиться тѣмъ, что когда-либо видѣлъ меня взбѣшеннымъ или взволнованнымъ, несмотря на безпрерывные къ тому поводы. Не есть ли это свойство гранита, служившаго какъ бы моей колыбелью! Сколько разъ раздраженныя страсти людскія, исходящія, разумѣется, исключительно изъ чиновнаго міра, разбивались о стойкость моего характера, всегда вынося меня побѣдителемъ изъ трудныхъ моментовъ. Не характеризуетъ ли это меня, осаждаемаго, какъ Свеаборгъ, денно и ночью прибоємъ волнъ съ бесполезнымъ ихъ шипѣніемъ!..

«На третьемъ году отъ рожденія я лечу изъ третьяго этажа на каменный грунтъ и остаюсь безъ увѣчья. Два раза обрушивается надо мной потолокъ, а я невредимъ. Въ страшную бурю, въ 1841 г., когда погибли тысячи людей, меня на гнилой лодочкѣ волна выбрасываетъ на берегъ, и я не замачиваю даже сапогъ моихъ!..

«Правда, сильны враги мои изъ міра чиновнаго, и число ихъ подходитъ къ числу звѣздъ на небѣ, но, выступая на бой, свыше мнѣ опредѣленный, я не спрашиваю о числѣ ихъ. Я, вѣдь, выросъ на гранитѣ, а не на болотномъ грунтѣ. На имени моемъ изображено сіяющее солнце правды; на щитѣ девизъ: «Постоянное уваженіе къ закону безъ самопроизвольныхъ, пагубныхъ, фантастическихъ толкованій, на которыя такъ падки бездарныя и пустыя личности»; вооруженъ я копьемъ, выкованнымъ изъ крѣпкаго металла, прозываемаго юридическимъ образованіемъ, и двадцатилѣтнее неусыпное упражненіе съ этимъ оружіемъ служить порукою, что я не буду неловкимъ въ употребленіи его. Сломить меня, можетъ быть, вражья сила, но лучше принять смерть, чѣмъ прозябать въ бездѣйствіи! Иду на бой!..»

Дальше излагаются основанія правильности исковыхъ требованій.

Теперь я перехожу къ воспоминаніямъ о нѣкоторыхъ случаяхъ изъ дѣятельности мировыхъ судей.

М. Чулицкій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ГРОДЕКОВЪ.

(1883—1913 г.г. Воспоминанія—замѣтки).

I.

Гродековъ по воспоминаніямъ сослуживцевъ и старожилловъ, какъ военный губернаторъ Сыръ-Дарьинской области.—Черты его характера.—Отношеніе къ курильщикамъ и алкоголикамъ.—Заботы о народномъ образованіи.—Церковно-строительство.—Созданіе русскихъ поселковъ.—Холерный бунтъ 1892 году въ Ташкентѣ.—Дѣятельность въ Приамурьѣ.—Назначеніе туркестанскимъ генераль-губернаторомъ.

КОНЧАЛСЯ 12-го декабря 1913 года одинъ изъ замѣчательныхъ дѣятелей, членъ Государственнаго Совѣта, генераль-отъ-инфантеріи Николай Ивановичъ Гродековъ.

Посвящая почившему и его выдающемуся государственному служенію нѣсколько строкъ, полныхъ искренняго, теплаго чувства, въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ («Нов. Вр.», 14-го декабря 1913 г., № 13564), М. О. Меньшиковъ говоритъ: «Не зная лично Н. И. Гродекова, не берусь судить о его огорченіяхъ на государственной службѣ, но тѣ, кто это близко знали, хорошо сдѣлаютъ, если по свѣжей памяти напишутъ объ этомъ и, какъ печальный вѣнокъ, возложатъ на могилу большого русскаго человѣка, замученнаго мелкими дѣлами».

Съ готовностью откликаюсь на этотъ призывъ почтеннѣйшаго М. О., какъ одинъ изъ ближайшихъ, по должности управляющаго канцеляріей генераль-губернатора, сотрудниковъ Н. И. Гродекова по его послѣдней активной должности, на боевомъ посту тур-

кестанскаго генераль-губернатора, и, насколько возможно, не задѣвая многихъ еще нынѣ здравствующихъ лицъ, съ именами которыхъ связано было много служебныхъ огорченій, треній и прямо обидъ для Гродекова, не сообщая того, что еще является служебною и канцелярскою тайною, въ виду близости къ намъ описываемаго времени, расскажу, какъ сумѣю, объ этомъ дѣйствительно «большомъ русскомъ человѣкѣ».

Я пріѣхалъ въ Туркестанъ впервые въ 1896 году, то-есть, спустя три года послѣ того, какъ Гродековъ оставилъ «не по своей волѣ» постъ военнаго губернатора Сыръ-Дарьинской области, который онъ занималъ ровно десять лѣтъ.

Отъ ташкентцевъ, какъ ближайшихъ сотрудниковъ Николая Ивановича, такъ и просто «обывателей», я тогда же услышалъ много любопытнаго и поучительнаго о бывшемъ губернаторѣ, оставившемъ неизгладимую память о себѣ въ области по своей безпримѣрной административной дѣятельности и по многимъ чертамъ своего характера, которыя нѣкоторые называли «чуждачествомъ».

Общій отзывъ о немъ, что это былъ человѣкъ большого ума, глубокаго знанія края, рѣдкой энергій, работоспособности, справедливости, прямоты. Но у Гродекова было немало и враговъ, какъ у всякаго энергичнаго, честнаго, стойкаго и прямого человѣка. Враги эти, не имѣя возможности оспаривать приведенныя качества и свойства Николая Ивановича, находили его излишне суровымъ, иногда рѣзкимъ до грубости; осуждали его за страсть отмѣчать слабыя стороны въ подчиненныхъ и высмѣивать ихъ въ глаза, не щадя ихъ самолюбія.

Много ходило анекдотовъ о ненависти Гродекова къ женщинамъ, боязни его женскихъ слезъ, преслѣдованіи алкоголизма и алкоголиковъ, а также куренія.

Одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Николая Ивановича, noctенный А. А. Диваевъ, состоявшій переводчикомъ при областномъ правленіи и чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ, былъ отчаяннымъ курильщикомъ. Николай Ивановичъ старался его «исправить» убѣжденіемъ бросить курить. Диваевъ давалъ даже такое обѣщаніе, но не въ силахъ былъ отказаться отъ любимаго удовольствія. Однажды Гродековъ, взявъ съ собою Диваева въ одну изъ поѣздокъ по области, воспользовавшись тѣмъ, что Диваевъ куда-то вышелъ на одной изъ далекихъ отъ Ташкента почтовыхъ станцій, гдѣ рѣшительно нельзя было и думать пріобрѣсти табакъ, выкинулъ изъ его чемодана весь запасъ папиросъ и съ торжествомъ ожидалъ, какъ это отзовется на Диваевѣ. Бѣдный Диваевъ переживалъ нѣсколько станцій большія муки, пока гдѣ-то не раздобылъ отвратительной махорки, которую и курилъ потихоньку, какъ школьникъ, въ трубу, попадаясь нѣсколько разъ въ своихъ продѣлкахъ Гродекову, который его неукоснительно

каждый разъ стыдилъ и убѣждалъ совершенно отказаться отъ отравленія такимъ наркотикомъ.

Водка и вино были изгнаны со стола Николаемъ Ивановичемъ, и только своему слугѣ, персу Мустафѣ, спасшему Гродекову жизнь во время его смѣлой поѣздки въ С. Афганистанъ въ 1879 году, да нынѣ умершему генералу Т. разрѣшалось въ присутствіи Николая Ивановича пить вино и водку. Однажды Николай Ивановичъ, проѣзжая по области и присутствуя на торжествѣ открытія новаго тракта, узналъ, что «почтосодержателемъ» поставлено въ счетъ угощенія Гродекова за вино и водку; это страшно взволновало и разсердило Гродекова, что ему, такому проповѣднику трезвости, вдругъ ставили будто бы вино и водку, которыя въ дѣйствительности были использованы довѣреннымъ почтосодержателемъ.

Бывшіе подчиненные Николая Ивановича жаловались на его подавляющую всѣхъ работоспособность, энергію и требованіе и отъ сослуживцевъ своихъ если не такой, то во всякомъ случаѣ напряженной работы.

Свой рабочій день Николай Ивановичъ начиналъ съ шести часовъ утра и иногда къ этому времени экстренно вызывались докладчики по какимъ-либо срѣшнымъ или особо интересовавшимъ неутомимаго губернатора вопросамъ. Докладчики задерживались у губернатора иногда до глубокой ночи, такъ какъ Николай Ивановичъ требовалъ всегда самаго обстоятельнаго, исчерывающаго доклада и при томъ совершенно объективнаго, основаннаго исключительно на обстоятельствахъ дѣла, а не симпатіяхъ, антипатіяхъ или иныхъ личныхъ побужденіяхъ докладчиковъ. Телефонъ изъ губернаторскаго дома работалъ во всю, а до изобрѣтенія телефона изъ губернаторскаго дома по Соборной улицѣ во всѣ концы города летали джигиты съ записками губернатора, по которымъ или требовалась личная явка, или же немедленное исполненіе какой-либо бумаги, или же иногда сложная справка. Если бумага или справка задерживались, слѣдовалъ новый гонецъ съ энергичнымъ напоминаніемъ. И дѣла не залеживались, а исполнялись ускореннымъ темпомъ.

Какъ не выносилъ Николай Ивановичъ лѣни, такъ ненавидѣлъ онъ всякую ложь, фальшь. Тотъ, кто позволилъ себѣ хоть малѣйшую ложь, утрачивалъ навсегда довѣріе Николая Ивановича и подвергался его сарказмамъ. Николай Ивановичъ былъ большой мастеръ высмѣять и подшутить остроумно, съ большимъ юморомъ надъ попавшимся лжецомъ.

Продолжительная задержка докладчиковъ вела иногда къ трагикомическимъ результатамъ. Самъ Николай Ивановичъ рассказывалъ намъ, что чуть не довелъ одного изъ своихъ любимыхъ сотрудниковъ, на другой же день послѣ свадьбы, до разрыва съ женою. Гродековъ пригласилъ этого чиновника къ себѣ съ утра и продер-

жалъ его, давая ему непрерывно работу, до глубокой ночи. Видя, что чиновникъ волнуется, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, Николай Ивановичъ разспросилъ, что такъ волнуется г-нъ И. Получивъ отвѣтъ, что боится, какъ бы его молодая супруга, чрезвычайно ревнивая, не заподозрѣла, что онъ провелъ цѣлый день не у губернатора, а въ какомъ-либо болѣе пріятномъ мѣстѣ, Гродековъ самъ нарвалъ цвѣтовъ и съ букетомъ для ревливой супруги отпустилъ И. далеко за полночь домой. Дѣйствительно, г-на И. дома ожидала записка жены, въ которой она сообщала, что послѣ такого поведенія И. на другой день послѣ свадьбы жена его уѣзжаетъ къ своимъ родителямъ. Только вмѣшательство самого Николая Ивановича успокоило г-жу И.

Какъ только являлась какая-нибудь возможность выѣхать изъ дому, Николай Ивановичъ садился верхомъ и объѣзжалъ городъ или отправлялся въ ближайшія русскія селенія. Въ городѣ отъ зоркаго и опытнаго глаза Николая Ивановича не ускользали ни малѣйшіе безпорядки въ городскомъ хозяйствѣ и благоустройствѣ по нарушенію обязательныхъ постановленій или небрежность чиновъ полиціи въ несеніи ими обязанностей службы.

Не желая быть пассивнымъ и довѣрчивымъ слушателемъ не всегда точной передачи переводчиками туземной рѣчи, Николай Ивановичъ выучился мѣстнымъ языкамъ, и этого знанія сталъ требовать отъ всѣхъ чиновъ администраціи, настаивая на сознательномъ усвоеніи ими языка, быта, вѣрваній туземнаго населенія, чтобы быть ближе къ послѣднему и понимать его нужды и желанія. Это знаніе языка и быта туземцевъ принесло и самому Николаю Ивановичу огромную пользу, открыло ему воочию всѣ недостатки, несовершенства и злоупотребленія народныхъ судей (казіевъ и біевъ) при отправленіи суда среди туземцевъ.

Относясь къ самому институту народнаго суда съ большимъ уваженіемъ, Николай Ивановичъ считалъ, что всѣ указанные выше уклоненія отъ правосудія въ практикѣ народныхъ судей не вызываютъ вовсе необходимости въ какой-либо коренной ломкѣ самаго института, а требуютъ лишь надлежащаго надзора за судомъ чиновъ мѣстной администраціи, въ руководство которымъ для сознательнаго отправленія ими функцій надзора издалъ свои книги: «Юридическіе обычаи киргизъ и кара-киргизъ» и «Комментарій» мусульманскаго права «Хидая» ¹⁾. Издавая упомянутыя книги, Гродековъ завелъ обширную переписку съ знатоками мусульманскаго права и въ томъ числѣ профессорами Нофалемъ и барономъ Розеномъ, прося ихъ руководящихъ указаній, совѣтуясь въ вызы-

¹⁾ Обѣ эти полезныя книги, изданныя въ сотрудничествѣ съ упомянутымъ выше почтеннымъ мѣстнымъ дѣятелемъ Диваевымъ, стали въ настоящее время библиографической рѣдкостью, а потому крайне желательно второе ихъ изданіе.

вавшихъ его сомнѣніе вопросахъ, желая, какъ всегда, сдѣлать интересующее его дѣло, какъ слѣдуетъ, основательно и авторитетно.

Большое вниманіе, по словамъ туркестанцевъ, Гродековъ удѣлялъ русскимъ и русско-туземнымъ школамъ, вникая въ успѣхи учащихся и быть учащихъ, нужды и интересы тѣхъ и другихъ, давая щедрыя пособія изъ своихъ средствъ школамъ.

Немало щедрыхъ даровъ отъ Гродекова получилъ и мѣстный музей въ Ташкентѣ. Самъ Николай Ивановичъ впоследствии жаловался, что музей въ то время находился въ не совѣтѣ надежныхъ рукахъ и многіе пожертвованные имъ предметы были утрачены, а рѣдкіе экземпляры рыбы «скуферинкусъ» были съѣдены завѣдывавшимъ музеемъ, въ видѣ закуски.

Самый большой, однако, интересъ и особую, прямо поразительную личную энергію и дѣятельность Николай Ивановичъ Гродековъ выказывалъ въ дѣлѣ устройства русскихъ переселенцевъ въ Сыръ-Дарьинской области. До Гродекова въ предѣлахъ Сыръ-Дарьинской области было всего два русскихъ селенія въ окрестностяхъ Ташкента. Въ интересахъ болѣе прочнаго закрѣпленія края за имперіей, обезпеченія безопасности для столицы края—Ташкента—отъ возможныхъ вспышекъ фанатизма мусульманскаго населенія разобщеніемъ туземнаго населенія города, Гродековъ находилъ необходимымъ создать вокругъ Ташкента кольцо изъ русскихъ селеній. По его мнѣнію, эти селенія могли внести и начала культуры въ среду кочевниковъ, пріохотить ихъ къ земледѣлію и осѣлости. Послѣдствія блестяще оправдали задуманное и осуществленное Гродековымъ. Гродекову удалось создать въ Ташкентскомъ и Чимкентскомъ уѣздахъ за двухлѣтній періодъ времени около пятидесяти русскихъ селеній съ населеніемъ въ восемнадцать тысячъ душъ обоего пола. Въ этомъ дѣлѣ Николай Ивановичъ особенно ярко проявилъ свои качества: энергію, настойчивость, ясный умъ, пониманіе нуждъ земледѣльца. Много заботъ и горя принесло ему это великое и святое русское государственное дѣло; тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ, относившійся съ предубѣжденіемъ ко всякимъ переселеніямъ крестьянъ изъ внутренней Россіи на окраины, узнавъ, что Гродековъ въ голодный 1891 годъ ведетъ такую агитацію среди населенія въ наиболѣе пострадавшихъ отъ неурожая губерніяхъ, призывая крестьянъ перебираться въ далекій Туркестанъ, пожаловался военному министру, прося принять мѣры къ прекращенію вредной дѣятельности неугомоннаго губернатора. Но было уже поздно: тысячи семействъ потянулись въ далекій Туркестанъ. Здѣсь Николай Ивановичъ дѣлалъ нечеловѣческія усилія, чтобы приготовить для новоселовъ самыя благопріятныя условія для жизни и экономическаго ихъ благосостоянія, для удовлетворенія ихъ религіозныхъ

и вообще духовныхъ нуждъ. Досталось тогда и сотрудникамъ Гродекова, на долю которыхъ выпало также немало труда, волненій и огорченій. Николай Ивановичъ лично познакомился съ каждой переселившейся семьей, ея будущимъ участкомъ, добывалъ средства на обезпеченіе новоселовъ необходимымъ инвентаремъ, приобрѣталъ на свои личные средства племенной скоть, плодовые саженцы, старался выучить и приохотить переселенцевъ къ веденію интенсивнаго, культурнаго хозяйства, хлопководству. Самъ Николай Ивановичъ говорилъ, что онъ лишь по капризу судьбы—администраторъ и государственный дѣятель, а по призванію—садовникъ и огородникъ, и это призваніе и знанія его въ области сельскаго хозяйства много помогли Гродекову въ устройствѣ переселенцевъ.

Изыскивая всюду источники для помощи переселенцамъ на домообзаводство, рабочій инвентарь, Николай Ивановичъ не забывалъ и религіозныхъ ихъ потребностей и нуждъ, выпрашивалъ, гдѣ возможно, средства на созиданіе православныхъ храмовъ въ образованныхъ имъ, на свой страхъ и рискъ, селеніяхъ, одаривалъ новыя церкви облаченіями, церковной утварью. И вотъ великіе труды Николая Ивановича дали блестящіе результаты, которые ему удалось и увидать потомъ самому, по приѣздѣ его въ край уже въ качествѣ генераль-губернатора. За тринадцать лѣтъ отсутствія Гродекова изъ Ташкента созданныя имъ селенія не только экономически окрѣпли, но разбогатѣли, расширились, стали заниматься промышленнымъ садоводствомъ, огородничествомъ, племеннымъ скотоводствомъ, радуя сердце ихъ устроителя и благодѣтеля.

Въ 1892 году въ области появилась холера. Благодаря энергіи Гродекова и несмотря на благопріятныя, казалось, условія, она унесла немного жертвъ и вскорѣ погасла, но для Гродекова она имѣла тяжелья послѣдствія. Вслѣдствіе вражды двухъ партій въ туземной части города Ташкента, одной, стоявшей за смѣненнаго Гродековымъ аксакала, большого проходимца, но вліятельнаго, благодаря своему богатству и прежнему служебному положенію чловѣка, и другой, стоявшей за назначеннаго Гродековымъ замѣстителемъ этого аксакала, вспыхнули беспорядки. Интриганы сумѣли возбудить неудовольствіе въ народныхъ массахъ туземнаго города противъ принятыхъ санитарныхъ мѣръ для борьбы съ холерой. Толпа буяновъ 24-го іюня 1892 года окружила зданіе управленія начальника города Ташкента, требуя выдачи новаго аксакала, затѣмъ избива камнями начальника города, полковника С. Р. Путьинцева, разгромила полицейское управленіе.

Тогда Гродековъ, зная характеръ туземцевъ и считая, что надо дѣйствовать энергично, чтобы тотчасъ же прекратить беспорядки и не давать имъ принять угрожающіе размѣры, немедленно съ горстью нижнихъ чиновъ вошелъ въ городъ и, встрѣченный на

базаръ многочисленной толпой, отвѣтившей грозными криками на приказаніе разойтись, велѣлъ открыть огонь, чѣмъ и заставилъ толпу разбѣжаться, оставивъ на мѣстѣ около десяти человекъ раненыхъ.

Главные виновники холерныхъ беспорядковъ были преданы военному суду. При разсмотрѣніи дѣла судъ по отрывочнымъ показаніямъ свидѣтелей составилъ себѣ не вполне правильное представленіе о событіяхъ 24-го іюня, найдя въ дѣятельности областной администраціи признаки превышенія и бездѣйствія власти, которыя всегда можно отыскать въ дѣятельности любого администратора, обязаннаго считаться иногда съ требованіями даннаго момента; составлено было особое постановленіе, которое повлекло для Николая Ивановича отстраненіе отъ должности губернатора и прикомандированіе въ распоряженіе военного министра. Приѣхавъ въ Петроградъ, Гродековъ доложилъ дѣйствительное положеніе дѣла и обстоятельства, вынудившія его принять тѣ мѣры при подавленіи беспорядковъ, которыя вызвали постановленіе суда. Вскорѣ же послѣ этого послѣдовало назначеніе Гродекова помощникомъ пріамурскаго генераль-губернатора и командующаго войсками Пріамурскаго округа.

Въ новомъ для него краѣ Николай Ивановичъ проявилъ тѣ же выдающіяся административныя способности, занимался дѣломъ широкой русской колонизаціи далекаго края. Будучи назначенъ генераль-губернаторомъ и командующимъ войсками Пріамурскаго округа, Николай Ивановичъ во время подавленія боксерскаго движенія, угрожавшаго безопасности нашего Пріамурья, былъ облеченъ званіемъ главнокомандующаго и сумѣлъ правильнымъ, цѣлесообразнымъ распредѣленіемъ отрядовъ и ясно поставленной послѣднимъ цѣли очень быстро подавить боксерское движеніе въ Сѣверной Манчжуріи и очистить ее отъ мятежниковъ. Послѣдующая японская война воочію должна была убѣдить, что славныя пріамурскія и квантунскія войска, обученныя подъ руководствомъ Гродекова, исключительнымъ мужествомъ и выносливостью обратившія на себя вниманіе, дѣйствительно воспитаны были ихъ старымъ командующимъ войсками надлежащимъ образомъ и не уронили былой славы нашей арміи.

30-го августа 1902 года Николай Ивановичъ былъ назначенъ въ Государственный Совѣтъ. Въ февралѣ 1906 года Гродековъ былъ призванъ на отвѣтственный и требовавшій чрезвычайно напряженной работы постъ главнокомандующаго войсками на Дальнемъ Востокѣ, для ликвидаціи тыла арміи и приведенія ея на мирное положеніе, отправленія въ Россію какъ запасныхъ, такъ и частей войскъ.

Еще на Дальнемъ Востокѣ Гродековъ получилъ предложеніе занять освободившійся послѣ ухода Субботича постъ туркестан-

скаго генераль-губернатора и командующаго войсками туркестанскаго военнаго округа, но Николай Ивановичъ долго колебался принять это назначеніе: крайнее утомленіе, вызванное его трудами по выполненію Высочайшей воли по расформированію арміи и обострившаяся вслѣдствіе этого его хроническая болѣзнь почекъ—вынудили его всеподданнѣйше доложить Государю, что онъ не считаетъ возможнымъ принять отвѣтственный постъ генераль-губернатора въ Туркестанѣ, такъ какъ считаетъ, что у него въ настоящее время нѣтъ уже прежнихъ силъ и энергіи для выполненія Высочайшихъ указаній по управленію этимъ краемъ. Однако кратковременный отдыхъ и успѣшное леченіе склонили его, по настойчивому, повторенному предложенію къ принятію должности генераль-губернатора, хотя на короткій срокъ, и 15-го декабря послѣдовалъ Высочайшій указъ о его назначеніи въ Туркестанъ.

II.

Встрѣча новаго генераль-губернатора.—Взглядъ Гродекова на переселенческое дѣло.—Положеніе Туркестанскаго края въ концѣ 1906 года.—Перемѣны въ личномъ составѣ.—Борьба съ революціоннымъ движеніемъ.—Реорганизация переселенческаго дѣла.—Тренія съ главнымъ управленіемъ земледѣлія по переселенческому вопросу.—Приемъ у генераль-губернатора, рабочій его день.—Заботы о разныхъ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ.—Памятникъ Кауфману—Отношеніе къ Хивѣ и Бухарѣ.—Взглядъ Гродекова на военно-народное управленіе.—Уходъ Николая Ивановича изъ Туркестана.—Память о немъ среди русскаго населенія, особенно отставныхъ ветерановъ, поселившихся въ краѣ.

Помнится, что на второй день Рождества я, какъ управляющій канцеляріей туркестанскаго генераль-губернатора, получилъ телеграмму отъ новаго главнаго начальника края о встрѣчѣ его въ городѣ Казалинскѣ 2-го января 1907 года, вмѣстѣ съ сырь-дарьинскимъ губернаторомъ М. Я. Романовымъ.

Не скрою, что я выѣзжалъ съ тревожнымъ чувствомъ встрѣчать Гродекова. Отъ генерала Мацѣвскаго, временно исполнявшаго должность генераль-губернатора, долго служившаго съ Гродековымъ въ Пріамурѣ и не поладившаго тамъ съ нимъ до того, что пришлось ему, генералу Мацѣвскому, спѣшно озаботиться о переводѣ, я слышалъ много о суровости и грубости Гродекова, неожиданныхъ перемѣнахъ въ его настроеніи, придирчивости и т. п. качествахъ, далеко непріятныхъ въ начальникѣ. Дорогой я рѣшилъ уже, если слова генерала Мацѣвскаго, которому я имѣлъ основаніе, однако, не вполне довѣрять, оправдаются, оставить свою должность, несмотря на горячую любовь мою къ Туркестанскому краю и желаніе служеніемъ ему принести посильную пользу его дальнѣйшему преуспѣянію. Мой спутникъ, сподвижникъ Гродекова, бывшій его начальникъ штаба, генералъ Романовъ, успокаивалъ меня, рисуя Гродекова не такимъ, какъ описывалъ его ге-

пералъ Маѳевскій, и утверждалъ, что Николай Ивановичъ—человѣкъ исключительной справедливости, большой джентльменъ и отъ подчиненныхъ требуетъ лишь трудолюбія, знанія дѣла и честности, ни протекцій, ни женскаго или иного вліянія для него не существуетъ. Характеристика Романова оправдалась вполне при ближайшемъ знакомствѣ съ Николаемъ Ивановичемъ.

Между тѣмъ, бояться нервнаго настроенія Гродекова имѣлись большія основанія: передъ самымъ нашимъ отъѣздомъ изъ Ташкента въ одномъ изъ стрѣлковыхъ батальоновъ были революціонерами похищены два пулемета, настроеніе въ войскахъ было самое тревожное, доходившее до открытаго проявленія неповиновенія, власти проявляли большую растерянность при дерзкихъ выступленіяхъ революціонеровъ, обѣ желѣзныя дороги, соединявшія Туркестанъ съ Россіей, находились въ полной власти желѣзно-дорожнаго союза и т. п.

Какъ теперь помню, при сильной снѣжной метели, какія бывають въ сѣверной части Сыръ-Дарьинской области, подошелъ къ дебаркадеру станціи Казалинскъ поѣздъ съ новымъ начальникомъ края.

Въ поѣздѣ, кромѣ Гродекова и взятаго имъ изъ Россіи личнаго адъютанта (штабсъ-капитана Гриневича), бывшаго адъютанта героя Портъ-Артура Р. И. Кондратенка, находились: военный губернаторъ генералъ Романовъ, встрѣтившій генералъ-губернатора на границѣ области на станціи Саксаульской, мѣстный начальникъ уѣзда, переводчикъ генералъ-губернатора Диваевъ, о которомъ я упомянулъ выше, и нѣсколько человѣкъ почетныхъ киргизовъ, нетерпѣливо желавшихъ скорѣе повидать своего бывшаго любимаго губернатора и выѣзжавшихъ для этого въ Оренбургъ. Гродековъ, въ виду поздняго времени, вышелъ на станцію лишь для пріема представляющихся и депутацій отъ города, туземнаго населенія и уральскихъ казаковъ. Я представился ему въ вагонѣ. Предо мною стоялъ благообразный на видъ, строгій старикъ съ пронизательно смотрящими изъ-подъ очковъ умными, полными живого огня глазами.

Гродековъ быстро оглядѣлъ меня и спросилъ, почему я не остался въ военно-судебномъ вѣдомствѣ, и, повидимому, остался доволенъ моимъ объясненіемъ. Затѣмъ онъ пригласилъ командира 1-го армейскаго корпуса генерала Шницберга, генерала Романова, сыръ-дарьинскаго губернатора и меня обѣдать. Передъ обѣдомъ Гродековъ очень рѣзко выговаривалъ генералу Шницбергу, что онъ въ такую минуту, когда особенно важно было присутствіе его въ Ташкентѣ, вздумалъ выѣзжать ему навстрѣчу, тогда какъ онъ, Гродековъ, опредѣленно указалъ на тѣхъ лицъ, которыхъ онъ нашелъ необходимымъ вызвать къ себѣ изъ Ташкента. За обѣдомъ Гродековъ оказался радушнымъ хозяиномъ, но малоразговорчивымъ. Послѣ обѣда, до глубокой ночи, Гродековъ оставилъ меня и потребовалъ доклада по наиболѣе важнымъ вопросамъ краевого

управленія, показывая глубокое знаніе и широкое поннманіе многихъ вопросовъ, затрагивавшихся при моемъ докладѣ. На мой вопросъ, находить ли онъ возможнымъ продолжать такое же энергичное водвореніе русскихъ переселенцевъ въ Туркестанскій край, какое онъ осуществлялъ, будучи губернаторомъ, Николай Ивановичъ отвѣтилъ, что, несомнѣнно, заселеніе русскими, и не только земледѣльцами, но и ремесленниками, Туркестана—вопросъ первостепенной государственной важности, но рѣшать его теперь, при совершенно измѣнившихся по сравненію съ прежними условіяхъ жизни края такъ, какъ дѣлалось это раньше, нельзя. Прежде было достаточно количество орошенныхъ земель въ пользованіи киргизовъ, и можно было безъ особаго ущерба для туземнаго населенія отбирать эти земли, тѣмъ болѣе, что тогда лишь ничтожный процентъ киргизскаго населенія занимался земледѣліемъ, теперь же, какъ онъ читалъ и видитъ самъ, процентъ осѣданія киргизовъ на землѣ принялъ такіе размѣры, что большинство киргизовъ надо признать земледѣльцами; кромѣ того, самое населеніе значительно увеличилось, слѣдовательно, свободныхъ, орошенныхъ земель или совѣмъ нѣтъ, или такое осталось ничтожное ихъ количество, что о широкомъ переселеніи на нихъ не можетъ быть и рѣчи. По мнѣнію Гродекова, для переселенія надо орошать новыя земли, какихъ въ Туркестанѣ осталось еще достаточно количество, но не слѣдуетъ отнимать у туземнаго населенія его личнымъ трудомъ орошенныя земли и возбуждать тѣмъ недовольство противъ нашего управленія, недовольство тѣмъ болѣе нежелательное, что туземное населеніе составляло болѣе девяноста процентовъ, представляя сплошную, однородную, не въ смыслѣ этнографическомъ, а въ смыслѣ вѣрованія и обычаевъ, массу. На станціяхъ отъ вниманія Гродекова не ускользнули огромные запасы саксаула, съ которымъ тянулись по степи безконечныя караваны верблюдовъ. Оказалось, что не только паровозы, но и всѣ станціонныя зданія отапливались саксауломъ, и отъ прежнихъ саксауловыхъ лѣсовъ, охранявшихъ край отъ грознаго нашествія песковъ пустыни, сохранились лишь жалкіе остатки. Немедленно же мною, по приказанію Гродекова, составлено было сношеніе съ начальниками обѣихъ мѣстныхъ желѣзныхъ дорогъ (Сыръ-Дарьинской и Ташкентской) для выясненія вопроса о возможности замѣны саксаула минеральнымъ топливомъ.

На тѣхъ станціяхъ, близъ которыхъ были русскія селенія, Гродекова выходило встрѣчать сплошь все населеніе обоихъ половъ, взрослые и дѣти. Надо было видѣть, какъ трогательны были эти встрѣчи. Николай Ивановичъ помнилъ многихъ крестьянъ по фамиліямъ, даже зналъ семейныя отношенія, поражая своей феноменальной памятью; вообще не краснорѣчивый, онъ умѣлъ говорить съ простымъ народомъ на понятномъ послѣднему языкѣ и такъ просто, тепло, сердечно, находя сказать каждому слово одобренія,

дать мудрые хозяйственные и вообще дѣловые совѣты. На одной изъ станцій, близъ Ташкента, крестьяне нѣсколькихъ окрестныхъ селеній поднесли Гродекову иконы, и одинъ изъ ихъ среды такъ мѣтко и душевно представилъ всю дѣятельность Николая Ивановича по созданію ихъ поселковъ, что рѣчь эта могла служить для Гродекова лучшей наградой, какъ дѣйствительно вѣрная оцѣнка его великаго подвига по созиданію русскихъ культурныхъ уголковъ среди пустынь Туркестана, окруженныхъ еще полудикимъ населеніемъ.

Въ Ташкентѣ Гродекова ждала огромная, изо дня въ день текущая работа по управленію обширнымъ, еще далеко не устроеннымъ краемъ въ эпоху еще не улегшагося революціоннаго броженія, когда жизнь главнаго начальника почти непрестанно находилась въ опасности.

Такія революціонныя выступленія, какъ убійство генерала Ульянина, ограбленіе самаркандской желѣзнодорожной станціи, ограбленіе чарджуйскаго казначейства, напряженный трудъ по созиданію противодѣйствія ничѣмъ раньше до Гродекова не сдерживаемой работѣ мѣстнаго краевого революціоннаго комитета, во главѣ котораго стоялъ одинъ изъ талантливыхъ революціонеровъ, бывший студентъ томскаго университета Сергѣй Мароховъ, или, по революціонной кличкѣ, Сергѣй-офицеръ, казненный по приговору суда во время управленія краемъ генераль-адъютантомъ Мищенко.

Личный составъ лицъ, стоявшихъ во главѣ областей Туркестанскаго края, былъ въ то время очень неудовлетворительный: одинъ изъ губернаторовъ считался завѣдомымъ алкоголикомъ, другой подпалъ совершенно подъ вліяніе своего свойственника, не только человека революціонныхъ убѣжденій, но, повидимому, находившагося въ составѣ социаль-революціонной партіи, третій былъ недостаточно дѣятельный и въ управленіи войсками и областью проявлялъ полную безпечность и слабость, доходившую до потворства; только въ Ферганской области царило относительное спокойствіе, благодаря твердымъ и рѣшительнымъ мѣрамъ тогдашняго губернатора.

Такимъ образомъ, составъ ближайшихъ сотрудниковъ Гродекова на мѣстахъ, въ областяхъ требовалъ скорѣйшей перемѣны въ интересахъ дѣла, съ этого и надо было начинать свою дѣятельность новому генераль-губернатору. Но извѣстно, какъ трудно у насъ въ Россіи удалить плохого администратора, особенно если онъ занимаетъ важный постъ; сейчасъ же являются соображенія жалости къ почтенному сановнику, у него являются вліятельные заступники, затѣвается безконечная переписка, высказывается неудовольствіе за излишнее придирчивое отношеніе и т. п. Такъ произошло съ Гродековымъ. Больше всего огорченій и непріятностей онъ пере-

жилъ съ перемѣнами высшихъ чиновъ въ составѣ областныхъ управленій, создавъ себѣ много непримиримыхъ враговъ.

Черезъ нѣсколько дней по прибытіи въ Ташкентъ Николай Ивановичъ вызвалъ меня однажды къ себѣ поздно вечеромъ и сказалъ, что не считаетъ возможнымъ скрыть отъ меня, такъ какъ привыкъ дѣйствовать всегда открыто, безъ лицемѣрія, что передъ прїѣздомъ въ Туркестанъ уговорился со своимъ бывшимъ сотрудникомъ по управленію Пріамурскимъ краемъ, почтеннымъ г. Щ., о предоставленіи ему должности управляющаго канцеляріей, если при ближайшемъ знакомствѣ со мною я окажусь не соответствующимъ; но теперь, такъ какъ я выдержалъ испытаніе и оказался, по мнѣнію Николая Ивановича, вполне подходящимъ сотрудникомъ, онъ не желаетъ и по совѣсти не можетъ желать лучшаго, почему и проситъ меня остаться управляющимъ канцеляріей, а Щ. напишетъ о положеніи дѣла. При этомъ Гродековъ высказалъ мнѣ свой руководящій взглядъ на мѣну подчиненныхъ служащихъ при назначеніи новыхъ начальствующихъ лицъ; онъ чрезвычайно осуждалъ такую мѣру, если она основана на желаніи новаго начальника окружить себя своими лицами, находя, что отъ этого чрезвычайно страдаетъ самое дѣло управленія, такъ какъ иногда лица опытные и вообще достойныя смѣняются негодными или просто даже худшими новичками въ краѣ, которымъ надо употреблять много времени для ознакомленія съ новыми дѣлами, новыми условіями службы и т. п. Кромѣ того, вокругъ начальника создается средостѣніе изъ близкихъ, а иногда и родственныхъ ему лицъ, которыя стараются скрывать отъ него различныя непріятности; не находясь сами въ кругу мѣстныхъ интересовъ, они не въ силахъ бываютъ и генераль-губернатора держать въ курсѣ послѣднихъ и т. п.

Исходя изъ этого взгляда, даже своего личного адъютанта, доставшагося ему по наслѣдству отъ предмѣстника по должности, Гродековъ долго терпѣлъ, несмотря на отрицательныя нравственныя и служебныя его свойства, и лишь при явно обнаружившейся его недоброкачественности удалилъ. Во время моей службы при Николаѣ Ивановичѣ я убѣдился, что для него, какъ мнѣ говорили знавшіе его по прежней службѣ, не существуетъ ни протекцій, ни какого-либо вообще посторонняго вліянія при оцѣнкѣ сотрудниковъ, подчиненныхъ, а мѣриломъ его благоволенія служатъ ихъ личныя качества, служебныя и нравственныя.

Тяжелое бремя управленія принялъ на себя Николай Ивановичъ съ должностью главнаго начальника Туркестанскаго края; по постановленію центрального комитета социаль-революціонной партіи, рѣшено было въ интересахъ партійнаго дѣла обратить особое вниманіе на агитаціонную дѣятельность партій на окраинахъ и въ частности въ Туркестанѣ.

Комитетъ находилъ, что условія дѣятельности партійныхъ работниковъ въ Туркестанѣ особо благопріятны: ничтожный и неудовлетворительный составъ городской полиціи, полное отсутствіе уѣздной, неудовлетворительное экономическое положеніе служащихъ на окраинныхъ желѣзныхъ дорогахъ и неблагонадежный составъ ихъ, давшій возможность организовать ихъ въ желѣзнодорожный союзъ, захватившій цѣликомъ въ свои руки обѣ желѣзныя дороги: Ташкентскую и Средне-Азіатскую; наконецъ, неудовлетворительный составъ высшихъ чиновъ, поставленныхъ на отвѣтственные посты военныхъ губернаторовъ.

Уже при Гродековѣ послѣдовалъ цѣлый рядъ дерзкихъ выступленій революціонеровъ: ко дню его пріѣзда на границы края изъ воинской части въ Ташкентѣ, какъ упомянуто выше, были похищены пулеметы, затѣмъ совершенно дерзкое нападеніе на станцію Самаркандъ, охранявшуюся воинскомъ карауломъ, такое же нападеніе на чарджуйское казначейство, съ похищеніемъ на партійныя нужды болѣе четырехсотъ тысячъ, убійство начальника Средне-Азіатской дороги генерала Ульянина. Въ одномъ изъ областныхъ городовъ, на глазахъ губернатора, толпа учащейся молодежи съ красными флагами, пѣніемъ революціонныхъ пѣсенъ провожала отъѣзжавшаго члена Государственной Думы и, съ разрѣшенія губернатора, войсковой казачій хоръ сопровождалъ эту процессію по улицамъ города, играя похоронный маршъ «самодержавію». По словамъ губернатора, все это было устроено однимъ изъ политическихъ ссыльныхъ, котораго губернаторъ, однако, не считалъ себя въ правѣ арестовать.

Въ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ слѣдовалъ рядъ безпорядковъ. Господа губернаторы обнаруживали полное незнакомство не только съ партійными платформами социаль-революціонеровъ, социаль-демократовъ, путая эти партіи одну съ другой, но и просто съ тѣмъ, какія именно партіи являются противоправительственными и преслѣдуютъ дѣятельность революціонную и какія допускаются правительствомъ. Одинъ изъ губернаторовъ обратился къ главному начальнику края, прося его о высылкѣ помощника присяжнаго повѣреннаго, которому инкриминировалось участіе во всѣхъ противоправительственныхъ партіяхъ. Требовалась, ввиду описаннаго положенія вещей въ краѣ, усиленная энергія и напряженная работа со стороны генераль-губернатора, чтобы, несмотря на неблагопріятныя условія по борьбѣ съ дѣятельностью революціонныхъ организацій, ликвидировать смуту и водворить порядокъ. Дѣйствительно, съ этой задачей Николай Ивановичъ Гродековъ въ концѣ концовъ блестяще справился: ко дню его отъѣзда изъ края революціонное движеніе было подавлено, главари движенія арестованы, преданы суду, а часть вредныхъ, неблагонадежныхъ партійныхъ работниковъ выселена изъ края. Поступая твердо и неуклонно,

приводя въ исполненіе задуманное по успокоенію края, Гродековъ никогда не былъ жестокимъ человѣкомъ и всегда стремился поступать хотя и рѣшительно, но справедливо и законно, не допуская никакихъ эксцессовъ со стороны власти. Когда къ нему обратились съ настойчивымъ требованіемъ выслать изъ края сразу болѣе двухсотъ служащихъ на желѣзной дорогѣ и удостовѣрили, что безъ этой мѣры нельзя вырвать краевыя желѣзныя дороги изъ рукъ революціоннаго союза, слагая, въ случаѣ непринятія этой мѣры, отвѣтственность на генераль-губернатора, Гродековъ потребовалъ самаго подробнаго изслѣдованія вины каждаго изъ назначенныхъ къ высылкѣ. Не удовлетворяясь представленными свѣдѣніями, сбивчивыми, неточными и совершенно произвольными, онъ, не боясь взять на себя окончательное рѣшеніе и примѣнить такую исключительную мѣру, если бы была доказана необходимость и основательность ея въ примѣненіи къ каждому, отказалъ, послѣ тщательнаго обсужденія этого вопроса въ особомъ совѣщаніи, въ высылкѣ, несмотря и на настояніе изъ Петербурга, ограничивъ высылку лишь нѣсколькими дѣйствительно вредными агитаторами. Осторожность Гродекова въ этомъ дѣлѣ оказалась впоследствии вполне цѣлесообразной.

По мысли Гродекова, дѣло политическаго розыска было организовано и поставлено вмѣстѣ съ тѣмъ въ зависимость непосредственную отъ генераль-губернатора, а не департамента полиціи, такъ какъ Гродековъ (какъ и послѣдній министръ внутреннихъ дѣлъ Н. А. Маклаковъ) находилъ, что въ рукахъ мѣстной власти должны быть сосредоточены все органы полиціи, какъ внѣшней, такъ и политической, безраздѣльно.

Не могу при этомъ не упомянуть, что враги Николая Ивановича распространили слухи, что Гродековъ, боясь покушеній на его жизнь, испугался и никуда изъ генераль-губернаторскаго дома не выходилъ. Удостовѣряю, что это гнусная ложь, въ дѣйствительности Николай Ивановичъ, такъ доказавшій свое беззащитное мужество и храбрость прежней своей боевой службой и дѣятельностью, стяжавшій признаніе своей храбрости со стороны нашего незабвеннаго героя М. Д. Скобелева, никогда не цѣнилъ своей жизни, и чувство страха было ему совершенно чуждо. Зная, что на его жизнь дѣйствительно готовился рядъ покушеній, Николай Ивановичъ, когда ему приходилось выѣзжать изъ дома, не скрывалъ этого, никогда не бралъ конвоя, не окружалъ себя агентами охраны, ѣздилъ въ открытомъ экипажѣ, выходилъ же Николай Ивановичъ изъ дома рѣдко вслѣдствіе мучившей его и обострившейся въ Туркестанѣ его хронической болѣзни почекъ.

Вскорѣ по приѣздѣ въ Туркестанъ Гродековъ проявилъ самое живое отношеніе къ правильной и широкой постановкѣ переселенческаго дѣла. Особенно озабочивало Гродекова отсутствіе

въ дѣятельности чиновъ переселенческаго управленія руководящей программы, разрозненность, несогласованность ихъ дѣйствій, противорѣчіе ихъ съ дѣйствующимъ закономъ.

Гродековъ для парализованія описанныхъ недостатковъ призналъ необходимымъ домогаться объединенія дѣятельности чиновъ переселенческаго управленія въ лицѣ начальника мѣстнаго управленія земледѣлія. Затѣмъ Гродекову пришлось обратить вниманіе также на неполное соотвѣтствіе личнаго состава названнаго управленія. У одного завѣдывающаго переселенческимъ дѣломъ замѣчалась крайняя медленность въ устройствѣ переселенцевъ, отводѣ имъ участковъ и т. п. Несмотря на всѣ усилія и обычную для Гродекова настойчивость, особенно въ такомъ неизмѣнно близкомъ его сердцу дѣлѣ, какъ водвореніе русскихъ земледѣльцевъ въ Туркестанѣ, этотъ чиновникъ тянулъ безконечную канитель, не могъ наладить дѣла орошенія отводимаго для переселенцевъ участка и т. п., и созданіе одного изъ поселковъ затянулось на цѣлыхъ почти три года; впослѣдствіи были найдены денежныя злоупотребленія въ управленіи этого чиновника, а также неудачный имъ выборъ подчиненныхъ, одного изъ которыхъ, какъ несомнѣнно партійнаго чловека, Гродековъ опротестовалъ. Пришлось просить о смѣнѣ этого лица, что и удалось, но лишь послѣ долгой переписки.

Другой чинъ того же управленія умѣлъ чрезвычайно преувеличивать успѣхи своей дѣятельности на бумагѣ и доносилъ въ Петроградъ, чтобы оправдать неудачные результаты своей работы, что его дѣятельность встрѣчаетъ препятствіе со стороны мѣстныхъ властей, съ генераль-губернаторомъ во главѣ; онъ же, вопреки закона, захватывалъ не только орошенныя самими киргизами земли, но и усадебныя ихъ участки и т. п. Однако Гродекова трудно было провести въ такомъ дѣлѣ, опытный его глазъ, какъ стараго землеустроителя и неутомимаго колонизатора, сразу же установилъ фальшь въ дѣятельности этого чиновника; началась переписка съ Петроградомъ, гдѣ упорно отстаивали своего агента, которому безгранично довѣряли. Трение между генераль-губернаторомъ и Петроградомъ по этому вопросу ужасно огорчало главнаго начальника края, который видѣлъ свое безсиліе даже въ такомъ, по существу, небольшомъ дѣлѣ. Только недавно, спустя 6 лѣтъ послѣ оставленія Гродековымъ края, когда самъ начальникъ переселенческаго управленія на мѣстѣ обревизовалъ дѣятельность этого чиновника, послѣдній наконецъ былъ отозванъ изъ Туркестана и замѣненъ дѣйствительно выдающимся по энергіи, честнымъ работникомъ. Но спрашивается, насколько такое недовѣріе къ ходатайству главнаго начальника и оставленіе на многіе годы столь важнаго для Туркестана дѣла, какъ водвореніе русскихъ переселенцевъ, въ рукахъ несоотвѣтствующаго правительственнаго агента повредило успѣху этого дѣла и, наконецъ, дискредитировало авторитетъ ге-

нераль-губернатора? Вѣроятно, этому же дѣятелю Гродековъ былъ отчасти обязанъ распущеннымъ въ Петроградѣ слухомъ, что онъ впалъ въ дѣтство, что его разбилъ параличъ и т. п., благо за нѣсколь-ко тысячъ верстъ отъ Петрограда можно рассказывать все что угодно о туркестанскихъ дѣлахъ и, чѣмъ хуже, тѣмъ больше будетъ охотниковъ этому вѣрить.

Такимъ образомъ, въ Петроградѣ создалась легенда о томъ, что краемъ управляетъ не генераль-губернаторъ, а его управляющій канцеляріей, причѣмъ меня изображали не только мусульманиномъ (что легко было сдѣлать ввиду моей фамиліи, хотя натурализовавшейся въ Россіи со времени великаго князя Василя Темнаго), но и явнымъ сепаратистомъ, стремящимся повредить дѣлу русской колонизаціи ради интересовъ туземнаго населенія.

Главное управленіе земледѣлія, въ лицѣ тогдашняго главноуправляющаго, не только относилось критически ко всѣмъ представленіямъ Гродекова, но дошло до того, что 26-го декабря 1907 года Гродекову послана была чрезвычайно дерзкая, вызывающая телеграмма, въ которой въ юмористической формѣ предлагалось выселить всѣхъ русскихъ переселенцевъ изъ края и навсегда закрыть силою оружія доступъ въ него русскимъ людямъ. Эта телеграмма чрезвычайно оскорбила генераль-губернатора. Впослѣдствіи, въ лицѣ нынѣшняго главноуправляющаго земледѣліемъ, почтеннѣйшаго А. В. Кривошеина, дѣйствительно энергично проводящаго различныя продуманныя и вполне практическія мѣропріятія по широкому населенію Туркестана, путемъ орошенія новыхъ огромныхъ пространствъ свободной государственной земли, путемъ устройства, въ земельномъ отношеніи, коренного туземнаго населенія (вслѣдствіе чего выясняются излишки земель, находившихся въ пользованіи осѣвшихъ нынѣ, бывшихъ кочевниковъ), главное управленіе земледѣлія, въ основныхъ положеніяхъ, пришло именно къ тому взгляду на основы и задачи переселенческаго дѣла, который высказывалъ и Гродековъ. Съ чувствомъ полного нравственнаго удовлетворенія рассказывалъ онъ намъ, что, еще при покойномъ П. А. Столыпинѣ дѣятельность его по переселенческому вопросу была предметомъ сужденія Совѣта Министровъ, и Петръ Аркадьевичъ сказалъ Николаю Ивановичу, что Совѣтъ Министровъ призналъ его дѣятельность безупречной. Между тѣмъ въ то время почти всякая новая бумага изъ главнаго управленія земледѣлія приносила какое-либо огорченіе для генераль-губернатора или возбуждала какія-либо тренія.

Мы убѣждены, что именно эти неналадившіяся отношенія не только дѣйствовали угнетающимъ образомъ на Гродекова, подрывая въ конецъ его здоровье, но и привели его къ твердой рѣшимости просить государя объ отозваніи изъ края, такъ, по крайней мѣрѣ, высказывался иногда самъ Николай Ивановичъ.

Какою страшною и злой проніей представлялся упрекъ, брошенный Гродекову, что онъ, этотъ до мозга костей русскій государственный дѣятель, съ такой энергіей и любовью относившійся къ дѣлу водворенія русскаго населенія въ Туркестанѣ, якобы противо-дѣйствовалъ, какъ генераль-губернаторъ, широкому заселенію края русскими людьми! Выше мы упомянули, какъ Гродековъ, будучи губернаторомъ, предъявлялъ къ своимъ подчиненнымъ требованіе обстоятельнаго знакомства съ мѣстнымъ языкомъ, бытомъ и вѣрованіями туземцевъ; эти же требованія въ болѣе широкихъ размѣрахъ стали предъявлять онъ и какъ генераль-губернаторъ, выражая настойчивое пожеланіе, чтобы, въ виду особенностей края, населеннаго сплошнымъ мусульманскимъ населеніемъ (свыше 90 проц.), съ своеобразной культурой, объединеннаго во всѣхъ проявленіяхъ своей жизни религіей Магомета, служащіе въ краѣ основательно были знакомы съ положеніемъ мусульманскаго вопроса и мѣстными языками. Проектъ закона по этому вопросу, однако, былъ въ Петроградѣ отвергнутъ.

Въ дни пріемовъ у генераль-губернатора просителей домъ его, при Гродековѣ, осаждался цѣлыми толпами русскихъ земледѣльцевъ, являвшихся или съ благодарностью къ своему любимому устроителю и благодѣтелю за всѣ его заботы и вниманіе, или добивающихся, съ глубокой вѣрою въ его справедливость, правды въ своихъ дѣлахъ, или новыхъ переселенцевъ, просящихъ объ отводѣ земли, зная, какъ по истинѣ о нихъ позаботится и горячо за ихъ интересъ постоитъ Николай Ивановичъ и своею настойчивостью, добьется удовлетворенія ихъ пожеланій, если къ тому представится кака-либо возможность.

Но не только дѣло водворенія въ краѣ порядка, улучшенія личнаго состава и выбора на соотвѣтственные мѣста лицъ, знакомыхъ съ мѣстными особенностями, а также переселенческое и землеустроительное дѣло пользовались вниманіемъ Гродекова, его широкой, просвѣщенный взглядъ государственнаго человѣка, и при томъ съ хорошей русской душой, знавшаго, какъ немногіе, край и всѣ его особенности, давалъ ему возможность возбудить и правильно освѣтить рядъ вопросовъ, направленныхъ на благо края, улучшеніе его управленія, подъемъ экономическихъ силъ населенія, увеличеніе доходовъ и уменьшеніе расходовъ фиска по Туркестану. Но я боюсь утомлять читателя подробнымъ перечнемъ всего, что сдѣлано было или начато было Гродековымъ въ различныхъ отрасляхъ управленія и жизни края экономической и духовной; о многомъ не настало еще время говорить, не прошла законная историческая давность. Упомяну лишь, что большинство законопроектовъ, получившихъ законодательную санкцію за послѣднія пять-шесть лѣтъ, носили на себѣ слѣды его работы, его мысли. Особенное вниманіе Николай Ивановичъ удѣлялъ всему тому, что имѣло просвѣтительное значе-

ніе для края лиц вело къ его благосостоянію, къ прочному закрѣпленію его за имперіей.

Съ самаго ранняго утра и оканчивая позднимъ вечеромъ, тянулся рабочій день Гродекова: иногда съ семи часовъ утра Николай Ивановичъ уже сидѣлъ за работой, обложенный докладами, справками, справочными книгами, законами. Онъ, какъ немногіе изъ нашихъ администраторовъ, былъ врагомъ произвола. Одинъ изъ бывшихъ сотрудниковъ Гродекова по управленію Пріамурскимъ краемъ рассказывалъ намъ очень характерный анекдотъ, какъ высоко цѣнилъ Николай Ивановичъ законность.

Разсказчикъ, назначенный со строевой должности на постъ губернатора, пришелъ къ Гродекову поблагодарить за назначеніе, какъ инициатора этого выбора, при чемъ просилъ Николая Ивановича дать ему руководящія указанія въ этой новой дѣятельности. Вообще малоразговорчивый, Николай Ивановичъ, молча выслушавъ благодарность и просьбу разсказчика, также молча отправился въ дальній уголъ кабинета, взялъ со стола какую-то очень солидную книгу и, принеся ее, сказалъ новому губернатору: «Вотъ куда чаще заглядывайте и тамъ ищите прежде всего указаній». Эта книга была «Сводомъ Законовъ Россійской Имперіи». Не надо думать, однако, чтобы Гродековъ былъ формалистомъ - законникомъ, такъ какъ вообще всякій бездушный формализмъ былъ чуждъ ему, человѣку пракческаго склада ума и большого жизненнаго, административнаго опыта.

Много средствъ Николай Ивановичъ употребилъ, какъ личныхъ своихъ, такъ и находившихся въ его распоряженіи по званію Генераль-губернатора, на развитіе просвѣтительныхъ учрежденій въ краѣ: туркестанскаго музея, туркестанской публичной бібліотеки, а также на созданіе будущей картинной галереи въ Ташкентѣ, которая должна была бы имѣть и поучительное, въ смыслѣ знакомства по историческимъ картинамъ съ великой эпопеей завоеванія нашего Туркестана, значеніе, и служила бы для развитія художественнаго вкуса на далекой окраинѣ. Для первой цѣли Гродековъ нашелъ средства къ командированію одного изъ мѣстныхъ художниковъ въ Петроградъ для снятія копій съ батальныхъ каразинскихъ картинъ, затѣмъ вошелъ въ переписку съ музеями, въ которыхъ хранятся верещагинскія картины изъ туркестанской жизни. Для второй цѣли онъ обратился къ академіи художествъ, прося выслать въ Ташкентъ нѣсколько картинъ и гипсовъ для будущей художественной галереи. Копіи съ каразинскихъ картинъ въ настоящее время находятся въ генераль-губернаторскомъ домѣ, копіи же съ верещагинскихъ картинъ такъ и не были сняты, въ виду отъѣзда Гродекова изъ Туркестана; академія художествъ прислала нѣсколько картинъ, но онѣ, къ сожалѣнію, не могли быть помѣщены въ старомъ, тѣсномъ зданіи музея и находятся въ разныхъ

мѣстахъ; идея же картинной галереи и новаго зданія музея до сихъ поръ такъ и осталась не осуществленной съ уходомъ изъ края ея инициатора.

При Гродековѣ расширена была значительно публичная библіотека пріобрѣтеніемъ нѣкоторыхъ цѣнныхъ изданій и т. д.; но само главное, что сдѣлалъ Гродековъ для библіотеки, это изыскалъ средства на продолженіе полезнѣйшаго труда, начатаго Межовымъ при Кауфманѣ и прекратившагося при баронѣ Розенбахѣ, такъ называемаго Межовскаго сборника, заключавшаго въ себѣ все, что ни выходило въ свое время о Туркестанѣ въ періодической литературѣ.

Русскій по душѣ, Николай Ивановичъ горячо любилъ родное искусство во всѣхъ его проявленіяхъ, поддерживая его всеми имѣвшимися у него средствами. Въ послѣдніе годы онъ радовался замѣчаемому подъему національнаго чувства, развитію нашего самосознанія.

Что память устроителя и покорителя Туркестанскаго края К. П. фонъ-Кауфмана, Гродековъ, будучи назначенъ туркестанскимъ генераль-губернаторомъ, испросилъ Высочайшее соизволеніе на открытіе всероссійской подписки на сооруженіе памятника Кауфману. Только благодаря Николаю Ивановичу Гродекову, поставленному во главѣ комитета по сбору пожертвованій, удалось собрать въ короткое время капиталъ въ 70.000 рублей на эту цѣль, и въ 1913 году открыть, памятникъ первому туркестанскому генераль-губернатору.

Николай Ивановичъ не только обладалъ обширными знаніями со туркестановѣдѣнію, исторіи, географіи, этнографіи сопредѣльныхъ странъ, но постоянно пополнялъ эти свѣдѣнія, не пропуская до самаго дня своей роковой болѣзни ни одной статьи, ни одной книги въ этой области. Знаніе сопредѣльныхъ странъ, основанное не только на широкомъ литературномъ знакомствѣ съ ними, но и личныхъ путешествіяхъ въ С. Афганистанъ и Персію, привело Гродекова къ идеѣ о Трансъ-индійской желѣзной дорогѣ. Эта идея очень занимала Николая Ивановича; намъ лично приходилось собирать, по порученію генераль-губернатора, немало различныхъ справокъ для основательнаго освѣщенія интересовавшей его идеи. Николай Ивановичъ находилъ, что проводить эту дорогу, имѣющую огромное торговое и политическое значеніе для всей имперіи и особенно для оживленія Закаспійской области, надо не черезъ Афганистанъ, какъ думали ранѣе, а черезъ Персію, которая вошла въ сферу нашего вліянія послѣ англо-русскаго соглашенія и гдѣ природа представляетъ меньше трудностей для такого сооруженія, а населеніе менѣе воинственное, болѣе дружелюбно къ намъ настроенное, чѣмъ въ Афганистанѣ. По мысли Гродекова, дорога должна была начинаться за нѣсколько станцій отъ Кушки,

Мервекской вѣтви Средне-Азіатской дороги, и входитъ въ предѣлы Индіи у гор. Нушки въ Белуджистанѣ.

Идея Гродекова нашла себѣ сочувственный откликъ въ англійскомъ парламентѣ. Намъ представляется избранное имъ направленіе болѣе отвѣчающимъ нашимъ экономическимъ и политическимъ интересамъ, чѣмъ направленіе отъ Джульфы съ нашей кавказско-персидской границы.

Въ отношеніяхъ къ ханствамъ Хивѣ и Бухарѣ Гродековъ придерживался мнѣнія о желательности сохраненія за этими ханствами правъ на самостоятельное существованіе, но признавалъ желательнымъ болѣе бдительный за ними контроль, преимущественно за продажнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ хищнымъ туземнымъ чиновничествомъ, чтобы не допускать такой безсовѣстной эксплуатаціи имъ населенія, какая имѣла мѣсто до послѣдняго времени.

Съ управителями названныхъ ханствъ Гродековъ поддерживалъ отношенія дружественныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ полныя достоинства, соотвѣтствующаго его высокому положенію, какъ главнаго начальника края и высшаго на мѣстѣ представителя русской правительственной власти. Съ покойнымъ эмиромъ бухарскимъ его связывали болѣе интимныя отношенія, основанныя на болѣе близкомъ ихъ личномъ знакомствѣ, согрѣтыя со стороны эмира благодарнымъ чувствомъ къ Гродекову за ту поддержку, которую Николай Ивановичъ, исполняя временно обязанности туркестанскаго генералъ-губернатора, оказалъ эмиру послѣ смерти его отца эмира Музафа, при вступленіи его въ управленіе ханствомъ.

Покойный эмиръ, самъ человекъ большого ума, на цѣлую голову стоявшій выше окружавшихъ его, не только своихъ бухарскихъ министровъ, но и многихъ нашихъ дипломатическихъ агентовъ, состоявшихъ при бухарскомъ правительствѣ, говорилъ намъ лично, что послѣ Кауфмана, какъ правителя Туркестана, онъ ставитъ Гродекова и по знанію послѣднимъ края, и по свойствамъ его ума и характера; при этомъ эмиръ утверждалъ, что Гродековъ пользуется большими симпатіями туземнаго населенія не только въ предѣлахъ нашихъ владѣній, но и въ Бухарѣ и Хивѣ, слывя за человека строгаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ справедливаго.

Начавъ свою службу въ Туркестанѣ еще въ періодъ завоеванія края, когда, присоединяя постепенно къ имперіи различныя ханства, въ цѣломъ объемѣ или по частямъ, приходилось сначала вводить примитивное, чисто военное управленіе, главная дѣятельность котораго состояла въ поддержаніи порядка и повиновеніи власти со стороны мѣстнаго населенія, и, заканчивая свою службу, послѣ почти тридцатилѣтняго обладанія нашего краемъ, созданія въ немъ культурныхъ условій жизни, соединенія Туркестана непрерывнымъ рельсовымъ путемъ съ остальной имперіей и т. п., при дѣйствіи, однако, почти того же по имени военно-народнаго управленія, Гро-

дековъ, какъ знатокъ края, высказывалъ свое глубокое убѣжденіе въ томъ, что оставленіе края въ вѣдѣніи военнаго министерства и при дѣйствующемъ въ немъ военно-народномъ управленіи (или, какъ оно именуется, административно-полицейскомъ) представляется печальнымъ недоразумѣніемъ.

По мнѣнію Гродекова, такой порядокъ управленія ведетъ къ обособленію края отъ имперіи, сохраняя въ немъ исключительное положеніе, почему онъ привѣтствовалъ Высочайшее повелѣніе 1906 года о передачѣ Туркестана въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ, до настоящаго времени, однако, не приведенное въ исполненіе.

Заканчивая наши воспоминанія о дѣятельности Гродекова въ должности туркестанскаго генераль-губернатора, мы считаемъ необходимымъ упомянуть, хоть нѣсколькими словами, о частной его жизни.

Николай Ивановичъ при блестящемъ образованіи, исключительной начитанности обладалъ самыми широкими умственными запросами; кругъ его чтенія и вообще любознательности былъ очень великъ: то мы видѣли у него книги историческаго содержанія, преимущественно по русской исторіи, исторіи Востока и древняго міра, то находили богословскія книги, то путешествія, то сочиненія по исторіи искусства, наконецъ, произведенія современныхъ беллетристовъ; Николай Ивановичъ читалъ немало и газетъ и толстыхъ журналовъ, не пропуская ничего интереснаго изъ области нашей политики, внѣшней и внутренней, описанія странъ Востока и Сѣверной Азіи преимущественно и т. д. Приобрѣтаемыя книги Николай Ивановичъ большею частью дарилъ въ разныя городскія бібліотеки Сыръ-Дарынскій области, въ публичную бібліотеку въ Ташкентѣ или въ ташкентскій военный госпиталь. Память у Николая Ивановича была по истинѣ—феноменальная, онъ быстро и основательно усваивалъ себѣ прочитанное, которое цѣлко удерживалось въ его памяти. Скрамный и застѣнчивый, Николай Ивановичъ не любилъ большого и особенно незнакомаго общества; на большихъ торжественныхъ приѣмахъ, парадахъ и т. п. онъ не терялся, сохранялъ полное достоинство, но предпочиталъ тѣсный кружокъ близкихъ по душѣ людей, въ кругу которыхъ онъ, обычно крайне молчаливый, дѣлался разговорчивымъ, милымъ и чрезвычайно интереснымъ собесѣдникомъ. На приѣмахъ просителей и представляющихся Николай Ивановичъ терпѣливо выслушивалъ каждаго, и всякое его замѣчаніе, всякое его слово было сказано умно и кстати, иногда съ большимъ юморомъ. Ораторскимъ талантомъ Господь, вообще щедро надѣлившій Гродекова, не одарилъ его, и Николай Ивановичъ старался не выступать съ публичными рѣчами. Однажды онъ передалъ намъ такой случай, имѣвшій съ нимъ мѣсто въ Государственномъ Совѣтѣ, еще

въ бытность предсѣдателемъ послѣдняго великаго князя Михаила Николаевича. На повѣсткѣ очереднаго засѣданія стоялъ вопросъ о закрытіи порто-франко на Дальнемъ Востокѣ. Николай Ивановичъ, какъ бывшій пріамурскій генераль-губернаторъ, интересовавшійся этимъ вопросомъ, собралъ много матеріаловъ и приготовилъ, т.-е. написалъ довольно длинную рѣчь, которую и началъ читать во время общаго собранія, однако былъ остановленъ предсѣдательствующимъ, напомнившимъ, что, согласно наказа, желающіе выступать съ рѣчами должны предварительно записываться, для опредѣленія очереди, и, кромѣ того, рѣчи въ Государственномъ Совѣтѣ не читаются, а произносятся устно. Замѣчаніе великаго князя такъ смутило Николая Ивановича, что онъ, не обладавшій отъ природы даромъ слова, по его словамъ, совершенно смѣшался и молча сѣлъ, не пытаясь болѣе выступать въ качествѣ оратора. Свою дѣятельность онъ перенесъ въ разныя комиссіи Государственнаго Совѣта, гдѣ оказывалъ огромную пользу своими знаніями и опытомъ.

Образъ жизни Николая Ивановича былъ самый умѣренный; въ одномъ лишь Николай Ивановичъ допускалъ нѣкоторыя излишества, а именно въ ѣдѣ, ѣлъ онъ много и любилъ поѣсть, но выборъ кушаній былъ чрезвычайно простой; требовалось лишь, чтобы все было хорошо приготовлено и изъ свѣжей провизіи, притомъ въ изобиліи. Николай Ивановичъ не слушался предостерегающихъ совѣтовъ и злоупотреблялъ ѣдою; его желѣзный организмъ выдерживалъ всѣ предъявляемыя къ нему испытанія. Самъ Николай Ивановичъ вывѣсилъ въ столовой написанное его врачомъ грозное предостереженіе о вредѣ обжорства, но это не мѣшало ему, проницески кивая на висѣвшее предостереженіе врача, съѣдать немовѣрное количество какихъ-либо жирныхъ пирожковъ и другихъ не менѣ вредныхъ въ его возрастѣ предметовъ.

Кромѣ ѣды, книгъ, Николай Ивановичъ любилъ тратить деньги и на пріобрѣтеніе картинъ, преимущественно изображавшихъ любимую имъ природу Туркестана, типы сартовъ, киргизовъ. Картины эти Николай Ивановичъ предполагалъ подарить впослѣдствіи туркестанской публичной картинной галереѣ. Всю остальную и при томъ большую часть содержанія своего Николай Ивановичъ тратилъ на разныя благотворительныя дѣла: пріобрѣтеніе церковной утвари, украшеніе городовъ предметами искусства, поддержку переселенцевъ выдачею имъ ссудъ и безвозвратныхъ пособій и т. п. Это былъ истинный безсребренникъ, широко творившій добро. Тароватый на свои деньги, Николай Ивановичъ былъ до крайности скупъ въ расходованіи казенныхъ, раздачъ казенныхъ пособій; особенно не любилъ онъ давать деньги на поддержку семей алкоголиковъ, говоря, что жены виноваты, что не могли удержатъ мужей отъ пьянства и рожали отъ пьяницъ дѣтей, буду-

щихъ же алкоголиковъ. Но, отказывая часто въ казенномъ пособіи, Николай Ивановичъ тайкомъ посылалъ упомянутого выше своего вѣрнаго Мустафу дать просительницѣ деньги изъ своего собственнаго кармана.

Ненависть къ куренію Николай Ивановичъ выказывалъ самую жестокую. Немедленно же съ водвореніемъ его въ домъ генераль-губернатора всюду по комнатамъ развѣшены были плакаты: «просятъ не курить», и ни для кого не дѣлалось въ этомъ отношеніи исключенія, несмотря на рангъ, возрастъ и т. п.; такъ, напримѣръ, бывший командиръ корпуса жандармовъ генераль-адъютантъ баронъ Ф. Ф. Таубе, страстный курильщикъ, долженъ былъ, приглашенный на завтракъ къ генераль-губернатору, выходить на дворъ, чтобы выкурить папироску. О позволившихъ себѣ курить, несмотря на «плакаты», производились разслѣдованія, и виновный торжественно «пристыжался».

Еще большую ненависть выказывалъ Николай Ивановичъ къ пьющимъ водку и съ упорной настойчивостью проводилъ мѣры къ запрещенію открытія въ русскихъ селеніяхъ Туркестанскаго края кабаковъ, оптовыхъ винныхъ складовъ, добившись сокращенія до минимума числа питейныхъ заведеній въ русскихъ поселеніяхъ въ Бухарѣ, гдѣ это зависѣло отъ его дискреціонной власти. Говоря о вредѣ алкоголизма, Николай Ивановичъ, вообще по наружному виду хладнокровный, уравновѣшенный, оживлялся, горячился, дѣлался краснорѣчивымъ.

Суровый по внѣшности, Николай Ивановичъ внушалъ этой кажущейся суровостью страхъ къ себѣ и безпрекословное повиновеніе. Но въ душѣ Николай Ивановичъ былъ добрѣйшій, чуткій къ горю другого человѣкъ; при всемъ томъ онъ, для поддержанія авторитета власти и дисциплины, безъ колебанія взыскивалъ строго съ виновныхъ, и никакія просьбы не могли измѣнить принятаго разрѣшенія. Будучи человѣкомъ сильной воли, стойкимъ въ своихъ убѣжденіяхъ, Гродековъ не былъ нетерпимымъ къ чужому мнѣнію и никогда не настаивалъ на своемъ, если, послѣ обстоятельнаго доклада, убѣждался въ неправильности своего взгляда, своей ошибкѣ. Не терпѣлъ онъ только лицемѣрной лжи. Въ дѣйствительности Гродековъ былъ строгимъ до неумолимости лишь къ самому себѣ.

Выслушивая терпѣливо докладчика, Николай Ивановичъ требовалъ самаго обстоятельнаго доклада и если находилъ, что докладчикъ самъ незнакомъ детально съ дѣломъ, онъ прикидывался не понимающимъ, чѣмъ вызывалъ рассказы о своемъ «тупоуміи»; на самомъ же дѣлѣ Николай Ивановичъ чрезвычайно быстро схватывалъ дѣло во всѣхъ его подробностяхъ, поражая своею памятью и своимъ вниманіемъ. Суровость внѣшняя и требовательность Гродекова принесли огромную пользу въ округѣ, въ смыслѣ поддер-

жанія дисциплины и порядка среди славныхъ туркестанскихъ войскъ, сильно распушенныхъ за нѣсколько предшествовавшихъ назначенію Гродекова въ Туркестанъ лѣтъ.

Какъ ни мучительна была по временамъ болѣзнь, которой страдалъ Николай Ивановичъ, но онъ не допускалъ ни отдыха, ни пощады себѣ, не прекращалъ докладовъ, и если не могъ принять докладчиковъ лично, то требовалъ присылки докладовъ на домъ. Однажды я узналъ, что Николай Ивановичъ тяжело заболѣлъ: у него былъ глубокій обморокъ, и врачи уложили его въ постель; я пришелъ къ нему, допущенный, по его приказанію, Мустафой въ спальню; Николай Ивановичъ тяжело стоналъ, но едва пришелъ въ себя, какъ сталъ спрашивать о телеграммѣ, которую я долженъ былъ принести на подпись; узнавъ, что я собираюсь отправлять эту телеграмму на подпись его помощнику, потребовалъ, чтобы я принесъ и прочиталъ эту телеграмму. Когда я исполнилъ это, онъ съ большимъ усиліемъ всталъ съ постели и самъ подписалъ телеграмму, говоря, что, пока онъ не подалъ рапорта о болѣзни, все существенное будетъ подписывать самъ. Не слѣдуетъ думать, чтобы Николай Ивановичъ дѣлалъ это изъ недовѣрія къ другимъ, нѣтъ, онъ каждому предоставлялъ широкую инициативу и свободу въ тѣхъ предѣлахъ, которые допускалъ законъ.

Въ началѣ 1908 года я отпросился у Гродекова въ отпускъ по своимъ дѣламъ въ Петроградъ. Николай Ивановичъ, отпуская меня, далъ мнѣ столько служебныхъ порученій, что у меня едва хватило времени для своего дѣла; при томъ еще вдогонку я получалъ телеграммы генераль-губернатора съ требованіемъ разныхъ справокъ по дѣламъ края въ различныхъ центральныхъ управленіяхъ. Уѣзжая, по требованію Николая Ивановича, я заготовилъ для него письмо военному министру о желаніи, въ виду болѣзни, выйти въ отставку, о чемъ онъ проситъ всеподданнѣйше доложить Государю. Николай Ивановичъ обѣщалъ мнѣ, однако, письмо это оставить «подъ сукномъ», если болѣзнь его не обострится. Въ Петроградѣ я, по порученію Николая Ивановича, представлялся П. А. Столыпину и дѣлалъ ему докладъ по разнымъ краевымъ вопросамъ. Столыпинъ, одобривъ все, о чемъ просилъ Гродековъ, передалъ черезъ меня сердечный ему привѣтъ. Военный министръ также отнесся благожелательно къ доложеннымъ мною представленіямъ генераль-губернатора. Казалось, въ Петроградѣ для Николая Ивановича царила вполне благоприятная атмосфера. И вотъ, неожиданно совершенно для меня встрѣчавшій меня на вокзалѣ въ Ташкентѣ мой помощникъ докладываетъ, что Николай Ивановичъ подалъ прошеніе объ отставкѣ. При встрѣчѣ со мною Николай Ивановичъ извинился, что поторопился до моего возвращенія съ отставкой, говоря, будто стало ему невмоготу и что обѣщанный имъ годъ службы въ Туркестанѣ онъ отбылъ, теперь

пора на покой; но тутъ же проговорился, что не можетъ примириться съ тѣмъ враждебнымъ отношеніемъ, которое проявляется къ нему главноуправляющій земледѣліемъ, особенно при томъ условіи, что именно въ край оный, Гродековъ, считаетъ въ данную минуту наиболѣе важнымъ проведеніе въ жизнь цѣлаго ряда мѣропріятій по вѣдомству землеустройства и земледѣлія, а при такомъ разладѣ и разнорѣчій, несомнѣнно, причиненъ будетъ ущербъ самому дѣлу.

8-го марта 1906 года Николай Ивановичъ послать разыскать меня повсюду казака изъ его конвоя. Это уже было довольно поздно вечеромъ. Я явился немедленно и не узналъ Николая Ивановича, накануне мрачнаго и плохо себя чувствовавшаго: радостью и какимъ-то внутреннимъ свѣтомъ былъ преисполненъ Николай Ивановичъ, въ рукахъ оный держалъ телеграмму военнаго министра, сообщавшую о Высочайшей волѣ, въ силу которой Николай Ивановичъ отзывался, вмѣсто оставки, о которой оный просилъ, въ Государственный Совѣтъ, при лестномъ рескриптѣ и съ пожалованіемъ ордена св. Владимира первой степени.

Николай Ивановичъ истово при этомъ крестился и приговаривалъ: «Нынѣ отпускаши раба Твоего съ миромъ».

Такъ закончился для Туркестана подвигъ служенія Николая Ивановича. Просто и скромно, какъ всегда, простившись со своими сослуживцами и сотрудниками, поблагодаривъ ихъ за совмѣстную работу, Гродековъ оставилъ край, въ которомъ сдѣлалъ столько добра и которому принесть столько пользы въ качествѣ военнаго губернатора и въ качествѣ главнаго начальника обширнаго русскаго Туркестана, гдѣ имя его сохранится навсегда въ исторіи русскаго управленія краемъ, на ряду съ именемъ устроителя и покорителя края К. П. Кауфмана, и въ сердцахъ русскихъ людей, русскихъ переселенцевъ и арміи.

Въ 1910 году на георгіевскомъ праздникѣ старики, георгіевскіе кавалеры, собравшіеся въ Ташкентъ изъ далекихъ русскихъ селеній, вспомнили своего стараго командующаго и благодѣтеля и, въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ, одинъ изъ старыхъ «унтеровъ», поднявъ «чарку», пилъ за здоровье отсутствовавшаго болѣе трехъ лѣтъ изъ края Гродекова.

Не могу не вспомнить еще одного характернаго анекдота изъ жизни Николая Ивановича. Въ 1907 году хоронили въ Ташкентѣ почтеннаго сослуживца и сотрудника Кауфмана, бывшаго медицинскаго инспектора С., долго болѣвшаго, потерявшаго связи въ обществѣ. На отпѣваніе усопшаго пришли только посторонніе, наряженные по службѣ представители разныхъ вѣдомствъ, связанныхъ съ прежней службой С., но лично его не знавшихъ. На отпѣваніи никто не молился, никто не плакалъ, видимо, присутствовавшіе хотѣли скорѣе отбыть свою скучную обязанность. Это

обратило вниманіе пришедшаго въ церковь Гродекова, и онъ, потрясенный тѣмъ безразличіемъ, которое царило по отношенію къ усопшему, сказалъ: «Вотъ старость одинокая! Нѣтъ ни слезъ родного, близкаго человѣка, ни искренняго горя, сочувствія!» Вернувшись домой, Гродековъ подвелъ меня къ письменному столу и сказалъ, указывая на одинъ ящикъ:

— Вотъ здѣсь деньги; если я умру, вы, Владимиръ Андреевичъ, наймите плакальщицъ изъ стараго (туземнаго) города, пусть хоть онѣ плачутъ, идя за моимъ гробомъ.

Ошибался Николай Ивановичъ, скромно оцѣнивая свои заслуги Государю и родинѣ: и безъ наемныхъ плакальщицъ по лицу всей земли русской немало нашлось людей, которые, зная его великій подвигъ служенія, испытавъ на себѣ его добро, съ теплыми искренними слезами проводили его въ мѣсто вѣчнаго упокоенія.

В. Мустафинъ.

КЪ ИСТОРИИ ПОЛЬСКО-РУССКИХЪ ОТНОШЕНІЙ.

ВЪ НАСТОЯЩЕЕ время вся Россія ждетъ съ нетерпѣніемъ извѣстій изъ Польши, гдѣ оба славянскіе народа въ кровавыхъ бояхъ вытѣсняють изъ предѣловъ имперіи германскія полчища, нахлынувшія на нее. Исходомъ этой борьбы должно быть возрожденіе подъ скипетромъ русскаго Государя царства Польскаго въ предѣлахъ польскихъ областей, поступившихъ въ раздѣлъ между тремя сосѣдними государствами.

Событія, о которыхъ повѣствуется ниже, относятся ко времени постепеннаго порабоженія Польши и ея окончательнаго распаденія. Для своего разсказа я пользовался, кромѣ матеріаловъ уже напечатанныхъ, рукописями, хранящимися въ семейныхъ архивахъ князей Чарторыйскаго и Репнина. Въ сентябрѣ 1913 г. я посѣтилъ Краковъ, гдѣ въ старинномъ монастырскомъ зданіи, на Піарской улицѣ, уступленномъ городомъ, князья Чарторыйскіе устроили музей, до 1870 года хранившійся въ Парижѣ, въ ихъ домѣ. Средства на содержаніе этого богатаго хранилища и на управленіе имъ отпускаются теперешнимъ владѣльцемъ, княземъ Адамомъ-Людвигомъ Чарторыйскимъ (родился въ 1872 году), внукомъ князя Адама-Георгія, сподвижника Александра I, проживающимъ большею частью въ имѣніи своей жены, рожденной графини Красинской, въ Ломжинской губерніи. Въ музей хранятся богатые собранія разнаго рода древностей, предметовъ искус-

ства, книгъ и рукописей, а также семейныя бумаги, доступъ къ которымъ мнѣ былъ любезно предоставленъ директоромъ музея, бывшимъ профессоромъ краковскаго университета, гофратомъ Станиславомъ Смолкой.

Въ томъ же году я посѣтилъ село Яготинъ Полтавской губерніи, гдѣ нынѣшній владѣлецъ, гофмейстеръ двора Его Императорскаго Величества, членъ Государственнаго Совѣта, князь Николай Васильевичъ Репнинъ, далъ мнѣ возможность познакомиться съ подлинной перепиской его прадѣда.

I.

18-го ноября 1760 года родственныя семьи Чарторыйскихъ и Флемминговъ сыграли свадьбу князя Адама Чарторыйскаго съ графиней Изабеллой Флеммингъ. Сами родители молодыхъ устроили этотъ бракъ, не справившись о наклонностяхъ своихъ дѣтей. Князь Адамъ былъ на двѣнадцать лѣтъ старше своей невѣсты и только что пріѣхалъ изъ Петербурга, гдѣ онъ пользовался благосклоннымъ вниманіемъ императрицы Елизаветы Петровны и великой княгини Екатерины Алексѣевны. Онъ пріѣхалъ изъ русской столицы влюбленный въ графиню Прасковью Александровну Брюсъ, рожденную графиню Румянцову, одну изъ придворныхъ дамъ, приближенныхъ къ великой княгинѣ. Князь Адамъ повѣрилъ своему двоюродному брату Станиславу-Августу Понятовскому, что считалъ этотъ бракъ, навязываемый ему родителями, несчастіемъ всей своей жизни. Но его отецъ, не отступая отъ своихъ видовъ, поручилъ своему племяннику, тому же Понятовскому, убѣдить князя Адама. Станиславъ-Августъ, однако, отказался исполнить предложеніе дяди, находя несправедливымъ и жестокимъ всякое насиліе надъ чувствами своего друга. Чарторыйскій поставилъ на своемъ и обошелся такъ съ сыномъ, что тотъ не посмѣлъ ему противиться. Невѣста, которой едва минуло пятнадцать лѣтъ, только что перенесла оспу, изуродовавшую ее. Въ день свадьбы она явилась со струпами на лицѣ и въ парикѣ, такъ какъ у нея вылѣзли все волосы. Въ семействѣ было одно лицо, питавшее къ молодой непреодолимое отвращеніе. То была ея золовка, княгиня Изабелла Любомирская, увѣрявшая своего двоюроднаго брата Станислава-Августа Понятовскаго, что молодая будетъ причиною ея несчастія на всю жизнь. При самомъ бракосочетаніи въ церкви, на виду у всѣхъ присутствовавшихъ, Любомирская громко разрыдалась, обвиняя брата, какъ будто прощалась съ нимъ навсегда.

Въ послѣдующіе годы княгиня Любомирская продолжала преслѣдовать невѣстку своею ненавистью. Молодая Чарторыйская, не

умѣвшая по застѣнчивости защищаться, прибѣгала тогда къ помощи Понятовскаго. Онъ часто давалъ ей совѣты, составлялъ для нея письма, склонялъ обѣихъ невѣстокъ къ примиренію, которое не удалось, такъ какъ антипатія Любомирской къ Чарторыйской

Фельдмаршалъ князь Николай Васильевичъ Репнинъ.

была непреодолима. Понятовскому даже показалось, какъ онъ высказываетъ это въ своихъ «Запискахъ», что его кузина старалась ему нравиться: войдя разъ нечаянно въ ея комнату, онъ засталъ ее передъ зеркаломъ каминна, покрытымъ пудрой, рисующей на зеркалѣ пальцемъ буквы его имени. Увидя его, она сказала: «Если бы даже вы не чувствовали наклонности ко мнѣ, вы должны

были бы изъ благодарности меня немного полюбить». Понятовскій рассказываетъ объ этомъ случаѣ, какъ происшедшемъ, когда онъ былъ только литовскимъ стольникомъ. Избраніе его на польскій престолъ совершилось 19-го августа (1-го сентября) 1764 года. Когда же онъ сталъ королемъ, отношенія его къ Чарторыйской не только не измѣнились, но сдѣлались короче. Самъ князь Адамъ поощрялъ тѣсное сближеніе своей жены съ королемъ, такъ какъ очень часто вечеромъ онъ отвозилъ ее во дворецъ и отсылалъ въ апартаменты Станислава-Августа, освѣдомившись предварительно, не находилась ли тамъ его сестра Любомирская. Если княгиня была тамъ, то онъ увозилъ жену и черезъ часъ привозилъ обратно во дворецъ, когда у короля никого не было, а самъ уѣзжалъ. Изъ этого король заключилъ, какъ онъ замѣчаетъ въ своихъ «Запискахъ», что его двоюродный братъ развлекался въ другомъ мѣстѣ, предпочитая самъ, чтобы его жена пріятно проводила время у него во дворцѣ. «Однако,—оговаривается Станиславъ-Августъ,—близкія отношенія, существовавшія между нею и мною, не повлекли за собою нарушенія въ чемъ-либо супружескаго долга. Но другія дамы, бывшія въ связи съ княземъ Адамомъ, постарались возбудить въ немъ подозрѣніе, что жена его обманывала; имъ, однако, не удалось довести супруговъ до разрыва. Напротивъ, князь Адамъ былъ въ продолженіе всей своей жизни близкимъ другомъ своей жены и самымъ податливымъ изъ супруговъ»¹⁾.

Этимъ замѣчаніемъ Станислава-Августа объясняются отношенія, существовавшія между молодыми Чарторыйскими. Они вступили въ бракъ безъ взаимной любви и предоставили другъ другу полную свободу, оставаясь вмѣстѣ съ тѣмъ близкими друзьями. Сама княгиня Изабелла въ этомъ призналась герцогу Лозену при встрѣчѣ съ нимъ въ 1773 году. Она сказала ему, что она вышла замужъ за Адама-Казимира безъ всякой любви и питала къ нему лишь чувство самой нѣжной дружбы²⁾.

Князь Адамъ-Георгій Чарторыйскій, вспоминая въ своихъ запискахъ³⁾ годы дѣтства (1778—1782 гг.), говоритъ, что его двѣ старшія сестры уже были взрослыми дѣвушками. Одна изъ нихъ, старшая, погибла въ это время жертвою несчастнаго случая, младшая, Марія или Маріанна, родилась въ 1765 году и вышла замужъ впоследствии (28-го октября 1784 г.) за принца Людвигъ Вюртемберг-

¹⁾ Mémoires du roi Stanislas-Auguste. Изд. императ. академіи наукъ. Т. I, стр. 528, 529.

²⁾ Armand-Louis de Gontaut duc de Lauzun (1747—1793 гг.), прославился своими похождениями; во время революціи командовалъ арміею; погнѣн на плахѣ, оставилъ мемуары, которые вполне правдивы. Mémoires. Paris. 1868. 2 édition.

³⁾ Mémoires du prince Adam Czartoryski. Paris. 1887.

скаго, одного изъ младшихъ братьевъ императрицы Маріи Феодоровны.

При вступленіи Станислава-Августа на польскій престолъ княгиня Изабелла Чарторыйской было двадцать одинъ годъ; какъ она рассказывала впоследствии герцогу Лозену, король сильно за ней приволокнулся, какъ за одной изъ самыхъ привлекательныхъ дамъ варшавскаго общества, но она, по ея словамъ, ему не поддавалась. За нѣсколько мѣсяцевъ до избранія Станислава-Августа, въ ноябрѣ 1763 года, прибылъ въ Варшаву въ качествѣ русскаго посланника генералъ-майоръ, князь Николай Васильевичъ Репнинъ.

Родившись въ 1734 году, князь Репнинъ уже ознаменовалъ себя, какъ военный, въ Семилѣтнюю войну и, какъ дипломатъ, посланничествомъ при прусскомъ королѣ Фридрихѣ II. Онъ обладалъ выдающимся умомъ и образованіемъ, человекъ былъ искренній, прямой, лишенный всякой корысти, напротивъ того, щедрый и милостивый. Ему было поручено содѣйствовать императорскому послу въ Варшавѣ графу Кайзерлингу къ приготовленію почвы для выборовъ Станислава-Августа. Нѣсколько дней спустя по его избраніи, графъ Кайзерлингъ скончался, и на его мѣсто въ качествѣ императорскаго посла былъ назначенъ князь Репнинъ, который въ продолженіе пяти лѣтъ неограниченно властвовалъ въ Польшѣ. Своими произвольными дѣйствіями, своимъ независимымъ, горячимъ правомъ онъ возбудилъ противъ себя ненависть поляковъ. По справедливому замѣчанію Станислава-Августа, превосходныя свойства характера Репнина испортились въ исключительнаго положенія, которое Репнинъ занималъ, а также подъ вліяніемъ лести и низости людей, его окружавшихъ.

Главная задача, возложенная на Репнина императрицею, заключалась въ томъ, чтобы потребовать отъ Рѣчи Посполитой уравненія въ правахъ и преимуществахъ православныхъ ея подданныхъ, а также диссидентовъ съ католиками. Передавая королю предложеніе императрицы въ этомъ смыслѣ, Репнинъ признался ему, что онъ самъ со скорбью предвидитъ, насколько безусловное исполненіе воли императрицы будетъ сопряжено для Польши съ тяжелыми и пагубными послѣдствіями. Несмотря на то, Репнинъ принялся со свойственной ему стремительностью осуществлять мысль императрицы и превозмогъ все препятствія, прибѣгая по своему усмотрѣнію къ мѣрамъ суровымъ и даже произвольнымъ, что не помѣшало императрицѣ выразить ему свое недовольство за то, что онъ не дѣйствовалъ съ достаточной настойчивостью.

Утомленный борьбой съ партіями въ Варшавѣ и чувствуя, что не успѣлъ угодить государынѣ, Репнинъ просился въ армію, которая сражалась тогда противъ Турціи; въ виду сего, рескриптомъ отъ 10-го апрѣля 1769 года онъ былъ отозванъ изъ Варшавы

и назначенъ въ армію подъ начальство князя Александра Михайловича Голицына.

Покидая Варшаву, князь Николай Васильевичъ не могъ не испытать чувства сожалѣнія. Онъ, по отзыву Станислава-Августа, умѣлъ правиться женщинамъ. Съ перваго года прибытія своего въ Польшу Репнинъ долженъ былъ встрѣтиться въ варшавскомъ обществѣ съ княгиней Изабеллой Чарторыйской. Она сразу ему понравилась. Впослѣдствіи княгиня сама рассказывала герцогу Лозэну, что Репнинъ, по своему пріѣздѣ, влюбился въ нее, но былъ ею отвергнутъ. Очевидно, это была только уловка съ ея стороны, такъ какъ она уже искусилась въ подобной игрѣ. Чарторыйскіе искали покровительства русскаго посла, и княгиня Изабелла, уступая его ухаживанію, дѣйствовала въ интересахъ своей семьи. Развѣ мы не видѣли выше, какъ князь Адамъ поощрялъ сближеніе своей жены съ королемъ Станиславомъ-Августомъ? Къ тому же князь Адамъ былъ друженъ съ Репнинымъ и съ своей точки зрѣнія на супружескія отношенія онъ могъ усматривать для себя выгоду въ томъ, что русскій посоль былъ у ногъ его супруги. Эта связь дорого стоила Репнину, такъ какъ княгиня Изабелла любила роскошь и ему пришлось не разъ прибѣгать къ щедрости императрицы для уплаты своихъ долговъ. Забываясь въ объятіяхъ прелестной польки, Репнинъ, однако, не терялъ изъ виду приказаній государыни, которыя онъ точно исполнялъ, часто, если сказать правду, противъ своей воли, такъ какъ онъ родился барономъ и не скрывалъ своего предпочтенія къ аристократическому и исключительному образу правленія Рѣчи Посполитой. Ему были чужды заботы государыни о православныхъ въ Польшѣ, въ виду того, что они, принадлежа большею частью къ низшему сословію, не возбуждали въ немъ особаго сочувствія. Его связь съ княгиней Чарторыйской совпала съ годами 1767—1769, въ которые ему пришлось прибѣгать къ строгимъ и сильнымъ мѣропріятіямъ для исполненія приказаній императрицы. Репнинъ выѣхалъ изъ Варшавы въ іюнь 1769 года, а въ іюлѣ мы его видимъ уже подъ стѣнами Хотина, который осаждался русскими войсками ¹⁾. «Тяжело было ему разставаться съ княгиней Изабеллой, — говоритъ польскій писатель Леонардъ Ходзько ²⁾; и скоро послѣ отъѣзда Репнина, 14-го января 1770 года, княгиня родила сына, которому дали имя Адама-Георгія Чарторыйскаго». Позднѣе княгиня, признаваясь въ 1773 году герцогу Лозэну въ своей связи съ Репнинымъ, старалась оправдать ее чувствомъ благодарности къ Репнину, который, не исполнивъ приказанія императрицы арестовать князей Чарторый-

¹⁾ «Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества», т. V, стр. 137.

²⁾ «La Pologne illustrée, contenant l'histoire de Pologne et les variétés polonaises sous la direction de Léonard Chodzko». Paris, 1839, 4-me et 5-me cahiers. Histoire, p. 156.

скихъ и конфисковать ихъ имѣнія, впалъ въ немилость и былъ отрѣшенъ отъ своей должности посла и лишень получаемой пенсіи. «Поддаваясь чувству благодарности, она,—говорить княгиня Изабелла,—думала, что отдавалась по любви». Репинъ, по ея сло-

Князь Адамъ-Казимиръ Чарторыйскій.

вамъ, не могъ вернуться въ Россію и упросилъ княгиню Изабеллу послѣдовать за нимъ за границу. Она покинула все для него, а князь Николай Васильевичъ отказался поступить въ войско подъ начальствомъ графа Румянцова. Изъ этого признанія устанавливается тотъ несомнѣнный фактъ, что княгиня Изабелла уступила

настояніямъ Репнина и что связь свершилась между ними въ концѣ его пребыванія въ Варшавѣ, въ 1769 году.

Доискиваясь причины того, что княгиня Изабелла, признаваясь Лозэну въ своей связи съ Репнинымъ, искажила факты, нельзя не предположить, что она такъ поступила только для того, чтобы новый ея любовникъ не подумалъ, что она могла отдаться по любви врагу своего отечества, свирѣпому Репнину, какъ выражается Ходзько. Необходимо было ей облагородить ея поведеніе, объяснить его чувствомъ благодарности и жалости къ чловѣку, потерявшему все изъ-за того, что онъ желалъ спасти семейство своей возлюбленной. Но, въ дѣйствительности, ему вовсе не пришлось спасать кого-либо изъ Чарторыйскихъ. Они, несмотря на свое сопротивление Екатеринѣ II, не подверглись никакой опасности быть арестованными и лишенными своего достоянія, а Репнинъ не былъ отставленъ отъ своей должности изъ-за нихъ и не утратилъ своей пенсіи; напротивъ, ему былъ разрѣшенъ, согласно его просьбѣ, отпускъ, онъ получилъ званіе генераль-адъютанта, александровскую ленту и пятьдесятъ тысячъ рублей на уплату долговъ. Черезъ мѣсяць послѣ отъѣзда изъ Варшавы Репнинъ прибылъ въ войска подъ Хотинымъ и совершилъ всю кампанію 1769 и 1770 гг. Осенью 1771 года онъ по болѣзни просился въ отпускъ, который ему былъ разрѣшенъ, на одинъ годъ для леченія водами за границею. Его письмо къ графу Панину отъ 10-го (21-го) іюля 1772 года указываетъ, что въ это время онъ находился въ Ахенѣ, гдѣ онъ бралъ ванны, и собирался для пользованія водами въ Спа, а оттуда въ Голландію, гдѣ предполагалъ произвести заемъ въ сто двадцать тысячъ рублей. Въ сентябрѣ онъ былъ въ Гаагѣ для переговоровъ по этому поводу съ банкиромъ Гопомъ. Послѣ того слѣды его теряются до самаго конца 1772 года, но онъ провелъ это время за границею. Нѣтъ данныхъ, чтобы судить о томъ, путешествовалъ ли онъ тогда съ княгиней Чарторыйской, или онъ къ ней примкнулъ только впоследствии. Но дѣло въ томъ, что въ 1773 году герцогъ Лозэнъ засталъ ихъ вмѣстѣ въ Спа, надо полагать, во время сезона.

Прерывая здѣсь разсказъ, мы обратимся къ запискамъ герцога¹⁾. Онъ впервые встрѣтился съ княгиней въ Лондонѣ, куда онъ пріѣхалъ 20-го декабря 1772 года. Въ тотъ же день вечеромъ Лозэнъ былъ введенъ французскимъ посломъ графомъ де-Гиномъ въ общество лэди Гаррингтонъ. Въ комнату вошла дама, изящнѣе одѣтая и причесанная, чѣмъ обыкновенно бывають англичанки. Эта дама была княгиня Изабелла Чарторыйская. Лозэнъ ее описываетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

¹⁾ Mémoires, p.p. 147 et s.s.

«талія умѣренная, но самая совершенная, прекраснѣйшіе глаза, волосы, зубы, прелестнѣйшая ножка, смуглая брюнетка, вся рябая отъ слѣдовъ вѣтряной оспы и лишенная всякой свѣжести, деликатная въ своихъ манерахъ и малѣйшихъ движеніяхъ, неподражаемой граціи; она была мила, не будучи красавицей». Княгиня показалась герцогу веселой, кокетливой и любезной. Англичанка лэди Крэвенъ говорила о ней: «я съ удовольствіемъ проводила съ нею въ одиночествѣ цѣлые часы; она отличная музыкантша и превосходно рисуетъ; танцуетъ восхитительно, однимъ словомъ, она дѣйствительно обладаетъ настоящими талантами, которые она выказываетъ безъ всякой аффектаціи». Сама же княгиня Изабелла нѣсколько позднѣе, а именно въ 1783 году, рисуетъ себя въ слѣдующемъ видѣ ¹⁾:

«Я никогда не была красавицей, но часто была хороша собою. У меня красивые глаза, а такъ какъ въ нихъ отражаются все чувства моей души, то выраженіе моего лица становится интереснымъ. Цвѣтъ лица у меня довольно бѣлый; лобъ гладкій и меня не уродуетъ. Носъ ни красивъ, ни гадокъ; ротъ великъ, зубы бѣлы, улыбка пріятная, изящное очертаніе головы. Волосъ у меня достаточно, чтобы ими украсить мою голову; они темнаго цвѣта, какъ и брови. Я скорѣе большого роста, чѣмъ малаго; талія тонкая, грудь довольно плоская; уродливая рука, но зато красивая ножка и много граціи въ движеніяхъ. Черты моего лица и свойства моего ума имѣли между собою то сходство, что привлекательность и тѣхъ и другихъ зависѣла отъ моего умѣнія пользоваться ими съ выгодой (*telever leur valeur*)».

Рисуя портретъ княгини Изабеллы, Лозэнъ прибавляетъ, что ея любовникомъ былъ князь Репнинъ, благородный и достойный человекъ, который ее обожалъ и покинулъ все для того, чтобы ее сопровождать и всею жертвовать для нея. Лозэнъ не говоритъ, чтобъ Репнинъ послѣдовалъ за нею въ Лондонъ, гдѣ она провела всю зиму 1772—1773 гг. Герцогъ часто видѣлся съ княгиней въ обществѣ и влюбился въ нее, но она ему не отдалась. Княгиня ему написала, что онъ ей нравился и привлекъ ея особенное вниманіе, но что она не могла и не должна была имѣть любовника. Весною 1773 года Чарторыйская покинула Лондонъ. Лозэнъ узналъ, что она находилась въ Брюсселѣ больною и въ большомъ горѣ. Черезъ мѣсяць онъ самъ выѣхалъ изъ Англій въ Спа, гдѣ засталъ княгиню Изабеллу съ Репнинымъ, который во время своего пребыванія въ Спа не подозрѣвалъ того, что Лозэнъ влюбился въ Чарторыйскую. Въ своемъ ослѣпленіи Репнинъ даже предложилъ герцогу сопровождать ее въ Парижъ въ виду того, что онъ самъ былъ вынужденъ

¹⁾ *Portraits polonais*, ed. par la p-sse Radzivil et le professeur Mycielski. Lwow, 1912, t. V, fasc. I.

остаться въ Спа еще на двѣ недѣли и везти въ Парижъ графиню Чернышеву ¹⁾).

Во время пути княгиня Изабелла призналась герцогу въ своей любви къ нему и рассказала исторію своей связи съ Репнинимъ. Только по возвращеніи въ Парижъ князь убѣдился въ измѣнѣ своей возлюбленной; въ порывѣ ревности онъ написалъ слѣдующее письмо ²⁾ герцогу Лозэну: «Вы знаете мое уваженіе и мою ненависть къ вамъ; въ борьбѣ за то, что мы не можемъ раздѣлить между собой, одинъ изъ насъ долженъ погибнуть отъ руки другого. Я съ довѣріемъ предоставляю вамъ выборъ времени, мѣста и оружія. Николай Васильевичъ Репнинъ». Лозэнъ отказался драться изъ опасенія компрометировать княгиню. Репнинъ благородно уступилъ и удался.

Эти событія произошли въ теченіе 1773 года. Слѣдуетъ отмѣтить одно обстоятельство, а именно, что 28-го октября того же года княгиня Изабелла родила сына: князя Константина-Адама Чарторыйскаго.

Князь Репнинъ вернулся въ армію лишь въ 1774 году; въ маѣ онъ принялъ команду надъ своей дивизіей, а въ іюлѣ графъ Румянцовъ поручилъ ему открыть переговоры съ турками въ Кучукъ-Кайнарджи.

Здѣсь не мѣсто останавливаться на дальнѣйшемъ разсказѣ герцога Лозэна о его походахъ съ княгиней Чарторыйской. Последняя была вынуждена все открыть своему мужу. Лозэнъ, нѣсколько разъ прѣзжалъ въ Чарторыйскимъ въ Варшаву и, хотя князь Адамъ-Казимиръ былъ очень покладистымъ мужемъ, но подъ конецъ онъ не въ состояніи былъ выносить присутствіе у себя герцога Лозэна, который въ 1774 году удалился изъ Польши и порвалъ навсегда свою связь съ княгиней Изабеллой.

Двадцать лѣтъ прошло со времени послѣднихъ событій. Нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ данныхъ, чтобы судить о томъ, поддерживались ли отношенія между Репнинимъ и Чарторыйскими, такъ какъ князь Николай Васильевичъ по роду своей дѣятельности находился далеко отъ Польши. Первоначально, въ 1775 году ему было поручено посольство въ Константинополь, въ 1777 году онъ состоялъ генераль-губернаторомъ въ Смоленскѣ, черезъ годъ—въ Орлѣ. Въ 1779 году императрица возложила на него защиту русскихъ интересовъ на конгрессѣ въ Тешенѣ. Хотя онъ въ 1778 году проѣзжалъ черезъ Варшаву, но неизвѣстно, видѣлся ли онъ съ Чарторыйскими. По возвращеніи изъ Тешена князь Репнинъ состоялъ намѣстникомъ въ Орлѣ, потомъ во Псковѣ. Въ 1787 году онъ, от-

¹⁾ Графъ Петръ Григорьевичъ Чернышевъ (1712—1778 гг.), посоль въ Парижѣ, его жена рожденная графиня Ушакова.

²⁾ Mémoires, p. 161.

правившись въ войска подъ начальство князя Потемкина, принялъ дѣятельное участіе въ кампаніи противъ турокъ, надъ которыми онъ одержалъ рѣшительную побѣду подъ стѣнами крѣпости Мачина (8-го іюня 1791 года). Въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ

Княгиня Изабелла Чарторыйская, урожденная графиня Флеммингъ.

генераль-губернаторомъ въ Ригѣ, а въ 1794 году императрица ему ввѣрила управленіе Литвою, восоединенной къ Россійской имперіи. Мѣстопробываніемъ его сталъ городъ Гродна, и ему были подчинены весь вновь пріобрѣтенный край и всѣ русскія войска въ Польшѣ.

Въ это время князь Адамъ-Казимиръ Чарторыйскій по внушенію своей жены примкнулъ, уже съ 1788 года, къ партіи тѣхъ, которые искали союза съ прусскимъ королемъ съ цѣлью освобожденія Польши отъ русской опеки и упраздненія прежняго порядка управления, существовавшаго подъ гарантіею Россіи.

Въ Пулавахъ на блестящія празднества, которыя княгиня Изабелла задавала въ своемъ дворцѣ, собирались поборники союза съ Пруссіей и новыхъ демократическихъ реформъ. Она побуждала своего мужа заниматься политикой, такъ какъ онъ, по свойственной ему лѣни за всю свою жизнь предпочиталъ оставаться вдаль отъ всякихъ заботъ, изучая языки, которыхъ онъ, зналъ четырнадцать, подвизаясь въ литературѣ и заботясь о воспитаніи молодыхъ людей въ кадетскомъ корпусѣ, бывшемъ подъ его управленіемъ. Переворотомъ, совершившимся 3-го мая 1794 года, прежнія польскія учрежденія были упразднены и новая конституція провозглашена при ликованіи патріотовъ. Въ засѣданіяхъ сейма, которыя были публичны, часто имѣли мѣсто манифестаціи, враждебно направленныя противъ императрицы Екатерины. Ораторы ей давали самыя оскорбительныя прозвища подъ бурныя рукоплесканія дамъ-патріотокъ, главнымъ образомъ княгини Изабеллы Чарторыйской. Этотъ неумѣстный энтузіазмъ, который великій маршалъ сейма Малаховскій не осмѣливался прекращать, въ послѣдствіи былъ поставленъ въ вину княгинѣ Изабеллѣ и подалъ поводъ къ тѣмъ притѣсненіямъ, которыя претерпѣла ея семья. Хотя, по увѣреніямъ Чарторыйскихъ, какъ это будетъ видно ниже, они не принимали никакого участія въ возстаніи, вспыхнувшимъ послѣ третьяго раздѣла Польши и кончившемся взятіемъ Варшавы войсками Суворова (4-го ноября 1794 года), но ихъ объясненія легко опровергаются. Князь Адамъ-Георгій признаетъ въ своихъ запискахъ, что императрица Екатерина вознегодовала на его родителей за ихъ патріотизмъ, за ихъ заботы по снаряженію сподвижниковъ Костюшка.

Чарторыйскіе, въ числѣ другихъ пановъ, были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ послѣднимъ, когда онъ готовилъ возстаніе, во главѣ котораго онъ сталъ въ послѣдствіи. Костюшко разсылалъ эмиссаровъ по всему краю для сбора денегъ и поднятія населенія. Одинъ изъ нихъ, Гонзіоровскій, оставилъ записки, въ которыхъ онъ рассказываетъ, между прочимъ, что Костюшко въ апрѣлѣ 1793 года, переодѣтый и подъ вымышленнымъ именемъ, посѣтилъ князя Адама-Казимира Чарторыйскаго въ Пулавахъ и оттуда переѣхалъ въ Гродну съ цѣлью свидѣться съ важными вельможами и собрать нужныя средства. На обратномъ пути онъ заѣзжалъ опять въ Пулавы и перешелъ границу для того, чтобы явиться черезъ годъ уже начальникомъ возстанія. Но передъ наступавшею бурей Чарторыйскіе покинули край и переселились въ Вѣну. Ихъ имѣнія, рас-

положенныя въ областяхъ, доставшихся Россіи, были секвестрованы. Когда же императоръ Францъ заступился за Чарторыйскихъ, прося о снятіи этого запрещенія, императрица потребовала прежде всего пріѣзда молодыхъ князей Адама и Константина въ Петербургъ.

II.

Въ 1795 году князь Репнинъ былъ во главѣ военнаго и гражданскаго управленія Литвы и прилегавшихъ губерній, снабженный самыми неограниченными полномочіями. За послѣднія десять лѣтъ онъ принадлежалъ къ вольнымъ каменщикамъ, состоя членомъ братства мартинистовъ. Какъ говоритъ Станиславъ-Августъ Понятовскій въ своихъ запискахъ, князь Николай Васильевичъ Репнинъ, подъ вліяніемъ житейскихъ горестей, размышленій, чтенія книгъ, не только отрекся отъ ученія вольнодумцевъ, котораго онъ придерживался въ 1768 году, но сталъ человѣкомъ праведнымъ, умѣреннымъ, милосерднымъ и дѣйствительно добрымъ. Къ нему Чарторыйскіе обратились, когда они за участіе въ движеніи противъ императрицы Екатерины лишились всѣхъ своихъ имѣній въ Литвѣ и другихъ областяхъ, доставшихся Россіи, а ихъ сыновья были вытребованы въ Петербургъ въ качествѣ заложниковъ. Хотя они въ 1794 году держались въ сторонѣ во время самаго возстанія, но всѣ событія, предшествовавшія ему, застали ихъ противниками Россіи. Самъ князь Адамъ-Георгій хвастается тѣмъ, что сражался противъ русскихъ въ 1792 году въ кампанію, такъ называемую, втораго раздѣла и былъ награжденъ орденомъ собственноручно королемъ Станиславомъ-Августомъ. Если онъ не участвовалъ въ возстаніи, то единственно потому, что, будучи за границею, онъ былъ арестованъ въ Брюсселѣ и задержанъ по приказанію австрійскаго правительства. Такимъ образомъ, негодованіе императрицы Екатерины противъ Чарторыйскихъ было справедливо, и они должны были подвергнуться строгимъ мѣрамъ, предписаннымъ противъ всѣхъ тѣхъ, которые участвовали въ возстаніи противъ Россіи и удалились за границу. Къ счастью для Чарторыйскихъ, судьба имъ была благопріятна, они нашли въ Репнинѣ человѣка высокой души, который въ память своихъ старыхъ отношеній къ нимъ оказалъ имъ теплое участіе, а въ императрицѣ Екатеринѣ—государыню великодушную и милостивую. Князь Адамъ-Казимиръ въ концѣ 1794 года находился уже шесть мѣсяцевъ въ Вѣнѣ. Онъ отправилъ въ Литвѣ нѣкоего Бернатовича съ порученіемъ освѣдомиться о положеніи своихъ дѣлъ. Послѣдній, вслѣдствіе протекціи князя Репнина, успѣлъ исполнить данное ему порученіе. Въ благодарность за это заступничество князь Адамъ написалъ Репнину письмо отъ 8-го (19-го) декабря 1794 г. изъ Вѣны:

«Полагаю, обращаясь къ вамъ,—пишетъ князь Адамъ:—я въ правѣ сохранить прежнія выраженія, потому что чувства, которыя я питаю къ вамъ, я сохраню на всю жизнь, равно какъ и память о дружбѣ, доказательства которой вы давали мнѣ такъ часто». Далѣе онъ жалуется на цѣлый рядъ непріятностей, которыя ему причинялись на основаніи клеветы и обвиненій, лишенныхъ всякаго основанія. Опъ кончаетъ письмо, умоляя Репнина, который знаетъ честность его характера, повѣрить его слову, что онъ самымъ положительнымъ образомъ не только не участвовалъ, но и не зналъ о всемъ томъ, что происходило въ Польшѣ со дня его отъѣзда въ маѣ 1792 г. ¹⁾

Получивъ это письмо, Репнинъ былъ поставленъ въ очень большое затрудненіе, такъ какъ онъ отлично зналъ, въ чемъ обвиняли Чарторыйскихъ; ему самому очень хотѣлось не вѣрить этимъ обвинениямъ. Въ своемъ отвѣтѣ отъ 23-го декабря изъ Гродны ²⁾ онъ пишетъ, что, несмотря на все свое желаніе, не отъ него зависѣло разсѣять всѣ обвиненія, которыя ввозились на нихъ, Чарторыйскихъ, и что потому онъ самъ рѣшительно ничего не могъ сдѣлать въ этомъ направленіи. Такая безпомощность была ему очень тягостна и препятствовала ему продолжать письмо, но онъ просилъ князя быть увѣреннымъ въ томъ, что его расположеніе къ нему и ко всему, что ему близко, никогда не измѣнится.

Молодые Чарторыйскіе должны были выѣхать въ Петербургъ; они отправлялись съ письмомъ своей матери къ Репнину отъ 19-го января 1795 года изъ Вѣны. «Еще недавно,—пишетъ она въ немъ,—я была счастливая жена, счастливая мать, счастливая подруга; я наслаждалась жизнью, полной радостей, наслаждалась своими воспоминаніями и своими надеждами... и вотъ все потеряно, на моихъ глазахъ все для меня погибло. И теперь еще я предвижу минуту, когда мой мужъ и мои дѣти будутъ лишены всего состоянія, положенія въ обществѣ и что на долю ихъ останутся огромные долги и бѣдность, неизбѣжная спутница этихъ несчастій». Переходя затѣмъ къ тѣмъ обвинениямъ, которыя ввозили на ея мужа, она говоритъ, что на нее указываютъ постоянно, какъ на главную причину всѣхъ ихъ несчастій. Однако не могутъ привести ни одного доказательства того, что она знала о готовившемся возстаніи или что она принимала участіе въ немъ. Она клянется жизнью своихъ дѣтей, что она такъ же, какъ и мужъ, была въ полномъ невѣдѣніи. Пока возстаніе продолжалось, она строго соблюла клятву,

¹⁾ «Сборникъ Историческаго Общества», т. XVI. Письма Чарторыйскихъ извлечены изъ архива кн. Н. В. Репнина въ Ягогинѣ, Полтавской губерніи, гдѣ они хранятся въ копіяхъ вмѣстѣ съ черновыми письмами кн. Н. В. Репнина къ нимъ.

²⁾ Архивъ Чарторыйскихъ 1144. D.D. Подлинныя письма князя Н. В. Репнина находятся въ архивѣ князей Чарторыйскихъ въ Краковѣ. Черновыхъ писемъ Чарторыйскихъ къ Репнину не сохранилось.

взятую съ нея мужемъ, не имѣть никакихъ, даже косвенныхъ сношеній ни съ кѣмъ изъ повстанцевъ. Она съ мая мѣсяца находилась въ Вѣнѣ, вдали отъ всего, избѣгая даже переписки съ кѣмъ бы то ни было. Да въ чемъ же ее обвиняютъ? Въ любви къ родинѣ?

Князь Адамъ-Георгій Чарторыйскій.

Но неужели нельзя извинить чувства, вложеннаго въ насъ самой природой? Письмо Репнина ее немного ободрило. Она посылаетъ ему своихъ сыновей, прося его быть ихъ руководителемъ и оказать имъ сочувствіе въ ихъ несчастіи. Она дрожитъ при мысли,

что ихъ могутъ заточить. Репнинъ единственный человѣкъ, внушающій ей довѣріе; она полагается на него и умоляетъ его спасти ея дѣтей. Они оба поправятся ему, лишь бы онъ ихъ обласкалъ и ободрилъ.

Въ отвѣтъ на письма, которыя ему привезли молодые Чарторыйскіе, князь Репнинъ пишетъ 27-го января ихъ отцу, увѣряя его въ своемъ тепломъ участіи въ судьбѣ его сыновей, которые должны были во избѣжаніе непріятностей остановиться въ Гроднѣ до полученія разрѣшенія на отправку въ Петербургъ.

«Можете быть увѣрены,—пишетъ онъ:—что я буду стараться для васъ, какъ для самого себя. Вы должны знать, что, такъ какъ я не умѣю льстить, у меня не много друзей при дворѣ, но не будемъ отчаиваться ни въ чемъ и сдѣлаемъ все, что можемъ, чтобы доказать нашу невинность». Клеветы на Чарторыйскихъ не прекращались; ихъ подозрѣвали, и эти подозрѣнія еще не разсѣялись. Въ этомъ несчастіи нужно было запастись терпѣніемъ.

Чтобы уничтожить всѣ навѣты, Репнинъ совѣтовалъ своему другу переселиться въ лѣтнюю пору въ Литву; ему нечего опасаться какихъ-либо насилій, даже если бы онъ отдался довѣрчиво въ руки императрицы. Того же 27-го января Репнинъ написалъ княгинѣ Изабеллѣ. «Я не могъ,—говоритъ онъ,—видѣть вашихъ дѣтей безъ умиленія; они, навѣрно, и сами это замѣтили, несмотря на свою молодость. Ахъ, почему въ ту же самую минуту нельзя было исполнить всего того, чего вы могли только желать! Я могу васъ увѣрить лишь въ одномъ, что вамъ нечего бояться за вашихъ дѣтей. Не сомнѣвайтесь въ томъ, заклинаю васъ, что я принимаю нѣжнее, самое нѣжное участіе въ благополучіи вашихъ дѣтей. Я даже осмѣливаюсь сказать: можете ли вы въ этомъ сомнѣваться, зная мои чувства къ вамъ и ко всему вашему семейству? Я не могъ читать безъ слезъ вашего письма». Далѣе Репнинъ уговариваетъ ее съ твердостью перенести эти несчастія, умоляетъ ее на колѣняхъ не падать духомъ. Все кончится, но правда и справедливость будутъ существовать всегда. Самъ онъ сдѣлаетъ все возможное скорѣе для нея, чѣмъ для себя самого. Что касается дѣтей, то они отправятся только при благопріятныхъ обстоятельствахъ, а до того они останутся у него; онъ ихъ любитъ нѣжно и будетъ о нихъ заботиться повсюду, пока они снова не соединятся со своими родителями. Онъ ссылается на старшаго, Адама, который скажетъ, какъ онъ, Репнинъ, обходится съ ними. Онъ, однако, не можетъ не поставить на видъ ей и князю ихъ поведеніе на сеймѣ 3-го мая. Конечно, ими обоими руководила любовь къ отечеству, но, на колѣняхъ прося у нея прощенія, онъ долженъ сказать, что это прекрасное побужденіе вовлекло ихъ обоихъ въ обманъ, что они не почувствовали послѣдствій и оскорбленій, нанесенныхъ горячими головами великой государынѣ и могущественной державѣ. Другія государства, же-

лавшія ловить рыбу въ мутной водѣ, возбуждали къ этому безумцевъ, а тѣ, которые шли, какъ и Чарторыйскіе, побуждаемые прекрасными намѣреніями, пали жертвой. Добрыхъ всегда обманываютъ злые. Вотъ что и случилось съ ними, Чарторыйскими.

Въ отвѣтъ на донесеніе князя Репнина о пріѣздѣ молодыхъ Чарторыйскихъ онъ получилъ высочайшій рескриптъ отъ 22-го февраля 1795 года, повелѣвавшій принять отъ нихъ присягу на вѣрное подданство, но предварительно испытать и удостовѣряться, что она чистосердечна и не противна ихъ совѣсти, и въ такомъ случаѣ принять въ опеку принадлежащія имъ имѣнія въ Литвѣ, а дозволить имъ самимъ пріѣхать въ Петербургъ. Въ собственной припискѣ къ Репнину императрица спрашиваетъ, правда ли, что княгиня Чарторыйская привела сыновей, какъ Амилькаръ Аннибала, 8 лѣтъ, къ присягѣ, дабы вѣчные были враги Россіи.

Въ виду означеннаго высочайшаго повелѣнія, Репнинъ 24-го марта написалъ княгинѣ Чарторыйской, что ея дѣти, которыхъ онъ любить отъ всей души и сердца, собираются присягнуть и имѣютъ разрѣшеніе на пріѣздъ въ Петербургъ. Онъ сказалъ самой императрицѣ, что лично отвѣчалъ за ихъ поведеніе и бралъ ихъ на свою отвѣтственность, такъ что имъ нечего было опасаться. Княгиня должна быть спокойна въ этомъ отношеніи. Отъ молодыхъ князей зависитъ теперь хорошо себя поставить при дворѣ и понравиться. Онъ самъ ими будетъ руководить и рекомендуетъ ихъ людямъ, которые постараются быть имъ полезными. Репнинъ горячо совѣтовалъ имъ поступить на придворную или военную службу, такъ какъ они должны были показать свое рвеніе и разсѣять всѣ предубѣжденія. Только этимъ путемъ они могли бы побудить государыню къ возвращенію всѣхъ конфискованныхъ имѣній ихъ родителямъ. Согласно своему обѣщанію направить молодыхъ князей къ людямъ, которые могли быть имъ полезными, Николай Васильевичъ, передъ ихъ отъѣздомъ, написалъ 31-го марта своему старому другу, оберъ-камергеру Ивану Ивановичу Шувалову, племянникъ котораго, князь Ѳедоръ Николаевичъ Голицынъ былъ женатъ на дочери Репнина, Прасковѣ Николаевнѣ. Изъ этого письма видно, что Николай Васильевичъ одновременно рекомендовалъ Чарторыйскихъ племянникѣ Шувалова, дочери его сестры княгини Прасковьи Ивановны Голицыной, графинѣ Варварѣ Николаевнѣ Головиной, прозванной *le petit dragon* за ея рѣзвость и насмѣшливость и пользовавшейся особеннымъ расположеніемъ императрицы. Такимъ образомъ, князь Репнинъ, заботясь о молодыхъ князьяхъ, дѣйствительно направлялъ ихъ къ людямъ ему близкимъ и могущимъ оказать Чарторыйскимъ существенную поддержку при дворѣ и въ обществѣ.

«Вы меня знаете, любезный другъ, — писалъ онъ Шувалову. — Вы увидите, что предметъ этого письма не старыя проказы,

но что оно внушено человеколюбіемъ, котораго я всегда былъ и буду поклонникомъ». Далѣе, онъ описываетъ затруднительное положеніе молодыхъ князей, которые родились въ богатствѣ и почести, лишились всего, даже отечества, и ѣдутъ въ страну, гдѣ сильно предубѣждены противъ ихъ родителей. Шувалову, какъ человеку съ сердцемъ и здравымъ умомъ, легко понять, какъ съ должны быть ихъ внутреннія ощущенія. Въ это прекрасной душѣ несчастье, и особенно несчастье незаслуженное, всегда найдетъ сочувствіе. Принимая въ этихъ молодыхъ людяхъ большое участіе, Репнинъ проситъ Шувалова сдѣлать ему лично одолженіе, оказать имъ ласковый и сердечный пріемъ, о чемъ онъ также проситъ графиню В. Н. Головину. Старшій изъ этихъ молодыхъ людей уже созрѣлъ разумомъ. Онъ очень образованъ. Оба одарены хорошимъ сердцемъ. Но какъ усмотрѣть достоинство, когда оно закрыто уторопленной застѣнчивостью. Репнинъ кончаетъ письмо словами, въ которыхъ отражается его христіанская душа: «Единому Богу извѣстно, увидимся ли мы еще на этомъ свѣтѣ. Его пути неисповѣдимы, но вѣрно то, что Онъ повелѣваетъ намъ любить другъ друга, носить тягости другъ друга и предавать и сердца и души наши съ любовью и упованіемъ Ему всевышнему нашему Благодѣтелю и Источнику всякихъ благъ. Мысленно припадемъ къ стопамъ сего милосердаго Отца. Предадимся всецѣло Его волѣ. Прощайте, сердечный другъ. Живите всегда и повсюду съ Исусомъ Христомъ. Безъ Него нѣтъ никому спасенія».

За нѣсколько дней до отъѣзда молодыхъ князей изъ Гродны Репнинъ получилъ письмо отъ ихъ матери. Отвѣчая ей 26-го марта (6 апрѣля)¹⁾, онъ пишетъ, что онъ не можетъ исполнить просьбу княгини Изабеллы о дозволеніи ей дѣтямъ пріѣхать на свиданіе съ нею въ Галицію до отправленія въ Петербургъ, такъ какъ невозможно отдавать ихъ явку ко двору. Такая отсрочка подала бы поводъ къ разнымъ толкамъ и причинила бы вредъ молодымъ людямъ. Имъ крайне необходимо поскорѣе выѣзжать въ Петербургъ, для собственнаго ихъ блага. Но 3-го апрѣля они еще не выѣхали изъ Гродны. Того же числа Репнинъ пишетъ ихъ отцу²⁾, что онъ очень привязался къ его сыновьямъ и радъ бы оказать имъ и ихъ родителямъ услуги всякаго рода. Если бы это зависѣло отъ него одного, дѣло было бы просто. Въ письмѣ³⁾ отъ 15-го апрѣля изъ Вѣны князь Чарторыйскій высказываетъ Репнину свою благодарность за рѣдкую дружбу и благородное обхожденіе. Онъ говорилъ сыновьямъ при ихъ отъѣздѣ строго соблюдать совѣты Репнина, которые должны

¹⁾ Архивъ Чарторыйскихъ 1. 216 D. D.

²⁾ Архивъ Чарторыйскихъ 1. 146 D. D.

³⁾ Сборн. т. 16, стр. 179.

были служить правилами для ихъ поведенія. Возвращаясь къ обвиненіямъ, возведеннымъ на него, Чарторыйскій заявляетъ, что онъ всегда стоялъ за установленіе порядка, основаннаго на согласіи между обоими народами. Но на него и княгиню наклеветали. Онъ надѣется, однако, на возвышенность души и великодушіе государыни, которая разсудитъ по справедливости и не лишитъ его своихъ благодѣяній.

Письмомъ отъ 29-го апрѣля изъ Гродны Репнинъ сообщалъ княгинѣ Чарторыйской, что ея дѣти проѣхали Ригу и были здоровы. Въ виду того, что она жаловалась на разлуку съ ними и противилась ихъ вступленію на русскую службу, Репнинъ замѣчалъ, что, имѣя самъ дѣтей, онъ всегда желалъ, чтобы они обладали сильною и благородною душою, ему казалось недостаточнымъ, если бы въ нихъ были запечатлѣны только чувства чести, доброты и кротости. Того же самаго онъ желалъ для дѣтей княгини. Добродѣтель ложная, когда ея именемъ причиняютъ вредъ кому-либо или когда не дѣлаютъ всего того добра, какое можно было сдѣлать людямъ, которымъ обязаны всеѣмъ, а благо ихъ требуетъ, чтобы мы, отказывая себѣ въ удовольствіяхъ, дѣлали все отъ насъ зависѣвшее для помощи ближнимъ намъ людямъ. Въ томъ и заключалась обязанность молодыхъ князей. Они рождены для того, чтобы быть поддержкою родителей и защитниками сестеръ. Что станетъ съ ними, если они пренебрегутъ всеѣми этими обязанностями ради своихъ удовольствій и спокойствія? Останутся только угрызенія совѣсти за неисполненіе долгаго и внутренній упрекъ тѣхъ, которые отъ этого пострадаютъ въ будущемъ. Если они поступятъ на службу, то они не навсегда будутъ въ разлукѣ съ семьей; можно брать срочные отпуска и даже оставить службу всеѣмъ. Нѣсколько лѣтъ не составляютъ еще жизни человѣка, и въ этой службѣ можно быть свободнѣе, чѣмъ на какой-либо другой. Но если упущено благоприятное время для поправки дѣла, то его уже не возвратишь. Наконецъ молодые князья рождены не для того, чтобы прозябать въ невѣстности, предаваясь только удовольствіямъ.

15-го мая князь Адамъ-Георгій Чарторыйскій увѣдомилъ письмомъ Репнина о томъ, что онъ и братъ пріѣхали въ Петербургъ и были такъ ласково приняты графомъ Валеріаномъ Зубовымъ и его братомъ, а также княземъ Алексѣемъ Куракинымъ, что они не могутъ не выразить Репнину чувство глубокой признательности, сознавая, что только благодаря его посредничеству имъ оказали такой милостивый пріемъ. На него они возлагали все свои надежды за все то, что могло случиться еще счастливаго для ихъ родителей.

И, дѣйствительно, князь Николай Васильевичъ всеѣми способами старался прійти на помощь своимъ друзьямъ. Онъ принялъ подъ свое завѣдываніе опеку надъ имѣніями Чарторыйскихъ въ Литвѣ,

онъ собиралъ съ нихъ доходы, которые доставлялъ молодымъ людямъ въ Петербургѣ; онъ хлопоталъ о возвращеніи Чарторыйскимъ ихъ владѣній въ другихъ областяхъ. Адаму-Георгію Репнинъ пишетъ, чтобы онъ неотлагательно просилъ графа Валеріана Зубова содѣйствовать ему въ устройствѣ его домашнихъ дѣлъ. Въ томъ же письмѣ онъ освѣдомляется у молодого князя, не нужно ли ему денегъ, онъ собралъ ихъ нѣсколько съ литовскихъ земель и готовъ ему помочь исключительно изъ дружбы къ нему, требуя только, чтобы Адамъ сообщалъ о себѣ.

Князь Николай Васильевичъ не только содѣйствовалъ Чарторыйскимъ въ полученіи ими обратно имѣній, конфискованныхъ у нихъ русскимъ правительствомъ, но онъ ихъ снабжалъ своими содѣянными, какимъ образомъ увеличить имъ доходы съ означенныхъ имѣній; такъ, онъ имъ указалъ на возможность заработать деньги путемъ поставки соли изъ Галиціи. Съ своей стороны, Чарторыйскіе пользовались добродушіемъ Репнина, прося его заступаться за разныхъ лицъ, замѣшанныхъ въ возстаніи. Репнинъ не отказывается, онъ обѣщаетъ исполнить ихъ просьбы, подъ тѣмъ условіемъ, однако, чтобы эти личности не злоупотребляли его снисхожденіемъ къ нимъ; въ противномъ случаѣ они могли бы жестоко пострадать ¹⁾. Заботы Репнина по отношенію къ друзьямъ доходили до того, что онъ предостерегалъ ихъ, чтобы они не слишкомъ довѣрялись нѣкоторымъ лицамъ заподозрѣннымъ. «Окажите имъ добро,—пишетъ онъ старому князю:—если вы въ состояніи, помогите имъ, но чтобы они не были у васъ, гдѣ бы то ни было, ни съ вами. Мое убѣжденіе и моя дружба заставляютъ меня вамъ дать такой совѣтъ». вмѣстѣ съ тѣмъ Репнинъ былъ настолько обязателенъ, что сообщалъ Чарторыйскимъ о дѣлахъ ихъ родственниковъ. Такъ, 23-го декабря 1795 года ²⁾ онъ посылаетъ Адаму-Казимиру копію съ высочайшаго указа о снятіи запрещенія съ земель, принадлежавшихъ его сестрѣ, княгинѣ Любомирской, и о возвратѣ ей доходовъ. «Я посылаю вамъ,—пишетъ онъ,—копію съ него въ латинскихъ буквахъ, чтобы вы могли легче прочесть этотъ указъ и сообщить княгинѣ Любомирской. Вамъ, знающему всѣ восточные языки, будетъ, вѣроятно, не трудно понять этотъ маленькій кусочекъ русской прозы, который, по-моему, въ настоящую минуту больше значить, чѣмъ всѣ стихотворенія Ломоносова».

Князь Репнинъ горячо принялъ къ сердцу поступленіе молодыхъ Чарторыйскихъ на русскую службу. Онъ написалъ о томъ графу Валеріану Зубову. Дѣйствительно, изъ письма Адама къ отцу видно, что графъ Валеріанъ Александровичъ просилъ своего брата

¹⁾ Письмо 3-го апрѣля 1795 Арх. Чарторыйскихъ 1. 146 D. D.

²⁾ Архивъ Чарторыйскихъ 1. 151 D. D.

Платона за молодыхъ князей. Графъ Платонъ Александровичъ принялъ ихъ въ Царскомъ Селѣ и задалъ имъ вопросъ, не будетъ ли поступленіе ихъ на русскую службу противно желанію ихъ отца. Адамъ, не колеблясь, отвѣтилъ, что отецъ будетъ этимъ сильно польщенъ. По увѣренію Платона Александровича, онъ сдѣлаетъ все возможное, чтобы они были приняты на службу. Въ томъ же письмѣ Адамъ говоритъ о дружескихъ чувствахъ обоихъ братьевъ Зубовыхъ къ нимъ. «Мы никогда не будемъ въ состояніи, — пишетъ онъ отцу, — въ достаточной мѣрѣ отблагодарить Зубовыхъ. Но, къ несчастію, у васъ еще много недруговъ, и въ самомъ дѣлѣ я не понимаю, чѣмъ вы вызвали такую неприязнь. Существуетъ много препятствій и затрудненій, которыя придется преодолѣть, однако слѣдуетъ всего ожидать отъ великодушія, справедливости и доброты ея величества. Тѣ, которые ей вполнѣ довѣрились, никогда не были обмануты въ своемъ ожиданіи».

Когда князь Репнинъ узналъ, что Адамъ и Константинъ поступили на службу, первый въ Конную гвардію, а второй въ Измайловскій полкъ, то онъ ихъ поздравилъ. «Будьте, — пишетъ онъ, — совершенно съ этимъ признательны императрицѣ, которая васъ осыпаетъ милостями, и графамъ Зубовымъ, которые вамъ оказывали и продолжаютъ оказывать покровительство. Что касается меня, любите меня только — вотъ и все». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: «Помните, что я искренно люблю васъ обоихъ, а потому пишите мнѣ почаще». Съ своей стороны, князь Адамъ-Георгій высказываетъ, что онъ горячо желаетъ заслужить благодѣянія Репнина и сдѣлаться достойнымъ ихъ неизмѣнною признательностью, вѣчной преданностью и безупречнымъ поведеніемъ. Когда онъ узнаетъ, что Репнинъ еще разъ написалъ графу Зубову, прося за нихъ, то высказываетъ, что въ виду постоянныхъ заботъ князя Николая Васильевича о нихъ они, Чарторыйскіе, могутъ его назвать вторымъ отцомъ. «Никакія дѣти, — пишетъ онъ, — не въ состояніи питать привязанности болѣе истинной и живой, чѣмъ та, которую мы чувствуемъ и всегда будемъ чувствовать къ вамъ». Когда Репнинъ узналъ, что Константинъ уже началъ службу, а Адамъ готовится къ ней, то онъ имъ пишетъ: «Теперь докажите, что вы оба достойны вашего происхожденія и того добраго вниманія, которымъ васъ почтили. Помните, что прожить всю жизнь бесполезно, для себя одного, значить не удовлетворить цѣли нашего созданія и обязанностямъ, наложеннымъ на насъ при нашемъ вступленіи въ міръ. Мы должны непремѣнно помогать себѣ подобнымъ, если хотимъ, чтобы и намъ помогли».

Къ Новому году оба князя Чарторыйскіе были пожалованы въ камеръ-юнкеры. Великій князь Александръ Павловичъ прибли-

зилъ къ себѣ старшаго изъ нихъ, Адама, котораго особенно отличала великая княгиня Елизавета Алексѣевна. 1).

По свидѣтельству графини Головиной (*le petit dragon*)²⁾, мужъ которой былъ гофмаршаломъ великокняжескаго двора, князь Адамъ, бывавшій постоянно въ обществѣ Александра Павловича, былъ нрава степеннаго и молчаливаго; его фигура отличалась серьезнымъ и выразительнымъ взглядомъ, она дышала страстью. По замѣчанію Головиной, князь Адамъ, ободренный особымъ расположеніемъ великаго князя и находясь въ постоянномъ общеніи съ великой княгиней, увлекся такими чувствами, которыя ему слѣдовало съ самаго начала побороть въ себѣ изъ уваженія и признательности, а также по нравственнымъ началамъ. Императоръ Павелъ I, вступивъ на престолъ, назначилъ князя Репнина фельд-маршаломъ и призвалъ его къ себѣ, возлагая на него разныя порученія. Но въ концѣ 1798 года онъ впалъ въ немилость и удалился въ Москву, гдѣ и умеръ 12-го мая 1801 года.

Изъ вышензложенной переписки обнаруживаются близкія отношенія, существовавшія между Чарторыйскими и Репнинымъ. Хотя князь Николай Васильевичъ въ одномъ изъ своихъ писемъ выразился, что мы должны помогать своимъ ближнимъ, если хотимъ, чтобы намъ помогали, но чувства, которыя онъ проявляетъ въ своихъ письмахъ по отношенію къ княгинѣ Изабеллѣ и ея дѣтямъ, показываютъ, что они были для него болѣе, чѣмъ ближніе, такія существа, съ которыми онъ былъ связанъ, съ княгиней—узами старрой привязанности, а съ ея сыновьями—даже узами крови.

Князь Адамъ-Георгій, признававшій въ одномъ изъ своихъ писемъ, что Репнинъ относился къ нему и къ его брату въ качествѣ второго отца, къ которому они питали истинную и настоящую привязанность, ни однимъ словомъ не обмолвился о немъ въ своихъ «Запискахъ» и ни единой строчки не посвятилъ въ память того, который своими заботами и наставленіями помогъ имъ возстановить уже утраченныя ими положеніе и состояніе. Въ этихъ «Запискахъ» только одинъ разъ, и то вскользь, упоминается имя князя Репнина, а именно, когда Адамъ говоритъ, что онъ и его братъ отправились въ Гродну къ королю Станиславу-Августу, находившемуся тамъ подъ строгимъ надзоромъ князя Репнина. Умолчавъ о своемъ благодѣтелѣ, Чарторыйскій какъ будто желалъ ничего не знать о его существованіи. Съ этой цѣлью онъ даже искажилъ факты, о которыхъ повѣствуется въ его запискахъ. Въ самомъ дѣлѣ, изъ вышеприведенной переписки явствуетъ, что молодые Чарторыйскіе пріѣхали въ Гродну къ Репнину, который принялъ ихъ подъ свое попеченіе, какъ своихъ родныхъ дѣтей. Но Чарторыйскій ни слова не говоритъ

1) Записки гр. Рибоньера. «Русскій Архивъ» 1877 г., кн. I. Стр. 506.

2) Souvenirs de la c-sse Golowine, p. 100.

о своемъ пребываніи у Репнина въ Гроднѣ, онъ распространяется только о своихъ отношеніяхъ къ разжалованному королю, который тогда ничего не значилъ и къ которому Адамъ-Казимиръ не могъ отправить своихъ сыновей, такъ какъ онъ былъ тогда въ ссорѣ съ нимъ. Описывая далѣе въ своихъ запискахъ болѣе или менѣе извѣстныхъ людей, съ которыми ему пришлось встрѣчаться въ Россіи во время своего пребыванія, онъ ни слова не сказалъ о Репнинѣ, который, однакъ, многимъ отличался отъ другихъ и у котораго онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Гроднѣ. Это молчаніе знаменательно.

Непримиримый полякъ, которому всякій русскій казался виновникомъ бѣдствій его родины, Адамъ-Георгій, когда писалъ свои записки, не могъ не знать, что онъ сынъ князя Репнина, того русскаго, который когда-то властвовалъ въ Польшѣ. По этой причинѣ онъ въ своихъ запискахъ ни слова не упомянулъ ни о Репнинѣ, ни о его отношеніяхъ къ нему. Это дѣло его совѣсти.

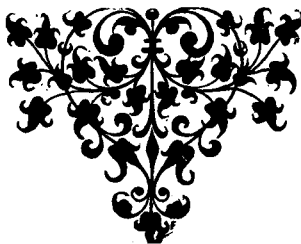
Здѣсь не мѣсто говорить о дѣятельности князя Адама-Георгія въ Россіи и въ Польшѣ въ царствованіе императоровъ Александра и Николая Павловича, но, когда вспыхнуло возстаніе 1830 года, распространился слухъ объ избраніи князя въ короли польскіе. Сообщая объ этомъ слухѣ императору Николаю Павловичу, цесаревичъ Константинъ Павловичъ, удалившійся изъ Варшавы, пишетъ ¹⁾, что его утѣшаетъ избраніе Адама тѣмъ, что поляки, несмотря на патріотизмъ, приведшій къ ихъ умоизступленію, много не могли сдѣлать, какъ избрать королемъ русскаго ублюдка (*un batard russe*), не вѣдая сего. Такимъ образомъ, настоящее происхожденіе Адама было хорошо извѣстно при дворѣ. Оно подтверждается и преданіемъ, сохранившимся въ семействѣ князя Репнина. Николай Васильевичъ отъ брака съ княжной Наталіей Александровной Куракиной оставилъ однихъ дочерей, изъ которыхъ Александра Николаевна вышла замужъ за князя Григорія Семеновича Волконскаго. Его сыну Николаю, послѣ смерти фельдмаршала, разрѣшено высочайшимъ указомъ 12-го іюня 1806 года принять фамилію умершаго и именоваться княземъ Репнинымъ. Внуку князя Николая Григорьевича, благополучно здравствующій князь Николай Васильевичъ, является старшимъ въ родѣ, владѣльцемъ семейнаго архива и хранителемъ преданій семьи. По его разсказу, сенаторъ Аркадій Васильевичъ Кочубей, двоюродный братъ графа, а впоследствии князя Виктора Павловича, министра внутреннихъ дѣлъ при Александрѣ I, ему передавалъ, что всѣ современники находили большое сходство въ чертахъ между фельдмаршаломъ Репнинымъ и Адамомъ Чарторыйскимъ, почему они считали достовѣрнымъ сказаніе о про-

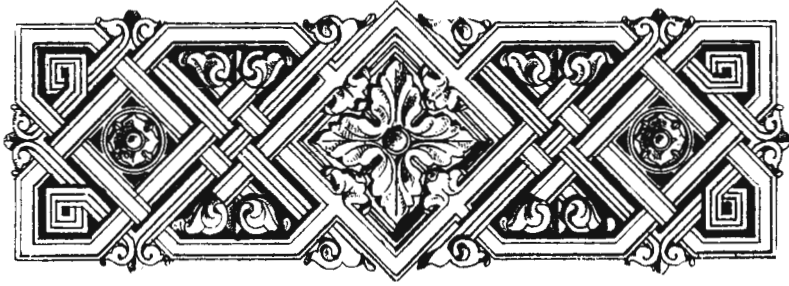
¹⁾ Письмо 20-го апрѣля (2 мая) 1831. Сб. пм. ист. общества, т. 132, стр. 171.

исхожденіи князя Адама, тѣмъ болѣе, что нѣкоторымъ изъ нихъ пришлось видѣть фельдмаршала князя Репнина, когда онъ вѣжно ухаживалъ за Адамомъ, какъ за роднымъ сыномъ, во время его болѣзни, случившейся въ Петербургѣ.

Невольно напрашивается на сравненіе взаимное обращеніе Репнина и Чарторыйскаго съ существомъ отношеній, сложившихся въ теченіе многихъ лѣтъ между обонми народами. Со стороны русскихъ преобладали добродушіе и довѣрчивость, со стороны поляковъ—загаенная злоба и неблагодарность.

С. Горяиновъ.

ИЗЪ РАСКОЛЬНИЧЬИХЪ ДѢЛЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО.

ВЪ АРХИВѢ губернскаго правленія въ гор. Петрозаводскѣ хранится любопытное «дѣло» канцеляріи олопецкаго губернатора «О сосланномъ подъ надзоръ полиціи въ Петрозаводскѣ раскольникѣ второй гильдіи купцѣ Ѳеодорѣ Гучковѣ», относящееся къ половинѣ прошлаго столѣтія. Дѣло это интересно не только по тому лицу, котораго оно касается, но и нѣкоторыми своими деталями, хорошо рисующими суровость режима того времени въ отношеніи раскольниковъ. «Дѣло» касается глубокаго, почти восьмидесятилѣтняго старца, который не могъ уже обходиться безъ посторонней помощи, и почти слѣплого. Гражданская власть, тѣмъ не менѣе, считала его весьма опаснымъ для православія и нашла необходимымъ создать для высланнаго Гучкова исключительную обстановку, облегчавшую полицейскій надзоръ за нимъ.

Правда, Гучковъ былъ не совсѣмъ обычный поднадзорный: высланъ онъ былъ въ Петрозаводскѣ по высочайшему повелѣнію и препровожденъ былъ сюда при особомъ предписаніи министра внутреннихъ дѣлъ. Но, читая «дѣло», все время чувствуешь, что мѣстное начальство,—какъ это зачастую бываетъ и нынѣ,—пошло дальше плановъ и намѣреній начальства высшаго и безъ надобности отягчило и безъ того нелегкое положеніе старика, перенесшаго тяжелое путешествіе изъ Москвы въ отдаленный Петроза-

водскъ. Уже одно это путешествіе, по тѣмъ временамъ, могло быть серьезной карой для Гучкова. Въ Петрозаводскѣ для него создана была обстановка, удобная лишь для наблюденія за нимъ и свидѣтельствующая о большой подозрительности начальства. Последняя оказалась неосновательной, и въ концѣ концовъ сами власти признали, что восьмидесятилѣтній дряхлый старикъ не можетъ уже быть опаснымъ для православія.

23-го января 1854 года олонецкимъ гражданскимъ губернаторомъ, В. Н. Муравьевымъ, получена была изъ особенной канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ бумага, въ которой сообщалось, что «по высочайшему его императорскаго величества повелѣнію, ссылается въ гор. Петрозаводскъ подъ строжайшій надзоръ мѣстной полиціи извѣстный закоренѣлый и вредный раскольникъ, бывшій однимъ изъ старшинъ на Преображенскомъ раскольниковскомъ кладбищѣ, купецъ второй гильдіи Ѳедоръ Алексѣевичъ Гучковъ, семидесяти восьми лѣтъ отъ роду. По сдѣланному распоряженію, онъ будетъ изъ Москвы отправленъ подъ благонадежнымъ присмотромъ и, по прибытіи въ Петрозаводскъ, представленъ вашему превосходительству непосредственно». Увѣдомляя объ этомъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, генераль-адъютантъ Бибиковъ, предписывалъ: «а) по доставленіи означеннаго раскольника, указавъ ему мѣсто жительства въ Петрозаводскѣ, подчинить его строжайшему надзору полиціи и имѣть непосредственное за нимъ наблюденіе, не допуская его къ распространенію ереси и слѣдя за всѣми его дѣйствіями и сношеніями, и б) увѣдомить меня подробно о времени прибытія его и доставлять мнѣ, чрезъ каждые три мѣсяца, о послѣдствіяхъ наблюденій за нимъ».

По полученіи этой бумаги губернаторъ сразу же далъ соответствующее распоряженіе по полиціи. Въ предписаніи петрозаводскому полицеймейстеру онъ, между прочимъ, распорядился приготовить заблаговременно, до прибытія Гучкова, квартиру для него, во всѣхъ отношеніяхъ удобную... для бдительнаго и строгаго за нимъ наблюденія, а по прибытіи—учинить за нимъ строжайшій надзоръ, отнюдь не дозволяя ему ни съ кѣмъ никакихъ сношеній.

Гучковъ былъ доставленъ въ Петрозаводскъ 2-го февраля 1854 г., въ сопровожденіи двухъ жандармовъ. Его привезли прямо къ полицеймейстеру, который сразу же обыскалъ его и осмотрѣлъ всѣ имѣвшіяся при немъ вещи. Последнія, какъ не заключавшія въ себѣ ничего вреднаго, были оставлены при немъ. Денегъ у Гучкова было найдено 92 рубля серебромъ. Полицеймейстеръ 32 рубля изъ этихъ денегъ выдалъ Гучкову на руки для расхода, а осталь-

ные 60 рублей передалъ въ полицію, для выдачи изъ нихъ, съ его разрѣшенія, Гучкову, по мѣрѣ дѣйствительной надобности, на его содержаніе. Сдѣлано это было съ цѣлью лишить Гучкова всякой возможности «посредствомъ излишнихъ денегъ склонять постороннихъ лицъ на свою сторону».

Интересны личныя впечатлѣнія полицеймейстера отъ знакомства съ Гучковымъ: «Гучковъ, сколько я могъ замѣтить изъ личнаго моего съ нимъ разговора,—доносить полицеймейстеръ губернатору,—есть великая зараза для раскола».

Въ самый день прибытія въ Петрозаводскъ Гучкова прибыли изъ Москвы жившіе тамъ на Преображенскомъ кладбищѣ мѣщанинъ Матвѣй Амосовъ и крестьянинъ Леонъ Васильевъ съ цѣлью оставаться здѣсь при Гучковѣ и привезли съ собою разные для него вещи, въ числѣ которыхъ, между прочимъ, были: книга Четьи-Миней на іюнь, іюль и августъ мѣсяцы, печатанная въ Москвѣ въ 1767 году, и раскольникче погребальное одѣяніе, заключающееся изъ мантіи черной шерстяной матеріи, туфель изъ той же матеріи, кожаныхъ четоковъ и рисованнаго вѣчника для усопшихъ. Люди эти, изъ которыхъ первому было шестьдесятъ семь лѣтъ отъ роду, отъ самой Москвы ѣхали все время вмѣстѣ съ Гучковымъ, выдаясь съ нимъ на каждой станціи, и лишь въ Святозерѣ (за 63 версты отъ города) отстали отъ него вслѣдствіе недостатка на этой станціи лошадей.

На допросѣ, учиненномъ имъ полицеймейстеромъ, они показали, что отправлены изъ Москвы дѣтьми Гучкова вслѣдъ за отцомъ ихъ Фѣдоромъ Гучковымъ для присмотра за нимъ дорогою по преклоннымъ его лѣтамъ и болѣзненному состоянію и для нахожденія здѣсь у него въ прислугахъ.

Амосовъ и Васильевъ показались полицеймейстеру подозрительны, и онъ арестовалъ ихъ, хотя они и имѣли на проѣздъ подорожную, а на отлучку паспорта. Отобранную у нихъ книгу Четьи-Миней, по распоряженію губернатора, передали Гучкову, а погребальное одѣяніе и прочія вещи оставлены при полиціи для храненія. Относительно дальнѣйшей судьбы этихъ лицъ полицеймейстеръ высказался въ томъ смыслѣ, что ихъ слѣдовало бы отправить обратно въ Москву съ жандармами за ихъ счетъ, такъ какъ пребываніе ихъ въ Петрозаводскѣ, да еще при Гучковѣ, можетъ быть очень вредно. Вмѣстѣ съ этимъ полицеймейстеръ полагалъ весьма полезнымъ воспретить раскольникамъ какъ Преображенскаго, такъ и Рогожскаго кладбища не только прибывать въ Петрозаводскъ для свиданія съ Гучковымъ, но и входить въ какія-либо съ нимъ сношенія. Мѣра эта тѣмъ болѣе необходима, что здѣшніе раскольники Даниловскаго и Лексинскаго селеній находятся въ тѣсныхъ связяхъ съ московскими раскольниками и подѣ видомъ свиданія съ Гучковымъ хотя бы самыхъ близкихъ изъ

его родственниковъ всё эти лица будутъ имѣть случай соединиться со здѣшними раскольниками.

Въ донесеніи полицеймейстера есть и еще одно интересное соображеніе. Онъ, между прочимъ, писалъ: «Если впредь случится отправлять въ Олонецкую губернію раскольниковъ, подъ надзоръ полиціи, я полагаю, что сопровожденіе ихъ свитою, подобно Гучкову, будетъ весьма неудобно, ибо пронырство и хитрость раскольниковъ до того изощрены, что они ни малѣйшаго обстоятельства или случая не упускаютъ изъ виду, чтобы не воспользоваться ими въ свою пользу, и хотя въ ихъ дѣйствіяхъ часто заключается благотворительность, но все это есть чистый обманъ, какъ для прикрытія ихъ прямыхъ дѣйствій къ поддержанію и распространенію раскола, такъ и для привлеченія православныхъ въ свои секты».

О прибытіи Гучкова въ Петрозаводскъ былъ тотчасъ же увѣдомленъ московскій оберъ-полицеймейстеръ. О сдѣланныхъ губернаторомъ распоряженіяхъ относительно Гучкова было отправлено донесеніе министру внутреннихъ дѣлъ. Послѣдній счелъ полезнымъ дать губернатору нѣкоторыя общія указанія относительно содержанія Гучкова.

Министръ сообщилъ, что «по дошедшимъ свѣдѣніямъ о противозаконныхъ дѣйствіяхъ старшинъ такъ называемаго Преображенскаго раскольническаго богадѣленнаго дома въ Москвѣ произведено было дознаніе. И такъ какъ при этомъ дознаніи справедливость означенныхъ свѣдѣній вполнѣ подтвердилась, то по высочайшему повелѣнію упомянутый богадѣленный домъ ограниченъ значеніемъ благотворительнаго и притомъ временнаго заведенія и переданъ въ вѣдѣніе совѣта Императорскаго Человѣколюбиваго общества и получаетъ устройство, направленное къ тому, чтобы освободить его отъ раскольническаго характера, съ прекращеніемъ всѣхъ средствъ къ поддержанію и распространенію раскола. Всѣ обличенные въ законопротивныхъ поступкахъ, въ томъ числѣ и Федоръ Гучковъ, удалены въ разныя мѣста.

«Такимъ образомъ, Преображенское кладбище потеряло свое значеніе въ расколѣ, тѣмъ болѣе, что обращено особенное вниманіе и на всѣ тѣ мѣста, конхъ сношенія съ онымъ обнаружались при дознаніи.

«Изъ сего слѣдуетъ, что надзоръ за Гучковымъ долженъ быть направленъ преимущественно къ тому, чтобы онъ своимъ вліяніемъ не могъ дѣйствовать на поддержаніе другихъ какихъ-либо раскольническихъ сборищъ.

«Что касается до людей, прибывшихъ въ одно время съ Гучковымъ въ Петрозаводскъ, то, какъ мнѣ извѣстно, этимъ людямъ дозволено начальствомъ проводить его изъ снисхожденія къ ходоцтву сыновей Гучкова, обратившихъ на себя вниманіе по осо-

бымъ обстоятельствамъ. Но изъ прибывшихъ людей раскольниковъ Матвѣй Амосовъ можетъ и остаться при Гучковѣ, крестьянинъ же Васильевъ, какъ называющійся православнымъ, не можетъ оставаться при немъ и долженъ быть возвращенъ въ Москву».

Губернаторъ сразу же далъ полицеймейстеру предписаніе освободить Васильева и Амосова изъ-подъ ареста и первому дозволить отправиться въ Москву, а второму—быть при Гучковѣ, съ учиненіемъ за нимъ бдительнаго надзора.

Въ началѣ марта начальникъ губерніи получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ новую секретную бумагу, въ которой указывалось, что сыновья Ѳедора Гучкова, почетные граждане Иванъ и Ефимъ Гучковы, вразумленные открытіемъ злоупотребленій старшинъ на Преображенскомъ кладбищѣ въ Москвѣ, изъявили желаніе присоединиться къ православной церкви и дѣйствовать къ вразумленію другихъ раскольниковъ и, по полученнымъ изъ Москвы удостовѣреніямъ, дѣйствительно такъ дѣйствуютъ.

Нынѣ объяснили они находящемуся въ Москвѣ чиновнику министерства внутреннихъ дѣлъ, что отцу ихъ въ Петрозаводскѣ не дозволяется даже выходить на воздухъ и не допускается къ нему прислуга. Считаая справедливымъ и полезнымъ оказать Гучковымъ вниманіе, министръ предложилъ губернатору облегчить участь Ѳедора Гучкова.

На это секретное предписаніе губернаторъ Муравьевъ донесъ въ министерство, что Гучкову никогда не было воспрещено выходить изъ своей квартиры для прогулокъ и оставленный здѣсь мѣщанинъ Амосовъ находится нынѣ при Гучковѣ.

«Въ недавнемъ времени, дабы имѣть ближайшее понятіе объ образѣ жизни Гучкова, я посѣтилъ его квартиру и въ разговорѣ съ нимъ и его сожителемъ Амосовымъ обошелся ласково и давалъ имъ совѣты, сообразные ихъ настоящему положенію, но между тѣмъ и предупредилъ, что въ случаѣ какихъ-либо подозрительныхъ ихъ сношеній я вынужденъ буду принять противъ нихъ строгія мѣры. Отвѣтъ ихъ на это былъ самый убѣдительный, что они рѣшительно ни съ кѣмъ не будутъ входить въ сношенія и что по своему положенію и старости лѣтъ они помышляютъ только о молитвахъ Богу. Но вскорѣ до моего свѣдѣнія дошло, что они уже успѣли познакомиться съ кузнецомъ здѣшняго гарнизоннаго батальона Леонтьевымъ, котораго не разъ посѣщалъ Амосовъ. Знакомство это подозрительно, потому что Леонтьевъ хотя и православный, но весьма пронырливый и соблазнительный на интересъ и всѣмъ этимъ, какъ видно, Гучковъ и Амосовъ не упустили изъ вида воспользоваться. Получивъ эти свѣдѣнія, я строго приказалъ упомянутымъ раскольникамъ прекратить ихъ знакомство съ Леонтьевымъ и что если этого они не выполнятъ въ точности, то будутъ арестованы».

2-го октября того же 1854 года губернаторъ доносилъ министру, что имъ «приняты были всѣ мѣры къ убѣжденію Ѳедора Гучкова принять православіе, если же онъ не хочетъ принять православіе, то по крайней мѣрѣ присоединиться къ единовѣрью, которое приняли и сыновья Гучкова; но всѣ старанія мои и епархіальнаго преосвященнаго (извѣстнаго архіепископа Аркадія), котораго я лично просилъ объ увѣщаніи Гучкова, оказались тщетными: раскольникъ сей остался непреклоннымъ въ своихъ заблужденіяхъ. Поведенія онъ, впрочемъ, скромнаго, въ образѣ жизни и дѣйствіяхъ его не замѣчено до сего времени ничего предосудительнаго. Гучковъ пользуется полною свободою, но всѣ его поступки подчинены строжайшему секретному надзору».

Въ январѣ 1855 года сыновья Ѳедора Гучкова, Иванъ и Ефимъ, обратились въ министерство внутреннихъ дѣлъ съ ходатайствомъ о дозволеніи одному изъ нихъ, Ивану, съ женою навѣстить находящагося въ Петрозаводскѣ отца ихъ и доставить ему слугителя-раскольника, московскаго мѣщанина Васильева, вмѣсто Амосова, который по слабости здоровья и преклонности лѣтъ не въ состояніи услуживать престарѣлому отцу ихъ. Министерство удовлетворило эту просьбу Гучковыхъ и о разрѣшеніи свиданія поставило въ извѣстность губернатора.

Иванъ Гучковъ и мѣщанинъ Васильевъ прибыли въ Петрозаводскъ 25-го января и были допущены къ старцу Ѳедору Гучкову. 28-го января Иванъ Гучковъ уже уѣхалъ изъ Петрозаводска, и съ нимъ отбылъ и Амосовъ.

Ровно черезъ полгода—въ іюнѣ 1855 года, съ надлежащаго разрѣшенія, пріѣзжали въ Петрозаводскъ навѣстить своего дѣда дѣти Ефима Гучкова—Иванъ и Николай.

Въ февралѣ 1856 года губернаторомъ было получено отъ Ефима Гучкова прошеніе о разрѣшеніи отцу ихъ возвратиться въ Москву. Ефимъ Гучковъ писалъ, что съ просьбой этой онъ лично обращался къ министру внутреннихъ дѣлъ и послѣдній отвеся къ ней весьма благосклонно. Собственно губернатора онъ просилъ засвидѣтельствовать предъ высшимъ начальствомъ о скромности отца ихъ, о его безукоризненномъ поведеніи и «совершенной возможности возвратить его намъ на наше попеченіе».

Въ своихъ письмахъ Ѳедоръ Гучковъ сообщалъ дѣтямъ, что въ послѣднее время онъ чувствуетъ особенную тяжесть въ головѣ и совсѣмъ почти теряетъ зрѣніе. Старикъ полагалъ, что нужно бы ему сдѣлать кровопусканіе, какъ онъ, по совѣту врача, дѣлывалъ это три или четыре года назадъ, но безъ попеченія о немъ особо близкихъ людей онъ не можетъ рѣшиться приступить къ этому. Для сего они съ братомъ отправили въ Петрозаводскъ двоихъ людей—Терентія Петрова и Татьяну Семенову, которые ему сродни и прислуживали ему въ Москвѣ. Они просили допу-

стить этихъ людей къ Ѳедору, «дабы хотя этимъ малымъ утѣше-
ніемъ сколько-нибудь поддержать его слабыя силы впредь до
увѣдомленія о соизволеніи г. министра на просьбу нашу».

Въ апрѣлѣ и самъ Ѳедоръ Гучковъ словесно просилъ губер-
натора объ исходатайствованіи ему разрѣшенія возвратиться на
родину, причемъ ссылаясь на свой преклонный возрастъ (восемь-
десять однихъ годъ) и слабое здоровье.

Къ просьбѣ этой губернаторъ отнесся, повидимому, сочувствен-
но. Представляя просьбу Гучкова въ министерство, губернаторъ
сообщилъ, что онъ «ведетъ образъ жизни весьма скромный и уеди-
ненный; онъ уже не можетъ быть вреденъ для православія, ибо при
дѣйствительной слабости зрѣнія онъ съ трудомъ можетъ дви-
гаться по причинѣ болѣзненнаго состоянія, а главное по преклон-
ности лѣтъ и дряхлости сложенія».

Но это представленіе губернатора успѣха не умѣло. Ми-
нистръ отъ 21-го апрѣля 1856 года отвѣтилъ, что такъ какъ Гуч-
ковъ высланъ въ Петрозаводскъ по высочайшему повелѣнію, по-
слѣдовавшему 21-го декабря 1853 года, то онъ, министръ, считаетъ
себя не въ правѣ сдѣлать какое-либо распоряженіе къ удовле-
творенію его ходатайства.

Объ этомъ отвѣтѣ Ѳедоръ Гучковъ сразу же былъ освѣдомленъ
губернскимъ начальствомъ.

3-го января 1857 года петрозаводскій полицеймейстеръ донесъ
рапортомъ губернатору, что состоявшій въ Петрозаводскѣ подъ
надзоромъ полиціи московскій второй гильдіи купецъ Ѳедоръ Гуч-
ковъ волею Божіею 29-го декабря умеръ.

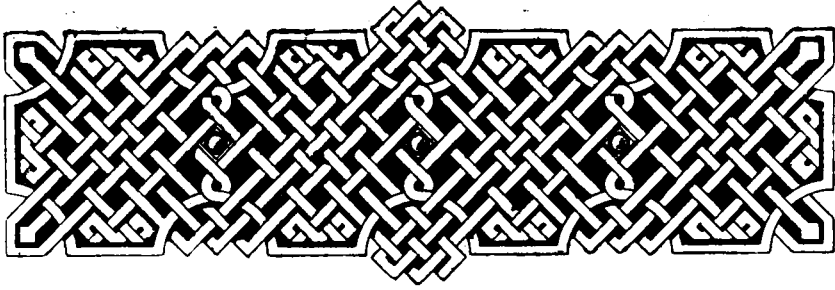
О смерти Гучкова тотчасъ же были увѣдомлены министръ вну-
треннихъ дѣлъ и московскій генералъ-губернаторъ.

Тѣло Ѳедора Гучкова, по просьбѣ его дѣтей, Ефима и Ивана,
разрѣшено было перевезти изъ Петрозаводска въ Москву, для
погребенія на Преображенскомъ кладбищѣ.

28-го февраля 1857 года, въ десять часовъ утра, тѣло Ѳедора
Гучкова, погребенное на Неглинскомъ кладбищѣ, въ присутствіи
двухъ членовъ полиціи, петрозаводскаго купца Фигурина, распо-
ряжавшагося при погребеніи Гучкова, и другихъ собравшихся
лицъ, по поднятіи изъ земли съ пѣніемъ «Святый Боже», выдано
было предъавителю открытаго листа московскому мѣщанину Ни-
кифорову, и по постановкѣ гроба въ засмоленный ящикъ довѣ-
ренный отправился въ путь.

С. А. Левитскій.

ЛЕГЕНДЫ О ВОЙНѢ.

В АСТОЯЩАЯ грандіозная война, охватившая собою почти весь земной шаръ, не могла не отразиться и въ простой народной массѣ. Милліонныя арміи, машины, бѣгающія безъ лошадей, аэропланы, летающіе по воздуху, бомбы, летящія съ неба, и многія иныя чудеса современной техники кажутся слишкомъ сказочными, легендарными, своею чудовищностью давять народный умъ, особенно поражаютъ тѣхъ стариковъ, которые видѣли турецкую войну 1877—78 гг., ломали страшные туркестанскіе походы, участвовали во всѣхъ бояхъ при завоеваніи Средней Азіи. Много пришлось пережить и испытать въ раскаленныхъ безводныхъ пустыняхъ, но такихъ чудесъ никто не видѣлъ. И нынѣ не повѣрили бы имъ старые казаки,—мало ли въ газетахъ врутъ,—однако нельзя и не повѣрить: о нихъ ишутъ въ письмахъ сыновья и родственники, рассказываютъ вернувшіеся съ поля битвы раненые. «Господи, до чего люди дошли!» вздыхаютъ старые рубаки. «Спаси, Царица Небесная,—последнія времена пришли», охаютъ казачки-старухи. «Эхъ, побывать бы да посмотрѣть и подраться!» тоскуетъ молодежь, относящаяся болѣе сознательно къ текущимъ событіямъ: грамотность, а вмѣстѣ съ ней и газета проникли нынѣ и въ глухіе казачьи поселки. Однако творческая народная фантазія не мирится съ краткими отрывочными свѣдѣніями, идетъ дальше вся-

кихъ сообщеній, выливается въ своеобразныя легенды, отражая въ нихъ частицу своихъ взглядовъ, умозаключеній, вѣрованій...

Въ этотъ историческій годъ мнѣ пришлось жить въ одной изъ глухихъ казачьихъ станицъ, раскинутыхъ на далекихъ оренбургскихъ степяхъ. Постоянныя встрѣчи и разговоры съ казаками, непосредственныя наблюденія надъ ихъ міровоззрѣніемъ дали обильный матеріалъ, весьма любопытный, какъ характеристика нравственного облика народной казачьей массы, гдѣ каждое событіе, подъ вліяніемъ фантазій, выливается въ особую своеобразную форму, иногда не лишнюю интереса для бытописателя, а главнымъ образомъ для будущаго историка этой войны, какъ отраженіе нѣкоторыхъ фактовъ въ народномъ освѣщеніи.

Если война явилась полною неожиданностью для людей власти, то что же говорить о нашей деревенской Руси? Стоялъ іюль мѣсяць—самое горячее время года: многіе принялись уже за уборку хлѣбровъ, другіе заканчивали уборку сѣна и прочія сельскія работы. Мысли и чувства всѣхъ были настроены по иному, и вдругъ нежданно-негаданно по всѣмъ станицамъ помчались гонцы съ «снимъ флагомъ»; по улицамъ раздались звуки сигнальной трубы, играющей «тревогу». Всполошился казачій муравейникъ: въ одну почъ опустились всѣ поля, и удалая казачья вольница слетѣлась въ станицы уже въ полномъ вооруженіи и на босыхъ товарищахъ-коняхъ, а на слѣдующій день съ лихою ибсеною всѣ двинулись въ походъ.

Правда, первое время никто не ожидалъ серьезнаго похода, — всѣ думали, что мобилизація «пробная». Даже обычные предупредительныя мѣры готовности, какъ-то—смотри обмундированія, лошадей, часто практиковавшіеся раньше казачьимъ начальствомъ, въ минувшее лѣто совершенно отсутствовали. На вопросъ: съ кѣмъ война? — никто не могъ дать опредѣленнаго отвѣта, и только Высочайшій манифестъ 19-го іюля разъяснилъ положеніе дѣлъ.

Высокій патріотическій подъемъ охватилъ все казачье населеніе отъ стараго до малаго. Бойцы ушли. Война разразилась, а около нея стали сплетаться и народныя легенды.

Аэропланы.

Первое время у всѣхъ на устахъ были аэропланы, о которыхъ въ японскую войну не было и поминна. Конечно, народная масса не имѣла о нихъ ни малѣйшаго представленія и давала полную волю предположеніямъ и догадкамъ. Раздавались голоса, что летательная машина не простой приборъ-механизмъ, изобрѣтенный человѣческимъ умомъ, а что здѣсь не обошлось дѣло безъ дьявола, съ которымъ нѣмцы живутъ въ большой дружбѣ давно. Старикки принимали аэропланъ за легендарную желѣзную птицу, которая явится предъ страшнымъ судомъ и будетъ клевать православныхъ.

«И полетят онѣ надъ землею, и не будетъ отъ нихъ спасенія никому». Дѣйствительно, многіе были охвачены суевѣрнымъ страхомъ. А тутъ вдругъ распространился слухъ, что нѣмецкіе аэропланы замѣнены надъ ближайшими уральскими заводами. «День скрываются въ лѣсахъ, а какъ почъ настанетъ, полетятъ на добычу».

Помню, какъ-то ко мнѣ зашелъ знакомый казакъ и говоритъ:

— Слышали, рапланъ летаетъ,—въ башкирской деревнѣ видѣли. Башкиры ночью были на моленьи въ мечети и только вышли, какъ ихъ вдругъ осіяло съ небесъ, точно солнышкомъ. Они всѣ перепугались и бросились бѣжать. «Шайтанъ,—кричатъ,—шайтанъ!» Поднялась вся деревня на ноги; оборуужились всѣ—кто съ вилами, кто съ топоромъ, а мулла впереди молитвы читаетъ. Такъ въ страхѣ провели всю ночь, но никого больше не видѣли, а на утро отправили муллу въ городъ съ жалобой. Наши бабы совѣмъ переполошились. Если сюда, говорятъ, прилетитъ да бомбу броситъ, такъ всѣ взлетимъ на воздухъ, всей станицею. Такъ на части и разорветъ. Правда ли, что его нечистый на себѣ нѣситъ?

Я, какъ могъ, успокоилъ старика. Бросать бомбу въ нашу станицу нѣмцу нѣтъ смысла: для него важнѣе заводы, склады и желѣзнодорожные мосты.

— А вотъ, говорятъ, въ Николаевкѣ тоже рапланъ спустился. Леталъ, леталъ, да, видно, заблудился и сѣлъ на землю. Какъ разъ мимо того мѣста шла баба съ водой. Онъ ударился о землю, сталъ человѣкомъ и проситъ у бабы напиться, а потомъ и спрашиваетъ: «Которая дорога въ Челябину?» Баба испугалась, подняла крикъ, а онъ ударился о землю, обратился въ огромную птицу,—застучалъ, зашумѣлъ и поднялся подъ самыя облака. Вотъ она какая штука; значитъ, тутъ дѣло нечисто.

Несмотря на мои объясненія и увѣренія, что аэропланъ машина, изобрѣтенная человѣкомъ, такъ же, какъ и желѣзная дорога, старикъ недовѣрчиво покачивалъ головой; наружно онъ, въ силу извѣстной привычки въ обращеніяхъ къ начальству, какъ будто и соглашался, но по всему видно было, что въ душѣ онъ не вѣритъ ни одному слову. «Всѣ-де вы ученые заодно, чтобъ нашего брата морочить».

Страхъ передъ аэропланами увеличивался. Передавали, что нѣкоторыя бабы отказывались по одиночкѣ ѣздить на пашни. «Какъ поѣду одна, а вдругъ рапланъ налетитъ да схватитъ. Пропаду ни за что».

Наконецъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ появились по поселкамъ первые раненые, участники боевъ, которые своими разсказами быстро разсѣяли суевѣрный страхъ.

— А правду вы говорили, что рапланъ машина. Я грѣшнымъ дѣломъ тогда вамъ мало повѣрилъ, потому у васъ, ученыхъ, иной разъ и Бога-то не признаютъ: все, молъ, люди да природа сдѣлали,—

разсуждалъ черезъ нѣсколько времени тотъ же старикъ. — А молодцы наши-то, казаки, вонъ какъ они этихъ самыхъ рапландчиковъ-то подстрѣливаютъ да въ плѣнъ берутъ. Попадись теперь мнѣ какой изъ летальщиковъ, и я на старости ему шею какъ слѣдуетъ на-костыляю. Теперь коли и увижу, ужъ не буду молитву творить, а за горло по-казацки возьмусь. потому самъ отъ раненаго казака про эти самые рапланы слышалъ. — а ужъ казакъ казаку не совреть и обманывать не станетъ.

Начало конца міра.

Между тѣмъ событія развертывались все шире и шире и грозили перейти въ мировую бойню. Все чаще и чаще слышались рассказы о всемірной послѣдней войнѣ, которая наступитъ передъ страшнымъ судомъ, о появленіи антихриста и близкомъ концѣ міра. Въ народной памяти выплывали слышанныя когда-то отъ дѣдовъ страшныя повѣствованія и предсказанія о тѣхъ главныхъ признакахъ, которые должны показать близость второго пришествія Спасителя.

— И вотъ, братцы мои, — повѣствуетъ древній старецъ собравшейся толпѣ слушателей: — возстанетъ царство на царство, народъ на народъ, и охватитъ война всю матушку землю, и знаменія будутъ великія, — тогда наступитъ конецъ міра и придетъ Спаситель судить живыхъ и мертвыхъ. И чудно становится мнѣ теперь, словно все идетъ какъ по писанному. Вотъ ужъ девятый десятокъ доживаю, а въ тѣ поры былъ я еще мальчонкомъ, лѣтъ девяти-десяти не больше. Жилъ тогда въ нашей станицѣ бездомный казакъ Иванъ Митричъ, старъ ужъ онъ былъ, почитай, лѣтъ за сто перевалило, но бодрый и память имѣлъ полную. Говорятъ, въ молодыхъ годахъ на француза ходилъ, ну, и тамъ, должно, попало деньжонокъ не мало: вѣдь извѣстно, нашъ братъ-казачокъ не оплошаетъ; иной разъ и не плохо лежитъ, а мы, грѣшнымъ дѣломъ, не пропустимъ: кто Богу не грѣшенъ, Царю не виноватъ. Вотъ и этотъ Иванъ Митричъ, видно, не больно честно поживился: хотъ и привезъ деньжонокъ, да впрокъ онъ ему не пошли, — въ десять лѣтъ все кончилъ: жену похоронилъ, хозяйство разорилось, а домъ сгорѣлъ, и пошелъ нашъ Митричъ подъ старость по монастырямъ, грѣхи свои замаливать. Начитанный былъ человѣкъ и поразсказать мастеръ, да все отъ писанья. Сядетъ, бывало, на лавочку и начнетъ поучать насъ. «Помяните, говоритъ, — ребята, мое слово. Какъ настанутъ послѣднія времена, все измѣнится, по иному будетъ: полетятъ желѣзныя птицы подъ самыя облака и будутъ клевать православныхъ желѣзными носами и плевать на землю сверху ядрами. А отъ тѣхъ плевковъ загорится мать сыра земля и дома и люди. Не будетъ отъ этихъ желѣзныхъ птицъ спасенья ни старому и ни малому. И будетъ громъ великій отъ полета ихъ, даже голоса человѣчьяго не услышите. Но это еще не все.

Опутаютъ землю-матушку желѣзною проволокою да въ нѣсколько рядовъ, точно нитками обовьютъ, и нельзя будетъ Божьей иташкѣ пролетѣть кверху: такъ-то густо будетъ опутано. А внизу протянуть желѣзо по всей землѣ, и поставить на это желѣзо мѣдные кувшины громаднѣйшіе; нальютъ въ нихъ воды полнешеньки, а въ срединѣ трубы едѣлаютъ и огня накладываютъ. Закинитъ отъ него водица, и побѣгутъ кувшины по желѣзу, а въ нихъ люди поѣдутъ съ пѣснями да плясками. Всѣ цвѣточки лазоревые, которые на землѣ растутъ да украшаютъ ее, матушку, на людей перейдутъ. Озвѣрѣютъ тогда люди и пойдутъ другъ на друга войною. Будетъ эта война послѣднею и самую страшною, и никуда отъ смерти не укрошься. Тогда наступитъ и конецъ міру».

— Не понимали мы тогда ничего изъ этого, да и самъ Митричъ тоже толкомъ объяснить не могъ,—а вотъ, говоритъ, если доживете, увидите сами. Какъ онъ говорилъ, такъ и вышло. Провидецъ старикъ былъ! Видите, ужъ нынѣ полетѣли надъ землею и желѣзныя птицы, и землю всю люди проволокою опутали—во всѣ стороны протянули: посмотрите въ городѣ—весь его оплели телефонами тамъ разными. А по желѣзу-то люди ужъ давно ѣздятъ и кувшины впереди пыхтитъ да охаетъ, точно звѣрь какой.

— А какъ же, дѣдушка, цвѣты-то полевые на людей перейдутъ?—спросилъ одинъ изъ присутствовавшихъ.

— Да перешли ужъ, дитятко. Посмотри лѣтомъ по народу, особенно по женщинамъ въ праздникъ,—какихъ только платьевъ на нихъ нѣтъ: и розовыя, и голубыя, и зеленыя, и всякія:—какіе цвѣты въ полѣ есть, такія же на людяхъ и платья. А вотъ началась и всемірная война: вѣдь десять государей ведутъ ее. Да такая война, какой и отъ сотворенія міра не бывало. Никуда-то тебѣ скрыться нельзя, вездѣ находятъ: и на водѣ, и подъ водою, и въ облакахъ, и подъ землею. Поистинѣ послѣднія времена настали. Куда же дальше этого?

Вильгельмъ.

Вильгельмъ II въ представленіяхъ народа является апокалиптическимъ звѣремъ въ образѣ челоуѣка, съ печатью антихриста на лѣвой рукѣ, «оттого она у него и высохла». Довольно характерно, что самое имя «Вильгельмъ» народъ передѣлалъ очень своеобразно и называетъ его не иначе, какъ «Вельма», отъ испорченнаго слова «вѣдьма». За Ураломъ и въ Сибири вмѣсто «вѣдьма» говорятъ «вельма». Такъ называютъ колдуній, вѣдьмъ и прочую нечисть, въ томъ числѣ и знаменитаго просвѣщеннаго «кайзера». Около его имени создалась довольно оригинальная легенда.

«Хоть и хитеръ нѣмецъ и много у него разнаго оружія и машинъ различныхъ, но долго не отваживался онъ итти на Царя православ-

наго: зналъ онъ, что не попуститъ Господь поруганія на святую Русь. Чувствовалъ нѣмецъ, что пропадетъ онъ, если тронется, хоть и велика у него сила. А идти на насъ ему давно хотѣлось: ужъ больно велика и богата Русь, какъ-де не поживиться отъ нея. Продавъ онъ тогда чорту душу, отрекся отъ истиннаго Христа и его заповѣдей, сталъ думать и выдумалъ Вельму, которая произошла отъ нечистой силы. И стала Вельма царемъ у нихъ. Сперва прикидывалась доброю да умною, потому на нее зарокъ до извѣтнаго числа былъ данъ, а какъ вышло время, и объявила Вельма себя: «Погублю,—говорить,—вѣру Христову, разрушу ихъ храмы, изрублю иконы, покорю себѣ русскую землю, и будутъ тогда всѣ кланяться мнѣ и почитать меня какъ Бога». И началъ онъ мучить и губить всѣхъ людей. Не разбираетъ Вельма ни старыхъ ни малыхъ, ни бабъ ни дѣвушекъ. Ничего ¹⁾ не беретъ Вельму, и вездѣ ему дорога отъ нечистой силы открыта: ползетъ подъ землею—канаву выроетъ, а то пуститъ желѣзныхъ птицъ, такъ все небо закроютъ, точно черная туча. Заклятый онъ, и ничѣмъ его не взять, окромѣ какъ молитвой и крестомъ. Этого только и боится самъ Вельма и его нечестивое воинство, тоже проклятое Богомъ. Самъ Вельма хоть и одѣвается по-человѣчески, въ полную какъ есть форму, однако узнать его очень легко, потому сзади у него хвостикъ, а на головѣ мѣдный рогъ. Хвостикъ-то онъ ухитрился—скрылъ, ну а вотъ рогъ-то никакъ спрятать не можетъ, потому что большой ужъ выросъ, да и голова-то у него тоже мѣдная. Вотъ и удумалъ Вельма выкинуть такую штуку. Сдѣлалъ онъ всему своему нечестивому войску тоже мѣдныя шапки съ высокимъ мѣднымъ рогомъ на верхушкѣ. Всѣ солдаты могутъ снимать и надѣвать свои шапки, а Вельма этого сдѣлать не можетъ, а такъ какъ онъ старше всѣхъ, царь своимъ-то, потому и выходитъ всегда будто бы въ шапкѣ съ рогомъ, ни передъ кѣмъ, значить, снимать не долженъ; а солдаты и думаютъ, что царь ихъ и въ самомъ дѣлѣ въ настоящей мѣдной шапкѣ. Такъ-то онъ и хитраго нѣмца обманулъ».

А вотъ еще маленькая довольно характерная легенда, называющаяся Вильгельма уже прямо антихристомъ и кровавымъ въ дѣйствительности.

«И говорить этотъ самый Вельма: «Буду я самимъ Богомъ, разрушу всю вѣру Христову, положу печать на всѣхъ и буду царствовать, и всѣ будутъ кланяться мнѣ. Распичу я святую Русь, весь народъ въ плѣнъ заберу, а землю въ песокъ обращу: не будетъ на ней ни хлѣбъ расти, ни трава цвѣсти».

«За эти страшныя слова проклялъ Господь Богъ Вельму на вѣчныя времена. «Коли возсталъ,—говорить,—ты противъ Меня и пролилъ столько христіанской крови, такъ будь же ты кровавымъ».

¹⁾ «Ничего» казаки употребляютъ вмѣсто «ничто».

(кровавымъ) отъиѣи и довѣка». И въ тотъ же день исполнилось слово Господне. Разгромили Вельмины солдаты какой-то городъ, ограбили его начистую и все золото отослали къ Вельмѣ. Обрадовался онъ и захотѣлъ поблагодарить своихъ храбрыхъ разбойниковъ за то, что съ бабами да съ малыми ребятами хорошо воюють. Захватилъ онъ все награбленное золото съ собою, пріѣхалъ къ войску,—ну, поговорилъ, что ему надо, похвалилъ за храбрость, да и началъ разбрасывать золото по рядамъ. «Вотъ,—говорить,—вамъ достойная награда». И случилось чудо. Бросилъ Вельма золото, блеснетъ оно на солнцѣ, разсыплется, точно горохъ, и вдругъ обратится въ кровь. Не замѣтилъ сначала Вельма, любуется только блескомъ, а потомъ наклонится и захватитъ новую горсть. Такъ бросилъ горстей до десятка, да вдругъ и глянулъ на солдатъ, а они все залиты кровью. Бросилъ онъ опять горсть золота, а оно точно изъ фонтана брызнуло на солдатъ кровью. Ужаснулся Вельма, взглянулъ на свои руки, а съ нихъ кровь такъ и льется. Одурѣлъ Вельма совѣмъ, да какъ зареветъ дикимъ голосомъ: «Теперь-то, видно, я совѣмъ пропалъ!» и бросился бѣжать въ свою квартиру. Понялъ онъ тутъ, что ему конецъ пришелъ, что Господь открылъ его. Узнали тутъ и солдаты, что у нихъ за царь, и ужъ начали отступаться отъ него. Хотя и приходитъ ему конецъ, но мира съ нимъ заключить никакъ нельзя, потому онъ законъ переступилъ—мучитъ всехъ и землю-матушку кровью залилъ. Будетъ онъ просить мира или не будетъ, его все равно расшибутъ и сошлютъ на Чортовъ островъ, тамъ ему мѣсто уготовано до самой смерти. А нѣмецъ тоже потомъ опомнится, раскается, да будетъ ужъ поздно: Господь его осудитъ на долгую муку, вотъ какъ евреевъ, потому они Христа распяли, а нѣмцы противъ Христа войною пошли. Значитъ, одинаково согрѣшили».

Удивительно вѣрно опредѣлили нашъ народъ характеръ настоящей войны. Не мудрствуя лукаво, не разбираясь въ политическихъ, экономическихъ и другихъ «ическихъ» условіяхъ, онъ чрезвычайно мѣтко вынесъ правдивый приговоръ нѣмцамъ, ополчившимся на Христа, поправшимъ Божескіе и человѣческіе законы.

Дѣйствительно, простой народъ смотритъ на эту войну, какъ на религіозный подвигъ, какъ на борьбу за поправнаго, вновь распятаго Христа. Чуткая, правдивая, младенческая душа до глубины возмущилась варварствомъ и безсовѣстностью врага и поклялась постоять за вѣру святую, царя православнаго. Вотъ въ чемъ кроется залогъ нашей побѣды надъ гордымъ, зазнавшимся врагомъ; вотъ откуда почерпнута та нравственная сила, такъ ярко проявившаяся въ эту войну; здѣсь же причина тѣхъ многочисленныхъ религіозныхъ видѣній, рисующихъ вполне реально Божью помощь нашимъ доблестнымъ войскамъ. Сильна и могуча великая Русь въ ея нравственной духовной красотѣ, и никакія силы не въ состояніи сломить живого народнаго духа.

Скобелевъ.

Въ сознаніи казаковъ съ особенною яркостью встаетъ нынѣ образъ знаменитаго «Бѣлаго генерала» М. Д. Скобелева. Дѣло въ томъ, что среди нашихъ оренбургцевъ до сихъ поръ очень много живыхъ соратниковъ этого героя, участниковъ туркестанскихъ походовъ. Съ тѣхъ поръ прошло сорокъ лѣтъ, но не потускнѣлъ свѣтлый образъ отца-командира: казаки и до сего времени съ благоговѣніемъ и любовью вспоминаютъ народнаго героя. Всѣ полузабытыя легенды о немъ вновь ожили. Никто не вѣритъ, что Скобелевъ умеръ, всѣ до одного считаютъ его живымъ. Только онъ тайно скрылся въ одеждѣ странника, потому что за царскимъ столомъ при публикѣ обругалъ англичанку. Она потребовала казни Скобелева, иначе грозила войною. Государю было жалко такого генерала, и онъ разрѣшилъ ему скрыться, а насчетъ смерти—только форму сдѣлали, чтобъ глаза отвести да англичанку успокоить. А какъ начнется война, онъ и объявится, кликнетъ кличъ слѣихъ боевымъ товарищамъ. Хоть и стары мы, а всѣ съ радостью пойдемъ на войну.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ одинъ казакъ въ станицѣ З. серьезно увѣрялъ меня, что «своими глазами» видѣлъ Скобелева живымъ и здоровымъ. «Работаю я какъ-то на дворѣ. Вдругъ, вижу, въ ворота входитъ какой-то сѣдой старичокъ съ длинною бѣлою бородой, въ одеждѣ монаха и съ котомкою за плечами. Подошелъ ко мнѣ и говоритъ: «Здравствуй, братецъ!» Я отъ удивленія и глаза вылупилъ на монаха: такъ съ нами, бывало, здоровался только одинъ Скобелевъ. Стою я, точно столбъ, гляжу прямо на гостя,—лицо и вправду точно знакомое, только сѣдой больно, а борода совсѣмъ бѣлая и длинная. «Неужто это вы, ваше высокопревосходительство, Михайла Дмитричъ?»—«Ну, коли узналъ, такъ молчи!» Меня словно варомъ обдало отъ этихъ словъ. Палъ я на колѣни, поклонился ему въ землю и поцѣловалъ край его одежды.—«Что ты,—говорить.—что ты, я, вѣдь, не Богъ, а только странникъ Божій». Ну, пригласилъ я его въ домъ. Посидѣлъ онъ у меня около часу, попилъ чайку и разспросилъ про всѣхъ моихъ товарищей-казаконъ. Я было хотѣлъ послать за здѣшними, да онъ отказалъ. «Чѣмъ же, говорю, вы занимаетесь?»—«А вотъ, говоритъ, хожу по святымъ мѣстамъ пока до времени. А какъ начнется великая война, я снова возьму мечъ, надѣну всю форму и соберу своихъ старыхъ товарищей-воиновъ. Теперь мнѣ объявлять себя нельзя, потому что государь наложилъ на меня петинье (эпитимію). Поцѣловалъ онъ меня на прощанье и ушелъ, даже провожать не велѣлъ. «Не смотри,—говорить,—мнѣ вслѣдъ».

Разсказъ довольно страненъ. Что это? Галлюцинація, умѣло подтасованный обманъ-мистификація, или дѣйствительно какой-

нибудь ловкій странникъ, можетъ быть, изъ тѣхъ же сподвижниковъ Бѣлаго генерала, ловко воспользовался именемъ народнаго героя и подъ большимъ секретомъ «объявляетъ» себя. Однако приведенный разсказъ не единичный случай: фактъ остается фактомъ, и легенда, что Скобелевъ живъ и скрывается «до времени», что многіе его «видѣли своими глазами», слишкомъ распространена между нашими казаками.

Кстати, необходимо замѣтить, что все соратники «Бѣлаго генерала» до сего времени твердо вѣрятъ, что онъ былъ необыкновенный человѣкъ, обладающій даромъ прозорливости, даннымъ ему свыше. Пользуясь этимъ, Скобелевъ могъ предугадывать все могущія произойти событія. Этимъ и объясняется его непобѣдимость и личная неуязвимость. «Побѣдить или ранить его было нельзя, потому что онъ былъ не простой человѣкъ, а зналъ всю Божью планиду. Я часто бывалъ у него на вѣстяхъ,—разсказывалъ мнѣ одинъ казакъ-туркестанецъ:—такъ наглядѣлся на него. Бывало, передъ тѣмъ, какъ выступать въ походъ или идти на штурмъ, уйдетъ въ свою палатку одинъ и молится. Потомъ выйдетъ, построитъ весь отрядъ въ боевой порядокъ, подведетъ на выстрѣлъ къ непріятелю, почти къ самому укрѣпленію, выѣдетъ передъ отрядомъ, сойдетъ съ коня и станетъ точно на молитву. Пули визжать, ядра летятъ и рвутся, а онъ хоть бы глазомъ моргнулъ, стоитъ, какъ вкопанный, точно другое что слушаетъ. Потомъ вдругъ перекрестится, прыгнетъ на коня и крикнетъ: «Съ Богомъ, братцы, впередъ! Только помните мое слово—не материтесь, братцы, не ругайтесь, и побѣда наша, и живы будемъ. А кто-де будетъ ругаться поматерно, тотъ и самъ погибнетъ, и весь отрядъ погубитъ».

«Ужъ какіе мы, казачки, были ругательщики, слова живого, бывало, не услышишь,—все мать да мать, а какъ поступили въ его отрядъ, словно переродились: не то что матерью, а даже чернымъ словомъ никто не обмолвится. И дѣйствительно, Богъ миловалъ, въ сколькихъ бояхъ были, а убитыхъ почти ни одного не было. Вотъ онъ каковъ былъ, Скобелевъ-то. Все ему было Богомъ открыто. Посмотрить, бывало, черезъ свое правое плечо и видитъ, кто будетъ убитъ, потому у тѣхъ, которые должны умереть, у всѣхъ надъ головами мученическіе вѣнцы, точно короны, сверкаютъ. А какъ впереди-то онъ подъ пулями стоялъ, такъ Божью литургію слушалъ, что ангелы на небѣ поютъ, и, пока ее тамъ не окончатъ, не начиналъ битву. Потому-то Богъ всѣхъ и хранилъ».

Завѣты Скобелева и донинѣ живы среди его сподвижниковъ, а отъ нихъ передались и другимъ станинникамъ. Почти каждый отецъ, провожая сына въ походъ, непременно накажетъ: «Смотри, сынокъ, если придется быть въ бою, не ругайся, а лѣще всего берегись браниться поматерно, и Богъ тебя сохранитъ!»

Текущая война дала очень много случаевъ чудесныхъ видѣній

и знаменій. Между прочимъ легенда о бѣломъ всадникѣ, сопровождающемъ наши войска, проникла и въ наши станицы. Во многихъ казачьихъ письмахъ съ войны сообщается буквально слѣдующее: «Захваченные въ плѣнъ нѣмцы въ одинъ голосъ говорятъ: «Развѣ васъ можно побѣдить, коли вамъ и духи помогаютъ. Каждую ночь надъ вашими окнами, въ вашей сторонѣ носится въ воздухѣ бѣлый всадникъ на бѣломъ конѣ. Бросимся мы въ атаку на ваши окопы, а они сразу закроются густымъ туманомъ, точно пеленою— намъ ничего и не видно, а вы насъ бьете, какъ днемъ». Мы, русскіе, ничего не видимъ, а нѣмцы все видятъ и намъ рассказываютъ».

Конечно, въ бѣломъ всадникѣ сразу опредѣлили Скобелева, а вмѣстѣ съ тѣмъ припомнили его завѣтъ—не браниться.

Между прочимъ одинъ казакъ въ письмѣ же передаетъ слѣдующій случай. «Какъ только узнали отъ плѣнниковъ о бѣломъ всадникѣ, собрались всею сотнею и порѣшили не браниться поматерно и чернымъ словомъ. Все время сотня была въ непрерывныхъ бояхъ, но все оставались невредимыми, лишь ранило двухъ-трехъ человекъ. Но однажды передъ самой атакой командиръ за что-то осердился на казаковъ и нѣсколько разъ выругался. И что же? Въ этой атакѣ сотня сразу потеряла около двадцати человекъ убитыми и ранеными. Когда вернулись на стоянку, вся сотня опять собралась въ кругъ и попросила сюда же командира, которому и заявили, что товарищи погибли благодаря его невоздержности и брани поматерно, почему бѣлый всадникъ, ихъ покровитель, и отступился отъ нихъ. По этому поводу сотня будто бы заявила: «Просимъ васъ не ругаться, а если будете попрежнему, то мы не пощадимъ и васъ». Командиръ, очевидно, и самъ былъ увѣренъ, что казаки погибли изъ-за него, почему тутъ же передъ сотней далъ обѣщаніе больше не ругаться.

Съ тѣхъ поръ снова были въ сильныхъ бояхъ, въ опасныхъ развѣдкахъ, рубились почти ежедневно, но убитыхъ не было.

Такъ-то спасаетъ бѣлый всадникъ тѣхъ, кто не ругается и помнитъ его завѣты.

Великій князь Николай Николаевичъ.

Верховный главнокомандующій, великій князь Николай Николаевичъ весьма популяренъ среди нашихъ казаковъ. Въ ихъ глазахъ онъ является легендарнымъ народнымъ вождемъ-героемъ, его правдивость, честность, смѣлый открытый характеръ и строгость къ нерадивымъ и измѣнникамъ создали цѣлыя легенды. Народъ любовно называетъ его просто «Николаемъ Николаевичемъ». А такъ называютъ лишь близкихъ, слишкомъ уважаемыхъ людей. Дѣло въ томъ, что въ войскахъ Европейской Россіи служило и служило нѣсколько оренбургскихъ казачьихъ полковъ. Съ давнихъ поръ эти полки участвовали на всѣхъ маневрахъ кievскаго и вар-

шавскаго военныхъ округовъ, куда почти ежегодно выѣзжалъ и великій князь. Здѣсь-то казаки и имѣли возможность лично видѣть его «въ дѣлѣ», и у нихъ составилось вполне правильное и опредѣленное мнѣніе о великомъ князѣ, какъ о твердомъ, строго-справедливомъ человѣкѣ, не терпящемъ разгильдяйства и праздности.

«Онъ безпорядка не допуститъ: при немъ всѣ генералы и офицеры будутъ работать, какъ слѣдуетъ», говорятъ казаки.

Къ слову сказать, печальной памяти несчастная японская война посѣяла въ народѣ большое недовѣріе къ офицерству, начальствующимъ лицамъ и вообще къ высшему командованію. Даже и сейчасъ тѣ или инныя военныя неудачи приписываются исключительно измѣнѣ и предательству, а не простымъ случаямъ. Народъ, а особенно казаки, искренно вѣритъ въ непобѣдимость русскихъ и не изъ бахвальства, конечно, а твердо сознавая свою нравственную мощь и физическую силу. Казака мало повалить, его нужно убить, только тогда онъ будетъ пораженъ, но все же не побѣжденъ. Это положеніе яснѣе всего характеризуетъ извѣстная казачья поговорка: «Либо грудь въ крестахъ,—либо голова въ кустахъ». Такъ говоритъ каждый отправляющійся на войну, и это не пустой звукъ; достаточно вспомнить всѣ подвиги молодечества и безавѣтной удали, проявленные казаками въ текущую войну, и приведенная поговорка станетъ вполне понятной, безъ прикрасъ характеризующей внутренней обликъ казака. «Съ нимъ или на немъ», говорили древніе спартанцы. «Либо грудь въ крестахъ,—либо голова въ кустахъ», говорятъ казаки, т. е. либо погибну и пусть отрубленная голова валяется въ кустахъ, либо возвращусь героемъ, украшеннымъ георгіевскими крестами.

Въ этомъ-то духѣ, полномъ самоотреченія и героизма, и кроется причина непобѣдмости и той удали, которой такъ прославились казаки. Казакъ надѣется на себя, твердо вѣритъ своимъ товарищамъ, но всякій успѣхъ зависитъ прежде всего отъ ихъ командира. «Съ плохимъ пропадешь», говорятъ казаки. Интересное сравненіе приводится ими въ подтвержденіе изложеннаго положенія: «Заплоты тогда хороши и неодолимы, когда столбы крѣпки. Если столбы подгнили или ихъ подрубили, и заплоть повалится. Правда, дорожку-то бревешки загородятъ, но ужъ препятствія-то большого не будетъ: переходи черезъ нихъ, сколько хочешь». Такимъ-то крѣпкимъ нерушимымъ столбомъ въ настоящую войну въ глазахъ казаковъ и является великій князь. На него возлагаются всѣ надежды и чаянія. «Онъ столбы поддержитъ, а ужъ заплоты-то никому не прошибить: баловства и измѣны въ начальствѣ не допуститъ, а на солдатъ да казаковъ мы надѣмся», говорятъ старики.—«Вотъ какъ сталъ хозяиномъ-то настоящій русскій дубъ, такъ и война пошла по иному, не то, что японская. Тогда ужъ и насъ, казаковъ, хотѣли на смарку—не нужны-де больше, а теперь, вишь, опять первое войско

стали, а все потому, что на настоящее дѣло насъ поставили да командирамъ острастку дали».

Въ понятіяхъ народа великій князь является карающей десницею для всѣхъ трусовъ и бездѣльниковъ. Привожу довольно любопытную легенду, которая яснѣе всего подтверждаетъ только что высказанный взглядъ.

Въ одномъ казачьемъ полку былъ молодой хорунжій, только что выпущенный изъ юнкерскаго училища. Этотъ полкъ съ самаго прихода все время находился въ бояхъ и развѣдкахъ. Хорунжему тоже постоянно приходилось ѣздить съ казаками. Дадутъ ему взводъ или полусотню. Казаки, извѣстно, народъ отчаянный: спуску никому не дадутъ,—лѣзутъ вездѣ, въ самыя опасныя мѣста, а чуть встрѣтятъ враговъ—лавой и на «ура»,—въ атаку, значить. Много зря погибло удалыхъ головушекъ: иной разъ и весь взводъ не вернется, а хорунжій всегда возвратится впередъ всѣхъ цѣль и невредимъ. Стали въ полку удивляться всѣ. «Какъ же, говорятъ, такъ: казаки погибли, а командиръ цѣлешенекъ. Вѣдь его мѣсто впереди, кажись бы, первымъ надо было пасть». Донесли объ этомъ Николаю Николаевичу. Вызвалъ онъ этого самаго хорунжаго, далъ ему полсотни казаковъ и отправилъ въ самое что ни на есть опасное мѣсто развѣдать про непріятеля. Тутъ ужъ, кажись, спасенья никакого не было. Прошло нѣсколько времени, смотрять, а офицеръ опять возвращается одинъ безъ казаковъ. «Гдѣ казаки?» спрашиваетъ Николай Николаевичъ.—«Всѣ полегли, ваше высочество, только меня одного Богъ миловалъ: не роковой, видно».—«Какъ же это такъ вышло,—спрашиваетъ великій князь:—вѣдь ты командиръ, твое мѣсто впереди и первая пуля твоя, а ты живехонекъ?» Выхватилъ тутъ Николай Николаевичъ шашку и отрубилъ офицеру голову. «Собака, —говоритъ,—собачья смерть: другимъ примѣръ будетъ, чтобъ за казачьи спины не прятались». Вотъ съ тѣхъ поръ и поняли всѣ командиры, что людей надо беречь, а самимъ впереди идти. Больше ужъ за казаковъ никто не прятался. Такъ-то вотъ Николай Николаевичъ—столбы-то сразу на свое мѣсто поставилъ, поэтому и нѣмца вездѣ бьемъ».

Казакъ Пашининъ.

Неистошима народная фантазія: любить народъ легенду, увлекается ею, отдыхаетъ на ней душою, искренно вѣря, что всякое зло рано или поздно покарается, а храбрость, удалъ и правда получить должную награду.

По нашимъ станицамъ былъ разосланъ приказъ атамана третьяго отдѣла отъ 20-го декабря 1914 года за № 259 ¹⁾.

¹⁾ Приказъ по 3 отдѣлу Оренб. каз. войска. По строевой части, § 1.
«истор. вѣстн.», октябрь 1915 г., т. сѣлн.

«Изъ прилагаемой при семь копій съ телеграммы дежурнаго генерала штаба одиннадцатой арміи отъ 10-го сего декабря за № 2476 на имя наказнаго атамана видно, что старшій урядникъ третьяго Уфимско-Самарскаго полка, третьяго отдѣла, станицы Міясской, Иванъ Пашнинъ удостоенъ великой чести—быть первымъ полнымъ георгіевскимъ кавалеромъ изъ всей кавалеріи и казачьихъ войскъ дѣйствующей арміи.

«Какъ извѣстно, первую награду Георгіевскимъ крестомъ въ настоящую великую войну получилъ донской казакъ Кузьма Крючковъ. Наши казаки служатъ также съ не меньшею доблестью и отвагой. Если на долю донцовъ выпало счастье получить въ текущую войну первый георгіевскій крестъ, такъ зато нашему Пашнину удалось первому изъ всей кавалеріи и казаковъ получить четыре георгіевскихъ креста.

«Честь и слава ему за это!

«Его императорское высочество августѣйшій главнокомандующій великій князь Николай Николаевичъ, цѣня заслуги Пашнина передъ Царемъ и Родиною, повелѣлъ наградить его, за его прибрную доблесть, копеймъ высокихъ кростей.

«Съ радостью сообщая объ этомъ по вѣренному мнѣ отдѣлу, поздравляю станичниковъ съ этимъ великимъ счастьемъ, выпавшимъ на нашу долю и еще лишній разъ доказавшимъ на дѣлѣ, что недаромъ Государь Императоръ любитъ и цѣнитъ наше славное войско Оренбургское. Его сыны всегда были, есть и будутъ непоколебимо вѣрными преданными слугами Царя и Отечества до послѣдней капли крови.

«Чтобы увѣковѣчить это рѣдкостное, высокой важности событія въ назиданіе потомству, я предлагаю станичникамъ наградить, со своей стороны, нашего славнаго героя Пашнина соотвѣтствующимъ подаркомъ, для чего я полагаю бы подарить ему отъ всего отдѣла почетную шашку, ножны которой украсить золотомъ съ нижеслѣдующею надписью на клинкѣ: «3-й военный отдѣлъ Оренбургскаго казачьяго войска своему доблестному сыну, первому изъ всей кавалеріи и казаковъ георгіевскому кавалеру всѣхъ четырехъ степеней старшему уряднику Міясской станицы, Ивану Василѣвичу Пашнину. 1914 года».

«Шашка будетъ стоить 175 рублей.

«Увѣренъ, что это предложеніе мое будетъ принято станичниками съ удовольствіемъ. Предписываю настоящій приказъ прочесть на полныхъ поселковыхъ сборахъ и во всѣхъ школахъ, а пожертвованія на приобрѣтеніе почетной шашки и деньги представлять въ управленіе отдѣла».

Упомянутая выше телеграмма была слѣдующаго содержанія:

«Верховный главнокомандующій повелѣлъ пожертвованную высокихъ кростей лошадь предоставить кавалеристу или казаку, перво-

му георгиевскому кавалеру всѣхъ четырехъ степеней. Въ арміи такимъ, хотя еще не награжденнымъ, но представленнымъ, оказался только одинъ старшій урядникъ третьяго полка вѣрненнаго вамъ войска Иванъ Пашининъ, которому означенная награда теперь испрашивается».

Старики-станичники вообще чутко прислушиваются къ молодецкимъ подвигамъ своихъ сыновъ и братьевъ, искренно радуются удачливымъ схваткамъ и молодецкимъ налетамъ. Каждый отдѣльный лихой эпизодъ гордостью наполняетъ сердца старыхъ рубакъ и молодежи. Немудрено, что приведенный приказъ вызвалъ много разговоровъ и произвелъ сенсацію.

Къ сожалѣнію, изъ него не видно, за что собственно Пашининъ удостоился столь высокой награды. Слухи были разнорѣчивы. Говорили, что онъ съ нѣсколькими товарищами пробрался въ неприятельское расположеніе и взорвалъ желѣзнодорожный мостъ, важный въ стратегическомъ отношеніи; въ другой разъ будто бы захватилъ въ плѣнъ австрійскаго генерала. Пародная фантазія не удовлетворилась этими незначительными, но ея мигнію, подвигами. Если Пашининъ удостоился высокой чести получить четыре креста и кровную лошадь отъ самого верховнаго главнокомандующаго, значитъ, долженъ быть совершить что-нибудь необыкновенное, выходящее изъ границы общихъ подвиговъ. Въ данномъ случаѣ былъ полный просторъ догадкамъ, толкамъ и всевозможнымъ слухамъ, которые вылились въ довольно любопытныя легенды. Такъ, слухъ о взятіи австрійскаго генерала разросся въ цѣлую исторію спасенія Пашининымъ жизни самому великому князю.

«Былъ сильный бой, а на конецъ дѣла пустили нашихъ казаковъ въ атаку. Гикнули молодцы, разсыпались лавою, ударили на врага и начали класть ихъ сотнями. Не выдержали германчужки да австрійки и бросились бѣжать. А казаки до того разгорячились, что крошатъ ихъ, какъ капусту, и не замѣтили, какъ ворвались въ лагерь. У Пашинина лошадка была добрая. Сшибъ онъ штукъ пять германцевъ и ворвался первымъ въ самую середину. Видитъ, ихній генераль на лошади сидитъ—такой красивый, здоровенный. Бросился Пашининъ къ этому генералу, сорвалъ его съ лошади и, какъ малаго ребенка, перекинулъ къ себѣ на сѣдло. Генераль и рта не успѣлъ разинуть, а казакъ ужъ вытащилъ его изъ сѣчи, отобралъ шашку, скрутилъ назадъ руки и привезъ къ своему начальству. Тамъ Пашинина похвалили и приказали отвезти плѣнника къ самому Николаевичу, потому приказъ отъ него былъ, чтобъ важныхъ плѣнныхъ доставляли къ нему на квартиру тѣ самые люди, которые захватили. Вотъ такимъ-то манеромъ отправили и Пашинина съ его генераломъ. Ну, конечно, допустили ихъ прямо къ великому князю, которому казакъ обсказалъ все, какъ было дѣло, и передалъ генеральскую шашку. Главнокомандующій что-то спросилъ у ав-

стрийца, возвратилъ ему оружіе и говоритъ: «Русскіе лекачаго не бьютъ. Какъ честному вонну и человѣку, отдаю вамъ вашу саблю, хотя и говорятъ, что вы-де любите сражаться больше изъ-за угла». Генераль взялъ пашку. Нашъ адъютантъ сталъ его допрашивать и записывать, а великій князь отвернулся и сталъ читать какое-то донесеніе. Вдругъ генераль выхватилъ свою саблю и хотѣлъ поразить Николая Николаевича сзади. Пашнинъ стоялъ за этимъ генераломъ тоже съ пашкою наголо, и только генераль успѣлъ выдернуть саблю, какъ онъ, не будь плохъ, какъ рубанулъ австріяка, такъ голова по полу и покатила. Этимъ и спасъ великаго князя отъ большой опасности. Николай Николаевичъ поблагодарилъ храбраго казака, надѣлъ ему крестъ первой степени и посадилъ на своего коня. Съ тѣхъ поръ Пашнинъ ѣздитъ на этой дорогой лошади, а все генералы и офицеры честь ему отдаютъ и ручку при здорованьи подаютъ».

Особенно интересна вторая легенда, гдѣ Пашнину приписывается открытіе заговора, по которому два генерала хотѣли продать Варшаву нѣмцамъ.

«Лѣзли, лѣзли нѣмцы на Варшаву, а толку никакого не вышло: какъ мухи, валяются они отъ нашихъ пуль да штыковъ, а впередъ подвинуться ни на шагъ не могутъ, хоть и уложили тутъ цѣлыхъ сто тысячъ человѣкъ. Видитъ Вельма, что силой ему не сломить русскихъ, и задумалъ онъ взять «мошенствомъ». Позвалъ къ себѣ двухъ нашихъ генераловъ да и говоритъ: «Такъ и такъ, господа генералы, не желаете ли «нажить копеечку» ¹⁾: я для васъ денегъ не пожалѣю, только Варшаву мнѣ отдайте». Генералы-то хоть и наши, а тоже были изъ нѣмцевъ. Подумали они, посовѣтовались между собою и говорятъ: «Хорошо, молъ, согласны за два милліончика, и деньги впередъ». — «Согласенъ, — говоритъ Вельма, — за то хвалю, что деньги впередъ просите, потому что плутъ плуту вѣрить не долженъ». Порядились, значитъ, они за эту сумму, хоть разговаривали между собою по-нѣмецки, но у одного Пашнинъ былъ на вѣстяхъ и все подслушалъ, такъ какъ по-нѣмецки немного зналъ. Вѣдь на самой нѣмецкой границѣ три года служилъ, ну и выучился. Генералы думаютъ, что казакъ не понимаетъ ихъ разговора, а онъ слушаетъ да на усъ мотаетъ. Приказали генералы зарядить все пушки опилками ²⁾, чтобъ гулъ былъ да дыму больше, а вреда принести нельзя бы было. Тогда стали думать, какъ получить деньги. Сначала хотѣли, чтобъ имъ прислали по почтѣ, но посоображали и говорятъ, что на почтѣ не выдадутъ такую сумму, а посылку могутъ посмотреть, — и рѣшили они для благонадежности отправить за деньгами

¹⁾ «Нажить копеечку» — чисто мѣстное выраженіе, означающее легкій заработокъ.

²⁾ Опилки, получаемыя при распиливаніи деревьевъ.

казака. Написали письмо къ нѣмцамъ и позвали Пашнина. «Вотъ поѣзжай туда-то, отдай письмо, а тамъ тебѣ выдадутъ посылку, ты ее и вези сюда. Да, смотри, не потеряй!»—«Будьте благонадежны,—говоритъ Пашнинъ:—развѣ казакъ что-нибудь потеряетъ,—вотъ найти это его дѣло, а насчетъ потерять—извините!» Покатилъ Пашнинъ, да вмѣсто нѣмцевъ-то маршъ къ самому Николаю Николаевичу. А гдѣ находилась главная квартира,—Пашнинъ не зналъ, ну, и поѣхалъ по телефону разыскивать.

«Сколько ни бился, а наконецъ телефонъ привелъ его прямо къ великому князю.

«— Чего тебѣ надо?—спрашиваетъ князь.

«— Такъ и такъ, ваше высочество, два генерала Варшаву нѣмцамъ продали.

«— Не можетъ этого быть,—откуда ты знаешь?

«— Такъ что самъ все слышалъ, а въ достовѣрность извольте получить письмо.

«Прочиталъ великій князь письмецо, покачалъ головою, немедленно отдалъ приказъ выслать въ то мѣсто войска и поставить ихъ незамѣтно сзади. Потомъ и говоритъ казаку: «Молодецъ, Пашнинъ! Свою награду получишь, когда все объяснится, а теперь поѣзжай къ нѣмцу за деньгами и ни слова никому не говори, что былъ у меня. Запечатали опять письмо какъ слѣдуетъ и отправили съ казакѣмъ къ нѣмцамъ. Получилъ онъ тамъ два кожаныхъ мѣшка съ золотомъ, приторочилъ къ сѣдлу и вернулся опять къ Николаю Николаевичу. А когда Пашнинъ отправился къ нѣмцу, великій князь приказалъ арестовать обоихъ измѣнниковъ, которые уже ждали наступленія и направили заряженные опилками пушки. Ну, схватили ихъ обоихъ и отправили куда слѣдуетъ, а сами позади приготовили другія пушки съ настоящими ядрами и ждутъ гостей. Скоро показались и нѣмцы. Идутъ пьяные, галдятъ что-то по-своему.

«Дали наши по нимъ залпъ сперва опилками,—конечно, ни одного не упало. Это ихъ ободрило еще больше, и они стѣною полѣзли впередъ. А наши въ это время зарядили всѣ пушки и ружья по настоящему, подпустили нѣмцевъ этакъ сажень на двадцать, да какъ ахнутъ залпомъ,—отъ нихъ только мокренько стало; новую партію нѣмцевъ приняли такъ же, а остатки добивать казаковъ пустили: такъ всѣхъ и положили.

«Тогда великій князь позвалъ Пашнина и велѣлъ своимъ адъютантамъ пересчитать нѣмецкія деньги. Оказалось, что разсчитались правильно: акурать два милліона. Похвалилъ великій князь Пашнина за исправность, надѣлъ ему крестъ 1-й степени, а за вѣрность отдалъ ему половину денегъ, а другой милліонъ передалъ на раненыхъ. Измѣнниковъ-генераловъ тутъ же обоихъ разстрѣляли».

Не мало рассказовъ ходитъ и о нашихъ войнахъ, попавшихъ въ плѣнъ къ нѣмцамъ. Жизнь плѣнниковъ рисуется въ самыхъ

мрачныхъ краскахъ. Конечно, печатныя открытыя письма, которыя получаютъ изъ плѣна, только разжигаютъ народное воображеніе и даютъ обильную пищу разнымъ толкамъ. «Кормятъ насъ хорошо, живетъ тоже хорошо», печатаютъ въ открыткахъ, но этимъ заявленіямъ рѣшительно никто не вѣритъ.—«Если хорошо живетъ, такъ не надо было объ этомъ печатныя письма посылать, потому нынче всѣ грамотны, каждый можетъ написать о себѣ и своемъ житьѣ».

На этой почвѣ мнѣ пришлось слышать такой разговоръ:

— Прислать одинъ казакъ печатное письмоцо изъ плѣна. Прочитали родные,—все какъ будто хорошо, только около подписи казакъ мелкошко приписочку сдѣлалъ: «Храните-де марку съ письма: она, вишь, заграничная». Задумались домашніе.—Зачѣмъ-де имъ марку хранить: значить, что-нибудь неладно. «Давайте,—говорятъ,—оторвемъ ее легоначко». Отмѣтили это они марочку, а тамъ такія страсти написаны! Будто проклятые нѣмцы казаку уши отрѣзали да и глазъ выкололи; кормятъ какой-то грязной бурдой безъ хлѣба; работать заставляютъ безъ отдыха, точно каторжныхъ; а чуть сдѣлалъ не такъ—бьютъ нещадно.

— Оно, конечно, плѣнный человѣкъ все равно, что рабъ крѣпостной,—что съ нимъ хотятъ, то и дѣлаютъ, однако вѣдь у человѣка должна быть душа и у насъ тоже ихнихъ-то полно! Ну, коли сдался солдатъ «на милость», такъ и будь милостивъ: и онъ тоже человѣкъ, а при томъ и безъ оружія, значить, ужъ не солдатъ, а мирный житель.

Такъ разсуждаютъ казаки «о сдавшихся на милость побѣдителя». Истина и здѣсь говоритъ устами простыхъ сердець.

Конечно, послѣ приведенныхъ слуховъ о нѣмецкихъ звѣрствахъ съ плѣнными въ армию полетѣли письма съ далекой родины отъ отцовъ, матерей и жёнъ: «Въ плѣнъ не даваться! Лучше умри въ честномъ бою за Царя и Отечество—намъ легче будетъ!»

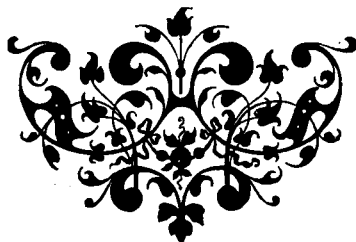
И дѣйствительно, казаковъ въ плѣну очепь немного, да и изъ тѣхъ девяносто процентовъ, если не больше, попали благодаря полученнымъ на развѣдкахъ тяжелымъ ранамъ.

Вопросъ о мирѣ хотя и является довольно близкимъ сердцу, такъ какъ съ нимъ связано возвращеніе домой поилцевъ-кормильцевъ, однако до полного разгрома «злодѣя-нѣмца» о мирѣ не можетъ быть и рѣчи. Казаки хотя и своеобразно, но весьма мѣтко характеризуютъ этотъ вопросъ. Недавно одинъ казакъ такъ мнѣ отвѣтилъ: «Развѣ можно теперь думать о мирѣ. Вѣдь подлець-нѣмецъ такой каторжный, что пока ему руки не скрутятъ да «кляпъ»¹⁾ въ ротъ не дадутъ, такъ онъ все брыкаться будетъ. Лѣтъ сорокъ тому назадъ въ нашемъ

¹⁾ Кляпъ—палка съ волосной веревкой.

поселкѣ былъ такай же злодѣй-воришка. Сколько разъ его ни ловили, сколько ни били, даже два приговора писали о высылкѣ. Ничего не помогло. Посидитъ въ тюрьмѣ два-три мѣсяца, вернется и опять за старое ремесло. «Не боюсь, — говоритъ, — я ни васъ, ни начальства». Побились такъ съ нимъ еще съ годъ, потомъ поймали съ краденымъ, отвернули ему голову и спустили въ рѣчку. Съ тѣхъ поръ какъ рукой сняло: сразу житье пошло иное. Вотъ такимъ же манеромъ надо и съ нѣмцемъ пошабашить, тогда всемъ вольготнѣе будетъ».

А- Кривощекъ.

НѢМЦЫ 40 ЛѢТЪ НАЗАДЪ.

(Изъ личныхъ воспоминаній).

I. Какъ вели себя нѣмцы во время франко-прусской войны.—II. Какъ воспитывали они чувства воинской чести и доблести въ своихъ воинахъ.—III. Какъ нѣмцы соблюдали законы и обычаи войны въ борьбѣ съ французами.—IV. Что думали нѣмцы сорокъ лѣтъ назадъ о войнѣ съ Россіей; ихъ полное незнакомство въ то время съ нашей родиной.—V. Какъ нѣмцы ознакомились съ Россіей, и къ чему повело это знакомство.

I.

БЫЛЪ командированъ съ научной цѣлью въ 1875—1876 году на годъ за границу. Половину этого времени я прожилъ въ Страсбургѣ, работая въ тамошнихъ клиникахъ и лабораторіяхъ.

На другой же день по приѣздѣ въ Страсбургъ мнѣ посчастливилось найти недорогую, но вполне личную квартирку невдалекѣ отъ университета. Семья моихъ хозяевъ состояла изъ дряхлаго старика, наполеоновскаго солдата, его старушки-жены и дочери ихъ m-me Julie, вдовы мелкаго торговца, вертлявой, молодящейся особы, болѣе чѣмъ бальзаковского возраста.

По переѣздѣ на квартиру мнѣ тотчасъ бросилась въ глаза роскошная скатерть, покрывавшая преддверный столъ и совершенно не соответствовавшая скромной обстановкѣ моего «салона».

Скатерть была изъ дорогой шелковой матеріи свѣтло-синяго цвѣта, на четырехъ углахъ ея красовались выпитыя высокимъ зо-

лотымъ швомъ бурбонскія липы, по краямъ шелъ такой же высокій, золотой бордюръ изъ лавровыхъ листьевъ.

Заинтересованный вопросомъ, какимъ путемъ могла попасть такая драгоценность къ моимъ, очевидно, далеко не богатымъ хозяевамъ, я обратился за разъясненіями къ m-me Julie, которая и сообщила мнѣ съ нескрываемой гордостью, что «скатерть оставлена ей на память милымъ прусскимъ майоромъ», возвращавшимся послѣ войны изъ-подъ Парижа и прожившимъ у нихъ на квартирѣ нѣсколько времени.

Очевидно, эта королевская реликвія была гдѣ-то ограблена, если не самимъ «милымъ майоромъ», то его храбрыми подчиненными.

Что нѣмецкіе войны уже во время франко-прусской войны производили грабежи въ занятыхъ ими непріятельскихъ мѣстностяхъ,—нагляднымъ доказательствомъ могла служить слѣдующая весьма распространенная во время моего пребыванія въ Страсбургѣ картинка. По срединѣ ея изображена ручная двухколесная телѣжка, набитая самыми разнообразными предметами—мебелью, посудой, подушками, платьемъ, обувью, корзинами съ виномъ и различной живностью—гусями, голубями, поросятами и т. д. Надо всѣмъ этимъ возвышалось судно съ ночнымъ горшкомъ. Съ правой и лѣвой стороны телѣжки, по краямъ картины, изображены пограничные столбы съ надписями: «Въ Берлинъ», «Въ Парижъ». Телѣжку съ большими усилиями тащатъ по направленію «Въ Берлинъ» Бисмаркъ и Мольтке, а сзади ее подталкиваетъ самъ императоръ Вильгельмъ I.

Это была злая карикатура, но въ основаніи ея лежали точно установленные факты грабежей, производившихся нѣмцами во время войны.

Несомнѣнно, ни Бисмаркъ, ни Мольтке, ни тѣмъ болѣе императоръ не могли участвовать въ такихъ позорныхъ дѣяніяхъ,—они были хотя жестокіе, но честные люди. Грабителями являлись солдаты и низшіе начальники, потворствовавшіе своимъ подчиненнымъ.

Такъ было сорокъ лѣтъ назадъ, а въ настоящую войну грабежи введены уже въ стройную систему, и ими занимаются не только солдаты и офицеры, но и свѣтлѣйшая супруга фельдмаршала Гинденбурга, и самъ наслѣдный принцъ прусскій! Награбленные вещи не насовываются зря въ ручныя телѣжки, а тщательно сортируются особыми специалистами, укладываются въ грузовые автомобили и тоже отправляются «въ Берлинъ».

II.

Лабораторія профессора Вальдейера, въ которой я работалъ во время пребыванія въ Страсбургѣ, выходила окнами на плацъ, бывший мѣстомъ обученія новобранцевъ, и я собственными глазами

видѣлъ, какъ различные капралы и унтеры били этихъ несчастныхъ по головѣ и лицу такъ, что у нѣкоторыхъ текла кровь изъ носа и рта, тыкали кулаками въ грудь, животъ и т. д., причемъ обучаемые не осмѣливались заявлять ни малѣйшаго протеста, и только горькія слезы боли и злобы текли по ихъ искаженнымъ лицамъ.

Такая система воспитанія солдатъ, какъ оказывается, практиковалась не только въ Страсбургѣ, но и во всей Германіи, до послѣдняго времени.

Вотъ что говорить по этому поводу въ своей интересной книжкѣ профессоръ М. Рейснеръ ¹⁾: «Дурное обращеніе съ солдатами это бичъ нѣмецкой военной жизни... Несмотря на господствующую въ Германіи гласность, несмотря на то, что всякій случай дурного обращенія съ солдатами дѣлается предметомъ живого обсуждения въ прессѣ и самыхъ рѣзкихъ запросовъ въ рейхстагѣ, число этихъ случаевъ не только не уменьшается, а, наоборотъ, все повышается и повышается».

Въ доказательство профессоръ Рейснеръ приводитъ, съ одной стороны, существующій въ нѣмецкой казармѣ «особый словарь крѣпкихъ словъ, при помощи которыхъ устанавливается желательное общеніе между начальствомъ и солдатами», съ другой стороны—рядъ случаевъ жестокаго обращенія съ солдатами, сдѣлавшихся предметомъ судебного разбирательства «въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, взятыхъ наудачу».

Вотъ выдержки изъ этого пресловутаго словаря: стерва, обезьяна, бестія, безчестная бестія, навозникъ (Dzeckback), мерзавецъ, проклятый песъ, собачья банда, собачій сынъ, песья душа, глупый жидъ, вшивый, сволочь, бараній лобъ, скотина, навозная свинья, свиная башка, свиной попъ, сатана, разбойникъ, подлець, проклятая животиная, и въ довершеніе—нигилистъ и социалистъ. Таковы привѣтствія, которыя допустимы въ печати, и которыя находятся въ списокѣ обращеній начальства къ подчиненнымъ, говоритъ профессоръ Рейснеръ, многія изъ нихъ «пришлось опустить, какъ слишкомъ пахучія».

Факты, обнаруженные военными судами по дѣламъ о жестокомъ обращеніи съ солдатами ихъ начальства, такъ ужасны, что могли бы показаться невѣроятными, если бы не подтверждались официальными документами.

Профессоромъ Рейснеромъ сдѣланы извлеченія изъ двадцати такихъ «дѣлъ». Размѣры моей статьи, къ сожалѣнію, не позволяютъ привести ихъ цѣликомъ, и я вынужденъ ограничиться только нѣкоторымъ изъ нихъ.

По дѣлу сержанта Вемпе, изъ 95-го полка, съ двумя его помощ-

¹⁾ Вильгельмъ II и Желѣзная имперія. Проф. М. Рейснеръ (Реусъ). Петроградъ. 1914 г.

никами, обнаружилось слѣдующее. Они поднимали солдатъ въ два часа ночи и заставляли дѣлать самую тяжелую работу. Для поощренія пускались въ ходъ: пинки, толчки, пощечины и такіе удары по подбородку, что изо рта выступала кровь и расшатывались зубы. Экстреннымъ средствомъ былъ кнутъ или ремень съ желѣзными крючками на концѣ. Судомъ были установлены двадцать два случая «противозаконнаго» и девять случаевъ «дурного» обращенія съ солдатами» ¹⁾.

«Унтеръ-офицеръ Ниданъ, третьей дивизіи, не только билъ своихъ подчиненныхъ по лицу или головой о кровать, но рвалъ у нихъ кожу, пока не отрывалъ совсѣмъ».

«Въ двадцать третьемъ полку полевой артиллеріи унтеръ-офицеръ Шпееръ такъ обработалъ колѣнками животь своего подчиненнаго, что тотъ много недѣль лечился отъ сильнаго воспаления, а бравый унтеръ получилъ лишь недѣлю легкаго ареста ²⁾».

«Въ гарнизонѣ Гарбурга унтеръ-офицеръ заставилъ сапера Геннингса, отъ слабости упавшаго съ гимнастики, до тѣхъ поръ лезть на гимнастическіе приборы, пока несчастный не сорвался вторично и не разбился до смерти. И этотъ случай остался безнаказаннымъ» ³⁾.

«Унтеръ-офицеръ Гофманъ, шестьдесятъ третьяго полка, дрался съжечасно: одному рядовому онъ успѣлъ дать по фізіономіи сто разъ, другому пятьдесятъ; онъ заставлялъ рядовыхъ стоять по нѣскольку минутъ на согнутыхъ ногахъ, съ желѣзными ведрами въ рукахъ; онъ вырвалъ у одного рядового пять клоковъ волосъ за недостаточно пѣжное обращеніе съ шерстью лошадей. Въ общемъ установлено 693 случая «дурного обращенія». Судъ, хотя и призналъ Гофмана дѣйствовавшимъ лишь съ чрезмѣрнымъ служебнымъ усердіемъ», однако вынужденъ былъ приговорить его къ девяти мѣсяцамъ тюремнаго заключенія ⁴⁾.

«Но всѣ эти факты,—говоритъ профессоръ Рейснеръ,—положительно ничто по сравненію съ подвигами унтеръ-офицера Брайденбаха, заставившаго говорить о себѣ положительно всю Германію.. Одинъ изъ солдатъ четвертаго гвардейскаго пѣхотнаго полка покончилъ съ собой въ подвалѣ казармы, и при разслѣдованіи выяснилось, что причиной самоубійства былъ страхъ передъ истязаніями со стороны ретиваго унтеръ-офицера».

«Онъ билъ ружейнымъ штыкомъ плашмя, хлыстомъ, палками и кнутомъ. Дрался Брайденбахъ съ настойчивой и обдуманной жестокостью, дрался, пока не обрывались всѣ ремни его кнута и пока жертва, разложенная на скамейкѣ, не теряла сознанія. Въ общей

¹⁾ Очевидно, «дурное обращеніе» не считается противозаконнымъ.

²⁾ Проф. Рейснеръ, стр. 160, 162.

³⁾ и ⁴⁾ Тамъ же, стр. 162, 165.

сложности судъ отмѣтилъ 1.500 случаевъ тяжелаго характера, и все это въ теченіе приблизительно девяти мѣсяцевъ! Обвинительный актъ содержалъ въ себѣ еще большее число случаевъ: онъ указывалъ чудовищную цифру 1800! И въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ истязаній и звѣрствъ солдаты молчали и укрывали, не смѣя обнаружить и тѣни недовольства. Какова же была власть всемогущаго мучителя!»¹⁾).

«Таковы итоги трехмѣсячнаго обзора хроники по дѣламъ о дурномъ обращеніи съ солдатами въ нѣмецкой арміи. Но эта хроника, — продолжаетъ профессоръ Рейснеръ, — была бы не полна, если бы мы не упомянули еще о тѣхъ трагедіяхъ, гдѣ дѣйствующими лицами были не полубразованные унтера, а сами господа майоры и лейтенанты изъ числа высокопривилегированнаго и высокопрославленнаго прусско-германскаго офицерства», и приводитъ новый рядъ судебныхъ случаевъ, тоже за три мѣсяца. Вотъ они.

«Подпоручикъ баронъ фонъ-Годинъ пускалъ въ ходъ не только цѣлый лексиконъ непечатной брани, но и билъ солдатъ плашмя саблей по недостаточно граціознымъ колѣнкамъ, такъ что у людей распухали ноги и оставались шрамы. Поручикъ фонъ-Трата билъ солдатъ кулаками по лицу и щеткой по головѣ и за восемь случаевъ дурнаго обращенія получилъ четырнадцать дней домашняго ареста. Капитанъ Геннингъ прославился тѣмъ, что подъ его просвѣщеннымъ руководствомъ такъ били рекрутовъ, что одинъ изъ нихъ Гольмъ дезертировалъ и по возвращеніи родителями въ полкъ сошелъ съ ума; въ результатъ истязаній у него оказалась проломленной голова. Благородный капитанъ, впрочемъ, старался дѣйствовать на Гольма не только путемъ физическихъ, но и нравственныхъ внушеній: «ставилъ его на колѣни передъ фронтомъ и заставлялъ призывать Небеснаго Отца въ помощь для изученія фронтовой премудрости». Второй рекрутъ, находившійся на попеченіи капитана Геннинга, отъ ударовъ въ животъ получилъ воспаленіе брюшины и былъ отпущенъ домой инвалидомъ. Поручикъ Шиллингъ такъ ударилъ по лицу рядового Абея, что у него сдѣлалось сотрясеніе мозга, а вслѣдъ за тѣмъ наступило слабоуміе.

Бравый капитанъ за искалѣченіе двухъ человѣкъ былъ наказанъ военнымъ судомъ всего четырьмя мѣсяцами крѣпости. Какое возмездіе получилъ бравый поручикъ — неизвѣстно²⁾).

Не менѣе гуманное обращеніе, чѣмъ съ солдатами сухопутной арміи, въ Германіи практикуется и съ моряками. «При осмотрѣ германскаго крейсера «Магдебургъ», взорваннаго на нашемъ побережьи, въ каждой офицерской каютѣ найдено по заштемплеванной казенной плети, всѣ носятъ слѣды постояннаго употре-

¹⁾ Тамъ же, стр. 167—168.

²⁾ Тамъ же, стр. 167—170.

бленія и, повидимому, примѣняются при обычныхъ судовыхъ работахъ»¹⁾.

Такими способами воспитывались въ нѣмецкихъ солдатахъ необходимыя, по мнѣнію ихъ начальства, грубость и жестокость, вытраивалось чувство человѣческаго достоинства, и изъ мирныхъ, добродушныхъ «Михелей» они превращались мало по-малу въ тѣхъ варваровъ, которые своими звѣрствами теперь приводятъ въ ужасъ и негодованіе весь культурный міръ.

И слѣдуетъ удивляться тому, что эти войны, по приказу императора, убиваютъ взятыхъ въ плѣнъ непріятелей, пристрѣливаютъ раненыхъ, отрѣзаютъ имъ языки, выкалываютъ глаза, вырѣзываютъ ремни изъ тѣла и т. д. и т. д.

Несомнѣнно, что эти звѣрства совершаются нѣмцами не только съ вѣдома и молчаливаго согласія императора, но и въ силу его личнаго приказа. Вотъ что, на примѣръ, разсказалъ корреспонденту «Петроградскаго Курьера» одинъ нѣмецкій офицеръ, взятый въ плѣнъ подъ Эйдкуненомъ:

«Нашимъ солдатамъ внушаютъ, что *эта война исключительная и безъ жестокостей не можетъ принести намъ побѣды*».

— Но почему же?—спрашивалъ корреспондентъ.

Офицеръ пожалъ плечами...

«Нашъ императоръ говоритъ, что эта война будетъ вестись на чужой территоріи и *брать въ плѣнъ тѣхъ, которые насъ ненавидятъ и которые могутъ нанести намъ ущербъ, невозможно... Мы должны уничтожить!»*

III.

Уже во время франко-прусской кампаніи было установлено, что нѣмцы не считаютъ себя обязанными соблюдать тѣ законы и обычаи войны, которыми руководились всѣ другіе культурные народы. Тогда, какъ и теперь, бомбардируя французскіе города, нѣмцы направляли выстрѣлы своихъ тяжелыхъ орудій преимущественно на различныя общественныя учрежденія и помѣщенія, отмѣченныя флагами Краснаго Креста.

Въ Страсбургѣ, во время моего пребыванія тамъ, я видѣлъ, какъ десятки каменщиковъ работали надъ починкой башни знаменитаго Страсбургскаго собора, верхняя часть которой была разрушена нѣмецкими бомбами.

Вторымъ пострадавшимъ отъ нѣмецкихъ снарядовъ былъ древній храмъ св. Оомы, у котораго былъ выбитъ цѣлый уголъ.

Рядъ снарядовъ затѣмъ былъ направленъ въ національную бібліотеку, славившуюся своими книжными богатствами; одинъ изъ такихъ снарядовъ, засѣвшій въ наружной стѣнѣ бібліотеки,

¹⁾ «Утро Сибири». 22 августа 1914 г.

я видѣлъ собственными глазами. Нѣсколько подобныхъ же торчали и въ стѣнахъ частныхъ домовъ. Завладѣвъ Страсбургомъ, нѣмцы очень желали удалить эти снаряды, чтобы сгладить въ памяти жителей ужасы осады, но упрямые страсбургцы не соглашались, и нѣмцы, боясь раздражать своихъ новыхъ подданныхъ, должны были уступить.

А вотъ что писала въ своихъ мемуарахъ знаменитая Сарра Бернаръ о страшныхъ дняхъ осады Парижа, пережитыхъ ею въ 1871 году, подъ гулъ бомбардировки.

«Съ 1-го января я всё дни и ночи проводила въ лазаретѣ. Въ ночь на 1-е бомбардировка была особенно сильна. Съ вечера снаряды летѣли въ нашу сторону. У насъ дрожали стѣны, дребезжали окна. Я отправилась къ раненымъ. Они были спокойны.

«Бомбардировка продолжалась всю ночь до шести часовъ утра. Съ утра къ намъ начали доставлять раненыхъ. Днемъ возобновился обстрѣлъ города, и мы замѣтили, что именно флагъ съ краснымъ крестомъ, развѣвавшійся надъ нашимъ лазаретомъ, и былъ цѣлью непріятельскихъ снарядовъ. Ночью снаряды рвались особенно близко около лазарета. Одинъ разорвался подъ нашимъ окномъ, и горячій воздухъ ударилъ въ насъ такъ, что одинъ моментъ намъ показалось, будто мы ранены».

«Никогда,—пишетъ Бернаръ далѣе,—не забуду одной страшной картины: одному нашему раненому стало плохо, и мы послали съ рецептомъ въ аптеку мальчика, помощника санитаря. Я подошла къ окну и крикнула ему: «Только скорѣй, Тото, скорѣй!» Тото вирипрыжку побѣжалъ въ аптеку на углу улицы Медичи.

«Было около шести часовъ вечера. Тото пробѣжалъ четыре или пять метровъ и обернулся къ моему окну. Я еще разъ крикнула ему: «Возвращайся скорѣй, Тото!» Бѣдняга! Едва онъ открылъ ротъ, чтобы мнѣ отвѣтить, какъ снарядъ упалъ рядомъ съ нимъ, подскочилъ, не взорвавшись, на метръ вверхъ и ударилъ ребенка въ грудь».

«Я такъ закричала, что ко мнѣ бросились всё. Я ничего не могла сказать. Я растолкала всёхъ и бросилась внизъ по лѣстницѣ, бормоча какія-то слова: «Мальчикъ, аптекаръ, снарядъ»... О, какой это былъ ужасъ! Когда мы подошли къ ребенку, всё его внутренности были вывернуты, вся грудь, все лицо были обращены въ кровавую массу. Ни глазъ, ни носа, ни рта... Ничего, кромѣ кровавыхъ кусковъ, на концѣ которыхъ сохранились еще волосы»... ¹⁾

Затѣмъ, во время франко-прусской войны, нѣмцы разстрѣливали взятыхъ въ плѣнъ «вольныхъ стрѣлковъ» (Franc-tireurs), не признавая ихъ воинами, сражавшимися за свое отечество, а при-

¹⁾ «Русское Слово», 4 февр. 1915 г.

равнивая къ бандамъ вооруженныхъ разбойниковъ, и вѣшали тѣхъ мирныхъ гражданъ, которые давали имъ приютъ.

Жестокая ненависть къ вольнымъ стрѣлкамъ объяснялась тѣмъ, что нѣмцы страшно боялись ихъ, подобно тому, какъ теперь они ненавидятъ и боятся нашихъ казаковъ. Стрѣлки, отлично знакомые съ мѣстностями, въ которыхъ оперировали, сильно вредили нѣмцамъ: они появлялись всегда внезапно, то въ тылу непріятеля, то на путяхъ его обозовъ, снимали нѣмецкіе секреты, часовыхъ, портили пути сообщеній и т. п., и притомъ были почти неуловимы.

Такимъ образомъ, зачатки нѣмецкихъ звѣрствъ были подмѣнены уже во время франко-прусской кампаніи. Если они тогда не достигли той степени совершенства, которая наблюдается въ настоящую войну, то причины понятны. Сорокъ лѣтъ тому назадъ нѣмецкій геній не изобрѣлъ еще такихъ превосходныхъ орудій смерти и истребленія, какъ «чемоданы», сносящіе цѣлыя зданія, бомбы, начиненныя удушающими газами, снаряды, выбрасывающіе на непріятелей мины и струи горящаго бензина, подводныя лодки, цеппелины, таубе и т. п.

IV.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія нѣмцы въ Германіи относились къ намъ, русскимъ, крайне любезно и предупредительно. Въ то время они еще не знали Россіи. Она представлялась имъ полумифической страной безграничныхъ, бездорожныхъ степей, занесенныхъ снѣгомъ, сплошной «Сибирью», съ ужасными морозами, заселенной страшными, пьяными мужиками, кровожадными казаками и повсюду бродящими медвѣдями.

Въ нѣмецкихъ юмористическихъ журналахъ Россія обычно и изображалась медвѣдемъ съ кнутомъ въ лапѣ, и этого медвѣдя очень боялись.

Какія изумительно-нелѣпыя представленія о нашей родинѣ существовали даже среди нѣмецкихъ профессоровъ, можно судить по слѣдующему примѣру.

Послѣ смерти казанскаго профессора Е. Ф. Аристова освободилась каедрa описательной анатоміи, и нашъ медицинскій факультетъ былъ озабоченъ присканіемъ ему достойнаго преемника. Въ то время находился въ ученой командировкѣ за границей ассистентъ хирургической госпитальной клиники докторъ В. Д. Владимировъ. Онъ работалъ въ Тюбингенѣ, въ анатомическомъ институтѣ извѣстнаго профессора Люшка. Узнавъ объ открывшейся въ Казани вакантной каедрѣ, профессоръ Люшка высказалъ доктору Владимирову желаніе занять эту каедрu. Такой выдающійся ученый, какъ Люшка, явился бы, конечно, весьма

цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для нашего университета. Началась по этому поводу оживленная переписка, но дѣло окончилось ничѣмъ, такъ какъ оказалось, что Люшка вовсе не намѣренъ былъ покидать Тюбингена и распустилъ слухи о своемъ переходѣ въ Казань для того, чтобы попугать свое начальство, долго не производившее его въ ординарные профессора.

Вспоминая впоследствии съ негодованіемъ этотъ эпизодъ своей тюбингенской жизни, д-ръ Владимировъ сообщалъ о немъ слѣдующія подробности. Профессоръ Люшка, не знавшій ни одного русскаго слова, выразивъ желаніе получить кафедру въ Казани, обѣщалъ научиться русскому языку и просилъ выписать необходимыя для этого пособія. Разспрашивая Владимирова о томъ, что такое представляетъ собою Казань, Люшка былъ крайне удивленъ, услышавъ, что Казань—большой городъ, что въ немъ, кромѣ университета, находится духовная академія и цѣлый рядъ другихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, имѣются театръ, клубы, ведется обширная торговля; что лѣто въ Казани хотя и смѣняется зимою съ обильными снѣгами, но жители не замерзаютъ, такъ какъ живутъ въ теплыхъ домахъ, а на улицу выходятъ въ теплыхъ шубахъ и т. д.

Самъ ученый профессоръ представлялъ собѣ Казань почему-то «высокой горой, на которой помѣщались университетъ и нѣсколько маленькихъ домиковъ-жилищъ профессоровъ и студентовъ, а вокругъ горы разѣзжали казаки на маленькихъ лошадакахъ», вѣроятно, съ цѣлю охраны профессоровъ и студентовъ отъ сосѣднихъ дикихъ племенъ и бродячихъ медвѣдей.

Это, господа, не анекдотъ, а насомнѣнный фактъ.

Я упомянулъ уже, что нѣмцы боялись Россіи, война съ нею представлялась имъ немислимой. Позвольте привести вамъ одинъ разговоръ, который я имѣлъ съ крупнымъ промышленникомъ, характеризовавшій взгляды на этотъ вопросъ среднихъ, интеллигентныхъ слоевъ германскаго общества.

Возвращаясь изъ-за границы осенью 1871 года, я остановился въ Бреславлѣ, славившемся производствомъ готоваго бѣлья и платья. Нуждаясь въ нѣкоторыхъ принадлежностяхъ туалета, я зашелъ въ одинъ магазинъ, выбралъ нужныя мнѣ вещи, стоившія 9 марокъ, и въ уплату подаль хозяину золотой въ 20 марокъ. Выдавъ мнѣ сдачу и завертывая покупку, торговецъ обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами:

— Вы, русскіе, стали очень скупы.

— Отчего вы думаете, что я русскій?—спросилъ я его.

— У васъ очень чистый выговоръ, такъ говорятъ по-нѣмецки только русскіе да поляки.

— Да, я русскій, но почему вы сказали, что мы стали скупы?

— Въ этомъ я убѣждаюсь собственнымъ опытомъ,—прежде русскій бояринъ (Војаг) покупалъ на 100—200 марокъ, а теперь вотъ всего на 9.

— Ну, я не бояринъ, да и ихъ у насъ немного, въ общемъ же мы народъ небогатый, вѣдь мы не получили, подобно вамъ, нѣмцамъ, контрибуціи въ 5 милліардовъ.

— Ахъ, не напоминайте намъ объ этой ужасной войнѣ и объ этихъ милліардахъ, они принесли Германіи только одно горе и разореніе.

— Какъ такъ?—удивился я.

— Да судите сами: война унесла у насъ десятки тысячъ молодыхъ, здоровыхъ и сильныхъ работниковъ, оставившихъ сотни тысячъ вдовъ и сиротъ, и изъ тѣхъ, которые вернулись на родину, оказалась масса искалѣченныхъ, неспособныхъ къ труду; цѣлыя отрасли торговли и промышленности пали вслѣдствіе недостатка рабочихъ рукъ. Скажу о себѣ: до войны мои торговые обороты доходили до 300 тысячъ марокъ въ годъ, а теперь эти обороты едва достигаютъ 30—40 тысячъ; прежде у меня работали 30 приказчиковъ, а теперь три. Французскіе милліарды пошли на постройку и вооруженіе крѣпостей, награды генераламъ и другіе военные расходы, въ народныя же массы изъ нихъ протекли гроши.

— Ну,—улыбаясь, успокаивалъ я его:—не тужите, попробуйте поправить свои дѣла, объявивъ войну Россіи, окончите ее такъ же быстро и побѣдоносно и наложите на насъ контрибуцію. Конечно, уплатить такую колоссальную сумму, какъ 5 милліардовъ, мы не можемъ, но все же...

— О нѣтъ,—горячо прервалъ онъ меня:—война съ Россіей невозможна.

— Почему?

— Да уже по тому одному, что мы почти не знаемъ вашей страны и не можемъ, слѣдовательно, ни на что рассчитывать въ ней, безъ опасенія непоправимымъ ошибокъ.

Такъ разсуждало въ то время большинство благоразумныхъ нѣмцевъ.

Съ тѣхъ поръ обстоятельства рѣзко измѣнились. Нѣмцы скоро поняли невыгоды своего незнакомства съ великой восточной со-сѣдкой. И принялись всесторонне изучать ее. Сорокъ слишкомъ лѣтъ употребили они на это дѣло и сдѣлали его, надо сознаться, вполне основательно.

Они хорошо оцѣнили наши добродушіе и довѣрчивость, нашу горячую порывистость рядомъ съ непривычкой къ упорному, настойчивому труду, наше неумѣніе пользоваться своими безконечными природными богатствами, нашу сельско-хозяйственную, промышленную и экономическую отсталость и широко использовали ихъ въ интересахъ фатерланда. Тысячами расселились они вдоль

нашихъ границъ и стратегическихъ путей сообщенія, вблизи нашихъ крѣпостей; приобрѣли, при посредствѣ нѣмецкихъ банковъ, сотни тысячъ плодороднѣйшихъ земель, пробрались въ составъ нашей администраціи и общественныхъ управленій; захватили въ свои цѣпки руки нашу торговлю и промышленность, а затѣмъ приняли всѣ возможныя мѣры къ тому, чтобы обезпечить Германіи въ будущемъ и военные успѣхи.

Благодаря возмутительному закону о «двойномъ подданствѣ», эти новые «русскіе граждане», присягавшіе въ вѣрности кайзеру, присягали также и русскимъ государямъ, а потомъ измѣняли послѣднимъ самымъ гнуснымъ образомъ.

Свои жилища нѣмцы превратили въ ряды укрѣпленныхъ пунктовъ, съ вышками для наблюденій, съ бойницами для ружей, съ подземными телефонами; окружающіе участки перерыли рвами, волчьими ямами и т. д. Организовавъ затѣмъ широкую систему шпіонажа, наши «вѣрноподанные» нѣмцы сообщали германскому генеральному штабу необходимыя для его соображеній свѣдѣнія о нашемъ отечествѣ.

Въ то время, когда нѣмцы въ Россіи овладѣвали ею мирнымъ путемъ, Германія усиленно готовилась къ войнѣ съ нами: строился грозный военный флотъ, усиливались крѣпости, изготовлялись колоссальныя орудія и боевые снаряды, увеличивался составъ армій, собирались огромные запасы продовольствія и пр.

И вотъ, лѣтомъ прошлаго года императоръ Вильгельмъ рѣшилъ, что настала пора разгромить Россію. Онъ, конечно, хорошо понималъ, что война должна будетъ вестись одновременно какъ съ Россіей, такъ и съ ея союзницей Франціей, но выбранный моментъ представлялся ему наиболѣе благопріятнымъ. Въ самомъ дѣлѣ: Россія, какъ онъ полагалъ, была не только сильно ослаблена японской войной, но и раздираема революціоннымъ движеніемъ и забастовками рабочихъ, вызванными, кстати сказать, нѣмецкой провокаціей и поддерживаемыми нѣмецкимъ капиталомъ. Кромѣ того, Вильгельмъ имѣлъ въ виду натравить на Россію еще Турцію и заставить, такимъ образомъ, сражаться на три фронта.

Положеніе дѣлъ во Франціи, гдѣ происходили волненія, вызванныя закономъ о трехлѣтнемъ срокѣ службы въ войскахъ, казалось, тоже благопріятствовало затѣвѣ кайзера, и онъ рѣшилъ одновременно съ Россіей раздавить и ея союзницу, проведя свои войска во Францію кратчайшимъ и наиболѣе удобнымъ путемъ—черезъ нейтральную Бельгію.

Онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что маленькая Бельгія не посмѣетъ противиться его замысламъ. Но при этихъ расчетахъ кайзеръ, во-первыхъ, совершенно упустилъ изъ виду Англію, обязавшуюся охранять нейтралитетъ Бельгій, а, во-вторыхъ, подбивъ Австрію

выступить противъ Россіи, не учелъ надлежащимъ образомъ положеніе третьяго члена тройственнаго согласія—Италіи.

И вотъ, совершенно неожиданно для него, съ одной стороны, образовалось тройственное согласіе, къ которому примкнули Бельгія, Сербія, Черногорія и Японія, а съ другой—изъ состава тройственнаго союза вышла Италія.

Тевтонскія полчища ринулись въ Бельгію, чтобы кратчайшимъ и наиболѣе легкимъ, какъ имъ казалось, путемъ проникнуть во Францію и овладѣть Парижемъ. Но крошечная Бельгія, во главѣ со своимъ героемъ-королемъ, храбро выдержала первый натискъ во много разъ превосходившихъ по численности ея войска нѣмецкихъ армій и, задержавъ наступленіе ихъ, дала возможность Франціи и Англій сосредоточить свои войска на театрѣ военныхъ дѣйствій. Благодаря подавляющему численному превосходству нѣмцевъ, въ первый періодъ войны имъ удалось захватить и раззорить не только Бельгію, но и часть сѣверныхъ департаментовъ Франціи, тѣмъ не менѣе конечная цѣль Вильгельма—овладѣть Парижемъ—не достигнута доселѣ. Въ настоящее время нѣмецкому засилью здѣсь, повидимому, наступаетъ конецъ. Союзники все болѣе и болѣе вытѣняютъ нѣмцевъ изъ занятыхъ ими областей, войска ихъ таютъ съ каждымъ днемъ, войска же союзниковъ, напротивъ, увеличиваются, благодаря подвозу свѣжихъ частей, главнымъ образомъ добровольцевъ изъ Англій и колоній, прекрасно обученныхъ и вооруженныхъ.

Грозный германскій флотъ частью погибъ въ бояхъ съ англійскимъ, частью запертъ имъ въ гаваняхъ. Большая часть торговаго флота уничтожена, и на дняхъ объявлена блокада Германіи, благодаря которой она будетъ лишена послѣдней возможности получать необходимые продовольственные припасы и матеріалы для боевыхъ снаряженій.

Еще менѣе удалось кайзеру его намѣреніе разгромить Россію. Взамѣнъ того, вся Германія выждена теперь довольствоваться сокращенными порціями знаменитаго «военнаго хлѣба» пополамъ съ картофелемъ въ ожиданіи вкусныхъ суповъ и кашъ изъ соломы, рекомендуемыхъ однимъ германскимъ профессоромъ.

Еще хуже, чѣмъ на прусскомъ, положеніе нѣмцевъ на австрійскомъ театрѣ войны, гдѣ наши войска ежедневно бьютъ своихъ противниковъ, потерявшихъ не менѣе милліона людей убитыми, ранеными и плѣнными, не говоря уже объ орудіяхъ, снарядахъ и проч., которые цѣлыми поѣздами отправляются въ Россію.

Не помогла Вильгельму и Турція. Разгромъ турецкихъ полчищъ нашими славными кавказскими войсками и бомбардировка союзнымъ флотомъ Дарданелль, несомнѣнно, скоро покончатъ съ «большимъ человѣкомъ».

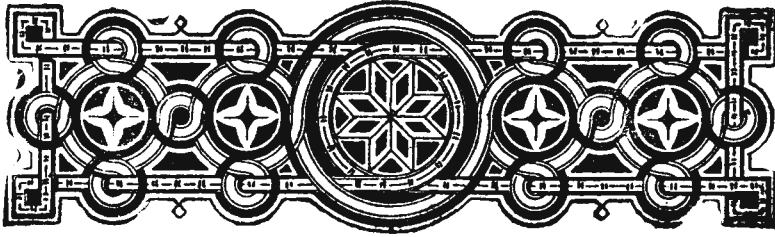
Исторія Германіи за послѣднее пятидесятилѣтіе весьма поучительна. Она показываетъ, что истинный прогрессъ возможенъ только при одновременномъ гармоничномъ развитіи какъ внѣшней, матеріальной, такъ и внутренней, моральной, культуры. Если же послѣдняя принесется въ жертву первой, если въ погонѣ за матеріальными благами люди забываютъ требованія гуманности, чести, нравственнаго долга, то они неизбѣжно будутъ вырождаться нравственно.

Такое вырожденіе мы и наблюдаемъ въ Германіи. Нѣмцы, какихъ-нибудь сорокъ лѣтъ назадъ считавшіеся носителями европейской культуры—«культуртрегерами», превратились теперь въ первобытныхъ дикарей, отринувшихъ всѣ законы и обычаи войны, установленные цивилизованными государствами. Ложь, клевета, подкупъ, грабежъ, разрушеніе беззащитныхъ городовъ, взрывы нейтральныхъ судовъ, изнасилованіе женщинъ, убійства ни въ чемъ неповинныхъ гражданъ, не исключая дряхлыхъ стариковъ и дѣтей, пристрѣливаніе и истязаніе плѣнныхъ—вотъ далеко не полный списокъ варварскихъ дѣяній, навѣки опозорившихъ нѣмцевъ.

Но уже недалекъ, повидимому, часъ возмездія, когда «Великая Германская имперія», слитая Бисмаркомъ изъ различныхъ нѣмецкихъ королевствъ и герцогствъ, съ Эльзасомъ и Лотарингіей въ придачу, разлѣзется по швамъ, тевтонское могущество сдѣлается миеомъ, и униженный, разоренный, всѣми ненавидимый и презираемый нѣмецкій народъ будетъ проклинать кроваваго кайзера и кровавыми слезами оплакивать свои невознаградимыя потери.

Н. Ө. Высоцкій.

ПРОФЕССОРЪ ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ СОКОЛОВЪ.

(Къ двадцатипятилѣтію его педагогической и учено-литературной дѣятельности).

ИСПОЛНИЛОСЬ 26-го сентября сего года двадцатипятилѣтіе педагогической и учено-литературной дѣятельности сотрудника «Историческаго Вѣстника», выдающагося русскаго византолога, ординарнаго профессора петроградской духовной академіи по кафедрѣ исторіи греко-восточной церкви, доктора церковной исторіи Ивана Ивановича Соколова. Почтенный юбиляръ—сынъ священника села Новой Алексѣвки Саратовскаго уѣзда и губерніи, учился въ саратовскомъ духовномъ училищѣ и семинаріи, по окончаніи которой былъ отправленъ на казенный счетъ въ казанскую духовную академію. Окончивъ курсъ академіи въ 1890 году первымъ кандидатомъ-магистрантомъ, Иванъ Ивановичъ, какъ лучший студентъ курса, былъ оставленъ при академіи на годичный срокъ, по 15-го августа 1891 года, профессорскимъ стипендіатомъ при кафедрѣ общей церковной исторіи, подъ руководствомъ профессора Ѳ. А. Курганова. Почти весь стипендіатскій годъ Иванъ Ивановичъ провелъ въ научныхъ занятіяхъ въ Москвѣ и Петроградѣ, гдѣ слушалъ въ университетѣ лекціи извѣстнаго византолога-историка, академика В. Г. Васильевскаго. Вмѣстѣ со стипендіатскимъ отчетомъ, въ іюнѣ 1891 года И. И. Соколовъ представилъ въ совѣтъ казанской академіи магистерскую диссертацию, подъ заглавіемъ: «Состояніе монашества въ византійской церкви съ по-

ловини IX вѣка до начала XIII вѣка (842—1204 гг.)», за которое, по надлежащей защитѣ на публичномъ коллоквиумѣ, и былъ удостоенъ совѣтомъ казанской академіи ученой степени магистра богословія и утвержденъ въ этомъ званіи Святѣйшимъ Синодомъ 15-го іюля 1894 года. Сверхъ сего, въ 1896 году И. И. Соколовъ за названную диссертацию былъ удостоенъ Св. Синодомъ полной преміи имени высокопреосвященнаго митрополита московскаго Макарія. Степень магистра богословія открыла молодому ученому переходъ въ столичную духовную семинарію (съ 19-го ноября 1894 года), а затѣмъ (съ 11-го октября 1903 года) и въ столичную духовную академію на вновь открытую въ академіи кафедру исторіи греко-восточной церкви отъ раздѣленія церквей (вмѣстѣ съ исторіей церкви грузинской). Его избраніе было произведено единогласнымъ рѣшеніемъ совѣта академіи. Вступленію И. И. Соколова на академическую кафедру уже предшествовала напряженная и серьезная дѣятельность въ излюбленной имъ спеціальности. Въ столицѣ ему представилась полная возможность продолжать начатыя еще на студенческой скамьѣ занятія по византологіи, особенно когда онъ вошелъ въ тѣсное общеніе съ столичнымъ византологическимъ кружкомъ. По приглашенію академика В. Г. Васильевскаго, И. И. принялъ участіе въ журналѣ академіи наукъ «Византійскій Временникъ», гдѣ въ теченіе 1895—1904 годовъ систематически велъ критико-библиографическій обзоръ русской и по временамъ греческой литературы по византологіи. Съ 1902 года И. И. Соколовъ началъ съ того времени уже не прекращавшіяся свои путешествія съ научными цѣлями на православный Востокъ, куда неоднократно ѣздилъ и по собственному почину, и по порученію церковной власти. Въ 1904 году удостоенъ степени доктора церковной исторіи за капитальное сочиненіе подъ заглавіемъ: «Константинопольская церковь въ XIX вѣкѣ. Опытъ историческаго изслѣдованія. Т. I. Спб. 1904». Въ томъ же году названное изслѣдованіе совѣтомъ петроградской духовной академіи удостоено академической преміи Чубинскихъ, а въ 1906 г. Св. Синодомъ—преміи митрополита Макарія. Съ 25-го октября 1904 года Иванъ Ивановичъ получилъ званіе ординарнаго профессора.

Имѣя въ виду указать лишь важнѣйшіе изъ учено-литературныхъ трудовъ профессора И. И. Соколова, остановимся на тѣхъ, кои имѣются въ отдѣльномъ изданіи: «О византизмѣ въ церковно-историческомъ отношеніи» (П. 1913), «Избраніе патріарховъ въ Византіи съ половины IX до половины XV в.» (П. 1907), «Усыновленіе и его отношеніе къ браку въ Византіи» (П. 1912), «Житіе св. Григорія Синаита, переводъ и примѣчанія» (М. 1904), «О соединеніи Восточной и Западной церквей. Къ современной характеристикѣ униональной проблемы. П. 1911 г.», «Правовая организація Святогробскаго братства въ Іерусалимѣ 1912 г.»; «Пра-

вославный Востокъ» (вып. I), очеркъ современнаго его состоянія, въ связи съ общими задачами православія. 1912 г.); «Православный греческій Востокъ (вып. II). Церковная жизнь на Востоку въ 1912 году. Избраніе новаго вселенскаго патріарха Германа V. Приѣздъ антиохійскаго патріарха Григорія IV въ Россію. 1913 г.»; «Епархіи константинопольской церкви настоящаго времени». 1914 г. (изъ статей «Церк. Вѣд.»); «Епархіальное управленіе въ правѣхъ и практикѣхъ константинопольской церкви настоящаго времени». 1914 г. (изъ статей «Церк. Вѣд.» за 1913 г.); «Къ вопросу о приходѣхъ въ константинопольской церкви» (М. 1914), «Православный греческій Востокъ», вып. III. Пгр. 1915 г.»; «Антиохійская церковь. Очеркъ современнаго ея состоянія. 1914 г.»; 'Επαρχία καὶ Ἐκκλησία Κωνσταντινουπόλεως. Собраніе документовъ, относящихся къ исторіи епархій константинопольской церкви отъ второй половины XV вѣка до настоящаго времени. 1915»; 'Αλεξανδρινὰ ἔγγραφα—документы, составляющіе приложение къ отдѣльному изданію «Избраніе патріарховъ alexандрійской церкви. 1915 г.».

Въ теченіе 1897—1904 г. профессоръ И. И. Соколовъ велъ отдѣлъ «Вѣсти съ Востока» (подписываясь обычно И. Византійскій) и точною и разностороннею свѣдѣній обратилъ вниманіе и греческаго Востока, и инославнаго Запада. На Востокѣ перепечатавали статьи Византійскаго и съ удовольствіемъ отмѣчали поворотъ въ сужденіяхъ русской печати о Востокѣ. Эти статьи—въ своей совокупности—немало способствовали перемѣнѣ отношеній между Востокомъ и Россіей, установивъ, хотя бы временно, довѣрчивыя отношенія между православными церквами. Западная же печать—преимущественно римско-католическая—пользовалась сообщеніями Византійскаго для ознакомленія своихъ читателей съ положеніемъ церковныхъ дѣлъ на Востокѣ. Въ томъ же журналѣ были помѣщены научныя статьи: «О народныхъ школахъ въ Византіи» (1897 г.), «Константинопольскій патріархъ Фотій» (1900 г.) и другія.

Въ академическомъ журналѣ «Христіанское Чтеніе» послѣдовательно помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи: «Церковно-религіозная и общественно-бытовая жизнь на православномъ греческомъ Востокѣ. Историческій очеркъ» (1902 г., май, августъ и сентябрь); «Первый уставъ Халкинской богословской школы» (1913 г.); «Византологическая традиція въ с.-петербургской духовной академіи. Историческая справка» (1904 г.); «Церковная политика византійскаго императора Исаака II Ангела»; «Патріаршій кризисъ въ Константинополѣ»; «Вселенскій патріархъ Григорій VI въ его отношеніи къ общимъ канонисмамъ» (1905 г.); «Патріаршій судъ надъ убійцами въ Византіи IX—XV вв. (историческій очеркъ)»; «Печалованіе патріарховъ предъ василевзамъ въ Византіи IX—XV (историческій этюдъ)»; «О поводахъ

къ разводу въ Византіи (историко-правовой очеркъ 1909—1910 гг.), «Грузинскій монастырь въ Византіи» (переведена на болгарскій языкъ), «Богословскія и священническія школы на Востоку» (1906) и др.

Въ академическомъ еженедѣльномъ журналѣ «Церковный Вѣстникъ» профессоръ Н. И. Соколовъ съ 1904 года велъ особый отдѣлъ «Лѣтопись церковной и общественной жизни за границей» (на греческомъ Востоку). Съ 16-го октября 1912 года по 1-е марта 1913 года состоялъ редакторомъ этого журнала, въ коемъ за этотъ періодъ и вообще напечаталъ много статей—передовыхъ и иныхъ разнообразнаго содержанія. Напримѣръ, въ 1912 году помѣщена статья «Приходъ въ Константинополь»; за текущій 1915 годъ въ №№ 34—35 помѣщена статья «Церковный судъ въ константинопольскомъ патріархатѣ въ современномъ его состояніи», въ № 37 статья «Константинополь и Русская церковь» и т. д.

Изъ статей, напечатанныхъ въ журналѣ «Византійскій Временникъ», отмѣтимъ: «Житіе св. Аѳанасія Аѳонскаго» (1896 г., т. III, стр. 644—662); «Приконнись, церковная его область, храмы и монастыри, митрополитъ и епископы» (1897 г., т. IV, 238—242).

Въ журналѣ «Странникъ» въ теченіе 1895—1903 гг. велъ постоянный отдѣлъ подъ заглавіемъ: «Церковно-общественная жизнь на православномъ Востоку», а также напечаталъ статьи: «Епископъ Порфирій Успенскій и его книга «Книга бытія» (1895, апрѣль, стр. 799—808, май, стр. 140+154); («Очерки исторіи православной греко-вост. церкви». Пгр. 1901. Стр. II—346 (напечат. во 2-мъ т. «Исторіи христіанской церкви въ XIX вѣкѣ», въ приложеніи къ журналу «Странникъ», подъ ред. профессора А. П. Лопухина); «Святѣйшій Іоакимъ III, патріархъ константинопольскій. Очеркъ его жизни и дѣятельности за время перваго патріаршества» (1901 г., августъ, 145—185).

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» первую рецензію Н. И. Соколовъ напечаталъ въ мартѣ 1896 г. на книгу профессора И. Д. Андреева «Константинопольскіе патріархи» и съ тѣхъ поръ не прекращалъ здѣсь своего участія, помѣщая рецензіи на книги по византологіи, а также статьи: «Замѣчательный арабскій литературно-историческій памятникъ о Россіи XVII вѣка» (1900 г., ноябрь, стр. 637—657); «Монашеская республика. Изъ наблюденій и воспоминаній о святой горѣ Аѳонской» (1903, июнь, стр. 948—972; июль, 163—168). (Издано и отдѣльно, подъ заглавіемъ: «Аѳонское монашество въ его прошломъ и современномъ состояніи». Пгр. 1903 г.). «Сношенія Россіи съ православнымъ Востокомъ»; «Расколъ въ Томскомъ краѣ»; «Расколъ въ Калужской губерніи» и друг.

Въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» помѣщены слѣдующія критическія статьи: 1) Ал. Аннинскій: а) «Древніе армянскіе историки, какъ историческіе источники» и б) «Исторія

Иванъ Ивановичъ Соколовъ.

армянской церкви». Одесса—Кишиневъ 1899—1900 г. («Журн. М.» 1903, № 1, стр. 179—204); 2) отзывъ о книгѣ проф. А. А. Дмитриевскаго «Древнѣйшіе патріаршіе типиконы Святогробскій, Іерусалимскій и великой Константинопольской церкви» (Кіевъ, 1907 г.) («Ж. М.». 1911 г.; 3) отзывъ о сочиненіи Г. Пала-Михаила, на греческомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «Св. Григорій Палама» («Ж. М.». 1913). 4) «Патріархія и храмы въ Константинополѣ отъ второй

половины XV вѣка до настоящаго времени» («Ж. М.», 1915, июль, стр. 18—54, августъ, стр. 55—83);

«Сообщенія Императорскаго православнаго Палестинскаго общества» проф. И. И. Соколовъ редактируетъ съ 1905 года. Здѣсь онъ помѣстилъ много статей изъ исторіи церквей іерусалимской, антиохійской и александрійской. Сюда же былъ перенесенъ и отдѣлъ «Вѣсти съ православнаго Востока», гдѣ предложена почти вся новѣйшая исторія патріархатовъ іерусалимскаго и антиохійскаго. Этотъ отдѣлъ, какъ и отдѣлъ въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ и «Церковномъ Вѣстникѣ», имѣетъ несомнѣнное научное значеніе. Будущій историкъ церквей православнаго Востока отсюда почерпнетъ много свѣдѣній объ ихъ положеніи. Какъ греческая, такъ и западная (римско-католическая) печать заявила, что по полнотѣ и разносторонности свѣдѣній, точности и исторической достовѣрности матеріала «Сообщенія» являются единственнымъ журналомъ, коему нѣтъ въ этой области равнаго за границей. Изъ отдѣльныхъ статей, помѣщенныхъ Иваномъ Ивановичемъ въ «Сообщеніяхъ», упомянемъ слѣдующія: «Современное управленіе іерусалимской церкви»; «О современномъ управленіи александрійской церкви»; «Особенности въ совершеніи литургіи на греческомъ Востокѣ» (1905 г.); «Святогробское братство въ Іерусалимѣ. Историческій очеркъ»; «Византійскій патріархъ. Эскизъ изъ исторіи IX—XV вв.»; «Объ управленіи Синайскаго монастыря»; «Богословская школа Креста въ Іерусалимѣ. Историческій очеркъ»; «Блаженнѣйшій Мелетій, патріархъ антиохійскій» (1906 г.); «Сирійское монашество до начала VII вѣка» и многія другія.

Въ «Православномъ Собесѣдникѣ» напечатаны были, между прочимъ, статьи: «Византійско-восточное монашество въ IX—XII вв.» (1894 г., июль); «Вселенскіе судьи въ Византіи» (1915 г., февраль, апрѣль и июль—августъ).

Въ «Православной Богословской Энциклопедіи», издававшейся подъ редакціей проф. А. П. Лопухина и Н. Н. Глубоковского, Иваномъ Ивановичемъ помѣщено до восьмидесяти статей.

Въ американскомъ журналѣ «The Constructive Quarterly» напечатана статья: «Byzantium the Preserver of Orthodoxy» (1915, March, p. 66—103). Эта статья переведена и на греческій языкъ для александрійскаго журнала «Ἐκκλησιαστικὸς φάρος».

Въ 1905 г. и 1906 г. И. И. Соколовъ состоялъ дѣятельнѣйшимъ членомъ предсоборнаго присутствія, подъ предсѣдательствомъ митрополита Антонія, для предварительнаго обсужденія вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію предстоящаго помѣстнаго собора все-россійской церкви. И въ это дѣло Иванъ Ивановичъ внесъ всегда присущую ему кипучую ученую энергію и свои богатые и разностороннія церковно-историческія познанія, а также свой тактъ, уваженіе къ мнѣнію сочленовъ, направляя свои труды къ достиженію истины ко благу церкви.

Иванъ Ивановичъ отзывался на современные религиозные запросы русскаго общества и въ повседневной свѣтской печати (въ «Петроградскихъ Вѣдомостяхъ» и въ «Новомъ Времени»).

Приглашенный въ 1912 году въ составъ членовъ Высочайше учрежденнаго предсоборнаго совѣщанія, проф. И. И. Соколовъ также принялъ въ трудахъ этого совѣщанія самое живое и дѣятельное участіе, приготовилъ и сообщилъ совѣщанію нѣсколько принципиальныхъ отвѣтственныхъ докладовъ. И. И. Соколовъ многократно приглашался въ качествѣ ученаго эксперта давать свои заключенія по вопросамъ о православномъ Востока, обсуждавшимся въ Св. Синодѣ.

Нерѣдко (почти ежегодно) посѣщая страны православнаго Востока, проф. И. И. Соколовъ поддерживалъ постоянное письменное общеніе съ патріархами константинопольскими Іоакимомъ III и Германомъ V, патріархомъ іерусалимскимъ Даміаномъ, антиохійскимъ Григоріемъ и многими іерархами греческой церкви. Иванъ Ивановичъ имѣетъ цѣлое собраніе писемъ греческихъ іерарховъ, коему принадлежитъ историческое значеніе. За ученые труды получилъ отъ патріарха Іоакима III оффицію «архонта іеромнима апостольскаго вселенскаго патріаршаго престола», отъ патріарха іерусалимскаго Даміана—«архонта протонотарія апостольскаго іерусалимскаго патріаршаго престола» и золотой крестъ съ частицею Животворящаго Древа Креста Господня; отъ греческаго короля имѣетъ орденъ Спасителя второй степени; состоитъ членомъ ученыхъ учреждений и обществъ—русскихъ и греческихъ.

Академія помнитъ, какъ проф. И. И. Соколовъ блестящею (сказанною на память) рѣчью на греческомъ языкѣ (когда профессоръ владѣетъ въ совершенствѣ) привѣтствовалъ (въ февралѣ 1913 г.) въ академическомъ актовомъ залѣ антиохійскаго патріарха Григорія IV. Впечатлѣніе было сильное и величественное, достойное важности исключительнаго историческаго момента!

Каеэдра «Исторіи православной греко-восточной церкви отъ раздѣленія церковей до настоящаго времени» съ 1903 года была только въ столичной академіи. И. И. Соколовъ сумѣлъ дать предмету строго научную постановку. Пятому отдѣлу предсоборнаго присутствія онъ предложилъ докладъ «О необходимости учрежденія въ нашихъ духовныхъ академіяхъ каеэдры исторіи...» Докладъ переведенъ на греческій языкъ и помѣщенъ въ іерусалимскомъ журналѣ «Νεῦα Σφ» 1910 и 1911 гг. Нынѣ каеэдра «Исторіи греко-восточной церкви» существуетъ во всѣхъ четырехъ академіяхъ.

Таковъ далеко неполный итогъ двадцатипятилѣтней учено-литературной дѣятельности профессора И. И. Соколова, кою онъ уже при жизни создалъ себѣ «памятникъ нерукотворный». Изумительно уже самое количество написаннаго юбиляромъ. Нѣкоторыми выражаются пожеланія, чтобы увидѣло свѣтъ пол-

ное изданіе сочиненій Ивана Ивановича. Если бы удалось осуществить это совершенно законное пожеланіе, то мы имѣли бы не менѣе 8—10 солидныхъ томовъ собранія названныхъ сочиненій... Но, конечно, дѣло здѣсь далеко не въ одномъ количествѣ напечатаннаго. Особенно важно и цѣнно ихъ исключительно высокое научное значеніе, пропикающее ихъ цѣнное цѣльное міровоззрѣніе, продуманное и пережитое, ихъ глубокое идейное значеніе, ихъ полная самостоятельность—прежде всего—въ идейномъ смыслѣ.

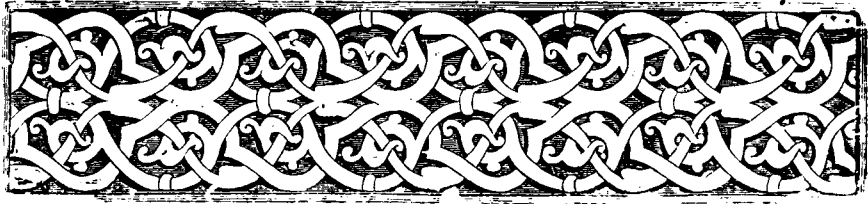
«Пора уже,—писалъ самъ И. И. Соколовъ,—отрѣшиться отъ латинскаго взгляда на греческую церковь и вмѣстѣ съ католическими учеными утверждать, будто послѣ раздѣленія на Востокѣ не стало церковной жизни, все огрубѣло и омертвѣло, просвѣщеніе погнѣбло, имперія сдѣлалась очагомъ однихъ только революцій, заговоровъ и возстаній, истинная вѣра и нравственность погнѣбли... Кажется, ни въ какой другой области отъ православныхъ ученыхъ не требуется столь полной и совершенной самостоятельности, какъ въ разработкѣ исторіи греко-восточной православной церкви. Горькій и продолжительный опытъ долженъ былъ всѣхъ убѣдить, что ни католическіе, ни протестантскіе ученые не могутъ быть нашими единомышленниками на этомъ ученomъ поприщѣ». Къ этимъ совершенно справедливымъ словамъ, со своей стороны, присоединимъ указаніе на ставшій теперь уже безспорнымъ фактъ сознательнаго нѣмецкаго вліянія въ отрицательномъ смыслѣ въ указанномъ отношеніи... По понятнымъ теперь уже для всѣхъ причинамъ со стороны нѣмецкой науки всѣми способами внушалось предубѣжденіе противъ Византіи и ея исторіи, въ частности и церковной... Намъ стремились загниотизировать—и достигли этого—другими, чуждыми намъ вліяніями, желая оторвать насъ отъ исторической самобытной и самостоятельной почвы. Къ чести ученаго юбилера слѣдуетъ отнести, прежде и болѣе всего, что онъ не поддался этому почти всеобщему гипнозу, не измѣнялъ исторической и жизненной правдѣ нашего церковнаго національнаго самоопредѣленія, смѣло взялъ правильный курсъ и не измѣнилъ ему, хотя это значило идти «противъ теченія»... И. И. Соколовъ всегда и послѣдовательно защищалъ и иллюстрировалъ то положеніе, что византизмъ—живая и плодотворная культурная сила, создавшаяся на основѣ православія и воплотившая реальное его осуществленіе въ опредѣленной исторической средѣ. Византизмъ не умеръ послѣ паденія имперіи въ 1453 году, но и теперь живетъ въ церковной жизни греческаго Востока, которая во многихъ отношеніяхъ отражаетъ высоту прошлаго и осуществляетъ реально-живительныя начала православія. Византія и православный Востокъ вообще заслуживаютъ уваженія и любви по своей горячей преданности православію, защитѣ точности (акривіи) догматовъ и каноновъ въ ихъ неприкосновенности, по высотѣ правовыхъ настроеній, жпзспен-

ности моральныхъ началъ, развитію просвѣщенія и науки, организованности внутреннихъ церковныхъ отношеній. Въ сочиненіи о византійскомъ монашествѣ показали духовную его красоту и выяснили плодотворное значеніе въ исторіи Византіи. Обстоятельства уже показали съ неумолимою силою, кто былъ правъ... «И. И. Соколовъ любитъ православную восточную церковь, и эта-то любовь его къ ней нудитъ его заниматься изслѣдованіемъ ея судебъ, съ тѣмъ, чтобы представить исторію ея въ подлинно объективномъ свѣтѣ, безъ тенденціозныхъ мрачныхъ преувеличеній темныхъ ея сторонъ, однакожь и безъ умалчиванія объ этихъ темныхъ сторонахъ ея жизни. Онъ старается дать имъ лишь должное освѣщеніе. Въ его описаніи страждущая православная церковь Востока является именно страждущею и святою церковью, обрѣтающею крѣпость своею во Христѣ, Главѣ ея» (проф. Ѳ. А. Кургановъ).

Одушевленный таковою высокою любовью, И. И. Соколовъ съ благороднымъ и возвышеннымъ увлеченіемъ, съ непреклонною энергіей шелъ неустанно и бодро все впередъ, расширялъ и углублялъ поле своего научнаго изслѣдованія, ставилъ и рѣшалъ все новые и новые вопросы путемъ тщательнаго изученія источниковъ— историческихъ, правовыхъ въ ихъ подлинникахъ, благодаря прекрасному знанію греческаго и особенно весьма труднаго византійскаго языка, каковымъ знаніемъ владѣютъ лишь очень и очень немногіе въ Россіи. Идя навстрѣчу современнымъ научнымъ требованіямъ, И. И. Соколовъ обратилъ самое серьезное вниманіе на рукописное преданіе и изучалъ византійскія и новогреческія рукописи не только въ бібліотекахъ Москвы и Петрограда, но и въ архивахъ и бібліотекахъ Константинополя, Афона, Аѳинъ, Александріи, Каира, Иерусалима и Дамаска. Рукописное преданіе является главнымъ фондомъ въ нѣкоторыхъ трудахъ юбиляра, каковы— докторская его диссертация, а также «Избраніе александрійскихъ патріарховъ» и друг. По всему этому понятно, что ученые труды проф. И. И. Соколова составляютъ «эпоху въ изученіи исторіи греко-восточной церкви» по основательности, широтѣ, самостоятельности и новизнѣ изслѣдованія.

Почтенный юбиляръ находится еще въ полнотѣ физическихъ силъ, преисполненъ живой и бодрой рѣшимости работать и впредь съ неослабной энергіей въ излюбленной имъ спеціальности, гдѣ онъ является полноправнымъ хозяиномъ и признаннымъ авторитетомъ. Желая профессору-подвижнику науки полного успѣха въ научныхъ работахъ на долгіе годы, выражаемъ твердую надежду, что онъ подаритъ науку еще многими достойными его пера и ученой компетентности трудами для торжества исторической правды и на пользу устроенія, на истинно-каноническихъ и надежныхъ основахъ, нашей церковной жизни.

Проф. С. Заринъ.

НОВАЯ ЗЕМЛЯ.

I.

Отходъ парохода Мурманскаго о-ва «Королева Ольга Константиновна» на Новую Землю.—Краткая исторія колонизаціи Новой Земли.—Путь до перваго становища.—Бѣлущья губа.—Освященіе часовни.—«Птичій базаръ».

АРОХОДЪ Мурманскаго общества «Королева Ольга Константиновна» готовится къ отплытію отъ Соборной пристани въ Архангельскѣ внизъ по Двинѣ, черезъ Бѣлое море, въ Ледовитый океанъ для совершенія очереднаго рейса на Новую Землю. Пароходъ запоздалъ отходомъ. Всѣмъ надоѣло ожиданіе, и работа по ошвартовкѣ идетъ быстро и оживленно. На носу парохода слышна сдержанная, любовная перебранка между отъѣзжающей партіей плотниковъ, матросами и провожающими ихъ земляками...

Наконецъ пароходъ грузно поворачиваетъ по теченію и все быстрѣе и быстрѣе начинаетъ отдаляться отъ пристани. Вотъ уже лица провожающихъ расплылись въ неясныя пятна, одна за другой исчезаютъ машущія платками руки, а все кажется, что еще чего-то не хватаетъ; не было чего-то, что бываетъ при всѣхъ провахъ... И тутъ вы вспоминаете, что не были произнесены столь знакомыя всѣмъ отъѣзжающимъ избитыя, но непремѣнныя при разставаніи слова: «пишите», «телеграфируйте».

Да, эти слова были бы не къ мѣсту въ нашемъ путешествіи. Никакая сила міра не была уже въ состояніи перенести вѣстей ни вамъ, ни о васъ изъ того края, куда шель пароходъ, который является единственнымъ звеномъ, связующимъ нашу русскую гра-

ницу въ Ледовитомъ океанѣ, островъ Новую Землю, съ остальнымъ міромъ.

А, между тѣмъ, въ эту страну, гдѣ полгода не бываетъ свѣта, добровольно идутъ люди. Одни, какъ самоѣды, думаютъ, что тамъ имъ будетъ не хуже, чѣмъ вездѣ, другіе (промышленники), что тамъ лучше, а третьи, какъ всѣ наши отважные изслѣдователи, скромные ученые и просто разные люди, авантюристы въ лучшемъ смыслѣ этого слова, идутъ туда потому, что тамъ—ново, тамъ—Новая Земля... Одни изъ нихъ гибнутъ и оставляютъ о себѣ потомству вѣчную память, другіе—просто гибнутъ и нигдѣ нѣтъ о нихъ памяти. И только духъ ихъ, очевидно, живъ еще въ потомствѣ до сихъ дней. Сейчасъ гдѣ-то скитается по Новой Землѣ экспедиція Русанова, останки Сѣдова похоронены тамъ же. Легендарными разсказами и свидѣтельствами иностранныхъ мореплавателей (напр., Баренца въ концѣ XVI вѣка) утверждается, что Новая Земля была извѣстна нашимъ повгородцамъ еще въ XI вѣкѣ, а въ XVIII отважный новгородецъ Савва Лошкинъ впервые на самоѣльномъ парусникѣ, по собственному почину, обошелъ въ два съ половиной года вокругъ всего острова, заходя на углу суденышкѣ до семьдесятъ восьмой параллели сѣверной широты.

Въ настоящее время Новая Земля, въ связи съ путешествіемъ туда великаго князя Алексѣя Александровича, который побывалъ тамъ въ 1870 году, входитъ также въ кругъ административныхъ заботъ правительства. Заботъ же этотъ островъ требуетъ не мало, главнымъ образомъ по охранѣ его отъ норвежцевъ, которые съ открытіемъ навигаціи обыкновенно раньше насъ поспѣваютъ туда и вывозятъ драгоцѣнные мѣха, сало и другую добычу звѣроваго промысла. Трудно, конечно, говорить объ успѣшномъ охраненіи: когда наше единственное сторожевое судно «Бакань», дряхлѣетъ съ каждымъ годомъ и, неся охранную службу, дѣлаетъ девять узловъ въ часъ, а обыкновенный норвежскій «траулеръ» минимумъ—двѣнадцать-четырнадцать. Затѣмъ, какъ мѣра, фактически ведущая къ осуществленію нашихъ правъ на владѣніе Новой Землею, правительствомъ была предпринята колонизація острова.

Условія, на которыхъ ведется колонизація края, собственно говоря, еще до сихъ поръ служатъ предметомъ разработки, безпрестанно измѣняясь въ деталяхъ, но въ сущности сводятся къ слѣдующему: каждому пожелавшему (самоѣду или крестьянину) переселиться на Новую Землю правительство выдаетъ 350 рублей ссуды (сумма, между прочимъ, признанная всѣми недостаточною) и снабжаетъ строительнымъ матеріаломъ и запасомъ провизіи въ счетъ будущей выручки за предстоящій промыселъ. Колонистъ, въ свою очередь, обязуется весь свой промыселъ, въ чемъ бы онъ ни состоялъ (шкуры медвѣжьи, песчовыя, олени, сало нерпичье и т. п.), все сдавать исключительно казнѣ и ни въ коемъ случаѣ не прода-

вать скунщикамъ ни русскимъ, ни норвежскимъ. Завѣдующіе колонизаціей устраиваютъ аукціонъ промысловой добычи, вычитаютъ задолженныя колонистами казнѣ суммы, откладываютъ десять процентовъ въ основной капиталъ, и только остатокъ (если можетъ быть вообще остатокъ) поступаетъ въ распоряженіе колониста-промышленника.

Нашъ пароходъ направлялся теперь къ этимъ оторваннымъ отъ «Большой Земли», какъ говорятъ самоѣды, людямъ. Пароходъ этотъ принадлежитъ малодѣятельному обществу Мурманскаго пароходства, субсидируемому правительствомъ въ пять тысячъ рублей за два ежегодныхъ рейса на Новую Землю. Съ этими-то рейсами и доставляется колонистамъ весь необходимый имъ провіантъ и забирается отъ нихъ добыча промысла.

Пароходъ не торопясь шелъ внизъ по Двинѣ, пропуская мимо себя панораму Архангельска, развернувшася своими грандіозными лѣсопильными заводами почти на десять верстъ въ длину.

Было около двухъ часовъ ночи, но непривычный человѣкъ не могъ замѣтить, что день кончился. Было свѣтло, какъ днемъ. Разсѣянный свѣтъ наполнялъ воздухъ какимъ-то стальнымъ отблѣнкомъ, на фонѣ котораго всѣ силуэты казались такими нѣжными и фантастичными. Стояла сѣверная ночь въ своей зачарованной красотѣ...

На слѣдующій день пришлось выйти на палубу уже при совершенно измѣнившейся обстановкѣ. На мѣстѣ оживленныхъ картинъ теперь намѣчались чуть замѣтныя очертанія пустынныхъ береговъ. Шли «горломъ» Бѣлаго моря. Воздухъ былъ необычайно чистъ и легокъ, но : ронзительный колючій вѣтеръ съ непривычки мѣшалъ дыханію. Возбужденныя холодныя волны точно свинцомъ ударили въ борта парохода. Солнца не было. Унылой безнадежностью повѣяло вдругъ на морѣ. Публика тоже вся преобразилась. На мѣсто котелковъ и канатъе появились мѣховыя шапки нансеновскаго фасона, зювестки, бушлаты, фуфайки верблюжьей шерсти и на ногахъ бурки. Капитана едва удалось узнать. На мостикѣ, вмѣсто франтоватой черной куртки съ золотомъ, появилась вдругъ неуклюжая, въ мѣховой шапкѣ, замотанная шарфомъ фигура. Матросы фантастическими чучелами ходили по палубѣ, сосредоточенно и ловко дѣлая свое дѣло.

По выходѣ изъ «горла» продолжали держаться ближе къ Лапландскому берегу, плоскіе, однообразныя очертанія котораго, испещренныя пятнами нetaющаго снѣга, довольно свободно достигались взглядомъ. Особенно увлекающіеся и экзальтированные изъ путешественниковъ увѣряли даже, что видятъ устья рѣкъ. Всѣ ждали мыса Городецкаго, отъ котораго пароходъ круто беретъ на сѣверо-востокъ, уже теряя вовсе изъ вида сушу съ лѣвой стороны... Съ правой временами видна Канинская земля, Канинъ носъ, и

пароходъ выходитъ на просторъ Сѣвернаго Ледовитаго океана. Показывается еще черезъ нѣкоторое время, при благоприятной погодѣ, съ правой стороны черная черточка острова Колгуева, а дальше пароходъ уже идетъ, не видя земли, вплоть до Бѣлушьей губы — перваго пункта назначенія на южномъ островѣ Новой Земли.

Окружающій видъ моря не представляетъ ничего привлекательнаго для глаза, и публика, мало-по-малу покидая палубу, спускалась въ каютъ-компанію и занялась преумноженіемъ доходовъ буфетчика. Такъ прошелъ почти весь день. И только, когда

Группа самоедovъ.

показался юго-западный берегъ Новой Земли, развернувшійся причудливымъ узоромъ на фонѣ ясно-голубого неба, всё выбралось на палубу. Сравнительная разряженность воздуха чуть-чуть стѣсняла дыханіе, рѣзкій вѣтеръ срывалъ и крутилъ одежду, а взглядъ не отрывался отъ облитой холодомъ дали. Ни кусты, ни деревья не покрывали дѣвственнаго пространства земли, и она раскидывала свои холодныя чары предъ нашими жадными взорами. А надъ всей этой сѣверной сказкой, какъ оберегающее красавицу око, сіяло огненно-желтымъ пятномъ полярное солнце. Оно грузно висѣло въ прозрачномъ воздухѣ. Яркое, безъ лучей, точно только что выполосканное въ суровыхъ океанскихъ волнахъ, оно напоминало собою желтокъ свѣжаго невзболтаннаго яйца.

Кто-то взглянул на часы. Было два часа. Но, непривычные, мы не скоро рѣшили, былъ ли то день или ночь. Очень часто случилось, что нѣкоторые собирались спать, когда другіе шли завтракать. Или, забывшись, требовали обѣда, когда была ночь и вся прислуга спала. Только по буфету и можно было установить иногда, переживаемъ ли мы день или ночь?

Тумана не было, и пароходъ относительно очень быстро шелъ, дѣлая по двѣнадцати узловъ въ часъ. Все въ окружающей природѣ постепенно перемѣнилось. Въ открытомъ океанѣ исчезъ переходный и блѣдный характеръ обстановки... Вся роскошь сѣвера раскрылась передъ глазами. Исчезли сѣрые, мутныя волны Бѣлаго моря, исчезла тяжелая влажность воздуха; тяжелыя тучи раскрыли прозрачную пѣжность небесныхъ тоновъ; голубовато-зеленыя воды океана, хотя и бурно, но все же, казалось, ласкали пароходъ своими аквамариновыми волнами.

Пока на палубѣ публики была занята поэтическимъ созерцаемъ величественнаго зрѣлища, на капитанскомъ мостикѣ тоже не спускали глазъ съ очертанія береговъ, но уже не съ пѣлями празднаго наслажденія, а напряженно отыскивая кое-какіе немногочисленные признаки, по которымъ мы должны были признать Бѣлушью губу. Передъ нами съ правой стороны тянулась береговая полоса и теперь предстояло задача—примѣтить губу (заливъ), чтобы свернуть въ нее къ первому становищу. Никакихъ опредѣленныхъ данныхъ, конечно, нельзя имѣть при ориентировкѣ въ подобной мѣстности. Многочисленные искусственные знаки, въ видѣ пирамидъ или крестовъ, сложенныхъ изъ груды камней, въ большинствѣ случаевъ стираются съ лица земли вѣтрами и бурями; естественные же признаки, какъ островки, косы, заливы и отмели, зачастую также подвергаются непрестанному измѣненію въ своихъ очертаніяхъ.

Немногочисленные пассажиры первого класса все сочли своимъ долгомъ побывать на капитанскомъ мостикѣ и принять участіе въ обсужденіи нашего положенія. Мнѣнія рѣзко и категорически раздѣлились. Однимъ казалось, что мы уже прошли Бѣлушью губу и идемъ вдоль такъ называемой Гусиной Земли, другіе же были увѣрены, что мы еще идемъ вдоль береговъ острова Междушарскаго. Только рѣзкій, нестерпимый при непривычкѣ вѣтеръ и явное недовольство капитана заставило «компетентное» общество оставить мостикъ и удалиться въ рубку.

Наконецъ, послѣ довольно продолжительныхъ скитаній вдоль береговъ пароходъ вошелъ въ зеркальную гладь залива, на берегу котораго расположено становище. Машина хотя замедлила ходъ, но въ ея движеніи уже чувствовалось что-то вродѣ человѣка, поднимающагося къ себѣ по домоу лѣстницѣ, хотя и не спѣша, но съ увѣренностью. На нѣсколько минутъ утихла даже суета среди

пассажировъ: никто не хотѣлъ пропустить торжественной минуты, въ которую двѣ горсти оторванныхъ отъ міра людей: одна—мы на пароходѣ, другая—тамъ на берегу—встрѣтятъ взоромъ другъ-друга. Но прежде, чѣмъ намъ удалось что-либо увидѣть на берегу, мы вдругъ услышали выстрѣлы, и надъ мыскомъ, скрывавшимъ отъ насъ становище, взвился дымокъ. Это «они» увидѣли насъ и, привѣтствуя, стрѣляютъ изъ винтовокъ.

Обогнули мысокъ, и передъ нами поселокъ. Двѣ-три избы русскаго типа на плоской отмели, обнесенной вдалекѣ горами. Настроєніе сразу перемѣнилось. Пароходъ вдругъ измѣнилъ свой увѣрен-

Птичій базаръ.

ный ходъ. Началась промѣрка дна лотомъ, слышались торопливые возгласы матроса, измѣрявшаго глубину, команда капитана; застопоривали машину. Пассажиры, въ свою очередь, суетились, наворачивая на себя послѣднее, что можно было наvertѣть и наматывать на шею, на уши, на ноги, а отъ берега уже отдѣлились нѣсколько карбасовъ, подвозившихъ къ пароходу людей съ берега, выдавшихъ въ послѣдній разъ такой же пароходъ и людей съ материка ровно десять мѣсяцевъ тому назадъ.

Подошли къ трапу карбасы, и на пароходѣ появились сумрачныя, заскоружлыя фигуры въ пимахъ (мѣховые сапоги) и въ мѣшкообразныхъ рубахахъ изъ оленьей шкуры мѣхомъ къ тѣлу, съ откинутымъ съ головы мѣховымъ чепцомъ, прикрѣпленнымъ къ мѣхвой рубахѣ... Таково было «лѣтнее» одѣяніе самоѣда. Женщины

оказались болѣе нарядными въ своихъ «малицахъ»¹⁾, затѣйливо разукрашенныхъ вшитыми инкрустаціей узорами изъ полосокъ разнообразнаго мѣха. Ребята были одѣты въ точно такія же одежды, которыя мѣшали имъ свободно сгибать плечевой и локтевой суставы, и они ходили съ растопыренными руками, какъ деревянные идолы...

Прибывшіе здоровались, протягивая нестибающіеся темные пальцы, и лишь изрѣдка оживлялись при встрѣчѣ со знакомыми промышленниками или чиновниками. Они ничего не спрашивали, ни о чемъ не освѣдомлялись и только отвѣчали на вопросы. Оказалось, что все благополучно, никто изъ нихъ не умеръ, двое-трое родились, и одна пара собирается вѣнчаться. Самоѣды, какъ всѣ инородцы, говорятъ весьма односложно, смѣшно смягчая русскія слова, какъ дѣлаютъ маленькія дѣти, вмѣсто «можно», напримеръ, «мосна», «Иванъ Иванась» вмѣсто Иванычъ и т. п.

Было четыре часа утра. Никто не спалъ цѣльную ночь, ожидая становище,—никто не собирался, конечно, спать и теперь, по прибытіи. Началась разгрузка парохода самымъ медленнымъ, примитивнымъ способомъ... Скучная и нудная для наблюденія исторія... Тѣмъ временемъ намъ подали шлюпки, и вотъ наконецъ вступаемъ мы и на самую Новую Землю... Подъ ногами то влажный глинистый грунтъ, едва оттаявшій въ іюлѣ при трехъ градусахъ по Реомюру, то груды какого то каменнаго мусора, состоящаго изъ обломковъ графита...

Сажени на двѣ выше уровня моря на пустынномъ плоскогорьѣ «становище». Три-четыре избы,—вотъ и все, что представляетъ изъ себя поселеніе. Изъ всѣхъ четырехъ официальныхъ становищъ Бѣлушья губа—самое унылое, самое безжизненное и неживописное. Горы далеко, по близости ни ручейка, ни рѣчки.

На нашемъ же пароходѣ, между прочимъ, пришла съ нами въ разобранномъ видѣ деревянная часовня-церковь, пожертвованная одной купчихой.

Неприхотливое торжество закладки храма произошло тутъ же въ этотъ пріѣздъ. Было выбрано мѣсто немного на возвышеніи ближе къ морю. Прибывшій съ нами же на пароходѣ іеромонахъ отслужилъ молебенъ и водрузилъ крестъ.

Станнымъ и убогимъ казалось это торжество на фонѣ дикаго полярнаго простора. Съ такимъ же дикимъ недоумѣніемъ стояли въ отдаленіи и тѣ, для кого, собственно, оно и предназначалось. Десятокъ самоѣдскихъ ребятъ глазѣло издали на зрѣлище, изъ взрослыхъ же даже вдалькѣ не показался ни одинъ самоѣдъ. Такъ дикъ былъ «православнымъ инородцамъ» православный обрядъ.

¹⁾ Зимняя самоѣдская шуба, мѣхомъ кверху.

Типы самоѣдовъ.

Послѣ закладки пошли осматривать жилища. Малымъ отличается отъ русской избы жилище самоѣда на Новой Землѣ. Только полы и нары закиданы шкурами, въ которыхъ, какъ звѣрушки, копошатся бабы и ребята. Иногда кое-гдѣ подъ шкурой чуть не наступишь на мѣсячнаго ребенка, привязаннаго къ своеобразной колыбелькѣ и брошеннаго на звѣриныя шкуры въ уголь. На столѣ самоваръ, иногда граммофонъ, глиняные горшки, чайная по-

суда. Конечно, смрадъ и духота... На видномъ мѣстѣ у дверей въ почетѣ и опрятности у каждаго самоѣда висятъ ружья. Одно, а то и два, и три. Винтовки иногда дорогія, съ гербами Императорской фамиліи, посылаемыя въ даръ промышленникамъ въ отвѣтъ на подносимыя имъ выдающіяся шкуры бѣлыхъ медвѣдей.

На первый взглядъ жилище скорѣе чистое. Полы повыскоблены, по угламъ грязи, кромѣ необходимой при исключительномъ образѣ жизни самоѣда, въ глаза не бросалось. Конечно, эта чистота задолго до прихода парохода была предметомъ тщательнаго приготовленія къ приему рѣдкихъ гостей.

Послѣ перваго знакомства съ становищемъ предстояло еще предпринять увеселительную прогулку на такъ называемый Гусиный островъ. Захвативъ ружья и корзинку изъ буфета съ виномъ и провизіей, публика отправилась на моторной лодкѣ пытаться счастья въ полярной охотѣ. Захвативъ самоѣда-проводника, рѣшено было ѣхать по гусей.

Необъяснимое чувство какого-то тихого и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественнаго восторга охватило меня, когда, стоя въ несущейся лодкѣ, пришлось почувствовать себя лицомъ къ лицу съ океанской волной. Тихая въ началѣ гладь залива понемногу начала волноваться. Лодка все чаще и чаще вздымалась на встрѣчныхъ гребняхъ волны. Соленая, холодная пѣна обдавала лицо и платье леденящимъ дыханіемъ. Довольно старый моторъ все болѣе и болѣе зловѣще постукивалъ какими-то частями, а мы все быстрѣе неслись черезъ небольшой проливъ къ океану, чтобы потомъ добратъся до острова, на которомъ, по словамъ самоѣдовъ, гусей такія тучи, что ихъ можно брать руками, или, какъ дѣлаютъ самоѣды, бить палками...

Но не удалось намъ добратъся до этого чуда. Дряхлый моторъ вконецъ отказался работать. Какимъ-то чудомъ удалось при такомъ волненіи привести моторъ въ порядокъ, и мы двинулись обратно въ тихія воды залива, рѣшивъ по пути зайти на такъ называемый птичій базаръ, т. е. просто на высокой скалистой островъ. Берега такого острова представляютъ отвѣсную скалу со множествомъ небольшихъ уступовъ, покрытыхъ гнѣздами гагарокъ, которыя тысячами гнѣздятся на этихъ уступахъ и такимъ образомъ представляютъ собою живую, колеблющуюся стѣну.

Но и здѣсь дѣло оказалось не такъ просто: къ скалистой крутизнѣ не легко подойти на лодкѣ, тѣмъ болѣе, что бушующая волна то открывала, то закрывала цѣлыя груды голыхъ камней, о которые можно было бы разбиться вдребезги. Отъ выстрѣла, покинувъ свои гнѣзда, взвилась надъ нашими головами туча гагаръ. Стрѣлять въ стаю было не интересно, любовались зрѣлищемъ. Наконецъ, такъ или иначе перебрались изъ лодки на островъ.

На высококомъ плоскогоріи наткнулись на покинутый чумъ, остатки костра,—значить, кто-то тутъ былъ... Коробка отъ сардинокъ и окурокъ напросы... Невольно эти остатки «цивилизациі», производятъ расхолаживающее впечатлѣніе. Хочется уйти совсѣмъ, совсѣмъ дальше... Берешь ружье и идешь въ глубь, въ ширь острова. Скользкій грунтъ пострѣбеть крошечными незабудками, подсиѣжниками, какими-то красненькими цвѣточками, вѣется ползучая ива, мягкій влажный мохъ бархатитъ землю... Гдѣ-то журчить ручеекъ. Точно ранняя весна, мартъ мѣсяць у насъ въ Новгородской губерніи, а дѣло происходитъ въ іюль. Въ началѣ же августа здѣсь кончится лѣто, и въ сентябрѣ уже весь островъ будетъ обложенъ льдами. Начнутся вѣтры и бури. И кажется страннымъ, нелѣпымъ, зачѣмъ такой величавой, суровой природѣ понадобились вдругъ эти крошечные цвѣточки-недоноски, разбросанные по скалѣ, какъ крошечныя дѣти на колѣняхъ у суроваго веллкана.

Дойдя до противоположнаго края скалы, который уже совсѣмъ казался неприступнымъ, я увидѣла на краю обрыва самоѣдскаго мальчонку, который, лежа на животѣ, спускалъ отвѣсно по скалѣ веревку съ петлей, которую накидывалъ на шею гагаркѣ и тянулъ ее къверху.

Поистинѣ человѣческое дерзанье и приспособляемость безпредѣльны. Какъ попалъ онъ одинъ на этотъ неприступный островъ? Когда и какъ онъ попадетъ обратно къ себѣ домой и почему не свернетъ себѣ шею на острыхъ скользкихъ скалахъ,—все это знаетъ только онъ самъ...

Кто-то изъ моихъ спутниковъ выстрѣлилъ раза два внизъ по сидящей птицѣ. Гагарки попадали въ воду, и, конечно, никто ихъ никогда не достанетъ. Самоѣдскій же мальчишка поступаетъ остроумнѣе: не тратитъ зарядовъ, а получаетъ птицу.

Возвращаюсь къ компаніи. Пристраивается великолѣпное сидѣнье изъ валявшихся досокъ плавника. Достаются: коньякъ, сардины, бутерброды... Тоже приспособились... Пикникъ выходитъ на славу.

II.

Перевозка животныхъ (собакъ).—Селеніе Малыя Кармакулы.—Школа, баня.—Снабженіе колонистовъ «жизненными припасами» и система расчетовъ.

Черезъ двое сутокъ, окончивъ разгрузку, пароходъ снялся съ якоря и, покинувъ Бѣлушью губу до слѣдующаго рейса въ сентябрѣ мѣсяцѣ, направился къ слѣдующему становищу Малыя Кармакулы, расположенному нѣсколько сѣвернѣе при заливѣ Моллера.

Переходъ небольшой. Черезъ нѣсколько часовъ будемъ на мѣстѣ.

Начинает слегка покачивать. Съ бака несется жалобный вой собакъ. Несчастныя животныя страдаютъ отъ качки еще больше, чѣмъ люди. Привязанныя въ своихъ будкахъ, промокшія до костей отъ непрестанно перекатывающихся черезъ борта волнъ, измученныя, съ остановившимся страдающимъ взглядомъ, онѣ то неподвижно лежать, то какъ ошалѣлыя выскакиваютъ изъ будки и отчаянно начинаютъ кружиться на короткой цѣпи. Тяжко становится смотрѣть на нихъ безотвѣтныя страданія. Даже матросъ избѣгаетъ къ нимъ подходить не изъ равнодушія, а отъ сознанія полной невозможности помочь несчастнымъ.

Незавидная доля ждала ихъ и на сушѣ. Суровыя условія существованія чловѣка въ полярномъ краѣ являются еще болѣе суро-

Освященіе часовни.

выми для животныхъ, и даже не всякая собака выживаетъ ихъ. А между тѣмъ въ собакахъ все благосостояніе переселенца-промышленника. Онѣ держитъ ихъ стадами... На собакахъ онѣ ежегодно переѣзжаютъ въ началѣ зимы на восточную сторону Новой Земли, къ Карскому морю, на промысла за бѣлымъ медвѣдемъ. Но собакахъ же онѣ перевозитъ обратно добычу и въ ихъ же стаѣ согрѣвается въ лютую стужу, когда все живое инстинктивно сбивается въ живую кучу, чтобы какъ меньше растерять естественнаго тепла. Собака ему служитъ, собака его грѣетъ, а въ критическій моментъ онѣ ее съѣстъ.

Сами же эти четвероногіе герои голодаютъ почти круглый годъ. Онѣ стаями ходятъ вокругъ поселка, собирая и пожирая на обле-

денѣжныхъ камняхъ свои же собственные и человѣческіе отбросы. И лишь въ періодъ промысловъ перепадаетъ имъ въ зависмости отъ удачи болѣе или менѣе обильный столъ изъ раушки, т. е. внутренностей убитаго звѣря. Не мудрено, что при такихъ условіяхъ животныя скорѣе вымираютъ отъ холода и голода, чѣмъ нарождаются, а потому и необходимо пополнять ихъ число экземплярами съ континента.

Судя по тому, какая масса оказалась претендентовъ на доставленныхъ пароходомъ собакъ и какая жаркая борьба, чтобы по-

Самоѣды въ малицахъ.

сказать драка, завязалась за ихъ обладаніе—можно повѣрить тому, что собака—это вопросъ существованія переселенца.

Заглядывая въ дневники и записки промышленниковъ на Новой Землѣ, неизмѣнно замѣчаешь, какъ перипетіи собачьей жизни отмѣчаются авторами всегда наравнѣ съ главнѣйшими событіями ихъ собственнаго существованія: съ появленіемъ звѣря, состояніемъ погоды, запасами провіанта и т. п.

Такъ, напримѣръ, зимовавшій на Новой Землѣ въ суровый 1913—1914 г. П. А. Г-въ записываетъ:

«10-го ноября 1913 года... Мясa для собакъ нѣтъ. Хайка пропала; вѣроятно, придется пристрѣлить Пирата. Жаль, да нечего дѣлать, иначе мы рискуемъ потерять остальныхъ собакъ...

«19-го января 1914 года... Орѣшка лапы отшибъ, мы ему сдѣлали перевязку и положили на правахъ больного на постель. Пусть отлежится, поправится нашъ вѣрный песъ.

«23-го октября... Бойка и Сучка околѣли вчера. Жаль Сучку... Была хорошая медвѣжья собака. Карля и Моська тоже болѣютъ. Дѣло дрянъ съ собаками.

«25-го октября... Много приходится ходить, такъ какъ у насъ осталось годныхъ для ѣзды собакъ только двѣнадцать...» И такъ безъ конца въ томъ же духѣ: «намъ грозитъ опасность потерять собакъ, а съ ними и весь промыселъ...»

И вотъ эти-то истинные друзья и незамѣнимые служители чело-вѣка надрывали намъ душу своими стопами. Но, къ счастью, качка скоро прекратилась, такъ какъ пароходъ вошелъ въ спокойныя воды залива (Моллера), по берегу котораго расположено становище Малыя Кармакулы...

Новый пунктъ назначенія парохода представлялъ собою уже нѣчто болѣе развитое въ смыслѣ общественности, съ которой мы и не замедлили ознакомиться, вступивъ на землю... Сопрово-ждаемые голодной сворой собакъ, которая вѣроятно, только отъ удивленія, превосходящаго ихъ голодъ, не растерзали насъ на части, мы переходили изъ дома въ домъ, наблюдая однообразныя сцены суроваго быта. Наконецъ, дошли и до «школы». Съ виду школа какъ школа. Любая церковно-приходская позавидовала бы помѣщенію. Свѣтло, уютно обставлено: десятокъ партъ, по стѣнамъ картинки, карты, кой-какіе учебныя пособія.

Обязанности учителя исполняетъ псаломщикъ, живущій здѣсь же при школѣ. Послѣ самоѣдскихъ избъ домъ псаломщика кажется если и не «по-европейски», то во всякомъ случаѣ по-человѣчески обставленнымъ жилищемъ. Стѣны оклеены обоями, изъ мебели есть: желѣзныя кровати, шкапы, въ запасѣ бумага, чернила, карандаши... Въ этомъ же домѣ останавливались большинство членовъ многочисленныхъ экспедицій. Въ шкапу на полкѣ видны черезъ стеклянныя дверцы разбросанныя по полкѣ чьи-то замѣтки, дневники.

Хотѣлось получить какія-нибудь свѣдѣнія о школѣ: какъ учать, чему учать?

— Да почти что не приходится заниматься вовсе, — сказалъ псаломщикъ. — Вначалѣ ходили было два самоѣдскихъ мальчика... Теперь никого нѣтъ. Не хотятъ учиться...

Спрашиваю потомъ у самоѣдовъ:

— Почему въ школу не пускаете дѣтей?

— Не усятъ... Не хотятъ усятъ, т. е. не хотятъ учить, — отвѣ-чаетъ дикарь...

Дальше есть баня—небольшая, но прекрасно устроенная. Свѣтлая, съ каменной печью... Заглянули туда: завалена вся шкурами и провіантомъ,—оказывается, служить кладовою.

— Отчего не моетесь?..—спрашиваю.

— Одинъ разъ мылись, потомъ больной сталь,—отвѣчаетъ самоѣдъ.

Далѣе идетъ знаменитая «спасательная станція». Знаменита она тѣмъ, что, выстроенная въ 1877 году на средства общества спасанія на водахъ, она оказалась совершенно нецѣлесообразною, какъ по мѣсту находженія, такъ и по несовершенству оборудованія. Насколько она не оправдывала своего назначенія, можно судить по тому, что уже въ 1886 году то же общество спасанія на водахъ рѣшило прекратить ея существованіе, и лишь стараніями архангельскаго губернатора князя Голицына удалось не только спасти ее отъ уничтоженія, но и получить новыя ассигновки на ея ремонтъ. По полуофициальнымъ отчетнымъ «матеріаламъ» Б. Садовскаго извѣстно, что въ началѣ при станціи былъ оставленъ подпоручикъ-штурманъ, а затѣмъ станція была передана въ вѣдѣніе шести самоѣдовъ, которые и не замедлили обратить «спасательную станцію»—въ амбаръ для храненія провіанта и добычи промысловъ. Сарай дѣйствительно получился превосходный и даже снабженный по всѣмъ правиламъ искусства декоративной маечкой (нынѣ, впрочемъ, уже срубленною на топливо), но все же далеко не соответствующій затраченнымъ на него суммамъ. Обществомъ спасанія на водахъ первоначально было ассигновано 25.000 рублей, но непрерывный ремонтъ довелъ расходъ казны до семидесяти пяти тысячъ рублей, если не больше...

Такъ неудачно закончилась, въ сущности говоря, благая попытка. Есть слабыя стороны и въ организациі снабженія переселенцевъ предметами «первой» и дальнѣйшей необходимости... Картина этой организациі, одной изъ своихъ сторонъ, представилась между прочимъ предъ нашими глазами на палубѣ парохода, гдѣ заманчиво раскрытые глубокіе ящики съ мануфактурными и прочими товарами сосредоточивали на себѣ вниманіе полярныхъ дикарей. Всегда уныло равнодушные, крошечные глазки ихъ оживились какимъ-то дѣтскимъ блескомъ. Корявые пальцы жадно извлекали невѣдомые, любопытные предметы... Чего-чего тутъ только не было въ этихъ ящикахъ, заботливо наполненныхъ произведеніями архангельскихъ мануфактурныхъ фирмъ. Были разноцвѣтныя ситцевыя рубахи, бумажные и шерстяные чулки, носовые платки (это самоѣдамъ-то), дамскіе жакеты, лѣтніе и demi-saison, на шелковой и полушелковой подкладкѣ, жакеты съ баской, жакеты безъ баски, кимоно, ботинки на двѣнадцати пуговицахъ, ботинки безъ пуговицъ, выхухолевыя дамскія шапочки «подъ котикъ» и «не подъ котикъ»... На каждой вещи предупредительно красовались ярлыки

вродѣ слѣдующихъ: «жакетъ дамскій, вмѣсто 23 р. 50 к.—17 р. 45 к.», «перчатки мужскія, вмѣсто 3 р. 15 к.—2 р. 95 к.» и т. д. и т. д. Словомъ, налицо былъ базаръ, вполне удовлетворяющій самыя изысканныя требованія какого-нибудь уѣзднаго бо-монда и безусловно, ни при какихъ обстоятельствахъ, неспособный служить нуждамъ самоѣдовъ.

Результатомъ такого базара, между прочимъ, былъ слѣдующій курьезъ. Нѣсколько поздне, когда пароходъ уже шелъ въ морѣ, на палубѣ появилась никѣмъ невиданная до тѣхъ поръ какая-то дама, типа нѣмецкой бонны. Въ выхухолевой шапочкѣ, въ старомодномъ, но новенькомъ жакетѣ, въ нитяныхъ перчаткахъ и ботинкахъ на пуговицахъ, она долго интриговала все общество, пока, наконецъ, не выяснилось, что эта «дама»—самоѣдка, разодѣвшаяся въ только что закупленныя обновы. Она ѣхала въ гости въ сосѣднее становище...

Изъ вещей мужского гардероба были, правда, бушлаты на бараньемъ мѣху по тридцать-сорокъ рублей,—цѣна, за которую у насъ въ охотничьемъ магазинѣ можно достать подобную вещь гораздо лучшаго качества. Были бурки (нѣчто вродѣ валенокъ), на видъ очень привлекательныя по мягкости и легкости матеріала, которыя прельстили своимъ видомъ и наши спортсменскія сердца... Купили и мы... Заплатили тутъ же завѣдующему по восьми рублей наличными деньгами и, сдѣлавъ въ нихъ два шага по оттаявшей землѣ, промочили ноги насквозь и тутъ же выкинули покупку.

Тѣмъ не менѣе товаръ разбирался самоѣдами парасхватъ. Благо денегъ наличными не требовали, а лишь увеличивали забравшему его дебетъ... Никакихъ памятокъ, ни счетовъ самоѣду не давалось. Чиновникъ помѣчалъ «у себя»... Расчетъ же долженъ быть произведенъ изъ суммъ, которыя получаютъ по продажѣ шкуръ, сданныхъ самоѣдомъ представителю ихъ интересовъ, чиновнику, для продажи съ аукціона, какъ обусловлено при самомъ переселеніи и субсидированіи колониста-самоѣда...

Подходить къ соблазнительному ковчегу съ привлекательными богатствами и семидесятилѣтній старикъ-самоѣдъ. Долго и сосредоточенно перерываетъ онъ весь ящикъ, не находя, очевидно, требуемаго предмета. «Слава Богу», подумалось наблюдателю: «этотъ выбираетъ сознательно». Наконецъ «сознательный», не найдя требуемой вещи, уже началъ проявлять всѣ признаки отчаянія. Онъ подходилъ къ чиновнику, жалобно что-то мычалъ, указывая на ноги... Передъ нимъ разложили всѣ сорта обуви, мужской и дамской, и, только когда онъ увидѣлъ блестящую пару галошъ, онъ сразу пришелъ въ неописуемый восторгъ... И, несмотря на то, что галоши ему положительно никуда не годились, онъ, не слушая никакихъ доводовъ, прижалъ свое сокровище къ груди и поспѣшилъ покинуть пароходъ, не справляясь даже о цѣнѣ без-

полезной покупки. Да самоѣдъ въ большинствѣ случаевъ и не интересуется цѣной; какъ истинный дикарь, онъ не знаетъ цѣны деньгамъ... Онъ даже не знаетъ, сколько у него денегъ. Онъ даже не знаетъ, при сложившемся порядкѣ вещей, на что ему могутъ

Самоѣдъ-красавецъ.

быть нужны деньги. Какъ ребенокъ, онъ не беретъ то, что ему нужно, а то, что ему въ данный моментъ понравилось. И въ этомъ отношеніи непосредственно завѣдующіе благосостояніемъ самоѣда, судя по вышеприведеннымъ примѣрамъ, съ особенной готовностью идутъ навстрѣчу дикарю... Ему везутъ, кромѣ описаннаго выше тряпья,

серебряные часы, цѣпочки, кольца, блестящіе брелоки; и за все это самоѣдъ платитъ цѣною колоссальнаго риска и труда на своихъ звѣровыхъ промыслахъ.

Даже такія принадлежности комфорта, какъ граммофоны и серебряныя вещи, въ изобиліи доставляемыя на Новую Землю и потребныя относительно культурному русскому помору-промышленнику, зимующему на островѣ, безусловно не играютъ никакой роли въ просвѣщеніи самоѣда. Онѣ отягощаютъ только его задолженность и лишаютъ возможности дѣйствительно улучшить существованіе самоѣда, хотя бы увеличеніемъ запасовъ провизіи, собакъ и постройкой ему здороваго жилища.

Что касается русскихъ колонистовъ-промышленниковъ, которые въ числѣ трехъ-пяти семей выѣхали на промысла на Новую Землю, на тѣхъ же условіяхъ, что и самоѣды,—то эти люди уже сознательно идутъ на тяжкій трудъ съ намѣреніемъ «заработать»... Все это народъ отважный, смѣтливый и способный въ большинствѣ случаевъ постоять за свои интересы. Но и среди нихъ приходилось наблюдать тяжелыя картины при денежныхъ расчетахъ.

Въ одномъ неопубликованномъ дневникѣ читаю: «Какъ ни странно, но въ результатѣ ни у одного изъ коренныхъ жителей Новой Земли нѣтъ за душой ни копейки заработка. Неоднократно промышленники, потерявши всякое терпѣніе, требовали привезти имъ заработанныя деньги. Въ такихъ случаяхъ завѣдующіе обыкновенно отвѣчали: «Вотъ опять забыли привезти тебѣ казну; на будущій годъ привеземъ», и такъ до безконечности. Года шли, а капиталъ не прибавлялся. Искатели своихъ интересовъ успѣвали за это время умереть, ничего не получивъ. Очень надоѣдливыхъ просто убираютъ, какъ вредный элементъ, прочь съ Новой Земли... Къ кому пойдешь съ жалобой, кому скажешь объ обидѣ?..»

Слѣдующій отрывокъ изъ того же дневника ярко характеризуетъ, между прочимъ, въ чемъ именно является у самоѣда острая нужда, когда онъ посреди суровой зимы оказывается не обеспеченнымъ ни насущнѣйшими предметами домашняго обихода, ни съѣстными припасами и лечебными средствами на случай цынги (клюква, лимоны, овощи). «Самоѣды уѣхали отъ насъ, видимо, довольные и веселые нашимъ гостепріимствомъ. Пришлось дать Гордѣеву два фунта свѣчей, одну лампу, клюквы, лимоновъ для больного ребенка и одно топорище...»

III.

Маточкинъ Шарь.—Природа.—Маленькое приключеніе.—Пьянство самоѣдовъ, ихъ характеръ и тяжелое денежное положеніе.

Слѣдующею нашею остановкою явилось селеніе Маточкинъ Шарь. Это селеніе отличается отъ прежнихъ утомительно-однообразныхъ становищъ особенной живописностью. Рельефы горъ

и очертанія берега съ заливами придаютъ мѣстности нѣкоторую жизнь. Здѣсь наша маленькая экскурсія направилась вглубь или, вѣрнѣе, ввысь страны, т.-е. на горы. Это непосредственное соприкосновеніе съ полярной природой оставляетъ почти во всѣхъ неизгладимое впечатлѣніе торжественности и величія.

Повышенное настроеніе заключается въ томъ, что, поднявшись на сравнительно небольшую высоту, вы попадаете уже въ область вѣчнаго снѣга и ледниковъ, въ то время, когда подъ вашими ногами бушуютъ или мирно дремлютъ воды океана, нѣжнѣйшія изъ всѣхъ водъ по своей окраскѣ.

Всего еще четыре часа утра. Солнце переливаетъ яркой краской и создаетъ блескъ и тѣни снѣговыхъ вершинъ, а подъ ногами сплошной туманъ скрываетъ подножіе горы и точно заслоняетъ васъ отъ міра своей колеблющейся пеленой. Точно на облакѣ несешься вдругъ съ земли къ какимъ-то сказочнымъ, сіяющимъ мірамъ.

Но стоитъ прорваться подъ ногами туману, какъ совсѣмъ близко, тутъ же, почти рядомъ съ вѣчнымъ снѣгомъ волнуется и дышитъ блѣдно-прозрачная подъ солнечнымъ лучомъ, зеленая стихія океана. Когда же вовсе пропадаетъ туманъ,—передъ глазами развертывается картина во всѣхъ ея подробностяхъ: черезъ хрустальную прозрачность воздуха засвѣтитъ вдругъ океанъ всѣми лучами своего блеска, загорится небо огнями солнца, а горы застынутъ въ таинственномъ оцѣпѣнніи,—тогда словъ нѣтъ у человѣка, чтобы передать то, что вдругъ способенъ постигнуть его духъ отъ близости къ природѣ. Но, увы, возвышая духъ, величественная природа безжалостно глумится надъ немощною плотью человѣка, не приспособленнаго къ ея суровой неприступности. Въ двухъ шагахъ отъ себя я увидѣла вдругъ безпомощную фигуру одного изъ своихъ спутниковъ, карабкающагося въ гору. Измокшій отъ пота воротничекъ комично болтался вокругъ его шеи на одной задней запонкѣ, рука была повязана носовымъ платкомъ, и неизвѣстно для чего закрученная вокругъ талии веревка волочилась по склону горы, задѣвая за камни и кочки и мѣшая движенію. Выраженіе лица было сосредоточенное и ожесточенное. Было досадно и смѣшно смотрѣть на эту карикатуру и, чтобы подбодрить его упавшій духъ, мнѣ захотѣлось подѣлиться съ нимъ моимъ настроеніемъ.

— Не правда ли—вотъ гдѣ, поистинѣ, человѣкъ можетъ стать святымъ? Въ этомъ величественномъ уединеніи!—сказала я.

— Да, если не свернетъ себѣ шею или не повѣсится отъ одиночества,—отвѣтила, хотя и раздраженно, но увѣренно, «карикатура».

Спорить, конечно, на эту тему не пришлось... Я поспѣшила оставить своего спутника и начала спускаться къ долинкамъ.

Склонъ горъ не представлялъ собою труднаго спуска. Нога большею частью тонула въ мелкихъ обломкахъ графита. Опасно

было только попадать на обманчивые уступы, иногда сплошь состоящие из графитной пыли. Нервничая, понадеявшись на такой уступ, летишь вместе с ним вниз и, если по пути не наскочишь на гранитный камень— все кончается благополучно и лишь ускоряет путь. Спуск горы велъ къ открытой болотистой долинь. Нужно было пройти долиной около версты, чтобы пересѣчь ее и добраться до селенія, а слѣдовательно и до океана. Задача эта оказалась не очень простой, потому что ровная и гладкая долина была сплошное болото и лишь опытный глаз могъ примѣтить, какими зигзагами можно обойти наиболѣе опасныя и непроходимыя мѣста.

Я почти выбилась изъ силъ, отыскивая путь, и наконецъ, усталая и измученная, опустилась на первый попавшійся камень и закрыла глаза. Когда я ихъ открыла—я не вѣрила своему существованію. Я не могла понять, какъ послѣ обморока, — гдѣ я. Такъ рѣзко измѣнилась картина въ нѣсколько мгновеній. Прямо передо мной, надъ океаномъ прорвался туманъ. Солнце брызнуло свѣтомъ на едва волнующіяся волны, и онѣ сіяли аквамариннымъ блескомъ. Туманъ порвался на неровные клочья и кой-гдѣ заслонялъ собою свѣтъ. Облака клубились, волны вздымались, вершины горъ то открывались, то снова прятались, синія сквозь тонкую дымку; равнина то вся блестѣла на солнцѣ, то вдругъ темнѣла и холодѣла. Не было момента, чтобы картина оставалась неподвижной въ своихъ краскахъ. Точно какой-то гигантскій механикъ приводилъ колесо колоссальной машины, и она разсыпала самыя неожиданныя тона и краски. И все это при полной абсолютной тишинѣ... Ни звука отъ колыхающей травки... Ни пѣніе птицъ, ни ароматъ цвѣтовъ не сопровождаютъ этой картины нарождающагося полярнаго дня. И тѣмъ не менѣе живая сила въ высшей степени чувствовалась во всемъ происходящемъ. То былъ какой-то величественный хаосъ мірозданія. Казалось, что здѣсь впервые творились элементы жизни, земля, огонь, вода и воздухъ, но здѣсь не было звуковъ... и это было нестерпимо, давило на нервы. Хотѣлось невообразимаго шума, грома литавровъ и слово-словныхъ хораловъ... и только дикій вскрикъ какой-то неожиданно пролетѣвшей черезъ долину громадной птицы вдругъ разрѣшилъ невыносимое напряженіе этой беззвучной симфоніи. Солнце скрылось, долина почернѣла, стало жутко. Я быстро покинула камень. Птица все летала надъ тундрой; она вздымалась и опускалась волною, иногда касаясь земли, и кричала рѣзко и властно...

Наконецъ, миновавъ пустынное пространство тундры, я подошла почти къ самому становищу. Мнѣ преграждало путь теперь одно послѣднее препятствіе—небольшая, сажени въ три-четыре, рѣчка-ручей, спускавшаяся бурнымъ потокомъ перпендикулярно къ океану. Черезъ эту рѣчку насъ перевозилъ съ большими предосторожностями самоѣдъ-проводникъ, который ушелъ вмѣстѣ съ

остальными въ горы. Я рѣшила было, расположившись поудобнѣе, дожидаться своихъ спутниковъ съ проводникомъ, но, потерявъ терпѣніе, рѣшила переправиться собственными силами. Сдвинувъ такъ или иначе съ берега въ воду лодку, я прыгнула въ нее и въ мгновеніе же ока была выкинута изъ нея въ воду. Въ первый моментъ это обстоятельство меня крайне озадачило, а также и напомнило мнѣ, что съ этими дьявольскими шлюпками даже самоѣды обращаются очень осторожно. Перевозя, наприимѣръ, нѣсколько часовъ назадъ нашу компанію на этомъ же самомъ мѣстѣ, самоѣды ни за что не соглашались брать больше одного пассажира, несмотря на то, что лодка смѣло вмѣстила бы въ себя двоихъ и троихъ.

Самоѣдская семья.

Лодки этого типа (на мѣстномъ нарѣчійи называемыя «пашка»), отличаются крайней неустойчивостью. Устроенныя по типу орѣховой скорлупы, онѣ, конечно, требуютъ сноровки въ обращеніи съ собою.

Вымокнувъ до колѣнъ, я уже во что бы то ни стало рѣшила не отступать отъ своего намѣренія попасть на другой берегъ. Снова осторожно вошла я въ лодку. Строго соблюдая равновѣсіе, я оттолкнулась отъ берега и хотѣла взяться за весла, но тотчасъ же ясно увидѣла, что вовсе не могу справиться съ дѣломъ. Пока я только расправляла весла, необычайно быстрое теченіе рѣчки тотчасъ же бокомъ отнесло лодку внизъ на нѣсколько сажень, подломило одно весло, которымъ я хотѣла было задержаться за дно, и моя лодка весело понеслась по самой серединѣ рѣчки по теченію, нисколько не считаясь съ моимъ управленіемъ.

Втащивъ уцѣлѣвшее весло въ лодку и боясь пошевелинуться, я съ ужасомъ наблюдала сквозь прозрачныя зеленныя воды, какъ ровная поверхность дна рѣчки все глубже и глубже ускользала изъ моихъ глазъ. Помощи ждать было неоткуда. Самоѣды, оказавшіеся у становища, съ хладнокровіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, какъ оказалось, уже нѣсколько времени наблюдали за мною и не двинулись съ мѣста, чтобы прійти мнѣ на помощь. Лодку мою уже тѣмъ временемъ вынесло въ океанъ. Разсчитывать на помощь дикарей, полагавшихъ, очевидно, что я по доброй волѣ съ однимъ весломъ отправляюсь въ океанъ на прогулку, не приходилось, и я, взглянувъ въ послѣдній разъ на блестящее дно, которое все быстрѣй и быстрѣй удалялось отъ поверхности воды, выпрыгнула изъ лодки. Не знаю, какъ я выбралась на берегъ и... увы, на тотъ же самый, съ котораго отплывала... Холода большого не чувствовалось, только мокрое платье, обливая ноги, мѣшало двигаться... Промокши до нитки, я рѣшила, что терять мнѣ теперь все равно нечего большаго, и рѣшила добиться своего, т.-е. поднявшись вверхъ по рѣчкѣ, выбрала помельче мѣсто, и по водѣ, какъ по землѣ, перешла наконецъ на желанный берегъ... Вода текла съ меня ручьями, намокшее платье мѣшало передвигать ноги. Я подошла къ наблюдавшимъ меня самоѣдамъ, думая своимъ видомъ смягчить ихъ сердца... Увы, ничто не дѣйствовало: ни мой печальный видъ (можетъ быть, они думали, что я добровольно выкупалась), ни мои слова (можетъ быть, они не понимали по-русски, а, можетъ быть, просто злорадствовали). Они даже не подумали пригласить меня къ себѣ обогрѣться... Къ счастью, въ становищѣ дожидалась шлюпка съ матросомъ, который отвезъ меня на пароходъ, предварительно поймавъ въ океанѣ упущенную мною самоѣдскую душегубку, такъ какъ безъ своей «пашки» самоѣдъ какъ безъ рукъ. Для меня это купанье прошло безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій, благодаря заботамъ моихъ спутниковъ и леченію (состоявшему, впрочемъ, въ общей сложности въ пріемѣ полустакана коньяку).

Въ то время, пока мы, прибывшіе съ пароходомъ, поглощали суровыя удовольствія полярнаго края, самоѣды почти все перенесли на пароходъ и веселились по-своему. Кромѣ упомянутыхъ выше корзинъ и тюковъ съ галантерейными и мануфактурными товарами, не малую роль играетъ въ развлеченіи самоѣдовъ «веселый ядъ», т.-е. все тотъ же алкоголь. Несмотря на строжайшій запретъ администраціи привозить на Новую Землю водку, самоѣды, спустя нѣсколько часовъ по прибытіи парохода, уже все оказываются перепившимися и предавшимся соотвѣтствующему времяпрепровожденію. Тѣ изъ нихъ, кто не чувствовалъ себя удовлетвореннымъ, требовали отъ буфетчика водки, но когда были вразумлены послѣднимъ, что водку онъ продавать не имѣетъ права, а что есть другія вина, которыя онъ тутъ же пред-

ложилъ имъ на пробу, то тонкіе знатоки остановились на шампанскомъ. Потребовали себѣ на закуски сардинъ, килекъ, колбасъ и фруктовъ, въ третьемъ классѣ оказались накрытыми столы, и всѣ дикари, съ женщинами и дѣтьми, размѣстились за столами. По мѣрѣ того, какъ развивалось пиршество, все больше и больше слышалось требованіе на вино, горчицу, уксусъ, фрукты... Изъ ножей, вилокъ и тарелокъ дѣлались самыя неожиданныя примѣненія: вилками ковырялись зубы, ножами рылись въ волосахъ, садились на тарелки и т. д. Визгъ, вой, перебранки насыщали воздухъ. При этомъ самъ воздухъ существенно измѣнилъ свою консистенцію. Запахъ сала, пота, отрыжки, перепрѣлаго мѣха не давалъ возможности продолжительное время наблюдать это замѣчательное пиршество. Только было видно, какъ шнырялъ буфетчикъ, услуживая необыкновеннымъ посѣтителемъ. Самоѣды требовали безъ конца дорогое вино и закуски, очевидно, не отдавая себѣ отчета, что имъ это будетъ стоить. И опять у нихъ будетъ долгъ казнѣ вмѣсто дохода, пьянство—вмѣсто благополучія...

— Надо прожить здѣсь, чтобы понять, почему самоѣдъ склоненъ къ водкѣ,—говорилъ мнѣ одинъ изъ членовъ зимовавшей на Новой Землѣ экспедиціи.—Самоѣдъ по-своему нерѣдко бываетъ довольно высоко развитъ... Самоѣдъ честенъ, правдивъ, онъ чловѣкъ слова. Если онъ что сказалъ, то это вѣрнѣе всякой письменной гарантіи. Пьетъ онъ рѣдко, пьетъ только тогда, когда придетъ пароходъ и привезетъ съ собою разочарованіе въ расчетахъ и кучу любопытныхъ туристовъ, безцеремонно разсматривающихъ этихъ людей тяжелаго труда, какъ какую-нибудь музейную рѣдкость. «Глупы люди, оттого такъ и дѣлаютъ», говорятъ самоѣды.

Дѣйствительно, приходитъ пароходъ, каждый колонистъ стремится узнать, сколько онъ заработалъ... Здѣсь же на вопросъ самоѣда, сколько у него денегъ, получаетъ постоянный отвѣтъ: «должень рублей двѣсти, триста». По расчету самоѣда у него должно быть не менѣе тысячи рублей денегъ, а по расчету завѣдующихъ—двѣсти-триста долгу. Закипаетъ у самоѣда досадное чувство обиды, неудовлетворенности и, чтобы чѣмъ-нибудь заглушить эту острую боль, онъ продаетъ тутъ же песца или медвѣдя за водку, которой и запиваетъ свою досаду и разочарованіе...

Деньги здѣсь ничто. Имъ не знаютъ цѣны, да и не хотятъ ея знать. Здѣсь деньгами не платятъ. Въ самоѣдскомъ обиходѣ, а также и между русскими промышленниками, мнѣ приходилось слышать объ оригинальномъ способѣ уплаты деревянными дощечками, трехъ, четырехъ и восьмигранной формы, на которыхъ написаны несмыслимымъ карандашомъ цифры: 10, 25, 30. Этотъ способъ уплаты принять ими въ домашнемъ обиходѣ; если же приходитъ иногда норвежскій пароходъ и продаетъ винтовку, либо бинокль, порохъ, свинецъ или провизию,—то казенный колонистъ

отдаетъ за эти предметы, вмѣсто денегъ, далеко не соответствующей цѣны медвѣжьей шкуры и песцовъ. Иногда при большой нуждѣ отдастъ богатѣйшую и дорогую шкуру за кадку масла или за нѣсколько фунтовъ пороху.

Между тѣмъ приходило время къ отплытію парохода. Нужно было принять мѣры, чтобы не увезти въ Архангельскъ кого-нибудь изъ подгулявшихъ самоѣдовъ. Ихъ по счету сдавали съ парохода на баркасъ. Одни изъ нихъ что-то по-дѣтски лопотали и безпрекословно подчинялись требованію, другіе буйнили и не хотѣли уходить, иные лежали уже совсѣмъ неподвижными тѣлами. Для безопасности ихъ не сводили по трапу, а бережно спускали на лебедкѣ, какъ драгоценный грузъ. Зрѣлище довольно занятное. Нѣкоторые изъ самоѣдовъ пѣли... Но, Боже... Что это была за пѣсня! Монотонная тягучая нота. Мотивъ поражаетъ своей скудостью и однообразіемъ. Очевидно, пѣсня, родившаяся въ тяжелыхъ условіяхъ жизни самоѣда, и не можетъ быть иною...

Наконецъ, выпроводивъ гостей, пароходъ, какъ бы понемногу собравъ силы и расправивъ косточки, повернулъ снова въ открытый океанъ къ сѣверу—къ поселку Ольгинскому.

IV.

Ольгинскій поселокъ.—Его обитатели и печальныя стороны ихъ существованія.—Посадка живого груза: медвѣди, песцы, совы.—Возвращеніе назадъ.—Буря.—Качка.—Туманъ.—Заключительное слово.

Теперь намъ оставалось посѣтить еще одинъ послѣдній поселокъ—Ольгинскій, названный такъ въ честь великой княгини Ольги Николаевны.

Поселокъ этотъ является уже самымъ сѣвернымъ пунктомъ изъ заселенныхъ мѣстъ Россійской имперіи (74° 8' сѣв. широты). Основанъ Ольгинскій поселокъ всего лишь въ 1910 году при губѣ Крестовой и населенъ уже преимущественно русскими звѣропромышленниками, переселенцами изъ крестьянъ Шенкурскаго и Печорскаго уѣздовъ Архангельской губерніи. Нѣкоторыхъ изъ крестьянъ нельзя даже назвать переселенцами въ строгомъ смыслѣ этого слова, потому что, выселяясь на островъ, они не вполне покидаютъ свое хозяйство на «Большой Землѣ», причемъ, если въ семьѣ есть нѣсколько промышленниковъ (отецъ и нѣсколько сыновей), то они чередуются въ зимовкахъ на Новой Землѣ, что конечно, легче для каждаго въ отдѣльности, чѣмъ переселяться безвыѣдно на пустынный островъ.

Народъ этотъ отваженъ, смѣлъ, не хуже самоѣдовъ закаленъ въ борьбѣ съ суровыми условіями края, но, благодаря природной развитости, смѣтливости, онъ въ борьбѣ съ природой и звѣремъ обставляетъ себя различными культурными приспособленіями и

Собаки въ упряжкѣ.

Маточкинъ Шаръ.

усовершенствованіями. Такъ, напримѣръ, въ поселкѣ пришлось увидѣть уже примитивную метеорологическую станцію, за которой слѣдить и вести требуемыя записи, если не ошибаюсь, поморь, крестьянинъ Усовъ. Бинокли, усовершенствованныя винтовки, фотографическіе аппараты и метеорологическія приспособленія являются здѣсь уже неотъемлемою принадлежностью быта. Свое отношеніе къ рискованнымъ встрѣчамъ одинъ на одинъ съ царями льдовъ—бѣлыми медвѣдями—такой поморь выражаетъ очень просто: «конечно, «онъ» сильный, только чего же его бояться: у него ружья нѣтъ». Только съ такой вѣрой въ свое ружье (онъ бѣлку бьетъ въ глазъ, чтобы не попортить шкуры) и можно имѣть то хладнокровіе, съ которымъ обыкновенно идетъ промышленникъ на свой опасный промыселъ.

Такіе промышленники изъ крестьянъ нерѣдко привозятъ съ собою и своихъ женъ. Эти представительницы женскаго населенія Архангельской губерніи, въ большинствѣ случаевъ красивыя рослыя поморки, опрятныя въ хозяйствѣ, привыкшія къ трудовой зажиточной жизни, несутъ съ собою и на пустынную сторону свою хозяйственную домовитость и своеобразный уютъ русскаго жилища. Въ одной изъ такихъ семей мы встрѣтили совѣмъ городской пріемъ. Чай подали съ печеньемъ и вареньемъ на блюдечкѣ. Чудесной скатертью покрытый столъ, домотканныя дорожки, разостланныя на полу, высоко взбитая пуховая перина съ затѣйливыми кружевами въ простынѣ, все заставляло невольно переводить вниманіе на привѣтливую молодуху—создательницу семейнаго комфорта.

Несомнѣнно, конечно, что круглый годъ не можетъ здѣсь протекать такая идилія. Не говоря уже о тяжкомъ зимнемъ промыслѣ (охотѣ), стужа и вѣтеръ жестоко разрушаютъ все, что попадаетъ въ ихъ власть. Особенною жестокостью отличается здѣсь сѣверовосточный вѣтеръ... «стокъ», какъ говорятъ на Новой Землѣ... Сила его трудно поддается воображенію. Туземцы говорятъ: «Если въ первыя трое сутокъ не отсвисталъ (т.-е. не окончился), то на слѣдующія трое сутокъ онъ увеличивается на три балла, если въ шесть сутокъ не окончится, то снова увеличивается на три балла, и такъ далѣе, пока не увеличится настолько, что семидесятипятипудовый баркасъ выкидывается на берегъ, какъ щепка, а стоящія на двухъ якоряхъ суда отрываетъ и уноситъ въ море. Собакъ нерѣдко стаями стоняетъ въ море, а люди ползаютъ на четверенькахъ, чтобы не вальтиса съ ногъ и не подвергнуться той же участи».

На естественный вопросъ, какой при такихъ условіяхъ возможенъ промыселъ,—старѣйшій изъ промышленниковъ Ефимъ Хантанзей говоритъ:

— Для хорошаго промышленника нѣтъ невозможныхъ условій для промысла.

Относясь такимъ образомъ къ непреодолимой стихіи, промышленникъ жестоко жалуется, когда онъ пропадаетъ «ни за что» отъ цынг и недоѣданія въ сыромъ неудовлетворительномъ жилищѣ зимовщика. Единственный случай цынготнаго заболѣванія въ настоящій пріѣздъ на Новую Землю пришлось наблюдать именно въ одной изъ самыхъ неудовлетворительныхъ построекъ, стоявшей, впрочемъ, обычныхъ четыре-пять тысячъ рублей. Стройка поражала своей легкомысленностью. Напримѣръ, печь поставлена русская съ прямымъ дымоходомъ и всего съ одной вьюшкой. Въ одной изъ комнатъ чернаго пола вовсе не было, а былъ лишь верхній настилъ. Кто-то изъ зимовавшихъ въ 1910 и 1911 годахъ въ научной экспедиціи рассказывалъ мнѣ, какъ 12-го августа южнымъ вѣтромъ (не «стокомъ») сквозь закрытое окно была потушена свѣча... И вотъ обитатели этого-то жилища и были награждены цынгою. При входѣ въ этотъ домъ насъ встрѣтила зелено-блѣдная, истощенная женщина съ груднымъ младенцемъ на рукахъ. Она, разнервничившись, едва сдерживала слезы, показывая доктору израненныя десны и высохшую грудь. На кровати лежалъ также съ отекившимъ зелено-блѣднымъ лицомъ ея мужъ, еще молодой мужчина. Онъ уже не въ состояніи былъ подниматься съ постели. Изъязвленныя, вспухнувшія ноги внушали содроганіе. Конечно, эту семью сейчасъ же взяли на пароходъ, назначили леченіе, и вполнѣдствіи, какъ я узнала, вполнѣ возстановивъ здоровье въ Архангельскѣ, они снова вернулись къ своимъ промысламъ.

Въ этомъ же поселкѣ намъ пришлось наблюдать интересное зрѣлище: посадку живыхъ медвѣдей въ клѣтки и доставку ихъ на пароходъ. Еще подѣзжая къ селенію, можно было замѣтить дватри громадныхъ бѣлыхъ кома, быстро катавшихся по пустынному берегу и, лишь подѣхавъ ближе, можно было различить трехъ бѣлыхъ медвѣдей, разгуливавшихъ на длинныхъ хордахъ. Они были взяты еще совсѣмъ въ младенческомъ возрастѣ и быстро росли и крѣпли, обѣщая развиться въ великолѣпные экземпляры своей породы. Они были страшно комичны въ своей походкѣ и поражали неимовѣрной прыткостью и проворствомъ, когда косолапые со всѣхъ ногъ кидались за брошеннымъ имъ кускомъ мяса... Особенныхъ любителей дразнить звѣрей охотники предупредили, что медвѣди, въ сущности говоря, сидятъ на привязи по своей доброй волѣ, потому что имъ ровно ничего не стоитъ вырвать изъ грунта коль, къ которому они привязаны, и уйти на всѣ четыре стороны или броситься на издѣвавшихся надъ ними наблюдателей. Нынѣ одинъ изъ этихъ плѣнниковъ находится въ гамбургскомъ зоологическомъ саду, а два другіе были куплены тоже въ звѣринцы или даже просто любителями съ аукціона.

Вообще изъ Ольгинскаго поселка удалось вывезти немало и другой живности. Нѣсколько живыхъ молоденькихъ песцовъ были

разобраны на память пассажирами. Я взяла себѣ двухъ полярныхъ совъ. Взрослыя, онѣ отличаются безусловно бѣлымъ защитнымъ цвѣтомъ—подъ снѣгъ. Птенцы же покрыты нѣжнымъ сѣрымъ пухомъ. Эти птицы, при ближайшемъ наблюденіи надъ ними, поразили меня какой-то особенной осмысленной психологіей, не говоря уже о томъ, что онѣ очень быстро приучились узнавать свою хозяйку. Въ теченіе всего обратнаго путешествія мои совы занимали собою все общество. Онѣ очень опредѣленно всегда обнаруживали свое настроеніе. Выражали свою симпатію или антипатію по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ. Если онѣ съ удовольствіемъ закусили сырымъ мясомъ и попили холодной воды, онѣ удовлетворенно пощелкивали языкомъ и на обращенное къ нимъ вниманіе отвѣчали своимъ пощелкиваніемъ особенно выразительно и учтиво. Когда же ихъ надолго оставляли въ одиночествѣ или забывали покормить, онѣ становились нетерпѣливы и требовательны, какъ самая нервная женщина, и выражали свои чувства уже настойчивымъ свистомъ. Онѣ великолѣпно различали отдѣльныя лица и нѣкоторыхъ просто не выносили. Онѣ встрѣчали ихъ такимъ пронзительнымъ свистомъ, что многихъ это даже конфузило, особенно одного актера.

Занятыя оживленными наблюденіями, мы и не замѣтили, какъ подошло время возвращаться назадъ въ Архангельскъ уже прямо безостановочно открытымъ океаномъ до Бѣлаго моря. При нормальныхъ условіяхъ путь этотъ проходится пароходомъ въ трое сутокъ. Въ осенніе же мѣсяцы колоссальныя штормы не только задерживаютъ въ пути суда, но иногда выносятъ ихъ едва живыми, если не разбиваютъ вдребезги, какъ было, напримѣръ, осенью 1913 года, когда погибла такая масса норвежскихъ и шведскихъ пароходовъ.

Наше плаваніе, какъ сказано выше, происходило въ іюль мѣсяцѣ, и потому многіе имѣли полное основаніе предполагать безъ всякой задержки пройти обратный путь. Они съ наслажденіемъ высчитывали, когда наконецъ, можно будетъ перебраться съ неспокойныхъ «коекъ» въ свои постели на отдыхъ и посидѣть за обѣдомъ не на привинченныхъ стульяхъ, какъ это устроено обыкновенно на пароходахъ.

Между тѣмъ съ капитанскаго мостика сообщалось о далеко неутѣшительныхъ наблюденіяхъ. Со стороны открытаго океана даже простымъ глазомъ можно было замѣтить происшедшую рѣзкую перемѣну. Прямо къ бухтѣ надвигался сплошной стѣной туманъ. Море рябило бѣлыми гребнями короткихъ разбивающихся волнъ, и лишь изрѣдка пробѣгали по одиночкѣ высокой стѣной настоящія волны. Океанъ потемнѣлъ. По небу скользили облачка, которыя почему-то волновали опытнаго наблюдателя. Больше всего страшилъ туманъ... «Волну-то вынесетъ нашъ «Княгиня Ольга»,—

Самоѣдъ со своей лодкой (пашкой).

говорили знающіе люди. Рѣшили было переждать туманъ, но нетерпѣнье взяло верхъ, и пароходъ, покинувъ защищенное убѣжище, пошелъ навстрѣчу открытой бурѣ. На палубѣ и въ каютахъ шли спѣшныя приспособленія къ борьбѣ съ качкой и вѣтромъ. Привязывались чемоданы, убиралась посуда, завинчивались иллюминаторы. На столы накладывались рѣшетки съ футлярами для тарелокъ. Матросы, одѣтые въ непромокаемые плащи, спѣшно при-

крѣпляли грузъ, убирали лишнее съ палубы, осматривали спасательныя шлюпки. Все это столь обычное въ морскомъ быту явленіе производило на пассажировъ удручающее впечатлѣніе, поселяло безпокойное предчувствіе. Только капитанъ, подсмѣиваясь надъ страхами, внушилъ настолько спокойствія и бодрости, что большинство рѣшило пообѣдать.

Было занятно наблюдать потерявшія равновѣсіе фигуры входящихъ въ столовую людей. Одинъ, на примѣръ, съ видомъ полного пренебреженія къ опасности рѣшительнымъ шагомъ направляется къ столу. Онъ почти у цѣли. Становится уже неинтересно слѣдить за нимъ, какъ неожиданный для всѣхъ толчокъ бросаетъ его вдругъ на пианино. Желаящій ему помочь откидывается въ сторону и падаетъ на колѣни сосѣду. Другой входитъ до того опасно, что едва дышитъ, едва ступаетъ и, вдругъ потерявъ всякую осторожность, со всѣхъ ногъ проносится черезъ каюту и затѣмъ долго не можетъ попасть въ свое кресло. Безпомощныя фигуры пассажировъ, одна другой смѣшнѣй, бесполезно цѣпляются за воздухъ, и только лакей съ профессиональнымъ проворствомъ жонглируетъ посудой и собственной персоной для равновѣсія. Онъ то плечомъ поддержится у косяка, разставивъ ноги, то придержится колѣнкой за диванъ, то блюдомъ балансируетъ на растопыренныхъ рукахъ, а бѣдный пассажиръ безрезультатно тычетъ вилкой въ воздушное пространство. Откровенно говоря, многіе съ удовольствіемъ не вышли бы въ такихъ условіяхъ къ обѣду, но привлекалъ голецъ... Это мѣстная рыба, красная, похожая вкусомъ на лососину... Свѣжая, только что выловленная въ Крестовой губѣ рыба подъ провансальскимъ соусомъ великолѣпно разнообразила наше уже давно наскучившее меню. Варятъ изъ гольца и уху. Любителямъ нравится. Вообще же ловля гольца у береговъ Сѣвернаго Ледовитаго океана составляетъ цѣлую отрасль промысла поморовъ и колонистовъ Новой Земли.

Но немногіе выдержали испытаніе до конца. Одна за другой блѣднѣли и зеленѣли физиономіи, и подъ разными предлогами обѣдающіе покидали столъ. Качка разыгралась не на шутку. Обѣдъ выдержали изъ двадцати человѣкъ человѣка четыре, а двое изъ нихъ даже съ отмѣннымъ аппетитомъ. Когда же мы, трое-четверо неподатливые качкѣ, послѣ обѣда поднялись на верхнюю рубку, оказалось, что на палубу нельзя даже было открыть дверь; все заливало водой.

Только черезъ широкія окна можно было наблюдать океанъ. Видно было, какъ издалека поднималась высокая, съ домъ величиной, волна, шла, шла и наконецъ изо всей силы ударила въ бортъ парохода. Пароходъ почти ложился на бокъ, содрогался всѣмъ корпусомъ и отскакивалъ отъ волны, какъ получившій ударъ человѣкъ... Казалось, что больше не встать ему, не выпря-

миться... Но свирѣлая (такъ называемый «девятый валъ») волна отходила, пароходъ выпрямлялся и снова начиналъ работу. А волны насакивали, то заливая палубу и сметая съ нея все, что плохо прикрѣплено, то перелетая черезъ борта. Безъ конца можно было наблюдать эту однообразную, но не наскучивающую картину. Точно кипящій котель, клокоталъ океанъ, вздымая изъ пѣдръ водяные столбы, готовые каждую минуту раздавить васъ собою... Но если непрестанно и упорно, не отрываясь слѣдить за волнами, думать о нихъ, думать о силѣ и смыслѣ ихъ разрушительнаго могущества, то порою кажется, что даже не страшно погибнуть въ такой величественно-таинственной и прекрасной стихіи...

Буря между тѣмъ росла и росла. Вѣтеръ увеличивался до девяти-десяти балловъ (одиннадцать балловъ считается уже ураганомъ). Качка не давала покою. Удержаться за что-либо становилось бесполезно. Пароходъ бросало съ такой силой, что мѣдные прутья, вставленные въ окна и двери передъ стеклами, оторванные, оставались у васъ въ рукахъ, если вздумаете за нихъ удержаться, а вы все же неукоснительно летѣли подъ тѣмъ угломъ, который предназначался вамъ математикой. Эта математичность, т. е. зависимость между угломъ наклоненія парохода и линіей вашего паденія была бы крайне занимательна для наблюденія, если бы подчасъ не была серьезно опасной...

Сквозь свистъ бури доносился иногда съ палубы ревъ медвѣдей, страдавшихъ отъ качки ужасно... Клѣтки съ песцами, какъ оказалось впоследствии, были снесены волною въ океанъ. Къ довершенію всего туманъ сгустился до того, что невозможно было ничего различить на аршинъ отъ борта. Въ рубкѣ становилось нечего дѣлать. Пришлось такъ или иначе добраться до койки и лечь. Качка съ боковой смѣнилась на килевую. Пароходъ, какъ дельфинъ, нырялъ въ волны. За стекломъ иллюминатора непрерывною стѣной стояли зелено-голубыя воды океана и временами казалось, что все кончено, пароходъ уходитъ на дно и никогда уже не увидишь ничего, кромѣ этой сине-голубой стѣны. И только когда пароходъ зарывался носомъ въ волны, характерный стукъ пароводнаго винта, вращающагося въ воздухѣ, давалъ знать, что мы еще держимся на поверхности. Но иногда этотъ стукъ казался слишкомъ продолжительнымъ, пароходъ почти отвѣсно становился носомъ и казалось, что вотъ вотъ сейчасъ мы перекувырнемся внизъ головою. Ко всему этому присоединялись стоны страдавшихъ отъ качки людей. Оторвавшіеся чемоданы, эмальированныя пепельницы и другія вещи, какъ опалѣлыя, катались изъ стороны въ сторону. На палубѣ тоже что-то грохотало и съ шумомъ скатывалось въ воду. Сова пронзительно свистала и надрывала сердце. Этотъ адъ въ концѣ концовъ становился нестерпимымъ. Я рѣшилась улечься въ койку съ полной готовностью про-

свуться гдѣ-нибудь на днѣ океанской пучины, лишь бы хоть на мигъ забыться сномъ. На койкѣ трудно было удержаться. То пароходъ вздымался на дыбы, и нужно было ногами упираться въ стѣнку, то онъ нырять носомъ, и приходилось стоять на головѣ.

Проснулась я отъ короткихъ тревожныхъ свистковъ... На пароходѣ абсолютная тишина, мы даже, кажется, не движемся, стоимъ на мѣстѣ. На палубѣ какая-то тревожная суета. Первая мысль— потонули. Что-то будетъ дальше... Спѣшу наверхъ... Открываю дверь на палубу и попадаю въ сплошную мглу. Не видно собственной руки. Буря улеглась. Сплошной туманъ сжималъ насъ плотной массой. Не видно было ничего, но напряжённая жизнь чувствовалась кругомъ. Свистки нашего парохода непрерывно, ежесекундно чередовались со свистками какого-то парохода, находившагося гдѣ-то боко-о-бокъ съ нами. Мы какъ грандіозные слѣпцы обходили другъ друга, рискуя вотъ-вотъ столкнуться на смерть. Кажется, стало ясно, что мы разошлись благополучно. «Онъ» посылалъ намъ сигналы, что идетъ на сѣверъ, влѣво. Мы шли на югъ и отвѣчали, что все благополучно, и чувствовалось, какъ разряжалась напряженность и какъ «оба», прибавляя ходъ, обмѣнивались напоследокъ успокоительными сигналами. Чей-то голосъ ободрялъ и посылалъ спать, говоря, что скоро утро и туманъ пройдетъ, а бури не будетъ.

На утро мы были въ Бѣломъ морѣ. Палуба блестѣла подъ ослѣпительнымъ блескомъ солнца. Море, потерявъ свои зелено-синія краски, было желто-сѣрое, жаркое и спокойное. И все было такъ обыкновенно, такъ спокойно, такъ «хорошо», что просто не вѣрилось въ только что пережитое стихійное чувство. Съ каждымъ часомъ мы отдалялись отъ этой очаровательной, мрачной стихіи, отъ сказочнаго пустыннаго острова Новой Земли...

На обыденно-покойномъ фонѣ, помимо воли, безпрестанно встаетъ силуэтъ мрачнаго, только что покинутаго пустыннаго края, напоеннаго такою страшной красотой, которой жутко смотрѣть въ глаза. Не всякій вынесетъ ея суровую прелесть. Этотъ гигантскій край требуетъ къ себѣ и гигантской страсти, гигантской привязанности. Гигантской привязанности, которую проявило уже къ нему не мало русскихъ пылкихъ сердецъ, сложившихъ свои жизни въ оледенѣлой землѣ. Край этотъ богатъ ¹⁾, вѣрится, что источники богатствъ въ немъ неистощимы... Но къ нимъ нужно итти съ «чистымъ сердцемъ», съ смѣлой инициативой, а не съ мелкимъ расчетомъ и плутовствомъ. Тамъ нельзя искать «легкаго труда», гдѣ нужно отвоевывать у природы каждую пядь.

¹⁾ Каменный уголь, свинецъ, мѣдная руда въ изобиліи доставляются съ Новой Земли въ образцахъ. Для разработки мѣденосныхъ участковъ уже было организовано акціонерное общество, нынѣ, кажется, распавшееся вслѣдствіе денежныхъ недо-разумѣній.

Край этотъ требуетъ прежде всего любви къ себѣ. Только любовь и увлеченіе помогутъ вынести всѣ трудности работы въ немъ. А работы онъ стоить, и работники для него въ Россіи найдутся всегда.

Окончится для Россіи одна колоссальнѣйшая задача— война. Заступать ее, между прочимъ, другія— нужны будутъ богатства, деньги, и нѣдра пустыннаго острова дадутъ ихъ, какъ далъ ихъ иностранцамъ Шницбергенъ, какъ американцамъ Аляска... Шахты разворотятъ его нутро, зазвенятъ трамваи, заснуютъ пароходы отъ материка къ острову— и далекая сказочная страна окажется приобщенной къ общей жизни нашей великой страны.

А. М. Нечаева.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ИСТОРИКА.

Ходъ военныхъ дѣйствій въ борьбѣ съ нѣмцами.—Болгарская измѣна славянскому дѣлу.—Событія во внутренней жизни Россіи.

В ПРОШЛУЮ нашу бесѣду съ читателями мы расстались съ нимъ. въ моментъ вторженія германскихъ полчищъ въ исконныя западныя русскія земли. Нѣмцы шли туда подъ прикрытіемъ ураганнаго огня своей тяжелой артиллеріи довольно спокойно, никакъ не ожидая, что героическія войска наши будутъ отстаивать грудью своею каждую пядь родной земли, а многочисленный, но бодрый духомъ флотъ нашъ не допуститъ непріятельскихъ армадъ къ высадкамъ въ Рижскомъ заливѣ. Въ дѣйствительности, упорные бои нашихъ доблестныхъ войскъ съ нѣмцами на всемъ огромномъ протяженіи фронта отъ Риги до Серета на румынской границѣ ясно доказали всему свѣту, что живая мощь русской арміи не только не сломлена, а, напротивъ, развивается въ ближайшемъ соприкосновеніи съ тыломъ дѣйствующихъ войскъ, по мѣрѣ снабженія ихъ артиллерійскими снарядами и вооруженіемъ, также ураганнаго характера, и сближенія съ хорошо обученными и вооруженными резервами. Осчастливленные принятіемъ Государемъ Императоромъ верховнаго командованія надъ войсками, русскіе полки, безъ сомнѣнія, въ недалекомъ будущемъ погоняютъ злбнаго и сильнаго врага со священной русской земли по дорогѣ къ Берлину.

Въ этомъ конечномъ успѣхѣ нашей борьбы съ нѣмцами убѣждаютъ насъ всѣ счастливо сложившіяся для насъ въ послѣднее время

военныя событія. Цѣлью дѣйствій воюющихъ сторонъ является не занятіе враждебной территоріи въ тѣхъ или другихъ пунктахъ, а сокрушеніе живой силы противника, то есть его армій и питающихъ ихъ средствъ. Въ настоящее время сами нѣмцы приходятъ къ сознанію, что ихъ арміи гораздо ближе къ этому роковому моменту истощенія и сокрушенія, чѣмъ армія русская и союзныя ей французская, англійская и итальянская, не говоря уже о нетронутомъ еще войною резервѣ ихъ, арміи японской. Австро-Германія уже пускаетъ въ дѣло послѣдніе призывы своего населенія, могущаго носить оружіе, тогда какъ одна Россія призывомъ на службу ратниковъ 2-го разряда вливаетъ теперь въ ряды своихъ войскъ до 8 милліоновъ человѣкъ,—цифра, если въ нее вдуматься, ужасающая по своимъ размѣрамъ и значенію. Нѣмцы, безъ сомнѣнія, не учитывали ея, начиная войну, только потому, что лучше, чѣмъ мы сами, знали нашу дезорганизованность, увѣрены были въ томъ, что эта масса воиновъ не будетъ достаточно оборудована боевымъ снаряженіемъ въ надлежащее время, ибо, по ихъ расчетамъ, къ счастью, не оправдавшимся, война должна была быть молниеносною. Нѣмцы думали вести войну только съ русскимъ правительствомъ и учитывали только средства, находившіяся непосредственно въ его распоряженіи, и забыли... о русскомъ народѣ, о его неисчерпаемыхъ силахъ и энергіи. Нѣмцы думали посеять вражду между правительствомъ и народомъ и воспользоваться ею для заключенія сепаратнаго мира съ великой славянской державой и, вмѣстѣ того, увидѣли противъ себя весь русскій народъ со всѣми его интеллектуальными, земскими и промышленными силами,—народъ, сознающій себя призваннымъ къ другой, болѣе почетной исторической миссіи, чѣмъ быть навозомъ для германской «культуры». Средства, находившіяся непосредственно въ распоряженіи правительства, быстро умножились и умножаются трудомъ и жертвами русскихъ людей всѣхъ сословій, всѣхъ классовъ общества и возникшихъ для этой цѣли общественныхъ организацій, во главѣ которыхъ стоятъ всероссійскіе союзы земскій и городской. Не нѣмцамъ справиться съ русскимъ народомъ, встающимъ во весь свой ростъ, какъ бы они ни хвастались своею безспорно удивительной организаціей и техникой. Какъ и при Петрѣ Великомъ, во время Великой Сѣверной войны, русская армія и русскій народъ организуются для побѣды подъ грохотъ пушекъ, во время самой войны. Нашъ сонъ былъ сладокъ для нашего историческаго смертельнаго врага, и не радостно для него наше пробужденіе... Громъ грянулъ, и мужикъ перекрестился... Въ добрый часъ!

Само вторженіе нѣмцевъ въ Западную Россію едва ли благоприятствуетъ ихъ стратегическимъ расчетамъ. Въ Берлинѣ съ помпой объявили о занятіи Варшавы, Ковны, Гродны, Брестъ-Литовска, но затѣмъ очень скоро призадумались: съ восточнаго

фронта посыпались самыя нерадостныя вѣсти. Нѣмецкія арміи двигаются среди невылазной осенней грязи по мѣстностямъ, опустошеннымъ и покинутымъ бѣжавшими жителями, среди болотъ и озеръ, въ непрерывныхъ сраженіяхъ съ русскими войсками, страдая отъ голода и холода. Вступленіе въ русскіе предѣлы сразу лишило нѣмцевъ самаго важнаго ихъ преимущества—всѣхъ удобствъ организованнаго тыла, гдѣ по многочисленнымъ желѣзнодорожнымъ путямъ шли къ нѣмецкимъ арміямъ резервы, продовольствіе и снаряды, гдѣ съ необычайною легкостью и быстротою совершались позади фронта всѣ маневренныя передвиженія германскихъ войскъ для атаки малоподвижныхъ русскихъ армій, гдѣ, наконецъ, рядъ крѣпостей и населенныхъ пунктовъ обслуживалъ тылъ арміи военными складами и лазаретами. Всего этого должны были лишиться нѣмцы при движеніи вглубь Россіи, испытывая, между тѣмъ, всѣ невзгоды осенней кампаніи. Исходя изъ той мысли, что живая мощь нѣмцевъ заключается въ ихъ арміи, нельзя не видѣть, что, при этихъ условіяхъ, и послѣдніе призывы германскаго населенія, которые выставлены Австро-Германіей, постигнетъ печальная участь надъ ударами нашихъ войскъ, сражающихся на родной почвѣ и, какъ теперь достовѣрно извѣстно, достаточно снабженныхъ всѣмъ необходимымъ для боя. Болѣе того, мы не сомнѣваемся, что уже въ ближайшемъ будущемъ наши арміи, руководимыя своимъ Верховнымъ Вождемъ, перейдутъ въ наступленіе.

Съ другой стороны, пока нѣмцы побѣдоносно увязали въ литовскихъ болотахъ, на западномъ фронтѣ англо-французскія войска, снабженные огромнымъ количествомъ артиллерійскаго вооруженія, рѣшили наконецъ оставить свой методъ позиціонной войны и напасть на противостоящія имъ нѣмецкія арміи, ослабленныя перевозкой войскъ на восточный, русскій фронтъ. Цѣлый годъ англо-французы готовились къ этому движенію, томясь пассивною обороною своихъ окоповъ. Какъ показываютъ послѣднія извѣстія, генералиссимусъ французскихъ войскъ Жоффри призналъ настоящій моментъ удобнымъ для своего наступленія на нѣмцевъ, и засидѣвшіеся въ окопахъ французы устремились на нихъ съ бѣшенымъ натискомъ. Первая линія нѣмецкихъ окоповъ, считавшаяся неприступною, подверглась губительному, сверхъурганному огню союзниковъ и была ими прорвана, несмотря на ожесточенное сопротивленіе нѣмцевъ; побѣдители захватили до 30,000 плѣнныхъ и массу трофеевъ. Этотъ успѣхъ англо-французскихъ войскъ, несомнѣнно, является лишь первымъ шагомъ ихъ наступленія на Бельгію и къ берегамъ Рейна. Увязшимъ въ Россіи германскимъ арміямъ приходится теперь оглядываться назадъ и думать только о благополучномъ отступленіи.

Нашествіе германцевъ на Западную Россію не могло, однако, не оставить глубокихъ слѣдовъ въ этомъ несчастномъ краѣ, какъ

и въ сопредѣльномъ ей царствѣ Польскомъ. Города и селенія, разрушенные и сожигаемые новыми вандалами, выдѣлили изъ себя сотни тысячъ такъ называемыхъ бѣженцевъ, бросившихся искать спасенія отъ лютаго врага въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Къ сожалѣнію, выселеніе бѣженцевъ не получило съ самаго начала должной организаціи и въ огромномъ большинствѣ случаевъ повлекло за собою многія тысячи жертвъ нашей собственной непредусмотрительности и неразумія. При скрытномъ несочувствіи нашей администраціи къ общественному почину и дѣятельности общественныхъ организацій подлежащимъ властямъ невозможно было собственными средствами справиться съ этимъ огромнымъ движеніемъ населенія, напоминавшимъ собою эпоху великаго переселенія народовъ. Выселеніе это фактически разрушило и знаменитую черту еврейской осѣдлости и привело къ «временному» разрѣшенію евреямъ селиться во всѣхъ городахъ Россіи, кромѣ столицъ и мѣстностей, находящихся въ вѣдѣніи министерствъ военнаго и Императорскаго Двора. Этотъ притокъ новаго слоя горожанъ въ немаломъ количествѣ, несомнѣнно, отразится на жизни нашихъ городскихъ поселеній внутри Россіи и въ Сибири.

Друзья, говорятъ, познаются въ несчастіи, но этой пробы—несчастія—далеко не всѣ они выдерживаютъ. Не выдержалъ пробы и давній «другъ» Россіи, и другъ притомъ «благодарный»—Болгарія. Политика, правда, не признаетъ чувствъ сентиментальности, но даже реальные интересы болгарскаго народа должны были совпадать съ его чувствами къ своей освободительницѣ, Россіи. Болѣе того, въ великой борьбѣ германизма съ славянствомъ славянской народъ, поднимающій мечъ за германцевъ, является измѣнникомъ по отношенію ко всему славянскому дѣлу, самъ куетъ для себя нѣмецкія цѣпи въ будущемъ. Болгарія увлеклась мнимыми побѣдами германцевъ и, давно играя въ руку Германіи и Австріи своимъ сомнительнымъ нейтралитетомъ, въ настоящее время сорвала маску, объявила «вооруженный нейтралитетъ» и двинула свои войска къ границамъ союзной Россіи Сербіи, чтобы войти въ связь съ австро-германскими войсками. Эти враждебныя дѣйствія Болгаріи въ сущности являются вызовомъ всему четверному согласію, представители котораго въ Софіи только что предъ этимъ предлагали болгарскому правительству гарантію въ удовлетвореніи всѣхъ насущныхъ болгарскихъ интересовъ. Нѣтъ надобности, поэтому, доказывать, что истиннымъ виновникомъ враждебнаго Россіи выступленія Болгаріи является не столько самъ болгарскій народъ, сколько Фердинандъ Кобургскій, изъ австрійскихъ поручиковъ, благодаря попустительству Россіи, попавшій въ короли Болгаріи и въ этомъ санѣ продавшій интересы болгарскаго народа своимъ союзникамъ—нѣмцамъ. Для насъ и ранѣе не существовало ни малѣйшаго сомнѣнія, что при первомъ поворотѣ воен-

наго счастья въ пользу Австро-Германіи этотъ авантюристъ на болгарскомъ престолѣ, подъ рукою способствовавшій сношеніямъ нѣмцевъ съ Турціей, не замедлитъ стравить два славянскихъ народа и сдѣлать диверсію для вящаго торжества турокъ и нѣмцевъ. Настъ удивляла только безконечная терпимость къ дѣйствіямъ Фердинандовскаго правительства державъ четверного согласія, представители которыхъ въ Софіи, подчиняясь указаніямъ русскаго правительства, не только вели съ нимъ переговоры, бесплодность которыхъ была очевидна съ начала войны, но и лойяльно стремились къ поддержанію согласія между Фердинандомъ, съ одной стороны, и его народомъ—съ другой и тѣмъ способствовали торжеству нѣмецкихъ вождельній въ Болгаріи. Нынѣ четверное согласіе уже вынуждено было объявить о своемъ намѣреніи высадить въ Салоникахъ полторастатысячный экспедиціонный отрядъ для защиты Сербіи отъ болгаръ, а Россія предъявила болгарскому правительству ультиматумъ, правда, составленный въ неопредѣленныхъ, недостаточно твердыхъ выраженіяхъ и угрожающій пока лишь перерывомъ дипломатическихъ сношеній съ болгарскимъ правительствомъ! Только дипломатическимъ Маннловымъ цѣлый годъ издѣвательскихъ и предательскихъ дѣйствій короля Фердинанда ничего не говоритъ ни ихъ сердцу, ни уму. Съ Фердинандомъ и его прислѣзниками давно уже слѣдовало говорить языкомъ пушекъ, чтобы подвластный ему народъ зналъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло...

Въ связи съ выступленіемъ Болгаріи въ пользу нѣмцевъ и турокъ важно уяснить положеніе другихъ нейтральныхъ государствъ: Греціи и Румыніи. И эти государства имѣютъ своими королями принцевъ нѣмецкаго происхожденія: Константина (изъ Аугустенбургской линіи, взшедшей не такъ давно на датскій престолъ), женатаго на сестрѣ кайзера, принцессѣ Софіи, и Фердинанда румынскаго изъ рода Гогенцоллерновъ, къ которому принадлежитъ и кайзеръ. И Греція, и Румынія вслѣдствіе этого до сихъ поръ придерживались нейтралитета, въ общемъ болѣе благопріятнаго союзу центральныхъ имперій, чѣмъ четверному согласію, что въ Греціи вызвало отставку кабинета Вензелоса, а въ Румыніи—народное броженіе, такъ какъ и въ названныхъ государствахъ національные интересы требовали присоединенія ихъ къ четверному согласію. «Лойяльные» представители этого согласія въ Бухарестѣ и Аѣинахъ давно пробовали побудить румынское и греческое правительства къ этому шагу, но, конечно, безуспѣшно. Теперь выступленіе болгаръ противъ Сербіи вынуждаетъ Румынію и Грецію сдержать болгаръ, потому что успѣхъ болгаръ въ борьбѣ съ сербами будетъ угрожать и греко-румынскимъ приобрѣтеніямъ, совершившимся по Бухарестскому договору 1913 года. Тогда—прощай румынская Добруджа, прощай греческая Македонія и даже Салоники! Въ

виду этого кабинетъ Вензелоса, возвратившагося ко власти, уже побудилъ короля Константина объявить мобилизацію арміи, и вступить въ соглашеніе съ державами согласія, обязавшимися поддержать выступленіе Греціи, но Румыніа еще крѣпко держится за свой призрачный нейтралитетъ, возбуждая негодованіе среди румынскаго народа и жалобы четырехъ милліоновъ трансильванскихъ румынъ, изнывающихъ подъ австро-венгерскимъ ярмомъ. Безспорно, въ данномъ случаѣ дѣлу должны только помочь менѣе, быть можетъ, «лояльные», но болѣе энергическіе шаги представителей четверного согласія въ Бухарестѣ. Шагамъ этимъ, безъ сомнѣнія, будетъ сочувствовать сама румынская королева, Марія, извѣстная «руссофилка», родная внучка императора Александра II по матери, великой княгинѣ Маріи Александровнѣ.

Непреклонная и единодушная рѣшимость русскаго народа довести, вмѣстѣ съ доблестными своими союзниками, великую борьбу съ германизмомъ до побѣднаго конца имѣеть, такимъ образомъ, съ помощію Божіею, всѣ видимые шансы на успѣхъ. Но для того, чтобы борьба эта завершилась скорѣе и съ меньшими жертвами для русскаго народа, несущаго главную тяжесть войны, необходимо, конечно, полное единеніе Царя съ его народомъ, глубоко ему преданнымъ, и единодушныя дѣйствія правительства и общественныхъ организацій, дѣйствующихъ во время войны. Настоящая война ясно показала связь дѣйствій арміи и дѣйствій тыла, объединенныхъ дѣйствій правительственныхъ и общественныхъ органовъ, изъ которыхъ каждый имѣеть свою сферу дѣятельности и не можетъ возмѣщать одинъ другого. Чтобы согласовать эти дѣйствія при взаимномъ довѣрїи, чтобы направлять ихъ къ одной цѣли, правительству, конечно, чрезвычайно важно прислушиваться къ «голосу земли русской», органомъ котораго съ высоты престола объявлена Государственная Дума. Голосъ земли русской придастъ дѣйствіямъ правительства въ этотъ необычайный историческій важности моментъ удвоенную, утроенную силу и авторитетъ не только внутри Россіи, но и внѣ ея, и органы власти, пользующіеся въ это время довѣрїемъ Думы, будутъ пользоваться довѣрїемъ и земли русской. Насущныя нужды государства и народа въ данный моментъ, по зккрытіи Государственной Думы, достаточно выяснены теперь на московскихъ съѣздахъ представителей городской и земской Россіи. И народъ добромъ помянетъ въ своей исторіи то правительство, которое, при столь тяжкихъ для всего народа обстоятельствахъ, захочетъ пойти съ нимъ рука объ руку, облегчить ему всю тяжесть и борьбы, и сомнѣній, путемъ взаимныхъ уступокъ, путемъ общей, плодотворной работы. Совершившійся роспускъ Государственной Думы, перерывъ ея работъ возбуждаетъ въ народѣ, тоскующемъ по сильной и разумной власти, одно общее желаніе возможно скорого ея созыва.

Е. Шумигорскій.

18*

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

В. И. Адамовичъ. **Оправданіе представителями германской интеллигенціи нынѣшней войны и способа ея веденія Германіей и Австро-Венгріей и отповѣдь представителей интеллигенціи во Франціи, Англіи и Россіи.** Петроградъ. 1915. Стр. 68. Ц. 40 к.

ВЪ ОКТЯБЕВЪ мѣсяцѣ прошлаго года 93 нѣмецкихъ ученыхъ, писателей, художниковъ и композиторовъ помѣстили въ газетахъ «Воззваніе къ цивилизованному міру», съ цѣлью объясненія дѣйствій Германіи въ современной намъ войнѣ. Неправда, молъ, что Германія вызвала войну, императоръ не желалъ ея; неправда, что германцы нарушили нейтралитетъ Бельгіи; неправда, что они обрушились на Лувенъ; неправда, что они нарушаютъ требованія международнаго права и т. д., и т. д. Вслѣдъ за этимъ ректора двадцати одного германскихъ университетовъ подписали другое «воззваніе» съ просьбою «во имя истины и справедливости» не вѣрить «извѣстамъ на германскій народъ». То же объявляли потомъ разные общественные круги и отдѣльныя лица.

Между послѣдними интересно мнѣніе нашего прибалтійскаго вскормленника, извѣстнаго Оствальда. Заявляя себя пацифистомъ и не одобряя завоеваній, онъ тѣмъ не менѣе предлагаетъ создать «Балтійскую федерацію», отдѣлить отъ Россіи Польшу и вообще «исправить карту Европы». Другой нѣмецкій ученый, профессоръ Лассонъ,

прямо говорить: «Мы въ нравственномъ и умственномъ отношеніи выше всѣхъ народовъ. Вильгельмъ II всегда покровительствовалъ миру, правду и чести»; «наша армія — отраженіе разума и нравственности германскаго народа»; «мы правдивы, отличительныя наши свойства — человѣчность, мягкость, совѣстливость» и проч., и проч. Всего не выпишешь.

Естественно, что такая «правда» возмутила цивилизованный міръ и у всѣхъ противниковъ Германіи, на себѣ испытавшихъ ея «мягкость, человѣчность и совѣстливость», вызвала единодушный протестъ. Во Франціи опроверженіе нѣмецкаго воззванія объявили въ печати три академіи и шестнадцать университетовъ. Въ Англии появились какъ коллективныя заявленія, такъ и цѣлый рядъ протестовъ отдѣльныхъ лицъ. Негодованіе на явную неправду нѣмецкихъ воззваній было вызвано среди интеллигенціи и многихъ нейтральныхъ государствъ: Голландіи, Швейцаріи, Испаніи, Португаліи, Греціи, Японіи и другихъ.

Въ Россіи негодованіе это выразилось прежде всего въ общемъ протестѣ представителей науки, подъ которымъ подписалось 793 лица, а затѣмъ и въ отдѣльныхъ протестахъ: петроградскаго университета (349 подписей), университета св. Владимира (99 подписей) и конференціи военно-медицинской академіи, къ которому присоединились медицинскіе факультеты шести университетовъ.

Большинство этихъ воззваній и протестовъ знакомо публикѣ по газетнымъ сообщеніямъ, но рѣдко кто могъ собрать всѣ ихъ вмѣстѣ. Заслуженному профессору В. И. Адамовичу пришла счастливая мысль исполнить это и издать интересную книжку въ пользу семей пострадавшихъ на войнѣ народныхъ учителей. Эти «человѣчскіе документы» долго будутъ имѣть историческое значеніе, доставляя въ своемъ разнообразіи взглядовъ матеріалъ при разработкѣ вопросовъ международнаго права.

А. П. Охугаревскій.

Б. Д. Грековъ. Новгородскій домъ святой Софіи. Опытъ изученія организаціи и внутреннихъ отношеній крупной церковной вотчины. Ч. I. Пгр. 1914. Стр. XIV+544+129. Ц. 3 р.

Книга представляетъ попытку освѣтить научно нѣкоторыя стороны мало изслѣдованной у насъ внутренней жизни крупной церковной вотчины XVI—XVII вѣковъ, причемъ работа разсчитана авторомъ на двѣ части. Въ первой рассмотрѣны устройство управленія, территория земель святой Софіи и приписные къ дому монастыри и затѣмъ составъ населенія. Вторая часть, имѣющая появиться въ будущемъ, должна, по мысли автора, представлять изслѣдованіе хозяйства софійскаго дома и обложенія его государственными платежами и повинностями.

Домъ святой Софіи—крупная церковная вотчина, съ разнообразнымъ по составу населеніемъ и цѣлой сътью внутреннихъ учреждений, возникъ онъ съ прибытіемъ въ Новгородъ перваго новгородскаго владыки Іоакима и безпре-

ривно развивался до конца XV вѣка, когда вмѣстѣ съ новгородскимъ государствомъ подвергся общей участи подчиненія Москвѣ и пережилъ до середины XVII вѣка нѣкоторое затишье во всѣхъ сферахъ жизни. Вопросу объ организации управленія посвящена половина книги. Автору удалось дать чрезвычайно живое изображеніе учреждений, вѣдавшихъ хозяйство святой Софії, и даже подмѣтить, что антагонизмъ между Москвой и Новгородомъ продолжалъ жить и въ XVI—XVII вѣкахъ, только вылившись уже въ инныя формы. Не заглошшія еще стремленія къ автономности особенно оживились послѣ смутнаго времени, когда внѣшнее давленіе со стороны Москвы ослабло. Взаимоотношенія эти отчетливо встаютъ передъ наблюдателемъ при ближайшемъ знакомствѣ съ позиціями, занятыми казеннымъ и суднымъ приказами. «Казенный приказъ и оппозиционно настроенный въ Москвѣ митрополитъ вмѣстѣ съ дѣтми боярскими—это, такъ сказать, партія, во всякомъ случаѣ вполне солидарная группа. Противъ нихъ судный приказъ съ назначеннымъ Москвою дьякомъ во главѣ». Значительное развитіе въ культурномъ отношеніи строя управленія дома святой Софії видно на идеальной, съ точки зрѣнія автора, постановкѣ новгородскаго суда. Яркая картина этого суда дана на стр. 157—163. Особенно поражаетъ скорость судебного разбирательства.

Что касается софійскаго землевладѣнія, то здѣсь г. Грековъ за недостаткомъ данныхъ не могъ достигъ вполне точныхъ выводовъ, но зато онъ оказался гораздо счастливѣе въ изученіи состава населенія, обогативъ, между прочимъ, науку весьма цѣннымъ выводомъ относительно бобылей. До сихъ поръ опредѣленіе юридической природы бобыльства не поддавалось перу самыхъ выдающихся нашихъ ученыхъ. Б. Д. Грековъ первый сумѣлъ разрѣшить эту задачу удовлетворительно, благодаря чему теперь «сущность бобыльства можетъ быть опредѣлена исключительно юридическимъ признаками. Бобыль—свободный человѣкъ, вступающій въ личную зависимость онъ господина черезъ порядную, дающую бобылю право быть свободнымъ отъ тягла и «жить за» господиномъ на обоюдныхъ съ нимъ условіяхъ: со стороны господина—предоставить бобылю жилище часто со всѣмъ необходимымъ для веденія сельскаго хозяйства, со стороны бобыля—платить господина оброкъ и исполнять рядъ повинностей, обыкновенно оговариваемыхъ въ порядной».

Рядъ новыхъ наблюденій, данныхъ авторомъ, заставляетъ читать книгу съ неослабнымъ интересомъ, чему не мало способствуетъ и прекрасный литературный языкъ, которымъ она изложена.

Удачны также характеристики нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ. Такъ, на стр. 105 читаемъ: «Воевода Юрий Яншеевичъ Сулешовъ—въ «большой дружбѣ» съ митрополитомъ, но, какъ официальный представитель Москвы, ведетъ себя въ этой дружбѣ осторожно: «ѣсть у митрополита въ задней кельѣ наединѣ» и дрожить у себя въ канцеляріи при воспоминаніи о томъ, «какъ сбредиль» за ѣдой митрополитъ въ своею отзывѣ о патріархѣ. Держить себя пристойно; придраться къ нему почти невозможно; видитъ далеко впередъ».

Въ упрекъ автору слѣдуетъ поставить преувеличенную осторожность въ выводахъ даже тамъ, гдѣ матеріалъ давалъ возможность къ болѣе широкимъ заключеніямъ. Въ общемъ же книга оставляетъ впечатлѣніе цѣльнаго солид-

наго труда, хорошо задуманнаго и талантливо выполненнаго. Пожелаемъ, чтобы авторъ не подражалъ большинству нашихъ ученыхъ и не откладывалъ появленіе второго тома *ad kalenda graecas*.
Жудряшовъ.

Н. Г. Высоцкій. Первый скопческій процессъ. Матеріалы, относящіеся къ начальной исторіи скопческой сенты. Москва. 1915. Стр. I+XX+I+345. Ц. 2 р.

Выросшее на почвѣ темноты и невѣжества народнаго, при отсутствіи необходимаго ближайшаго и послѣдовательнаго духовнаго руководительства на мѣстахъ, разившееся въ уродливую форму подъ искаженнымъ вліяніемъ на многія поколѣнія и массы видимыхъ стремленій монашества къ аскетизму и къ пресѣченію связей съ міромъ, съ обществомъ, русское скопчество, явившееся развитіемъ хлыстовщины, началось около половины XVIII столѣтія. Н. Г. Высоцкому удалось къ отрывочнымъ до сего времени свѣдѣніямъ о начальномъ періодѣ русскаго скопчества отыскать и напечатать архивныя данныя, раскрывающія такимъ образомъ документально, слѣдовательно, вполне достоверно, весь ходъ этого явленія и участіе въ немъ дѣйствующихъ лицъ съ биографическими ихъ чертами. Въ собранныхъ имъ матеріалахъ, неизвѣстныхъ въ исторической литературѣ, помѣщены обширное дѣлопроизводство упраздненной орловской провинціальной канцеляріи съ дѣлами орловскаго духовнаго правленія и комиссіи полковника Волкова и, наконецъ, производство сената. Всѣ эти документы извлечены изъ московскаго архива министерства юстиціи и восходятъ въ 1772 году.

До настоящаго времени въ научномъ оборотѣ о началѣ скопчества Надеждинъ, Мельниковъ, Реутскій, Кутеповъ, Рождественскій, Грассъ и многіе другіе пользовались лишь однимъ извѣстнымъ высочайшимъ указомъ, даннымъ Волкову 2-го іюля 1772 года, вслѣдствіе чего не ясно былъ даже очерченъ главный зачинщикъ ереси. Въ теперешнихъ матеріалахъ онъ указывается ясно— это бѣглый крестьянинъ генерала Степана Ѳедоровича Апраксина села Брасова, Сѣвскаго уѣзда Орловской губерніи Андрей Ивановъ Блохинъ. Вотъ его собственное показаніе въ дѣлѣ: отъ роду ему тридцать лѣтъ, а какъ онъ былъ въ четырнадцатилѣтнемъ возрастѣ, то изъ своего села бѣжалъ и у мѣстечка Дмитревки присталъ къ двумъ нищимъ: женщинѣ слѣпой и поводарю; съ ними пробыли на Коренной ярмаркѣ до ея окончанія, были въ Новосильскомъ, Бѣлевскомъ и Мценскомъ уѣздахъ на ярмаркахъ, питаюсь мірскимъ поданіемъ. Таскаючись, Блохинъ дошелъ до села Кудрявца, Козельскаго уѣзда. Здѣсь отъ крестьянина Меленя Наумова, у котораго ночевалъ, узналъ, что въ селѣ Браснѣ, Орловскаго уѣзда, въ вотчинѣ С. М. Нарышкина проживаетъ учитель вѣры, называемой христовщиной, крестьянинъ Михайло Никулинъ, дающій всякому приходящему совѣты, какъ прійти въ животъ вѣчный и спастися. Блохинъ, «возжелавъ спасеніе получить», нашель Никулина и выпросился у него «для того наученія» «пожить». Никулинъ говорилъ ему, чтобы пива и вина не пить, грѣха тяжкаго не творить, съ женами вмѣстѣ не спать: мужу на

одномъ ложѣ, а женѣ на другомъ, матерью не браниться, по скачкамъ и игрищамъ не ходить, молодцамъ не жениться, а дѣвкамъ замужъ не ходить, чего ради надлежитъ всякому скопиться. Принявъ ученіе, Блохинъ пришелъ въ деревню Богдановку и въ особой избѣ крестьянина Осипа Степанова, гдѣ для моленія бывало ихъ сонмище, самъ себя скопилъ: раскаленнымъ въ печи желѣзомъ тайные уды отжегъ себѣ, отъ чего въ той избѣ лежалъ боленъ девять дней. Выздоровѣвъ, онъ, Блохинъ, оскопилъ бѣлаго своего товарища Кондратія Трифанова, крестьянина, учившаго его христовщинѣ. Михаила Никулина, и многихъ другихъ (27 человекъ), которые отъ работы не могли сами себѣ уды отжечь. Въ «Матеріалахъ» окончательно выясняется личность знаменитой «пророчицы» Акулины Ивановой. По документу, она является бѣглою дѣвкой помѣщика С. М. Нарышкина изъ села Сергіевскаго, Орловскаго уѣзда. По показанію Блохина, она описывается «дѣвкой въ глубочайшей старости, учительницей ереси», жившей въ деревнѣ Запольской, того же Орловскаго уѣзда. Блохина Акулина спрашивала: чего ищешь? Того ищущу, какъ душу помиловать—было его отвѣтомъ. На ея сонмищѣ были возжены свѣчи предъ образами и присутствующіе молились Спасителю, Божіей Матери и Духу Святому. Помолвившись, учительница хаживала кругомъ всѣхъ, приговаривая: «Други мои милые, будья вы страшны и опасны, безъ креста и молитвы за порогъ не хадитя, въ блудные тѣлесные грѣхи не впадитя». Крестъ она изображала двумя перстами и объясняла, что Духъ Святъ по живогласной пѣснѣ сходитъ; свѣтъ во свѣтъ въ сердца пребываетъ, и человекъ можетъ знать, что дѣлается въ Москвѣ и въ Кіевѣ, когда будетъ урожай хлѣбу или недородъ, кто богатъ или бѣденъ. На сонмище пріѣзжалъ еще учитель Павелъ Петровъ, которому Акулина кланялась и называла его Христомъ. Блохинъ съ своимъ товарищемъ Мартыномъ также ему кланялись и дѣловали ему руку. Онъ же узнавъ, что они скоплены, далъ имъ три яблока и сказалъ, что апостолы Петръ, Іоаннъ и Павелъ сами сбѣ уды обрѣзали. Онъ же, Петровъ, на другомъ сонмищѣ въ селѣ Люберицахъ говорилъ, что когда въ церкви поютъ: «Тѣло Христово пріимите», надобно пѣть—«дѣло Христо пріимите, источника безсмертнаго въ сердцахъ закуситя». Акулина же изъ своихъ рукъ давала прикладываться къ кресту, а двухъ крестьянъ Лямина и Гнѣшуева, виновныхъ въ томъ, что жены ихъ забеременѣли, когда они просили прощенія, она послѣ покаянія грѣхи ихъ отпустила, а они ей кланялись въ ноги и къ рукѣ ея прикладывались.

Къ сожалѣнію, ни дѣвки Акулины, ни «Христа» Павла Петрова, ни Кондратія Никифорова, такъ же, какъ и Блохинъ, «перваго мастера», по дѣлу 1722 года не сыскано и потому ихъ допросовъ, могшихъ дать цѣнныя свѣдѣнія, не имѣется. Н. Г. Высоцкій предполагаетъ, что эти допросы могутъ быть въ другомъ дѣлопроизводствѣ о второмъ скопческомъ процессѣ 1775 г., документы о которомъ пока не найдены и въ которомъ главнымъ лицомъ является вышеуказанный Никифоровъ. Въ напечатанныхъ «Матеріалахъ», говоритъ г. Высоцкій, нигдѣ не упоминается осуществованіи «свальнаго грѣха» и не встрѣчается ни одного случая безнравственныхъ половыхъ дѣяній, связанныхъ съ обрядами скопцовъ.

Всѣхъ причастныхъ къ дѣлу было привлечено 246 человекъ, изъ нихъ 186

по разнымъ причинамъ сумѣли уклониться и только 60 лицъ было сыскано и предстало передъ слѣдствіемъ. Изъ общаго числа допрошенныхъ только двое имѣли 20 и 27 лѣтъ отъ роду, остальные же всѣ были въ зрѣломъ возрастѣ, два старики и двѣ старухи имѣли каждый болѣе 80 лѣтъ. Почти половина подслѣдственныхъ принадлежала къ однодворцамъ, остальные—крестьяне. По рѣшенію комиссіи, главнаго «зачинщика зла» Блохина постановлено высѣчь кнутомъ въ той деревнѣ Богдановкѣ, гдѣ онъ всего болѣе изуродовалъ людей, и сослать потѣмъ въ Нерчинскъ на вѣчныя каторжныя работы, двухъ виновныхъ— высѣчь батогами и сослать на работу въ Ригу, а остальныхъ, какъ простяковъ, слѣпо повиновавшихся безумству наставниковъ, отпустить по домамъ «подъ наипредежнѣйшее смотрѣніе».

«Матеріалы» изданы чрезвычайно внимательно, весьма тщательно, они, безъ сомнѣнія, послужатъ цѣннымъ вкладомъ въ исторію того тяжелаго явленія русской жизни, которое называется «скопчествомъ». Къ книгѣ заботливо приложены указатели, облегчающіе пользованіе ею.

И. С. В.

А. К. Дживелеговъ. Александръ I и Наполеонъ. Москва. 1915. Стр. 302.

Ц. 1 р. 75 к.

Въ книгѣ А. К. Дживелегова собраны интересныя статьи, касающіяся той эпохи, когда наша иностранная политика держалась направленія, противоположнаго современному, и тѣмъ не менѣе эти давно прошедшія времена напоминаютъ текущій моментъ по напряженію всѣхъ силъ страны, необходимому для ея обороны отъ грознаго врага. Авторъ проводитъ параллель между двумя противниками, французскимъ императоромъ, громившимъ всю Европу, и русскимъ царемъ, видѣвшимъ иноземныя полчища въ сердцѣ Россіи и въ концѣ концовъ послѣ многихъ испытаній побѣдоносно вступившимъ въ Парижъ. Онъ старается дать портретъ Александра I, соответствующій безпристрастной наукѣ. Между двумя монархами, творившими исторію Европы сто лѣтъ тому назадъ, А. К. Дживелеговъ усматривалъ полнѣйшій контрастъ. Наполеонъ былъ военнымъ гениемъ. Александръ уныло тосковалъ по боевой славѣ, настоящаго военного таланта въ немъ не было. «Когда отъ душевнаго міра Александра,—говоритъ авторъ,—вы обращаетесь къ душевному міру Наполеона, вы словно попадаете изъ сѣверной степи прямо въ тропическій лѣсъ. Самое поразительное въ Наполеонѣ, что огромныя умственныя силы соединяются у него съ цѣлымъ рядомъ другихъ качествъ, каждаго изъ которыхъ было бы достаточно, чтобы создать замѣчательнаго человѣка: желѣзной волей, все одолѣвавшей энергіей, несокрушимой работоспособностью, кипучимъ, какъ лава, темпераментомъ, фантазійей, полету которой нѣтъ границъ, какимъ-то вдохновеннымъ умѣніемъ разгадывать и покорять людей. Наполеона совершенно безцѣльно сравнивать съ Александромъ. Это два разные калибра. Одинъ гигантъ, которому трудно найти параллель въ исторіи, другой человѣкъ, едва возвышающійся надъ среднимъ уровнемъ». Основываясь на показаніяхъ главнымъ образомъ нѣкоторыхъ современниковъ,

авторъ рисуеъ Александра I безвольнымъ ничтожествомъ. Взглядъ его нельзя назвать безпристрастнымъ. Въ мемуарахъ XIX вѣка можно найти и другое представленіе объ Александрѣ I, гораздо болѣе для него благоприятное, и вообще нравственная и психологическая характеристика государственныхъ дѣятелей всегда довольно субъективна и зависитъ болѣе отъ вкуса писателя, чѣмъ отъ историческаго матеріала.

Много новаго находимъ мы въ статьѣ о войнѣ 1812 года. Авторъ доказываетъ, вопреки очень распространенному мнѣнію, что война эта не была народной: крестьяне не принимали въ ней дѣятельнаго участія, не обнаруживали большого ожесточенія противъ французовъ и не содѣйствовали разгрому непріятели. Неблагопріятно отзывалось на оборонѣ страны крѣпостное право. Крестьяне пользовались случаемъ, чтобы отомстить помѣщикамъ. Въ Смоленскѣ дѣйствовали комиссары, назначенные французами изъ русскихъ помѣщиковъ. Главной ихъ задачей была поставка провіанта, но имъ приходилось и охранять помѣщиковъ отъ насилій, какъ со стороны французскихъ мародеровъ, такъ и русскихъ бунтующихъ крестьянъ. Особенную энергію въ этомъ отношеніи проявлялъ помѣщикъ Щербаковъ. Какъ только онъ узнавалъ о волненіяхъ, онъ бралъ отрядъ французскихъ солдатъ и шелъ усмирять русскихъ мужиковъ. Въ народѣ распространялись слухи, будто Наполеонъ несетъ волю, и это только настраивало крестьянъ дружелюбно по отношенію къ французамъ. Тогда, когда деревня подвергалась насилію, крестьяне прибѣгали къ самозащитѣ. Во время отступленія французовъ крестьянскія партіи не нападали на отсталыхъ и не помогали войскамъ. По словамъ А. К. Дживелегова, у насъ не было народной войны, не было народа подъ оружіемъ, поднятаго разгорѣвшимся внезапно патріотическимъ огнемъ, не было сокрушающей бури народнаго порыва. На оборонѣ страны отражалось безправіе народа и общее политическое положеніе. **П. В.**

Труды полтавской ученой архивной комиссіи. Вып. 12. Полтава. 1915. Стр. 240—251. Цѣна не обозначена.

Въ этой книгѣ Л. В. Падалка предложилъ «нѣсколько дополненный и исправленный докладъ всероссійскому археологическому съѣзду въ Новгородѣ въ 1911 г.—«Происхожденіе и значеніи имени «Русь». Разсужденіе любопытно и богато движеніемъ мысли. Авторъ приходитъ къ выводу, что «имя «Русь» относится къ высшему слою, къ знати, въ иныхъ случаяхъ къ воинамъ или къ купцамъ-воинамъ,—вообще «къ господствующему, правящему въ своихъ земляхъ, общественному элементу». Оно «произошло, вѣроятно, отъ языковой основы того же слова, какое и до настоящаго времени сохранилось въ языкѣ осетиновъ: «урс—рус—рос» для выраженія понятія «бѣлый, свободный, независимый, господствующій, правящій». Интересный докладъ г. Падалки не отличается, однако, покоряющей убѣдительностью. Въ немъ чувствуется тяготѣніе къ экономическому, одностороннему историзму. Гг. Ковба и Федоренко дали статьи: «Хозяйственное положеніе посполитыхъ и подсосѣд-

ковъ Песчанской сотни, Переяславскаго полка, по даннымъ Румянцовской описи (1767 года), «Воронковская сотня Переяславскаго полка по Румянцовской описи». Обращаетъ на себя вниманіе и очеркъ И. Ф. Павловскаго—«Кременчугская фабрика сукнодѣлія для евреевъ въ началѣ XIX вѣка». Въ выносѣ пояснено, что «статья была помѣщена въ очень сокращенномъ видѣ въ журналѣ «Голосъ Минувшаго» въ № 10 1913 года. «Фабрика просуществовала, по словамъ автора, восемь лѣтъ съ небольшимъ. Цѣль правительства не была достигнута. Причина этому несочувствіе евреевъ къ этому занятію: ихъ влекло къ коммерческой дѣятельности». Къ 12-му выпуску «трудовъ» приложенъ и «отчетъ комиссіи» за 1914 годъ, составленный тѣмъ же И. Ф. Павловскимъ.

А. Налимовъ.

У. Г. Иваскъ. Жизнь и труды Василія Ивановича Собољщикова, старшаго бібліотекаря и архитектора императорской публичной бібліотеки (съ гравированнымъ портретомъ). Москва. 1914. Стр. 59. Цѣна 1 р. 50 к.

Книга г-на Иваска повѣствуетъ объ извѣстномъ бібліофилѣ и архитекторѣ В. И. Собољщиковѣ, много потрудившемся на пользу императорской публичной бібліотеки. Собољщиковъ происходилъ изъ купеческой семьи, родился въ 1813 году въ Витебскѣ и обучался въ мѣстной гимназіи. Въ 1830 году онъ переселился въ Петербургъ, гдѣ сперва поступилъ на службу въ канцелярію римско-католической духовной коллегіи, но такъ какъ служба эта его мало удовлетворяла, онъ началъ хлопотать о поступленіи въ бібліотеку, куда онъ и попалъ въ 1834 году и гдѣ оставался до конца жизни. Здѣсь онъ принялся за чтеніе всевозможныхъ книгъ, расширяя свое образованіе, и самостоятельно изучилъ новые языки, такъ что, начавъ служить писцомъ при казначействѣ, благодаря знакомству съ книгами, вскорѣ былъ сдѣланъ подбібліотекаремъ.

Посѣщая вмѣстѣ съ тѣмъ рисовальные классы академіи художествъ, Собољщиковъ прошелъ полный курсъ архитектурнаго искусства и свои познанія въ этой области примѣнилъ при перестройкѣ бібліотеки и былъ сдѣланъ при ней архитекторомъ.

Въ бытность барона Корфа директоромъ бібліотеки Собољщиковъ становится старшимъ бібліотекаремъ вновь образованнаго отдѣла «Rossica» и командировается за границу для ознакомленія съ устройствомъ иностранныхъ бібліотекъ.

Собољщиковъ первый въ Россіи примѣнилъ новую систему разстановки книгъ; система эта заключается въ томъ, что книги ставятся по формату, названія же ихъ заносятся въ каталогъ на отдѣльные листы, съ указаніемъ мѣста ихъ нахождения, и такимъ образомъ получается выигрышъ въ мѣстѣ и времени отысканія нужной книги.

Умеръ Собољщиковъ въ 1872 году.

Въ книгѣ г-на Иваска приведенъ перечень трудовъ Собољщикова, какъ въ области архитектуры, такъ и въ области бібліотечнаго и книжнаго дѣла¹⁾.

Книга издана хорошо, снабжена портретомъ, но все же цѣна ея очень высока.

А. О. В.

¹⁾ Воспоминанія В. И. Собољщикова были напечатаны (съ предисловіемъ В. В. Стасова) въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1889 г. (кн. 10).

Дѣйствія нижегородской губернской ученой архивной комиссіи. Сборникъ. Томъ XV. Выпуски IV и V. Въ память 300-лѣтія царствованія дома Романовыхъ. Томъ XVII. Выпуски II и III. Нижній-Новгородъ. 1913—1914. Стр. 163; 148; 20, 5, 32, 6, 48, 10; 6, 4, 12, 3, 3, 30, 12, 2, 3, 25. Цѣна не обозначена.

Въ 4-мъ и 5-мъ выпускахъ XV тома продолжается печатаніе матеріаловъ по исторіи нижегородскаго края, именно «Нижняго-Новгорода списокъ съ платежныхъ книгъ пошлиннымъ оброчнымъ доходамъ. Списокъ съ нижегородскихъ платежницъ 153 (1645) года» (вып. 4-й) и «Нижняго-Новгорода книга платежнымъ всякимъ денежнымъ доходамъ и оброчному меду.—Списокъ съ нижегородскихъ платежницъ 156 (1648 г.). Обѣ книги изданы подъ редакціей А. Я. Садовскаго.

Въ двухъ выпускахъ XVII тома центральное мѣсто занимаютъ описи архивныхъ дѣлъ, среди которыхъ особенное вниманіе привлекаетъ обширная и еще не законченная работа П. И. Драницына, поставившаго себѣ задачей обозрѣть всѣ дѣла Сенатскаго архива, имѣющія отношеніе къ Нижегородской губерніи, за періодъ времени съ 1814 по 1835 годы. С. М. Парійскій дѣятельно занимается исторіей Нижегородскаго кремля, привлекая для этого всевозможныя архивныя данныя. А. К. Кабановъ, продолжая свои работы о бунтѣ Разина, сопоставляетъ извѣстія о нападеніи разинцевъ на Макарьевскій Желтоводскій монастырь, сохранившіяся въ официальной монастырской версіи и въ хранящихся въ московскомъ архивѣ миистерства юстиціи показаніяхъ людей свѣязскаго воеводы Петра Годунова, проводившихъ двѣ недѣли въ осадѣ. А. Я. Садовскій даетъ любопытный перечень священно-церковнослужителей города Саранска, наказанныхъ за участіе въ Пугачевскомъ бунтѣ. Н. И. Драницынъ снова возвращается по вопросу о родителяхъ А. В. Ступина и, на основаніи дѣла арзамасскаго городского магистрата, устанавливаетъ, что художникъ былъ незаконнымъ сыномъ дворянина Соловцева отъ дворянки Борисовой. А. И. Тиховъ даетъ нѣсколько любопытныхъ штриховъ для характеристики писателя С. Н. Миловскаго, работавшаго подъ псевдонимомъ «С. Елеонскій» и трагически покончившаго съ собою 11-го августа 1911 года. Въ заключеніе нельзя не упомянуть о старательномъ трудѣ П. В. Тополева, тщательно описавшаго рукописи и старопечатныя церковно-славянскія книги нижегородскаго церковнаго древлехранилища. Наиболѣ древняя изъ рукописей—евангеліе XVI вѣка, писанное въ перемышльской епархіи, а изъ старопечатныхъ книгъ имѣются изданія Скорины (1517 г.), Ивана Ѳедорова (1564 и 1569 годовъ). Л.

Исторія музыки всѣхъ временъ и народовъ—проф. Л. А. Саккетти. Пгр. 1915. Изданіе «Шиповникъ». Выпускъ III. Стр. 202—296. Со множествомъ иллюстрацій. Цѣна по подпискѣ.

Изданный недавно третій выпускъ «Исторіи музыки всѣхъ временъ и народовъ» содержитъ въ себѣ окончаніе біографіи Франца Шуберта (начатой въ выпускѣ второмъ),—лирика по преимуществу, сочинившаго болѣе 600 пѣсенъ и

балладъ, въ томъ числѣ знаменитую балладу «Лѣсной царь», которая признается однимъ изъ гениальнѣйшихъ произведеній Шуберта. Онъ, впрочемъ, не ограничивался сочиненіемъ однѣхъ пѣсенъ и балладъ, но оставилъ не мало сочиненій и по прочимъ отраслямъ музыки, (какъ напр. оперы, ораторіи, торжественныя увертюры, симфоніи, концерты для фортепіано и пр.), подробно указанныхъ г. Саккетти, причемъ высказано предположеніе, что съ теченіемъ времени Францъ Шубертъ достигъ бы въ драматической и оркестровой музыкѣ той же высоты, какъ и въ пѣснѣ, если бы только не умеръ такъ же рано, какъ и очень многіе другіе знаменитые артисты-художники. Шубертъ умеръ 19-го ноября 1828 года, имѣя всего 31 годъ 9 мѣсяцевъ, въ одномъ изъ предмѣстевъ Вѣны. Такая ранняя смерть Шуберта объясняется не мало образомъ его жизни. Не имѣя опредѣленнаго источника дохода или служебнаго мѣста, онъ пробавлялся скуднымъ гонораромъ за свои сочиненія. До чего дешево цѣнили его произведенія его же соотечественники, можно заключить изъ того, что однажды подлюжины пѣсенъ, вошедшихъ въ составъ извѣстныхъ «Лебединыхъ пѣсенъ», были проданы издателю за шесть гульденовъ, равнявшихся тогда франку каждый! Такая цѣна вынуждала къ чрезмѣрному авторскому труду, чтобы добывать средства къ жизни. Къ этому еще надо присоединить наклонность Шуберта проводить съ друзьями каждый вечеръ вмѣстѣ въ гостиницѣ до разсвѣта, при щедрыхъ возліяніяхъ Бахусу. Послѣ такихъ ночныхъ попоекъ Шубертъ съ утра принимался за композицію, въ которой влекла его неутомимая фантазія. Такой образъ жизни, конечно, при страшной нуждѣ, разрушалъ быстро физическія силы не совсѣмъ крѣпкаго организма.

Покончивъ съ Францемъ Шубертомъ и упомянувъ въ весьма немногихъ словахъ о его современникѣ прекрасномъ пѣвцѣ и выдающемся композиторѣ балладъ Карлѣ Леве (р. 1796 г. † 1869 г.), такъ же, какъ и Францъ Шубертъ, написавшемъ интересную балладу «Лѣсной царь», г. Саккетти переходитъ къ знаменитому романтику въ музыкѣ, Карлу-Маріи Веберу (р. 18 дек. 1786 г. въ Эйтинѣ). Отецъ его—одно время директоръ странствующаго театра и потомъ директоръ музыки въ Любекѣ—хотѣлъ сдѣлать своего сына чудомъ музыки, виртуозомъ въ дѣтскомъ возрастѣ и съ самыхъ раннихъ лѣтъ бесполезно мучилъ его музыкальнымъ обученіемъ. Къ счастью мальчика, это продолжалось недолго; онъ попалъ скоро въ 1796 году въ руки прекраснаго учителя Гейшкеля. Потомъ молодой Веберъ пребывалъ въ Зальцбургѣ, гдѣ бралъ уроки игры на фортепіано и контрапункта у Михаила Гайдна и скоро написалъ первую свою оперу, поставленную въ 1800 году во Фрейбергѣ, но не имѣвшую успѣха подъ именемъ «Das stumme Waldmädchen», а затѣмъ оперу «Peter Schmolz» въ 1803 г., также неудачную. Веберъ скоро нашелъ пріютъ у герцога Евгенія Виртембергскаго, доставившаго ему возможность не заботиться о насущномъ хлѣбѣ, товарищей по искусству, благосклонную публику, досугъ для композиторской дѣятельности и возможности, благодаря своей капеллѣ, въ любое время исполнять свои сочиненія. Предоставляя читателямъ лично ознакомиться съ этимъ интереснымъ выпусккомъ, сообщимъ здѣсь, что молодой Веберъ, также не малый гуляка, любившій ходить по ночамъ съ пріятелями съ гитарой въ рукахъ, чтобы пѣть серенады разнымъ красавицамъ, скоро написалъ три патріотическія пѣсни,

исполненные въ Прагѣ въ январѣ 1815 года и имѣвшія громадный успѣхъ, особенно одна, «Молитва предъ битвою», эта своего рода музыкальная декламация, напечатанная въ драматическомъ стилѣ, съ аккомпаниментомъ, представляющимъ высокую звуковую картину сраженія, и затѣмъ кантату «Битва и побѣда»), написанную подъ впечатлѣніемъ извѣстія о побѣдѣ при Ватерлоо въ 1815 году.

Только въ 1820 году онъ написалъ свою знаменитую оперу «Волшебный стрѣлокъ»—самую безукоризненную во всей оперной литературѣ, по словамъ Берлиоза, которая въ первый разъ была исполнена въ Берлинѣ 18-го іюня 1821 года. Она имѣла вездѣ громаднѣйшій успѣхъ. Въ томъ же Берлинѣ 18-го декабря 1897 года ее давали въ шестисотый разъ. **П. Майковъ.**

Н. Н. Сергіевскій. Августѣйшій поэтъ К. Р. (Жизнь и дѣятельность: великій князь Константинъ Константиновичъ, какъ государственный и общественный дѣятель, поэтъ и человекъ. Оцѣнка творчества въ письмахъ нашихъ классиковъ. Мои воспоминанія). Съ портретами, рѣдкими автографами и снимками постановки драмы «Царь Іудейскій». Изданіе журнала «Наша Старина». Пгр. 1915. Стр. 49. Ц. 75 к.

Въ литературной судьбѣ недавно почившаго великаго князя Константина Константиновича поражаетъ одна странность: несмотря на громадную популярность не только среди обычной болѣе или менѣе интеллигентной читающей публики, но даже и среди народа, который распѣваетъ стихи покойнаго поэта, произведеніямъ К. Р. посвящено очень мало критическихъ статей и книгъ; кромѣ критико-біографическаго этюда Г. К. Нелюбина да нѣсколькихъ газетныхъ и журнальныхъ работъ, нечего отмѣтить. Только постановка въ театрѣ Эрмитажа пьесы «Царь Іудейскій» вызвала громадный критическій откликъ на столбцахъ нашей прессы. Желая восполнить этотъ пробѣлъ, Н. Н. Сергіевскій выпустилъ разсматриваемую нами небольшую книжку, имѣющую свою задачу познакомить широкую массу читающей публики съ личностью и поэтическимъ наслѣдіемъ скончавшагося августѣйшаго поэта. Болѣе обширное изслѣдованіе по сему предмету г. Сергіевскій, получившій лично отъ великаго князя цѣнный литературный матеріалъ, обѣщаетъ выпустить въ дальнѣйшемъ.

Сообщивъ біографическія свѣдѣнія о дѣтствѣ и юношествѣ великаго князя Константина Константиновича, о ходѣ его службъ и остановившись подробнѣе на дѣятельности его въ императорской академіи наукъ, авторъ повѣствуетъ о первыхъ шагахъ августѣйшаго поэта на литературномъ поприщѣ и приводитъ выдержки изъ чрезвычайно любопытныхъ писемъ къ великому князю И. А. Гончарова и Н. Н. Страхова, въ которыхъ эти писатели поощряютъ молодого поэта и производятъ цѣнный критическій разборъ первыхъ проявленій его музыки. Напримѣръ, Гончаровъ писалъ: «Первые, стыдливые звуки молодой лиры—всегда трогательны, когда они искренни: т. е. когда перомъ водить не одно юношеское самолюбіе, а просятся наружу сердце, душа и мысль. Такое трогательное впечатлѣніе производитъ букетъ стихотвореній вашихъ...

Это горсть руды, гдѣ опытный глазъ отыщетъ блескъ золота, т. е. признаки таланта. Первый призракъ—робость, нѣкоторое недовѣріе къ себѣ, но еще болѣе вѣрный призракъ—это горячее, почти страстное влеченіе, какое здѣсь видно—выражаться, писать. Что писать? Это скажетъ потомъ жизнь, когда выработается вполне орудіе писателя—перо...».

Произведя бѣглый критическій разборъ поэтическихъ произведеній великаго князя Константина Константиновича, авторъ сообщаетъ много цѣнныхъ и интересныхъ свѣдѣній по исторіи возникновенія драмы «Царь Іудейскій», воспоминаетъ характерные эпизоды, относящіеся къ постановкѣ этой пьесы на сценѣ и игрѣ самого августѣйшаго автора; много интереснаго передаетъ г. Сергіевскій и о своихъ совмѣстныхъ работахъ съ великимъ княземъ по изданіямъ его сочиненій. Заканчивается книга воспоминаніями о послѣднихъ дняхъ жизни великаго князя Константина Константиновича и о послѣднихъ свиданіяхъ съ нимъ автора.

Въ общемъ книга Н. Н. Сергіевскаго даетъ отчетливое представленіе о характерѣ литературнаго наслѣдія незабвеннаго К. Р. и вырисовываетъ привлекательный образъ покойнаго поэта, какъ человѣка гуманнаго, добраго, отзывчиваго и высокообразованнаго. Единственный упрекъ, который можно было бы сдѣлать г. Сергіевскому, заключается въ томъ, что онъ не достаточно отмѣтилъ критическую дѣятельность великаго князя Константина Константиновича, которая по всей справедливости заслуживаетъ также большаго вниманія.

По внѣшности книжка издана очень опрятно и украшена многими рисунками.

Д. М.—ко.

Рѣчи Либанія, перевелъ съ греческаго, съ введеніемъ, примѣчаніями и двумя приложеніями С. Шестаковъ. Т. I. Казань. Стр. 5+XC+522. Ц. 3 р. 60 к.

Либаній былъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ греческихъ профессоровъ краснорѣчія въ IV вѣкѣ по Р. Х. Къ его слушателямъ принадлежалъ, между прочими, и св. Іоаннъ Златоустъ, котораго учитель охотно назвалъ бы своимъ преемникомъ по преподаванію краснорѣчія, «если бы его не похитили христіане». Самъ Либаній былъ слѣпымъ поклонникомъ древняго эллинизма и яростнымъ противникомъ монаховъ, въ которыхъ видѣлъ враговъ красоты, разума и культуры. Литературное наслѣдіе Либанія очень велико. Въ частности однихъ рѣчей его сохранилось шестьдесятъ восемь. Въ настоящемъ томѣ г. Шестаковъ даетъ переводъ восемнадцати, наиболѣе интересными изъ которыхъ являются автобіографія риторы и надгробное слово его императору Юліану, въ которомъ Либаній видѣлъ идеальнаго представителя древнихъ языческихъ вѣрованій. Главное достоинство рѣчей Либанія, помимо ихъ важнаго историческаго и историко-литературнаго значенія, заключается въ ихъ тщательной и изящной внѣшней отдѣлкѣ.

Почтенный переводчикъ не обольщаетъ себя касательно большой распространенности своего труда, замѣчая: «Думаю... что не ошибусь, если скажу, что Либаній не принадлежитъ къ греческимъ авторамъ, къ которымъ обращаются особенно охотно и часто». Тѣмъ болѣе поэтому надо цѣнить огромную

самоотверженностью и усердием, с которыми приступил г. Шестаков к выполнению своей трудной задачи, так как перевод Либанія представляется дѣломъ далеко не легкимъ. Профессоръ Шестаковъ не только внимательно изучилъ тексты риторика по всѣмъ доступнымъ ему изданіямъ и довольно обширную специальную литературу, но и труды общаго характера, посвященные эпохѣ жизни Либанія. Поэтому, кромѣ многихъ подстрочныхъ примѣчаній къ тексту перевода, г. Шестаковъ даетъ еще обширное (въ 90 стр.) введение о жизни ротора и два приложения: 1) Юліанъ въ письмахъ Либанія и 2) Изъ переписки Либанія. Первое изъ этихъ приложений должно служить подготовительнымъ матеріаломъ для подробной характеристики Юліана, которую авторъ имѣетъ въ виду дать въ предисловіи ко второму тому. За точность и вѣрность въ передачѣ греческаго текста ручается имя работавшаго надъ нимъ, принадлежащаго къ числу наиболѣе извѣстныхъ у насъ эллинистовъ, и мы желаемъ только С. П. Шестакову успѣшно закончить его большой трудъ, приносящій безусловную честь русской наукѣ.

А. М.—въ.

Н. М. Затворницкій. Наполеоновская эпоха. Библиографическій указатель. Выпускъ первый. Пгр. 1914. Стр. XIV+328 и 8 отдѣльныхъ таблицъ. Цѣна 3 рубля. Выпускъ второй. Пгр. 1915. Стр. IV+314 и 8 отд. табл. Цѣна 3 рубля.

Вотъ изданіе, появленіе котораго слѣдуетъ привѣтствовать, хотя оно и не лишено недостатковъ, о которыхъ скажемъ ниже.

Еще въ 1911 году авторъ «задался цѣлью дать по возможности полный обзоръ литературы и архивныхъ документовъ, относящихся какъ непосредственно къ событіямъ 1812—1815 гг., «такъ и вообще соприкасающихся съ ними». И въ 1911 г. въ журналѣ «Развѣдчикъ» (№ 1071) г. Затворницкій началъ было печатать такой обзоръ подъ заглавіемъ «Къ исторіи 1812 года»: въ виду близости юбилея Отечественной войны пришлось ограничиться прежде всего указателемъ литературы о 1812 годѣ... Но скоро печатаніе въ «Развѣдчикѣ» «по независящимъ» отъ автора «причинамъ» было прекращено, и лишь въ 1914 г. г. Затворницкому удалось выпустить первый выпускъ уже самостоятельнаго изданія, подъ общимъ вышеприведеннымъ заглавіемъ. Авторъ имѣетъ въ виду прежде всего военныхъ историковъ, а затѣмъ преподавателей и учащихся въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, равно какъ устройствелей полковыхъ чтеній и собесѣдованій, и приглашаетъ указать ему недостатки его работы.

Пользуясь этимъ любезнымъ приглашеніемъ, спѣшимъ указать, что главнымъ недостаткомъ книги является весьма неудобная система расположенія матеріала: заголовки статей приводятся въ томъ самомъ хронологическомъ порядкѣ, въ какомъ онѣ изъ года въ годъ помѣщались въ томъ или иномъ періодическомъ изданіи.

При такомъ расположеніи матеріала, хотя и снабженнаго краткими примѣчаніями о содержаніи той или иной статьи, но лишеннаго до окончанія всей работы (когда оно еще будетъ?) руководящихъ указателей и издающагося, собственно говоря, безъ всякой системы, весьма трудно ориентироваться въ предла-

гаемой массѣ статей, очерковъ, замѣтокъ и проч. Для того же, чтобы найти данныя по тому или иному вопросу, необходимо подробно перечитать всѣ выпуски; не ждать же, пока черезъ нѣсколько лѣтъ появятся, наконецъ. общианые подробные ключи къ общему «библиографическому указателю». Рѣшившись отказаться отъ хронологическаго размѣщенія въ своемъ трудѣ матеріала, трактующаго о событіяхъ до 1812 г. и послѣдующихъ, по причинѣ того, что «въ виду тѣсной связи всѣхъ событій названной эпохи... раздѣленіе указателя на нѣсколько частей, ограниченныхъ точно опредѣленными датами, неизбежно заставляло бы повторяться», составитель, однако, уклонился въ другую крайность, при которой ему не удастся избѣгать ни путаницы, ни повтореній.

Не лучше ли было бы г. Затворницкому остановиться на предположенныхъ къ своему указателю алфавитахъ предметномъ и именномъ, если онъ не рѣшился весь собранный матеріалъ классифицировать по отдѣламъ, напримѣръ: біографіи героевъ 1812 года и проч.

Все изданіе предположено раздѣлить на четыре отдѣла: I. Обзорѣніе «заслуживающихъ вниманія» журнальныхъ статей, относящихся къ наполеоновской эпохѣ, помѣщенныхъ въ русскіхъ періодическихъ изданіяхъ, какъ выходившихъ раньше, такъ и нынѣ выходящихъ; II—«отдѣльныхъ изданій русскихъ и переведенныхъ на русскій языкъ иностранныхъ»; III—«имѣющихъ историческое значеніе документовъ, находящихся въ наиболѣе важныхъ архивахъ» и IV—«перечень иллюстрацій, какъ помѣщенныхъ въ періодическихъ и отдѣльныхъ изданіяхъ, такъ и находящихся въ архивахъ, какъ, напримѣръ, картъ, плановъ, чертежей и т. п.». Не касаясь вообще намѣченнаго плана дѣленія всего труда на четыре отдѣла, укажемъ въ частности, что въ первый выпускъ вошло обзорѣніе «Русскаго Архива», «Вѣстника Европы», «Военнаго Сборника», «Приложенія къ 43 т. Записокъ императорской академіи наукъ», «Сборника императорскаго русскаго историческаго общества» и «Историческаго Вѣстника». Во второмъ томѣ помѣщено обзорѣніе: «Русской Старины», «Сборника историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи», «Древней и Новой Россіи» и опять «Русскаго Архива»... Въ слѣдующемъ 3-емъ выпускѣ предполагается дать обзорѣніе «Русскаго Вѣстника», продолженіе «Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго общества» (выпускъ первый) и не вошедшихъ въ первый выпускъ статей «Вѣстника Европы» и «Историческаго Вѣстника».

Какъ видно, опредѣленнаго научно разработаннаго плана у г. Затворницкаго нѣтъ, и въ каждомъ новомъ выпускѣ можно будетъ находить обзорѣніе не вошедшихъ въ предыдущіе статей или книгъ. Кстаги будетъ замѣтить, что у составителя, повидимому, нѣтъ какой-либо нормы предѣльныхъ лѣтъ, за кои онъ предлагаетъ матеріалы, но, кажется, ограничивается пока юбилейнымъ 1912 годомъ, начиная, какъ и слѣдуетъ, гораздо ранѣе 1812 г. Вообще г. Затворницкій не достигъ намѣченной имъ цѣли; хотя все же трудъ его заслуживаетъ вниманія, а онъ самъ глубокой благодарности, но нельзя не пожелать, чтобы авторъ затрачиваемые энергію, трудъ и средства использовалъ въ предпринятомъ имъ дѣлѣ гораздо продуктивнѣе и въ немно-

гомъ далъ многое, серьезно облегчивъ доступъ къ залежамъ печатнаго матеріала по «наполеоновской эпохѣ».

Въ заключеніе укажемъ еще и на то, что цѣна выпуска въ три рубля—дорогая и было бы справедливо удешевить ее, не помѣщая «портретовъ дѣятелей Отечественной войны и рисунковъ, относящихся къ наиболѣе выдающимся событіямъ».

Д. Вочковъ.

Профессоръ Н. К. Грунскій. Лекціи по педагогикѣ. 2 изд. Юрьевъ. 1914. Ц. 1 р. 50 к.—А. М. Медвѣдковъ. Педагогика для самообразования, школы и семьи. Петроградъ. 1914. Ц. 1 р. 35 к.—П. Θ. Каптеревъ. Дидактическіе очерки. Теорія образования. Изданіе второе. Петр. 1915. Ц. 2 р. 40 к.

Въ послѣднее время, несомнѣнно, замѣтно большое оживленіе въ педагогической литературѣ; книги не только появляются, но и раскупаются и даже выходятъ новыми изданіями. Это очень утѣшительное явленіе: очевидно, пресловутое «чутро» отходитъ въ область преданій и необходимость нѣкоторыхъ познаній изъ области педагогики признается обязательной не только по отношенію къ преподавателямъ и воспитателямъ, но и по отношенію къ семьѣ.

Вышеприведенные три труда весьма различны по своему содержанию. Книга профессора Грунскаго—результатъ его занятій съ ученицами выпускнаго класса. Она въ ясномъ изложеніи даетъ элементарныя свѣдѣнія по общей педагогикѣ и можетъ быть рекомендована какъ пособіе для средней школы. Громкое названіе «Лекціи» въ связи съ ученымъ званіемъ автора не должно наводить на мысль о совершенно иной педагогикѣ. Книжка снабжена прекраснымъ указателемъ педагогической литературы, но цѣна ея слишкомъ высока.

Педагогика А. П. Медвѣдкова имѣетъ въ виду интересы самообразования, школы и семьи. Авторъ съ большимъ стараніемъ и любовью собралъ въ своей книгѣ имѣющийся въ нашемъ распоряженіи матеріалъ и многое освѣтилъ съ своей оригинальной точки зрѣнія. Интересно, напримѣръ, его дѣленіе жизни питомца на возрасты и указаніе соответствующей каждому возрасту воспитательной работы. Слѣдовало только болѣе рѣзко примѣнительно къ каждому возрасту очертить методъ воздѣйствія въ интересахъ физическаго, нравственнаго и умственнаго развитія ребенка и непременно указывать коррективы изъ одной области противъ нежелательныхъ явленій въ другой. Во всякомъ случаѣ книга А. П. Медвѣдкова читается съ большимъ интересомъ.

Первое изданіе «Дидактическихъ очерковъ» П. Θ. Каптерева вышло въ свѣтъ въ 1885 году, въ свое время было удостоено петроградскимъ комитетомъ грамотности золотой медали и давно уже сдѣлалось библиографическою рѣдкостью. Второе изданіе значительно переработано и расширено (въ первомъ 192 стр., во второмъ—434 стр.), такъ что можетъ быть названо почти что новымъ трудомъ, гдѣ послѣ историческаго очерка дидактики выясняется съ присущимъ почтенному автору знаніемъ и глубиною образовательный процессъ и его психологія, рисуется составъ общеобразовательнаго курса и педагогическій методъ, нѣсколько страницъ посвящаются свойствамъ учителя и

обстановкѣ обученія. Книга эта, построенная на научныхъ основаніяхъ, является продуктомъ зрѣлаго ума нашего выдающагося педагога, заслуживаетъ самой горячей рекомендаціи и самаго широкаго распространенія.

Г. Зоргенфрей.

К. Р. «Царь Іудейскій», драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ и 5-ти картинахъ. Спб. 1914. Типографія министерства внутреннихъ дѣлъ. Снимки съ постановки драмы и портретовъ дѣйствующихъ лицъ съ фотографій К. А. Фишера; клише, печать цвѣтныхъ фототипій и гелиографуры т-ва Р. Голике и А. Вильборгъ. Эскизы костюмовъ—подъ наблюденіемъ П. К. Степанова, эскизы декораций Н. Н. Болдырева; эскизы занавѣсей И. Г. Окорокова; цвѣтные рисунки сценъ по фотографіямъ К. А. Фишера исполнены М. И. Хвостенко. Обложка, заставки и цвѣтные портреты П. П. Либена. Стр. 284+12. Цѣна 20 р., въ переплетѣ 25 р.

Извѣстная драма К. Р., данная въ прошлый сезонъ на сценѣ Эрмитажнаго театра, выпущена покойнымъ нынѣ августѣйшимъ авторомъ въ двухъ изданіяхъ. Одно, общедоступное, вышло еще въ началѣ прошлаго года, другое—роскошное—вышло только въ октябрѣ. Текстъ пьесы сопровождается примѣчаніями автора, библиографическимъ указателемъ и указателемъ собственныхъ именъ. Примѣчанія указываютъ на всю громадность гряда въ изученіи эпохи. Кромѣ изображеній, превосходно воспроизводящихъ въ краскахъ всю постановку, въ концѣ книги приложены чертежи планировки декораций каждой картины и даны подробности къ нимъ объясненія. Далѣе помѣщены ноты музыки, написанной А. К. Глазуновымъ для «Царя Іудейскаго». Шествіе на Голгоѳу воспроизведено въ автографѣ композитора, а пѣснь Іисусовыхъ учениковъ напечатана гравюрой. Книга заканчивается «Программой Измайловскаго досуга 9-го января 1914 г.», т. е. афишей Эрмитажнаго театра съ государственнымъ гербомъ въ заголовкѣ, напечатанной красками.

Изданіе—то, что принято обозначать словомъ *lux*. Бумага, переплетъ, рисунки—все отличается возможной роскошью исполненія и является достояніемъ библиотекъ любителей подобныхъ изданій. Это прекрасное воспоминаніе для лицъ, участвовавшихъ въ представленіи пьесы, и для тѣхъ немногочисленныхъ зрителей, которымъ удалось видѣть «Царя Іудейскаго», не разрѣшеннаго духовной цензурой для исполненія на публичныхъ сценахъ. Если и въ будущемъ не послѣдуетъ разрѣшенія давать эту пьесу, то настоящее изданіе явится памятникомъ, увѣковѣчивающимъ единственную постановку поэмы, способной скорѣе настраивать зрителей на высокій строй мыслей, чѣмъ принижать великій евангельскій сюжетъ и оскорблять чувства христіанина.

Р.

**Н. Маркъ. Рисуны Е. Арцеулова. Легенды Крыма. Москва. 1914. Вып. I.
Изд. 2-е. Стр. 43. Рис. 15. Ц. 1 р.**

Какъ особенность нашего времени, нельзя не отмѣтить обилія легендъ и разныхъ сборниковъ таковыхъ, появляющихся теперь на книжномъ рынкѣ. И тѣмъ не менѣе, это кажущееся на первый взглядъ обиліе далеко не исчерпываетъ того огромнаго, еще слишкомъ мало использованнаго матеріала, которымъ такъ богато разнообразное и многообразно-красочное отечество наше.

Вѣдь легенда, или сказаніе, своеобразно, иногда даже превратно передавая какое-либо происшествіе, по обилію бытовыхъ и иныхъ подробностей является именно весьма цѣннымъ историческимъ матеріаломъ, такъ какъ, въ сущности, отражаетъ психологію извѣстной группы людей по отношенію къ какому-либо лицу, предмету или событію.

Вотъ почему записи, собраніе и умѣлую передачу легендъ слѣдуетъ всячески привѣтствовать.

Въ особенности это приходится сдѣлать въ данномъ случаѣ по отношенію сборника генерала Маркса, который, какъ прирожденный крымчакъ, видимо, съ особымъ знаніемъ и любовью относится къ поэтическимъ сказаніямъ Тавриды и, кромѣ того, передаетъ ихъ красиво, литературно и съ сохраненіемъ въ данномъ случаѣ столь цѣннаго мѣстнаго колорита.

Особая глава въ концѣ книги даетъ различныя историко-бытовыя разъясненія, тѣмъ самымъ не нарушая скучными сносками цѣлостнаго впечатлѣнія при чтеніи.

Штриховыя иллюстраціи-заставки каждой легенды, исполненныя молодымъ художникомъ—родственникомъ покойнаго Айвазовскаго—вполнѣ гармонируютъ съ ихъ содержаніемъ.

Внѣшность книги и самое изданіе чрезвычайно красивы и изящны.

Е. Клетнова.

«Вилонскій Временникъ», издается при Муравьевскомъ музеѣ въ Вильнѣ. Книга VI. Архивные матеріалы Муравьевскаго музея, относящіеся къ польскому возстанію 1863—1864 годовъ въ предѣлахъ Сѣверо-Западнаго края. Часть первая. Переписка по политическимъ дѣламъ гражданскаго управленія съ 1-го января 1862 г. по 1-ое мая 1863 г. Составилъ А. И. Миловидовъ. Съ двумя хромолитографическими снимками и шестью цинкографическими факсимиле въ текстѣ. Цѣна 3 р. 75 к. Стр. XVI+462.

Вышедшій въ свѣтъ солидный томъ въ пятьсотъ почти страницъ посвященъ перепискѣ по политическимъ дѣламъ гражданскаго управленія въ періодъ генераль-губернаторства В. И. Назимова, до назначенія въ край на этотъ же постъ М. Н. Муравьева. Всѣ печатаемые въ немъ документы появляются въ свѣтъ впервые, давая обильный матеріалъ для будущей безпристрастной истории революціоннаго движенія 1863—1864 г.г., касаясь періода его дѣятельной подготовки и отчасти первыхъ открытыхъ выступленій революціонныхъ организацій—противъ правительства и русской народности. Матеріалы

эти раскрываютъ намъ всю глубину и ширину революціоннаго движенія, указываютъ его угрожающіе размѣры. Многіе даже серьезные ученые рисовали это движеніе какъ поверхностное, едва ли заслуживающее затраченныхъ на его подавленіе силъ и средствъ, высмѣивая погоню за ничтожными бандами цѣлыхъ отрядовъ и т. п. Въ дѣйствительности, средства и силы, мобилизованныя польскими революціонерами, были очень серьезны и надо отдать должную справедливость организаторамъ движенія, что они умѣло подготовили революціонное движеніе и только выдающійся административный и военный таланты Муравьева съ сравнительно незначительнымъ кровопролитіемъ, небольшими затратами государственнаго казначейства и ничтожными воинскими силами помогли не только подавить мятежь, но положить начало новой жизни въ этомъ краѣ.

Печатаемые документы даютъ яркую картину растерянности нашего правительства, въ лицѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, передъ событіями, которыя не могли быть неожиданными, грубое непониманіе задачъ управленія, боязнь рѣшительныхъ мѣръ и страсть къ палліативамъ, полумѣрамъ, постоянное шатаніе.

Низшая администрація, судя по этимъ документамъ, въ значительной степени состоявшая изъ поляковъ или ополяченная, покровительствовала повстанцамъ.

Ясно представлялъ себѣ размѣръ грядущей катастрофы одинъ лишь генералъ-губернаторъ В. И. Назимовъ, указывавшій на цѣлый рядъ дѣйствительно разумныхъ мѣръ къ подавленію начавшагося революціоннаго броженія и предупрежденію революціонныхъ эксцессовъ, сумѣвшій добиться, несмотря на противодѣйствіе Петербурга, указа объ обязательномъ выкупѣ крестьянамъ, но не имѣвшій твердости и рѣшимости своего преемника, чтобы не только испросить тѣ или иныя мѣры на бумагѣ, но и твердо, неуклонно провести ихъ въ жизнь.

Менѣе, чѣмъ черезъ мѣсяць послѣ своего пріѣзда въ Вильну, Муравьевъ уже оцѣнилъ, какое значеніе не только для подавленія мятежа, но и для измѣненія всей фیزیономіи ополяченнаго края въ будущемъ, чтобы не повторялось это опасное движеніе, имѣетъ привлеченіе симпатій сельскаго населенія къ правительству путемъ улучшенія его матеріальнаго благосостоянія и прекращенія крѣпостной его зависимости отъ польскихъ помѣщиковъ. Въ одномъ изъ неизданныхъ писемъ къ Валуву Муравьевъ пишетъ (отъ 19-го іюня 1863 года): «Сельское населеніе единственная наша опора въ здѣшнемъ краѣ». Сознавъ это твердо, Муравьевъ радикальными, рѣшительными мѣрами осуществляетъ намѣченную имъ программу раскрѣпощенія сельскаго населенія отъ пановъ подъемомъ его производительныхъ силъ, улучшеніемъ его благосостоянія. И ближайшее же будущее показало, какъ онъ былъ глубоко правъ въ этомъ.

«1862 годъ,—говоритъ г. Миловидовъ,—годъ наружнаго успокоенія, когда революція ушла только въ глубь, начала жить внутреннею, не всегда доступною для посторонняго наблюдателя жизнью, въ ней шла разработка внутренней организаціи, она собирала и подсчитывала свои силы, стараясь привлечь народъ; словомъ, въ краѣ шла внутренняя подготовка къ осуществленію послѣдующей кровавой программы».

Печатаемые документы в значительной степени выясняют: 1) исторически сложившиеся общественные элементы революционного движения 1863—1864 г.г., 2) приготовления к возстанію, 3) организацию возстанія и, наконец, первый періодъ возстанія до 1-го мая, правительственныя мѣры противодействия къ подготовленію возстанія и мѣры къ его подавленію. Вотъ краткій перечень богатѣйшаго содержанія «Виленскаго Временника». Документы расположены въ немъ въ хронологическомъ порядкѣ, по мѣсяцамъ; къ изданію этому приложены: подробный указатель личныхъ именъ и географическихъ названій, значительно облегчающій пользование имъ, наконецъ самое оглавленіе составлено очень подробно и способствуетъ легкой ориентировкѣ.

Очень жаль только, что редакторъ, печатая, по своей системѣ, хронологически разные документы, относящиеся къ одному и тому же лицу или вопросу, иногда на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ страницъ, не указываетъ въ сноскахъ на однородные документы, что значительно упростило бы будущему изслѣдователю его работу. Во всякомъ случаѣ нельзя не благодарить редактора за его большой и цѣнный трудъ по приведенію документовъ въ систематическій порядокъ и особенно за его чрезвычайно интересное предисловіе, являющееся какъ бы краткой исторіей подготовительнаго періода польскаго возстанія 1863 года въ предѣлахъ Литвы и Вѣлоруссіи.

И по внѣшности книга издана безупречно, почему усердно рекомендуемъ ее вниманію всѣхъ, кто интересуется не только какъ специалистъ-историкъ, но и какъ просто вдумчивый человѣкъ любопытными и поучительными страницами нашего прошлаго.

В. Мустафинъ.

Проф. Н. В. Ястребовъ. Галиція наканунѣ великой войны 1914 года. Пгр. 1915. Стр. VIII+146. Ц. 1 р. 25 к.

Н. М. Лаговъ. Галичина, ея исторія, природа, богатства и достопримѣчательности. Пгр. 1915. Стр. VIII+123. Ц. 80 к.

Новая книга извѣстнаго историка-слависта посвящена одному изъ наиболѣе любопытныхъ и злободневныхъ вопросовъ современности, о которомъ, къ сожалѣнію, въ нашемъ обществѣ имѣются лишь самыя смутныя представленія. Это—положеніе зарубежной подъяремной Руси, которая, благодаря славнымъ подвигамъ нашей доблестной армии, надѣемся, будетъ возвращена къ единокровной великодержавной Россіи. И наша непремѣнная обязанность—знать, хотя бы въ общихъ чертахъ,—что представляютъ собою эти славянскія области, познакомиться съ ихъ исторіей, такъ тѣсно соприкасающейся съ исторіей Россіи, съ ихъ бытомъ, природными богатствами, съ тѣми политическими и социальными условіями, въ которыхъ приходилось жить нашимъ будущимъ согражданамъ, ибо безъ наличія всего этого мы не въ состояніи будемъ осмыслить и принять должнаго участія въ той исторической задачѣ, выполнить которую придется нашему отечеству по окончаніи настоящей войны, а именно въ собираніи и объединеніи отторженнаго отъ насъ историческою судьбою славянства, вѣками угнетаемаго подъ тяжкимъ «бронированнымъ» кулакомъ воинствующаго германизма. «Это дѣло должно быть довершено,—говорить

профессоръ Ястребовъ,—органическимъ внутреннимъ собираніемъ и объединеніемъ, при усиліяхъ какъ собираемыхъ и объединяемыхъ, такъ и собирателей и объединителей, при работѣ просвѣщенной мысли, твердой и благородной воли надъ устраненіемъ всѣхъ тѣхъ препятствій, которыя за вѣка отчужденія и разединенія накопились въ частяхъ какъ славянства вообще, такъ и самого русскаго народа. Для начала работы въ этомъ направленіи, открывающейся уже сейчасъ, до конца войны, нашъ народъ, особенно его просвѣщенное общество, его власть должны прежде всего знать, что представляетъ собою въ настоящее время тотъ міръ, къ которому Россія обратилась съ призывомъ къ свободѣ и единенію». Эту задачу и обслуживаетъ новая книга проф. Ястребова. Приведа общія соображенія свои о емыслѣ и цѣли настоящей войны, почтенный авторъ въ общедоступной формѣ, не загромождая изложенія излишними деталями, статистическими выкладками и прочимъ спеціальнымъ балластомъ, давящимъ обыкновеннаго читателя, рисуется обстоятельную и отчетливую картину общаго состоянія Галиціи наканунѣ настоящей войны. Давши обзоръ географическаго положенія Галиціи, ея природы, населенія, ознакомивъ съ положеніемъ тамошней церкви и просвѣщенія, профессоръ Ястребовъ особенно подробно описываетъ хозяйственный бытъ Галиціи и ея соціально-политическій строй; далѣе слѣдуетъ исторія Галиціи, причемъ почтенный авторъ рисуется яркую картину возникновенія, развитія и современнаго состоянія галицкихъ просвѣдительныхъ, національныхъ и политическихъ организацій и партій, ведя свой обзоръ въ строго объективной формѣ; послѣдняя часть книги представляетъ наибольшій интересъ, давая возможность ознакомившемуся съ ней разобраться въ настроеніяхъ, программахъ и ежедневной политической борьбѣ различныхъ общественныхъ слоевъ современной Галичины. Къ книгѣ приложена карта Галиціи и Буковины съ Угорскою Русью и указатель по библиографіи разработаннаго вопроса.

Книга Н. М. Лагова также посвящена описанію Галичины и въ сжатомъ видѣ даетъ обзоръ какъ ея многострадальной исторіи, такъ и ея современнаго состоянія, природы, населенія, быта, литературы и печати, хозяйства, промышленности и, наконецъ, современныхъ ея особенностей и достопримѣчательностей, описывая ея города Львовъ, Краковъ, Галичъ, Перемышль, Черновцы, Тарнополь, Стрый и мн. друг. Книга г. Лагова щедро иллюстрирована, и ей, какъ и работѣ проф. П. В. Ястребова, остается пожелать широкаго распространенія среди самыхъ разнообразныхъ слоевъ нашего общества.

Д. А. М.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе управленія нахкзаскаго учебнаго округа. Выпускъ 43-й. Тифлисъ. 1914. Стр. III + IV + 232 + 156 + 176 + VII + 243. Цѣна не обозначена.

Каждый выпускъ настоящаго почтеннаго изданія сообщаетъ много цѣнныхъ матеріаловъ и изслѣдованій, могущихъ интересовать не только уроженцевъ Кавказа, но и всѣхъ любителей археологіи, исторіи и этнографіи. Такъ, на первомъ мѣстѣ стоитъ весьма любопытное описаніе Колхиды, составленное въ

XVII вѣкѣ итальянскимъ миссіонеромъ Ламберти, прожившимъ въ Мингреліи 18 лѣтъ (1635—1653). Это описаніе, переведенное К. Ф. Ганомъ, снабжено любопытными примѣчаніями какъ самого г. Гана, такъ и мѣстныхъ жителей г.г. Кобаліи и Чконіи. Въ этихъ примѣчаніяхъ имѣются высоко интересныя сопоставленія народнаго быта, вѣрованій и нравовъ мингрельцевъ за три вѣка тому назадъ съ современными. По отзыву г. Гана, онъ переводилъ по возможности точно, сохраняя простой и наивный языкъ подлинника. Не имѣя подъ руками итальянскаго оригинала, отказываемся высказать свое сужденіе о достоинствѣ перевода, который читается весьма легко. На стр. 228 переводчикъ, повидимому, не нашель у Страбона цитаты о дурномъ достоинствѣ колхидскаго меда. Это извѣстіе имѣется у древняго географа въ кн. XI, гл. 2, § 17. Затѣмъ В. М. Сысоевъ даетъ всестороннее географическое, этнографическое, историческое и археологическое описаніе Карачая (обширнаго пространства въ бассейнѣ верхняго теченія рѣки Кубани). Нельзя не отмѣтить грустнаго замѣчанія автора на стр. 60: «Говорять, что въ карачаевскомъ языкѣ нѣтъ даже словъ, выражающихъ понятіе объ опрятности». Работа г. Сысоева снабжена любопытными съ этнографической точки зрѣнія рисунками. На третьемъ мѣстѣ извѣстный археологъ Е. С. Такайшвили опубликовалъ въ «Археологическихъ экскурсіяхъ, разысканіяхъ и замѣткахъ» много грузинскихъ надписей, которыя въ значительной мѣрѣ подтверждаютъ и дополняютъ знаменитую грузинскую лѣтопись Картлисъ-Цховреба и другія хроники. И къ статьѣ г. Такайшвили приложено много снимковъ съ надписей и рисунковъ церковныхъ древностей. Наконецъ, послѣднее мѣсто въ книгѣ занимаетъ цѣнный лингвистическій трудъ А. М. Дирра о цахурскомъ языкѣ (въ юго-восточномъ Дагестанѣ Самурскаго округа). Почти всѣ данныя этого изслѣдованія представляютъ совершенную новость для филологической науки. Какъ видно изъ предисловія почтеннаго редактора сборника Л. Г. Лопатинскаго, этотъ солидный трудъ г. Дирра заканчиваетъ изслѣдованіе цикла главныхъ дагестанскихъ языковъ.

Л. Л.

В. Лебедевъ. За государя великаго князя. Историческая повѣсть половины XV вѣка. Москва. Изданіе А. Д. Ступина. 1914. Стр. 96. Цѣна 35 коп.

Въ другомъ мѣстѣ пишущему эти строки довелось отличать В. П. Лебедева среди столь многочисленныхъ авторовъ историческихъ повѣстей для большой публики, какъ писателя, болѣе литературно-цвѣтнаго, болѣе начитаннаго и искренняго.

Въ вышеназванной книжкѣ г. Лебедевъ беретъ канвой для повѣсти драматичную пору—борьбу за великокняжескій престолъ въ родѣ самихъ же московскихъ державцевъ.

Авторъ выводитъ на сцену въ главныхъ роляхъ великаго князя Василія Василіевича, уже пострадавшаго, признаваемаго народомъ опорой внутренняго замиренія и государственнаго укрѣпленія, и Дмитрія Шемяку, какъ бы представителя отжившей пестроты въ распорядкахъ княжествъ.

Примѣромъ доблестнаго стоянія «за государя великаго князя» изображенъ здѣсь бояринъ Федоръ Басенокъ. Онъ безстрашный воюка и вмѣстѣ съ тѣмъ большой почитатель духовенства. Выписываетъ попутно авторъ краски и черты современной культуры и быта. Освѣщаетъ внѣшнюю обстановку въ верхахъ и низахъ, военные приемы тогдашней эпохи, особенности языка въ грамотахъ и толкованіяхъ.

Не всегда удачно воспроизведены, но изящны и выразительны въ общемъ иллюстраціи г. Спасскаго. Рисунки въ подобныхъ книжкахъ всегда обостряютъ воображеніе и интересъ читателя.

А. Налимовъ.

А. Ренниковъ. Золото Рейна. О нѣмцахъ въ Россіи. Со многими рисунками и картами. Пгр. 1915. Стр. 395. Ц. 1 р. 50 н.

Новая книга А. М. Ренникова затрагиваетъ одинъ изъ наиболѣе волнующихъ вопросовъ русской государственной дѣйствительности—о нѣмецкомъ землевладѣніи въ Россіи. Авторъ объѣхалъ Воюинь, Бессарабію, Крымъ, Новороссію и въ формѣ яркихъ фельетоновъ, на основаніи строгихъ фактическихъ данныхъ, изъ бесѣдъ мѣстныхъ представителей народа и общества, на основаніи самолично видѣннаго и слышаннаго составилъ рѣзкую и энергичную отвѣдь и нашей администраціи, проявляющей такую странную медлительность и нерѣшительность въ жгучемъ вопросѣ о ликвидаціи нѣмецкаго землевладѣльческаго засилья, и нашему обществу, часть котораго все еще склонна вѣрить въ лояльность и вѣрнопопданность мирныхъ и трудолюбивыхъ колонистовъ, очутившихся въ положеніи сильно подозрѣваемыхъ благодаря лишь племенному родству съ нашими врагами. Страстно и въ рѣзкихъ краскахъ изображаетъ г. Ренниковъ внутренній бытъ нѣмецкихъ колонистовъ юга, ихъ замкнутость и презрѣніе по всему русскому, ихъ связи съ германскими государственными банками и германскими политическими дѣятелями, характеръ ихъ народнаго образованія, школьныхъ организацій, этихъ очаговъ пангерманизма, сообщаетъ очень пикантныя свѣдѣнія о дѣятельности германскаго Flotten-Verein, рассказываетъ множество поучительныхъ случаевъ, когда русскія предприятия путемъ различныхъ комбинацій и махинацій переходили въ цѣпкія руки нѣмцевъ, подробно останавливается на выясненіи скрытыхъ тенденцій шундизма и менонитовъ, которые въ теченіе долгихъ годовъ растлѣвали религію и духъ русскаго народа. Много очень характернаго рассказываетъ авторъ о нашей мѣстной администраціи и земствѣ, о вліяніи и засильѣ нѣмцевъ въ земствѣ и общественныхъ организаціяхъ, способахъ агитаціи и тактикѣ ихъ во время различныхъ выборовъ и т. д.

Авторъ горячо настаиваетъ на своемъ мнѣніи о томъ, что германская колонизація, идя по заранѣ обдуманнѣмъ направленіямъ, является авангардомъ германскихъ полчищъ, для которыхъ она подготавливаетъ болѣе благопріятныя условія, а потому необходимо сейчасъ, немедленно же и энергично приняться за очистку отъ этихъ опасныхъ и вредныхъ мирныхъ передовыхъ позицій Германіи. Печальныя событія, разыгравшіяся въ Прибалтійскомъ краѣ, до-

статочно удостовѣрили все русское общество и показали намъ, чего можно ждать отъ двояподданныхъ нѣмецкихъ землевладѣльцевъ. Наша трогательная довѣрчивость къ нимъ вызвала цѣлыя потоки солдатской крови, хотя бы, напримѣръ, у мирнаго «господскаго дома въ Шукляхъ», имѣнія русско-подданнаго нѣмца, расположеннаго въ четырехъ верстахъ отъ границы, между Вержболовомъ и Владиславовомъ. Здѣсь, подъ видомъ помѣщичьяго жилища, оказалась цѣлая крѣпость, съ бойницами, канавами, наполненными водой, съ искусственными лощинами въ видѣ траншей и даже съ проволочными заграждениями, которыя рускоподанный нѣмецъ-помѣщикъ лукаво замаскировалъ тростникомъ у рѣчки, пересѣкавшей поляну въ трехстахъ шагахъ отъ дома. И наши войска должны были брать приступомъ эту крѣпость, въ которую засѣли германцы, съ 18-го по 23-е октября. Вотъ каковъ мирный очагъ вѣрно-подданнаго гражданина-нѣмца. Никто не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что и на югѣ не встрѣтятся такихъ помѣщичьихъ крѣпостей. А ужъ о различныхъ сигнализацияхъ съ мельницъ, колоколенъ, о нѣмецкомъ шпионствѣ, о доставленіи всестороннихъ свѣдѣній русскими нѣмцами въ городахъ, занятыхъ германскими войсками и т. п., и говорить нечего. Объ этомъ чуть ли не каждый день пишутъ газеты.

Книга г. Ренникова, такъ страстно изобличающая государственную опасность «внутреннихъ нѣмцевъ» и такъ ярко характеризующая бытъ и права ихъ въ Россіи, несомнѣнно, будетъ встрѣчена съ большимъ вниманіемъ читателями, которые должны ясно сознать, что полная и рѣшительная ликвидація нѣмецкаго землевладѣнія является насущною необходимостью для Россіи. Нужно немедленно же очистить страну отъ нѣмецкихъ арріергардовъ, нужно немедленно же снести эти передовыя позиціи Германіи.

Д. М—ко.

НОВОСТИ ИСТОРИИ.

Нѣмецъ-узурпаторъ царскихъ подарковъ и ливадійскій дьячокъ.—Зловѣщее пророчество о трагедіи перваго марта.—Потревоженныя тѣни крѣпостного вѣка.—Архивъ Философовыхъ.—Новоржевскіе помѣщики и крестьянское раскрѣпощеніе.—Дряхлѣющій феодалъ и новая жизнь.—Изъ жизни А. П. Философовой.—Либеральная жена военнаго прокурора.—Достоевскій среди салонныхъ философовъ.—Левъ Толстой въ разсказѣ яенополянскаго крестьянина.—Глѣбъ Успенскій въ семейномъ бытѣ.—Романъ поповолѣ автора «Растеряевой улицы».

ВЪ ДНИ ГОРЬКИХЪ для національнаго чувства разоблаченій корыстнаго настроенія отдѣльныхъ лицъ, и русскихъ, и иноземцевъ, способныхъ использовать даже тяжелый для родины моментъ въ цѣляхъ наживы, приходится кстати разсказъ В. Кондараки въ «Русской Старинѣ» о томъ, какъ высоко иногда восходило у насъ на Руси злоупотребленіе, нагло разстлавшееся буквально у самаго трона во время пребыванія Царя-Освободителя на южномъ берегу Крыма въ концѣ шестидесятихъ годовъ.

Извѣстенъ характерный анекдотъ о томъ, какъ императоръ Александръ III долженъ былъ однажды отказаться отъ такого, въ сущности, небольшого удовольствія, какъ пить въ Петербургѣ прекрасную дудергофскую воду,—роскошь, какую уже въ его годы могъ позволить себѣ рядовой столичный интеллигентъ. Послѣ перваго же мѣсяца этой роскоши, когда государь поинтересовался узнать, во что она обходится, ему назвали такую внушительную цифру, что, желая сразу положить конецъ наглому воровству, онъ раздраженно отказался отъ своего удовольствія, сказавъ, что оно ему не по средствамъ. Нѣчто аналогичное узнаемъ теперь отъ Кондараки о дворѣ Александра II, гдѣ наглость дворцоваго распорядителя, нѣкоего нѣмца Миллера, сумѣла даже царскую щедрость представить скупостью.

Послѣ постройки въ Ливадіи придворной церкви къ ней были прикомандированы на время царскаго пребыванія лучше изъ епархіи священникъ, дьяконъ и дьячокъ, которымъ не выдавалось ничего, кромѣ прогоновъ и затѣмъ что пожалуетъ императрица. Первые два лица, какъ болѣе обезпеченныя, интересовались повышеіемъ или орденами, но для дьячка, получавшаго какихъ-нибудь пятнадцать или двадцать рублей казеннаго жалованья въ годъ и существовавшаго на счетъ церковныхъ требъ, всего дѣньге были деньги для содержанія оставленнаго имъ дома семейства.

На этотъ разъ командированъ былъ въ Ливадію дьячокъ, у котораго ничего не было, кромѣ большого семейства. Разставаясь съ нимъ, онъ, естественно, въ надеждѣ получить богатые и великія милости отъ царицы, которой будетъ служить и которая справедливо взвѣситъ его нужды и значеніе разлуки съ домою, успѣлъ открыть для семьи кредитъ у различныхъ добрыхъ людей, обѣщавъ имъ съ благодарностью возратить долгъ. Когда окончилась его четырехмѣсячная обязанность въ Ливадіи, гдѣ, разумѣется, во все время не исполнялись никакія требы, дьячку этому Миллеръ предложилъ въ награду пятьдесятъ рублей, т.-е. вдвое меньше, сколько онъ приобрѣталъ въ своемъ приходѣ и сколько необходимо было для расплаты за содержаніе семьи въ его отсутствіе. Миллеръ вообще ухитрился низвести обычныхъ царскія наградныя въ двадцать пять рублей до... трехрублевки.

— Васъ жалуетъ императрица за вашу безупречную службу,—сказала имѣецъ:—пятьдесятью рублями. Потрудитесь расписаться.

Дьячокъ сложилъ руки и не пошевелился.

— Получите вашу награду и распишитесь!—повторилъ Миллеръ.

— Я желалъ бы знать, ваше превосходительство,—спросилъ дьячокъ:—кто меня жалуетъ этою суммою,—императрица или вы.

— Я, кажется, вамъ сказала уже объ этомъ, да и вы сами, вѣроятно, слышали, что здѣсь хозяйка государыня.

— Извините, ваше превосходительство, при всемъ моемъ желаніи повѣрить вамъ я не могу допустить, чтобы ея императорское величество, наша всемилостивѣйшая мать, захотѣла бы оставить меня за безупречную, какъ вы изволили сказать, службу ей въ неоплатномъ долгу.

И бойкій дьячокъ рассказалъ самымъ подробнымъ образомъ, во что ему самому обошлось отсутствіе изъ дома и богатаго прихода.

Миллеръ побагровѣлъ отъ этой смѣлости.

— Такъ вотъ вамъ еще двадцать пять рублей изъ моихъ собственныхъ денегъ, потому что теперь не время докладывать ея величеству и измѣнять распределенія.

— Благодарю васъ, но я не возьму этихъ денегъ, и самъ постараюсь обратить вниманіе императрицы на мое безвыходное состояніе.

— Такъ вы вмѣсто благодарности хотите беспокоить ея величество?

— Меня заставляетъ нужда.

— Въ такомъ случаѣ, вы ничего не получите.

— Не думаю,—отвѣтилъ съ улыбкою дьячокъ и вышелъ изъ канцеляріи камергера.

Пока онъ обдумывалъ, какъ поступить, за нимъ явился посланный. На этотъ разъ Миллеръ объявилъ, что къ подарку императрицы добавляетъ государь сто двадцать рублей и золотые часы.

Завѣдвающаго ялтинскою телеграфною станціею, который во время пребыванія царской фамилии лично трудился, генераль-губернаторъ Коцебу, вѣроятно, видѣвшій списокъ утвержденныхъ наградъ поздравилъ съ денежнымъ пособіемъ въ сто пятьдесятъ рублей. Каково же было изумленіе этого чиновника, когда его потребовалъ Миллеръ и предложилъ ему... ровно половину этихъ денегъ. Телеграфистъ отказался ихъ принять и въ тотъ же день заявилъ объ этомъ Коцебу. У кого остались эти дарственные деньги,—говорить излишне, къ сожалѣнію, злая истина вскрывается только черезъ полвѣка!..

Страшной первоапрельской катастрофѣ, если вѣрить многочисленнымъ заявленіямъ, предшествовало не одно предзнаменованіе. Къ этимъ рассказамъ о воронахъ, прилетавшихъ къ царскому окну, объ огненныхъ мечахъ, протянувшихся въ сонномъ видѣніи кому-то надъ Невскимъ отъ адмиралтейства,—тотъ же Кондараки прибавляетъ не лишній для мистиковъ интереса слѣдующій, зловѣще-пророческій случай, нашедшій мѣсто въ Сергіевской пустыни возлѣ Петрограда.

Въ покояхъ настоятеля пустыни, архимандрита Игнатія, находился превосходнѣйшій портретъ Александра II. Рисовалъ его профессоръ Лавровъ, удостоившійся имѣть два или три сеанса съ натуры. Всѣхъ, кто видѣлъ этотъ портретъ, поражало необыкновенное сходство: государь стоялъ какъ живой. Ниже колѣнъ къ портрету приставленъ былъ другой кусокъ холста, на которомъ пририсованы ноги тѣмъ же художникомъ. Въ это время въ пустыни находился послушникъ, который дважды сходилъ съ ума. Архимандритъ не желалъ принимать выздоровѣвшаго инока въ монастырь, но смотритель дома умалишенныхъ упросилъ принять его, какъ человѣка добраго и усерднаго.

Однажды, рано утромъ, когда шла заутреня, послушникъ, не замѣченный никѣмъ, проникъ въ хлѣбопекарню, схватилъ большую кочергу, раскалил въ печи желѣзо докрасна, бросился съ невѣроятно звѣрскою рѣшимостью на монастырскій дворъ, потомъ въ покои архимандрита къ портрету государя и отчаяннымъ движеніемъ раскаленной кочерги отжегъ ниже колѣнъ ноги, послѣ чего бросился на дворъ въ полномъ сумасшествіи. Послѣ этого сознаніе къ нему болѣе не возвращалось.

Четырнадцать лѣтъ спустя установлено было, что сумасшедшій выжегъ ноги на портретѣ совершенно подобно тому, какъ взрывъ динамитной бомбы, брошенной преступникомъ, испепелилъ ихъ у императора 1-го марта 1881 года.

Въ литературѣ, мелочной и суетливой, все замѣтнѣе отсутствіе серьезныхъ изслѣдованій объ отдѣльныхъ историческихъ лицахъ, какія умѣла оставлять старина. Уходятъ послѣдніе крупные люди, и въ лучшемъ случаѣ память ихъ, кромѣ газетной статьи, увѣнчивается сырыми выдержками изъ ихъ

житейскаго архива. Възъ Барсуковыхъ, умѣвшихъ дѣлать фигуры, хотя бы Погодина, центромъ жизни и писать о немъ и его времени свыше двадцати томовъ, повидимому, миновалъ.

Пріятнымъ исключеніемъ явилось двухтомное изслѣдованіе объ извѣстной А. П. Философовой, дѣятельницѣ русскаго женскаго просвѣщенія, чьи личныя усилія сыграли, можетъ быть, самую видную и почетную роль въ устройствѣ высшихъ женскихъ медицинскихъ курсовъ и курсовъ Вестужевскихъ. Два большихъ и роскошно изданныхъ сыномъ покойной, В. Д. Философовымъ, тома значительны не только возстановленіемъ біографіи замѣчательной русской женщины, но для любителя исторіи, можетъ быть, еще болѣе общей картиной быта родовитой стародворянской семьи, отмѣченной рѣдкою типичностью. Съ любовью и тщательностью и личная біографія, и эта общая картина разработаны А. В. Тырковой на основаніи обильно сохранившихся фамильных документовъ.

Въ передовую по колоритности фигуру выдвигается отецъ будущаго мужа Философовой, Дмитрій Философовъ, стараго завѣта помѣщикъ-крѣпостникъ, образчикъ любопытнѣйшаго дворянскаго самодурства. Вопреки общему тону біографической книги, мѣстами ударающей почти въ панегирикъ, кряжистый старикъ описанъ во всей своей неприглядной непосредственности. Какой-то еще здоровой, не больной и не извращенной, карамазовщиной вѣсть отъ этого образа далеко не глупаго и самобытнаго человѣка, который въ условіяхъ иного политическаго существованія могъ бы блистательно примѣнить и свою желѣзную волю, и честолюбіе, и постоянную игру ума, расходовавшагося на сущіе пустяки да на деспотическое ехидство.

Обладатель наслѣдственныхъ имѣній и денегъ, Философовъ устраиваетъ свой деревенскій уголокъ, какъ земной рай, чуть не съ герцогской пышностью и удобствами. Но этой дѣятельности, разумѣется, мало для того, чтобы занять всю могучую энергію неугомонившагося мужчины, и онъ придумываетъ развлеченія чисто въ Алкивиадовомъ жанрѣ.

Разъ захотѣлось Д. Н. Философову испытать, какъ чувствуетъ себя нищій. Онъ купилъ на рынкѣ рваную бекешу и двѣ недѣли бродилъ по Витебской губерніи, питаясь Христовымъ именемъ. Потомъ, въ удобномъ дормезѣ, со свитой дворовыхъ людей, объѣзжалъ тѣ мѣста, гдѣ его хорошо принимали и развозилъ подарки. Только въ одной усадьбѣ старушка-помѣщица отказалась отъ подарка и очень строго распекала Философова за то, что онъ обращаетъ въ маскарадъ святое дѣло благотворительности.

Съ годами онъ входитъ во вкусъ властвованія и самостоятельности. Въ его усадьбѣ цѣлый гаремъ изъ восьми отборныхъ юныхъ красавицъ, и портретъ фаворитки Матрены, переименованной въ Маргариту, виситъ въ кіотѣ, въ родѣ иконы. Въ свое самодержавіе, въ священство своей хозяйской и отеческой власти Философовъ самъ вѣрится уже настолько прочно, что совершенно всерьезъ считаетъ бракъ родного сына на негодной ему дѣвушкѣ недѣйствительнымъ, разъ онъ произошелъ безъ его родительскаго благословенія.

«Безъ моего благословенія не могло быть благословенія Божія, — пишетъ онъ сыну:— Господь видѣлъ въ дѣйствіяхъ церемоніи воображительнаго тво-

его брака святотатство. Николай Дмитріевичъ, можно обмануть нѣкоторыхъ и даже многихъ слабыхъ людей, но Всевидащаго Ока не обманешь!» Другого своего сына съ его молодой женой изъ какого-то циническаго озорства онъ принимаетъ въ халатѣ, лежа на постели, окруженный гаремными дѣвками въ кисейныхъ платьяхъ на голомъ тѣлѣ.

На фонѣ жестокаго и желѣзнаго вѣка Николая Философовъ не представляеть, впрочемъ, рѣзкаго исключенія изъ дворянской крѣпостнической среды. Онъ просто помѣщикъ, какъ помѣщикъ, и другіе рабовладѣльцы того самаго уѣзда, гдѣ нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ Пушкинъ искалъ прототиповъ для своего романа и повѣстей (Новоржевскій, Псковской губерніи),—по тѣмъ же запискамъ Философовой, не очень далеко обгоняютъ его заботливостью о мужикѣ или мягкостью нравовъ.

«Помѣщики вокругъ насъ были самые дикіе,—разсказываетъ Философова:—одинъ изъ нихъ, Леонидъ Алексѣевичъ Львовъ, былъ очень добродушный человекъ и никого неспособенъ былъ обидѣть. Но онъ увѣрялъ, что освободить народъ не надо, а надо только дѣлать свободными новорожденныхъ,—какъ родится, такъ и дать ему вольную. Совсѣмъ въ другомъ родѣ былъ братъ его, Александръ. Онъ ѣздилъ по уѣзду въ золотой колесницѣ, въ тигровой шкурѣ. Вся дворня была увѣшена какими-то орденами, вродѣ льва и солнца, а сами голые. И онъ голый. Разъ онъ затѣялъ правильный штурмъ Новоржева. Собралъ армію, выкатилъ пушку и осадилъ городъ. Началъ даже пальбу. Хорошо, что исправникъ былъ догадливый. Онъ взялъ какіе-то ржавые ключи, положилъ ихъ на бархатную подушку и торжественно вышелъ навстрѣчу врагу.

«Была у этого сумасшедшаго крѣпостная дѣвушка, которая отказалась стать его любовницей.

«— Значить, ты меня хуже пса считаешь,—сказалъ онъ,—ну, ладно!..

«Онъ привелъ большого свирѣпаго пса и отдалъ дѣвку ему на растерзаніе. У этого Львова въ усадьбѣ была тюрьма, и люди гнили въ его карцерѣ. У другого помѣщика, Нелидова, тоже была тюрьма. Когда настала эмансипація, то эту тюрьму по щепочкамъ разнесли».

Разумѣется, съ жуткимъ чувствомъ и злымъ раздраженіемъ эта среда доморощенныхъ диктаторовъ прислушивалась къ тревожнымъ рѣчамъ о крестьянской волѣ, о гуманномъ царѣ, вѣдушемъ какія-то засѣданія на тему мужицкаго освобожденія. Философовъ не одинокъ въ своей ненависти къ этимъ разорителямъ дворянства, но, какъ и слѣдовало ожидать, его злость выливается въ формѣ исключительно причудливыя и дерзкія.

Послѣ воли наши помѣщики (Псковской губерніи, Новоржевскаго уѣзда) стали злиться. Беззубая была ихъ злоба. Папенька велѣлъ повѣсить портретъ государя вверхъ ногами и опрашивалъ дворовыхъ:

— Государь Александръ Николаевичъ уменъ или глупъ?

И когда они отвѣчали: «уменъ»—онъ ихъ отправлялъ ко всѣмъ чертямъ.

Старикъ даже деньги пересталъ класть въ государственный банкъ и носилъ ихъ при себѣ. Когда ему говорили, что его могутъ ограбить, онъ отвѣчалъ:

«Не могу же я отдать деньги...» и дальше слѣдовало крѣпкое слово по адресу царя-Освободителя.

Гаремъ онъ не распускалъ, и кончилось тѣмъ, что дѣвки сами начали съ нимъ свою расправу. Раскачаютъ на простыняхъ, да и бухъ объ полъ. Онъ написалъ отчаянное письмо мужу Философовой, чтобы тотъ явился его спасать. Мужъ поѣхалъ. Что тутъ было! — восклицаетъ авторъ записокъ. — Крѣпостныя дѣвушки вволю потѣшились надъ барининомъ, когда почувствовали себя свободными. Только прїѣздъ сына оградилъ старика отъ дальнѣйшихъ расправъ. Но Дмитрій Николаевичъ никакъ не могъ понять новаго положенія.

Когда священникъ пришелъ заявить ему, что Катенька выходитъ за поваря, другая за конюха, а третья еще за кого-то, старикъ затопалъ ногами и закричалъ:

— Запрещаю!

Сколько лѣтъ' это слово имѣло волшебную, непреложную власть надъ существованіемъ нѣсколькихъ сотъ взрослыхъ людей, да въ значительной степени и надъ самимъ священникомъ! Но на этотъ разъ служитель церкви, по привычкѣ еще опуская глаза и смущаясь, долженъ былъ объяснить богдановскому феодалу:

— Напрасно, Дмитрій' Николаевичъ, такъ вы себя волнуете. Нельзя уже больше запрещать... Права такого у васъ нѣтъ...

Старикъ вскочилъ и закричалъ на весь домъ:

— Лошадей!

Онъ хотѣлъ немедленно мчаться искать «управы» и возстановленія узурпированныхъ правъ,—его едва удалось уговорить отложить отъѣздъ до утра.

Унылую картину умирающаго этого человѣка, прожившаго большой, барственный и бурный вѣкъ, но не сумѣвшаго снискать ничьей любви, рисуетъ его новая родственница. Полуприживалъ въ своемъ собственномъ домѣ, король безъ подданныхъ, онъ жалко догараеть, все еще не имѣя силъ разстаться съ слабостями молодости, когда уже нѣтъ и тѣни молодыхъ силъ.

«Иногда ночью меня будятъ и зовутъ къ папенькѣ.

«— Что прикажете?

«— Матушка, я хочу раковъ.

«— Гдѣ же мнѣ ихъ теперь достать?

«Онъ благимъ матомъ кричитъ: «Хочу раковъ!» и только тогда успокоится, когда скажешь: «Я сейчасъ пошлю нарочнаго въ Петербургъ». Когда на другой день ихъ привезутъ, онъ смотрѣть не хочетъ. Много было разныхъ сценъ,—больше такихъ, которыя и повторять совѣстно. Поселили мы его рядомъ съ собой на дачѣ. Онъ всякія штуки выкидывалъ, все требовалъ къ себѣ женскую прислугу. Лакеевъ не хотѣлъ. Дѣлать нечего, пришлось нанять ему «мадаму». Онъ сидѣлъ и все любовался, какіе у нея глазки, какой ротикъ. Лакей сидѣлъ передъ нимъ, очерченный мѣломъ на полу, и не смѣлъ за эту черту выступать. Его катали по саду въ креслѣ. Онъ приказалъ подвезти себя къ тому мѣсту, гдѣ мы, дамы, купались и ни за что не хотѣлъ уѣзжать. Тогда я схватила мокрое полотенце и такъ отхлестала его, что онъ уже больше этого не дѣлалъ. А по вечерамъ онъ сидѣлъ и читалъ житія святыхъ».

Жизнь и деятельность самой Философовой еще у всѣхъ на памяти. Можетъ быть, впервые съ такою обстоятельностью прочтеть читатель только страницы о тѣхъ препятствіяхъ, какія должна была преодолѣть русская женщина, чтобы добиться своего права на высшее образование, о министрахъ (А. Д. Толстомъ), которые увѣковѣчили себя фразой, что хлопоты о женской наукѣ—«пустая затѣя!»

И новъ разсказъ о дѣятельности Философовой въ качествѣ прогрессивной женщины, на долю которой иногда выпадала трудная миссія спасти какихъ-нибудь увлекшихся курсистокъ отъ III-го отдѣленія или сыщиковъ. Бывало такъ, что на одной половинѣ ея квартиры шли танцы и порхали кавалергарды, а на дѣтскую половину, украдкой отъ мужа, перетаскивали кипы нелегальщины, спасая какую-нибудь неосторожную отъ жестокихъ послѣдствій сегоднешняго ночного обыска.

«Какія только легенды про меня не ходили,—говорила она о себѣ.—Что я была не безгрѣшна, въ этомъ я каюсь, но надо было стать и въ мое положеніе, оно было тогда ужасно. Мужъ—главный военный прокуроръ, онъ долженъ былъ карать и дѣлать это часто изъ убѣжденія.

«— Пойми ты,—говорилъ онъ мнѣ:—мнѣ противны царевубійцы и вообще всякіе убійцы, не могу и не хочу ихъ шадить.

«— Но пойми и ты, что съ убійцами вы валите въ одну кучу и невинныхъ, и я ихъ буду спасать!»

«И я ихъ спасала, но, конечно, часто случалось, что вмѣсто невиннаго спасу виновнаго. Я была постоянно между двухъ огней. Съ одной стороны, мой мужъ получалъ прокламаціи отъ нигилистовъ, что они его убьютъ и что онъ внесенъ въ списокъ, въ число жертвъ, съ другой стороны правительство высылало моего сына и грозило мнѣ высылкой».

Въ концѣ концовъ ни постоянная осторожность, ни высокое служебное положеніе мужа не оберегли Анну Павловну отъ кары. Безъ шума и огласки, безъ громкаго скандала и безъ неприяностей мужу по службѣ, она была выслана за границу. Катастрофа была вызвана неосторожностью одной курсистки, по прозвищу Качка, которая воспользовалась довѣрчивостью и добротой дочери Философовой.

«Ни о какой революціи,—поясняетъ дочь Философовой,—барышня не думала и просто отдала золотыя вещи бѣдной подругѣ по гимназіи. Когда ее засадили, она написала рядъ писемъ на мое имя, упоминая о золотыхъ вещахъ и прилагая квитанціи. Разумѣется, письма очутились въ рукахъ Дрентельна, онъ вызвалъ отца, и картина получилась внушительная. Выходило, что я дала деньги на революцію, а я просто сунула голодной. Папа допрашивалъ меня при мамѣ; я защищалась».

Качка, повидимому, была только предлогомъ, но Дрентельнъ, придравшись къ этому, дружески посовѣтовалъ генераль-прокурору отправить жену и дочь за границу. «Это было, конечно, та же ссылка, но почетная,—пишетъ Анна Павловна въ своихъ замѣткахъ.—Я была бѣльмомъ на глазу у Третьяго отдѣленія, и они такъ подстроили, что я должна была уѣхать. Мой мужъ разсказывалъ мнѣ о свиданіи съ императоромъ Александромъ II. Государь лю-

билъ и цѣнилъ моего мужа, зналъ его лично и потому дать ему эту аудіенцію». На ней Философовъ услышалъ, что только ради него Анна Павловна удалается за границу, а не въ Вятку.

Записки Философовой даютъ и богатый побочный матеріалъ большой цѣнности, поскольку въ ея домѣ оказывались и такіе люди, какъ Тургеневъ или Достоевскій. Письма того и другого къ Философовой давно опубликованы, но вотъ интересная новая страничка воспоминаній дочери Философовой, М. В. Каменецкой, о нѣсколькихъ встрѣчахъ въ ранней юности съ творцомъ «Преступленія и наказанія».

«Я какъ-то изнывала въ своей ученической комнатѣ,—мнѣ было четырнадцать-пятнадцать,—надъ «остроумной» арифметической задачей о зайцѣ и черепахѣ, когда меня осянила блестящая мысль: пойду-ка я къ мамѣ, тамъ пришесть преподаватель математики въ морскомъ корпусѣ Горенко, онъ мнѣ поможетъ. Кромѣ Горенка, у мамы сидѣло еще нѣсколько человѣкъ и, какъ иногда бываетъ, всѣмъ загорѣлось гонять моего зайца. Вдругъ входитъ Ф. М. Достоевскій. «Въ чемъ дѣло?» И сталъ тоже придумывать разныя комбинаціи, но непремѣнно хотѣлъ, чтобы «черепаха» пришла раньше зайца. «Она, бѣдная, не виновата, что ее такъ Богъ создалъ. А старается изо всѣхъ силъ, а это лучше, чѣмъ заяцъ: «прыгъ-скокъ, и уже поспѣлъ».

«Черезъ нѣсколько дней Федоръ Михайловичъ опять пришелъ къ намъ, какъ оказалось, по дѣлу. Когда мама бывала дома, то къ намъ «на огонекъ» обыкновенно приходило пять-шесть человѣкъ. Сидѣли мы въ такихъ случаяхъ въ ея небольшомъ будуарѣ, и мама сама разливала намъ чай. Разговоръ велъ нѣкій А. А. Навроцкій, служившій въ военномъ судѣ, авторъ популярнаго «Утеса», который студенчество того времени усердно расигвало, и многихъ поэмъ и стихотвореній.

«Въ тотъ вечеръ онъ говорилъ на тему о Мировой Душѣ, Мировомъ Разумѣ (съ большой буквы), говорилъ, что въ данную минуту все это сосредоточено на нашей планетѣ, которая, однако, скоро замерзнетъ, какъ луна (я, разумѣется, уже застыла отъ этихъ словъ, стоя за кресломъ, которое я придвинула Достоевскому) и т. д. Подъ конецъ онъ обращался почти къ одному Федору Михайловичу. Послѣдній молчалъ, потомъ обернулся неожиданно ко мнѣ и, точно хватаясь за соломинку, сказалъ: «Манечка, а черепашка-то добѣжала, какъ вы думаете?» И столь же неожиданно повернулся къ мамѣ и сталъ ей излагать мотивъ своего прихода. Надо было выручать кого-то...

«Помню я Федора Михайловича на большомъ благотворительномъ концертѣ у мамы. Онъ вышелъ изъ залы, гдѣ было ужъ очень жарко, сѣлъ гдѣ-то въ углу, но былъ тотчасъ же окруженъ молодежью, хотя и не любилъ, чтобы его «интервьюировали» (тогда еще не было этого слова), рѣдко доводилъ до серьезныхъ темъ, да и уставшій онъ часто бывалъ до-нельзя. Но я помню его споры съ мамой. Они оба спорить абсолютно не умѣли, горячились, не слушали другъ друга, и тенорокъ Федора Михайловича доходилъ до тамберниковскихъ высотъ. Особенно часто мама съ нимъ спорила по поводу его «право-

славнаго Бога» (тогда Достоевскій издавалъ своей «Дневникъ писателя»). Однажды въ азартѣ мама ему говорить: «Ну, и поздравляю васъ, и сидите со своимъ «православнымъ Богомъ! И отлично!» Услыхавъ такіе «дамскіе доводы», какъ говорилъ Федоръ Михайловичъ, онъ вдругъ громко и добродушно засмѣялся: «Ахъ, Анна Павловна, и горячимся же мы съ вами, точно юнцы!»

Мы слышали свыше мѣры рѣчей объ отношеніи графа Толстого къ мужику, въ частности своему, яснополянскому. Но, за ничтожными исключеніями, почти не слышали, какъ понималъ и принималъ Толстого этотъ русскій мужикъ. Въ «Ежемесячномъ Журналѣ» отвѣтъ на это даютъ записки яснополянскаго крестьянина Зябрева, извлеченныя изъ архива Черткова.

Тонъ рассказчика—тонъ высокой и уважительной симпатіи. Диапазонъ наблюдательности крестьянина, конечно, невеликій. Соприкосновеніе съ нимъ опростившагося мудреца не шло дальше обычныхъ встрѣчъ въ деревнѣ и было лишено психологической углубленности. Но любопытные блики оказались и здѣсь.

Зябревъ былъ еще ребенкомъ, когда Толстой уже сложилъ въ своей душѣ всѣ основы своего послѣдняго міровоззрѣнія. Онъ прошелъ его школу, потомъ воспринялъ его, какъ добраго барина, открещивающагося отъ барства и мечтающаго воспитать свое крестьянство въ идеалахъ мира и человѣчности. Большой ребенокъ, Левъ Николаевичъ радостно воспринимаетъ каждый шагъ деревни въ сторону усвоенія его проповѣди, снисходитъ съ дѣтьми до дѣтскаго разумѣнія, занимаетъ ребятъ чтеніемъ и рассказами, даже записываетъ ихъ въ трезвость, когда тѣ, изъ подражанія взрослымъ, вовлекаются въ эту игру.

— Вотъ это хорошо,—говоритъ имъ Толстой, услышавъ, что и ребятишки хотятъ не отстать отъ взрослыхъ:—садитесь опять всякъ на свое мѣсто.

«Сѣлъ съ нами Левъ Николаевичъ и сталъ намъ рассказывать о винѣ, какія болѣзни отъ него бываютъ, какія остуды, какія разоренія. Потомъ поднялся, поднесъ намъ бумагу. Когда мы подписались, Левъ Николаевичъ сказалъ:

«— Смотрите, не дѣлайте такъ, какъ сдѣлалъ Павелъ-сапожникъ; нынче въ трезвость подписался, а на другое утро въ грязи валялся.

«И началъ рассказывать про сапожника.

«— Иду изъ деревни домой, а передъ этимъ прошелъ дождикъ и сдѣлалась грязь, и вижу, кто-то въ грязи ворочается по дорогѣ внизу около Каменныхъ. Подхожу ближе и вижу—Павель-сапожникъ. Стоитъ на рукахъ и на колѣняхъ и самъ себя не помнитъ, весь въ грязи. Поглядѣлъ я на него и сталъ окликать. Когда онъ мнѣ откликнулся, то я спросилъ его: Павелъ, что ты дѣлаешь, вѣдь ты подписался вина не пить? А онъ, стоя на четверенькахъ, поглядѣлъ на меня, какъ будто ему сдѣлалось стыдно, и сказалъ: «Изъ пьянства вылѣзаю, иду въ трезвость». Недаромъ,—добавилъ Левъ Николаевичъ,—говорятъ: нанілся, какъ сапожникъ».

Опрошеніе знаменитаго писателя, вызывавшее столько ироніи интеллигентнаго общества, отнюдь не казалось юмористическимъ настоящему мужику. Сталкиваясь съ Толстымъ на настоящемъ деревенскомъ дѣлѣ, онъ видѣлъ, что его баринъ въ самомъ дѣлѣ совершенно отрѣшился отъ замашекъ бѣлоручки, онъ заставлялъ его иногда въ такихъ положеніяхъ, какія и ему, мужику, казались тяжелыми. Любопытно, какъ въ эту мужицкую страду волей-неволей попадалъ иногда и гость Ясной Поляны уже изъ настоящихъ бѣлоручекъ.

Однажды съ утра Толстой долго пахалъ вмѣстѣ съ Зябровымъ. Потомъ погода помѣшалась работѣ, и они разошлись. Черезъ нѣкоторое время Зябревъ видитъ, что Левъ Николаевичъ идетъ по Ясной Полянѣ, разувшись, по грязи съ какимъ-то пріѣзжимъ гостемъ. Въ поводу онъ вѣлъ рыжую кобылу. «Отъ своихъ сосѣдей я узналъ, что этотъ гость былъ тульскій губернаторъ Зиновьевъ, и они шли къ тому мѣсту, гдѣ Левъ Николаевичъ оставилъ соху и лапти. Я тоже взялъ свою лошаденку, сѣлъ верхомъ и поѣхалъ привезти соху домой, потому что пахать стало дуже грязно. Подѣзжаю къ пашнѣ и вижу: у Льва Николаевича кобыла заступила задней ногой въ поводъ и завязла въ грязи. Левъ Николаевичъ съ своимъ гостемъ стоятъ по колѣна въ грязи, выпрастываютъ лошадь. Я бросилъ свою лошаденку и подбѣжалъ. Мнѣ какъ-то удалось снять поводъ съ ноги лошади, и мы втроемъ ее выпростили изъ грязи на дорогу. Левъ Николаевичъ полѣзъ грязной рукой въ карманъ, но у него въ карманѣ ничего не оказалось. Онъ говоритъ:

«— Хотѣлъ я тебѣ дать на чай, но у меня сейчасъ нѣтъ ничего.

Распоясалъ съ себя лаковый ремень и подаетъ его мнѣ.

«— На,—говоритъ,—тебѣ онъ годится, ступай, запряги свою соху, а мы тебя здѣсь подождемъ.

«Я запрягъ соху, и мы отправились втроемъ. Левъ Николаевичъ шелъ разувшись, весь въ грязи и распоясанный».

Добрымъ бариномъ, порой прямо добрымъ геніемъ деревенскихъ бобылей проходить Толстой на многихъ страницахъ новыхъ воспоминаній. Собственными руками, съ большимъ увлеченіемъ, онъ строитъ мазанку вдовой бабѣ, возится съ грязью, подсыхающею въ доскахъ, вмѣстѣ съ другомъ художникомъ Ге складываетъ пѣчку, а когда мазанка дѣлается жертвой огня, самъ организуетъ пожарную помощь и старается ее спасти, хотя и безуспѣшно. Крестьянская жизнь развертывается передъ писателемъ во всей полнотѣ, и, познакомясь съ этими записками, не надо спрашивать, откуда Толстой черпалъ иногда фабулы и матеріалъ своихъ рассказовъ и сказокъ изъ народнаго быта. Въ одномъ изъ рассказанныхъ случаевъ о ревнующемъ мужикѣ, отыскивающимъ свою невѣрную жену въ бочкѣ съ разсоломъ въ погребѣ ея любовника, цѣликомъ матеріалъ для тяжелой деревенской драмы. Толстой вступился за оскорбленнаго мужа, кончившаго поджогомъ кабака соперника, и, только благодаря его предстательству, жалкій мужиченко избѣжалъ ссылки на поселеніе.

Хорошо знавшій Глѣба Успенскаго въ дни его молодости А. И. Иванчинъ-Писаревъ продолжаетъ въ «Сѣверныхъ Запискахъ» свой рассказъ о жизни и бытѣ этого симпатичнѣйшаго и беззалабернѣйшаго изъ писательской богемы шестидесятыхъ годовъ. Есть что-то типическое въ передаваемой здѣсь исторіи одного женскаго увлеченія Успенскимъ, бывшимъ тогда въ зенитѣ извѣстности. Къ сожалѣнію, пѣвцу «Растеряевой улицы», мужу любимой и повышенно ревливой жены, эта поэтическая страничка не принесла ни свѣта, ни радости, наоборотъ, создала для него рядъ пренепріятныхъ осложненій, едва распутанныхъ при помощи болѣе энергичныхъ и предпріимчивыхъ друзей.

Какую-то молодую барышню Глѣбъ Ивановичъ плѣнилъ на одномъ студенческомъ вечерѣ, гдѣ вызвался прочесть только что законченную работу надъ біографіей незадолго передъ тѣмъ сошедшаго со сцены Рѣшетникова. Всѣ, знавшіе Успенскаго, оставили согласное показаніе, что онъ умѣлъ быть обязательнымъ въ своей чудесной искренности, простотѣ и природномъ юморѣ, сверкавшемъ порой помимо его воли.

Очаровалась имъ и молодая интересная курсистка, случайная слушательница его чтенія. Она вызвалась пройти съ нимъ до его дома, прогулка затянулась, а закончилась отдѣльнымъ кабинетомъ ресторана, впрочемъ, въ строгихъ тонахъ тогдашняго студенческаго общенія. Говорили, конечно, о вещахъ только идейныхъ.

Увы! Общеніе съ умнымъ и талантливымъ писателемъ такъ увлекло молодую дѣвушку, что съ этого же вечера она стала настойчиво искать съ нимъ встрѣчь. Успенскому, однако, было вовсе не до того. Въ семьѣ его приближались роды. Шли хлопоты, беспокоилъ вѣчный вопросъ о деньгахъ, больная жена ревновала здороваго и увлекающагося мужа. Дѣвушка же каждый день присылала записки по почтѣ съ назначеніемъ писателю свиданій то на Николаевскомъ вокзалѣ, то въ Екатерининскомъ скверѣ, заходила даже съ чернаго хода спросить у кухарки, здоровъ ли Успенскій.

Глѣбъ Ивановичъ былъ уже самъ не радъ тому вечеру. На обѣду, обширное письмо барышни съ откровенными изліяніями и упреками въ жестокости попало въ руки женѣ.

«Сердце ея замерло, когда она увидѣла, какими любовными эпитетами дѣвица уснастила свое обращеніе ко мнѣ... Съ нею сдѣлалась истерика, пришлось приводить ее въ чувство... Меня она встрѣтила слезами и на мой вопросъ, что съ нею, подала письмо, сказавъ, что была увѣрена, что это—рукопись отъ Кривенка... Я старался убѣдить ее, что, если на основаніи этого письма, она пришла къ мысли о моей измѣнѣ, то жестоко ошиблась. Я рассказалъ ей все, какъ было, и просилъ прочесть письмо цѣликомъ. Я думалъ, что все это убѣдитъ ее. Но не достигъ цѣли. Вся въ слезахъ, Александра Васильевна спросила: «Почему же раньше ты не сказалъ мнѣ объ этомъ?» Я хотѣлъ устранить отъ тебя всякое безпокойство,—отвѣчалъ я и сейчасъ же понялъ, что это объясненіе не удовлетворитъ ее. Она сильнѣе расплакалась.

Дѣвица между тѣмъ все настойчивѣе добивалась свиданія. Успенскій встрѣчалъ ее, поджидающую его, у своего дома, бралъ извозчика, но она гналась за нимъ на лихачѣ.

Въ день крестинъ сына, когда совершался обрядъ, раздался неистовый звонокъ въ передней. Успенскій отворилъ дверь. Вошелъ посыльный внушительнаго вида и подалъ письмо. Въ немъ было всего двѣ строчки: «Я—на вокзалѣ. Прому отвѣтить: увижу, или нѣтъ?» Узнавъ, что съ появленіемъ ребенка Успенскимъ нужна няня или горничная, она, нарядившись въ соответствующій костюмъ, пришла наниматься. Писатель боялся даже выходить на улицу изъ опасенія встрѣчи. Иногда въ домъ его посыльные приносили фрукты или цвѣты—все отъ той же неугомонной поклонницы. Разрѣшилась исторія только благодаря вмѣшательству въ эту трагикомедію малодушествоващаго Успенскаго такого энергичнаго человѣка, какимъ былъ Н. К. Михайловскій.

Когда однажды Успенскій гулялъ съ нимъ въ Екатерининскомъ скверѣ, къ нимъ подошла торговка съ лоткомъ, протянула Успенскому лоскутокъ бумаги и говоритъ: «Прочти, кормилецъ, адресокъ: я неграмотная...» «Я взялъ бумажку,—говоритъ Успенскій,—подонешь къ фонарю и... смутился—мой адресъ, взялагуль на бабу—она!.. «Когда же кончится ваше преслѣдованіе!» чуть не закричалъ я... Мой голосъ услышалъ Николай Константиновичъ и подошелъ къ намъ... «И безъ васъ жить не могу!.. Каждый день брожу по улицамъ въ ожиданіи встрѣчи», волнуясь проговорила мучительница.

«— Послушайте,—сказалъ ей Михайловскій.—Присядемъ вонъ на ту лавочку: я хочу поговорить съ вами. Вѣдь вы выдали меня у Ольхина?»—Они отошли въ сторону, а я подралъ домой».

Николаю Константиновичу удалось убѣдить дѣвицу оставить Глѣба Ивановича въ покоѣ. Онъ доказалъ ей, что упорство ея преслѣдованія только угнетаетъ и держитъ преслѣдуемаго въ юстоянномъ страхѣ, и что на такой почвѣ не можетъ родиться симпатія.

Въ объясненіе этой почти истерической исторіи авторъ воспоминаній останавливается на характеристикѣ обаятельной личности Глѣба Ивановича.

Даже поверхностное знакомство съ нимъ вело къ тому, что люди искали его общества, а частыя сношенія порождали глубокую, прочную привязанность. Въ обращеніи къ нему многихъ мужчинъ сказывалась такая нѣжность, что его имя произносилось не иначе, какъ съ добавленіемъ ласкательныхъ эпитетовъ. Нѣкоторые же за глаза называли его любовно «Глѣбушкой». Если такъ относились къ нему мужчины, то женщины, очарованныя имъ, свои симпатіи проявляли еще ярче, и неудивительно, что среди нихъ встрѣчались поклонницы, готовые не считаться съ его семейнымъ положеніемъ.

А. Измайловъ.

Съ 15 августа по 15 сентября въ редакцію «Историческаго Вѣстника» поступили для отзыва слѣдующія книги.

Н. Н. Корольковъ. Отечественная война 1812 года. Изданіе комисіи по завѣдыванію капиталовъ имени графа С. А. Строганова. Пгр. 1915. Стр. 252. Цѣна не обозн.

В. Строевъ, магистръ русской исторіи. Учебникъ русской исторіи для младшихъ классовъ среди учебн. заведеній и высш. начальныхъ училищъ. Изданіе т-ва «В. В. Думновъ, наследн. бр. Салаевыхъ». М. 1915. Стр. 170. Ц. 60 к.

Книжка В. Строева имѣетъ цѣлью дать обзоръ отечественной исторіи въ элементарныхъ разсказахъ о главныхъ ея событіяхъ и лицахъ и въ простыхъ бытовыхъ картинкахъ нашей старины. Книжка состоитъ изъ отдѣльныхъ очерковъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ центромъ какое-либо крупное историческое лицо или событіе; попутно сообщаются необходимыя свѣдѣнія изъ исторіи учреждений и культуры. Книга украшена многочисленными умѣло подобранными рисунками.

А. Бартъ. Царьградъ и окрестности. Историко-художественное описаніе. Пер. съ франц. Н. М. Лаговъ; дополнено Н. Н. Пѣшковымъ. Изданіе т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Пгр. 1915. Сер. 248. Ц. 1 р. 50 к.

Эдуардъ Карпентеръ. Любовь и смерть. Пер. съ англ. Вступительная статья П. Д. Успенскаго. Кн-во М. В. Пирожкова. Пгр. 1915. Стр. XIV+200. Ц. 1 р. 30 к.

Гр. Анри де-Кастри. Исламъ и христіанство въ эпоху завоеваній и владычества

арабовъ. Перев. съ франц. Умать-Гирей Мецхаль. Пгр. 1915. Стр. 47. Ц. 35 к.

Настоящая брошюра повѣствуетъ главнымъ образомъ о взаимныхъ отношеніяхъ между христіанской и мусульманской религіями и представляетъ собою сокращенный переводъ II главы извѣстнаго сочиненія графа Анри де-Кастри «Исламъ». Значеніе настоящей брошюры въ томъ, что она проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на вопросъ о взаимоотношеніяхъ ислама и христіанства, о которомъ русскіе читатели не имѣютъ надлежащаго понятія.

В. Г. Джабагіевъ. Свободная земельная собственность и техника сельскаго хозяйства въ Европѣ. Пгр. 1915. Стр. 45. Ц. 50 к.

Брошюра В. Г. Джабагіева довольно подробно знакомитъ съ ходомъ аграрныхъ реформъ во Франціи, Англіи и даетъ интересныя свѣдѣнія о настоящемъ состояніи землеустройства въ Даниіи и Германіи, а также выясняетъ вопросъ и о техникѣ западно-европейскаго сельскаго хозяйства.

К. А. Тюлеліевъ. Какъ читать римскихъ поэтовъ въ гимназіи. Кн-во т-во «Просвѣщеніе». Пгр. 1915. Стр. 136. Ц. 1 р.

Л. Д. Синицкій. Европа. Очерки географіи. Для старш. классовъ гимназій и для самообразованія. Изданіе общ. «Универсальная Библіотека». М. 1915. Стр. 154. Ц. 80 к.

В. Щелотьевъ. Народныя пѣсни, записанныя въ Полтавской губерніи. (Съ полами). Изданіе полтавской губернской архивной комиссіи. Полтава. 1915. Стр. 57. Ц. 40 к.

И. М. Любомудровъ. Народный лечебникъ домашнихъ животныхъ. Изв. 3-е, исправл. С. Лыскова. 1915. Стр. 108. Ц. 40 к.

Святыни и достопримѣчательности города Великаго Устюга и его окрестностей. Вологда. 1915. Стр. 22. Ц. не обозн.

Вѣшнія воды. Научно-литературно-художественный журналъ. Книга 8—9. Пгр. 1915. Стр. 108. Ц. 70 к.

Н. П. Черепнинъ. Родная исторія. Для начальныхъ училищъ и первоначальнаго обученія. Кн-во «Просвѣщеніе». Пгр. 1915. Стр. 103. Ц. 10 к.

Труды саратовской ученой комиссіи. Вып. 32-й. Саратовъ. 1915. Стр. V+284. Ц. 2 р.

Америка о виновникахъ войны. Отвѣтъ на «Воззваніе къ цивилизованному міру 93 германскихъ ученыхъ» С. Гардена, Черча. Перев. Д. Н. Дмитріева. Кн-во «Лукоморье». Пгр. 1915. Стр. 43. Ц. 50 к.

Басанинъ, Маркъ. Будни. Первая книжка разсказовъ. Пгр. 1915. Стр. 222. Ц. 1 р.

Опрятно изданные, талантливые разсказы живо рисуютъ мелочи нашей повседневной жизни.

Проф. П. Н. Ардашевъ. Курсъ новой исторіи для VII класса мужск. гимназій. Кіевъ. 1915. Стр. 287. Ц. 1 р.

Приноровленная къ программѣ VII класса гимназій книга проф. Ардашева, кромѣ фактовъ политической и военной исторіи, обстоятельно знакомитъ съ областью культурной исторіи. За достоинства этой книги отвѣчаетъ то, что именно она на конкурсѣ учебниковъ по новой исторіи въ 1915 г. ученымъ комитетомъ мин. нар. просв. была удостоена половины большой преміи.

Масонство въ его прошломъ и настоящемъ. Т. II. Подъ редакціей С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова. Изданіе «Задруги» и К. Ф. Некрасова. М. 1915. Стр. XI+265. Ц. не обозн.

В. В. Муйшель ...Съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ. (На восточно-прусскомъ фронтѣ). Изданіе т-ва А. Ф. Марксъ. Пгр. 1915. Стр. 264. Ц. 1 р. 25 к.

Н. Шумскій. Очерки міровой войны на сушѣ и на морѣ. Обзоръ военныхъ дѣйствій на главномъ театрѣ. Съ чертеж. и рис. Изданіе т-ва А. Ф. Марксъ. Пгр. 1915. Стр. 252. Ц. 1 р. 50 к.

Годовой отчетъ Высочайше утвержденного особаго комитета по устройству въ

Москвѣ музея 1812 года. За седьмой 1914—15 годъ. М. 1915. Стр. 57. Ц. не обозн.

Парижскія письма протоіерея Юсіфа Васильевича Васильева къ оберъ-прокурорамъ Святѣйшаго Синода и къ другимъ лицамъ съ 1846 по 1867 гг., изданныя съ біографическими свѣдѣніями и пояснительными примѣчаніями Л. К. Бродскимъ. Пгр. 1915. Стр. 332. Ц. 2 р. 50 к.

Труды полтавской ученой архивной комиссіи. Подъ ред. И. Ф. Павловскаго, А. Ф. Мальцева и Л. В. Падалки. Вып. XIII. Полтава. 1915. Стр. 253+47. Ц. не обозн.

Инж. Н. Б. Емельяновъ. Корни дороговизны. «Организація побѣды». Пгр. 1915. Стр. 101. Ц. 1 р.

Названная брошюра имѣетъ свою цѣлю разобратъся въ одномъ изъ наиболее наболѣвшихъ вопросовъ современности—о дороговизнѣ и намѣчаетъ рядъ мѣропріятій по борьбѣ съ этимъ зломъ нашихъ дней. Написанная простымъ языкомъ, брошюра инж. Емельянова представляель большой интересъ.

Депутатъ отъ Россіи. Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой. Составилъ W. T. Stead. Переводъ Е. С. Мосоловой. Пгр. 1915. Т. I. Стр. V+312. Ц. 1 р. 25 к. Т. II. Стр. 220. Ц. 1 р. 25 к.

Н. Фридрихъ. Краткій очеркъ исторіи чешскаго народа до войны 1914 г. М. 1915. Стр. 53. Ц. не обозн.

И. Аничкова. За что? Разсказъ изъ современной русской жизни. Пгр. 1915. Стр. 100. Ц. 75 к.

Чл. Гос. Д. А. Н. Хвостовъ. Борьба съ нѣмецкимъ засильемъ. Рѣчь въ засѣданіи Гос. Думы 3 августа 1915 года. Пгр. 1915. Стр. 32. Ц. не обозн. (На правахъ рукописи).

А. И. Боргманъ. Повторительный и дополнительный курсъ русской исторіи. (Обзоръ русской культуры). Изданіе т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Пгр. 1915. Стр. VII+416. Ц. 2 р.

Новая работа А. И. Боргмана представляетъ собою дополнительный и повторительный курсъ VII и VIII кл. гимназій и главное вниманіе обращаетъ на сторону культурнаго и государственнаго развитія. Сверхъ министерской программы въ книгу вошли обзоры общественнаго строя Московской Руси, развитія верховной власти въ теченіе императорскаго періода и обзоръ церковной политики XVIII—XIX вв. Книга А. И. Боргмана составлена на основаніи тщательнаго изученія новѣйшихъ

данныхъ исторической науки, что надо поставить въ особую заслугу молодому автору.

С. Бобровъ. Новое о стихосложеніи А. С. Пушкина. Кн-во «Мусагетъ». М. 1915. Стр. 39. Ц. 50 к.

Савватій. Исторія маленькой дѣвочки. Пгр. 1915. Стр. 128. Ц. 1 р.

Ш. Депере. Превращенія животнаго міра. Переводъ Ю. Жемчужникова подъ редакціей и съ предисловіемъ А. Борисяка. Пгр. 1915. Стр. IX+269. Ц. 1 р. 75 к.

Н. Новомбергскій. Вымученныя кабалы въ Московской Руси XVII столѣтія. Пгр. 1915. Стр. 108. Ц. не обозн.

Первоначально вышеозначенная работа была напечатана въ «Журналѣ Министерства Юстиціи», май—іюнь, 1915 г.

Н. В. Алмазовъ. Великая война. Стихотворенія. Вып. 1-й. Петрозаводскъ. 1915. Стр. 64. Ц. 35 к.

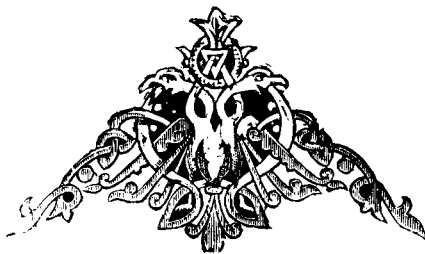
Проф. А. Н. Красновъ. Южная Колхида. Очеркъ. Изданіе П. П. Сойкина. «Знаніе для всѣхъ». Пгр. 1915. Стр. 36. Ц. 50 к.

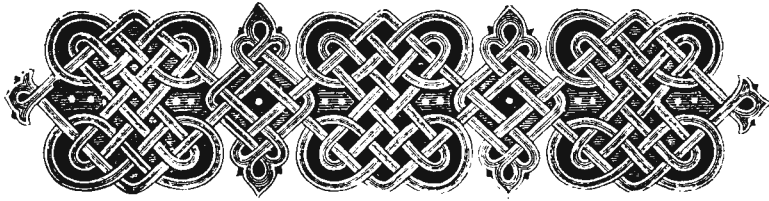
Посмертный очеркъ проф. А. П. Краснова знакомитъ съ природой, населеніемъ и исторіей «Южной Колхиды» южнаго побережья Кавказа. Книга украшена многочисленными хорошо выполненными рисунками въ краскахъ и картой этой области. Въ началѣ книги приложенъ библио-біографическій очеркъ о покойномъ авторѣ.

Сборникъ памяти Анны Павловны Философовой. Т. I. А. В. Тыркова. Анна Павловна Философова и ея время. Стр. XVI+488. Т. II. Статьи и матеріалы. Стр. VII+182. Цѣна за оба тома 10 руб.

Проф. А. Н. Савинъ. Война имперій и міръ ислама. Кн-во «Трудъ». М. 1915. Стр. 24. Ц. 20 к.

Брошюра проф. А. Н. Савина имѣетъ цѣлью освѣтить одинъ изъ интереснѣйшихъ вопросовъ нашихъ дней—именно о той роли, какую играютъ въ настоящей всемірной войнѣ мусульманскіе народы. Книга написана простымъ и яснымъ языкомъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ОСЛѢДНІЕ дни диктатуры Бисмарка.—Въ «Revue de deux Mondes» Эрнестъ Додэ продолжаетъ свои воспоминанія о томъ тяжеломъ и жуткомъ времени, когда во главѣ германскаго правительства оказался Бисмаркъ и со дня на день можно было ожидать, что разразится война съ Франціей. Было это въ 1887 г. Императору Вильгельму I пошелъ уже девяностый годъ. Онъ былъ такъ старъ, что безпрестанно засыпалъ и, вставъ утромъ, не зналъ, доживетъ ли онъ до вечера. Его сынъ и наслѣдникъ Фридрихъ III былъ смертельно боленъ ракомъ въ горлѣ. Его сынъ, теперешній Вильгельмъ II, пока держался въ сторонѣ, хотя стремленіе поскорѣе вступить на престолъ и овладѣть властью заставляло его относиться къ отцу съ такой непочтительностью, которая осуждалась всей Европой.

При такихъ условіяхъ власть всецѣло попала въ руки Бисмарка, который сталъ настоящимъ диктаторомъ Германіи. Разумѣется, всѣ его помыслы и всѣ пружины его политики сводились къ тому, чтобы какъ-нибудь спровоцировать Францію на войну и затѣмъ разгромить ее окончательно. Для этого онъ не пропускалъ ни малѣйшаго случая.

Готовясь къ войнѣ съ Франціей, Бисмаркъ внесъ въ рейхстагъ такъ называемый законъ о септенатѣ, т. е. о семилѣтнемъ срокѣ отбыванія воинской повинности. Законъ этотъ встрѣтилъ сильнѣйшую оппозицію со стороны центра, или католической партіи рейхстага. Чтобы сломить эту оппозицію, Бисмаркъ сначала прибѣгъ къ помощи папы. Тонкій политикъ, Левъ XIII воспользовался этимъ случаемъ, чтобы заставить канцлера отказаться отъ борьбы противъ католицизма, и предписалъ папскому нунцію въ Баваріи оказать давленіе на членовъ центра, но, какъ увидимъ ниже, давленіе это не привело къ желательному для Бисмарка результату. Не брезгая никакими средствами,

этотъ роковой для Европы челоѣкъ ввелъ цѣлую систему запугиванія германскаго общественнаго мнѣнія. Газеты, имъ субсидированныя изъ такъ называвшагося фонда репиглий, наперерывъ старались увѣрить своихъ читателей, что Франція вооружается съ головы до ногъ, что она скапливаетъ на границахъ съ Германіей огромныя массы войскъ и сооружаетъ для нихъ казармы. вмѣстѣ съ тѣмъ клеветы Бисмарка распространяли слухи, что Австро-Венгрія созываетъ экстренно делегации рейхсрата для вотированія чрезвычайныхъ кредитовъ и закупаетъ сто тысячъ лошадей. Вооружается, по ихъ словамъ, и Италія. Стали появляться сообщенія о томъ, что, въ случаѣ столкновенія Германіи съ Франціей сѣверныя державы, т. е. Россія и Англія, будутъ на сторонѣ Германіи. Несмотря на то, что русскій посланникъ въ Берлинѣ, графъ Шуваловъ, а затѣмъ и его англійскій коллега категорически опровергали эти слухи, Мольтке, якобы для защиты отечества, собираетъ въ Эльзасѣ шестьдесятъ три тысячи резервистовъ, издаетъ распоряженіе о запрещеніи вывоза лошадей и предлагаетъ офицерамъ быть наготовѣ.

Въ то же время Бисмаркъ начинаетъ усиленно застрашивать Италію возможностью для нея столкновенія съ Франціей въ Тунисѣ. Чувствуя, что его плутни уже извѣстны императору Александру III, онъ снѣшить замѣститъ въ тройственномъ союзѣ Россію Италіей.

Но все эти ухищренія Бисмарка мало помогли закону о септенатѣ. 25-го ноября 1886 года рейхстагъ внесъ въ него существенную поправку, въ силу которой срокъ военной службы ограничивался тремя годами, и поправка эта была принята католическимъ большинствомъ. Тогда Бисмаркъ распустилъ рейхстагъ и всеми средствами сталъ готовиться къ новымъ выборамъ. Средствами этими были, по обыкновенію, застрашивание, ложь и клевета. На этотъ разъ матеріаломъ для запугиванія якобы неминуемой войной послужила ему популярность во Франціи генерала Буланже, занимавшаго тогда постъ военнаго министра и слывшаго за сторонника реванша. Несмотря на искреннее миролюбіе Вильгельма I, жаждавшаго лишь одного—умереть спокойно, Бисмаркъ заразилъ тревогою и его. Въ числѣ немногихъ французовъ, имѣвшихъ доступъ къ императору, былъ генералъ д'Абзакъ. Бывшій адъютантъ Макъ-Магона, затѣмъ начальникъ главной квартиры президента республики, д'Абзакъ имѣлъ въ Берлинѣ родственниковъ и часто пріѣзжалъ туда. Въ одинъ изъ такихъ пріѣздовъ д'Абзакъ представился Вильгельму I, который зналъ его лично и всегда относился къ нему очень предупредительно.

— Ваша страна хочетъ объявить намъ войну?—спросилъ его императоръ.

Напрасно генералъ пытался разуверить его.

— Я знаю это очень хорошо. Да, да, да,—твердилъ императоръ. И, помолчавъ немного, онъ прибавилъ:

— Несмотря на давленіе, которое оказываетъ на меня военная партія, я не соглашусь никогда объявить войну Франціи, если она сама не нападетъ на насъ. Я слишкомъ старъ, чтобы рисковать достигнутыми побѣдами. Это было бы тѣмъ неблагоразумнѣе, что поведеніе Россіи относительно Германіи возбуждаетъ сомнѣнія. Царь всегда противъ берлинскаго двора.

Въ то же время личный другъ Бисмарка банкиръ Влейхредеръ говорилъ про канцлера:

— Онъ настроенъ мирно. Но онъ боится, что выборы будутъ неудачны для него. Вотъ почему онъ и пугаетъ войной. Послѣ выборовъ все пойдетъ иначе.

Чтобы выиграть ставку и добиться послушнаго рейхстага, Бисмаркъ, или, лучше сказать, его сынъ Гербертъ Бисмаркъ, въ которомъ онъ видѣлъ своего преемника и котораго сдѣлалъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, вызвалъ цѣлый инцидентъ, чрезвычайно обострившій франко-германскія отношенія и встревожившій всю Европу.

21-го апрѣля 1887 года французскій министръ внутреннихъ дѣлъ получилъ телеграмму, что нѣкто Шнебеле, полицейскій комиссаръ пограничнаго эльзасскаго городка Паньи на Мозелѣ, былъ схваченъ германскою полиціей на французской территоріи и арестованъ. Телеграмма эта немедленно была препровождена министру иностранныхъ дѣлъ Флурансу, который по телеграфу просилъ французскаго посла въ Берлинѣ Жюля Эрбетта потребовать объясненій у канцлера. Бисмаркъ въ это время жилъ на дачѣ въ Фридрихеруэ, и Эрбетту пришлось имѣть дѣло съ его сыномъ Гербертомъ Бисмаркомъ.

Несмотря на то, что, какъ выяснилось впоследствии, онъ самъ и инсценировалъ весь этотъ провокаторскій случай, Бисмаркъ-сынъ притворялся крайне изумленнымъ.

— Я не въ курсѣ этого дѣла,—сказалъ онъ послу:—и могу дать вамъ отвѣтъ только послѣ того, какъ будетъ произведено разслѣдованіе.

Но французское правительство не дало себя одурачить. Оно приказало, съ своей стороны, произвести разслѣдованіе, которымъ было установлено, что за нѣсколько дней до инцидента комиссаръ Шнебеле дважды получилъ отъ своего сосѣда, нѣмецкаго комиссара Гаутча приглашеніе выѣхать къ нему на границу для переговоровъ по поводу какого-то мелкаго пограничнаго инцидента, которые безпрестанно случались въ то время на эльзасской границѣ.

Оба документа были сфотографированы въ Парижѣ и отправлены затѣмъ въ Берлинъ. 25-го апрѣля Эрбеттъ, вооружившись ими, явился къ Герберту Бисмарку. Тотъ, повидимому, не зналъ о существованіи этихъ писемъ и былъ непріятно пораженъ такимъ оборотомъ дѣла.

Впрочемъ, онъ быстро оправился и, въ свою очередь, перешелъ въ наступленіе, обвиняя французовъ въ стремленіи вызвать войну. Но Эрбеттъ, не теряя хладнокровія, вернулъ его къ дѣйствительности.

— Это не относится къ дѣлу. Какъ бы то ни было, этотъ арестъ несправедливъ, и отъ имени моего правительства я васъ прошу его отмѣнить.

Переговоры длились еще цѣлую недѣлю.

«Пытаясь запугать меня,—доносилъ Эрбеттъ:—Гербертъ Бисмаркъ громко обвинялъ Францію въ шпіонствѣ, которое совершаютъ французскіе чиновники. Я тоже возвысилъ голосъ и заявилъ, что больше всѣхъ такими средствами злоупотребляетъ сама Германія. Впрочемъ,—прибавилъ я:—не за чѣмъ выходить изъ себя. Будемъ говорить хладнокровно: такъ легче столкнуться».

Германская провокація на этотъ разъ не удалась, и 1-го мая въ нѣмецкихъ газетахъ появилась официальная замѣтка, что Шнебеле перешелъ пограничную черту по приглашенію своего германскаго коллеги для переговоровъ по слу-

жебнымъ дѣламъ и что при такого рода служебныхъ свиданіяхъ разрѣшеніе перейти границу должно подразумѣваться само собой.

Старикъ Бисмаркъ былъ раздраженъ неудачей сына и рѣшилъ отвѣтить эльзасцамъ репрессаліями. Были усилены паспортныя строгости, хотя намѣстникъ Эльзаса и Лотарингіи, князь Гогенлоэ, заявилъ, что затрудненія, создаваемые для эльзасцевъ, вызываютъ въ управляемыхъ имъ провинціяхъ сильное раздраженіе.

Неизвѣстно, что предпринялъ бы злобствующій канцлеръ далѣе, если бы не случился инцидентъ, который сразу заставилъ его прекратить временно травлю французовъ.

Въ 1887 году болгарскій князь Александръ Баттенбергъ принужденъ былъ отречься отъ престола, и на его мѣсто партія стамбуловцевъ посадила австрійскаго принца Фердинанда Кобургскаго. Россія протестовала противъ этого, и ее поддерживали и другія державы, въ томъ числѣ и Германія. Но, поддерживая Россію для видимости, Германія въ дѣйствительности всячески помогала Кобургу, а послѣ заключенія новаго тройственнаго союза, въ которомъ Россія была замѣщена Италіей, вовлеченной въ этотъ союзъ своимъ министромъ Криспи, Бисмаркъ пошелъ противъ Россіи открыто. Подкупленная имъ на деньги изъ «фонда рептилій» печать стала изображать финансовое положеніе Россіи въ самыхъ мрачныхъ краскахъ: Россія, по ихъ словамъ, была наканунѣ государственнаго банкротства, и германскому банку воспрещено было принимать русскія бумажки.

Въ это время въ руки императора Александра III какимъ-то образомъ— это не выяснено до сихъ поръ—понадеетъ письмо Фердинанда Кобургскаго къ принцессѣ Фландрской, въ которомъ Кобургъ подъ секретомъ сообщаетъ, что Германія побуждаетъ его всячески противодѣйствовать Россіи. Негодованіе императора Александра III было такъ велико, что сначала онъ хотѣлъ было совсѣмъ отказаться отъ поѣздки въ Берлинъ, куда собирался ѣхать. Но затѣмъ, пересиливъ свою досаду, государь отправился въ прусскую столицу и здѣсь между прочимъ имѣлъ объясненіе съ Бисмаркомъ.

Сначала старый интриганъ попробовалъ было обмануть своего собесѣдника и сталъ увѣрять государя, что онъ также протестовалъ противъ избранія Кобурга на болгарскій престолъ. Тогда императоръ Александръ предъявилъ ему письмо Кобурга.

Пойманному на мѣстѣ преступленія Бисмарку ничего не оставалось, какъ разыграть изъ себя невинно оклеветаннаго и объявить, что этотъ документъ подложенъ и сфабрикованъ его врагами.

Государь не сталъ его опровергать, но замѣтилъ:

— Вы дѣйствуете въ согласіи съ Австріей, а я не могу допустить, чтобы она ставила препятствія моимъ законнымъ требованіямъ въ Болгаріи.

— Я увѣренъ въ мудрости вѣнскаго кабинета,—отвѣчалъ Бисмаркъ.— Австрія сама не объявитъ войны Россіи. Но если Австрія подвергнется нападенію, то мы обязаны по договору ее защищать.

Послѣ этихъ словъ разрывъ сталъ неизбеженъ, а, совершившись, онъ привелъ къ образованію новаго союза—двойственнаго.

— Гете въ роли военнаго репортера ¹⁾.—Онъ выступилъ въ этой роли 2-го августа 1792 года. Какъ извѣстно, Гете участвовалъ въ походѣ пруссаковъ противъ только что народившейся Французской республики, принявъ приглашеніе своего друга, великаго герцога Саксенъ-Веймарскаго, который командовалъ въ этомъ походѣ однимъ изъ прусскихъ полковъ.

Первыя впечатлѣнія поэта отъ походной жизни были не изъ пріятныхъ, хотя онъ ѣхалъ въ особомъ экипажѣ и не терпѣлъ ни въ чемъ недостатка: его пугала только хвастливость пруссаковъ, твердившихъ о томъ, что они посадятъ на вертелъ всѣхъ французовъ. Напрасно Гете твердилъ, что такое блюдо едва ли могутъ переварить брауншвейгскіе и бранденбургскіе дворянчики, совсѣмъ ослабѣвшіе отъ переходовъ по грязи и недостатка продовольствія. Да и эльзасскіе крестьяне вовсе не обнаруживали склонности питать собою нѣмцевъ. Больше всего поражали въ нихъ Гете гордость, но безъ заносчивости, спокойная увѣренность въ исходъ кампаніи, ихъ зажиточность, которая особенно бросалась въ глаза въ сравненіи съ нищенскимъ видомъ вторгшихся пруссаковъ. Однажды Гете вздумалъ было попотчевать чернымъ хлѣбомъ, который выдавался войскамъ, двухъ мѣстныхъ крестьянъ, правившихъ его экипажемъ, но тѣ отказались, сказавъ, что къ такому хлѣбу они не привыкли. Повидимому, отъ Гете не ускользнула разница между «побѣдителями»—пруссакими, умиравшими съ голоду и отъ дизентеріи, и «побѣжденными»—французами, упорно продолжавшими свое сопротивленіе. Вотъ отчего послѣ битвы при Вальми онъ сказалъ окружающимъ его растерявшимся нѣмцамъ: «Сегодня начинается новая историческая эра и вы можете сказать, что были ея свидѣтелями». Это, впрочемъ, не доставило особой радости нѣмцамъ: новая эра началась для нихъ съ того, что они потеряли свой багажъ, потерѣли пораженіе и едва держались на ногахъ отъ истощенія.

Черезъ мѣсяць французы были уже на Рейнѣ, и Гете, вернувшись къ себѣ, сразу выздоровѣлъ отъ своей воинственности и далъ себя зарокъ больше не вмѣшиваться въ какія бы то ни было военныя авантюры.

Однако припадокъ воинственности явился на слѣдующую же весну: его прежніе полковые товарищи, присоединившись къ гессенцамъ, осаждали теперь Майнцъ, занятый французами. Ихъ было болѣе 70.000 человекъ противъ 20.000 французовъ, бывшихъ подъ командою генераловъ Клебера и Оберъ-Дюбайе. На этотъ разъ Гете разсчиталъ, что поѣздка обойдется безъ особыхъ лишеній. Онъ благоразумно устроился въ главной квартирѣ прусскаго короля въ Маріенборнѣ и не безъ удовольствія слѣдилъ издали за военными операціями. Кромѣ него, были и другіе любители: изъ Франкфурта, Дармштадта и другихъ близъ лежащихъ городовъ стекались цѣлыя массы любопытныхъ, толпившихся обыкновенно на Вейссенаусскихъ высотахъ, откуда открывалась широкая панорама и гдѣ не было ни малѣйшей опасности. По воскресеньямъ тамъ бывала просто давка. Когда часовые замѣчали, что пушки поворачивались въ эту сторону, они кричали: «нагнись», и вся толпа падала ничкомъ на землю. Только одинъ какой-то англичанинъ продолжалъ рисовать, не обращая на предосте-

¹⁾ «Le Temps», № 19986.

реженія ни малѣйшаго вниманія. Стояли прозрачныя майскія ночи, и зрѣлище рвавшихся падъ городомъ бомбъ было «великолѣпно». Въ ночь съ 30-го на 31-ое мая гарнизонъ осажденнаго Майнца сдѣлалъ вылазку, которая была отбита. На другой день Гете постигъ поле битвы, усыпанное трупами. Схватка, видимо, была отчаянная. Трупы огромныхъ прусскихъ кирасировъ, прекрасно одѣтыхъ и въ полной амуниціи, лежали вперемежку съ трупами маленькихъ, худыхъ и оборванныхъ санкюотовъ. Поэту показалось, что тутъ была битва великановъ съ карликами.

Въ исходѣ осады не могло быть никакого сомнѣнія: гарнизонъ Майнца, не имѣя возможности пополнять свои запасы, рано или поздно долженъ былъ сдаться. Эти волонтеры Французской республики, рабочіе парижскихъ предмѣстій, переносили голодъ съ такой веселостью, которая заражала даже нѣмецкіе окопы. Съ высотъ Вейссенау видно было, какъ солдаты гарнизона закидывали сѣти въ воды Рейна, но вмѣсто рыбы вытаскивали трупы лошадей, которыми и утоляли голодъ. Кошка продавалась въ городѣ по шести франковъ. У генерала Оберъ-Дюбайе на парадномъ обѣдѣ подали однажды жареныхъ крысъ. Движимые чувствомъ жалости, бывшіе члены конвента отправили изъ крѣпости въ прусскій лагерь женщинъ, дѣтей, стариковъ и больныхъ, но нѣмцы, прекрасно снабженные всѣми припасами, не приняли этихъ несчастныхъ. Такимъ образомъ, французскому солдату пришлось отдать въ ихъ пользу половину и безъ того скуднаго своего пайка чернаго хлѣба. Не хватало провіанта, зато ложныхъ извѣстій было сколько угодно: и тогдашніе пруссаки уже отличались въ дѣлѣ фабрикаціи фальшивыхъ новостей. То они посылали Клеберу извѣстіе о полномъ пораженіи французской арміи, которая будто бы шла на выручку Майнца, то они устраивали такъ, что французы захватывали въ плѣнъ нѣсколько нѣмецкихъ солдатъ, въ ранцѣ у которыхъ обнаружены были подложныя французскія газеты, которыя были нарочно напечатаны самими нѣмцами, будто бы Парижъ встрѣчаетъ пруссаковъ, какъ освободителей. Однажды Клеберъ былъ приглашенъ въ лагерь осаждающихъ для переговоровъ съ только что прибывшимъ туда членомъ конвента. Генеральъ принялъ приглашеніе и былъ встрѣченъ какимъ-то неизвѣстнымъ человекомъ, который заявилъ ему, что революція кончилась и народное собраніе, раскаявшись въ своихъ прежнихъ поступкахъ, провозгласило дофина Людовика XVII королемъ Франціи. Въ подтвержденіе своихъ словъ мнимый членъ конвента досталъ изъ кармана нумеръ официальной тогдашней газеты «Moniteur de la Republique», въ которомъ были изложены всѣ эти событія. Впослѣдствіи оказалось, что и этотъ нумеръ былъ сфабрикованъ самими нѣмцами.

Несмотря на всѣ хитрости нѣмцевъ, Майнцъ держался до послѣдняго ядра, до послѣдней корки хлѣба. Голодный и измученный гарнизонъ Майнца внушалъ, однако, осаждавшимъ такой страхъ, что, превосходя его вчетверо по численности, побѣдители тѣмъ не менѣе приняли его условія сдачи и позволили французамъ удалиться на родину.

Выходъ изъ крѣпости побѣжденныхъ походилъ на какое-то триумфальное шествіе. Получивъ наканунѣ извѣщеніе объ этомъ, Гете покинулъ Мариенборнъ и пріѣхалъ посмотрѣть на этотъ выходъ. Это было 24-го іюля 1793 г. «Сначала,—

пишеть онъ,—показались линейныя войска, состоявшія изъ быстрыхъ и хорошо сложенныхъ людей». Тамъ и сямъ между солдатами шли юныя обывательницы Майнца, отдавшія свое сердце побѣжденнымъ французамъ. Зрители преслѣдовали ихъ всяческими насмѣшками, но онѣ, смѣясь, въ шагъ съ солдатами шли дальше, дѣлая прощальные знаки рукой: ихъ такъ много, что отъ насмѣшекъ толпа переходитъ къ угрозамъ, особенно когда за войсками потянулись и ремесленники, не пожелавшие разстаться съ трехцвѣтнымъ знаменемъ. Вотъ показываются наконецъ народныя представители съ ихъ безстрастными лицами, въ шляхахъ съ огромными трехцвѣтными кокардами. «Затѣмъ,—пишеть Гете,—появилась колонна марсельцевъ, маленькіе, смуглые, въ лохмотьяхъ, они идутъ мелкимъ шагомъ, словно армія карликовъ. Наибольшее впечатлѣніе произвело шествіе конныхъ стрѣлковъ. Когда они поровнялись съ нами, ихъ музыка заиграла марсельезу—революціонный гимнъ, печальный и вмѣстѣ съ тѣмъ грозный. На этотъ разъ музыканты играли его медленно, сообразуясь съ шагомъ лошадей. Внушительное зрѣлище представляли и эти стрѣлки: взятый въ отдѣльности, каждый изъ нихъ походилъ на Донъ-Кихота, въ массѣ же они внушали къ себѣ большое уваженіе».

Смотря вслѣдъ этимъ удаляющимся Донъ-Кихотамъ, этимъ рыцарямъ свободы, равенства и братства, Гете предчувствовалъ, что онъ еще увидитъ ихъ. И предчувствіе не обмануло его: онъ видѣлъ ихъ опять при Іенѣ.

— «Душа Россіи».—Статья эта¹⁾ интересна для насъ не потому, что говоритъ новое слово, а какъ «знаменіе времени», какъ выраженіе крутого поворота общественнаго мнѣнія въ Англіи въ нашу сторону, какъ искреннее и краснорѣчивое изъясненіе глубокой симпатіи англичанъ къ Россіи.

Не можетъ быть сомнѣнія, что нашъ союзъ съ Англіей чреватъ самыми благотворными послѣдствіями и потому, по нашему крайнему разумѣнію, все, что можетъ содѣйствовать упроченію взаимныхъ національныхъ симпатій, нужно искренно привѣтствовать.

Вотъ вкратцѣ содержаніе статьи.

Не только въ Германіи въ литературѣ и въ обществѣ, но и въ Англіи до послѣдняго времени были ходячими по отношенію къ Россіи и русскимъ выраженія въ родѣ: «дикіе москвиты», «кровожадные казаки», «русскій деспотизмъ», «азиатское варварство», «русское звѣрство», «восточно-славянская quasi-цивилизатія» и т. п. Само собой понятно, что такими эпитетами и фразами характеризовались или, точнѣе, клеймились низшіе слои русскаго народа и главнымъ образомъ крестьянство.

Но, спрашивается, когда же это «русскія орды» причиняли нѣмцамъ или намъ бѣдствія? Вторгались ли онѣ въ наши предѣлы? Не онѣ ли спасли Германію отъ рукъ Наполеона и способствовали созданію нынѣшней Германской имперіи? И не мы ли въ союзѣ съ врагами христіанства и въ ихъ интересахъ безъ повода вторглись въ Россію во время крымской войны? Кто мѣшалъ русскимъ бороться за свободу христіанскихъ націй?

Было, несомнѣнно, много мрачнаго, средневѣковаго въ прошломъ рус-

¹⁾ Переводъ Дермера (Dearmer) изъ Nineteen Century (январь 1915 г.).

скаго народа,—было больше и дольше, чѣмъ у насъ, такого, что задерживало, тормозило его развитіе, его культуру, но вѣдь все темное, злое въ его прошломъ отъ постороннихъ вліяній, а не свое національное, природное, и въ весьма значительной дозѣ за послѣднія два столѣтія отъ той же Пруссіи... Много ли было людей власти въ Россіи за эти два вѣка чисто-русскаго происхожденія? Самъ министръ иностранныхъ дѣлъ въ началѣ прошлаго столѣтія не умѣлъ говорить по-русски.

Развѣ не результатъ той же пруссіанизации Россіи, начатой еще Петромъ Великимъ, русская бюрократическая система—режимъ, натворившій столько зла и затормозившій развитіе русской государственности? Этой бюрократичности не избѣжала даже и православная русская церковь.

Несовершенство самой тенерешней русской Государственной Думы тоже въ извѣстной степени—результатъ прусскаго вліянія.

Война нанесла смертельный ударъ этому проникшему до мозга костей Россіи и душившему ее нѣмецкому вліянію, этому «пруссіанизму».

Таковъ смыслъ перемѣны названій русскихъ городовъ и селеній, начиная съ Петрограда. Трагуня Россію и русскихъ, несомнѣнно, надо имѣть въ виду и на первомъ планѣ тѣ историческія катастрофы, которыя постигали ихъ, которыя выдержалъ русскій народъ. Какая другая европейская нація пережила, перестрадала столько?

И, однако, несмотря на всѣ потрясенія и препоны, эта нація не только сравнялась съ своими болѣе счастливыми сосѣдями на Западѣ, но и обогнала ихъ. Возьмите вопросъ о женской эмансипации, отрезвленіе. Я уже не говорю о томъ, что дала «варварская» Россія въ области литературы, науки и искусства.

Русскіе въ своихъ историческихъ судьбахъ—это армія, выдержавшая ужасные бои, растерявшая своихъ полководцевъ, но ничуть не утратившая свою боеспособности.

Россія обновляется, возрождается, и эта нарождающаяся еще болѣе мощная Русь—есть Русь крестьянская, а не интеллигентская.

Если будущее міра, во что мы вѣримъ, лежитъ въ «людяхъ земли», въ осуществленіи завѣтовъ христіанской религіи, въ установленіи братства людей и народовъ, то Россія можетъ внести неоцѣнимое сокровище въ зданіе жизни новаго вѣка.

Русскій крестьянинъ—это настоящее, неспорченное дитя природы—простое, довѣрчивое, честное и мягкосердечное. Россію принято называть святою, и это вполне основательно: такъ глубоко она религіозна, особенно въ низахъ—въ крестьянскомъ сословіи. Самое слово «крестьянинъ» значитъ христіанинъ ¹⁾. Онъ, правда, крайне нуждается въ образованіи, въ воспитаніи, но зато, когда получить ихъ, онъ станетъ могучимъ двигателемъ цивилизации.

Мнѣніе передовыхъ русскихъ либеральныхъ писателей, во главѣ которыхъ стоитъ графъ Толстой, таково, что Россіи предстоитъ великая цивилизаторская миссія и въ Европѣ, и въ Азіи, что истинный демократическій идеалъ можетъ быть установленъ именно Россією и базисомъ своимъ долженъ имѣть

¹⁾ Авторъ производитъ слово крестьянинъ отъ слова крестъ.
«истор. вѣстн.», октябрь 1915 г., т. схлп.

русское крестьянство—самое демократическое въ мірѣ. Русскій крестьянинъ всегда былъ и остается идеалистомъ чистой воды. Онъ не святой, но изъ одного съ святыми матеріала. Толстой олицетворилъ эту идею, базировавъ ее на словахъ Христа: «блаженн кроткіе, ибо они наследуютъ землю». Онъ повернулся задомъ къ раззолоченымъ салонамъ Петрограда и сталъ предъ лицомъ міра въ простой крестьянской одеждѣ.

Религіозность русскаго человѣка-простолюдина прямо трогательна; она совѣмъ не то, что наша набожность—изношенная, холодная. Мы обыкновенно говоримъ, что заповѣди Нагорной проповѣди недостижимы, но онѣ осуществляются въ русскомъ крестьянствѣ. И если бы Христосъ снова сошелъ на землю, Онъ избралъ бы именно его и благословилъ. Вслѣдствіе своей глубокой религіозности русскій такъ увѣренно и бодро смотритъ теперь, даже при неудачахъ оружія, на будущее: онъ твердо вѣритъ въ побѣду правды надъ неправдою.

И политическое міровоззрѣніе русскаго крестьянина въ сущности тоже религіозное. Отечество русскаго крестьянина—это семья: въ ней его душа. И вся Россія въ глазахъ его—это одна огромная семья, а царь—ея отецъ: терминъ, совершенно не приложимый ни къ одному изъ другихъ государей міра.

Христіанская вѣра есть главное связующее звено въ этой семьѣ, и русскому одинаково близки всѣ православные.

Оттого царь русскій не могъ не заступиться за сербовъ. Народъ требовалъ бы этого.

Русскій крестьянинъ по природѣ уменъ, весьма любознателенъ, вдумчивъ, полонъ поэзіи. Языкъ его отличается замѣчательнымъ остроуміемъ и преисполненъ чисто глубокаго и оригинальнаго юмора.

Но, главнѣе всего, русскій крестьянинъ мягкосердеченъ, глубоко гуманенъ и общителенъ.

Вообще мы того мнѣнія, что славянская раса—раса великаго будущаго.

Занимая пространство отъ Адриатики до Японскаго моря и отъ Арктическаго океана до моря Эгейскаго и пустынь Центральной Азіи подъ сѣнью одной вѣры, многочисленные народы этой расы уже не захотятъ послѣ войны оставаться ни подъ тевтонскою, ни тѣмъ менѣе подъ турецкою властью.

Что касается Россіи, то надо знать, что населеніе этой неизмѣримой страны увеличивается на три милліона въ годъ. Какъ же оно будетъ возрастать, когда борьба съ ненормальною въ ней дѣтскою смертностью станетъ успешною? Стоитъ призадуматься надъ тѣмъ, чего можетъ достигнуть эта нація чрезъ сто лѣтъ?

И эта великая нація съ нами въ союзѣ. Старые слѣпые предрасудки миновали, миновали и недоразумѣнія. Мы стали распознавать русскій народъ и высоко уважать его; наши церкви стали сближаться.

Несомнѣнно, мы, англичане, обладаемъ извѣстными сторонами духа, въ которыхъ нуждается Россія, но и она имѣетъ кое-что такое, чего недостаетъ намъ и что для насъ необходимо.

Кончится война, и обѣ округленные имперіи займутся не выполненіемъ какихъ-либо агрессивныхъ плановъ, а созидательною работою—упроченіемъ общаго дѣла въ Азіи.

Двѣ расы, весьма отличныя между собою по характеру, дополняютъ другъ друга къ общему ихъ благополучію и процвѣтанію въ будущемъ.

— Гибель эрцгерцога Рудольфа и Маріи Вечера.—Война 1914—15 гг. сильно подняла интересъ къ германскому и австрійскому дворамъ и лицамъ, которыя стоятъ въ центрѣ ихъ. На страницахъ «Историческаго Вѣстника» мы уже приводили выдержки изъ мемуаровъ двухъ англичанокъ, касающихся берлинскаго дворца. Обращаемъ вниманіе читателей на недавно вышедшую въ Лондонѣ книгу третьей англичанки¹⁾, которая гдѣ двадцать тому назадъ была приглашена въ качествѣ воспитательницы къ внучкѣ теперешняго императора, единственной дочери эрцгерцога Рудольфа, малолѣтней эрцгерцогини Елизаветѣ-Маріи. Извлекаемъ изъ этихъ мемуаровъ рассказъ о трагическомъ концѣ эрцгерцога Рудольфа, который долгое время представлялся весьма загадочнымъ и который только теперь начинаетъ выходить на свѣтъ Божій. Авторъ воспоминаній, какъ лицо, жившее въ то время въ семьѣ самого эрцгерцога и близкое ко всему, что совершалось въ ея нѣдрахъ, конечно, имѣлъ возможность получать всѣ свѣдѣнія изъ первыхъ же рукъ, и потому его рассказъ не можетъ не заслуживать полнаго довѣрія.

«Кронпринцъ,—читаемъ мы въ мемуарахъ,—пресыщенный, педовольный своей семейной жизнью, уставшій отъ тяжелаго этикета, который господствуетъ при австрійскомъ дворѣ, встрѣтился съ Маріей Вечера (Vetesera) совершенно случайно. Это была прелестная восемнадцатилѣтняя дѣвушка, только что вышедшая изъ монастыря, гдѣ она воспитывалась, свѣжая и наивная, какъ дитя. Пресыщенный эрцгерцогъ, привлеченный этой свѣжестью, сталъ съ невѣроятнымъ цинизмомъ преслѣдовать ее и добиваться свиданій. Ему помогала въ этомъ одна изъ придворныхъ дамъ, которая вѣчно испытывала денежныя затрудненія. Эрцгерцогъ обѣщалъ заплатить всѣ ея долги, если она сумѣетъ войти въ домъ баронессы Вечера. Планъ этотъ удался, баронесса стала посѣщать домъ баронессы и ввела туда эрцгерцога. Тутъ-то и происходили свиданія Рудольфа съ прелестной дочерью баронессы. Опытному Донъ-Жуану, какимъ былъ эрцгерцогъ, не трудно было убѣдить наивную, не знающую жизни дѣвушку, что онъ добьется отъ папы развода и женится на ней.

Потомъ эти свиданія были перенесены въ охотничій замокъ эрцгерцога Мейерлингъ, куда Марія Вечера отправлялась обыкновенно въ сопровожденіи упомянутой выше придворной дамы.

Пріѣхавъ въ роковой день въ Мейерлингъ, Марія Вечера нашла тамъ цѣлую компанію собутыльниковъ Рудольфа и нѣсколькихъ актрисъ, не пользовавшихся хорошей репутаціей. Она страшно разсердилась и обидѣлась на эрцгерцога, который позволилъ себѣ унижить ее до подобнаго общества. Отказавшись отъ ужина, она удалилась въ комнату, которая была отведена

1) *Recollections of a Royal Governess. Lond. 1915.*

спеціально для нея. Къ ней былъ отправленъ съ кушаньями полковникъ Ридль.

Пьянство и неприличное поведеніе собравшихся собутыльниковъ привело кронпринца въ ярость. Въ сравненіи съ другими онъ былъ трезвъ и прекрасно понималъ то ложное и оскорбительное положеніе, въ которое попала баронесса Вечера. Несдержанный въ своемъ гнѣвѣ, онъ обрушился на присутствовавшихъ съ рѣзкими упреками. Завязалась перебранка, быстро перешедшая въ драку. Собутыльники бросились на Рудольфа. Въ общей пьяной свалкѣ кто-то ударилъ его по головѣ бутылкой отъ шампанскаго. Ударъ былъ настолько силенъ, что раздробилъ половину черепа, и осколки бутылки такъ и остались въ мозгу убитаго.

Нѣкоторые, наиболѣе трезвые, быстро сообразили, что Марія Вечера является единственной свидѣтельницей всего происшедшаго и можетъ ихъ погубить. Не долго думая, они бросились къ ея комнатѣ и застрѣлили ее черезъ окно въ тотъ самый моментъ, когда, перепуганная дракой въ столовой, она на колѣняхъ ползла по комнатѣ, видимо, собираясь выскочить изъ окна.

По полученіи извѣстія о смерти эрцгерцога, папа распорядился, чтобы во всѣхъ церквахъ была отслужена заупокойная обѣдня—явное доказательство того, что эрцгерцогъ Рудольфъ былъ убитъ, а не кончилъ жизнь, какъ увѣряли, самоубійствомъ, ибо по самоубійцамъ заупокойной обѣдни у католиковъ не служатъ.

Кромѣ Рудольфа, въ Мейерлингѣ было убито и ранено еще нѣсколько человѣкъ, и лейбъ-медикъ Нидегоферъ то и дѣло носился между вѣнскимъ дворцомъ и охотничьимъ замкомъ. Марію Вечера похоронили ночью при помощи солдатъ. Ея тѣло уже успѣло окостенѣть въ томъ самомъ положеніи—въ какомъ она была застрѣлена, и потому для погребенія ея потребовался не гробъ, а особый широкій ящикъ.

— Н а с л ѣ д с т в е н н о с т ь .—Императоръ Вильгельмъ II, названный при крещеніи Фридрихомъ-Вильгельмомъ, подобно большинству своихъ предковъ-королей, обладаетъ врожденнымъ талантомъ къ искусствамъ и наукѣ и считаетъ себя выдающимся художникомъ, музыкантомъ, поэтомъ, предсказателемъ и, въ особенности, юристомъ. Содѣянные имъ преступленія невольно наводятъ на мысль о сомнительности его юридическихъ познаній и заставляютъ предполагать, что въ юношескомъ возрастѣ, въ періодъ его обученія, ему было преподаано только одно старинное право: право варваровъ.

Однако, несмотря на скудость своего юридического образованія, Вильгельмъ II состоитъ «почетнымъ докторомъ правъ» въ берлинскомъ и пенсильванскомъ университетахъ и до послѣднихъ дней былъ «докторомъ правъ» въ Оксфордѣ. Теперь онъ лишень этого званія, и этотъ прискорбный для него фактъ вполнѣ понятенъ, такъ какъ Англія не могла допустить, чтобы разрушитель всѣхъ существующихъ правъ могъ кичиться почетнымъ званіемъ «доктора правъ» одного изъ знаменитыхъ университетовъ, въ которомъ съ гордостью передаются отъ поколѣнія къ поколѣнію старинныя традиціи средневѣковаго преподаванія.

Утративъ свои главные юридическіе дипломы, Вильгельмъ II все-таки сохранилъ еще ученія званія «доктора медицины» пражскаго университета и «доктора наукъ» университета въ Клозенбургѣ. Германскій императоръ увѣнчанъ научными лаврами почти въ той же степени, какъ и владѣлецъ заводовъ Крушна, и оба они, какъ современные истребители человѣчества, имѣютъ на эти лавры одинаковыя права.

Несмотря на присвоенную ему ученую степень «доктора медицины», кайзеръ Вильгельмъ не счелъ до сихъ поръ нужнымъ обнародовать избранныя имъ методы медицинскаго леченія, которые въ случаѣ ихъ обнародованія, несомнѣнно, стали бы обязательными для всей его имперіи. Поэтому въ настоящее время является крайне затруднительнымъ выяснитъ интересный вопросъ о томъ, вѣрнѣ ли кайзеръ въ наслѣдственность не только въ отношеніи монархическаго престолонаслѣдія, но и въ отношеніи перехода разныхъ болѣзней отъ отцовъ къ дѣтямъ. Вліяніе и проявленія наслѣдственности указаны многими учеными и безусловно заслуживаютъ вѣры, а эта вѣра приводитъ насъ къ нѣкоторымъ наблюденіямъ, весьма характернымъ и чисто-историческимъ.

Въ періодъ своего дѣтства, приблизительно въ 1865 году, сынъ наслѣднаго принца Фридриха, маленькій Фридрихъ-Вильгельмъ, былъ нездоровымъ, болѣзненнымъ ребенкомъ, страдавшимъ частыми болями въ ушахъ и имѣвшимъ на лѣвой, плохо дѣйствовавшей рукѣ страшно изуродованные пальцы. О томъ, откуда появились у него эти физиологическіе недостатки, не замедливъ своевременно сообщить Бисмарку, но сообщеніе это прошло какъ-то незамѣтно, и ранніе недуги нынѣшняго кайзера остались извѣстны только его близкимъ.

Быть можетъ, съ годами эти недостатки и уменьшились въ противоположность тому, что случается съ остальнымъ человѣчествомъ, у котораго они обыкновенно увеличиваются. Быть можетъ, они подверглись существеннымъ измѣненіямъ... Все это составляетъ пока секретъ самого кайзера, который, по званію своему «доктора медицины» пражскаго университета, долженъ быть хорошо освѣдомленъ о состояніи собственныхъ болѣзней.

Теперь ему исполнилось пятьдесятъ шесть лѣтъ, такъ какъ онъ родился въ Берлинѣ 27-го января 1859 года, и этотъ возрастъ, по мнѣнію многихъ авторитетовъ, является для него критическимъ. Его дѣдъ и бабушка со стороны отца—императоръ Вильгельмъ I и императрица Августа—оба умерли въ преклонномъ возрастѣ: первый—девяноста лѣтъ, а вторая—восемидесяти лѣтъ отъ роду, сохранивъ до конца ихъ долгой жизни поразительное здоровье. Его бабушка съ материнской стороны, королева Викторія, тоже достигла возраста, превышавшаго общую норму,—восемидесяти двухъ лѣтъ, но его дѣдъ съ материнской стороны, герцогъ Саксенъ-Кобургъ-Готскій, родившійся 28-го августа 1819 года, умеръ 14-го декабря 1861 года, сорока двухъ лѣтъ, отъ грудной болѣзни, осложненной, повидимому, другими прежними болѣзнями. Отецъ Вильгельма II, императоръ Фридрихъ, родившійся 18-го октября 1831 года, умеръ 15-го іюня 1888 года, пятидесяти семи лѣтъ, отъ рака въ

горла, первые признаки которого обнаружались в мартъ или апрѣль 1887 года, но начало котораго точно установлено не было. Официально о болѣзни наследнаго принца было объявлено в концѣ мая, причемъ сообщалось, что, страдая съ нѣкоторыхъ поръ болями в горлѣ, наследный принцъ довѣрилъ свою особу заботамъ англійскаго врача, доктора Мекензи. В срединѣ ноября болѣзнь значительно усилилась, и тогда нѣсколько специалистовъ были вызваны на консилиумъ в Санъ-Ремо, гдѣ находились тогда принцъ и принцесса. 9-го февраля 1888 года принцъ перенесъ в Санъ-Ремо операцію трахеотоміи и, не вполне еще оправившись, долженъ былъ ѣхать в Берлинъ, такъ какъ его отецъ, Вильгельмъ I, скончался тамъ 9-го марта.

Освѣдомленный врачами о состояніи здоровья своего несчастнаго отца, сынъ императора Фридриха, двадцатидевятилѣтній принцъ Вильгельмъ, нынѣшній германскій императоръ, нетерпѣливо ожидавшій своего восшествия на тронъ предковъ, несомнѣнно, желалъ, чтобы отецъ отрекся отъ власти в его пользу, но Фридрихъ самъ хотѣлъ царствовать и царствовалъ всего три мѣсяца, сведенный в могилу честолюбіемъ того, кто выказалъ теперь всѣми проявленіями своей преступной дѣятельности необузданное властолюбіе, стремленіе къ грубой силѣ и полное презрѣніе къ совѣсти.

Жена императора Фридриха, Викторія-Аделаида-Марія-Луиза, дочь королевы Викторіи, умерла черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ мужа отъ той же самой болѣзни горла.

При болѣзняхъ такого рода наблюдаются, какъ извѣстно, кратковременные періоды улучшенія, а затѣмъ—снова ужасные приступы болѣзни. Рѣдко, однако, развитіе болѣзни происходитъ такъ медленно, какъ оно происходило у императрицы Викторіи. Нормальное развитіе ея таково, какъ оно наблюдалось у наследнаго принца, впоследствии императора Фридриха III; болѣзнь развилась в періодъ съ марта 1887 по іюнь 1888 года, а сдѣланная ему операція задержала развитіе болѣзни всего лишь на четыре мѣсяца. Эта операція обезпечила англійской принцессѣ долго ею жданную императорскую корону, но потомъ, послѣ ста двадцати шести дней не прекращавшихся страданій, мужъ ея, несчастный императоръ, который былъ самымъ почетельнымъ изъ всѣхъ сыновей и которому пало на долю претерпѣть передъ самой смертью потрясающій захватъ принадлежавшей ему власти и достоинства со стороны его собственнаго сына, отошелъ уже нѣмымъ и безгласнымъ в вѣчную, невѣдомую намъ тишину.

Кто можетъ сказать опредѣленно, дѣйствительно ли императоръ Вильгельмъ страдаетъ болѣзnią горла? Вѣренъ или не вѣренъ тотъ слухъ, что ему грозитъ неминуемая операція? Правильно ли утвержденіе нѣкоторыхъ врачей, что ракъ является болѣзnią наследственной?

Отецъ и мать Вильгельма II умерли отъ этой болѣзни. Не умретъ ли отъ нея и онъ, неистовый кайзеръ? Отъ операціи трахеотоміи до смерти остается не болѣе, какъ четыре мѣсяца. Хватитъ ли его на этотъ срокъ?

Кто можетъ утверждать положительно, что, по приговору вѣчнаго правосудія, дурной сынъ не носитъ в себѣ, вмѣстѣ съ отцовскимъ проклятіемъ, неизбѣжную кару в видѣ смертельной болѣзни!

— Гоголь и Диккенсъ. Пикквикъ и Чичиковъ.— Интересъ къ Россіи сильно сказывается теперь въ Англии. Произведенія русской литературы дѣлаются темой лучшихъ англійскихъ критиковъ. Приводимъ изъ еженедѣльника «The Outlook» (№ 918) одну изъ такихъ критическихъ статей, посвященныхъ сравненію двухъ великихъ юмористовъ—Гоголя и Диккенса.

«Юмористы,—говоритъ авторъ,—рѣдко удерживаютъ свое воображеніе въ узкихъ предѣлахъ: въ своихъ произведеніяхъ они захватываютъ огромное количество типовъ, которые позволяютъ психологу уловить національныя особенности. Бѣдный полупомѣшанный Донъ-Кихоть въ поискахъ за приключеніями странствуетъ по всей странѣ и такимъ образомъ даетъ автору возможность вывести множество лицъ, съ которыми сталкивается его герой. Диккенсъ также заставляетъ своего Пикквика, этого купца, удалившагося на старости лѣтъ отъ дѣловой жизни, путешествовать съ своей компаніей по всей Англии. У Гоголя, который ближе всего подходитъ къ англійскому романисту по отсутствію въ немъ раздраженія, Чичиковъ также странствуетъ безостановочно.

Гоголь, какъ и Диккенсъ, началъ писать еще молодымъ человѣкомъ. У того и другого была одна и та же цѣль—изобразить своихъ земляковъ широкими чертами, чтобы читатель могъ смѣяться надъ ними¹ и не захотѣлъ бы имъ подражать. Кратковременныя занятія Диккенса въ конторѣ адвоката дали ему возможность познакомиться съ юридической казуистикой его времени и видѣть, какъ простодушные люди, въ родѣ Пикквика, дѣлаются жертвами такихъ дѣльцовъ, какъ Додсонъ или Фогъ. Гоголь, также вкусившій чиновничьей службы, нашель, подобно Диккенсу, не мало для себя матеріала въ рядахъ испорченной бюрократіи. У Гоголя фономъ всей картины русскихъ правовъ, портретовъ всѣхъ этихъ Маниловыхъ, Ноздревыхъ, имена которыхъ стали въ Россіи нарицательными именами, служатъ приземистыя жилища, неряшливо обставленныя комнаты. Диккенсъ, наоборотъ, рисуетъ уютныя, зажиточныя фермы, въ родѣ той, на которой мистеръ Уордъ принимаетъ Пикквика и его друзей. Оба героя—англійскій и русскій—какъ нельзя лучше выражаютъ духъ своего времени. Англія сороковыхъ годовъ наслаждалась глубокимъ миромъ, богатѣла, обставлялась съ комфортомъ, который занимаетъ едва ли не первое мѣсто въ произведеніяхъ писателей начала царствованія королевы Викторіи—Чичиковъ—представитель глухого безвременья, и самая мысль объ освобожденіи рабовъ приводитъ его въ ужасъ. Герой Гоголя—плутъ, но и въ немъ авторъ умѣетъ найти иныя, лучшія чувства, заглушенныя въ немъ суровыми условіями дѣтства. Подобнымъ же образомъ поступаетъ и Диккенсъ, преобразая своихъ героев—плута Джингля и его слугу Джоба, когда за долги они попадаютъ въ тюрьму.

Одна изъ прелестей, которая чаруютъ въ Диккенсъ,—это идеализація деревенской жизни. Онъ хорошо зналъ Лондонъ съ самаго своего быстро промелькнувшаго дѣтства, зналъ его тюрьмы и закоулки, и въ противоположность имъ любилъ рисовать старомодныя провинціальныя гостиницы, гдѣ подавались такіе вкусныя ростбифы и устрицы. Когда ему случается говорить о сельской фермѣ, онъ непременно вспомнитъ и о рождественскихъ праздникахъ, не

забывая упомянуть и о вкусных блюдах, которые къ нимъ приготовляются. Въ провинціальномъ обществѣ онъ чувствуетъ себя какъ знатный иностранецъ и встрѣчаетъ пріемъ, обычно оказываемый хорошо одѣтымъ людямъ.

Гоголь тоже умѣетъ цѣнить уютъ домашней обстановки, и пріятность разныхъ вкусныхъ вещей, въ родѣ блиновъ, ватрушекъ, икры. Гостиницы у него далеко не такъ привлекательны, какъ у Диккенса, но въ Россіи въ нихъ нѣтъ и особой нужды. Его хозяйки, въ родѣ Коробочки, такъ близко подходят къ типамъ Диккенса, что, кажется, англійскій и русскій юмористъ—оба могли бы написать ихъ съ одинаковымъ мастерствомъ.

Замѣчательно, что въ «Мертвыхъ душахъ» и въ «Запискахъ Пикквикскаго клуба» любовь почти не играетъ никакой роли. У Диккенса мистеръ Пикквикъ никогда не влюблялся раньше, и лишь во время его странствованій что-то похожее на нѣжное чувство къ Арабеллѣ Алленъ закрадывается въ его душу. Въ «Мертвыхъ душахъ» лишь на минуту мелькаетъ милый образъ Улиньки, отгбняя Тегтетникова, мирно проводящаго свою жизнь въ мечтахъ и грезахъ. Передъ Чичиковымъ она проносится, какъ видѣніе, мимолетно, а затѣмъ его опять обступаютъ, какъ и Пикквика, смѣшныя, уродливыя фигуры.

Диккенсъ поетъ славу стариннымъ тарантасамъ съ ихъ несообщительными пассажирами, принужденными почевать гдѣ-нибудь въ деревенской гостиницѣ, съ ихъ дюжими кучерами и крѣпко подкованными лошадьми, бѣгущими разнѣреннымъ шагомъ.

Гоголь—также поэтъ старомодныхъ бричекъ, быстро несущихся по проселочнымъ русскимъ дорогамъ. Стоитъ только вспомнить извѣстное лирическое мѣсто, гдѣ Гоголь говоритъ о русской тройкѣ.

— Англо-русская книга о нѣмецкомъ засильѣ.—Недавно мы указывали на страницахъ нашего журнала на прекрасную книгу французскаго ученаго г. Омана, посвященную исторіи французскаго вліянія на Русію. Но Русь пережила въ своемъ духовномъ и государственно-бытовомъ развитіи не одно французское вліяніе: гораздо сильнѣе внѣдрилось въ ней германское засиліе, и нашимъ историкамъ давно слѣдовало бы написать исторію этого засилія, показать, какъ постепенно нѣмцы охватывали нашу родину тысячею щупалець, какъ обезличивали они наше общество и постепенно подмѣняли наши порядки и государственныя понятія другими, нѣмецкими. Къ сожалѣнію, въ нашей довольно обширной исторической литературѣ такой работы до сего времени не существуетъ. Произошло это, очевидно, по двумъ причинамъ. Съ одной стороны, наши ученые воспитаны въ преклоненіи передъ Германіей, а съ другой—тронуть зловерное вліяніе Германіи до самой войны было опасно: у нѣмцевъ вѣдь такіе сильные покровители въ русскомъ правительствѣ!

За отсутствіемъ на русскомъ языкѣ работъ на тему объ исторической денаціонализации Руси нѣмцами, намъ хочется обратить вниманіе читателей на небольшую книжку, вышедшую на дняхъ въ Лондонѣ и принадлежащую перу русскаго журналиста г. Веселитскаго ¹⁾. Несмотря на небольшой объемъ, эта книжка даетъ яркую картину германизации нашей страны. Попутно г. Веселит-

¹⁾ Russia and democracy. Lond. 1915.

скій сражается и съ тѣми, немногочисленными теперь, англичанами, которые все еще твердятъ о невозможности для свободной Англїи итти рука объ руку съ Россїей, режимъ которой представляется имъ чѣмъ-то азіатскимъ. Авторъ доказываетъ этимъ господамъ, что оторванный отъ общества и народа бюрократическій режимъ Россїи есть несчастіе страны, а вовсе не ея существенный признакъ, и что несчастью этому Россія сумѣетъ положить конецъ.

Авторъ устанавливаетъ прежде всего, что Россія издавна была и есть страна глубоко демократическая и что вся ея сила именно въ этомъ. Чѣмъ сильнѣе были ея цари, тѣмъ болѣе они опирались на народъ, на «миръ», и, наоборотъ, Іоаннъ Грозный искоренялъ боярство, но не трогалъ народъ. Реформа Петра Великаго вся вынесена на плечахъ русской демократїей, а не боярствомъ. Однако Великій Преобразователь виноватъ въ томъ, что положилъ начало германизации Россїи. Начало это успѣшно стало развиваться при преемникахъ Петра, особенно при Антѣ Іоанновичѣ, когда правителемъ Россїи сталъ ея фаворитъ, мелкій чиновникъ Виронъ, вывезенный ею изъ Курляндіи. Екатерина II, радѣя о пользѣ Россїи, не забывала, однако, и о нѣмцахъ: именно при ней возникли тѣ огромныя нѣмецкія колонїи, которыя охватываютъ теперь югъ Россїи и отъ которыхъ никакъ не могутъ отдѣлаться. Послѣ Екатерины нѣмецкое господство въ Россїи утверждается почти на цѣлое столѣтіе и достигаетъ своего апогея въ царствованіе Николая I, когда даже такой генералъ, какъ Ермоловъ, просилъ «произвести его въ нѣмцы». Александръ I всѣ свои милости и вольности дарилъ окраинамъ, но не Россїи, и въ то время, когда въ Финляндіи и Польшѣ дѣйствовала конституція, декабристы лишь носились съ мечтою о введеніи русскаго народнаго представительства, которая въ Россїи казалась преступной. Николай I былъ фанатическимъ поклонникомъ германской муштры и постоянно и безъ всякой выгоды для Россїи оказывалъ помощь разнымъ нѣмецкимъ государствамъ. Дипломатическій корпусъ при немъ сталъ совершенно нерусскимъ, и никакая критика Германїи была немыслима. Русская бюрократія была приближена къ ея прототипу—бюрократїи прусской.

При Александрѣ II мы видимъ полное преобладаніе при дворѣ все тѣхъ же нѣмецкихъ симпатій. Бисмаркъ и Вильгельмъ I становятся оракулами для Зимняго дворца, къ русскому же общественному мнѣнію относятся пренебрежительно. И это несмотря на то, что Пруссїя дѣйствовала явно враждебно противъ Россїи и въ вѣрномъ расчетѣ втянуть насъ въ войну съ Турціей создала герцеговинское возстаніе.

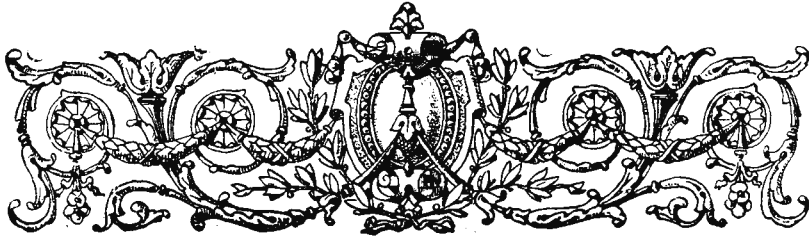
Императоръ Александръ III порвалъ съ нѣмецкими симпатїями своего отца, но уже не могъ остановить скрытое завоеваніе Россїи нѣмцами. Германофильствующая бюрократія поощряла внѣдреніе нѣмецкаго землевладѣнія на нашихъ западныхъ и южныхъ окраинахъ.

Со смертью Александра III Германія усиленно стала примѣнять къ дѣлу совѣты Фридриха II, который говаривалъ, что прусскіе государи ради блага своего государства готовы пожертвовать не только своей жизнію, но и своею честью. Во время англо-бурской войны нѣмцы пытались раздавить Англїю, въ которой чуяли главнаго своего врага, образовавъ противъ нея лигу съ участіемъ въ ней Россїи. Когда же эта интрига не удалась, Германія удачно ин-

триговала противъ другого своего врага Россіи, столкнувъ его съ Японіей и вызвавъ охлажденіе русскихъ къ Англии. Русско-японская война, ослабивъ Россію, чрезвычайно усилила Германію. Какъ извѣстно, навязанный намъ въ награду за германскій нейтралитетъ торговый договоръ представлялъ въ сущности замаскированную контрибуцію. Послѣдніе годы передъ войной съ Германіей нѣмцы были у насъ всеильны. Германскій посланникъ въ Петроградѣ мало-по-малу превратился въ цензора, задерживавшаго все, что говорилось о Германіи неблагопріятнаго. Русское общество не успѣло, конечно, еще забыть ту роль, которую играли у насъ нѣмцы, свои и зарубежные. Тутъ исторія пока подходит къ рубежу, перейти который еще не настало время, но теперь уже и ребенокъ знаетъ, какого зла надѣлало намъ это нѣмецкое засилье.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе книги г. Веселитскаго, которую не мѣшало бы перевести на русскій языкъ.

С М Ъ С Ъ.

МЕДАЛЬ въ память К. Р. Тяжкую утрату понесла 2-го іюня Россія въ лицѣ въ Бозѣ почившаго великаго князя Константина Константиновича, тяжкую утрату понесло родное искусство въ лицѣ безвременно угасшаго августѣйшаго поэта К. Р., чуткаго просвѣщеннаго художника и отзывчиваго покровителя искусствъ. Увѣковѣчить славное имя великаго князя путемъ сооруженія ему памятника дѣло общегосударственное, всенародное. Увѣковѣчить славное имя августѣйшаго поэта—обязанность собратьевъ его по искусству и почитателей его творчества. Въ этихъ цѣляхъ группа почитателей К. Р., имѣвшихъ счастье близко соприкасаться съ августѣйшимъ поэтомъ въ послѣднее время его жизни на поприщѣ свободныхъ художествъ, учредила кружокъ его имени. Кружокъ начинаетъ свою дѣятельность

по увѣковѣченію памяти августѣйшаго поэта путемъ открытія подписки, съ соизволенія ея императорскаго высочества великой княгини Елизаветы Маврикіевны, на медаль въ память его. Весь чистый доходъ отъ продажи медали образуетъ фондъ имени К. Р., который поступаетъ въ распоряженіе имѣющаго въ ближайшемъ будущемъ развиться изъ «кружка почитателей К. Р.» обширнаго литературно-художественнаго общества имени К. Р. Общество это путемъ развитія широкой дѣятельности возьметъ на себя задачи служенія родному искусству во всѣхъ его родахъ и проявленіяхъ, задачи объединенія нашихъ художественныхъ силъ и оказанія путемъ взаимосообщенія ихъ моральной и матеріальной помощи всѣмъ въ томъ нуждающимся представителямъ свободныхъ художествъ. Нынѣ учредителями кружка вырабатывается уставъ общества, который по легализаціи его и отпечатаніи будетъ разсылааться въ пер-

вой половинѣ октября всѣмъ заявившимъ о томъ желаніи. Полагая начало этому свѣтлomu начинанію по увѣковѣченію памяти К. Р., кружокъ выражаетъ увѣренность, что всѣ, кому дороги память незабвеннаго августѣйшаго поэта и задачи родного искусства, ревностнымъ служителемъ котораго во всѣхъ его проявленіяхъ являлся К. Р., сочувственно откликнутся на призывъ кружка увѣковѣчить память августѣйшаго поэта путемъ широкаго распространенія «медали въ память К. Р.». Лицевая сторона медали, исполняемой старшимъ медальеромъ петроградскаго монетнаго двора Д. К. Степановымъ, представитъ изображеніе августѣйшаго поэта, обратная—гробницу, отъ стоящаго на которой священнаго огня муза и воинъ возжигаютъ свои свѣтильники. Цѣна на медаль по подпискѣ: большая настольная медаль (3¹/₂ дюйма въ діаметрѣ) серебряная 25 рублей, большая настольная медаль (3¹/₂ дюйма въ діаметрѣ) бронзовая 10 рублей, малая медаль-жетонъ (1¹/₁₆ дюйма въ діаметрѣ) серебряная 5 рублей, малая медаль-жетонъ (1¹/₁₆ дюйма въ діаметрѣ) бронзовая 2 рубля 50 копеекъ. При подпискѣ обязательенъ взносъ въ размѣрѣ не менѣе половинной стоимости заказа. Желающіе получить медаль-жетонъ съ ушкомъ или ободкомъ для ношенія доплачиваютъ стоимость его. О выходѣ медали будетъ своевременно объявлено путемъ газетныхъ публикацій. Къ письменнымъ запросамъ необходимо прилагать марки на отвѣтъ. Личные переговоры съ учредителемъ-распорядителемъ кружка Н. Н. Сергіевскимъ (редакторомъ-издателемъ историческаго журнала «Наша Старина») по средамъ (а если на среды упадаютъ праздники, то по четвергамъ) отъ двухъ до трехъ часовъ въ помѣщеніи редакціи журнала «Наша Старина», В. Московская, 1, квартира два, телефонъ 655—69. Контора редакціи для справокъ по поводу медали и дѣлъ кружка открыта по вторникамъ и пятницамъ отъ 11 до 2 часовъ. Денежные переводы по почтѣ слѣдуетъ адресовать на имя Н. Н. Сергіевскаго.

Новое общество. Въ Петроградѣ учреждается новое общество, поставившее себѣ задачей организовать по Россіи цѣлую сеть русско-англійскихъ сельскохозяйственныхъ ремесленныхъ трудовыхъ колоній для дѣтей и сиротъ воиновъ въ память нынѣшней войны. При колоніяхъ будутъ устроены поселки для калѣкъ-воиновъ ремесленниковъ и ихъ семей съ надѣлами земли по образцу лондонскихъ политехникумовъ. Обитатели этихъ колоній и поселковъ будутъ совмѣстно воспитываться, обучаться и совершенствовать свои знанія въ мастерскихъ школахъ одновременно подъ руководствомъ и за отвѣтственностью опытныхъ мастеровъ, выполняя заказы и окупая свое существованіе. Предполагается, что казна дастъ надѣлы земли, которая будетъ обрабатываться на кооперативныхъ началахъ; оборудованіе мастерскихъ, сельскохозяйственнаго инвентаря, аптеки, больницы также должны быть взяты на себя казной, дальнѣйшее же ихъ существованіе и развитіе будутъ поддерживаться руками колонистовъ. Для сбыта изготовленныхъ товаровъ устраиваются кооперативныя лавки; кромѣ того, колонисты будутъ выполнять заказы на казну и поставки для различныхъ вѣдомствъ. Каждый колонистъ-воспитанникъ будетъ обученъ нѣсколькимъ ремесламъ, сельскому хозяйству и ознакомленъ съ медициной, затѣмъ онъ совершенствуется въ избранной специальности. Членами новаго общества могутъ быть лица обоаго пола всѣхъ званій,

вѣроисповѣданія и національности (кромя воюющихъ съ нами державъ). Среди учредителей новаго общества—члены Государственной Думы князь С. П. Мансуревъ, М. А. Карауловъ, С. Востротинъ, городской голова графъ И. И. Толстой, предсѣдатель городской думы сенаторъ С. В. Ивановъ, профессоръ Федоровъ и много другихъ.

Чествованіе сѣверныхъ мореплавателей. 4-го сентября въ залѣ архангельской городской думы состоялось торжественное чествованіе участниковъ сѣверныхъ экспедицій флигель-адъютанта В. А. Вилькицкаго и капитана Свердрупа. Торжественный актъ начался краткою привѣтственною рѣчью контръ-адмирала Угрюмова, провозгласившаго въ заключеніе здравицу за Государя Императора, покрытую мощнымъ «ура» и звуками народнаго гимна. Затѣмъ С. С. Александровъ отъ имени городского управленія привѣтствовалъ капитана Вилькицкаго и его спутниковъ и закончилъ свою рѣчь провозглашеніемъ «ура» за здоровье начальника экспедиціи, флигель-адъютанта Его Императорскаго Величества Бориса Андреевича Вилькицкаго, за здоровье доблестныхъ его спутниковъ, офицеровъ экспедиціи и судовыхъ командъ, и за здоровье отважнаго мореплавателя командира судна «Эклипсъ» г. Свердрупа, оказавшаго экспедиціи свою помощь. Громкое «ура» было отвѣтомъ на эту рѣчь. Послѣ увертюры привѣтственныя рѣчи произнесли Ф. Ф. Ландманъ, отмѣтившій исторію завоеванія Великаго Сѣвернаго пути и заслуги экспедиціи капитана Вилькицкаго, отъ имени архангельскаго общества изученія русскаго Сѣвера—А. А. Каретниковъ; затѣмъ директоръ Ломоносовской гимназіи П. П. Соколовъ прочелъ адресъ, поднесенный этой гимназіей начальнику славной экспедиціи. Далѣе привѣтствовали капитана Вилькицкаго и его спутниковъ директоръ архангельской учительской семинаріи А. Д. Лашенко и отъ Добровольнаго флота капитанъ Г. Г. Кондратьевъ. Послѣ торжественнаго акта гостямъ былъ предложенъ чай. Капитанъ Вилькицкій отъ своего имени и отъ имени всѣхъ участниковъ экспедиціи благодарилъ городское управленіе и гражданъ города Архангельска за тотъ радушный пріемъ, коимъ они были встрѣчены въ Архангельскѣ—сѣверной столицѣ, чутко относящейся къ жизни и интересамъ океана. Память отца нынѣшняго героя, покойнаго А. И. Вилькицкаго, оказавшаго немалыя услуги нашему Сѣверу своими работами по гидрографіи, была почтена вставаніемъ. Контръ-адмиралъ Угрюмовъ въ заключеніе отъ имени всего русскаго флота благодарилъ городское управленіе и всѣхъ лицъ, оказавшихъ такой сочувственный пріемъ нашимъ морякамъ, отмѣтивъ ту теплоту чувства, какимъ были проникнуты и встрѣча на пристани, и состоявшееся торжество. Императорская академія наукъ на общемъ собраніи 5-го сентября, получивъ извѣстіе о благополучномъ прибытіи въ Архангельскъ экспедиціи Вилькицкаго, постановила послать капитану Вилькицкому слѣдующую привѣтственную телеграмму: «Императорская академія наукъ горячо привѣтствуетъ въ нашемъ лицѣ отважныхъ русскихъ мореходовъ и ихъ подвигъ прохода по Великому Сѣверному пути. Въ годину великаго испытанія особое значеніе пріобрѣтаетъ подвигъ вашъ, ярко свидѣтельствующій передъ всѣмъ міромъ о несокрушимой бодрости и настойчивости русскихъ людей въ исполненіи долга передъ родиной».

45-лѣтіе литературной дѣятельности В. Н. Жука. 2-го сентября исполнилось 45-лѣтіе литературной дѣятельности одного изъ популярнѣйшихъ нашихъ гигиенистовъ Владимира Николаевича Жука. В. Н. Жукъ—уроженецъ Киевской губерніи, родился 8-го апрѣля 1847 года въ семьѣ деревенскаго врача, много лѣтъ служившаго при двухъ сахарныхъ заводахъ графини Потоцкой. Среднее образованіе получилъ во второй кievской гимназіи. По окончаніи гимназическаго курса въ 1865 года Жукъ поступилъ въ кievскій университетъ, въ которомъ сначала былъ на естественномъ отдѣленіи физико-математическаго факультета, а затѣмъ перешелъ на медицинскій; находясь уже на четвертомъ курсѣ, В. Н. перевелся въ московскій университетъ. Въ Москвѣ началась (съ сентября 1870 года) его литературная работа, главнымъ образомъ заключающаяся въ компиляціяхъ, рефератахъ и переводахъ съ иностранныхъ языковъ въ техническомъ и хозяйственномъ журналѣ «Русское Богатство» и «Московской Медицинской Газетѣ». Осенью 1873 года В. Н. переселяется въ Петроградъ и нѣсколько лѣтъ работаетъ въ качествѣ секретаря и помощника у профессора Быстрова и одну зиму у профессора Славянскаго. Одновременно съ этимъ онъ усиленно занимается переводами для педагогическихъ и медицинскихъ журналовъ. Имъ переведены: «Акушерство» Монури и Сальмона, «Военно-хирургическая техника» Лансберга, «Гигіена ребенка» Уффельмана, «Техника массажа» Гинерфаульта, «Душа ребенка» Трейера, «Нервные болѣзни» Трусо, «Гинекологія» Шредера (редакція профессора Славянскаго.) За исключеніемъ двухъ первыхъ, остальные труды не появились въ печати, хотя въ рукописяхъ и служили руководствами. Первая оригинальная статья В. Н. вышла въ свѣтъ въ «Педагогическомъ Сборникѣ военно-учебныхъ заведеній» 1-го сентября 1875 года. Съ того времени онъ становится профессиональнымъ журналистомъ по медицинѣ, гигиенѣ и педагогикѣ. Сотрудничалъ онъ въ слѣдующихъ изданіяхъ: «Дѣтскій Садъ» (Бороздиной), «Семья и Школа», «Педагогическій Музей», «Женское Образование», «Семейные Вечера», «Сельское Чтеніе» (былъ фактическимъ редакторомъ), «Живописное Обзорѣніе» (А. К. Шеллера-Михайлова), «Здоровье», «Врачебныя Вѣдомости», «Вѣстникъ судебной медицины и гигиены», «Врачъ» (В. А. Манассеина), «Мысль» (Л. Е. Оболенскаго), «Акушерка», «С.-Петербургскія Вѣдомости» (подъ редакціей Корша и князя Э. Э. Ухтомскаго), «Голось», «Новое Время», «Новости», «Сынъ Отечества», «Русская Жизнь», «Биржевыя Вѣдомости», «Русскій Инвалидъ», «Правительственный Вѣстникъ» и друг. Успѣхъ нѣсколькихъ брошюръ далъ возможность В. Н. выпустить въ свѣтъ рядъ статей по гигиенѣ перваго дѣтскаго возраста и уходу за матерью подъ общимъ заглавіемъ «Мать и дитя». Съ каждымъ изданіемъ просмотрѣнная и дополненная, книга разрослась въ солидный томъ, который, по полнотѣ и умѣнью исчерпывать затронутые вопросы, по мнѣнію специалистовъ, не имѣетъ себѣ равной въ міровой научной литературѣ. Эта книга дала своему маститому творцу колоссальную извѣстность какъ въ Россіи, такъ и за границей. Книга «Мать и дитя» въ первомъ изданіи вышла 14-го декабря 1880 года и теперь уже распродается ея девятое изданіе. Общее число распроданныхъ экземпляровъ, несмотря на высокую цѣну (3 руб. 50 коп.),

свыше 100,000. Въ настоящее время готовится къ печати десятое изданіе. Въ дополненіе къ книгѣ «Мать и дитя» былъ изданъ «Дневникъ матери» (рядъ таблицъ), потомъ «Ребенокъ», краткое изложеніе гигиены ребенка. Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ популярныхъ брошюръ: «Народныя столовыя Петрограда», «Обувь», «Школа сельскихъ повивальныхъ бабокъ», «Акушерки-педоучки», «Новый способъ леченія холеры», «Козье молоко и коза-кормилица» (печатается второе изданіе), «Свѣтъ—цѣлитель», «Роды безъ болей», «Пріятное леченіе земляникою», «Оспа» (три изданія) и друг. Нѣкоторыя изъ этихъ брошюръ переведены на иностранныя и инородческіе (финскій, эстонскій, киргизскій, армянскій) языки и имѣли большой успѣхъ: напр., «Новый способъ леченія холеры» (1897 г.) въ теченіе двухъ мѣсяцевъ разошелся въ количествѣ 50,000 экземпляровъ. Несмотря на обширную научную и литературную работу, В. П. находилъ возможность удѣлять часть своего времени и общественной дѣятельности. Первые два года по пріѣздѣ въ Петроградъ онъ былъ секретаремъ секціи воспитанія въ обществѣ охраненія народнаго здравія, нерѣдко исполняя обязанности секретаря и другіхъ секцій (біологіи, питанія, статистики). Затѣмъ состоялъ почителемъ общества защиты дѣтей, самъ былъ учредителемъ нѣсколькихъ обществъ, участвовалъ во многихъ ученыхъ правительственныхъ и общественныхъ комиссіяхъ почти до конца восьмидесятихъ годовъ, когда тяжелый недугъ уложилъ его на больничную койку почти на полтора года, а затѣмъ и лишилъ возможности передвиженія (параличъ ногъ). 2-го сентября, въ день юбилея, юбиляра почтили посѣщеніемъ многіе врачи, педагоги и литераторы, а отъ совѣта петроградскаго родительскаго кружка былъ поднесенъ привѣтственный адресъ. Въ теченіе дня юбиляромъ было получено множество привѣтственныхъ писемъ и телеграммъ.

Юбилей П. О. Морозова. Помощникъ стасъ-секретаря Государственнаго Совѣта, членъ театральнаго-литературнаго комитета и профессоръ драматическихъ курсовъ при императорскомъ театральномъ училищѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ П. О. Морозовъ закончилъ 6-го сентября 25-лѣтіе своей педагогической службѣ въ означенномъ училищѣ, а также 40-лѣтіе своей учено-литературной дѣятельности своей, начавшейся въ 1875 году сотрудничествомъ въ журналѣ «Филологическія Записки» и газетѣ «Сѣверный Вѣстникъ». Бывшій питомецъ петроградскаго университета, П. О. высшую степень магистра русской словесности получилъ въ 1880 году за диссертацию «Феофанъ Прокоповичъ, какъ писатель», онъ былъ приватъ-доцентомъ университета и преподавателемъ императорскаго петроградскаго коммерческаго училища (1884—1894 гг.), начальникомъ отдѣленія департамента торговли и мануфактуръ, а послѣднія десять лѣтъ состоитъ помощникомъ стасъ-секретаря по финансовому отдѣленію Государственнаго Совѣта, продолжая и педагогическую дѣятельность въ театральномъ училищѣ. Изъ сочиненій П. О. хорошо извѣстна его «Исторія русскаго театра до половины XVIII вѣка».

Двадцатипятилѣтній юбилей профессора А. П. Рождественскаго. 16-го августа исполнилось двадцатипятилѣтіе ученой дѣятельности извѣстнаго ученаго гебраиста и богослова профессора петроградской духовной академіи бывшаго законоучителя августѣйшихъ дочерей Ихъ Императорскихъ Вели-

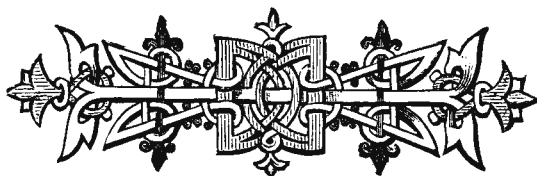
честь, доктора богословія, протоіерея А. П. Рождественскаго. Юбиларъ окончилъ первымъ студентомъ петроградскую духовную академію въ 1890 году и тотчасъ же по окончаніи курса былъ назначенъ доцентомъ при этой академіи по кафедрѣ древне-еврейскаго языка и библейской археологии, а затѣмъ въ 1896 году, по тѣ защиты своей магистерской диссертациі «Ислѣдованіе о семидесяти седмицахъ пророка Даниила», былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ священнаго писанія Ветхаго Завета, которую занимаетъ и понынѣ. Въ 1911 году удостоенъ степени доктора богословія за свой капитальный трудъ «Книга премудрости Исуса сына Сирахова». Въ 1906 г. профессоръ А. П. былъ членомъ предсоборнаго присутствія, являясь поборникомъ либеральныхъ началъ въ церковной жазни.

Юбилей профессора С. П. Глазенапа. 14-го сентября исполнилось 45-лѣтіе научно-преподавательской дѣятельности заслуженнаго профессора петроградскаго университета С. П. Глазенапа. С. П. окончилъ въ 1870 году петроградскій университетъ, и съ этого времени научно-преподавательская дѣятельность этого извѣстнаго астронома непрерывно протекала въ стѣнахъ этого университета. Кромѣ того, С. П. принималъ участіе въ рядѣ экспедицій съ астрономическою цѣлью и состоялъ предсѣдателемъ испытательныхъ комиссій. Перу С. П. принадлежитъ рядъ научныхъ изслѣдованій, а также популярныхъ брошюръ изъ области астрономіи.

Девяτισотлѣтіе смерти св. кн. Глѣба ¹⁾. 5-го сентября исполнилось ровно девятьсот лѣтъ со дня смерти св. кн. Глѣба, сына св. кн. Владимира. Юный князь палъ отъ рукъ убійць, подосланныхъ кіевскимъ кн. Святополкомъ Окаяннымъ, близъ гор. Смоленска при впаденіи, нынѣ пересохшей рѣчки Смядины. На мѣстѣ, гдѣ обрѣтено было тѣло мученика-князя, сооруженъ былъ каменный храмъ, остатки котораго сохранились и понынѣ. Наканунѣ дня празднованія сего грустнаго событія во всѣхъ храмахъ гор. Смоленска совершено было всенощное бдѣніе, въ соборѣ совершалъ богослуженіе епископъ Θεодосій съ чернымъ и бѣлымъ духовенствомъ. На мѣстѣ, гдѣ обрѣтено было тѣло кн. Глѣба, устроена была заботами мѣстной ученой архивной комиссіи изъ живыхъ цвѣтовъ и зелени особая сѣнь, въ видѣ храма, увѣнчанная куполомъ и крестомъ. Здѣсь 4-го сентября ректоромъ-архимандритомъ о. Даміаномъ, въ сослуженіи четырехъ священниковъ, соборнаго діакона, двухъ хоровъ пѣвчихъ, совершена была торжественная всенощная. 5-го сентября на мѣстѣ кончины князя, подъ открытымъ небомъ, тѣмъ же составомъ духовенства совершена была Вожественная литургія. Несмотря на моросившій дождь, молящихся собралось довольно много. Совершеніе литургіи открыто, не въ храмѣ, рѣдкое явленіе и, быть можетъ, единственное до сего времени въ гор. Смоленскѣ, такъ что многихъ не удержала и пасмурная погода. Престолъ стоялъ на мѣстѣ бывшаго каменнаго, обнаруженнаго при раскопкахъ, древняго храма, и богослуженіе совершалось внутри развалинъ храма, которыя возвышаются надъ землей не болѣе, какъ на аршинъ. Молящіеся окружали храмъ во всѣхъ сторонахъ и для всѣхъ было видно священ-

¹⁾ Сообщилъ В. И. Грачевъ.

нодѣйствіе священнослужителей. По окончаніи св. литургіи совершено было молебствіе свв. кн. Борису и Глѣбу съ моленіемъ о дарованіи побѣды нашему воинству надъ врагомъ. По окончаніи богослуженія крестный ходъ, бывший изъ Свирскаго ближайшаго храма, въ сопровожденіи молящихся возвратился въ храмъ. Въ кафедральномъ соборѣ, при архіерейскомъ служеніи съ городскимъ духовенствомъ, присутствовали военныя и гражданскія власти города и масса молящихся. Вслѣдствіе дождливой погоды предполагавшейся изъ собора на Смядынь крестный ходъ не состоялся. Въ этотъ день занятій въ учебныхъ заведеніяхъ города не было.

НЕКРОЛОГИ.

УРНОВО, П. Н. 11-го сентября, въ двѣнадцать часовъ дня отъ паралича сердца скончался сенаторъ, членъ Государственнаго Совѣта, статсъ-секретарь П. Н. Дурново. Утромъ покойный почувствовалъ себя дурно. Немедленно же были приглашены врачи. Нѣсколько оправившись, П. Н. попросилъ перевезти его въ креслѣ въ кабинетъ. Во время чтенія газетъ съ нимъ произошелъ припадокъ, и когда явились врачи, то П. Н. Дурново уже былъ мертвъ... Покойный П. Н. родился въ 1845 году и, по окончаніи курса морского кадетскаго корпуса, съ 1862 года по 1870 годъ провелъ время въ плаваніяхъ въ Средиземномъ морѣ, Тихомъ и Атлантическомъ океанахъ. Вернувшись въ Петербургъ, П. Н. поступилъ въ военно-юридическую академію, по окончаніи которой получилъ должность помощника прокурора кронштадтскаго военно-морскаго суда. Въ 1872 г. П. Н. перешелъ въ министерство юстиціи и занималъ должности товарища прокурора сначала владимирскаго, а затѣмъ московскаго окружныхъ судовъ, прокурора рыбинскаго и владимирскаго окружныхъ судовъ и, наконецъ, товарища прокурора кievской палаты. Въ 1881 г. П. Н. былъ переведенъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ на должность управляющаго судебнымъ отдѣломъ департамента государственной полиціи. Черезъ годъ П. Н. былъ назначенъ вице-директоромъ, а въ 1884 году директоромъ реформированнаго департамента полиціи. Реформа департамента была произведена послѣ личнаго изученія покойнымъ полицейскихъ организацій разныхъ государствъ Западной Европы. Послѣ смерти министра внутреннихъ дѣлъ графа Д. А. Толстого, П. Н. продолжалъ играть видную роль и при новомъ министрѣ И. А. Дурново. Въ 1893 году П. Н. былъ назначенъ сенаторомъ сначала въ пятый, а затѣмъ въ первый департаментъ, откуда въ 1900 году былъ назначенъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ. Въ 1905 году предсѣдатель совѣта министровъ графъ С. Ю. Витте предложилъ П. Н. должность министра внутреннихъ дѣлъ въ періодъ революціоннаго движенія. Въ 1906 году передъ собраніемъ пер-

вой Государственной Думы П. Н. вмѣстѣ со всѣмъ кабинетомъ графа С. Ю. Витте, покинулъ министерство внутреннихъ дѣлъ и былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Во время службы по министерству внутреннихъ дѣлъ П. Н. принималъ близкое участіе въ дѣлахъ попечительства о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ, а также въ главномъ попечительствѣ дѣтскихъ приютовъ. (Некрологъ его: «Петроградскія Вѣдомости», 1915, № 204).

† **Духовской, С. А.** Въ Нижнемъ-Новгородѣ въ ночь на 14-ое августа скончался послѣ продолжительной болѣзни публицистъ-журналистъ С. А. Духовской, писавшій около двадцати лѣтъ въ «Нижегородскомъ Листкѣ» и одновременно бывшій его редакторомъ и ближайшимъ сотрудникомъ газеты. Въ теченіе двадцати лѣтъ давалъ онъ отчеты о засѣданіяхъ городской думы и замѣтки фактическаго свойства изъ жизни городского самоуправления. С. А. всегда былъ объективенъ до щепетильности и этимъ заслужилъ всеобщее уваженіе городскихъ дѣятелей. Служащіе нижегородскаго самоуправления устроили подписку на образованіе капитала, проценты съ котораго пойдутъ на стипендіи имени С. А. Духовскаго въ одномъ изъ учебныхъ заведеній города. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1915, № 188).

† **Коломнинъ, П. П.** 13-го августа въ Тамбовѣ послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни скончался Петръ Петровичъ Коломнинъ, видный типографскій дѣятель, одинъ изъ ближайшихъ помощниковъ покойнаго А. С. Суворина въ созданіи его типографіи. Въ 1879 г. покойный былъ приглашенъ А. С. Суворинымъ завѣдывать типографіей «Новаго Времени». П. П. значительно расширилъ книжное отдѣленіе типографіи, устроилъ литографію и цинкографію и въ 1884 г. принималъ самое живѣйшее участіе въ открытіи А. С. Суворинымъ первой въ Россіи частной общеобразовательной и профессиональной школы для типографскихъ учениковъ. Вся предварительная программа этого новаго дѣла была выполнена П. П. Коломнинымъ. Заинтересовавшись занятіями школы и вообще всѣмъ дѣломъ типографской школы, П. П. тщательно изучилъ его и составилъ общедоступное руководство для учениковъ типографіи и для справокъ лицамъ, соприкасающимся въ типографскомъ дѣломъ. Это первое у насъ въ Россіи систематическое руководство было издано А. С. Суворинымъ въ 1899 г. подъ заглавіемъ «Краткія свѣдѣнія по типографскому дѣлу» и была подробно рассмотрѣна Б. Б. Глинскимъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника» (1899 г., апрѣль), который признавалъ за работой покойнаго П. П. широкое общественное значеніе въ качествѣ перваго серьезнаго шага въ упорядоченію нашего издательскаго дѣла, къ установленію здѣсь единства типографской техники, ея изящества и доброкачественности. Кромѣ техническихъ свѣдѣній, авторъ помѣстилъ въ своей книгѣ также много свѣдѣній историческаго и культурнаго характера, придавъ своему руководству видъ тщательной энциклопедіи по типографскому искусству. Кромѣ того, П. П. Коломнинъ издалъ единственный въ своемъ родѣ трудъ «Бесѣда о наборѣ титуловъ и еще кое о чемъ другомъ». Съ 1902 года П. П. много писалъ по различнымъ вопросамъ типографскаго дѣла въ журналѣ «Наборщикъ и Печатный Миръ», редакторъ котораго г. Филипповъ и помѣстилъ его некрологъ у себя въ журналѣ (№ 188, 1915) и на столбцахъ «Новаго Времени». Послѣ покойнаго остался беллетристическій рассказъ

изъ любимаго и прекрасно знаемаго имъ типографскаго міра подъ заглавіемъ «Пѣтушокъ», который нынѣ передалъ наслѣдниками П. П. въ редакцію «Историческаго Вѣстника» и будетъ напечатанъ на страницахъ нашего журнала.

† **Коссовичъ, П. С.** Въ ночь на 13-е августа скончался ординарный профессоръ императорскаго лѣсного института Петръ Самсоновичъ Коссовичъ. Покойный занималъ въ институтѣ около двадцати пяти лѣтъ кафедру почвовѣдѣнія съ основами сельскаго хозяйства. Въ области почвовѣдѣнія онъ приобрѣлъ репутацію авторитетнаго знатока. Ученый комитетъ главнаго управления землеустройства и земледѣлія поручилъ ему завѣдываніе бюро почвовѣдѣнія и земледѣлія, а также руководство сельско-хозяйственной химической лабораторіи. Результатомъ ученой дѣятельности покойнаго явился его цѣнный научный трудъ «Почвообразование и почвенная классификація». Въ 1900 году П. С. основалъ свой «Журналъ опытной агрономіи». Среди профессоровъ покойный пользовался общимъ уваженіемъ. Когда совѣту института было предоставлено право избранія директора, П. С. явился первымъ выборнымъ директоромъ. Онъ относился всегда внимательно къ нуждамъ студенчества и въ теченіе многихъ лѣтъ предсѣдательствовалъ въ обществѣ вспомошествованія студентамъ лѣсного института. Въ послѣдніе годы П. С. состоялъ членомъ гидрологическаго комитета и ученаго комитета по техническому и профессиональному образованію. Скончался онъ 53 лѣтъ отъ роду. (Некрологъ его: «Новое Время», 1915 г., № 14163).

† **Лутугинъ, Л. И.** Въ ночь на 17-е августа скончался во время геологической работы на одной изъ отдаленныхъ окраинъ Россіи, въ Кузнецкомъ каменноугольномъ бассейнѣ, на Алтаѣ, Леонидъ Ивановичъ Лутугинъ. Покойный родился 21-го февраля 1864 года, въ купеческой семьѣ гор. Петрограда и получилъ среднее образованіе въ реформатскомъ училищѣ, по окончаніи котораго поступилъ въ горный институтъ и вышелъ изъ него горнымъ инженеромъ въ 1889 году. Немедленно же по окончаніи горнаго института покойный занялся геологіей, сдѣлавшись сотрудникомъ геологическаго комитета, гдѣ и началъ крупную детальную работу по изученію Донецкаго каменноугольнаго бассейна, подъ руководствомъ Ѳ. Н. Чернышева. Работа эта настолько выдвинула его впередъ, что въ 1897 году онъ былъ уже избранъ геологомъ геологическаго комитета, и, кромѣ того, въ самомъ началѣ девятисотыхъ годовъ былъ приглашенъ для чтенія лекцій по исторической геологіи въ горномъ институтѣ. Здѣсь-то Л. И. началъ общественную дѣятельность, связавши ее прежде всего съ извѣстнымъ выступленіемъ части профессоровъ горнаго института противъ бывшаго тогда директоромъ института Д. П. Коновалова. Съ этого времени общественная дѣятельность Л. И. идетъ вширь, и мы видимъ его послѣдовательно дѣятельнымъ членомъ союза освобожденія, участникомъ банкетной кампаніи 1904 года, затѣмъ въ 1905 г.—членомъ союза инженеровъ, союза союзовъ и иныхъ общественныхъ группировокъ, а въ послѣднее время—вице-предсѣдателемъ императорскаго русскаго техническаго общества и вице-президентомъ императорскаго вольнаго экономическаго общества, въ дѣятельность которыхъ онъ постоянно вносилъ живую общественную струю. Обще-

ственная дѣятельность доставила Л. И. такую широкую извѣстность, что въ 1907 году онъ былъ выставленъ кандидатомъ отъ трудовой группы на пере-выборахъ въ третью Государственную Думу. Результатомъ этой кандидатуры и было увольненіе его со службы по третьему пункту и уходъ изъ геологическаго комитета, но не прекращеніе имъ геологической работы, которую онъ продолжалъ вести въ Донецкомъ бассейнѣ, частнымъ образомъ сотрудничая въ работахъ геологическаго комитета. Созданная Л. И. детальная геологическая карта Донецкаго каменноугольнаго бассейна, оставшаяся неоконченной, но нѣкоторыя листы которой уже вышли въ настоящее время изъ печати, была одной изъ первыхъ детальныхъ работъ комитета, имѣющей, кромѣ научнаго характера, и громадное практическое значеніе. На этой работѣ создался цѣлый рядъ геологовъ, имѣющихъ въ настоящее время крупныя имена; эта работа, неразрывно связанная съ именемъ Л. И., пронесшаго безстрастно свой научный авторитетъ среди донецкихъ промышленныхъ милліоновъ, создала и глубокий нравственный престижъ какъ его имени, такъ и имени всего геологическаго комитета. Изъ числа научныхъ печатныхъ работъ Л. И., кромѣ «Детальной геологической карты Донецкаго бассейна, издаваемой на основаніи изслѣдованій, произведенныхъ подъ руководствомъ Л. И. слѣдуетъ отмѣтить статью: «Le bassin du Donetz», составленную имъ совместно съ академикомъ Ѳ. П. Чернышевымъ и заключающую въ себѣ полный детальный разрѣзъ каменноугольныхъ отложений Донецкаго бассейна (напечатана въ «Guide des excursions du VII Congrès Géologique International», и по-русски въ «Извѣстіяхъ Общества Горныхъ Инженеровъ» за 1897 годъ). Его же статья, въ сотрудничествѣ съ П. И. Степановымъ, «Донецкій каменноугольный бассейнъ» появилась въ «Очеркѣ мѣсторожденій ископаемыхъ углей Россіи». Въ сотрудничествѣ съ В. И. Соколовымъ написана Л. И. работа: «Орловскій районъ главнаго антиклинала Донецкаго бассейна» (Труды геологической комиссіи, нов. сер., вып. 53). Кромѣ того, Л. И. былъ напечатанъ рядъ ежегодныхъ отчетовъ по работамъ въ Донецкомъ бассейнѣ въ «Извѣстіяхъ Геологическаго Комитета». Состоя членомъ импер. минералогическаго общества, императорскаго географическаго общества и петроградскаго общества естествоиспытателей, а также секретаремъ перваго и втораго всероссійскаго съѣзда дѣятелей практической геологіи, Л. И. сдѣлалъ въ нихъ рядъ интересныхъ докладовъ и сообщеній. Подъ редакціей Л. И. начато, кромѣ того, изданіе трехъ-и десятиверстной карты Донецкаго бассейна съ полнымъ геологическимъ очеркомъ его, производимое на средства углепромышленниковъ юга Россіи. Въ самые послѣдніе годы, а именно въ 1914 году, Л. И. началъ геологическое изслѣдованіе Кузнецкаго каменноугольнаго бассейна на Алтаѣ, доставившее уже въ первый годъ чрезвычайно интересныя научныя данныя и сулившее получить при изученіи этого бассейна такіе же важныя результаты, какъ и при детальномъ геологическомъ изученіи Донецкаго бассейна. Смерть прервала эту работу Л. И. въ полномъ ея расцвѣтѣ (Некрологъ его: «День», 1915 г., № 226).

† **Нечаевъ, А. В.** 26-го августа въ семь часовъ утра, скончался Алексѣй Васильевичъ Нечаевъ, на 52 году своей жизни (родился 19-го января 1864 г.)

А. В. является одним из наиболее крупных представителей русской геологической науки. Он принадлежал к тем ученым, которые высоко подняли знамя русской науки. Многочисленными монографиями он осветил мало разработанную до него область пермских отложений. Первые шаги его научной деятельности послѣ окончания казанскаго университета въ 1887 года протекли подъ руководствомъ покойнаго профессора А. А. Штукенберга, на лонѣ роднаго Прикамья. Кромѣ цѣлаго ряда геологическихъ замѣтокъ, появилась въ 1894 году его крупная монографія «Фауна пермскихъ отложений восточной полосы Европейской Россіи». Работу эту онъ защитилъ въ качествѣ диссертации, за которую физико-математическій факультетъ казанскаго университета присудилъ ему званіе магистра минералогіи и геогнози. Далѣе А. А., по предложенію А. А. Штукенберга, занимался изученіемъ фауны третичныхъ отложений Поволжья, и въ 1898 году появляется работа А. В. Печаева: «Фауна эоценовыхъ отложений на Волгѣ между Саратовымъ и Царицыномъ». За эту монографію А. В. получилъ званіе доктора минералогіи и геогнози. Однако вскорѣ онъ снова возвращается къ изученію пермскихъ отложений востока Россіи, въ качествѣ сотрудника въ работахъ геологическаго комитета на Южномъ Уралѣ. Кромѣ научной работы, А. В. влекло и педагогическое поприще: сначала онъ былъ приватъ-доцентомъ въ казанскомъ университетѣ, потомъ короткое время состоялъ тамъ же профессоромъ по кафедрѣ минералогіи и вскорѣ перешелъ въ кіевскій политехническій институтъ, гдѣ долгое время исполнялъ обязанности не только профессора, но и декана. Въ 1911 году А. В. былъ отчисленъ изъ состава профессоровъ за протестъ противъ начавшейся реакціи и съ 1913 г. состоялъ геологомъ геологическаго комитета. Всю жизнь А. В. отдалъ любимому дѣлу геологіи, и даже тяжкій недугъ, сведшій его въ преждевременную могилу, захватилъ его на геологическихъ работахъ [въ Усть-Каменногорскомъ уѣздѣ Семипалатинской области, куда онъ былъ командированъ на лѣтнія работы. До послѣдняго момента А. В. мучился, что его работа не закончена и что онъ не выполнилъ возложеннаго на него порученія. Послѣ покойнаго осталось обширное научное наслѣдство въ видѣ цѣлаго ряда крупныхъ работъ, статей, замѣтокъ, посвященныхъ различнымъ вопросамъ геологіи. Кромѣ того, А. В. написалъ рядъ хорошихъ учебниковъ по минералогіи и геологіи какъ для высшей, такъ и для средней школы. Это былъ постингъ крупный ученый и неутомимый изслѣдователь въ области геологіи Востока Россіи. (Некрологъ его: «День», 1915, № 237).

† **Ордынскій, А. К.** 6-го сентября н. г. скончался въ Томскѣ одинъ изъ старѣйшихъ работниковъ сибирской печати Аполлонъ Ксаверьевичъ Ордынскій. По прибытіи въ Сибирь въ 1850 году покойный въ теченіе шестидесяти лѣтъ принималъ дѣятельное участіе въ газетѣ «Сибирь», затѣмъ сотрудничалъ въ «Сибирской Газетѣ», «Восточномъ Обзорѣніи» и друг. Покойный является авторомъ цѣлаго ряда мелкихъ рассказовъ изъ быта сибиряковъ. Изъ болѣе крупныхъ его произведеній можно отмѣтить «Очерки бурятской жизни», «Вечера надъ Обью», романъ «Крыловскіе вечера». Аполлонъ Ксаверьевичъ умеръ въ преклонномъ возрастѣ—97 лѣтъ. (Некрологъ его: «Петроградскій Курьеръ», 1915 г., № 591).

† **Пальмъ, С. А.** Въ Петроградѣ, 6-го сентября внезапно скончался известный опереточный артистъ и антрепренеръ Сергѣй Александровичъ Пальмъ. Едва успѣвъ пріѣхать на бѣга, онъ почувствовалъ себя дурно. Его отвели въ приемную комнату врача, и черезъ нѣсколько минутъ Пальма не стало. С. А. Пальмъ былъ сыномъ писателя и драматурга А. И. Пальма, нѣкоторыя пьесы котораго («Старый баринъ», «Нашъ другъ Неклюжевъ») до сихъ поръ удержались въ репертуарѣ русскихъ сценъ. Покойный артистъ первоначальное образование получилъ въ полтавской гимназій и, кромѣ того, дома его основательно обучили новымъ языкамъ и новой литературѣ, музыкѣ и прочимъ необходимымъ въ свѣтскомъ кругу вещамъ. Страсть къ сценѣ вспыхнула у С. А. еще въ юношескомъ возрастѣ. Его первый дебютъ на сценѣ былъ въ 1868 году въ Харьковѣ, въ популярнѣйшей комедіи Лабише «Соломенная шляпка». Несмотря на успѣхъ въ избранномъ изъ амплуа простаковъ, драма какъ-то не пришлась по душѣ Пальму, и черезъ нѣсколько сезоновъ онъ переходитъ въ оперетту. Счастливый случай сталкиваетъ его въ Ростовѣ-на-Дону съ знаменитымъ Вальяно, чья опереточная труппа считалась въ семидесятихъ годахъ образцовой. Начавъ съ Париса, Пальмъ однако быстро переходитъ на роли комиковъ, гдѣ и обнаруживаетъ блестящій талантъ, создающій ему громкое имя. Черезъ нѣсколько лѣтъ Пальмъ уже пробуетъ антрепренерствовать въ казенномъ тифлискомъ театрѣ, но провинціальный масштабъ его не удовлетворяетъ. Попробовавъ еще вести дѣло въ Одессѣ и Киевѣ, онъ въ 1884 г. перебирается въ Петроградъ. Здѣсь открывается широкая арена для театральной дѣятельности Пальма. Взявъ у своего брата, также опереточнаго артиста, Арбенина Малый театръ, покойный организуетъ въ 1887 году опереточное товарищество и свыше десяти лѣтъ ведетъ это дѣло, пріобрѣвшее исключительную популярность среди столичной публики. У Пальма въ опереттѣ выступали такіе артисты, какъ А. Д. Давыдовъ, Вураковскій, Бастуновъ, Кольцова, Раисова, Клементьевъ, Долинъ, Бобровъ, Степановъ, Онѣгина и др. У него же начала свою карьеру простой, скромной хористкой А. Д. Вяльцева. Пѣли и иностранныя знаменитости, какъ Монбазонъ, Жюдикъ. Организовалъ Пальмъ оперные и балетные спектакли, приглашая такія звѣзды, какъ Цукки, Бріанца и др. Онъ же первый пригласилъ на гастроли въ Россію Сарру Бернаръ, Мунэ Сюлли и др. Огромнымъ успѣхомъ пользовались тогда въ качествѣ новинки «Обозрѣнія», живой и остроумный текстъ которыхъ на половину принадлежалъ самому Пальму. Вообще «пальмовская» эпоха въ Маломъ театрѣ представляетъ собою самую блестящую страницу въ исторіи послѣдняго. Одновременно съ Малымъ театромъ Пальмъ держалъ и лѣтнюю «Аркадію», которая приносила ему крупный дефицитъ и въ концѣ концовъ сильно отразилась на его матеріальномъ благополучіи. Широкая барская натура, Пальмъ привыкъ жить, ни въ чемъ не стѣсняя себя, и вообще совершенно былъ лишенъ узкой практичности и «дѣлечества». Заминка въ дѣлахъ обострилась и надѣлила вдобавокъ огромными долговыми обязательствами. Съ этого момента карьера Пальма идетъ быстро на убыль. Приходится уже самому служить и тянуть общую лямку рядового артиста, всѣ триумфы котораго—въ прошломъ. Въ послѣдніе годы онъ игралъ у Сабурова, въ «Паласъ-театрѣ», потомъ ему спустился и выступалъ подъ конецъ

въ «Летучей Мыши» и «Олимпіи», получая жалкіе гроши отъ каждаго спектакля. Нуждаясь въ рубль, Пальмъ отдался азарту и сталъ ярмъ посѣтителемъ клубовъ, скачекъ и бѣговъ. На бѣгахъ же ему и пришлось прожить свои послѣднія минуты. Въ послѣдній разъ онъ выступалъ на сценѣ 5-го сентября въ «Олимпіи» въ комедіи «На порогѣ великихъ событій». Послѣ покойнаго осталась жена, когда-то видная опереточная примадонна О. В. Кольцова. Скончался Пальмъ 66 лѣтъ. (Некрологъ его: «Обозрѣніе театровъ», 1915, № 2865).

† **Савина, М. Г.** 8-го сентября, въ пять съ половиной часовъ утра въ Петроградѣ скончалась замѣчательнѣйшая русская артистка—Марія Григорьевна Савина. Сошелъ съ житейской сцены яркій блестящій талантъ. Осиротѣлъ русскій театръ. М. Г. родилась въ Каменецъ-Подольскѣ 30-го марта 1854 года въ семьѣ учителя рисованія Г. Н. Подраменцева. Отецъ ея увлекался сценической дѣятельностью, нерѣдко выступалъ въ любительскихъ спектакляхъ и въ концѣ пятидесятихъ годовъ всецѣло отдался театру, играя подъ псевдонимомъ Стремлянова. Онъ кочевалъ по городамъ юга Россіи. Маленькая Савина сопровождала его и съ дѣтства сроднилась со сценой. Восемилѣтней дѣвочкой она впервые появилась передъ публикой одесскаго городского театра въ драмѣ «Эсмеральда». Затѣмъ играла мальчика въ драмѣ Полевого «Уголино или башня голода». Знакомилась съ артистическимъ мастерствомъ практически съ малыхъ лѣтъ и понемногу формировалась въ настоящую актрису. Пятнадцати лѣтъ отъ роду М. Г. дебютировала, какъ заправская актриса, въ Минскѣ въ водевилѣ «Бѣдовая бабушка», исполняя роль Глаши. Она выдѣлялась уже настолько, что выговорила себѣ, помимо жалованья, полбенефиса. Изъ Минска покойная переехала къ Дюкову въ Харьковъ, увлекается тамъ актеромъ Н. И. Савинимъ, выходитъ за него замужъ и уѣзжаетъ вмѣстѣ съ нимъ сперва въ Калугу, затѣмъ въ Нижній-Новгородъ на ярмарку. Юная Стремлянова превратилась въ Савину и обратила на себя вниманіе знатока дарованій покойнаго артиста-антрепренера П. М. Медвѣдева. Онъ пригласилъ Савину въ свою труппу, которая играла въ Казани, Саратовѣ и Орлѣ. Съ этого времени М. Г. пріобрѣтаетъ себѣ извѣстность, играетъ комедійныя роли съ шумнымъ успѣхомъ, поетъ въ опереткахъ. Начинаетъ царить на сценѣ. Талантъ ея заблестѣлъ. М. Г. получаетъ уже 450 р. въ мѣсяць—высокій гонораръ для семидесятихъ годовъ—и два бенефиса въ сезонъ. Играетъ первое амплуа. Пріѣхавъ въ 1874 году погостить въ Петроградъ, гдѣ ютилась семья ея дяди извѣстнаго археолога А. Н. Труворова, М. Г. рассказываетъ про свои сценическіе успѣхи, но ей не вѣрятъ. Приходится показать себя роднымъ, и она добилась дебюта на сценѣ Благороднаго собранія въ неигранной драмѣ Антронова «Блуждающіе огни». Выступила въ роли Елены Григорьевны. Спектакль привлекъ многихъ артистовъ императорскихъ театровъ, наслышавшихся о крупныхъ успѣхахъ Савиной. Въ числѣ ихъ былъ покойный А. А. Нильскій—тогдашній премьеръ Александринской сцены. Онъ пришелъ въ восторгъ отъ игры талантливой провинціалки и убѣдилъ тогдашняго управляющаго императорскими театрами П. С. Федорова пригласить Савину на императорскую сцену. 9-го апрѣля 1874 года М. Г. дебютировала въ Александринскомъ театрѣ въ комедіи «По духовному

завѣщанію» въ роли Кати. Затѣмъ сыграла роль Невской въ водевилѣ «Она его ждетъ». Успѣхъ былъ рѣдкій, и М. Г. была приглашена на казенную сцену на амплуа *ingénue*, вакантное послѣ Яблочкиной 2-й. Первое время покойная играла по преимуществу роли «наивностей». Но вскорѣ показала всю глубину и ширь своего таланта. Осенью 1874 года она выступила въ главной роли комедіи Н. А. Потѣхина «Злоба дня» и блеснула столь ярко, что о ней заговорили, какъ о замѣчательной артисткѣ съ богатымъ будущимъ. Покойная всецѣло оправдала ожиданія. Ставъ премьершей театра, она постепенно покорила всѣхъ своимъ гибкимъ и разнообразнымъ дарованіемъ. Сдѣлалась любимицей публики, заставляя въ теченіе сорока лѣтъ переживать зрителей во время спектаклей радости и страданія тѣхъ героинь, которыхъ воплотила въ себѣ. Она переиграла на своемъ вѣку массу ролей въ пьесахъ Островскаго, Тургенева, Л. Н. Толстого, Потѣхина, Виктора Крылова, А. С. Суворина и другихъ выдающихся драматурговъ. Викторъ Крыловъ специально для нея изготовилъ рядъ новыхъ и переводныхъ комедій. Актриса стала артисткой-художницей, создательницей ряда типовъ. Подростокъ Варя въ «Дикаркѣ», грубая крикливая Акулина во «Власти тьмы», проникнутая стариннымъ барствомъ Наталья Павловна «Мѣсяца въ деревнѣ», страдающая «Татьяна Рѣпина», лукавая экономка въ «Сполохахъ», величавая княжна-старуха въ «Холопахъ»—все это типы далекіе другъ отъ друга и всѣ они незабываемыя творенія савинскаго дарованія. Въ разнообразномъ творествѣ величіе артистки, обладавшей рѣдкимъ Божимъ талантомъ. Въ 1882 году М. Г. вышла послѣ смерти своего перваго мужа вторично замужъ за Всеволожскаго и въ 1904 году въ третій разъ за А. Е. Молчанова—вице-президента театральнаго общества. Въ своей частной жизни покойная отличалась рѣдкой добротой и сердечностью. Любимымъ ея дѣтищемъ былъ пріютъ и убѣжище престарѣлыхъ артистовъ. Она заботилась о призрѣваемыхъ, какъ мать. Въ послѣднее время свои заботы о нихъ дѣлила съ попеченіемъ о раненыхъ лазарета артистовъ императорскихъ театровъ. М. Г. была учредительницей театральнаго общества, его первымъ секретаремъ и несмѣняемымъ членомъ совѣта въ послѣднее двадцатилѣтіе. Въ литературно-художественномъ обществѣ, отмѣтившемъ талантъ Савиной избраніемъ ея въ почетные члены, покойная принимала близкое участіе, какъ директоръ театральной школы имени А. С. Суворина. Въ 1895 году покойной было Высочайше пожаловано званіе «заслуженной артистки». Франція отмѣтила ея дарованіе академическими пальмами (*Officier d'academie*), другія государства—различными орденами. (Некрологъ ея: «Новое Время», 1915, № 14188).

† **Флеровъ, Н. М.** 21-го августа скончался 57 лѣтъ отъ роду статистикъ Николай Михайловичъ Флеровъ. Покойный родился 26-го января 1858 года въ гор. Раненбургѣ Рязанской губерніи въ семьѣ садовника изъ крѣпостныхъ. Будучи въ петроградскомъ университетѣ, онъ примкнулъ къ партіи «Народной Воли», занимался преимущественно пропагандой среди рабочихъ, былъ близокъ съ покойнымъ нынѣ П. Ф. Якубовичемъ (Мельшинымъ) и вмѣстѣ съ нимъ игралъ видную роль въ организаци «Молодой Народной Воли». Въ 1884 году онъ былъ арестованъ и послѣ продолжительнаго заключенія въ Петропавлов-

ской крѣпости былъ отправленъ въ березовскую ссылку, гдѣ провелъ пять лѣтъ. Позднѣ сидѣлъ въ «Крестахъ» и былъ въ архангельской ссылкѣ (три года) по народопривческому дѣлу. Но уже съ половины 90-хъ годовъ покойный становится марксистомъ. Благодаря «независящимъ обстоятельствамъ» и неутвержденіямъ администраціи, покойному въ поискахъ заработка пришлось порядочно исколесить Россію. Эти обстоятельства забросили, напримѣръ, покойнаго въ полтавское земство и наконецъ — въ Баку, въ совѣтъ сѣзда нефтепромышленниковъ, гдѣ Николай Михайловичъ съ 1901 года по 1908 года занималъ мѣсто помощника завѣдующаго статистикой потребленія въ Петроградѣ. Николай Михайловичъ интересовался общественностью и любилъ ее до самаго конца своей жизни, хотя послѣдніе годы здоровье его сильно страдало: сказались годы тревоженій и испытаній. (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1915, № 200).

† **Челышевъ, М. Д.** Въ Самарѣ скончался бывшій членъ Государственной Думы третьяго созыва Михаилъ Дмитріевичъ Челышевъ. Имя покойнаго тѣсно связано съ дѣятельностью Государственной Думы по борьбѣ съ пьянствомъ. М. Д. съ думской трибуны многократно заявлялъ себя яркимъ противникомъ потребления водки и вина. Онъ принималъ дѣятельнѣйшее участіе въ думской комиссіи о мѣрахъ борьбы съ пьянствомъ, выступалъ неоднократно ораторомъ, рисовавшимъ грустныя картины злоупотребленія спиртными напитками, и являлся однимъ изъ инициаторовъ образованія комиссіи по вопросу о замѣнѣ акцизныхъ доходовъ новыми источниками дохода. Покойный даже настаивалъ, чтобы водочныя издѣлія снабжались этикетомъ «ядъ». М. Д. родился 26-го сентября 1866 года, въ деревнѣ Ворынино, Владимирской губерніи. Отецъ его — крестьянинъ — занимался малярнымъ ремесломъ. Покойный съ малыхъ лѣтъ помогалъ отцу, понемногу богатѣлъ и затѣмъ сдѣлался крупныхъ желѣзнодорожныхъ подрядчикомъ по малярнымъ работамъ. Въ Самарѣ онъ сталъ домовладѣльцемъ, открылъ бани и былъ выбранъ въ началѣ 90-хъ годовъ гласнымъ мѣстной городской думы и самарскаго уѣзднаго земства. Во время освободительнаго движенія покойный вошелъ въ мѣстную группу октябристовъ и при выборахъ Государственной Думы третьяго созыва былъ избранъ депутатомъ отъ общаго состава выборщиковъ Самары. Въ Государственной Думѣ онъ принадлежалъ къ фракціи октябристовъ. Помимо участія въ разработкѣ проектовъ мѣръ для борьбы съ пьянствомъ, М. Д. являлся сторонникомъ широкихъ ассигнованій на начальное образованіе, повышенныхъ уголовныхъ репрессій за похищеніе лошадей и крупнаго домашняго скота у крестьянъ и всѣхъ тѣхъ законодательныхъ предположеній, которыя были направлены къ экономическому благосостоянію деревни. Самъ онъ не признавалъ другого костюма, кромѣ крестьянскихъ рубашки и поддевки, и въ торжественныхъ случаяхъ не измѣнялъ имъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1915, № 14149)

† **Шапировъ, Б. М.** 20-го іюля скончался предсѣдатель лечебной комиссіи Краснаго Креста почетный лейбъ-медикъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Борисъ Михайловичъ Шапировъ. Покойный принималъ близкое участіе какъ въ главномъ управленіи, такъ и въ общинѣ сестеръ милосердія имени генераль-адъютанта Кауфмана, въ которой былъ членомъ попечительнаго совѣта. Кромѣ

того, онъ состоялъ членомъ военно-санитарной ученой комисси и учебнаго комитета министерства торговли и промышленности. Въ 1896 году Б. М. защитилъ въ юрьевскомъ университетѣ диссертацию: «Матеріалы къ физиологіи желудочнаго пищеваренія» на степень доктора медицины. Пробывъ недолго корпуснымъ врачомъ, онъ былъ назначенъ въ 1902 году на вновь учрежденную должность завѣдующаго медицинской частью пограничной стражи. При немъ при всѣхъ лечебныхъ заведеніяхъ корпуса устроены врачебно-хозяйственные комитеты, открыто болѣе шестидесяти фельдшерскихъ школъ, оборудовано болѣе ста врачебныхъ учреждений, лазаретовъ и пріемныхъ покоевъ, реорганизована санитарно-ветеринарная часть. Имъ положено также начало изданію ежегодныхъ «Санитарныхъ отчетовъ по отдѣльному корпусу пограничной стражи». Одновременно Б. М. завѣдывалъ санитарной частью Китайско-Восточной желѣзной дороги. Въ исполнительной комисси Краснаго Креста покойный работалъ съ 1904 года. Ему принадлежатъ нѣсколько печатныхъ работъ по гигиенѣ, санитаріи и терапіи, опубликованныхъ въ различныхъ медицинскихъ журналахъ: «Леченіе невралгіи подкожными впрыскиваніями осміевоы кислоты», «Къ вопросу о новыхъ снотворныхъ средствахъ» и др. Подъ его редакціей переведена классическая работа Лаврана «Палюдизмъ» (болотная лихорадка). Медико-филантропическій комитетъ императорскаго человѣколюбиваго общества потерялъ въ его лицѣ своего почетнаго члена. (Некрологъ его: «Новое Время», 1915, № 14138).

† **Шуръ, М. А.** Въ Петроградѣ на 51 году жизни отъ болѣзни сердца скончался литераторъ Маркъ Абрамовичъ Шуръ, работавшій 25 лѣтъ во многихъ столичныхъ и провинціальныхъ газетахъ и журналахъ. Изъ петроградскихъ изданій покойный принималъ участіе въ «Вѣстникѣ Европы», «Живописномъ Обзорѣннн», «Образованіи», «Руси», «Рѣчи» и многихъ педагогическихъ изданій. Изъ его беллетристическихъ произведеній отмѣтимъ: «Въ мертвецкой» и цѣлый рядъ разсказовъ изъ судебно-уголовной жизни. (Некрологъ его: «Петроградскій Курьеръ», 1915, № 565).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Къ воспоминаніямъ г. С. У. «Мозаика».

Въ VII и VIII главахъ «Мозаики» С. У. вкрались, къ сожалѣнію, нѣкоторыя, незначительныя, впрочемъ, неточности, а именно: 1) П. А. Некрасовъ умеръ не отъ рака въ горлѣ, а въ нижней части позвоночнаго хребта; 2) А. Θ. Писемскій проживалъ не вблизи Арбата, а около Поварской, въ Трубниковскомъ переулкѣ; 3) М. Н. Лопатинъ былъ не предѣвателемъ московской судебной палаты, а предѣвателемъ департамента названной судебной палаты;

4) графиня Блудова носила имя Антонины, а не Зинаиды, и 5) Н. Н. Селифоновъ былъ товарищемъ министра путей сообщенія, а не министромъ, въ концѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка.

II.

По поводу рецензіи П. М. Майкова.

Въ книжкѣ «Историческаго Вѣстника» № 5 за май мѣсяць, на стр. 647, вкралась слѣдующая ошибка: напечатано Викторъ Павловичъ Балабинъ, а должно читать Викторъ Петровичъ Балабинъ.

III.

По поводу статьи А. Сигова «Замокъ князя Паскевича въ Гомелѣ».

Въ № 1 «Историческаго Вѣстника» сего года на стр. 275 и слѣд. г. А. Сиговъ, въ живомъ изложеніи познакомивъ читателей съ замкомъ князя Паскевича въ гор. Гомелѣ, въ заключеніе своей статьи высказываетъ, между прочимъ, на стр. 282, что «замокъ когда-то принадлежалъ польскимъ магнатамъ Чарторыйскимъ. Но послѣ польскаго возстанія 1831 года былъ конфискованъ русскимъ правительствомъ въ казну, а потомъ подаренъ императоромъ Николаемъ I въ майоратное владѣніе фельдмаршалу князю Варшавскому графу Паскевичу-Эриванскому». Немного выше на той же старницѣ 282 высказывается, что «лѣтъ 50 тому назадъ (слѣд. такъ въ первыхъ годахъ царствованія императора Александра II, т. е. не позже 1855 года, добавимъ мы отъ себя), когда Гомеля *еще не было* или онъ только зарождался, а вмѣсто него уѣзднымъ городомъ было теперешнее мѣстечко *Новобѣлица*» и т. д. Со всѣмъ этимъ крайне затрудняюсь согласиться и вотъ почему.

Гомель, иначе Гомій или Гомь, упоминается еще въ лѣтописи подъ 1142 г., онъ находился тогда въ составѣ Черниговскаго княжества. Позднѣе онъ подпалъ вмѣстѣ съ княжествомъ Черниговскимъ подъ власть Литвы, а затѣмъ и Польскаго королевства. Король Александръ въ 1496 и 1499 г. г. утвердилъ Гомель за сыномъ Іоанна Можайскаго Симеономъ, который въ 1500 г. пошелъ на службу князя московскаго Іоанна III, поставившаго въ условіе мирнаго договора съ Польшею, чтобы владѣнія Симеона не воевать. Условіе это не исполнялось: Гомель подвергался нерѣдко нападеніямъ литовцевъ. Тѣмъ не менѣе Гомель съ прилегающими деревнями составляло старство (или, по-нашему, волость), которая жаловалась въ награду польскимъ вельможамъ; таковымъ послѣднимъ владѣтелемъ ея былъ князь Чарторыйскій, построившій въ Гомелѣ дубовый замокъ съ бойницами, стѣнами, рвомъ и подъемными мостами. Въ 1648 г. Гомелемъ овладѣлъ гетманъ Богданъ Хмѣльницкій, но не надолго ¹⁾. Окон-

¹⁾ Всѣ вышеприведенныя свѣдѣнія можно найти въ «Географическо-статистическомъ» словарѣ Россійской имперіи. П. Семеновъ 1863 г., т. I, стр. 657 и 658, гдѣ указана и относящаяся до этого литература.

чательно Гомель со всею окрестностью, какъ входящій въ составъ Бѣлоруссiи, былъ присоединенъ навсегда къ Россiи только при императрицѣ Екатеринѣ II, при первомъ раздѣлѣ Польши въ 1772 года ¹⁾. Немного позднѣе, при торжественномъ празднованiи въ Москвѣ 10-го iюля 1775 года знаменитаго Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, заключеннаго съ турками фельдмаршаломъ графомъ Петромъ Александровичемъ Румянцовымъ 10-го iюня 1774 года, императрица Екатерина, въ числѣ важныхъ десяти наградъ, дарованныхъ въ этотъ день фельдмаршалу, пожаловала ему, какъ выражено въ указѣ, «*для его увеселенiя—деревню, пять тысячъ душъ въ Бѣлоруссiи*» (см. архивъ Правит. Сената кн. Высочайшихъ повелѣній № 138 листы 7 и 12). Вслѣдствiе этого того же года октября 3-го (тамъ же кн. 138 л. 254) состоялся Высочайшiй указъ Сенату о томъ, что въ число недвижимыхъ имѣнiй въ Бѣлоруссiи, назначенныхъ Румянцову, «утверждаемъ и надаемъ въ вѣчное и потомственное его владѣнiе мѣстечко Гомель и того же Гомельскаго староства, села и деревни» числомъ до сорока, подробно перечисленные въ указѣ. Не приводя всѣ эти наименованiя полностью, скажемъ только, что въ числѣ ихъ значилось нѣсколько желѣзныхъ заводовъ. Всѣ эти мѣстечки, села и деревни отдавались, конечно, со всеми крестьянами, бобылями и съ имуществомъ, въ нихъ состоящими, и со всеми пахотными, сѣнокосными землями, островами, рыбными ловлями, мельницами, всякаго рода заводами, не исключая ничего со всѣхъ таковыхъ угоди, кои къ сему мѣстечку, селамъ и деревнямъ издревле принадлежали и нынѣ принадлежать ²⁾.

Но не всѣ села и деревни, входившiя въ составъ Гомельскаго староства, были пожалованы въ тотъ день въ полную собственность графа П. А. Румянцова. Онъ получилъ ихъ позднѣе за успѣшное разъясненiе возбудившихъ сомнѣнiй статей Кучукъ-Кайнарджійскаго мирнаго договора, касавшихся преимущественно Крыма. 1778 г. iюня 28-го послѣдовалъ указъ Сенату (тамъ же, кн. 141 листъ 285) о пожалованiи ему *оставшихся въ Гомельскомъ староствѣ* Могилевской губернiи деревень (подробно также поименованныхъ въ указѣ) въ вѣчное и потомственное владѣнiе. Сдѣлавшись обладателемъ Гомельскаго староства въ полномъ его составѣ, фельдмаршалъ Румянцовъ выстроилъ каменный соборъ, и донинѣ возвышающiйся среди фруктовыхъ деревьевъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ каменнаго дворца, также имъ построеннаго и съ различными передѣлками и пристройками существующаго по настоящее время. Но самъ фельдмаршалъ очень мало жилъ въ Гомелѣ; онъ преимущественно проживалъ въ другихъ своихъ роскошныхъ усадьбахъ, какъ-то: въ Вишенкахъ, Парафѣевкѣ и особенно въ Ташанѣ, гдѣ онъ и скончался, какъ извѣстно, въ 1796 году 6-го декабря и погребенъ въ Кiевѣ. Обширныя его земельныя владѣнiя перешли по наслѣдству къ тремъ его сыновьямъ графамъ Михаилу, Николаю и Сергѣю Петровичамъ

¹⁾ См. I П. С. Законъ №№ 14042, 14274 и 14346. Въ 1772 г. iюля 25-го подписано соглашенiе о раздѣлѣ и самое разграниченiе Россiи и Польши окончательно установлено въ м. Хельмицѣ 4-го iюля 1775 г. См. Чечулинъ—«Внѣшняя политика Россiи въ началѣ царствованiя Екатерины II». С.-Петербургъ. 1896. Стр. 439 и 449.

²⁾ По этому же указу пожалованы затѣмъ и отведены были графу Румянцову еще и другiя земли въ различныхъ мѣстахъ именно, въ Нѣжинскомъ и Перелаславскомъ полкахъ, въ значительномъ отъ Гомеля разстоянiи.

Румянцовымъ, жившимъ очень дружно между собою и мирно подѣлившимъ достояніе своего родителя, причѣмъ Гомель со всѣми принадлежащими къ нему селами и деревнями достался графу Николаю Петровичу Румянцову, будущему канцлеру и знаменитому дѣятелю въ области русской исторической науки. Онъ очень любилъ свой Гомель и проводилъ въ немъ, удалившись отъ дѣлъ государственныхъ въ 1814 году ¹⁾, ежегодно нѣсколько мѣсяцевъ, обыкновенно лѣтомъ, но также и зимою. Онъ прекрасно отдѣлалъ старый домъ, устроилъ большой садъ и оранжереи, выписывалъ для этого разныя деревья, цвѣточныя и огородныя растенія изъ различныхъ теплыхъ странъ, очень занимался сельскимъ хозяйствомъ и достигъ того, что его значительное стадо мериносовъ пользовалось большою извѣстностью и шерсть одного очень высоко цѣнилась на рынкѣ. Помимо большой фермы, на которой выдѣлывался прекрасный сыръ, графъ устроилъ рядъ заводовъ для переработки произведеній сельскаго хозяйства, какъ-то винокуренный, прядильный, бѣлильный, гончарный, стеклянный и т. д., а для перевозки ихъ произведеній учредилъ пароходство по р. Сожѣ и Днѣпру до Киева. Кромѣ того, онъ соорудилъ въ м. Гомель мостъ на р. Сожѣ, каменную католическую церковь, еврейскую школу, ланкастерскую школу и т. д. Все это было гораздо ранѣе не только 1855 года но даже ранѣе 1826 года, такъ что едва ли правильно говорить, что въ то время Гомеля еще не было или онъ только зарождался. Пребывая въ Гомель, графъ занимался также научными изслѣдованіями и переписывался со многими учеными того времени. 3-го января 1826 г. знаменитый русскій меценатъ скончался и по своему желанію былъ преданъ землѣ въ любимомъ имъ Гомель, въ лѣвой сторонѣ храма свв. Петра и Павла, гдѣ и стоитъ по настоящее время скромный памятникъ. Нельзя не пожалѣть, что г. А. Сиговъ, будучи въ Гомель, не имѣлъ случая посѣтить эту могилу и пожелать, чтобы въ нашемъ отечествѣ являлись бы и впредь подобные же просвѣщенные дѣятели, какимъ былъ графъ Н. П. Румянцовъ. По кончинѣ графа въ 1826 году все его достояніе, въ томъ числѣ и Гомель, перешло къ послѣднему графу Румянцову Сергѣю Петровичу (старшій братъ Михаилъ скончался еще ранѣе въ 1811 году около іюня мѣсяца), нѣкоторое время поддерживавшему обширное хозяйство Гомеля, которое, однако, далеко не покрывало расходовъ, и всѣхъ затратъ, на него производимыхъ, послѣдствіемъ чего явился немалый числившійся на Гомель долгъ государственному вспомогательному банку для дворянства въ размѣрѣ всего 800.300 руб. сер. Это побудило графа С. П. Румянцова еще въ 1827 году обратиться къ его величеству съ предложеніемъ приобрести отъ него мѣстечко Гомель со всѣми принадлежащими къ нему селеніями и деревнями, въ которыхъ числилось въ то время 13.579 душъ, за 800.000 руб. Послѣ довольно продолжительной переписки эта покупка была совершена въ 1834 году на имя князя Паскевича-Эриванскаго, который, владея Гомелемъ до самой своей кончины 20-го января 1856 года, довольно рѣдко его навѣщалъ, будучи занятъ все время весьма отвѣтственной службою. Онъ, какъ извѣстно, особымъ указомъ 23-го марта 1832 года былъ снабженъ особыми

¹⁾ Указъ объ увольненіи графа отъ дѣлъ, на него возложенныхъ, 1 августа 1814 года.

уполномочіями по управленію бывшимъ царствомъ Польскимъ ¹⁾). Изъ этого видно, что Гомель послѣ польскаго возстанія 1831 года *никогда* не былъ конфискованъ русскимъ правительствомъ въ казну и процвѣталъ гораздо ранѣе 1855 года.

Теперь еще два слова о мѣстечкѣ Новобѣлица, бывшемъ, по словамъ г. Сигова, нѣкогда уѣзднымъ городомъ. Такого мѣстечка или деревни въ упомянутомъ географическомъ словарѣ *вовсе не значитъ*, имѣется только казенное селеніе *Бѣлица*, прилегающее къ Гомелю. Равнымъ образомъ *никогда не было уѣзднаго города Новобѣлица*. Но въ 1777 году упомянутое *казенное селеніе Бѣлица* было переименовано въ уѣздный городъ Могилевской губерніи, а бывший уѣздный городъ Гомель упраздненъ. Затѣмъ 2-го сентября 1852 года (5. П. В. З. № 26591) уѣздный городъ Бѣлица зачисленъ заштатнымъ городомъ, а *мѣстечко Гомель назначенъ уѣзднымъ городомъ*, съ переводомъ въ оный изъ Бѣлицы всѣхъ уѣздныхъ управленій. Немного позднѣе, 15-го марта 1854 года (5 П. С. З. № 28030), заштатный городъ Бѣлица присоединенъ, въ видѣ предмѣстья къ уѣздному городу Гомелю.

П. Майковъ.

IV.

По тому же поводу.

Въ январской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1915 г. въ статьѣ А. Сигова подъ заглавіемъ: «Замокъ князя Паскевича въ Гомелѣ», такъ много историческихъ ошибокъ, что я считаю не лишнимъ обратить на нихъ вниманіе, находя, что историческія данныя слѣдуетъ сообщать съ точностью.

Съ увѣренностью могу сказать, что трудно найти поляка, который пожелалъ бы поставить памятникъ королю Понятовскому, и странно было бы изобразить верхомъ челоуѣка отдыха и покоя, какимъ былъ король Понятовскій, который врядъ ли когда-либо садился на лошадь. Конная статуя, находящаяся передъ замкомъ Паскевича въ Гомелѣ, не представляетъ, какъ утверждаетъ А. Сиговъ, короля, но его племянника князя Юсифа Понятовскаго, погибшаго въ рѣкѣ Эльстеръ, при обратномъ шествіи изъ Россіи войскъ Наполеона, въ которыхъ князь служилъ. Онъ, подобно своему дядѣ, не положилъ особенныхъ заслугъ для своего отечества, но приобрѣлъ симпатіи народа своими военными доблестями и трагической смертью. Родственникъ его, князь Чарторыйскій заказалъ этотъ памятникъ знаменитому скульптору Торвальдсену и онъ входитъ въ списокъ произведеній этого художника. Много лѣтъ памятникъ находился на площадкѣ передъ дворцомъ Чарторыжскихъ въ Пулавахъ, теперешней Новой-Александріи. Послѣ революціи 1831 г., когда Пулавы были конфискованы въ казну, статуя Понятовскаго и вся движимость, которую Чарторыйскіе не успѣли увести до революціи изъ Пулавъ, картинная и портретная галлерей, скульптурныя произведенія искусства и даже оранжерейныя растенія перевезены изъ Пулавъ въ Гомель, а во дворцѣ помѣщенъ институтъ благородныхъ дѣвицъ, переведенный изъ Варшавы.

¹⁾ См. «Жизнь князя Паскевича-Эриванскаго» соч. кн. Щербатова, т. I, стр. 361, 364.

Оставаясь въ Пулавахъ въ качествѣ воспитанницы института шесть лѣтъ а по окончаніи его еще нѣкоторое время, я была знакома съ многими лично стями, посѣщавшими дворъ Чарторыйскихъ, и вышесказанное слышала отъ нихъ, а также отъ старика-садовника, который отвозилъ оранжерейныя растенія въ Гомель и о разставаніи съ ними говорилъ всегда со слезами на глазахъ.

Тѣло фельдмаршала Паскевича перевезено въ гомельскую усыпальницу не изъ Варшавы, какъ повѣствуетъ А. Сиговъ, а изъ Ивангорода, гдѣ первоначально онъ былъ похороненъ и покоемъ тамъ нѣсколько лѣтъ и гдѣ при похоронахъ ему отданы были небывалыя воинскія почести. Умирая въ Варшавѣ въ февралѣ 1855 года, Паскевичъ просилъ, чтобъ государь назначилъ для него мѣсто послѣдняго упокоенія, и по волѣ государя его похоронили въ Ивангородъ, названномъ въ честь Паскевича, тамъ же была похоронена и княгиня фельдмаршалыша, скончавшаяся въ томъ же году, нѣсколько мѣсяцевъ послѣ мужа.

На похороны фельдмаршала пріѣзжали въ Варшаву представители всѣхъ государствъ Европы. Безчисленные его ордена и два фельдмаршальскіе жезла ¹⁾ несли важные сановники, а конвой съ факелами сопровождалъ похоронную процессію до самаго Ивангорода (около ста пятидесяти верстъ отъ Варшавы), гдѣ ему были отданы полагающіяся воинскія почести.

По неизвѣстнымъ причинамъ, нѣсколько лѣтъ спустя, сынъ Паскевича вышелъ въ отставку, что составляетъ небывалый случай для генераль-адъютанта, и вслѣдъ за тѣмъ перевезъ прахъ родителей въ гомельскую усыпальницу, при совершеніи лишь только религіозной церемоніи, причемъ, весьма возможно, что согласно словамъ А. Сигова пріѣхали для присутствія многочисленныя родственники и друзья покойныхъ.

Гомель никогда не былъ собственностью Чарторыйскихъ, какъ утверждаетъ А. Сиговъ, а до революціи принадлежалъ графу Ходкевичу. Это я слышала отъ лицъ близкихъ къ семейству князя Паскевича.

Напрасно г. Сиговъ удивляется, почему майоратъ Гомель перешелъ послѣ смерти бездѣтнаго князя Паскевича къ его вдовѣ.

Это случилось на основаніи закона и майоратныхъ положеній, и на томъ же основаніи послѣ ея смерти перейдетъ къ Балашову, прямому наслѣднику фельдмаршала, отъ старшей его дочери, бывшей въ замужествѣ за Балашовымъ.

О. Н. Заварова.

¹⁾ 2-ой жезлъ былъ поднесенъ Паскевичу имп. Николаемъ I при празднованіи его юбилея 50-лѣтней службы. Онъ обвитъ эмальевой георгіевской лентой съ надписями: Эривань—Варшава.

Разговаривая, она наспѣхъ поправляла свой туалетъ, нуждавшійся въ порядкѣ. Потомъ, взявъ изъ-за двери ключъ, пошла впередъ при свѣтѣ садившагося солнца. Отперевъ большую дверь, она быстрымъ и сильнымъ движеніемъ, словно мужчина, отодвинула ее въ сторону. Въ ней было гораздо больше мужского, чѣмъ въ ея спутникѣ,—больше здраваго смысла, больше храбрости. Словомъ, это былъ лучший типъ, который произвела Франція того времени—типъ женщины средняго класса.

На лѣвой сторонѣ двора къ боковой башнѣ былъ пристроенъ низкій, четырехугольный домъ въ два этажа. Весь нижній этажъ былъ занятъ конюшней, очень просторной, лошадей на пятьдесятъ. Во дни Генриха Великаго эта конюшня, вѣроятно, была полнымъ-полна. Во второмъ этажѣ, на который вели три-четыре лѣстницы, было нѣсколько комнатъ. Почти все они стояли пустыми; ничѣмъ не заставленные окна безъ занавѣсей смотрѣли черезъ запущенный паркъ на итальянскій домъ.

Марія повела своего спутника по первой лѣстницѣ, прямой и узкой. Заботливо свернутый и сложенный на площадкѣ коверъ былъ весь вытоптанъ и давно потерялъ свой цвѣтъ. Кисейныя занавѣси, сколотыя вмѣстѣ Жулавкой, были въ заплаткахъ и пожелтѣли отъ частаго мытья и давнишней сырости.

Войдя въ первую отъ лѣстницы комнату, Марія открыла окно. Когда-то тутъ было помѣщеніе дежурнаго лакея. Теперь здѣсь стояла мебель пышныхъ дней Людовика XIV. Ковры полиняли, дерево посѣрѣло и было изъѣдено червями.

— Ни одно окно,—промолвила Марія, пока аббатъ напрасно боролся со шпингалетомъ, закрывавшимъ раму,—ни одно окно не открывалось много лѣтъ. Смотрите, какъ дребезжатъ стекла. Можетъ быть, откроется другое.

Аббатъ безъ всякихъ разговоровъ принялся за другое окно и открылъ его, причемъ вся краска со ставенъ полетѣла внизъ.

— Гостиная,—промолвила насмѣшливо Марія, дѣлая книксенъ передъ другой дверью, которая была открыта настежь и выходила на темную лѣстницу.—Не угодно ли будетъ его величеству, королю французскому, пожаловать сюда?—сказала она, сдѣлавъ приглашительный жестъ своей красной и еще сморщенной отъ стирки рукой.—Здѣсь имѣются три кресла. Одно изъ нихъ, впрочемъ, сломано, такъ что свитѣ его величества придется постоять.

И, оттолкнувъ половинку двери, она съ визгливымъ смѣхомъ вошла въ слѣдующую комнату.

— Главные апартаменты,—провозгласила она съ той ироніей въ голосѣ, которая, вѣроятно, досталась ей по наслѣдству отъ матери, игравшей немалую роль во время революціи.—А вотъ и комната для гостя, если, конечно, г. маркизъ сообразовалъ спать на полу въ гостиной или же внизу, въ конюшнѣ на соломѣ.

Аббатъ открылъ ставни и въ этой комнатѣ и стоялъ, кротко по-сматривая на Марію. Мебели въ комнатѣ почти не было. Кровать была не лучше тѣхъ, на которыхъ спятъ крестьяне. Стояло еще нѣсколько стульевъ. Къ окну былъ приткнутъ туалетный столикъ, въ углу за скромной ширмой приютился маленькій умывальникъ, какіе употребляютъ на югѣ Франціи.

Когда Марія была еще маленькой дѣвочкой, а толстощекий робкій будущій аббатъ учился въ семинаріи, все имущество замка было разграблено или сожжено на кострѣ.

— Дальше идетъ спальня барышни,—коротко сказала Марія.

Посмотрѣвъ кругомъ, она пожала плечами и усмѣхнулась недоброй усмѣшкой, отъ которой аббатъ вздрогнулъ.

Оба эти участника тайны Жемозакскаго дворца молча смотрѣли другъ на друга. Третье лицо, имѣвшее доступъ въ замокъ, а именно мужъ Маріи, въ счетъ не шло: то былъ мѣшковатый, молчаливый человекъ, работавшій въ это время въ виноградникъ, за оградой замка. Онъ дѣлалъ всегда то, что приказывала ему жена, не возражая, но и не обнаруживая энтузіазма: онъ зналъ, что ему достанется отъ жены, если онъ сдѣлаетъ свое дѣло плохо.

Аббатъ былъ уже разъ въ этихъ комнатахъ. Это случилось во время короткаго наѣзда въ замокъ маркиза, вскорѣ послѣ того, какъ его жена умерла въ Парижѣ. Но обыкновенно только Марія и Жанъ имѣли доступъ въ эти апартаменты.

Какъ человекъ мягкосердечный, аббатъ обвелъ эти стѣны взглядомъ, полнымъ глубокаго сочувствія. Потомъ онъ робко посмотрѣлъ на Марію, но она, угадывая его мысли, только пожала плечами.

— Нужно брать міръ, какъ онъ есть,—сказала она.—Г. маркизъ дѣйствуетъ, какъ мужчина. Это сразу видно, если онъ назначаетъ свой приѣздъ въ день стирки, да еще съ гостемъ. Вы должны написать ему, что я могу все это привести въ порядокъ, но не въ такой короткій срокъ. Откуда взять мебель? Можно достать стулъ, другой изъ банкетнаго зала. Я могу дать свою постель, которую Жанъ принесетъ, когда стемнѣетъ, такъ что никто объ этомъ не узнаетъ. А вы должны одолжить кувшинъ и тазъ, который вы купили, когда уѣзжалъ епископъ.

Тутъ она прервала свою рѣчь и бросилась къ окну.

— Боже мой!—закричала она отчаяннымъ голосомъ.—Я слышу, какъ поднимается въ гору экипажъ. Бѣжать скорѣй, г. аббатъ, къ воротамъ и запереть ихъ. Гости это, или не гости, но они не должны видѣть комнаты въ такомъ видѣ. Пустите меня.

И она безъ церемоніи оттолкнула его и бросилась мимо него по лѣстницѣ. Долго приходилось ей скрывать отчаянную бѣдность въ замкѣ, и это научило ее плотно закрывать за собой ворота. Но на этотъ разъ для большей безопасности она еще приперла ихъ

дубовымъ коломъ изнутри. Затѣмъ, повернувшись на каблукахъ, она взглянула на колокольчикъ, висѣвшій подъ ея головой. Аббатъ, слѣдовавшій за ней съ возможной для него скоростью, наивно смотрѣлъ въ щелку между двумя половинками огромныхъ воротъ.

Не прошло и минуты, какъ тихо зазвонилъ колокольчикъ. Звукъ его былъ какой-то странный. Эхо повторило его подъ высокими сводами воротъ и въ пустыхъ башняхъ по обѣимъ ихъ сторонамъ.

— Марія, Марія!—раздался за воротами веселый дѣвическій голосъ.—Отворяй скорѣй. Это я.

— Ну, вотъ,—шопотомъ проговорила Марія.—Это барышня, вернувшаяся отъ милосердныхъ сестеръ. Видно, тифъ въ монастырѣ Всѣхъ Святыхъ, о которомъ вы говорили, вспыхнулъ въ самомъ дѣлѣ.

ХІІІ.

Внутри стѣнъ.

Большой колокольчикъ, висѣвшій въ воротахъ замка Жемозакъ, не звонилъ цѣлыхъ два дня послѣ того, какъ Жюльетта де-Жемозакъ вернулась изъ монастырской школы въ монастырѣ Всѣхъ Святыхъ, гдѣ разыгрался тифъ.

Но на третій день, едва спустилась вечерняя мгла, онъ позвонилъ опять, внезапно нарушивъ тишину утопавшаго въ вечерней тѣни двора и парка. Отъ его мягкаго звонкаго звука, который придали ему литейщики въ тѣ дни, когда серебро еще не имѣло цѣны и шло на колокола, смолкли даже лягушки въ прудѣ.

Быль всего девятый часъ. Темнота только что спустилась на землю, и рабочій людъ направлялся домой. Луны не было. Звонокъ у воротъ, раздавшійся вечеромъ, наводилъ, конечно, на мысль о прибытіи какого-нибудь путешественника, которому не хотѣлось, очевидно, пробираться по извилистымъ улицамъ Жемозака днемъ.

Замокъ лежалъ на возвышенности, которая находилась довольно далеко отъ маленькаго городка Жемозака, такъ что всякій шумъ его улицъ заглушался и переходилъ въ пріятное и безобидное ощущеніе его сосѣдства. Если бы путешественникъ подѣхалъ въ каретѣ, то стукъ ея колесъ былъ бы, конечно, слышенъ. Да и топотъ лошадиныхъ копытъ по старому, сто лѣтъ не поднимавшемуся деревянному мосту предшествовалъ бы звону подворотнаго колокольчика. Но ни одинъ изъ этихъ звуковъ не потревожилъ ни Жюльетту де-Жемозакъ, одиноко сидѣвшую наверху въ маленькой бѣлой комнатѣ, ни Марію съ ея мужемъ, уставшимъ отъ дневныхъ трудовъ и сидѣвшимъ возлѣ конюшни на камнѣ въ ожиданіи, когда можно будетъ пойти спать.

Стоя у раскрытаго окна, Жюльетта слышала, какъ Жанъ задвигался и, шлепая туфлями, направился къ воротамъ.

— Кто-то пришелъ пѣшкомъ,—донеслись до нея слова Маріи.— Вѣроятно, какой-нибудь нищій: дороги теперь кишатъ ими. Смотри, чтобы онъ не попалъ дальше воротъ.

Она слышала, какъ Жанъ отодвинулъ засовъ и, пріотворивъ немного ворота, отвѣчалъ довольно грубо и односложно, хотя голосъ, задававшій ему вопросы, видимо, не принадлежалъ крестьянину. Марія также подошла къ воротамъ. Черезъ нѣсколько минутъ они оба вернулись. Жюльетта успѣшила отойти отъ окна: съ ними шелъ какой-то незнакомецъ, сапоги котораго рѣзко и громко стучали по каменнымъ плитамъ.

— Да,—донеслось до Жюльетты:—я англичанинъ, пріѣхалъ отъ маркиза де-Жемозака. Если мадемуазель здѣсь, то я долженъ ее видѣть. По дорогѣ я случайно узналъ, что въ монастырѣ Всѣхъ Святыхъ тифъ и что она вслѣдствіе этого вернулась домой. А я было ѣхалъ въ Сентъ съ вѣстями объ ея отцѣ.

— Съ какими вѣстями?—спросила Марія.

Отвѣта нельзя было слышать, такъ какъ говорившіе въ эту минуту вошли въ дверь. Впереди шелъ незнакомецъ, а Марія и ея мужъ безпрекословно слѣдовали за нимъ сзади съ тѣмъ инстинктивнымъ повиновеніемъ подразумѣваемому приказанію, которое переживетъ сотню всякихъ революцій.

Они стали подниматься по лѣстницѣ, и до Жюльетты долетѣлъ сдерживаемый смѣхъ пріѣзжаго. Марія осторожно открыла дверь.

— Этотъ господинъ не говоритъ своего имени,—сказала она.

Жюльетта де-Жемозакъ стояла у отдаленнаго конца стола, ярко освѣщенная лампой. На ней было бѣлое платьѣ съ голубой лентой у пояса. Другая лента того же цвѣта связывала ея свѣтло-каштановые вьющіеся волосы. Ни одна самая опытная кокетка не могла бы приготовить большого сюрприза, чѣмъ тотъ, который ожидалъ Лу Баребона, когда онъ, отстранивъ Марію и держа шляпу въ рукѣ, вошелъ въ комнату.

На минуту онъ какъ бы остолбенѣлъ и молча стоялъ передъ Жюльеттой, на губахъ которой блуждала спокойная, пріятная улыбка. Молодая дѣвушка, недавно выпорхнувшая изъ тихой монастырской школы, нисколько, однако, не растерялась и прекрасно знала, какъ она должна держаться. Она не говорила ни слова, но стояла, граціозно поднявъ голову и глядя на него своими ясными карими глазами. Въ свою очередь, и Лу Баребонъ, не учившійся хорошимъ манерамъ и ни разу въ жизни не разговаривавшій съ французской дамой, выступилъ впередъ съ увѣренностью и чувствомъ собственнаго достоинства, которое, очевидно, скрыто таилось въ его крови, ожидая лишь надлежащаго момента, чтобы проявиться.

— Мое имя ничего не можетъ сказать вамъ, сударыня,—сказалъ онъ съ поклономъ, которому никто, конечно, не могъ научить его въ Фарлингфордѣ.—Поэтому бесполезно называть его. Тѣмъ не

менѣ я готовъ представиться. Мое имя англійское—Барбонъ. Я англичанинъ, которому выпало на долю счастье привлечь на себя вниманіе вашего отца, который явился въ Англію, чтобы отыскать меня.

Онъ залился вдругъ смѣхомъ, вытянулъ впередъ руки, какъ бы желая показать, что онъ весь тутъ, и попросить о снисхожденіи.

— Повидимому, мнѣ предстоитъ получить во Франціи какое-то наслѣдство,—продолжалъ онъ:—но я еще не знаю, какое. Погода была очень плохая, и переѣздъ былъ очень бурный. Мнѣ должны были объяснить все это во время пути, но намъ было не до того. Поэтому я знаю объ этомъ не больше, чѣмъ вы, сударыня.

Жюльетта перемѣнилась въ лицѣ, и ея обыкновенно розовыя щечки вдругъ поблѣднѣли, какъ полотно. Она не стала распространяться относительно его незнанія, но перешла прямо къ своей цѣли.

— Вы говорите не какъ настоящій англичанинъ,—сказала она:—я знаю двухъ-трехъ англичанъ. Одинъ изъ нихъ давалъ уроки въ Сентѣ. То былъ извѣстный въ Англіи прелатъ, а между тѣмъ онъ держалъ себя, какъ дерево. Когда онъ говорилъ, то надо было представить себѣ дерево, которое вдругъ заговорило бы. Но вы... вы на нихъ не похожи.

Лу Барбонъ размѣялся. Его смѣхъ былъ очень заразителенъ, однако онъ не подѣйствовалъ на Марію, которая хмуро стояла въ дверяхъ.

— Вы описали ихъ совершенно вѣрно,—сказалъ онъ.—Я знаю цѣлую сотню, которые похожи на здоровыя деревья. Но когда вы ихъ узнаете поближе, сударыня, они окажутся такъ же привѣтливы и тихи, какъ деревья.

— Англичане?—спросила она, слегка поднимая свои изогнутыя дугой брови.

— Да, мы,—быстро отвѣчалъ онъ, сразу схвативъ отгѣнокъ ея мысли.—Я чуть не забылъ, что и я самъ англичанинъ. Забыть это заставило меня, должно быть, мое наслѣдство, или... вы. Такъ легко и естественно считать себя французомъ. И такъ... пріятно.

Марія шаркнула своими ногами и сдѣлала нетерпѣливое движеніе, какъ бы желая напомнить ему, что они еще не приступили къ дѣлу, а говорятъ только о самихъ себѣ.

— Но я забылъ о дѣлѣ,—вдругъ сказалъ Барбонъ.—Становится уже поздно. Съ вашимъ отцомъ случилось маленькое несчастье: онъ вывихнулъ себѣ ногу. Онъ находится на борту моста судна, судна, гдѣ я... былъ офицеромъ. Это судно стоитъ на якорѣ въ устьѣ рѣки недалеко отсюда, противъ деревни Мортанъ. Я при- былъ изъ Мортани по просьбѣ вашего отца съ вѣстями для васъ и для Маріи, если это и есть Марія.

— Она самая,—раздался въ дверяхъ мрачный голосъ.

Лу повернулся къ ней. Его счастливымъ даромъ было обезору-

живать всякаго при первой же встрѣчѣ. Онъ посмотрѣлъ на Марію и улыбнулся, и медленно, неохотно прояснилось и ея угрюмое лицо.

— Не ждите г. маркиза сегодня вечеромъ. Нѣкоторое время онъ еще будетъ въ отсутствіи. Ему надо съѣздить въ Бордо, гдѣ ему будутъ лечить вывихнутую ногу и гдѣ онъ останется, пока ему нельзя будетъ ходить. Онъ устроенъ на бортѣ судна довольно хорошо. Завтра утромъ оно пойдетъ въ Бордо. Маркизь поручилъ мнѣ успокоить васъ и насчетъ другого дѣла. Онъ долженъ былъ привезти съ собой гостя...

Лу остановился и весело поклонился Маріи.

— Одного незначительнаго гостя. Но въ настоящее время я не буду въ Жемозакѣ. Я ѣду вмѣстѣ съ г. Дормеромъ Кольвиллемъ въ Руанъ, гдѣ буду жить у г-жи Сентъ-Пьерръ-Лорансъ. Въ Бордо мнѣ, повидимому, нельзя показаться, и я долженъ покинуть судно сегодня же почью. Нѣкоторые пункты, касающіеся меня и моего наслѣдства во Франціи, для меня совершенно неясны.

— Неужели?—сказала Марія.—Какъ-то этому не вѣрится.

— Что вы этимъ хотите сказать?

— О, ничего,—отвѣчала Марія, разсматривая его самымъ тщательнымъ образомъ, какъ она это обыкновенно дѣлала.

— Это все, что я могу сказать вамъ,—закключилъ свою рѣчь Барбонъ.

И странное дѣло! Лишь только онъ отвернулась, Марія стала улыбаться самымъ привѣтливымъ образомъ.

— Мое порученіе къ вамъ,—продолжалъ онъ, обращаясь къ Жюльеттѣ,—гораздо проще. Вашъ отецъ будетъ очень радъ, если вы останетесь съ нимъ въ Бордо, пока онъ будетъ тамъ, если только, конечно, вѣрно то, что ему сказали, т. е. будто бы въ монастырѣ Всѣхъ Святыхъ тифъ и потому учебныя заведенія неожиданно закрыты.

— Совершенно вѣрно,—отвѣчала Жюльетта низкимъ голосомъ южанки, заранѣе соглашаясь глазами на это предложеніе.— Но какимъ образомъ я могу попасть въ Бордо?

— Вашъ отецъ не далъ мнѣ на этотъ счетъ спеціальныхъ указаній, предоставляя это вамъ самой. Онъ, очевидно, вполне полагается на ваше благоразуміе. Вотъ почему я такъ и удивился, увидѣвъ васъ. Я думалъ... я воображалъ, что вы гораздо старше.

Онъ залился смѣхомъ и сдѣлалъ рукой умоляющій жестъ, какъ будто у него въ головѣ было еще много такого, чего онъ не желалъ сказать словами.

— Можно быть молодой и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть достаточно здраваго смысла, сударь,—сказала она съ спокойной улыбкой на своемъ застѣнчивомъ лицѣ.

Такое спокойствіе есть удѣлъ полной невинности, почти монополія однихъ дѣтей, хотя встрѣчаются женщины, которыя ухитряются прожить съ нимъ всю жизнь.

— Да, конечно,—отвѣчала Лу, глядя ей въ лицо.—Итакъ, какъ же вамъ попасть въ Бордо? Какъ изъ Жемозака обыкновенно ѣздить въ Бордо?

— Надо ѣхать сначала на лошадахъ до Мортани, а тамъ всегда можно получить судно. Если приливъ благопріятенъ, то путешествіе это не очень длинно,—вмѣшалась въ разговоръ Марія, которая была прежде всего практична, а затѣмъ уже вѣжлива.

— Въ такомъ случаѣ,—быстро сказалъ Лу Баребонъ,—ѣдьте со мной сейчасъ въ Мортанъ. Я оставилъ свою лошадь въ городѣ, а свое судно у пристани. Отсюда всего часъ ѣзды. Черезъ полтора часа вы будете на борту «Послѣдней Надежды», которая стоитъ на якорѣ въ устьѣ рѣки. На суднѣ найдется помѣщеніе и для васъ и для Маріи. Я вѣдь сегодня же вечеромъ—увы!—уѣзжаю съ Дормеромъ Кольвиллемъ, и такимъ образомъ двѣ каюты будутъ совершенно свободны.

Жюльетта подумала съ минуту, не совѣщаясь съ Маріей даже взглядомъ. Впрочемъ, та, видимо, на это не рассчитывала, а просто ожидала приказаній съ видомъ покорности, которая была глубоко внидрена въ ея душу.

— Да, такъ будетъ удобнѣе всего,—промолвила наконецъ Жюльетта.—Конечно, это очень важно, чтобы мой отецъ могъ попасть въ Бордо какъ можно скорѣе.

— Если вы теперь поѣдете со мной, онъ будетъ тамъ завтра, часовъ въ двѣнадцать дня,—отвѣчалъ Лу.

Въ его веселыхъ глазахъ ясно можно прочесть: «ѣдемъ!» но Жюльетта не была еще достаточно опытна, чтобы понимать такіе сигналы.

Вопросъ былъ рѣшенъ, и Жану было приказано запрягать лошадь въ высокій старомодный шарабанъ, который былъ еще въ ходу въ замкѣ.

— Съ моря идетъ грозовая туча,—промолвилъ только Жанъ.

Отъѣздомъ пришлось немного повременить: Маріи надо было переѣхать свой туалетъ и приготовить чемоданъ своей молодой хозяйки. Но Жюльетта и Лу Баребонъ, сидя въ маленькой гостиной, нисколько не торопились, и Марія, слыша ихъ смѣхъ, не разъ бросала въ открытую дверь недовольный и безпокойный взглядъ.

Баребонъ, пріѣхавшій сюда верхомъ на лошади, которую онъ нанялъ въ деревнѣ, отправился изъ замка раньше пѣшкомъ, говоря, что экипажъ его догонитъ. Ночь была темная, особенно на западѣ, гдѣ между тяжелыми облаками надъ моремъ безпрестанно вспыхивала молнія.

Какъ во всѣхъ странахъ, которыя въ буряхъ войны бросались въ разныя стороны, крестьяне въ Гіеннѣ давно уже познали всю мудрость и выгоду житья вмѣстѣ, въ тѣсно застроенныхъ деревняхъ. Въ старинныя времена Жемозакъ былъ даже укрѣплен-

нымъ городомъ, надъ которымъ, какъ водится, господствовалъ почти недоступный замокъ.

Баребонъ ѣхалъ одинъ-одинешенекъ по безлюднымъ виноградникамъ. Дорога шла все время прямо, на ней нельзя было сбиться или разѣхаться, и Баребонъ больше наблюдалъ за облаками, которыя громоздились на западѣ, словно мрачныя башни, чѣмъ дорогой. Онъ видѣлъ, что и обитатели деревни, стоя на каждой улицѣ на порогѣ своихъ домовъ, также наблюдаютъ за ними. То былъ періодъ грозъ и града—этого смертельнаго врага винограда.

Наконецъ Лу Баребонъ остановился и сталъ ждать. Ему послышался было стукъ колесъ сзади него, но скоро онъ замѣтилъ, что, судя по этому стуку, экипажъ движется не особенно быстро.

— Нельзя ли ѣхать поскорѣе? — закричалъ онъ Жану, когда экипажъ наконецъ показался.

Жанъ ничего не отвѣтилъ, но, ткнувъ хлыстомъ въ небо, стегнулъ свою лошадь. Чтобы поощрить ее, Баребонъ двинулся впереди. Когда путники достигли деревни Мортанъ, онъ приказалъ Жану остановиться возлѣ гостиницы и подождать, пока онъ отведетъ свою лошадь въ конюшню и заплатитъ за ея наемъ. Потомъ онъ сѣлъ на козлы возлѣ него, и они покатали дальше по длинной улицѣ на большую дорогу, которая вела черезъ болотистые луга къ порту—небольшой группѣ деревянныхъ домиковъ и плотинѣ, тянувшейся отъ мелкаго мѣста вглубь канала.

Когда они, медленно двигаясь по глубокому песку, достигли наконецъ плотины, воздухъ былъ тихъ и неподвиженъ. Надъ ними еще громоздились башнеобразныя облака, отъ которыхъ рѣка покрылась черными тѣнями. На водѣ мелькали тамъ и сямъ огоньки. То были бакены, отмѣчавшіе мель на срединѣ Жиронды, которая въ этомъ мѣстѣ имѣетъ нѣсколько миль въ ширину и дѣлается очень опасна по причинѣ частыхъ мелей.

— Черезъ пять минутъ гроза будетъ надъ нами,—промолвилъ Жанъ.—Не лучше ли повернуть назадъ?

— О, нѣтъ,—послѣдовалъ отвѣтъ, сопровождаемый успокоивающимъ смѣхомъ.—Въ странѣ, откуда я пріѣхалъ, отъ грозы не поворачиваютъ назадъ.

XIV.

Поднятое покрывало.

— Гдѣ же боцманъ корабля?—спрашивала Марія, идя за Жюльеттой и Баребономъ по безлюдной плотинѣ. Въ концѣ ея сверкалъ тусклый огонекъ, двѣ-три лодки стояли около нея на якорѣ. Слышно было, какъ вода бурлила у нихъ подъ кормой, какъ будто нашептывая имъ какую-то тайну.

— Бодманъ я,—бросилъ ей черезъ плечо Лу Баребонъ.—Ужъ не испугались ли вы?

— Да что толку въ томъ, боюсь я или не боюсь,—отвѣчала Марія, останавливаясь у спуска съ плотины и всматриваясь въ темноту, въ которую онъ погружался.— Коли ужъ вышла замужъ, такъ бояться нечего. Довольно я боялась, когда была дѣвушкой, вотъ такой же стройной и кокетливой, какъ мадемуазель. Довольно теперь бояться. Идемъ!

Баребонъ ничего не отвѣтилъ на этотъ намекъ на блестящее прошлое. Темнота и приближающаяся гроза занимали все его вниманіе. Въ полномъ молчаніи Жюльетта и Марія, а сзади нихъ Жанъ, задыхавшійся подъ тяжестью багажа, который онъ несъ на плечахъ, могли слышать, какъ внизу билось о плотину тяжелое судно.

Эти звуки сопровождались визгомъ каната въ хорошо смазанныхъ снастяхъ и плескомъ косога паруса, поднятаго на крѣпкой мачтѣ.

— Для парусовъ не будетъ вѣтра,—пессимистически замѣтила Марія.

— Вѣтеръ явится самое большое черезъ пять минутъ,—отвѣчалъ Баребонъ.

Односложно выражавшійся Жанъ издалъ лишь звукъ облегченія.

— Сначала багажъ,—произнесъ Баребонъ, впадая въ обычный для моряковъ командный тонъ.—Впередъ. Торопитесь.

Они сошли на бортъ. Лу провелъ ихъ въ безопасное мѣсто въ самой срединѣ судна. Онъ сбросилъ туда свободный парусъ.

— Пригнитесь, какъ только можно. Покройтесь этимъ. Растяните парусъ надъ головой.

— Къ чему это?—заговорила было Марія.

— Слышите?

Не успѣлъ онъ промолвить это слово, какъ буря налетѣла на нихъ, словно поѣздъ, съ грохотомъ и свистомъ.

Лу прыгнулъ къ румпелю. Среди свиста бури слышно было, какъ онъ рѣзко командовалъ Жаномъ, который, вѣроятно, былъ знакомъ съ моремъ, ибо онъ сейчасъ же отвязалъ лодку, и они понеслись впередъ на парусѣ, который хлопалъ, словно изъ пушки стрѣляли. Одну минуту казалось, что все перемѣшалось въ какой-то движущійся хаосъ. Потомъ явилось чувство самосохраненія. На днѣ лодки кричалъ кто-то изъ женщинъ.

— Что? Что вы говорите?—кричалъ Лу Баребонъ, просовывая голову подъ парусъ.

— Это Марія поминаетъ всѣхъ святыхъ,—отвѣчала Жюльетта смѣющимся голосомъ.

Черезъ нѣсколько минутъ гроза прошла. Слышно было, какъ градъ летѣлъ теперь въ долину съ виноградниками, уничтожая въ нѣсколько минутъ результаты усиленныхъ трудовъ и затратъ.

Когда парусъ пересталъ трепаться, Жюльетта высунулась изъ-подъ промокшаго полотна, которое защищало ихъ, какъ крыша, и жадно глотала заходившій воздухъ. Лодка летѣла по водѣ стрѣлою, и надъ бортомъ, почти рядомъ съ лицомъ Жюльетты поднималась выгнутая, зелено-бѣлая волна, свѣтившаяся фосфорическимъ свѣтомъ.

Остатки бури носились вверху среди разорванныхъ облаковъ, сквозь которыя стали уже проглядывать звѣзды. Къ западу небо было уже чисто, и на слабомъ отблескѣ закатившагося солнца тамъ и сямъ рѣяли зарницы, извиваясь, словно какія-то танцующія феи.

А вблизи скрипѣли снасти, и надувался до послѣднихъ предѣловъ парусъ отъ вѣтра, пѣвшаго около мачты свою звонкую пѣсню.

Жюльетта повернула голову, чтобы взглянуть на Баребона. Онъ стоялъ по шиколотку въ водѣ, наклоняясь на лѣвый бортъ, чтобы передать ему весь свой вѣсь. Зарница лишь урывками освѣщала его лицо. Въ этотъ моментъ Жюльетта увидѣла и поняла то, что матросы, лежа съ спать, испытываютъ каждую ночь,—а именно что ея жизнь всецѣло въ рукахъ ея ближняго. Она чувствовала это и знала, что и Баребонъ знаетъ это, хотя онъ и не взглянулъ на нее. Она видѣла, какъ бѣлѣли въ темнотѣ его зрачки, когда время отъ времени онъ взглядывалъ вверху на парусъ или наклонялся внизъ къ его основанію. Онъ стоялъ, растопыривъ ноги между двумя скамьями, и старался вытащить нѣсколько лишнихъ вершковъ паруса, что сейчасъ же отзывалось на движеніи тяжелой лодки. Марія громко читала молитвы. Открывъ глаза, она увидѣла его фигуру, стоящую на кормѣ, и это сразу превратило ея страхъ въ ярость,

— Этотъ Жанъ,—закричала она,—набитый дуралей! Онъ увѣрялъ, что въ молодости онъ былъ рыбакомъ и пустилъ насъ въ море на нашу погибель.

Она подняла было голову но тутъ же принуждена была спрятать ее обратно: волна ударила въ бортъ и хлестнула въ лодку.

— Никакого корабля нѣтъ!—закричала она опять.—Бѣдемъ назадъ, если можно. Вѣдь мы сейчасъ утонемъ. Говорятъ вамъ, здѣсь нѣтъ никакого судна.

— Нѣтъ, есть,—отвѣчалъ Баребонъ, движеніемъ головы стряхивая воду съ лица: обѣ руки его были заняты.—Я знаю, что есть. А васъ даже и не вымочило.

И онъ со смѣхомъ быстро повернулъ лодку по вѣтру.

Жюльетта съ удивленіемъ обернулась на звукъ его голоса. Въ строгомъ уединеніи монастырской школы никто не училъ ее, что не одни святые могутъ относиться къ смерти съ полнымъ равнодушіемъ, и что въ жизненныхъ волнахъ и буряхъ люди иной разъ смѣются въ неподходящее, казалось бы, время и въ неподходящемъ положеніи.

Лу Баребонъ думалъ только о своей лодкѣ и смотрѣлъ на небо, наблюдая за остатками бури, которыми Атлантическій океанъ заканчиваетъ налетъ обрушивающихся на насъ черныхъ облаковъ, не брезгая иной разъ громомъ и зигзагами молніи, свойственной больше сѣвернымъ морямъ. Онъ рассчитывалъ свой курсъ: матросы, ждавшіе его на «Послѣдней Надеждѣ», уже замѣтили его. Въ этомъ онъ могъ удостовѣриться при свѣтѣ внезапно вспыхнувшей молніи, которая бросила яркій свѣтъ на вспѣнную воду и помогла ему увидеть, гдѣ висѣлъ трапъ.

— Передайте маркизу де-Жемозаку, что я везу въ лодкѣ мадемуазель и ея служанку,—крикнулъ Лу Баребонъ капитану Клеббу, широкое лицо котораго освѣтилось боковымъ фонаремъ, надъ которымъ онъ нагнулся.

Съ подвѣтренной стороны за «Послѣдней Надеждой» море было довольно тихо. Сильно нагруженное судно неподвижно стояло на якорѣ.

— Вставайте, мадемуазель,—сказалъ Баребонъ, балансируя, стоя на скамейкѣ.—Держитесь за меня вотъ такъ и, когда я пушу васъ, идите.

Не время было теперь спорить и отказываться, и Жюльетта чувствовала, какъ она переходитъ изъ однѣхъ сильныхъ рукъ въ другія, цока не стала, наконецъ, на ноги на палубѣ, окруженная людьми, которые казались ей огромными въ своихъ непромокаемыхъ курткахъ.

— Сюда, мадемуазель,—сказалъ ей одинъ изъ нихъ, самый большой.

Онъ сказалъ ей это по-англійски—языкъ, который она понимала настолько, чтобы схватить значеніе словъ.

— Я проведу васъ къ вашему отцу. Эй, вы, посвѣтите сюда!

Онъ взялъ ее за руку и повелъ ее къ открытой двери, въ которую виднѣлась тускло горѣвшая лампа. Сильно пахло, какъ показали Жюльеттѣ, копотью.

Черезъ минуту она была уже въ объятіяхъ отца, который лежалъ враспяжку на койкѣ въ маленькой каютѣ.

Она засыпала его вопросами, не дожидаясь отвѣтовъ. Отвѣчала, впрочемъ, на нихъ большею частью она сама.

— Очевидно,—быстро говорила она,—ваша нога перевязана морякомъ. Онъ хотѣлъ связать ее, словно мачту. Это, должно быть, былъ самъ капитанъ, который привелъ меня сюда. Онъ убѣжалъ какъ можно скорѣе. Да, со мной Марія. Она все кричала, чтобы обращались осторожнѣе съ багажомъ. Я и теперь еще ее слышу. Какъ я рада, что у насъ въ школѣ тифъ. У насъ была одна свѣтская сестра, ужасно глупая особа. Но какъ хорошо, что я оказалась дома какъ разъ въ то время, когда я вамъ понадобилась.

Развязавъ повязку на ногѣ отца, она поднялась и стала со смѣхомъ его разсматривать.

— Бѣдный папа! Видно, что вамъ непремѣнно нуженъ кто-нибудь, кто ухаживалъ бы за вами. А эта каюта... Боже мой! какая некомфортабельная. Мужчины, вѣроятно, потому одни ходятъ въ море, что имъ не убѣдить ни одну женщину сопровождать ихъ.

Она опять бросилась къ отцу, поправила у него подушки за спиной, принявъ предварительно на себя покровительственный тонъ. Она стояла спиной къ двери. Кто-то вошелъ. Услыхавъ шаги, она быстро обернулась и обвела глазами стѣны каюты.

— Боже мой, — веселымъ шепотомъ промолвила она. — Здѣсь нѣтъ зеркала! Видно, что тутъ живутъ только одни мужчины.

И, поправивъ наскоро рукой растрепавшіеся волосы, она съ веселой улыбкой повернулась къ посѣтителю. То былъ Дормеръ Кольвилль. Снявъ съ себя непромокаемый плащъ, онъ поздоровался съ нею, какъ старый другъ. Онъ зналъ ее съ дѣтства и всегда держался съ нею на дружеской ногѣ, несмотря на быстрыя перемены, которыя совершались съ нею въ школѣ.

— Вотъ такъ путешествіе, — говорилъ онъ, пожимая ей руку. — Но вы, какъ видно, добрались сюда безъ всякаго вреда и даже не боялись. Для насъ это очень пріятный сюрпризъ.

Онъ глядѣлъ на нее, улыбаясь, съ удовлетвореніемъ, слегка смѣшаннымъ съ любованіемъ, которое онъ считалъ для себя позволительнымъ, а она — даже должнымъ.

— Я задержался тамъ, чтобы немного обучить вашу служанку, которая не имѣетъ никакой привычки къ кораблю. Къ тому же и старшій слуга говорить по-французски очень плохо. Теперь они вмѣстѣ готовятъ вамъ каюту.

— Великолѣпно! — вскричала Жюльетта. — Мнѣ никогда не приходилось быть на кораблѣ. Тутъ все такъ необычно и хорошо. А эти большіе люди, похожіе на мокрыя привидѣнія и не говорящіе ни слова! Мнѣ кажется, они гораздо интереснѣе женщинъ. Можетъ быть, это оттого, что они не такъ много говорятъ.

— Можетъ быть, — согласился Дормеръ Кольвилль, внезапно становясь серьезнымъ.

— Я слышала, какъ объ этомъ говорили сестры, — замѣтила она конфиденціальнымъ тономъ.

— Могу себѣ представить, — разсмѣялся Дормеръ Кольвилль. — Но теперь все это осталось позади васъ. Теперь вы вступили въ свѣтъ... однихъ мужчинъ, можно сказать. И ваше вступленіе сразу ознаменовалось приключеніями.

— Мы съ папой ѣдемъ въ Бордо и будемъ тамъ, пока не поправится его нога. Конечно, я была въ отчаяніи, когда я въ первый разъ услышала объ этомъ. Но теперь, увидѣвъ его, я уже больше не боюсь. И вашъ посланецъ увѣрилъ меня, что все это не серьезно.

Она замолчала и обвела глазами каюту, какъ бы желая удосто- вѣриться, что они одни.

— Онъ удивительный человѣкъ,—сказала она обоимъ своимъ собесѣдникамъ, поглядывая то на того, то на другого своими блестящими глазами... Я никогда еще не видала такого человѣка.

— Въ самомъ дѣлѣ?—спросилъ Дормеръ Кольвилль, вызывая ее на разговоръ.

— Онъ говорилъ, что онъ англичанинъ, но, конечно, онъ не англичанинъ. Онъ французъ, и манеры у него не буржуазныя. Онъ держится, какъ аристократъ, какъ роялисть, вродѣ Альберта де-Шантоннэ, только въ тысячу разъ лучше.

— Да, вы правы,—промолвилъ Дормеръ Кольвилль, бросая взглядъ на маркиза.

— Онъ гораздо болѣе интересенъ, подвиженъ и остроуменъ. Онъ говорилъ о какомъ-то наслѣдствѣ во Франціи, надѣюсь, что это наслѣдство не ускользнетъ отъ него.

— Конечно, конечно,—подтвердилъ Кольвилль, продолжая смотрѣть на маркиза.

— А когда мы были въ лодкѣ,—продолжала Жюльетта конфиденціальнымъ тономъ:—онъ вдругъ сталъ другимъ человѣкомъ. Говорилъ рѣзко и отрывисто и приказывалъ намъ дѣлать то-то или то-то, и всѣ дѣлали это безъ возраженій. Даже Марія повиновалась ему немедленно, хотя она и была ни жива, ни мертва отъ страха. Мы подвергались большой опасности. Я это знала. Должно быть, всѣ это знали. И тѣмъ не менѣе я не боялась. Очень любопытно, почему это? А онъ велъ себя храбрецомъ. Я никогда не воображала, что можно быть такимъ храбрымъ.

Она вдругъ приложила палецъ къ губамъ и замолкла: кто-то отворилъ дверь каюты. Вошелъ капитанъ Клеббъ, занявъ своей фигурой половину каюты. Слѣдомъ за нимъ появился Лу Баребонъ. Его лицо и волосы были еще мокры, и съ нихъ капала вода.

— Мадемуазель удивляется,—сказалъ Дормеръ Кольвилль:—какъ это вамъ удалось избѣгнуть крушенія.

— Э, у каждого есть своя звѣзда. Даже у бѣднаго матроса, сударыня. И у принца Наполеона, хотя онъ, вѣроятно, хвастается, что его звѣзда первой величины.

— Вы не принадлежите къ числу бѣдныхъ матросовъ,—замѣтила Жюльетта.

— Въ такомъ случаѣ, кто же я?—спросилъ Лу съ веселымъ смѣхомъ, ставъ передъ ними какъ разъ подъ качавшейся висячей лампой.

Маркизъ де-Жемозакъ поднялся на локтѣ.

— Я скажу вамъ, кто вы такой,—промолвилъ онъ тихо, указывая рукой на матроса.—Я скажу вамъ.

Его голосъ сталъ громче.

— Вы внукъ Людовика XVI и Маріи-Антуанетты. Вы послѣдняя надежда Франціи. Франція—вотъ ваше наслѣдство. Жюльетта,—вотъ король Франціи!

Жюльетта повернулась и впиалась въ него глазами. Лицо ея стало блѣдно, какъ у мертвеца. Потомъ инстинктивно она опустилась на одно колѣно и прежде, чѣмъ онъ могъ понять, что она дѣлаетъ, поднесла его руку къ своимъ губамъ.

XV.

Отливъ.

— Начинается отливъ, сэръ,—сказалъ чей-то голосъ въ дверяхъ

Капитанъ Клеббъ повернулъ свое безстрастное лицо къ Дормеру, который при тускломъ свѣтѣ лампы казался поблѣднѣвшимъ и растеряннымъ. Баребонъ безъ церемоніи вырвалъ свою руку у Жюльетты. Онъ сдѣлалъ шагъ назадъ и инстинктивно обернулся, слышавъ хорошо знакомый голосъ боцмана. Онъ смотрѣлъ въ темноту подобно человѣку, который двигается во снѣ. Всѣ молчали, и, кромѣ свиста вѣтра въ снастяхъ, ни одинъ звукъ не проникалъ въ каюту.

Баребонъ наконецъ повернулся. На его лицѣ не было ни страха, ни недовѣрія. Онъ посмотрѣлъ на капитана Клебба такъ, какъ будто они были съ нимъ совершенно одни въ каютѣ, въ которой они провели вмѣстѣ столько лѣтъ.

— Что вы скажете?—спросилъ онъ по-англійски, хотя и зналъ, что капитанъ понимаетъ по-французски гораздо лучше, чѣмъ это можно было предположить.

Клеббъ не спѣша провелъ рукой по своей щекѣ и подбородку не для того, чтобы выиграть время или чтобы у него не было наготовѣ отвѣта, а потому, что онъ принадлежалъ къ расѣ, говорящей не такъ-то скоро. Его отвѣтъ былъ готовъ уже нѣсколько недѣль тому назадъ, когда онъ еще сидѣлъ на изъѣденной погодой скамейкѣ противъ стѣны «Чернаго Матроса» въ Фарлингфордѣ.

— Приливъ кончился,—просто сказалъ онъ.—Вы бы лучше надѣли непромокаемую куртку и шли къ своему мѣсту.

— Хорошо,—отвѣчалъ Лу съ какимъ-то страннымъ смѣхомъ.— Я думаю, что дѣйствительно нужно надѣть непромокаемую куртку.

Лодка, присланная по распоряженію лоцмана изъ Руана, вошла въ рѣку вслѣдъ за «Послѣдней Надеждой», и теперь стояла у кормы англійскаго корабля, дожидаясь ея пассажировъ и начала отлива.

Дормеръ Кольвилль взглянулъ на часы, висѣвшіе въ каютѣ.

— Ъдемъ,—вдругъ сказалъ онъ.—Будетъ довольно поздно, когда мы доберемся до дома моей родственницы.

Онъ перевелъ свои слова маркизу и Жюльеттѣ, вспомнивъ, что они, вѣроятно, съ трудомъ понимаютъ разговоръ на отрывистомъ англійскомъ языкѣ западнаго побережья Англій. Онъ, видимо, нерв-

ничаль и хотѣлъ, чтобы поскорѣ миновалъ этотъ щекотливый моментъ, дабы избѣгнуть всякихъ вопросовъ и необходимости отвѣчать на нихъ. Онъ прожилъ на свѣтѣ сорокъ лѣтъ, богатыхъ всякими приключеніями, и зналъ по опыту, что именно лишнее слово разрушаетъ большинство человѣческихъ плановъ.

Приготовленія къ отплытію были уже сдѣланы заранѣе. Капитанъ Клеббъ былъ не изъ такихъ людей, чтобы терять время на прощаніе и на пожеланія всякаго благополучія, зная, что всѣ эти пожеланія ни къ чему обыкновенно не ведутъ. Лу Баребонъ былъ еще весь подъ впечатлѣніемъ страшной грозы и неимоверныхъ усилій, съ которыми удалось подѣхать на лодкѣ къ кораблю.

Все остальное не успѣло еще проникнуть въ его мозгъ глубоко. Приходилось дѣйствовать, а не раздумывать. Когда же необходимость дѣйствовать прошла, когда онъ опомнился и явилась возможность думать, то оказалось, что эта возможность вѣ его власти. Бросая внизъ или возвышая, судьба обыкновенно при первомъ же поворотѣ ея колеса притупляетъ пониманіе.

Изъ-за отдаленнаго ряда деревьевъ на берегу Кларенты появилась наконецъ луна на ущербѣ. Она освѣтила серебрянымъ свѣтомъ громоздившіяся облака двигавшейся на востокъ грозы, оставляя за собой опустошенные виноградники и побитыя поля, прижигая, словно каленымъ желѣзомъ, лицо земли.

Лу поднялъ голову и посмотрѣлъ вокругъ себя. Владѣлецъ лодки стоялъ у руля, а его помощникъ сидѣлъ посрединѣ, уперевъ локти въ кѣлѣна и посматривая кругомъ себя сонными глазами. Около Баребона, стараясь укрыться отъ холоднаго вѣтра, дувшаго съ Атлантическаго океана, молча стоялъ Дормеръ Кольвилль. Когда Лу повернулся въ его сторону и посмотрѣлъ на него, онъ пересталъ глядѣть на него и отвернулся въ сторону. Но и тогда Лу чувствовалъ на себѣ его взглядъ, полный сочувствія и прозрѣнія въ ту внутреннюю работу, которая совершалась въ другомъ.

Какъ несется къ морю лодка, минуя мигающіе огоньки, которыми отмѣченъ каналъ, и забирая вправо къ той полосѣ земли, которая лежитъ между Жирондой и широкимъ океаномъ и на которой растетъ не знающій себѣ соперника виноградъ, такъ и Лу Баребонъ, повернувшись спиной къ судну, которое такъ долго служило ему домомъ, тронулся въ новый міръ, въ новую и неизвѣданную еще жизнь. Громкія слова маркиза де-Жемозака еще звенѣли въ его ушахъ, а рука горѣла отъ прикосновенія горячихъ губъ Жюльетты.

— Вы внукъ Людовика XVI и Маріи-Антуанетты! Вы послѣдняя надежда Франціи.

И ему представились блики, игравшіе на волосахъ Жюльетты, когда она склонила передъ нимъ голову.

Кольвилль разговаривалъ съ «хозяиномъ». Онъ, видимо, зналъ

берегъ и мѣстные морскіе обычаи совершенно достаточно для того, чтобы заставить рыбака разговариваться.

Собирались пристать къ берегу, и Кольвилль принялся точно опредѣлять мѣстонахожденіе маленькой косы, на которой обыкновенно происходило купанье и которая отдѣлялась отъ песчаного берега недалеко отъ дома м-ше Сентъ-Пьерръ-Лорансъ въ двухъ миляхъ отъ Руана.

Не легко было отыскать это мѣстечко при тускломъ свѣтѣ неполной луны. Лу машинально присоединился къ поискамъ.

Когда коса была наконецъ найдена, они выгрузили на нее багажъ и молча пошли по песчаной отмели.

— Здѣсь,—промолвилъ Кольвилль, указывая впередъ рукою.— Надо пройти черезъ эту просѣку между соснами. Минуть черезъ пять мы будемъ уже въ домѣ моей родственницы.

— Я чрезвычайно благодаренъ м-ше Сентъ-Пьерръ-Лорансъ за то, что она пожелала принять меня,—отвѣчалъ Лу Баребонъ.

Кольвилль спокойно разсмѣялся.

— Не мѣшаетъ,—сказалъ онъ.

Нѣсколько ярдовъ они шли совершенно молча. Вдругъ Кольвилль взялъ своего спутника подъ руку, какъ это постоянно дѣлали въ Англіи мужчины въ то болѣе экспансивное время.

— Я понимаю, что дѣлается у васъ на душѣ,—началъ онъ, стараясь итти съ Баребономъ въ ногу.—Вы должны чувствовать себя, какъ человѣкъ, который сѣлъ за игру, въ которой онъ ничего не понимаетъ, и, открывъ карты, увидалъ, что у него полная рука козырей. А какъ играть ими—неизвѣстно.

Баребонъ молчалъ. Ему трудно было отвыкнуть отъ наставленій капитана Клебба, твердившаго, что чувства человѣка касаются только его одного и что никто другой не имѣетъ права вмѣшиваться въ нихъ, кромѣ развѣ жены, да и та большую часть должна угадывать.

— По мѣрѣ того, какъ будетъ подвигаться игра,—продолжалъ ободряюще Кольвилль:—научитесь играть и вы. Можетъ даже оказаться, что вы прекрасный игрокъ и что задоръ игрока воспламенитъ вашу кровь и повыситъ вашу энергію. Вы тогда почувствуете, что это за дьявольская вещь—азартная игра. А игра будетъ большая, Баребонъ, очень большая. Ставкой будетъ вся Франція.

И, говоря это, онъ топнулъ ногой по почвѣ этой Франціи.

— Въ первую же минуту, когда я увидалъ васъ, я зналъ, что вы будете дѣлать. Нѣтъ человѣка, который могъ бы лучше сыграть эту игру, чѣмъ вы. У васъ есть и сообразительность, и быстрота,—продолжалъ онъ тономъ ментора, слегка налегая на руку своего спутника.—Но вамъ придется поработать надъ этимъ.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Въ Фарлингфордѣ я замѣтилъ, что вы не особенно хотѣли начинать все это дѣло. Это, вѣроятно, у васъ въ крови. Въ крови Бурбоновъ, какъ извѣстно, всегда была склонность... какъ бы это сказать... всегда была неохота начинать. Другіе называютъ это свойство иначе. Но вѣдь на то они и Бурбоны. Теперь нужно хвататься за все—даже за недостатокъ, который можетъ свидѣтельствовать о вашей подлинности. Вамъ придется потомъ поработать, какъ я уже сказалъ, а теперь пока дѣла будетъ немного. Вамъ теперь надо слѣдовать указаніямъ маркиза де-Жемозака и вашего покорнѣйшаго слуги. Это, конечно, будетъ не особенно трудно. На то у васъ и французская быстрота соображенія. Скажите откровенно, какъ полагается между мужчинами: вы имѣли время обдумать свое положеніе, Баребонъ. Вы не боитесь?

— О, нѣтъ,—со смѣхомъ отвѣчалъ Лу.—Я нисколько не боюсь.

— Да, Баребонъ или Бурбонъ ни съ того, ни съ сего не сдѣлаться,—замѣтилъ Кольвилль въ сторону.—Какъ бы я хотѣлъ сказать про себя, что я нисколько не боюсь въ подобныхъ обстоятельствахъ. У меня сердце готово было выскочить тамъ, въ каютѣ, когда Жемозакъ выпалилъ вамъ все напрямки. Все это случилось какъ-то вдругъ. И вотъ теперь вы въ восемнадцать лѣтъ получаете наслѣдство, богатое симпатіями и антипатіями, геніальностью и бездарностью, поразительной прозорливостью и недальновидностью, равнаго которому вы не найдете въ исторіи ни одной династіи. Но теперь это ничего не значитъ. Теперь, какъ извѣстно, прогрессивный вѣкъ, и даже Бурбоны не могутъ удержать прогрессъ.

— Я получаю въ наслѣдство уже готовыхъ враговъ и друзей,—весело замѣтилъ Баребонъ.—Вотъ что важно.

— Вы правы!—воскликнулъ Кольвилль.—Я подумалъ, что вы годитесь на свою роль въ первую же минуту, лишь только увидѣлъ васъ сошедшимъ на землю въ Фарлингфордѣ. Вы сразу же дошли до самой сути вопроса. Хлопотъ вамъ надѣлаютъ именно друзья и враги.

— Въ особенности друзья,—съ легкимъ смѣхомъ замѣтилъ Лу.

— Вѣрно,—промолвилъ Кольвилль, бросая на него взглядъ сбоку изъ-подъ шляпы.—Вы, вѣроятно знаете, какъ надо дѣйствовать съ вашими врагами на морѣ,—задумчиво началъ онъ опять послѣ нѣкоторой паузы.—Замѣчали ли вы, какъ англійскій корабль входитъ въ чужую гавань и становится здѣсь на якорѣ? Нѣтъ ничего болѣе характернаго для этой націи. Каждый капитанъ, какъ двѣ капли воды, похожъ на другою. Нѣтъ сомнѣнія, вы тысячу разъ видѣли, какъ дѣлаетъ это Клеббъ. Онъ входитъ въ гавань на всѣхъ парусахъ и прямо направляется на то мѣсто, гдѣ хочетъ стать на якорь. И всегда навстрѣчу ему выходитъ съ полдюжины лодокъ съ дюжиной людей. Они стоятъ въ лодкахъ, машутъ руками и показываютъ одинъ туда, другой сюда, осыпаютъ вопросами и, прило-

живъ руку къ губамъ въ видѣ рупора, выкрикиваютъ свои совѣты. Въ отвѣтъ капитанъ выглядываетъ за бортъ и говоритъ: чортъ бы васъ всѣхъ побралъ! Вотъ какъ надо дѣйствовать и съ вашими друзьями и съ вашими врагами, Баребонъ, если вы хотите имѣть успѣхъ во Франціи. Вы должны сказать этому народу, который окружаетъ васъ съ своими лодочками: чортъ бы васъ всѣхъ побралъ!

Они уже подошли къ самымъ воротамъ дома, расположеннаго на лужайкѣ среди сосенъ.

— Это домъ моей родственницы,—сказалъ Кольвилль.—Пока онъ будетъ и вашимъ домомъ. И, пожалуйста, не стѣсняйтесь считать его своимъ. Она вамъ, впрочемъ, объ этомъ сама скажетъ. Теперь не время думать объ одолженіяхъ или считать, что вы вводите кого-нибудь въ долги. Это все можетъ быть потомъ, а не въ данную минуту. Теперь мы всѣ въ одной лодкѣ, всѣ играемъ одну и ту же игру.

Онъ тихонько размѣялся: было поздно, и въ домѣ, повидимому, всѣ спали.

— Что касается моей родственницы,—продолжалъ онъ, подходя къ воротамъ, то вы увидите сами, что съ ней можно дѣло дѣлать. Умная и вдобавокъ красивая женщина! Впрочемъ, затрудненія для васъ будутъ не съ этой стороны. Съ дамами своей партіи вы можете поладить очень легко, судя по тому, что я уже видѣлъ.

И онъ опять повеселѣлъ.

XVI.

Игроки.

Въ извѣстномъ смыслѣ политика всегда является игрой, въ высшей степени притягательной для азартнаго игрока: вѣдь въ нее можно играть, не имѣя, что проиграть. Это одна изъ немногихъ игръ, имѣющихся въ распоряженіи игрока, гдѣ не нужно выкладывать ставку на столъ. Игрокъ на политическую карьеру можетъ выиграть или не выиграть. Онъ можетъ подняться съ самыхъ низовъ и громко заявить, что онъ-то и есть нужный въ эту минуту человекъ, не представляя никакихъ доказательствъ этому, кромѣ громкаго голоса. Да и многимъ изъ тѣхъ, которые его слушаютъ, также нечего терять.

Во Франціи тотъ соберетъ вокругъ себя больше послѣдователей-кто сумѣетъ кричать громче всѣхъ. Въ Англии этого еще не замѣтно, но приближается, повидимому, время, когда и здѣсь будетъ то же самое.

Во Франціи со временъ великой революціи люди постоянно поднимались съ самаго дна, чтобы стать у кормила правленія. Нѣкоторые явились изъ сточныхъ ямъ дворца, которые, очевидно,

такъ же нездоровы, какъ и сточныя воды любой улицы или коллектора, отводящаго отбросы Парижа.

Въ сѣверной части Луврскаго дворца есть нѣсколько комнатъ, изъ окна которыхъ черезъ улицы Риволи виденъ Пале-Рояль, въ которомъ сидѣли въ обитыхъ кожей креслахъ высокіе сановники, подсмѣиваясь надъ изумительной простотой французскаго народа. Но умнѣе смѣется тотъ, кто смѣется послѣднимъ, этотъ самый народъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, а можетъ быть и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, тоже будетъ смѣяться при видѣ того, какъ эти комфортабельно устроившіеся господа полетятъ вверхъ ногами или повиснутъ на фонарѣ. А вѣдь многихъ сидящихъ въ этихъ спокойныхъ креслахъ за двойными рамами постигнетъ именно такая судьба.

Въ августѣ 1850 года одинъ дородный господинъ, сидѣвшій въ этихъ спокойныхъ креслахъ, такъ изнемогъ отъ стоявшей во дворцѣ жары, что заснулъ. Сидѣлъ онъ, впрочемъ, не тамъ, гдѣ сидѣли высокіе чиновники, а въ сосѣдней пріемной.

Онъ зналъ, что эти высшіе сановники не особенно любятъ отпущать скоро людей, имѣющихъ до нихъ надобность, хотя бы они и надоѣдали имъ. Онъ зналъ, что эти чинуши глухи ко всякому голосу, кромѣ своего собственнаго.

Къ тому же Джонъ Тернеръ никогда не торопился. «Да,—говоривалъ онъ,—я былъ въ Парижѣ въ 1848 году.—Я никогда не опаздывалъ къ обѣду».

Джонъ Тернеръ продолжалъ еще спать, когда дверь, ведущая въ комнату министровъ, осторожно открылась, оставляя за собой темноту, какая бываетъ въ альковѣ за нѣсколькими занавѣсями. Потомъ дверь открылась шире. Наблюдающій изъ нея, несомнѣнно, убѣдился, что проситель погрузился въ сонъ. На порогѣ появился челоуѣкъ средняго роста, державшій себя любезно и съ спокойнымъ достоинствомъ. Онъ былъ блѣденъ, какъ смерть. Широкое лицо его освѣщалось печальными глазами, въ которыхъ не было никакого блеска. Печальное выраженіе особенно сказывалось въ линіяхъ бровей, а не въ самихъ глазахъ, близорукихъ и какъ бы старающихся проникнуть въ то, что имъ представлялось.

Губы его улыбались, но эта улыбка замирала гдѣ-то подъ нафабранными усами и не поднималась на его лицо, похожее на маску.

Постоявъ немного на порогѣ, челоуѣкъ этотъ вдругъ исчезъ въ темномъ пространствѣ между двумя дверьми и безъ всякаго шума повернулъ дверную ручку.

Черезъ нѣсколько минутъ изъ той же двери вышелъ лакей въ пестрой формѣ, нисколько не стараясь заглушить шумъ своихъ шаговъ по дубовому полу.

— Послушайте, господинъ,—громко сказалъ онъ.

Джонъ Тернеръ положилъ ногу на ногу и поглубже откинулся въ кресло. Потомъ онъ открылъ глаза и устремилъ свой взоръ прямо

въ лицо лакею безъ всякаго блужданія глазами, какъ это обыкновенно бываетъ съ людьми, только что проснувшимися.

Глаза его оказались блѣдно-голубого цвѣта, и, когда они были открыты, мистеръ Тернеръ казался на пять лѣтъ моложе, чѣмъ когда они были закрыты.

— Что скажешь, мой другъ?—спокойно спросилъ онъ, несмотря на довольно рѣзкія манеры, которыми отличался этотъ министерскій лакей.—Къ чему такой шумъ.

— Г. министр проситъ васъ къ себѣ.

Джонъ Тернеръ зѣвнулъ и потянулся за своей шляпой.

— Г. министр очень занятъ и дорожитъ своимъ временемъ.

— Я тоже, — отвѣчалъ англичанинъ, прекрасно говорившій по французски.—Я тоже очень дорожилъ своимъ временемъ, когда полчаса тому назадъ сѣлъ на это кресло. Но привычка спѣшить со временемъ исчезаетъ.

Онъ поднялся и пошелъ за лакеемъ въ сосѣднюю комнату. Тамъ за огромнымъ письменнымъ столомъ сидѣлъ какой-то сѣдобородный господинъ, которому Тернеръ предупредительно поклонился.

— Ну,—началъ этотъ господинъ тѣмъ отрывистымъ тономъ, которымъ на сценѣ говорятъ актеры, изображающіе Наполеона.—Вашъ родъ занятій?

Слуга поспѣшилъ удалиться изъ кабинета, пріотворивъ за собой дверь съ какой-то особенной тщательностью, которая выдавала его.

— Я банкиръ,—отвѣчалъ Тернеръ, бросая взглядъ съ видомъ раздумья по направленію къ глубокому окну, гдѣ, полускрыто стоялъ челоуѣкъ, глядя внизъ на улицу.

Министръ невольно улыбнулся, забывая о своемъ достоинствѣ.

— Вы вполне можете говорить, никого не стѣсняясь,—сказалъ онъ.

— Но я не вижу лица этого господина,—послѣдовалъ отвѣтъ.

Челоуѣкъ, стоявшій у окна, не принялъ этого приглашенія по, казать свое лицо. Онъ, очевидно, слышалъ, что сказалъ Тернеръ—несмотря на разсѣянность, казавшуюся хронической. Слѣдя глазами за какой-то интересной сценой, разыгравшейся на улицѣ, онъ сдѣлалъ движеніе, и этого движенія оказалось достаточно для Тернера.

— Да, я банкиръ,—заговорилъ онъ болѣе свободно.

Министръ слегка засмѣялся.

— Это извѣстно всякому въ Европѣ,—замѣтилъ онъ.—Продолжайте.

— Я вмѣшиваюсь въ политику только тогда, когда вижу для себя возможность заработать деньги честнымъ образомъ.

— Эти деньги уже заработаны честнымъ образомъ, если повѣрить тому, что о васъ говорятъ въ Европѣ,—снова перебилъ его министр.—Такія деньги, что, говорятъ, вы и сами не знаете, что съ ними дѣлать.

— Очень жаль,—согласился Тернерь:—что объдать можно только одинъ разъ въ день.

Крошечный министръ не разъ уже приглашалъ своего дороднаго посѣтителя садиться, показывая ему рукой на приготовленное для него кресло. Осмотрѣвъ не торопясь его ножки, Джонъ Тернерь наконецъ усѣлся. Казалось, что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ молча принялъ предложеніе министра не обращать вниманія по присутствіе третьяго лица.

— Если вы знаете обо мнѣ все,—заговорилъ онъ:—то я не буду долго задерживать ни васъ, ни себя, пытаюсь увѣрить, что я необыкновенно почтенный человѣкъ. Дѣло, которое меня привело сюда, политическаго характера. Простой человѣкъ, въ родѣ меня, только тогда пускается въ политику, когда ясно видить хорошій заработокъ. Говорятъ, что другіе пускаются въ эту область по болѣе чистымъ побужденіямъ, но я такихъ людей еще не встрѣчалъ.

Министръ улыбнулся одной стороною своего лица и бросилъ безпокойный взглядъ на господина у окна.

— Кромѣ того,—продолжалъ Джонъ Тернерь, вдругъ осмѣлѣвъ:—я, г. министръ, прожилъ много лѣтъ во Франціи.

— Неужели вы явились сюда для того, чтобы рассказывать мнѣ все это?—нетерпѣливо воскликнулъ министръ, глядя въ окно и уже протягивая руку къ маленькому колокольчику, который стоялъ на его письменномъ столѣ.

— Севершено вѣрно,—отвѣчалъ Тернерь, отодвигая подальше колокольчикъ. Съ веселой улыбкой онъ кивнулъ министру головой, отчего полныя его щеки задрожали.—Это и еще многое другое, что вполне достойно вашего вниманія и къ чему вамъ слѣдуетъ прислушаться, тѣмъ болѣе, что вамъ за это платять.

Онъ засмѣялся какъ-то внутри себя, глухимъ смѣхомъ и тихонько положилъ нога на ногу.

— Да, я явился сюда для того, чтобы прежде всего сказать вамъ, что теперешняя форма правленія и всѣ другія, которыя могутъ возникнуть изъ нея...

— О, продолжайте, продолжайте!—поспѣшно воскликнулъ министръ.

Человѣкъ, стоявшій въ амбразурѣ окна, обернулся и бросилъ черезъ плечо быстрый взглядъ на Тернера. На его загадочномъ, какъ у сфинкса, лицѣ играла легкая улыбка, не лишенная привѣтливости.

— Неизмѣнно получаютъ мое пассивное одобреніе,—продолжалъ англичанинъ.—Вотъ почему я здѣсь. Мнѣ было бы неприятно, если бы все пошло вверхъ дномъ...

Проговоривъ эти слова, Тернерь повернулся на креслѣ, чтобы взглянуть по направленію къ окну. Слишкомъ пристальный взглядъ человѣка, стоявшаго тамъ, какъ будто щекоталъ ему шею, словно

по ней ползала муха. Но пока тяжеловѣсный банкиръ успѣлъ повернуться, драпировка уже перестала двигаться.

— Вслѣдствіе какого-нибудь серьезнаго роялистскаго заговора,—солидно докончилъ банкиръ.

— То же самое сказали бы любой патриотъ, любой вѣрный другъ Франціи,—подхватилъ министръ, впадая въ декламацию.

— Г-мъ!—промычалъ англичанинъ.—Вы понимаете, я плыву по мелкой водѣ и подбираю, что можно. Я слишкомъ грузенъ для яркихъ купальныхъ костюмовъ и глубокихъ мѣстъ, г. министръ.

Министръ нетерпѣливо барабанилъ пальцами по столу и искоса поглядывалъ на Тернера.

— Роялистскіе заговоры теперь въ ходу,—замѣтилъ онъ послѣ нѣкоторой паузы, какъ бы выспрашивая своего собесѣдника.

— Роялистскіе заговоры безъ денегъ,—послѣдоваль отвѣтъ.—Хорошій политикъ, въ родѣ васъ, г. министръ, знаетъ очень хорошо, что во Франціи не обращаютъ вниманіе на заговорщиковъ, у которыхъ нѣтъ денегъ и опасаются относиться съ пренебреженіемъ къ тѣмъ, у которыхъ набиты кошельки. Въ мірѣ есть только извѣстная сумма денегъ, и мы, банкиры, обыкновенно, знаемъ гдѣ эти деньги находятся. Я не говорю о деньгахъ, которыя міръ, такъ сказать, опускаетъ себѣ въ животъ. Эти деньги всегда находятся въ текучемъ состояніи—переходятъ изъ рукъ въ руки каждый день. Я говорю о большихъ запасахъ денегъ. Мы слѣдимъ за ними, какъ вамъ извѣстно. Когда одинъ изъ такихъ большихъ или малыхъ запасовъ приходитъ въ движеніе, мы стараемся узнать, почему этотъ запасъ пришелъ въ движеніе, и почти всегда намъ это удается.

— Можно предполагать,—сказалъ министръ, впервые осмѣливаясь высказать свое мнѣніе и то и дѣло озираясь на драпировку окна:—что деньги идутъ изъ рукъ какого-нибудь банкира, у котораго есть деньги, въ руки тѣхъ, у кого ихъ нѣтъ.

— Совершенно вѣрно. И если банкиръ, у котораго есть деньги, убѣжденъ, что онѣ идутъ туда, куда и вы предполагаете, то отсюда можно вывести заключеніе, что у него есть основаніе предвидѣть, что предполагается уплата какого-то займа. Такой блестящій членъ правительства, какъ вы, г. министръ, конечно, должны это отлично знать.

Министръ взглянулъ въ сторону окна и совершенно неожиданно разразился добродушнымъ смѣхомъ, какъ будто бы по указкѣ таинственнаго человѣка, смотрѣвшаго въ окно на улицу.

— Когда банкиръ, у котораго есть деньги, — продолжалъ Джонъ Тернеръ,—отдаетъ ихъ, или, выражаясь точнѣе, когда банкиръ, у котораго, насколько я знаю, нѣтъ денегъ, вдругъ получаетъ ихъ неизвѣстно откуда для поддержанія роялистскаго заговора, то это вѣрный признакъ того, что ихъ дѣла идутъ недурно.

Джонъ Тернеръ откинулся въ креслѣ и подавилъ зѣвоту.

— Въ этой комнатѣ довольно жарко,—сказалъ онъ,—вынимая платокъ. Это былъ, очевидно, знакъ, что онъ не хочетъ говорить больше.

Министръ въ раздумьи покрутилъ кончики своихъ усовъ. Въ то время во Франціи была мода носить нафабранные усы, показывая тѣмъ самымъ свои политическія тенденціи тѣмъ, кому это нужно было знать.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ наконецъ министръ, мило улыбаясь,—намъ остается узнать только ваши условія.

Тотъ, кто сталъ потомъ Наполеономъ III, ввелъ въ политическую и общественную жизнь Франціи тотъ откровенный цинизмъ, который не выдохся тамъ и до сихъ поръ.

— Прекрасно,—сказалъ Тернеръ.—Прежде всего необходимо, чтобы ваша идиотская тайная полиція держала свои руки подальше. Во-вторыхъ, чтобы была гарантирована пощада одного лица—одного моего кліента... одной женщины, которая достаетъ мнѣ деньги... которая дѣйствуетъ подъ вліяніемъ... подъ тѣмъ вліяніемъ, которое заставляетъ женщину совершать самыя благородныя и самыя глупыя дѣла, на которыя господа мужчины совершенно неспособны.

Съ этими словами онъ поднялся, взявъ свою шляпу и палку и не торопясь пошелъ къ двери. Взявшись за ручку, онъ остановился.

— Вы можете подумать объ этомъ дѣлѣ,—сказалъ онъ,—и дать мнѣ знать, когда вамъ будетъ угодно. Кромѣ того, есть еще одно обстоятельство, г. министръ. Я попросилъ бы васъ сохранить это дѣло въ тайнѣ. Оно должно быть извѣстно только намъ двоимъ и... принцу-президенту.

И Джонъ Тернеръ вышелъ изъ комнаты, даже не взглянувъ на окно.

XVII.

На Королевскомъ мосту.

Можно было подумать, что Джонъ Тернеръ велъ дѣла въ южной части города, за Сеной, хотя въ предмѣстьѣ Сень-Жерменъ у него было мало кліентовъ: здѣсь всѣ знали, что въ этомъ мирномъ банкирѣ кроется злой врагъ. Говорили, что его отецъ имѣлъ большія дѣла съ Бурбонами и что многія знатныя семьи, въ паническомъ страхѣ эмигрировавшія за границу, потеряли бы не только одно уваженіе, если бы не этотъ хладнокровный и спокойный человекъ, оставшійся на своемъ посту въ головокружительные дни террора и продолжавшій управлять дѣлами своихъ кліентовъ, которыхъ онъ презиралъ.

Выйдя изъ Лувра черезъ ворота, выходившія къ Пале-Роялю, Джонъ Тернеръ взялъ налѣво. Сказать, что онъ шелъ, значило бы

переоцѣнивать работу его маленькихъ крѣпкихъ ногъ, которыя дѣлали такіе маленькіе шагки, что владѣтель ихъ какъ будто катился или кто-нибудь катилъ его сзади. Онъ опять повернулъ налѣво и нырнулъ подъ большую арку, чтобы пройти сзади Тюльери.

Его внушительный видъ до нѣкоторой степени служилъ ему охраной на улицахъ, гдѣ пріѣзжіе англичане далеко не всегда находили любезную встрѣчу. Его костюмъ и его манера вести себя были чисто французскіе, и ни одинъ прохожій, бросивъ на него взглядъ, не обернулся бы посмотрѣть вслѣдъ на эту фигуру, столь обычную для парижскихъ улицъ.

Джонъ Тернеръ вышелъ за ограду Тюльерійскаго сада и перешелъ набережную, направляясь къ Королевскому мосту. Подъ деревьями, которыми обсажена набережная, онъ вдругъ остановился и свистнулъ отъ удивленія: по мосту прямо на него, неся въ рукахъ саквояжъ шелъ не кто иной, какъ Септимій Марвинъ, настоятель фарлингфордской церкви въ Суффолькѣ.

Подумавъ съ минуту банкиръ тоже направился къ мосту и остановился на углу, на тротуарѣ. Тротуаръ въ этомъ мѣстѣ былъ довольно узокъ, а Джонъ Тернеръ былъ довольно толстъ. Чтобы обойти его, Септимію Марвину пришлось бы сойти на мостовую. И онъ покорно такъ и поступилъ, вѣжливо поклонившись человѣку, загордившему ему дорогу.

— Эй, Сепъ,—воскликнулъ Джонъ Тернеръ:—нехорошо проходить мимо стараго школьнаго пріятеля.

Септимій Марвинъ растерянно сдѣлалъ еще шага два впередъ. Потомъ онъ схватилъ обѣими руками свой саквояжъ и, обернувшись, посмотрѣлъ на Тернера испуганными глазами, словно преступникъ, пойманный на мѣстѣ преступленія. Наконецъ, когда онъ узналъ, кто стоялъ передъ нимъ, на его губахъ заиграла обычная легкая улыбка.

— Что это у тебя здѣсь?—спросилъ банкиръ, показывая палкой на саквояжъ.—Кошелекъ, что ли?

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣчалъ Марвинъ, оглядываясь по сторонамъ и какъ бы желая удостовѣриться, что за ними никто не смотритъ.— Это Нантейль, гравированный съ его собственноручнаго рисунка; но длинный Нантейль. Я сейчасъ былъ у одного знакомаго, который торгуетъ гравюрами на набережной Вольтера, чтобы провѣрить себя, и онъ сказалъ мнѣ, что я безусловно правъ, что это подлинный Нантейль—*Avant la lettre!*

— А! Тебѣ удалось купить задешево? Стибрилъ гдѣ-нибудь!

— Нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ не то,—таинственнымъ шопотомъ возразилъ Марвинъ.

— Въ такомъ случаѣ, просто, ты укралъ! Весьма сожалѣю, что мнѣ приходится это слышать, Септимій!

Достопочтенный пастыръ залился спазматическимъ смѣхомъ, какъ человѣкъ, много-много лѣтъ не смѣявшійся.

— Ахъ, Джонъ, ты все шутишь попрежнему.

— Отсюда не далеко до моего клуба. Зайдемъ, позавтракаемъ. И ты мнѣ расскажешь, что новаго.

Такимъ образомъ, общественно-спортивный клубъ, славившійся въ тѣ времена своей безподобной кухней, получилъ возможность не мало позабавиться подъ внѣшностью Септимія Марвина, хотя, конечно, и виду не подавалъ. Всѣ члены были, очевидно, настоящими джентльменами той старой французской школы, которая теперь уже совершенно исчезла, какъ вообще исчезло не мало вещей и у французовъ, и у англичанъ.

Не безъ труда удалось уговорить Септимія Марвина, чтобы онъ отдалъ на храненіе швейцару своей саквояжъ.

— Если бы это не былъ Нантейль,—прошпенталъ онъ своему спутнику:—то я бы, конечно, не колебался. Я увѣренъ, что этотъ швейцаръ—честный человѣкъ и что на него можно положиться. Но, подумай, Джонъ, Нантейль!.. Вѣдь это не имѣетъ цѣны!

— Ты, кажется, никогда не былъ жаднымъ до денегъ,—промолвилъ банкиръ, съ пыхтѣньемъ начиная подниматься по лѣстницѣ, когда саквояжъ былъ наконецъ отданъ на храненіе.—Причемъ же для тебя его цѣна, разъ онъ нравится тебѣ самъ по себѣ?

— О, нѣтъ, цѣна имѣетъ въ данномъ случаѣ огромное значеніе,—довольно наивно замѣтилъ Марвинъ

— Въ такомъ случаѣ ты сильно перемѣнился съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались съ тобой послѣ Ипсвичской школы. Садись за этотъ столъ. Ты, вѣроятно, голоденъ. Садись и выбирай. Да не забывай, что здѣсь лучшая кухня въ Парижѣ. Здѣшніе господа не Богъ знаетъ какой нравственности, но повара держатъ изумительнаго. Да, сильно же ты перемѣнился, если думаешь о деньгахъ.

Септимій Марвинъ перемѣнился въ лицѣ.

— Да, мой другъ, ты правъ. Я пріѣхалъ въ Парижъ, чтобы продать этого Нантейля. Реализировать, какъ говорятъ, если не ошибаюсь, въ вашемъ финансовомъ мірѣ. Мнѣ нужны деньги для защиты алтарей и очаговъ, pro aris et focis, дружище. Дошло до этого. Въ Фарлингфордѣ я не могъ просить денегъ, ибо знаю, что ихъ тамъ нѣтъ ни у кого. Церковь разрушается, церковный домъ необходимо покрасить. Онъ, безъ сомнѣнія, раздѣлить ту же участь, что и церковь.

— А,—промолвилъ Тернеръ, вглядываясь на него черезъ меню.—Стало быть, ты хочешь продать гравюру. Вѣрно, у самого сердце сжимается, а?

Марвинъ засмѣялся и потеръ свои худыя руки, напуская на себя веселость, за которой всякій другой, не столь здоровый и за-

житочный, какъ его спутникъ, сумѣлъ бы разслышать ту грустную нотку, которая всегда звучитъ въ искусственномъ смѣхѣ.

— Что дѣлать!—отвѣчалъ Марвинъ. *Ne cedas malis*¹⁾, какъ насъ учили. Я убѣдился, что это необходимо. Я былъ вынужденъ къ это, му. Я узналъ, что моя племянница, помогающая мнѣ въ хозяйствѣ тайно отъ меня едва сводила концы съ концами—благородное дѣло, вдвойнѣ благородное оттого, какъ оно было совершено.

— Мириамъ?—спросилъ Тернеръ, который, казалось, былъ весь поглощенъ документомъ, который онъ держалъ въ рукѣхъ.

— Да, Мириамъ. А развѣ ты ее знаешь? А, я и забылъ! Вѣдь ты былъ ея опекуномъ. Мнѣ иногда кажется, что память начинаетъ измѣнять мнѣ. Богъ наградитъ ее за ея доброту, безъ всякаго сомнѣнія.

Въ разбѣянности онъ схватилъ изъ корзины, которую поднесъ къ нему лакей, два хлѣбца и началъ жадно ихъ ѣсть.

— Стой! Стой!—воскликнулъ Тернеръ, наклоня къ нему свое испуганное лицо.—Не порти себѣ аппетитъ. О, Боже мой! Какъ бы я желалъ имѣть такой аппетитъ, ты словно съ голову умираешь.

— Я совершенно забылъ позавтракать,—какъ бы оправдываясь, сказалъ Марвинъ.

— Конечно, забылъ,—раздраженно отвѣчалъ Тернеръ.—Ты всегда былъ приглуповатъ, Сетъ. Я заказалъ превосходный завтракъ, и прошу не проявлять пока такого волчьего аппетита.

— Хорошо, хорошо... Весьма сожалѣю,—сказалъ тотъ.

Даже въ тѣ давнія времена, когда оба были въ школѣ въ Ипсвичѣ, Марвинъ леталъ гдѣ-то въ облакахъ, тогда какъ Тернеръ обнаруживалъ несомнѣнныя наклонности оставаться на землѣ.

— Конечно, нельзя продавать Нантейля первому попавшемуся покупателю,—продолжалъ послѣдній, устремляя на своего собесѣдника взоръ, острота котораго смягчалась лишь круглотою его щекъ.—Я знаю одного человѣка, который купить... за хорошую цѣну, конечно. Откуда ты досталъ этого Нантейля?

— А, это очень длинная исторія,—отвѣчалъ Марвинъ, мечтательно глядя въ окно.—Я купилъ его нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Фарлингфордѣ. Но это долго рассказывать.

— Но все-таки расскажи, потихоньку, пока я буду ѣсть эту соль по-нормандски. Я вижу, ты свою почти уже съѣлъ, а я только начинаю.

Септимій Марвинъ принялся рассказывать, но его рассказъ былъ неясенъ и сбивчивъ. Это была исторія отца Лу Баребона. По мѣрѣ того, какъ подвигался рассказъ, лицо Джона Тернера становилось все болѣе багровымъ: онъ пилъ бургонское стаканъ за стаканомъ.

¹⁾ Не уступай злу.

— Странная исторія,—замѣтил онъ, переводя духъ.—Продолжай, продолжай. Ты купилъ гравюру у самого этого человѣка, когда онъ былъ еще живъ? Не говорилъ ли онъ тебѣ, какъ она къ нему попала? Это женскій портретъ, говоришь ты?

— Да, женскій портретъ. Но онъ не могъ сказать, чей именно. Я самъ не знаю, достаточно ли я заплатилъ ему за него. Какъ ты думаешь, Джонъ?

— Я не знаю, сколько ты заплатилъ, но увѣренъ, что ты заплатилъ, какъ слѣдуетъ. Откуда онъ взялъ этотъ портретъ?

— Онъ былъ убѣжденъ, что этотъ портретъ привезла изъ Франціи его мать, то есть та женщина, которая въ Фарлингфордѣ считалась его матерью, вмѣстѣ съ разными бумагами, которыя онъ, по видимому, сжегъ.

— А потомъ онъ умеръ?

— Да. Онъ умеръ, но послѣ него остался сынъ.

— Чортъ побери! Почему же ты не сказалъ мнѣ этого раньше? Гдѣ его сынъ теперь? Расскажи мнѣ о немъ, пока я посмотрю, какъ они приготовили намъ языкъ. Его нужно ѣсть не спѣша. Впрочемъ, я, какъ видно, опоздалъ предупредить тебя объ этомъ. Продолжай свой рассказъ. Расскажи мнѣ о сынѣ этого человѣка.

Не успѣлъ Марвинъ рассказать и половины исторіи Лу-Барбона, какъ его собесѣдникъ отложилъ въ сторону ножъ и вилку и сталъ внимательно вслушиваться въ его сбивчивый рассказъ. А когда рассказъ былъ доведенъ до конца, онъ оглянулся вокругъ себя, какъ бы для того, чтобы убѣдиться, что никто не слышалъ ихъ.

— Дормеръ Кольвилль,—повторилъ онъ.—Онъ тоже принимаетъ участіе въ этой исторіи.

— Онъ пріѣхалъ въ Фарлингфордъ съ маркизомъ де-Жемозакомъ, изъ любезности, конечно, ибо маркизъ очень плохо говоритъ по-англійски. Это прекраснѣйшій человѣкъ. Безъ всякаго эгоизма и заднихъ мыслей.

— Кто, маркизъ?

— Нѣтъ, Дормеръ Кольвилль.

— О, да!—согласился Джонъ Тернеръ, приступая къ холодному языку.—Отличный малый.

И онъ опять взглянулъ на своего школьнаго товарища съ какой-то странной улыбкой.

Когда завтракъ былъ оконченъ, банкиръ повелъ Марвина въ курительную комнату, гдѣ, кромѣ нихъ, никого не было, и послалъ лакея принести сюда уже извѣстный читателямъ саквояжъ.

— Надо взглянуть на твою драгоценную гравюру, пока мы куримъ здѣсь,—сказалъ онъ.—Это, вѣроятно, какіе-нибудь остатки гослѣ Великаго монарха. Могу тебѣ сообщить, что теперь на нихъ спросъ очень невеликъ. Было бы благоразумнѣе не пускать эту гравюру на рынокъ. Я увѣренъ, что мой клиентъ дастъ тебѣ хорошія

деньги за нее. Много тебѣ, должно быть, нужно денегъ, если ты рѣшился на такую жертву.

Марвинъ подавилъ вздохъ и потеръ свои руки съ такой преувеличенной веселостью, что его собесѣдникъ сразу сдѣлался серьезень.

— О, я буду жестоко торговаться,—произнесъ Марвинъ, напуская на себя выраженіе житейской дѣловитости, для котораго вовсе не было приспособлено его лицо.

— Во что оцѣнили эту гравюру твой пріятель съ набережной Вольтера?—съ беззаботнымъ видомъ спросилъ Тернеръ.

— Онъ сказалъ, что могъ бы продать ее мнѣ за четыре тысячи франковъ. А это человѣкъ, никогда не рискующій въ дѣлахъ. Славный малый и очень добросовѣстный.

— Да, очевидно, — широко улыбаясь, замѣтилъ Тернеръ. Послѣ сытнаго завтрака его клонило ко сну, и онъ пилъ свой кофе съ такимъ видомъ, какъ будто онъ дѣлалъ благодѣяніе своему пріятелю, что бесѣдовалъ съ нимъ.—Тамъ, на набережной Вольтера, сколько угодно славныхъ малыхъ, Сепъ. Дай мнѣ гравюру, и я постараюсь ее пристроить, какъ можно дороже. Достаточно десяти тысячъ франковъ, чтобы вывести тебя изъ затрудненій?

— Насколько я помню, я не говорилъ тебѣ, что я нахожусь въ затруднительномъ положеніи,—возразилъ, слегка краснѣя, достопочтенный Септимій Марвинъ.

— Да? Стало быть, моя память стала мнѣ измѣнять? Ну, хорошо. Достаточно будетъ десяти тысячъ франковъ, чтобы выкрасить заново церковный домъ.

— Если бъ у меня была половина этой суммы, то и тогда я спалъ бы совершенно спокойно. Имѣя двѣсти фунтовъ въ карманѣ, я могу смотрѣть на весь міръ *aequo animo*.

— Посмотримъ, что можно будетъ сдѣлать. А, вотъ и гравюра. Я самъ не много понимаю въ этихъ вещахъ, но могу заранѣе назначить цѣну въ десять тысячъ франковъ.

— А какъ же торговецъ съ набережной Вольтера?..

— Я немного понимаю въ гравюрахъ, но зато хорошо знаю набережную Вольтера. Кто же эта дама? Вѣроятно, это чей-нибудь портретъ?

— Да, это портретъ, но я не могъ опредѣлить, чей именно. Впрочемъ, для человѣка, знающаго этотъ періодъ, это было бы не трудно.

Теперь у Септимія Марвина пропала всякая разсѣянность. Его щеки пылали, и глаза блестѣли отъ энтузіазма.

— И знаешь почему? Потому, что волосы этой дамы причесаны особеннымъ образомъ. Это *roufs de sentiment*, какъ это тогда называлось. Эти «пучы» носили очень недолго. Въ это время среди аристократическаго общества стало входить въ моду ученіе Жанъ-Жака

Руссо. Дамы обнаруживали свои чувства при помощи особой манеры причесывать волосы. Очень любопытная вещь. А то еще изъ волосъ дѣлалось подобіе голубинаго гнѣздышка.

— Чортъ знаетъ, что такое!—воскликнулъ Тернеръ, выпуская клубъ дыма.

— Эта мода прошла еще скорѣе.

— Хорошо. Заверни хорошенько гравюру. Я постараюсь ее пристроить. Если мнѣ удастся продать ее, то я пришлю тебѣ чекъ сегодня вечеромъ. Какое красивое лицо!

— Да,—согласился и Марвинъ, бросая острый взглядъ на портретъ.—Красивое лицо.

И онъ потихоньку сталъ свертывать эту драгоценность, которую Тернеръ небрежно взялъ подъ мышку.

На Королевскомъ мосту они разстались.

— Ахъ, да,—сказалъ вдругъ Джонъ Тернеръ, когда они уже пожали другъ другу руки.—Ты такъ и не сказалъ мнѣ, что за человѣкъ этотъ Лу Баребонъ?

— Милѣйшій человѣкъ въ мірѣ,—отвѣчалъ Марвинъ, поблескивая глазами изъ-за очковъ.—Для меня онъ былъ какъ родной сынъ или старшій братъ Сету. Ты знаешь, я былъ уже въ лѣтахъ, когда родился Сеть.

Онъ кивнулъ головой и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ. Вдругъ онъ что-то вспомнилъ и вернулся назадъ.

— Не знаю, хорошо ли я дѣлаю, что рассказываю тебѣ все это. Но я надѣюсь, что въ одинъ прекрасный день Мириамъ оцѣнитъ доброту его сердца.

— Что?—закричалъ Тернеръ.—Помощникъ какого-то боцмана?

— Онъ гораздо больше, чѣмъ простой боцманъ,—отвѣчалъ Марвинъ, кивая тихонько головой.

Солнце отражалось какъ разъ въ его очкахъ, и Тернеръ принужденъ былъ моргать. Потомъ онъ повернулся въ другую сторону и перешелъ черезъ мостъ, оставивъ моргающаго банкира на томъ же мѣстѣ.

XVIII.

Городъ, который скоро забываетъ.

Бываютъ въ низшемъ классѣ населенія семьи, которыя любятъ выносить на улицу свои домашніе раздоры, причемъ собравшіеся сосѣди выражаютъ то тому, то другому свое сожалѣніе, а сами ждутъ не дождутся, чѣмъ кончится вся эта потѣха. Въ Европѣ такой шумной семьей является Франція, и Парижъ, городъ, скоро все забывающій, служитъ для ея внутреннихъ раздоровъ своего рода улицей.

Кости, изъ-за которыхъ идетъ грызня, могутъ быть гдѣ-нибудь очень далеко. Но грызущіяся изъ-за нихъ собаки всегда рычатъ въ Парижѣ.

Въ это время жилъ-былъ частью въ Италіи, частью во Фросдорфѣ жизнерадостный молодой человѣкъ, большой любитель всякаго спорта и общества. Вель онъ жизнь настоящаго помѣщика, имѣющаго княжескій титулъ, и назывался графомъ де-Шамборомъ. Сынъ герцогини Беррійской, которая пыталась сыграть большую роль, но потерпѣла неудачу, онъ былъ женатъ на итальянской принцессѣ, отъ которой дѣтей у него не было. Онъ былъ, слѣдовательно, послѣднимъ изъ Бурбоновъ, какъ его называли въ Европѣ. Но ему это было безразлично. Можетъ быть, это была своего рода философія, которая говорила, что надо же кому-нибудь быть послѣднимъ.

Тѣмъ не менѣе въ его жилахъ текла энергичная кровь. Со стороны отца его предками были шестьдесятъ шесть французскихъ королей, со стороны матери—не мало историческихъ дѣятелей. Бабушка герцогини Беррійской была родной сестрой Маріи-Антуанетты. Ея мать доводилась теткой женѣ Наполеона, императрицѣ Маріи-Луизѣ, а ея отецъ занималъ тронъ Сициліи и Неаполя. Когда будущей герцогинѣ Беррійской было девятнадцать лѣтъ, у ней родилась дочь, вскорѣ умершая. Черезъ годъ у ней родился сынъ, жившій только двадцать часовъ, а черезъ два года умеръ у нея на рукахъ въ фойе «Большой Оперы» въ Парижѣ и ея мужъ, павшій отъ руки убійцы.

Черезъ семь мѣсяцевъ послѣ смерти мужа у нея родился второй сынъ—графъ Шамборскій, послѣдній отпрыскъ стариннаго Бурбонскаго рода. Она была очень дѣятельна и проявляла подчасъ большое мужество. Чтобы объединить вокругъ себя роялистовъ, онъ совершила свою знаменитую поѣздку верхомъ по Вандеѣ. Не кто иной, какъ она, требовала отъ Карла X, чтобы онъ оказалъ сопротивленіе революціи. Она была самой яркой изъ всѣхъ роялистовъ, и ея сынъ могъ бы стать королемъ, если бъ онъ не былъ философомъ или, быть можетъ, трусомъ.

Онъ ждалъ, пока Франція не призоветъ его въ одинъ голосъ. Какъ будто Франція когда-нибудь и кого-нибудь призывала въ одинъ голосъ!

Среди всей этой неурядицы раздавались голоса—и ихъ было не мало—въ пользу младшей линіи Бурбоновъ—Орлеановъ. Луи-Филиппъ, бывший королемъ восемнадцать лѣтъ, былъ еще живъ и пребывалъ въ Клермонѣ. Два года тому назадъ, въ самый разгаръ революціи 1848 года, онъ успѣлъ спастись въ Ньюгавенъ. Орлеаны всегда искали спасенія въ Англии. Луи-Филиппъ былъ призванъ на престолъ французскимъ народомъ. Его восемнадцатилѣтнее правленіе было ознаменовано важными событіями. Между прочимъ,

онъ открылъ для публики доступъ въ Версальскій дворецъ, который, однако, ему не принадлежалъ. Потомъ призвавшій его народъ началъ его травить. На его жизнь было произведено нѣсколько покушеній. Всѣ другіе государи терпѣть его не могли и не позволяли своимъ дочерямъ выходить замужъ за его сыновей. Луи-Филиппъ и его сыновья ждали въ Клермонѣ, пока начнутъ кричать въ Парижѣ уличные говоруны.

Была и третья кость, изъ-за которой грызлись,—это потомство императора. Въ эту эпоху партизаны этой линіи были на вершинѣ своего могущества, ибо на верхушкѣ революціонной волны возвышался Бонапартъ.

За смертью единственнаго сына великаго Наполеона, кандидатомъ на французскій престолъ сталъ сынъ его третьяго брата.

Во Франціи давно уже отвыкли видѣть законнаго наслѣдника въ старшемъ сынѣ. Какое-то проклятіе лежало на этихъ первенцахъ. Сынъ Наполеона умеръ въ изгнаніи въ Австріи. Герцогъ Бордоскій, родившій черезъ семь лѣтъ послѣ него, умеръ въ изгнаніи бездѣтнымъ. Графъ Парижскій, родившійся также въ Тюльери, долженъ былъ отправиться въ изгнаніе, когда ему было всего десять лѣтъ, и умеръ въ Англіи!

Такъ переходитъ слава міра сего! Нѣтъ ничего хорошаго родиться во дворцѣ или жить въ немъ.

Банкирская контора Джона Тернера находилась въ улицѣ Лафитта. Когда 25-го августа 1850 года онъ вышелъ изъ конторы и очутился на лицѣ, на него почти налетѣлъ какой-то камло. Онъ размахивалъ пачкой газетой и кричалъ въ лицо встрѣчнымъ:

— Король умеръ! Умеръ король!

И Парижъ, этотъ скоро забывающій городъ, спрашивалъ себя съ улыбкой, какой это король.

Луи-Филиппъ, сынъ одного изъ тѣхъ авантюристовъ, которые всегда охотились за Франціей, умеръ въ Англіи на семьдесятъ седьмомъ году жизни.

Джонъ Тернеръ, подобно многимъ, былъ медленъ въ своихъ движеніяхъ и быстръ въ своихъ соображеніяхъ. Онъ сразу сообразилъ, что смерть Луи-Филиппа оставляетъ свободное поле для слѣдующаго авантюриста.

Онъ направился обратно въ свою контору, гдѣ не успѣло еще обсохнуть перо, которымъ былъ подписанъ чекъ о выдачѣ Септимію Марвину четырехсотъ фунтовъ стерлинговъ.

Здѣсь же въ глубинѣ широчайшаго турецкаго дивана былъ скрытъ и портретъ неизвѣстной дамы времени Людовика XIV. Тернеръ набросалъ текстъ телеграммы мистриссъ Сентъ-Пьерръ Лорансъ, адресовавъ ее на ея виллу возлѣ Руана, и затѣмъ съ важнымъ видомъ отправился обѣдать.

На слѣдующее утро онъ получилъ отвѣтъ, сидя за завтра-

комъ въ своей квартирѣ на Avenue d'Antin, въ которой онъ жилъ уже не первый годъ. Но онъ не раскрывалъ телеграммы. Онъ запросилъ по телеграфу миссисъ Сентъ Пьерръ-Лорансъ, не можетъ ли она пріютить его у себя на нѣсколько дней, и теперь предчувствовалъ, что отвѣтъ будетъ утвердительный.

— Когда я уѣду,—сказалъ онъ своему вышколенному лакею:— запакуйте это хорошенько и пришлите мнѣ въ Руанъ, на виллу Кордуанъ. Положите въ чемоданъ все, что нужно на недѣлю.

Такимъ образомъ, Джонъ Тернеръ отправился на югъ, чтобы присоединиться къ тѣмъ самымъ роялистамъ, презирать которыхъ его выучилъ его отецъ. Онъ до нѣкоторой степени успѣлъ уже вооружиться, зная, что его пріѣздъ не доставитъ особаго удовольствія.

Путешествія въ тѣ времена длились довольно долго: желѣзная дорога доходила только до Тура, откуда путешественникъ долженъ былъ добираться на почтовыхъ до Ларошели, отсюда по рѣкѣ до Руана—мелководной гавани въ устьѣ Жиронды.

— Приходится перемѣнить кухню,—объяснялъ онъ мистриссъ Сентъ-Пьерръ-Лорансъ.—Доктора говорятъ, что я чрезмѣрно толстѣю.

И онъ взялъ ее за руку, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ ея смущенныхъ взоровъ.

— Поэтому я отправляюсь на югъ и хочу добраться до Біаррица, который, говорятъ, входитъ въ моду,—продолжалъ онъ.— Надѣюсь, что для васъ не составитъ особыхъ хлопотъ дать мнѣ кровать—покрѣпче, конечно, на одну или двѣ ночи.

— Конечно, нѣтъ,—отвѣчала хозяйка, обладавшая счастливой способностью никогда не теряться.—Развѣ вы не получили моей телеграммы?

— Въ которой говорилось, что вы считаете часы, остающіеся до моего пріѣзда?

— Ну, не такъ ужъ пылко,—отвѣчала мистриссъ Сентъ-Пьерръ-Лорансъ, быстро соображая, прочелъ ли онъ телеграмму.

— О, Боже мой!—воскликнулъ Джонъ Тернеръ, бросая взглядъ на прохладную и потемнѣвшую уже веранду, гдѣ около стола сидѣли два какіе-то господина и пили кофе.—Кто это?

— Гдѣ?—спросила хозяйка, не поворачивая головы въ томъ направленіи, въ которомъ былъ устремленъ его взоръ.

— Одинъ-то Дормеръ Кольвилль, его я узнаю. А другой... Откуда у него такое лицо?

Тернеръ снялъ шляпу и вытеръ лобъ платкомъ: было очень жарко, и августовское солнце только начинало садиться въ рыжеватое море.

— Вѣроятно, оттуда, откуда и всѣ лица,—съ легкимъ смѣхомъ отвѣтила мистриссъ Лорансъ, прѣдложая оставаться хозяй-

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

Т-ва А. С. Суворина — „Новое Время“

Петроградъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Дон.

Книжныя Новости магазиновъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжныя шкафы Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ СЕНТЯБРЬ 1915 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 9-й.

Философія, психологія, логика.

КАРПЕНТЕРЪ, Э. Любовь и смерть. Ц. 1 р. 50 к.	РЕССЕЛЬ, Б. Проблемы философіи. Ц. 50 к.
МѢРЕЖКОВСКІЙ, Д. Завѣтъ Бѣлинскаго. Религіозность и общественность русской интеллигенціи. Ц. 30 к.	СРЪТЕНСКІЙ, Н. Лейбницъ и Декартъ. Очеркъ по исторіи философіи. Казань. 1915 г. Ц. 1 р.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

ГОФМАНЪ, М. Поэзія Боратынскаго. Историко-литературный этюдъ. Ц. 30 к.	его значеніе въ исторіи русской литературы. Ц. 1 р.
НУССБАУМЪ, И. Избранныя страницы русской литературной критики. Вып. I. Лишніе люди и женскіе типы. Ц. 50 к.	ШЛЯПКИНЪ, И. Исторія русской словесности. Программа университетскаго курса съ подробной библиографіей. Изд. 2-е. Ц. 75 к.
ПРОХОРОВЪ, Г. М. Ю. Лермонтовъ и	

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

АВЕРЧЕНКО, А. Чудеса въ рѣшетѣ. Разказы. Ц. 1 р. 25 к.	КРЫМОВЪ, В. О прочемъ, о Монте-Карло и игронахъ. Изд. 4-е. Ц. 1 р. 25 к.
АМФИТВАТРОВЪ, А. Сестры. Романъ. Ц. 2 р.	МАРГЕРИТЪ, В. Границы сердца. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
АНИЧКОВА, И. За что? Разказъ изъ современной жизни. Ц. 75 к.	МУИЖЕЛЬ, В. Съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ (На восточно-прусскомъ фронтѣ). Ц. 1 р. 25 к.
БАСАНИНЪ, М. Будни. Первая книжка разказовъ. Ц. 1 р.	МУРАШЕВЪ, П. Искры въ туманѣ. Разказы. Т. I. Ц. 1 р. 25 к.
БЕННЕТЪ, А. Заживо погребенный. Романъ. Ц. 1 р.	НАГРОДСКАЯ, Е. Гнѣвъ Діониса. Изд. 9. Ц. 1 р. 50 к.
БРЕШКО-БРЕШКОВСКІЙ, Н. Передъ войной. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.	РУДИЧЪ, В. Ступени. Ц. 50 к.
ГАРИНЪ, Н. Въ сутолкѣ провинціальной жизни. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.	САВАТІЙ. Исторія маленькой дѣвочки. Повѣсть. Ц. 1 р.
ГРИНЪ, А. Загадочныя исторія. Разказы. Ц. 1 р. 25 к.	САВИЦКІЙ, Д. Пѣсни любви и страданій. Стихи. Ц. 2 р.
КРАСНОПОЛЬСКАЯ, Т. Завтра. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.	САДОВСКІЙ, В. Лебединые клики. Повѣсть. Ц. 1 р. 25 к.

«Истор. вѣстн.», октябрь 1915 г., т. СХЛII.

1/23

- ТАСИНЪ, Н. По воюющей Франци. Ц. 1 р. 25 к.
 ФРАНЦУЗСКІЕ разказы съ фронта. В. I. и 2. Ц. по 25 п.
 ЧАРСКАЯ, Л. Ея величество любовь. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.
- ШОУ, Б. Ея первая пьеса. Комедія въ 3 д. Ц. 1 р.
 ЮШКЕВИЧЪ, С. Очерки дѣтства. Ц. 1 р.

Исторія, біографія и археологія.

- ВОЕНСКІЙ, К. Изъ рѣдкостей моего книгохранилища. Платокъ английской работы, 1813 г., отпечатанный въ краскахъ, съ изображеніемъ сатирическихъ картинъ изъ политической жизни Наполеона I. Ц. 2 р. 50 к.
 — Пріѣздъ Лористона къ Кутузову въ Тарутинскій лагерь 23 сентября 1812 г. Цѣна 2 р. 50 к.
 «РОДОВОЙ ЛИСТОКЪ», № 18—19. Отчетъ за 1914 г. Учрежденія взаимнаго вспомошествованія рода дворянъ Лихачевыхъ. Ц. 50 к.
 СОКОЛОВЪ, Л. Завѣты Святого Равноапостольнаго князя Владимира. Кіевъ. 1915 г. Ц. 25 к.
 СТОЛПЯНСКІЙ, П. Врачи старого Петербурга. Ц. 50 к.
 ЦАРЬГРАДЪ И ОКРЕСТНОСТИ. Историко-художественное описаніе. А. Барта. Съ 58 рис. и черт. Ц. 1 р. 50 к.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика

- БРЕЧКЕВИЧЪ, М. Великая европейская война, ея историческія основы и смыслъ. Ц. 40 к.
 БУНЯТЯНЪ, М. Экономическіе кризисы. Опытъ морфологии и теории периодическихъ экономическихъ кризисовъ и теории конъюнктуры. М. 1915 г. Ц. 2 р. 25 к.
 «ВОЙНА хроника и отклики», № 10. Ц. 50 к.
 Г. Н. Посobie для подготовки къ экзаменамъ по исторіи римскаго права. Ц. 1 р. 75 к.
 ГОДЪ ВОЙНЫ. Высочайшіе манифесты. Воззваніе верховнаго главнокомандующаго. М. 1915 г. Ц. 1 р. 50 к.
 ГРАЖДАНСКІЯ узаконенія военнаго времени. Ц. 50 к.
 ДЕНИСЮКЪ, Н. Государственное хозяйство въ популярномъ изложеніи. Финансовое хозяйство. Государственные доходы и пр. Ц. 1 р. 25 к.
 ДОВРОВОЛЬСКІЙ, А. Уставъ о векселяхъ. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 75 к.
 ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ матеріалы къ книгамъ: А. Ренникова, Въ странѣ чудесъ и Тупина, А. Прибалтійскій край и война. Ц. 75 к.
 ЗАКОНЪ и положеніе о санитарной и горной охранѣ лечебныхъ мѣстностей и правила, касающіяся порядка возбужденія ходатайствъ о признаніи общественнаго значенія за лечебными мѣстностями: минеральными водами, лечебными грязями, купаньями и кумысолечебницами. Ц. 50 к.
 ЗИВЪ, В. Иностранныя капиталы въ русскихъ акціонерныхъ предпріятіяхъ. Вып. I. Германскіе капиталы. Ц. 1 р.
 КАЛЕТТИ, Ф. Дороговижна, ея причины и мѣры борьбы съ нею. М. 1915 г. Ц. 30 к.
 КОЛОМАРОВЪ, Н. Теперь или никогда! Война за трезвое счастье Россіи. Ц. 30 к.
- ЛОКОТЬ, Т. Сельскохозяйственное законовѣдніе. Ц. 1 р. 50 к.
 МАКАЛИНСКІЙ, П. Практическое руководство для судебныхъ слѣдователей, состоящихъ при окружныхъ судахъ. 2 тома. I. 7 р.
 НОВИКОВА, О. Нѣсколько словъ. Вып. II. Ц. 10 к.
 ОЧЕРКИ мировой войны на морѣ. Ц. 75 к.
 РОРБАХЪ, П. Война и германская политика. М. 1915 г. Ц. 80 к.
 РУНИНЪ, С. Что должна дѣлать Дума во время войны? Ц. 20 к.
 — Двѣ сестры. Россія и Польша. Ц. 15 к.
 — Симъ побѣдишь. Ц. 20 к.
 САВИНЪ, А. Война имперій и міръ иелама. М. 1915 г. Ц. 20 к.
 СБОРНИКЪ СТАТЕЙ, принадлежащихъ бывшимъ и настоящимъ членамъ академической корпорации. Ч. I и II. Цѣна за обѣ части 5 р.
 СЕВЕРИНЪ, Г. Раненые офицеры и нижніе чины, ихъ эвакуація, денежное и вещевое довольствіе семей лицъ, призванныхъ на войну. Сборникъ законовъ и распоряженій. Ц. 50 к.
 СЕНТЪ-ИВЪ-Д, АЛЬВЕЙДРЪ, А. Миссія Индіи въ Европѣ. Миссія Европы въ Азіи. Ц. 1 р.
 ТОПЛИЦА, М. Война Австро-Венгрии противъ собственныхъ подданныхъ. Ц. 50 к.
 ЧАГИНЪ, С. Правила объ устройствѣ судебной части о производствѣ судебныхъ дѣлъ въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введено положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ и временныя правила о волостномъ судѣ. Ц. 3 р.
 ЧАБРОВЪ, Д. Война и Грузины. Ц. 1 р.
 ШАХОВСКОЙ, А. Что нужно знать каждому въ Россіи. Ц. 90 к.
 ШВЕЙЦАРСКОЕ гражданское уложеніе 10 декабря 1907 г. Ц. 2 р. 50 к.

Искусство.

- НИКОЛЬСКІЙ, В. Исторія русскаго искусства. Т. I. М. 1915 г. Цѣна въ перепл. 6 р.
 РЕРИХЪ, Н. К. Иллюстрированная монографія. Ц. 3 р.

Естествознаніе и математика.

- МОСТОВИЧЪ, К. Основы современной термодинамики. Ч. 1-я. Теоретическая. Съ 22 черт. и 13 табл. Рига. 1915. Ц. 1 р. 25 к.
- ПЕРЕЛЬМАНЪ, Я. Межпланетныя путешествія. Полеты въ мировое пространство и достиженіе небесныхъ свѣтилъ. Ц. 60 к.
- САКСЛЬ и РУДИНГЕРЪ. Биология чело-вѣка. Одесса. 1915 г. Ц. 3 р.
- ШАРЛЕМАНЪ, Э. Изъ жизни природы. Киевъ. 1915 г. Ц. 1 р.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

- БОГДАНОВЪ, В. Пятидесятилѣтіе императорскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи. М. 1915 г. Ц. 2 р.
- ВУЛЬФСОНЪ, Э. Галиція до великой европейской войны. Ц. 75 к.
- КРАСНОВЪ, А. Южная Колхида. Ц. 50 к.
- ЛАГОВЪ, Н. Армения. Очерки прошлаго, природы, культуры и пр. Ц. 1 р.
- ПОЛЯКОВЪ, А. По Кавказу. Эскурсія съ учениками кievской 6-й гимназіи, по маршруту: Кисловодскъ — Пятигорскъ — Военно-Грузинская дорога — Тифлисъ — Боржомъ — Ватумъ — Сухумъ. Киевъ. 1915 г. Ц. 50 к.

Сельское хозяйство и домоводство.

- КИЧУНОВЪ, Н. Культура дичиновъ и подвоевъ для плодовыхъ деревьевъ. Ц. 60 к.
- КОСТЯКОВЪ, А. Матеріалы по изученію гидромудоля. Т. 1-й. Обзоръ оросительныхъ нормъ въ разныхъ странахъ. М. 1914 г. Ц. 2 р.
- КРЮКОВЪ, Н. Славянскія земли. Сельское хозяйство. Т. 2-й Ч. 1-я. Галиція. Съ 3 картами и 47 рис. Ц. 1 р.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

- ЖУКОВЪ, С. Изъ строительной практики. I. Къ расчету желѣзо-бетонныхъ трубъ. II. Формулы и таблицы для расчета желѣзо-бетонныхъ тавровыхъ балокъ. Ц. 75 к.
- МАКЪЕВЪ, К. Школа техники выжиганія по дереву, кожѣ, бархату, папкѣ, линолеуму и пр. Ц. 1 р. 25 к.
- МАТЕРИКИНЪ, Ф. Курскъ автомобилизма. Ц. 2 р.
- ОРЛОВСКИЙ, П. Какъ устроены моторъ (бензиновый автомобиль) и какъ обращаться съ нимъ. Ц. 60 к.
- ОТЧЕТЪ гидромудольной части за 1913 г. Часть. I Организация, программы и методы работъ. М. 1914 г. Ц. 1 р. 70 к.
- Часть II. Описаніи и результаты работъ въ Туркестанѣ и Закавказьѣ. Ц. 4 р.
- РУССКИЙ РЕГИСТРЪ. Правила постройки морскихъ стальныхъ судовъ. Ц. 5 р.
- СТАЦЕНКО, В. Части зданій. Гражданская архитектура. Изд. 5-е. Ц. 6 р.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

- BIEDL, A. Внутренняя секреція, ея физиологическія основы и значеніе для патологій. Т. I. Ц. 3 р. 75 к. Т. 2. Ц. 3 р. 25 к.
- ОСПОПРИВИВАНІЕ въ Россіи. Труды; издав. д-ромъ А. С. Ноздровскимъ. Вып. I. Оспа и борьба съ нею въ Петроградѣ. Ц. 30 к. Тоже. Вып. II. Ц. 40 к.

Военное и морское дѣло.

- ШУМСКИЙ, К. Очерки мировой войны на сушѣ и на морѣ. Ц. 1 р. 50 к.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

- АНГЛІЙСКІЯ книжки для русскихъ читателей съ наставленіемъ для произношенія и словаремъ, № 1. Ц. 25 к.
- АРДАШЕВЪ, П. Курскъ новой исторіи для 7 кл. мужск. гимназій Киевъ. 1915 г. Ц. 1 р.
- БОРГМАНЪ, А. Повторительный и дополнительный курсъ русской исторіи (обзоръ русской культуры). Примѣнительно къ программѣ 13 іюля 1913 г. Ц. 2 р.
- ГЕБЕЛЬ, В. Наглядная геометрія въ задачахъ и вопросахъ. Вып. 2-й. М. 1915 г. Ц. 35 к.
- ГОЛОСКЕВИЧЪ, Г. Систематическіе вопросы по этимологій русскаго языка. Примѣнительно къ учебнику. К. Петрова. Пособіе для учащихся. Ц. 15 к.
- Тоже по синтаксису русскаго языка. Ц. 15 к.
- КАРМАННЫЙ русско-нѣмецкій словарь, съ приложеніемъ грамматики нѣмецкаго языка. Ц. 1 р.
- ЛІПСКИЙ, Н. Священная исторія Новаго Завѣта. Курскъ средн. учебн. завед. и начальн. училищъ высшаго типа. Х. 1915. Ц. 45 к.

1/423*

- Учебное руководство по Закону Божию для 7 класса реального училища (Въроученіе и правоученіе). Ц. 1 р.
- ПАДАЛКА, Д. Законъ Божій. Православно-христіанское въроученіе. Курсъ 7 класса гимназіи. Ц. 1 р.
- ПУТИЛИНЪ, С. Уроки Закона Божія для русскихъ православныхъ воиновъ. Ц. 25 к.
- РУБЦОВЪ, В. Учебный курсъ исторіи новѣйшей русской литературы (40-хъ—80-хъ годовъ XIX ст.) для средн. учебныхъ заведеній. Ц. 1 р. 35 к.
- СМОЛИНСКІЙ, С. Русская живая рѣчь. Устные и письменныя упражненія въ развитіи рѣчи. Ц. 25 к.
- Тоже. Методическія указанія къ веденію устныхъ и письменныхъ упражненій. Ц. 6 к.
- ФРЕНКЕЛЬ, Р. Клѣточная ариѳметика. Вып. 1. Ц. 75 к.

Справочныя книги.

- ВЛАДИКАВКАЗСКАЯ желѣзная дорога и лечебныя мѣста Кавказа. Ц. 30 к.
- КАЛЕНДАРЬ для учителей 1915—16 г. 2 части въ перепл. 1 р. 25 к., въ кож. перепл. Ц. 1 р. 70 к.
- ЛАГОВЪ, Н. Отъ Карпатъ до Будапешта. Спутникъ военного, Венгрія и венгерскій языкъ. Венгро-русскій переводчикъ съ картою. Ц. 85 к.
- МАРГОЛИНЪ, Д. Программы и правила для поступленія на службу вольноопредѣляющимся бывшаго 2 разряда. Ц. 25 к.
- Программы и правила для поступленія въ военныя пѣхотныя, кавалерійскія, и техвическія училища и офицерскія школы, а также въ военныя и морскую академіи. Ц. 50 к.
- ПРАВИЛА и программы испытаній на званія учителя-цы высшаго начальнаго училища. Ц. 25 к.

Разныя книги.

- РАЗВЛЕЧЕНІЕ. Сборникъ фокусовъ, задачъ, загадки № 2. Ц. 20 к.

*Предсѣдатель военно-цензурной Комиссіи отноше-
ніемъ отъ 10 октября с. г. за № 5195 увѣдомилъ
г. градоначальника, что главный начальникъ петро-
градскаго военнаго округа 9 сего октября приказалъ
наложить на редактора журнала «Историческій Вѣст-
никъ» титулярнаго совѣтника Бориса Борисовича
Глинскаго (жительствоющаго на 2-й Рождествен-
ской ул., д. 19) денежный штрафъ въ размѣръ пяти-
сотъ рублей за помѣщеніе въ № 10 названнаго жур-
нала статьи А. И. Кривошекова подъ названіемъ «Ле-
генды о войнѣ» безъ представленія таковой на предва-
рительное разсмотрѣніе военной цензуры.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на новый національно-прогрессивный общество-политический еженедельникъ съ ежемѣсячнымъ литературно-научнымъ приложеніемъ

РУССКАЯ БУДУЩНОСТЬ

Въ ежемѣсячномъ приложеніи будутъ помѣщаемы романы, повѣсти, рассказы, драматическія произведенія, стихотворенія и статьи по научнымъ и общественнымъ вопросамъ.

Подписная цѣна до конца года 3 р. 50 к. вмѣстѣ съ приложеніемъ.
Въ отдѣльной продажѣ цѣна № еженедѣльника 25 к.

» » » » № ежемѣсячнаго приложенія 50 к.

Подписка принимается въ главной конторѣ «Русской Будущности» (Преображенская, 13, кв. 8), а также въ книжномъ магазинѣ Т-ва «Новаго Времени» (А. С. Суворина), Невскій пр., д. 40, и въ отдѣленіяхъ книжнаго магазина «Новаго Времени» въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ-на-Дону, въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова (Гостинный дворъ, Суконная линия, 19) и при конторѣ «Вечерняго Времени» (Невскій, 52).

Адресъ редакціи: Петроградъ, Преображенская, 13, кв. 8; тел. 612-86.

НОВАЯ КНИГА:

ЗА 30 ЛѢТЪ

ЛИСТКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

В. Б. Бертенсона.

Петроградъ. 1914 г. Ц. 1 руб. 50 коп.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ

Т-ва А. С. Суворина — „НОВОЕ ВРЕМЯ“,

Петроградъ, Невскій, 40.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1916 ГОДЪ

на ежемѣсячный историко-литературный журналъ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

ИЗДАЕТСЯ

Наслѣдниками А. С. Суворина

подъ редакціей Б. Б. Глинскаго.

(Тридцать седьмой годъ изданія).

«Историческій Вѣстникъ» знакомитъ читателей въ живой, общедоступной формѣ съ современнымъ состояніемъ исторической науки и литературы въ Россіи и Европѣ и связываетъ отечественную исторію съ всемірною и научное изслѣдованіе съ популярнымъ изложеніемъ. За время **своего 36-лѣтняго** существованія журналъ достигъ широкаго распространенія среди разнообразныхъ классовъ населенія, имѣя здѣсь многочисленныхъ подписчиковъ и читателей. «Историческій Вѣстникъ» издается по слѣдующей программѣ: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя, и этнографическія сочиненія, монографіи, романы повѣсти, очерки, рассказы, записки, воспоминанія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, этнографическія и бытовые описанія и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, историческія новости и матеріалы, имѣющіе общій интересъ. Къ **«Историческому Вѣстнику»** прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

«Историческій Вѣстникъ» выходитъ ежемѣсячно cadaго 1-го числа въ объемѣ 25—28 печатныхъ листовъ убористаго шрифта.

I*

Подписная цѣна на 1916 годъ 11 рублей съ пересылкой и доставкой на домъ, за полгода 6 руб. 50 коп., за четверть года—3 руб. 75 коп. Цѣна книжки журнала въ отдѣльной продажѣ 1 руб. 50 коп. Для служащихъ за подписью казначеевъ, а также для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ допускается разсрочка по четвертямъ года безъ повышенія годовой платы.

Подписка принимается въ Главной Конторѣ въ Петроградѣ при книжномъ магазинѣ Т-ва «Новаго Времени» (А. С. Суворина), Невскій пр., д. № 40, и въ отдѣленіяхъ Главной Конторы въ Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ-на-Дону при книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени».

Такса за объявленія: впереди текста за страницу 80 руб., за 1/2 стран. 45 руб., за 1/4 стран. 25 руб.; позади текста за страницу 60 руб., за 1/2 стран. 35 руб., за 1/4 стран. 20 руб.

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» принимаетъ участіе Его Императорское Высочество великій князь Николай Михайловичъ.

Какъ и въ предшествующіе годы, такъ и въ 1916 году, журналъ будетъ выходить со слѣдующими отдѣлами:

Беллетристика. Имѣются произведенія слѣдующихъ авторовъ: **Маркъ Басанинъ.** «Торговый домъ Бахвалова сыновья». Романъ.—**М. Е. Васильева.** «Новые жильцы». (Записки домовладѣльницы).—**В. А. Волжинъ.** «Въ тискахъ судьбы».—**С. И. Васюновъ.** «Давыдка и бурлаки».—**П. П. Гнѣдичъ.** «При комедіальной храмшкѣ». (Первое пѣмецкое засилье).—**Левъ Ждановъ.** «Узникъ-императоръ». Романъ-хроника 1741—1764 гг.—**И. Н. Потапенко.** «Человѣческое». «Безкровіе». Разсказы.—**С. П. Рудневъ.** «Изъ жизни». (Изъ записокъ судьи).—**М. Рукевичъ.** «Закубанскій отшельникъ». (Изъ охотничьихъ воспоминаній).—**Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ.** «Голубятня».—**А. Н. Шабанова.**—«Учительница Голубкова».—**Н. А. Зингелгардтъ.** «Петроградская старина». (Наброски и картинки).—**І. І. Ясинскій.** «Тѣни прошлаго» и много друг.

Воспоминанія. Редакція располагаетъ слѣдующими мемуарами: **Графъ Н. П. Игнатьевъ.** «Идолъ Санъ-Стефано».—**Сенаторъ Дейеръ.** «Записки».—**Н. А. Маннъ.** «Воспоминанія».—**Селивановъ.** «Воспоминанія».—**М. В. Вадновскій.** «Воспоминанія о митрополитѣ Антоніи».—**В. П. Гельмерсенъ.** «Эрзерумскій походъ 1877 года».—**А. И. Соколова.**—«Встрѣчи и знакомства».—**Е. Матвѣева.** «Воспоминанія о графѣ А. К. Толетомъ и его женѣ».—**П. Г. Ганзенъ.** «Изъ литературныхъ воспоминаній».—**Р. И. Сементковскій.** «Среди отошедшихъ».—**Г. Е. Натаневъ.** «Записки сибиряка».—**Свящ. І. В. Васильевъ.** «Все проходитъ...».—**С. С. Окрейцъ.**—«Литературныя встрѣчи и знакомства».—**О. З. Суловъ.** «Памяти основателя украинскаго театра».—**М. Л. Кропивницкаго.**—**В. П. Соколовъ.** «Дворянская семья (Гаршины)».—**Н. В. Рейнгардтъ.** «Изъ воспоминаній о П. К. Михайловскомъ, его друзьяхъ и современныхъ ему событіяхъ».—**С. Н. Эфронъ (Литвинъ).** «Воспоминанія о С. О. Шараповѣ».—**А. Е. Серебрякова.** «Изъ жизни московской прессы восьмидесятыхъ годовъ».—**М. М. Марина.** «Изъ воспоминаній о пребываніи русскаго экспедиціоннаго отряда на Критѣ».—**М. В. Шевляковъ.** «Оригиналы и чудакъ» и «Изъ разсказовъ П. И. Вейнберга».—**С. Д. Милуновъ** «Воспоминанія».—**М. А. Щепкинъ.** «Театральныя мелочи».—**П. А. Россіевъ.** «Силуэты».—**Н. И. Ванченко.** «Изъ воспоминаній украинскаго актера».—**Н. А. Дворжицкій.** «Изъ прошлаго петроградской полиціи».—**С. И. Уманецъ.** «Мозаика».—**В. П. Глѣбовъ.** «Геній искусства»—**Н. К. Милославскій.**—**М. Бѣляевскій.**

«Эрмитажъ. Изъ воспоминаній художника».—**М. П. Ватацн.** «Дѣвичій институтъ царицы Маріи въ Цетиньѣ».—**И. И. Чайковскій.** «Силуэты».—**А. Рембелинскій.** «Изъ далекаго прошлаго» и мн. друг.

Статьи научныя, публицистическія, критика и библиографія. Въ названныхъ отдѣлахъ примутъ участіе: Н. О. Акаемовъ, В. А. Алексѣевъ, А. Л. Бахтиаровъ, А. А. Башмаковъ, проф. П. В. Безобразовъ, Д. А. Бочковъ, А. М. Бѣловъ, И. С. Бѣляевъ, проф. Б. В. Варнеке, проф. А. Н. Витмеръ; В. В. Вороновъ, Г. К. Гинсъ, Б. Б. Глинскій, проф. В. М. Грибовекій, И. П. Гурвичъ, Н. А. Державинъ, А. А. Дунинъ, Н. М. Ежовъ, В. В. Жерве, проф. И. П. Замотинъ, А. Е. Заринъ, Г. Г. Зоргенфрей, проф. Л. П. Карсавинъ, А. Е. Кауфманъ, проф. М. В. Ключковъ, В. П. Княжнинъ, Я. Н. Колубовекій, А. О. Кони, проф. Д. А. Корсаковъ, проф. М. Е. Красноженъ, К. В. Кудряшовъ, В. К. Кузнецовъ, Н. А. Лачиновъ, Н. Н. Лендеръ, проф. Н. М. Лисовскій, А. М. Ловягинъ, проф. Н. Н. Любавичъ, П. М. Майковъ, проф. А. І. Маленинъ, князь С. П. Мансыревъ, М. М. Марина, В. П. Маринъ, Т. А. Мартемьяновъ, Д. А. Масляненко, С. Р. Минцловъ, А. А. Мироновъ, Б. Л. Модзалевскій, З. Е. Мордвинова, П. О. Морозовъ, В. А. Мустафинъ, И. В. Мѣщаниновъ, А. П. Налимовъ, А. М. Нечаева, Н. Н. Оглоблинъ, С. С. Окрейць, А. С. Панкратовъ, академикъ В. Н. Перетць, проф. М. Г. Попруженко, Н. В. Рейнгардтъ, П. А. Росіевъ, О. О. Симбухинъ, А. П. Скугаревскій, Т. О. Соколовская, М. К. Соколовскій, проф. И. И. Соколовъ, Н. П. Столпянскій, К. Л. Тепловъ, Е. С. Тимирязева, В. З. Ткачукъ, А. И. Фаресовъ, А. И. Фирсовъ, Н. Н. Фирсовъ, Н. В. Чарыковъ, проф. П. Н. Черняевъ, М. Ф. Чулицкій, В. И. фонъ-Штейнъ, С. В. фонъ-Штейнъ, М. А. Щепкинъ, князь Б. А. Щетининъ, Н. А. Энгельгардтъ, С. К. Эфронъ (Литвинъ), И. П. Ювачевъ, П. А. Юдинъ, П. Л. Юдинъ, проф. А. И. Яцимирскій и мн. друг.

Въ отдѣлѣ **критики и библиографіи**, состоящемъ подъ редакціей проф. А. І. Маленна, каждый мѣсяцъ рецензируются свыше 20-ти вновь вышедшихъ книгъ, преимущественно по русской, всеобщей и древней исторіи, литературѣ, археологій, исторіи права, искусствъ и другимъ отраслямъ гуманитарнаго знанія. Въ **Нижнемъ Листкѣ** отмѣчаются всѣ поступающія въ редакцію изданія съ краткимъ отчетомъ о главнѣйшихъ изъ нихъ.

Статьи этнографическія и географическія. Будутъ напечатаны произведенія: В. А. Алексѣева, Д. П. Богданова, В. Г. Вейденбаума, А. А. Дунина, С. Р. Минцлова, П. Зайкина, Н. Н. Оглоблина, М. К. Первухина, М. Мочульской, В. П. Марины, М. М. Мариной, А. И. Стеллецкаго, А. Таранца, П. П. Орлова, Н. Н. Фирсова и друг.

Историческія новости и мелочи, редактируемыя А. М. Бѣловымъ, составляются по многочисленнымъ выписываемымъ редакціей европейскимъ журналамъ и газетамъ, посвященнымъ исторіи и литературѣ, и знакомятъ читателя со всѣми западно-европейскими новинками въ этихъ областяхъ.

Изъ записной книжки историка—Е. С. Шумигорскаго.

Новости русской исторіи—А. А. Измайлова.

Въ приложенія къ журналу въ 1916 году даны будутъ:

- 1) **Историческая Лѣтопись**, гдѣ въ систематическомъ порядкѣ будетъ дѣлаться подробное обзорѣніе событій на всѣхъ театрахъ современной войны. «Лѣтопись» будетъ иллюстрирована многочисленными портретами главныхъ и выдающихся дѣятелей войны.
- 2) **Переводные романы.**

Въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» и другихъ
продается новая книга:

ВОЙНА

Хроника и Отклики.

Вып. 11-й.

Издание журнала «Историческій Вѣстникъ».

Это издание имѣетъ своею цѣлью собрать воедино извѣстія о постепенномъ развитіи военныхъ дѣйствій, начиная съ австро-сербскаго конфликта. Въ объективной формѣ, на основаніи только вполнѣ достовѣрныхъ и официальныхъ сообщеній, названное изданіе въ хронологической послѣдовательности регистрируетъ съ возможной полнотой военныя событія нашихъ на всѣхъ фронтахъ. По окончаніи войны изъ совокупности вышедшихъ въ свѣтъ выпусковъ «Война. Хроника и Отклики» создается стройный подробный очеркъ всемірной войны 1914—1915 г. г.

Во второй части каждаго выпуска помѣщено описаніе того, какъ реагировало русское общество, а также и представители союзныхъ намъ державъ, на событія, изложенныя въ первой части изданія «Война. Хроника и Отклики». Здѣсь помѣщены общественно-политическія резолюціи, отчеты различныхъ съѣздовъ собраній, засѣданій, сообщаются свѣдѣнія о ходѣ дѣятельности различныхъ обществъ, открывшихся въ связи съ настоящей войной и т. п.

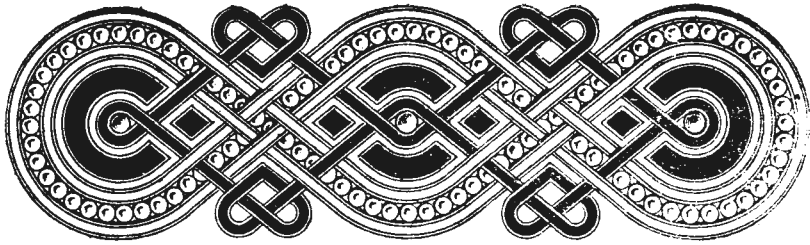
Заканчивается каждый выпускъ изданія «Война. Хроника и Отклики» отдѣломъ «Увѣковѣченіе памяти героевъ», куда входятъ списки убитыхъ и умершихъ отъ ранъ офицеровъ, генераловъ, врачей и военныхъ чиновниковъ съ біографическими свѣдѣніями о нихъ. Этотъ отдѣлъ съ одной стороны даетъ большую помощь въ отысканіи учебными заведеніями своихъ героевъ-питомцевъ, съ другой—сохраняетъ ихъ дорогія имена для исторія и потомковъ.

Каждый выпускъ изданія «Война. Хроника и Отклики» украшенъ портретами командующихъ различными частями войскъ и героевъ войны, какъ нашихъ, русскихъ, такъ и союзныхъ намъ, иностранныхъ.

Цѣна каждаго выпуска—50 коп.

Доходъ съ настоящаго изданія предназначается на содержаніе лазарета для раненыхъ войновъ, оборудованнаго журналомъ «Историческій Вѣстникъ».

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ Т-ва А. С. Суворина—
«Новое Время» (Петроградъ. Невскій, 40).

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ЯТАГО августа сербское официальное сообщеніе гласило:

«4-го августа наша артиллерія обстрѣляла непріятельскій отрядъ на мосту Черни передъ Верчерова и дорогу изъ Иезолипица въ Оршову. Вблизи Бѣлграда наша артиллерія заставила замолчать непріятельскую батарею, которая изъ деревни Иваново обстрѣливала Мостинъ. Одна изъ нашихъ батарей прервала работы непріятеля по возведенію траншей близъ Старчево и Папчево. Послѣ этого между непріятельской и нашей артиллеріей къ югу отъ острова Старчево завязался артиллерійскій бой. Наши орудія заставили замолчать непріятельскую артиллерію. Одна изъ нашихъ батарей съ успѣхомъ обстрѣляла непріятельскіе отряды, укрѣпившіеся на лѣвомъ берегу Дуная отъ Ада-Гойе до Ада-Овчаска, и обстрѣляла также довольно большой обозъ, направлявшійся къ деревнѣ Овча».

По сообщенію итальянской главной квартиры отъ 5-го августа:

«Вдоль тироле-трентинской границы продолжался энергичный и удачный огонь нашей артиллеріи. Въ долинѣ Бахеръ, въ Секстенѣ, 4-го августа нашими войсками была занята вторая линія непріятельскихъ траншей. Хотя непріятель быстро уклонялся отъ преслѣдованія, мы взяли въ плѣнъ двухъ офицеровъ и около сорока солдатъ и захватили много ружей, снарядовъ и военного снаряженія. Въ секторѣ Монте-Неро одинъ изъ нашихъ отрядовъ, продвигаясь по гребню горы, въ направленіи къ Явошеку, заставилъ непріятеля послѣ оживленной схватки бѣжать изъ траншеи, которой мы завладѣли. Передъ Тольмино вчерашній день былъ снова отмѣченъ успѣхомъ, въ особенности на высотѣ Санта-Лючія, гдѣ мы завладѣли еще другими укрѣпленіями и взяли

приблизительно двести человекъ въ плѣнъ, въ томъ числѣ нѣсколько офицеровъ. Блестящій успѣхъ выпалъ также на долю нашихъ войскъ на Карсо. Въ то время, какъ они съ обычной послѣдовательностью продвигались впередъ, противникъ пытался произвести ожесточенную атаку противъ центральной части нашего фронта, сосредоточивъ въ этомъ пунктѣ многочисленныя батареи и направивъ въ атаку пѣхоту. Быстрое и энергичное вступленіе въ дѣло нашей артиллеріи въ скоромъ времени нейтрализовало дѣйствія непріятеля. Послѣ этого наша пѣхота пошла въ контръ-атаку, что дало ей возможность продвигаться немного впередъ и занять важную позицію на западѣ отъ Маркотини.

«4 августа утромъ двадцать австрійскихъ судовъ въ сопровожденіи аэроплана атаковали небольшой островъ Пелагоза. Нашъ гарнизонъ выдержалъ ожесточенную атаку съ большой храбростью, и непріятель удалился, не пытаясь произвести высадку. Мы потеряли четыре убитыми, въ томъ числѣ одного офицера, и три ранеными. Потери непріятеля не выяснены».

6-го августа штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ о томъ, что 5-го августа наши суда, защищавшія входъ въ Рижскій заливъ, вслѣдствіе большого превосходства непріятельскаго флота, послѣ боя отошли на слѣдующую позицію. На сухопутнѣ, на всемъ фронтѣ отъ Риги до Янова (на Вилпи) положеніе оставалось безъ существенныхъ перемѣнъ. Въ Ковиѣ противникъ продолжалъ энергично развивать достигнутый имъ успѣхъ, причемъ ему удалось занять городъ и, выдвинувшись далѣе, утвердиться на ближайшей къ городу мѣстности, составляющей перешеекъ между рѣками Пѣманомъ и Виліей. У Осовца въ ночь на пятое и въ теченіе послѣдующаго дня атаки германцевъ на наши позиціи отражались огнемъ. На фронтѣ отъ Осовца до Бреста и далѣе къ югу бои продолжаются, причемъ на нѣкоторыхъ участкахъ они имѣли крайне упорный характеръ. Особенно настойчиво противникъ атаковалъ 4-го и 5-го августа наши войска на Нижнемъ Бобрѣ, на направленіяхъ къ Бѣльску, вдоль желѣзной дороги на Черемху и у Влодавы. У Новогеоргиевска противникъ съ нарастающей энергіей велъ атаки на укрѣпленія праваго берега Вислы и Нарева. Бои имѣли чрезвычайно упорный характеръ, груды германскихъ труповъ покрываютъ наши загражденія. Тѣмъ не менѣе непріятельская артиллерія, развивъ свой огонь до крайняго предѣла, успѣла подавить огонь нашихъ орудій и разрушить укрѣпленія на участкѣ между Вкрой и Наревомъ, послѣ чего наши защитники, несмотря на всѣ усилія, вынуждены были 4-го августа отойти на правый берегъ рѣки Вкры. Это обстоятельство позволило германцамъ сосредоточить дальнѣйшія усилія на сѣверномъ отдѣлѣ, между Вкрой и Вислой.

Въ теченіе ночи съ 5-го на 6-е августа наблюдалось большое оживленіе на всемъ фронтѣ въ Артуа. Благодаря атакѣ, французы овладѣли пунктомъ скрещенія дорогъ Бетюнъ—Аррасъ и Аблэнъ—Ангръ, гдѣ германскія позиціи вдаются во французскую передовую линію. Нѣсколько непріятельскихъ контръ-атакъ были французами отражены. Къ сѣверу отъ Карлейля ручными гранатами и подрывными снарядами французы отразили подготовленныя бомбардировкой на близкомъ разстояніи и поддержанныя ружейнымъ огнемъ атаки. Въ районѣ Берль и Аденферъ продолжалась перестрѣлка. Между Узой и Эномъ, въ секторѣ Байи, равно какъ и на плоскогорьѣ Кенневьеръ и Нувронъ былъ

сильный артиллерійскій бой. Въ Аргоннахъ, по направленію Фонтень-о-Шармъ и въ районѣ Мари-Терезъ французская артиллерія заставила умолкнуть батареи и бомбометы непріятели. Въ Вогезахъ, на вершинѣ Ленжъ, шелъ непрерывный и ожесточенный бой. На горномъ хребтѣ Штрацменеле французы овладѣли новой германской трапсеей и захватили нѣсколько плѣнныхъ.

Днемъ 6-го августа на большей части французскаго фронта продолжался сильный артиллерійскій бой, въ особенности на обоихъ берегахъ Уазы, въ районѣ Плеси, Руа, Венгра, гдѣ французы обстрѣляли поѣздъ съ непріятельскимъ обозомъ, въ Шампани и въ южной части Вевра. Въ Аргоннахъ германцы взорвали мину у подступовъ къ высотѣ 285, не причинивъ никакого вреда французскимъ укрѣпленіямъ. Въ Вогезахъ непріятель проявлялъ дѣятельность лишь въ видѣ ожесточеннаго обстрѣла французскихъ позицій на Ленжѣ и Штрацменеле. Отъ Осовца къ югу и далѣе на всемъ фронтѣ вдоль Верхняго Нарева и Буга въ теченіе 5-го и 6-го августа германцами велись сильныя атаки: на правомъ берегу Нарева въ районѣ Стренкова-Гура, на участкѣ Страбля—Бельскъ и у Липницы (въ 20 верстахъ къ сѣверо-западу отъ Бреста). На атакованныхъ участкахъ наши войска продолжаютъ удерживать противника. Въ отраженіи наступленія германцевъ у Липницы участвовала наша конница, атаковавшая большими силами непріятельскую пѣхоту въ конномъ строю.

«На Бугѣ къ востоку отъ Влодавы противникъ, утвердившись на правомъ берегу рѣки, съ утра 6-го августа направилъ дальнѣйшія усилія вдоль шоссе на Пицу. У Новогеоргіевска германцы послѣ овладѣнія лѣвымъ берегомъ рѣки Вкры сосредоточили въ свои усилія на сѣверномъ отдѣлѣ, расположенномъ къ западу отъ рѣки Вкры до Вислы. Непрерывной бомбардировкой, выпуская ураганы снарядовъ, они почти разрушили наши укрѣпленія въ этомъ отдѣлѣ. Вечеромъ 5-го августа ими былъ окруженъ одинъ изъ фортовъ въ вымысловскомъ районѣ, и затѣмъ они направили свои колонны, не считаясь съ огромными потерями, въ тылъ закрочимскому сектору. Это поставило наши войска въ необходимость отойти въ ночь на 6-е августа на линію старыхъ фортовъ, впереди центральной ограды. Разрушивъ затѣмъ въ теченіе слѣдующаго дня огнемъ два изъ этихъ фортовъ, нѣмцы рядомъ кровопролитныхъ штурмовъ овладѣли ихъ развалинами и затѣмъ перенесли огонь на центральную ограду. Мостъ черезъ Наревъ и оставленные форты сѣвернаго отдѣла нами взорваны».

На кавказскомъ фронтѣ за 4-е августа на ольтинскомъ направленіи наши развѣдчики отгѣснили турецкіе посты за рѣку Чорохъ. Въ Пассинской долинѣ турки весь день вели артиллерійскій огонь, а къ вечеру повели наступленіе на позиціи у Тарходжа. Наши части, подпустивъ турокъ на близкую дистанцію, открыли сильный огонь, а затѣмъ послѣ короткой штыковой схватки обратили противника въ безпорядочное бѣгство. Въ районѣ горы Хошмуганъ всѣ атаки турокъ были нами отбиты.

На сербско-австрійскомъ фронтѣ, по свѣдѣніямъ отъ 7-го августа:

На фронтѣ Савы 5-го августа сербская артиллерія разсѣяла непріятельскій отрядъ, который укрѣплялся противъ острова Скелинска-Ада. Въ ночь съ 4-го на 5-е на Дунайскомъ фронтѣ непріятель при помощи двухъ лодокъ высадилъ на островъ Кисилевска тридцать солдатъ. На высокой части острова завязалось

сраженіе между сербскими и непріятельскими патрулями. Хотя артиллерія сербовъ въ численномъ отношеніи и была слабѣе, однако ей удалось отбросить непріятели на противоположный берегъ. На сербскомъ берегу непріятель оставилъ трупъ одного унтеръ-офицера. 6-го августа въ различныхъ пунктахъ фронта на Дунаѣ происходили непродолжительные артиллерійскіе бои. Во время одного изъ этихъ боевъ одной изъ непріятельскихъ канонерокъ удалось подойти къ сербскому берегу около Бринцы. Однако эта канонерка огнемъ сербской пѣхоты была принуждена отойти.

Англійская подводная лодка «Е 13», шедшая въ Балтійское море, потерпѣла аварию у датскаго острова Сальтгольма. Спасено 15 офицеровъ и нижнихъ чиновъ, не досчитываются 15 человекъ.

6-го августа итальянская главная квартира доносила:

«Въ зонѣ канала Тонале наша артиллерія сильно повредила непріятельскій фортъ Поццеальта. Защитники должны были эвакуировать его, преслѣдуемые нашимъ огнемъ. Въ верхней части Кордеволе непріятель, послѣ тщетной попытки отбросить наши войска съ ихъ позиціи, направилъ огонь противъ мѣстечка и церкви Пьева-ди-Ливиналлонго, причинивъ тамъ пожаръ. На верхнемъ теченіи Ріенцо мы достигли значительнаго успѣха: овладѣли редутомъ на Монтепатерно и захватили линію траншей близъ Дрейцинненхютте, взявъ 24 плѣнныхъ. Въ секторѣ Тольмино отражены сильныя атаки, произведенныя непріателемъ въ ночь на 5-е августа, противъ позицій, занятыхъ нашими войсками. На Карсо наши линіи также нѣсколько продвинулись. Было захвачено 53 плѣнныхъ и одинъ пулеметь. Непріятель выказываетъ все большую дѣятельность въ примѣненіи аэроплановъ, какъ средства для развѣдки и нападенія. Наши авіаторы, которые своими постоянными смѣлыми подвигами очень значительно содѣйствуютъ удачному ходу нашихъ операций, представляютъ собою, вмѣстѣ съ артиллеріей, предназначенной для дѣйствія противъ аэроплановъ, надежную защиту отъ этихъ попытокъ непріятели».

6-го августа генералъ Гамильтонъ сообщилъ слѣдующее о положеніи дѣлъ въ Дарданеллахъ:

«Послѣднія операціи на Галлипольскомъ полуостровѣ заключались въ атакахъ позицій непріятели на южномъ фронтѣ и въ районѣ расположенія австралійскихъ и новозеландскихъ войскъ, а также въ новой высадкѣ большихъ силъ въ заливѣ Сувла. По словамъ плѣнныхъ, турки получили значительныя подкрѣпленія и намѣревались перейти въ стремительное наступленіе, но мы предупредили ихъ приблизительно на 24 часа. Вслѣдствіе этого бой былъ очень ожесточенный, и потери съ обѣихъ сторонъ очень велики. Высадка въ заливѣ Сувла была хорошо задумана и выполнена флотомъ, но, несмотря на то, что турки развернули всѣ свои силы въ районѣ расположенія австралійскихъ и новозеландскихъ войскъ, наши войска не могли достигъ достаточнаго успѣха въ Сувлѣ до прибытія значительныхъ непріятельскихъ резервовъ, и наше наступленіе было остановлено въ этомъ пунктѣ. За послѣднюю недѣлю мы укрѣпились на всѣхъ завоеванныхъ нами позиціяхъ. Духъ войска превосходный».

Германская подводная лодка задержала англійскій почтовый пароходъ «Ита» въ предѣлахъ порвежскихъ территоріальныхъ водъ, но принуждена была

уйти въ виду появленія норвежскаго миноносца. Пассажирскій пароходъ «Arabic» потопленъ безъ предупрежденія германскою подводною лодкою. Пассажиры и экипажъ спасены. Не досчитываются 48 человекъ. Русскою подводною лодкою потопленъ большой угольщикъ у береговъ Анатоли; команда спасена.

7-го августа сообщеніе штаба верховнаго главнокомандующаго гласило:

«Непріятельскій флотъ въ большихъ силахъ проникъ въ Рижскій заливъ. Бои между нашими и непріятельскими судами продолжаются.

«На сухопутьи на всемъ фронтѣ къ западу отъ Риги до Нижней Вилии безъ существенныхъ перемѣнъ. Послѣ овладѣнія германцами укрѣпленіями Ковны оставшаяся часть гарнизона присоединилась къ нашимъ полевымъ войскамъ, занимающимъ позиціи западнѣе желѣзнодорожной линіи Яновъ—Кошедары. Южнѣе Ковны наши войска продолжаютъ оставаться на лѣвомъ берегу Нѣмана.

По сообщенію французскаго правительства отъ 7-го августа, попрежнему происходилъ артиллерійскій бой на берегахъ Уазы, къ сѣверу отъ Эна, въ Шампани и на фронтѣ Ла-Селль. Въ Аргоннахъ происходила минная борьба въ районѣ Вьенъ-ле-Шато. Бой при помощи гранатъ и подрывныхъ снарядовъ—въ секторахъ Сентъ-Юберъ и Мари-Терезъ. На Ленжъ и Шрацменнеле потери германцевъ были весьма значительны. Въ занятыхъ нами наканунѣ траншеяхъ, общимъ протяженіемъ въ 250 метрахъ, найдено большое количество труповъ.

Въ Дарданеллахъ, въ южной зонѣ, происходятъ лишь стычки разъѣздовъ и артиллерійская перестрѣлка. Въ сѣверной зонѣ лѣвое крыло англичанъ достигло значительныхъ успѣховъ въ равнинѣ Анафарты.

На многихъ пунктахъ фронта происходятъ артиллерійскіе бои, въ особенности въ Байи, на берегахъ Уазы, на плоскогорьѣ Кенневьеръ, въ Шампани, на фронтѣ Перть—Босежуръ, между Аргоннами и рѣкой Маасомъ, въ районѣ Бетанкуръ—Шокуръ и въ Вогезахъ, въ районѣ Гильзенфюрста. Въ Артуа, послѣ ожесточеннаго артиллерійскаго огня и трехъ новыхъ контръатакъ, произведенныхъ въ ночь съ 6-го на 7-е августа, непріятелю удалось снова овладѣть траншеями, которыя французы у него отняли 5-го августа, на дорогѣ Абленъ—Ангръ. Непритель при этомъ понесъ крупныя потери. Въ Аргоннахъ попрежнему происходитъ оживленная энергичная борьба съ примѣненіемъ минъ, метательныхъ бомбъ и подрывныхъ снарядовъ.

Въ долину Сугана итальянскія войска, согласно донесенію итальянской главной квартиры отъ 7-го августа, продвинулись впередъ до линіи горнаго потока Масо, утвердивъ свое лѣвое крыло у Монте-Чиваронъ и правое у Монте-Чима и Монте-Чимонъ-Рава. Непрительская артиллерія, установленная на Монте-Панарота, къ сѣверу отъ Левико, пыталась выбить итальянцевъ изъ занятыхъ ими позицій, но безуспѣшно. Въ верхней части долины Кордеволе непріятельскою артиллеріею былъ вызванъ пожаръ, почти совершенно уничтожившій мѣстечко Пьеве-ди-Ливиналлонго вмѣстѣ съ церковью, не причинивъ никакого вреда итальянскимъ войскамъ, занимавшимъ мѣстность передъ мѣстечкомъ. Въ области верхняго теченія Ріенца и Боденбаха итальянцы достигли склоновъ Иннихриедель-Клотенъ. Въ секторѣ Тольмино операціи продолжали развиваться благопріятно для итальянцевъ.

8-го августа штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что въ бояхъ въ Рижскомъ заливѣ за 5-е, 6-е и 7-е августа непріятель потерялъ не менѣе двухъ минопосцевъ. Одинъ германскій крейсеръ подорванъ англійскою подводной лодкой.

На сухопутномъ фронтѣ отъ рижскаго района до Нижней Виліи положеніе оставалось безъ перемѣнъ. На направленіи отъ Ковны наши войска задерживаютъ наступленіе противника на путяхъ къ Кошедарамъ. Между Наревомъ и Бугомъ, на фронтѣ Осовець—Бѣльскъ—Высоко-Литовскъ, 6-го и 7-го августа, въ общемъ, также безъ существенныхъ перемѣнъ. Нашими войсками былъ отбитъ рядъ атакъ, особенно упорныхъ въ районѣ Бѣльска, стоившихъ противнику громаднхъ потерь.

У Новогеоргиевска въ ночь на 7-е августа шелъ горячій бой; нѣмцы штурмовали цитадель, расположенную на правомъ берегу Вислы.

На французскомъ фронтѣ, по извѣстіямъ отъ 8-го августа, въ теченіе ночи съ 7-го на 8-е августа продолжался усиленный артиллерійскій бой въ Артуа, между Узой и Эномъ, въ Шампани и Вогезахъ. Минная война продолжалась въ Аргоннахъ, Куртшоссэ и Сентъ-Юберъ, гдѣ французы заняли и приспособили для защиты почву, взрытую взрывами. Двѣ слабыя атаки непріятельской пѣхоты: одна въ Фризь-на-Соммъ, другая въ Лотарингіи въ лѣсу Паррэ, были совершенно отражены.

Въ Артуа днемъ 8-го августа оживленная артиллерійская дѣятельность той и другой стороны въ районѣ Нулеттъ и въ секторѣ Невилль. Довольно сильный артиллерійскій бой былъ также въ районѣ Руа-ла-Синьи и въ долинѣ Эна, равно какъ и въ Шампани. Непріятель выпустилъ около 40 бомбъ по Реймсу, гдѣ одинъ человекъ былъ раненъ. На фронтѣ Пэгесъ—Босежуръ идетъ бой ручными гранатами. Въ Аргоннахъ послѣ обстрѣла непріятелемъ Вокуа французы открыли весьма успѣшный огонь по германскимъ траншеямъ. Въ Эльзасѣ въ районѣ Амметцвиллеръ французскія траншейныя орудія произвели смятеніе на германскихъ позиціяхъ и взорвали тамъ нѣсколько складовъ съ боевыми припасами.

8-го августа итальянская главная квартира увѣдомила о слѣдующемъ:

«На возвышенности къ сѣверо-западу отъ Арсеиро наши войска внезапной атакой захватили важный австрійскій редутъ на склонѣ горъ къ западу отъ Монте-Мамджіо. На возвышенности Кордеволе вчера продолжался артиллерійскій бой. Наша артиллерія разрушила и сожгла засѣку, закрывавшую Доломитовую дорогу за предѣлами Арабба. Непріятельская артиллерія, со своей стороны, продолжала ожесточенно разрушать городокъ Пьеви-Ливиналлонго, не щадя даже гражданскаго госпиталя, который сильно поврежденъ. Выдающіеся успѣхи достигнуты вчера въ Конка-ди-Плецо, гдѣ наши войска энергичнымъ наступленіемъ захватили фронтъ отъ Плузне до Козока. Непріятельская артиллерія, которой не удалось остановить натискъ нашихъ войскъ, направила свои выстрѣлы на населенныя мѣста, вызвавъ въ нихъ новыя поврежденія и нѣсколько пожаровъ. На участкѣ Монтенеро въ наши руки попала послѣ ожесточеннаго боя укрѣпленная обширная непріятельская траншея на сѣверныхъ склонахъ горъ Вричь. Всѣ попытки непріятеля вернуть

се были отражены. Та же участь постигла другія атаки на наши позиціи у Санта-Лючія, гдѣ мы захватили нѣсколько человѣкъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ одного офицера. На Карсо продолжается наше постепенное продвиженіе. Здѣсь также захвачены траншеи и взятъ пулеметъ съ запасами. На разсвѣтъ 7-го августа флотилія нашихъ аэроплановъ пролетала надъ непріятельскимъ аэродромомъ Айсовица, къ востоку отъ Горицы, и успѣшно бомбардировала его въ теченіе около 30 минутъ. Несмотря на огонь трехъ батарей для обстрѣла аэроплановъ, наши аппараты вернулись совершенно невреди-

Главнокомандующій итальянской арміей графъ Л. Кадорна.

мыми въ наше расположеніе. На возвратномъ пути, замѣтивъ непріятельскій змѣйковый аэростатъ, они обстрѣляли его изъ пулеметовъ, заставивъ спуститься. Это наше смѣлое воздушное нашествіе было направлено противъ военнаго объекта въ полномъ согласіи съ законами и обычаями войны. Между тѣмъ послѣ полдня того же дня, въ видѣ страннаго возмездія за это, флотилія непріятельскихъ аэроплановъ появилась надъ городомъ Удинэ и сбросила 14 бомбъ, которыми убито пять гражданъ, въ томъ числѣ женщина и дѣвочка и три карабинера. Нѣкоторыя частныя строенія получили поврежденія».

9-го августа штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ о томъ, что непріятельскій флотъ покинулъ Рижскій заливъ. На сухопутномъ фронтѣ, въ рижскомъ районѣ и на направленіяхъ отъ Якобштадта и Двинска къ западу происходили частныя бои на прежнемъ фронтѣ. Въ районѣ Вилькомира также безъ существенныхъ перемѣнъ. Къ западу отъ Кошедаръ наши войска въ теченіе 7-го и 8-го августа сдерживали продолжающееся наступленіе противника. На ливомъ берегу Средняго Пѣмана и на Верхнемъ Бобрѣ не произошло существенныхъ перемѣнъ. Расположеніе нашихъ войскъ у Осовца, на Нижнемъ Бобрѣ, Верхнемъ Наревѣ, вдоль желѣзной дороги Бѣльскъ—Высоко-Литовскъ, въ районѣ Бреста и далѣе по правому берегу Буга остается примѣрно прежнимъ. Непріятель съ вечера 7-го августа упорно продолжалъ нажимать въ районѣ Бѣльска и отъ Влодавы на Пищу, но сдерживался нашими контръ-атаками. Въ Галиціи положеніе оставалось безъ перемѣнъ. Изъ Новогоргиевска за 7-е августа прямыхъ свѣдѣній не получено. Предшествующія донесенія, доставленныя изъ Новогоргиевска нашими летчиками, указываютъ, однако, что къ ночи на 7-е положеніе крѣпости стало столь труднымъ, что рассчитывать на дальнѣйшее сопротивленіе гарнизона нѣтъ возможности.

Въ Черномъ морѣ нашими миноносцами было уничтожено свыше 100 турецкихъ парусныхъ судовъ.

На кавказскомъ фронтѣ за 6-е августа въ приморскомъ направленіи происходила перестрѣлка. Наша моторная лодка разстрѣляла большой парусникъ съ грузомъ. На свфратскомъ направленіи одна казачья сотня во время развѣдки сбила конную заставу турокъ у озера Зазгейль, а затѣмъ атаковала въ конномъ строю сосѣднюю пѣхотную заставу, изрубила болѣе 50 человекъ и взяла одного офицера въ плѣнъ.

9-го августа морской генеральной штабъ объявилъ:

«3-го августа германскій флотъ возобновилъ большими силами атаки противъ позиціи нашей у входа въ Рижскій заливъ. Наши суда въ теченіе всего 3-го и 4-го августа отражали натискъ непріятеля, скрытой работѣ котораго по подготовкѣ прорыва весьма способствовала туманная погода.

«5-го августа, пользуясь густымъ туманомъ, значительныя силы непріятеля наконецъ проникли въ Рижскій заливъ и наши суда, продолжая оказывать непріятелю сопротивленіе и не теряя съ нимъ связи, отошли.

«6-го и 7-го августа непріятель производилъ въ Рижскомъ заливѣ и въ различныхъ направленіяхъ развѣдку и имѣлъ при этомъ рядъ боевыхъ столкновеній съ нашими судами, въ результатъ чего понесъ среди своихъ миноносцевъ чувствительныя потери.

«Мы, съ своей стороны, потеряли канонерскую лодку «Сивучъ», славно погибшую въ неравномъ бою съ непріятельскимъ крейсеромъ, который вечеромъ 6-го августа совмѣстно съ миноносцами достигъ ея и разстрѣливалъ съ разстоянія 200 сажень. Канонерская лодка «Сивучъ», объятая пожаромъ, имѣя бортъ раскаленнымъ докрасна, продолжала отстрѣливаться до тѣхъ поръ, пока не пошла ко дну, потопивъ передъ этимъ непріятельскій миноносецъ.

«8-го августа неприятель, считаясь съ понесенными имъ потерями и видя бесполезность своихъ усилій, повидимому, очистилъ Рижскій заливъ.

«За время съ 3-го по 8-е августа у неприятеля выведено изъ строя и частью потоплено два крейсера и не менѣе восьми миноносцевъ. Въ то же время нашими союзниками въ Балтійскомъ морѣ подорванъ одинъ изъ сильнѣйшихъ дреднотовъ германскаго флота».

9-го августа французское правительство извѣстило о томъ, что въ Артуа къ сѣверу отъ Сушэ попытка атаки, произведенная германцами съ незначительными силами, была легко и быстро отражена. Въ районѣ Лабиринта продолжался бой съ примѣненіемъ большихъ бомбъ. Въ районѣ Руа происходилъ ожесточенная канонада съ обѣихъ сторонъ. Въ Вогезахъ неприятель атаковалъ одну изъ французскихъ позицій на вершинѣ Зондернахъ, но былъ отраженъ. На захваченной въ этомъ районѣ 5-го августа территории французы насчитали около сотни тѣлъ убитыхъ германцевъ.

9-го августа донесеніе итальянской главной квартиры гласило:

«Въ области Монте-Маджіо къ сѣверо-западу отъ Арсіеро неприятельская артиллерія усиленно обстрѣливала вчера новыя позиціи, занятыя нашими войсками, но тѣмъ не менѣе мы еще болѣе расширили свой успѣхъ. На верхнемъ теченіи Бойте нами захвачено нѣсколько неприятельскихъ окоповъ при входѣ въ долину Травенанцесъ. Кромъ того, мы здѣсь захватили плѣнныхъ, число которыхъ до сихъ поръ еще не выяснено. Мы прогнали также неприятельскіе патрули, появившіеся между скалами Монтекристалло, и распространили занятую нами область до Кроста-Віанка. Неприятельская артиллерія открыла огонь по домамъ въ Кортина-д'Ампеццо, причинивъ нѣкоторое поврежденіе. Въ верхнемъ теченіи Ріенца неприятель предпринялъ атаки противъ нашихъ наиболее выдвинутыхъ позицій, но былъ отраженъ. На Карсо 8-го августа наши войска также продвинулись нѣсколько впередъ, захвативъ сильно укрѣпленный окопъ и плѣнныхъ, въ томъ числѣ двухъ офицеровъ, кромъ того, захваченъ одинъ блиндированный пулеметъ. Послѣ этого неприятель сосредоточилъ ожесточенный огонь противъ этой части нашего фронта, а затѣмъ предпринялъ атаку, но былъ отраженъ нашимъ огнемъ. Вслѣдъ за этимъ нашими послѣдовательными штыковыми атаками мы отбросили и преслѣдовали неприятеля. 8-го августа утромъ наши аэропланы снова произвели нападеніе на неприятельскій аэродромъ въ Айсовицѣ, сбросивъ около 60 бомбъ. Несмотря на сильный открытый по нимъ огонь, наши отважные летчики возвратились безъ всякихъ потерь».

10-го августа штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что во время послѣдней операціи въ Рижскомъ заливѣ германскій флотъ, по полученнымъ свѣдѣніямъ, потерялъ выбывшими изъ строя и частью потопленными одинъ линейный и два легкихъ крейсера и не менѣе 8 миноносцевъ. На Свентѣ, а также между Виліей и Нѣманомъ наши войска 8-го и 9-го августа сдерживали наступленіе противника на фронтѣ Коварскъ—Волькомиръ—Кошедары—Друснишки. Южнѣе—нѣкоторыя наши части съ лѣваго берега Средняго Нѣмана отошли на правый. На фронтѣ между Бобромъ и райономъ Бреста мы продолжаемъ шагъ за шагомъ отстаивать свои позиціи.

Противникомъ за 8-е и 9-е августа наиболѣ сильныя атаки велись на Нижнемъ Бобрѣ въ районѣ Шафранки, изъ района Бѣльска въ направленіи на востокъ и на фронтѣ Клещели—Высоко-Литовскъ. На правомъ берегу Буга къ востоку отъ Влодавы главныя атаки противника продолжались въ озерномъ районѣ у Пищи. Къ вечеру 9-го августа непріятель дѣлалъ попытки перейти въ наступленіе также на ковельскомъ направленіи.

На ольгинскомъ направленіи кавказскаго фронта турки сильно обстрѣляли наши позиціи въ районѣ Аркинсь—Ахдагъ. Въ Пассинской долинѣ турки атаковали нѣкоторые участки этого района, но были отбиты съ большими потерями. Отбито также наступленіе ихъ на фронтѣ Айдакомъ—Мерза-Ага.

10-го августа французское правительство извѣстило, что въ Артуа, въ секторѣ Сушэ и Невилль, происходила ружейная перестрѣлка и бои съ примѣненіемъ гранатъ. Столкновеній между пѣхотными частями не было. Между Соммой и Уазой и рѣкой Энномъ происходила довольно оживленная орудійная перестрѣлка. Въ Аргоннахъ происходили непродолжительные бои съ примѣненіемъ ручныхъ бомбъ и подрывныхъ снарядовъ на опушкахъ лѣса къ западу отъ Фонтенъ-Мадамъ и Болантскаго лѣса. Въ Вогезахъ, на вершинахъ Ленжа и Баренкофа, послѣ горячаго боя, которому предшествовала особенно энергичная артиллерійская подготовка, французы завладѣли нѣсколькими непріятельскими траншеями.

На остальномъ протяженіи фронта за ночь съ 9-го на 10-е августа не произошло ничего существеннаго. Днемъ 9-го августа французскіе летчики бомбардировали станцію Лансъ, Генень-Піетаръ, Моосъ и желѣзную дорогу Лилль—Дуэ.

Два французскихъ миноносца встрѣтили, ночью на 10-е августа, въ открытомъ морѣ, на высотѣ Остенде, германскій контръ-миноносець, который былъ ими послѣ боя потопленъ. Французскіе миноносцы потерпѣли лишь незначи- тельныя аваріи.

10-го августа штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ о томъ, что на направленіяхъ отъ Якобштадта и Двинска къ западу бои продолжались примѣрно на томъ же фронтѣ. На направленіяхъ къ Вильнѣ въ теченіе 11-го августа непріателемъ велись лишь частныя атаки на фронтѣ къ сѣверо-западу отъ м. Евье. Атаки эти нами были отбиты. На Среднемъ Нѣманѣ наши войска, дѣйствующія на лѣвомъ берегу, постепенно стягиваются къ рѣкѣ. Въ районѣ между Бобромъ и райономъ Вреста непріятель продолжалъ наиболѣ упорно нажимать на участокъ нашего расположенія къ западу отъ Бѣловѣжской пуци, между шоссе Бѣльскъ—станція Гайновка и Высоко-Литовскъ—Пружаны. Въ районѣ западнѣе Вреста въ теченіе 11-го и 12-го августа попытки противника атаковать наши позиціи нами отбиты.

На правомъ берегу Буга противникъ пытался продвигаться вдоль шоссе отъ Пищи на Малорыто. Въ районѣ южнѣе Владимира-Вольнскаго происходили небольшія столкновенія передовыхъ частей. Въ Галиціи, на нѣкоторыхъ участкахъ нашего фронта, велся частичный ружейный и артиллерійскій огонь.

На кавказскомъ фронтѣ за 9-ое и 10-е августа въ приморскомъ районѣ велась перестрѣлка. Въ Пассинской долинѣ происходилъ рѣдкій ружейный

и артиллерійскій огонь. Нашими войсками здѣсь была занята съ боя гора Куазы, гдѣ захвачены пѣнные, патроны и снаряженіе. Въ ванскомъ районѣ имѣли мѣсто столкновенія нашихъ развѣдчиковъ съ курдами.

11-го августа французское правительственное сообщеніе гласило: «Въ Бельгии, въ районѣ Буасенгъ, въ Артуа, въ секторѣ къ сѣверу отъ Арраса и между Соммой и Уазой происходила орудійная перестрѣлка. Послѣ того, какъ непріятель выпустилъ нѣсколько снарядовъ по Мондидье, наши батареи стали отвѣчать и заставили его прекратить огонь. Въ Шампани на фронтѣ

Завѣдывающій снабженіемъ французской арміи товарищ
военнаго министра А. Тома.

Перть—Босежуръ, а также въ Аргоннахъ происходитъ почти непрерывная борьба съ примѣненіемъ гранатъ, ручныхъ бомбъ и при участіи артиллеріи различныхъ калибровъ. На остальномъ протяженіи фронта не произошло ничего выдающагося. Небольшая воздушная эскадра изъ семи аэроплановъ бомбардировала въ ночь съ 10-го на 11-е августа вокзалы въ Тернье и Нуайонѣ. Летчики сбросили болѣе 80-ти снарядовъ и произвели пожары въ нѣсколькихъ мѣстахъ на вокзалѣ Тернье. Всѣ летчики благополучно вернулись».

На итальянскомъ театрѣ войны, по свѣдѣніямъ отъ 11-го августа, непріятель 10-го августа пытался въ нѣсколькихъ пунктахъ фронта бомбардировать

«истор. вѣстн.», ноябрь 1915 г., т. сѣдц.

II

итальянскія позиціи, но повсюду былъ успѣшно отраженъ артиллерійскимъ огнемъ итальянцевъ. Въ верхней части Кордеволе и при входѣ въ долины Ріенца и Боденбаха непріятель произвелъ атаки, пользуясь пулеметами и ручными бомбами. Всѣ эти атаки итальянцами были отражены. Утромъ девятаго августа непріятельскій аэропланъ появился надъ Скіо и сбросилъ нѣсколько бомбъ. Убита одна женщина.

Сербы 9-го августа воспрепятствовали австрійцамъ, съ помощью ружейнаго огня, укрѣпиться на лѣвомъ берегу Савы, въ направленіи Орашацъ—Дреновацъ; одна изъ сербскихъ батарей разсыла непріятельскій отрядъ близъ Борца и разрушила австрійскую батарею, открывшую по сербамъ огонь.

12-го августа штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что въ рижскомъ районѣ безъ перемѣнъ. На направленіяхъ отъ Якобштадта и Двинска къ западу въ теченіе 10-го августа велись частные бои съ перемѣннымъ успѣхомъ. На направленіи отъ Ковны къ Вильнѣ въ ночь на 10-е и на слѣдующій день противникъ продолжаетъ давить наши войска, удерживающія его наступленіе. Между Бобромъ и Наревомъ мы отошли съ общей нашей позиціи на лѣвомъ берегу Бобра. Въ соответствии съ этимъ 9-го августа вечеромъ нами оставлены укрѣпленія Осовца, представлявшія участокъ названной позиціи. Съ отходомъ нашихъ полевыхъ войскъ осовецкія укрѣпленія, имѣвшія значеніе тетъ-де-пона, взорваны, а деревянныя постройки сожжены. Между Верхнимъ Наревомъ и Бугомъ въ теченіе ночи на 10-е и на слѣдующій день наиболѣе упорныя атаки противникомъ продолжались въ районѣ восточнѣ Бѣлска и на участкахъ фронта Клещели—Высоко-Литовскъ—Орля. Нѣкоторыя изъ атакъ, несмотря на численный перевѣсъ противника, отбиты весьма успѣшно нашей пѣхотой, при содѣйствіи конницы; захвачены плѣнные и пулеметы. Этими дѣйствіями значительно облегчилось занятіе нами новыхъ позицій. На правомъ берегу Буга попытка противника въ ночь на 10-е къ наступленію въ ковельскомъ направленіи нами остановлена. Въ районѣ Пищи бой, начавшійся 10-го августа, продолжается.

12-го августа французское правительственное сообщеніе гласило: «Въ Артуа во всея секторѣ къ сѣверу отъ Арраса идетъ довольно сильный артиллерійскій бой. Въ теченіе ночи бой велся при помощи ручныхъ гранатъ вокругъ Сушэ и Невилля. Въ районѣ Руа и Лассиньи все время продолжается сильный артиллерійскій бой. Въ Шампани и Аргоннахъ отмѣчается лишь нѣсколько эпизодовъ съ примѣненіемъ подрывныхъ снарядовъ. Въ Вогезахъ, въ Баренкопфѣ, идетъ борьба при посредствѣ ручныхъ гранатъ. Одинъ изъ нашихъ летчиковъ сбросилъ ночью бомбы на станцію Лорраха въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ.

«Въ Дарданеллахъ, въ сѣверной зонѣ лѣвое англійское крыло продвинулось впередъ, захвативъ 800 метровъ непріятельскихъ траншей. Въ южной зонѣ операціи ограничились артиллерійскимъ боемъ и столкновеніями развѣдчиковъ. Въ теченіе ночи на 23-е августа одной изъ нашихъ ротъ удалось атаковать и захватить турецкій наблюдательный постъ. Утромъ 24-го августа непріятель пытался вновь занять его, но былъ отброшенъ. 7-го августа отрядъ нашихъ судовъ съ успѣхомъ обстрѣливалъ мѣсто высадки въ Акбашилиманѣ

на европейском берегу, къ сѣверу отъ Нагары, несмотря на сильный огонь многочисленныхъ непріятельскихъ батарей. Одинъ изъ нашихъ летчиковъ потопилъ большой турецкій транспортъ во время его стоянки».

12-го августа великобританское правительство объявило слѣдующее о ходѣ военныхъ операций у Дарданеллъ: «Начиная съ 24-го іюля, въ западной зонѣ Галлипольскаго полуострова операции складываются изъ атакъ, которыя ведутся въ двухъ самостоятельныхъ направленіяхъ. Первое—отъ мѣста расположенія австраійскихъ и ново-зеландскихъ армейскихъ корпусовъ, а второе—отъ мѣста новой высадки въ заливѣ Сувла, гдѣ участвуютъ свѣжія арміи. Особый натискъ былъ произведенъ также съ мыса Геллесъ по направленію къ Крити. Въ результатъ завязался сильный и непрерывный бой, сопровождающийся тяжелыми потерями съ обѣихъ сторонъ. Наши войска до сихъ поръ еще не достигли своихъ цѣлей ни въ той, ни въ другой зонѣ, хотя и приблизились къ нимъ и значительно увеличили область нашихъ захватовъ. Атака австраійскихъ войскъ и ново-зеландскихъ корпусовъ была направлена на вершину Сари-Баира и горнаго хребта Чуникъ, но вслѣдствіе завязавшагося со стороны Сувла боя наши войска не продвинулись впередъ, какъ можно было ожидать; австраійскіе и ново-зеландскіе корпуса не могли удержать занятые ими позиціи на горномъ хребтѣ и принуждены были отступить на позиціи у подножія.

Атаки въ Сувла были приостановлены послѣ того, какъ наши войска продвинулись на двѣ съ половиною мили. Занятая нами здѣсь территория дала намъ возможность установить линію фронта болѣе, чѣмъ на двѣнадцать миль въ длину. Новыя подкрѣпленія прибываютъ.

Австраійскія и ново-зеландскія войска успѣшно продвинулись на своемъ лѣвомъ флангѣ на три четверти мили, закрѣпивъ за собою цѣпь холмовъ. Послѣ штурма турецкихъ передовыхъ окоповъ на лѣвомъ флангѣ бой завязался по всей линіи фронта. Всѣ наши дивизіи, участвовавшія въ дѣлѣ, продвинулись впередъ, но тѣмъ не менѣе не были въ состояніи занять вершину горы. Потери непріятели болѣе тяжелыя, чѣмъ наши. Занятая нами территория имѣетъ громадное значеніе, но это тѣмъ не менѣе не должно служить поводомъ полагать, что мы достигли главной цѣли или что въ дальнѣйшемъ не нужно будетъ прилагать серьезныхъ усилій для одержанія рѣшительной побѣды.

12-го августа итальянская главная квартира извѣщала: «Въ области Тонале послѣ успѣшной артиллерійской подготовки наши войска заняли 8-го августа входъ въ долину Сtimo (Ноче) и заставили непріятельскіе отряды, которые ее занимали, отступить и оставить намъ восемь прикрытій. Непріятель тотчасъ же открылъ жестокой артиллерійскій огонь противъ захваченныхъ нами позицій, а затѣмъ ихъ атаковала пѣхота, поддержанная пулеметами, но была отброшена нами съ значительными потерями. Много оружія, боевыхъ припасовъ и другихъ матеріаловъ осталось въ нашихъ рукахъ. Въ верхней части Кюрдеволе непріятель пытался вчера обстрѣлять артиллерійскимъ огнемъ и ручными гранатами наши позиціи на Коль-ди-Лана, близъ Салезей и Агази, но нашъ встрѣчный огонь скоро заставилъ его умолкнуть. На Изонцо, въ особенности вокругъ Тольмино-Плава и на Карсо, непріятель открылъ сильный

артиллерійскій огонь противъ нашихъ укрѣпленій. Попытка непріятеля исправить причиненное нами поврежденіе желѣзнодорожнаго пути по линіи на Брезно, къ востоку отъ Монфалькопе, не увѣчалась успѣхомъ, благодаря зоркому нашему наблюденію. 12-го августа утромъ непріятельскій летчикъ появился надъ Брешейей и, удачно избѣжавъ нашего огня, сбросилъ четыре бомбы, которыми было убито шесть человѣкъ и нѣсколько ранено. Всѣ они принадлежатъ къ мирному населенію».

13-го августа штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что въ рижскомъ районѣ положеніе продолжало оставаться безъ перемѣнъ. Къ юго-западу отъ Фридрихштадта, въ районѣ Шенбергъ—Радзивилишки, въ теченіе 11-го и 12-го августа противникъ, усилившись, перешелъ въ наступленіе. Ведется упорный бой. На двинскомъ направленіи, въ районѣ Оникшты, на рѣкѣ Свентѣ мы, въ свою очередь, потѣснили германцевъ. На направленіяхъ къ Вильнѣ наши войска, задержавъ непріятеля въ теченіе 11-го и 12-го августа, на позиціяхъ впереди Евве, постепенно оттягиваются назадъ, слѣдуя по обимъ берегамъ рѣки Виліи. На Среднемъ Нѣманѣ и на фронтѣ между верховьями рѣкъ Бобра и Припяти наши арміи, въ соотвѣтствіи съ получаемыми ими приказаніями, отходили къ востоку. Противникъ тѣснилъ наши войска лишь на нѣкоторыхъ направленіяхъ, сосредоточивъ 12-го августа главныя усилія противъ Бѣлостока и на путяхъ съ фронта Вѣльскъ—Клецце на восточномъ направленіи.

13-го августа французское правительственное сообщеніе обрисовывало положеніе дѣлъ на своемъ фронтѣ въ такомъ видѣ: «Въ Артуа, вокругъ станціи Сушэ и въ районѣ Невилля продолжались въ теченіе нѣкоторой части ночи съ 12-го на 13-е августа канонада и бои при помощи подрывныхъ снарядовъ и ручныхъ гранатъ. Въ районѣ Руа артиллерія обоихъ противниковъ продолжала попрежнему развивать весьма энергичную дѣятельность. Въ Аргоннахъ въ секторѣ Филь-Мортъ велась довольно сильная борьба при помощи ручныхъ бомбъ и гранатъ. 11-го августа, послѣ полудня, одинъ изъ французскихъ аэроплановъ бомбардировалъ желѣзнодорожную станцію Оффенбургъ, представляющую весьма важный рельсовый узелъ въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ. 12-го августа соединенная воздушная эскадра изъ четырехъ группъ аэроплановъ, всего въ количествѣ 62-хъ аппаратовъ, совершила налетъ на доменные печи въ Диллингенѣ и на фабрику гранатъ и броневыхъ плитъ на сѣверѣ отъ Сарлуи. Аэропланы сбросили съ большой мѣткостью свыше 150 бомбъ, 30 изъ которыхъ были большого калибра. 13-го августа въ сѣверной части сектора Арраса происходила довольно сильная канонада, особенно вокругъ Сушэ и на югъ отъ Невилля, около Лильской дороги. Отмѣчено также нѣсколько артиллерійскихъ боевъ въ районѣ Руа и въ долинѣ рѣки Эна, гдѣ французы подвергли бомбардировкѣ германскія укрѣпленія къ сѣверу отъ Суассона. Непріятель подвергъ довольно ожесточенному обстрѣлу городъ Реймсъ. Французы, съ своей стороны, энергично обстрѣляли германскія траншеи передъ Сернэ у Реймса. Въ Аргоннахъ продолжалась борьба съ примѣненіемъ подрывныхъ снарядовъ и гранатъ на всемъ фронтѣ, причемъ въ дѣлѣ успѣшно принимаетъ участіе французская артиллерія. Въ Веврѣ; къ

съверу отъ Флирэ, въ Вогезахъ, у Ла-Фонтенелль и въ районѣ Люссъ, а также въ Эльзасѣ въ долину Деллеръ происходили отдѣльные артилерійскіе бои. Въ теченіе дня 12-го августа французскіе летчики бомбардировали въ Веврѣ германскія расположенія у Наншъ и Боссана, гдѣ имъ удалось вызвать пожаръ.

Герой войны генералъ-отъ-инфантеріи Е. А. Радкевичъ.

Французскіе летчики также подвергли бомбардировкѣ станціи и лагеря германцевъ въ Гранъ-Прэ, Шателькорнэ и Флевилль въ Аргоннахъ, станцію Тернье, авіаціонный паркъ Витри въ Артуа и станцію Буассье. Бомбардировка производилась одновременно летчиками французской, британской и бельгійской армій, а также французскаго и британскаго флотовъ. Въ общей

сложности против лѣса Гутюлэ (Houthulet), гдѣ бомбардировкой было вызвано нѣсколько пожаровъ, принимали участіе 60 летательныхъ аппаратовъ. Всѣ они благополучно вернулись. Въ ночь съ 12-го на 13-е августа одна изъ воздушныхъ эскадръ сбросила надъ станціей Нуайонъ 127 снарядовъ.

На итальянскомъ фронтѣ, по свѣдѣніямъ отъ 13-го августа, въ долиніѣ Сугана итальянскія войска съ линіи Монто-Чиваронъ—Торренте-Мазо продвинулись къ западу надъ рѣкою до позицій Монте-Арментера—Монте-Сулубіо. Непрiятелю не удалось помѣшать наступленію итальянцевъ и онъ оставилъ въ ихъ рукахъ нѣсколькихъ плѣнныхъ. Въ долиніѣ Зеебахъ итальянская артиллерія открыла огонь по лагерю, скрытому въ бассейнѣ лѣваго берега ручья. Непрiятельскія войска принуждены были обратиться въ безпорядочное бѣгство; ихъ преслѣдовалъ мѣткій шрапнельный огонь итальянцевъ. Въ верховьяхъ Изонцо итальянскіе альпійскіе отряды овладѣли нѣсколькими укрѣпленными непрiятельскими траншеями вдоль южныхъ круглыхъ склоновъ горъ Монте-Ромбонъ. Итальянцы захватили около 30 плѣнныхъ, въ томъ числѣ одного офицера, и, кромѣ того, два пулемета, ружья и большое количество военныхъ припасовъ. На Карсо непрiятель установилъ многочисленныя батареи на новыхъ позиціяхъ и открылъ изъ нихъ сильный огонь вдоль всего фронта. Тѣмъ не менѣе итальянцы продолжали своими траншеями непрерывно продвигаться впередъ. 12-го августа на лѣвомъ крылѣ ихъ линіи они заняли еще траншеи, въ которыхъ подобрали 60 ружей, одинъ рефлекторъ и разныя другіе матеріалы.

14-го августа штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ о томъ, что на направленіяхъ отъ Бауска и Биржи къ Фридрихштадту противникъ въ теченіе 12-го и 13-го августа продолжалъ энергичное наступленіе противъ нашихъ войскъ, прикрывающихъ эти направленія. Начавшіеся въ теченіе названныхъ дней упорные бои велись на путяхъ къ югу отъ участка желѣзной дороги Тауеркальнъ—Нейгутъ. На двинскомъ направленіи, къ сѣверу отъ желѣзной дороги Двинскъ—Поневѣжъ, наши войска 13-го августа потѣснили германцевъ на фронтѣ Понедели—Скопишки. На Среднемъ Нѣманѣ и на фронтѣ между верховьями Бобра и Припяти отходъ нашихъ войскъ продолжался, обезпечиваясь арріергардными боями. Болѣе энергическія попытки германцевъ къ наступленію, произведенныя въ ночь на 13-е августа и на слѣдующій день къ сѣверу отъ него, нами успѣшно остановлены и стоили противнику большихъ потерь. Въ районѣ Бреста укрѣпленія и мосты, согласно отданному приказанію, взорваны, и наши войска, составлявшія гарнизонъ этихъ укрѣпленій, присоединились къ полевой арміи.

14-го августа британское адмиралтейство сообщило, что морской летчикъ сбросилъ бомбу въ германскую подводную лодку, которая, какъ можно было видѣть, была совершенно разрушена и затонула на высотѣ Остенде. Въ сообщеніи далѣе говорилось: «Не въ обычаѣ британскаго адмиралтейства обнаруживать свѣдѣнія, касающіяся потерь, понесенными германскими подводными лодками, хотя онѣ и имѣли мѣсто въ случаяхъ, когда у непрiятеля нѣтъ иного источника для освѣдомленія относительно времени и мѣста гибели судовъ. Однако въ данномъ случаѣ произошло блестящее дѣло въ непосредственной

близости бельгийскаго побережья, причемъ германскимъ контръ-минопосцемъ было установлено мѣсто, гдѣ затонула подводная лодка».

14-го августа французское правительство извѣстило о томъ, что въ сѣверномъ секторѣ канонада въ теченіе ночи съ 13-го на 14-е августа стала менѣе ожесточенной, а въ районѣ Руа и на плоскогорьѣ между Уазой и рѣкой Энормъ была весьма оживленной. Въ Шампани была отброшена наступательная развѣдка германцевъ передъ Оберивъ-сюрь-Сюиппъ. Въ Аргоннахъ происходили лишь отдѣльные эпизоды минной борьбы. Французы тамъ сохранили достигнутый перевѣсъ. Въ Вогезахъ и Зондернахъ французы выравнивали свой фронтъ и усилили свои укрѣпленія на горномъ хребтѣ между Зондернахомъ и Ландерсбахомъ, захвативъ нѣсколько германскихъ траншей. Неприятельская контръ-атака была ими совершенно отброшена. Въ теченіе дня 13-го августа въ Веврѣ французскіе летчики сбросили бомбы на Сентъ-Боссанъ и Эссэ. Въ Аргоннахъ станціи Ивуари и Сьержъ подверглись также бомбардировкѣ французскими летчиками, вслѣдствіе попытки германскихъ летчиковъ бросить бомбы на Клермонъ въ Аргоннахъ, гдѣ, однако, эти бомбы не причинили ни потерь людьми, ни разрушеній. Въ ночь съ 13-го на 14-е одинъ изъ французскихъ летчиковъ сбросилъ десятокъ бомбъ на заводъ, вырабатывающій удушливые газы въ Дорнахъ. Утромъ четырнадцатаго отрядъ летчиковъ обстрѣлялъ станцію и трансформаторъ въ Мюльгеймѣ въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ. Всѣ летчики вернулись невредимыми. На многихъ пунктахъ фронта наша артиллерія особенно удачно обстрѣливала позиціи непріятели. Къ сѣверу отъ Арраса часть германскихъ траншей была разрушена и складъ военныхъ припасовъ уничтоженъ. Между Соммой и Уазой были обстрѣяны неприятельскіе лагеря. Неприятель съ большого разстоянія выпустилъ по городу Компьену 7 снарядовъ, которые причинили нѣкоторый матеріальный ущербъ. Служащая въ госпиталѣ была убита, другая тяжело ранена. Деревни Блено у Понтъ-а-Муссона и Таннъ, а равно Вье-Таннъ подвергнуты были германцами ожесточенной бомбардировкѣ. Въ районѣ Амерцвиллеръ огнемъ французовъ было вызвано нѣсколько пожаровъ.

На итальянскомъ фронтѣ, по извѣстіямъ отъ 14-го августа, новыя отважныя операціи развивались въ теченіе 12-го августа на суровыхъ вершинахъ массива Адамелло. Въ то время, какъ итальянскія войска, въ видѣ демонстраціи, продвигались на небольшомъ участкѣ Тонале и противъ Монтичелло, горныя отряды, пройдя широкую Ведетта-ди-Пистано, атаковали позиціи на перевалѣ Лагоскура въ 2.968 метровъ и Корно-Бедоле, въ 3.009 метровъ, настойчиво удерживавшіяся непріятеlemъ. Неприятель оказалъ ожесточенное сопротивленіе, но въ концѣ концовъ былъ отброшенъ и преслѣдовался итальянцами, которые прочно укрѣпились на высотахъ. Вечеромъ того же дня, при полнолуніи, итальянскіе гидропланы сбросили бомбы на укрѣпленныя группы Рива и, избѣжавъ обстрѣла со стороны батарей, приспособленныхъ для дѣйствія противъ аэроплановъ, вернулись невредимыми къ своему расположенію. Въ долину Сучана артиллерія бомбардировала Борго, хотя итальянскія войска при послѣднемъ побѣдоносномъ наступленіи по доброй волѣ рѣшили не занимать этого очень населеннаго мѣста и держались на сосѣднихъ горахъ. Въ

Верхнемъ Кордеволе артиллерійскій бой становится все болѣе оживленнымъ. Непріятельская артиллерія вновь бомбардировала гражданскій госпиталь Пьеве-Ливиналлонго, причинивъ ему новыя сильныя поврежденія. Итальянскія батареи послѣ этого бомбардировали Араба и Керцъ, гдѣ замѣчены усиленныя передвиженія войскъ и орудій и присутствіе артиллерійскихъ позицій. Араба вскорѣ была охвачена огнемъ. На Карсо 13-го августа непріятель, замѣтивъ, что итальянскія войска захватили небольшой лѣсокъ на пути между Здраусина и Санъ-Мартино, открылъ по нему усиленный артиллерійскій огонь и затѣмъ направилъ войска въ атаку. Послѣдовалъ ожесточенный бой, закончившійся бѣгствомъ непріятеля въ то время, какъ итальянцы закрѣпили за собою захваченную позицію.

15-го августа главное управленіе генеральнаго штаба опубликовало слѣдующее объявленіе: «Въ нѣкоторыхъ телеграммахъ изъ Берлина сообщается о томъ, что якобы крѣпость Брестъ-Литовскъ пала послѣ штурма, произведеннаго германскими и австро-германскими войсками. Сообщение это невѣрно и явно тенденціозно. Вопросъ о томъ, что по общей обстановкѣ является нецѣлесообразнымъ запирать стотысячный гарнизонъ въ этомъ пунктѣ, былъ рѣшенъ уже нѣсколько времени тому назадъ. Въ соотвѣтствіи съ симъ наиболѣе цѣнное имущество было вывезено заблаговременно, а укрѣпленія на лѣвомъ берегу Буга удерживались лишь постольку, поскольку это было необходимо, чтобы дать возможность арміи, оперировавшей въ этомъ районѣ, беспрепятственно отойти въ восточномъ направленіи. Когда это было выполнено, укрѣпленія и мосты были взорваны, а гарнизонъ этихъ укрѣпленій, какъ это объявлено штабомъ верховнаго главнокомандующаго, присоединился къ полевой арміи.»

15-го августа штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что на направленіяхъ къ Фридрихштадту продолжались упорные бои; противникъ пытался прорваться къ желѣзнодорожной линіи Крейцбургъ—Митава. На путяхъ къ Вильнѣ, на правомъ берегу Виліи и между нею и Нѣманомъ противникъ въ теченіе 13-го и 14-го августа велъ наступленіе, которое сдерживалось нашими контръ-атаками. На Среднемъ Нѣманѣ и на фронтѣ между Бобромъ и Припятью наши войска 13-го и 14-го августа продолжали отходить, задерживая боями наступленіе противника. Его наступленіе преимущественно развивалось на направленіяхъ къ сѣверу отъ Бѣлостока, вдоль западной опушки Бѣловѣжской пуши и на путяхъ къ Кобрину. На правомъ берегу Буга противникъ 13-го августа изъ района Владимиръ-Волынскаго перешелъ въ наступленіе въ направленіяхъ на Торчинъ (западнѣ Луцка), Локачи (на р. Лугѣ) и Порицкъ. На указанномъ фронтѣ завязались бои. На Верхнемъ Бугѣ, Золотой Липѣ и Днѣстрѣ непріятель въ ночь на 14-е и на слѣдующій день также дѣлалъ попытки насъ атаковать на многихъ участкахъ нашего расположенія; особенно настойчиво наступленіе велось имъ въ районѣ сѣвернѣ Брзжанъ и западнѣ Подгайцы, гдѣ противнику удалось утвердиться на лѣвомъ берегу Золотой Липы.

На кавказскомъ фронтѣ за 12-е августа въ приморскомъ районѣ наши развѣдчики, перейдя рѣку Архаве, уничтожили ручными гранатами турецкій

карауль. Наша моторная лодка и миноносец потопили два грузенных парусника. На ольтинском направлении происходила перестрелка.

На французском фронте в течение ночи с 14-го на 15-е августа происходили небольшие артиллерийские бои вокруг Сушэ и Невилля, а также в районе Руа. На плоскогорье Кенневьерь и Нувронь велись бои при помощи бомб. В течение этой ночи французские летчики обстреливали станцию Шатель в Аргоннах. В районе Ньюпора, Гетзасъ, къ северу от Арраса и

Герой войны генераль-майоръ А. К. Баiovъ.

къ востоку отъ дороги на Лилль французы успѣшно обстреливали сильнымъ орудийнымъ огнемъ германскія траншеи.

Въ Аргоннахъ артиллерія проявила оживленную дѣятельность. Въ Филь-Мортъ, Мари-Терезъ, Сентъ-Юберъ и Фуръ-де-Пари французскія батареи заставили замолчать неприятельскую артиллерію, пытавшуюся бомбардировать позиціи французовъ. Въ Лепретрскомъ и Паруаскомъ лѣсахъ и въ Вогезахъ, въ секторѣ Шапелотъ и Лонуа происходила артиллерійская перестрелка.

15-го августа, около десяти часовъ утра, шесть германскихъ летчиковъ поднялись: трое изъ района Суассонъ и трое изъ района Компьенъ и взяли направление на Парижъ. Они не могли достигъ цѣли и сбросили только нѣсколько бомбъ на Ножанъ-сюръ-Марнъ, Монморанси, Монферме, Рибекуръ и Компьенъ. Лишь въ Компьенѣ оказались жертвы: убиты два фельдшера и ребенокъ. Какъ

только непріятельскіе летчики были замѣчены, они подверглись обстрѣлу въ разныхъ пунктахъ ихъ полета и преслѣдованію французскими летчиками. Одинъ изъ французскихъ аэроплановъ преслѣдовалъ непріятельскій аэропланъ на высотѣ 3,600 метровъ и сбиль его къ сѣверу отъ Сеплиса. Трупы авіатора и пилота были найдены совершенно обуглившимися.

15-го августа итальянская главная квартира доносила: «Подробныя извѣстія о нашемъ недавнемъ успѣхѣ въ долину Стрипо (Ноче) свидѣтельствуютъ о томъ, что непріятель понесъ тамъ серьезныя потери и оставилъ въ нашихъ рукахъ большое количество лентъ для пулеметовъ и 16 ящиковъ съ бомбами. Выяснилось также, что непріятельскіе форты Саккарана и Поци-Альти сильно повреждены. Нѣсколько орудій уничтожены; а остальные перенесены за предѣлы укрѣпленій, откуда они еще отвѣчаютъ на огонь нашихъ батарей. Вчера непріятель продолжалъ обстрѣливать Горго въ Вальсуана, но причинилъ мало поврежденій. Непріятель пытался также атаковать большими силами наши позиціи въ Сейкофель (долина Секстена), въ Монтепано (къ сѣверу отъ Миссурина) и въ Целленкофель (къ западу отъ ущелья Монтекроче Карнико), но былъ повсюду отброшенъ. Въ зонѣ Пленцо мы открыли успѣшный артиллерійскій огонь противъ непріятельскаго лагеря въ долину Лепанжъ, а также противъ колоннъ войскъ и обозовъ, двигавшихся по дорогѣ вдоль верхней части Изонцо, вызвавъ этимъ полную остановку движенія. На Карсо мы подвергли обстрѣлу районъ озера Добердо и колонны войскъ, передвигавшіяся между Добердо и Маркотини. Среди матеріала, захваченнаго нами, въ укрѣпленіяхъ, которыми мы овладѣли 7-го августа на хребтѣ Вирзикъ (Монтенеро), были найдены два аппарата, служившихъ, вѣроятно, для выбрасыванія воспламеняющихся жидкостей».

16-го августа штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что на направленіи къ Фридрихштадту наши войска, послѣ упорныхъ боевъ въ теченіе послѣднихъ дней, отошли на позиціи западнѣе этого города. На правомъ берегу Вилліи и между нею и Нѣманомъ упорные бои въ теченіе 14-го и 15-го августа продолжались примѣрно на фронтѣ отъ Подберезья къ сѣверу отъ Вильны на Н. Троки—Ганушишки и далѣе до Нѣмана. Вслѣдствіе попытокъ противника, накопившагося въ значительныхъ силахъ къ югу отъ Владимира-Волынскаго, развитъ наступленіе въ направленіяхъ на городъ Луцкъ и станцію Рожиче, въ обходъ праваго фланга нашего расположенія въ Галиціи, приняты были мѣры къ соотвѣтствующей перегруппировкѣ войскъ, которая и производилась 14-го и 15-го августа подъ прикрытіемъ боевъ къ сѣверо-западу отъ Луцка.

16-го августа французское правительственное сообщеніе гласило:

«Наша артиллерія продолжала ночью обстрѣлъ непріятельскихъ позицій. Огонь былъ особенно интенсивнымъ въ секторѣ Аблень, въ районѣ Руа, къ сѣверу отъ р. Эна въ окрестностяхъ Крана, Берри-о-Бѣка и между р. Эномъ и Аргоннами. Ожесточенная рукопашная схватка произошла у Мари-Терезъ и къ западу отъ лѣса Маланкуръ за обладаніе воронками, образовавшимися отъ взрыва минъ, которыя въ заключеніе остались въ нашихъ рукахъ. Энергичная бомбардировка непріятельскихъ траншей и группъ рабочихъ на всемъ

фронтъ отъ лотарингской границы до Гремеси, Везанжа, Гондрексона, Эмберг-Мениля. Въ районѣ Мецераля шелъ бой съ примѣненіемъ гранатъ и ручныхъ бомбъ. Наши авіаторы этой ночью бомбардировали станцію и бараки непріятеля у Грандъ-Прэ, а также непріятельскіе бараки у Моншетена и Лансона въ Аргоннахъ. На большей части фронта продолжался артиллерійскій бой въ теченіе дня 16-го августа. Особенно успѣшенъ обстрѣлъ непріятельскихъ линій въ сѣверной части сектора Гетзасъ—Стеенстрете, въ районѣ Шоонъ, къ сѣверу отъ р. Эна, въ окрестностяхъ Ай и Куткона, въ Шампани къ сѣверу отъ Паниъ и Эвезень и Мормартъ-Шалонскаго лагеря, а также между Маасомъ и Мозелемъ, въ окрестностяхъ Паниъ и Эвезень и Мормартскаго лѣса».

На итальянскомъ фронтѣ, по свѣдѣніямъ отъ 16-го августа, въ долині Сугана австрійцами разрушено было нѣсколько мостовъ на шоссейной дорогѣ и на желѣзной дорогѣ между Ронсень и Новалледо. Вечеромъ 14-го августа непріятель пытался большими силами атаковать Монте Алемантера, но былъ тотчасъ же отброшенъ. Въ верхнемъ теченіи Изонцо одинъ изъ итальянскихъ горныхъ отрядовъ, занимавшихъ позиціи на горѣ Куклеръ, къ западу отъ горы Ромбонъ, 14-го августа предпринялъ смѣлое нападеніе на сильно укрѣпленныя непріятельскія траншеи на вершинѣ Ромбона на высотѣ 2,208 метровъ. Въ виду большихъ почвенныхъ трудностей и отчаяннаго сопротивленія непріятеля, противодѣйствовавшаго итальянцамъ ружейнымъ огнемъ, метаніемъ ручныхъ бомбъ и даже крупныхъ камней, итальянскимъ войскамъ удалось овладѣть лишь нѣсколькими траншеями. Непріятель удерживается еще на самой вершинѣ горы, но итальянскія войска находятся съ нимъ въ самомъ близкомъ соприкосновеніи. Воздушными развѣдками выяснено, что непріятель приступилъ къ исправленію поврежденій, причиненныхъ набѣгами итальянскихъ летчиковъ на аэродромъ Айсовица. 15-го августа утромъ этотъ аэродромъ вновь подвергся бомбардировкѣ одного изъ итальянскихъ воздушныхъ отрядовъ, которымъ сброшено 120 бомбъ. Нѣсколько бомбъ попало въ середину двухъ ангаровъ, весь лагерь изрытъ взрывами бомбъ, которыми въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вызваны пожары. Итальянскіе летчики послѣ этого смѣлаго набѣга вернулись невредимыми, несмотря на то, что въ теченіе болѣе получаса находились подъ огнемъ многочисленныхъ батарей.

16-го августа штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ о томъ, что на позиціяхъ западнѣе города Фридрихштадта бои въ теченіе 15-го и 16-го августа продолжались съ не прекращающимся упорствомъ. Развивая свои дѣйствія, германцы одновременно вели атаки на наши войска въ районѣ участка желѣзной дороги Гроссъ-Экау—Нейгутъ и на с. Бирсгаленъ. На двинскомъ направленіи существенныхъ перемѣнъ не произошло; мѣстами наши войска 15-го августа перешли въ наступленіе. На виленскомъ направленіи бои продолжаются, примѣрно, на прежнемъ фронтѣ. Противникъ, переправившись на правый берегъ рѣки Нѣмана въ районѣ Олиты, 16-го августа пытался наступать въ направленіи на Ораны. На остальномъ фронтѣ вдоль Средняго Нѣмана и къ югу до рѣки Припяти наши арміи продолжаютъ свой отходъ, прикрываясь аррьергардами; послѣдніе отразили вечеромъ 15-го

августа рядъ германскихъ атакъ въ районѣ Липска, съ большими для непріятеля потерями; южнѣе аррьергарды сдерживали упорное наступленіе большихъ силъ противника съ запада на фронтъ Пружаны—Городецъ. Въ районѣ Владимира-Волынскаго непріятель, перегруппировавъ свои войска, продолжалъ съ почти на 16-е число наступленіе значительными силами въ направленіи отъ Владимира-Волынскаго къ Луцку. Съвернѣе послѣдняго пункта, на обоихъ берегахъ рѣки Стыри, завязались бои.

На кавказскомъ фронтѣ за 14-е августа въ приморскомъ районѣ попытка турокъ перейти въ наступленіе окончилась полной неудачей для нихъ, и они принуждены были съ большими потерями отойти назадъ. Моторная лодка потопила турецкіе парусники. На ольтинскомъ направленіи турки вели огонь по нашимъ развѣдчикамъ. По собраннымъ свѣдѣніямъ, во время минувшихъ боевъ по 9-е августа наши трофеи выражаются слѣдующими данными: взятъ въ плѣнъ 1 генералъ, 84 офицера, 5.129 аскеровъ, кромѣ того, во время преслѣдованія турокъ на путяхъ отъ Дутаха до Кона нашей конницей изрублено болѣе 2,000 аскеровъ. Захвачено 12 орудій, 6 пулеметовъ, 90 зарядныхъ ящиковъ, оружіе и патроны, 2 транспорта съ продовольствіемъ, 200 повозокъ, изъ коихъ двѣ повозки съ шанцевымъ инструментомъ и повозка съ подрывными средствами, болѣе сотни вьючныхъ животныхъ—верблюдовъ и муловъ, болѣе тысячи головъ скота, два лагеря съ палатками, канцелярія одного полка и много документовъ.

На французскомъ фронтѣ, по извѣстіямъ отъ 17-го августа, подъ конецъ дня 16-го августа во многихъ пунктахъ въ Аргоннахъ произошелъ ожесточенный артиллерійскій поединокъ, сопровождавшійся взрывомъ минъ и боями съ примѣненіемъ ручныхъ бомбъ и гранатъ. Непріятельскія траншеи были серьезно повреждены у Куртшоссе—Мериссонъ—Болентъ. Ночь съ 16-го на 17-е августа въ этомъ районѣ, какъ и на остальномъ фронтѣ, прошла болѣе спокойно. 17-го августа происходилъ артиллерійскій бой въ Артуа и въ районѣ Кенневьеръ, гдѣ французскій огонь разрушилъ траншеи и достигалъ лагернаго расположенія германцевъ. Въ Аргоннахъ батареи французовъ нѣсколько разъ останавливали артиллерійскій огонь непріятеля. Довольно сильный артиллерійскій огонь былъ въ Лотарингіи близъ Монсея, Безанжа и Шазеля, а также въ Вогезахъ въ районахъ Рабодо—Лонуа—Лейжъ.

17-го августа фельдмаршалъ Френчъ доносилъ: «Съ 5-го августа на британскомъ фронтѣ происходила лишь минная борьба. Мы сбили непріятельскій аэропланъ. Наша артиллерія обстрѣляла желѣзнодорожный поѣздъ близъ Лангемарка. Наши летчики успѣшно содѣйствовали французскимъ летчикамъ въ атакахъ противъ лѣса Гетерсть, не потерявъ при этомъ ни одного аэроплана.

17-го августа итальянская главная квартира сообщила:

«Въ долинѣ Сугана наши развѣдчики продвинулись къ Кунасъ Чиста (2,185 метровъ) къ вершинѣ на сѣверо-западъ отъ нашихъ позицій на Монте-Салюбисъ, которая была занята отрядомъ непріятельской пѣхоты съ пулеметами. 15-го августа Чима-Чиста была атакована нашими войсками, и, несмотря на сильный артиллерійскій огонь непріятеля, была занята и удержана

нами за собою. Въ Карниі вечеромъ 14-го августа непріятель послѣ долгаго періода бездѣятельности снова повелъ наступленіе на наши позиціи на Паль-Шикколо и, какъ обычно, былъ отраженъ. Въ бассейнѣ Плеццо наши войска уже нѣсколько дней назадъ продвинулись по ту сторону этого важнаго мѣстечка и въ настоящее время сильно укрѣпилась тамъ, преградивъ къ нему доступъ, какъ черезъ верхнее теченіе Изонцо, такъ и черезъ долину Златеникъ. Непріятель, не будучи въ состояніи выбить насъ изъ этихъ позицій, открылъ сильный артиллерійскій огонь по зданіямъ въ Плеццо, вызвавъ нѣсколько пожаровъ. Въ секторѣ Тольмино мы снова нѣсколько продвинулись впередъ,

Герой войны генераль-майоръ А. Н. Тумскій.

преодоливъ затрудненіе на высотахъ къ западу отъ Плазе. На Карсо непріятель въ виду нашего движенія принужденъ былъ покинуть нѣсколько траншей, въ которыхъ мы нашли оставленные имъ трупы убитыхъ, а также оружіе и боевые припасы. Наши летчики продолжаютъ предпринимать смѣлые и успѣшные воздушные набѣги. Вчера они бомбардировали вокзалъ Вогерско и непріятельскій лагерь, расположенный близъ Кустангевика, а также складъ боевыхъ припасовъ въ Сезама. Всѣ летчики возвратились благополучно.

18-го августа штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ о слѣдующемъ:

«Въ рижскомъ районѣ въ ночь на 17-е августа противникъ перешелъ въ наступленіе съ участка желѣзной дороги Гроссъ-Экау—Нейгутъ къ сѣверу.

Наступленіе задерживалось нами на р. Миссъ. Съверо-западнѣе Фридрихштадта нами отражена попытка непріятеля переправиться 16-го числа черезъ Двину. Перешедшіе рѣку германцы были сбиты съ ея праваго берега. У Фридрихштадта при содѣйствіи ураганнаго огня своей артиллеріи нѣмцы вели 16-го и въ ночь на 17-е августа рядъ яростныхъ атакъ на нашу предмостную позицію. Всѣ атаки отбиты съ большимъ урономъ для противника.

На правомъ берегу Виліи мы перешли въ наступленіе, которое въ теченіе 17-го числа развивалось успѣшно. На фронтѣ между Виліей и Нѣманомъ мы продолжаемъ сдерживать наступленіе противника.

«На Верхнемъ Бобрѣ въ теченіе 16-го и 17-го нами снова отбиты атаки нѣмцевъ въ районахъ Липска и Сидры. На фронтѣ между Гродной и м. Городецъ въ общемъ ничего существеннаго не произошло. Въ районѣ Городца 17-го числа нами отбиты двѣ атаки противника. Во владимирь-волинскомъ районѣ при отраженіи непріятельскихъ атакъ за 16-е августа восточнѣе с. Свиноухи нами захвачено до 200 плѣнныхъ.

«Въ Галиціи, послѣ продолжительнаго затишья, австро-германскія войска предприняли въ теченіе 16-го и 17-го августа рядъ энергическихъ атакъ по всему нашему фронту. Наступленію предшествовалъ сильнѣйшій огонь тяжелой и легкой артиллеріи. Особенно ожесточенныя атаки противникъ велъ сѣвернѣе Золочева. Въ районахъ Поморжаны—Зборовъ, а также на фронтѣ рѣки Стрыпы между желѣзными дорогами къ Тарнополю и Чорткову мѣстами противникъ велъ до восьми повторныхъ атакъ, но всѣ онѣ отбивались нашими войсками съ громадными потерями для непріятеля, который на многихъ участкахъ былъ вынужденъ къ поспѣшному отступленію. Благодаря нашимъ контръ-атакамъ, мы одержали на значительномъ фронтѣ серьезный успѣхъ, который выразился въ томъ, что нашими войсками взято у непріятеля 30 орудій, 24 пулемета и до 3,000 плѣнныхъ, въ числѣ коихъ около половины германцевъ».

На французскомъ фронтѣ велись сильныя артиллерійскіе бои въ Бельгін по линіи Стѣенстрете—Гетзасъ и въ Артуа, а также въ сѣверной части Вевра и равнымъ образомъ въ Апремонскомъ лѣсу и къ сѣверу отъ Флирэ.

На итальянскомъ фронтѣ, по донесенію итальянской главной квартиры отъ 18-го августа, на плоскогорьѣ въ сѣверо-западу отъ Арсьеро итальянскія войска атаковали укрѣпленную позицію Монте-Маронія къ сѣверу отъ Монте-Маджіо и выбили оттуда непріятеля. Этотъ послѣдній сосредоточилъ тогда сильный артиллерійскій огонь изъ орудій всѣхъ калибровъ на новой позиціи итальянцевъ, которая, однако, была удержана, укрѣплена и находится теперь въ твердомъ обладаніи итальянцевъ. Вокругъ Плавы въ среднемъ теченіи Изонцо отрядамъ итальянскихъ отборныхъ стрѣлковъ, смѣло наступавшимъ на непріятельской линіи, удалось заставить умолкнуть нѣсколько пулеметовъ и бомбометовъ, которыми непріятель уже нѣсколько дней мѣшалъ миннымъ работамъ итальянцевъ. Передаютъ о большомъ движеніи поѣздовъ на желѣзнодорожной станціи Гориція. На Карсо 17-го августа днемъ небольшіе бои развивались съ благопріятнымъ для насъ результатомъ. Въ зонѣ Сеи-Буси итальянскія войска заняли новыя траншеи, въ которыхъ подобрали оружіе и военные припасы,

брошенные неприятелемъ. Нѣкоторый успѣхъ былъ также достигнуть въ Кавьди-Сельзъ. Непріятельская артиллерія снова обстрѣливала зданія въ Монфальконе.

19-го августа сообщеніе штаба верховнаго главнокомандующаго гласило:

«На риги-двинскомъ фронтѣ дѣятельность противника въ теченіе 17-го и 18-го августа проявлялась лишь въ районѣ Фридрихштадта, гдѣ положеніе дѣлъ безъ существенныхъ перемѣнъ. На правомъ берегу Виліи мы продолжали успѣшно продвигаться впередъ и въ теченіе 17-го августа нами взято у германцевъ 4 орудія и пулеметы. Между Виліей и Нѣманомъ противникъ, развивая наступленіе, занялъ мѣст. Ораны на правомъ берегу Мерчанки. Бои продолжаютъ сохранять прежній упорный характеръ. Одинъ изъ нашихъ полковъ, окруженный противникомъ, пробился назадъ, уничтоживъ при этомъ германскій батальонъ и приведя съ собою 70 плѣнныхъ при офицерѣ. Въ районѣ западнѣ Гродны мы отбили 18-го августа рядъ энергическихъ повторныхъ атакъ германцевъ. На остальномъ фронтѣ нашего расположенія до рѣки Припяти существенныхъ перемѣнъ не произошло.

«Въ Луцкомъ районѣ и въ Галиціи мы задерживаемъ противника, отходя на болѣе сокращенный фронтъ и нанося его войскамъ нашими контръ-атаками большія потери. Общее число захваченныхъ нами въ плѣнъ австро-германцевъ превысило 100 офицеровъ и 7.000 нижнихъ чиновъ, изъ которыхъ треть германцевъ съ нѣсколькими десятками германскихъ штабъ- и оберъ-офицеровъ. Наиболѣе упорныя атаки противникъ велъ въ теченіе 17-го и 18-го августа въ районахъ Радзихова, Золочева, Зборова, Бурканова (на Стрыпѣ) и гор. Бучача. Вездѣ противникъ былъ отброшенъ съ огромными для него потерями.

«Въ районѣ Зборова неприятель велъ рядъ повторныхъ атакъ, причѣмъ послѣдняя изъ нихъ отражена съ переходомъ нашихъ войскъ въ контръ-наступленіе. Крайнимъ упорствомъ отличались бои также въ районѣ Бурканова и Бучача, гдѣ нами отражены огнемъ и штыками многократныя атаки. Мѣстами противникъ, не выдерживая продолжительнаго рукопашнаго боя, бросился назадъ въ свои окопы, оставляя намъ плѣнныхъ».

На французскомъ фронтѣ, по свѣдѣніямъ отъ 19-го августа, военныя дѣйствія развивались въ такомъ порядкѣ: въ теченіе ночи съ 18-го на 19-ое августа происходили артиллерійскіе бои въ районахъ Не-Обривъ-сюръ-Сюиппъ. Въ Аргоннахъ 18-го августа происходила орудійная перестрѣлка къ сѣверу отъ Фонтэнъ-Гюйетъ и Готъ-Шевоше. Ночь на 19-ое августа прошла спокойно. Въ Вогезахъ неприятель послѣ предварительной бомбардировки снарядами съ удушливыми газами 18-го августа вечеромъ произвелъ ожесточенную атаку противъ французскихъ траншей на Левжѣ и Шрацменелле. Французы удержали свои позиціи. Въ серединѣ ночи они отразили вторую германскую атаку. Въ секторѣ къ сѣверу отъ Арраса и въ районахъ Руа и Кенневьеръ происходили днемъ 19-го августа артиллерійскіе бои. Непріятель выпустилъ нѣсколько снарядовъ по Суассону и Реймсу. Французская артиллерія подвергла весьма дѣйствительному обстрѣлу неприятельскія траншеи на фронтѣ Эна въ Шампани. Въ Аргоннахъ германцы въ теченіе дня обстрѣливали въ нѣсколько приемовъ французскій фронтъ изъ орудій различнаго калибра, а также изъ бомбометовъ,

въ особенности между ложиной Гюйетъ и Фонтень-о-Шармъ. Французскія батареи отвѣчали и заставляли замолчать непріятельскія орудія. Въ Вогезахъ происходитъ ожесточенная орудійная перестрѣлка у Вандесапта и Комбекопфа. Въ ночь съ 15-го на 16-ое августа французскіе авіаторы бомбардировали расположеніе германцевъ въ Остенде, Миллькерке и станицю Туруть. Непріятельскіе летчики сбросили бомбы надъ Люневилемъ. Есть жертвы среди гражданскаго населенія.

19-го августа было опубликовано объявленіе французскаго министра колоній, гдѣ говорилось, что французскія войска оперируютъ въ восточномъ и юго-восточномъ Камерунѣ, продолжая наступать въ направленіи къ Яундѣ. Послѣ боя, происходившаго 12-го августа, французы заняли Думэ. Непріятель, повидимому, отходить къ сѣверу, чтобы организовать сопротивленіе близъ Юко.

19-го августа донесеніе итальянской главной квартиры гласило:

«Въ верхней части Ноче наша артиллерія открыла огонь по непріятельскимъ позиціямъ, возведеннымъ противъ позицій, недавно захваченныхъ нами у входа въ долину Стрино. Довольно успѣшный огонь причинилъ поврежденія укрѣпленіямъ и заставилъ защитниковъ покинуть часть окоповъ. Непріятельская артиллерія на Монте-Панаротта въ долину Сугана возобновила бомбардировку Борго, а изъ окрестностей Шерца въ долину Кордеволе непріятель открылъ артиллерійскій огонь по Капирле, повредивъ госпиталь. Въ бассейнѣ Плецо непріятель выпустилъ нѣсколько зажигательныхъ снарядовъ по домамъ, вызвавъ новые пожары. Въ ночь на 18-го августа непріятель пытался атаковать наши позиціи на склонахъ Ромбона, но затѣмъ ограничился только интенсивнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ. На Карсо поздно вечеромъ 17-го августа въ то время, какъ разразилась сильная буря, непріятель предпринялъ двѣ атаки, освѣщая мѣстность большимъ числомъ яркихъ ракетъ. Однако наши войска съ помощью хорошо направленного огня отразили обѣ атаки. Смѣлыми развѣдками, произведенными нами близъ непріятельскихъ линій, установлено, что войска, занимающія окопы, замѣняются свѣжими войсками, прибывшими въ послѣдніе дни на нашъ фронтъ. Необычайная дѣятельность, проявляемая въ настоящій моментъ непріятелемъ, сильный артиллерійскій и ружейный огонь, а также бросаніе ручныхъ бомбъ, повидимому, направлены къ тому, чтобы замаскировать это передвиженіе войскъ».

20-го августа штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ:

«На риги-двинскомъ фронтѣ въ общемъ безъ существенныхъ перемѣнъ; атаки германцевъ въ ночь на 19-ое августа и на слѣдующій день въ районѣ Фридрихштадта вновь нами отбиты. Между Свентой и Виліей наши войска успѣшно продвигаются впередъ, дойдя почти вплотную къ Вилькомиру и далѣе, занимая фронтъ Ширвинты—Мейшагола и Дукшты; къ вечеру 17-го у сел. Ширвинты наша конница штыками взяла двѣ деревни, отбросивъ нѣмцевъ въ беспорядкѣ, взяты плѣнные. Вдоль праваго берега Виліи мы, продвигаясь впередъ, захватили у нѣмцевъ въ районѣ Дукшты одну гаубицу и нѣсколько зарядныхъ ящиковъ. Между Виліей и Нѣманомъ положеніе въ общемъ остается безъ перемѣнъ; главныя усилія противника были направлены вдоль шоссе

Олита—Меречь, на которомъ въ ночь на 19-ое нами отбитъ рядъ настоячивыхъ атакъ; у м. Ораны ведется упорный бой.

«У Гродны, задержавъ непріятеля, насколько было необходимо для эвакуаціи этого пункта, наши войска, въ ночь на 20-ое, отошли на правый берегъ Нѣмана. Южнѣ Гродны, на всемъ фронтѣ до Припяти, положеніе безъ существенныхъ перемѣнъ. Въ луцкомъ районѣ, задержавъ противника упорными боями на рѣкѣ Стыри, наши войска, въ ночь на 19-ое, отошли на фронтъ Олыка—Радзивилловъ. За день нами захвачено нѣсколько сотъ пѣхннхъ съ офицерами и пулеметами. Луцкъ занятъ противникомъ. Въ соответствии съ отходомъ съ рѣки Стыри наши войска въ Галиціи также заняли новыя позиціи, прикрывая свои передвиженія аррьергардами. Боями послѣднихъ противнику нанесены снова тяжелыя потери въ районахъ Золочева, Зборова и устья Стрыпы. При отраженіи здѣсь многочисленныхъ повторныхъ атакъ мы переходили въ частичныя наступленія, захватывая пулеметы, пѣхннхъ и много снаряженія и боевхъ припасовъ».

20-го августа въ донесеніи генерала Гамильтона говорилось:

«Дальнѣйшіе бои на Галлипольскомъ полуостровѣ, происходившіе 14-го и 15-го августа въ сѣверномъ секторѣ расположенія англійскихъ войскъ, въ результатъ привели къ захвату важной позиціи, командующей надъ долиной Буюкъ-Анафарта, къ востоку и сѣверу, а также къ занятію австрайлцами и ново-зеландцами новой территоріи. Бои почти исключительно были рукопашные и отличались ожесточенностью, причемъ туркамъ нанесены тяжелыя потери. Англійскими войсками захвачено три пулемета, три миномета, 300 ружей, 500 бомбъ, большое количество мелкаго оружія и патроновъ».

20-го августа французское правительство извѣстило о слѣдующемъ:

«Въ теченіе ночи съ 19-го на 20-е августа вокругъ Сушэ происходили бои при помощи ручныхъ гранатъ и незначительная орудіяная перестрѣлка въ секторѣ Невилля, въ районѣ Руа и въ Вогезахъ. Въ Штрацменнеле произошелъ бой при помощи подрывныхъ снарядовъ.

«Въ Дарданеллахъ послѣдняя недѣля августа въ общемъ прошла очень спокойно на южномъ фронтѣ. Въ сѣверной зонѣ британскія войска вели бой, окончившійся для нихъ благопріятно. Они овладѣли къ западу отъ Буюкъ-Анафарта холмомъ, за обладаніе которымъ шла упорная борьба. Кромѣ транспорта, потопленнаго 7-го августа нашимъ летчикомъ на рейдѣ Башилимана, англійскими подводными лодками потоплены еще четыре транспорта, притомъ два изъ нихъ на томъ же рейдѣ, а два другихъ между Галлиполи и Нагарой. Военными судами успѣшно обстрѣляны нѣсколько судовъ, находившихся въ проливѣ.

«На бельгійскомъ фронтѣ, отвѣчая на обстрѣлъ Ньюпоръ—Лилля и секторовъ Стеенстрете и Бесинга, наша артиллерія открыла огонь по бомбометамъ и батареямъ, находившимся въ дѣйствиіи, а также по расположенію непріятельскихъ парковъ. На фронтѣ Артуа у входа въ траншеи происходилъ бой при помощи минъ и ручныхъ гранатъ. Между Соммой и Узой въ окрестностяхъ Арманкуръ—Канни наши батареи заставили замолчать германскія орудія. Неприсятель выпустилъ нѣкоторое число зажигательныхъ снарядовъ по Суассону и прилегающему къ нему району. На фронтѣ Эна между Ла-

Вилль-о-Буа и Легодаи въ Шампани на западной опушкѣ Аргонскаго лѣса происходила сильная артиллерійская перестрѣлка. Въ Лотарингіи, въ Вогезахъ, въ секторѣ Фехта артиллерійская перестрѣлка».

По свѣдѣніямъ изъ итальянской главной квартиры отъ 20-го августа, непріятельская артиллерія продолжала обстрѣливать Борго въ долинѣ Сугана и открыла огонь по Ронсеньо, гдѣ возникли пожары. Итальянская артиллерія обстрѣливала и взорвала складъ военныхъ припасовъ на Андертеръ, въ долинѣ Секстена, и удачно обстрѣляла непріятельскую артиллерію въ долинѣ Зеебаха по ту сторону Предильскихъ укрѣпленій. Въ фортѣ Германъ къ сѣверу отъ Пленцо итальянская артиллерія разрушила куполь. Одна непріятельская батарея средняго калибра выпустила нѣсколько снарядовъ по желѣзнодорожной станціи Кормонъ, не причинивъ ей никакого вреда. Въ зонѣ Пальгранде, въ Карни, итальянскія войска, произведя развѣдку по направленію къ непріятельскимъ позиціямъ, удостовѣрились въ томъ, что въ нѣкоторыхъ траншеяхъ, оставленныхъ недавно непріателемъ, были брошены 103 трупа. Равнымъ образомъ на Карсо непріятель очистилъ нѣсколько траншей, оставивъ тамъ большое количество оружія и военныхъ припасовъ, которые были подобраны итальянскими войсками.

21-го августа штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что на риго-двинскомъ фронтѣ наши войска въ районѣ с. Линденъ, послѣ упорнаго боя на лѣвомъ берегу Двины, отошли къ утру 20-го августа на правый берегъ; мостъ былъ сожженъ. Бой продолжается. Позиціи у Фридрихштадта въ теченіе 19-го и 20-го числа обстрѣливались тяжелой артиллеріей противника. Между Свентой и Вилей наступленіе нашихъ войскъ встрѣтило упорное сопротивленіе противника; тѣмъ не менѣе мы продвигаемся впередъ, причѣмъ нами захвачено за минувшіе два дня 13 пулеметовъ и до 300 плѣнныхъ германцевъ съ офицерами. Между Вилей и Нѣманомъ и далѣе по правому берегу послѣдняго до Гродны—безъ перемѣнъ. У Гродны къ вечеру 20-го противникъ успѣлъ перебросить часть силъ на правый берегъ Нѣмана; ведется упорный бой на сѣверной и восточной окраинахъ города. Отъ района Гродны на югъ до Припяти ничего существеннаго не произошло; упорные арьергардные бои велись лишь въ районѣ южнѣ Индуры, у В. Берестовица и къ югу отъ Городца. На направленіяхъ изъ луцкаго района къ Клевани и Торговицѣ 19-го числа продолжались лишь небольшія столкновенія безъ существенныхъ результатовъ для обѣихъ сторонъ. Въ Галиціи до Днѣстра занятіе нашими войсками новыхъ позицій по р. Серету сопровождалось незначительными боями въ охраняющихъ частяхъ. На Днѣстрѣ въ теченіе 19-го августа попытки противника къ наступленію въ районахъ устья Стрыпы и Залещиковъ нами отражены.

На французскомъ фронтѣ, по официальнымъ извѣстіямъ отъ 21-го августа, ожесточенный артиллерійскій бой происходилъ во многихъ пунктахъ, въ особенности въ Артуа, въ секторахъ Лореттъ и Невилль, между Соммой и Уазой, въ районахъ Фукскуръ, Данкуръ, Тильлолуа, въ Шампани, въ окрестностяхъ Суэна, въ Аргоннахъ и на лотарингскомъ фронтѣ въ долинѣ Ремабуа и въ окрестностяхъ Гондрексона и Шазедля. Въ Вогезахъ велся артиллерійскій огонь въ районахъ Лессе и Варренкошфа.

На итальянскомъ фронтѣ, согласно донесенію главной квартиры отъ 21-го августа, въ верхнемъ теченіи Ріенца непріятель еще разъ пытался атаковать позиціи итальянцевъ на Монте-Піана, но былъ отраженъ съ тяжелыми для него потерями. Въ области Паральба (верхнее теченіе Піаве) непріятель занялъ горный массивъ Монте-Кіаденисъ и Монте-Аванца между долиной Сези-Піаве и рѣкою Флеонъ (Дегано). Итальянскія войска, находившіяся у верхняго теченія Піаве и въ долинѣ Дегано, предприняли рядъ согласованныхъ операций съ цѣлью выбить непріятели изъ этой важной позиціи. Отлично подготовленная операція, проведенная вмѣстѣ съ тѣмъ съ отвагой и настойчивостью, дала итальянцамъ возможность овладѣть всѣмъ массивомъ, несмотря на ожесточенное сопротивленіе непріятели, котораго приходилось выбивать съ одной вершины на другую и, наконецъ, съ двухъ горныхъ пиковъ Кіадениса, на которыхъ онъ сильно окопался, разбившись на мелкіе отряды. Вечеромъ 19-го августа непріятельскія войска, пользуясь рефлекторами, пытались атаковать потеряныя ими позиціи, но были окончательно отражены. На Карсо, въ области Сеи-Буси, благодаря удачному маневру одного изъ отрядовъ, итальянцы безъ сопротивленія овладѣли нѣсколькими непріятельскими окопами. Одинъ изъ итальянскихъ аэроплановъ успѣшно бомбардировалъ непріятельскій лагерь, расположенный вдоль пути Констаневица—Восчица.

22-го августа штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ:

«Въ рижскомъ районѣ—безъ существенныхъ перемѣнъ. У с. Линденъ наши войска, переправившись, въ ночь на 21-е августа, обратно на лѣвый берегъ Двины, отгѣснили германцевъ отъ рѣки и завязали упорный бой. У Фридрихштадта, подъ напоромъ усилившагося противника и огня его артиллеріи, мы отошли утромъ 21-го на правый берегъ. Непріятель пытается продвигаться также юго-восточнѣе Фридрихштадта, въ направленіи желѣзной дороги на Якобштадтъ.

«Между Свентой и Виліей боевыя столкновенія также продолжаютъ. На фронтѣ между Виліей и Нѣманомъ положеніе прежнее, но въ районѣ м. Меречь 21-го августа началъ обозначаться сильный нажимъ германцевъ.

«У Гродны съ утра 21-го августа вновь начался горячій бой; наши войска ворвались въ городъ, захватили 8 пулеметовъ и до 150 плѣнныхъ; своимъ успѣхомъ они дали возможность совершить безпрепятственно отходъ соседнимъ частямъ, оказавшимся слишкомъ выдвинутыми впередъ по сравненію съ нашимъ общимъ фронтомъ. На фронтѣ отъ Гродны и далѣе на югъ до верховьевъ р. Яселеды съ противникомъ имѣли дѣло 20-го и 21-го августа лишь наши аррьергарды, сдерживающіе его напоръ. На правомъ берегу Стыри, на фронтѣ Деражно—Олыка—Млыновъ, наши войска перешли во встрѣчно наступленіе, которое 21-го августа развивалось успѣшно. Въ районѣ Радзивилова противникъ, пытавшійся 21-го августа утромъ перейти въ наступленіе, нами отброшенъ.

«Въ Галиціи на фронтѣ р. Серета—лишь мелкія столкновенія. Въ общемъ за 20-е и 21-е августа мы взяли въ плѣнъ на фронтѣ отъ Деражно до Днѣстра свыше 60 офицеровъ и до 3500 нижнихъ чиновъ, съ нѣсколькими пулеметами.

III*

На Дибстрѣ, въ районѣ Залезиковъ, противникъ 20-го и 21-го числа вслѣ также рядъ атакъ: бои продолжаются.

«Изъ полученныхъ донесеній выяснилось, что въ бояхъ 17-го августа на Стрыбѣ, въ районѣ желѣзной дороги Козова—Тарнополь, мы обязаны въ значительной степени успѣхомъ нашимъ бронированнымъ пулеметнымъ автомобилямъ «Побѣда» и «Пилкій», которые своей самоотверженной работой внесли большой безпорядокъ среди германскихъ войскъ и нанесли имъ тяжкія потери».

Въ приморскомъ районѣ попытка турокъ сбить наше сторожевое охраненіе не удалась. Огнемъ и ручными гранатами турки были обращены въ бѣгство. На ольгинскомъ направленіи наши развѣдчики прорвали сторожевое охраненіе турокъ въ районѣ озера Ахизгель и штыковымъ ударомъ овладѣли ихъ окопами, перекололи до 200 аскеровъ и захватили много трофеевъ. Въ мелагергскомъ и ванскомъ районахъ столкновения развѣдывательныхъ частей.

22-го августа Государь Императоръ прибылъ въ дѣйствующую армію. Генералъ-отъ-инфантеріи А. Е. Эвертъ назначенъ командующимъ арміями западнаго фронта; генералъ Алексѣевъ—начальникомъ штаба верховнаго главнокомандующаго.

22-го августа въ Артуа, между Соммой и Уазой, а также къ сѣверу отъ р. Эна продолжался артиллерійскій бой. Отвѣчая на разрушительный огонь французовъ, направленный по траншеямъ и укрѣпленнымъ позиціямъ, непріятель выпустилъ по Реймсу около 100 снарядовъ. Бомбардировка не повлекла за собою человѣческихъ жертвъ. Въ Шампани и въ западной части Аргоннъ происходили бои помощью ручныхъ гранатъ и бомбъ. Къ сѣверу отъ Флирэ и близъ Лентрэ велась оживленная артиллерійская дуэль. Ожесточенные артиллерійскіе бои происходили къ сѣверу и югу отъ Арраса въ секторѣ Рокленкуръ и Вайи-Бретанкуръ, а равнымъ образомъ между Уазой и р. Эномъ, въ районѣ Кенневьеръ и Нувронъ. Въ окрестностяхъ Воква французы взорвали нѣсколько минъ, которыя серьезно повредили непріятельскія укрѣпленія.

22-го августа сообщеніе итальянской главной квартиры гласило:

«Въ горной части театра военныхъ дѣйствій, въ особенности въ районѣ Тонале, въ верхней части Кордеволе и въ долинѣ Ченчія нормально продолжались дѣйствія нашихъ войскъ и артиллерійскій огонь, несмотря на преждевременно выпавшій обильный снѣгъ. На плоскогорьѣ Лавароче наша артиллерія сильнымъ и дѣйствительнымъ огнемъ мѣшала непріятельскимъ войскамъ при возведеніи укрѣпленій. Въ верхней части Кордеволе одна изъ нашихъ батарей снова обстрѣляла фортъ Лакорте, который противнику удалось частично исправить, и нанесла ему новыя поврежденія. Въ Боденской долинѣ (Риенца) днемъ 20-го августа наши войска весьма успѣшно отразили предпринимаемую непріятелемъ со значительными силами атаку. Та же участь постигла въ бассейнѣ Плезцо другую ожесточенную атаку на наши позиціи на Слатеникъ-Потокъ. Въ водахъ Изонцо найдена пловучая мина, пущенная по теченію непріятелемъ, очевидно, для уничтоженія нѣкоторыхъ занятыхъ

нами мостовъ. Бдительность нашихъ сторожевыхъ постовъ привела къ неудачѣ этой попытки».

23-го августа штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ о томъ, что у входа въ Рижскій заливъ непріятельскіе развѣдывательные гидропланы неоднократно появлялись въ теченіе 21-го и 22-го августа надъ Ирбенскимъ проливомъ, бросая бомбы въ наши миноносцы; послѣдніе всякій разъ отгоняли ихъ огнемъ. На лѣвомъ берегу Двины германцы притянули подкрѣпленія и главныя усилія направляютъ на форсированіе рѣки въ районѣ Фридрихштадта. Вслѣдствіе неравенства въ силахъ наши войска, переправившіяся у сел. Линденъ на лѣвый берегъ рѣки, послѣ упорнаго боя 21-го августа принуждены были отойти обратно на правый берегъ. Полученными донесеніями выяснилось, что въ бою того же числа у Фридрихштадта отходъ нашъ за рѣку былъ вызванъ пожаромъ мостовъ черезъ Двину отъ непріятельскихъ снарядовъ. Къ сторонѣ Риги и Якобштадта германцы ограничивались противодѣйствіемъ нашему наступленію.

На путяхъ къ Вильнѣ мы удерживали противника на прежнихъ позиціяхъ; въ районѣ м. Ораны наши войска выбили 21-го августа нѣмцевъ изъ д. Смальники и взяли въ плѣнъ болѣе 200 германцевъ, съ томъ числѣмъ нѣсколько офицеровъ. На нижнемъ теченіи Мерчанки намъ пришлось выдержать 21-го августа при трудныхъ условіяхъ бой съ противникомъ, угрожавшимъ своимъ наступленіемъ отходу нашихъ войскъ изъ гродненскаго района. На фронтѣ отъ Нѣмана выше Гродны и до рѣки Ясельды у Каргузской Березы наши войска успѣшно отражали на многихъ участкахъ въ ночь на 22-е августа и на слѣдующій день неоднократно атаки противника; однако послѣднему удалось потѣснить насъ на направленіи къ Волковыску. Между Горынью и Стырью противникъ, значительно усилившись, къ вечеру 22-го августа продолжалъ развивать наступленіе на путяхъ къ Дубно и Ровно. На правомъ берегу Стыри, съвернѣ Дубненскихъ садовъ, начались встрѣчные бои.

Въ Галиціи, на р. Сереть, упорное наступленіе непріятели велось въ теченіе 22-го числа въ районахъ Тарнополя, Глуште и въ районѣ устья Серета, на обоихъ берегахъ Днѣстра. У Глуште, несмотря на подкрѣпленія, полученныя противникомъ, его ожесточенныя атаки были отбиты нашимъ огнемъ и контръ-атаками. Взято около 300 плѣнныхъ съ нѣсколькими офицерами. Бои продолжаются.

Въ Черномъ морѣ наши миноносцы «Пронзительный» и «Быстрый», подъ командой капитана 1-го ранга князя Трубецкаго, вступили 22 августа вблизи Зунгулдака въ бой съ крейсеромъ «Гамидіе» и двумя турецкими миноносцами. Послѣ двухчасоваго боя получившій поврежденія непріятель бѣжалъ къ Босфору, преслѣдуемый нашими миноносцами, причѣмъ бросилъ конвоированшіеся имъ четыре парохода съ углемъ; послѣдніе потоплены.

23-го августа французское правительственное сообщеніе гласило:

«Въ 10 часовъ утра 23-го августа происходилъ ожесточенный артиллерійскій бой къ югу отъ Арраса въ районѣ Вайи. Минная борьба была особенно оживленной на берегахъ Соммы, въ окрестностяхъ Фриза. Дѣйствія артиллеріи и траншейныхъ орудій происходили въ секторахъ Кенневьеръ, Визъ и Нувронъ.

Наши батареи заставили въ нѣсколькихъ пунктахъ замолчать батареи противника. Довольно интенсивный артиллерійскій бой происходилъ въ Шампани къ сѣверу отъ шалонскаго лагеря. Въ Вогезахъ вмѣшательство нашей артиллеріи заставило непріятеля прекратить ружейный огонь передъ нашими траншеями у Ленжа. Значительные артиллерійскіе бои продолжались вокругъ Невила и Рокленкура, въ районѣ Руа и на фронтѣ Шампани, между Обривъ и Суэнь. Въ Аргоннахъ ожесточенная артиллерійская перестрѣлка. Довольно сильная перестрѣлка происходитъ въ Апремонскомъ лѣсу и къ сѣверу отъ Флирэ. Въ Дарданеллахъ съ конца августа въ южной зонѣ полуострова спокойно. Въ сѣверной зонѣ нѣсколько энергичныхъ операцій позволили англійскимъ войскамъ продвинуться впередъ».

20-го августа бельгійскій штабъ увѣдомилъ:

«Производившій работы непріятель былъ отброшенъ на Шоорбекке—Дриграхтэнъ. Артиллерійскій бой происходилъ при Рамкапелле, Кескерке, Ньюкапелле и Ренинг».

23-го августа итальянская главная квартира доносила:

«Стычки небольшихъ отрядовъ происходили на склонѣ Редиваль въ долинѣ Стрино (Ноче), между Серравальне и Марко, въ долинѣ Адига и въ окрестностяхъ Чима-Чиста, въ долинѣ Сугана. Повсюду непріятель принужденъ былъ отступить съ потерями. На склонѣ Редиваль мы разрушили непріятельское укрѣпленіе, въ которомъ захватили много военныхъ припасовъ и другихъ матеріаловъ, брошенныхъ непріятелемъ. Одной изъ нашихъ батарей мѣткимъ огнемъ удалось поджечь лѣса, сооруженные непріятелемъ для исправленія куполовъ въ фортѣ Доссъ-Сомо на плоскогорьѣ Фольгаріа.

«На Карсо мы въ нѣсколькихъ пунктахъ продвинули впередъ свои линіи и заняли нѣсколько непріятельскихъ укрѣпленій. Наши успѣхи были особенно значительны въ секторѣ Добердо къ югу отъ дороги, ведущей въ эту мѣстность. Въ результатъ операцій, которыя развивались 20-го августа въ зонѣ Сеи-Буси, нами захвачено 150 ружей, нѣсколько тысячъ патроновъ и другіе военные матеріалы. Уже въ теченіе нѣсколькихъ дней непріятель усиленно разбрасываетъ на нашихъ линіяхъ прокламаціи, призывающія къ дезертирству и содержащія военные отчеты съ самыми грубыми измышленіями».

24-го августа штабъ Верховнаго Главнокомандующаго извѣстилъ о томъ, что на риги-двинскомъ фронтѣ и на направленіи къ Двинску ничего существеннаго не произошло. Между Свентой и Виліей и между Виліей и Нѣманомъ положеніе остается прежнимъ. На Среднемъ Нѣманѣ, въ районахъ м. Меречь и Пески германцы въ теченіе ночи на 23-е и слѣдующаго дня произвели попытки развить свое наступленіе; бои здѣсь продолжаются. Отъ Нѣмана къ югу до Припяти наши арміи занимаютъ прежнія позиціи; наиболѣе значительныя попытки къ наступленію противникъ предпринималъ съ утра 23-го: въ районѣ Волковыска вдоль желѣзной дороги изъ Сѣдлеца; черезъ Ясельду (въ районѣ Хомска и вдоль желѣзной дороги на Пинскъ) въ районѣ Дрогочинъ. Всѣ эти попытки сдерживались нашими войсками. На остальномъ протяженіи этого фронта были лишь арріергардные столкновенія. Южнѣе Полѣсья про-

тивникъ продолжаетъ сосредоточивать свои главныя усилія на путяхъ изъ лудскаго района къ Дубно и Ровно, гдѣ положеніе остается въ общемъ безъ переменъ. При нашей частной атакѣ 23-го августа у дер. Борбинъ нами взято въ плѣнъ 8 офицеровъ и 300 нижнихъ чиновъ. На Серетѣ лишь въ районѣ его устья были попытки къ наступленію какъ съ нашей стороны, такъ и со стороны противника; существенныхъ результатовъ эти попытки не имѣли. За 22-е августа нами взято здѣсь 4 пулемета и 400 нижнихъ чиновъ».

На кавказскомъ фронтѣ въ приморскомъ районѣ наша моторная лодка захватила два турецкихъ парусника, груженныхъ провіантомъ, и взяла въ плѣнъ вооруженную команду. На ольгинскомъ направленіи велась рѣдкая перестрѣлка. Въ мезазгертскомъ районѣ происходили столкновения нашихъ развѣдчиковъ съ турецкой конницей въ районѣ Алхиза и Хулига.

24-го августа французское правительство сообщало, что въ теченіе ночи съ 23-го на 24-е августа происходила ожесточенная артиллерійская перестрѣлка съ участіемъ орудій всѣхъ калибровъ къ сѣверу и югу отъ Арраса на фронтѣ Рокленкура до Бретанкура. Въ Шампани въ районѣ Обривъ также происходила довольно сильная орудійная перестрѣлка. Въ Аргоннахъ велась минная борьба у Куртъ-Шоссе. Французскіе авіаторы сбросили бомбы на казармы въ Діэзъ и Моранжъ.

23-го августа Государь Императоръ издалъ слѣдующій приказъ по арміи и флоту:

«Сего числа Я принялъ на Себя предводительствованіе всѣми сухопутными и морскими вооруженными силами, находящимися на театрѣ военныхъ дѣйствій.

«Съ твердою вѣрою въ милость Божію и съ непоколебимой увѣренностью въ конечной побѣдѣ будемъ исполнять нашъ святой долгъ защиты Родины до конца и не посрадимъ Земли Русской.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: **НИКОЛАЙ».**

Ставка.

Высочайшій указъ Правительствующему Сенату гласилъ:

«Принявъ на Себя Верховное командованіе войсками дѣйствующихъ армій, Всемилостивѣйше повелѣваемъ Нашему генераль-адъютанту, Верховному Главнокомандующему, генералу-отъ-кавалеріи Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу быть намѣстникомъ Нашимъ на Кавказѣ, главнокомандующимъ Кавказскою арміею и войсковымъ наказнымъ атаманомъ кавказскихъ казачьихъ войскъ съ оставленіемъ Нашимъ генераль-адъютантомъ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: **НИКОЛАЙ».**

Въ Ставкѣ. 23-го августа 1915 года.

Контрасигнировалъ управляющій министерствомъ, генераль-отъ-инфантеріи Поливановъ.

На имя верховнаго главнокомандующаго его императорскаго высочества великаго князя Николая Николаевича воспослѣдовалъ Высочайшій рескриптъ такого содержания:

«Ваше Императорское Высочество. Вслѣдъ за открытіемъ военныхъ дѣйствій, причины общегосударственнаго характера не дали Мнѣ возможности послѣдовать душевному Моему влеченію и тогда же Лично стать во главѣ арміи, почему Я возложилъ Верховное командованіе всѣми сухопутными и морскими силами на Ваше Императорское Высочество.

«На глазахъ всей Россіи Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ проявлена на войнѣ непоколебимая доблесть, вызвавшая глубокое довѣріе и молитвенныя пожеланія Мои и всѣхъ русскихъ людей, неизмѣнно сопутствовавшія Вашему имени при неизбѣжныхъ превратностяхъ боевого счастья.

«Возложенное на Меня свыше бремя Царскаго служенія родинѣ повелѣваетъ Мнѣ нынѣ, когда врагъ углубился въ предѣлы Имперіи, принять на Себя Верховное командованіе дѣйствующими войсками и раздѣлить боевую страду Моей арміи и вмѣстѣ съ нею отстоять отъ покушеній врага Русскую Землю.

«Пути Промысла Божьяго неисповѣдимы, но Мой долгъ и желаніе Мое укрѣпляютъ Меня въ этомъ рѣшеніи изъ соображеній пользы государственной.

«Усилившееся вторженіе непріятеля съ западнаго фронта ставитъ прѣвыше всего тѣснѣйшее сосредоточеніе всей военной и всей гражданской власти, а равно объединеніе боевого командованія съ направленіемъ дѣятельности всѣхъ частей государственнаго управленія, отвлекая тѣмъ вниманіе отъ нашего южнаго фронта.

«Признавая, при сложившейся обстановкѣ, необходимость Мнѣ Вашей помощи и совѣтовъ по нашему южному фронту, назначаю Ваше Императорское Высочество Намѣстникомъ Моимъ на Кавказѣ и Главнокомандующимъ доблестною Кавказскою арміею, выражая Вашему Императорскому Высочеству за всѣ Ваши боевые труды глубокую благодарность Мою и Родины.

«Пребываю къ Вамъ неизмѣнно благосклонный

«На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: «И искренно и сердечно Васъ любящій **НИКОЛАЙ**».

Ставка. 23-го августа 1915 г.

23-го августа его императорское высочество великій князь Николай Николаевичъ обратился къ арміи и флоту съ нижеслѣдующимъ приказомъ:

«Сегодня во главѣ васъ, доблестные армія и флотъ, сталъ Самъ Державный Верховный Вождь Государь Императоръ.

«Преклоняясь передъ вашимъ геройствомъ за болѣе чѣмъ годъ войны, шлю вамъ мою душевную, сердечную, горячую благодарность.

«Твердо вѣрю, что, зная, что Самъ Царь, Которому вы присягали, ведетъ васъ, вы явите новые, невиданные доселѣ, подвиги, и что Господь отъ сего дня окажетъ Своему помазаннику Свою всемогущую помощь, дарующую побѣду.

Подписаль генераль-адъютантъ Н и к о л а й.

На сербскомъ фронтѣ, по свѣдѣніямъ сербскаго Прессбюро, отъ 24-го августа, военныя дѣйствія протекали въ такомъ порядкѣ: въ ночь съ 17-го на 18-е августа непріятель пытался на двухъ лодкахъ переправиться черезъ Дрину въ направленіи Стойчева-Брода, къ сѣверу отъ Зариче. Сербскія войска встрѣтили непріятеля огнемъ пѣхоты и бомбами. Непріятельскія лодки были потоплены. Въ ту же ночь двѣ другія непріятельскія лодки пытались переправиться черезъ Дрину въ направленіи Буличича къ югу отъ Зворника, но, достигнувъ середины рѣки, были вынуждены вернуться обратно. 21-го августа сербы прервали работы непріятеля по возведенію укрѣпленій на дунайскомъ фронтѣ въ направленіи къ Дивичу и на фронтѣ рѣки Савы противъ Остружници. 22-го августа на дунайскомъ фронтѣ сербская артиллерія выпустила два снаряда въ непріятельскую шаланду, переполненную солдатами, находившуюся позади острова Смередева. Въ тотъ же день сербы прервали фортификаціонныя работы непріятеля на лѣвомъ берегу Дуная противъ острова Ада-Козара и на фронтѣ рѣки Савы въ направленіи къ Перина-Ада.

24-го августа итальянская главная квартира доносила:

«Частыя и дѣятельныя развѣдки нашихъ войскъ приводятъ къ столкновеніямъ съ непріятельскими отрядами, которые, не выдерживая рѣшительнаго натиска нашихъ войскъ, отступаютъ. Такія же столкновения, но въ болѣе широкомъ масштабѣ, произошли 22-го августа въ долину Адижа, близъ Марко, въ долину Санъ-Пеллегрино (Авизио), и въ мѣстности къ западу отъ Костабелла, гдѣ было уничтожено нѣсколько непріятельскихъ траншей. Въ бассейнѣ Пленцо наши войска атаковали и обратили въ бѣгство непріятельскіе отряды, находившіеся въ засадѣ на склонахъ Монте-Ромбонъ; они проникли въ ихъ укрѣпленія и захватили тамъ оружіе и военные припасы. Въ долину Вритника (въ верхнемъ теченіи Изонцо) одинъ изъ нашихъ отрядовъ атаковалъ непріятеля, занимавшаго лѣсъ, изъ котораго онъ безпокоилъ огнемъ наши линіи, выбилъ его изъ лѣса и затѣмъ прочно въ немъ укрѣпился. Непріятельскіе аэропланы съ настойчивостью пытаются дѣлать внезапныя набѣги на нашу территорію, по всюду, гдѣ они появляются, огонь нашихъ батарей и быстрое помятіе нашихъ воздушныхъ отрядовъ ихъ немедленно заставляютъ удаляться».

25-го августа штабъ Верховнаго Главнокомандующаго сообщилъ, что въ рижскомъ районѣ не произошло перемѣнъ. Къ югу отъ Фридрихштадта начались, съ ночи на 24-е августа, энергическія атаки противника на рѣкѣ Лауце, ночныя атаки нами были отбиты. На направленіяхъ отъ Двинска и Свѣнцианъ къ западу—ничего существеннаго не произошло. Между Свентой и Вилей и между Вилей и Нѣманомъ—положеніе прежнее; атаки германцевъ днемъ 24-го на м. Ораны и на нижнемъ теченіи Меречанки были нами отбиты. На Среднемъ Нѣманѣ противникъ продолжалъ 23-го и 24-го августа развивать свои дѣйствія отъ Гродны въ восточномъ и юго-восточномъ направленіяхъ. Далѣе къ югу съ утра 24-го нашимъ арріергардамъ пришлось выдержать особенно упорные бои въ районѣ Волковыска и южнѣ, на всемъ фронтѣ до шоссе Ружаны—Словимъ. Между Ясольдой и Пяной, послѣ боевъ на линіи Хомскъ—Дрогичинъ, мы продолжали задерживать наступленіе противника

на позиціяхъ, нѣсколько восточнѣе названной линіи. Въ районѣ желѣзной Дороги Ковель—Сарны наша конница успѣшно дѣйствовала противъ непріятеля, произведя рядъ лихихъ атакъ; наиболѣе удачныя изъ нихъ были у с. Волошки въ районѣ Ковеля и у м. Колки на Стыри, гдѣ мы захватили въ плѣнъ 3 офицера и 150 нижнихъ чиновъ. На правомъ берегу Верхней Стыри съ утра 24-го августа завязались упорные бои въ районѣ Радзивилова, между рѣками Слоневка и Иква; подъ натискомъ значительно превосходившихъ насъ силъ противника, нашимъ войскамъ приказано занять болѣе сильныя позиціи по рѣкамъ Горыни, Стубели и Иквѣ. На Серетѣ непріятель, оставаясь, въ общемъ, пассивнымъ, предпринялъ 24 августа многократныя, но безуспѣшныя попытки наступать лишь въ районѣ Тарнопольа.

Въ приморскомъ направленіи кавказскаго фронта происходила перестрѣлка. На ольгинскомъ направленіи, въ районѣ Тева, турки вели по нашимъ позиціямъ безрезультатный огонь. Въ районѣ селеній Алхизъ и Куниканъ имѣли мѣсто столкновенія нашихъ развѣдчиковъ съ турецкими. Въ ванскомъ районѣ наблюдались удачныя поиски нашихъ развѣдочныхъ частей.

25-го августа итальянская главная квартира оповѣстила:

«Въ горной долинѣ Камоника наша артиллерія открыла огонь по военнымъ баракамъ непріятеля въ бассейнѣ Презена. Часть бараконъ разрушена, причѣмъ обращены въ бѣгство занимавшія ихъ войска, которыя затѣмъ подверглись преслѣдованію мортирнымъ и шрапнельнымъ огнемъ. Въ ущельѣ Конче, въ долинѣ Ледра, въ ночь на 23-е августа одинъ изъ нашихъ отрядовъ совершилъ смѣлый набѣгъ на лѣсопильный заводъ и электрическую станцію въ Лодзуно къ сѣверу отъ Безека, разрушивъ оба эти сооруженія. Въ секторѣ Тольмино въ ночь на 24-е августа непріятель послѣ ожесточеннаго артиллерійскаго и ружейнаго обстрѣла атаковалъ наши позиціи на склонахъ Мрзли-врхъ (Монте-Неро). Хотя туманъ и темнота благопріятствовали атакѣ, однако она была успѣшно отражена съ большими потерями для непріятеля. На нижнемъ теченіи Изонцо непріятель подвергъ обстрѣлу Санъ-Пьетрод'Изонцо, Кассельяно и Монфальконе. Среди населенія оказалось нѣсколько жертвъ. Изъ рѣки были выловлены двѣ пловучія мины».

25-го августа французское правительственное сообщеніе увѣдомило о томъ, что въ теченіе части ночи съ 24-го на 25-е августа происходили артиллерійскій бой и борьба съ примѣненіемъ ручныхъ бомбъ вокругъ Суэ и Невилля. Къ югу отъ Арраса, въ районѣ Аньи и Вайи, въ Руа и на плоскогорьяхъ Кенневьеръ и Нувронъ непріятель подвергъ позиціи французовъ ожесточенной бомбардировкѣ, на которую французскія батареи успѣшно отвѣчали. Въ Шампани между Оберивъ и Суэнъ, близъ Босежура и въ Вогезахъ, въ районѣ Люссэ, происходила также оживленная артиллерійская дуэль. На остальномъ протяженіи фронта ночь прошла безъ особыхъ событій.

Германскіе летчики 24-го и 25-го августа утромъ летали надъ Жерармэромъ и сбросили нѣсколько бомбъ. Первое нападеніе не сопровождалось жертвами, во время второго погибло двое.

Въ ночь съ 24-го на 25-е августа одинъ изъ нашихъ дирижаблей сбросилъ бомбы на желѣзнодорожныя пути у Перронъ.

25-го августа въ районѣ Ньюпора французская артиллерія содѣйствовала британскому флоту въ обстрѣлъ германскихъ береговыхъ батарей въ Вестенде. Сильная артиллерійская перестрѣлка происходила къ сѣверу и къ югу отъ Арраса. Французскія батареи въ нѣсколькихъ пунктахъ сильно повредили непріятельскія сооруженія. Въ районѣ Руа и въ Шампани, вокругъ Оберивъ и Перть, продолжался артиллерійскій бой съ той же энергіею, какъ и въ предыдущіе дни. Въ Аргоннахъ между Уйентъ и Фонтанъ-о-Шармъ, въ Веврѣ къ сѣверу отъ Флира и въ Лотарингіи, въ районѣ Безанжъ и Лентрэ, происходило нѣсколько артиллерійскихъ боевъ, въ которыхъ французы сохранили свой перевѣсъ. На обстрѣлъ квартала Ранлетапъ они отвѣчали огнемъ по германскимъ лагернымъ расположеніямъ позади фронта въ долину Рабодо. Въ отвѣтъ на обстрѣлъ открытыхъ городовъ Сень-Дье и Жерармэръ германскими аэропланами, французскій воздушный отрядъ сбросилъ на станцію и военныя сооруженія въ Фрейбургѣ бомбы, вызвавшія пожары. Всѣ аэропланы вернулись невредимыми. Французскіе летчики, равнымъ образомъ, обстрѣляли станціи Саррбуръ, Понфаверже, Варненвилль, Тернье и Лансъ.

26-го августа штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ, что на риго-двинскомъ фронтѣ общее положеніе продолжало оставаться безъ перемѣнъ. Попытки германцевъ 25-го августа наступать въ районѣ желѣзнодорожныхъ станцій Гроссъ-Экау и Нейгутъ, нами отражены. Бои на рѣкѣ Лауце продолжаются, причеиъ наши войска для занятія болѣе обезпеченной позиціи нѣсколько отошли отъ праваго берега Лауце. На динскомъ направленіи происходили лишь небольшія столкновенія передовыхъ частей. По перешейкамъ озеръ, занятымъ нашими войсками въ районѣ Н. Троки, германцы веди сильный артиллерійскій огонь съ удушливыми газами. У м. Ораны противникомъ за 25-е августа предпринято нѣсколько попытокъ къ наступленію. Отъ Гродны продолжаютъ упорныя атаки германцевъ въ районѣ желѣзныхъ дорогъ на ст. Друскеники и на Скидель; на послѣднемъ направленіи, при отраженіи противника, ему нанесены большія потери и взято нѣсколько десятковъ плѣнныхъ. Къ югу отъ Нѣмана крайне упорныя атаки противникомъ ведутся въ районѣ Волковыска по обѣ стороны желѣзной дороги на Слонимъ. На путяхъ изъ Луцка къ Ровно положеніе оставалось безъ перемѣнъ. Въ дубно-кременецкомъ районѣ мы заняли новыя позиціи по рѣкамъ Иквѣ и Верхней Горыни.

Въ Галиціи, подъ Тарнополемъ, нами былъ одержанъ 25-го августа большой успѣхъ надъ германцами. 3-я гвардейская и 48-я резервная германскія дивизіи, усиленная бригадой австрійцевъ и многочисленной тяжелой и легкой артиллеріей, какъ выясняется показаніями плѣнныхъ, уже нѣсколько дней усиленно готовились къ рѣшительной на насъ атакѣ; послѣдняя была назначена въ ночь на 26-е. Предупредивъ противника, наши войска перешли въ наступленіе и послѣ упорнаго боя на рѣкѣ Должонкѣ къ вечеру 25-го числа германцы были рѣшительно разбиты. Къ концу боя противникъ развилъ, по свидѣтельству войскъ, артиллерійскій огонь необычайной силы и только невозможность противопоставить ему такой же огонь съ нашей стороны помѣшала намъ развить достигнутый успѣхъ. Нѣмцы, кромѣ огромныхъ потерь

убитыми и ранеными, оставили плѣнными болѣе 200 офицеровъ и 8,000 нижнихъ чиновъ; нами взято 30 орудій, въ томъ числѣ 14 тяжелыхъ, много пулеметовъ, зарядныхъ ящиковъ и прочей военной добычи. Послѣ короткаго преслѣдованія, наши войска заняли прежнія позиціи по рѣкѣ Серету.

Государь Императоръ, по донесеніи Его Величеству о пораженіи, нанесенномъ противнику, повелѣлъ передать Его радость и благодарность нашимъ доблестнымъ войскамъ за успѣхъ надъ врагомъ и нанесенныя послѣднему тяжелыя потери.

Южнѣе, въ районѣ Трёмбовли, мы выбили 25-го числа противника изъ ряда селеній и захватили плѣнными свыше 40 офицеровъ и до 2500 нижнихъ чиновъ съ тремя орудіями и десяткомъ пулеметовъ. Между Дибстромъ и лѣвымъ берегомъ Нижняго Серета австрійцы днемъ 25-го перешли въ наступленіе въ районѣ дер. Вонятынце; фланговой атакой одного изъ нашихъ батальоновъ наступленіе противника было остановлено, причемъ захвачено въ плѣнъ 11 офицеровъ и болѣе 1,000 австрійцевъ съ пулеметами.

Благополучный выходъ нашихъ армій изъ труднаго положенія въ охватываемомъ противникомъ передовомъ Привислинскомъ театрѣ начинаетъ давать свои результаты, пока выражающіеся въ частичныхъ успѣхахъ.

За 23-е и 24-е августа въ приморскомъ районѣ кавказскаго фронта велась только перестрѣлка. На ольтинскомъ направленіи наши развѣдчики потѣснили турокъ у Аркинса и въ районѣ Аха. Въ мелазгертскомъ направленіи въ районѣ Мечитлю произошло столкновеніе нашихъ развѣздовъ съ турками.

25-го августа, въ 6 часовъ вечера, отбылъ изъ ставки къ новому мѣсту служенія на Кавказъ его императорское высочество великій князь Николай Николаевичъ. Его Величество Государь Императоръ изволилъ прибыть на вокзалъ для проводовъ великаго князя и сердечно простился съ его императорскимъ высочествомъ.

26-го августа французское правительство сообщило, что ночь съ 25-го на 26-е августа была отмѣчена нѣсколькими артиллерійскими боями: къ сѣверу отъ Ипра, въ Артуа, вокругъ Арраса, въ районѣ Руа и на плоскогорьяхъ между Уазой и рѣкою Эномъ. На нѣкоторыхъ пунктахъ фронта въ Шампани между Реймсомъ и Аргоннами происходило сраженіе, причемъ примѣнялись ручныя бомбы и происходилъ ружейный огонь и временами дѣйствовала артиллерія; пѣхота не принимала участія въ дѣлѣ.

Въ Аргоннахъ происходилъ ожесточенный артиллерійскій бой въ секторѣ Ла-Гараэ.

Въ сѣверной части отъ Арраса происходилъ довольно интенсивный артиллерійскій поединокъ. На остальномъ протяженіи фронта ночь прошла безъ особо важныхъ событій. Утромъ пять германскихъ летчиковъ сбросили бомбы на плоскогорье Мальзевиль, не причинивъ никакихъ поврежденій.

Изъ Нанси сообщили о нѣсколькихъ жертвахъ налета. Дѣйствуя совместно съ британскими летчиками, французскіе аэропланы бомбардировали авіаціонныя ангары въ Остенде. Одна изъ воздушныхъ эскадръ сбросила 61 бомбу надъ авіаціоннымъ лагеремъ въ Сентъ-Медарѣ и вокзаломъ Дізэзъ. Въ теченіе дня 26-го августа продолжался артиллерійскій бой вокругъ Арраса, въ районѣ

Руа, между Уазой и р. Эномъ и на фронтѣ въ Шампани. Въ западной части Аргонау германцы утромъ послѣ сильной бомбардировки съ широкимъ примѣненіемъ снарядовъ съ удушливыми газами произвели противъ французскихъ позицій атаку, въ которой участвовали двѣ дивизіи. Въ нѣсколькихъ пунктахъ имъ удалось достигнуть французскихъ траншей. Послѣ того, какъ они подверглись ожесточенной контръ-атакѣ, ихъ новая попытка прорвать фронтъ французовъ окончилась неудачей. Въслѣдствіе бомбардировки Нанси германскими авиаторами, французская воздушная эскадра сбросила бомбы надъ военными зданіями въ Фрескати и надъ вокзаломъ Саблонъ близъ Меца.

26-го августа бельгійское официальное сообщеніе гласило: «25-го августа непріятельская артиллерія проявила большую активность и подвергла обстрѣлу различные секторы фронта. Первизъ, Сень-Жакъ-Капелле и Нью-Капелле подверглись артиллерійскому обстрѣлу».

26-го августа итальянская главная квартира сообщила: «Наша артиллерія обстрѣляла со всѣхъ позицій въ горной долинѣ Камоника опорный пунктъ Мандроне, въ верхней части Генуэзской долины и выбила отсюда занимающія этотъ пунктъ непріятельскія войска. На плоскогорьѣ къ сѣверо-западу отъ Арсиеро непріятельская артиллерія тщетно пыталась обстрѣливать наши позиции на возвышенности Маронія, попрежнему остающіяся въ нашихъ рукахъ. Въ долинѣ Авизио опорный пунктъ Нейерихютте и соседняя съ нимъ большая постройка на юго-западномъ склонѣ горы Мармалаю совершенно уничтожены нашимъ артиллерійскимъ огнемъ. Въ Кадорѣ наши войска продолжаютъ наступленіе во всемъ районѣ ущелья Монтекроче Комелико. Мы заняли нѣсколько непріятельскихъ позицій и захватили нѣсколько укрѣпленій, однако, въслѣдствіе упорной обороны непріятельской позиции, очень сильной по условіямъ мѣстности, мы вынуждены были приостановить наше наступленіе. Отрядъ непріятельскихъ аэроплановъ появлялся вчера дважды съ перерывами между обоими появлениями надъ однимъ изъ нашихъ аэроплановъ въ районѣ Нижняго Изонцо и сбросилъ 37 бомбъ. Къ счастью, никакихъ поврежденій не причинено и человѣческихъ жертвъ не было. Во время второго налета, несмотря на сбрасываніе снарядовъ, наши аэропланы смѣло поднялись на воздухъ, однако, непріятельскій отрядъ быстро удалился. Во время своего обратнаго полета непріятельскіе аэропланы сбросили также нѣсколько бомбъ надъ однимъ изъ нашихъ военныхъ лагерей, причѣмъ убито трое солдатъ».

27-го августа штабъ Верховнаго Главнокомандующаго увѣдомилъ: «Въ рижскомъ районѣ и у Фридрихштадта безъ существенныхъ перемѣнъ. Между р. Лауце и Якобштадтомъ бои продолжаются съ прежнимъ упорствомъ; нѣмцы не выдерживаютъ нашихъ штыковыхъ контръ-атакъ. Противникъ ведетъ рядъ атакъ, видимо съ цѣлью отгѣспить насъ на правый берегъ Двины. На двинскомъ направленіи перестрѣлка, болѣе сильная у Абели. На путяхъ къ Вильнѣ, въ общемъ, безъ перемѣнъ, и противникъ сильно укрѣпляется. На направленіяхъ отъ Гродны къ юго-востоку, на Скидель и вдоль лѣваго берега Нѣмана въ районѣ устья р. Россъ, наши войска упорными боями 26-го августа сдерживали наступленіе противника, единственно съ цѣлью нанести противнику потери. Особенно настойчивыя атаки послѣдній ведетъ въ районѣ Скидель. Мы продол-

жаемъ нашъ плано-сообразный отходъ, временами переходя въ контръ-атаку. Такъ, у Кохова (Качево) западнѣе Скидель нѣмцы бѣжали отъ нашей контръ-атаки.

«Между Нѣманомъ и Припятью наши войска отходятъ въ районъ р. Зельвянки—м. Ружаны. Вдоль лѣваго берега Припяти мы удерживаемъ энергическое наступленіе непріятельской конницы съ пѣхотой на пути изъ Камня Каширскаго къ Пинску.

«На путяхъ къ Ровно, наши войска, послѣ боя 26-го августа съ значительными силами противника, наступавшими вдоль желѣзной дороги Олыка—Клевань, задерживаютъ ихъ на позиціяхъ впереди рѣкъ Стубели и Икзы; непріятель поддерживаетъ свое наступленіе сильнѣйшимъ артиллерійскимъ огнемъ, мужественно переносимымъ нашими войсками.

«На Серетѣ, въ районѣ юго-западнѣе Трёмбовли, нашъ переходъ 25-го августа въ наступленіе, постепенно развиваясь, привелъ къ столь же значительному успѣху, какъ и подъ Тарнополемъ. За 25-ое и 26-ое числа нами взято здѣсь 150 офицеровъ и 7,000 нижнихъ чиновъ съ 3 орудіями и 36 пулеметами; потери наши незначительны. Противникъ къ вечеру 26-го августа находился въ послѣднемъ отступленіи къ р. Стрыпѣ; преслѣдуемый нашими войсками. Общій успѣхъ нашъ съ 21-го августа на всемъ фронтѣ р. Серета далъ намъ трофеи въ размѣрѣ 383 офицеровъ и болѣе 17,000 нижнихъ чиновъ, 14 тяжелыхъ орудій, 19 легкихъ, 66 пулеметовъ и 15 зарядныхъ ящиковъ.

«Въ общемъ, наши арміи твердо и точно выполняютъ свое планомѣрное движеніе и увѣренно смотрятъ на будущее. Нашъ вѣрный союзникъ—французская армія уже двѣ недѣли подвергаетъ страшному артиллерійскому обстрѣлу противостоящей ей германскій фронтъ».

Въ приморскомъ районѣ кавказскаго фронта большая развѣдывательная партія турокъ, пытавшаяся переправиться черезъ рѣку Архаве, огнемъ нашихъ сторожевыхъ частей была отброшена назадъ. На ольтинскомъ направленіи наши развѣдчики у селенія Хархта уничтожили турецкую заставу. Въ мелагертскомъ и ванскомъ районахъ происходили столкновенія развѣдывательныхъ частей съ курдами. На южномъ берегу озера Вапа наши конные развѣзды имѣли дѣло съ значительнымъ отрядомъ турецкой пѣхоты и конницы.

На французскомъ фронтѣ, по свѣдѣніямъ отъ 27-го августа, въ Артуа, у Невиль-Рокленкуръ, происходитъ бой ручными гранатами и ружейная перестрѣлка изъ траншеи въ траншею. Довольно усиленная артиллерійская перестрѣлка имѣла мѣсто къ югу отъ Арраса и въ районѣ Руа. Всю ночь съ 26-го на 27-ое августа продолжались чрезвычайно ожесточенные бои въ Аргонахъ, въ районѣ Фонтэнъ-о-Шармъ. Германцы возобновили усиленные атаки, но французы удержали всю свою линію, за исключеніемъ части траншеи къ востоку отъ Лейонъ-Бинарвилъ. Французами было взято въ плѣнъ нѣсколько человѣкъ и захвачено нѣсколько пулеметовъ. Въ Лотарингіи, въ лѣсу Парруа, произошли нѣсколько аванпостныхъ стычекъ, въ которыхъ преимущество осталось за французами. На Вогезахъ происходили бои ручными гранатами на возвышенности къ востоку отъ Мецераля. Французскіе аэропланы сбросили около полусотни бомбъ 26-го августа надъ желѣзнодорожною станціею Шале-

ранжъ. Ночью съ 26-го на 27-ое августа одинъ изъ французскихъ дирижаблей бомбардировалъ желѣзнодорожную станцію и заводы въ Нель.

Въ теченіе дня 27-го августа продолжался артиллерійскій бой вокругъ Арраса, въ районѣ Руа и на фронтѣ Шампани. Въ Аргоннахъ непріятельскія атаки не возобновлялись. Днемъ происходила сильная артиллерійская перестрѣлка. Довольно оживленный артиллерійскій бой происходилъ въ Веврѣ, въ Буахо, въ Апремонскомъ и Мортмарскомъ лѣсахъ.

На итало-австрійскомъ фронтѣ, по извѣстіямъ отъ 27-го августа, въ Тироле-Трентинской области непріятель ограничился только артиллерійской стрѣльбой, на которую итальянская артиллерія успѣшно отвѣчала. Отважной рекогно-посцировкой, произведенной итальянцами вплоть до непріятельскихъ укрѣпленій въ верхней части Кордеволе, было установлено, что выстрѣлами итальянцевъ были произведены значительныя поврежденія на фортѣ Лакорте и на электрическомъ заводѣ Ренацъ. Въ бассейнѣ Плеццо итальянская артиллерія привудила непріятельскую колонну, направлявшуюся къ Плеццо, остановиться и очистить дорогу. Другая непріятельская колонна, спускавшаяся къ тому же мѣсту черезъ Кошуть къ сѣверо-востоку отъ перевала Предиль, была разбита и разбѣяна итальянцами. Непріятель сбросилъ большое количество бомбъ на верфи въ Монфальконе, вызвавъ новый пожаръ, и затѣмъ путемъ обстрѣла пытался воспрепятствовать его тушенію, но тѣмъ не менѣе пожаръ былъ прекращенъ. Одинъ изъ итальянскихъ аэроплановъ утромъ бомбардировалъ вокзалъ и желѣзнодорожную линію въ Клаузе къ востоку отъ Санта-Лючія, повредивъ вмѣстѣ съ тѣмъ сосѣдній мостъ на Бака.

28-го августа сообщеніе штаба Верховнаго Главнокомандующаго гласило:

«На лѣвомъ берегу Риги, наши войска съ боемъ продвигаются впередъ, въ районѣ рѣки Миссе и желѣзнодорожными станціями Гроссъ-Экау и Нейгутъ. Западнѣе Якобштадта бои продолжаются съ прежнимъ напряженіемъ. На двинскомъ направленіи столкновенія въ охраняющихъ частяхъ къ сѣверу отъ Абели. На шоссе изъ Вилькомира непріятель повелъ значительными силами съ утра 27-го августа, энергичное наступленіе въ районѣ Куркли, по обѣ стороны шоссе; въ отраженіи Германцевъ принималъ лихое участіе нашъ автопулеметный взводъ; бой продолжается. Между Свентой и Виліей непріятельская конница и пѣхота повели частичное наступленіе на наши войска въ районѣ Шарвинты. На остальныхъ путяхъ къ Вильнѣ безъ переменъ.

«Къ востоку отъ Гродны непріятель предпринялъ съ утра 28-го при содѣйствіи сильной артиллеріи рядъ атакъ на наши позиціи, въ общемъ направленіи на Скидель, а также на нижнемъ теченіи Зельвянки; атаки отражены нашимъ огнемъ. Наступленіе нѣмцевъ около четырехъ часовъ дня вдоль шоссе на Скидель сопровождалось сильнымъ огнемъ тяжелой артиллеріи и было остановлено огнемъ нашихъ батарей. Съ семи часовъ вечера огонь нѣмцевъ значительно усилился, и они вновь повели наступленіе, намѣреваясь прорвать нашъ фронтъ. Но и эта попытка отбита сосредоточеннымъ огнемъ артиллеріи и пулеметовъ. Отбита также атака нѣмцевъ и дер. Ляды, южнѣе Мостовъ на Нѣманѣ, причѣмъ два нашихъ рядовыхъ, по собственному почину, выйдя въ тылъ шестью нѣмцамъ, двухъ убили, одинъ бѣжалъ, а трехъ захватили въ плѣнъ.

«На остальномъ протяженіи до Припяти противникъ велъ повторныя атаки лишь въ районѣ Ружань и продолжалъ наступленіе вдоль лѣваго берега Пины; атаки у Ружань нами отбиты огнемъ съ короткихъ дистанцій и переходомъ затѣмъ въ штыки, причемъ нѣмцы выгнали изъ Ружань большую толпу жителей и, прикрываясь этой толпой, довольно близко подошли къ нашей позиціи. На кременецкомъ направленіи непріятель обстрѣлялъ наши войска снарядами съ удушливыми газами и завязалъ бои въ районѣ Верхней Горыни. На Серетѣ наши войска, отбивъ 27-го августа рядъ атакъ противника, перешли, въ участкѣ ниже Трёмбовля и въ районѣ Чорткова, въ контръ-атаку; австрійцы были вынуждены къ поспѣшному отступленію; нами захвачено, по предварительному подсчету, до 5.000 нижнихъ чиновъ съ 16 офицерами.

«Въ общемъ положеніе нашихъ армій спокойное и увѣренное въ себѣ. Починъ въ дѣйствіяхъ въ частныхъ бояхъ понемногу переходитъ на нашу сторону».

ЗА ЧУЖУЮ СВОБОДУ¹⁾

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

VII.

ВЪ ОТЪБЪЗДА государя Прага переживала тревожные дни. Слухи подтверждали худшія опасенія. Прага была въ опасности. Наполеонъ угрожалъ ей и будто бы говорилъ, что за вѣроломство Австріи предасть Прагу огню. Всѣ притихли. Даже безпечная княгиня Александра Николаевна Пронская присмирѣла. Кромѣ того, она была сильно разстроена необъяснимымъ поведеніемъ мужа. Князь Андрей Петровичъ, флигель-адъютантъ, состоящій при главной квартирѣ, вдругъ настойчиво потребовалъ перевода въ дѣйствующія войска, хотя бы въ армейскій полкъ. Его желаніе было удовлетворено, и его перевели въ кирасиры ея величества. Но это навлекло на него неудовольствіе государя, и, очевидно, его карьера была сломана. Всѣмъ было извѣстно, какъ государь не любилъ, когда его оставляли. Онъ былъ слишкомъ самолюбивъ и очень высоко ставилъ честь и счастье находиться при его особѣ. Пронская даже не знала, гдѣ ея мужъ. Княгиня Напраксина поспѣшила уѣхать въ Вѣну. Евстафій Павловичъ, напуганный и встревоженный, тоже умолялъ князя уѣхать, но князь только пожималъ плечами и отправлялъ его

¹⁾ Продолженіе. См. «Истор. Вѣстн.», т. охлп, стр. 1,
«истор. вѣстн.», ноябрь 1915 г., т. охлп.

къ Иринѣ, которая и слышать не хотѣла объ отъѣздѣ. Она при помощи графини Остерманъ и подъ покровительствомъ великой княгини дѣятельно занялась устройствомъ лазарета. Дегранжъ, не упускавшій ее изъ виду, тоже усиленно помогалъ ей. Дѣло налаживалось. Нашлись и доктора. Старый князь, конечно, открытъ неограниченный кредитъ и былъ очень радъ дѣятельности жены. Его нѣсколько удивляло (и въ глубинѣ души онъ даже осуждалъ это) то равнодушіе, съ которымъ, повидному, относилась княгиня къ участи Левона. Ей нисколько не казался страннымъ, какъ говорила она, его неожиданный отъѣздъ. Должно быть, онъ получилъ экстренное предписаніе и не имѣлъ времени зайти къ нимъ. Военный въ такое время не принадлежалъ себѣ.

Новиковъ послѣ своей поѣздки въ штабъ почувствовалъ себя снова плохо. Не помогалъ и эликсиръ Монтроза. Онъ чувствовалъ большую слабость и очень скоро утомлялся. Нечего было и думать о походной жизни. Мрачный и задумчивый, бродилъ онъ въ хорошіе дни по саду, опираясь на палку. Ковровъ уѣхалъ въ полкъ, и онъ бросилъ всякое леченіе. Онъ былъ бы совѣмъ одинокъ, если бы его не навѣщалъ Никита Арсеньевичъ. Старый князь чувствовалъ себя не у дѣлъ и очень скучалъ. Новиковъ всегда нравился ему и они проводили долгіе часы въ бесѣдахъ. Ихъ взгляды во многомъ совпадали и, несмотря на разницу лѣтъ, они легко понимали другъ друга.

Тревожные слухи наконецъ подтвердились... Стали прибывать раненые. Отъ нихъ узнали страшныя подробности разгрома союзниковъ подъ Дрезденомъ. Французскія войска двигались на Прагу. Разгромленная армія не могла оказать имъ никакого сопротивленія... Изъ Праги потянулись обозы бѣглецовъ. Мѣстные жители, кто побогаче, торопились оставить обреченный городъ. Окрестныя деревушки и частныя дома въ городѣ постепенно наполнялись ранеными. Раненые офицеры не скрывали безнадежности положенія. Никто уже не вѣрилъ въ побѣду. Русскіе съ нескрываемымъ озлобленіемъ относились къ пруссакамъ. Тѣ платили имъ тѣмъ же. Одни обвиняли другихъ въ неудачѣ. Но русскіе имѣли больше поводовъ негодовать. Нѣмцы защищали свою землю, свое отечество, а русскіе дрались и умирали за чужое имъ дѣло. Кромѣ того, у русскихъ накопило чувство обиды отъ признанія, что, принимая наибольшее участіе во всѣхъ бояхъ, находясь всегда въ первыхъ рядахъ, они были подъ начальствомъ нѣмцевъ. Дѣло дошло до того, что старались размѣщать отдѣльно раненыхъ русскихъ и нѣмцевъ. Ирина почти не бывала дома. Нерѣдко она проводила цѣлыя ночи среди своихъ раненыхъ. Ея лазаретъ имѣлъ два отдѣленія: одно для солдатъ, другое для офицеровъ, и она дѣлила между ними свои заботы поровну. Какъ свѣтлая тѣнь, скользила она въ бѣлой одеждѣ среди кроватей

раненныхъ, помогая нанятымъ сидѣлкамъ, усюкавая, утѣшая, скрывая свои страданья подѣ тихой улыбкой. Въ этой ласковой, нѣжной женщинѣ съ всегда печальными глазами трудно было узнать холодную, высокѣмѣрную княгиню Бахтѣеву. И каждый день она умирала отъ тысячи смертей, каждый день съ невыразимымъ ужасомъ она ждала новыхъ раненныхъ и при видѣ новыхъ послюкъ ея сердце переставало биться и не было силы заглянуть въ лицо раненаго, чтобы не увидѣть лица, котораго она не могла забыть... При видѣ молодыхъ, недавно сильныхъ, красивыхъ, но уже калѣкъ, съ оторванными руками или ногами, съ обезображенными лицами, она исполнялась жалости и ужаса. И за каждымъ изъ нихъ—цѣлый мѣръ страданій, у всѣхъ у нихъ есть матери или сестры или невѣсты... Онѣ благословляли ихъ передъ разлукой, онѣ плакали, молились, проводили бессонныя ночи и ждутъ съ надеждой и страхомъ какой-нибудь вѣсти, ждутъ тамъ, далеко-далеко, гдѣ-нибудь въ глуши, въ старомъ домѣ, въ тихомъ городкѣ или убогой деревнѣ... А тѣ, что умерли истерзанные на кровавомъ полѣ, въ бурю и непогоду, и лежатъ не погребенные, кѣмъ-нибудь нѣжно любимые, кѣмъ-нибудь жданные, чьи-нибудь надежды или опоры... Ихъ не дождутся никогда, и никто не укажетъ даже ихъ могилы!..

И за что? За что? Вдали отъ родины, среди чужихъ полей! Какая судьба велѣла обездолить родину ради чужой страны! Передъ лицомъ истиннаго страданія меркли странныя мистическія мечты, увядали красивыя фразы, и безконечно дорогой казалась жизнь каждаго изъ этихъ страдальцевъ. И казалось Иринѣ, что только душа, оторвавшаяся отъ всего земного для любованія собою, одинокая въ пустотѣ эгоизма и безумно возмнившая себя совершительницей воли Божіей, могла не содрогаться при видѣ этихъ страданій...

Не довольствуясь своимъ лазаретомъ, Ирина ежедневно отправляла людей справляться, гдѣ возможно, какихъ полковъ прибыли раненые.

Рано утромъ Никита Арсеньевичъ получилъ отъ Новикова записку: «Любезный князь, сейчасъ ко мнѣ привезли тяжело раненаго корнета Вѣлоусова нашего полка. Дома уходъ невозможенъ. Не найдется ли мѣста у княгини?»

Получивъ это письмо, князь сейчасъ же прошелъ къ княгинѣ. Письмо сильно взволновало его. Вѣдь это товарищъ Левона. Княгиня собиралась уходить.

— Вотъ прочти письмо отъ Новикова. Можно ли это сдѣлать?—спросилъ онъ.

Ирина дрожащей рукой взяла письмо, пробѣжала его и прерывающимся голосомъ сказала:

— Да, да и какъ можно скорѣе... я пойду... пошлю носилки... Блѣдный мальчикъ... Онъ вмѣстѣ съ Леономъ!.. Это ужасно... Я сейчасъ...

Видя ея волненіе и услышавъ упоминаніе о Левонѣ, князь упрекнулъ себя за то, что обвинялъ ее въ безучастіи къ Левону.

Онъ поцѣловалъ ея руку и сказалъ:

— Я самъ сейчасъ поѣду къ Данилѣ Ивановичу... Будемъ вѣрить, что съ Леономъ ничего не случилось...

— Идите, идите,—торопила его Ирина.

Гриша лежалъ, тяжело душа. Его блѣдное безусое лицо казалось дѣтскимъ. Изрѣдка у него вырывался стонъ или безсвязныя слова. Блѣдный, какъ простыня, сидѣлъ около него Новиковъ.

— Онъ былъ въ себѣ, когда его привезли,—шопотомъ говорилъ князю Новиковъ:—но скоро опять лишился сознанія. Онъ раненъ штыкомъ въ грудь. Его подобралъ и привезъ его децникъ.

— Онъ ничего не говорилъ?—спросилъ князь.

— Нѣтъ, только сказалъ: «здравствуй», потомъ—«худо мнѣ», и прибавилъ: «все погибло»... Но его децникъ,—продолжалъ Новиковъ глухимъ и дрожащимъ голосомъ,—разказалъ мнѣ, что пятый уланскій почти истребленъ... Ахъ, зачѣмъ я не былъ съ ними!—закончилъ Данила Ивановичъ, закрывая глаза рукой.

— А Левонъ?—едва слышно спросилъ князь.

Не отнимая руки отъ глазъ, Новиковъ беззвучно отвѣтилъ:

— Левонъ со своимъ эскадрономъ атаковалъ неприятельскую батарею. Половина эскадрона не вернулась, въ томъ числѣ и Левонъ.

Наступило молчаніе.

— Мама, мама,—послышался нѣжный, жалобный голосъ Гриши.

Ему отвѣтилъ короткій, тяжелый стонъ.

Новиковъ опустилъ руку и оглянулся. Спиной къ нему, прижавшись лбомъ къ стеклу, стоялъ князь. Его плечи судорожно вздрагивали.

Тихонько вошли люди съ носилками. Князь подошелъ къ Гришѣ и осторожно и нѣжно, поддерживая ему плечи и голову, поднялъ его. Другіе помогли, и Гришу бережно уложили на носилки. Новиковъ хотѣлъ встать, и не могъ. Онъ перекрестилъ Гришу и, закрывъ лицо руками, остался на стулѣ. Гриша тихо стоналъ, не открывая глазъ.

Бахтѣевъ самъ проводилъ носилки.

Ирина встрѣтила его тяжелымъ, напряженнымъ, вопрошающимъ взглядомъ.

— Повидимому, онъ раненъ тяжело,—произнесъ князь.

Ирина молча продолжала смотрѣть на него.

— А о Левонѣ извѣстій нѣтъ,—закончилъ князь, отворачиваясь.

VIII.

Тревожные дни въ Прагѣ смѣнились ликоваіемъ. Пришла вѣсть о побѣдѣ при Кульмѣ. Прага вздохнула свободно. Отнынѣ всякая опасность была устранена. Но зато городъ наводнился новыми ранеными. Бахтѣвы за недостаткомъ помѣщеній для раненыхъ переселились во второй этажъ своего дворца, предоставивъ роскошные апартаменты нижняго этажа подъ раненыхъ. Немногочисленные доктора сбивались съ ногъ, не зная ни минуты покоя. Находившійся въ это время въ Прагѣ знаменитый хирургъ Груберъ дѣятельно работалъ у Бахтѣвой.

Рана Гриши подавала мало надеждъ на выздоровленіе. Онъ рѣдко и не надолго приходилъ въ себя, но разспрашивать его не представлялось возможнымъ.

Многія изъ дамъ посѣщили уѣхать въ Лаунъ, недалеко отъ Теплица, гдѣ находилась главная квартира. Однѣ торопились узнать о судьбѣ своихъ близкихъ, другія узнать свѣжія новости. Въ Лаунѣ начинался настоящій съѣздъ генералитета, министровъ, дипломатовъ и всякаго чиновнаго люда. Государь большую часть времени проводилъ въ Теплицѣ у австрійскаго императора. Выѣхала къ императору и великая княгиня Екатерина Павловна.

Никита Арсенъевичъ просилъ Евстафія Павловича тоже съѣздить въ главную квартиру, навести справки о Левонѣ. Евстафій Павловичъ, всегда искавшій возможности быть на виду у сильныхъ міра сего, съ удовольствіемъ согласился и тотчасъ выѣхалъ. Онъ вернулся черезъ нѣсколько дней, добросовѣстно исполнивъ порученіе. Онъ искалъ и спрашивалъ, гдѣ только могъ, начиная со штаба и кончая всѣми встрѣчными офицерами. О пятомъ драгунскомъ онъ не узналъ ничего новаго. О Левонѣ свѣдѣній нѣтъ. По донесеніямъ командира полка можно думать, что онъ погибъ; въ числѣ раненыхъ его нѣтъ, но не исключается возможность, что онъ и въ плѣну. Но Никита Арсенъевичъ не очень предавался надеждѣ, что Левонъ въ плѣну. Слишкомъ безуменъ былъ его подвигъ. Недаромъ никто изъ оставшихся съ нимъ не вернулся назадъ.

Ирина распорядилась, чтобы Гришу перенесли къ нимъ въ домъ. Этотъ юноша сталъ особенно дорогъ ей.

Пронская наконецъ дождалась своего мужа. Его привезли тяжело раненымъ изъ-подъ Кульма, гдѣ такъ геройски бились кирасиры ея величества. Пронская была потрясена этимъ несчастіемъ и отнеслась къ мужу со всей пробудившейся нѣжностью бывоіи любви. Такъ какъ рана его была очень серьезной, то она попросила Ирину принять его во дворецъ, гдѣ постоянно работалъ Груберъ. Ирина, конечно, охотно согласилась. Пронскій все время былъ въ сознаніи, хотя страдалъ ужасно (онъ былъ раненъ осколкомъ

спаряда въ животъ), но старался шутить и съ рѣдкимъ мужествомъ переносилъ свои страданія. Только, когда къ нему съ своей тихой улыбкой въ первый разъ подошла Ирина, его лицо дрогнуло и на мгновеніе приняло страдальческое выраженіе.

— Вы очень страдаете? — наклонившись къ нему, спросила Ирина.

— Не отъ рапы,—едва слышно произнесъ онъ.

Ирина всыхнула и отвернулась.

Страшная тоска овладѣла Повиковымъ. Ему казалось, что онъ потерялъ все въ жизни,—любимую дѣвушку, друзей, и остался одинъ, никому не нужнй... Съ горькой улыбкой вспоминалъ онъ свои горделивыя мечты объ общемъ благѣ, о какомъ-то свѣтломъ подвигѣ. Гдѣ это все? Первая буря, налетѣвшая на него, сломала его душу... Даже умереть рядомъ съ другомъ не удалось! О, онъ не опустить бы его одного! Онъ чувствовалъ, что та же могучая сила, сила непобѣдимой любви гнала князя туда на эти батареи, гдѣ онъ палъ смертью героя и мученика. Онъ искалъ смерти и нашелъ ее... Повиковъ не вѣрилъ, что князь могъ остаться живъ въ этомъ аду.

Въ одинъ грустный день вернулся Егоръ. На него было жалко смотрѣть,—худой, блѣдный, съ измученнымъ лицомъ, съ выраженіемъ истиннаго горя. Онъ привезъ съ собою помятый киверъ, съ тисненымъ внутри княжескимъ гербомъ и буквами Л. В. и обломкомъ сабли съ золоченымъ эфесомъ. Это все, что онъ нашелъ отъ своего барина. Онъ разсказалъ Новикову свои приключенія. Послѣ отступленія союзниковъ французы велѣли мѣстнымъ жителямъ заняться уборкой труповъ. Егоръ узналъ, что появившіеся мародеры и изъ французской арміи, и изъ мѣстныхъ жителей, особенно нѣмцы-дезертиры изъ союзной арміи грабили трупы и добивали тяжело раненыхъ.

Удивительно, какъ при полномъ незнаніи языка Егору удалось добыть свои свѣдѣнія. Но, уже давно извѣстно, что русскіе солдаты легко объясняются со всеми національностями.

Егору удалось найти мѣсто роковой батареи. Тамъ еще валялось много не убранныхъ, но уже раздѣтыхъ труповъ. Большинство были французы. Большая часть убитыхъ здѣсь была погребена раньше въ общей могилѣ. Тамъ онъ и нашелъ этотъ измятый киверъ и втонтанный въ землю, не замѣченный мародерами, золотой эфесъ сломанной сабли. Онъ узналъ также, что многіе тяжело раненые были подобраны сострадательными саксонцами и оставлены ими у себя. Егоръ обѣгалъ все окрестныя деревеньки. Дѣйствительно, видѣлъ много и своихъ, и нѣмцевъ, и французовъ, по

князя нигдѣ не было. И въ одномъ домѣ старикъ-саксонецъ передавалъ, что самъ слышалъ, какъ французскій офицеръ на утро боя сказалъ своимъ солдатамъ, чтобы никто не смѣлъ ничего брать съ тѣла русскаго офицера, по этому тѣла онъ не видѣлъ.

Затѣмъ Егоръ подробно разсказалъ о судьбѣ пятаго драгунскаго, его потеряхъ и мужествѣ, разсказалъ о послѣднихъ дняхъ своего барина и закончилъ, заплакавъ:

— Видитъ Богъ, сами напросились на смерть... Искали ея... тяжело что-то было имъ...

— Да, тяжело,—думалъ Данила Ивановичъ; онъ не зналъ, что именно случилось, но глухое чувство озлобленія наполняло его душу при мысли о княгинѣ Иринѣ.

Чувство остраго горя, казалось, придало ему силы. Онъ словно сразу окрѣлъ.

— Ты пока останешься здѣсь у меня,—сказалъ онъ Егору.— Мнѣ надо еще разобраться въ вещахъ князя, оставшихся здѣсь. И потомъ отправить ихъ старому князю.

— Вотъ ключи отъ чемодана,—произнесъ Егоръ, вынимая изъ кармана ключи.

Новиковъ взялъ ключи и прошелъ въ комнату Левона. Онъ боялся отправить чемоданъ старому князю, не разсмотрѣвъ его содержимое. Это былъ его долгъ друга. Можетъ быть, тамъ есть письма или дневникъ, или какія-нибудь записки: тогда онъ вынетъ ихъ и, не читая, спрячетъ... Но въ чемоданѣ оказалась только одежда, бѣлье, подозрительная трубка, пара чеканныхъ пистолетовъ и еще кое-какія мелочи. Въ боковомъ карманѣ чемодана онъ нашелъ бережно завернутыя въ шелковый платокъ длинныя бѣлыя перчатки.

Новиковъ долго смотрѣлъ на нихъ и вспомнилъ.

— Достойнѣйшей,—прошепталъ онъ съ горькой улыбкой.

Онъ вынулъ перчатки и заперъ чемоданъ.

Потомъ велѣлъ подать одѣться, завернуть киверъ и эфесъ и, захвативъ ихъ, поѣхалъ къ старому князю.

IX.

Они сидѣли въ кабинетѣ князя, молча, избѣгая смотрѣть другъ на друга. На столѣ лежали киверъ и сломанная сабля.

— Послѣдній Бахтѣевъ!—дрожащимъ голосомъ сказалъ старый князь, вставая.—Но да будетъ намъ утѣшеніемъ, что онъ палъ смертью героя, спасая другихъ... Но, Боже!—поднимая руки, воскликнулъ онъ:—зачѣмъ это былъ не я!

Въ эту минуту на порогѣ показалась блѣдная Ирина.

Она взглянула на мужа, на Новикова, сидѣвшаго съ опущенной головой, потомъ взгляды ея упали на смятый киверъ, на сломанную саблю, и словно стонъ вырвался изъ ея груди:

— Левонъ!

Князь быстро повернулся къ ней, Новиковъ всталъ.

— Ирина,—началъ князь, подходя къ ней и протягивая руки:— будь мужественна.

Она прислонилась къ косяку, прижавъ къ груди руки. Смертельный ужасъ застылъ въ ея расширенныхъ глазахъ, прикованныхъ къ столу. Старый князь былъ глубоко пораженъ. Онъ не ожидалъ встрѣтить въ Иринѣ такое чувство. Онъ не думалъ, что она будетъ такъ потрясена.

— Ирина,—повторилъ онъ.

— Убить,—произнесла она:—убить!..

— Будемъ надѣяться, Ирина,—сказалъ князь, самъ не вѣря своимъ словамъ:—вѣдь никто не видѣлъ его трупа.

Новиковъ съ нескрываемой злобой смотрѣлъ на прекрасное, окаменѣвшее лицо.

Руки Ирины бессильно упали вдоль тѣла. Потомъ она твердо сдѣлала шагъ впередъ, покачнулась и съ короткимъ стономъ упала на грудь Никиты Арсеньевича, вся содрогаясь.

Обнявъ ее одной рукой, онъ другой нѣжно гладилъ ее по головѣ... Губы его дрожали, и крупныя слезы текли по глубокимъ морщинамъ его лица.

Новиковъ осторожно вышелъ.

Печальная вѣсть быстро распространилась по всему дому. Все въ домѣ притихло. Слуги ходили на цыпочкахъ и говорили шопотомъ. Евстафій Павловичъ сѣлъ къ столу одинъ, но обѣдать не могъ. Его тоже поразила эта вѣсть, и, кромѣ того, онъ предвидѣлъ теперь длинные, томительные, печальные дни въ этомъ погруженномъ въ скорбь домѣ.

Пріѣхавшій въ этотъ же вечеръ узнавшій о несчастіи Дсгранжъ, къ своему великому удивленію, не былъ принятъ княгиней. И именно теперь, когда, по его убѣжденію, въ виду случившагося несчастія, въ немъ особенно должны были нуждаться! А онъ уже приготовилъ такія трогательныя, такія возвышенныя слова. Уже онъ рассчитывалъ укрѣпить свое вліяніе на этомъ несчастіи, такъ какъ по опыту зналъ, что страдающія души наиболѣе воспримчивы.

Онъ уѣхалъ разочарованный и немного обиженный. И въ ту же ночь, какъ всегда, трогательно-внимательная, ровная и ласковая, появилась въ своемъ солдатскомъ лазаретѣ княгиня Ирина. Только скорбныя морщинки показались въ углахъ ея губъ, блѣднѣе стало лицо и глубже печаль большихъ глазъ.

Смотря со стороны, могло казаться, что вся тяжесть горя упала на одного Никиту Арсеньевича. Глубокое страданіе, испытываемое имъ при мысли о смерти Левона, удивляло его самого. Онъ вспоминалъ свои чувства въ минувшую войну, когда Левонъ тоже бывалъ постоянно въ бояхъ и одно время даже возникало предположеніе, что онъ убитъ. Но тогда онъ не испытывалъ и десятой доли той тревоги. Какъ-то странно и неожиданно для самого себя въ немъ вдругъ появилась горячая любовь къ Левону послѣ его пріѣзда въ Петербургъ. Быть можетъ, потому, что старому князю все чаще приходила мысль о смерти и онъ видѣлъ въ Левонѣ послѣдняго Бахтѣева. Быть можетъ, потому, что, несмотря на женитьбу, онъ чувствовалъ себя одинокимъ среди новыхъ людей, новаго поколѣнія, и только Левонъ, одна кровь съ нимъ, связывалъ его далекое прошлое съ настоящимъ. Или онъ видѣлъ въ Левонѣ самого себя въ двадцать лѣтъ и чуялъ въ немъ какъ бы продолженіе своей жизни? Онъ самъ не могъ понять, только горе его было глубоко и искренно... Онъ сразу постарѣлъ и уже не ходилъ безъ палки. Спина согнулась и иногда замѣтно дрожала голова. Ирина еще лихорадочнѣе продолжала свою дѣятельность. Она ни одной минуты не оставалась въ покоѣ. Теперь она уже рѣдко ночевала у себя и почти все время проводила въ своихъ лазаретахъ, преимущественно въ солдатскомъ.

Груберъ съ тревогой поглядывалъ на ея осунувшееся лицо, побѣлѣвшія губы и блѣдныя, прозрачныя руки.

— Вы бы отдохнули, княгиня,—не разъ говорилъ онъ.

— Но я не устала,—неизмѣнно возражала она.

Въ офицерскомъ отдѣленіи ея исключительнымъ вниманіемъ пользовался Гриша. Опасность уже миновала. Онъ радостно глядѣлъ вокругъ, вспыхивалъ, увидя Ирину, и все настойчиво ожидалъ Левона, котораго боготворилъ.

Ему ничего не рассказали. Любимыми минутами Ирины въ лазаретѣ были тѣ, когда она могла сидѣть около Гриши и слушать его восторженные рассказы о Левонѣ. Съ горящими глазами юноша рассказывалъ о битвахъ при Риппахѣ, Люценѣ, на Будисинскихъ высотахъ, подъ Дрезденомъ. Онъ никогда не говорилъ о себѣ, но только о Левонѣ. Онъ передавалъ тысячи подробностей походной жизни, приключенія на развѣдкахъ, дружескія бесѣды гдѣ-нибудь на случайной ночевкѣ у нылающихъ костровъ, маленькія пирушки, стихи Батюшкова, и вездѣ и всегда на первомъ планѣ вырисовывался Левонъ. Мрачный и задумчивый, рѣдко веселый, но всегда смѣлый до безумія, самоотверженный товарищъ, любимецъ солдатъ, ласковый и заботливый къ нимъ, высокоумѣнный къ высшимъ, всегда благородный и великодушный.

И эти рассказы терзали сердце Ирины нестерпимой болью и приносили ей странную отраду. Ей хотѣлось крикнуть: «До-

вольпо! Перестань!» И хотѣлось вѣчно сидѣть такъ, съ опущенными глазами безъ слезъ, со страстной жаждой слезъ, и слушать, и слушать эти рассказы...

Но, Гриша выздоравливалъ не по днямъ, а по часамъ. Онъ уже начиналъ бродить по лазарету, и отъ него нельзя было уже утаить правду, когда объ этомъ не переставали говорить во всемъ домѣ. Онъ узналъ о смерти Левона отъ Пронскаго. Свой рассказъ Пронскій закончилъ загадочными для Гриши словами:

— Онъ счастливѣе меня...

Гриша такъ былъ ошеломленъ, что почти безъ сознанія добрѣлъ до своей койки и упалъ на нее.

Когда вечеромъ пришла Ирина, онъ метался въ жару. Но словно инстинктивно почувявъ ся приходъ, вдругъ открылъ глаза и сознательно посмотрѣлъ на нее съ упрекомъ.

— Княгиня, княгиня,—прошепталъ онъ:—вѣдь онъ убить... Зачѣмъ вы скрыли это отъ меня!..

— Гриша (она такъ привыкла называть юношу, потому что такъ называлъ его Левонъ), Гриша,—начала онъ...—и не кончила.

Судороги перехватили ея горло, и, зарыдавъ, она низко склонилась къ нему...

Словно молнія, вдругъ освѣтила разгоряченный мозгъ Гриши.

— Простите,—прошепталъ онъ, и слезы потекли по его дѣтскому лицу:—простите, вамъ тяжелѣе, чѣмъ мнѣ... благодарю...

— Мальчикъ, милый,—едва слышно произнесла Ирина, прижимая къ груди его голову:—онъ убить, онъ убить!

И неудержимыя слезы текли изъ ея глазъ...

Рано утромъ Ирина получила письмо изъ Теплица отъ великой княгини Екатерины Павловны.

«Моя прекрасная княгиня,—писала Екатерина Павловна,—мы соскучились о васъ. Никогда мы не были въ лучшемъ настроеніи и не пребывали въ большей увѣренности въ Божьей милости и Божественномъ руководствѣ. Тѣмъ болѣе, что блестящая побѣда при Кульмѣ одержана лично нами, чего, повидимому, не желаютъ признавать стратеги въ родѣ любезнаго князя Шварценберга и мудрыхъ монарховъ Пруссіи и Австріи, хотя они пока еще не смѣютъ противорѣчить. Намъ совершенно не смущаютъ «адскіе» планы французскаго императора, этого «un homme du diable», основанные на разсѣиваніи тайной вражды среди наиболѣе близкихъ къ намъ лицъ, начиная съ меня. Не тревожатъ насъ и мнимые, безчисленные шпионы Наполеона, заставлявшіе насъ искать тайныхъ и уединенныхъ свиданій даже съ родной сестрой, чтобы сказать ей: доброй ночи, или: какъ ваше здоровье? Мы немножко сами посмѣиваемся надъ таинственными свиданіями съ подзем-

ными ходами въ вашемъ Радзивилловскомъ замкѣ, гдѣ мы втроемъ коротали ночи въ мистическихъ бдѣнiяхъ. О, ужасъ! Если бы старый князь могъ увидѣть одинокую фигуру мужчины, выходящую отъ насъ подземнымъ ходомъ, въ то время, какъ мы съ вами мирно ложились въ постели... Брр!.. Вѣдь это могло бы быть всемирнымъ скандаломъ, хотя было невинно тѣмъ тайныхъ собраний первыхъ временъ христіанства, катакомбъ и проч. А теперь шутки въ сторону. Мой братъ и государь, несомнѣнно, былъ бы доволенъ видѣть около себя тѣхъ друзей, которыхъ онъ удостоилъ бесѣдой въ минуты своихъ тревогъ и колебаній. Я уже написала аббату, и мы идемъ васъ и его въ Тенлицъ, гдѣ пользуемся гостепрiимствомъ австрійскаго императора. Онъ, по-моему, слишкомъ злоупотребляетъ своимъ положенiемъ хозяина, нечаяя насъ своими скрипичными концертами. Я иногда близка къ сумасшествiю. Но братъ терпѣливъ и кротокъ, какъ ангель... положимъ, онъ глуховатъ... До скораго свиданiя, милый другъ».

Ирина прочла это письмо разъ и другой, словно съ трудомъ понимая слова. Все сказанное въ немъ было въ настоящее время до такой степени чуждо ей, такъ казалось мелочнымъ, ненужнымъ и... жестокимъ, что она удивилась сама. Не скрывается ли за этимъ мистицизмомъ оскорбленное самолюбiе и тщеславiе, во имя которыхъ проливаются моря крови? Въ крови ли и ужасъ находить мятущейся душа свое успокоенiе?

Мысль поѣхать въ Тенлицъ ни на одинъ мигъ не пришла ей въ голову. Она чувствовала, что была бы тамъ чужой... Она не могла бы раздѣлять ни мистическихъ восторговъ побѣды, ни увѣренности въ святости творимаго дѣла... Ясная, простая жизнь, Богъ и правда глядѣли на нее сотнями глазъ умирающихъ и искалѣченныхъ людей. Собственное страданiе озарило ей страданiя миллионныхъ ей подобныхъ, и холодныя вершины мистическихъ настроенiй казались ей мертвыми, безплодными пустынями...

На этотъ разъ Дегранжъ былъ принятъ, но готовыя фразы замерли на его губахъ, когда онъ увидѣлъ блѣдную, спокойную женщину. Но онъ быстро овладѣлъ собою и со скорбнымъ выраженiемъ лица произнесъ:

— Я пришелъ къ вамъ въ тяжелый часъ, княгиня... ваша утрата.

— Не будемъ говорить объ этомъ, г. аббатъ,—сухо и спокойно остановила его княгиня.—Вы хотѣли видѣть меня. У меня мало времени, но это, можетъ быть, касается нашихъ раненыхъ?

Ошеломленный аббатъ нѣсколько мгновенiй молча смотрѣлъ на это строгое лицо, которое онъ такъ хорошо зналъ и котораго не узнавалъ сейчасъ.

— Нѣтъ,—началь онъ:—я пришелъ по другому дѣлу. Я получилъ письмо отъ ея высочества. Ея высочество пишетъ, между прочимъ, что ея августѣйшій братъ не былъ бы недоволенъ, если бы его друзья (эта честь касается меня и васъ, княгиня) принесли ему лично поздравленія съ блестящей побѣдой, одержанной его величествомъ во славу Бога. Подобное письмо должны были получить и вы, княгиня. Я пришелъ узнать, когда вы соблаговолите выѣхать, чтобы имѣть честь сопутствовать вамъ?

Онъ побѣдоносно посмотрѣлъ на княгиню. Онъ очень гордился этимъ приглашеніемъ и думалъ поразить этимъ княгиню.

— Боюсь, что вамъ, г. аббатъ,—тѣмъ же сухимъ и ровнымъ голосомъ произнесла Ирина,—придется ѣхать одному. Я не ѣду.

— Но желаніе императора,—началь аббатъ.

— Но желанія мои...—съ короткимъ смѣхомъ прервала его Ирина:—не будемъ больше говорить объ этомъ, г. аббатъ; вы больше ничего не имѣете сказать?—закончила она, вставая.

— Какъ! Вы рѣшительно отказываетесь ѣхать?—спросилъ аббатъ.

Ирина пожала плечами.

— Но, можетъ быть, вы что-нибудь прикажете передать мнѣ тамъ?—продолжалъ онъ съ тревогой.

Онъ чувствовалъ, что безъ княгини Бахтѣевой его ожидаетъ иная пріемъ.

— Не беспокойтесь, г. аббатъ,—отвѣтила чуть насмѣшливо княгиня:—все, что надо, я передамъ сама. Это все?—уже настойчиво спросила она.

Аббату не оставалось ничего больше, какъ откланяться. Онъ вышелъ съ бѣшенствомъ въ душѣ, изумленный и негодующій. Какой чортъ вмѣшался въ его игру!

Когда старый князь узналъ отъ Ирины о приглашеніи въ Теплицъ и о ея отказѣ ѣхать туда, онъ взглянулъ на нее такими радостными глазами и такъ горячо пожалъ ея руку, что она удивилась.

Х.

Жизнерадостный и веселый, какъ всегда, ворвался Заринъ къ Новикову. Онъ былъ при Кульмѣ въ отрядѣ графа Милорадовича, остался цѣлъ и здоровъ и былъ представленъ къ Георгію. Это ли не счастье! Онъ на мигъ совершенно забылъ о недавнихъ тревогахъ за князя. Но, увидя мрачное лицо Новикова, онъ сразу стихъ и, вмѣсто привѣтствія, спросилъ:

— Что случилось?

— Слава Богу, хоть ты-то цѣлъ,—отвѣтилъ Новиковъ.

— А развѣ кто убитъ? или раненъ?—блѣднѣя, спросилъ Семенъ Гаврилычъ.

— Приготовься слушать,—сказаль Новиковъ.

Онъ позваль денщика, велѣль подать вина и, когда они вновь остались одни, онъ передалъ другу печальныя вѣсти. Взволнованный Зарницынъ молча слушаль.

— Нѣтъ,—съ непонятной увѣренностью воскликнулъ онъ:— нѣтъ! Левонъ живъ!

Новиковъ пожалъ плечами.

— Мы не вѣримъ въ это,—сказаль онъ.

— Слушай,—началь Зарницынъ:—это, можетъ быть, странно. Ты знаешь, какъ я любилъ и люблю князя, но, клянусь, мое сердце молчить... Смѣйся, если хочешь, но во мнѣ непобѣдима увѣренность, что онъ живъ! Слушай, я тебѣ расскажу странную вещь. Я вѣдь зналь, что Левонъ поѣхаль въ полкъ и Гриша тоже, и, значитъ, участвовали въ сраженіи подъ Дрезденомъ. Ты самъ знаешь, какъ иногда мы бываемъ суевѣрны и какія дикія мысли приходятъ иногда на полѣ сраженія и какъ иногда нелѣпо, но произвольно, мы искушаемъ судьбу?

Новиковъ кивнулъ головой.

— Такъ вотъ,—продолжалъ Зарницынъ,—когда Вандамъ дѣлаль послѣднія, отчаянныя усилія, мы стояли, ожидая момента броситься на непріятельскую кавалерію въ атаку. Я стояль впереди своего эскадрона. И вдругъ дымящаяся граната упала у самыхъ ногъ моей лошади. Уже наступала тьма, и я ясно видѣль искру фитиля. Я бы, конечно, могъ бросить лошадь въ сторону, но страшная мысль остановила меня. Мнѣ вдругъ мгновенно вспомнились вы, и я неожиданно для самого себя загадалъ: если вы живы, останусь живъ и я. Словно оцѣпенѣніе сковало меня. Я слышаль крикъ, раздавшійся изъ рядовъ, но не могъ тронуться съ мѣста, какъ зачарованный глядя на красную искру. Время мнѣ казалось безконечно долгимъ... И вдругъ искра погасла. Граната не взорвалась... Никогда я не былъ такъ счастливъ въ жизни, какъ въ эту минуту. Вѣрь, не вѣрь, но Левонъ живъ!

Зарницынъ говорилъ съ такой глубокой вѣрой въ свои слова, что эта вѣра невольнo передавалась Новикову. Онъ уже началъ допускать возможность, что Левонъ живъ.

— Вы всё здѣсь словно сошли съ ума,—продолжалъ Зарницынъ.—Вы сразу рѣшили, что онъ убитъ. Откуда такая увѣренность? Слова саксонца? Это, конечно, самое серьезное, но вѣдь и офицеръ могъ думать, что передъ нимъ трупъ, не подозрѣвая, что это только глубокой обморокъ. Киверъ? Сабля? Развѣ это доказательства? Сообщенія штаба? Но имъ давно пора перестать придавать цѣну. Нѣтъ, вы просто сами внушили себѣ эту мысль и повѣрили...

По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, въ душѣ Новикова зарождалась надежда. Онъ сталъ вспоминать, какъ все было, и никакъ не

могъ уловить того момента, съ котораго только предположенія о смерти Левона вдругъ превратились въ увѣренность и какъ эта увѣренность овладѣла всѣми близкими и чужими.

Зарницынъ навѣстилъ и Бахтѣевыхъ; но если старый князь и оживился нѣсколько отъ его словъ, а Евстафій Павловичъ горячо поддержалъ его, то на Ирину его увѣренность, повидимому, не произвела никакого впечатлѣнія. Она больше вѣрила своему сердцу, а это сердце все болѣло и болѣло...

Гриша же съ радостью ребенка ухватился за эту надежду, но при Иринѣ интенсивно сдерживался предаваться ей.

Пропскій поправился настолько, что переѣхалъ къ женѣ. Онъ горячо благодарилъ Ирину, но было видно, какъ вообще мучительно для него встрѣчаться съ ней, хотя за эту муку онъ согласился бы быть раненымъ вторично... Онъ что-то хотѣлъ и не могъ и не рѣшался сказать ей. На выраженную женой надежду, что, поправившись, онъ вернется въ главную квартиру, чтобы вернуть себѣ благоволеніе государя, онъ коротко и рѣзко отвѣтилъ:

— Никогда въ жизни!

XI.

Былъ чудесный осенній день конца сентября. Поздняя осень уже золотила одежду цвѣтущихъ садовъ Дрездена. Улицы были шумны и оживленны. Среди горожанъ повсюду мелькали цвѣтные мундиры военныхъ. Особенное оживленіе царило около королевскаго дворца. У воротъ, словно изваянія, стояли недвижно въ высокихъ медвѣжьихъ шапкахъ гренадеры старой императорской гвардіи. На ихъ суровыхъ усатыхъ лицахъ застыло торжественно-важное выраженье. Они словно священнодѣйствовали. Еще бы! Они охраняли своего императора, своего «маленькаго капрала».

Одинъ за другимъ подъѣзжали къ дворцу блестящіе экипажи, и изъ нихъ выходили люди въ золотыхъ мундирахъ. Часовые отдавали имъ честь, сурово и торжественно, и они скрывались за рѣшеткой.

Любопытная толпа мужчинъ, женщинъ, дѣтей тѣснилась передъ дворцомъ, оживленно переговариваясь, стараясь угадать пріѣзжавшихъ. Въ толпѣ было много военныхъ и они снисходительно называли толпѣ нѣкоторыя имена.

— Вотъ герцогъ Виченцкій. А это принцъ Невшательскій.

Но улицѣ, гремя саблями, пронеслась небольшая блестящая группа всадниковъ. Впереди въ темно-малиновомъ плащѣ, въ шляпѣ съ пышными перьями ѣхалъ высокій, очень красивый человекъ, со смѣлымъ, но надменнымъ лицомъ. Черные кудри выбивались изъ-подъ его шляпы.

— А это король неаполитанскій Мюратъ,—сказаль стоявшій въ толпѣ французскій стрѣлокъ и, снявъ кепи, закричалъ во весь голосъ:

— Да здравствуетъ неаполитанскій король!

Десятки-другой голосовъ подхватили этотъ крикъ.

Мюратъ слегка кивнулъ головой и въ сопровожденіи свиты въѣхалъ во дворъ.

Въ толпѣ, въ первыхъ рядахъ, стоялъ молодой крестьянинъ въ широкополой шляпѣ, съ тяжелой суковатой палкой въ рукахъ. Давно не бритые черные усы и борода торчали щетиной. Худое лицо имѣло желтоватый оттѣнокъ, глаза ввалились. Онъ стоялъ, опираясь обѣими руками на свою палку. Онъ имѣлъ видъ человѣка, долго и тяжело хворавшаго. Онъ внимательно прислушивался къ разговорамъ и съ любопытствомъ осматривался по сторонамъ.

Стрѣлокъ говорилъ своему сосѣду:

— Ну, теперь скоро конецъ. Императоръ снова вздусть ихъ. Нашъ корпусъ уже выступилъ къ Лейпцигу. Нашъ полкъ идетъ сегодня ночью.

— Они тоже пошли къ Лейпцигу,—сказаль его собесѣдникъ.— Говорятъ, что тамъ будетъ сраженіе.

— Да, онъ задасть имъ,—замѣтилъ первый,—ну, ужъ тогда пруссакамъ конецъ!

Во дворѣ произошло какое-то движеніе.

— Императоръ! императоръ!—закричалъ стрѣлокъ.

Изъ воротъ выѣзжала королевская коляска, запряженная четверней цугомъ бѣлыхъ лошадей.

Молодой крестьянинъ быстро продвинулся впередъ. Раздался восторженные крики: «Да здравствуетъ императоръ!» и нѣмецкое «hoch!»

Это саксонцы привѣтствовали своего короля.

Мимо крестьянина почти шагомъ проѣхала открытая коляска. Онъ разсмотрѣлъ строгій, застывшій профиль императора, неподвижно смотрѣвшаго прямо передъ собой, и добродушное лицо стараго короля, ласко отвѣчавшаго на привѣтствія толпы. Коляска скрылась за поворотомъ, и толпа, словно исполнивъ свое дѣло, медленно начала расходиться.

Крестьянинъ постоялъ нѣсколько мгновеній, какъ бы въ раздумьѣ, и потомъ тяжелой поступью, опираясь на палку, направился къ старому городу.

Онъ остановился у убогаго домика, стоявшаго среди пустыря, недавно бывшаго огородомъ, теперь истоптаннаго солдатами, и постучалъ въ маленькое окошечко. Дверь тотчасъ отворилась, и на порогѣ показался старикъ.

— Это ты, Фрицъ?—спросилъ старикъ.—Иди скорѣе. Тутъ ужъ проходили два пьяныхъ француза, постучали, постучали и ушли.

Молодой крестьянинъ вошелъ и сѣлъ за столъ, снявъ шляпу,

— Ну, вотъ что, старикъ,—началь онъ голосомъ, привыкшимъ приказывать:—я уже достаточно поправился. Сегодняшняя прогулка показала мнѣ, что у меня довольно силы. Я могу уже отправиться восвояси. Согласенъ ли ты, Копфъ, проводить меня до Фрейберга. Ты знаешь всѣ тропинки и болота...

Старый Копфъ задумчиво глядѣлъ на блѣдныя, тонкія руки Фрица и молчалъ. Онъ боялся. Этотъ странный гость появился у него нѣсколько дней тому назадъ. Въ одну несчастную ночь этотъ неизвѣстный упалъ отъ усталости и истощенія у его порога. Онъ, видимо, перенесъ тяжелую болѣзнь. Онъ даже самъ сказалъ, что былъ очень боленъ; что ѣздилъ по дѣламъ во время перемирія въ Лейпцигъ и не успѣлъ уѣхать до начала военныхъ дѣйствій; тамъ его почему-то приняли за шпиона и арестовали, но онъ успѣлъ бѣжать и, уже будучи подъ Дрезденомъ, схватилъ гнилую лихорадку и провалился въ какой-то деревушкѣ. Поправившись, онъ пробрался безпрепятственно въ городъ, надѣясь возвратиться къ семьѣ въ Фрейбергъ, но узналъ, что всѣ дороги заняты французами, что въ виду большого числа нѣмцевъ—перевѣжчиковъ и шпионовъ—повсюду усилены дозоры и посты и отданъ приказъ разстрѣливать каждого, кто попытается перейти линію расположенія французскихъ войскъ. А между тѣмъ ему необходимо вернуться къ себѣ. Онъ только годъ какъ женатъ. Недавно у него родился сынъ. Богъ знаетъ, цѣлы ли они, и, кромѣ того, если онъ не поспѣетъ домой, то все имущество его перейдетъ къ ростовщику, которому онъ выдалъ вексель, рассчитывая оплатить его, вернувшись изъ Лейпцига.

Все это было похоже на правду, но старый Копфъ видалъ людей, и обмануть его было не такъ-то легко. Молодой человекъ не могъ скрыть своихъ манеръ, своихъ бѣлыхъ рукъ, да и говорилъ по-нѣмецки, какъ говорятъ только знатные господа, хотя и старался подлаживаться подъ простую народную рѣчь.

Но у него были полны карманы денегъ русскихъ, прусскихъ и австрійскихъ, и золото, и бумажки, это тоже замѣтилъ наблюдательный Копфъ. Кромѣ того, онъ очень щедро платилъ за гостепріимство. Какое ему дѣло до остального? Только бы не продешевить? Можетъ быть, это русскій бояринъ? Вѣдь придется рисковать жизнью. Положимъ, по своимъ занятіямъ браконьера, нищаго и бродяги, старикъ такъ хорошо зналъ всѣ непроходимыя тропинки среди тоней и лѣсовъ, что почти былъ увѣренъ въ успѣхѣ, а все-таки...

Онъ долго молчалъ и наконецъ съ разстановкой отвѣтилъ:

— Трудно и опасно это, Фрицъ. Со всѣхъ сторонъ плохо. Тутъ попадешься—повѣсятъ, а у Фрейберга русскія войска—тамъ тоже не поцеремонятся!

— Я ручаюсь тебѣ за безопасность тамъ!—воскликнулъ молодой человекъ.

— Ого,—насмѣшливо произнесъ Копфъ:—ужь ты не самъ ли фельдмаршалъ?

Молодой человѣкъ нахмурился.

— Кто бы я ни былъ,—началь онъ рѣшительнымъ голосомъ,—здѣсь за меня не дадутъ и пфеннига. Знай это. А если ты выведешь меня—я торговаться не буду...

— Если я погибну,—продолжалъ Копфъ:—кто позаботится о моей дочери и маленькой внучкѣ? Вѣдь я одна опора у нихъ. Они теперь сидятъ въ Заалѣ да меня поджидаютъ.

Копфъ притворился, что вытираетъ глаза при воспоминаніи о воображаемой дочери и внучкѣ.

Незнакомецъ, видимо, понялъ это и, усмѣхаясь, сказалъ:

— Ну, что жъ, если надо, обезпечь еще свою бабушку. Это твое дѣло... Сколько?—рѣшительно закончилъ онъ.

Копфъ забралъ побольше воздуха и словно выпалилъ:

— Тысячу прусскихъ марокъ золотомъ!

Онъ даже глаза зажмурилъ. Секунда молчанія показалась ему безконечной.

— Очень хорошо,—спокойно отвѣтилъ молодой человѣкъ:—ты получишь ихъ.

— А задатокъ?—жадно спросилъ Копфъ.

Молодой человѣкъ вынулъ изъ кармана увѣсистый кожаный мѣшечекъ и высыпалъ его содержимое на столъ.

— Вотъ,—сказалъ онъ:—десять австрійскихъ двойныхъ дукатовъ и десять русскихъ имперіаловъ. Остальное получишь во Фрейбергѣ.

Копфъ дрожащими руками пересчиталъ монеты. Теперь онъ уже не сомнѣвался, что передъ нимъ русскій бояринъ. Кто, кромѣ русскаго, можетъ такъ безумно швырять деньги?

— Хорошо,—сказалъ онъ:—кто бы вы ни были (Копфъ перешелъ на почтительное «вы»), я постараюсь проводить васъ. Я надѣюсь, что это мнѣ удастся. Мы выйдемъ ночью.

— Рѣшено,—произнесъ молодой человѣкъ:—а я отдохну.

Съ этими словами онъ легъ на стоящую въ углу постель и скоро, повидимому, заснулъ.

Старикъ долго всматривался въ его лицо. Его мучило любопытство, но не было возможности удовлетворить его. Подъ столомъ онъ увидѣлъ оброненный незнакомцемъ платокъ. Онъ тихонько поднялъ его и началъ внимательно разсматривать. Платокъ былъ тонкій, хорошаго полотна. Въ углу платка виднѣлась корона и подъ ней монограмма «Л. Б.». Копфъ покачалъ головой и осторожно положилъ его на кровать рядомъ со спящимъ. Потомъ отошелъ въ уголь, раскрылъ сундучекъ, вынулъ изъ него кожаную куртку, такіе же штаны и пару старыхъ пистолеговъ.

Съ наступленіемъ темноты молодой человѣкъ проснулся. Копфъ былъ уже готовъ. Сонъ, видимо, подкрѣпилъ молодого человѣка.

— Пора?—спросилъ онъ.

— Скоро, скоро,—отвѣтилъ старикъ:—мы еще успѣемъ заку-
сить.

Онъ подаль хлѣба, сыра и кувшинъ пива. Не торопясь они за-
кусили, выпили, выкурили по трубкѣ и позднимъ вечеромъ вышли
въ опасный путь...

Буквы на платкѣ вѣрно указывали имя владѣльца. Этотъ
молодой крестьянинъ былъ князь Левонъ.

Онъ самъ ясно не понималъ, какъ ему удалось спастись. Когда
послѣ битвы онъ впервые пришелъ въ себя, онъ увидѣлъ себя въ
маленькой полутемной комнаткѣ, похожей на чуланъ. Въ углу
словно кто-то копошился.

— Кто тамъ?—спросилъ Левонъ по-русски.

— Славу Богу вы пришли въ себя, г. офицеръ,—услышалъ онъ
отвѣтъ на нѣмецкомъ языкѣ.

Тогда Левонъ произнесъ по-нѣмецки:

— Скажите, гдѣ я?

Чья-то рука отдернула отъ окна занавѣску, и Левонъ увидѣлъ
молоденькую дѣвушку, бѣдно, но чисто одѣтую.

Левонъ сдѣлалъ движеніе и застоналъ отъ боли. Ему показа-
лось, что на всемъ тѣлѣ его нѣтъ ни одного живого мѣста.

— Ради Бога, тише,—продолжалъ тотъ же голосъ:—вамъ вредно
всякое движеніе. Погодите, я сейчасъ сяду около васъ и все вамъ
расскажу.

Она налила стаканъ молока, поставила рядомъ съ нимъ на та-
буретку и сама сѣла на стулъ около кровати.

У нея было милое, чистое лицо съ темными глазами. Темнорусые
волосы были сложены въ двѣ косы.

— Ну, теперь слушайте,—начала она.—Вы въ селѣ Земме, въ
двухъ миляхъ отъ Дрездена, въ квартирѣ сельскаго учителя Отто
Циммера, у котораго есть дочь Марія,—это я. Теперь я расскажу,
что знаю про васъ. Васъ-провозили здѣсь вмѣстѣ съ раненымъ фран-
цузскимъ офицеромъ французскіе санитары. По дорогѣ сочли васъ
мѣртвымъ и поручили мѣстнымъ жителямъ похоронить васъ, непре-
мѣнно въ вашемъ мундирѣ. Они осмотрѣли вашъ бумажникъ и ве-
лѣли хранить его на всякій случай, если потомъ найдутся ваши
родные. Мой отецъ присутствовалъ при этомъ. Когда они уѣхали,
онъ увидѣлъ, что вы живы. Тогда онъ перевезъ васъ къ себѣ... и
Богъ помогъ намъ,—съ чувствомъ закончила она:—вы пришли въ
себя. Это было 28-го августа.

— А сегодня?—слабымъ голосомъ спросилъ, Левонъ.

— А сегодня 15-е сентября,—отвѣтила Марія.—Но теперь
довольно. Выпейте молока и постарайтесь заснуть.

Она встала.

— Благодарю, я русскій офицеръ, и моя фамилія Бахтѣвъ,— тихо сказалъ Левонъ, закрывая глаза.

Съ этого дня его выздоровленіе пошло быстрымъ ходомъ. Рана въ плечо заживала. Главная опасность была вызвана страшнымъ ударомъ по головѣ. Голова не была разрублена. Ударъ былъ нанесенъ, должно быть, банникомъ. Можно было ожидать воспаленія мозга, но теперь опасность миновала.

— Ужъ какъ мы боялись,—разсказывала Марія:— чтобы къ намъ не заглянули баварцы или виртембергцы. Французы—тѣ ничего. Но эти едва ли бы пощадили васъ, а вмѣстѣ съ вами и насъ за укрывательство. А вы какъ нарочно все время бредили по-русски, г. Бахтѣвъ.

— Я бредилъ?—спросилъ Левонъ:—о чемъ же?

— Мы не понимаемъ по-русски,—покраснѣвъ, отвѣтила Марія.

— Но я же называлъ кого-нибудь?—допытывался Левонъ.

— Вы часто повторяли одно женское имя,—тихо и смущенно отвѣтила Марія:—но я не помню его,—торопливо добавила она.

Старый Циммеръ относился къ Левону, какъ къ родному. Своимъ обликомъ, разговорами, энтузіазмомъ онъ очень напоминалъ Левону Готлиба Гардера. Марія оказалась развитой молодой дѣвушкой. Она хорошо пѣла, и Левонъ съ удовольствіемъ слушалъ ее. Послѣ перенесенныхъ страданій, и нравственныхъ и физическихъ, въ его душу снизошло какое-то успокоеніе, какая-то кроткая и умиляющая примиренность съ жизнью и съ людьми. Съ тоской и любовью, но безъ тѣни озлобленія, думалъ онъ объ Иринѣ и обвинялъ себя. Зачѣмъ онъ уступилъ чувству ревнивой ненависти и уѣхалъ сразу, съ презрѣніемъ къ ней? Не лучше ли было прійти къ ней, остановить ее, если не поздно, а если поздно, пожалѣть и поддержать ее, слабую, одинокую? А, быть можетъ, это все не то, что заподозрѣлъ онъ?.. И развѣ можно было произносить приговоръ, не зная, есть ли вина? Что теперь тамъ? Его, конечно, ужé оплакиваютъ, какъ мертваго. Какой ударъ для дяди! Для его друзей, если они еще живы... И чувство жалости къ нимъ и къ себѣ наполняло его душу...

Онъ не зналъ, чѣмъ отблагодарить Циммера и его дочь за свое спасеніе. По счастью, на немъ уцѣлѣлъ поясъ съ деньгами. Но едва онъ заикнулся о деньгахъ, какъ старикъ обижено замахалъ руками.

Эти дни, проведенные въ тихомъ домикѣ Циммера, были отрадой для его усталаго сердца. Старикъ передавалъ ему всѣ новости. Онъ разсказалъ, что русскіе одержали большую побѣду подъ Кульмомъ, что Ней былъ разбитъ подъ Денневицемъ, а Удино при Гроссъ-Бееренѣ и что дѣла французовъ плохи. Что Наполеонъ стягиваетъ свои войска къ Лейпцигу и что туда же идутъ массы союзныхъ войскъ.

Въ одно утро, когда Левонъ чувствовалъ себя крѣпче, онъ рѣшительно объявилъ, что идетъ къ своимъ. Несмотря на всѣ возраженія, онъ стоялъ на своемъ. Уступая ему, Циммеръ приобрѣлъ для него простую одежду, и Левонъ отправился въ Дрезденъ, провожаемый благословеньями стараго учителя и его дочери.

Но онъ плохо разсчиталъ свои силы и свалился у дома Копфа, который и подобралъ его, пріютилъ на нѣсколько дней и теперь велъ тайными тропинками къ Фрейбергу...

XII.

Поставивъ ногу на бархатный стулъ и наклонившись надъ столомъ, Наполеонъ разсматривалъ лежавшую передъ нимъ карту окрестностей Лейпцига.

Комната имѣла богатый и даже роскошный видъ, съ портретами въ художественныхъ рамахъ на стѣнахъ, бархатной мебелью, тяжелыми дорогими портъерами и большимъ зеркаломъ въ чеканной рамѣ темнаго серебра. Наполеонъ съ главной квартирой занималъ замокъ банкира Феттера въ окрестностяхъ Лейпцига въ Рейдницѣ.

Въ глубокомъ молчаніи стояли по другую сторону [стола] начальникъ штаба Бертье принцъ Невшательскій, король неаполитанскій Мюратъ и маршалъ Макдональдъ герцогъ Тарентскій. Бертье имѣлъ озабоченный видъ, Мюратъ былъ замѣтно сконфуженъ и смущенъ. Онъ только что былъ потрепанъ въ неудачномъ дѣлѣ при Либертъ-Волковицѣ, о чемъ уже утромъ подробно доложилъ императору, не возбудивъ, однако, противъ себя особаго неудовольствія. Герцогъ Тарентскій былъ угрюмъ и мраченъ, такъ какъ его до сихъ поръ мучилъ стыдъ за проигранное дѣло при Кацбахѣ. Бертье тоже имѣлъ достаточно причинъ быть озабоченнымъ. Три дня тому назадъ онъ получилъ письмо отъ баварскаго короля Максимилиана-Иосифа, очень успокоившее его и императора въ вѣрности ему, среди общаго начавшагося колебанія, сильной Баваріи. Съ льстивостью и подобоострастіемъ нѣмецкаго принца баварскій король писалъ, между прочимъ:

«Привязанность моя къ императору и Франціи не измѣнилась ни на одно мгновеніе, и потому вы можете быть увѣрены, что я готовъ сдѣлать даже невозможное для исполненія желаній его императорскаго величества... Прошу васъ засвидѣтельствовать мое глубочайшее уваженіе императору; скажите ему, что я къ нему приверженъ болѣе, нежели когда-нибудь, и если я не дѣлаю еще большихъ усилій, то единственно оттого, что этого не позволяютъ мнѣ ни физическія, ни моральныя средства... Анспахъ и большая часть Зальцбурга, Тироль и Бромбергъ, гдѣ много членовъ древняго дворянства, Нассау и Вейрейтъ большею частью сомни-

тельны. Несмотря на то, они должны дѣлать по-нашему, хотя бы это мнѣ стоило жизни»...

И такъ далѣе, все въ томъ же родѣ. Такъ писалъ Максимилианъ, а на другой день сдѣлалось извѣстно, что имъ подписанъ союзный договоръ съ коалиціей, съ обязательствомъ выставить тридцатипеститысячную армію въ обмѣнъ на независимость Баваріи и крупную сумму англійскимъ золотомъ.

Измѣна въ такой моментъ дѣлала очень затруднительной работу начальника штаба. Кромѣ того, отдѣльные пораженія Нея, Макдональда и особенно Вандама требовали новыхъ соображеній. Бертье былъ пораженъ спокойствіемъ императора. Всѣ эти удары только скользили по непроницаемой бронѣ его духа, не выводя его изъ равновѣсія. Онъ сейчасъ же исключилъ Баварію изъ своихъ стратегическихъ расчетовъ и мгновенно составлялъ новыя комбинаціи, неотразимыя и математически точныя, гибельныя для враговъ, если бы судьба, словно возмущенная долгимъ служеніемъ ему, не спутывала неожиданно его карты...

Лицо императора оставалось спокойно и задумчиво. Но вотъ едва замѣтная улыбка слегка тронула углы его губъ. И, барабаны пальцами по картѣ, онъ зашѣлъ, невѣроятно фальшивя:

— Et du Nord au midi trompette guerrière
A sonné l'heure des combats.
Tremblez les ennemis de la France!..

Это былъ припѣвъ знаменитаго революціоннаго гимна «Chant du départ».

Маршалы молча переглянулись, и ихъ лица просвѣтлѣли.

Ударивъ ладонью по картѣ, Наполеонъ убралъ ногу со стула и взглянулъ на маршаловъ блестящими свѣтлыми глазами.

— Чортъ возьми!—воскликнулъ онъ:—на протяженіи полукруга въ 3—4 лье 300 тысячъ союзниковъ, имѣя по фронту 1.200 орудій, кажется, не представляютъ ни одного уязвимаго мѣста!

Веселый тонъ императора странно противорѣчилъ смыслу его словъ. Но если императоръ говорилъ такъ, значитъ, онъ предвидѣлъ гдѣ-то удачу.

Помолчавъ нѣсколько мгновеній, онъ снова началъ:

— Господинъ король, нельзя сказать, чтобы ваше дѣло при Либерть-Волковицѣ было особенно удачно. Вы неумѣло обращаетесь съ большими массами кавалеріи.

Мюратъ вспыхнулъ.

— Ну, ну,—замѣтилъ Наполеонъ:—завтра вы поправитесь, я увѣренъ въ этомъ. Что касается васъ, герцогъ Тарентскій,—обратился онъ къ смущенному Макдональду:—то я знаю, вы талантливы, дѣятельны, преданы мнѣ, но вамъ недостаетъ счастья... Однако,

вы завтра будете подь моей звѣздой. Мы готовимъ громовой ударъ! Вотъ смотрите, мои друзья.

Наполеонъ склонился надъ картой. Маршалы почтительно наклонили головы къ картѣ, слѣди за бѣлой рукой императора.

— Вотъ гдѣ гибель, — произнесъ онъ, указывая пальцемъ на селеніе Госсу, находившуюся въ центрѣ непріятельскаго расположенія. Позиціи союзниковъ представляли собою полукругъ, охватывающій Лейцигъ, и навстрѣчу имъ стальной пружиной выгибался полукругъ французскаго фронта, прикрытый съ праваго фланга непроходимыми болотами Плейссы.

— Сюда, — продолжалъ, одушевляясь, Наполеонъ, держа палецъ на Госсѣ, — мы направимъ адскій огонь, подь прикрытіемъ котораго кавалерія неаполитанскаго короля обрушится на центръ непріятеля, поддерживаемый только Витгенштейномъ и тонкой линіей пѣхотныхъ полковъ почти безъ артиллеріи. Центръ будетъ прорванъ прежде, чѣмъ успеютъ подойти резервы. Тогда съ нашего праваго крыла въ этотъ прорывъ устремятся Викторъ и Удино, а правымъ крыломъ непріятеля займется Мортъе и Макдональдъ.

Наполеонъ выпрямился, глаза его пріобрѣли нестерпимый блескъ, устремленные куда-то вдаль, и онъ медленно закончилъ:

— Въ одиннадцать часовъ мы начнемъ сраженіе. Въ четыре часа непріятельскій центръ будетъ прорванъ. Въ шесть—лѣвое крыло непріятеля будетъ уничтожено, а правое въ полномъ отступленіи. Къ наступленію темноты союзныя войска будутъ опрокинуты на свои резервы, и все будетъ кончено...

Слова и тонъ императора дышали такой непоколебимой увѣренностью, что даже осторожный Бертье воскликнулъ:

— Побѣда обезпечена!

Такимъ они видѣли Наполеона наканунѣ Аустерлица, когда такъ же, какъ и сейчасъ, точно по часамъ онъ опредѣлилъ всѣ фазы сраженія.

Солнце ярко свѣтило на безоблачномъ небѣ. Осенній воздухъ былъ чистъ и прозраченъ, когда часъ спустя императоръ съ блестящей свитой медленно проѣзжалъ по фронту своихъ войскъ. Его увѣренность въ побѣдѣ, казалось, передалась его войскамъ. Оглушительные крики: «vive l'empereur!» гремѣли побѣдой, и зловѣщей угрозой донесились до фронта союзныхъ армій.

А въ главной квартирѣ союзниковъ въ селѣ Пегау царила неувѣренность и растерянность. Одинъ императоръ Александръ старался внушить всѣмъ бодрость и собственную увѣренность и опредѣлить планъ сраженія.

Всѣ словно испугались, очутившись лицомъ къ лицу съ Наполеономъ во главѣ двухсоттысячнаго войска.

Тутъ были всѣ силы союзниковъ, и разгромъ ихъ армій вернулъ бы Наполеону прежнее владычество въ Европѣ и навлекъ грозную кару на Пруссію и Австрію. Даже императоръ Францъ потерялъ свое обычное спокойствіе. Въ случаѣ проигрыша—Наполеонъ не пощадитъ его. Что касается Фридриха, то на него было жалко смотрѣть. Онъ зналъ, что на карту поставлена Пруссія и его династія. Забившись въ уголъ, онъ не вмѣшивался въ разговоры и неподобья, почти съ ненавистью, взглядывалъ на ясное лицо Александра.

Князь Шварценбергъ, приславъ, въ качествѣ главнокомандующаго, исключительно себѣ побѣды при Гроссъ-Бееренѣ, Кацбахѣ, Денневицѣ и даже Кульмѣ, рѣшилъ, что онъ великій стратегъ, и насколько раньше былъ податливъ, настолько теперь неожиданно сталъ упрямъ. Считая лучшей тактикой обходъ непріятеля, онъ направилъ главнѣйшія силы въ болота Шлейссы и Эльстера на правый флангъ французовъ. Напрасно ему указывали на непроходимость этихъ болотъ и приводили въ доказательство, что Наполеонъ не счелъ нужнымъ даже прикрывать этотъ флангъ. Шварценбергъ пожималъ плечами и съ упрямой улыбкой повторялъ:

— Тѣмъ хуже для него!

Жюмини, графъ Толь, Барклай-де-Толли и самъ государь истощили всѣ доводы, но князь стоялъ на своемъ.

Наконецъ государь съ поблѣднѣвшимъ лицомъ, съ засверкавшими жесткимъ холоднымъ блескомъ глазами рѣзко всталъ со стула и, ударивъ ладонью по столу, сказалъ:

— Хорошо, г. маршалъ, такъ какъ вы упорствуете, вы можете дѣлать съ австрійской арміей все, что вамъ угодно. Но что касается русскихъ войскъ,—они пойдутъ на правую сторону Шлейссы и никуда больше!

Шварценбергъ поклонился, но своего плана не измѣнилъ.

На этомъ и кончился совѣтъ.

Такимъ образомъ въ день битвы предполагалось дѣйствовать по двумъ планамъ, противорѣчащимъ другъ другу.

Дѣйствительно, правъ былъ прусскій король, когда говорилъ, что въ случаѣ успѣха союзники будутъ обязаны только одному Господу Богу!

ХІІІ.

Съ большими трудностями удалось Левону добраться до русскихъ войскъ и отыскать свой полкъ уже на маршѣ въ Галле. Пятый драгунскій вошелъ въ составъ корпуса Раевского. Левону удалось приобрѣсти казачью лошадь и все казачье обмундированіе. Нечего говорить, съ какимъ восторгомъ его привѣтствовали въ полку офицеры и солдаты его эскадрона. Къ своему большому утѣшенію, онъ нашелъ тамъ и Новикова и Зарницына, которому

удалось-таки добиться перевода въ пятый драгунскій, въ виду огромной убыли въ этомъ полку офицеровъ. Переменная, происшедшая въ князѣ, поразила всѣхъ знавшихъ его и больше всего Новикова. Онъ сталъ мягче, доступнѣе. Отъ прежней холодной гордости не осталось и слѣда...

Новиковъ рассказалъ ему о ранѣ Бѣлоусова, теперь почти поправившагося, объ отчаяніи всѣхъ, когда его сочли убитымъ, и особенно стараго князя. Передалъ онъ и впечатлѣніе, произведенное этимъ извѣстіемъ на княгиню, и замѣтилъ, какъ дрогнуло его лицо.

Но Левонъ не задалъ ни одного вопроса о ней, хотя усиленно разспрашивалъ о дядѣ и Гришѣ. Очень тронула его привязанность Егора, и тутъ же онъ рѣшилъ въ душѣ дать вольную ему, всей его семьѣ и наградить его.

— Бѣдный старикъ,—съ умиленіемъ сказалъ онъ о дядѣ:—я никогда не подозрѣвалъ, что онъ такъ любитъ меня.

Словно укоръ совѣсти чувствовалъ онъ, думая о немъ. И, кажется, Левону было бы легче, если бы онъ услышалъ о полномъ равнодушіи старика.

Вечеромъ стало извѣстно, что утромъ войска двинутся въ общую атаку.

Офицеры собрались у Громова для послѣднихъ распоряженій. Немного осталось ихъ. Но такова игра войны. Сегодня ты, а завтра я. Среди офицеровъ царило бодрое настроеніе.

Зарницинъ уже успѣлъ со всѣми подружиться и, сидя въ углу, тянулъ съ Багровымъ коньякъ. О дѣлахъ говорили собственно очень мало. Обругали Шварценберга, рассказали нѣсколько анекдотовъ про Блюхера, единогласно рѣшили, что нѣмцы неблагодарные и ненадежные союзники, и перешли на карты и вышивку.

Новиковъ и Бахтѣевъ хотя и старались приноровиться къ общему настроенію, но это не удавалось имъ. Когда всѣ усѣлись за столы, они незамѣтно вышли.

Ночь была тихая, звѣздная. За деревней горѣли бивачные огни. Со стороны Лейпцига виднѣлось зарево. Изрѣдка слышался лай собакъ и окрики часовыхъ.

— Тоска,—произнесъ Новиковъ.

Бахтѣевъ молчалъ. Ему не хотѣлось нарушать какого-то еще никогда не испытаннаго имъ возвышеннаго строя души.

«Удивительно,—думалъ онъ, глядя на далекія звѣзды:—отчего такъ смирилась душа? Отчего нѣтъ въ ней ни ревности, ни злобы, а только любовь и состраданіе? И отчего стыдно вспомнить эту ночь въ саду, за деревьями». И сейчасъ онъ ясно сознавалъ, что былъ бы глубоко несчастенъ, если бы Ирина уступила его едва сдерживаемой страсти... Онъ одного хотѣлъ, чтобы это настроеніе не проходило, но гдѣ-то въ глубинѣ души словно шевелилась смутная боязнь. Дремавшій звѣрь проснется. Вихрь безумья страсти,

ревности, опять охватить его, лишь только онъ опять очутится въ той же обстановкѣ и увидитъ то же... Но пока такъ свѣтло и тихо на душѣ, какъ въ этомъ небѣ...

— Знаешь, Данила Ивановичъ,—началь онъ послѣ долгаго молчанія:—не могу объяснить тебѣ, что произошло со мною и какъ это все случилось. Это сдѣлалось во время болѣзни. Вдругъ какъ-то моя душа затихла... Это трудно рассказать... Ну, какъ будто я вдругъ почувствовалъ, что нахожусь въ чьей-то доброй власти. Какъ будто кто-то внушилъ моей душѣ: не волнуйся, не страдай, не ищи; я найду, успокою, укажу... И какъ будто я самъ пересталъ принадлежать себѣ... Странно, правда?

Новиковъ покачалъ головой.

— Я не понимаю этого,—отвѣтилъ онъ.—Я не понимаю, какъ можно перестать страдать, пока есть причина для страданія. Это, можетъ быть, просто усталость души. Вродѣ того, какъ бываетъ съ тѣломъ. Какъ было со мной. Я долго не переставая страдалъ отъ раны, и вдругъ боли прекращались и казалось даже невозможнымъ, чтобы онѣ возобновились. Но черезъ нѣсколько часовъ онѣ возобновлялись съ новой силой. Это просто измученное тѣло уже переставало на нѣкоторое время чувствовать боль, теряло свою чувствительность. Такъ и съ душой. А ты еще слабъ. Ты еще не поправился.

Бахтѣевъ, дѣйствительно, еще не поправился. Онъ не могъ еще свободно владѣть лѣвой рукой, испытывая при каждомъ рѣзкомъ движеніи мучительную боль въ плечѣ. У него почти все время болѣла голова и часто кружилась...

— Не знаю,—задумчиво отвѣтилъ онъ:—только бы это не прошло...

— Какъ-то ты завтра?—съ тревогой сказалъ Новиковъ:—не лучше ли тебѣ уѣхать въ тыль?..

— Какъ не стыдно говорить это!—воскликнулъ Левонъ.—Я сумѣю держаться на лошади, а правой рукой я владѣю свободно.—

— Смотри, сигналы,—воскликнулъ Новиковъ, указывая вдаль рукой.

Высоко въ небѣ взлетѣли одна за другой со стороны Пегау три бѣлыя ракеты и разсыпались блестящими искрами. И почти тотчасъ съ другой стороны взвились три красныя ракеты.

Это были условленные сигналы главной и силезской армій, которыми они извѣщали другъ друга о своей готовности къ предстоящему бою.

XIV.

На высокомъ холмѣ Вахау, въ центрѣ позиціи за Госсой, уже съ утра стояли два императора и король съ ихъ блестящей свитой. Съ ними былъ и князь Шварценбергъ. Съ высоты ясно было видно

расположеніе своихъ и непріятельскихъ войскъ, а въ подозрную трубку можно было разглядѣть фигуру Наполсона, объѣзжавшаго фронтъ.

Въ девять часовъ утра былъ поданъ сигналъ къ общей атакѣ, и линіи войскъ заколебались и густыя колонны двинулись на французовъ. Оглушительно заревѣли орудія, и дымъ застилалъ поле сраженія. Дымъ становился все гуще. Слѣдить за боемъ уже не было возможности... Только сверкалъ въ дыму огонь да слышались сливавшіеся съ гуломъ орудій и ружейными выстрѣлами грозные крики сражающихся...

Александръ былъ блѣденъ, по спокою. Фридрихъ безпокойно озирался, минутами вздрагивая, какъ и его лошадь. Французъ то и дѣло обращался къ Шварценбергу, который, почтительно склонившись въ сѣдлѣ, давалъ объясненія.

За ними стояла свита, а у подножія «Холма монарховъ» въ качествѣ конвоя стоялъ дивизионъ лейбъ-казаковъ подъ командой полковника Ефремова, въ числѣ 500.

То и дѣло со всѣхъ сторонъ скакали ординарцы и докладывали о положеніи дѣлъ. Русскіе докладывали государю, прусскіе—Фридриху, а австрійцы Шварценбергу.

Къ полудню выяснилось, что атаки союзниковъ отбиты по всему фронту и французы перешли въ наступленіе.

Союзники медленно отступали.

Наступалъ рѣшительный моментъ боя, предсказанный Наполеономъ.

Тѣсня союзниковъ, французы подвезли свои батареи къ Госсѣ. Пѣхота бросилась на фланги, открывая батареи, и 150 французскихъ орудій грянули разомъ. Отдѣльные выстрѣлы слились въ одинъ ревъ. Тучи снарядовъ полетѣли на центръ расположенія союзниковъ.

Словно вихрь поднялся отъ этого сосредоточеннаго огня. Какъ молніи, сверкали въ дыму всышки выстрѣловъ, и было видно, какъ въ воздухѣ мелькали искалѣченныя тѣла...

И подъ прикрытіемъ этого огня и справа и слѣва двинулись французскія колонны...

Но вотъ вдругъ наступила мгновенная тишина. Замолкли пушки, дымъ немного разсѣялся, и показались волнующіеся ряды блестящей кавалеріи. Съ холма монарховъ невооруженнымъ глазомъ можно было видѣть неаполитанскаго короля впереди своей кавалеріи.

Нѣсколько мгновеній царилъ тишина. Потомъ раздалась команда:

— Marche! Marche!

И блестящая кавалерія бросилась въ бѣшеную атаку на Госсу.

Безъ шляпы, съ развѣвающимися черными кудрями, въ мали-

новомъ съ серебромъ плащѣ неся Мюратъ впереди. Рядомъ съ нимъ скакалъ Понятовскій.

Блѣдный, какъ смерть, Францъ обернулся къ Шварценбергу. Фридрихъ закрылъ рукой глаза. Александръ напрягалъ послѣднія силы, чтобы казаться спокойнымъ.

Русскіе успѣли выдвинуть резервную батарею. Но подъ неустойчивымъ натискомъ Мюрата центръ уже дрогнулъ, часть батареи была стремительно захвачена, прикрывавшій ее батальонъ Кременчугскаго полка въ одно мгновеніе былъ изрубленъ...

Центръ былъ прорванъ. Французскіе кирасиры очутились въ восьмистахъ шагахъ отъ холма монарховъ.

Блѣдный и взволнованный, Александръ обернулся и, указывая дрожащей рукой на волны непріятельской кавалеріи, произнесъ:

— Казаки, остановите!

Въ одно мгновеніе графъ Орловъ, бывший въ свитѣ, подскакалъ къ лейбъ-казакамъ и передалъ имъ слова императора.

Но дивизионъ уже давно съ трепетомъ слѣдилъ за бѣшеной атакой французскихъ кирасиръ. Услышавъ приказаніе, полковникъ Ефремовъ вынесъ передъ дивизиономъ, перекрестился большимъ крестомъ и, обращаясь къ казакамъ, крикнулъ:

— Братцы, умерте, а дальше не допустимъ!

Казаки двинулись рысью, размыкаясь въ лаву и на ходу беря пикки наперевѣсъ. Передъ ними впереди былъ топкій ручей, а за нимъ возвышенность, которая скрыла ихъ движеніе отъ непріятеля. Перестраиваясь въ лаву, казаки на рысяхъ переправились черезъ ручей, взлетѣли на возвышенность и съ дикимъ гикомъ ринулись на непріятеля. Кирасиры смѣшались, дрогнули и повернули назадъ, преслѣдуемые казаками...

Но остальная масса французскихъ войскъ неустойчиво катилась впередъ.

Планъ Наполеона былъ выполненъ. Было четыре часа, когда ему донесли, что центръ противника прорванъ. Императоръ тотчасъ послалъ извѣстіе о побѣдѣ своему другу саксонскому королю и приказалъ звонить въ Лейпцигѣ во все колокола.

Но судьба снова опрокинула все его расчеты. Побѣдоносному натиску французовъ преградила путь 2-ая гренадерская дивизія Раевского. Свернутые въ каре, оцетинившись штыками, неподвижно, какъ скала, стояли русскіе, безъ единого выстрѣла. Семь разъ обезумѣвшій Мюратъ бросался въ бѣшеную атаку и семь разъ былъ отброшенъ съ огромными потерями. А между тѣмъ свѣжіе резервы все прибывали и прибывали, заполняя брешь. Занесенный страшный ударъ упалъ въ пустое мѣсто. Но страшное напряженіе ослабило армию Наполеона и нечѣмъ было пополнить убыль въ войскахъ. Единственный успѣхъ выпалъ Наполеону на его крайнемъ

правомъ флангъ, гдѣ онъ захватилъ въ болотахъ Шлейссы австрійскую колонну Марфельда, предусмотрительно высланную ему въ обходъ Шварценбергомъ.

Ночь прекратила сраженіе.

На утро ждали новой битвы. Пятый драгунскій принималъ участіе въ отраженіи кавалерійскихъ атакъ, но отдѣлялся легко. Убыль въ людяхъ была незначительна, изъ офицеровъ немногіе были ранены, но такъ легко, что послѣ перевязокъ никто не пожелалъ оставить строя.

Ночью у костра собрались офицеры. Бахтѣевъ такъ былъ измученъ, что лишь только легъ, завернувшись въ шинель, какъ заснулъ крѣпкимъ сномъ. Настроеніе у всѣхъ было радостное. Всѣ понимали, что сегодняшний день выигранъ; съ минуты на минуту ждали прибытія новыхъ армій—Бенигсена и Бернадотта. Но усталость одолевала всѣхъ. Скоро всѣ улеглись спать.

Къ величайшему удивленію, на слѣдующій день было тихо. Пронесся неопредѣленный слухъ, что будто Наполеонъ предложилъ перемиріе. Весь день, кстати, воскресный, прошелъ спокойно. Утомленные войска отдыхали.

Послѣ цѣлаго дня битвы Новиковъ словно оживился. Бахтѣевъ тоже чувствовалъ себя вполне бодрымъ, и даже рука какъ будто переставала болѣть.

Къ вечеру уже былъ полученъ приказъ готовиться къ бою...

Съ зарею всѣ были на мѣстахъ, а въ семь часовъ обѣ арміи бросились другъ на друга съ безпримѣрнымъ ожесточеніемъ.

Но особенно отчаянный бой загорѣлся въ центрѣ французскаго расположенія. Съ невысокаго холма самъ Наполеонъ наблюдалъ за этимъ боемъ; видъ неподвижной фигуры въ треуголкѣ, казалось, удешевлялъ силы его солдатъ. Желѣзной стѣной стоялъ корпусъ Виктора. И колонна за колонной союзниковъ бросалась въ атаку въ штыки. Едва успѣвали французы отбить одну колонну, какъ на смѣну ей являлась другая. Французская артиллерія встрѣчала атакующихъ чугуннымъ градомъ гранатъ и картечи, скашивала цѣлые ряды, но на мѣсто ихъ вырастали другіе. Десять разъ ходили русскіе въ штыки и десять разъ ихъ опрокидывали назадъ. И по всему фронту гремѣли не умолкая пушки и трещали ружейные выстрѣлы, пока не раскалились пушки и ружейные стволы не стали жечь рукъ, такъ что уже не было возможности продолжать стрѣлять.

Тогда по всему фронту закипѣлъ рукопашный бой. Несмотря на подавляющее превосходство въ силахъ, союзники не имѣли видаго перевѣса.

Но вот свѣжій саксонскій корпусъ, стоявшій на лѣвомъ крылѣ французовъ, съ почти еще не стрѣлявшими орудіями, зашевелился и быстро двинулся впередъ.

— Какая отвага!—воскликнулъ Наполеонъ, замѣтившій ихъ движеніе:—они достойны своего короля!

Онъ продолжалъ слѣдить за ихъ движеніемъ, и вдругъ произошло что-то необъяснимое. Саксонская пѣхота уже скрывалась за холмомъ, а вѣхавшія на холмъ орудія повернули жерла на французскіе полки. Еще мгновеніе—раздался гулъ, и огненная картечь внесла смятеніе и смерть въ ряды французовъ...

— А!—только коротко произнесъ императоръ.

Кто-то подставилъ ему складной стулъ, и онъ тяжело опустился на него около потухающаго костра. Сраженіе утихало, и странная мертвая тишина спустилась на поле кровавой битвы. И зловѣщее и сказочное зрѣлище представляло это поле. Слово могущественный чародѣй заморозилъ отважныхъ бойцовъ. Они спали! Спали лежа, спали, прислонившись къ пушкамъ, сидя на повозкахъ, верхомъ на лошадяхъ, спали лошади въ артиллерійскихъ запряжкахъ...

Это было сонное царство рядомъ съ царствомъ мертвыхъ...

Опустивъ на грудь голову, сидѣлъ императоръ. Глаза его были закрыты. Спалъ онъ или находился въ безсознательномъ состояніи?.. Ночь темнѣла. Пріѣхавшіе за приказаніемъ маршалы и высшіе генералы, не смѣя нарушить его покой, угрюмо и молча толпились у бивачныхъ огней. Загорались звѣзды. Взошла луна. Наполеонъ очнулся и отдалъ послѣднія распоряженія объ отступленіи. Ему подали лошадь, и, молчаливый и страшный, онъ поѣхалъ въ Лейпцигъ въ сопровожденіи своихъ маршаловъ, не рѣшавшихся даже разговаривать между собой.

Въ Лейпцигѣ ему было приготовлено помѣщеніе подѣ вывѣской «Пруссакаго герба».

Союзники не побѣдили ни въ первый, ни во второй день боя, но они истощили на половину численности армию Наполеона, а сами получили подкрѣпленіе свыше ста тысячъ свѣжихъ войскъ.

Наполеону оставалось одно—отступить съ наименьшими потерями.

Кровавое зарево горѣло надъ Лейпцигомъ. Пылали окрестныя селенія и дома предмѣстья, подоженные долетавшими снарядами.

XV.

Гремѣвшая съ утра канонада затихла. Долго прислушивались напуганные горожане, но, ободренные тишиной, мало-по-малу стали появляться на улицахъ.

По глухой и тѣсной улицѣ, спускающейся на самый берегъ Эльстера, осторожно и боязливо пробиралась молодая дѣвушка. Былъ

уже поздній вечеръ, но на улицѣ было почти свѣтло. На берегу Эльстера пылалъ рядъ домиковъ, а въ небѣ стояло огромное зарево. Голова дѣвушки была покрыта платкомъ, на половину закрывавшимъ ея лицо. Въ рукахъ ея была маленькая корзина. Дойдя до крайняго, полуразрушеннаго дома, она остановилась и тихонько постучала въ окно, на которомъ былъ наклеенъ вырѣзанный изъ бумаги башмакъ. Внутри тотчасъ послышался радостный лай, дверь открылась, и огромная собака однимъ прыжкомъ очутилась возлѣ дѣвушки.

— Тихе, тихе, Рыцарь,—лаская собаку, произнесла дѣвушка. Это была Герта.

Въ маленькой каморкѣ, раздѣленной пополамъ рваной занавѣской, ее встрѣтилъ старый Готлибъ.

Со времени Бунцлау онъ сильно одряхлѣлъ, но глаза его были ясны, и попрежнему та же ласковость и доброта внутреннимъ свѣтомъ озаряли его лицо.

За занавѣской слышался легкій храпъ. Это мирно спалъ ихъ хозяинъ старый башмачникъ Гебель. На деревянномъ столѣ, воткнутый въ бутылку, горѣлъ сальный огарокъ.

Герта тоже сильно измѣнилась. Ея лицо утратило нѣжную неопредѣленность очертаній ранней юности. Она выглядѣла старше своихъ лѣтъ, глаза стали глубже и серьезнѣе. За полгода ея волосы значительно отросли, такъ что она уже могла подбирать ихъ въ узелъ. Она сильно похудѣла и поблѣднѣла.

— Ну, отецъ,—весело сказала она:—мнѣ сегодня повезло. Я отнесла башмаки и получила свою долю. Старому Гебелю я принесла талеръ, какъ онъ хотѣлъ, а свою долю получила хлѣбомъ и картошкой. Это намъ удобнѣе, правда, отецъ? Теперь въ Лейпцигѣ съ талеромъ можно умереть съ голоду.

Говоря, она вынула изъ корзинки большой ломоть хлѣба и съ десятокъ печеныхъ картошекъ.

— Да къ этому прибавь, отецъ,—продолжала она:—что сама я сыта, такъ какъ фрау Либнехтъ была сегодня такъ великодушна что заставила меня поужинать у нея по случаю, какъ говорила она, побѣды надъ тираномъ!

Герта размѣялась:

— Ты на самомъ дѣлѣ ужинала?—серьезно, почти строго спросилъ Готлибъ.

— На самомъ дѣлѣ,—засмѣялась Герта:—я ѣла молочный супъ. Признаться, мнѣ было немного совѣстно, такъ какъ тебѣ придется и сегодня и завтра ѣсть только черный хлѣбъ и картошку... Нѣтъ, ты подумай, отецъ, хлѣба нѣтъ во всемъ городѣ. То есть, конечно, онъ есть, вотъ, напримѣръ, у фрау Либнехтъ, но никто не продаетъ его. Подумай, сегодня для самого императора и его свиты съ трудомъ достали хлѣба на восемнадцать съ половиной грошей. Не смѣшно ли! Ну, кушай же, отецъ,—закончила она.

— Отдѣлимъ по обычаю и Рыцарю.

— Ему полагается одна треть,—смѣясь сказала Герта:—моя сегодняшняя порція идетъ тебѣ, отецъ, такъ какъ я сыта.

Она отрѣзала отъ ломтя хлѣба, взяла нѣсколько картошекъ и положила въ уголь Рыцарю. Рыцарь понюхалъ и не торопясь началъ ѣсть, словно желая показать, что онъ былъ уже почти сытъ. Въ Рыцарѣ было прирожденное благородство.

Герта съ любовью смотрѣла на отца, и, когда онъ хотѣлъ отказаться отъ ея порціи, она настояла, чтобы онъ съѣлъ ее.

Порціи дѣйствительно были не велики, и Готлибъ съ удовольствіемъ съѣлъ вторую. Но если бы онъ зналъ, что у фрау Либнехтъ, истинной пруссачки, не допросится и снѣгу среди зимы, и что Герта только смотрѣла, какъ фрау Либнехтъ ѣла молочный супъ, то онъ предпочелъ бы отказаться и отъ своей порціи и тоже сумѣлъ бы сказать, что старый Гебель угостилъ его обѣдомъ, хотя старый Гебель мало чѣмъ отличался отъ фрау Либнехтъ, и сдалъ полкомнаты за работу Герты. Она работала за него цѣлые дни, кроя кожу и сшивая по указанію и подъ его руководствомъ туфли и башмаки, получая за это, помимо помѣщенія, десять грошей съ башмаковъ и пять грошей съ туфель, т. е., примѣрно, около тридцати копеекъ и пятнадцати.

И при этомъ еще считалъ себя благодѣтелемъ.

Герта переносила и работу, и голодъ и глубоко затаила въ себѣ свое горе и свои тревоги. Она не знала, убить или нѣтъ Новиковъ, или раненъ, или попалъ въ плѣнъ и заключенъ въ какую-нибудь крѣпость? Она ревниво берегла тайну своей любви, не признаваясь отцу, и, зная его нѣжную душу, не посвящала его въ свои тревоги. Но жизнь утратила для нея всякое значеніе. Дорогой цѣной обходилась ей ея кажущаяся веселость, старый Готлибъ не видѣлъ ея слезъ, не зналъ о ея бессонныхъ ночахъ и не слышалъ ея заглушенныхъ рыданій въ тишинѣ ночи... А на утро, улыбающаяся и ласковая, она снова сидѣла за работой... Только Рыцарь могъ бы рассказать, какъ иногда, обнявъ его шею, она шептала ему непонятныя слова и крупныя слезы падали на его шелковистую шерсть.

Своимъ спасеньемъ Герта была обязана мужественной защитѣ д'Обрейля. Наглый баварецъ не смѣлъ употребить насиліе противъ молодого гвардейца, сына сенатора. И не казнилъ ихъ своимъ судомъ, какъ хотѣлъ первоначально. Д'Обрейля, несмотря на вооруженное столкновеніе съ нимъ, онъ и не думалъ задержать. Это было слишкомъ страшно и за это онъ могъ поплатиться головой. Но все же и самъ д'Обрейль не могъ идти противъ категорическаго приказа императора и не могъ поэтому заставить баварца выпустить на свободу Герту. Ее и Ганса отправили въ числѣ другихъ въ Дрезденъ, но въ разное время. Д'Обрейль, вѣрный своему слову, вмѣсто того, чтобы ѣхать въ свой полкъ, повернулъ за Гертой на Дрезденъ со

своими стрѣлками, сумѣлъ подкупить конвойныхъ, помогъ Гертѣ бѣжать до ближайшей деревни, гдѣ нашелъ для нея женскій костюмъ, и, считая ее въ безопасности, уѣхалъ своей дорогой.

Конечно, надѣвъ женское платье, Герта была въ безопасности. Но, боясь идти по мѣстности, наводненной непріятельскими войсками и шайками грабителей, нѣмецкихъ дезертировъ, она вмѣсто Вундлау рѣшила идти по безопасному пути въ Лейпцигъ, гдѣ, при томъ, конечно, легче было найти работу. Вѣрный Рыцарь, выпедшій невредимымъ изъ сраженія, сопровождалъ ее. О Гансѣ она не имѣла никакихъ свѣдѣній. Въ Лейпцигѣ совершенно случайно она встрѣтила въ ратушѣ отца. Она пришла туда въ бюро по предоставленію мѣстъ искать занятій; за тѣмъ же пришелъ и Готлибъ. Надежды на родственниковъ и на уроки не оправдались. Готлибъ то здѣсь, то тамъ устраивался въ мелкихъ оркестрахъ, игралъ въ трактирахъ, на вечеринкахъ и свадьбахъ, былъ и уличнымъ музыкантомъ... А жизнь въ Лейпцигѣ была дорога.

Встрѣтивъ дочь, Готлибъ сразу ожилъ душой и почувствовалъ себя счастливымъ... И вотъ тутъ Герта сразу поклялась себѣ никогда ничѣмъ не смущать его покоя. Она обѣщала ему никогда не разставаться съ нимъ. Она не вернется больше на войну. Это не то, чего она ожидала...

Готлибъ ночевалъ по разнымъ мѣстамъ, и они отправились искать помѣщеніе. Случай натолкнулъ ихъ на Гебеля, который все подыскивалъ себѣ помощника, и дѣло сладилось.

XVI.

Почью не удалось спать. Весь городъ наполнился шумомъ и гуломъ. Черезъ всѣ заставы беспорядочной массой проходили обозы, артиллерія, везли раненыхъ, шла пѣхота, ѣхала кавалерія. Скоро всѣ улицы наполнились отступающими войсками. Поднялся настоящій хаосъ. Обозы загораживали дорогу войскамъ. На нѣкоторыхъ улицахъ и аллеяхъ образовались такія пробки, что не было возможности пройти даже одинокому пѣшеходу. Крики и ругань стояли въ воздухѣ. И вся эта масса беспорядочными шумными потоками съ разныхъ улицъ текла главнымъ образомъ къ единственному постоянному каменному мосту черезъ Эльстеръ—линденаускому. На мосту былъ сущій адъ. Никто никого не слушалъ. Солдаты не обращали никакого вниманія на приказанія офицеровъ.

Самъ императоръ долго блуждалъ по улицамъ, отыскивая свободный проходъ, и только съ величайшимъ трудомъ перебрался черезъ мостъ.

Его не узнавали!

А отступавшія войска все прибывали и прибывали, тѣсня переднія, не успѣвавшія переправляться. И едва загорѣлась заря,

загремѣли орудія и снаряды стали рваться на улицахъ города. Въ домахъ предметья было опасно оставаться. Всѣ высыпали на улицу, бросивъ на произволъ судьбы свое имущество, боясь быть заживо погребенными подъ развалинами своихъ домовъ.

Отступавшими войсками овладѣла паника. Обозы были брошены, загородивъ собою улицы. Брошены были и орудія. Кавалеристы пробивали себѣ дорогу среди своихъ... Въ отчаяннн и ужасѣ метались мирные жители, нигдѣ не находя прикрытiя. Обезумѣвшая лавина войскъ все давила на своемъ пути, а на берегъ рѣки все чаще и чаще падали непрiятельскiе снаряды.

У всѣхъ заставъ кипѣлъ отчаянный бой. Аррьергардъ французской армiи напрягалъ послѣднiя силы, чтобы дать возможность отступить остальнымъ. Въ первыя ворвались союзники въ ворота св. Петра. Охранявшiя ихъ баденскiя войска въ самый критическiй моментъ измѣнили Наполеону и перешли на сторону союзниковъ. Непрiятельская кавалерiя уже показалась на улицахъ Лейпцига, гдѣ закипѣлъ рукопашный бой. Казалось, цвѣтущiй и богатый городъ будетъ обращенъ въ развалины.

Старикъ Гебель выбѣжалъ, какъ безумный, на улицу и, не слушая Гардера, успокаивавшаго его, бросился прямо къ рѣкѣ. Очевидно, онъ надѣялся вмѣстѣ съ отступавшими французами перейти по временному понтонному мосту. Но какъ разъ въ эту минуту у моста разорвался снарядъ... Толпа отхлынула, давя другъ друга. Гебель былъ сбитъ съ ногъ, и въ адскомъ шумѣ его голосъ замеръ подъ копытами прокладывавшей себѣ путь кавалерiи.

Изъ всего своего имущества Готлибъ захватилъ только свою скрипку и съ Гертой и Рыцаремъ нашелъ себѣ убѣжище за каменной стѣной разрушеннаго дома. Тутъ уже была порядочная толпа преимущественно женщинъ и дѣтей. Дѣти громко плакали, женщины молились...

Послѣднее сопротивление аррьергарда было сломано. И на плечахъ французовъ союзники ворвались въ городъ, тѣсняя непрiятеля къ рѣкѣ. Отъ дождей рѣка вздулась, и темныя волны Эльстера зловѣще шумѣли подъ дыханьемъ холоднаго осенняго вѣтра.

Князь Понятовскiй, только что въ этотъ день сдѣланный маршаломъ, и герцогъ Тарентскiй руководили лично обороной, находясь на самыхъ опасныхъ мѣстахъ...

И вдругъ, покрывая грохотъ орудiй и крики и шумъ битвы, раздался чудовищный взрывъ... Это преждевременно былъ взорванъ минированный французами линденаускiй мостъ.

Туча камней, повозки, лошади, люди темной массой взлетѣли на воздухъ и тяжело упали въ волны.

Людьми овладѣло безумiе. И лошади, и люди, толкая другъ друга, бросались съ высокаго берега въ темныя и быстрыя волны Эльстера.

«истор. вѣстн.», ноябрь 1915 г., т. схлп.

3

Тѣснимые со всѣхъ сторонъ, Понятовскій и Макдональдъ старались удерживать обезумѣвшихъ людей, но все было бесполезно...

Надо было спасать себя. Уже неслись на нихъ съ дикимъ воемъ казаки.

И оба маршала, повернувъ коней, бросились съ крутого берега въ бурныя волны рѣки, покрытой обломками телѣгъ, утопавшими людьми и лошадьми.

Градъ пуль посыпался на нихъ съ берега. Волны относили ихъ внизъ по теченію. Измученныя лошади фыркали и храпѣли, тяжело держась на водѣ. Понятовскій почувствовалъ, что раненъ. Онъ высоко поднялъ шпагу и закричалъ:

— Vive l'empereur!

Вторая пуля ударила его около сердца. Онъ снова махнулъ шпагой и съ возгласомъ: «Vive la Pologne!» съ прощальнымъ привѣтомъ родинѣ, которую онъ такъ любилъ и за которую умиралъ, склонился на бокъ и упалъ въ темныя волны...

Шляпа и плащъ Макдональда были пробиты пулями, но онъ достигъ другого берега...

Оставшіеся на этомъ берегу бросали оружіе и сдавались тысячами...

Издали еще доносилась канонада, но въ городѣ уже водворялось спокойствіе. Страхи миновали. Не было ни разбоевъ, ни грабежей. Были только единичныя попытки со стороны прусскихъ и австрійскихъ солдатъ, но назначенный комендантомъ Сакенъ сразу подавилъ ихъ съ беспощадной жестокостью.

Русскіе конные дозоры съ офицерами объѣзжали городъ. По распоряженію Александра въ городъ спѣшно были направлены обозы и устроена раздача пищи бѣднѣйшимъ жителямъ.

Во главѣ десяти драгунъ Семенъ Гаврилычъ совершалъ объѣздъ. Уже наступалъ вечеръ. Онъ медленно подвигался среди неубранныхъ еще повозокъ въ Гальскомъ предмѣстьи. Наступалъ вечеръ. То здѣсь, то тамъ виднѣлись разрушенныя домики и догоравшія развалины. Толпы разоренныхъ погорѣльцевъ беспомощно бродили около своихъ разоренныхъ гнѣздъ. Проѣзжая мимо, Зарницынъ останавливалъ лошадь и указывалъ, въ какихъ мѣстахъ города происходила раздача пищи. Вдругъ откуда-то изъ толпы съ громкимъ радостнымъ лаемъ къ нему бросилась огромная собака. Ненстова лая, она прыгала около его лошади, словно стараясь допрыгнуть до всадника...

Что-то знакомое вспомнилось Зарницыну. Женскій голосъ, словно испуганный, позвалъ:

— Рыцарь! Рыцарь!

— Фрейлейнъ Герта!—крикнулъ громко Зарницынъ.

— Это я,—отвѣтилъ голосъ, и изъ толпы вышла дѣвушка.

Зарницынъ спрыгнулъ съ сѣдла.

— Вы?—въ изумленіи воскликнулъ онъ:—вы! Но какъ вы попали сюда? А меня вы узнали? А что вашъ отецъ?

Герта не успѣвала отвѣчать.

— Я васъ узнала, г. Зарницынъ,—отвѣтила она:—скажите: а ваши друзья здоровы?

Мучительная тревога отражалась на ея лицѣ.

— Здоровы, здоровы, и Новиковъ, и князь, и оба здѣсь... но, Боже мой, что съ вами?—воскликнулъ Зарницынъ, видя, что дѣвушка пошатнулась.

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего,—торопливо отвѣтила она, съ глазами, полными слезъ.—Я такъ счастлива... Пройдемте къ отцу.

Тутъ только Зарницынъ замѣтилъ, какъ блѣдна и похудѣла Герта и какъ убого одѣта... Его сердце сжалось. А когда онъ увидѣлъ стараго, ослабѣшаго Готлиба, сидящаго на обгорѣлыхъ бревнахъ и прижимающаго къ груди завѣтную скрипку, онъ чуть не заплакалъ.

«Но они же, навѣрное, голодны», съ ужасомъ думалъ онъ.

Рыцарь словно обезумѣлъ отъ радости, по очереди бросаясь ко всѣмъ тремъ. Казалось, онъ понималъ, что эта встрѣча принесла имъ счастье. Герта обняла его за шею и крѣпко поцѣловала въ голову...

Однако надо было что-нибудь предпринять. Отдавъ свою лошадь драгунамъ и приказавъ двоимъ слѣдовать за нимъ, онъ предложилъ Готлибу и Гертѣ отправиться вмѣстѣ искать ночлега. Готлибъ смущенно попробовалъ протестовать, но Зарницынъ рѣшительно заявилъ, что настало время отплатить за ихъ гостепріимство.

Въ эти дни передъ русскими офицерами гостепріимно открывались всѣ двери... Главнымъ образомъ потому, что напуганные бюргеры видѣли въ нихъ защиту отъ не въ мѣру требовательныхъ своихъ сородичей пруссаковъ и австрійцевъ, на правахъ побѣдителей даже не считавшихъ нужнымъ оплачивать гостепріимство...

Зарницынъ привелъ своихъ спутниковъ въ первую же хорошую гостиницу «Бѣлаго Коня». Хозяинъ сперва покосился на оборванныхъ постояльцевъ, но блестящая форма русскаго офицера и еще больше блестящее золото сдѣлали его гостепріимнѣйшимъ человекомъ въ мірѣ. Занявъ цѣлыхъ три комнаты и заказавъ лучшій ужинъ, Семень Гавриловичъ тотчасъ послалъ одного изъ драгунъ въ полкъ немедленно призвать сюда ротмистра Новикова.

Пока Герта приводила себя въ порядокъ, Готлибъ коротко рассказалъ Зарницыну свои мытарства и что зналъ о Гертѣ.

— Фрейлейнъ Герта, да вы герой!—воскликнулъ Зарницынъ, встрѣчая Герту.

Герта вся сіяла отъ счастья. Слуги быстро накрыли столъ, затопили каминъ, ярко освѣтили комнату. Придвинувъ къ камину

кресло, старый Готлибъ смотрѣлъ на разгорающійся огонь и тихо плакалъ...

Зарницынъ взялъ на себя роль хозяина. Онъ налилъ вина и угощалъ и Готлиба, и Герту. Но Герта отказалась, сказавъ, вся покраснѣвшая:

— Я подожду г. Новикова.

— Понимаю!—воскликнулъ весело Зарницынъ:—и выпью одинъ за васъ, за него, за вашего отца...

— И за себя,—смѣясь добавила Герта.

— И за Рыцаря!—закончилъ Семень Гавриловичъ, осушая стаканъ вина.

Время шло въ оживленной бесѣдѣ. Но вотъ въ коридорѣ послышался звонъ шпоръ и торопливые шаги. Герта вся замерла, остановясь на полусловѣ.

На порогѣ показался Данила Ивановичъ.

— Герта!—задыхаясь, произнесъ онъ, протягивая ей руки.

Она протянула ему дрожащую руку, сдѣлала шагъ и въ то же мгновеніе очутилась въ его объятіяхъ.

«Вотъ оно что!» подумалъ Зарницынъ.

— Мы никогда не разстанемся больше,—прошептала Новиковъ.

Гардеръ смотрѣлъ, раскрывъ ротъ, ничего не понимая.

Радостный Новиковъ подошелъ къ нему.

— Мы все объяснимъ вамъ, а теперь обнимите меня, г. Гардеръ.

— А меня забыли! А меня забыли!—словно хотѣлъ сказать своимъ лаемъ Рыцарь, пытаясь лизнуть Данилу Ивановича въ лицо.

— Здравствуй, здравствуй, вѣрный другъ,—сказалъ Новиковъ, лаская его.

— Ну, какъ же не выпить теперь, фрейлейнъ Герта,—воскликнулъ Зарницынъ:—или вы и теперь откажетесь?

Герта сіяющими глазами взглянула на Данилу Ивановича.

XVII.

Тѣ же самые короли, герцоги и принцы: баварскіе, вюртембергскіе, баденскіе, дармштадтскіе и пр., и пр., и пр., которые недавно съ такимъ подобострастіемъ окружали Наполеона въ Дрезденѣ, увѣряя его въ вѣрности его дѣлу, теперь шумной и жадной толпой перекочевали во Франкфуртъ, гдѣ пребывалъ послѣ Лейпцигскаго сраженія императоръ Александръ. И такъ же, какъ у Наполеона, наполняли собою пріемныя у Александра, и съ тѣмъ же подобострастіемъ увѣряли въ своей преданности. И такъ же, какъ въ Дрезденѣ, они привезли съ собою своихъ министровъ, уполномоченныхъ, генераловъ, камергеровъ и шталмейстеровъ своихъ кукольныхъ дворовъ, а тѣ привезли съ собой секретарей и адъютантовъ. И такъ же, какъ въ Дрезденѣ, украшенные перьями, въ золотыхъ и серебря-

ныхъ мундирахъ, они взадь и впередъ носились въ бесполезной суетѣ по улицамъ, привлекая вниманіе зѣвакъ.

Саксонскій король пострадалъ за свою вѣрность своему другу и благодѣтелю. Онъ изъ Лейпцига отправленъ въ Берлинъ, и дальнѣйшая судьба его зависитъ отъ великодушія союзниковъ.

Всѣ собирались дѣлить германское наслѣдство Наполеона.

Разгромъ Наполеона былъ полный. Едва 70.000 человекъ, больныхъ, деморализованныхъ, раненыхъ, перетащились черезъ Рейнъ у Майнца, и то только благодаря послѣдней побѣдѣ императора, разгромившаго при Ганау преградившую ему путь отступленія австро-баварскую армію.

Германія была свободна. Но никто не зналъ, что будетъ дальше. Меттернихъ настаивалъ на мирѣ, прусскій король, боясь лишиться неожиданно полученной имъ, благодаря Александру, львиной доли добычи, всѣми мѣрами поддерживалъ его. Великобританскій представитель лордъ Кэслъри ничего не имѣлъ противъ. Условія предлагаемаго мира были немногимъ тяжелѣе пражскаго ультиматума. Не поддерживая этихъ предположеній, но и не отвергая ихъ рѣзко, Александръ далъ согласіе на прекращеніе военныхъ дѣйствій и на неофициальное сношеніе съ Наполеономъ. Въ то же время Александръ отдавалъ распоряженія, которыя ясно говорили о его увѣренности въ продолженіи войны. Это очень удивляло дипломатовъ. Но Александръ былъ дальновиднѣе ихъ. Онъ хорошо понималъ Наполеона и зналъ, что для Наполеона—удовлетвориться значеніемъ въ Европѣ французскаго короля, хотя бы и съ императорскимъ титуломъ, равносильно потерѣ всякаго обаянія среди французовъ и плодовъ всѣхъ его побѣдъ.

Впослѣдствіи Наполеонъ ясно опредѣлилъ роль Александра, сказавъ: «Александръ никогда не согласился бы на эти условія, если бы не былъ увѣренъ заранѣе, что ничто въ мирѣ не заставитъ меня принять ихъ добровольно».

Но пока всѣ находились въ ожиданіи мира. Князь Шварценбергъ приходилъ въ ужасъ при одной мысли вести войну съ Наполеономъ на его собственной территоріи. Одинъ Блюхеръ, теперь любимый гость императора, приходившій въ бѣшенство отъ одного имени Наполеона, какъ быкъ отъ краснаго платка, громко требовалъ похода во Францію. Онъ мечталъ опустошить Францію, взорвать въ Парижѣ Іенскій мостъ, напомилавшій ему его блистательный подвигъ подъ Любекомъ, повалить Вандомскую колонну и самый Парижъ обратить въ развалины! Не раздѣляя его каннибальскихъ вкусовъ, Александръ раздѣлялъ его ненависть къ Наполеону...

Такъ шли дѣла, а пока Франкфуртъ веселился, словно насталъ карнавалъ. Театры, концерты, балы, маскарады, парады,—смѣнялись непрерывной лентой.

Во Франкфуртъ пріѣхала и Екатерина Павловна, и Марія Павловна, на этотъ разъ со своимъ супругомъ, герцогомъ Саксенъ-Веймарскимъ.

Дегранжъ хотя попрежнему бывалъ въ салонахъ своихъ аристократическихъ друзей, но чувствовалъ себя очень плохо. Замѣтное недовольство княгиней Бахтѣевой отразилось и на немъ. Какъ-то незамѣтно его перестали приглашать на интимныя бесѣды. Онъ оставался совершенно въ тѣни. Его зарождающееся вліяніе «во славу Бога» быстро испарялось.

Кромѣ того, восторженное и ясное настроеніе государя и непобѣдимая увѣренность въ почившемъ на немъ благословеніи Божьемъ смѣнили прежній мистицизмъ.

Пражскіе лазареты пустѣли. Выздоровѣвшіе вернулись въ свои полки. Оставшихся раненыхъ и больныхъ было отдано распоряженіе вывезти въ герцогство Варшавское. Ирина непременно хотѣла ѣхать во Франкфуртъ, и ихъ ждали со дня на день. Уже появился Евстафій Павловичъ въ качествѣ квартирера.

Пятый драгунскій уже давно стоялъ во Франкфуртъ. Онъ вступалъ въ него первымъ въ составѣ гвардейской кавалеріи и кирасиръ.

Князь Шварценбергъ и Меттернихъ непременно хотѣли, чтобы въ качествѣ вождя и побѣдителя первымъ вступилъ торжественно во Франкфуртъ императоръ Францъ, во главѣ своихъ войскъ. Но Александръ разгадалъ тайну ихъ «политическаго» маршрута и велѣлъ и своей и прусской гвардейской кавалеріи слѣпить во Франкфуртъ. Дѣлая по пятидесяти верстъ въ сутки, она опередила войска Франца. И Александръ торжественно вступилъ въ городъ наканунѣ австрійскаго императора, котораго онъ и встрѣтилъ на другой день, но уже какъ своего гостя.

Добрый союзникъ страшно негодовалъ въ душѣ на такое «коварство» русскаго императора и чувствовалъ себя обиженнымъ.

Вслѣдъ за ними пріѣхали и Готлибъ съ дочерью.

Новиковъ успѣлъ снятъ на окраинѣ города цѣлый домикъ, и всѣ поселились вмѣстѣ, опять какъ въ счастливыя времена въ Бунцлау. Внизу жилъ Гардеръ съ Гертой, а наверху три друга.

Счастье Герты омрачилось только боязнью предстоящаго похода. Легономъ во время этого бездѣйствія вновь овладѣла безконечная тоска.

Въ городѣ уже начался съѣздъ, и онъ съ ужасомъ ожидалъ минуты неизбѣжной встрѣчи съ Ириной и иногда думалъ, что было бы легче, если бы онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ убитъ. Насколько

могъ, онъ старался не омрачать общаго настроенія и часто пропадалъ изъ дому по цѣлымъ днямъ. Но едва ли не самымъ счастливымъ человѣкомъ былъ Гердеръ. Послѣ трудной, тяжелой жизни онъ нашелъ наконецъ покой, а, что главное,—судьба Герты была устроена. Онъ могъ умереть спокойно. И часто поздно вечеромъ, когда уже наступала тишина, онъ бралъ свою скрипку и переливалъ свою переполненную душу въ звуки... И тогда его скрипка, казалось, пѣла молитвы...

Зарницынъ побывалъ по дѣламъ въ штабѣ и случайно повстрѣчалъ тамъ князя Андрея Петровича Пронскаго. Князь почти со-всѣмъ поправился и съ женою уже съ недѣлю жилъ здѣсь. Онъ былъ необыкновенно изумленъ извѣстiемъ, что Левонъ живъ. Спросилъ адресъ и непременно хотѣлъ навѣстить его, а также усиленно звалъ къ себѣ, говоря, что это очень обрадуетъ его жену, которая такъ любитъ и цѣнитъ всѣхъ Бахтѣевыхъ.

Хотя Левонъ далъ себѣ слово до послѣдней возможности избѣгать своихъ свѣтскихъ знакомыхъ, однако послѣ этихъ словъ его неудержимо потянуло въ этотъ кругъ. Его сердце забило знакомую тревогу и, какъ онъ ни боролся съ собою, желанье что-то узнать пересилило, и онъ въ тотъ же день поѣхалъ къ Пронскимъ.

Княгиня Александра встрѣтила его, дѣйствительно, съ неподдѣльной радостью.

— Я никогда не хотѣла вѣрить, что васъ нѣтъ въ живыхъ,—говорила она:—это была бы такая несправедливость судьбы!

И, не ожидая разспросовъ, она обстоятельно рассказала Левону все, что знала. И о впечатлѣнiи, произведенномъ извѣстiемъ объ его смерти, и о лазаретахъ Ирины, и о ней самой.

— Ваша прекрасная тетушка неузнаваема,—говорила она:—ее нигдѣ, кромѣ лазаретовъ, не видно. Никуда не ѣздить, никого не принимаетъ, даже нашего дорогого аббата. Даже больше,—пониженнымъ голосомъ продолжала княгиня:—я знаю отъ аббата, что она не поѣхала на приглашенiе великой княгини, чѣмъ тамъ были очень недовольны... Ваша тетушка словно рѣшила порвать со свѣтомъ и дворомъ... Но мы съ ней очень дружны... Вы знаете, вѣдь мой мужъ долго лежалъ послѣ Кульма въ ея лазаретѣ... Ихъ ждуть не сегодня—завтра.

И княгиня продолжала оживленно говорить, перескакивая съ предмета на предметъ.

Изъ всѣхъ ея рассказовъ Левона поразила и взволновала только одна фраза: «она рѣшила порвать со свѣтомъ и дворомъ»...

Ихъ tête-à-tête прервалъ приходъ Евстафiя Павловича. Онъ вошелъ съ веселой любезной улыбкой, но, увидя Левона, вдругъ остановился съ раскрытымъ ртомъ и широко раскрытыми глазами. Онъ даже поблѣднѣлъ.

Княгиня не выдержала и звонко расхохоталась.

— Выходецъ! Выходецъ!—закричала она.

— Левонъ!.. Князь!.. Левъ Кирилловичъ!—едва приходя въ себя, забормоталъ старикъ.

— И то, и другое, и третье,—весело отозвался Левонъ, подходя и обнимая Буйносова.

На глазахъ Евстафiя Павловича показались слезы...

— Милый, голубчикъ,—дѣйствительно растроганный, произнесъ онъ:—какъ же такъ! Бѣдный Никита Арсеньевичъ постарѣлъ изъ-за этого на двадцать лѣтъ... Ирина какъ тѣнь бродить. Какое счастье! Вѣдь они только сегодня прiѣхали...

Мало-по-малу Евстафiй Павловичъ успокоился.

— Я, вѣдь, къ вамъ только за этимъ и ѣхалъ, чтобы сказать, что наши прiѣхали,—сказалъ онъ, обращаясь къ княгинѣ:—а теперь ужъ простите, и самъ уйду и его уведу. Радость-то какая!..

— Ну, что жъ, ужъ Богъ съ вами на сегодня,—улыбаясь отвѣтила княгиня:—идите, только насъ не забывайте,—добавила она.

XVIII.

Все это произошло такъ быстро, такъ неожиданно, что Левонъ не могъ собрать своихъ мыслей. И радость, и ревность, и любовь,—все спуталось въ его душѣ... Онъ не могъ представить себѣ предстоящаго свиданiя и не могъ подготовиться къ нему... Пока лакеи снимали съ него шинель, Евстафiй Павловичъ, сбросивъ шубу, стремительно взбѣжалъ наверхъ. Онъ чуть не сбилъ стоявшихъ въ дверяхъ лакеевъ и ворвался въ столовую. Бахтѣвы и Гриша сидѣли за кофе.

Запахавшiйся Евстафiй Павловичъ остановился на порогѣ и крикнулъ:

— Левонъ живъ!

Разорвавшаяся бомба не произвела бы такого впечатлѣнiя. Гриша вскочилъ, уронивъ стулъ.

— Живъ? Гдѣ?—закричалъ онъ, подбѣгая къ Буйносову.

Ирина откинулась на спинку стула и словно окаменѣла, неподвижно глядя на отца.

Князь оттолкнулъ чашку, опрокинулъ ее и всталъ.

Но прежде, чѣмъ Евстафiй Павловичъ успѣлъ отвѣтить, за нимъ показалось блѣдное лицо Левона.

Лакеи обратились въ статуи. Первый опомнился Гриша и съ радостнымъ крикомъ бросился обнимать Левона. Левонъ едва освободился изъ его объятiй.

— Воскресъ! Воскресъ!—говорилъ онъ.

Никита Арсеньевичъ, обнимая его дрожащими руками, только и могъ прошептать:

— Левонь! Левонь!!

Княгиня встала, облокотилась на столъ и не замѣчала, какъ по ея лицу катились слезы. Ея первымъ движеніемъ было обнять Левона. Это было бы такъ естественно и просто, но она вдругъ ослабѣла и осталась на мѣстѣ. Никогда еще мучительная любовь Левона не достигала такого напряженія, какъ сейчасъ, когда онъ видѣлъ ее такой слабой, безпомощной и прекрасной. Онъ сдѣлалъ шагъ... и вдругъ въ его душѣ со страшной ясностью представился садъ, ночь, высокая фигура въ плащѣ... Онъ весь застылъ и, холодно поклонившись, едва прикоснулся губами къ протянутой рукѣ...

Разспросы посыпались на него, онъ едва успѣвалъ отвѣчать. Вѣсть о его возвращеніи уже обѣжала весь домъ. То и дѣло у дверей осторожно показывались любопытныя головы.

— Войдите, кто хочеть,—весело крикнулъ Никита Арсеньевичъ:—посмотрите на него.

Въ комнату сейчасъ же ввалилась цѣлая толпа.

Впереди были Егоръ и Дарья. Старый князь оставилъ Егора при себѣ, и Егоръ какъ-то особенно сдружился съ Дарьей.

Быть можетъ, это происходило оттого, что Дарья была особенно близка къ княгинѣ, о многомъ смутно догадывались и нерѣдко, помогая раздѣваться, передавала ей рассказы Егора о молодомъ князѣ.

Она замѣтила, что княгиня всегда внимательно ее слушала. Егоръ, со своей стороны, любилъ разспрашивать о княгинѣ, точно тоже что-то чуя.

Левонъ всталъ и, когда Егоръ хотѣлъ упасть передъ нимъ на колѣни, обнялъ его, поцѣловалъ и тихо сказалъ:

— Егоръ—ты теперь вольный человѣкъ и вся семья твоя вольная, и твоя будущая жена и ея семья.

— Ваше сіятельство, не надо,—плача и крестясь, сказалъ Егоръ, дѣлая попытку снова опуститься на колѣни.

Левонъ не допустилъ его до этого.

Онъ сердечно поблагодарилъ остальныхъ.

— А теперь,—приказалъ Никита Арсеньевичъ:—шампанскаго, да побольше!

Гриша все еще не совсѣмъ оправился. Онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ Бахтѣевыми и теперь жилъ у нихъ, рассчитывая съ завтрашняго дня начать поиски своего полка.

Бахтѣевъ коротко рассказалъ о себѣ и подробно о Гертѣ и Данилѣ Ивановичѣ, исторію которыхъ онъ узналъ во всѣхъ подробностяхъ.

— Такъ вотъ, бѣдняга, почему онъ былъ такимъ. Я такъ и подозрѣвалъ, что тутъ не одна рана,—замѣтилъ старый князь; непременно, Левонъ, познакомъ насъ съ его невѣстой. Трудно по-

вѣрить, что она нѣмка. А можетъ быть?.. — и онъ лукаво подмигнулъ.

Ирина казалась очень утомленной и, извинившись, ушла.

— Княгиня очень переѣбилась,—сказалъ Левонъ.

— Да,—отвѣтилъ Никита Арсеньевичъ:—она очень утомилась со своимъ лазаретомъ. Кромѣ того, эти ужасы, видимо, произвели на нее такое потрясающее впечатлѣнiе, что она отказалась отъ всякихъ развлеченiй, отказалась отъ свѣтскихъ знакомствъ и даже отъ двора. Война кажется ей безсмысленной и ужасной. Фонды отца Дегранжа, проповѣдывающаго, въ угоду нѣкоторымъ, какую-то священную войну, упали очень низко. Этотъ аббатъ улавливающiй въ сѣти католицизма нашихъ дамъ, и не безъ успѣха, цѣлить очень высоко *ad maiorem Dei gloriam!*.. Я очень радъ, что, повидимому, Ирина ускользнула изъ его сѣтей. Это и еще нѣчто, въ связи съ этимъ, меня очень тревожило...

Старый князь нахмурился.

— Потомъ, если ты считаешь свою тетку (по крайней мѣрѣ, могъ считать) безучастной къ себѣ,—то могу сказать, что вѣсть о твоей смерти вызвала у нея настоящее отчаянiе.

Левонъ слушалъ, опустивъ голову... «Отчаянiе могло произойти и отъ раскаянiя,—думалъ онъ:—все же она не могла забыть Петербурга...» И ему неотступно грезился садъ... ночь и фигура мужчины...

Левонъ, замѣтя, что Арсенiй Кирилловичъ усталъ, попрощался...

— Я поѣду съ вами,—сказалъ Гриша:—пока вы одѣваетесь, я буду готовъ.

И онъ побѣждалъ къ себѣ одѣться и распорядиться насчетъ лошадей.

Когда Левонъ проходилъ по полутемной гостиной, онъ увидѣлъ у окна Ирину. Были уже сумерки, и ея лицо казалось еще блѣднѣе.

Она сдѣлала шагъ къ нему.

— Князь,—начала она:—я хотѣла спросить васъ, что значитъ ваше поведенiе?..

Она хотѣла говорить рѣшительно, но голосъ ея дрожалъ.

Случилось то, чего и ждалъ Левонъ. Всѣ прежнiя мученiя съ новой силой воскресли въ его душѣ, и чѣмъ желаннѣе она казалась ему сейчасъ, тѣмъ больше ожесточалось его сердце. Мгновенно онъ вспомнилъ Петербургъ, недолгiе дни кажущагося счастья, свои мечты наканунѣ боя, незаслуженно холодную встрѣчу въ Карлсбадѣ, пренебреженiе къ себѣ въ Прагѣ и ночь... ужасную ночь... когда загорѣлись сигнальные огни на вершинахъ Богемскихъ горъ, словно указывая ему путь смерти... И ни жалости, ни состраданiя не осталось въ его душѣ...

— Какое вамъ дѣло до меня,—тихимъ, злымъ шопотомъ сказалъ онъ:—миѣ, можетъ быть, было лучше умереть...

Она стояла такъ тихо, что онъ слышалъ даже ея дыханіе.

— Это не я,—продолжалъ онъ прерывающимся голосомъ,—крался ночью въ Прагъ изъ вашего сада.

Она тихо вскрикнула, но осталась стоять на мѣстѣ.

Онъ едва слышно разсмѣялся злораднымъ смѣхомъ.

— Не беспокойтесь,—продолжалъ онъ:—ваша тайна въ вѣрныхъ рукахъ... Но, клянусь вамъ, я жалѣю, что живъ! И ради своего сердца и ради чести Бахтѣевыхъ я бы предпочелъ видѣть васъ мертвой, чѣмъ...

Онъ рѣзко повернулся и выбѣжалъ изъ гостиной...

Левонъ не поѣхалъ къ дядѣ ни на другой, ни на третій день. Зато тамъ побывали и Зарницынъ и Новиковъ. Левонъ ихъ ни о чемъ не спрашивалъ, и они ничего не говорили. Только Новиковъ съ тревогой посматривалъ на него. Гриша вернулся въ полкъ, но остался жить у Бахтѣевыхъ. Старый князь ни за что не хотѣлъ разстаться съ нимъ. Не хотѣла и Ирина. Къ нему всѣ привыкли и всѣ полюбили его. Всѣ его звали Гришей, а прислуга «нашимъ офицеромъ»

Новиковъ и Бахтѣевъ почти все время сидѣли дома, не считая прогулокъ по городу да заѣздовъ въ свой полкъ. Зато Гриша и Зарницынъ пропадали съ утра до ночи. Зарницынъ и Гриша оба чувствовали себя счастливыми. Вышли награды, и оба они получили георгиевскіе кресты. Это были награды за Дрезденъ и Кульмъ. За Лейпцигъ еще не всѣ были извѣстны награды, за исключеніемъ высшихъ. Всеобщее возмущеніе вызвало награжденіе Блюхера и князя Шварценберга орденомъ Георгія перваго класса. Всѣмъ было памятно, какъ неохотно этотъ высшій орденъ былъ пожалованъ покойному Кутузову. Барклай-де-Толли получилъ графскій титулъ, а спасшій сраженіе при Лейпцигѣ Раевскій былъ лишь произведенъ въ полные генералы. Но, не задумываясь о другихъ, Гриша и Семенъ Гавриловичъ ликовали. Утромъ они обыкновенно ѣздили по визитамъ, а вечера и ночи проводили въ театрахъ, на балахъ или маскарадахъ.

Каждый вечеръ Франкфуртъ былъ иллюминированъ. На торжественныхъ спектакляхъ весь партеръ бывалъ занятъ королями, эрцгерцогами, герцогами, принцами и проч. Гриша никогда не видѣлъ ничего подобнаго и подробно описывалъ свои впечатлѣнія въ длинныхъ письмахъ домой.

Слухи смѣнялись слухами. Кто говорилъ о близкомъ походѣ, кто о заключеніи мира. Изъ русскихъ даже самые воинственные

находили, что «народы уже освобождены», о чемъ говорилось въ многочисленнымъ воззваніяхъ, а идти дальше уже значило освобождать Францію отъ ея императора, въ чемъ, повидимому, она не нуждалась.

XIX.

Левонъ получилъ короткую записку отъ княгини:

«Мнѣ надо говорить съ вами. Я жду васъ сегодня въ девять часовъ вечера».

Цѣлый день, получивъ эту записку, Левонъ бродилъ по городу. То онъ рѣшалъ идти, то сегодня же уѣхать куда-нибудь, написавъ короткій и насмѣшливый отказъ. Видъ города раздражалъ его. Повсюду онъ встрѣчалъ нѣмецкихъ офицеровъ. Если еще въ Дрезденѣ они поражали своей развязностью, — то теперь послѣ Лейпцига они совершенно разнуздались. Левонъ зашелъ въ ресторанъ, но ушелъ, не кончивъ обѣда. До такой степени ему были противны эти непрерывные крики «hoch!» и хвастливые рассказы о побѣдахъ.

Время приближалось къ девяти часамъ, и всякія колебанія оставили его. Онъ рѣшительно направился къ дому Бахтѣевыхъ.

На его вопросъ швейцаръ сообщилъ ему, что князь и Евстафій Павловичъ куда-то уѣхали «въ парадѣ» и дома одна княгиня.

Онъ нашелъ ее въ маленькой гостиной, освѣщенной голубымъ фонаремъ. Этотъ свѣтъ дѣлалъ ее лицо блѣднымъ до прозрачности. Она холодно встрѣтила Левона и, не протягивая руки, начала:

— Благодарю васъ, что вы пришли, князь.

Левонъ поклонился. Ея тонъ напомнилъ ему первое время ихъ знакомства.

— Я пригласила васъ не ради себя, а ради мужа, котораго я безгранично уважаю, — продолжала она.

Левонъ весь похолодѣлъ. Она поняла ее по-своему. Тяжело опустившись на мягкій пуффъ, онъ отвѣтилъ упавшимъ голосомъ:

— Жестоко говорить это. Я уже сказала, что ваша тайна въ вѣрныхъ рукахъ, и пока я живъ...

— Но вы не поняли меня, — усмѣхаясь, прервала его Ирина: — вы удивили меня въ первую встрѣчу своимъ поведеніемъ. Я, кажется, имѣла право спросить у васъ объясненія, въ которомъ вы не посмѣли бы отказать любому мужчине!..

Ея голосъ зазвенѣлъ. Левонъ вспыхнулъ, но промолчалъ.

— Но, — продолжала она, — я, вѣдь, только женщина. У меня только защитникъ вашъ дядя и мой отецъ. И потому вы отвѣтили мнѣ грубымъ оскорбленіемъ...

Левонъ вскочилъ.

— Княгиня!..

— Я прошу васъ выслушать,—надменно сказала Ирина, тоже вставая:—я бы сочла для себя униженіемъ объясняться и говорить съ вами, но вы затронули честь моего мужа, и я не хочу, чтобы онъ самъ защищалъ ее. Если бы онъ не былъ вашимъ дядей и старикомъ—вмѣсто меня говорилъ бы онъ. Честь Бахтѣевыхъ стояла высоко, и если кто унижилъ ее,—то это послѣдній изъ Бахтѣевыхъ!

— Какое право имѣете вы такъ говорить со мной?—пересохшими губами спросилъ Левонъ.

— Право моей чести, какъ женщины,—отвѣтила Ирина:—это право священнѣе правъ родовой чести, о которой говорили вы. Хотя изъ рода Буйносовыхъ были и царицы!

Говоря это, Ирина сама была похожа на царицу со своими горящими глазами и поднятой головой.

— Честь вашего дяди надежнѣе въ рукахъ его жены, чѣмъ въ рукахъ его племянника,—дрожащимъ отъ обиды и гнѣва голосомъ сказала она:—я не буду давать вамъ никакихъ объясненій! Вотъ прочтите это письмо и уходите.

Она взяла со столика рядомъ съ ней письмо и протянула его Левону. Это было письмо великой княгини Екатерины Павловны.

— Берите же,—рѣзко повторила она, видя, что Левонъ стоитъ неподвижно, упорно глядя на нее какимъ-то страннымъ взглядомъ.

— Мнѣ не надо этого письма,—словно съ трудомъ произнесъ онъ:—мнѣ довольно того, что я слышалъ.

— О,—насмѣшливо сказала она:—у меня нѣтъ желанія вторично объясняться съ вами, а это, конечно, потребуется, если вы не прочтете письма. Прочтите же!

Левонъ взялъ письмо и подошелъ ближе къ свѣту. Ирина пристально, но безучастно смотрѣла на него.

Онъ долго читалъ и перечитывалъ это письмо. Наконецъ опустилъ руку съ письмомъ и взглянулъ на Ирину непередаваемымъ взглядомъ нѣжности и отчаянія.

— Теперь дайте это письмо и уходите,—тихо сказала она.

Онъ машинально отдалъ письмо. Ирина спрятала его на груди.

— Простите,—услышала она его шопотъ.

— Мнѣ не надо этого,—отвѣтила она, поворачиваясь.

Левонъ смотрѣлъ ей вслѣдъ, не смѣя и не зная, что сказать. Она медленно подошла къ дверямъ, покачнулась, схватилась рукой за косякъ, прикрытый портьерой, и, прижавшись къ нему головой, тяжело зарыдала.

Левонъ подбѣжалъ къ ней и хотѣлъ поддержать.

— Оставьте, оставьте меня, уйдите,—твердила она, рыдая.

Но онъ уже овладѣлъ ея руками и, покрывая ихъ поцѣлуями, безсвязно говорилъ:

— Вы не уйдете такъ... Вы должны простить... Какъ я страдалъ... Я хотѣлъ умереть... Я искалъ смерти... Простите, простите...

Онъ почувствовалъ, что Ирина слабѣтъ. Бережно поддерживая ее, онъ довелъ ее до кресла.

Она нѣсколько успокоилась и сидѣла, закрывъ лицо руками. А Левонъ все говорилъ. Онъ низко наклонился къ ней. Онъ говорилъ ей о своихъ безумныхъ мечтахъ о ней, о не отправленномъ письмѣ, о ревности въ Карлсбадѣ и Прагѣ, о страшной ночи, о желаніи умереть, объ отчаянной атакѣ на французскую батарею, гдѣ онъ надѣялся найти смерть. Онъ говорилъ о томъ успокоеніи и чистой любви, которыя снизошли въ его душу во время болѣзни, и какъ, при видѣ ея, воскресли старыя страданія и проснулась мучительная ревность.

Ирина опустила руки и слушала его съ полузакрытыми глазами, съ счастливой улыбкой на губахъ...

— Если бы я знала это!—едва слышно проговорила она:—а гдѣ же не отправленное письмо?—вдругъ спросила она, поднявъ на него сіяющіе глаза.

Левонъ вынулъ изъ кармана бумажникъ, въ которомъ всегда носилъ письмо.

— Вотъ, мнѣ было жаль уничтожить его,—сказалъ онъ и съ улыбкой добавилъ:—оно уже имѣло своихъ читателей. Когда я былъ раненъ, французы разсмотрѣли мой бумажникъ.

Ирина взяла письмо и медленно развернула. Ея губы что-то шептали...

— А теперь,—совсѣмъ тихо спросила она, прочитавъ письмо:—вы не боялись бы умереть?..

— Теперь тоже боялся бы,—отвѣтилъ онъ:—вѣдь я люблю...

Онъ прижался губами къ ея рукѣ и опустился на колѣни у ея кресла.

— Я хотѣла умереть, когда узнала, что вы, нѣтъ ты,—въ невольномъ порывѣ сказала она, прижимаясь къ нему:—что ты убить. Эти часы страданій измѣнили мою душу. Смертельно пораженная, я словно прозрѣла и стала ближе къ Богу. И вдругъ я поняла, что Его надо искать не въ таинственныхъ видѣніяхъ чудесъ, не въ загадочныхъ и темныхъ догматахъ, о которыхъ говоритъ аббатъ, а здѣсь же, среди людей, совсѣмъ близко. А когда я увидѣла сотни страдающихъ и подумала о томъ, что за каждымъ изъ нихъ свой міръ страданія, я нашла въ себѣ силы жить.

Левонъ прижался головой къ ея груди и слышалъ, какъ бьется ея сердце, и все цѣловалъ ея руку.

— И я нашла свой путь,—говорила Ирина. Она выпрямилась и ласково отстранила Левона.—И этотъ путь,—закончила она,—единный вѣрный путь для всѣхъ. Путь жертвы. И надо идти этимъ путемъ.

Она снова судорожно, крѣпко обняла голову Левона и прижала ее къ груди. Потомъ оттолкнула и встала.

Онъ медленно поднялся съ колѣнъ и глядѣлъ на нее безумными глазами.

— Но я люблю, люблю тебя,—сказалъ онъ, протягивая руки.

— А я развѣ не люблю тебя?—отвѣтила она:—мы не расстаемся,—нѣжно продолжала она:—ты всегда будешь чувствовать мою любовь. Я буду издали слѣдить за тобой, думать о тебѣ, беречь тебя въ моихъ молитвахъ. Я пойду за тобой. Если загорится снова война, я, какъ прежде, буду идти за тобой, за нашими полками, и ты будешь знать, что я тутъ... А если, если ты будешь убитъ... я буду жить, пока хватитъ силы... На долго ли, не знаю...

И она протянула впередъ свои блѣдныя, похудѣвшія руки. Онъ крѣпко обнялъ ее, но она вырвалась изъ его объятій.

— Нѣтъ! Никогда, Левонъ!..

Онъ сжалъ голову обѣими руками и съ горечью сказалъ:

— Да, честь князя Бахтѣева надежна въ рукахъ его жены, чѣмъ въ рукахъ его племянника.

Но, замѣтивъ страдальческое выраженіе ея лица, торопливо добавилъ:

— Прости, прости! Это не упрекъ.

Онъ опустился на стулъ. Ирина подошла къ нему и взяла его за руку.

— Ты не долженъ страдать,—съ невыразимой нѣжностью произнесла она и, поднявъ его руку, на одинъ мигъ прижала ее къ губамъ.

— Ирина!—воскликнулъ онъ, вскакивая:—ты мое солнце! Клянусь! Я буду для тебя всею, чѣмъ ты хочешь, и ты не увидишь никогда моихъ страданій!..

Она засмѣялась счастливымъ смѣхомъ, взяла его подъ руку и, крѣпко прижавшись къ нему, сказала:

— Женщина счастливае мужчины. Одно прикосновеніе, одинъ взглядъ могутъ ее уже сдѣлать счастливой. Теперь пойдемъ. Я хочу въ моемъ домѣ одна угощать дорогого гостя. Мы будемъ сидѣть вдвоемъ за столомъ, какъ мужъ и жена.

Она тихо и радостно смѣялась.

Сидя за столомъ, они шутили и смѣялись, какъ дѣти, не думая о будущемъ, счастливые настоящимъ.

Нижита Арсеньевичъ и Евстафій Павловичъ отправились сегодня на балъ, который давалъ Меттернихъ отъ имени императора Франца всею съѣхавшимся принцамъ, но она отказалась ѣхать, хотя къ нимъ заѣзжалъ самъ Меттернихъ.

Ирина смѣясь рассказывала объ ухаживаніяхъ Меттерниха.

— Онъ, кажется, ухаживалъ потому,—замѣтила она:—что думалъ то же, что и ты.

— Это, кажется, думали все,—немного нахмурясь, сказалъ Левонъ.

Ирина вдругъ стала задумчива.

— Что съ тобой?—тревожно спросилъ Левонъ.

— Я вспомнила Пронскаго,—отвѣтила Ирина:—онъ, навѣрное, думаетъ то же. Его жена жаловалась, что онъ отпросился въ армію и тѣмъ испортилъ себѣ карьеру.

— Ты что-то очень жалѣешь его,—качая головой, сказалъ Левонъ:—мнѣ это не нравится. Онъ очень красивъ.

Ирина пристально взглянула на Левона и счастливо разсмѣялась.

— Однако,—произнесла она:—не пора ли, милый племянникъ, перейти на почтительное «вы» со своей тетюшкой.

— Только сегодня,—умоляюще произнесъ Левонъ, цѣлуя ея руку.

— Только сегодня,—съ тихой грустью повторила Ирина.

Черезъ нѣсколько дней государь уѣхалъ въ Карлсруэ. Жизнь во Франкфуртѣ постепенно замирала... Темныя массы союзныхъ войскъ, какъ черныя тучи, ползли къ завѣтнымъ берегамъ Рейна...

Меттернихъ дѣлалъ послѣднія попытки заключить миръ, но всѣ уже чувствовали, что война будетъ и ничто не остановитъ желѣзнаго хода судьбы. И, повинувшись таинственному предопредѣленію, самъ Наполеонъ разбивалъ послѣднія возможности мирнаго исхода.

XX.

Холодный зимній вѣтеръ шумѣлъ въ обезлиственныхъ аллеяхъ великолѣпнаго парка Мальмезона. Вѣтки высокихъ деревьевъ ударили въ большія окна дворца. Только немногія окна были освѣщены. Было счастливое время, когда дворецъ Мальмезонъ по вечерамъ сіялъ огнями. Цѣлыми днями непрерывно подѣзжали экипажи. Въ его залахъ собиралась блестящая толпа представителей иностранныхъ государствъ, генераловъ и потомковъ древнѣйшихъ фамилій Франціи... Это было еще такъ недавно. Едва прошло десять лѣтъ, и теперь этотъ дворецъ обратился въ жилище печали, слезъ и воспоминаній.

Здѣсь жила императрица Жозефина, подруга лучшихъ дней славы побѣдоноснаго генерала Бонапарте, перваго консула и императора Запада, Наполеона.

Хотя первый консулъ, сдѣлавшійся императоромъ, нашель, что для него тѣсенъ Мальмезонъ и перенесъ императорскую резиденцію въ Сень-Клу, этотъ дворецъ оставался любимымъ дворцомъ Жозефины. Во времена своего величайшаго блеска она не переставала заботиться о немъ и часто жила тамъ. Обстановка дворца была чудомъ искусства и стоила милліоновъ франковъ,

что не разъ выводило изъ себя императора. Все, начиная съ мраморныхъ каминовъ и кончая стуломъ, являлось произведеніемъ искусства. Картины Гро, Жиродэ, Герена украшали стѣны залъ. Повсюду виднѣлись бюсты и портреты Наполеона.

Въ этотъ ненастный январскій вечеръ 14-го года Наполеонъ въ сопровожденіи только одного своего мамелюка Рустана пріѣхалъ проститься передъ отъѣздомъ въ армию съ подругой былой славы и величія.

Несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, Жозефина все еще была красива увядающей красотой. Ея высокая фигура попрежнему оставалась гибкой и стройной, большіе темные глаза креолки не утратили своего блеска, волосы—густоты. При отблескѣ камина и освѣщеніи люстръ со свѣчами подъ матовымъ стекломъ, ея лицо, конечно, не безъ помощи художественной косметики, казалось лицомъ молодой женщины. И лишь тонкія морщинки у глазъ да опустившіеся углы губъ говорили объ ея увяданіи.

Она сидѣла въ креслѣ, сложивъ на колѣняхъ свои точенныя, обнаженныя до локтя руки. Рядомъ на диванѣ лежала небрежно брошенная треуголка императора, а на коврѣ—его разорванныя перчатки.

Императоръ никогда не снималъ перчатокъ, а всегда рвалъ ихъ, запуская большой палецъ подъ ладонь...

Наполеонъ крупными шагами ходилъ взадъ и впередъ.

— Нѣтъ,—говорилъ онъ, дѣлая рѣзкіе жесты маленькой рукой:—мы еще поборемся, и они еще узнаютъ тяжесть этой руки! Завтра я уѣзжаю въ армию. И начнется послѣдняя, страшная борьба.

— Отчего, Наполеонъ, ты не заключилъ мира, когда его тебѣ предлагали?—робко спросила Жозефина.

Наполеонъ остановился передъ ней и, ударя правой рукой по ладони лѣвой, сказалъ:

— Если бы я былъ наслѣдственнымъ монархомъ, я бы не колебался ни одной минуты и согласился на всѣ ихъ требованія. Но трономъ я обязанъ только себѣ, своей славѣ, своимъ побѣдамъ. Я создалъ новую Францію—и я ея императоръ. Съ уничтоженіемъ этой Франціи—я перестану быть императоромъ! И я скорѣе погибну подъ развалинами колоссальнаго зданія имперіи, чѣмъ соглашусь на миръ, отнимающій отъ меня даже наслѣдіе директоріи! Моя династія должна наслѣдовать имперію...

— Династія, династія,—съ горькой улыбкой начала Жозефина:—я знаю, что со времени смерти несчастнаго малютки Наполеона-Шарля, сына моей Гортензій, ты началъ думать о династіи..

Мрачно нахмурясь, слушалъ Наполеонъ.

— Ради этого,—продолжала Жозефина,—ты отрекся отъ своего счастья. Не хмурься, Наполеонъ, я не требовала отъ тебя вѣр-

ности. Я была терпѣливой женой и не докучала тебѣ... Но ты знаешь такъ же хорошо, какъ и я,—суевѣрно продолжала она:— что наши судьбы тѣсно связаны, что, разставшись со мною, ты потерялъ удачу... Это знаетъ вся Франція!..

— Моя звѣзда еще не погасла,—сказалъ Наполеонъ.

Онъ подошелъ къ окну и откинулъ портьеру, словно на самомъ дѣлѣ хотѣлъ увидѣть сейчасъ на небѣ свою ослѣпительную звѣзду. Но ни одна звѣзда не сіяла на темномъ небѣ, покрытомъ зимними тучами. Онъ опустилъ портьеру и нетерпѣливо снова сталъ ходить по комнатѣ.

— И что приобрѣлъ ты своей женитьбой на австріячкѣ?—продолжала Жозефана:—твой тестъ въ числѣ твоихъ враговъ... Я чувствовала грядущія бѣды, когда не хотѣла развода... Посмотри,—послѣ женитьбы дѣла въ Испаніи стали хуже, въ Россіи тебя постигла неудача, Германія потеряна для тебя, и враги перешли уже Рейнъ... Твои братья уже лишены престоловъ, и ты...

Она закрыла лицо руками и добавила:

— Я боюсь, боюсь, Наполеонъ!

Суевѣрныя воспоминанія, старыя предсказанія,—гадалки съ острова Мартиники и Ленорманъ, заключенной въ тюрьмѣ,—что его судьба находится подъ вліяніемъ звѣзды Жозефины, овладѣли императоромъ.

— Все это вздоръ,—сказалъ онъ, наконецъ:—они мнѣ не страшны...

Но было видно, что слова Жозефины произвели на него впечатлѣніе. Не тѣми же ли чувствами и словно желаньемъ обмануть рокъ были вызваны его лихорадочныя, расточительныя заботы, его трогательное стараніе сдѣлать перемѣну положенія Жозефины послѣ развода менѣе замѣтной. Онъ объявилъ, что она остается коронованной императрицей, онъ окружилъ ее блестящимъ штатомъ, подарилъ ей дворцы и замки, назначилъ ей три милліона франковъ въ годъ и, кромѣ того, платилъ всѣ ея долги. Ея желанья стали закономъ... но онъ не могъ обмануть подстерегающаго рока...

Онъ сѣлъ рядомъ съ ней, отвелъ отъ ея лица руки и нѣжно сказалъ:

— Не предавайся мрачнымъ предчувствіямъ, Жозефина. Не расстраивай меня передъ великимъ дѣломъ своими слезами. Ты знаешь, я никогда не могъ видѣть равнодушно твоихъ слезъ.

Жозефина улыбнулась сквозь слезы.

— Вспомни это,—продолжалъ онъ, касаясь кольца на мизинцѣ ея руки:— и вѣрь.

Это было то кольцо, которымъ молодой генералъ Бонапартъ обручился съ вдовой Богарне, Жозефиной-Маріей-Розой, почти двадцать лѣтъ тому назадъ. На этомъ кольцѣ, съ которымъ она

никогда не разставалась, былъ выгравированъ девизъ честолюбиваго и суевѣрнаго генерала: «au destin».

Наполеонъ снова всталъ.

— Я не обманываю себя, Жозефина, — началъ онъ: — мое положеніе отчаянное. Противъ шестисотъ тысячъ союзниковъ я не могу выставить даже ста тысячъ. Солдаты мои молоды. Мои старики полегли въ снѣгахъ Россіи и въ равнинахъ Эльбы. Но я вѣрю въ свою звѣзду, и только эта вѣра да бездарность и безуміе Блюхера, да бездарность и трусость князя Шварценберга могутъ спасти меня. Я оглушу ихъ молніеносными ударами, заставлю ихъ трепетать и тогда заключу миръ, достойный меня и Франціи и вмѣстѣ гарантирующей права Европы...

Онъ прошелся по комнатѣ и остановился у камина. Красный отблескъ падалъ на его лицо, мрачное и озабоченное. Смотри на пламя камина, онъ медленно началъ. Очевидно, онъ чувствовалъ потребность высказаться передъ единственнымъ человѣкомъ въ мірѣ, съ которымъ онъ могъ теперь говорить откровенно. Онъ не могъ пугать мрачными мыслями свою жену, не могъ быть откровеннымъ и со своими маршалами, уже усталыми и жаждущими мира. Только здѣсь онъ могъ сказать все, что тяготило его душу.

— Предчувствія! Предчувствія! Они овладѣваютъ иногда и мной. Но я подавляю ихъ. Иногда мнѣ кажется, что я теряю власть надъ судьбой. Смерть Дюрока, моего единственнаго друга, похожа на гримасу судьбы... Вездѣ, гдѣ меня нѣтъ, — дѣла идутъ плохо. Мои маршалы устали. Они хотятъ мира. У нихъ у всѣхъ есть жены, дѣти, дворцы, охоты, деньги!.. Они хотятъ наслаждаться! Развѣ у меня нѣтъ тоже дворца, жены, сына?

Онъ рѣзко повернулся и мрачно и тихо добавилъ:

— Въ моей арміи ведутъ честную игру только молодые офицеры, еще не заслужившіе себѣ герцогскихъ и княжескихъ титуловъ! Теперь прощай, Жозефина, — закончилъ онъ, крѣпко обнявъ ее.

Со сдержаннымъ рыданіемъ Жозефина прижалась къ нему.

— Ну, ну, — растроганнымъ голосомъ произнесъ Наполеонъ, ласково отстраняя ее.

— Развѣ мы не увидимся, что ты говоришь прощай, а не до свиданія? — спросила Жозефина. Ея суевѣрный умъ принялъ это слово, какъ дурное предзнаменованіе...

— Развѣ я не вернусь въ Парижъ? — сказалъ Наполеонъ.

Онъ еще разъ обнялъ Жозефину, взялъ шляпу и быстро вышелъ, оставивъ ее въ полубезчувственномъ состояніи отъ горя и отчаянія.

Въ большой маршальской залѣ Тюльерійскаго дворца въ глубокомъ молчаніи стояли блестящіе ряды офицеровъ парижской національной гвардіи. Сегодня ихъ пригласилъ императоръ. Лица

были сосредоточены. Всѣ взоры устремлены на дверь. Но вотъ колоссальная дверь распахнулась, и въ залу вошелъ императоръ съ императрицей. За ними слѣдовала г-жа де-Монтескью съ трехлѣтнимъ римскимъ королемъ на рукахъ. Кудрявый красавецъ-ребенокъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на блестящую толпу офицеровъ и что-то лепеталъ.

Наполеонъ остановился, окинулъ всѣхъ быстрымъ взглядомъ и звучнымъ голосомъ сказалъ:

— Офицеры моей гвардіи! Врагъ вступилъ на священную землю Франціи! Непрiятельскія знамена развѣваются на берегахъ Рейна! Непрiятельскія кони топчутъ французскія нивы. Но никогда Франція не была малодушна. Она поднимется, грозна и непобѣдима! Я ѣду въ армію, чтобы стать во главѣ моихъ безстрашныхъ легионовъ, и съ помощью Бога мы отбросимъ непрiятеля за предѣлы Франціи!

Офицеры напряженно слушали.

— Но здѣсь,—продолжалъ императоръ, и голосъ его дрогнулъ:— но здѣсь я оставляю самое дорогое для меня.

Онъ взялъ изъ рукъ г-жи Монтескью римскаго короля и, высоко поднявъ его, продолжалъ:

— Здѣсь я оставляю императрицу-регентшу и римскаго короля. Мужеству національной гвардіи я вѣряю мою жену и сына!

Онъ прижалъ лѣвой рукой къ груди ребенка и правой взялъ за руку Марію-Луизу.

Оглушительные, восторженные крики потрясли стѣны маршальской залы:

— Да здравствуетъ императоръ! Да здравствуетъ римскій король! Да здравствуетъ императрица! Да здравствуетъ Франція!

Ряды офицеровъ разстроились. Нѣкоторые бросились впередъ, чтобы поцѣловать руки римскаго короля. Другіе потрясали обнаженными саблями, словно клянясь... Многіе плакали...

Только на розовомъ, полномъ лицѣ Маріи-Луизы сохранялось обычное апатичное выраженіе.

Наступалъ часъ отъѣзда. Долго Наполеонъ не могъ выпустить изъ объятій своего сына. Онъ нѣжно прижималъ къ груди его кудрявую головку, цѣловалъ его мягкіе кудри, ясные глазки. Онъ говорилъ ему тысячи нѣжностей и давалъ самыя невѣроятныя обѣщанія. Ребенокъ крѣпко прижимался къ нему и гладилъ ручонками его по лицу...

Въ послѣдній разъ поцѣловавъ сына и обнявъ жену, Наполеонъ поспѣшилъ уйти.

Небо было покрыто тучами, порошилъ снѣгъ, когда онъ выѣзжалъ изъ Парижа, томимый мрачными предчувствіями. Его сердце сжималось при воспоминаніи объ оставленномъ сынѣ.

— Развѣ я не вернусь въ Парижъ?—повторилъ онъ себѣ слова, сказанныя имъ Жозефинѣ.

Да, ты еще вернешься въ Парижъ, сказочный человѣкъ! Ты вернешься еще разъ, но ты не найдешь уже нѣжной подруги лучшихъ дней твоей славы, чья судьба таинственными нитями переплелась съ твоей, ты не увидишь больше никогда, никогда кудрявой головки римскаго короля.

Никогда!..

XXI.

Перейдя Рейнъ у Майнца и Базеля, силезская и главная арміи вторглись во Францію, защищенную, по всему теченію Рейна, едва семьюдесятью тысячами человѣкъ.

Передъ тяжелой лавиной трехсоттысячной громады союзныхъ силъ французскія войска концентрически отступали съ берега Рейна къ Шалону на Марнѣ.

Блюхеръ, теперь уже фельдмаршалъ, «дорвавшись» наконецъ до ненавистой Франціи, конечно, рѣшилъ немедленно идти прямо на Парижъ. По ночамъ его гусары и уланы освѣщали ему путь горящими французскими деревнями... Беззаботно и смѣло дошелъ онъ до Бриенна, но здѣсь былъ достигнутъ самимъ Наполеономъ. Блюхеръ по обыкновенію пренебрегъ картами и не зналъ мѣстности, а Наполеону, проведенному въ Бриеннѣ, въ военной школѣ, свое дѣтство, былъ извѣстенъ каждый кустикъ, не говоря уже о несоизмѣримости дарованій. Бой начался днемъ, а къ ночи силезская армія была уже разгромлена, самъ «побѣдитель Наполеона» (какъ считалъ себя почему-то Блюхеръ послѣ Лейпцига) едва успѣлъ спастись со своимъ штабомъ и съ остатками своихъ войскъ бросился на соединеніе съ другимъ «побѣдителемъ Наполеона», княземъ Шварценбергомъ, безпомощно двигавшимъ по всѣмъ направленіямъ колонны своей арміи...

Въ главной квартирѣ въ Шомонѣ, гдѣ находился и русскій государь, жизнь кипѣла, какъ въ котлѣ. Интриги сплетались клубкомъ. Военными дѣйствіями Шварценберга руководилъ Меттернихъ, въ явномъ противорѣчьи съ государемъ. Государь торопилъ князя, а Меттернихъ подъ шумокъ сдерживалъ. По его мнѣнію, Пруссія становилась опасной Австріи, и окончательное обезсиленіе Франціи, гдѣ царилъ зять его императора, могло бы передать Пруссіи гегемонію въ Европѣ. Глухое раздраженіе царило между союзниками. Меттернихъ склонилъ на свою сторону и Англію, которая считала себя уже удовлетворенной и которой дорого стоило содер-

жать коалицію. Лордъ Кэстльри требовалъ только отнять еще у Наполеона Антверпенъ.

Въ концѣ концовъ Меттернихъ добился своего. Въ Шатильонѣ на Сенѣ былъ открытъ конгрессъ. Императоръ Александръ неохотно согласился на это и далъ своему уполномоченному графу Разумовскому тайную инструкцію не заключать мира безъ особаго разрѣшенія. Въ этомъ онъ совпалъ со своимъ великимъ соперникомъ. Наполеонъ поступилъ въ томъ же родѣ. Онъ не далъ вовсе никакихъ полномочій своему представителю, герцогу Виценцкому...

При такихъ условіяхъ открылся этотъ конгрессъ «на всякій случай», между тѣмъ какъ военныя дѣйствія продолжали идти своимъ порядкомъ.

Блюхеръ положилъ имъ удачное начало.

По узкой дорогѣ медленно подвигался отрядъ всадниковъ. Слева тянулася густой лѣсъ, а справа болотистые луга, покрытые талымъ снѣгомъ. Падалъ снѣгъ пополамъ съ дождемъ и дулъ пронзительный вѣтеръ. Вся даль казалась завѣшана мутной сѣрой пеленой. Дорога постепенно поднималась на холмы. Солдаты кутались въ легкіе сѣрые плащи. Усталыя лошади тяжело ступали по глубокой грязи тающего снѣга. Впереди ѣхалъ молодой офицеръ. Въ этомъ офицерѣ съ суровымъ, обвѣтреннымъ лицомъ, съ мрачно нахмуренными бровями надъ холодными пронизательными глазами съ трудомъ можно было узнать изящнаго любезнаго виконта Жана де-Соберсе, частаго гостя стараго князя Бахтѣва. Онъ много перенесъ со времени своего бѣгства изъ Россіи со старикомъ Дюмономъ. Дюмонъ поселился въ Парижѣ, а виконтъ сталъ въ ряды арміи. Охваченный общимъ энтузіазмомъ Франціи, дошедшимъ до того, что замороженные своимъ императоромъ французы искренно считали его походъ въ Россію побѣдоноснымъ, Соберсе сперва глубоко вѣрилъ въ побѣду императора. Первые успѣхи подтверждали эту увѣренность. Первый ударъ нанесъ Кульмъ, а дальше день за день исчезала эта увѣренность. Трепетавшіе недавно передъ императоромъ государи Германіи уже искали случая измѣнить ему и послѣ лейпцигскаго погрома оставили его... Непрiятель уже во Франціи... Недавніе союзники и вассалы, какъ новые гунны, истребляютъ все на своемъ пути, не щадя ни дѣтей, ни женщинъ, ни стариковъ, поджигая и грабя мирныя деревни. И только тѣ не запятнали себя насиліями и разбоями, кто, казалось, имѣлъ больше всѣхъ основанія совершать ихъ, мстя за свою родину. Только русскія войска не считали своими врагами мирное и безоружное население.

Бѣшенство и отчаяніе охватывали душу Соберсе. Онъ предчувствовалъ уже погибель Франціи. Онъ хорошо зналъ силы Франціи

и силы всей Европы, ополчившейся на нее, чтобы надѣяться на побѣду, несмотря на весь гений императора... Истощенный двадцатилѣтней гигантской и побѣдоносной войной, народъ уже не могъ оказать того сопротивленія вооруженной Европѣ, которое двадцать лѣтъ тому назадъ удивляло мѣръ... Соберсе уже видѣлъ страшные слѣды, оставляемые за собой нѣмецкими полчищами, особенно прусскими войсками силезской арміи фельдмаршала Блюхера. Но и имя Соберсе становилось извѣстнымъ прусскимъ гусарамъ. Не разъ среди ихъ кроваваго торжества въ какомъ-нибудь беззащитномъ мѣстечкѣ онъ падалъ, какъ громъ, имъ на голову. И его судьбыль коротокъ. Ни одинъ насильникъ не находилъ у него пощады.

Соберсе совершилъ глубокую развѣдку вдоль Ажуйскаго лѣса. Растрепавъ армію Блюхера, Наполеонъ занялъ своими главными силами позиціи отъ Бриенна до Ла-Ротьера между путями, ведущими на Парижъ по долинамъ Сены и Марны.

Непріятельскія колонны двигались до такой степени безпорядочно и безо всякаго плана, что не было возможности предвидѣть ихъ направленіе. Наполеонъ былъ въ недоумѣніи. Недостатокъ кавалеріи и непроходимыя дороги чрезвычайно затрудняли развѣдки. Появленіе самого Наполеона у Бриенна, въ свою очередь, тоже было совершенно неожиданно для союзниковъ. Шварценбергъ сейчасъ же растерялся и принялъ самое пагубное рѣшеніе—выжидать. Если бы ему предоставили полную свободу дѣйствій, то, несмотря на чудовищную несоизмѣримость силъ, дѣло союзниковъ было бы проиграно, главная армія была бы уничтожена по частямъ и отброшена за Рейнъ, и Наполеонъ могъ бы почти диктовать условія мира. Поставленные на второмъ планѣ, русскіе генералы доходили чуть не до открытаго неповиновенія, видя неминуемую гибель русскихъ подъ командой пруссаковъ и австрійцевъ. Наконецъ въ дѣйствія австрійскаго фельдмаршала вмѣшался Александръ и въ бурную ночь пріѣхалъ въ главную квартиру князя въ Баръ-сюръ-Объ; съ его пріѣздомъ было рѣшено наступленіе.

Отрядъ Соберсе осторожно подвигался впередъ. Они ѣхали уже довольно долго въ полной тишинѣ, когда услышали съ юга изъ-за холмовъ совсѣмъ близко частые ружейные выстрѣлы. Отрядъ понесся на выстрѣлы. Доскакавъ до крутого подъема, Соберсе остановилъ отрядъ, и, велѣвъ спѣшиться двоимъ егерямъ, отправилъ ихъ на развѣдки, а самъ остановился у подножія холма. Выстрѣлы затихли и снова наступила тишина. Развѣдчики исчезли въ густомъ орѣшникѣ, покрывавшемъ холмъ.

Соберсе закурилъ трубку, слѣзъ съ лошади и сѣлъ у дороги на пень. Послѣ Лейпцигскаго сраженія онъ все время чувствовалъ себя словно подавленнымъ. Его разумъ и его воображеніе не могли справиться съ тѣмъ страшнымъ поворотомъ судьбы, который совершился въ послѣдніе полтора года.

Но Соберсе зналъ и чувствовалъ одно, что въ славѣ или величїи, пораженїи или побѣдѣ, въ горѣ или счастьи, но онъ никогда не оставитъ своего императора.

Развѣдчики скоро вернулись и привели съ собой мальчика лѣтъ десяти. Они нашли его горько плачущимъ въ чашѣ орѣшника. Нѣмцы въ деревнѣ. Бѣдный мальчикъ дрожалъ. Нѣмцы вошли въ деревню. Ихъ офицеры заняли домъ г. кюре. Потомъ они вывели г. кюре на улицу и разстрѣляли его у стѣны церкви. Потомъ солдаты бросились по домамъ, беспорядочно стрѣляя, требуя денегъ и вина... Ворвались и къ нимъ въ домъ. Отца ударили прикладомъ по головѣ, мать потащили за волосы въ погребъ...

— Какъ звать тебя?—спросилъ Соберсе.

— Жакъ, г. капитанъ,—отвѣтилъ мальчикъ, плача.

— Не плачь, Жакъ,—со странной улыбкой сказалъ Соберсе.— Мы утѣшимъ тебя; ты, навѣрное, знаешь, какъ можно подойти къ деревнѣ незамѣтно со стороны Ажуйскаго лѣса.

Мальчикъ радостно закивалъ головой.

— О, г. капитанъ,—восторженно сказалъ онъ, и его глаза высохли:—я знаю дорогу. Я выведу васъ къ самому дому г. кюре изъ лѣса. Но,—добавилъ ребенокъ серьезно, оглядываясь:—васъ мало, г. капитанъ, ихъ не меньше ста.

— Ну, что жъ?—улыбнулся Соберсе:—развѣ ты думаешь, что одинъ драгунъ не стоитъ четырехъ нѣмцевъ?

Раздирающіе душу крики неслись почти изъ каждаго дома. Безнадежная, но отчаянная борьба происходила на дворахъ и на единственной улицѣ деревни. Старики и подростки съ голыми руками набрасывались на хорошо вооруженныхъ нѣмцевъ, защищая своихъ женъ и дочерей. Черезъ выбитыя рамы нѣмецкіе солдаты выбрасывали убогій крестьянскій скарбъ. Разбивали сундуки, вспарывали тюфяки, ища денегъ. Изъ погребовъ выкатывали бочки сидра и холоднаго вина, ловили домашнюю птицу, закалывали поросятъ и телятъ. И вдругъ неожиданно, покрывая на мгновеніе отчаянные вопли, пронесся грозовой крикъ:

— Впередъ! Смерть разбойникамъ!

И французскіе конные егеря бурей ворвались съ двухъ сторонъ въ деревню. Въ одно мгновеніе находившіеся на улицѣ нѣмцы были изрублены. Спрыгнувъ съ коней, егеря бросились по дворамъ. Обезумѣвшіе, застигнутые врасплохъ нѣмцы гибли, не успѣвая

оказать сопротивленія, подъ бѣшенными ударами сабель. Кто успѣвалъ, бросалъ оружіе и поднималъ руки вверхъ, но разбираться не было времени. Съ тремя человѣками Соберсе ворвался въ домъ юре. Недалеко отъ крыльца съ раскинутыми руками лежалъ трупъ стараго юре. Сѣдые волосы его были въ крови и грязи, но лицо, спокойное и ясное, съ полукрытыми глазами, было обращено къ небу...

Двое нѣмецкихъ офицеровъ едва успѣли вскочить.

— Сдавайтесь!—закричалъ Соберсе, поднимая саблю.

Вмѣсто отвѣта раздался выстрѣлъ, но въ ту же минуту выстрѣлившій нѣмецъ упалъ съ разрубленной головой.

Другой попытался выскочить въ окно, но былъ схваченъ. Его толстое лицо съ низкимъ лбомъ, обрамленнымъ жесткими рыжими волосами, съ щетинистыми усами, имѣло выраженіе трусливой злобы. Два егеря не очень деликатно держали его за руки.

— Кто вы такой?—рѣзко спросилъ Соберсе.

— Я поручикъ Рейхъ,—отвѣтилъ нѣмецъ:—это единственное, что я скажу вамъ, больше я не отвѣчу ни на одинъ вопросъ.

— Я васъ буду судить, поручикъ Рейхъ,—сурово сказалъ Соберсе:—вы разстрѣляли юре, вы отдали деревню на разграбленіе вашимъ солдатамъ.

— Приговоръ я знаю,—хриплымъ голосомъ возразилъ Рейхъ, поблѣднѣвъ.

Онъ уже овладѣвалъ собою и держался мужественно.

— Тѣмъ лучше,—холодно сказалъ Соберсе, поворачиваясь.

— Я хотѣлъ еще сказать вамъ, г. капитанъ, —остановилъ его Рейхъ:—что на вашемъ мѣстѣ я поступилъ бы такъ же. И въ свое время я не отступалъ отъ этого правила. Я, вѣдь, былъ въ отрядѣ майора Люцова,—добавилъ онъ со злой улыбкой.

— Ну что жъ,—пожалъ плечами Соберсе:—вы пожнете то, что посѣяли...

Изъ всего нѣмецкаго отряда уцѣлѣли, кромѣ Рейха, только трое. Пруссакъ, баварецъ и саксонецъ. Со связанными за спиной руками, они стояли блѣдные, исподлобья озираясь злыми глазами.

Соберсе вышелъ на крыльцо. Около него очутился маленькій Жакъ.

— Вотъ онъ! это онъ!—кричалъ Жакъ съ горящими глазами, указывая ручонкой на пруссака:—это онъ ударилъ моего отца прикладомъ и за волосы тащилъ мою сестренку. Это онъ. Убійца! убійца! убійца!—закончилъ онъ, грозя кулачкомъ нѣмцу.

Соберсе положилъ руку на голову ребенка.

— Дитя, уйди, тебѣ здѣсь нечего дѣлать,—сказалъ онъ:—но когда вырастешь—не забудь того, что видѣлъ. Иди.

Ребенокъ послушно повернулся.

— Но, вѣдь, вы накажете ихъ, г. капитанъ?—уже робко спросилъ онъ.

— Иди, иди, дитя,—повторилъ Соберсе.

Медленно, оглядѣваясь, ушелъ Жакъ. На крыльцо вывели Рейха, Соберсе подозвалъ капрала.

— Допросили плѣнныхъ?—спросилъ онъ.

— Допросили, г. капитанъ,—отвѣтилъ капралъ.—Они изъ силезской арміи. Послѣ сраженія при Бриеннѣ они ничего не знаютъ объ арміи. Она разбита и бѣжитъ разными дорогами...

Соберсе кивнулъ головой и тихо сказалъ нѣсколько словъ капралу. Потомъ вернулся въ домъ юре. Проходя мимо Рейха, онъ отдалъ ему честь. Рейхъ угрюмо посмотрѣлъ на него.

Соберсе сталъ у открытаго окна. Онъ былъ блѣденъ. Темныя брови были нахмурены. Губы плотно сжаты. Онъ неподвижно стоялъ у окна, вытянувъ шею, прислушиваясь. Медленно текли мгновенія. Но вотъ раздался короткій залпъ. Соберсе отшатнулся отъ окна и дрожащей рукою стеръ выступившій на лбу потъ...

XXII.

Блюхеръ былъ въ восторгѣ. По настоянію Александра было рѣшено дать Наполеону сраженіе у Ла-Ротьера и командованіе въ бою арміей поручено Блюхеру, хотя главныя силы составляли русскія войска Сакена, Олсуфьева, Васильчикова, Раевского. Но русскіе генералы уже привыкли къ этому, и угрюмый Сакенъ уже готовился, какъ при Кацбахѣ, спасти армію отъ стратегическаго генія прусскаго фельдмаршала.

Хлопьями валилъ густой снѣгъ, и холодный вѣтеръ несъ его въ лицо русскимъ войскамъ, первымъ бросившимся въ бой на глазахъ государя, стоявшаго на высотѣ у Транка. За густой пеленой снѣга ничего не было видно. Только слышался грохотъ орудій, гремѣли барабаны, раздавались крики «ура» и звуки музыки и пѣсенъ. Это кавалерія Васильчикова съ барабаннымъ боемъ и музыкой летѣла черезъ топкія поля на непріятельскія батареи въ атаку на Ла-Ротьеръ, и съ ружьями наперевѣсъ за ней съ лихой пѣсней бѣглымъ шагомъ спѣшилъ Днѣпровскій полкъ.

Блюхеръ махалъ саблей и кричалъ проходящимъ войскамъ:

— *Vorwärts Kinder! Paschöl! Paschöl!*

Послѣднее словечко было обращено къ русскимъ войскамъ, которымъ, по мнѣнію фельдмаршала, было особенно драгоцѣнно слово его одобренія, да еще «на родномъ языкѣ». И онъ особенно громко выкрикивалъ:

— *Paschöl! Paschöl!*

Но русскіе солдатики, очевидно, не опѣнили заботъ фельдмаршала, потому что въ ихъ рядахъ можно было слышать довольно неместные отзывы въ родѣ того: «Самъ пошелъ!.. Долго ли намъ спасать еще твою старую шкуру? Намъ бы своего надо... пошелъ! пошелъ!» передразнивали его солдаты,—нѣкоторые добродушно, нѣкоторые съ озлобленіемъ.

Пятый драгунскій съ гусарами и гвардейцами Олсуфьева уже въ темнотѣ отчаяннымъ натискомъ овладѣлъ Ла-Ротьеромъ. Войска Сакена уже преслѣдовали Виктора, на лѣвомъ крылѣ русско-австрійскія войска опрокинули Мармона. Приближались резервы великаго князя Константина, Милорадовича и Раевского, спѣшилъ корпусъ Коллоредо. На 37 тысячъ Наполеона черной тучей надвинулись 130 тысячъ союзниковъ...

Спротивленіе было невозможно. Наполеонъ отступилъ къ Труа. Побѣда, несомнѣнно, принадлежала русскимъ. До поры до времени и австрійцы, и пруссаки признали, что честь побѣды принадлежитъ русскимъ войскамъ, но подъ начальствомъ фельдмаршала Блюхера. Наконецъ-то Блюхеръ услышалъ слова, такъ долго имъ жданныя. Александръ въ главной квартирѣ при всѣхъ назвалъ его «побѣдителемъ Наполеона».

Рѣдко видѣли Александра такимъ радостнымъ. Первая побѣда надъ Наполеономъ во Франціи принадлежала ему. И на глазахъ всѣхъ, никѣмъ не оспариваемая.

Сакенъ закончилъ своей боевой рапортъ словами: «въ сей достопамятный и великолѣпный день... Александръ можетъ сказать: «я даю вселенной миръ».

На русскихъ генераловъ и офицеровъ посыпались щедрыя награды. И Александръ открыто выразилъ свою завѣтную мысль: Наполеонъ долженъ быть лишенъ престола.

Со своей блестящей и шумной свитой фельдмаршалъ Блюхеръ проводилъ ночь въ Бріенскомъ замкѣ. Это доставляло ему особое острое удовольствіе. Здѣсь Наполеонъ провелъ свое дѣтство и отрочество. По аллеямъ этого сада онъ бродилъ одинокимъ и нелюдимымъ мальчикомъ, потомъ сумрачнымъ юношей. Въ этихъ широкихъ коридорахъ и просторныхъ залахъ еще, казалось, жило эхо его шаговъ. Здѣсь онъ бывалъ уже императоромъ, встрѣчаемый безумными восторгами воспитанниковъ Бріенской школы. Здѣсь все на каждомъ шагу напоминало его. Портреты, бюсты, картины его подвиговъ и подвиговъ французскихъ войскъ.

Шумной, полупьяной ватагой бродили по заламъ и коридорамъ нѣмецкіе офицеры.

Въ большомъ парадномъ залѣ за столомъ, уставленнымъ бутылками и закусками, сидѣлъ въ разстегнутомъ мундирѣ фельдмар-

шалъ Блюхеръ. Рядомъ съ нимъ помѣстился его адъютантъ баронъ фонъ-Гарцфельдъ. Офицеры со стаканами въ рукахъ орали «Ноч!» въ честь «побѣдителя Наполеона». Блюхеръ пилъ стаканъ за стаканомъ.

— То ли будетъ еще, дѣти! Завтра я пойду на Парижъ, прямой дорогой, чортъ ихъ возьми.

— На Парижъ! На Парижъ!—кричали, чокаясь, офицеры.

— А тамъ, дѣти, я устрою вамъ праздникъ,—смѣялся фельдмаршалъ.—Вы увидите, какъ взлетитъ на воздухъ Іенскій мостъ. И еще кое-что! Парижъ не скоро забудетъ насъ. Такъ ли, дѣти?

— Долой Парижъ! Долой корсиканскаго разбойника! Повѣситъ его!—орали пьяные голоса.

— Только бы захватить его намъ,—вздохнулъ Блюхеръ.

— Вотъ ему!—крикнулъ молодой лейтенантъ Штокъ.

Раздался выстрѣлъ, и пуля пробила портретъ императора, висѣвшій на стѣнѣ. Это словно было сигналомъ.

— Смерть кровопийцѣ! Смерть французамъ!—заревѣли голоса.

Раздались выстрѣлы, офицеры съ саблями бросились на портреты и картины. Полетѣли разбитые въ куски мраморные и гипсовые бюсты. Изрубленные картины были сорваны со стѣнъ и брошены въ каминъ. Обезумѣвшіе офицеры срывали портреты, въ бѣшенствѣ рубили мебель.

— Довольно, довольно, дѣти,—кричалъ фельдмаршалъ, покачиваясь на ногахъ:—вы только поймите. Только поймите мнѣ его...

— Товарищи, идемъ, я покажу вамъ Бонапарта, когда онъ былъ въ Египтѣ,—пронзительно закричалъ молоденькій безусый гвардеецъ фонъ-Киттеръ.—Идемъ...

Офицеры шумной толпой послѣдовали за нимъ. Пошелъ и Блюхеръ, поддерживаемый Гарцфельдомъ.

Киттеръ привелъ ихъ въ огромный кабинетъ—библіотеку-музей естественной исторіи. По стѣнамъ тянулись шкапы съ рѣдкими книгами, большіе столы-витрины хранили подъ стекломъ драгоцѣннѣйшія коллекціи въ мірѣ, образцы флоры и фауны. Въ нѣкоторыхъ хранились древнѣйшіе сосуды, привезенные изъ Египта... Съ толка на толстой веревкѣ свѣшивалось чучело гигантскаго нильскаго крокодила.

— Вотъ онъ! Вотъ онъ!—указалъ на него Киттеръ.

— А вотъ мы его сейчасъ,—закричалъ Штокъ и, подпрыгнувъ, перерубилъ саблей веревку, придерживавшую крокодила.

Раздался грохотъ и звонъ разбитаго стекла. Чудовищное чучело упало на драгоцѣнныя витрины.

Со смѣхомъ и шутками со всѣхъ сторонъ набросились на него офицеры. Они рубили и топтали чучело, перебрасывая его по всей комнатѣ съ громкимъ хохотомъ, «подобнымъ хохоту канниба-

ловъ», какъ выразился русскій современникъ-историкъ и почти очевидецъ. Звонъ стеколъ, шумъ опрокидываемыхъ витринъ, крики, циничныя ругательства нацѣпляли помнату. Великолѣпные фоліанты были выброшены на полъ, разбросанныя коллекціи валялись подъ ногами. Наконецъ эти забавы всѣмъ наскучили, и компанія вернулась допивать вино...

Оргія продолжалась до утра.

Но утромъ веселое общество спугнули. Приѣхали адъютанты государя—приготовить для императорской квартиры помѣщеніе. Когда адъютантъ государя, полковникъ Михайловскій-Данилевскій, вошелъ къ Блюхеру, прусскій фельдмаршалъ хотѣлъ быть любезнымъ, но его языкъ заплетался и онъ едва стоялъ на ногахъ...

Ф. Заринъ-Несвицкій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

САНЪ-СТЕФАНО¹⁾.

(Записки гр. Н. П. Игнатъева съ примѣчаніями А. А. Башмакова и К. А. Губастова).

XVII.

ОГДА графъ Игнатъевъ прибылъ въ Петербургъ 2-го марта, въ 3 часа пополудни, съ турецкимъ военнымъ министромъ, назначеннымъ чрезвычайнымъ посломъ и везшимъ ратификацію султана, государь императоръ принялъ своего посла чрезвычайно благосклонно, выражая лишь опасеніе, чтобы вмѣшательство Англіи не помѣшало благополучному осуществленію договора, его обрадовавшаго²⁾. Но князь Горчаковъ заботился лишь объ одномъ: какъ бы умалить значеніе Санъ-Стефанскаго договора и заслуги его составителя, а также доставить себѣ возможность блеснуть предъ Европою на конгрессѣ. Канцлеръ встрѣтилъ Игнатъева одобреніемъ, что ему удалось «такъ неожиданно быстро достигнуть желаемаго результата», но о самомъ договорѣ онъ отозвался, что «по своей умѣренности, едва ли онъ удовлетворитъ русское общественное мнѣніе, ожидавшее несравненно большаго

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХLII, стр. 59.

²⁾ Когда предсѣдатель комитета министровъ, отецъ посла, графъ Игнатъевъ, поздравлялъ государя съ Санъ-Стефанскимъ договоромъ письменно 19-го февраля (онъ былъ боленъ и не могъ выходить), то его величество отвѣтилъ ему: «Благодарю искренно. Радуюсь, что сыну твоему выпала честь подписать столь славный для Россіи миръ. Теперь остается желать, чтобы европейскіе наши друзья не помѣшали въ исполненіи ихъ вмѣшательствомъ. Дай Богъ, чтобы скорѣе поправился».

Авт.

отъ своихъ уполномоченныхъ, и что, по его убѣжденію, договоръ этотъ не встрѣтитъ препятствій со стороны Европы, такъ какъ, опираясь на Бисмарка и Андраши, ему легко будетъ въ самый кратчайшій срокъ преодолѣть неудовольствіе Биконсфильда и достигнуть европейскаго подтвержденія. нашимъ условіямъ съ Портою». Игнатъевъ изъяснилъ нѣкоторое сомнѣніе въ такомъ легкомъ успѣхѣ и ограничился сердечнымъ пожеланіемъ, чтобы надежда князя Горчакова осуществилась и чтобы требованія, имъ предъявленныя туркамъ, были найдены всѣми державами, вопреки ожидавіямъ, умѣренными. Главнѣйшая забота канцлера и всего министерства иностранныхъ дѣлъ заключалась въ томъ, чтобы Австро-Венгрія осталась удовлетворенною Санъ-Стефанскимъ договоромъ и чтобы условія его показались въ Вѣнѣ не выходящими изъ рамокъ соглашенія нашего съ графомъ Андраши, а потому, представляя государю и канцлеру текстъ договора и приложенныя къ нему карты, а равно и донесенія о ходѣ переговоровъ, Игнатъевъ приложилъ вышеупомянутую объяснительную записку, имѣющую главнѣйше въ виду направить дальнѣйшія дѣйствія нашей дипломатіи на путь, обезпечивающій надлежащее осуществленіе важнѣйшихъ условій договора.

Узнавъ, что канцлеръ собирается отправиться на конгрессъ, Игнатъевъ предложилъ ему, 3-го марта, вовсе не ратификовать Санъ-Стефанскій договоръ, выставляя на видъ, что турки отречься отъ сдѣланныхъ ими намъ уступокъ не могутъ послѣ доставленной и представленной государю императору ратификаціи султана и пока наша армія, могущая ваставить турецкое правительство безпрекословно выполнить всѣ нужныя намъ условія договора, находится еще подъ стѣнами Стамбула; представленіе же текста нашего договора на разсмотрѣніе и одобреніе европейскихъ представителей до того оскорбительно для народнаго чувства, что достоинство наше было бы менѣе уязвлено, если бы на договорѣ не было подписи его величества, а оставалась бы одна подпись уполномоченнаго Россіи. Договоръ, нами заключенный, можетъ подвергнуться измѣненію по волѣ государя императора, но отдавать на судъ и, такъ сказать, на поруганіе договоръ, уже ратификованный его величествомъ и сдѣлавшійся, по международному праву, безповоротнымъ окончательнымъ, будетъ, по крайней мѣрѣ въ глазахъ всей Россіи и славянства, унижительно и прискорбно. Канцлеръ снова заявилъ, что увѣренъ въ полномъ содѣйствіи князя Бисмарка и въ особенности графа Андраши и не сомнѣвается, что развѣ самыя незначительныя статьи, касающіяся общихъ европейскихъ интересовъ, а не исключительно русскихъ, турецкихъ или вассальныхъ княжествъ, подвергнутся редакціонному измѣненію, безъ вліянія на существо дѣла. Самоувѣренность князя Горчакова была такова, что, увлекаясь мелочнымъ тщеславіемъ, онъ торопился замѣнить

подпись Игнатьева и Нелидова ратификаціею государя и своимъ собственноручнымъ скрѣпленіемъ.

Договоръ былъ ратификованъ его величествомъ 4-го, а 5-го марта произошелъ въ кабинетѣ князя Горчакова формальный обмѣнъ ратификацій между нимъ и Реуфомъ-пашою.

Наканунѣ, 4-го марта, въ субботу, князь Горчаковъ вечеромъ имѣлъ совѣщаніе съ Реуфомъ-пашою, на которое онъ пригласилъ Игнатьева. Очевидно, что тщеславный канцлеръ хотѣлъ показать турецкому послу, что онъ можетъ обходиться безъ участія Игнатьева и отстранить официально сего послѣдняго отъ окончанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ опасался, что въ разговорѣ съ Реуфомъ-пашою можетъ возникнуть вопросъ, разрѣшить который, по незнанію, князь не будетъ въ состояніи. Поэтому Игнатьеву рекомендовалось явиться на совѣщаніе какъ будто невзначай. Вечеромъ въ тотъ же день, то-есть 5-го марта, по порученію государя и канцлера Игнатьевъ имѣлъ продолжительное объясненіе съ Реуфомъ-пашою, какъ съ турецкимъ уполномоченнымъ, присланнымъ для ратификаціи и передавшимъ его величеству просьбу султана смягчить, по возможности, при исполненіи, тяжкія условія договора, въ особенности же касательно уплаты непосильной денежной контрибуціи. 7-го марта Игнатьевъ представилъ письменный краткій отчетъ канцлеру о заключеніяхъ, къ которымъ пришли во время этихъ переговоровъ:

«1. Касательно русскихъ плѣнныхъ, находящихся нынѣ въ Константинополѣ, сераскирь обѣщаль, что всѣ они, безъ всякаго исключенія, будутъ отправлены на первыхъ турецкихъ пароходахъ, посланныхъ въ Одессу или Севастополь за турецкими плѣнными, нами возвращаемыми.

«2. Выставивъ на видъ турецкому уполномоченному неудобство и неприличіе оставлять наши войска на бивуакахъ на высотахъ, окружающихъ Батумъ, и въ окрестностяхъ Шумлы и Варны, — въ ожиданіи вывода изъ этихъ крѣпостей, уступленныхъ уже Турціею по договору, войскъ и военнаго матеріала, тамъ накопленнаго, я настаиваль, чтобы къ очищенію ихъ и къ вводу туда нашихъ войскъ было приступлено безотлагательно. Ничто не препятствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ Портѣ поступить такъ же, какъ и относительно укрѣпленныхъ пунктовъ, сданныхъ нашимъ войскамъ на основаніи перемирія, а именно оставить часть военнаго матеріала и продовольственныхъ запасовъ, которая, за недостаткомъ перевозочныхъ средствъ, не можетъ еще тотчасъ же быть вывезена, приставивъ къ этимъ складамъ турецкихъ часовыхъ. Разъ миръ заключенъ, ничто не препятствуетъ нашимъ войскамъ мирно размѣститься въ казармахъ вмѣстѣ съ оставшимися частями турецкой арміи.

«3. Такъ какъ демаркаціонная линія, упоминаемая въ адрианопольскомъ перемиріи, еще не обозначена на мѣстѣ для Сербіи и ермогоріи, то для предупрежденія недоразумѣній и столкновеній

условлено считать границы, проведенныя Санъ-Стефанскимъ договоромъ, за демаркаціонную линію между турецкою арміею и войсками двухъ сербскихъ княжествъ. Само собою разумѣется, что это рѣшеніе нисколько не должно вліять на трудъ пограничныхъ комиссій, опредѣленныхъ договоромъ. Но сербскія и черногорскія войска должны войти нынѣ же въ демаркаціонную линію, тогда какъ турецкія войска, находящіяся за этою линіею, должны также отступить въ назначенные имъ предѣлы ¹⁾.

«4. Коснувшись, по повелѣнію султана, вопроса о срокахъ и способѣ возвращенія русскихъ войскъ въ отечество, Реуфъ-паша призналъ, что посадка войскъ на суда затруднительна въ Санъ-Стефано или Родосто, то есть въ тѣхъ пунктахъ, на которые указывали турки, по внушенію, вѣроятно, англичанъ. Мы пришли къ заключенію, что русскія войска, находящіяся въ окрестностяхъ Константинополя, будутъ садиться на суда для отплытія въ Одессу и Севастополь въ Буюкъ-дере, какъ лучшей якорной стоянкѣ по близости ихъ расположенія и вѣхъ турецкихъ укрѣпленій ²⁾. Я объяснилъ турецкому чрезвычайному послу, что предположеніе посадки войскъ въ Буюкъ-дере вызвано не только соображеніями практическаго свойства и въ видахъ удобства войскъ, но и желаніемъ не вводить ихъ въ столицу, а направить къ Босфору чрезъ Пиргось и по шоссе, ведущему въ Буюкъ-дере, прямо къ мѣсту якорной стоянки русскихъ судовъ, имѣющихъ быть присланными для перевозки войскъ на родину.

«5. Наконецъ, сераскиру-пашѣ была мною развита мысль, что совершенно необходимо турецкому правительству предоставить намъ положительныя ручательства неизмѣнности здоровой политики Порты, могущей поднять ее въ нашихъ глазахъ ³⁾ и внушить намъ довѣріе. Реуфъ-паша далъ наилучшія завѣренія въ этомъ отношеніи. Онъ выразилъ надежду, что султанъ, опираясь на свою армію, сумѣетъ воспротивиться всѣмъ интригамъ и заставить подчиниться

¹⁾ Черногорцы и отчасти сербы не овладѣли еще отведеннымъ имъ пространствомъ, и первые могли занять нѣкоторыя мѣстности лишь подъ горячимъ впечатлѣніемъ разгрома турецкихъ силъ и появленія русской арміи у Стамбула. Лишь на весьма ограниченномъ числѣ пунктовъ сербы и черногорцы зашли за демаркаціонную линію. Тогда какъ мусульманамъ, по Санъ-Стефанскому договору, приходилось добровольно уступить немалое пространство. Обстоятельство это, извѣстное Игнатьеву, было скрыто въ переговорахъ отъ турокъ подъ видомъ равноправности взаимныхъ обязательствъ. А в т.

²⁾ При отъѣздѣ Игнатьева изъ Санъ-Стефано и рѣчи не было о возведеніи укрѣпленій для прегражденія русскимъ доступа къ верхнему Босфору. А в т.

³⁾ Реуфу-пашѣ было при этомъ объяснено, что всѣ недоразумѣнія между Россіею и Турціею вызваны податливостью послѣдней на враждебныя намъ интриги и зависимость ея отъ Англій. Партія «Юноч Турція» и многіе изъ выдающихся пашей были слѣплыми орудіями англичанъ и вели безсознательно Турцію къ столкновенію съ Россіею: А в т.

своей власти. Я отвѣтилъ турецкому министру, что, пока британская эскадра находится въ Мраморномъ морѣ, Англія имѣетъ полную возможность навязать Портѣ свою волю, вліять на ея рѣшенія и мы должны опасаться захвата англичанами не только Дарданелль, но даже и Босфора, что доставило бы имъ полное господство въ Константинополѣ. Не надо терять изъ виду, что въ такомъ случаѣ власть султана сдѣлалась бы совершенно ничтожною и мы не могли бы отнестись иначе къ этому событію, какъ считать Турецкую имперію болѣе не существующею. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія самой Порты и въ ея интересахъ, необходимо противопоставить англичанамъ въ проливахъ противовѣсъ предоставленіемъ нашимъ войскамъ занять босфорскія укрѣпленія самостоятельно или совмѣстно съ турецкими. Занятіе русскими войсками босфорскихъ фортвъ явственно указало бы англичанамъ неблагопріятные результаты ихъ возбуждающаго образа дѣйствій. Турецкое правительство получить возможность тогда потребовать отъ Великобританіи удаленія ея эскадры, заявивъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что оно условилось съ нами, что временное занятіе босфорскихъ укрѣпленій прекратится, какъ только исчезнутъ причины, вызвавшія подобную мѣру съ нашей стороны, то есть что русскія войска выйдутъ изъ фортвъ одновременно съ выходомъ англійской эскадры изъ Дарданельскаго пролива. Объявляя, что онъ понимаетъ необходимость для Россіи не только съ точки зрѣнія политическаго равновѣсія, но и съ чисто оборонительною цѣлью, для прикрытія нашего юга и сообщеній арміи, занятія прибрежныхъ фортвъ, въ случаѣ вступленія англійской эскадры въ Босфоръ, Реуфъ-паша обѣщаль не терять изъ виду сего обстоятельства, приготовить султана къ неизбѣжному послѣдствію слабости, выказанной Портою въ отношеніи къ Англіи, и вступить по этому предмету въ соглашеніе съ его императорскимъ высочествомъ главнокомандующимъ, съ которымъ онъ будетъ поддерживать, согласно совѣту моему, довѣрительныя сношенія чрезъ посредство нашего перваго драгомана Ону, помимо Порты и другихъ министровъ. Убѣжденный въ необходимости серьезнаго, искренняго и безъ малѣйшихъ оговорокъ согласія между Россією и Турцією, Реуфъ-паша предлагаль себя въ посредники прямыхъ сношеній между государемъ императоромъ и главнокомандующимъ съ одной стороны и султаномъ съ другой и торжественно обѣщалься передавать безотлагательно султану все, что будетъ ему сообщено чрезъ Ону.

Въ заключеніе Реуфъ-паша выразилъ надежду, что ему удастся удалить англійскую эскадру изъ Мраморнаго моря, и обѣщаль начать дѣйствовать въ этомъ смыслѣ тотчасъ послѣ своего возвращенія въ Константинополь.

Записка эта прежде представленія канцлеру и государю была прочитана 6-го марта Реуфу-пашѣ и имъ вполне одобрена. Онъ

попросилъ у Игнатьева копию, чтобы перевести на турецкій языкъ и представить султану тотчасъ послѣ своего прибытія въ оттоманскую столицу.

Откланиваясь его величеству, турецкій уполномоченный повторилъ тѣ же завѣренія, но добавилъ, что могъ бы ручаться за успѣхъ, за точное исполненіе договора и за уничтоженіе всѣхъ козней иностранцевъ, старающихся разстроить установленіе прочной дружбы между Россією и Турцією, лишь если государю императору благоугодно будетъ какъ можно скорѣе вернуть графа Игнатьева снова въ Константинополь, гдѣ онъ теперь болѣе необходимъ, нежели когда-либо. Въ противномъ случаѣ онъ опасается, что интриги и внушенія Лайярда, англійскихъ и австрійскихъ агентовъ будутъ имѣть успѣхъ и увлекутъ Порту на прежній путь. Реуфъ-паша умолялъ государя приказать послу своему ѣхать одновременно съ нимъ обратно. Его величество отвѣтилъ, что графъ Игнатьевъ «ему пока здѣсь нуженъ».

Реуфъ-паша былъ правъ и повторилъ вышесказанное въ Кіевѣ, при свиданіи на станціи съ графинею Игнатьевой, умоляя ее написать мужу, чтобы онъ возвращался безотлагательно на Босфоръ «для укрѣпленія дружбы между государемъ и султаномъ и противодѣйствія интригамъ Англій и Австріи».

Дѣйствительно, въ эту минуту, съ точки зрѣнія русскихъ и даже турецкихъ интересовъ, было совершенно необходимо возвращеніе въ Константинополь самого автора Санъ-Стефанскаго договора, который въ теченіе 13 лѣтъ своего пребыванія пріучилъ турокъ и иностранцевъ къ мысли, что требованія его будутъ настойчиво и энергично преслѣдуемы и что, слѣдовательно, исполнять ихъ Портѣ неизбѣжно. Имѣя, какъ никто другой изъ европейскихъ представителей, установившія личныя сношенія съ лицами всѣхъ сословій и исповѣданій въ Турецкой имперіи, Игнатьевъ могъ бы прослѣдить за каждою зарождающеюся интригою агентовъ иностранныхъ державъ и скорѣе новаго лица противодѣйствовать имъ, сглаживая своевременно недоразумѣнія, которыя могли возникнуть при исполненіи договора, а равно и тѣ щекотливыя отношенія между турецкими властями и нашими войсками, которыя вытекали изъ славныхъ побѣдъ нашихъ, приведшихъ насъ къ стѣнамъ Стамбула. Если когда-либо прежній посолъ могъ быть полезенъ въ Константинополѣ, такъ именно въ переходную эпоху отъ войны къ миру, для предупрежденія на мѣстѣ поводовъ къ европейскому вмѣшательству въ устанавливающіяся сношенія между Россією и Турцією. Всѣ это чувствовали въ Европѣ и сами турки, за исключеніемъ тѣхъ, которые хотѣли въ мутной водѣ рыбу ловить и знали, что стараго русскаго посла не проведешь. Тѣ, которые собирались лишить Россію плодовъ побѣдъ, породить недоразумѣнія и замѣшательства, не допуститъ до приведенія въ исполненіе Санъ-Стефан-

скаго договора, чтобы вырвать Турцію изъ рукъ побѣдителя и создать возможность заключенія новаго договора, менѣе благопріятнаго Россіи и болѣе выгоднаго Австріи и Англій, тѣ, сознавая отлично личное значеніе прежняго представителя Россіи на Босфорѣ, употребляли всѣ усилія, тайныя и явныя, для его удаленія ¹⁾).

¹⁾ Устраненіе графа Н. П. Игнатьева отъ всякаго значительнаго участія въ государственныхъ дѣлахъ въ то время, когда онъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ и таланта, мнѣ всегда казалось явленіемъ весьма загадочнымъ, въ особенности въ такой средѣ, какъ сановный Петроградъ, гдѣ было всегда въ обычаѣ, до самаго недавняго времени, держать даже совершенно дряхлыхъ людей на весьма активныхъ и отвѣтственныхъ постахъ. Графъ Николай Павловичъ родился въ 1828 году; стало быть, ему было ровно 50 лѣтъ, когда онъ подписалъ Санъ-Стефанскій договоръ, послѣ котораго можно считать, что его дипломатическая карьера была кончена. Ему было только 54 года, когда онъ, пробывъ около года на посту министра внутреннихъ дѣлъ, былъ уволенъ отъ должности (1882 г.). И затѣмъ, въ теченіе полныхъ 26 лѣтъ, до самой его смерти, эта исполненная сила прозорливаго и стойкаго русскаго государственнаго человѣка была совершенно не использована. При полномъ здоровьѣ и ясной мысли Игнатьевъ оказался *ненужнымъ* человѣкомъ.

Почему?

Вотъ на этотъ вопросъ очень трудно отвѣтить; но едва ли такое явленіе можетъ быть удовлетворительно объяснено, какъ это дѣлаетъ ниже авторъ Записокъ, и тѣмъ, что «у насъ издавна заведено все сводить на личную почву и завидовать всякому успѣху». Причина тутъ была гораздо глубже.

Заинтересовавшись уже много лѣтъ назадъ этимъ поразительнымъ обстоятельствомъ, какъ можно было, при общемъ плачѣ: «людей нѣтъ, людей нѣтъ!»—совершенно замуровать такую силу, я многихъ разспрашивалъ: какая могла быть къ тому причина? Люди изъ того круга, къ которому принадлежалъ Игнатьевъ, мнѣ давали тѣ или другіе отвѣты; интересны въ данномъ случаѣ отвѣты недоброжелательные. Его обвиняли въ тѣхъ или другихъ чертахъ характера, въ тѣхъ или другихъ ошибкахъ въ его дѣятельности. Не говоря о томъ, что эти мнѣнія отчасти отражали ходячія клеветы, злословіе или невѣрную оцѣнку событій, но въ нихъ поразительно было, главнымъ образомъ, то, что если бы даже всѣ эти упреки были правильны, то именно тѣ черты, которыя ставились ему въ вину,—другимъ вовсе не портили карьеры; именно такія ошибки, которыя ему приписывались,—отлично укладывались для другихъ съ дальнѣйшимъ расцвѣтомъ карьеры и власти. Стало быть, *не въ томъ была сила*. Графа Игнатьева устранило такое вліяніе, которое, очевидно, было настолько значительно, что *все* должно было ему повиноваться; это было могущество такого рода, что ему *никто* не смѣлъ въ эту эпоху смотрѣть прямо въ глаза, а тамъ болѣе подкапываться и объявлять ему внутреннюю войну; даже писать свободно о немъ было фактически запрещено; а открытыя рѣчи въ то время не говорили. Многие думаютъ, что «православіе» и «самодержавіе» стояли во главѣ угла, охватывая всю нашу государственность. Но теперь все болѣе дѣлается яснымъ, въ глазахъ историка, что упомянутая невѣнчанная сила нерѣдко произывала своимъ вліяніемъ такія сферы бытія, куда не досягали тѣ первоосновы русскаго монархическаго государственности.

Что же это была за сила? Явно враждебная всему русскому, она подслуживалась русской славѣ и какъ будто стояла за нее, незамѣтно подмѣнивая самыя сокровенныя фибры власти и сортируя по какимъ-то ей одной извѣстнымъ законамъ подборъ—кого провести, кого исключать изъ всемогущихъ сферъ.

Нѣкоторое цѣнное указаніе къ познанию этой совершенно неборимой (въ то время) силы гр. Игнатьевъ даетъ ниже (см. разговоръ его съ княземъ Рейсомъ, раскрывающій карты той германской интриги, которая удалила Игнатьева изъ Константинополя при дружномъ содѣйствіи придворныхъ «шештуновъ» изъ числа «русскихъ»

Непонятно ослѣпленіе министерства иностранныхъ дѣлъ и главной квартиры великаго князя Николая Николаевича.

Интрига велась ловко, искусно и обдуманно. Успѣху ея содѣйствовали личныя и мелкіе расчеты различныхъ личностей, честолюбіе многихъ, близорукость и завистливое тщеславіе князя Горчакова, слабость характера, неопытность и политическая незрѣлость главнокомандующаго, мечтавшаго лишь объ одномъ: вступить въ наилучшія отношенія съ султаномъ, избѣгнуть всякихъ неприятностей съ ухаживающимъ за нимъ германскимъ посломъ и другими дипломатами, не рискуя возобновленіемъ какихъ-либо военныхъ дѣйствій и столкновеній, и убраться, наконецъ, какъ можно скорѣе въ Россію, чтобы пожинать пріобрѣтенныя въ Турціи лавры. Главными дѣйствующими лицами интриги были, весьма естественно, англійскій посоль Лайярдъ и германскій князь Рейсъ. Обоимъ не было никакого расчета допустить приведеніе въ исполненіе турками Санъ-Стефанскаго договора и упроченіе вліянія Россіи на султана и Порту возвращеніемъ Игнатьева на насиженное имъ мѣсто. Побужденія враждебно расположеннаго къ Россіи англійскаго посла очевидны и не могли преслѣдовать иной цѣли. Германскій посоль, игравшій во время войны первую роль, избалованный уже и прежнимъ положеніемъ своимъ въ Петербургѣ и пріобрѣвшій, къ сожалѣнію, привычку господствовать въ русскихъ дѣлахъ, сознавалъ, что Игнатьевъ не такой человѣкъ, по независимому характеру и укоренившимся на Босфорѣ дипломатическимъ привычкамъ, чтобы дать себя сбить съ занятой давно позиціи въ Константинополѣ и поддаться вліянію германскаго посольства. Впрочемъ, князь Рейсъ, переведенный вскорѣ въ Вѣну, встрѣтившись тамъ съ Игнатьевымъ въ 1879 г., послѣ Берлинскаго конгресса, довольно добродушно отвѣтилъ на слѣдующій вопросъ, сдѣланный ему въ теченіе разговора бывшимъ русскимъ посломъ: «Личныя отношенія наши были всегда отличныя; скажите мнѣ, пожалуйста, князь, почему вы такъ усердно хлопотали о моемъ удаленіи изъ Константинополя и не желали свидѣться со мною на Босфорѣ послѣ отъѣзда моего изъ Санъ-Стефано съ Реуфомъ-пашою?» Отвѣтъ былъ: «Я исполнилъ свою обязанность германскаго представителя. Если бы вы были на моемъ мѣстѣ, вы бы такъ же поступили. Я былъ убѣжденъ, что вы такъ заберете въ руки Порту и наведете страхъ на султана, что турки приведутъ въ исполненіе всѣ ваши неумѣренныя требованія. Договоръ будетъ исполненъ; Австро-Венгрія будетъ обойдена, и Европѣ нечего будетъ дѣлать, а мы имѣли въ

сановниковъ). Эту таинственную силу наше поколѣніе знаетъ, обличаетъ и, при измѣнившихся условіяхъ русской политической дѣйствительности, съ нею борьба нынѣ уже возможна, хотя и посейчасъ трудна. Ея имя: *нѣмецкое засиліе въ русской государственной жизни!*

А. Б.

виду конгрессъ и передѣлку вашего договора. Гораздо непонятнѣе, почему въ главной квартирѣ вашей не желали вашего возвращенія и почему многіе изъ вліятельныхъ русскихъ намъ помогали, хлопоча, чтобы васъ не пускали обратно изъ Петербурга». Принцъ Рейсъ была совершенно правъ съ германской точки зрѣнія, но какъ характеризовать дѣйствія нѣкоторыхъ русскихъ сановниковъ? Къ сожалѣнію, у насъ завелось издавна сводить все на личную почву ¹⁾, завидовать всякому успѣху и преслѣдовать цѣли,

¹⁾ Мы уже говорили выше, что ссылка Игнатьева на «заведенный у насъ издавна складъ все сводить на личную почву и завидовать всякому успѣху» представляется совершенно недостаточнымъ объясненіемъ тѣхъ интригъ, которыя стерли со сцены исторіи «творца Санъ-Стефанскаго договора». Теперь, когда нашъ политическій кругозоръ значительно расширился, мы стали ясно понимать такія язвы русской дѣйствительности, значеніе которыхъ невозможно было выяснять въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Поэтому самая колоритная и необходимая задача нашего времени теперь—защита Россіи отъ германскаго засилія именно на верхахъ и въ центрахъ Русской имперіи.

Графъ Игнатьевъ, несомнѣнно, многое прочувствовалъ, можно сказать, «нюхомъ», что въ его время было еще далеко не ясно. Характерно, что именно инициативѣ Н. П. Игнатьева Россія была обязана тѣмъ, что съ перваго же года царствованія императора Александра III выдвинутъ была роковой балтійскій вопросъ. Сначала, несмотря на ходившіе анекдоты о наследникѣ русскаго престола, неоднократно вызывавшемъ недовольство Александра II своими антинѣмецкими выходками, нѣмецкая партія, по сю и по ту сторону государственной границы, усердно лелѣла надежды на новаго царя. Помнится, черезъ нѣсколько недѣль послѣ его вступленія на престолъ намъ попала нѣмецкая статья, описывавшая его богатырскую наружность въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Der neue Herrscher hat ein edles Gesicht von entschieden deutschen tipus» (новый монархъ имѣетъ благородное лицо съ несомнѣнно германскимъ типомъ лица). Вотъ съ этимъ-то новымъ историческимъ лицомъ вскорѣ пришлось крѣпко считатьъ «остзейской партіи». По этому поводу вотъ что намъ пришлось услышать изъ устъ незабвеннаго Николая Павловича Игнатьева о томъ, какъ возникла въ Петроградѣ первоначальная идея о посылкѣ въ Прибалтійскій край сенаторской ревизіи. Приводимъ на память слова графа Игнатьева: «Въ первые мѣсяцы послѣ преступленія 1-го марта, въ бытность мою министромъ внутреннихъ дѣлъ, забота властей была, конечно, направлена къ искорененію той крамолы, которая привела къ столь ужасному дѣянію. Вотъ тогда «остзейское» дворянство рѣшило подладиться къ существовавшему тогда на верхахъ понятному настроенію, съ цѣлью использовать это теченіе для своихъ выгодъ. Въ Петроградъ командирована была знатная депутація мѣстнаго баронства, которая представилась мнѣ съ цѣлью испросить высочайшую аудіенцію у государя Александра III. Съ первыхъ же словъ эта депутація заявила, что та крамола, которая убила царя, свила себѣ опасное гнѣздо въ латышскомъ населеніи, а потому необходимо, въ интересахъ государственнаго порядка, дать прибалтійскому дворянству болѣе сильную власть надъ народомъ. Я обѣщалъ доложить государю. Когда у меня состоялся ближайшій докладъ его величеству, я полностью передалъ ходатайство прибалтійскаго дворянства.

«— Какое ваше мнѣніе?—спросилъ меня государь.

«—Ваше величество,—отвѣтилъ я:—поставленные въ этомъ ходатайствѣ обвиненія настолько серьезны, что къ нимъ слѣдуетъ отнестись съ величайшимъ вниманіемъ. Для провѣрки всего сказаннаго необходимо назначить сенаторскую ревизію въ прибалтійскихъ губерніяхъ.

«— Да, но вѣдь это дѣло трудное и сложное. Имѣете ли вы на примѣтѣ способное для такой задачи лицо?

ничего общаго съ чувствомъ долга и патріотизма не имѣющія. Въ глазахъ многихъ Игнатъевъ былъ неудобенъ: чинамъ главной квартиры колола глаза его самостоятельность и неподатливость на мелкіе личные расчеты. Опасались, что онъ затянетъ пребываніе войскъ своимъ упорствомъ и настойчивостью предъ Портою и европейскими дипломатами. «Чего добраго,—говорили окружающіе великаго князя главнокомандующаго,—онъ втравитъ насъ въ новыя затрудненія и даже въ войну съ Англіею, и тогда намъ долго не вернуться въ Петербургъ». Расчетъ былъ ошибочный, и нѣтъ сомнѣнія, что, возвратись Игнатъевъ въ Константинополь, войска такъ долго не бездѣйствовали бы бесполезно подъ стѣнами Стамбула и не оставались бы такъ продолжительно въ Турціи. Дипломаты, аккредитованные при султанѣ и Портѣ, желали всѣ разыграть какую-нибудь видную роль, воспользовавшись разгромомъ Турціи, и хотя многіе изъ нихъ находились въ личныхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ Игнатъевымъ, какъ графы Корти и Зичи, но всѣ почти предпочитали имѣть дѣло съ новымъ коллегою, нежели быть поставленными въ необходимость подчиниться признанному авторитету прежняго старшины дипломатическаго корпуса, подкрѣпленному еще присутствіемъ побѣдоносной арміи, расположенной въ нѣсколькихъ верстахъ отъ его резиденціи. Многіе старые турки желали искренно возвращенія Игнатъева и ему это выражали; но нѣтъ сомнѣнія, что для Порты всякій новый посолъ былъ удобнѣе, нежели прежній, а верховный визирь Ахметъ-Вефикъ, турецкіе уполномоченные, подписавшіе въ Санъ-Стефано тягостный договоръ, и вся враждебная намъ англійская партія

«— Да, ваше величество! Я предлагаю послать на ревизію сенатора Николая Авксентьевича Манасейна. (Желѣзная воля этого человѣка мнѣ была извѣстна по знаменитому процессу игуменьи Митрофаніи).

«Получивъ высочайшее соизволеніе, я на другой день принялъ депутацію балтійскихъ бароновъ.

«— Господа,—сказалъ я имъ съ первыхъ же словъ,—позвольте васъ поздравить съ блестящимъ успѣхомъ вашего ходатайства. Его величество отнесся въ высшей степени внимательно къ серьезной опасности, вами указанной, а потому всемилостивѣйше мнѣ повелѣтъ соизволилъ безотлагательно отправить въ вашъ край ревизующаго сенатора Манасейна!

«Если припомнить то огромное значеніе, которое имѣла эта ревизія и возникшая изъ нея указаніи судебная реформа въ прибалтійскихъ губерніяхъ; если сообразить, что эта ревизія—въ ея тайныхъ и не опубликованныхъ исполнѣ матеріалахъ прямо поставила вопросъ объ аграрной реформѣ въ край, каковую удалось «остзейской» партіи парализовать; если, наконецъ, сообразить, что ростъ сознательности русскаго общества въ восьмидесятихъ годахъ въ отношеніи «нѣмецкаго засилія» былъ непосредственнымъ слѣдствіемъ того глубокаго оскорбленія, которое Россія понесла въ Берлинѣ, когда на конгрессѣ былъ уничтоженъ Санъ-Стефанскій договоръ, то многое уже дѣлается яснымъ. Удаленіе «творца Санъ-Стефанскаго договора» сначала отъ дипломатическаго поприща, а затѣмъ и вовсе отъ всякой живой дѣятельности на пользу русской государственности,—было прямымъ слѣдствіемъ того, что все было тогда въ Ингерманландіи къ услугамъ энигоновъ Бирона. А. Б.

нашей и «Юной Турціи» пламенно желали удаленія виновника договора, сознавая, что онъ отъ него не отступитъ, а заставить непременно исполнить въ точности и нести отвѣтственность за осуществленіе условій; при новомъ же послѣ, недостаточно знакомомъ со всѣми мѣстными подробностями и положеніемъ дѣлъ, легче будетъ попытаться отдѣлаться отъ наиболѣе тяжкихъ послѣдствій договора и оспаривать смыслъ онаго и значеніе существенныхъ обязательствъ. Сверхъ того, многіе паши, вызвавшіе своими дѣйствіями, при сверженіи Абдуль-Азиса съ престола, во время и послѣ константинопольской конференціи, разрывъ между Россією и Турцією (какъ Мидхадъ и Эдхемъ-паша), опасались разоблаченія передъ султаномъ своихъ поступковъ и преслѣдованія русскаго представителя, который, поддерживая людей, полезныхъ Россіи, никогда не спускалъ турецкимъ министрамъ ихъ коварныхъ дѣйствій и приучилъ ихъ къ мысли, что рано или поздно, но надо будетъ имъ за нихъ расплатиться.

Къ этимъ иностранцамъ присоединились, къ сожалѣнію, нѣкоторые высшіе военные чины и дипломатическіе чиновники, бывшіе въ то время въ Константинополѣ. Встрѣтивъ въ Одессѣ ѣхавшихъ въ главную квартиру дѣйствующей арміи командовавшаго корпусомъ въ Рущукскомъ отрядѣ князя Дондукова-Корсакова и князя Имеретинскаго, бывшаго начальникомъ штаба генералъ-адъютанта Тотлебена, Игнатьевъ, предполагая доставить имъ удовольствіе, поспѣшилъ предварить ихъ, что ихъ ожидаютъ новыя обязанности, касающіяся приведенія въ исполненіе только что подписаннаго договора. Князь Дондуковъ-Корсаковъ вызывался для полученія должности императорскаго комиссара въ созданной по Санъ-Стефанскому договору Болгаріи и командующимъ русскими войсками, которыя временно останутся въ краѣ. Князю Имеретинскому, просившему Игнатьева при проѣздѣ его въ январѣ въ Бухарестѣ доставить ему какую-либо дѣятельность при предстоявшихъ мирныхъ переговорахъ, посоль сообщилъ, что, согласно его представленію, главнокомандующій предполагаетъ назначить его комиссаромъ при проведеніи окончательныхъ границъ Болгаріи, согласно Санъ-Стефанскому договору, причемъ было указано на важность согласительнаго щекотливаго рѣшенія пограничныхъ вопросовъ въ Македоніи и Старой Сербіи, между греками, сербами и болгарами. Разложивъ договорную карту предъ обоими, Игнатьевъ указалъ границы Болгарскаго княжества и разъяснилъ подробности, относящіяся до осуществленія Санъ-Стефанскаго договора.

Покончивъ въ главныхъ чертахъ опредѣленіе границы съ турками, договоръ предоставлялъ полную возможность, при проведеніи границы на мѣстѣ, доставить надлежащее удовлетвореніе соперничеству ющимъ съ болгарами національностямъ греческой и

сербской, принявъ во вниманіе смѣшанное распределеніе селеній той и другой народностей на той же пограничной территоріи. Князь Дондуковъ, при крайнемъ честолюбіи и самолюбіи, всегда и прежде питалъ завистливое, хотя и скрытое недоброжелательство къ Игнатьеву. Прибывъ въ Константинополь, онъ нашель благопріятную для себя почву въ главной квартирѣ и, руководствуясь личными соображеніями, употребилъ все отъ него зависящее, чтобы заставить болгаръ отвернуться отъ того, кого они считали своимъ основнымъ избавителемъ и руководителемъ, предупредить замышленное болгарами избраніе Игнатьева княземъ Болгаріи ¹⁾ и даже помѣшать возвращенію посла въ Константинополь. Весьма понятно, что комиссару, дѣйствія котораго должны были быть постоянно въ связи и, такъ сказать, подъ контролемъ представителя государя императора въ Константинополѣ, легко было и свободнѣе при новомъ послѣ, въ особенности, если бы онъ не обладалъ личнымъ значеніемъ въ Россіи, или же былъ выбранъ изъ числа военныхъ лицъ, младшихъ по службѣ и неопытныхъ въ мѣстныхъ и дипломатическихъ дѣлахъ, нежели съ создателемъ Санъ-Стефанскаго договора, авторитетнымъ на Босфорѣ и въ Петербургѣ. Князь Имеретинскій, сблизившись еще прежде съ нѣкоторыми изъ дипломатическихъ чиновниковъ, состоявшихъ при главнокомандующемъ, пришелъ къ заключенію, по всей вѣроятности, что положеніе русскаго посла въ Константинополѣ можетъ быть имъ занято безъ затрудненія и съ нѣкоторою пріятностью, тогда какъ работа пограничнаго комиссара—кропотливый трудъ, щекотливый и неблагодарный. А. И. Нелидовъ, побуждаемый мелкимъ честолюбіемъ и не довольствуясь въ продолженіе военныхъ дѣйствій исполненіемъ обязанностей управляющаго дипломатическою канцелярією, всячески старался опереться въ высшія сферы и доказать, что онъ можетъ вести турецкія дѣла точно такъ же хорошо, какъ и бывший начальникъ его, съ тою лишь разницею, что въ основаніе своихъ дѣйствій онъ приметъ излюбленное соглашеніе съ Вѣною и угожденіе видамъ графа Андраши на Боснію и Герцеговину. Съ цѣлью это доказать онъ составилъ нѣсколько записокъ и, воспользовавшись отъѣздомъ Игнатьева по болѣзни во время блокады Плевны, успѣлъ, къ сожалѣнію, убѣдить отправить въ ноябрѣ одну изъ нихъ въ Вѣну, что потомъ дало поводъ графу Андраши претендовать на насъ, ссылаясь на принятія якобы нами обязательства касательно условій замире-

¹⁾ Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что избранія этого Игнатьева не принялъ бы, что и было объявлено имъ болгарамъ, по князю Дондукову казалось обиднымъ, что, несмотря на то, что вся власть въ Болгаріи была сосредоточена въ его рукахъ и что всѣ подчиненные его добивались отъ болгаръ его избранія княземъ, населеніе предпочтало давно имъ извѣстнаго защитника ихъ предъ турками и Европою полномочному императорскому комиссару.

А в т.

нія съ Турціею. Хотя Игнатьевъ добродушно простилъ ему его коварное въ отношеніи къ бывшему его начальнику поведеніе и, не желая огорчать его, испросилъ у государя разрѣшеніе взять его для подписанія Санъ-Стефанскаго договора, въ качествѣ второго уполномоченнаго, но Нелидовъ внутренно сознавалъ свою виновность предъ бывшимъ своимъ начальникомъ и старался, по отъѣздѣ его въ Петербургъ, отъ него отдѣлаться, предполагая, что онъ самъ можетъ проложить себѣ дорогу въ начальники русскаго посольства на Босфорѣ. Мечтою его было съ самаго паденія Плевны вести мирные переговоры съ турками самостоятельно, и онъ въ этихъ видахъ сильно способствовалъ переговорамъ, начавшимся въ Казанлыкѣ и кончившимся такъ несвоевременно въ Адрианополѣ заключеніемъ перемирія, остановкою нашихъ побѣдоносныхъ войскъ предъ буларскими линіями, съ одной стороны, и въ двухъ переходахъ отъ Босфора—съ другой; проведеніемъ демаркаціонной линіи, дозволившей туркамъ оправиться, а англійской эскадрѣ опередить насъ у Стамбула, и подписаніемъ наконецъ 19-го января мирныхъ основаній, стѣснившихъ дальнѣйшіе переговоры и не дозволившихъ намъ развить наши требованія надлежащимъ образомъ, въ особенности относительно Сербіи, и приблизиться къ конечной цѣли разрѣшенія восточнаго вопроса. При этомъ Нелидову не удалось, однакоже, достигнуть преслѣдуемой имъ лично цѣли: подписи его не значилось ни подъ однимъ изъ актовъ, совершенныхъ такъ поспѣшно, за шесть дней до прибытія специально назначеннаго государемъ уполномоченнаго, несообразно съ истинными интересами Россіи и несоотвѣтственно съ развитіемъ обстоятельствъ, для пониманія которыхъ онъ и состоялъ въ дѣйствующей арміи. Сознывая, что при продолженіи военнаго занятія нами Болгаріи и въ переходное время организациі княжества ему нельзя будетъ получить мѣсто посла, предположено было, какъ кажется, остановиться на слѣдующей комбинаціи: помѣшать возвращенію Игнатьева, назначить князя Имеретинскаго временно посломъ въ Константинополь, съ оставленіемъ при немъ Нелидова въ качествѣ совѣтника-руководителя, а затѣмъ, при восстановленіи нормальныхъ отношеній, предоставить ему быть сначала посланникомъ, а потомъ и посломъ въ Турціи, для продолженія традицій, якобы ему столько же знакомыхъ, какъ и бывшему его начальнику предъ войною. Первая половина интриги удалась вполнѣ, а во второй и князя Имеретинскаго, и Нелидова постигла неудача ¹⁾. Нѣкоторые второстепенные дипломатическіе чинов-

¹⁾ Александръ Ивановичъ Нелидовъ, послѣ заключенія мира съ Турціею, вернулся сначала въ Константинополь 26-го марта 1878 года въ качествѣ только исполняющаго должность повѣреннаго въ дѣлахъ, но въ скоромъ времени, 22-го апрѣля 1878 г., былъ назначенъ посломъ въ Константинополь князь Алексѣй Борисовичъ

ники прельстились этимъ планомъ; зная по опыту неутомимую дѣятельность Игнатѣева и его настойчивость въ требованіяхъ, обращенныхъ къ туркамъ, они рассчитывали найти болѣе покойную и менѣе трудовую службу подъ новымъ начальникомъ, который, по незнанію, будетъ снисходительнѣе относиться къ упущеніямъ и послабленіямъ своихъ подчиненныхъ. Первый драгоманъ рассчитывалъ къ тому же играть болѣе важную роль, поставить новаго посла въ большую отъ себя зависимость, нежели прежняго, часто не обращавшаго вниманія на представленія въ пользу Порты и, по расположенію своему къ туркамъ, получить, наконецъ, возможность не быть болѣе такъ требовательнымъ, докучливымъ и настойчивымъ, какъ принуждалъ его бывшій посоль.

Главнокомандующему, съ разныхъ сторонъ, выставлено было на видъ, что безъ Игнатѣева турки будутъ гораздо любезнѣе, султанъ сговорчивѣе и европейцы предупредительнѣе. Въ отсутствіе посла главнокомандующій одинъ будетъ хозяиномъ дѣла, и посольство обязано безпрекословно исполнять всѣ приказанія его высочества, тогда какъ съ Игнатѣевымъ сговориться трудно; онъ сопротивлялся и приказаніямъ канцлера, внушеннымъ вѣянiami тройственнаго союза, преслѣдуя какую-то русскую національную политику и т. д. Подъ впечатлѣніемъ различныхъ инсинуаций, сплетней, пересудовъ, великій князь поддался интригѣ и просилъ князя Имеретинскаго, отправленнаго имъ въ Петербургъ, передать государю эти слухи и впечатлѣнія, заявляя, что ни онъ, ни дипломатическій корпусъ, ни Порты, никто не желаетъ возвращенія Игнатѣева, которому перестали якобы вѣрить ¹⁾, вслѣдствіе его разнорѣчивыхъ заявленій ²⁾, и который своимъ появленіемъ на Босфорѣ можетъ «разстроить прекрасныя личныя отношенія между султаномъ и великимъ княземъ главнокомандующимъ». Любопытно, что никому не пришло на умъ въ Петербургѣ потребовать фактическаго подтвержденія клеветы, взведенной на русскаго посла, вынесшаго на своихъ плечахъ тринадцатилѣтнюю борьбу на Босфорѣ и заключившаго славный договоръ, ни доставить случай и возможность секретно обвиняемому уполномоченному оправдаться предъ царемъ и выяснить интригу, вредную для

Лобановъ-Ростовскій (ум. въ 1896 г. на посту министра иностранныхъ дѣлъ). Его преемникомъ въ Константинополь былъ Евгенийъ Петровичъ Новиковъ (1879—82 гг.) и наконецъ лишь въ 1883 году Александръ Ивановичъ Нелидовъ достигъ того посольскаго поста въ Константинополь, котораго онъ добивался сейчасъ послѣ Санъ-Стефано. А. Б.

¹⁾ Дѣйствительно, какъ ему вѣрить, когда онъ, вопреки всѣмъ, ничего не хотѣлъ сбавить въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ изъ привезеннаго изъ Петербурга проекта, одобреннаго государемъ, и заключилъ договоръ, обманувшій ожиданія Австріи и Англіи. Турки же вступили съ нимъ въ переговоры и подписали договоръ, не осмѣлившись даже потребовать предъявленія высочайшаго полномочія. Авт.

²⁾ Совершенно голословное обвиненіе.

Авт.

русской политики ¹⁾. Никому не пришло въ голову задать себѣ вопросъ: какую же извлечетъ выгоду Россія изъ какихъ-то личныхъ (и несообразныхъ съ достоинствомъ побѣдоносной русской арміи) временныхъ отношеній между великимъ княземъ и султаномъ, безъ которыхъ главнокомандующій могъ бы совершенно обойтись и которыя, въ политическомъ отношеніи, никому, кромѣ самихъ турокъ и ихъ пособниковъ, не были нужны. Послѣдствія показали, что, напротивъ (и согласно съ мнѣніемъ Игнатьева), послабленія, оказанныя нами туркамъ въслѣдствіе желанія преждевременно установить и поддержать пріятныя личныя отношенія съ султаномъ, послужили во вредъ храбрымъ войскамъ нашимъ и Россіи. Усыпля насъ и избавившись отъ докучливаго, бдительнаго надзора стараго посла, турки, слѣдуя безпрепятственно совѣтамъ противниковъ нашихъ, дерзко и нахально, въ виду побѣдоносной и разгромившей ихъ арміи, оправались, подкрѣпились, воздвигнули рядъ сильныхъ укрѣпленій и сдѣлали свои позиціи, съ которыхъ ихъ такъ легко было смести въ февралѣ и мартѣ, труднодоступными, крѣпкими, а потомъ и неприступными. Надъ нами явно издѣвались, а мы какъ будто ничего не замѣчали, доставляя полную возможность врагамъ нашимъ измѣнить военное и политическое положеніе въ свою пользу, во вредъ и посрамленіе Россіи. Турки и европейскіе дипломаты выказали свою предусмотрительность, употребивъ всѣ усилія, чтобы совѣтъ, данный Реуфомъ-пашою государю, не былъ исполненъ и чтобы на берега Босфора былъ посланъ другой посоль въмѣсто прежняго.

Реуфъ-паша по возвращеніи въ Константинополь очутился безъ поддержки и въ полномъ безсиліи исполнить свое обѣщаніе. Его вскорѣ лишили довѣрія султана и удалили отъ него.

Хотя долговременное пребываніе въ Константинополѣ крайне утомило Игнатьева, а семейныя обстоятельства и здоровье требовали отдохновенія на родинѣ или за границею, но Игнатьевъ сознавалъ вполне необходимость дальнѣйшаго своего пребыванія, въ теченіе хотя бы нѣсколькихъ мѣсяцевъ, въ Турціи, при неослабной съ нашей стороны энергіи для проведенія въ жизнь условій заключеннаго договора, однимъ фактомъ подписанія котораго, естественно, не могли исчерпываться всѣ вопросы, возбужденные нашими военными дѣйствіями.

Уѣзжая изъ Санъ-Стефано, Игнатьевъ письменно указалъ Савфету-пашѣ и главной квартирѣ на слѣдующіе шесть пунктовъ, требующихъ исполненія со стороны турокъ и бдительнаго надзора со стороны нашихъ военныхъ и дипломатическихъ представителей

¹⁾ Такова была награда за Санъ-Стефанскій договоръ и за тяжелую, долговременную, самоотверженную службу и безустанную борьбу съ врагами отечества.

и энергическихъ ихъ настояній, въ случаѣ обычной медленности Порты:

1) Очищеніе отъ турецкихъ войскъ мѣстностей, входящихъ въ составъ Болгарскаго княжества (въ Македоніи), и передача ихъ властямъ, имѣющимъ быть поставленными на основаніи восьмой статьи договора ¹⁾.

2) Немедленная передача намъ Батума и назначеніе окончательнаго срока, въ который фактически крѣпость эта будетъ очищена турками.

3) Возобновленіе пароходами нашего общества пароходства и торговли срочныхъ рейсовъ на одесско-константинопольской и другихъ линій, существовавшихъ до войны.

4) Назначеніе турецкихъ комиссаровъ для проведенія границъ Сербіи и княжества Болгарскаго.

5) Определеніе способа и времени фактической, окончательной передачи крѣпостей Шумлы и Варны ²⁾.

6) Возвращеніе на родину изъ ссылки въ Азіи экзарха болгарскаго и всѣхъ политическихъ изгнанниковъ-болгаръ.

Письменно заявилъ Игнатъевъ еще разъ объ этихъ пунктахъ въ Петербургѣ, въ формѣ памятной записки, Реуфу-пашѣ и канцлеру, напоирая на то, чтобы по всѣмъ этимъ предметамъ было сдѣлано безоглагательно распоряженіе. Съ нашей стороны никто пальцемъ не двинулъ, и всѣ предпочли покоиться на лаврахъ.

Въ Петербургѣ многіе находили, что Санъ-Стефанскій договоръ не удовлетворилъ ожиданіямъ русской публики и недостаточно радикально разрѣшилъ восточный вопросъ.

Незнакомые съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла и съ отношеніями между европейскими государствами порицатели договора оцѣнили отчасти значеніе выговоренныхъ отъ турокъ уступокъ въ пользу Россіи и ея союзниковъ только тогда, когда прочитали яростныя нападки на автора договора со стороны европейской журналистики, въ особенности англійской, ноту министра иностранныхъ дѣлъ Сольсбери и протоколы Берлинскаго конгресса. Но были, однакоже, люди и въ Петербургѣ, которые, не ожидая европейскаго критическаго приговора, выражали сочувствіе свое

¹⁾ Между уполномоченными въ Санъ-Стефано былъ определенъ письменно порядокъ постепенной передачи намъ казъ (уѣздовъ), входящихъ по договору въ составъ Болгаріи, но не занятыхъ нашими войсками до 19-го февраля, и введенія въ нихъ новаго управленія. Авт.

²⁾ Сдача крѣпостей сдѣлалась обязательною для турокъ, по международному праву, съ минуты ратификаціи султаномъ договора, но для фактическаго очищенія крѣпостей не только отъ войскъ, но и отъ накопленнаго въ нихъ военнаго матеріала требовалось, очевидно, определеніе такихъ подробностей, которыя не могли быть известны ни русскимъ, ни турецкимъ уполномоченнымъ въ минуту подписанія договора. Авт.

Игнатьеву и справедливую оцѣнку его дипломатической дѣятельности въ Турціи. Между прочими членъ Государственнаго Совѣта Головининъ¹⁾ заѣхалъ къ нему 9-го марта и, не заставъ дома, оставилъ записку слѣдующаго содержанія: «А. Головининъ, прочитавъ сегодня въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» мирный договоръ, пріѣзжалъ искренно поздравить дорогого коллегу, графа Николая Павловича, съ дѣятельнымъ участіемъ, которое онъ принялъ въ событіи, съ котораго начинается новая эра въ исторіи христіанъ Балканскаго полуострова и славянъ вообще».

Тѣмъ порицателямъ, которые высказывали Игнатьеву сожалѣніе, что онъ не былъ еще болѣе требовательнымъ въ отношеніи къ туркамъ и не взялъ у нихъ блиндированныхъ судовъ²⁾, въ которыхъ мы нуждались въ Черномъ морѣ, Игнатьевъ отвѣчалъ: 1) что въ отвѣтъ на болѣе самостоятельное требованіе передачи намъ турецкой блиндированной эскадры послѣдовалъ бы, вѣроятно, отводъ ея турецкимъ адмираломъ Гоббардомъ (англичаниномъ) подъ защиту англійской эскадры, стоявшей у Принцевыхъ острововъ, или захватъ англичанами всего турецкаго флота подъ предлогомъ гарантіи отъ русскаго посягательства.

2) Если бы ити далѣе въ нашихъ требованіяхъ, выходя совершенно изъ рамокъ бывшей константинопольской конференціи и предварительныхъ условій, подписанныхъ въ Адрианополѣ, при заключеніи перемирія, то мы рисковали способствовать бѣгству султана въ Бруссу или остаться предъ Константинополемъ безъ какого-либо турецкаго правительства, съ которымъ можно бы заключить мирный договоръ, что противорѣчило бы волѣ государя, поставило бы насъ въ большое затрудненіе и вызвало бы европейскія осложненія, къ которымъ русское правительство не было подготовлено. Мы тогда не доросли ни психически, ни матеріально до разрѣшенія восточнаго вопроса завладѣніемъ Константинополя или, по крайней мѣрѣ, Босфора и выхода въ Черное море изъ проливовъ. По мнѣнію Игнатьева, вступать въ Константинополь безъ водруженія святаго креста на храмъ Святой Софіи и безъ укрѣпленія за Россією босфорскаго выхода въ Черное море было бы не только бесполезно, но вредно, въ особенности послѣ заключенія январской конвенціи съ Австро-Венгрією, оговорившею себѣ въ такомъ случаѣ право на присоединеніе сербскихъ земель—Босніи и Герцеговины и, слѣдовательно, подчиненіе своему вліянію Сербіи и Черногоріи. «Нѣсть посланный болѣе пославшаго его,—говорилъ Игнатьевъ своимъ порицателямъ:—въ высшихъ правительственныхныхъ сферахъ не желаютъ ни разрушенія турецкаго вла-

¹⁾ Головининъ, Александръ Васильевичъ, родился въ 1821 г., умеръ въ 1886 г. Министръ народнаго просвѣщенія, членъ Государственнаго Совѣта. К. Г.

²⁾ «Блиндированныя суда»—старое названіе броненосцевъ. А. Б.

дычества на Балканскомъ полуостровѣ, ни обладанія Константинополемъ, ни даже Босфоромъ, предвидя неизбежное столкновение съ Англією, къ которому не приготовлены. При такихъ обстоятельствахъ основанія, положенныя въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ, вполне достаточны для упроченія вліянія Россіи въ Константинополѣ и на всемъ Балканскомъ полуостровѣ. Отъ главнокомандующаго, а не отъ меня, зависѣло болѣе осмысленное распредѣленіе нашихъ силъ подъ Константинополемъ и передвиженіе ихъ, мною желаемое, на босфорскія высоты, а равно вступленіе нашихъ войскъ въ Шумлу и Варну, уступленныя намъ по договору, уже ратификованному султаномъ. Очевидно, что теперь необходимо пристально слѣдить за всѣмъ происходящимъ въ Константинополѣ, настойчиво развивать пріобрѣтенныя нами выгоды и энергично требовать исполненія всѣхъ договорныхъ условій, какъ, напримѣръ, передачи болгарскихъ крѣпостей и Батума, обязательной для турокъ, по международному праву, съ минуты ратификаціи договора султаномъ. Если же мы махнемъ рукою на договоръ и увлечемся снисходительностью или безпечностью, то очевидно, что наши противники симъ воспользуются и постараются уменьшить, по возможности, всѣ выгоды, пріобрѣтенныя Россією въ Санъ-Стефано».

Докладывая государю въ этомъ же смыслѣ, Игнатъевъ вмѣстѣ съ тѣмъ исполнилъ порученіе, данное ему при отъѣздѣ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ, и представилъ данную его высочествомъ записку о предполагавшемся имъ распредѣленіи войскъ, остающихся въ оккупационной арміи:

13-й корпусъ—штабъ Тырново,
одна дивизія—Шумла,
другая дивизія—Рушукъ.
9-й корпусъ—штабъ Филиппополь,
одна дивизія—Сливно,
другая дивизія—Софія.
4-й корпусъ, предназначенный для занятія Македоніи:
штабъ—Ускюбъ,
одна дивизія—Битолия,
другая дивизія—Сересь.

4-я саперная бригада, 4-я, 9-я и 13-я кавалерійскія дивизіи, смотря по обстоятельствамъ, на усмотрѣніе командующаго войсками.

Войска, свободныя для немедленной, по мнѣнію великаго князя, отправки въ Россію:

Гвардейскій корпусъ, 11-й и 12-й корпуса, 2-я пѣхотная дивизія.

Войска, временно остающіяся на занимаемыхъ теперь мѣстахъ, впродъ до очищенія турками Шумлы и Варны и окончательнаго успокоенія этой части Болгаріи:

14-й корпусъ—Хаджи-Оглу, Базарджикъ и окрестности.

Сводный корпусъ изъ 24-ой и 26-ой пѣхотныхъ дивизій Сливо и Ямболи.

Великій князь далъ Игнатьеву записку, написанную карандашомъ, которую онъ также поручилъ доложить государю, въ которой означено было предположеніе его къ возвращенію въ Россію слѣдующихъ частей:

4-й драгунскій полкъ начинаетъ двигаться 24-го іюня въ Рущукъ.

4-й уланскій—28-го іюня туда же.

4-й гусарскій—4-го іюля » »

4-й казачій—7-го іюля » »

Изъ Рущука первые два 9-го іюля, а вторые два 16-го іюля должны были слѣдовать далѣе.

9-го корпуса 5-я пѣхотная дивизія должна была сѣсть на суда въ Бургасѣ 18 іюля.

9-й кавалерійской дивизіи 1-я бригада должна была выйти изъ Рущука 23-го іюля, а 2-я бригада—2-го іюля.

12-го корпуса 33-ю пѣхотную дивизію предполагалось отправить изъ Варны 23-го іюля.

1-й уральскій казачій полкъ изъ Рущука—23-го іюля.

По мнѣнію великаго князя:

1) Занятіе высотъ Босфора, о которомъ не переставалъ твердить Игнатьевъ, могло бы состояться только съ согласія Порты; для этого надо заключить съ нею условіе и дѣйствовать въ союзѣ, въ случаѣ столкновенія съ Англіею изъ-за проливовъ.

2) Всякое промедленіе вывоза войскъ обратно въ Россію будетъ бесполезно увеличивать расходы арміи и усилить убыль войскъ отъ болѣзней, происходящихъ отъ крутого перемѣна образа жизни, бездѣйствія и скученности расположенія. Раздвинуть же войска нельзя въ виду неустойчивости политическаго положенія.

3) Обоза у забалканской арміи нѣтъ. Дивизионные лазареты матеріально, въ дѣйствительности, не существуютъ. Слѣдовательно, въ нынѣшнемъ положеніи армія не могла бы предпринять сухопутныхъ операцій, въ особенности въ случаѣ войны съ Австріею. Нужно все вновь устроить.

4) Здоровье великаго князя требуетъ непременно отдыха. Пренія боли возобновились.

5) Великій князь въ отчаяніи, что у государя сложилось убѣжденіе, что онъ не отвѣчалъ на высочайшія телеграммы и на дѣлаемые ему изъ Петербурга вопросы. Главная квартира получала телеграммы неисправно и въ искаженномъ видѣ.

Телеграммы, шедшія чрезъ Одессу и Константинополь по кабелю, были задерживаемы англичанами и Портою. Одна изъ важныхъ телеграммъ, о которыхъ упоминаетъ государь въ своей пе-

репискѣ, шла девять дней изъ Петербурга. Другая совѣсть не получена.

Когда Игнатъевъ исполнилъ порученіе великаго князя, доложивъ государю вышеизложенное, по памятной запискѣ, сдѣланной въ Санъ-Стефано, во время разговора съ его высочествомъ, его величество спросилъ у Игнатъева откровенное мнѣніе его относительно желанія главнокомандующаго скорѣе вернуться въ Петербургъ. «Чистосердечно доложу вашему величеству, — сказалъ Игнатъевъ:— что великаго князя Николая Николаевича не слѣдуетъ удерживать долго въ Константинополь въ настоящей обстановкѣ; его высочество слишкомъ довѣрчивъ для политическихъ сношеній и соскучился. Его тянетъ скорѣе въ Россію; онъ запутается въ интригахъ турецкихъ и европейскихъ, будетъ дѣлать уступки, вредныя Россіи, и блистательная война кончится дурно. Лучше великому князю уѣхать и оставить отвѣтственнаго главнокомандующаго до разъясненія политическаго положенія».

Государь, поблагодаривъ Игнатъева за откровенность, отпустилъ его, не сказавъ ничего о своемъ рѣшеніи, но далъ понять, что ему придется скоро вернуться въ Константинополь, гдѣ обстоятельства и наше положеніе круто измѣнились послѣ того, какъ турки убѣдились, что «энергическій посоль не скоро вернется», что главная квартира стала снисходительно относиться и не настойчива въ своихъ требованіяхъ, тогда какъ европейскія державы высказываются противъ Россіи. Ону писалъ Игнатъеву отъ 29-го марта: «Наше положеніе здѣсь не совѣсть благопріятно: славный Реуфъ-паша увлекся преувеличенными надеждами, давъ обѣщанія, которыя онъ сдержать не былъ въ состояніи. Положеніе измѣнилось здѣсь до неузнаваемости: турки начинаютъ приходить въ себя, панической страхъ и растерянность исчезли; остатки сулеймановской арміи и войска, вышедшія изъ очищенныхъ крѣпостей, собрались подъ Константинополемъ и составили армію численностью, приблизительно, въ семьдесятъ тысячъ человекъ, которые усердно обучаются съ цѣлью защищать нейтралитетъ Турціи. Выраженіе «нейтралитетъ» повторяется нынѣ каждымъ туркомъ. Произошелъ и ежедневно ощущается переворотъ въ умахъ въ благопріятномъ для Англій смыслѣ. Вообразили себѣ, что Реуфъ привезетъ изъ Петербурга безконечныя уступки ¹⁾, а потому разочарованіе было тѣмъ болѣе чувствительно. Близость болгарскихъ границъ къ столицѣ пугаетъ турокъ, и они готовы броситься въ воду, чтобы избѣгнуть ожидаемыхъ опасностей. Ненависть къ болгарамъ разжигается до нельзя зрѣлищемъ бѣдствій, претерпѣваемыхъ турками-эмигрантами, бѣжавшими изъ

¹⁾ Пріятели турокъ желали, чтобы Россія отказалась отъ денежнаго вознагражденія, но Реуфъ-паша былъ достаточно уменъ, чтобы изъ разговоровъ съ Игнатъевымъ убѣдиться въ невозможности ожидать подобнаго результата.

Авт.

«истор. вѣстн.», ноябрь 1916 г., т. сѣлп.

6

Болгаріи. Дѣятельныя англо-австрійскія интриги здѣсь ощущаются; турки надѣются, что европейскія усложненія принесутъ имъ пользу; они чего-то ожидаютъ, внимательно прислушиваясь къ каждому слуху или движенію. Отсюда вытекаетъ ихъ упорное сопротивленіе всѣмъ настояніямъ нашимъ къ исполненію хотя части обязательствъ Санъ-Стефанскаго договора; полагаю, что только развѣ наступленіе болѣе мирнаго настроенія въ Англіи доставитъ намъ возможность, безъ новой войны съ турками, заставить ихъ исполнить ихъ обязательства. Они предприняли возведеніе новыхъ укрѣпленій на высотахъ Босфора, и мы должны были побраниться съ ними, чтобы убѣдить ихъ прекратить оборонительныя земляныя работы около Макри-кея ¹⁾.

«Сношенія великаго князя съ султаномъ установились на приличной ногѣ. Вамъ, вѣроятно, дали прочесть отчетъ о тѣхъ разговорахъ, которые я имѣлъ съ министрами ²⁾ по порученію его высочества. Министры стараются сохранить равновѣсіе между нами и англичанами. Но имъ это не удается. Всѣ въ ожиданіи чего-то, что должно случиться, и предполагаютъ, что еще все не кончено. Въ послѣдній выходъ султана на селямликъ находилось около пятисотъ русскихъ офицеровъ. Абдуль-Гамидъ страшно испугался, и Савфеть-паша поручилъ мнѣ упросить великаго князя запретить такое скопленіе военныхъ на пути султанскаго шествія. Къ счастью, у насъ не было никакого несчастнаго случая, и надо удивляться, что все происходитъ мирно, несмотря на близость двухъ армій, смотрящихъ другъ на друга въ полной готовности къ бою. Такое положеніе кажется просто невѣроятнымъ. Великій князь сегодня совершилъ знаменитую прогулку изъ Санъ-Стефано въ Кіать-Хане ³⁾, которую онъ такъ желалъ. Многочисленныя турецкія войска принимали его вездѣ съ большими почестями. Османъ-паша ⁴⁾ соблюдаетъ большую сдержанность; онъ на меня производитъ впечатлѣніе неумнаго чиновника; способъ его выражаться и манеры не обличаютъ образованности. Реуфъ-паша относится къ намъ хорошо. Ахметъ-Вефикъ поколебленъ. Султанъ оперился, и въ сосредоточеніи войска подъ Константинополемъ кроется отчасти желаніе возстановленія его власти въ глазахъ населенія и европейцевъ. Нелидовъ возобновитъ

¹⁾ Т. е. между Санъ-Стефаномъ и Стамбуломъ. Въ сущности, эти укрѣпленія представляли для насъ менѣе важности, нежели тѣ, которыя возводились на высотахъ Босфора. Игнатьевъ отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, предпочтительно предоставить туркамъ укрѣпленія около Макри-кея, чѣмъ дозволить возводить укрѣпленія къ сторонѣ Пиргоса и Буюкъ-дере, которыя надо занять нашими войсками. Авт.

²⁾ Министерство иностранныхъ дѣлъ прятало отъ меня большую часть переписки, получаемой изъ главной квартиры съ первыхъ чиселъ апрѣля. Авт.

³⁾ Европейскія сладкія воды, прогулка близъ Константинополя. К. Г.

⁴⁾ Бывшій у насъ въ плѣну и отпущенный государемъ съ Реуфомъ-пашою въ Турцію, по просьбѣ послѣдняго, до обмѣна плѣнныхъ. Авт.

правильныя сношенія съ Портою. Я отсылаю къ верховному визирю письмо великаго князя относительно возстановленія отношеній посольства къ Портѣ»...

Къ сожалѣнію, въ главной квартирѣ забыли ту постановку вопроса о сношеніяхъ главнокомандующаго съ султаномъ, которая была сдѣлана Игнатьевымъ, когда впервые вопросъ о томъ былъ поднятъ въ февралѣ въ Санъ-Стефано. На предложенія верховнаго визиря, переданныя чрезъ Ону, Игнатьевъ ему отвѣчалъ 22-го февраля: «Свиданіе между султаномъ и великимъ княземъ должно произойти такимъ образомъ, чтобы не подать поводъ къ ложнымъ толкованіямъ и не служить подтвержденіемъ слуха, который будутъ распространять, что главнокомандующій русскою побѣдоносною армію отправился на поклонъ къ султану, въ его дворецъ, тогда какъ падишахъ не отдалъ ему визита съ подобающею обстановкою. То, что вы мнѣ пишете, и письмо, адресованное мнѣ Ахметъ-Вефикомъ по этому же предмету, заставляютъ меня опасаться, что свиданіе вызоветъ только новыя затрудненія и недоразумѣнія и, въ концѣ концовъ, удалитъ насъ отъ существенной цѣли, которую мы преслѣдуемъ—прочное возстановленіе добрыхъ сношеній съ Портою... Такъ какъ султанъ слишкомъ слабъ здоровьемъ, чтобы придержаться порядка обмѣна визитовъ, бывшаго между великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ и султаномъ Абдуль-Азисомъ ¹⁾, лучше отложить свиданіе до другого времени»...

Передъ тѣмъ Игнатьевъ отправилъ (21-го февраля, № 55) слѣдующую телеграмму Ону: «Такъ какъ совершенно необходимо, чтобы султанъ отдалъ визитъ великому князю не въ турецкомъ дворцѣ, но въ главной квартирѣ, или же въ русскомъ посольствѣ въ Перѣ, предпочитаемъ отложить предположенное свиданіе. Втолкуйте это верховному визирю и Савфету, заявивъ, что великій князь, узнавъ о нездоровьѣ султана, предпочитаетъ выждать его выздоровленія и не торопится до того времени принятіемъ его приглашенія на свиданіе».

Ону отвѣчалъ 23-го февраля, что онъ исполнилъ данныя ему инструкціи и говорилъ съ министрами въ указанномъ смыслѣ, но Ахметъ-Вефикъ еще разъ убѣдительно умолялъ его отправиться лично въ Санъ-Стефано, чтобы объявить, что «физическое состояніе султана не дозволяетъ ему не принимать за разъ много людей, ни удаляться изъ дворца... Дѣло въ томъ, что, по всеѣмъ доходящимъ до меня свѣдѣніямъ, султанъ одержимъ мономаніею, боится страшно

¹⁾ Абдуль-Азисъ отдалъ визитъ великому князю Николаю Николаевичу въ перскомъ посольскомъ домѣ точно такъ же, какъ великому князю Алексѣю Александровичу въ лѣтнемъ посольскомъ домѣ, въ Буюкъ-дере, а въ первый пріѣздъ его высочества—въ каютѣ частнаго русскаго парохода, на которомъ прибылъ великій князь изъ Россіи.

толпы, готовы упасть въ обморокъ, если увидить десять человѣкъ вмѣстѣ. Я боюсь, чтобы не вышелъ скандалъ, когда его высочество будетъ у него. Онъ, пожалуй, упадетъ въ обморокъ... Всѣ приближенные султана въ большомъ безпокойствѣ. Въ особенности онъ боится, чтобы его не убили на улицѣ; видъ румелійскихъ переселенцевъ его также ужасно смущаетъ».

Зная турокъ и заботясь прежде всего объ охраненіи достоинства Россіи въ глазахъ константинопольскаго населенія и Порты, Игнатьевъ не поддавался на эти хитрости и заискиванія пашей и совѣтовалъ главнокомандующему твердо стоять на томъ, что султанъ обязанъ, послѣ посѣщенія великаго князя въ Ильдызъ-Кіоскъ, отдать ему визитъ въ торжественной обстановкѣ, въ домѣ русскаго посольства въ Перѣ или же, всего лучше, въ Санъ-Стефано, какъ было предложено турецкому уполномоченному и верховному визирю Игнатьевымъ съ самаго возникновенія вопроса о свиданіи съ султаномъ. Пользуясь слабостью посредниковъ и желаніемъ самого великаго князя какъ можно скорѣе завязать личныя дружественныя сношенія съ султаномъ, турки достигли своей цѣли вскорѣ послѣ отъѣзда Игнатьева, и отвѣтный визитъ былъ принятъ главнокомандующимъ во дворцѣ султана, т. е. произошло то, на что ни разу при посѣщеніяхъ Константинополя членами царской фамилии до войны не согласился русскій посоль, зная, что на Востокѣ такіе отгѣнки сношеній имѣютъ громадное значеніе и вліяніе на теченіе государственныхъ дѣлъ.

7) 19-го марта Нелидовъ телеграфировалъ канцлеру, что «послѣ продолжительныхъ переговоровъ Порты категорически отказывается въ дозволеніи посадки на суда нашихъ возвращающихся въ Россію войскъ въ Буюкъ-дере. Ахметъ-Вефикъ-паша (верховный визирь) сознался, что Порта къ сему вынуждена ¹⁾. Савфеть-паша извѣщаетъ потою, что вступленіе нашихъ войскъ въ Буюкъ-дере, почитаемое Англіею за занятіе нами Константинополя, вызоветъ, очевидно, вступленіе англійскаго флота въ Босфоръ ²⁾. Наше требованіе было бы, впрочемъ, противно договору, и Порта вынуждена была бы протестовать противъ всякаго движенія русскіхъ войскъ къ Бѣлграду и Буюкъ-дере ³⁾. Я узналъ, что дѣйствительно Лайярдъ

¹⁾ Такъ какъ тотъ же верховный визирь, еще предъ выѣздомъ графа Игнатьева, изъявлялъ на то свое согласіе, то нечего было вести съ нимъ новые переговоры, а оставалось лишь еще болѣе категорически требовать исполненія и тотчасъ же пригрозить движеніемъ войскъ нашихъ къ Босфору и занятіемъ Бѣлградскій лѣсъ. Авт.

²⁾ Не слѣдовало допускать такого произвольнаго толкованія, а отвѣтить, что деревня Буюкъ-дере не городъ Константинополь и что мы не можемъ допустить подобной растязжимости англійскаго толкованія и вообще посторонняго вмѣшательства. Авт.

³⁾ Непонятно, какъ могъ допустить Нелидовъ и передавать канцлеру заявленія, клонившіяся къ тому, что всякая подробность при возвращеніи войскъ, не упомянутая въ мирномъ договорѣ, можетъ считаться ему противною. Десять дней послѣ подписанія

выставилъ наше предположеніе сажать войска въ Буюкъ-дере, какъ попытку занять Босфоръ, и угрожалъ входомъ англійскихъ броненосцевъ. Графъ Зичи ¹⁾ и Фурнье ²⁾ раздѣляли опасенія Англій. Лайярдъ дѣятельно старался вызвать разрывъ между Великобританіею и нами и придирался къ каждому случаю, чтобы его достигнуть».

Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы главной квартирѣ и мѣстному представителю нашей дипломатіи противодѣйствовать энергично англійскимъ проискамъ и давленію дипломатовъ на Порту, пользуясь громадными средствами, къ тому же бывшими въ ту минуту у насъ подъ рукою, они содѣйствовали лишь усиліямъ европейскихъ кабинетовъ устранить, поколебать и сбить съ пути императорское правительство.

Одновременно почти съ этою телеграммою Нелидова была получена въ Петербургѣ экспедиція нашего посла въ Вѣнѣ, отъ 5-го (17-го) марта, въ которой Новиковъ, сознаваясь, что онъ не могъ объяснить лично съ Андраши (№ 40), уклоняющимся отъ принятія нашего посла подъ предлогомъ поглощенія занятіями делегаций ³⁾, передавалъ мнѣніе одного изъ совѣтниковъ министерства барона Швегеля, который былъ прежде генеральнымъ австрійскимъ консуломъ въ Константинополѣ, считался специалистомъ по турецкимъ дѣламъ и выражалъ мнѣніе своего начальника. Возставая противъ Великой Болгаріи, Швегель утверждалъ, что она противорѣчитъ соглашенію между Россіею и Австро-Венгріею, по смыслу котораго Болгарія не должна была образоваться изъ сплошного государства, а заключать лишь болгарское населеніе, живущее къ сѣверу отъ Балканъ и въ Софійскомъ пашалыкѣ. Созданіе же предположенной ⁴⁾ «фантастической» Болгаріи, распространяю-

договора положеніе наше на Босфорѣ радикально измѣнилось, а личныя пріятельскія отношенія главнокомандующаго побѣдоносной арміи съ султаномъ остаются, между тѣмъ, неизмѣнными. А в т.

¹⁾ Представитель союзника, на котораго министерство иностранныхъ дѣлъ наиболѣе полагалось и для удовлетворенія котораго мы готовы были жертвовать собственными интересами и славянами. А в т.

²⁾ Французскій посоль, лично излюбленный княземъ Горчаковымъ и барономъ Жюмини и избалованный петербургскимъ высшимъ обществомъ въ бытность свою совѣтникомъ и повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Петербургѣ. Поведеніе его въ критическую для насъ минуту доказываетъ бездѣятельность нашего министерства иностранныхъ дѣлъ и отсутствіе вліянія пословъ нашихъ въ европейскихъ столицахъ. А в т.

³⁾ Послѣ всѣхъ жертвъ, принесенныхъ соглашенію съ Австро-Венгріею и постоянному ухаживанію за графомъ Андраши, мы достигли такого положенія въ Вѣнѣ, что въ важную не только для Россіи, но и для Габсбургской имперіи минуту, когда должны были рѣшиться будущность Балканскаго полуострова и вопросъ о мирѣ и войнѣ между нами и Австро-Венгріею, въ вѣнскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ не считали нужнымъ принимать нашего посла и имѣть съ нимъ личныя объясненія. А в т.

⁴⁾ Чиновникъ австрійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ осмѣливался толковать съ русскимъ посломъ о русскомъ договорѣ не какъ о совершившемся фактѣ, съ

ющейся до Эгейскаго моря и основанной лишь на этнографическомъ принципѣ, несомѣстно съ сохраненіемъ владычества султана въ Константинополь. Болгарія, по Санъ-Стефанскому договору, соединяетъ въ одномъ государствѣ все самыя богатая и производительныя мѣстности Европейской Турціи, оставляя внѣ новаго княжества лишь гористую и бесплодную сторону, мало способную къ матеріальному развитію, и составляетъ лишь искусственное созданіе, потому что не приняты въ расчетъ ни орографическія, ни политическія соображенія ¹⁾. Швигель сомнѣвался, чтобы предѣлы Болгаріи были этнографически правильны: онъ опровергалъ предположеніе, что болгарское населеніе доходило отъ пяти до шести милліоновъ жителей, считая, что въ дѣйствительности не болѣе половины, т. е. трехъ милліоновъ; если можно признать долину рѣки Карасу (древній Стримонъ) еще принадлежащею болгарамъ, то долина рѣки Вардара принадлежитъ уже къ албанской системѣ ²⁾.

Указывая на значительное разномысліе между нами и австрійцами, Новиковъ обращалъ вниманіе канцлера на то, что «если Новая Болгарія переходитъ за рѣку Вардаръ къ Охридскому озеру», то заявленіе Швигеля о непринадлежности этой мѣстности къ «болгарской системѣ» находится въ связи съ предыдущимъ заявленіемъ графа Андраши, что мѣстность подъ желѣзною дорогою изъ Митровицы въ Салоники не можетъ быть включена въ Болгарію, безъ нарушенія торговыхъ интересовъ Австро-Венгріи. Такимъ образомъ, по мнѣнію нашего посла, Габсбургская монархія] считаетъ себя обиженною нашимъ созданіемъ Болгаріи съ двойной точки зрѣнія: политической и коммерческой. «Интересъ Австро-Венгріи,—заявилъ графъ Андраши въ делегаціяхъ,—состоитъ въ томъ, чтобы облегчить въ турецкихъ областяхъ пути для торговли Австро-Вен-

которымъ мнимый союзникъ нашъ долженъ былъ считаться, а лишь какъ о «фантастическомъ» предположеніи, подлежащемъ разсмотрѣнію и измѣненію. При такомъ положеніи и отношеніяхъ нашей дипломатіи ничего нѣтъ мудренаго, что иностранныя правительства считали себя все дозволеннымъ съ нами и не принимали въ расчетъ совершенныхъ нами историческихъ фактовъ. Авт.

¹⁾ Швигель ясно выдалъ затаенную мысль Австро-Венгріи, предоставлявшей намъ громить турокъ, лишь бы созданное нами на развалинахъ Оттоманской имперіи не представляло никакихъ данныхъ для вполнѣ самостоятельнаго существованія и было пригодно для вѣнскихъ вождельній. Авт.

²⁾ Трудно себя объяснить причисленіе рѣки Вардара къ албанской системѣ инымъ, чѣмъ заднею мыслию Австро-Венгріи воспользоваться Албаніею, которую они почему-то считали болѣе доступною западному вліянію, нежели болгаръ и даже сербовъ. Въ бытность Игнатьева въ Вѣнѣ, въ мартѣ 1878 года, у графа Андраши проскочило выраженіе, что изъ Албаніи слѣдуетъ образовать отдѣльное княжество, съ австрійскимъ принцемъ во главѣ. Игнатьевъ замѣтилъ министру, что, видно, свѣдѣнія австро-венгерскаго правительства объ Албаніи не точны, ибо князя непременно подстрѣлятъ при первомъ неудовольствіи и отдѣлятся отъ него быстрее, нежели мексиканцы отъ эрцгерцога Максимилиана. Авт.

гріи и воспрепятствовать введенію въ оныхъ запретительной таможенной системы».

Для нашего министерства иностранныхъ дѣлъ проявленіе горячей оппозиціи и обнаруженіе неумѣренныхъ притязаній графа Андраши были неожиданностью, потому что ему черезъ мѣру довѣрились, поступали непредусмотрительно и крайне легкомысленно. Разъ, что признано было возможнымъ, вопреки нашимъ прямымъ выгодамъ, пожертвовать нашимъ самостоятельнымъ положеніемъ въ Турціи и договориться съ Австро-Венгріею, заключивъ даже съ нею конвенцію на случай нашей войны съ Турціею, то надо было извлечь всю возможную пользу для Россіи изъ такого договора и не позволять вѣнскому правительству уклоняться ни на іоту отъ его обязательствъ, а самимъ дѣйствовать самостоятельно до послѣднихъ предѣловъ возможности, въ рамкахъ договореннаго, стараясь расширять, а не суживать наши выгоды. Канцлеръ и наше посольство въ Вѣнѣ, напротивъ того, допускали самыя произвольныя толкованія графомъ Андраши своихъ обязательствъ въ пользу Австро-Венгріи и считали Россію вполне связанною такимъ договоромъ, на который опасались сослаться для своей пользы, скрывая содержаніе его отъ всѣхъ и каждого въ угоду вѣнскому правительству, «для облегченія парламентскаго положенія графа Андраши» и въ ущербъ своему собственному политическому положенію. Роли были совершенно извращены, въ ущербъ Россіи и къ выгодѣ Австро-Венгріи, въ особенности же лично графа Андраши. Дѣло въ томъ, что наше соглашеніе съ нимъ основывалось съ самаго начала на недоразумѣніи, недомолвкахъ и фальшивой игрѣ.

Проявившіяся, не только со времени заключенія Санъ-Стефанскаго договора, но и съ самаго начала войны, притязанія графа Андраши были беззастѣнчивымъ и дерзкимъ нарушеніемъ принятыхъ австро-венгерскимъ правительствомъ въ Рейхштадтѣ и потомъ конвенціею 3-го января обязательствъ ¹⁾. Онъ дѣйствовалъ и выражался не какъ союзникъ, связанный договоромъ, а какъ противникъ, ищущій случая насъ уязвить, нанести намъ пораженіе и лишить насъ всѣхъ выгодъ, пріобрѣтенныхъ цѣною уступокъ, крови и жертвъ. Къ единовѣрцамъ и союзникамъ нашимъ онъ выказывалъ постоянно самое непріязненное и враждебное расположеніе. Такъ, напримѣръ, во время константинопольской конференціи Австро-Венгрія менѣе всѣхъ другихъ державъ соглашалась съ нашими видами на введеніе въ Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи самоуправленія, а въ особенности на увеличеніе Черногоріи. Когда, впослѣдствіи, Порта предложила Черногоріи уступить Зубчанскій округъ и Сутторину для водворенія мира, графъ

¹⁾ О конвенціяхъ, заключенныхъ въ Рейхштадтѣ и въ Будапештѣ, см. «Историческій Вѣстникъ», 1914 г. февр. кн. (стр. 456) и 1915 г. апр. кн. (стр. 47). А. Б.

Андраши энергично возсталъ и тогда же проявилъ свою замѣтную мечту удовлетворить Черногорію на счетъ Албаніи, а Сербію на счетъ Болгаріи.

Даже англійская программа умиротворенія Балканскаго полуострова въ 1876 году шла гораздо далѣе и сближалась съ нашими предположеніями болѣе, нежели виды Австро-Венгріи. Сравнительно благонамѣренные султанскіе *ирадэ* и *фирмань* 20-го сентября и 30-го ноября 1875 года, предупреждавшіе, такъ сказать, требованія наши въ пользу христіанъ Босніи, Герцеговины и Болгаріи, также обезпечили графа Андраши и вызвали горячее его противодѣйствіе, какъ содержащія слишкомъ благопріятный зародышъ для развитія самостоятельности нашихъ единовѣрцевъ. Какъ только Сербія приняла участіе въ войнѣ съ Турціею, такъ Австро-Венгрія уже стала притотавливаться для занятія Босніи и Герцеговины.

Неудачи подъ Плевною и неосновательное удостовѣреніе австро-венгерскаго агента Вертольсхейма, сопутствовавшаго государю императору за Дунаемъ, что русскія войска не пойдутъ за Балканы ранѣе весны, успокоили венгровъ и ввели графа Андраши въ заблужденіе. Онъ не ожидалъ близкой, блистательной для насъ развязки, а, напротивъ того, надѣялся, что война затянется, готовился вмѣшаться и быть хозяиномъ созданнаго положенія, заставивъ насъ разрушить, вопреки желанію государя императора, Турцію, чтобы нашими руками жаръ загрести и извлечь наибольшую пользу для Австро-Венгріи. Графъ Андраши прозѣвалъ Санъ-Стефанскій договоръ и опоздалъ. Тотчасъ послѣ паденія Плевны (30-го ноября) Порта обращалась къ Австро-Венгріи съ просьбою о посредничествѣ, но Вѣна отказала, приберегая свой голосъ для болѣе выгодной и рѣшительной минуты. Поведеніе венгерцевъ во время войны, въ особенности въ концѣ лѣта и осенью 1877 года, во время нашихъ неудачъ, было крайне неприличное, враждебное и вызывающее относительно Россіи.

На все это наше министерство иностранныхъ дѣлъ не обращало никакого вниманія, и канцлеръ, вопреки всѣмъ признакамъ, продолжалъ считать графа Андраши за своего вѣрнаго и искренняго союзника.

Къ сожалѣнію, мы сами дали поводъ графу Андраши выйти изъ роли, опредѣленной ему конвенціею 3-го января, и вмѣшаться въ дѣла, которыя не должны были подлежать его контролю: прежде, нежели мы взяли Плевну и перешли Балканы, по предложенію директора дипломатической канцеляріи Нелидова была послана графу Андраши записка, содержащая предположенія нами касательно условій замиренія съ Турціею. Предоставленнымъ ему поводомъ сказать свое мнѣніе графъ Андраши воспользовался впоследствии, заявляя притязаніе, чтобы безъ предвари-

тельнаго согласія и одобренія его мы не имѣли права договариваться съ турками. Депешею, адресованною барону Лангенау 18-го (30-го) января 1878 года, вѣроятно, по полученіи извѣстія отъ послѣдняго объ отправленіи Игнатьева въ главную квартиру, въ Адрианополь, графъ Андрапи заявилъ князю Горчакову, что всѣ постановленія, измѣняющія существующіе договоры, будутъ считаться имъ недѣйствительными, пока не подвергнутся пересмотру всѣхъ державъ, подписавшихъ Парижскій миръ.

Вслѣдствіе этого заявленія, какъ видно непредвидѣннаго, канцлеръ исходатайствовалъ высочайшее повелѣніе мнѣ назвать Санъ-Стефанскій договоръ «прелиминарнымъ», тогда какъ турецкіе уполномоченные не только согласились, но сами предлагали подписать окончательный мирный договоръ. Тотчасъ же, 20-го января, по полученіи телеграфическихъ извѣстій изъ Вѣны и Лондона (черезъ три дня послѣ выѣзда Игнатьева за границу)¹⁾, канцлеръ писалъ уже ему, что

«Политическое положеніе измѣнилось, такъ что оно, по необходимости, должно повліять на ходъ мирныхъ переговоровъ. Англія первая высказалась противъ отдѣльныхъ и предварительныхъ переговоровъ между нами и Турціею. Австрія присоединилась къ Великобританіи, сначала въ общихъ выраженіяхъ²⁾ въ отвѣтъ своемъ на просьбу Турціи о посредничествѣ³⁾, а теперь въ болѣе формальныхъ, опредѣленныхъ въ сообщеніяхъ, намъ адресованныхъ. Заключение, которое можно вывести изъ оговорокъ вѣнскаго кабинета, то; что онъ признаетъ лишь такой мирный договоръ, условія котораго не будутъ противорѣчить его интересамъ и получатъ одобреніе и санкцію Европы въ пунктахъ, затрагивающихъ общеевропейскіе интересы⁴⁾. Вѣнскій кабинетъ выговариваетъ себѣ это право въ качествѣ смежнаго государства и гарантирующей

¹⁾ Инструкція эта дошла до главной квартиры уже послѣ установленія договорныхъ условій въ Санъ-Стефано и передъ самымъ подписаніемъ договора. Авт.

²⁾ Обѣ державы предоставляли намъ драться съ турками и разбить ихъ, но не признавали за нами права, принадлежащаго каждому самостоятельному государству, опредѣлять, совмѣстно съ побѣжденнымъ, тѣ условія, на которыхъ военныя дѣйствія прекратятся и возстановятся мирныя отношенія. Такія притязанія еще понятны со стороны Англіи, но присоединеніе къ ней Австро-Венгрія доказывало ложность пути, по которому мы слѣдовали, вступая въ соглашеніе съ Вѣною и заключая стѣснительные для насъ договоры и протоколы. Авт.

³⁾ Обращеніе Порты къ Англіи и Австріи въ критическую минуту показываетъ, что Турція, постоянно подстрекаемая ими противъ насъ, всегда разсчитывала на ихъ помощь и содѣйствіе. Авт.

⁴⁾ Значить, мы могли лишь заключить такой договоръ, который не Россія былъ бы выгодею, а Австро-Венгрія и удовлетворялъ бы всю Европу. Стоило жертвовать ста тысячами доблестныхъ воиновъ и приносить всенародныя жертвы для такого результата, съ которымъ какъ бы мирилось министерство иностранныхъ дѣлъ. Авт.

Парижскій трактатъ 1856 года державы ¹⁾). Лондонскій кабинетъ становится одинаково исключительно на точку зрѣнія великобританскихъ интересовъ и существующихъ договоровъ. Такимъ образомъ, обѣ державы эти сблизились на общей почвѣ, и важность этого факта не ускользнетъ отъ вашего вниманія. Сближеніе это подбодрило Англію, которая надѣется выйти изъ своего одиночества ²⁾, а болѣе рѣзкое положеніе, ею принятое, вліяетъ, въ свою очередь, на поведеніе Австро-Венгріи; Порты же черпаетъ изъ всего этого, естественно, надежду найти на дипломатической европейской почвѣ опору для уменьшенія тягости мирныхъ условій, исторгнутыхъ у нея нашими побѣдами ³⁾.

«Кромѣ того, въ принципиальномъ вопросѣ вѣнскій кабинетъ возстаётъ противъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ основаній мира ⁴⁾). Онъ отвергаетъ Великую Болгарію и наше продолжительное военное ея занятіе. Что касается исправленія нашей бессарабской границы, онъ не будетъ противиться, если только мы приобрѣтемъ согласіе Порты ⁵⁾ и Румыніи. А между тѣмъ онъ знаетъ, что послѣдняя уже заблаговременно протестуетъ предъ кабинетами ⁶⁾).

¹⁾ Князю Горчакову слѣдовало сослаться въ отвѣтѣ своемъ на договоръ, подписанный Австріею съ нами въ январѣ, противорѣчащій этой гарантіи, и не прятать этотъ бесполезный для насъ клочокъ бумаги въ карманъ. Надо было формальною ссылкой на него оставить графа Андраши замолчать. Ав т.

²⁾ Одиночество это, которымъ такъ тщеславился князь Горчаковъ, раздражившій Биконсфильда Берлинскимъ трактатомъ 1878 года, для Россіи совершенно бесполезнымъ, послужило скорѣе къ выгодѣ Англіи, тогда какъ, кичась мнимымъ дипломатическимъ успѣхомъ, достигнутымъ нами якобы соглашеніемъ съ Австро-Венгіею, мы не могли удержать ее на почвѣ подписаннаго въ январѣ договора въ ту самую минуту, для которой мы его заключенія добивались. Наша мнимая союзница тотчасъ же сошлась съ нашими противниками, не обращая никакого вниманія на наши предшествовавшія жертвы въ ея пользу, ни на свои спеціальныя отношенія къ намъ. Ав т.

³⁾ Вотъ какъ выражался канцлеръ для опредѣленія созданнаго его дипломатическимъ искусствомъ и тройственнымъ союзомъ европейскаго положенія, уже черезъ девять дней послѣ утвержденія проекта Санъ-Стефанскаго договора, чрезъ два дня послѣ выѣзда Игнатьева за границу и за шесть дней до его прибытія въ главную квартиру. Ав т.

⁴⁾ Вѣра въ графа Андраши увлекла канцлера. Преждевременное сообщеніе нашихъ мирныхъ условій въ Вѣну и изъ-подъ Плевны въ ноябрѣ, и потомъ въ январѣ, дали поводъ Андраши вступить въ пререканія и подготовить козни. Достаточно было бы сообщить текстъ нашего договора послѣ его подписанія и слѣдовало, ссылаясь на него, дѣйствовать въ опредѣленныхъ имъ рамкахъ. Ав т.

⁵⁾ Даже Бейсть, въ 1870 году, будучи министромъ иностранныхъ дѣлъ въ Вѣнѣ, находилъ справедливымъ и необходимымъ дать намъ, въ этомъ отношеніи, удовлетвореніе, не спрашивая Порты. А нашъ мнимый пособникъ и союзникъ и въ этомъ вопросѣ возбуждалъ затрудненія. Въ виду этого намъ совершенно необходимо было получить согласіе Порты, выраженное въ Санъ-Стефанскомъ договорѣ. Ав т.

⁶⁾ Графъ Андраши не только зналъ, но самымъ бесовѣстнымъ образомъ, чрезъ своихъ агентовъ возбуждалъ противъ насъ румынъ въ продолженіе войны и въ особенности при ея окончаніи. Ав т.

«При такомъ положеніи дѣлъ, кажется, будетъ трудно сохранить безъ измѣненія программу (проектъ), начертанную вами для прелиминарнаго мира ¹⁾).

«Что касается самаго мира этого и договора, который долженъ быть заключенъ, мы формально повторили кабинетамъ завѣреніе, что вопросы, касающіеся европейскихъ интересовъ, будутъ предоставлены разсмотрѣнію ихъ и общему рѣшенію. Такъ какъ слово «конференція» произнесено было вѣнскимъ кабинетомъ, то мы объявили, что если онъ желаетъ предложить таковую или посоветоваться съ другими государствами по этому предмету, мы не возбудимъ никакихъ затрудненій ²⁾. Но тутъ, съ самаго приступа, возникаетъ затрудненіе опредѣлить, какіе вопросы, проистекающіе изъ войны, должны подлежать непосредственному соглашенію воюющихъ сторонъ и какіе зависятъ отъ европейскаго соглашенія. Въ этомъ отношеніи мы считаемъ, что вопросы о перемиріи и демаркаціонной линіи исключительно зависятъ отъ воюющихъ сторонъ, и мы тутъ не можемъ допустить никакого вмѣшательства ³⁾. Впрочемъ, вопросъ о военномъ разграниченіи зависить исключительно отъ его императорскаго высочества главнокомандующаго, и вы не должны имъ заниматься» ⁴⁾).

Затѣмъ въ остальной части депеши канцлеръ заявлялъ, что вопросъ объ установленіи военнаго вознагражденія принадлежитъ исключительно вѣдѣнію воюющихъ сторонъ, но что касательно политическихъ вопросовъ турки, по всей вѣроятности, будутъ по-

¹⁾ Когда встрѣтились внослѣдствіи затрудненія со стороны кабинетовъ, то наши дипломаты отрещивались отъ Санъ-Стефанскаго договора, отвергая, что Игнатьевъ дѣйствовалъ на основаніи высочайше утвержденныхъ инструкцій, и объясняя, что онъ самопроизвольно предъявилъ «невозможныя» требованія Портѣ, которыя министерство иностранныхъ дѣлъ какъ бы не одобряло. Въ этой бумагѣ впервые нашъ миръ съ турками назывался прелиминарнымъ. Авт.

²⁾ Любитель конференцій, канцлеръ тотчасъ же пошелъ на удочку, протянутую ему лукавымъ графомъ Андраши, не размысливъ о томъ, какое дипломатическое пораженіе онъ наноситъ Россіи въ ту самую минуту, когда русскій уполномоченный отправлялся въ главную квартиру, по повелѣнію государя, для заключенія съ турками мирнаго договора. Мы сами придавали храбрость графу Андраши, обезпечивая ему безнаказанность его интриги и сближенія съ Англіею. Какъ удивляться послѣ того, что Санъ-Стефанскій договоръ не уцѣлѣлъ и что мы дошли до берлинскаго осужденія. Авт.

³⁾ «Еще бы»,—невольно воскликнулъ и написалъ Игнатьевъ, по прочтеніи этихъ инструкцій, полученныхъ въ главной квартирѣ, когда уже все было сговорено съ турками, и наканунѣ подписанія уже условленнаго текста договора. Авт.

⁴⁾ Если лишь вопросы о перемиріи и о демаркаціонной линіи должны были зависѣть отъ воюющихъ, то затѣмъ было отправлять особаго уполномоченнаго въ главную квартиру съ инструкціею заключить мирный договоръ, тѣмъ болѣе, что эти вопросы были (хотя и преждевременно) разрѣшены уже 19-го января перемиріемъ, заключеннымъ главнокомандующимъ, т. е. за день до выѣзда Игнатьева изъ Бухареста. Авт.

ставлять о нихъ въ извѣстность кабинеты ¹⁾ съ тѣмъ, что, если требованія наши не будутъ ими одобрены, турки, рассчитывая на ихъ поддержку, отвергнуть наши предложенія, или же «примуть ихъ лишь подъ условіемъ одобренія Европою, что отниметь у нихъ всякое значеніе» ²⁾. Канцлеръ приходилъ къ заключенію, что «необходимо поступать съ крайнею осторожностью и потому отнюдь не придавать мирному условію, заключаемому съ Турціею, характера формальнаго и окончательнаго договора и не входить въ слишкомъ большія подробности, обезпечивая лишь согласіе Порты какъ относительно устройства Болгаріи, такъ и будущихъ границъ балканскихъ государствъ». Спротивленіе двухлѣтнему пребыванію русскихъ войскъ въ Болгаріи канцлеръ надѣялся преодолѣть. Что касается проливовъ, «такъ какъ мы признали это вопросомъ европейскимъ и такъ какъ совершенно невѣроятно, чтобы мы добились въ конференціи признанія права прохода даже отдѣльныхъ судовъ для однихъ прибрежныхъ государствъ Чернаго моря ³⁾, то мы будемъ держаться наиболѣе благопріятнаго для насъ принципа закрытія проливовъ всѣмъ военнымъ судамъ безъ различія». А потому соглашеніе по этому вопросу между государемъ императоромъ и султаномъ, упомянутое въ основаніяхъ мира ⁴⁾, «могло бы ограничиться укрѣпленіемъ особымъ обязательствомъ общихъ гарантій, о которыхъ будетъ условлено впослѣдствіи, на конференціи, безъ условнаго закрытія морскаго пути иностранному военному флагу».

«Одинъ изъ самымъ щекотливыхъ вопросовъ касается исправленія нашей бессарабской границы. Въ виду противодѣйствія, ко-

¹⁾ Скорость и способъ веденія переговоровъ въ Адрианополѣ и Санъ-Стефано, навязанный Игнатьевымъ турецкимъ уполномоченнымъ, воспрепятствовали Портѣ дѣйствовать по соглашенію съ кабинетами. Но послѣ подписанія договора турки не замедлили осуществить мысли, высказанныя канцлеромъ, дѣйствія котораго должны бы были быть направлены на предупрежденіе европейскаго вмѣшательства, тѣмъ болѣе, что онъ его предвидѣлъ.
А в т.

²⁾ Пессимистическій взглядъ канцлера не оправдался, ибо Игнатьевъ такъ повелъ дѣло, что объ «одобреніи Европою» и рѣчи не было въ Санъ-Стефано и турецкіе уполномоченные, равно какъ и присланный въ Петербургъ Реуфъ-паша предлагали намъ облечь мирныя условія въ окончательную форму, чтобы предупредить европейское вмѣшательство и новыя требованія. Слабодушіе и постоянное преклоненіе предъ европейскимъ концертомъ помѣшали министерству иностранныхъ дѣлъ симъ воспользоваться и поставить дѣло твердо, сообразно достоинству и чести Россіи и даже выгоднѣе для Турціи, нежели то, что произошло впослѣдствіи.
А в т.

³⁾ Мысль достигнуть сего была заявлена русскимъ посломъ. Осуществленіе ея обезпечивало свободный выходъ русскимъ военнымъ судамъ, не дозволяя морскимъ западнымъ державамъ пользоваться имъ въ мирное время для вступленія въ Черное море. Игнатьевъ намѣренъ былъ на этомъ настоять предъ Портою, но, въ виду заявленія канцлера, долженъ былъ отъ сего отказаться.
А в т.

⁴⁾ Подписанныхъ 19-го января въ Адрианополѣ. Канцлеръ готовъ былъ отъ нихъ отказаться, въ виду неудовольствія Австро-Венгріи и Англіи, но долженъ былъ признать, что для приличія необходимо хотя сдѣлать видъ, что мы чего-нибудь уже достигли.
А в т.

торое оно, какъ кажется, встрѣтитъ, я находилъ бы лучшимъ со-
всѣмъ не упоминать о немъ въ прелиминарномъ протоколѣ, подпи-
санномъ съ Турціею. Но такъ какъ предложеніе это дѣлается въ
предположеніи обмѣна съ Румыніею на Дельту и Добруджу ¹⁾,
вы могли бы въ общихъ выраженіяхъ выговорить намъ право рас-
полагать этими территоріями, въ виду предстоящихъ Румыніи воз-
награжденій, обязавшись (en stipulant), что ни въ какомъ случаѣ
Россія ихъ себѣ не оставитъ (т. е. Дельту и Добруджу).

«При неопредѣленности ²⁾ настоящей минуты, я ограничиваюсь
этимъ указаніемъ. До того времени, когда вы вступите въ перего-
воры, военное и политическое положеніе можетъ разъясниться» ³⁾.

Гр. Н. П. Игнатъевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

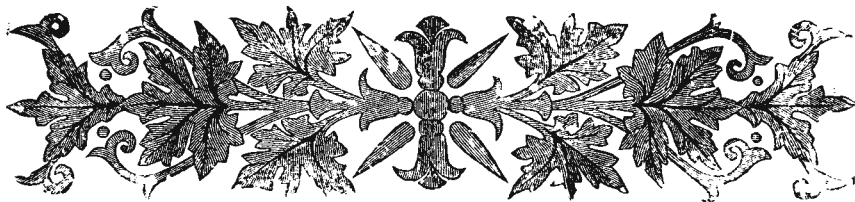

¹⁾ Слѣдовательно, не Игнатъевъ отвѣтственъ, какъ высказывались печатно люди, не знающіе дѣйствительности и поддавшіеся коварнымъ, оправдательнымъ инсинуаціямъ нѣкоторыхъ лицъ министерства иностранныхъ дѣлъ, за уступку Румыніи Добруджи. Канцлеръ съ самаго начала положилъ уступить княжествамъ не только Добруджу, но и всю Дельту Дунайскую, такъ что Болгарія была бы вполне отрѣзана отъ Россіи, а Россія лишь прикасалась бы къ лѣвому Дунаю. Санъ-Стефанскій договоръ предоставлялъ Россіи свободу удержатъ Добруджу въ счетъ слѣдуемаго ей денежнаго вознагражденія (по смыслу договора) или же отдать Румыніи. Игнатъевъ намѣревшъ былъ лишь сдѣлать видъ, что предназначаетъ Добруджу Румыніи, но въ дѣйствительности присоединить ее къ Болгаріи, взаменъ условленной платы послѣдней Румыніи, подъ нашу гарантію, что ставило въ нашу зависимость оба государства.

А в т.

²⁾ Канцлеръ, даже въ секретныхъ депешахъ къ своему уполномоченному, опасался прямо заявить о намѣреніи Россіи возвратитъ себѣ отобранную у нея Парижскимъ трактатомъ землю, а упоминалъ лишь объ исправленіи нашей бессарабской границы въ такихъ же выраженіяхъ, какъ и объ измѣненіи сербской территоріи. Наше постоянное смиреніе, умѣренность и боязнь Европы не доставили намъ блестящихъ результатовъ, какъ и слѣдовало ожидать.

А в т.

КОШМАРЫ НАЯВУ ¹⁾.

(Изъ человѣческихъ документовъ о мирѣ и войнѣ).

—
(Очерки).

—
II.

Отрава.

1.

БЪ ОСТОРОЖНОСТЮ, свойственной всѣмъ вообще опытнымъ мужьямъ, Платонъ Лонгиновичъ сдѣлалъ недовольное лицо, когда входилъ въ комнату жены.

— Думалъ погулять съ тобой, поразвлечься, съѣздить куда-нибудь, въ Выборгъ, что ли, и вотъ...

Карповскій не договорилъ и только развелъ длинными руками.

Оживленіе мигомъ прошло, и румянецъ сбѣжалъ со щекъ Дуни (такъ называлъ онъ жену).

Даже губы у нея поблѣднѣли.

— Опять какая-нибудь неприятность?

— Нужно отправляться въ командировку и въ эту же пятницу, дня на четыре... послѣзавтра, значитъ... охъ-охъ-охъ!

Подъ настойчивымъ взглядомъ жены онъ быстро терялъ самообладаніе, когда упоминалъ о «комиссіяхъ», «засѣданіяхъ», «вечернихъ занятіяхъ».

¹⁾ Продолженіе. См. «Истор. Вѣстн.», т. СХІІІ, стр. 93.

Теперь къ этимъ роковымъ для него словамъ присоединился еще новый жупель: «командировка», и голосъ начальника отдѣленія, обыкновенно весьма рѣшительный на службѣ, дрогнулъ и оборвался. На минуту ему показалось, что въ глазахъ Дуни забѣгали веселыя искорки (онъ болѣе всего боялся ихъ, такъ какъ онѣ почти всегда предвѣщали надвигающуюся семейную бурю); но взоръ ея снова принялъ кроткое выраженіе покорности, и Карповскій совершенно успокоился.

— Возьми меня съ собой, Платоша,—вырвалось вдругъ у Дуни, и она прильнула къ мужу съ видомъ шаловливаго котенка, привыкшаго къ ласкамъ.

— Что ты! — онъ такъ испуганно отшатнулся отъ нея, будто передъ нимъ открылась зіяющая пропасть:—ѣдемъ, вѣдь, нѣсколько человѣкъ,—все сослуживцы и директоръ. Я положительно нахожу неумѣстнымъ, если смѣшиваютъ домашніе интересы со служебными обязанностями. Всѣ женщины на одинъ ладъ!..

Придрался къ случаю и разболтался объ англійскихъ суффражисткахъ, разнося ихъ впухъ и впрахъ.

Перешли въ столовую.

Обѣдъ, впрочемъ, тянулся въ молчаливомъ, скрытомъ недовольствѣ.

«Вооруженный миръ!» мелькнуло въ головѣ Карповскаго.

— Куда же ты, однако, ѣдешь?—уже за чашкой кофе спросила Дуня, возвращаясь къ прежней темѣ и почти съ ненавистью смотря на мятный чай, который онъ пилъ по предписанію врача.

При этомъ зрачки ея походили на острые буравчики.

Они поминутно безжалостно свердили Платона Лонгиновича, хотя тотъ и старался ускользнуть отъ нихъ.

— Въ Москву, но никому ни ползвукъ, ради Создателя! Поѣздка составляетъ большую тайну. И поѣздъ—экстренный. Не имѣется ни въ какомъ расписаніи. Не провожай, умоляю тебя. Мнѣ еще рано выходить въ отставку изъ-за какихъ-то дамскихъ пустяковъ.

Еле удалось обмануть мнительность жены.

Карповскій ѣхалъ въ Гунгербургъ на дачу къ знакомой артисткѣ. Самый скорый поѣздъ, какой только былъ, ползъ по-черепаши. Вагоны, набитые пассажирами, духота, пыль и тревоженія послѣднихъ дней раздражали нервы.

Кое-какъ добрались до Нарвы; но испытанія продолжались: съ бою захватывались извозчики, а затѣмъ дачные путешественники, когда достигли желаннаго парохода, шли на приступъ, словно осаждая непобѣдимую крѣпость.

Сталкивались два встрѣчныхъ теченія прїѣхавшихъ и отъѣзжающихъ, точно отряды враждующихъ народовъ въ кровопролитной войнѣ.

Забывъ усталость и свое видное положеніе въ департаментѣ, Карповскій перелѣзъ черезъ бортъ и усѣлся на палубѣ, жадно вдыхая свѣжій воздухъ волнующейся Наровы.

Съ этой минуты оканчивались непрїятности и начинались свѣтлыя переживанія.

Платонъ Лонгиновичъ не терялъ драгоценнаго времени. Каждый мигъ былъ у него заполненъ, и Карповскій радовался, какъ ребенокъ, вырвавшійся на волю.

Открывались живописные берега — онъ любовался берегами; подавали сэндвичи — онъ увлекался сэндвичами; появлялась на пристани миловидная дѣвица — онъ посылалъ ей ободряющія улыбки.

А когда черезъ часъ Карповскій сидѣлъ на верандѣ у артистки Львовой, — его уже окончательно нельзя было узнать: не оставалось и тѣни прежняго сухого начальника отдѣленія. Онъ былъ настроенъ поэтически: во-первыхъ, находился въ обществѣ изящной хозяйки въ уютной, прекрасно обставленной дачѣ; во-вторыхъ, имѣлъ передъ глазами чарующую панораму взморья и рѣки Наровы.

Вечерняя заря разрисовала небо и фигурныя облака яркими красками, сливающимися въ прихотливыхъ полтонахъ.

На якоряхъ стояли мачтовые суда; пыхгѣли пароходы; летѣла, какъ стрѣла, моторная лодка; плавно качалась у берега чья-то кокетливая яхта.

Откуда-то доносились звуки рояля, и кто-то пѣлъ о любви и счастья.

Ему не хотѣлось разставаться съ этимъ волшебнымъ уголкомъ, но мятущаяся душа Львовой рвалась изъ тѣсныхъ рамокъ на просторъ, и черезъ полчаса они уже въ парѣ прогуливались по пляжу среди курортной публики.

Играла музыка возлѣ «Морской кофейни», и длинная вереница мужчинъ и дамъ всѣхъ возрастовъ и категорій сливалась и разбрасывалась по сырому песку, какъ безконечная цѣпь сказочнаго змія.

Набѣжитъ съ мягкимъ шумомъ шаловливый валъ, у кого подмочить ботинки, кого слегка обдасть соленой влагой и опять мчится вдаль, сталкиваясь на бѣгу съ новой зыбкой волной. Карповскому пришлось раскланиваться съ знакомыми. Особенно взволновала его встрѣча съ жениной подругой, Людмилой Клейнъ. Хотя онъ и прошелъ мимо нея, притворяясь не замѣчающимъ, но отлично уловилъ на себѣ колючій, бѣглый взглядъ любопытнаго задора, и сердце его забилося тревогой.

— Тутъ что-то сыровато, — замѣтилъ онъ прозаическимъ тономъ и кашлянулъ.

— Это съ непривычки... Дыши полной грудью, какъ я... Дивный вечеръ! Несравненное море!.. Возьми меня подъ руку... Слышишь вальсъ? Звуки тають, какъ нѣжныя снѣжинки, уносятъ въ хрустальную грезу.

Но онъ чувствовалъ себя во власти пугливыхъ мыслей, безпокойно осматривался по сторонамъ, и легкій лѣтній флиртъ, которымъ былъ насыщенъ приморскій воздухъ Гунгербурга, пересталъ его забавлять.

«Ахъ, чортъ бы подралъ эту богачиху!» думалъ Карповскій о Людмилѣ, и ничего не понималъ, что ворковала ему артистка, что игралъ оркестръ.

Ненавистный туманъ, и такъ надоѣвшій ему на берегахъ Невы, откуда-то медленно поднялся, расширился, сталъ душить и кружить голову Платону Лонгиновичу.

Смутное предчувствіе не обмануло его.

Не прошло и часу, Клейнъ телеграфировала Дунѣ:

«Немедленно выѣзжай прямо ко мнѣ. Твой мужъ гастролируетъ съ артисткой. Людмила».

Хорошо выспался и какъ будто забылъ о непріятной встрѣчѣ съ болтушкой Клейнъ.

Поприѣзжали еще нѣкоторые друзья Львовой: тугой на ухо князь Дреминъ, поэтъ Оръ и гвардейскій полковникъ въ отставку Ламайскій.

Каждый пытался интимно побесѣдовать вдвоемъ съ артисткой и отдѣлаться отъ прочихъ поклонниковъ. Но непременно кто-нибудь мѣшалъ.

Въ сущности, Карповскій считалъ себя господиномъ положенія, такъ какъ приѣхалъ наканунѣ и дольше другихъ пользовался обществомъ милой хозяйки.

Днемъ отправились купаться, но температура воды не поднялась выше 8°R, и храбрость остыла, хотя въ воздухѣ и было тепло.

— Еще наживешь ревматизмъ!—замѣтилъ съ явнымъ неудовольствіемъ начальникъ отдѣленія:—это называется лѣтомъ... Пародія!

— Не для насъ такія развлеченія... Мы по-стариковски!—осторожно процѣдилъ князь и съежился, словно испробовалъ холоднаго душа.

Бравый полковникъ покручивалъ усы.

— Если прикажетъ командирша,—въ огонь и въ воду.

Поэтъ Оръ тряхнулъ гривой вьющихся волосъ.

— Я скупаюсь... Море и солнце—моя излюбленная стихія. Скупаюсь и пойду поклониться «Уголку» Случевского.

— Безъ разговоровъ, всѣ извольте купаться. Купанье молодить, полируетъ кровь. Одинъ пріятель мой, очень ученый чело-

«истор. вѣстн.», ноябрь 1915 г., т. cxlii.

вѣкъ, говоритъ, что громадная польза — подвергнуться давленію сколькихъ-то тамъ атмосферъ, — рѣшительно заявила Львова и скорчила уморительную гримасу по адресу князя Дремина:— берите примѣръ съ меня. А вы, поэтъ, всѣ эти «уголки» по боку. Аддіо!

И, дѣйствительно, черезъ четверть часа они любовались ея стройной, гибкой фигурой въ свѣтломъ, плотно облегающемъ костюмѣ.

Холода она будто и не ощущала, бѣгала, рѣзвилась, позировала и дѣлала имъ какіе-то условные знаки.

— Живая скульптура!—вырвалось у поэта.

Общество нѣсколькихъ дамъ считало себя оскорбленнымъ. Мужчины, напротивъ, громко восторгались.

— Женщина-змѣя, — промолвилъ кто-то:— обворожительна!

Какъ всегда и вездѣ, были довольные и недовольные.

Вернулась Львова—сіяющая, бодрая, вся точно пропитанная солнечными лучами.

Ей аплодировали.

— Теперь ваша очередь, господа... Взвился синій флагъ—часъ мужского купанья... безъ отговорокъ, или я разсержусь... Ну-съ, по-цирковому: allez-hor!..—и она взмахнула зонтикомъ, какъ наѣздницы взмахиваютъ хлыстомъ.

Князь наклонился къ ея уху и просилъ пощады, ссылаясь на нездоровье и старую подагру; Карповскій торопливо оглядывался, ища Людмилу Клейнъ, а полковникъ и поэтъ смѣло направились къ кабинкамъ. Скоро и Карповскій пошелъ за ними. Лишь князь Дреминъ упрямо сидѣлъ на скамейкѣ, пользуясь случаемъ поговорить съ артисткой наединѣ.

Начальникъ отдѣленія, поэтъ и полковникъ въ купальныхъ костюмахъ представляли забавное зрѣлище, и Львова хохотала до упаду.

Первый отнесся къ купанью официально: окунулся съ быстротой молніи и, какъ опшаренный, побѣжалъ назадъ («подписано—такъ съ плечъ долой»); поэтъ представлялъ собою какой-то едва уловимый зигзагъ и развѣвающуюся гриву; полковникъ стойко шелъ, будто на невидимаго врага, красный и тучный, едва сдерживаясь, чтобы не обратиться въ постыдное бѣгство.

— Жестокое испытаніе, — проронилъ князь и вздохнулъ съ чувствомъ облегченія.

— Развѣ вы не поняли, мой бѣдный князекъ? Я дала вамъ возможность наговорить мнѣ цѣлый ворохъ неисполнимыхъ обѣщаній.

Вечеромъ засѣдали въ ресторанѣ за небольшимъ столикомъ и слушали «цвѣтныхъ» музыкантовъ.

Было прохладно, тѣсно и пестро.

Отъ разочарованія, что шашлыкъ подали плохой, у полковника разболѣлась голова; князь ровно ничего не слышалъ, приписывая

глухоту сквозному вѣтру; поэтъ о чемъ-то мечталъ, а Карповскій впалъ въ нѣмую меланхолію, объясняя ее приступомъ ревматизма.

Одна артистка находилась въ прекрасномъ расположеніи духа и дразнила ихъ напропалую, засматриваясь на сосѣдняго генерала.

— Вамъ бы всёмъ, господа, въ амбулаторію. Брошу васъ и уйду. И что мнѣ за охота возиться съ вами! Сидя здѣсь, я уже поста-рѣла...

Когда подали шампанское, лакей замялся и, нерѣшительно вынимая изъ кармана письмо, нагнулся къ Львовой.

— Для господина Карповскаго,—пояснилъ онъ вполголоса.

Платонъ Лонгиновичъ встрепенулся и сердито стукнулъ палкой.

— Я—Карповскій. Какіе тамъ секреты? Давай сюда! Вы разрѣшите?...

— Каково! Даже здѣсь записочки получаетъ,—подтрунивалъ полковникъ, опять приходя въ норму.

Львова поджала губы и отвернулась. Съ генераломъ шла у нея серьезная переглядка.

Въ письмѣ, написанномъ рукой жены, но безъ ея подписи, Карповскій прочелъ:

«Директоръ недоволенъ, что вы самовольно отлучились изъ командировки. Вамъ придется уйти изъ департамента и прискивать новыхъ занятій».

Вскочилъ, какъ ужаленный.

Лицо приняло кумачный оттѣнокъ.

«Ловко отдѣлала!» подумалъ онъ.

— Стоитъ ли волноваться по такимъ пустякамъ!—вскричала Львова:—первое условіе молодости—всегда оставаться въ равновѣсіи. Запомните, мой другъ!

— Я приму къ свѣдѣнію вашъ совѣтъ, а пока дозвольте уѣхать. Служебныя дѣла немедленно отзываютъ меня. Я попаду на первый утренній пароходъ. Еще есть время...

Мужчины переглядывались. Артистка не задерживала, но насмѣшливый взглядъ, которымъ она проводила его, вознаграждалъ и полковника, и поэта, и князя. Однимъ соперникомъ стало все-таки меньше (они позабыли о генералѣ).

Платонъ Лонгиновичъ стремился къ выходу, но тамъ уже стояла Дуня подъ руку съ Людмилой.

— Ваша командировка окончена,—обратилась къ нему жена такимъ незнакомымъ, ледянымъ голосомъ, что у него морозъ поползъ по кожѣ:—а моя начинается. Я остаюсь въ Гунгербургѣ, и долго вы не увидите меня въ вашемъ чиновничьемъ городѣ. Извольте сдѣлать все соответствующія распоряженія насчетъ перевода мнѣ денегъ до востребованія, которыхъ у васъ никогда не хватаетъ на наемъ порядочной дачи. Теперь прощайте... и вашей ноги чтобы здѣсь больше не было! Иначе... помните!

— Да я... меня... ты...

Но ему такъ и не удалось выговорить ни одной осмысленной фразы.

Жена и Клейнъ скрылись въ толпѣ гуляющихъ.

Явилось желаніе—вернуться къ артисткѣ.

Пораздумавъ, Карповскій махнулъ рукой, взялъ извозчика и поѣхалъ къ рѣчкѣ, хотя до отправленія парохода оставалось еще много времени.

По дорогѣ на минуту забѣжалъ въ виллу артистки за своимъ ручнымъ саквояжемъ, вспомнилъ вчерашній безмятежный вечеръ и вздохнулъ, потомъ опять погналъ возницу.

Покачивалась пристань. Что-то нашептывала дремавшая На рова. Сверкали огоньки судовъ. Тускло свѣтила луна.

Іюльская ночь готовилась встрѣчать алое утро.

Платонъ Лонгиновичъ походилъ на изваяніе и, если бы появился тутъ поэтъ Оръ, онъ непременно сказалъ бы, что это—сама безнадежность.

— Какая невѣроятная глупость!— пробормоталъ, наконецъ, Карповскій и снова задумался.

Оставалось ожидать еще около получаса.

2.

Дача Эрнеста Эрнестовича Клейна была еще болѣе великолѣпна, чѣмъ дача артистки Львовой. Если она и уступала ей по мѣстоположенію, такъ какъ не стояла у моря, то безусловно превосходила ее по архитектурѣ и внутреннему убранству.

Но въ ней царило какое-то постоянное уныніе, и названіе «Элегія» вполне соответствовало дѣйствительности, хотя собственникъ, очевидно, и не предполагалъ этого, когда давалъ такое прозвище: оно просто было составлено изъ первыхъ буквъ именъ Эрнеста, жены его Людмилы и дѣтей—Елены, Германа, Ивана, котораго отецъ всегда звалъ Іоганномъ, и Якова.

Клейнъ—богатый коммерсантъ съ необыкновенно развитымъ чувствомъ самовлюбленности.

«Кайзеръ Вильгельмъ и я»,—была его постоянная фраза, и къ этимъ авторитетамъ онъ зачастую взывалъ въ спорахъ и разговорахъ.

По-русски говорилъ довольно чисто, съ легкимъ иностраннымъ акцентомъ и на лицѣ носилъ неизмѣнно застывшую плутоватую улыбку сытаго довольства.

Многіе не долюбивали его и за глаза величали—«Негг Каучукъ».

Дуня Карповская, оставшаяся гостить у Людмилы, съ первыхъ же дней затосковала: рѣшительно на всемъ чувствовался гнетъ властелина «Элегіи», хотя и подъ маской свѣтскаго человѣка.

Немного легкомысленная хохотушка, Людмила точно не замѣчала этого гнета и всячески старалась расшевелить, видимо, скучавшую подругу.

— Нельзя же быть такой влюбленной въ мужа,—по-своему объясняла она ея подавленное настроеніе:—пускай помучится въ неизвѣстности, а потомъ простишь, какъ водится.

И ея лучистые глаза свѣтились искреннимъ восторгомъ, что она такъ превосходно придумала наказать вѣтренаго супруга «милой Дуни».

Онѣ сидѣли вдвоемъ на открытой галлерей, выходящей въ садъ съ бьющимъ фонтаномъ, залитымъ свѣтомъ электрическихъ фонарей.

Отъ недавно пронесшагося ливня подрѣзанныя деревья выдѣлялись блестящими стволами и вѣтками, и эти послѣднія казались при освѣщеніи сѣтью металлическихъ проводовъ, идущихъ къ какой-то гигантской станціи.

Воображенье дополняло фантастическія картины.

— Ты счастлива?—спросила вдругъ Дуня:—твой мужъ, какъ сказочный Черноморъ, окружилъ тебя роскошью, можетъ, даже излишней... Признаюсь, я завидовала тебѣ до сихъ поръ... а вотъ пожила здѣсь два-три дня и чувствую себя какъ въ золотой клѣткѣ. Руслану трудно добраться къ своей Людмилѣ.

Хотѣла пошутить, а вышло зло, чего не желала, и сама покраснѣла.

Но подруга не обидѣлась.

— Ты почему-то не любишь моего мужа,—сказала она совершенно спокойно и умолкла, а черезъ [минуту засмѣялась:—Руслана у меня нѣтъ; я—вѣрная жена... Впрочемъ, мой мужъ—мой Русланъ.

Вдругъ отворилась дверь, и безшумно вошелъ Эрнестъ Эрнестовичъ.

«Слышала или нѣтъ?» невольно подумали обѣ подруги.

Резиновые подошвы желтыхъ ботинокъ дѣлали его присутствіе неуловимымъ, и это, кажется, забавляло его.

«Негг Каучукъ» оправдывалъ свое названіе.

— Привѣтъ дамамъ!—обратился къ нимъ Клейнъ съ покровительственнымъ видомъ, стараясь быть любезнымъ, и постоянная улыбка еще болѣе расширила его толстыя губы:—поэтизируете? А между тѣмъ... между тѣмъ...—и онъ остановился, будто подбирая подходящее выраженіе или умышленно замедляя разговоръ, чтобы потомъ сразу поразить слушательницъ.

Людмила увидѣла по лицу мужа, что онъ чѣмъ-то взволнованъ, но старается этого не показать.

— Между тѣмъ?—нетерпѣливо спросила Карповская, которой страшно надоѣли и менторскій тонъ Эрнеста Эрнестовича, и его кривлянье, и самовлюбленность.

За свое кратковременное пребываніе у него на дачѣ она уже успѣла насладиться всѣмъ этимъ до пресыщенія и каждую минуту готова была уѣхать домой.

— О, я боюсь за ваши нервы! Получено извѣстіе, что сегодня... сегодня...

«Ахъ, какъ онъ противенъ, этотъ нѣмецъ!» подумала Дуня и вскочила съ дивана.

— Да говори же!—не выдержала Людмила, все еще ожидая пріятнаго сюрприза.

— Сегодня германскій крейсеръ бомбардировалъ Либаву. А чѣмъ это пахнетъ? Война! Снарядами повреждены морской корпусъ и нѣсколько домовъ. Война!! Что вы на это скажете, почтенныя дамы?

— Однако тутъ же нѣтъ ничего смѣшнаго! Возмутительная исторія! Надо бѣжать какъ можно скорѣе!—горячилась Дуня.

— Ты правду говоришь, Эрнестъ?—еще съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ вскричала Людмила.

— Даю клятву, что не шучу.

— Боже мой, да вѣдь отъ Либавы и сюда могутъ приплыть! Надо же ѣхать и немедленно!—заволновалась наконецъ и Людмила.

Щеки ея поблѣднѣли и мгновенно какъ-то осунулись.

— Дѣти... что съ ними будетъ? Какое несчастье!—уже со всѣмъ теряя присутствіе духа, обращалась она то къ мужу, то къ подругѣ.

— Конечно, нужно уѣзжать!—поддерживала Дуня:—я тоже не останусь здѣсь ни одного часа. Не имѣю ни малѣйшаго желанія попасть въ нѣмецкія лапы.

Клейнъ нахмурилъ брови и прикусилъ верхнюю губу.

«Словно ушастая закаспійская ящерица въ минуты угрозы»,—промелькнуло забавное сравненіе въ головѣ Карповской (результатъ только что прочитанной популярной статейки въ иллюстрированномъ журналѣ).

— Вы въ домѣ швейцарскаго подданнаго, но душою я такой же нѣмецъ, какъ и самъ кайзеръ Вильгельмъ,—отчеканилъ Клейнъ съ необыкновеннымъ достоинствомъ и сдѣлалъ жестъ, расправляющій усы, которыхъ у него не было.

— Съ чѣмъ васъ и поздравляю. А кричать на себя я все-таки не позволю, хотя вы душою и нѣмецъ,—окончательно вышла изъ себя и кипятилась раскраснѣвшаяся Карповская.

— Съ ума вы, что ли, посходили? Тутъ война, опасность угрожаетъ, а они ссориться вздумали. Дунечка, конечно же, мы уѣдемъ. Эрнестъ любитъ шутить, а ты принимаешь за чистую монету. Необходимо сплотиться, а не вздорить... Подумай, какой ужасъ!

Клейнъ не возобновлялъ пререканій, но оставался надутымъ и холодно-вѣжливымъ въ предѣлахъ терпимости.

— Вы предполагаете, что легко теперь у́халъ? Pst! И желѣзная дорога, и пароходы,—все переполнено. Ваша русская публика такая... О, я хорошо знаю русскую публику!

Послѣднюю фразу онъ произнесъ съ достаточнымъ презрѣніемъ, но въ словахъ былъ остороженъ, и улыбка опять мало-помалу начинала расцвѣтать на его лицѣ.

— Значить, пѣшкомъ итти?—съ вызовомъ спросила Дуня, ежеминутно вспыхивая, какъ порохъ.

«Бьющій фонтанъ, садъ, утопающій въ роскоши, и рядомъ это плотоядное. Подъ ботинками джентльмена—копыто звѣря»,—сравненья продолжали мелькать въ ея мысляхъ.

Она уже ненавидѣла Клейна отъ всего сердца, хотя прямого повода къ этой ненависти онъ, повидимому, и не подавалъ.

Было что-то неуловимое, что заставляло ее возмущаться и ненавидѣть.

— Я исполню свой долгъ до конца. Я вытребую лимузинъ или торпедо, хотя бы это стоило двѣсти рублей. А я самъ останусь пока здѣсь...

Сухо поклонился и вышелъ.

Второпяхъ стали укладываться и только утромъ сѣли въ открытый автомобиль и у́хали, не попрощавшись съ Эрнестомъ Эрнестовичемъ.

— Не приказали беспокоить,—заявила высокая, красивая горничная Амалія, довольно небрежно посматривая и на Карповскую, и на свою хозяйку, Людмилу.

Дѣти были сонныя и капризничали. Нянька едва справлялась съ ними.

Людмила еле сдерживала слезы и отъ бессонной ночи, и отъ переживаемыхъ событій. Нервность сказывалась въ каждомъ ея движеніи.

«Вотъ меня натравила на мужа, а сама тоже попала въ лужу», размышляла Дуня и казалась веселѣй всѣхъ другихъ, находившихся въ моторѣ.

Всемеромъ было тѣсновато.

Шофферъ мчалъ стрѣлой, очевидно, получивъ точныя инструкціи отъ Клейна.

Дорогой попадались вереницы извозчиковъ и пѣшеходовъ. Въ Нарвѣ вокзалъ былъ осажденъ пассажирами, точно крѣпость, опоясанная желѣзнымъ кольцомъ непріятеля.

— Слава Богу!—шепнула Людмила и перекрестилась, когда ихъ автомобиль переѣхалъ мостъ, оставляя въ сторонѣ и вокзалъ, и бушующій Нарвскій водопадъ, и всѣ воспоминанія о мужѣ и блокадѣ Либавы.

«Какія неожиданности подносятъ жизнь», рассуждала она про себя, скрывая эти мысли отъ подруги.

3.

Въ столицѣ волновались.

Рядъ событій пестрѣлъ съ головокружительной быстротой.

Россія объявила войну Германіи...

Германія нарушила международныя права, занявъ нейтральный Люксембургъ...

Передовыя нѣмецкіе отряды вторглись въ Ченстоховъ...

Бельгія объявила войну Германіи...

Германія объявила войну Франціи...

Забрядала оружіемъ Англія... Мобилизовались Турція и Голландія...

Бѣлградъ обстрѣливался австрійцами...

Словомъ, заварился такой европейскій кавардакъ, что у простого смертнаго умъ зашелъ за разумъ послѣ того затишья, которое предшествовало войнѣ.

Начались патріотическія манифестаціи; рухнула стѣна между правыми и лѣвыми; были забыты взаимныя раздоры и разногласія; всѣ какъ-то спаялись общимъ желаніемъ наказать врага.

И вдругъ 22-го іюля долетѣли слухи, что русскіе подверглись въ Германіи грубымъ издѣвательствамъ, что оскорблены чины посольства и даже высокія особы Царствующаго дома. Передавались факты такой неестественной жестокости нѣмцевъ, что невольно поднималась противъ нихъ дикая злоба и порою даже не вѣрилось, чтобы двуногій звѣрь, прикрывающійся многовѣковой культурой, могъ спуститься до такихъ ужасающихъ низинъ отжившаго варварства.

Изъ окна Европы выглянулъ мохнатый ликъ первобытнаго хищника во всемъ своемъ отталкивающимъ обличьи.

Пока что, а толпа исключительно непосредственныхъ русскихъ натуръ рѣшила по-своему отвѣтить на безчеловѣчныя выходки кровожадныхъ тевтоновъ.

Точно по особому уговору, когда столица уже приняла ночной обликъ, но когда еще не было сна и улицы кипѣли народомъ, уставшимъ отъ знойнаго дня,—заговорщики незамѣтно проникли въ зданіе германскаго посольства.

Еще гордо высились на громадной плоской крышѣ прямолинейнаго скучнаго зданія съ узкими рѣшетчатыми окнами двѣ бронзовыя фигуры голыхъ атлетовъ съ парой коней, посылая надменный вызовъ и Мѣдному всаднику, и золотому куполу Исаакія.

И все дальнѣйшее вышло какъ-то само собой, какъ по-писанному.

Толпа росла и на крышѣ, и внизу, на площади, и внутри мертваго дома.

Постепенно освѣщались залы за залами и по порядку каждая изъ нихъ подвергалась разгрому, а между тѣмъ наверху раскочи-

вались десятками рукъ фигуры атлетовъ подь напѣвъ «Дубинушки», и вотъ наконецъ съ грохотомъ при общихъ крикахъ шумнаго ликованія упала одна, потомъ за ней и другая; только кони словно замерли въ окаменѣвшемъ бѣгѣ и не двигались...

Карповскій съ женой, которая вернулась къ нему какъ ни въ чемъ не бывало, даже не напоминая о «гунгербургскомъ недоразумѣннн» (она часто придерживалась такой системы замалчиванья всего нежелательнаго), сидѣлъ на извозчичьей пролеткѣ возлѣ Морской и слѣдилъ за рѣдкимъ зрѣлищемъ слѣпой расправы обезумѣвшей толпы, уже не вѣдавшей, что творить.

Когда явилась конная и пѣшая полиція, Платонъ Лонгиновичъ велѣлъ ѣхать обратно.

Онъ поймалъ себя на странной, жуткой мысли: картина буйства въ тотъ мигъ, когда слышался трескъ ломающихся дверей и звонъ разбитыхъ стеколъ и тутъ же рядомъ гулъ нѣсколькихъ тысячъ голосовъ, напоминающій взбаламученное море,—не была ему противна, напротивъ, захватывала, и ненависть къ врагу шевелилась въ душѣ все ярче и сильнѣе.

Онъ испугался зародившагося злого чувства и старался его побороть въ себѣ.

Ѣхали молча нѣкоторое время, будто переживая все, что видѣли и слышали въ эту кошмарную июльскую ночь, душную и страшную своей правдой.

— Вотъ завтра будемъ осуждать, а сегодня сколько такихъ, да и я среди нихъ, которые радуются всякому разбитому окошку... Человѣкъ—сложное существо и премерзкое...

Не то шутили, не то говорили серьезно, и что-то дрожало въ словахъ.

— Успокойся,—утѣшала его жена:—я однимъ довольна и счастлива, что мы опять вмѣстѣ. Вѣдь изъ-за какого пустяка могли поссориться! Война снова сблизила насъ. Знаешь,—не переставая болтала она, какъ только отѣхали значительное разстоянн отъ мѣста погрома:—мнѣ кажется, Людмила не уживется теперь съ мужемъ. «Негг Каучукъ» прямо-таки подавляетъ своей авторитетностью. Еще меня немного стѣснялся... Воображаю, что съ нимъ будетъ, когда узнаетъ о разгромѣ зданія посольства! Тогда хоть святыхъ вонъ выноси... Оскорбится за кайзера Вильгельма.

И она стала передавать подробности послѣдующихъ дней, которыхъ пока не успѣла ему рассказать.

А Карповскій вспомнилъ вдругъ артистку Львову и въ одно время прислушивался и къ словамъ Дуни, и къ своимъ затаеннымъ думамъ.

«Теперь я потеряю окончательно въ ея глазахъ. Мое бѣгство изъ Гунгербурга прямо-таки позорно... Этакая пошлость!..»

Въ концѣ концовъ пережитыя впечатлѣнія совершенно перемѣшались, образуя какой-то хаосъ, совсѣмъ не поддающійся учету.

«Намъ-то хорошо, а каково тамъ, въ окопахъ!»—неожиданно выплыла мысль и вновь потонула среди другихъ, мелкихъ и случайныхъ, но назойливыхъ и беспокойныхъ, построенныхъ на эгоизмѣ.

4.

Перепуганные дачники, читая въ газетахъ о занятіи нѣмцами Калиша, Бендина, Ченстохова, Влоцлавска, покидали свои лѣтніе уголки и ѣхали въ столицу, гдѣ тоже была нѣкоторая паника, такъ какъ и отсюда уѣзжали особенно боявшіеся возможнаго десанта въ Финляндіи.

Получалась какая-то отчаянная спѣшка и безтолковщина.

Пріѣхалъ и Клейнъ послѣ двухнедѣльнаго напраснаго ожиданія, что жена «образумится» и снова привезетъ дѣтей въ «Элегію».

— Ну, мы все еще боимся?—обратился онъ къ Людмилѣ, растягивая резиновую улыбку до предѣловъ возможнаго.

Хохотушку съ лучистыми глазами, любившую скорѣй повеселиться, чѣмъ серьезничать, Людмилу трудно было узнать, такъ она измѣнилась за это короткое время.

Взглядъ сдѣлался сосредоточеннымъ и грустнымъ, щеки поблѣднѣли и осунулись, подъ глазами выступили темные круги.

— О, намъ къ лицу этотъ романтическій видъ!—небрежно уронилъ Эрнестъ Эрнестовичъ и обнялъ жену за талію; увѣренный, что осчастливитъ ее, но она рѣзко отстранилась, точно почувствовала прикосновеніе чего-то скользкаго и холоднаго, и поцѣлуй пришелся въ прическу вмѣсто губъ, куда предназначался.

Людмила молчала и отворачивалась.

— Мы чего-то сердимся... А гдѣ же мои дѣти? Здоровы?—отрывисто спросилъ вдругъ по-нѣмецки, какъ любилъ говорить и прежде, особенно когда бывалъ въ хорошемъ расположеніи духа.

— Нѣтъ ужъ, пожалуйста, безъ этихъ «киндеръ» и «гезундъ!» Нѣмецкій языкъ неблагопріятно дѣйствуетъ на мои нервы, словно карандашомъ водить по стеклу. Пускай я неправа, но это—сущая правда. Вотъ ты не любишь, напримѣръ, грибовъ, а на меня плохо вліяютъ ваши «деръ-ди-дасъ».

Клейнъ искренно изумился, пожалъ плечами и подобралъ губы въ знакъ полнаго негодованія, когда понялъ, въ чемъ дѣло (вначалѣ онъ будто хорошо не соображалъ) и, не проронивъ больше ни одного слова, быстрыми шагами удалился изъ комнаты, чтобы не накричать лишняго.

«Я тоже умѣю кусаться», подумала Людмила.

За обѣдомъ онъ почему-то сіялъ отъ восторга (вѣрнѣе—притворялся по какимъ-то невѣдомымъ соображеніямъ) и подчеркивалъ

приторную любезность, но вечеромъ въ спальнѣ разыгралась не-приятная исторія.

Клейнъ вошелъ съ фізіономіей властелина, заранѣ увѣренный въ успѣхѣ.

Въ мысляхъ у него, очевидно, не было и тѣни сомнѣній.

«Мало ли что болтаетъ женскій языкъ!.. Я—хозяинъ, я и никто другой. Тутъ даже кайзеръ Вильгельмъ на второмъ планѣ. Какъ, не уважать моей національности, не любить... meine Muttersprache—это мы еще посмотримъ! Мои деньги, моя фамилія, мои дѣти, моя жена и, натурально, во всемъ одно мое желаніе. Она думаетъ; я уступлю, если день или два будетъ фыркать и ходить съ задраннѣмъ носомъ. Ошибаетесь, gnädige Frau! страшно ошибаетесь! Я могу и мѣсяць подождать, а поставлю на своемъ. А станете отворачиваться отъ поцѣлуевъ,—мы и другихъ сумѣемъ цѣловать. Мы найдемъ утѣшеніе и по ту сторону добра и зла».

Розовый абажуръ съ бѣлыми узорами бросалъ на лицо Людмилы, лежавшей на кушеткѣ съ газетой въ рукахъ, нѣжныя тѣни; но выраженіе ея глазъ и суровая складка красиваго рта составляли рѣзкій контрастъ съ картиной спокойнаго уюта, которымъ дышала эта со вкусомъ обставленная комната, гдѣ каждый уголокъ, каждая незатѣйливая вещь говорила о роскоши и довольствѣ.

Эрнестъ Эрнестовичъ хотѣлъ молча присѣсть къ женѣ, но она уже порывисто вскочила, оправилась и, указывая на газету, заговорила нервно и горячо (видимо, уже готовилась къ такому разговору):

— Въ твое отсутствіе только и читала газеты да «Войну и Миръ» Толстого... Ты тоже когда-то увлекался этимъ романомъ... И вотъ нахожу, что отзывы о нѣмцахъ тамъ прямо-таки поразительные по мѣткости. Для тебя даже заложилъ эти мѣста. Ты, пожалуй, ихъ позабылъ. Послушай-ка. Интересно! Всего нѣсколько строчекъ. Какихъ-нибудь пять минутъ вниманья.

Пока она встала за книгами, открыла и начала послѣдно читать вздрагивающимъ, взволнованнымъ голосомъ, боясь, что не удастся докончить, онъ, не проронивъ ни звука, весь превратился въ слухъ, крѣпко сжалъ челюсти и, что всего удивительнѣй, измѣнили обычной своей стереотипной улыбки.

Еще не зная, что прочтеть, но уже догадываясь, въ какомъ тонѣ будутъ выдержки, и морщился, предвкушая удары по самолюбію.

— Изъ перваго тома... Ты слушаешь?.. «Нѣмцевъ только лѣнивый не билъ. Съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ, нѣмцевъ всѣ били. А они никого. Только другъ друга». И еще изъ третьяго тома: «Пфуль былъ одинъ изъ тѣхъ безнадежно, неизмѣнно, до мученичества самоувѣренныхъ людей, которыми только бываютъ нѣмцы, и потому именно, что только нѣмцы бываютъ самоувѣренными на основаніи отвлеченной идеи—науки, то есть мнимаго знанія совер-

шенной истины... Нѣмецъ самоувѣренъ хуже всѣхъ, и тверже всѣхъ, и противнѣе всѣхъ, потому что онъ воображаетъ, что знаетъ истину,—науку, которую онъ самъ выдумалъ, но которая для него есть абсолютная истина»... и дальше...

— Нѣтъ ужъ,—перебилъ Клейнъ и закашлялся:—довольно и такъ комплиментовъ. Я выше фальшивыхъ фразъ вашего джефилософа Толстого. И гдѣ же доказательства? Мы васъ бьемъ и бьемъ, и я въ душѣ кричу «hoch!»

— Та же самоувѣренность, что у Пфуля... Ни одной настоящей побѣды, однѣ демонстраціи и мародерство, а ты кричишь, какъ попугай,—«hoch!» Смѣшно, и гадко, и пошло! А звѣрства, на что это похоже! Убийцы, насильники, поджигатели! Да, наконецъ, я—жена нейтральнаго швейцарскаго подданнаго, а не пруссака, и какъ же ты смѣешь стоять за нѣмцевъ? Во всеуслышанье, вѣдь, ты же не рѣшишься этого сказать! Не хватить храбрости?

Въ Эрнестѣ Эрнестовичѣ боролись самыя противоположныя крайности: и оскорбленное самолюбіе, и негодованіе, и какое-то вспыхнувшее вдругъ животное чувство самца передъ разъяренной самкой.

Онъ рѣшилъ отдѣлаться шуткой и растянулъ губы до ушей, словно ничего, кромѣ пріятнаго, не слышалъ.

— Колоссально! Извиняюсь за нѣмцевъ. Маленькое увлеченіе, не больше. Даже я не прочь стать на колѣни и еще разъ извиниться за кайзера Вильгельма и его доблестную армію, но стать, конечно, не надолго, а то, какъ утверждаетъ Отто Вейнингеръ, мой любимый мыслитель, если молитва на колѣняхъ передъ женщиной продолжится очень долго,—Беатриче станетъ столь же нетерпѣливой, какъ и Мессалина, ха-ха-ха...

И онъ, дѣйствительно, опустился на одно колѣно и, схвативъ Людмилу, съ силой привлекъ къ себѣ.

— Я—нейтральный, нейтральный, пожалуйста, не сердись! Видишь, я совсѣмъ не обижаюсь на Толстого и на тебя. О нѣмцахъ я шутилъ. Я ихъ терпѣть не могу (за исключеніемъ пухленькихъ нѣмочекъ), а кайзеръ Вильгельмъ просто съ ума спятилъ. Колоссально!

Клейнъ былъ настойчивъ въ своихъ супружескихъ желаніяхъ и такъ искренно отрекался отъ недавнихъ словъ, что Людмила и не хотѣла вѣрить ему, а вѣрила, по крайней мѣрѣ въ ту минуту. Она подумала, что нужно уступить мужу, отцу ея дѣтей, и, преодолевъ неприязнь, которая не успѣла въ ней заглухнуть, приняла его ласки съ видомъ покорной жертвы.

Его мокрые поцѣлуи казались ей чужими, и она не могла отвѣтить на нихъ съ молодой пылкостью любящей жены тѣмъ болѣе, что въ ея душѣ все еще продолжало гнѣздиться слѣпое недовѣріе къ человѣку, считавшемуся ея мужемъ.

Довольный одержанной побѣдой надъ женщиной-самкой, онъ уже спалъ крѣпкимъ сномъ счастливица съ канатами вмѣсто нервовъ и съ мускулистымъ мозгомъ, не умѣющимъ воспринимать чуткія настроенія.

Похрапывалъ и грезилъ веселыми картинами.

А Людмила, съ отвращеньемъ отвернувшись отъ него, уже казалась во мракѣ докучной ночи, не дающей отдыху, и была сама не своя.

«Можетъ, я не права, и онъ былъ на этотъ разъ правдивымъ? Вѣдь когда-то я же его любила...»

Но какой-то внутренней голосъ подсказывалъ противное:

«И не любила, и теперь не любишь... И все, что онъ говорилъ здѣсь,—сплошная ложь, издѣвательство надъ тобой... И такъ будетъ всегда, такъ какъ ты не сумѣешь завоевать свободу...»

5.

Разумѣется, на слѣдующее утро вся эта комедія уже была забыта Клейномъ, и жизнь потекла по старому руслу.

Онъ хохоталъ до упаду своимъ грубымъ, циничнымъ смѣхомъ, когда Людмила заикнулась о ночныхъ клятвахъ и увѣреньяхъ и даже напомнилъ ей афоризмъ изъ арабскихъ сказокъ:

«День стираетъ данныя ночью слова».

— А, вотъ какъ!—подхватила она съ красными пятнами на щекахъ и едва не плача:—хочешь отдѣлаться цитатами! Какая литературная эрудиція у нѣмецкаго коммерсанта! Я тоже помню хорошую фразу у Шекспира: «Злодѣй страшнѣй тогда, когда онъ насъ цѣлуетъ». Теперь мы—квиты. Я впередъ буду умнѣе.

Эрнестъ Эрнестовичъ не сразу нашелся, что отвѣчать, подумалъ и процѣдилъ сквозь зубы:

— Gut. Съ сентября, какъ только начнутся классы, ни Гелене (нарочно произносилъ онъ на иностранный ладъ), ни Германъ, ни Иоганнъ не должны учиться въ русскихъ школахъ, гдѣ нѣтъ уваженія къ Германіи,—моей второй родинѣ. Es thut mir so wohl...

Но Людмила не дала ему договорить.

— Замолчи! У меня тоже есть на тебя управа: я ни передъ чѣмъ не остановлюсь... Я... я донесу на тебя, что ты—шпіонъ.

Угроза какъ будто подѣйствовала.

Онъ какъ-то притихъ и на нѣсколько дней боязливо примолкъ.

На ночь расходились по разнымъ половинамъ.

По субботамъ, какъ велось и раньше, собирались гости и тогда Клейнъ прикидывался любящимъ супругомъ.

Субботники, впрочемъ, какъ-то не клеились, вѣроятно, въ виду военнаго времени.

Было скучно на этихъ собраніяхъ и хозяевамъ, и посѣтителямъ.

Но вотъ разъ въ октябрѣ вышелъ все-таки удачный вечеръ,— и многолюдный, и оживленный.

Передъ нимъ у Клейновъ опять произошла «очередная» стычка на «политической» почвѣ.

Онъ доказывалъ, что, какъ ни вертись, а германцы непременно одолѣютъ.

— До сихъ поръ никого не пускаютъ на свою территорію, а смотри еще, какъ бы они къ намъ не пришли въ Санктпетербургъ. Смѣются надъ «Василіемъ Ѳедоровичемъ», но кайзеръ Вильгельмъ и въ усъ себѣ не дуетъ. Колоссально!

Отъ каждой такой фразы Людмила загоралась, какъ спичка.

— Во-первыхъ, Петроградъ, а не Санктпетербургъ,—передразнила она мужа:—во-вторыхъ, какіе же они побѣдители! Бомбардировка Реймсскаго собора это—побѣда? Разгромъ Лувена это—побѣда?.. Страница позора. Пускай себѣ пока сидятъ на своей территоріи—недолго насидятся. Скоро ихъ, какъ крысъ изъ норъ, будутъ гнать изъ конца въ конецъ.

— Да, забылъ сказать! Я видѣлъ, что Гелене какія-то косынки шьеть и вяжетъ шарфы. Это для раненыхъ русскихъ солдатъ? Ни-ни! Чтобъ этого не было! Я—швейцарскій подданный, но у меня нѣмецкая душа, и я не позволю, иначе...

Хотѣлъ еще продолжать, но глаза, ставшіе совершенно оловянными отъ внезапнаго гнѣва, вдругъ остановились на жениномъ холдочномъ взглядѣ и сейчасъ же скользнули въ сторону.

Не припомнилась ли мимолетная, но страшная угроза Людмилы насчетъ шпионства?

— Ахъ, у меня нервы, нервы! Ты должна понять... Я не знаю, что со мною творится,—точно жаловался онъ и пытался найти сочувствіе, замѣтивъ, что вспышка не произвела впечатлѣнія.

— У тебя, кажется, одна болѣзнь съ твоимъ кайзеромъ...—тихо уронила Людмила и думала прибавить:—«безуміе», но не рѣшилась.

Ей показалось, что оно дѣйствительно порою глядитъ изъ его расширенныхъ зрачковъ.

«А вдругъ онъ на самомъ дѣлѣ—сумасшедшій?»—мелькнуло въ головѣ, и она, не проронивъ больше ни слова, ушла.

Собралось человѣкъ двадцать.

Были и Карповскіе.

Разговоръ вертѣлся вокругъ современныхъ событій.

Всѣ, кромѣ Дуни, считали «Негг Каучука» не столько нейтральнымъ швейцарцемъ, сколько обрусѣвшимъ нѣмцемъ и поэтому не стѣснялись въ выборѣ выраженій.

Людмила сидѣла, какъ на горячихъ угольяхъ, и съ минуты на минуту ожидала взрыва со стороны мужа.

Но онъ переходилъ отъ одного къ другому съ застывшей улыбкой, и глаза его оставались непроницаемыми,—ходилъ и ловилъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ урывки сужденій и отдѣльныхъ фразъ.

Пріѣхавшій изъ-за границы журналистъ ораторствовалъ со слезой и лирической интонаціей:

— Антверпенъ горѣлъ,—этотъ чудный Антверпенъ! Черные клубы дыма заволакивали его отовсюду и поминутно освѣщались адскими огнями. Воздухъ сотрясался отъ треска бомбъ и другихъ лопающихся снарядовъ. Бельгійцы—герои. Если бы не они,—Франція не удержалась бы и палъ бы прекрасный Парижъ... Да, да... ужасно! Внизу—пылающее море зданій, вверху—багровое небо... Жители бѣжали, а кто не успѣвалъ—прятался въ подвалахъ... Проклятые цепелины разливали нефть, чтобы лучше поджигать городъ... Международное право попиралось негами...

— Скажите—копытами,—поправилъ кто-то:—развѣ нѣмцы не дикій отпрыскъ кентавровъ? У нихъ и теперь та же звѣрская дикость... Помните у Овидія свадьбу царя Пиріеоя? Только нѣтъ у нихъ прежней силы.

Вмѣшался Карловскій.

— Зато нашъ народъ показалъ культуру души и совѣсти... и она, вѣрьте, побѣдитъ!

Дуня прислушивалась къ словамъ мужа, къ серьезному тону, съ какимъ онъ говорилъ, видѣла сосредоточенность его лица и незамѣтно усмѣхнулась, вспоминая его недавнее гунгербургское приключеніе, когда онъ, какъ растерянный мальчикъ, стоялъ передъ нею и Людмилою въ казино, пойманный врасплохъ, точно воръ съ поличнымъ.

Почему-то на фонѣ горячихъ разговоровъ о войнѣ и міровыхъ событіяхъ проскользнула вдругъ эта смѣшная тѣнь и дала мыслямъ игривый оборотъ и, помимо воли, напрашивались самыя неподходящія сопоставленія.

Ей думалось:

«Итакъ, можетъ быть, каждый изъ говорящихъ здѣсь, ратующихъ за честь и достоинство родины, мысленно попирающихъ противника за его варварство...»

Мысль оборвалась на полуфразѣ, такъ какъ новый голосъ одного изъ только что прибывшихъ гостей властно приковывалъ вниманіе.

Говорившій, совсѣмъ маленькій, невидный человѣчекъ, обладалъ пріятнымъ баритономъ и еще какими-то удивительными нотками, дѣйствующими на сердца слушателей.

Кто слушалъ и не видѣлъ рассказчика,—тотъ, навѣрно, воображалъ его высокимъ, мужественнымъ и даже, пожалуй, красивымъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, рѣшила Дуня, когда онъ прервалъ ея размышленія.

— Нѣмецкія банды разрушали и жгли дома бѣдныхъ бельгійцевъ съ какой-то утонченной жестокостью, а съ мирнымъ населеніемъ расправлялись какъ съ разбойниками. Напримѣръ, въ Тамирѣ, между Намюромъ и Шарлеруа, гнали мужчинъ по набережной, гдѣ были заготовлены митральезы, и вдругъ предательски стали по нимъ стрѣлять. Разумѣется, сейчасъ же вся набережная покрылась лужами крови, стекавшей въ каналъ цѣлыми ручьями. Ну, а съ женщинами и дѣвушками въ пьяномъ разгулѣ расправлялись.. вы знаете—какъ... Не хочу оскорблять вашихъ чувствъ... Не стоитъ говорить... О, этимъ дикарямъ отплатить исторія!.. Ея судъ—неумолимъ... Нѣмцы поразительно тупой народъ. Вся ихъ знаменитая философія, шагнувшая отъ Канта къ нищенству, провалилась окончательно, подойдя къ «крупцизму». Я всегда былъ убѣжденнымъ противникомъ войны. Въ самомъ дѣлѣ, что за дикость нравовъ—рѣзать и разстрѣливать другъ друга въ XX вѣкѣ вмѣсто мирнаго, плодотворнаго труда на общее благо; но теперь и я за войну... да! Вы помните слова Владимира Соловьева: «Внѣшнія войны бывали и еще могутъ быть необходимы и полезны». Вотъ мы и должны освободить Европу отъ этого современнаго Каина... Долой нѣжную, радужную оболочку идеаловъ! Мы обязаны думать исключительно о неприкрашенной дѣйствительности, объ одной насущной потребности: о сверженіи нѣмецкаго вампира. О мирѣ развѣ можетъ быть рѣчь, когда сталкиваешься съ арміей, которая обращаетъ церкви въ конюшни и въ задачахъ войны видѣтъ лишь кровавую оргію язычниковъ! Полководецъ, ведущій впереди своихъ войскъ женщинъ и дѣтей (а это установлено документально), достоинъ не только презрѣнія, но и чрезвычайной кары. Нѣтъ мѣста для состраданія! Мы, повторяю, воюемъ во имя освобожденія всей Европы, даже самой Германіи, отъ оковъ милитаризма...

Салонъ Эрнеста Эрнестовича неожиданно принялъ характеръ импровизированнаго митинга.

Клейнъ, толкаясь изъ стороны въ сторону и стараясь сохранить на губахъ блѣдную улыбку, только твердилъ про себя:—«Verflucht, verflucht!..»

Людмила имѣла мужество подойти къ мужу и, смотря ему прямо въ глаза, задать вполголоса насмѣшливый вопросъ:

— Отчего же тебѣ не сказать имъ прямо, что ты не разрешаешь въ своемъ домѣ говорить подобныя вещи? Воображаю, что переживаетъ твоя нѣмецкая душа! Или мнѣ выступить за тебя? Они, вѣдь, не подозрѣваютъ, что ты—другъ кайзера.

Эрнестъ Эрнестовичъ до боли сжалъ ей руку и сверкнулъ бѣлками сердитыхъ глазъ, а затѣмъ произошло нѣчто совсѣмъ неожиданное для нея. Онъ рѣшительно выступилъ впередъ.

— Господа, покорнѣйше просимъ отужинать въ столовую. Мы очень занялись политикой въ ущербъ здоровью... Но, чтобы не быть только говорунами, я предлагаю открыть здѣсь у меня подписку на лазаретъ для доблестныхъ русскихъ солдатъ... Я самъ и моя уважаемая супруга жертвуемъ по пяти тысячъ рублей. Прошу не стѣсняться въ суммахъ. И копейка—дорога.

Рѣчь Клейна произвела благопріятное впечатлѣніе.

Людмила не ожидала такой «дипломатической выходки» и растерялась первую минуту.

«Хитеръ!» подумала она и взялась за стулъ.

Ее слегка пошатывало, точно готовилось головокруженіе.

Чувствовала, что въ крови у нея съ каждымъ днемъ все больше и больше развивается какая-то неуволимая отравка, дѣлающая ее больной.

«Продолжать жить съ нимъ, ставшимъ мнѣ чужимъ, это ли не пытка?.. А тутъ еще вѣчная ложь, игра въ прятки, жонглированье самымъ священнымъ, что есть въ человѣкѣ...»

— «Негг Каучукъ» положительно—молодецъ. Слухи о его германизации какъ будто нѣсколько преждевременны,—замѣтил Карповскій, обращаясь къ женѣ не безъ доли схиства.

Дуня иронически улыбнулась.

— Ты еще можешь шутить! Однако мужчины... Попримлядись хорошенько къ Людмилѣ: на ней лица нѣтъ.

— Темно и непонятно, какъ исторія мидянь.

Но тутъ подскочилъ Клейнъ на резиновыхъ подошвахъ и усиленно зазывалъ къ ужину, убѣждая, что какая-то закуска пережарится и потеряетъ всякій вкусъ.

Вертлявость и напускная шутливость скрывали досаду и мрачныя мысли.

Въ мозгу назойливо отбивало: «Verflucht!», а улыбка по привычкѣ неизмѣнно кривила вздрагивающія толстыя губы.

6.

«Лазаретъ святой Людмилы», устроенный Клейномъ, былъ оборудованъ съ необыкновенной быстротой.

Онъ не щадилъ затратъ, лишь бы поставить его на такую высоту, чтобы о немъ повсюду говорили и писали.

Однимъ словомъ, Эрнестъ Эрнестовичъ для всѣхъ сдѣлался настоящимъ русскимъ патріотомъ.

Самый лучший актеръ могъ поучиться у него умѣнью играть эту роль съ художественнымъ совершенствомъ. Даже передъ женой онъ боялся теперь сбрасывать личину.

Коммерческія дѣла были для него важнѣе всего, и ради нихъ онъ готовъ былъ идти на какія угодно личныя жертвы.

«Истор. вѣстн.», ноябрь 1916 г., т. схлн.

«На войнѣ мы еще заработаемъ eine kleine Portion», утѣшалъ онъ себя въ минуты особеннаго отчаянья, когда становилось невыносимымъ постоянно ловить на себѣ ледяной взглядъ жены.

Нерѣдко скользилъ среди ночи крадущейся походкой къ ея спальнѣ и брался за ручку двери, но не рѣшался открыть и войти, словно какой-то запретъ держалъ его въ тискахъ и не позволялъ перешагнуть черезъ заколдованный порогъ.

И онъ съ ужасомъ изо дня въ день наблюдалъ за всѣмъ, происходившимъ въ его домѣ, и видѣлъ, что ему невольно, несмотря на громадную сумму денегъ, остановить естественный ходъ вещей.

Лазаретъ сталъ для нея какимъ-то жизненнымъ ключомъ, вокругъ котораго вращалось все остальное.

— Гдѣ барыня?—спрашивалъ онъ по нѣскольку разъ въ день у прислуги, предварительно обойдя пустыя комнаты.

— Въ лазаретѣ.

— А дѣти гдѣ?

— Въ лазаретѣ.

И въ собственномъ домѣ онъ сталъ лишнимъ и самъ сознавалъ это, къ своему ужасу.

Людмила ревностно исполняла въ лазаретѣ обязанности сестры милосердія и проводила среди раненыхъ большую часть дня; приходилось ей иногда дежурить тамъ и по ночамъ.

Ее увлекала новая задача жизни и помогала ей отвлечься мыслями отъ домашняго кошмара...

Занимали ее и незнакомыя лица,—иные, чѣмъ тѣ, съ которыми раньше сталкивалась на жизненномъ пути.

Между ранеными солдатами были и крестьяне отдаленныхъ окраинъ, и жители Петрограда, богатые и почти нищіе, выдавшій виды бывший ресторанный слуга и невинный, какъ младенецъ, уроженецъ люблинскаго Холма съ ежегоднымъ заработкомъ по поденщинѣ едва въ тридцать рублей.

Всѣ они, оторванные отъ обычныхъ занятій и семей, шли къ великой цѣли—защитить родину отъ неистоваго врага и теперь, исполнивъ свой долгъ, лежали больные, искалѣченные, чтобы, поправившись, можетъ быть, опять итти (кто въ силахъ) на тотъ же трудный подвигъ.

И, видя страданье этихъ сѣрыхъ героевъ и кроткое ихъ терпѣнье, Людмила почерпала у нихъ и для себя частицу чего-то свѣжаго, бодрящаго душу и не позволяющаго терять подъ ногами почву.

Однажды послѣ солдатскаго ужина она, по обыкновенію, засидѣлась въ лазаретѣ, замѣщая отпросившуюся сестру. Кто-то изъ раненыхъ сообщалъ о четырнадцатидневномъ боѣ подъ Ивангородомъ.

Простой, безыскусственный рассказ сильнѣе напрягалъ нервы слушателей, чѣмъ иная образная рѣчь.

По временамъ кто-нибудь вставлялъ и свое замѣчанье. И никто не обратилъ вниманія, когда и какъ вошелъ къ нимъ въ палату беззвучной походкой угрюмый и осунувшійся Эрнестъ Эрнестовичъ. Но всѣ какъ-то сразу почувяли его безмолвное присутствие и обернулись въ сторону дверей, гдѣ онъ стоялъ, застывъ въ напряженной позѣ крайняго любопытства и еще какого-то другого чувства,—можетъ, зависти, можетъ, раскаянья или досады.

Наружная маска скрывала истину.

Людмила вздрогнула, остановила на немъ пронизывающій взглядъ, но не двинулась ни на шагъ.

Разумѣется, рассказчикъ сейчасъ же умолкъ, и прежняя непринужденность исчезла.

— Я слушалъ съ интересомъ... Очень, очень интересно!..—заговорилъ Клейнъ торопливо и какъ будто волнуясь:—но меня занимаетъ одна вещь, и я никакъ не разберу ея безъ вашей помощи. Скажите кто-нибудь, положи руку на сердце, есть у васъ ненависть, злоба противъ нѣмца, съ которымъ вы деретесь. Ну, если бы дать вамъ сейчасъ его... Вы бы... того... покончили съ нимъ, или пожалѣли бы его, отпустили съ Богомъ? Накормили бы и напоили?..

Было видно замѣшательство, и вопросъ, кажется, не понравился солдатамъ.

Шевардинъ (тотъ, что служилъ до войны въ офиціантахъ), наиболѣе расторопный и привычный, никогда за словомъ въ карманъ не лазилъ, такъ и теперь сейчасъ за всѣхъ отвѣтилъ, едва смекнулъ, что нѣтъ охотниковъ «спорить» съ бариномъ (почему-то рѣшилъ, что непременно придется спорить; можетъ, иностранный акцентъ Клейна наводилъ на это предположеніе).

— Какая же злоба, помилуй Богъ! Шрапнель визжитъ и въ груди кипитъ, а кончена перестрѣлка, опять, значить, братья. Ежели голодный, и накормить не жалко, съ превеликимъ удовольствіемъ. Всѣ подъ Богомъ ходимъ...

— Такъ-что, ваше благородіе,—перебилъ Шевардина другой раненый:—покудова никого не видать, знай вышагивай да нѣмца поругивай, ну, а какъ до дѣла дойдетъ, особливо, когда зябко по зарѣ,—не то, что на нѣмца, и на рожна попрешь... Аккуратъ! Ей-ей такъ! Оно, конечно, нѣмецъ—хитра собака, да и мы не промахъ, ваше благородіе.

Помолчалъ Клейнъ, повертѣлся и къ себѣ пошелъ. Вынесъ впечатлѣніе, что русскаго человѣка не поймешь, когда онъ любитъ, когда ненавидитъ, и отъ этого еще больше сталъ сердиться въ душѣ и кипѣть затаенной ненавистью противъ всего, съ чѣмъ не могъ совладать.

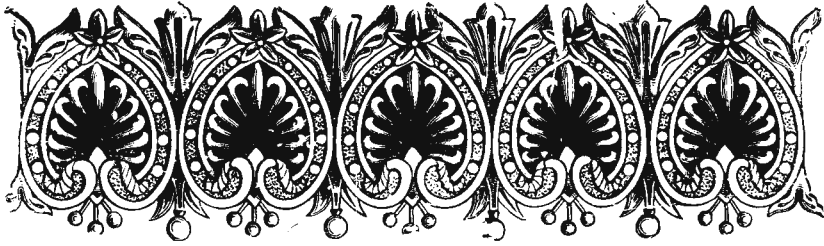
Онъ хорошо сознавалъ, что достаточно одного какого-нибудь неосмотрительнаго шага и все его зданіе, созданное въ Россіи для собственнаго благополучія съ такимъ непомѣрнымъ трудомъ, рухнетъ и потянетъ за собой и его самого.

Слово «шпіонъ», такъ рѣшительно произнесенное какъ-то его женой, стояло безумнымъ призракомъ и отравляло существованіе. Онъ зналъ, что этимъ словомъ его уловили и что надо или все бросить и бѣжать и тогда дѣйствительно прослѣть за шпіона, хотя имъ никогда не быть, или остаться, молча покоряясь необходимости. И онъ до поры, до времени остался при своихъ богатствахъ, но съ каплей жгучей отравы, радуясь, впрочемъ, что, отравленный самъ, онъ и жену сумѣлъ отравить.

В. Умановъ-Каплуновскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗА ТРИДЦАТЬ ЛѢТЪ.

(Листки изъ воспоминаній).

Величайшее и богатѣйшее въ мірѣ сѣверо-американское общество страхованія жизни «Эквитебль».

Не говори всего, что знаешь!
(Румынская пословица).

А ЧАСТНОЮ практикою я никогда не гонялся, хотя не скажу, чтобы въ ней не нуждался. Вѣдь еще въ очень недавнее время на одно казенное жалованье, какъ извѣстно, далеко, бывало, не уѣдешь... Теперь не то. Военные, а за ними и морскіе врачи получаютъ уже нѣсколько лѣтъ гораздо большее содержаніе, чѣмъ раньше, и по сравненію съ прошлымъ считаютъ себя даже въ нѣкоторомъ родѣ людьми обезпеченными. Гражданскіе же врачи находятся все еще въ незавидномъ положеніи. Такъ, напримѣръ, врачи министерства внутреннихъ дѣлъ, а въ особенности учреждений вѣдомства императрицы Маріи, въ послѣднемъ даже главные врачи больницъ и посейчасъ продолжаютъ получать нищенскіе оклады!..

О причинахъ, которыя дѣлали для меня несимпатичнымъ бѣганіе по больнымъ, хотя бы для необходимаго пополненія своего бюджета, я говорить не стану. Это завело бы меня слишкомъ далеко. Скажу только, что я былъ очень радъ, когда случай привелъ на мою дорогу нѣкихъ сѣверо-американскихъ джентльменовъ,

представителей нью-іоркскаго общества страхованія жизни «Эквитебль», предложивших мнѣ мѣсто главнаго врача для всей Россіи... и Финляндіи, послѣдней, повидимому, какъ совершенно самостоятельнаго государства.

Разскажу эпизодъ этотъ по порядку.

Приблизительно лѣтъ двадцать тому назадъ пришлось мнѣ познакомиться съ однимъ, какъ онъ самъ себя величалъ, сѣверо-американскимъ гражданиномъ. Фамилія его была Шмей. Былъ ли этотъ господинъ настоящимъ американцемъ, или нѣтъ,—сказать не берусь. Но что Шмей былъ способный и ловкій человекъ, сѣверо-американецъ по духу,—это не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Жилъ Шмей открыто. Своихъ многочисленныхъ знакомыхъ онъ угощалъ отличными обѣдами, превосходно сервированными, въ чемъ усердно ему помогала его жена, родомъ вѣнка, чудесная хозяйка, входившая во всякую рѣшительно хозяйственную мелочь и вмѣстѣ съ тѣмъ удивительно тонкая піанистка. У нѣмокъ, скорѣе у вѣнокъ, эти два качества, какъ ни странно, превосходно уживаются. Существеннымъ недостаткомъ этой весьма образованной и умной женщины было, какъ мнѣ казалось, куреніе, даже въ самомъ началѣ обѣда, громаднѣйшихъ гаванскихъ сигаръ, отъ которыхъ человекъ, не привыкшаго къ сигарному дыму, подчасъ мутило. Самъ Шмей, главный представитель сѣверо-американскаго общества страхованія жизни «Эквитебль», только тогда недавно открывшаго отдѣленіе въ Петроградѣ, былъ человекъ большого роста, съ бороною лопатою, съ лысиною во всю голову и солиднѣйшимъ носомъ... Послѣ умѣлой и трудной расчиски нѣкоторыхъ препятствій къ открытію Шмей, еще до того, началъ подъ шумокъ вербовать клиентовъ для своего начавшаго пока еще не официально дѣйствовать общества. Главное препятствіе, которое, какъ оказалось, надобно было въ нашемъ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ преодолѣть мистеру Шмею, было нежеланіе русскаго правительства допустить функционированіе въ Россіи иностраннаго (не нѣмецкаго, *bien entendu!*) общества страхованія жизни, придерживавшагося вдобавокъ тонтинаго способа страхованій. Старинный этотъ способъ, не практиковавшійся ни въ одномъ русскомъ обществѣ, получилъ свое названіе отъ жившаго еще въ XVII столѣтіи итальянскаго врача Тонта, давашаго Франціи идею чуть ли не перваго государственнаго займа съ особымъ распредѣленіемъ прибылей. Видоизмѣненная потомъ обществами страхованія жизни идея Тонта заключалась въ томъ, что группа лицъ страховалась въ пожизненной рентѣ, причемъ по смерти одного изъ застрахованныхъ его доля распредѣлялась между другими живыми участниками, впредь до кончины послѣдняго изъ нихъ.

Вскорѣ послѣ моего знакомства съ Шмеемъ господинъ этотъ предложилъ мнѣ сдѣлаться однимъ изъ довѣренныхъ врачей общества, но изъ-за близкаго вмѣшательства агентовъ, вербующихъ кліентовъ, въ дѣло довѣренныхъ врачей, я черезъ нѣкоторое время отказался продолжать этотъ родъ дѣятельности. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Вмѣсто Шмея въ качествѣ главноуполномоченнаго въ обществѣ «Эквитебль», уже дѣйствовавшемъ весьма прочно, появился русскій врачъ, П. И. Поповъ, прожившій въ Сѣверной Америкѣ, главнымъ образомъ въ Нью-Йоркѣ, кажется, около двадцати лѣтъ. Въ молодости Поповъ былъ студентомъ петроградской медико-хирургической академіи. Замѣшанный, какъ говорятъ, въ какую-то по теперешнимъ временамъ совершенно невинную, а по тогдашнему страшно раздутую жандармами, ужасную политическую исторію, Поповъ на всякій случай отбылъ въ Сѣверную Америку, гдѣ, никѣмъ не стѣсняемый, благополучно окончилъ одинъ изъ медицинскихъ факультетовъ. Выдвинувшись своею трудоспособностью въ русскомъ медицинскомъ отдѣлѣ центрального управленія общества «Эквитебль» въ Нью-Йоркѣ, Поповъ перешелъ впослѣдствіи на службу этого общества въ Петроградъ, гдѣ къ тому времени несерьезная его политическая неблагонадежность, въ особенности какъ гражданина Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, была, повидимому, совершенно позабыта. Начавъ службу въ центральномъ учрежденіи общества «Эквитебль», вѣроятно, съ грошей, Поповъ уже въ Петроградѣ получалъ громадное процентное вознагражденіе. О томъ, какъ исчислялось вообще такое вознагражденіе заправилами дѣла страхованія жизни, я скажу своевременно.

По приѣздѣ въ Петроградъ, разбирая въ дѣлахъ общества врачебную переписку, докторъ Поповъ наткнулся на мой давнишній отказъ отъ службы въ ихъ обществѣ. Послѣдствіемъ прочитаннаго было написаніе новымъ главноуполномоченнымъ мнѣ весьма любезнаго письма, въ которомъ докторъ Поповъ звалъ меня снова къ нимъ на службу. Я согласился. Во времена Шмея и въ началѣ дѣятельности доктора Попова главнымъ врачомъ общества въ Петроградѣ состоялъ докторъ Линдесъ, очень почтенный врачъ, въ послѣдніе годы изъ-за преклонныхъ лѣтъ и болѣзненности крайне рѣдко посѣщавшій общество и работавшій почти исключительно у себя на дому.

Въ одинъ прекрасный день всѣ мы, довѣренные врачи «Эквитебля»,—ихъ было, кажется, человекъ 5—6,—получили увѣдомленіе, что часть заправилъ общества, прибывшая для ревизіи изъ Нью-Йорка, въ видахъ знакомства съ петроградскимъ медицинскимъ персоналомъ общества, проситъ всѣхъ врачей «Эквитебля» пожаловать на завтракъ въ «Европейскую гостиницу». Еще до приѣзда американцевъ мы всѣ уже знали, что не на путку рас-

хворавшійся нашъ главный врачъ Линдесъ отказался отъ своей должности.

На завтракъ мы имѣли возможность познакомиться съ слѣдующими лицами: хотя и не совсѣмъ ладно скроеннымъ, но очень чистенькимъ и аккуратнымъ, среднихъ лѣтъ, рыжимъ мистеромъ Вильсономъ, однимъ изъ вице-президентовъ общества, человѣкомъ очень умнымъ, на лету все схватывающимъ, но по временамъ рѣзкимъ, говорившимъ исключительно по-англійски, затѣмъ его секретаремъ, Рокке, весьма изящнымъ молодымъ франтомъ, французскаго пошиба, съ осиною талією и безъ всякихъ признаковъ живота, прекрасно объяснявшимся по-французски, съ докторомъ Ламбертомъ, очень живымъ и энергичнымъ семидесятилѣтнимъ старикомъ, главнымъ врачомъ центрального управления общества «Эквитебль» въ Нью-Йоркѣ, и однимъ изъ казначеевъ общества, мрачной личностью въ очкахъ, не только во время завтрака, но и за все время пребывания своего въ Петроградѣ не произнесшимъ, кромѣ нѣсколькихъ односложныхъ звуковъ, ни одного слова.

На другой день вице-президентъ и главный врачъ общества въ Нью-Йоркѣ пригласили уже меня одного снова къ себѣ и безъ длинныхъ разговоровъ предложили мнѣ занять мѣсто ихъ петроградскаго главнаго врача съ жалованьемъ въ пять тысячъ рублей.

Впослѣдствіи оказалось, что тотчасъ по прибытіи въ Петроградъ эти господа, зная уже объ уходѣ доктора Линдеса, начали собирать обо всѣхъ довѣренныхъ врачахъ общества всевозможныя свѣдѣнія въ доступныхъ имъ слояхъ общества.

Остановились они почему-то на мнѣ. На свалившееся на меня совершенно неожиданно предложеніе я далъ въ тотъ же день утвердительный отвѣтъ.

Уже въ одной изъ главъ прежнихъ моихъ воспоминаній, напечатанныхъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ», я вкратцѣ высказалъ свой взглядъ на медицинскую профессію, упомянувъ кстати о совершенно неудовлетворительной постановкѣ взаимоотношеній врачей и публики. Исходя изъ вышесказаннаго на страницахъ этого журнала и имѣя въ виду неопредѣленность заработка отъ практики вообще, а также изъ того, какъ бѣготня по больнымъ мнѣ фактически надоѣла, я былъ, конечно, очень радъ возможности инымъ, болѣе спокойнымъ способомъ приработать недостававшія въ моемъ бюджетѣ средства. Приходилось, такимъ образомъ, въ виду предстоящаго мнѣ большого дѣла, совершенно отказаться отъ частной практики, о чемъ я отнюдь не сожалѣлъ...

Къ тому же у меня, занятаго по утрамъ службою въ морскомъ вѣдомствѣ и затѣмъ все свое остальное время отдававшаго обществу «Эквитебль», конечно, не осталось времени и возможности заниматься еще частною практикою. Подписавъ контрактъ и не обсудивъ по новизнѣ дѣла вовсе его условій, имѣя къ тому же

въ перспективѣ потерю частной практики, которую, разъ ее утра тишь, въ извѣстномъ возрастѣ невозможно вернуть, я вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно не обезопасилъ себя въ смыслѣ возможнаго безпричиннаго моего увольненія со стороны находящагося за триде вять земель общества, о чемъ спустя нѣсколько лѣтъ мнѣ при шлось сильно пожалѣть.

При заключеніи со мною контракта предусмотрительные аме риканцы понаписали массу параграфовъ исключительно о моихъ обязанностяхъ и ихъ правахъ, не указавъ не только срока, на ко торый я былъ приглашенъ, но даже не обмолвившись ни единымъ словомъ о неустойкѣ, на случай общество раньше срока пожелало бы отказаться отъ моихъ услугъ, что, насколько мнѣ потомъ сдѣла лось извѣстно, обыкновенно предусматривалось во всѣхъ сѣверо американскихъ контрактахъ, разумѣется, со стороны лицъ, при глашенныхъ на службу.

Хотя уже черезъ нѣсколько дней по подписаніи условія одинъ изъ моихъ товарищей, болѣе опытный въ вопросахъ практической жизни, предупреждалъ меня о неудовлетворительности контракта, заключеннаго съ обществомъ «Эквитебль», но я успокаивалъ себя тѣмъ, что, удостовѣрившись въ честномъ исполненіи принятыхъ мною на себя обязанностей, всемірно-извѣстнос, богатѣйшее и, надо думать, честнѣйшее общество «Эквитебль» никоимъ образомъ не по ступитъ со мною некорректно и такимъ образомъ не пожелаетъ лишиться своего добраго имени. Этой мысли я положительно не до пускалъ. Но, какъ оказывается, несмотря на болѣе чѣмъ зрѣлый возрастъ и пройденный большой жизненный опытъ, я все-таки зналъ очень мало дѣловыхъ людей, а заатлантическихъ дѣльцовъ еще меньше...

Удачная ревизія «Эквитебля», произведенная приѣхавшими къ намъ изъ Нью-Йорка членами правленія этого общества, совмѣстно съ моимъ назначеніемъ главнымъ врачомъ, дала возможность прибывшимъ американскимъ джентльменамъ закатить всѣмъ намъ въ «Европейской гостиницѣ» великолѣпнѣйшій обѣдъ съ оркестромъ музыки и застольными рѣчами, на которыя американцы такіе ма стера. Легкость, съ которою мистеръ Вильсонъ въ своемъ игривомъ словѣ затронулъ почти всѣхъ участвующихъ въ обѣдѣ, въ сущности людей ему совершенно незнакомыхъ, была прямо-таки поразительна. Такихъ застольныхъ ораторовъ у насъ въ Россіи мало. Это даръ, кажется, исключительно заатлантической.

Отвѣчали мы, но въ совершенно другихъ тонахъ. Приглашенный на этотъ фестиваль извѣстный хирургъ Р. Р. Вреденъ, только что передъ этимъ побывавшій въ Сѣверной Америкѣ, на котораго до меня имѣло виды общества «Эквитебль», но отказавшійся за недосу гомъ, — говорилъ дѣловито по-англійски, я по-русски, причемъ превосходнымъ переводчикомъ явился д-ръ Поповъ.

Въ числѣ многочисленныхъ приглашенныхъ былъ и управляющій конторою «Эквитебля», Г. И. Ш., въ качествѣ главноуполномоченнаго замѣнившій въ послѣдствіи д-ра Попова. Еще во времена хлопотъ Шмея о вѣдреніи въ Россіи американскаго общества страхованія жизни Г. И. Ш. служилъ въ страховомъ отдѣлѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, но затѣмъ, повидимому, по просьбѣ Шмея, скоро перешелъ на службу въ общество «Эквитебль».

Несомнѣнно, способный, но черезчуръ осторожный человекъ, по временамъ молчаливый, но въ частной бесѣдѣ очень разговорчивый, Ш. на общѣ, гдѣ сидѣло его начальство, не промолвилъ ни слова, видимо, изъ побужденій чисто философскихъ: молчаніе золото... Впрочемъ, будущій главноуполномоченный, какъ это особенно выяснилось въ послѣдствіи, въ дѣловыхъ разговорахъ вообще очень неохотно разставался съ словами и тянулъ ихъ, быть можетъ, изъ предосторожности насколько возможно дольше, стараясь въ это время сообразить, не сказалъ ли онъ чего-нибудь лишняго?

Многолѣтняя моя служба въ обществѣ «Эквитебль», несмотря на китайскую стѣну, не допускавшую главнаго врача даже къ поверхностному ознакомленію съ истиннымъ характеромъ дѣлъ общества, проводимую съ особою настойчивостью петроградскимъ отдѣленіемъ, все-таки, благодаря моей частной перепискѣ съ нью-іорскими заправилами общества, а главное—моему личному знакомству съ многими изъ нихъ, а также близкому общенію съ нѣсколькими изъ здѣшнихъ сѣверо-американскихъ консуловъ дали мнѣ возможность сдѣлать кое-какіе выводы не только о характерѣ общества «Эквитебль» и объ его американскихъ заправилахъ, но также указать на бросившіяся мнѣ въ глаза, общія съ другими народами съ вѣковой цивилизаціею и традиціями черты сѣверо-американцевъ, этого конгломерата народовъ, таящаго въ глубинѣ своей души характеръ расы, изъ котораго онъ произошелъ.

Организація петроградскаго отдѣленія общества «Эквитебль», схожая, вѣроятно, съ организаціею отдѣловъ въ прочихъ государствахъ, заключалась въ слѣдующемъ.

Во главѣ ея стоялъ главноуполномоченный. На его обязанности лежала вербовка кліентовъ, совершавшаяся при помощи разнаго рода агентовъ, разсѣянныхъ по всей Россіи.

Главноуполномоченный опредѣленнаго жалованья не получалъ; взамѣнъ этого на его долю причитался постоянный, довольно большой процентъ съ ежегодной преміи обществу со всѣхъ рѣшительно застрахованныхъ въ Россіи лицъ. Такимъ образомъ, въ связи съ организаторскими способностями и ловкостью въ подысканіи способныхъ агентовъ процентное вознагражденіе, получаемое главноуполномоченнымъ, доходило иногда до невѣроятныхъ суммъ, о которыхъ не всегда могли мечтать у насъ и министры!

Уходя, хотя бы даже не по своей волѣ, изъ общества, главноуполномоченный могъ спать спокойно. Не только онъ, но и послѣ его смерти законные его наслѣдники, вплоть до самой смерти послѣдняго изъ застрахованныхъ имъ кліентовъ были обеспечены данью, ежегодно выплачиваемой ему обществомъ «Эквитебль».

Агентъ, разыскавшій и убѣдившій кліента застраховаться, получалъ,—но зато только одинъ разъ,—за свои труды вознагражденіе, по временамъ доходившее до 65 процентовъ съ годовичной преміи обществу. Отсюда ясно, что не только мелкіе и крупныя агенты, но и самъ главноуполномоченный, заинтересованные въ денежномъ отношеніи, не могли дремать и все время работали надъ увеличеніемъ кліентуры, ergo и своихъ доходовъ. Разсчитывая на людское тщеславіе и зная, какое имѣетъ значеніе для агентовъ, въ общемъ лицъ не особенно культурныхъ, титуль, даже не существующій, общество «Эквитебль», какъ, впрочемъ, и другія общества въ этомъ же родѣ, присваивало высшимъ своимъ агентамъ названія инспекторовъ, главныхъ инспекторовъ, завѣдующихъ округами и т. д., причемъ эти фантастическія званія немедленно отпечатывались такими избранниками на всѣхъ визитныхъ карточкахъ, бланкахъ и т. д. Помню случай, когда Новороссійскій край, Кавказъ, и даже одно время чуть ли не вся Сибирь подчинялись вѣдѣнію лицъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже не имѣвшихъ права повсемѣстнаго въ Россіи жительства.

Громкія названія, щедро раздаваемыя обществомъ своимъ агентамъ, напомнили мнѣ разсказъ про того, вѣроятно, мифическаго господина, любителя титуловъ, который, за неимѣніемъ оныхъ, въ періодъ возникновенія у насъ конокъ напечаталъ себѣ визитныя карточки, на которыхъ красовалось слѣдующее:

«Иванъ Ивановичъ Ивановъ, *Высочайше* утвержденнаго 1-го товарищества конно-желѣзныхъ дорогъ *Имперіальный* пассажиръ»!..

Выше упомянутые «начальники округовъ», «инспектора», «уполномоченные» и пр. вылѣзали изъ кожи, чтобы угодить себѣ и обществу «Эквитебль». Посредствомъ низшихъ агентовъ, въ свою очередь, состоявшихъ на извѣстномъ процентномъ содержаніи, такіе начальники округовъ набирали по городамъ и даже по деревнямъ массу мелкихъ агентовъ, по большею частью бѣдныхъ евреевъ, къ слову сказать, не только въ мое время, да, я думаю, и теперь, не имѣвшихъ вовсе претензіи на полученіе Монтионовской преміи за добродѣтель... которые для своей пользы старались во-всю, нисколько не соображаясь ни съ дозволеннымъ, ни съ не дозволеннымъ...

Вотъ эти-то господа, съ которыми, правду сказать, постоянно приходилось воевать главноуполномоченному, пользуясь полнымъ незнакомствомъ кліентовъ съ дѣломъ страхованія жизни, или надвудавали ихъ, или, попросту, входя съ преступными элементами въ

соглашеніе, причиняли обществу по временамъ большіе убытки. Такіе агенты страховали, на примѣръ, здоровыхъ людей вмѣсто больныхъ, совершая такія операціи, къ счастью, въ исключительнo рѣдкихъ случаяхъ при помощи врачей, страховали уже умершихъ, или лицъ вовсе не существовавшихъ, убѣждали врачей, особенно жившихъ гдѣ-нибудь въ медвѣжьемъ углу, что осмотръ ими кліентовъ—только форма, что разные анализы, на которыхъ весьма часто зиждется пріемъ на страхъ,—вещь совершенно ненужная и т. д.

Довѣренныя врачи общества за каждый осмотръ кліента (принятаго или не принятаго на страхъ—это все равно) получали гонораръ, колебавшійся отъ 6 до 10 рублей.

Положеніе главнаго врача общества было нѣсколько иное. Онъ, въ отличіе отъ главноуполномоченнаго, какъ уже было сказано раньше, всегда оплачивался опредѣленнымъ жалованьемъ и поэтому былъ, такъ сказать, настоящимъ, не заинтересованнымъ бенефициаромъ интересовъ общества.

Конечно, и главноуполномоченный, въ рукахъ котораго находились все шти страхованія, естественно, былъ всегда на стражѣ интересовъ общества, но, будучи въ зависимости отъ тысячи хитроумнѣйшихъ агентовъ, объяснявшихъ рискъ по-своему, могъ и не быть всегда на высотѣ положенія, особенно въ виду условій оплаты...

Къ сожалѣнію, въ рѣшеніи годности или негодности рисковъ, и положеніе главнаго врача общества, по временамъ было не совсемъ завидное. Такъ, просматривая стекавшіеся къ нему со всей Россіи доклады довѣренныхъ и случайныхъ врачей общества, изучая, такъ сказать, мертвые доклады, касавшіеся кліентовъ, никогда имъ въ глаза не виданныхъ, главный врачъ, исключительно на основаніи данныхъ, помѣщенныхъ въ докладахъ, какъ-то: семейной исторіи кліента, размѣровъ груди, связи вѣса съ ростомъ, перенесенной болѣзненности и т. д., которые подчасъ не только были смягчаемы, но просто выдуманы кліентами, долженъ былъ одухотворять риски, рѣшая ихъ годности или негодности... Такое рѣшеніе, конечно, не всегда могло быть вполне удачнымъ, въ особенности въ виду открывавшихся, но уже впоследствии, различныхъ злоупотребленій, о которыхъ упоминалось выше, и все-таки штемпель—declined (отклоненъ), ставившійся мною на рискахъ, по моему мнѣнію негодныхъ, былъ почти постоянно причиною не только моихъ столкновеній съ главноуполномоченными, но и зачастую пререканій съ центральнымъ управленіемъ, конечно, какъ послѣдствій жалобъ на меня въ Нью-Йоркъ здѣшняго главноуполномоченнаго, якобы за мою придирчивость...

Къ сожалѣнію, центральное управленіе частенько переходило не на мою сторону, а на сторону главноуполномоченнаго, оставляя

безъ вниманія даже мнѣніе своихъ медицинскихъ директоровъ въ Нью-Йоркѣ.

Общество «Эквитеблъ», насколько я могъ себѣ уяснить, ставило удачный ходъ своихъ дѣлъ въ связь съ основами, столько лѣтъ господствующими въ знаменитой лоскутной имперіи Габсбурговъ, — *divide et impera*, официально имъ, впрочемъ, тщательно скрывааемыми. Такъ, несмотря на заявленіе ихъ заправиль, сказанное при назначеніи меня главнымъ врачомъ, о желаніи видѣть петроградскихъ главнаго врача общества и главноуполномоченнаго шествующими рука объ руку, дѣйствующими, такъ сказать, совмѣстно, въ истинѣ этихъ словъ мнѣ, однако, скоро пришлось разубѣдиться. Оказывается, что особенно во второй свой пріѣздъ въ Петроградъ всѣ эти господа, будучи со мною наединѣ, нашептывали мнѣ совершенно обратное тому, что мнѣ пришлось отъ нихъ же выслушать раньше, говорили о важности моей роли, ставя на видъ мою незаинтересованность и т. д.

Слова эти тогда, конечно, уже не могли меня разубѣдить въ одномъ: только нажива ставилась въ С. Америкѣ на первый планъ, слѣдовательно, о врачебной самостоятельности не могло быть и рѣчи.

Когда мнѣ еще при докторѣ П. И. Поповѣ вторично пришлось принять на себя обязанности одного изъ довѣренныхъ врачей общества «Эквитеблъ», то и тогда мнѣ не приходило въ голову вникать въ организацию дѣятельности общества, хотя мнѣ гораздо чаще приходилось бывать у нихъ въ кофторѣ. Только впослѣдствіи, уже при назначеніи меня главнымъ врачомъ «Эквитебля», свѣдѣнія, доходившія до моихъ ушей, о не совсѣмъ чистоплотныхъ пріемахъ нѣкоторыхъ ловкачей-агентовъ, вербовавшихъ кліентовъ обществу, неволью заставили меня къ нимъ прислушиваться.

Къ сожалѣнію, мои на этотъ счетъ сѣтованія, въ свое время высказанныя главноуполномоченному, ничего путнаго мнѣ не выяснили. Приходилось поэтому думать, что пріѣзжавшій какъ-то въ Петроградъ изъ Нью-Йорка видный служащій общества «Эквитеблъ» былъ, несомнѣнно, правъ, сказавъ мнѣ подъ влияніемъ хорошаго обѣда у Эрнеста, что для нихъ всего важнѣе дѣла и дѣла. Разсужденія же моральнаго свойства американцами отодвигаются, по его словамъ, всегда и вездѣ на второй планъ. Обошелъ ли при застрахованіи кліента разыскавшій его агентъ, — въ эти дѣла общество не входитъ; тутъ единственную роль играютъ собственные мозги кліента...

По части «блефовъ», выражаясь мягко, необыкновеннымъ артистомъ, въ агентскомъ смыслѣ, оказался въ Петроградѣ одинъ настоящій сѣверо-американецъ, которому вслѣдствіе какихъ-то особенно деликатныхъ обстоятельствъ, къ немалой досадѣ мѣстной полиціи, пришлось внезапно исчезнуть съ петроградскаго горизонта.

Такъ, сей янки, постоянно возсѣдая въ ресторанѣ Кюба, въ числѣ показанныхъ имъ кунштюковъ, ухитрился, между прочимъ, застраховать, и на очень большія суммы, нѣсколькихъ даже не совсѣмъ простодушныхъ завсегдатаевъ ресторана, увѣривъ этихъ господъ, что, застраховавшись въ крупныя суммы, они непременно попадутъ въ члены правленія общества «Эквитебль», (недавно яко бы въ этомъ смыслѣ реформированнаго) съ весьма крупными окладами! На дѣлѣ же черезчуръ ловкій янки имѣлъ въ виду причитавшееся ему процентное вознагражденіе и ничего больше.

Первогодичная премія со всѣхъ застраховавшихся обществу ничего не давала. Вся премія уходила на вознагражденіе только агентовъ и главноуполномоченнаго. Естественно, что отсутствіе заработка въ первый годъ страхованія всегда вызывало опасеніе общества, какъ бы именно въ этотъ годъ не потерять имъ отъ недосмотра врачей или отъ случайной смерти такихъ во всѣхъ отношеніяхъ убыточныхъ кліентовъ.

Несмотря на колоссальные убытки, причиняемые обществу ранними смертями, (т. е. въ теченіе перваго года), происшедшими отъ болѣзней, самоубійствъ и т. д., оплата въ этихъ случаяхъ наследникамъ полностью застрахованной суммы при отсутствіи у общества, какъ это уже указано выше, въ первый годъ страхованія всякаго заработка, выдача большихъ застрахованныхъ капиталовъ при незначительномъ количествѣ лѣтъ страхованія (смерть въ первые годы), уплата кліентамъ по окончаніи срока страхованія суммъ почти равныхъ ихъ взносамъ, невѣроятные гонорары чрезвычайно многочисленнаго президіума, а также громаднѣйшаго штата служащихъ вообще, уплата жалованья медицинскому персоналу, громадныя процентныя выдачи главноуполномоченнымъ и агентамъ, постоянныя поѣздки во всѣ части свѣта безчисленнаго множества людей, контролирующихъ дѣла общества и тратящихъ на эти поѣздки громадныя суммы денегъ, рекламированіе общества, сотни другихъ побочныхъ расходовъ,—все это заставляетъ думать, что постоянно растущее колоссальное богатство общества «Эквитебль» могло базироваться не только на поступленіи взносовъ съ застрахованныхъ, но, вѣроятно, и на другихъ, неизвѣстныхъ широкой публикѣ операціяхъ... Надобно признаться, что и дозволенныя операціи, напимѣръ, ссуды подъ залогъ полисовъ, разумѣется, за банковскіе проценты, исчисленіе окончательныхъ расчетовъ при выдачѣ застрахованныхъ капиталовъ—итрали и играютъ немалую роль въ развитіи благосостоянія общества...

Конечно, надобно помнить, что всякая медаль имѣетъ и обратную сторону.

Русская же публика, допустимъ, отъ могущихъ произойти въ Сѣверной Америкѣ случайностей, разумѣется, вполне обезпечена,

такъ какъ всѣ застрахованные капиталы хранятся въ нашемъ государственномъ банкѣ и переводу въ Сѣверную Америку не подлежатъ.

Помню я ту почти панику, которою была охвачена русская публика, застрахованная въ «Эквитеблѣ», когда изъ Нью-Йорка пришли первыя депеши о невѣроятномъ пожарѣ, уничтожившемъ тамъ архимилліонное зданіе общества, въ подвалахъ котораго, по слухамъ, хранились капиталы «Эквитебля».

Письма въ редакціи русскихъ газетъ здѣшняго главноуполномоченнаго общества со свѣдѣніями, сообщенными мною выше, сразу всѣхъ успокоили.

Кажется, черезъ годъ послѣ моего назначенія главнымъ врачомъ общества «Эквитеблѣ», у насъ началась война съ Японіею. На послѣдовавшія въ ту пору со стороны центрального правленія многократныя приглашенія пріѣхать къ нимъ въ Нью-Йоркъ для личнаго ознакомленія съ ходомъ медицинской постановки у нихъ дѣла я, къ сожалѣнію, долженъ былъ отвѣтить отказомъ.

Хотя я и тогда былъ на службѣ въ морскомъ вѣдомствѣ и мнѣ вовсе не предстояло отправиться съ эскадрою Рождественскаго или Небогатова къ берегамъ Японіи, тѣмъ не менѣе я твердо зналъ, что въ военное время даже на короткій срокъ мнѣ изъ Петрограда не выбраться. Пришлось поэтому указать на своего помощника, доктора медицины В. Н. Шевкуненка (въ настоящее время профессора петроградской медицинской академіи), который въ 1904—1905 гг. не служилъ еще въ военно-медицинскомъ вѣдомствѣ, а потому, будучи совершенно свободнымъ человекомъ, вполне могъ располагать своимъ временемъ. Докторъ Шевкуненко, хотя уроженецъ далекой Мезени, почти каждое лѣто ѣздившій на родину, милый и корректный человекъ и очень хорошій хирургъ, всѣмъ своимъ обликомъ и отчасти дѣйствіями почему-то напоминавшій сѣверо-американца, видимо, былъ доволенъ предстоящимъ ему путешествіемъ.

Два или два съ половиною мѣсяца, проведенные имъ впоследствии въ нью-йоркской конторѣ «Эквитебля», собственно, для дѣла сказали ему мало новаго. Хотя сѣверо-американцамъ онъ очень понравился, но янки, щедрые, повидимому, исключительно для себя, такъ скупо наградили его путевыми долларами, что скромный и вовсе не расточительный мой товарищъ еле могъ, сколько мнѣ помнится, добраться до Петрограда. Визитъ въ Сѣверную Америку доктору Шевкуненку пришелся, впрочемъ, на пользу. Когда впоследствии эквитебльскія власти ни съ того, ни съ сего рѣшились отказать отъ моихъ услугъ, они предложили мое мѣсто моему ассистенту, уменьшивъ ему на всякій случай на тысячу рублей получаемое мною раньше содержаніе...

По поводу назначенія вмѣсто меня доктора Шевкуненка, съ которымъ у меня и посейчасъ сохранились наилучшія отношенія, въ

связи съ невольнымъ моимъ отказомъ прїѣхать въ Нью-Йоркъ учиться, мнѣ пришла на умъ довольно вѣрная французская поговорка (ее надобно всегда помнить), *que les absents ont toujours tort!*

Дѣловые янки, повидимому, никогда не довольствуются полученными результатами, какъ бы хороши они ни были. Они постоянно, не только на словахъ, но и на дѣлѣ, требуютъ реформъ и всевозможныхъ улучшеній. Покоиться въ порученныхъ имъ дѣлахъ или предпріятіяхъ на уже добытыхъ лаврахъ этого они никакъ допустить не могутъ и въ ихъ понятія о дѣлѣ не входитъ. Даже когда только что по-новому налаженные дѣла шли хорошо, на меня все-таки сыпались депеши, дѣловыя письма съ соображеніями, запросами и т. д. Подчасъ написанныя не безъ юмора, дѣловыя бумаги эквитебльскихъ заправиль отнюдь не напоминали канцелярскаго стиля нашихъ отечественныхъ запросовъ, отношеній, и, въ свою очередь, требовали для отвѣтовъ немного игры ума, разумѣется, помимо «сути» дѣла. Отвильнуть же отъ отвѣта или, какъ это зачастую дѣлается у насъ, затормозить отвѣтъ, по понятіямъ американцевъ, вещь совершенно немислимая...

Что же касается вообще пресловутой дѣловой американской корректности, то мои съ ними встрѣчи въ этомъ отношеніи не всегда могли меня удовлетворить. Рядомъ съ удивительно чистою душою, дѣтски-добродушнымъ старикомъ м-г Holloway, бывшимъ въ девяностыхъ годахъ у насъ въ Петроградѣ лѣтъ около семи сѣверо-американскимъ консуломъ, человѣкомъ высокой честности и идеальной доброты, рѣшительно всѣми и даже людьми мало съ нимъ знакомыми искренно уважаемымъ и любимымъ, стояли многіе его компатріоты—субъекты чрезвычайно несимпатичные, тяжелые, нравственно мало чистоплотные...

Такъ, напримѣръ, въ эпоху ухудшеній нашихъ дальневосточныхъ дѣлъ или въ началѣ нашей войны съ Японіей,—хорошо не помню—явился въ Петроградъ сѣверо-американскій гражданинъ, представитель Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, прїѣхавшій хлопотать объ официальномъ участіи Россіи во всемірной выставкѣ въ Санъ-Франциско.

Мнѣ пришлось въ качествѣ врача не разъ посѣщать этого господина, жившаго въ «Европейской гостиницѣ» съ большою помпою. Не знаю, былъ ли онъ удрученъ неудачею миссій, съ которою онъ прибылъ, или вслѣдствіе другихъ причинъ, но высокопоставленный янки, попросивъ меня заѣхать къ нему наканунѣ отъѣзда для ликвидаціи, какъ онъ мнѣ заявилъ, между прочимъ, и самъ, моихъ докторскихъ визитовъ, уѣхалъ за границу... за нѣсколько часовъ до назначеннаго имъ срока!

Вскорѣ послѣ отозванія сѣверо-американскаго консула, смнатицнѣйшаго экземпляра рода человѣческаго мистера Holloway, на его мѣсто былъ переведенъ пѣкій О. Уаттсъ, человѣкъ

желчный, раздражительный и крайне несимпатичный, до этого много лѣтъ подь рядъ пробывшій въ должности сѣверо-американскаго консула въ Будапештѣ. Часто болѣвшій, вѣчно брюзжавшій, не любившій и недовольный Россією, М. Уаттсъ рѣшилъ, къ моему прискорбію, вскорѣ сдѣлаться моимъ постояннымъ пациентомъ. Опредѣливъ его болѣзнь и убѣдившись кстати лично въ тяжеломъ характерѣ моего новаго пациента, мнѣ, въ особенности въ виду его недовѣрія къ русскимъ врачамъ, естественно пришлось съ нимъ не мало провозиться, прежде, чѣмъ мнѣ удалось уговорить его недѣли на три лечь въ постель и подвергнуться довольно тяжелому постельному леченію, котораго требовало его хроническое заболѣваніе. Пролежавъ на спинѣ три недѣли, Уаттсъ ожилъ и впервые послѣ почти двухлѣтнихъ страданій сталъ себя чувствовать вполне хорошо.

Бдучи въ Петроградъ и не рассчитывая на сносную у насъ медицинскую помощь, онъ не сомнѣвался, что здоровье его будетъ окончательно надорвано, въ чѣмъ его усиленно поддерживали милѣйшіе будапештскіе коллеги...

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Мистеръ Уаттсъ, повидимому, совершенно выздоровѣлъ, но тѣмъ не менѣе отъ иной благодарности, кромѣ словесной, видимо, желалъ уклониться...

Рѣшивъ, что онъ, пожалуй, ждетъ напоминанія о числѣ сдѣланныхъ мною визитовъ, способа, кромѣ насъ, принятаго во всемъ мірѣ, я, скрѣпя сердце, послалъ ему заказное письмо со вложеніемъ свѣей визитной карточки...

Когда же и послѣ этого консулъ не счелъ долгомъ мнѣ отвѣтить, я рѣшилъ поѣхать въ сѣверо-американское посольство жаловаться. Результатъ получился превосходный. Мистеръ Уаттсъ, вѣроятно, послѣ хорошей взбучки, полученной отъ посла, уже на другой день прислалъ мнѣ длиннѣйшее письмо со какими-то несуразными извиненіями, но со вложеніемъ чека...

Сѣверо-американцы, какъ трубить вся ихъ пресса и отчасти и наша, демократы до мозга костей, не признающіе, кромѣ капитала, ни традицій, ни предковъ, ни знатности, ни чиновъ, ни орденовъ, въ сущности же, какъ весьма удачно выразилась одна моя знакомая, очень образованная женщина, демократы только... на кончикѣ языка.

И это не одни слова. Мнѣ, напримѣръ, очень хорошо извѣстенъ случай, когда сѣверо-американскій вице-консулъ въ Петроградѣ Гейдекеръ, служившій въ одно время съ m-r Holloway, владѣвшій въ Петроградѣ пробочною фабрикою и потомъ продавшій ее русскому правительству, для того, чтобы имѣть право получить орденъ святого Станислава третьей степени, подалъ въ отставку и затѣмъ уѣхалъ со своею бутоньеркою на постоянное житіе въ Ниццу!

Когда объ этой исторіи узналъ вышеупомянутый американскій консуль, Уаттсъ, то онъ не только не былъ удивленъ, но при свидѣтеляхъ заявилъ что для полученія такого же ордена онъ готовъ былъ бы на карачкахъ пройти по Невскому извѣстное разстояніе...

Всѣ дипломатическіе представители Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, аккредитованные при какомъ-нибудь государствѣ, не могутъ принимать отъ этого правительства орденовъ; при желаніи, однако, приобрести тотъ или другой знакъ отличія они могутъ все-таки обойти это запрещеніе. Такіе господа, подавъ прошеніе объ отставкѣ или уволенные отъ службы, до пріѣзда ихъ замѣстителей на службѣ въ Соединенныхъ Штатахъ уже болѣе не считаются; вотъ этимъ временемъ они пользуются для удовлетворенія своего тщеславія...

Мнѣ лично пришлось бесѣдовать въ Парижѣ съ однимъ чистокровнымъ янки, чуть ли не цѣлый часъ старавшимся меня завѣрить въ своемъ происхожденіи отъ одной знаменитой ирландской фамиліи...

Выходитъ, такимъ образомъ, что *plus ça varie—plus c'est la même chose*. Эта почти что аксіома проявляется и въ прочихъ сферахъ сѣверо-американской жизни.

Заатлантическіе представители великой демократической республики, какъ мнѣ приходилось наблюдать, въ случаѣ своего возвышенія, изъ какой бы незначительной среды они ни выбились, начинаютъ, какъ и въ старой Европѣ, мѣнять тонъ по отношенію къ своимъ подчиненнымъ. Несмотря на демократизмъ, они ревниво оберегаютъ даже тѣнь приобретенной ими власти. Привожу одинъ изъ извѣстныхъ мнѣ примѣровъ.

Въ первыя минуты моего знакомства съ представителями эквигтебльскихъ властей, не зная точно, въ какихъ они находятся служебныхъ отношеніяхъ другъ съ другомъ, видя передъ собою только рядъ прекрасно одѣтыхъ джентльменовъ, я сказалъ вице-президенту Вильсону, по слухамъ, еще мальчикомъ служившему въ томъ же «Эквигтеблѣ», но исключительно для побѣгушекъ, нѣсколько словъ про его секретаря, Рокке, по ошибкѣ назвавъ послѣдняго другомъ перваго.

— Это не мой другъ, а секретарь, исполняющій мои приказанія,—рѣзко прервалъ меня мистеръ Вильсонъ...

Въ свою очередь, тотъ же Рокке, скромный, державшій себя удивительно мило и въ послѣдующіе свои визиты въ Петроградъ постоянно навѣщавшій меня и мою семью, какъ только получилъ высшее назначеніе, давшее ему право чѣмъ-то распоряжаться, вплоть до объявленія перемѣнъ въ медицинскомъ управленіи «Эквигтебля», визита мнѣ уже не сдѣлалъ, а по телефону приказалъ **вызвать меня къ себѣ въ гостиницу...**

За эту наглость я, разумѣется, не по телефону, а письменно такъ его отдѣлалъ, что въ результатѣ потерявшій самообладаніе Рокке, самовольно приказалъ въ виду моего ухода изъ общества, выдать мнѣ содержаніе не за три мѣсяца, какъ это предусматривалось въ контрактѣ, а только за полтора!..

Конечно, отказавшись, отъ такой подачи, я сейчасъ же написалъ въ Нью-Йоркъ президенту общества «Эквитебль», бывшему морскому министру Соединенныхъ Штатовъ, Мортону, который немедленно же велѣлъ исправить незаконное распоряженіе своего служащаго, письменно извинившись передъ мною за него, о чемъ я, на всякій случай, въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ сообщилъ мистеру Рокке. Удивительный контрактъ, заключенный со мною обществомъ «Эквитебль», давшій ему въ любую минуту возможность съ трехмѣсячнымъ предупрежденіемъ, но безъ всякихъ компенсацій или неустоекъ освободиться отъ моихъ услугъ и невѣроятно скандное отношеніе общества вообще даетъ мнѣ случай вспомнить исторію, но въ совершенно другомъ родѣ, съ завѣдывавшимъ медицинскою частью въ петроградскомъ отдѣленіи другого американскаго общества страхованія жизни «Нью-Йоркъ». Тамъ почти въ одно время со мною служилъ и получалъ за свои услуги двѣнадцать тысячъ рублей въ годъ извѣстный врачъ, нынѣ здравствующій, маститый Э. К. Мазингъ.

Внезапно заболѣвъ въ 1900 году горловою чахоткою (всѣ приводимыя подробности по этому дѣлу даны мнѣ лично докторомъ Мазингомъ), мой коллега былъ обществомъ уволенъ въ шестимѣсячный отпускъ за границу (въ Рейхенгалль) съ сохраненіемъ содержанія. На мѣсто доктора Мазинга былъ приглашенъ другой врачъ. Но, какъ предполагало общество «Нью-Йоркъ», въ виду будущей близкой смерти заболѣвшаго (подлинныя слова доктора Мазинга), долго такую льготою ему бы не пришлось пользоваться. По счастью, однако, докторъ Мазингъ вполне поправился. Язвы въ гортани зажили и даже голосъ вернулся. «Я удивился,—говоритъ бывший больной чахоткою:—но еще больше удивлялись директора «Нью-Йорка». Такъ какъ, однако, они новаго назначенія измѣнить не могли, то они поступили слѣдующимъ образомъ: за 1901 и 1902 годы ему было заплачено 24.000 рублей, за 1904, 1904, 1905 и 1906 гг.— по 3.600 рублей въ годъ и еще два года по 1.200 рублей въ годъ». За всѣ эти семь лѣтъ общество «Нью-Йоркъ» не потребовало отъ доктора Мазинга ни малѣйшихъ услугъ...

Что же собственно явилось причиною недовольства мною со стороны общества?

Какъ извѣстно, японская война и послѣдовательное революціонное движеніе въ Россіи послужили причиною раннихъ смертей, а затѣмъ и убійствъ среди застрахованныхъ не только въ обществѣ «Эквитебль», но и вообще во всѣхъ обществахъ страхованія жизни.

Постоянная же высокая смертность, это всеобщее пугало, существовавшая въ Россіи не только среди застрахованныхъ (о чемъ, разумѣется, не могло не знать общество «Эквитебль», тѣмъ не менѣе упорно добивавшееся открытія дѣйствій въ Россіи), вмѣстѣ съ зудомъ перемѣнить, сидящемъ въ каждомъ сѣверо-американскомъ дѣятелѣ, было причиною того, что всѣ эквитебльскіе «business man» начали снова не только усиленно думать о реформахъ въ петроградскомъ медицинскомъ отдѣлѣ общества, но, прекративъ на время пріемъ новыхъ страхованій, стали искать... виноватаго стрѣлочника. Искомымъ стрѣлочникомъ оказался я.

Хотя изящный мистеръ Рокке, присланный по порученію общества, явился съ заранѣе опредѣленными насчетъ меня указаніями, но для оправданія своихъ дѣйствій центральное управленіе поручило ему добыть въ петроградскомъ отдѣленіи какія-нибудь законныя причины моего удаленія...

Конечно такихъ причинъ у нихъ не оказалось и не могло найтись, но уйти изъ общества мнѣ все-таки пришлось.

Такимъ образомъ, произволь, учиненный надо мною обществомъ «Эквитебль» только на основаніи ловко имъ заключеннаго контракта и моей неопытности никоимъ образомъ не можетъ говорить въ пользу высокой корректности этого величайшаго и богатѣйшаго въ мірѣ общества...

Съ тѣхъ поръ прошло не мало лѣтъ, и горечь нравственной, насколько не заслуженной обиды и несправедливости, нанесенной мнѣ сѣверо-американцами, разумѣется, уже давнымъ-давно улеглась...

Позднее же опубликованіе случившагося со мною, исключительно какъ эпизодъ моего близкаго знакомства съ сѣверо-американскими дѣльцами, хотя отнюдь не заключающаго въ себѣ полной картины нравовъ нѣкоторой части нашихъ заатлантическихъ друзей, все же въ будущемъ можетъ послужить предостереженіемъ для лицъ, попавшихъ въ одинаковое со мною положеніе...

Люди вездѣ и всегда одни и тѣ же...

Слѣдовательно, никогда не слѣдуетъ рассчитывать на благородство дѣльцовъ (даже и не американцевъ), если оно не оформлено контрактомъ, гдѣ предусмотрѣны права и обязанности обѣихъ договаривающихся сторонъ, причемъ нужно помнить всегда одно, *que les affaires sont les affaires.*

В. Б. Бертенсонъ.

МАЛЕНЬКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ТАЙНА.

ВСТЬ БОЛЬШІЯ, есть и маленькія историческія тайны. Въ отечественной исторіи тайна «Федора Кузьмича»— великая тайна. И это—независимо отъ того, является ли дѣйствительно Федоръ Кузьмичъ личностью императора Александра Благословеннаго. Потому что и въ томъ случаѣ, если это такъ, и въ томъ, если Федоръ Кузьмичъ—обыкновенный смертный,—въ обоихъ этихъ случаяхъ онъ—какая-то особенная личность, и выясненіе ея представляетъ громадный историческій и бытовой интересъ.

Но значить ли это, что на меньшихъ историческихъ тайнахъ мы не должны фиксировать свое вниманіе? Думается, что—нѣтъ. И это—не потому только, что даже незначительный фактъ имѣть свое опредѣленное мѣсто въ исторіи, давая возможность разобратъяся подчасъ въ явленіяхъ громадной важности. Нѣтъ, даже оставаясь на почвѣ констатированія факта самого по себѣ, надо помнить, что то, что сегодня кажется намъ маленькою историческою тайною, завтра можетъ получить, будучи освѣщено сопоставленіемъ съ другими историческими фактами, значеніе событія первостепеннаго историческаго значенія.

Одна изъ «маленькихъ» историческихъ тайнъ протекала на моихъ глазахъ,—можно сказать, до извѣстной степени въ нѣдрахъ моей семьи.

Да позволено мнѣ будетъ разсказать читателямъ о событіи то, что мнѣ извѣстно, вмѣстѣ съ тѣмъ, что выжала изъ своей памяти моя сестра, Марія Алексѣевна, по мужу—Миролюбова.

Правда, все это не даетъ слишкомъ много. Но что не умаляетъ значенія того, что расскажу я. Даже недостаточно полныя свѣдѣнія, которыми я располагаю, окажутся, несомнѣнно, цѣнными въ рукахъ будущаго изслѣдователя. Къ тому, что расскажу я, присоединится съ теченіемъ времени то, что знали другіе,—и при этомъ легко можетъ оказаться, что никому неизвѣстно было кое-что изъ того, что случайно записано мною однимъ.

Дѣда своего по матери, отставнаго чиновника министерства народнаго просвѣщенія Григорія Андреевича Новицкаго, я началъ помнить уже очень пожилымъ человѣкомъ: въ началѣ шестидесятихъ годовъ, когда, слѣдовательно, я былъ мальчикомъ лѣтъ шести-семи, ему было около шестидесяти лѣтъ. Онъ былъ уже въ третьемъ бракѣ. Третья его жена была некрупная помѣщица, Авдотья Гавриловна.

Атмосфера у нихъ въ домѣ была самая затхлая. Дѣдъ былъ человѣкомъ очень набожнымъ и въ культурномъ отношеніи весьма примитивнымъ. Даже писалъ-то онъ не совѣмъ грамотно. При этомъ онъ отличался большою расчетливостью и даже скупостью, что, при ограниченности его потребностей, давало ему возможность на небольшія средства жить, что называется, «въ свое удовольствіе». Между прочимъ, большой любитель лошадей, верховой ѣзды и охоты, онъ въ то время держалъ хорошую лошадь «Ворончика», которая ходила и въ экипажѣ, и подъ верхъ; имѣлъ онъ также ружья и, помню, взялъ меня съ собою на охоту, когда мнѣ было всего лѣтъ одиннадцать: мы жили тогда въ мѣстности, которую занимаетъ теперь въ Одессѣ дача Холайджоглу, но которая въ то время представляла собой пустырь, гдѣ безъ всякаго опасенія кого-нибудь подстрѣлить можно было бить мелкихъ птицъ. Очень отчетливо запечатлѣлось это событіе въ моей памяти потому, что, разбудивъ меня часа въ четыре утра, дѣдъ, чтобы заставить меня вполнѣ очнуться отъ сна, велѣлъ мнѣ выпить... полрюмки водки съ перцемъ... Кроме того, дѣдъ былъ страстнымъ строителемъ: онъ покупалъ мѣста или полуразвалившіяся строенія и воздвигалъ тутъ большіе, по тогдашнему времени и для Одессы, дома. Когда мой отецъ вздумалъ перестраивать свой домъ (на Ремесленной улицѣ), то дѣдъ помогалъ ему въ этомъ дѣлѣ въ качествѣ любителя, какъ совѣтчикъ и даже надсмотрщикъ за работами и пріемщикъ матеріала. Наконецъ, у него была еще одна слабость: онъ былъ сластолюбивъ,—и въ прямомъ и въ переносномъ смыслѣ слова. Онъ очень любилъ сладко покушать и, при всей своей скарденности, на вкусныя яства для себя денегъ не жалѣлъ. Это особенно бросалось въ глаза вслѣдствіе того, что, набожный до ханжества, онъ строго соблюдалъ всѣ великіе и малые посты,—и при этомъ всегда

заботился о томъ, чтобы и постный столъ былъ у него повкуснѣе, а приготовленія къ розговинамъ носили въ его домѣ характеръ чего-то торжественнаго, какого-то по истинѣ чревоугодническаго культа. Съ другой стороны, его сластолюбие направлялось въ сторону женщинъ. На этой почвѣ даже еще значительно позже (въ серединѣ 1870 г.) разыгралась трагикомедія: его, семидесятилѣтняго старика, «увлекла» молодая особа и, пустивъ въ ходъ чары любви, облапошила его на солидную сумму что-то тысячъ на десять.

Его третья жена, Авдотья Гавриловна, была по характеру вздорная, неуживчивая и грубая женщина. Она глубоко возмущалась уничтоженіемъ крѣпостнаго права на томъ основаніи, что реформа 1861 года «раззорила» помѣщиковъ. На этой почвѣ между нею и моимъ отцомъ, напимѣръ, который, при массѣ личныхъ и иныхъ недостатковъ, приходилъ въ восторгъ отъ всѣхъ вообще реформъ 1860 годовъ, происходили неоднократно крупные разговоры. При всемъ этомъ Авдотья Гавриловна была болѣзненно-полная женщина, почти совершенно неподвижная и потому требовавшая за собою постоянного ухода. Изъ желанія не раздражать дѣда, который былъ животно привязанъ къ старухѣ, всѣ родственники оказывали противной женщинѣ внѣшніе знаки почета и уваженія и старались доставить ей тотъ уходъ, въ которомъ она нуждалась, въ глубинѣ же души въ нашей семьѣ и среди знакомыхъ ее всѣ терпѣть не могли.

Конечно, на праздники Рождества, Пасхи и другіе, а также въ дни рожденій и именинъ дѣда и Авдотьи Гавриловны въ ихъ домѣ бывали семейныя собранія. Дѣдъ жилъ въ собственномъ домѣ по Ямской улицѣ (теперь—улица Новосельскаго), гдѣ тогда помѣщалась, какъ и до сихъ поръ помѣщается, одесская вторая гимназія. Среди собиравшихся громадное большинство составляли родственники; посторонніе появлялись сравнительно рѣдко. Времяпровожденіе было самое заурядное: сначала пили чай съ печеньями и вареньями (тогда—еще домашняго производства и, по правдѣ сказать, дѣйствительно великолѣпнаго качества и вкуса), затѣмъ сидели играть въ преферансъ по «очень» маленькой, наконецъ вкусно ужинали и запивали ѣду дешевенькимъ винцомъ. По большей части дольше двѣнадцати не засиживались, потому что дѣдъ и всѣ его домашніе въ обыкновенные дни очень рано ложились спать и столъ же рано вставали.

Въ числѣ другихъ родственниковъ въ семьѣ дѣда, сколько я помню, появились супруги Чарнецкіе ¹⁾, Ромуальдъ Мамерковичъ и Серафима Петровна. Собственно, родственницей, да и то

¹⁾ Фамилія вымышленна. Всѣ имена и фамиліи остальныхъ лицъ, упоминаемыхъ въ настоящемъ разсказѣ,—настоящія.

со стороны Авдотьи Гавриловны, была С. П. Чарнецкая. Она была, конечно, православная и русская по происхождению, но замужем за полякомъ-католикомъ. Онъ состоялъ на коронной службѣ въ одесскомъ военно-окружномъ судѣ и постоянно носилъ мундиръ военно-судебнаго вѣдомства.

Первое, что бросалось въ глаза при встрѣчѣ съ Чарнецкими, была ихъ красота. Впрочемъ, С. П. Чарнецкую нельзя было назвать красавицей въ настоящемъ смыслѣ этого слова; но и въ ея физиономіи и во всей ея фигурѣ было столько женственно-привлекательнаго, что она всѣхъ очаровывала: стройная, пропорціонально сложенная, хотя немного худая, выше средняго (для женщины) роста, съ прекраснымъ цвѣтомъ лица, съ живыми глазами и розовымъ ртомъ, и только развѣ толстоватый носъ нарушалъ общую гармонію прекраснаго. Что касается ея мужа, то это былъ красавецъ въ полномъ смыслѣ слова: необычайно правильная, хотя нѣсколько крупная черта лица, умѣренная полнота, вышесредній ростъ, а главное—печать интеллигентности и внутреннего сознанія собственнаго достоинства въ выраженіи физиономіи,—все это дѣлало его очень привлекательнымъ вообще и рѣзко выдѣляло его фигуру изъ ряда обычныхъ посѣтителей дѣда. Помню, что уже тогда (т.-е. въ срединѣ 1860 годовъ) я, заглядываясь на Чарнецкаго, соображалъ, что онъ выдѣляется именно потому, что онъ—ученый юристъ, въ то время какъ остальные лица, которыхъ я обыкновенно встрѣчалъ у дѣда, мелкіе чиновники не только безъ высшаго, но зачастую и безъ средняго образованія, и говорилъ себѣ: «Вотъ какимъ хорошо бы быть и мнѣ».

Словомъ, это была пара, на которую всѣ заглядывались.

Много способствовало ихъ привлекательности и то обстоятельство, что отношенія между супругами были (или только казались) идеальными. Они очень предупредительно относились въ обществѣ другъ къ другу и ни о какихъ семейныхъ «исторіяхъ» въ ихъ домѣ никогда не возникало разговоровъ. Очень трогательно было и то, что, живя на сравнительно небольшія средства, они вели свои дѣла очень аккуратно, видимо, ни въ чемъ существенномъ не нуждались и были одѣты всегда прилично и со вкусомъ.

Но уже тогда отмѣчалось одно маленькое обстоятельство.

Конечно, у Чарнецкихъ былъ и свой кругъ знакомыхъ. Самъ онъ имѣлъ сослуживцевъ, съ которыми, несомнѣнно, поддерживалъ сношенія. И, казалось бы, вмѣсто старосвѣтской затхлои атмосферы «салона» моего дѣда Чарнецкіе могли бы найти для себя другую, болѣе подходящую для нихъ, молодыхъ, красивыхъ, интеллигентныхъ людей, обстановку. Съ этой стороны посѣщеніе ими дома моего дѣда вызывало нѣкоторое недоумѣніе. Кромѣ того, было извѣстно, что средства, которыя доставляла Чарнецкому его служба, крайне ограничены. Да мало того: у насъ много

говорили, что Чарнецкій, какъ полякъ, не имѣетъ передъ собою служебной карьеры. Между тѣмъ Авдотья Гавриловна слыла за женщину, обладающую самостоятельнымъ состояніемъ, да и послѣ мужа, переживи она его, ей досталось бы порядочное состояніе. И всѣ у насъ были убѣждены, что посѣщенія Чарнецкими дома моего дѣда объясняются въ значительной степени расчетомъ на поддержку со стороны Авдотьи Гавриловны, а въ дальнѣйшемъ и на полученіе отъ нея наслѣдства. Во всякомъ случаѣ, я могу констатировать, что если не въ самомъ Чарнецкомъ, то въ его супругѣ подъ виѣшнею непринужденностью и искренностью скрывалось что-то затаенное...

Необходимо тутъ отмѣтить, что въ 1870—1871 годахъ матеріальное положеніе Чарнецкихъ (не знаю, вслѣдствіе какихъ причинъ) сдѣлалось изъ рукъ вонъ плохимъ. Они чуть что не голодали и во всякомъ случаѣ отчаянно бѣдствовали: не во что было завернуть новорожденного ребенка, не на что было купить для него лекарства. Авдотья Гавриловна, дѣйствительно, тутъ кое-что для нихъ дѣлала, но крайне грубо: «совала», какъ у насъ говорили, Чарнецкой по три, пяти, десяти рублей.

Но это важно для насъ не въ смыслѣ уясненія отношеній между Чарнецкими и Авдотьей Гавриловной. Намъ полезно запомнить, что матеріальное положеніе этой семьи было слишкомъ далеко отъ идеальнаго...

У Чарнецкихъ былъ сынъ, Викторъ, но въ 1870 или 1871 году онъ умеръ 6—7-лѣтнимъ мальчикомъ и былъ похороненъ на одесскомъ Старомъ кладбищѣ, въ нашемъ фамильномъ склепѣ. Приблизительно около того же времени у нихъ родилась дочь Вавочка. Восемнадцатилѣтней дѣвушкой она вышла замужъ за какого-то молодого и очень богатаго военнаго, но умерла отъ первыхъ же родовъ; ребенка взяла къ себѣ на воспитаніе мать ея мужа.

Вскорѣ послѣ рожденія Вавочки Чарнецкіе неожиданно исчезаютъ изъ Одессы. Какъ я уже упомянулъ выше, Чарнецкій, въ качествѣ католика-поляка, не могъ рассчитывать сдѣлать себѣ хорошую карьеру на государственной службѣ. Не надо забывать, что описываемое время было еще полно отголосками возстанія 1863 года въ царствѣ Польскомъ. Повидимому, Чарнецкій сообразилъ это уже долго спустя послѣ того, какъ поступилъ на государственную службу. И около описываемаго времени онъ сдѣлалъ то, съ чего, собственно, ему слѣдовало начать: онъ рѣшилъ бросить ничего не сулящую ему государственную службу и поступить юрисконсультомъ въ какое-нибудь частное предпріятіе.

Чарнецкіе переѣхали въ Петроградъ. Я не имѣю свѣдѣній и не припоминаю, пріѣхалъ ли Чарнецкій въ Петроградъ на готовое мѣсто, или же поѣхалъ туда лишь искать таковое. Но достовѣрно

извѣстно, что сравнительно скоро онъ получилъ мѣсто въ Кіевѣ съ громаднымъ окладомъ и что этому предшествовало нѣкое таинственное событіе, а именно: тутъ, въ Петроградѣ, у Чарнецкихъ «родился» ребенокъ, котораго они воспитывали, какъ дѣвочку, подъ именемъ «Нины» (и соответственно одѣвали), но который на самомъ дѣлѣ былъ мальчишкой и, по всей вѣроятности, даже не былъ ихъ сыномъ.

Событіе это сопровождалось необъяснимымъ и при томъ баснословнымъ поднятіемъ ихъ благосостоянія. Въ то время моя тетка по матери имѣла хорошія меблированныя комнаты въ Петроградѣ (Невскій, 88; въ то время домъ принадлежалъ Семянниковымъ). Звали ее Елизавета Григорьевна Канели. Она «знала» о рожденіи у Чарнецкихъ ребенка, но лишь въ томъ смыслѣ, что налицо были всѣ внѣшніе признаки того, что въ семьѣ—приращеніе семейства. Въ этомъ смыслѣ она и давала показанія слѣдственной власти впоследствии, когда дѣло дошло до этого; но дѣйствительно ли родила Чарнецкая, или же обстановка была симулирована,—этого она съ увѣренностью сказать не могла. Но зато она воочию убѣдилась, что «Нина» была окружена необыкновенной заботой, любовью и роскошью, далеко выходящими за предѣлы средствъ Чарнецкихъ. Между прочимъ, когда «Нина» захворала (кажется, дифтеритомъ или скарлатиной), то былъ созванъ цѣлый сонмъ врачей, и все, что они придумывали для спасенія ребенка, было немедленно же исполняемо.

Какъ я упомянулъ выше, Чарнецкій изъ Петрограда перѣхалъ въ Кіевъ на «большое» мѣсто (кажется, въ юрисконсультскую часть Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ). Здѣсь, правда, Чарнецкій получалъ очень хорошее жалованіе. Но и тутъ ихъ обстановка казалась выше ихъ средствъ. Моя мать, ѣздившая въ это время въ Кіевъ по семейнымъ дѣламъ, побывала тамъ у Чарнецкихъ и потомъ рассказывала, что квартира у нихъ обставлена съ царской роскошью, — вплоть до золоченой мебели и тому подобнаго.

Въ 1884 году, когда «Нинѣ» было около двѣнадцати лѣтъ, С. П. Чарнецкая нѣкоторое время проживала въ Одессѣ безъ мужа. Къ этому времени та же упомянутая выше моя тетка, Е. Г. Канели, ликвидировала свои меблированныя комнаты въ Петроградѣ и открыла также меблированныя комнаты въ Одессѣ (если не ошибаюсь, въ домѣ Бернштейна, на углу Полицейской и Александровскаго проспекта; теперь Полицейская улица называется улицей Кондратенка). Вотъ именно въ меблированныхъ комнатахъ моей тетки и поселилась С. П. Чарнецкая во время своего пребыванія на этотъ разъ въ Одессѣ. Съ нею была дочь Вавочка, «Нина» и неизмѣнная гувернантка.

Одесситамъ, знакомымъ съ С. П. Чарнецкой по ея прежнему пребыванію въ Одессѣ, бросалось въ глаза не только то, что, конечно, ея средства были теперь значительнѣе, чѣмъ тогда, но что она проживаетъ даже больше того, что соотвѣтствовало жалованію, получаемому ея мужемъ. При этомъ отъ наблюдательности моей тетки, искушенной, по своей профессіи содержательницы меблированныхъ комнатъ, въ оцѣнкѣ обывательскихъ дѣлъ и положеній, не ускользнуло то обстоятельство, что С. П. Чарнецкая расходуетъ свои средства такъ, чтобы это не бросалось въ глаза. Такъ, положимъ, у нея были все очень дорогія вещи теалета, на расходы по содержанію дочери «Нины» и гувернантки она не скупилась, но въ то же время никуда не выѣзжала и никого у себя не принимала. Достаточно сказать, что, располагая большими средствами, она поселилась въ средней руки меблированныхъ комнатахъ.

Въ остальномъ первое время жизнь и поведеніе С. П. Чарнецкой ничѣмъ не обращали на себя вниманія.

Но случилось одно обстоятельство, которое повергло въ недоумѣніе не только мою тетку, но и весь многочисленный штатъ ея прислуги,—и, конечно, всѣхъ знакомыхъ и родныхъ, которымъ стало извѣстно о событіи.

Ребенокъ, который жилъ при С. П. Чарнецкой подъ именемъ «Нины», на правахъ ея дочери, былъ одѣваемъ, конечно, въ женское платье. Но онъ обнаруживалъ всѣ ухватки мальчишки: небрежность въ костюмѣ, которой не допускаетъ ни одна дѣвочка въ этомъ возрастѣ, шляпка вѣчно какъ-то на затылкѣ. Но «Нина» имѣла не только видъ мальчишки, а еще и очень избалованнаго мальчика. На этой почвѣ между матерью и ея «дочерью» происходило немало недоразумѣній. Ребенокъ требовалъ, требовалъ съ необъяснимою иногда настойчивостью; С. П. Чарнецкая всѣ усилія употребляла на то, чтобы сдержать своеволіе ребенка, но это ей далеко не всегда давалось.

И вотъ однажды, разсерженный отказомъ въ чемъ-то или раздраженный замѣчаніемъ, которое ему пришлось выслушать отъ «мамы» или гувернантки, ребенокъ ворвался въ своемъ обычномъ растерзанномъ видѣ въ кухню и тутъ, жалуясь на якобы несправедливость по отношенію къ нему, ляпнулъ:

— Чортъ знаетъ, что со мною дѣлаютъ: одѣваютъ меня дѣвочкой, не даютъ мнѣ свободы, а на самомъ дѣлѣ я—мальчикъ и хочу жить, какъ живутъ мальчики... Скажу мамѣ, что не буду носить больше платьевъ.

Весьма естественно, что бывшая въ кухнѣ въ этотъ моментъ прислуга немедленно доложила обо всемъ слышанномъ отъ ребенка моей теткѣ, своей хозяйкѣ. Произошла значительная неловкость. Конечно, С. П. Чарнецкая употребила всѣ средства, чтобы загла-

дить впечатлѣніе отъ происшедшаго. Но заявленіе ребенка было сдѣлано, по-дѣтски, въ такой рѣшительной и категорической формѣ, что, конечно, только необходимость соблюденія апарансовъ заставила тетку и другихъ, знавшихъ о происшествіи, сдѣлать видъ, что они не придали серьезнаго значенія словамъ «Нины».

Ребенка послѣ этого нѣкоторое время старались вовсе не выпускать одного изъ комнатъ, которыя занимала С. П. Чарнецкая; ему, очевидно, было сдѣлано внушеніе необычайной силы. Это все не скрылось отъ окружающихъ. А тутъ кстати вспомнили, что прислуга въ комнатѣ С. П. Чарнецкой въ нѣкоторые моменты не впускалась вообще безъ всякихъ видимыхъ причинъ и что гувернантка отличалась необычной сдержанностью во всемъ, что касалось «Нины».

Съ этого момента въ нашей семьѣ утвердилось убѣжденіе, что надъ прошлымъ ребенка, «родившагося» въ семьѣ Чарнецкихъ въ Петроградѣ въ началѣ 1870-хъ годовъ, лежитъ какая-то тайна.

По всей вѣроятности, ребенку въ концѣ концовъ стало невтерпѣжь его нелѣбое положеніе. Но несомнѣнно, что сюда присоединилось и то обстоятельство, что ему были доставлены вѣрные свѣдѣнія о его происхожденіи.

Когда «Нинѣ» было уже 18—19 лѣтъ, она неожиданно исчезла. Чарнецкіе проживали тогда попрежнему въ Кіевѣ. По нѣкоторымъ признакамъ было тогда же сдѣлано предположеніе окружающими (но, повидимому, не Чарнецкими), что именно гувернантка содѣйствовала побѣгу «Нины».

«Нина», впрочемъ, оставила записку своей «мамѣ», изъ которой С. П. Чарнецкая заподозрѣла, что «Нина» покончила самоубійствомъ. «Нина» просила, чтобы ея не искали, и увѣряла, что они никогда другъ съ другомъ не увидятся. Тѣмъ не менѣе, С. П. Чарнецкая подняла тревогу и начала поиски.

Ребенокъ отыскался, но... слишкомъ далеко отъ Чарнецкихъ; они съ нимъ вообще не увидались больше.

Какъ стало извѣстнымъ долго спустя, «Нина» обратилась сначала къ знаменитому адвокату Плевако въ Москвѣ. Плевако, выслушавъ «Нину», не нашелъ иного совѣта, какъ то, чтобы «Нина» обратился къ Побѣдоносцеву. Что происходило между таинственнымъ молодымъ человѣкомъ и знаменитымъ временщикомъ 1880-хъ годовъ наединѣ въ кабинетѣ послѣдняго,—этого пока никто не знаетъ. Но результаты этого свиданія оказались поразительные.

Прежде всего, произведено было негласное разслѣдованіе дѣла: вызывали (въ Москву или Петроградъ,—не знаю) къ допросу С. П. Чарнецкую. Та утверждала, что «Нина»—ея ребенокъ; въ подтвержденіе этого она и ссылалась на мою тетку, Е. Г. Канели, которую также допрашивали.

Тѣмъ временемъ, «Нина» былъ переряженъ въ мужское платье и окруженъ необычайно богатой и торжественной обстановкой.

Упорно ходилъ слухъ, что онъ былъ принятъ у одной высокой особы... Во всякомъ случаѣ, никто изъ знакомыхъ «Нины» больше не видѣлъ «его»: говорили, что «ему» предложено было покинуть прѣдѣлы имперіи и навсегда поселиться за границей.

С. П. Чарнецкая говорила (или писала) моей теткѣ, Е. Г. Канели, что она привязана къ «Нинѣ»,—что безъ «него» жить не можетъ, и умоляла «его» возвратиться «домой», обѣщая не считаться съ тѣмъ, дѣвица ли «онъ», или молодой человѣкъ. Но... «Нина» наотрѣзъ отказалась.

Однако изъ-за границы «онъ» писалъ С. П. Чарнецкой, что хочетъ пріѣхать въ Россію, чтобы повидаться съ ней, своей «мамой». Но тогда уже С. П. Чарнецкая не пожелала «его» видѣть... Это было въ началѣ 1890-хъ годовъ.

Нѣкоторое время спустя послѣ обнаруженія тайны Чарнецкій оставилъ службу въ Кіевѣ и переѣхалъ на Уралъ съ семьей. Они взяли съ собой свою прежнюю гувернантку. Это всѣхъ крайне удивило: Вавочка была уже замужемъ (или даже умерла къ тому времени), «Нины»—и слѣдъ простылъ... Для всѣхъ было очевидно, что гувернантка живетъ у Чарнецкихъ не для ухода за дѣтми, а отсюда—одинъ шагъ до заключенія, что и раньше эта особа жила въ домѣ Чарнецкихъ не только для ухода за «Ниной»...

До недавняго времени особа, бывшая въ домѣ Чарнецкихъ гувернанткой (главнымъ образомъ—при «Нинѣ»), была жива и проживала въ одномъ изъ южныхъ городовъ въ относительномъ достаткѣ. Но, какъ мнѣ говорили лица, встрѣчавшіяся съ этой особю, она не только не вспоминала никогда объ обстоятельствахъ своей жизни у Чарнецкихъ, но избѣгала даже всякихъ разговоровъ о загадочномъ ребенкѣ и тѣмъ неохотнѣ отвѣчала на категорически поставленные вопросы. Вообще, добиться отъ нея освѣщенія таинственной исторіи было дѣломъ совершенно безнадежнымъ.

Повидимому, не одна оплата молчанія была причиною несообщительности старой гувернантки...

Нѣкогда цвѣтущаго здоровья, Р. М. Чарнецкій сталъ хворать и страшно исхудалъ. У него обнаружилась чахотка. Онъ вынужденъ былъ покинуть службу и переселиться опять въ Одессу. Отсюда его пришлось даже свозить въ Крымъ. Но потомъ Чарнецкіе опять переѣхали въ Одессу, гдѣ самъ Чарнецкій и умеръ.

По внѣшности, отношенія между супругами Чарнецкими до самаго момента смерти Чарнецкаго попрежнему не оставляли желать ничего лучшаго. Они не только были безусловно корректны по отношенію другъ къ другу, но проявляли даже трогательную нѣжность. С. П. Чарнецкая проявляла необычайную заботливость объ умирающемъ мужѣ, старалась окружить его всевозможными удобствами; надо только при этомъ помнить, что средства у Чар-

нецкихъ были въ то время далеко не тѣ, что раньше—въ Петроградѣ или въ Кіевѣ...

Случилось, между прочимъ, что Чарнецкій, будучи въ послѣднемъ градусѣ чахотки, много разъ выражалъ страстное желаніе поглядѣть, какъ устроилась моя сестра, М. А. Миролюбова, со своей семьей на только что купленной Миролюбовыми дачѣ. Надо было видѣть,—по словамъ моей сестры,—съ какою заботливостью С. П. Чарнецкая, привезя мужа на дачу, устроила его въ креслѣ въ саду, укутывала его ноги пледомъ. Видимо, ей доставляло большое удовольствіе видѣть, какъ онъ былъ доволенъ.

Таковы были отношенія между супругами Чарнецкими по внѣшности. Что было у нихъ въ душѣ,—объ этомъ окружающіе могли судить лишь по догадкамъ. Между прочимъ, то ли отъ своей матери, то ли отъ тетки, не разъ упомянутой выше Е. Г. Канели, мнѣ приходилось слышать, что послѣ обнаруженія исторіи съ «Ниной», т. е. во время ихъ пребыванія на Уралѣ, отношенія между супругами Чарнецкими совершенно испортились: мужъ если и не возненавидѣлъ свою жену, то относился къ ней, какъ къ человѣку, нанесшему ему кровную обиду.

Долго спустя послѣ описанныхъ событій (во второй половинѣ 1890-хъ годовъ) я видѣлся съ г-жой Чарнецкой. Конечно, объ исторіи съ ребенкомъ между нами не было и рѣчи. Попрежнему, какъ и двадцать лѣтъ передъ тѣмъ, это была представительная, теперь уже очень пожилая дама, весьма общительная, словоохотливая, но крѣпко держащая про себя «нѣчто». Весьма возможно, что теперь ея нѣтъ въ живыхъ.

Н. Виташевскій

МАРКЪ ЛУКИЧЪ КРОПИВНИЦКІЙ.

(Воспоминанія земляка).

ВЪ АПРѢЛѢ мѣсяцѣ 1910 года на ст. Подгорная Южныхъ желѣзныхъ дорогъ въ вагонѣ скончался отъ разрыва сердца знаменитый малорусскій артистъ и не менѣе извѣстный драматургъ малорусской сцены М. Л. Кропивницкій.

Еще не время писать біографію этого замѣчательнаго человѣка, но, думается, вполне своевременно подготавливать для нея необходимые матеріалы, пока живы еще люди, имѣющіе возможность сообщить для этого необходимыя свѣдѣнія.

Я зналъ Марка Лукича много лѣтъ, зналъ семью, среди которой онъ выросъ, зналъ то раннее въ его жизни, которое, несомнѣнно, оказало вліяніе на развитіе его природныхъ дарованій, на образованіе всего духовнаго его существа.

Отецъ Михаила Лукича былъ совсѣмъ простой человѣкъ, служилъ онъ управляющимъ въ одномъ изъ многочисленныхъ имѣній сенатора Фундукля въ Елисаветградскомъ уѣздѣ Херсонской губерніи, въ дер. Ивановкѣ. Кромѣ Марка Лукича, въ семьѣ былъ еще одинъ братъ, Владимиръ, и сестра—Анна. Къ сожалѣнію, семья распалась, родители образовали двѣ семьи: въ гор. Бобринцѣ жила мать съ сыномъ Владимиромъ, много общавшимъ юношей, но рано затерявшимся въ сутолокѣ кievской жизни, а въ Ивановкѣ остался отецъ съ двумя остальными дѣтьми. Тѣмъ не менѣе наибольшее вліяніе на духовное развитіе Марка Лукича въ благопріятномъ смыслѣ оказала его мать, Капитолина Ивановна, урожденная Дубровинская. Я помню бабушку Дубровин-

скую, содержащую въ Бобринцѣ единственную въ тѣ отдаленныя времена школу для дѣтей обоюго пола, чрезъ которую проходило все молодое поколѣніе города, въ которой, кромѣ грамоты, обучали еще музыкѣ, пѣнію, танцамъ, а дѣвочекъ еще и рукодѣлію. Сама Капитолина Ивановна отлично играла на роялѣ и цѣлыя дни проводила въ домахъ мѣстныхъ чиновниковъ, обучая ихъ дѣтей музыкѣ и пѣнію, въ чемъ и достигала хорошихъ результатовъ.

Мужское поколѣніе Дубровинскихъ отличалось изумительной талантливостью: игрѣ на всевозможныхъ инструментахъ, пѣнію, рисованію масляными красками, точенію и рѣзбѣ по дереву, фотографіи, всему этому выучивались самоучкою и достигали, къ всеобщему изумленію, прекрасныхъ результатовъ, причемъ всѣ они служили въ мѣстныхъ уѣздныхъ учрежденіяхъ, гдѣ занимали достаточно видныя мѣста, несмотря на ограниченность образовательнаго ценза—курсъ уѣзднаго училища. Но въ этой даровитой семьѣ бывали случаи психическаго расстройства на почвѣ исканій какихъ-либо открытій и изобрѣтеній. Такъ, погибъ одинъ изъ Дубровинскихъ, офицеръ стрѣлковой бригады, увлекшійся изобрѣтеніемъ какого-то особеннаго ружья.

Первоначальное образованіе Маркъ Лукичъ, какъ и всѣ его сверстники, получилъ въ мѣстномъ уѣздномъ училищѣ, а по окончаніи курса въ немъ Капитолинѣ Ивановнѣ удалось уговорить своего мужа отдать сына въ кіевскую гимназію, куда сама она собиралась везти своего сына меньшого (Владимира). Но по своему возрасту Маркъ Лукичъ могъ бы поступить только въ четвертый классъ, а для этого у него не было вовсе подготовки. Мать рѣшила оставить сына въ Кіевѣ, пригласивъ для подготовки въ четвертый классъ учителя, въ надеждѣ, что за годъ будетъ пройдено все необходимое. Но курсъ уѣзднаго училища былъ совершенно законченъ и не могъ служить переходной ступенію для поступленія ни въ одно изъ существовавшихъ тогда училищъ, а потому, чтобы достигнуть поставленной цѣли за годъ, нужны были исключительныя способности и необычайная настойчивость и въ ученикѣ, и въ учителѣ. А ни того, ни другого у нихъ не оказалось. Взятся готовить Марка Лукича учитель французскаго языка кіево-подольскаго дворянскаго училища Н. Н. Горенбергъ, занимавшій вполслѣдствіи постъ инспектора училищъ города Варшавы, за чetyреста рублей, деньги по тогдашнимъ временамъ значительныя, но результаты этихъ занятій были неудовлетворительны.

Послѣ такого неудачнаго опыта практической умъ Капитолины Ивановны рѣшилъ направить сына по той проторенной дорогѣ, по которой направлялась вообще тогдашняя молодежь въ провинціи: Марка Лукича записали канцелярскимъ чиновникомъ въ бобринецкій уѣздный судъ, а затѣмъ предоставили полную

свободу устраиваться, какъ угодно и гдѣ угодно. Молодые чиновники за свою службу жалованья не получали, на службу не являлись, и свою свободу оплачивали періодическими подачками, присылавшимися ихъ родителями засѣдателю и секретарю отъ плодовъ земныхъ. Для молодежи такого рода служба была средствомъ для полученія перваго класснаго чина, открывавшаго, въ свою очередь, двери дворянскихъ собраній и дававшего возможность служить по выборамъ. Для Марка Лукича тутъ встрѣтилось серьезное препятствіе: у его отца не было документовъ дворянскаго происхожденія. Такъ прошло время до 1862 года, когда новыя вѣянія волной докатились до такихъ глухихъ мѣстъ, какъ гор. Бобринець. Въ это время второе поколѣніе какъ разъ поступало, по окончаніи курса гимназій, въ университетъ. Увлекающаяся натура Марка Лукича не устояла противъ соблазна порисоваться въ студенческомъ званіи, которое въ тѣ поры немало кружило головы молодымъ барышнямъ и пользовалось въ обществѣ особымъ вниманіемъ. Дѣло съ виду представлялось не особенно труднымъ: стоитъ зачислиться сначала вольнослушателемъ, а черезъ годъ можно выдержать экзаменъ изъ курса гимназіи и стать настоящимъ студентомъ, затѣмъ четыре года пройдутъ, и въ родной городъ пріѣдешь уже не какимъ-нибудь канцелярскимъ чиновникомъ, а кандидатомъ на судебныя должности. Кого бы не увлекли подобныя мѣчты, подогрѣваемые еще больше разсказами студенческой молодежи? Но «мечты, гдѣ ваша сладость?»

Недолго на этотъ разъ сопротивлялся и Лука Ивановичъ, души не чаявшій въ своемъ «Маркѣ», и въ 1862—63 учебному году мы видѣли Марка Лукича въ числѣ вольнослушателей кievскаго университета Св. Владимира. Говорить ли, что дѣйствительность скоро и сурово разочаровала студента: не было у него ни подготовки, такъ какъ онъ пріѣхалъ въ университетъ прямо изъ «уѣзднаго суда», ни той выдержки, которая создавала на Руси «быстрыхъ разумомъ Невтоновъ». Увлеченіе быстро прошло, и уже къ началу слѣдующаго учебнаго года Маркъ Лукичъ въ Кіевъ не вернулся. Волею судьбы пришлось снова браться за старое. Благодаря своей матери, пользовавшейся въ мѣстномъ обществѣ большимъ вниманіемъ, Марку Лукичу предоставляли, по мѣстнымъ условіямъ, значительныя мѣста: такъ, онъ былъ секретаремъ бобринецкой городской ратуши (нынѣ городской управы), уѣзднаго полицейскаго управленія, одновременно подобную должность въ городской полиціи занималъ извѣстный «Карпенко-Карый»—И. К. Тобѣлевичъ. На свободолюбивая натура Марка Лукича не могла отдаться работѣ въ канцеляріи съ бумагами. Онъ дѣлыми недѣлями «пропадалъ» въ уѣздѣ; къ великому огорченію своего начальства, являясь въ многочисленныхъ тогда еще дворянскихъ гнѣздахъ желаннымъ гостемъ, умѣя быть интереснымъ въ обществѣ сво-

имъ участіемъ въ любительскихъ спектакляхъ, игрой на роялѣ, пѣніемъ. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ со службой пришлось покончить уже навсегда, а затѣмъ вскорѣ Маркъ Лукичъ отдается малорусской сценѣ и тутъ-то убѣждается, что она и есть его призваніе и въ ней его цѣль и смыслъ жизни. Со сценой Маркъ Лукичъ познакомился очень рано, еще совсѣмъ юношей, благодаря своей матери, лично участвовавшей въ любительскихъ спектакляхъ, а одно время даже предоставившей бесплатно свое помѣщеніе для игры любителей. Елисаветградскій уѣздъ вообще далъ немало видныхъ дѣятелей для русской сцены, начиная съ знаменитаго пѣвца въ «Жизни за Царя» Петрова и кончая такими дѣятелями малорусской сцены, какъ Кропивницкій, «Карпенко-Карый» (Тобѣлевичъ), Саксаганскій, его племянникъ и другіе.

Въ 1863 году въ гор. Бобринцѣ остался на зиму безъ всякихъ средствъ къ жизни антрепренеръ проторѣвшей труппы Выходцевъ, и у мѣстныхъ любителей возникла мысль составить свою труппу, нанять и приспособить для спектаклей особое помѣщеніе и, пользуясь услугами и руководствомъ опытнаго человѣка, давать всю зиму спектакли, чтобы дать бѣдному Выходцеву средства выбратъсь вновь на свою дорогу. Успѣхъ предпріятія превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія: не только были покрыты всѣ расходы по обзаведенію, но и главная цѣль была осуществлена. Нечего и говорить, что въ этихъ спектакляхъ самое видное участіе принимали К. И. и М. Л. Кропивницкіе. На эти спектакли пріѣзжали окрестные помѣщики съ своими семьями, не брезгая даже болѣе чѣмъ скромными помѣщеніями въ тогдашнихъ гостиницахъ маленькаго города.

Успѣхъ этого начинанія вызвалъ желаніе у нашихъ артистовъ попробовать свои силы въ иныхъ условіяхъ. Любители попытались счастья играть въ гор. Елисаветградѣ, гдѣ уже въ то время имѣлось спеціальное построенное зданіе-театръ, въ которомъ часто играли гастролирующія труппы. Въ Елисаветградѣ общество было и болѣе многочисленно и болѣе требовательно, но нашихъ артистовъ приняли хорошо. Тѣмъ не менѣе, поставить широко дѣло ни у кого изъ любителей не было ни средствъ, ни инициативы. Такъ до 1872 года дальше любительскихъ спектаклей дѣло не пошло. Дѣятели малорусской сцены состояли всѣ на службѣ въ мѣстныхъ учрежденіяхъ, и сценѣ могли посвящать только свои досуги, но теперь спектакли уже ставились на елисаветградской сценѣ, такъ какъ съ 1865 года Елисаветградъ былъ сдѣланъ уѣзднымъ городомъ и сюда переселились и всѣ наши любители. Тутъ мои воспоминанія о «батькѣ» малорусскаго театра прерываются: съ 1872 года я выѣхалъ на службу въ Привислинскій край и объ образованіи постоянной малорусской труппы, въ составъ которой вошли Кропивницкій и Тобѣлевичъ, о ея успѣхахъ и терніяхъ,

встрѣчавшихся на пути, безъ которыхъ не обходилось ни одно дѣло, мнѣ приходилось слѣдить лишь издали и многое знать по слухамъ. Вотъ почему я предоставляю объ этомъ періодѣ жизни и дѣятельности Марка Лукича рассказать людямъ, стоявшимъ ближе къ дѣлу и принимавшимъ непосредственное участіе вмѣстѣ съ нимъ въ развитіи народнаго театра, каковымъ долженъ быть признанъ малорусскій театръ. Заслуги здѣсь Марка Лукича громадны и ждутъ надлежащей оцѣнки.

Послѣдній разъ я встрѣтился съ Маркомъ Лукичемъ въ 1891 г. въ Варшавѣ, когда онъ съ своей труппой давалъ спектакли въ маленькомъ театрѣ на Долгой улицѣ «Эльдорадо». Для Варшавы, а особенно для русскихъ людей это было одно изъ тѣхъ новшествъ, которыя, «въ измѣненіе вѣковой несправедливости», вводилъ въ край генералъ І. В. Гурко. До него на сценѣ императорскаго Большаго театра ни одна русская труппа не допускалась къ постановкѣ спектаклей или концертовъ. Тамъ давались спектакли на разныхъ языкахъ, кромѣ русскаго.

Начало было сдѣлано при сильной поддержкѣ и покровительствѣ генераль-губернатора Гурка московской труппой Корша, а съ ея легкой руки ежегодно въ Великій постъ, въ теченіе пяти недѣль, на сценѣ Большаго театра начали ставить русскіе спектакли и концерты, что для русскихъ людей имѣло громадное значеніе, за что всегда надо поминать добромъ бывшаго генераль-губернатора І. В. Гурко. И ничего ужаснаго отъ этого не произошло въ Варшавѣ, и даже, о ужасъ, на русскихъ спектакляхъ стали появляться и поляки.

Изъ пережитаго за долгіи періодъ до нашей встрѣчи въ Варшавѣ самымъ интереснымъ былъ рассказъ Марка Лукича объ оказанномъ малорусской труппѣ высокомиловитомъ приѣмѣ въ Петроградѣ со стороны въ Бозѣ почивающаго императора Александра III, который со своимъ августѣйшимъ семействомъ удостоилъ посѣщеніемъ одинъ изъ спектаклей, обласкалъ Марка Лукича и одарилъ артистовъ высочайшими подарками. Нечего и говорить, что все это окрылило надежды «батька» и ему уже рисовались картины родныхъ ему спектаклей въ самомъ Кіевѣ, куда уже давно стремились его мечты и помыслы.

Какъ разъ въ это время въ Петроградъ прибылъ кіевскій генераль-губернаторъ А. Р. Дрентельнъ, и Маркъ Лукичъ отправился къ генералу повѣдать ему о высокомиловитомъ приѣмѣ царя, надѣясь, что теперь уже отказа не будетъ въ разрѣшеніи давать спектакли въ Кіевѣ. Выслушалъ генералъ Марка Лукича и безстрастно отвѣтилъ: «Такъ и играйте въ Петроградѣ». Такъ Маркъ Лукичъ ничего и не добился на этотъ разъ.

И. П. Дувинъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ БЫВШАГО СУДЕБНАГО ДѢЯТЕЛЯ ¹⁾.

ХV.

ВВЕДЕНІЕ въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ свѣжей, оживляющей и бодрящей струей смыло старое судебное тайное производство. Всѣ классы общества были довольны. Въ особенности интересовались дѣятельностью мировыхъ судей, начавшихъ гласно и быстро разбирать мелкія преступленія, правонарушенія и проступки. Камеры мировыхъ судей были переполнены публикой.

Шли года, порядки мѣнялись, и мировой институтъ былъ замѣненъ земскими начальниками. Хотя и встрѣчались иногда нѣкоторые непорядки и упущенія въ мировомъ институтѣ, тѣмъ не менѣе онъ оставилъ ъ себѣ хорошую память, настолько хорошую, что теперь рѣшено опять его возстановить.

Въ теченіе многихъ лѣтъ и въ разныхъ губерніяхъ мнѣ пришлось близко соприкасаться съ дѣятельностью мировыхъ судей. Съ своей стороны, кромѣ глубокаго уваженія къ ихъ непрерывному, тяжелому труду, я ничего сказать не могу. Конечно, и среди нихъ встрѣчались отдѣльныя личности, дѣятельность которыхъ выходила изъ общихъ рамокъ. У меня была привычка записывать вообще о встрѣчавшихся со мною въ жизни разныхъ оригинальныхъ личностяхъ. Среди нихъ было немало и мировыхъ судей. Помѣщаю нѣсколько выдержекъ изъ этихъ замѣтокъ.

¹⁾ Окончаніе. «Истор. Вѣстн.», т. СХLII, стр. 118.

XVI.

Генералъ.

Въ небольшомъ уѣздномъ городѣ Западнаго края мировымъ судьей по назначенію отъ правительства былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ. Онъ же былъ и предсѣдателемъ сѣзда мировыхъ судей. Ранѣе онъ служилъ въ другомъ министерствѣ, занималъ видное положеніе и вышелъ въ отставку. Злые языки утверждали, что онъ черезчуръ строго относился къ своимъ подчиненнымъ и будто бы кого-то высѣкъ. Какъ мировой судья, онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Неподкупно честный, справедливый и трудолюбивый, онъ выдавался среди другихъ судей. Взгляды на все генералъ имѣлъ опредѣленные и прямые, какъ говорится въ настоящее время,—твердые. Онъ не любилъ отступать отъ своихъ «принциповъ» и терпѣть не могъ «хлопотановъ». Хотя и считался очень строгимъ, но въ дѣйствительности былъ добръ. Любилъ хвалиться тѣмъ, что на его приговоры не поступаетъ апелляціонныхъ жалобъ. Каждую такую жалобу онъ считалъ личнымъ оскорбленіемъ. Дома онъ былъ хлѣбосолень и радушень, при исполненіи же своихъ судейскихъ обязанностей недосыгаемо величественъ. Засѣданія велись при торжественной обстановкѣ. При каждомъ разборѣ дѣла обязательно присутствовалъ судебный приставъ. При выходѣ въ залъ засѣданія впереди шелъ судебный приставъ и громко провозглашалъ: «Судъ идетъ!» Торжественность выхода немного портило то обстоятельство, что у старика судебного пристава не хватало нѣсколькихъ зубовъ и поэтому у него вмѣсто «судъ идетъ» выходило «шуть идетъ», но на это никто не обращалъ вниманія,—привыкли.

Городъ былъ въ необыкновенномъ волненіи. Началась турецкая война, и призывались запасные. Призванныхъ на службу сопровождали родственники. Поэтому всѣ улицы были запружены народомъ. Торговля шла бойко, и въ особенности торговали хорошо кабаки. Водки за три дня было выпито столько, сколько и за цѣлый годъ не выпивалось.

Передъ зданіемъ сѣзда мировыхъ судей, гдѣ мировой судья разбиралъ дѣла, стояла большая толпа. Ждали прихода мирового судьи. Предстояло разсмотрѣніе дѣла, хотя по существу и незначительнаго, но заинтересовавшаго многихъ изъ жителей города. Наканунѣ воинскимъ начальникомъ былъ составленъ протоколъ о впускѣ купцомъ Розеномъ въ питейное заведеніе нижнихъ чиновъ изъ принятыхъ на службу отпускныхъ. Въ особенности интересовались содержатели остальныхъ питейныхъ заведеній. Конечно, въ обыденной жизни не обходилось безъ составленія протоколовъ о нарушеніяхъ въ кабакахъ, но составляли ихъ или чины

полиціи, или акцизники. Виновные впередъ знали, къ какому они будутъ присуждены наказанію. Въ данномъ же случаѣ составилъ протоколъ самъ полковникъ, и генераль назначилъ экстренное засѣданіе на слѣдующій же день. Розень такъ перетрусилъ, что по телеграфу выписалъ изъ губернскаго города защитника, который, чтобы успѣть къ началу засѣданія, долженъ былъ ѣхать цѣлую ночь.

На крыльцѣ появляется сторожъ съ ключомъ отъ дверей. До прихода генерала онъ никого не впускаетъ. Впустивъ генерала, онъ опять запретъ за нимъ двери, сниметъ съ него пальто и замретъ въ ожиданіи приказаній. Генераль нѣсколько минутъ помолчитъ и затѣмъ отдастъ приказаніе: «Впустить публику». Широко раскроетъ онъ тогда обѣ половинки дверей и скажетъ: «Пожалуйте, но только потише!» Сторожъ былъ опытный.

Вотъ показался издали идущій медленнымъ шагомъ генераль. Сторожъ немедленно снялъ шапку. При приближеніи снимаются шапки и въ толпѣ. Онъ милостиво киваетъ головой. Проходя черезъ толпу, онъ замѣчаетъ, что какой-то свободомыслящій стоитъ въ шапкѣ. Генераль останавливается и молча начинаетъ смотрѣть ему прямо въ глаза. Тотъ въ замѣшательствѣ быстро снимаетъ шапку. Генераль грозитъ ему пальцемъ и идетъ дальше. Вдругъ онъ изумленно останавливается. Кто-то стоитъ въ цилиндрѣ.

— Кто?—спрашиваетъ генераль.

— Защитникъ Розена, помощникъ присяжнаго повѣреннаго,— приподнимая цилиндръ, отвѣчаетъ тотъ.

— А-а!—протягиваетъ генераль и входитъ въ зданіе съѣзда.

— Должно быть, очень строгъ?—спрашиваетъ защитникъ у Розена.

— И не говорите. Онъ никогда не скажетъ: въ тюрьму на годъ, а всегда—на двѣнадцать мѣсяцевъ. Выходить, какъ будто, больше.

Засѣданіе открылось.

Прочитавъ составленный воинскимъ начальникомъ протоколъ, мировой судья спрашиваетъ у Розена, что онъ можетъ сказать въ свое оправданіе.

— Я могу говорить, ваше превосходительство, что я не могъ знать, приняты ли были уже на службу запасные, потому что...— начинаетъ быстро говорить Розень, жестикулируя руками и приближаясь къ столу.

— Стой! Руки по швамъ! Помни, кто ты и кто я и передъ кѣмъ ты стоишь. Говори!

— Мнѣ разрѣшилъ господинъ исправникъ, потому что...

— Довольно! Судебный приставъ, распорядитесь послать за исправникомъ. До его прихода перерывъ.

Явившійся исправникъ заявляетъ, что разрѣшенія впускать нижнихъ чиновъ въ питейныя заведенія онъ не давалъ.

— Дѣйствительно,—продолжаетъ онъ:—ко мнѣ являлся господинъ Розень...

— Позвольте!—перебиваетъ его мировой судья.—Вы говорите: господинъ. Какой господинъ?

— Да, вотъ онъ, господинъ Розень.

— Онъ! еврей! Розень! Господинъ! Никогда. Господинъ это я, господинъ—это вы, защитникъ, можетъ быть, но Розень—никогда!

Исправникъ обижается.

— Передъ судомъ всѣ равны,—заявляетъ онъ.

— Я не знаю, въ какой странѣ и передъ какимъ судомъ. У меня же нѣтъ! Онъ, Розень, господинъ! Никогда! Продолжайте, Павелъ Ивановичъ, ваше показаніе, но только прошу васъ не называйте его господиномъ,—говоритъ мировой судья смягченнымъ голосомъ, обращаясь къ исправнику.

Послѣ вопроса исправника и другихъ свидѣтелей, мировой судья объявляетъ приговоръ, которымъ присуждаетъ Розена къ уплатѣ штрафа въ пятнадцать рублей.

— Розень! Ты, можетъ быть, недоволенъ приговоромъ, господинъ ты этакій?

— Охъ, помилуйте! Очень доволенъ.

— Попробовалъ бы ты у меня быть недовольнымъ!..

XVII.

Философъ.

Прозвали его товарищи философомъ потому, что по всякому пустому поведуну онъ любилъ долго разсуждать о томъ, почему это случилось такъ, а не иначе.

— Любимѣйшей моей книгой,—говорилъ онъ:—служать каскаціонныя рѣшенія сената. Я зачитываюсь ими. Не говоря о пользѣ такого чтенія для дѣла, меня увлекаетъ прекраснѣйшій литературный слогъ рѣшеній, настоящій цецероновскій. Главнымъ же образомъ меня прельщаютъ мотивы. Мотивы—это все въ жизни.

Если онъ когда-нибудь не являлся на засѣданіе съѣзда, и предсѣдатель и остальные мировые судьи выражали неподдѣльную радость, такъ какъ своими разсужденіями о мотивахъ по каждому дѣлу онъ затягивалъ засѣданія до глубокой ночи.

— Мнѣ необходимо узнать ваше мнѣніе по важному вопросу,—обращается онъ однажды къ товарищу прокурора:—если я иду по улицѣ, думаю исключительно о дѣлахъ и въ это время меня кто-

нибудь оскорбляетъ, думаю, что это будетъ оскорбленіе, если и не при исполненіи обязанностей службы, то, во всякомъ случаѣ, по поводу исполненія ихъ. По этому вопросу нѣтъ рѣшеній сената. Такъ какъ я, когда иду, всегда думаю о дѣлахъ, если меня когда-нибудь оскорбятъ, непременно доведу этотъ вопросъ до сената. Сдѣлаю это только для того, чтобы прочесть мотивы.

Вотъ образчикъ приговора по одному изъ его дѣлъ.

Однажды зимою крестьянинъ спилилъ тумбу на земскомъ шоссе. Не успѣлъ онъ отвезти тумбу домой, какъ случайно проезжавшій вслѣдъ за нимъ волостной старшина, замѣтивъ похищеніе, поѣхалъ по оставленнымъ на свѣгу слѣдамъ и накрылъ похитителя съ поличнымъ. Въ кражѣ тумбы, которую уже успѣлъ расщепить для растопки печи, крестьянинъ сознался.

Мировой судья, допросивъ свидѣтелей, написалъ мотивированный приговоръ на четырехъ страницахъ, изъ котораго я извлекаю краткую выдержку.

«Прежде, чѣмъ наложить наказаніе,—писалъ онъ:—постараемся разобрать и рассмотреть со всѣхъ сторонъ, что такое тумба въ общественномъ отношеніи. Кража эта, невзирая на ея малоцѣнность, представляется далеко не ничтожною по важному значенію украденнаго предмета. Въ самомъ дѣлѣ тумба является вовсе не какимъ-либо простымъ кускомъ дерева. Какъ предостерегательный и путеводный знакъ, она принята всѣми крестьянскими, земскими и городскими обществами и министерствомъ путей сообщенія и не только въ Россіи, но и вездѣ за границей. Всѣ образованные народы давно уже признаютъ общественное значеніе тумбы, ибо она предохраняетъ человѣка отъ паденія въ пропасть, въ особенности ночью, зимою же, во время метели, можетъ погибающему отъ замерзанія спасти жизнь, указавъ ему надлежащій путь. Изъ этого ясно, что тумба является достояніемъ общественнымъ, и на основаніи этого соображенія неприкосновенность ея должна быть оберегаема закономъ и обществомъ, для интересовъ коего она устроена и т. д.»

Покончивъ съ общественнымъ значеніемъ тумбы, мировой судья вступилъ въ мотивированную оцѣнку показаній свидѣтелей, потомъ изложилъ нѣсколько соображеній по поводу признанія обвиняемаго и наконецъ упомянулъ о томъ, что хотя еще древніе римляне находили, что худой миръ лучше доброй ссоры, но, по закону и кассационнымъ рѣшеніямъ сената, дѣло это не можетъ быть окончено примиреніемъ.

Медленно, долго, наслаждаясь написаннымъ, читалъ приговоръ мировой судья и въ концѣ объявилъ, что присуждаетъ виновнаго въ тюрьму на пять мѣсяцевъ.

— Ухъ!—облегченно вздохнулъ обвиняемый:—читалъ, читалъ... Я уже такъ думалъ, что года на три.

XVIII.

Скорый.

Разсматривается уголовное дѣло о нанесеніи обиды дѣйствіемъ. Обвиняемый виновнымъ себя не признаетъ. Приглашаются свидѣтели. Не успѣваетъ первый свидѣтель сказать нѣсколько словъ, какъ мировой судья его перебиваетъ.

— Онъ тамъ былъ?—спрашиваетъ мировой судья, кивая въ сторону обвиняемаго.

— Былъ.

— Его билъ?—продолжаетъ онъ задавать вопросы, указывая на потерпѣвшаго.

— Билъ.

— Садитесь! Слѣдующаго свидѣтеля!

— Позвольте, господинъ мировой судья, я желалъ объяснить...

— Довольно! Если не будете повиноваться моимъ распоряженіямъ, оштрафую! Слѣдующій свидѣтель!

Дѣла разбираются необыкновенно скоро, пекутся, какъ блины.

XIX.

Законникъ.

Мировой судья былъ всегда угрюмъ и мраченъ. Къ окружающимъ относился недовѣрчиво и подозрительно. Чуть ли не въ каждомъ поступкѣ видѣлъ нарушеніе закона и при первой возможности каралъ нарушителя безъ всякаго снисхожденія. Съ каждымъ годомъ поведеніе его становилось болѣе и болѣе страннымъ.

Однажды онъ заказалъ въ магазинѣ сдѣлать для себя папирсы. Получивъ ихъ, онъ задумался и велѣлъ затѣмъ привлечь торговца къ отвѣтственности за нарушеніе акцизнаго устава, такъ какъ папирсы были безбандерольныя.

Какъ-то во время разбирательства въ дверяхъ его камеры показался его отецъ, старикъ, и сказалъ, что завтракъ поданъ.

— Прошу не мѣшать отправленію правосудія,—отозвался мировой судья и продолжалъ разбирать дѣла.

Черезъ четверть часа отецъ опять вошелъ въ камеру и сказалъ, что завтракъ уже простылъ.

— За нарушеніе порядка въ камерѣ мирового судьи я васъ штрафую тремя рублями,—заявилъ мировой судья.

Отецъ пожалъ плечами и ушелъ. Мировой судья нѣкоторое время помолчалъ, потомъ вынулъ изъ кармана три рубля и, подавая ихъ письмоводителю, велѣлъ записать въ книгу и квитанцію выдать отцу.

Однажды зимою, когда онъ возвращался откуда-то домой и ѣхалъ на собственныхъ лошадяхъ, на одномъ изъ ухабовъ сани опрокинулись.

— Вы будете привлечены къ отвѣтственности за неосторожную ѣзду, — объявилъ кучеру мировой судья.

На слѣдующій день кучеръ былъ призванъ въ камеру.

— Слушается дѣло по обвиненію кучера Ивана Степанова въ неосторожной ѣздѣ, — объявилъ мировой судья: — господинъ потерпѣвшій, что вы можете объяснить?

Вслѣдъ за этимъ вопросомъ мировой судья снялъ съ себя цѣпь, обошелъ столъ, сталъ передъ нимъ на томъ мѣстѣ, гдѣ станоятся потерпѣвшіе, и началъ рассказывать о бывшемъ наканунѣ съ нимъ случаѣ.

— Господинъ письмоводитель, вы записали показаніе потерпѣвшаго?

— Записалъ.

Мировой судья подошелъ къ столу письмоводителя, подписался надъ показаніемъ, сѣлъ на свое мѣсто и надѣлъ цѣпь.

— Обвиняемый, что вы скажете въ свое оправданіе?

— Да, вѣдь, вы же сами знаете, баринъ, какія на дорогѣ были колдобины, — отвѣтилъ, ухмыляясь, кучеръ.

— Значить, признаете себя виновнымъ?

— Виновать, точно.

Мировой судья написалъ приговоръ, въ которомъ изложилъ, что, хотя свидѣтелей происшествія и не было, но онъ, мировой судья, довѣряетъ потерпѣвшему, какъ самому себѣ. За неосторожную ѣзду кучеръ былъ оштрафованъ пятью рублями.

Черезъ нѣсколько дней кучеръ умышленно опрокинулъ сани, соскочилъ съ козелъ и накрылъ санями упавшаго въ снѣгъ мирового судью.

— Прощайте, баринъ, — заявилъ онъ: — я больше служить у васъ не желаю. За каждый пустякъ штрафуете.

Проговоривъ эти слова, онъ отошелъ на нѣсколько шаговъ въ сторону.

— Что ты дѣлаешь?! Оставляешь безъ помощи погибающаго. Я тебя, на основаніи закона, подвергну аресту!

— Вы останетесь здѣсь одинъ, замерзнете и судить меня будетъ некому. Прощайте!

— Пстой! Не уходи! Прощу тебѣ, только не уходи. Высвободи меня! — взмолился мировой судья.

— А штрафы сложите? Штрафовать больше не будете?

— Сложу, сложу! Штрафовать больше не буду!

Въ непродолжительномъ времени послѣ этого случая мировой судья обнаружилъ такіе признаки ненормальнаго состоянія умственныхъ способностей, что былъ помѣщенъ въ лечебницу, гдѣ и умеръ.

XX.

Разсѣянный.

Молодой человѣкъ, получившій юридическое образованіе, пользовался хорошей репутаціей. Всѣ считали его вполне порядочнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Однако стоило лишь кому-нибудь во время разговора упомянуть о немъ, какъ у всѣхъ появлялась на лицѣ улыбка. Онъ отличался неимоверной разсѣянностью, по поводу которой ходило много анекдотическихъ разсказовъ. Расплачиваясь, напримѣръ, съ извозчикомъ, онъ отдавалъ ему кошелекъ съ деньгами, а вынутый изъ кошелька двугривенный клалъ себѣ въ карманъ. Закуривъ папиросу, онъ спичечницу бросалъ, а спичку пряталъ. Вмѣсто своего пальто одѣвалъ женское. Добродушно посмѣиваясь надъ своею разсѣянностью, молодой человѣкъ нерѣдко разсказывалъ, въ какія смѣшныя и непріятныя положенія онъ попадалъ.

Когда онъ былъ избранъ мировымъ судьей, онъ нанялъ опытнаго, знающаго свое дѣло письмоводителя, на обязанности котораго лежало слѣдить за каждымъ его дѣйствіемъ, подсказывать и напоминать ему, какое дѣло разбирается. Стоило лишь письмоводителю на время отлучиться, какъ мировой судья начиналъ путать. По гражданскимъ дѣламъ онъ приговаривалъ къ аресту, по уголовнымъ—присуждалъ деньги, о которыхъ никто не упоминалъ, фамиліи же участвующихъ въ дѣлѣ лицъ перевиралъ чуть ли не въ каждомъ дѣлѣ.

Однажды ночью въ деревнѣ у крестьянина была похищена лошадь. Несмотря на всѣ старанія, найти ее не удалось. Потерпѣвшій заявилъ мировому судѣѣ, что онъ въ кражѣ подозрѣваетъ крестьянина изъ сосѣдней деревни на томъ основаніи, что за нѣсколько дней до совершенія кражи этотъ крестьянинъ, проѣзжая мимо его двора, остановился и долго любовался лошадыю.

На разбирательствѣ у мирового судьи нѣсколько человѣкъ удостоверили, что заподозрѣнный не могъ украсть лошади, такъ какъ въ ночь совершенія кражи онъ былъ на свадьбѣ за тридцать верстъ отъ деревни и никуда не отлучался.

Мировой судья, разобравъ это дѣло, постановилъ слѣдующій приговоръ: «Принимая во вниманіе, что потерпѣвшій въ подтвержденіе своего обвиненія доказательствъ никакихъ не представилъ и что обвиняемый доказалъ свое alibi, постановилъ: заключить обвиняемаго въ тюрьму на четыре мѣсяца».

Осужденный подалъ жалобу въ сѣздъ мировыхъ судей.

До открытія засѣданія сѣзда товарищъ прокурора подошелъ съ этимъ дѣломъ къ мировому судѣѣ.

— Какіе странные бываютъ приговоры,—сказаль товарищъ прокурора:—вотъ послушайте, какой приговоръ написаль мировой судья.

Мировой судья внимательно выслушаль.

— Какъ это дико! Кто это могъ написать такой нелѣпный приговоръ?

— Я не могу разобрать фамиліи мирового судьи. Можетъ быть, вы разберете?

— Боже мой! Да, вѣдь, это моя подпись. Вотъ удивительно! Прошу васъ, дайте заключеніе объ отмѣнѣ приговора. Удивительно!..

XXI.

Прозорливый.

Мировой судья по натурѣ былъ человѣкомъ добрымъ. Никогда онъ не назначаль усиленныхъ наказаній и прежде всего старался примирить тяжущихся. Тѣмъ не менѣе его приговоры по уголовнымъ дѣламъ и рѣшенія по гражданскимъ сѣздамъ постоянно отмѣнялись. Онъ считаль себя большимъ фізіономистомъ и утверждалъ, что, слушая человѣка, онъ вполне ясно усваиваетъ, говорить ли тотъ правду, или лжетъ, предугадываетъ, къ чему именно клонится его рѣчь, и, такимъ образомъ, легко читаетъ сокровенныя мысли каждаго. Благодаря такой самоувѣренности въ своей прозорливости, онъ черезчуръ свободно рѣшалъ дѣла исключительно по внутреннему убѣжденію.

Поступило къ нему дѣло по обвиненію крестьянина въ нанесеніи обиды сельскому старостѣ при исполненіи послѣднимъ обязанностей службы. Четыре свидѣтеля подтвердили фактъ оскорбленія.

Мировой судья нашель, что у обвиняемаго открытое лицо и взглядъ свѣтлый и что поэтому онъ не такой человѣкъ, который могъ бы рѣшиться нанести оскорбленіе старостѣ. Свидѣтели же могли говорить неправду, желая угодить старостѣ. Приговоръ послѣдовалъ оправдательный.

Крестьянинъ отдалъ купцу въ аренду свой сѣнокосъ, заключивъ съ нимъ домашнее письменное условіе. Послѣ уборки сѣна при расчетѣ платежа между заключившими условіе возникли недоразумѣнія. Крестьянинъ подалъ жалобу мировому судѣ. На разбирательствѣ онъ заявилъ, что хотя письменное условіе онъ потеряль, но хорошо помнитъ пятый пунктъ, въ которомъ было сказано, что, если сѣна окажется болѣе тридцати возовъ, купецъ долженъ доплатить ему десять рублей. Свидѣтелей никакихъ указано не было.

Мировой судья, находя, что простому крестьянину всегда слѣдуетъ больше вѣрить, чѣмъ торговцу, на основаніи пятого пункта

утеряннаго условія взыскалъ въ пользу крестьянина десять рублей.

На сельской ярмаркѣ жеребецъ барышника, лягнувъ, сломалъ ногу жеребцу крестьянина. Последній подалъ жалобу мировому судѣ, требуя уплаты стоимости лошади.

Мировой судья не только присудилъ деньги, но и подвергнулъ барышника аресту на двѣ недѣли за изувѣченіе имъ чужого животного. Мотивировалъ онъ свой приговоръ тѣмъ, что барышникъ тонко изучилъ нравъ своего жеребца и умѣлъ заставлять его исполнять приказанія. Въ головѣ барышника, при видѣ лошади крестьянина, конкурирующей съ его лошадыю, несомнѣнно, пробѣжала злая мысль изувѣчить чужую лошадь. Поэтому, когда та проводилась мимо его жеребца, онъ немедленно внушилъ ему ударить ее.

XXII.

Докторъ.

Въ жизни очень часто случается, что люди, небрежно относясь къ обязанностямъ по своей специальности, съ увлеченіемъ занимаются другимъ дѣломъ. Описываемый мною врачъ неохотно лечилъ больныхъ, не слѣдилъ за врачебной наукой и интересовался больше всего судебными процессами. Поэтому онъ съ большою охотою выставилъ свою кандидатуру на должность мирового судьи. Когда онъ былъ избранъ и вступилъ въ отправленіе новыхъ судебныхъ обязанностей, онъ внезапно почувствовалъ страсть къ леченію. Обыкновенно, войдя въ свою камеру, онъ прежде, чѣмъ приступить къ разбору дѣлъ, пытливо осматривалъ публику и, если замѣчалъ у кого болѣзненный видъ, немедленно приступалъ къ разспросамъ о болѣзни, отводилъ больного въ сосѣднюю комнату и прописывалъ рецепты.

Однажды, во время разбирательства, онъ замѣтилъ у вызваннаго имъ по дѣлу въ качествѣ свидѣтеля крестьянина опухшія вѣки. Подозвавъ его къ судейскому столу, онъ прописалъ ему рецептъ и велѣлъ пойти въ земскую аптеку.

— Тамъ тебѣ дадутъ лекарство, ты промоешь глаза и потомъ явишься сюда.

Въ земской аптекѣ не спѣшили выдачей лекарства, и больному пришлось долго ждать. Мировой судья тѣмъ временемъ продолжалъ разбирать свои дѣла.

— Свидѣтель Петръ Ивановъ,—вызвалъ онъ.

Молчаніе.

-- Петра Иванова нѣтъ?

— Ушелъ-съ,—отвѣтилъ кто-то.

Мировой судья постановилъ оштрафовать свидѣтеля за неявку тремя рублями и слушаніе дѣла отложить.

Черезъ полчаса Петръ Ивановъ явился. Мировой судья объявилъ ему о наложенномъ на него штрафѣ.

— Да помилуйте, господинъ мировой судья. Чѣмъ же я виновать? Вѣдь вы сами прописали мнѣ рецептъ и велѣли итти въ земскую аптеку.

Мировой судья, въ виду представленія уважительной причины неявки къ суду, штрафъ сложилъ.

XXIII.

Блюститель нравственности.

Зорко слѣдилъ за нравственностью мировой судья и любилъ принимать особенныя мѣры къ исправленію виновныхъ. Часто совершившимъ проступокъ рекомендовалъ сходить къ священнику поисповѣдываться и любилъ самъ дѣлать увѣщанія. Нѣкоторые изъ его приговоровъ отличались особенною оригинальностью.

Однажды, рассмотрѣвъ дѣло по обвиненію несовершеннолѣтняго въ кражѣ, онъ сталъ размышлять о томъ, что тюремное заключеніе можетъ окончательно испортить юношу. Поэтому послѣ длинной проповѣди о нравственныхъ началахъ онъ постановилъ заключить обвиняемаго на полгода не въ тюрьму, а въ монастырь на островъ Валаамъ.

Получивъ исполнительный листъ, полиція препроводила его въ сѣздъ и попросила дать ей указанія, какимъ способомъ она можетъ исполнить приговоръ, такъ какъ на островъ Валаамъ этапы не отправляются.

Приговоръ былъ отмѣненъ и обвиняемому, несмотря на нежеланіе мирового судьи, пришлось отбыть тюремное заключеніе.

Въ другой разъ, разобравъ дѣло о буйствѣ юнца въ одномъ изъ увеселительныхъ заведеній, мировой судья нашелъ, что въ произведенномъ буйствѣ не только виновать юноша, но и его родители, которые не сумѣли... въ достаточной мѣрѣ воспитать своего сына и не имѣютъ надлежащаго за нимъ надзора. Поэтому, присудивъ къ небольшому штрафу обвиняемаго, онъ постановилъ обязать родителей обвиняемаго на будущее время не допускать своего сына посѣщать увеселительные дома и заведенія.

Въ особенности возмущали мирового судью семейныя ссоры. Онъ твердо придерживался мнѣнія, что въ домашнемъ разладѣ всегда болѣе виновать мужъ, чѣмъ жена. По одному изъ такихъ дѣлъ онъ выдалъ исполнительный листъ, въ которомъ было сказано, что мужъ обязуется любить свою жену, какъ самого себя.

XXIV.

Поручикъ.

Вышедшій изъ дѣйствительной военной службы въ запасъ поручикъ поселился въ своемъ имѣннн и вскорѣ былъ избранъ мировымъ судьей. Онъ добросовѣстно исполнялъ судейскія обязанности и, какъ способный человѣкъ, довольно правильно и справедливо рѣшалъ дѣла, такъ что его приговоры по уголовнымъ и рѣшенія по гражданскимъ дѣламъ рѣдко отмѣнялись съѣздомъ.

Молодого человѣка всѣ товарищи по службѣ любили и журили. Закучивать ужь очень онъ любилъ. Онъ не могъ, какъ другіе, выпить рюмку или двѣ. «Если пить, такъ пить!» говорилъ онъ и пилъ жадно. Увидѣвъ графинъ съ водкой, онъ наливалъ себѣ не рюмку, а стаканъ, и проглатывалъ залпомъ.

— Какъ тебѣ не стыдно, — усовѣщевали его товарищи. — Никого ты этимъ не удивишь! Взгляни теперь на себя въ зеркало. Глаза вылѣзли на лобъ. Некрасиво. Ну, кто такъ пьетъ?

— По военному, — отвѣчалъ на это поручикъ.

Камера его помѣщалась въ старомъ флигелѣ, у него же въ имѣннн. Разобравъ утромъ дѣла, онъ шелъ завтракать. Проглотивъ достаточное количество алкоголя, онъ, пошатываясь, отправлялся опять въ опустѣвшую камеру и зычнымъ голосомъ кричалъ: «тревога!»

Сторожъ, отставной рядовой, бросался въ кладовую, схватывалъ хранившую тамъ старую берданку съ привинченнымъ штыкомъ и становился во фронтъ. Начиналось ученье. Сначала шли ружейные приемы, а затѣмъ маршировка, которая оканчивалась атакою въ штыки. Въ заключеніе командиръ выхватывалъ ружье изъ рукъ солдата, всаживалъ штыкъ въ довольно низкій потолокъ и оставлялъ ружье висѣть во внутренностяхъ врага.

Продѣлывалъ онъ это, когда оставался въ одиночествѣ. Въ большинствѣ же случаевъ или у него были гости, или онъ ѣздилъ къ сосѣдямъ. Семейныхъ домовъ избѣгалъ, боясь, чтобы его не окрутили въ пьяномъ видѣ.

Когда приближались дни засѣданій съѣзда въ уѣздномъ городѣ, онъ уѣзжалъ изъ дома за нѣсколько дней до ихъ начала, заѣзжая и перекочевывая отъ одного знакомаго помѣщика къ другому, чтобы накутиться передъ засѣданіемъ и явиться въ городъ чистымъ, какъ стеклышко.

Однажды, собираясь заѣхать къ одному изъ друзей, жившему недалеко отъ желѣзнодорожной станціи, онъ написалъ слѣдующее письмо стихами:

Гляжу на мириады звѣздъ,
 (26-го будетъ съѣздъ)
 И мысль моя туда стремится;
 (Пріѣду къ вамъ винтить, напиться).
 За мыслью самъ туда взлетѣлъ бы;
 (И поохотиться хотѣлъ бы)
 Но къ симъ моимъ мечтаньямъ дерзкимъ)
 (Пріѣду съ поѣздомъ курьерскимъ)
 Природа остается глуха.
 (Пріѣду въ первый день Св. Духа)
 Къ землѣ несчастной я привязанъ
 (И буду очень я обязанъ),
 Нѣтъ даже крыльевъ у людей!
 (Если пришлете лошадей).
 Нѣтъ, лучше я мечты забуду!..
 (24-го я буду).

Жилъ, не думая о завтрашнемъ днѣ, по-своему веселился и продолжалъ кутить удалой поручикъ, какъ вдругъ неожиданно стряслась бѣда. Было доведено до свѣдѣнія высшаго начальства о пріѣздѣ его на съѣздъ въ безобразно пьяномъ видѣ, и онъ долженъ былъ выйти въ отставку. Какъ это ни странно, но ему поставленъ былъ въ вину случай, когда онъ былъ совершенно трезвъ.

Такъ какъ въ маленькомъ уѣздномъ городѣ не было гостиницы, а былъ лишь одинъ постоялый дворъ, мировые судьи наняли у вдовы три комнаты. Два раза въ мѣсяцъ въ эти комнаты ставились кровати, и пріѣзжавшіе на день или два мировые судьи поселялись тамъ, уплачивая хозяйкѣ по два рубля каждый. Наканунѣ дня засѣданія съѣзда вечеромъ мировые судьи начинали съѣзжаться, привозя съ собою закуски, вино и карты.

Однажды съѣхалось нѣсколько человѣкъ довольно рано. Выпили чаю, сыграли въ винтъ, закусили и выпили. Поручикъ почему-то опоздалъ. Когда онъ пріѣхалъ, оставалась лишь часть закуски, небольшой же графинчикъ съ водкой былъ уже опустошенъ. Кромѣ водки, поручикъ ничего не пилъ и поэтому онъ сильно взволновался и сталъ просить хозяйку достать водки, но наступила уже ночь и водки нельзя было достать.

— Хватилъ бы!—сказалъ онъ:—но на нѣтъ и суда нѣтъ. Что дѣлать?! Закусимъ и запьемъ водой. Въ лагерѣ какъ въ лагерѣ!—перефразировалъ онъ французскую поговорку «à la guerre comme à la guerre».

Въ это время къ крыльцу подѣхали сани.

— Кто-то пріѣхалъ! Можетъ быть, водку привезъ!—оживился онъ.—Ну, а если не привезъ, я его накажу и угощу вмѣсто водки водой.

Проговоривъ это, поручикъ быстро наполнилъ водой маленькій графинчикъ.

Въ комнату вошелъ почтенный старикъ, почетный мировой судья. Поздоровавшись, онъ извинился, что не захватилъ съ собою ни вина, ни закусокъ.

— А между тѣмъ съ удовольствіемъ выпилъ бы рюмку. Прогрогъ я,—добавилъ онъ.

— Закусокъ мало осталось, а водки вотъ цѣлый графинчикъ. Я выпью съ вами,—заявилъ поручикъ.

Онъ изъ графинчика наполнилъ водою двѣ рюмки, сейчасъ же опрокинулъ въ ротъ свою рюмку, крикнулъ и опять себѣ налилъ. Почетный мировой судья чокнулся съ нимъ и выпилъ.

— Что это? Да вѣдь это вода!—замѣтилъ онъ.

Поручикъ, не обращая вниманія на это замѣчаніе, наливалъ себѣ третью рюмку. Почетный мировой судья подозрительно посмотрѣлъ на него, сказалъ, что усталъ съ дороги, ушелъ въ другую комнату и легъ спать. Послѣ сѣзда онъ отправился въ губернской городъ и заявилъ кому слѣдуетъ о томъ, что поручикъ былъ настолько пьянъ, что не могъ отличить водки отъ воды.

Выйдя въ отставку, поручикъ сталъ еще больше пить, ходить въ рваномъ платѣ, избѣгалъ людей, опустился окончательно. Черезъ полгода онъ женился и черезъ годъ умеръ.

XXV.

Въ заключеніе расскажу о дѣлѣ, бывшемъ въ производствѣ волостного суда.

Однажды въ волостной судъ поступило дознаніе, произведенное мѣстнымъ сельскимъ старостой. Онъ доносилъ, что въ ночь на 16-ое августа неожиданно скрылась жена крестьянина, захвативъ съ собою вещи, какъ свои, такъ и принадлежащія мужу. Произведя розыскъ, онъ, сельскій староста, узналъ, что похитительница скрылась къ крестьянской дѣвицѣ Ильиной, которая находится подъ сильнымъ подозрѣніемъ, что она не женщина, а мужчина, такъ какъ бреетъ усы и бороду. Отправившись съ понятными къ Ильиной, онъ нашелъ тамъ убѣжавшую жену, отобралъ отъ нея всѣ вещи и передалъ мужу. Несмотря на всѣ увѣщанія, жена отказалась возвратиться къ мужу, заявивъ, что она никогда не оставитъ Ильиной, такъ какъ она своими дѣйствіями до того ее плѣнила, что она находитъ своего мужа недостойнымъ ея любви.

На основаніи изложеннаго сельскій староста ходатайствовалъ о высылкѣ Ильиной, которая съ преступною цѣлью скрываетъ свой полъ и представляетъ серьезную опасность для всѣхъ женщинъ его села.

Волостной судья, въ виду такой опасности, не нашелъ возможнымъ разобрать это дѣло и передалъ земскому начальнику, кото-

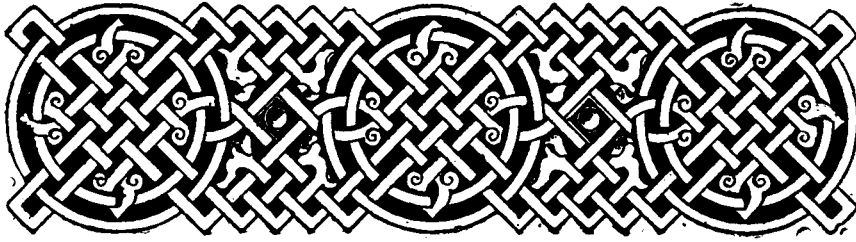
рый, въ свою очередь, признавъ дѣло подсуднымъ общимъ судебнымъ установленіямъ, препроводилъ его къ судебному слѣдователю.

Съѣздъ земскихъ начальниковъ, куда перешло дѣло отъ судебного слѣдователя, предписалъ разобрать дѣло волостному суду относительно кражи вещей.

Впослѣдствіи дѣвица была освидѣтельствована врачами въ губернскомъ правленіи и признана женщиной.

М. Ф. Чулицкій.

ОДНА ИЗЪ ТѢНЕЙ ПРОШЛАГО,

(Изъ исторіи Холмскаго края).

Миръ вамъ, старыя невгоды!

Никитинъ.

АСТОЯЩІЙ очеркъ имѣеть цѣлью воскресить страницу прошлаго въ жизни Холмскаго края на основаніи біографіи одного изъ ея дѣятелей, оставленныхъ имъ записокъ и разсказовъ о немъ, за которые приносимъ благодарность близкимъ ему людямъ.

Личность протоіерея Николая Николаевича Ливчака, сама по себѣ незаурядная, представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что ему выпало на долю быть участникомъ одного изъ историческихъ движеній, сходныхъ съ дѣломъ Іосифа Сѣмашка, дописывать, такъ сказать, одну изъ страницъ въ церковной исторіи Западной Россіи. Это выраженіе не будетъ преувеличеніемъ если мы вспомнимъ, что Ливчакъ былъ не только идейнымъ сподвижникомъ, но и лѣтописцемъ религіозно-общественной эпопеи Холмщины.

Въ 1910 году въ Вильнѣ изданы его записки объ этомъ воссоединеніи, сводъ всего пережитаго, съ характеристикой людей, прикосновенныхъ къ этому историческому акту. Приложенная къ запискамъ небольшая біографія Ливчака, составленная его сыномъ, рисуетъ намъ этого человѣка, какъ убѣжденнаго поборника тѣхъ началъ, которымъ онъ остался вѣренъ, несмотря на всѣ невгоды жизни.

Біографія и записки Ливчака дополняютъ другъ друга и даютъ ясное представленіе объ этомъ человѣкѣ и о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ нужно было работать во имя самаго дѣла, а не для осуществленія различныхъ административныхъ мѣропріятій, послужившихъ источникомъ злоподучной «Холмской канители», по удачному выраженію біографа протоіерея Ливчака.

Въ необходимости бороться съ виновниками этой «канители», не считавшимися съ мѣстными условіями и своими неумѣлыми распоряженіями портившими едва налаженное дѣло воссоединенія, заключается трагизмъ положенія Ливчака. Съ этой стороны онъ представляетъ типичную личность, и его можно отнести къ тѣмъ представителямъ нашего средняго духовенства, которые неуклонно стремились къ осуществленію своихъ идеаловъ, проведенію въ жизнь завѣтныхъ взглядовъ. Это священники общественнаго склада; наиболѣе виднымъ изъ нихъ является извѣстный калязинскій духовный дѣятель, священникъ Бѣлюстинъ.

Ливчаку пришлось играть роль Бѣлюстина въ Западномъ краѣ, на рубежѣ польской и западно-русской народностей.

Краткость біографіи не даетъ возможности нарисовать полную картину дѣтства этого недюжиннаго человѣка, выступившаго на арену дѣятельности въ моментъ духовнаго пробужденія Галиціи. Хотя Ливчакъ былъ далекъ отъ чего-либо похожаго на энтузіазмъ народности, но и его положительной натурѣ были близки тѣ интересы народные и общественные, которые были вызваны литературною дѣятельностью Вагилевича, Шашкевича и Головацкаго. Обстановка его гимназическихъ и студенческихъ годовъ была такова, что должна была воспитать въ немъ поборника народныхъ интересовъ, научила его смотрѣть на свою дѣятельность, какъ на тяжелый путь въ смыслѣ личной жизни, но какъ на благородную арену, на которой велитъ намъ подвизаться и чувство долга и любовь къ людямъ. Сынъ сельскаго священника, Ливчакъ рано научился трезво смотрѣть на вещи, избѣгая всего утопическаго, предпочитая шаткой, хотя и обаятельной теоріи суровую практику и прозу жизни. Основательное высшее образованіе—онъ слушалъ Миклошича и другихъ профессоровъ вѣнскаго университета,—дало ему возможность не только быть вполне подготовленнымъ къ дѣятельности учителя и священника, но и смягчило вліяніе практицизма и той суровой среды, въ которой прошли лучшіе годы его дѣятельности. Положеніе сельскаго духовенства въ Галиціи, сближавшее его съ народною массой, служило школой для воспитанія убѣжденных труженниковъ на народной нивѣ. Изъ этой среды выходили такіе дѣятели, какъ Наумовичъ. Не могъ остаться въ сторонѣ отъ этого вліянія и Ливчакъ. Изъ бумагъ, оставшихся послѣ него и относящихся къ годамъ его студенчества, видно, что и въ ранніе годы его симпатіи дѣлились между пріобрѣтеніями духовнаго свойства,

накопленіемъ полезныхъ знаній и живыми запросами окружающей дѣйствительности. И въ свои преклонные годы, по рассказамъ близкихъ къ нему людей, протоіерей Ливчакъ любилъ отводить душу рассказами о далекомъ прошломъ, о годахъ идейныхъ стремленій, о первомъ сознательномъ пробужденіи любви къ народу, который для молодежи является носителемъ завѣтовъ терпѣнія и долга, близкихъ и дорогихъ молодому сердцу.

Уроженецъ села Тисова Перемышльскаго уѣзда (родился 2-го ноября 1837 года), Николай Ливчакъ окончилъ курсъ перемышльскаго гимназіи и въ 1860 году поступилъ на богословскій факультетъ вѣнскаго университета. Въ бытность въ Вѣнѣ онъ сблизился съ кружкомъ посольскаго священника Михаила Раевского, покровительствовавшего студентамъ-галичанамъ и содѣйствовавшего ознакомленію ихъ съ русскимъ языкомъ и литературой. Благодаря Раевскому и графинѣ Антонинѣ Блудовой, студентамъ-галичанамъ стали доступны русскія книги. Уже и тогда Ливчакъ обращалъ на себя вниманіе и выдѣлялся какъ серьезностью характера, такъ и уровнемъ образованія. Онъ живо интересовался всѣмъ, что происходило въ Россіи, сравнивая убогую въ духовномъ отношеніи жизнь Галиціи съ широкимъ и обильнымъ талантами теченіемъ русской. Въ сношеніяхъ съ Раевскимъ нужно было соблюдать извѣстную осторожность, чтобы не возбудить подозрѣнія мѣстной администраціи и духовнаго начальства, которому былъ подчиненъ Ливчакъ. За частыя посѣщенія Раевского серьезно поплатился инспекторъ вѣнскаго духовнаго интерната, священникъ Ипполитъ Криницкій, лишенный мѣста и сосланный на приходъ въ глухую карпатскую мѣстность. Ливчаку удалось избѣжать преслѣдованія. Въ 1864 году онъ былъ назначенъ учителемъ древнихъ языковъ въ краковскую первую гимназію и рукоположенъ въ священники къ мѣстному униатскому приходу. Ливчакъ заявилъ себя дѣльнымъ и ревностнымъ преподавателемъ. Онъ не замкнулся въ область узкой специальности, но продолжалъ работать для самообразованія, начало чему было положено еще въ Вѣнѣ. Молодой учитель обладалъ при недюжинныхъ способностяхъ яснымъ умомъ, большой силой убѣжденія, отзывчивостью къ вопросамъ общественной и жизни. Это видно изъ того, что ему удалось повліять на извѣстнаго эмигранта Вас. Кельсіева, съ которымъ онъ познакомился въ Краковѣ. Убѣжденный доводами Ливчака, Кельсіевъ рѣшилъ порвать со своимъ неустойчивымъ прошлымъ. Недолго, однако, пришлось Ливчаку учительствовать въ Краковѣ. Онъ былъ приглашенъ княземъ В. А. Черкасскимъ на должность законоучителя холмской гимназіи, которая тогда открывалась. Въ Холмѣ Ливчакъ произнесъ въ мѣстномъ соборѣ слово на русскомъ языкѣ, чѣмъ сильно обрадовалъ князя Черкаскаго. Изъ Холма Ливчакъ былъ приглашенъ въ гор. Бѣлу, Сѣдлецкой губерніи. Это было въ

первой половинѣ 1867 года. Ему пришлось начинать свою службу въ тяжелое время. Уніатское духовенство стало въ рѣзкую оппозицію къ мѣстной администраціи, которая была вынуждена подвергнуть заключенію въ сѣдлецкой тюрьмѣ сорокъ священниковъ трехъ уѣздовъ за коллективный протестъ противъ высылки въ Вятку уніатскаго епископа Калининскаго. Среди населенія происходило броженіе, объясняемое запрещеніемъ играть на органахъ въ уніатскихъ церквахъ. Это броженіе принимало и болѣе острыя формы. Ливчакъ, успѣвшій пріобрѣсть довѣріе прихожанъ, оказался весьма полезнымъ въ дѣлѣ успокоенія возбужденнаго уніатскаго населенія. Благодаря его проповѣдямъ и увѣщаніямъ, въ м. Ломоазахъ и другихъ мѣстахъ волненія были успокоены и административное вмѣшательство съ его нежелательными послѣдствіями предотвращено.

Ниже будутъ указаны, на основаніи записокъ протоіерея Ливчака, тѣ обстоятельства, которыя тормозили не успѣвшее еще достаточно окрѣпнуть дѣло воссоединенія холмскихъ уніатовъ. Теперь нужно остановиться только на факторахъ, имѣвшихъ ближайшее отношеніе къ біографіи этого дѣятеля. Въ бѣльской церкви находились такъ называемыя мощи извѣстнаго фанатическаго поборника униіи и гонителя православія, епископа Иосафата Кунцевича. Во второй и четвертой главѣ своихъ записокъ (стр. 36—37, 74—78) Ливчакъ подробно знакомитъ читателя съ любопытнымъ эпизодомъ устраненія мощей, въ которое мѣстная администрація умѣла внести элементы «сплошной путаницы», она «только и дѣлала, что просиживала съ войсками, пустословила, уговаривала, разнообразя свои занятія время отъ времени слѣдствіями, штрафами и контрибуціями» (стр. 79). Между тѣмъ борьба съ латинской пропагандой и упорствомъ населенія требовала и большей осмотрительности и совершенно другихъ пріемовъ. Этотъ неумѣлый шагъ повелъ къ волненіямъ и вмѣстѣ съ обнародованнымъ некстати циркуляромъ объ очищеніи уніатскихъ обрядовъ «подлилъ больше масла въ огонь среди общаго недовольства и недовѣрія». Имъ не замедлили воспользоваться поляки, и католическое духовенство для широкой агитаціи среди уніатовъ, между прочимъ помощью изданныхъ въ Галиціи популярныхъ брошюръ.

Въ этой религіозной передрагѣ роль протоіерея Ливчака была и умиротворяющая, и одновременно организаціонная. При его содѣйствіи состоялось первое воссоединеніе сорока пяти уніатскихъ приходовъ въ гор. Бѣлѣ въ январѣ 1875 года. Ливчакъ былъ въ числѣ депутатовъ, представлявшихся императору Александру II въ мартѣ того же года, былъ награжденъ золотымъ наперснымъ крестомъ. Въ Петербургѣ на совѣщаніи у оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода графа Толстого Ливчакъ указывалъ на двѣ мѣры для успѣшнаго продолженія дѣла, во-первыхъ, на сохраненіе духовной

автономіи вновь воссоединенной епархіи, во-вторыхъ, на необходимость болѣе тѣснаго единенія духовенства и паствы. Послѣднее могло быть поддержано лишь мѣстнымъ, а не пришлымъ духовенствомъ, такъ какъ древне-православные священники были совершенно незнакомы съ мѣстными условіями и населеніемъ. Ходатайство Ливчака было удовлетворено изданіемъ особой инструкціи для викарнаго холмскаго епископа.

1875 годомъ оканчивается первая половина дѣятельности протоіерея Ливчака, затѣмъ начинается, говоря словами Лѣскова въ его «Соборяхъ», «житіе», пастушаетъ рядъ тяжелыхъ мытарствъ и невзгодъ. Біографъ протоіерея Ливчака говоритъ (стр. 9), что не хватило бы цѣлыхъ томовъ, если бы подробно излагать ихъ. Виновникомъ ихъ былъ архіепископъ варшавскій Леонтій, которому была подвѣдомственна и холмская епархія. Въ книжкѣ И. Саневича «Холмщина. Очерки прошлаго» (Спб. 1912), написанной на основаніи официальныхъ источниковъ и свидѣтельствъ лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу, даются характеристики и архіепископа Леонтія, и протоіерея Ливчака, а вмѣстѣ съ тѣмъ кратко, но ярко характеризуются отношенія Леонтія къ Ливчаку.

Вотъ какъ характеризуетъ архіепископа Леонтія авторъ книжки.

«Архіепископъ Леонтій, долгое время управлявшій холмско-варшавскою епархіею, былъ энергичнымъ архипастыремъ, дѣятельность котораго носила отпечатокъ строгой и неумолимой рѣшительности, и его распоряженія въ предѣлахъ предоставленной ему власти исполнялись безапелляціонно. Онъ не стѣснялся примѣнять къ строптивымъ пастырямъ даже мѣры административно-карательнаго воздѣйствія. Встрѣтивъ на своемъ реформаторскомъ пути пассивную оппозицію со стороны настоятеля бѣльскаго храма, протоіерея Николая Ливчака, онъ представилъ его въ Синодъ, какъ опаснаго агитатора, тормозящаго религиозное умиротвореніе Холмщины, почему Ливчакъ послѣ продолжительной переписки съ гражданскими властями былъ высланъ изъ предѣловъ епархіи въ Мишскую губернію, гдѣ оставался довольно продолжительное время въ качествѣ административнаго ссыльнаго, съ мизернымъ пособіемъ отъ казны, и, лишенный всякихъ средствъ существованія, страшно бѣдствовалъ съ многочисленнымъ семействомъ. Между тѣмъ протоіерей Ливчакъ, по происхожденію галичанинъ, участникъ холмской депутаціи 1875 года, былъ однимъ изъ самыхъ образованныхъ духовныхъ пастырей Подляшья, человекъ съ университетскимъ образованіемъ, искренне преданный русскому дѣлу, ревностный православный, но не соглашавшійся съ нѣкоторыми мѣропріятіями епархіальной власти, потому что распоряженія ея не согласовались съ духомъ времени и съ мѣстными обстоятельствами. Объ этомъ Ливчакъ не стѣснялся высказываться сначала въ своемъ интимномъ кружкѣ, а потомъ и на благочинническихъ съѣздахъ,

по своей душевной простотѣ и откровенности утверждая, что мѣры епархіальнаго начальства клонятся не къ укрѣпленію православія, а, наоборотъ, порождаютъ религиозный индифферентизмъ, увеличивая кадры упорствующихъ греко-уніатовъ, преданныхъ догматамъ католицизма. Епархіальная власть такіа разсужденія приняла за противодѣйствіе ея распоряженіямъ, и въ результатѣ одинъ изъ лучшихъ пастырей былъ сосланъ на заточеніе въ Минскую губернію, откуда былъ возвращенъ въ началѣ девяностыхъ годовъ минувшаго столѣтія уже послѣ назначенія Леонтія на московскую митрополичью кафедру» (стр. 38—39).

Вышеприведенныя строки служатъ комментариемъ къ тому мѣсту біографіи протоіерея Ливчака, въ которомъ говорится о назначеніи надъ Ливчакомъ суда консисторіи и о слѣдствіи намъ нимъ, которое тянулось цѣлыхъ три года (1879—1880 г.). Въ книжкѣ г. Саневецкаго есть двѣ фактическихъ неточности: протоіерей Ливчакъ не сразу былъ «сосланъ» въ Минскую губернію; онъ былъ лишень мѣста законоучителя, отрѣшенъ отъ благотворительной должности, лишень прихода и «ему предоставлено было право (!) искать себѣ должности въ Смоленской епархіи» (біографія, стр. 10). «Ни многочисленныя депутаціи отъ крестьянъ, — прибавляетъ біографія, — ни протесты священниковъ, ни, наконецъ, прежнія заслуги и безпорочная служба—ничто не помогло» (стр. 10). Кромѣ того, нужно замѣтить, что Ливчакъ не былъ административно сосланъ, такъ какъ онъ состоялъ преподавателемъ минской духовной семинаріи.

Записки протоіерея Ливчака, опубликованныя нѣсколько позже въ 1882 году въ духовномъ журналѣ «Странникъ», рисуютъ яркую картину неурядицы въ Холмской епархіи, которую онъ пытался локализовать, не видя возможности окончательно прекратить ее. Еще больше живого, любопытнаго матеріала даютъ оставшіяся послѣ протоіерея Ливчака бумаги, интимныя записки о холмскихъ дѣлахъ, которыя тогда не могли появиться въ печати. Да и самое продолженіе печатанія «Записокъ», совершенно объективныхъ по содержанію и тону, было прекращено по настоянію оберъ-прокурора Синода Побѣдоносцева, который тоже принималъ извѣстное участіе въ судьбѣ Ливчака, не такое, конечно, какъ И. С. Аксаковъ или протопресвитеръ Янышевъ. Оба они заступались за гонимаго протоіерея и старались облегчить его участь, о чемъ свидѣлствуетъ письмо Аксакова къ Побѣдоносцеву въ сентябрѣ 1880 года. Это письмо глубоко поучительно тѣмъ свѣтлымъ безпристрастіемъ и благородствомъ, которое характеризуетъ послѣдняго виднаго славянофила. Аксаковъ всецѣло на сторонѣ Ливчака, котораго онъ признаетъ «однимъ изъ главныхъ дѣятелей воссоединенія, испорченнаго потомъ неумѣстнымъ усердіемъ гражданскихъ властей и приглашеніемъ священниковъ изъ Россіи». По словамъ Аксакова,

Ливчакъ «замѣчательно образованный человѣкъ. Онъ, конечно, былъ бы на мѣстѣ въ Холмщинѣ и на болѣе отвѣтственномъ посту. Аксаковъ радѣеть не только о Ливчакѣ, но и о самомъ дѣлѣ возсоединенія. «Вся моя просьба въ томъ,—пишетъ онъ Побѣдоносцеву,—чтобы ты допустилъ его (Ливчака) къ себѣ и выслушалъ отъ него повѣсть о положеніи дѣла». Онъ такъ отзывается о возсоединеніи: «Дѣло сильно изгажено, и не Леонтію его наладить»... Туда бы нужно посылать учениковъ Сѣмашка, а не Модеста»¹⁾. На готовность Побѣдоносцева помочь Ливчаку Аксаковъ не могъ рассчитывать послѣ отвѣтнаго письма оберъ-прокурора. Это письмо характерно и по тону, и по пониманію личности Ливчака, и по отношенію къ холмскому дѣлу. «Ливчакъ,—пишетъ оберъ-прокуроръ,—натура недюжинная, но и не чистая (?). Онъ потерялъ равновѣсіе, предпринявъ борьбу съ мѣстной машиною,—и выгородить его теперь невозможно въ его процессѣ. Но я ни на минуту не переставалъ о немъ думать,—и меня тревожила мысль: не сбѣжалъ бы онъ въ Польшу».

Слѣдующія строки письма выясняютъ взглядъ Побѣдоносцева на мѣстныя отношенія, изъ-за которыхъ пострадалъ Ливчакъ: «Холмское униатское дѣло очень тонкое и сложное, а для устройства его и направленія мы не дали ничего, кромѣ общей консисторской и синодальной мертвой машины. И когда живой организмъ попался въ эти мертвыя колеса, изъ него образовалась теперь безобразная масса бумагъ, наполненныхъ сплетнями, интригами и обрядностями. Одной бумагой тутъ ничего не сдѣлаешь, а наша машина мало что производитъ, кромѣ бумаги». Оба письма приведены въ біографіи безъ всякихъ комментаріевъ. Конечно, при иномъ отношеніи къ дѣлу, болѣе живомъ и участливомъ, а не официально холодномъ, можно бы ожидать и нѣкоторой поддержки для Ливчака, что было не трудно для всемогущаго оберъ-прокурора. Но судьба Ливчака осталась для него совершенно безразличной до иныхъ, лучшихъ для опальнаго протоіерея временъ, когда въ немъ принялъ участіе Скобелевъ.

Тогда Побѣдоносцевъ, при личномъ свиданіи съ Ливчакомъ, обнаружилъ готовность вознаградить невинно пострадавшаго, увѣривъ его, что и архіепископъ Леонтій, убѣжденный въ его невинности, готовъ дать ему приходъ. Ливчакъ отказался принять какой-либо приходъ и ограничился просьбой продолжать службу по учебному вѣдомству въ варшавскомъ учебномъ округѣ, чтобы выслужить пенсію.

Годы, предшествовавшіе этому свѣтлому эпизоду въ жизни протоіерея Ливчака, были особенно тяжелы для него не только въ матеріальномъ отношеніи,—онъ провелъ ихъ въ тяжелой нуждѣ.--

¹⁾ Модестъ—впослѣдствіи архіепископъ волынской.

но и въ нравственномъ. Матеріальное положеніе его было до такой степени стѣсненное, что ему пришлось передъ отъѣздомъ въ Смоленскъ оставить свою семью безъ всякихъ средствъ на попеченіе то-варищей-священниковъ. Въ Смоленскѣ въ Ливчакѣ приняли участіе мѣстный епископъ Іосифъ, членъ консисторіи протоіерей Ивановъ и ректоръ семинаріи протоіерей Лебедевъ. Впрочемъ, въ Смоленскѣ Ливчакъ пробылъ недолго; благодаря вліянію И. С. Аксакова и протоіерея Янышева, онъ былъ назначенъ преподавателемъ латинскаго языка въ минскую духовную семинарію. Въ Смоленскѣ его матеріальное положеніе было столь незавидное, что друзьямъ пришлось снабдить его новою одеждою. Въ Минскѣ на протоіерея Ливчака обратилъ вниманіе генералъ Скобелевъ, бывшій тогда командиромъ 4-го корпуса. По его предложенію, Ливчакъ написалъ докладную записку о положеніи русскаго дѣла въ Галиціи и Холмщинѣ. Эта небольшая записка богата доводами и фактами; она выясняетъ положеніе Галиціи, поставленной между поляками, Римомъ и австрійскимъ правительствомъ. Записка краснорѣчиво указываетъ на вредъ, происходящій отъ близорукой политики игнорирования русскихъ симпатій сосѣдней Галиціи. «... Свѣтлый умъ князя Черкаскаго,—говорится въ запискѣ (стр. 153),—бросилъ сразу же свой взглядъ на сосѣднюю Галицію. Ради сближенія Галиціи съ Россіей и для проведенія въ дѣйствіе всѣхъ преобразовательныхъ идей въ Холмщинѣ онъ вызывалъ цѣлыя десятки священниковъ и учителей гимназій съ цѣлью отрезвленія и приведенія къ сознанию своей русской національности ополеченныхъ греко-уніатовъ Холмской епархіи. Глубоко умнымъ планомъ князя Черкаскаго достигалась двойная немаловажная цѣль: галичане были вѣрные слуги царя и Россіи, опытные борцы съ иезуитскою Польшею, и вызовомъ ихъ въ Россію укрѣплялась духовная связь между Галиціей и Россіей».

Интересно, что близорукая политика мѣстныхъ архіереевъ, устранявшая галичанъ отъ близкаго и родного имъ дѣла, является какъ бы повтореніемъ политики австрійскаго правительства и поляковъ, всячески противодѣйствовавшихъ возрожденію Галиціи въ духѣ народности.

«Однимъ словомъ,—замѣчаетъ Ливчакъ,—русская администрація безсознательно исполняла во всемъ волю и желаніе Польши».

«Въ Холмской епархіи нынѣ (писано въ 1882 г.) тысячи русскаго народа совращаются въ латинство, въ то время когда въ сосѣдней Галиціи одинъ и тотъ же народъ, съ такимъ же духовенствомъ, согласенъ итти на вѣрную смерть, отстаивая свою національность и свои православныя убѣжденія» (стр. 155).

Записка оканчивается настойчивымъ указаніемъ на необходимость вернуться къ политикѣ князя Черкаскаго, какъ къ един-

ственному цѣлесообразному средству для прекращенія холмской неурядицы.

Скобелевъ отдалъ эту записку возвращавшемуся черезъ Минскъ въ Петербургъ русскому консулу въ Болгаріи Хитрово. Она была представлена императору Александру III и играла извѣстную роль въ послѣдующей судьбѣ протоіерея Ливчака.

Съ 1882 года по 1894 годъ Ливчакъ былъ преподавателемъ древнихъ языковъ сначала въ варшавской 1-й (до ноября 1883 г.), а потомъ въ ломжинской гимназій. Выслуживъ пенсію, онъ получилъ мѣсто настоятеля въ Александровѣ-Пограничномъ, Варшавской губерніи, гдѣ и оставался до смерти, послѣдовавшей 16-го декабря 1909 года. Здѣсь же онъ отпраздновалъ (въ 1899 г.) 35-лѣтній, а въ 1909 году сорокалѣтній юбилей священства. Смерть жены (въ 1900 г.), болѣзнь сердца и пережитыя невзгоды надломили силы стараго протоіерея. Но духомъ онъ попрежнему былъ бодръ. Часто его въ обморокѣ выносили изъ церкви. При всей слабости физической Ливчакъ не оставилъ ни любимыхъ занятій пчеловодствомъ, ни умственного труда. Онъ остался тѣмъ же краснорѣчивымъ и убѣжденнымъ проповѣдникомъ. Живо интересовался старый протоіерей общественною жизнью, выписывалъ много русскихъ и галицкихъ газетъ, принималъ близко къ сердцу все, что касалось его родины и второго отечества, которому онъ посвятилъ долгіе и лучшіе годы своей полезной и скромной дѣятельности.

Переходимъ къ запискамъ протоіерея Ливчака. Общую ихъ оцѣнку мы находимъ въ книгѣ г. И. Саневицкаго. Ливчакъ характеризуется въ ней какъ лѣтописецъ своего времени: «Онъ,—говоритъ г. Саневицкій,—помѣстилъ свои замѣтки въ духовномъ журналѣ «Странникъ» и начерталъ ихъ правдиво и разумно, безъ всякихъ прикрасъ и комментаріевъ, приводя одни лишь голые факты съ точнымъ обозначеніемъ времени и дѣйствующихъ лицъ, не входя ни въ оцѣнку, ни въ анализъ событій, а предоставляя самому читателю вывести заключеніе. Оттого записки Ливчака, какъ очевидца, читаются съ захватывающимъ интересомъ и останавливаютъ на себѣ вниманіе художественною простотою и логической послѣдовательностью, увлекательно рисуя образы и картины одной изъ самыхъ важныхъ эпопей Холмщины. Очерки Ливчака получили въ свое время одобреніе среди читающей русской публики въ царствѣ Польскомъ и были занимательны еще въ томъ отношеніи, что касались главнымъ образомъ Подляшья, гдѣ воссоединенію уніатовъ, не подготовленныхъ къ этому знаменательному акту, приготовленія къ коему почивали не въ компетентныхъ рукахъ, было оказано противодѣйствіе и сопротивленіе» (стр. 40—41).

Приведенный отзывъ вполне вѣрно характеризуетъ сущность и значеніе записокъ протоіерея Ливчака. Онъ тѣмъ болѣе важенъ, что принадлежитъ лицу, хорошо освѣдомленному въ дѣлахъ Холмщины.

Записки Ливчака даютъ полную картину, съ одной стороны, дѣятельности свѣтской и духовной администраціи, съ другой—уровня религіознаго развитія народной массы. Онѣ служатъ краснорѣчивымъ доказательствомъ того, насколько слѣдуетъ считаться съ ролью именно низшаго духовенства въ дѣлѣ подъема народныхъ массъ. Господство отживающихъ религіозныхъ традицій среди населенія, крайнее упорство послѣдняго въ сохраненіи обряда, отсутствіе чего-либо похожаго на проблескъ національнаго самосознанія ярко указываютъ на недостатокъ школы, книги, просвѣтительнаго вліянія на темную массу. Ливчакъ постепенно, начиная съ 1867 года, слѣдитъ за ходомъ дѣла воссоединенія, внимательно присматриваясь къ тѣмъ явленіямъ, которыя представляютъ темную сторону въ исторіи возрожденія Холмщины. Читатель долженъ быть признателенъ не только за строгую объективность, но мѣстами и за полное безстрастіе лѣтописца. Въ его запискахъ одинаково добросовѣстно очерчены и люди, прикосновенные къ дѣлу воссоединенія, и традиціи давняго прошлаго, въ общемъ оказавшіяся безсильными при новомъ порядкѣ вещей. Конечно, рано или поздно насильственное отторженіе должно было привести къ возрожденію народности сначала на религіозной почвѣ. Въ этомъ отношеніи важна дѣятельность епископовъ, настойчиво боровшихся съ латинизаціей уніатской церкви (Цѣхановскій и Шумборскій) съ цѣлью создать оплотъ противъ надвигающейся колонизаціи горсти русскаго уніатскаго населенія, историческими судьбами вдвинутаго въ польскую національность. Традиціи галицкаго возрожденія, которыя могли принести пользу при иномъ положеніи дѣла, иной духовной и свѣтской администраціи, разбивались, съ одной стороны, о косность и невѣжество массы (искусственно поддерживаемый культъ Іосафата Кунцевича, не имѣвшій никакого отношенія къ Холмщинѣ), съ другой стороны, о полный недостатокъ просвѣтительныхъ средствъ, которыя медленно, но вѣрно могли бы привести къ желанной цѣли. Съ горечью замѣчаетъ Ливчакъ въ своей запискѣ, написанной для Скобелева: «Главное вниманіе было обращено на внѣшность, на форму, а о сути дѣла никто не заботился» (стр. 155). Онъ справедливо жалуется на «мертвящій формализмъ» варшавской духовной консисторіи. Привычка къ осторожному, систематическому веденію дѣла видна изъ слѣдующаго мѣста той же записки: «... совершившееся неожиданно, по почину сѣдлецкаго губернатора Громеки, воссоединеніе уніатовъ Холмской епархіи было дѣломъ далеко не оконченнымъ... слишкомъ преждевременно было показывать народу православныя рясы и бороды, которыми Польша такъ сильно пугала народъ; ни православная вѣра, ни Россія не понесла бы никакого ущерба, если бы по примѣру Сѣверо-Западнаго края (при митрополитѣ Сѣмашкѣ) эти бороды и волосы исподволь на глазахъ же народа вырастали» (стр. 154).

Таковъ общій фонъ картины, которая возстаетъ при чтеніи простыхъ, правдивыхъ записокъ Ливчака. Многія фактическія детали, не лишены значенія для исторической характеристики этого времени, заключаетъ въ себѣ «Лѣтопись Бѣльской церкви», оканчивающаяся 1875 годомъ. Факты, приведенные въ ней, отличаются болѣе интимнымъ характеромъ, а потому и болѣе цѣнны. Здѣсь мы воочию наблюдаемъ характерныя черты этого движенія, захватившаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ населеніе. Въ хаосѣ разныхъ мѣропріятій, поползновеній полонизма и латинства ярче обрисовывается упорство нѣкоторыхъ частей населенія въ борьбѣ за религіозныя пережитки. Это волненіе мѣстами принимало нежелаемое направленіе. Имѣли мѣсто не только насилія надъ священниками, изгнаніе послѣднихъ изъ приходоу, поджоги священническихъ домовъ, но и организованныя столкновенія съ войсками, особенно въ 1874 году. Для усмиренія народныхъ скопищъ, собиравшихся около церквей съ цѣлью защиты ихъ отъ посягательства администраціи, приходилось посылать по мѣстамъ (въ Заболотѣ, Древелѣ и Пранулинѣ, Сѣдлецкой губерніи) казачьи сотни и цѣлыя отряды пѣхоты. Доходило до ожесточенныхъ схватокъ и побойщъ. Записки ставятъ въ вину эти осложненія, съ одной стороны, мѣстному уніатскому, въ значительной степени ополяченному духовенству, съ другой—безтактности мѣстной администраціи съ губернаторомъ Громекой во главѣ. Отрицательную роль въ дѣлѣ воссоединенія играли и генераль-губернаторы графъ Бергъ, Коцебу и князь Имеретинскій. О послѣднемъ въ біографіи Ливчака передается любопытный фактъ столкновенія его съ профессоромъ П. А. Кулаковскимъ по поводу предложенія князя Имеретинскаго «всѣхъ упоствующихъ въ уніи отпустить въ католичество» (стр. 20). Въ той же біографіи указываются и другія мѣропріятія князя Имеретинскаго, шедшія вразрѣзъ съ началами, которыя систематически проводились княземъ Черкасскимъ. Въ «Запискахъ» Ливчака приводятся разговоры при посѣщеніи въ октябрѣ 1874 года города Холма между администраторомъ епархіи Маркелломъ Попелемъ и графомъ Коцебу, свидѣтельствующіе о слабой освѣдомленности генераль-губернатора въ области уніатскихъ дѣлъ (стр. 142). Конечно, такіе администраторы, въ числѣ ихъ генераль-губернаторъ Альбединскій, одинъ изъ виновниковъ перемѣщенія Ливчака (см. любопытный фактъ въ «Запискахъ» стр. 115), не могли содѣйствовать укрѣпленію русскихъ началъ въ краѣ.

Изъ лицъ, оказавшихъ услуги дѣлу воссоединенія, кромѣ князя В. А. Черкаскаго, «Записки» называютъ генерала Оржевскаго, чиновника особыхъ порученій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ Ф. Кокошкина. Ливчакъ указываетъ также на осторожный и исполненный такта образъ дѣйствій люблинскаго губернатора Буцковскаго, у котораго дѣло воссоединенія шло спокойно, безъ вся-

кихъ волненій. Довольно отчетливо выясняется въ запискахъ личность администратора Холмской епархіи, потомъ витебскаго епископа Маркелла Попеля, котораго Ливчакъ характеризуетъ какъ человѣка, умѣвшаго одѣвнѣть вліяніе мѣстныхъ условій и вести дѣло воссоединенія съ подлежащимъ тактомъ и энергіей. Такіе іерархи, какъ Леонтій и Модестъ, не могли внести въ него элементъ умиротворенія, а въ нихъ такъ нуждалось новое, еще не окрѣпшее дѣло.

Въ печатный текстъ «Записокъ» Ливчака не вошли многія любопытныя детали, сохранившіяся въ его бумагахъ. Мы имѣли возможность, благодаря любезности близкихъ къ протоіерею Ливчаку лицъ, ознакомиться съ этими бумагами. Одна изъ нихъ, записка на имя С. А. Левицкой, заключаетъ рядъ картинъ нестроенія, вызваннаго образомъ дѣйствій архіепископа Іоанникія. «Покойный архіепископъ Іоанникій почему-то не вѣрилъ въ искренность воссоединеннаго духовенства, въ особенности священниковъ, вызванныхъ въ былое время покойнымъ княземъ Черкасскимъ изъ Галиціи, еще до встрѣчи съ ними и личнаго съ ними знакомства». «Большинство законоучителей,—читаемъ мы ниже,—несмотря на то, что за униі¹⁾ еще они исполняли православнымъ духовнымъ требы и преподавали уроки Закона Божія православнымъ ученикамъ, сейчасъ же послѣ воссоединенія имъ были уволены отъ должности или переведены на другія мѣста подъ тѣмъ предлогомъ, что они не въ состояніи утверждать другихъ въ православіи. Не чѣмъ другимъ, какъ только крайнимъ нерасположеніемъ и недовѣріемъ, можно объяснить, напри- мѣръ, тотъ фактъ, что въ тотъ же день, когда Святѣйшій Правительствующій Синодъ съ отеческой любовью принималъ на аудіенціи депутатовъ отъ духовенства и народа Холмской епархіи и благословилъ возвращеніе ихъ на лоно православія, покойный владыка послѣ отслуженнаго перваго архіерейскаго служенія въ Яновской церкви въ присутствіи гражданскихъ и полицейскихъ властей въ домѣ уѣзднаго начальника производилъ экзаменъ по богословскимъ предметамъ только что служившимъ съ нимъ и воссоединившимся въ тотъ день священникамъ. Не чѣмъ другимъ, какъ только тѣмъ же Богъ вѣсть на чемъ основаннымъ недовѣріемъ, можно объяснить всѣмъ извѣстный фактъ замѣщенія живыхъ мѣстъ набранными безъ всякаго разбора священниками изъ Россіи, чуть ли не на второй день послѣ совершившагося воссоединенія, безъ всякаго вниманія на то²⁾, что подвергшіяся изгнанію или перемѣщенію ни въ чемъ неповинныя жертвы были чуть ли не первыми дѣятелями по воссоединенію, и безъ нихъ самое воссоединеніе было бы невысказано».

Конечно, подобные факты не могли внести умиротворенія въ край, вызывали даже по мѣстамъ (напримѣръ, въ селѣ Носсовѣ Сѣдлецкой губерціи) значительныя волненія.

¹⁾ Мѣстный оборотъ—во время униі.

²⁾ Сохраняемъ языкъ подлинника.

Въ этой же запискѣ Ливчака указываются многочисленныя случаи безтактности вновь назначенныхъ священниковъ, одинъ изъ которыхъ въ с. Костеневичахъ Бѣльскаго уѣзда, вопреки разъясненіямъ Ливчака, служилъ въ день празднованія памяти Іосафата Кунцевича (16-го сентября), чѣмъ произвелъ большой соблазнъ въ приходѣ. Священникъ с. Добрыни возбудилъ неудовольствіе прихожанъ вымогательствомъ. Многіе священники вели нетрезвый образъ жизни; между ними выдѣлялся и нетрезвой жизнью, и склонностью къ интригамъ священникъ с. Кіевца Бѣльскаго уѣзда, который изъ самаго спокойнаго прихода ухитрился сдѣлать одинъ изъ наиболѣе строптивыхъ. одного изъ священниковъ Ливчака, бывшій благочиннымъ, съ трудомъ спасъ изъ рукъ разъяренной толпы прихожанъ.

Эти неприглядныя факты говорятъ сами за себя. Понятно, что приливъ не соотвѣтствовавшихъ своему назначенію священниковъ долженъ былъ усилить вліяніе тѣхъ неблагопріятныхъ условій для воссоединенія, съ которыми и прежде приходилось считаться.

Не прекратились указанныя выше аномаліи и при архіепископѣ Леонтіи, какъ это видно изъ той же записки. Темныя факты изъ жизни духовенства отмѣчаетъ записка въ селѣ Кошоляхъ, Рокитнѣ, Радинѣ. Ливчака глубоко скорбитъ по поводу такихъ печальныхъ явленій, унижающихъ и большинство ни въ чемъ неповиннаго духовенства, и самое дѣло, которому онъ такъ самоотверженно служилъ. Съ грустью и теперъ читаются слѣдующія слова записки:

«Вѣдая, какая отвѣтственность ожидаетъ меня передъ Богомъ, совѣстью и начальствомъ (!) за ввѣренное мнѣ благочиніе, я не могъ молчать и скрывать предъ начальствомъ настоящаго положенія дѣла, какъ это я дѣлаю нынѣ, когда я не состою уже благочиннымъ и отвѣчаю только самъ за себя; но и нынѣ, не имѣя нужды интересоваться дѣлами другихъ, я тѣмъ не менѣе не могу заткнуть себѣ уши передъ громкими разсказами народа, который съ жадностью подхватываетъ всѣ скандалы о православномъ духовенствѣ, неслыханныя дотолѣ между бывшими униатами и латинами, и ими же колеть мнѣ глаза, укоряя меня, какъ главнаго виновника совершившагося воссоединенія».

Конечно, трудно судить, насколько значительны были голоса этого народа въ сужденіяхъ о дѣлѣ, историческое значеніе котораго стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній. Но честному и благородному Ливчаку тяжело было видѣть и эту маленькую тучу на горизонтѣ церковно-общественной жизни, которая была для него ареной отвѣтственной дѣятельности. Въ запискѣ, поданной Скобелеву, онъ вспоминаетъ о своей родинѣ, для которой ждетъ лучшихъ дней.

Непроглядно изображается и общій ходъ жизни въ Холмщинѣ, самоуправство духовной администраціи, которое Ливчака испытало на себѣ, и которое, судя по той же запискѣ, возмущало адми-

нистратора епархіи Маркелла Попеля, не устоявшаго въ борьбѣ съ епархіальными порядками варшавской духовной консисторіи. Мѣсто, иллюстрирующее положеніе духовенства въ юридическомъ отношеніи, весьма характерно, и мы приводимъ его цѣликомъ.

«Я имѣю въ виду разказать нѣчто о судахъ и слѣдствіяхъ въ нашей епархіи, сдѣлавшихся притчей во языцѣхъ. Мы дожили до того, что нынѣ стоитъ только имѣть пару хорошихъ лошадей, лучшее помѣщеніе или кусокъ лучшаго луга, чтобы не избѣжать доносовъ, а за ними слѣдствій и судовъ. Я увѣренъ, что такого количества слѣдствій и судовъ, какое произвелось (sic) у насъ въ послѣдніе два года, не отыскать въ архивахъ бывшей холмской консисторіи за нѣсколько десятковъ лѣтъ. Само собою разумѣется, что слѣдствіямъ не подвергался никто изъ тѣхъ, о которыхъ я упоминалъ выше; имъ подвергались только присоединенные священники и по преимуществу галичане».

Ливчаку пришлось испытать на себѣ сладость этой епархіальной процедуры, о которой онъ съ понятной горечью, но вполне сдержанно говоритъ въ цитируемой нами запискѣ. Не входя въ подробности этого некрасиваго дѣла, укажемъ на то, что слѣдствіе надъ Ливчакомъ было поручено духовному лицу, состоявшему въ родствѣ съ доносителемъ, священникомъ нетрезвой жизни и большимъ интриганомъ. Были игнорированы показанія большинства духовенства въ благочиніи Ливчака, возмущеннаго тѣми грубыми оскорбленіями, которыя нанесъ доноситель-священникъ своему благочинному. Этотъ ревнитель обвинилъ Ливчака ни больше, ни меньше, какъ въ антиправительственныхъ и противоправославныхъ проступкахъ. Холмское духовное правленіе, на основаніи высочайше утвержденной инструкціи для викарнаго епископа, протестовало противъ незаконнаго вмѣшательства варшавской консисторіи въ дѣла холмской епархіи, но безуспѣшно. Такой же исходъ имѣлъ протестъ второго слѣдователя, священника Іосифа Грабовича, въ запискѣ, представленной архіепископу Леонтію по поводу неправильно веденнаго первымъ слѣдователемъ, протоіереемъ Чеховичемъ, слѣдствія. Отъ Ливчака не принимали никакихъ объясненій. Ливчакъ былъ лишень благочинія, несмотря на единогласное избраніе его духовенствомъ Константиновскаго уѣзда.

«Оставаясь нынѣ безъ куска хлѣба,—заключаетъ Ливчакъ свою записку, — съ семьєю, состоящею изъ одиннадцати душъ, я получилъ предписаніе искать мѣста въ смоленской епархіи, въ мѣстности, гдѣ для меня неизвѣстенъ ни народъ, ни его обычаи и качества и для каковой службы на приходѣ я совершенно не пригоденъ». Это тѣмъ тяжелѣе было для Ливчака, что онъ, по собственному признанію, «считалъ миссіонерскую дѣятельность прямымъ и священнымъ долгомъ своего призванія».

Принеся въ жертву этому призванію и свои личные интересы, и судьбу своей многочисленной семьи, Ливчакъ унесъ съ собой въ могилу лучшія чаянія злополучной Холмщины. Это былъ одинъ изъ стойкихъ людей идеи и долга. Такіе люди не поддаются ударамъ судьбы; они не мѣняются, они всегда одинаковы. Въ запискахъ и бумагахъ Ливчака не замѣтно ни озлобленія, ни скрытой непріязни даже въ случаяхъ, поражающихъ своею несправедливостью. Значительное самообладаніе, своего рода фатализмъ сильной натуры, находятъ у него поддержку и въ чисто народномъ складѣ личности. Ливчакъ какъ бы созданъ былъ для борьбы, для стойкаго противодѣйствія въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло шло о наиболѣе дорогомъ и близкомъ ему. Вращаясь въ сферѣ явленій немалого значенія, Ливчакъ боялся навлечь на себя осужденіе потомства не только за собственные невѣрные шаги, но и обвиненіе въ равнодушіи къ тому, что совершалось тогда подъ шумокъ канцелярщины, о которомъ неодобрительно отзывался самъ Побѣдоносцевъ въ письмѣ къ Аксакову. Изъ записки, поданной Скобелеву, видно, что Ливчакъ не только прекрасно понималъ значеніе возрожденія Холмщины для края и для сосѣдней Галиціи, но и былъ единственнымъ поборникомъ возрѣвннй князя Черкаскаго. Послѣдующія событія въ Холмщинѣ служатъ яснымъ доказательствомъ, насколько проницателенъ и вѣренъ былъ взглядъ стараго протоіерея. Но у дѣла стали архіепископъ Леонгій, Бергъ, Коцебу и др. Такіе люди не могли возродить Холмщину: они затормозили движеніе и придали ему нежелательный анти-историческій характеръ. За эти вины отцовъ пришлось расплачиваться послѣдующимъ поколѣніямъ.

При характеристикѣ такой личности, какъ Ливчакъ, не лишены интереса взгляды его на различныя стороны русской жизни, а также сужденія о нѣкоторыхъ общественныхъ дѣятеляхъ.

Будучи челоувѣкомъ жизни, врагомъ всякихъ крайностей, Ливчакъ не могъ относиться сочувственно къ многому, что ему пришлось видѣть. Прежде всего его поражало отсутствіе тѣхъ культурныхъ формъ, которыми богата Западная Европа и которыя слишкомъ медленно и туго прививаются у насъ. Высокообразованный, онъ зналъ многія славянскія нарѣчія, румынскій, древне-еврейскій и древніе языки. Ливчакъ сѣтовалъ на слабое распространеніе образованія въ среднихъ классахъ русскаго общества, на незначительность въ количественномъ и качественномъ отношеніи русской интеллигенціи, слабость и бѣдность періодической прессы, особенно провинціальной. Все это создавало нездоровую атмосферу, въ которой вырастали молодыя поколѣнія. Въ русской интеллигенціи онъ осуждалъ измѣнчивость во взглядахъ, малую устойчивость историческихъ основъ, безъ которыхъ не можетъ быть правильнаго воспитанія. «Отсюда, — говорилъ онъ, — преобладаніе лишнихъ людей, безсиліе общества подняться надъ мелкими обыденными интересами,

«истор. вѣстн.», ноябрь 1915 г., т. схлп.

12

растерянность и безволие». Между фрондирующим бюрократомъ, самодовольнымъ обывателемъ и недовольнымъ разночинцемъ нѣтъ золотой середины, людей культурнаго, духовнаго комфорта, которые одни могутъ накоплять въ странѣ духовныя богатства. А роль интеллигенціи особенно важна въ такихъ странахъ дѣвственной культуры, къ какимъ принадлежитъ Россія». Ливчакъ слѣдилъ за русской литературой, любилъ читать Тургенева, Л. Толстого, Салтыкова, освѣщавшихъ русскую жизнь съ разныхъ точекъ зрѣнія. Онъ осуждалъ въ Салтыковѣ излишній шаржъ, который находилъ грубоватымъ, но восхищался мѣткостью его характеристики, богатствомъ и разнообразіемъ типовъ. Тургеневъ былъ для него лучшимъ вдохновителемъ молодежи; на этомъ идеалистѣ, по взгляду Ливчака, слѣдовало воспитывать русскую молодежь, какъ и на Пушкинѣ. Она слишкомъ рано проникается радикализмомъ, чтобы потомъ къ годамъ зрѣлости стать равнодушной ко всякому движению мысли. Раннее знакомство съ такими сложными писателями, какъ Достоевскій и Л. Толстой, учить молодежь пѣть съ чужого голоса въ области психологіи и философіи, лишенной у Толстого научныхъ формъ и отчасти парадоксальной; оно же убиваетъ въ ней зародыши оптимизма, безъ котораго односторонне всякое воспитаніе. Въ этомъ отношеніи Ливчакъ высоко ставилъ гуманистовъ 40-хъ годовъ, особенно Грановскаго, называя его идеальной, хрустальной душой. Онъ всегда со скорбью говорилъ, какъ мало читаетъ и умственно работаетъ общество въ Россіи, какъ безучастна русская семья къ сокровищамъ родной литературы. Школьное изученіе приноситъ при такихъ условіяхъ мало пользы, и молодежь не научается ни писать, ни мыслить, ни хорошо говорить. Злоба дня заслоняетъ насущные духовные и общественные интересы, являясь плохой воспитательницей и общества и, въ частности, молодого поколѣнія. Въ этомъ отношеніи Россія похожа на романскія страны европейскаго юга, отчасти на Францію; не даромъ русскихъ называютъ французами сѣвера. Рядомъ съ этимъ Ливчака поражали бѣдность и невѣжество народныхъ массъ, ихъ склонность къ пьянству, жестокія семейныя отношенія. Онъ жалѣлъ, что такъ мало сдѣлано для просвѣщенія этой темной массы, симпатичной по широкому размаху натуры и даровитости. Въ этомъ отношеніи онъ желалъ для Россіи больше свѣта, больше индивидуальной и общественной правды.

Въ будущность славянской философіи Ливчакъ вѣрилъ плохо. Попытки Достоевскаго, Л. Толстого, Вл. Соловьева, славянофиловъ односторонни и бесплодны; для Россіи спасеніе въ точномъ и гуманитарномъ знаніи; синтезъ его ведетъ мимо Декарта и Канта, къ Ник. Данилевскому, или, что еще хуже, къ К. Леонтьеву, котораго Ливчакъ удачно называлъ фанатикомъ націонализма.

Самъ малороссъ, онъ любилъ малороссійскихъ писателей, особенно Основьяненка и Шевченка, къ галицкому движенію относился сочувственно, поскольку оно имѣло въ виду народные интересы, но политику Романчука и Кулиша осуждалъ, какъ беспочвенную и вредную иллюзію.

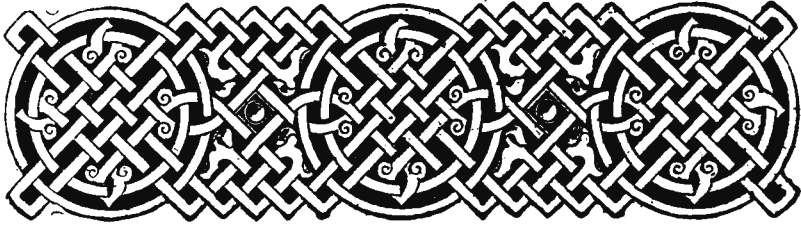
Русская богословская наука находила въ Ливчакѣ большого поклонника. Платонъ, Иннокентій и Макарій были для него типами людей науки. Цѣнилъ онъ и Павскаго и Сидонскаго и изъ новѣйшихъ ученыхъ Голубинскаго.

На все находилъ время дѣятельный и бодрый старикъ. Онъ входилъ во всѣ детали хозяйства, былъ усерднымъ пчеловодомъ и птицеводомъ.

Въ мая 1913 года въ Вильнѣ скончалась одна изъ дочерей протоіерея Ливчака, Елена Николаевна, по мужу Добрянская, оставившая добрую память въ лѣтописяхъ Вильны основаніемъ благотворительнаго кружка русскихъ женщинъ.

Адр. Круковскій.

АНАТОЛІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ФЛЕРОВЪ.

(Къ 35-лѣтію его учебно-административной дѣятельности).

ВЪ ТЕКУЩЕМЪ году исполнился тридцатипятилѣтній юбилей учебно-административной дѣятельности Анатолія Александровича Флѣрова, извѣстнаго дѣятеля по народному образованію въ Москвѣ. Сынъ бѣднаго священника кладбищенской церкви Іоанна Предтечи въ гор. Твери, А. А. Флѣровъ родился въ 1857 году на окраинѣ города, въ одномъ изъ живописнѣйшихъ его уголковъ, гдѣ близко протекаетъ въ своихъ крутыхъ, извилистыхъ берегахъ красавица-Волга. Жизнь въ этомъ чудесномъ уголкѣ не осталась безъ вліянія на впечатлительную душу мальчика, и у него рано развилась любовь къ природѣ: бѣгать въ сосѣдній лѣсъ по нѣскольку разъ въ день, копошиться тамъ въ травѣ, отыскивая разныхъ диковинныхъ букашекъ, собирать грибы и ягоды—доставляло ему огромное наслажденіе. Вообще онъ любилъ проводить время на вольномъ воздухѣ, играть со своими сверстниками въ бабки, и т. п. Воспитаніе ему давалось спартанское. Въ маленькомъ церковномъ домикѣ, гдѣ онъ росъ, царилъ весьма суровый режимъ. Отецъ его, обремененный многочисленной семьей, состоявшей—*horribile dictu!*—изъ двадцати одного человѣка, вѣчно терпѣвшій нужду, отличался большою строгостью и требовательностью по отношенію къ своимъ дѣтямъ, которыя, впрочемъ, никогда не имѣли поводовъ жаловаться на какую-либо явную несправедливость или пристрастіе съ его стороны.

Въ этомъ отношеніи онъ былъ безупреченъ. Онъ требовалъ, главнымъ образомъ, чтобы всѣ члены семьи твердо и неукоснительно исполняли свои обязанности, строго соблюдая при этомъ общій распорядокъ дня, который ни подъ какимъ видомъ не долженъ былъ нарушаться. Такъ, ежедневно, въ шесть часовъ утра всѣ въ домѣ уже были на ногахъ и, поѣвши чернаго хлѣба съ постнымъ масломъ,—никакой другой ѣды утромъ не полагалось,—немедленно принимались за работу: дѣти повторяли выученные наканунѣ уроки, потомъ уходили въ школу, а если день былъ праздничный, то, кромѣ обязательнаго посѣщенія церкви, должны были еще громко читать акаѳисты. Въ обѣденное время вся семья собиралась за общимъ столомъ и ѣла деревянными ложками прямо изъ печного горшка, такъ какъ иной посуды въ домѣ не имѣлось. Пища, разумѣется, была самая скудная: какая-нибудь постная похлебка (мясо употреблялось только въ особо торжественные дни), гречневая каша и т. п. Вотъ та убогая домашняя обстановка, среди которой было суждено расти и вырасти А. А. Флёрову, обстановка, насквозь пропитанная атмосферой и горькой нужды, и тяжелой трудовой лямки. Несомнѣнно, что весь этотъ укладъ суровой, почти аскетической жизни, сложившейся подъ влияніемъ отца, долженъ былъ извѣстнымъ образомъ отразиться на духовномъ обликѣ сына,—закалить его характеръ, выработать въ немъ инициативу, энергію, самостоятельность, стремленіе добиваться лакомыхъ кусковъ на жизненномъ пиру, опираясь только на себя, на свои собственные силы. Но лучшими свойствами своей духовной природы—добротой, неподкупной честностью, правдивостью, сердечнымъ, участливымъ отношеніемъ къ людямъ,—онъ все же исключительно обязанъ только матери, влияніе которой на него, по собственному его признанію, было безгранично. И дѣйствительно, эта замѣчательная русская женщина, отличавшаяся рѣдкой физической красотой, возвышенно настроеннымъ умомъ и выдающимися нравственными качествами, сумѣла такъ прочно заложить въ душу сына первыя сѣмена добра, что они уже никогда не могли заглухнуть.

Первоначальное образованіе А. А. Флёровъ получилъ въ тверской духовной семинаріи, пробывъ предварительно въ духовномъ училищѣ при той же семинаріи съ 1865 г. по 1871 г. Обнесенная высокой оградой, наподобіе тюрьмы, семинарія еще носила въ то время яркіе слѣды дореформенной бурсы, хотя уже чувствовались новыя вѣянія и близость перелома: порка практиковалась все рѣже и рѣже, и пушокъ свѣжихъ розогъ, который былъ всегда наготовѣ у сторожа, имѣлъ скорѣе лишь символическое значеніе. Весь учебный строй семинаріи былъ архаическій, старомодный. Преподаваніе основывалось на бессмысленной зубрежкѣ, на обязательномъ заучиваніи урока «отъ сихъ и до сихъ». Учителя абсо-

лютно ничего не дѣлали. Войдя въ классъ, каждый изъ нихъ считалъ своей священной обязанностью переспросить всѣхъ учениковъ и всѣмъ выставить въ классномъ журналѣ баллы. Ни о чемъ другомъ эти почтенные «педагоги» не заботились, вѣрные де-визу: «отзвонилъ—и съ колокольни долой».

Многимъ до сихъ поръ еще памятенъ анекдотическій Капитонъ Васильевичъ,—фамиліи его, кажется, никто не зналъ,—который, будучи преподавателемъ ариѳметики, никогда не могъ рѣшить ни одной задачи и путался въ четырехъ ариѳметическихъ дѣйствіяхъ, какъ въ лабиринтѣ. Красноносый и почти всегда пьяный, Капитонъ Васильевичъ питалъ какое-то особое, почти благоговѣйное чувство къ классному журналу. Какъ святыню, несъ онъ его въ рукахъ, бережно опускалъ на столъ и прежде, чѣмъ развернуть его, потихоньку творилъ крестное знаменіе. Когда же онъ вписывалъ въ него баллы, наморщивъ лобъ и медленно, съ любовью выводилъ каждую цифру, то казалось, что онъ священнодѣйствуетъ. И,—о ужасъ!—однажды онъ закапалъ журналъ чернилами... Нужно было видѣть, что случилось съ бѣднымъ Капитономъ Васильевичемъ! Онъ поблѣднѣлъ, схватился за голову обѣими руками и заплакалъ... Окончилъ свою жизнь этотъ удивительный педагогъ трагикомически. Какъ-то разъ, будучи сильно пьянъ, онъ поспорилъ съ однимъ изъ сослуживцевъ, что можетъ перейти Волну въ бродъ,—пошелъ и утонулъ.

Таково было учебное заведеніе, въ стѣнахъ котораго А. А. Флѣровъ проводилъ свои отроческіе и отчасти юношескіе годы, гдѣ безгранично царилъ схоластика, гдѣ свистѣла еще розга и раздавались затрещины, гдѣ учителя, подобные Капитону Васильевичу, калѣчили юныя души и убивали всякую охоту къ ученію, гдѣ вся учебно-воспитательная система исчерпывалась одними лишь классными и кондуитными журналами. Лучшіе ученики семинаріи, въ томъ числѣ и А. А. Флѣровъ, сознавая, какая опасность грозила имъ отъ этой пагубной системы, стали соединяться въ кружки, преслѣдовавшіе задачи самообразованія. Товарищи протягивали другъ другу руку помощи, стараясь общими силами пополнить свои скудныя познанія по всѣмъ научнымъ предметамъ и особенно по математикѣ, которая,—увы!—даже и въ старшихъ классахъ «преподавалась» все тѣмъ же Капитономъ Васильевичемъ. Любопытно, однако, что послѣдній, являясь живымъ примѣромъ того, какъ не слѣдуетъ преподавать и вообще относиться къ наукѣ, невольно увлекалъ наиболѣе способныхъ учениковъ въ обратную сторону: они заинтересовывались предметомъ и, какъ бы по чувству самосохраненія, начинали имъ усердно заниматься. Такимъ путемъ, на примѣръ, изъ А. А. Флѣрова, быть можетъ, даже нѣсколько неожиданно для него самого, выработался хорошій математикъ. Во всякомъ случаѣ, когда, по окончаніи

семинариі, онъ пріѣхалъ въ Петроградъ держать экзамень въ университетъ, который и выдержалъ весьма успѣшно, то желаніе его быть принятымъ въ число студентовъ физико-математическаго факультета было удовлетворено безъ малѣйшаго затрудненія. И вотъ передъ нимъ открылась новая жизнь. Получивъ изъ дому всего нѣсколько рублей и строгій отцовскій наказъ трудомъ пробивать себѣ дорогу, восемнадцатилѣтній юноша сразу очутился лицомъ къ лицу съ вопіющей матеріальной нуждой. Поселился онъ гдѣ-то на Васильевскомъ Островѣ, въ крошечной мансардѣ съ однимъ окошкомъ и низенькимъ потолокомъ, вдвоемъ съ товарищемъ, такимъ же бѣднякомъ, какъ онъ, питался впроголодь и, чтобъ добыть себѣ самыя необходимыя средства къ существованію, долженъ былъ бѣгать по грошовымъ урокамъ перѣдко изъ одного конца города прямо въ противоположный. Но денегъ все-таки недоставало, такъ какъ вѣдь нужно было еще вносить плату за ученіе, покупать лекціи и учебники, одѣваться и т. д. Юный студентъ не падалъ духомъ, не отчаивался и придумалъ себѣ новый заработокъ: обладая недурнымъ голосомъ, онъ устроился пѣвчимъ въ Георгіевской общинѣ и въ домовой церкви княгини Бѣлосельской-Бѣлозерской, гдѣ частенько можно было его видѣть на клиросѣ въ пѣвческомъ кунтушѣ съ разбѣнными рукавами. Такимъ образомъ, уже въ студенческой періодъ своей жизни Анатолий Александровичъ закалилъ себя въ трудѣ, работая, буквально, весь день безъ отдыха. Онъ стоически отказывалъ себѣ въ какихъ бы то ни было развлеченіяхъ и, если у него случайно накапливалось два-три лишнихъ рубля, онъ немедленно покупалъ на нихъ научную книгу, чаще всего по физикѣ или химіи, за которой и просиживалъ потомъ свободные часы. Университетъ онъ посѣщалъ аккуратнѣйшимъ образомъ, не позволяя себѣ пропускать ни одной лекціи. Въ то время на физико-математическомъ факультетѣ блистали еще такія свѣтила науки, какъ знаменитый химикъ Менделѣевъ, извѣстный своими цѣнными научными трудами по физикѣ Петрушевскій, астрономъ Савичъ, чистый математикъ Чебышевъ и другіе. Даже среди лаборантовъ встрѣчались имена, получившія потомъ весьма громкую извѣстность, какъ, напримеръ, Боргманъ (впослѣдствіи ректоръ петроградскаго университета), Егоровъ (нынѣ управляющій палатой мѣръ и вѣсовъ), Поссе (членъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія) и профессоръ Хвольсонъ. Между профессорами и студентами существовали тогда самыя близкія, тѣсныя, почти товарищескія отношенія, благодаря чему студенты, посѣщая университетъ, чувствовали себя въ немъ не учениками, а свободными слушателями. На профессоровъ они смотрѣли, какъ на друзей, къ которымъ во всякую минуту готовы были итти съ открытымъ сердцемъ. А тѣ, вмѣсто обычныхъ лекцій, спѣшили иногда дѣлиться съ ними въ

живой бесѣдѣ самыми послѣдними общественными или научными новостями. Однажды, напримѣръ,—это было въ 1876 году,—показывается въ аудиторіи Петрушевскій и взволнованнымъ голосомъ сообщаетъ сенсаціонное извѣстіе: «Белль изобрѣлъ телефонъ!» У профессора радостный, ликующій видъ, глаза сіяютъ восторгомъ. Его настроеніе передается слушателямъ: они возбуждены, окружаютъ профессора тѣснымъ кольцомъ и наперерывъ забрасываютъ его вопросами, касающимися великаго изобрѣтенія. Въ результатѣ Петрушевскій читаетъ имъ импровизированную лекцію о телефонѣ Белля.

Счастливое время студенчества! Какъ ни было оно во многихъ отношеніяхъ тяжело для А. А. Флѣрова, однако нѣтъ никакого сомнѣнія, что именно съ этою полосою жизни связаны лучшія воспоминанія его юности.

Но промчались университетскіе годы, и вотъ онъ уже на государственной службѣ, двадцатидвухлѣтній педагогъ, учитель мужской гимназіи въ гор. Рязани, куда неожиданно забросила его судьба. Мы всё хорошо знаемъ, что представляла собою гимназія того времени. Это было чисто бюрократическое учрежденіе, гдѣ царилъ бездушный толстовскій режимъ и гдѣ классическая система воспитанія олицетворялась тупоголовыми нѣмцами и чехами. Учениковъ муштровали, душили латинскими и греческими экстенпораціями, подвергали нелѣпымъ, часто унижительнымъ наказаніямъ, старались обезличить ихъ, уничтожить всякое проявленіе съ ихъ стороны самостоятельности или даже просто человѣческаго достоинства. Директоръ гимназіи обыкновенно держалъ себя олимпійцемъ, нагоняя страхъ не только на учениковъ, но и на преподавателей, при встрѣчѣ съ которыми величественно протягивалъ имъ два пальца.

Попавъ въ душливую атмосферу гимназіи толстовско-бюрократическаго образца, А. А. Флѣровъ, однако, не смутился и, не считаясь ни съ какими препятствіями, сразу повелъ свою собственную политику. Вопреки всякимъ правиламъ и традиціямъ, онъ близко сошелся съ учениками, тепло и сердечно относился къ каждому изъ нихъ, бесѣдуя съ ними, какъ старшій братъ или товарищъ, и, освѣдомляясь о ихъ домашней жизни, часто давалъ имъ разныя дружескія наставленія. Гимназисты горячо полюбили симпатичнаго молодого учителя, популярность котораго быстро росла, съ каждымъ годомъ все увеличиваясь, и, какъ это часто бываетъ, начинала уже вызывать подозрительныя, косые взгляды со стороны начальства въ лицѣ тогдашняго директора рязанской гимназіи Сергѣева. Этотъ Сергѣевъ былъ чрезвычайно яркимъ типомъ провинціальнаго чиновника стараго закала. Онъ терпѣть не могъ никакихъ новшествъ, особенно въ сферѣ воспитанія, считая ихъ вреднымъ продуктомъ вольнодумства, строго исполнялъ

А. А. Флеровъ.

букву закона и насквозь былъ пропитанъ бюрократическимъ духомъ; къ тому же онъ приобрѣлъ въ Казани громкую извѣстность, какъ картежникъ и взяточникъ. Само собою разумѣется, что между нимъ и А. А. Флѣровымъ ничего не было общаго. Они рѣзко расходились во взглядахъ и, когда имъ приходилось сталкиваться на служебной или внѣслужебной почвѣ, неизмѣнно ссорились, причемъ Анатолий Александровичъ всегда рѣзалъ ему правду въ

глаза, чуть не называя его публично подлецомъ. Наконецъ, послѣ одного крупнаго конфликта имъ совсѣмъ пришлось порвать отношенія и разстаться. Произошло это въ 1887 году, когда появился знаменитый циркуляръ министра Делянова о такъ называемыхъ «кухаркиныхъ дѣтяхъ», предписывавшій учебному начальству тщательно фильтровать дѣтей, поступающихъ въ гимназіи и прогимназіи, и никоимъ образомъ не допускать въ нихъ бѣдноту. «При неуклонномъ соблюденіи этого правила,—писалъ министръ,—гимназіи и прогимназіи освободятся отъ поступленія въ нихъ дѣтей кучеровъ, лакеевъ, поваровъ, прачекъ, мелкихъ лавочниковъ и тому подобныхъ людей, дѣтей коихъ, за исключеніемъ развѣ одаренныхъ необыкновенными способностями, вовсе не слѣдуетъ выводить изъ среды, къ коей они принадлежатъ». Циркуляръ этотъ произвелъ большую сенсацію въ обществѣ, вызывая повсюду справедливыя нареканія.

Въ печати поднялся невообразимый шумъ: правые органы во главѣ съ «Гражданиномъ» кн. Мещерскаго ликовали, лѣвые—кричали «караулъ». Въ гимназіяхъ повсемѣстно началась дѣлая вакханалія всяческихъ преслѣдованій и притѣсненій, направленныхъ противъ «кухаркиныхъ дѣтей», причемъ директора «сергѣевскаго типа» усердствовали прямо-таки не по разуму, стараясь быть «роялистами болѣе, чѣмъ самъ король». Можно себѣ представить, что дѣлалось въ рязанской гимназіи, гдѣ Сергѣевъ изъ угожденія высшему начальству готовъ былъ «лбомъ землю прошибить». Чтобы получить нужныя ему свѣдѣнія о семейномъ положеніи того или иного ученика, онъ не останавливался ни передъ чѣмъ, не брезгая даже настоящимъ полицейскимъ сыскомъ. На этой почвѣ у него и произошелъ конфликтъ съ А. А. Флѣровымъ, который открыто возмущался его образомъ дѣйствій и однажды на засѣданіи педагогическаго совѣта громко, во всеуслышаніе высказалъ ему свое порицаніе. Сергѣевъ отвѣтилъ ему дерзостью, послѣ чего Анатолій Александровичъ рѣшилъ покинуть службу въ гимназіи, несмотря на то, что въ это время у него была уже большая семья на рукахъ и онъ жертвовалъ, такимъ образомъ, всѣмъ своимъ матеріальнымъ благосостояніемъ. Правда, у него оставались еще уроки въ Маріинской женской гимназіи, но они давали слишкомъ ничтожный заработокъ, на который трудно было бы существовать семейному человѣку. Судьба, однако, благопріятствуетъ ему: вскорѣ онъ получаетъ мѣсто инспектора народныхъ училищъ въ той же Рязанской губерніи, и инцидентъ съ Сергѣевымъ ликвидируется. Рассказываютъ, что, когда Анатолій Александровичъ въ послѣдній разъ пришелъ въ гимназію, чтобы проститься со своими учениками, гимназисты старшихъ классовъ гурьбой выбѣжали за нимъ на улицу и до самой квартиры несли его на рукахъ.

Въ должности инспектора народных училищъ Анатолий Александровичъ пробылъ недолго, всего три года, но дѣятельность его оставила чрезвычайно яркій слѣдъ какъ въ Касимовскомъ и Спасскомъ уѣздахъ, гдѣ онъ служилъ вначалѣ, такъ и въ Рязанскомъ, куда онъ былъ впоследствии перемѣщенъ. Не даромъ въ учительской средѣ трехъ названныхъ уѣздовъ память о немъ жива до сихъ поръ. И не удивительно. Вспомнимъ, какими еще приниженными, забытыми, безправными существами были эти скромные труженики и труженицы народной школы въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Передъ начальствомъ, которое нерѣдко олицетворялось для нихъ въ образѣ становаго или даже урядника, они буквально трепетали, чувствуя свою полную незащитность. Что же касается инспектора, то въ ихъ глазахъ это было уже совсѣмъ «чудище обло, озорно и лаяй». Въ школѣ они стояли передъ нимъ навывтяжку, а когда являлись къ нему на квартиру, то робко жались у него въ передней. При малѣйшемъ инспекторскомъ окрикѣ они готовы были растеряться... И вдругъ они видятъ передъ собой простого смертнаго, добраго и обходительнаго челоуѣка, который ласково разговариваетъ съ ними, внимательно относится къ ихъ просьбамъ, вникаетъ во всѣ подробности ихъ житья-бытья и въ каждомъ изъ нихъ принимаетъ близкое, сердечное участіе. Какую разницу они должны были почувствовать съ прежнимъ режимомъ и какъ легко имъ стало всѣмъ дышать!

На первыхъ же порахъ своей инспекторской дѣятельности Анатолий Александровичъ въ обширныхъ докладахъ, представлявшихъ имъ въ уѣздныя земскія собранія, рисовалъ яркія картины вопіющей школьной нужды и тяжелыхъ матеріальныхъ условій, въ которыхъ приходилось работать народному учителю: холодныя, сырыя, тѣсныя, лишенныя достаточнаго количества воздуха и свѣта помѣщенія, отсутствіе въ школахъ иногда самыхъ необходимыхъ учебныхъ пособій, полная зависимость отъ деревенскихъ дѣльцовъ въ отношеніи содержанія школъ и, въ довершеніе всего, нищенское жалованье, доходившее до девяти рублей сорока копеекъ въ мѣсяцъ для учительскихъ помощниковъ,—вотъ та суровая внѣшняя обстановка, среди которой протекала жизнь сельскаго педагога. Анатолий Александровичъ добился цѣлаго ряда весьма существенныхъ реформъ въ организаціи школьнаго дѣла: улучшено было санитарное состояніе школъ, нищенскіе оклады жалованья были совершенно упразднены, какъ и самый институтъ учительскихъ помощниковъ, школы были оборудованы въ учебно-воспитательномъ отношеніи всѣмъ необходимымъ, и т. д.

Серьезное вниманіе обратилъ Анатолий Александровичъ и на внѣшкольное образованіе. Къ сожалѣнію, его горячая проповѣдь, обращенная къ учителямъ, чтобы они вели, по возможности, вездѣ

чтенія для народа съ туманными картинами, встрѣтила противо-дѣйствіе со стороны духовенства, которое всѣ подобныя культурно-просвѣтительныя начинанія считало почему-то своей прерогативой, хотя и ровно ничего по этой части не дѣлало,—и вотъ въ непосильной борьбѣ ему пришлось сложить оружіе. Тѣмъ не менѣе брошенная имъ въ учительскую среду идея не пропала безслѣдно, и, когда впоследствии сложились болѣе благопріятныя для развитія внѣшкольнаго образованія условія, получила весьма широкое осуществленіе почти повсемѣстно.

Въ 1896 году А. А. Флѣровъ былъ назначенъ на должность директора Александровской учительской семинаріи въ гор. Рязани, и его кратковременное пребываніе здѣсь ознаменовалось такими существенными реформами и улучшениями, что въ жизни этого учебнаго заведенія составило, можно сказать, цѣлую эпоху. Анатолій Александровичъ очистилъ затхлую атмосферу семинаріи и отъ прежняго ея режима буквально не оставилъ камня на камнѣ. При его предмѣстникѣ существовало строгое дѣленіе воспитанниковъ на старшихъ и младшихъ, господствовалъ фаворитизмъ, выдвигались «любимчики». Младшіе по отношенію къ старшимъ находились какъ бы на положеніи прислуги: чистили имъ сапоги, переписывали ноты для хорового пѣнія и т. д., причемъ нерѣдко получали отъ «господъ» въ видѣ особаго вознагражденія щипки и колотушки. Анатолій Александровичъ установилъ полное равенство между воспитанниками. У него не было ни фаворитовъ, ни старшихъ, ни младшихъ. Вся семинарія составляла одну тѣсную, дружную семью, въ которой директоръ являлся нѣжнымъ, заботливымъ отцомъ. Съ каждымъ онъ подробно бесѣдовалъ, разспрашивая его обо всемъ, что касалось его домашней жизни, и вникая во всѣ мельчайшія его особенности, многимъ давалъ дружескіе совѣты, нѣкоторыхъ ласково журилъ или за шалости, или за дурныя поступки. Вліяніе его нравственнаго авторитета на воспитанниковъ было огромно. При немъ, на примѣръ, совершенно прекратилось среди нихъ пьянство, прежде сильно распространенное, это было достигнуто имъ не строгостью, не начальническими выговорами и окриками, а однимъ лишь ласковымъ увѣщаніемъ. Въ короткое время семинарія стала при немъ совершенно неузнаваемой, принявъ благообразный видъ не только съ внутренней, но и съ внѣшней стороны. Воспитанники облеклись въ приличныя ученическія куртки, замѣнившія прежніе безобразныя, невѣроятной длины и ширины казакины изъ толстаго, грубаго сукна, значительно улучшилась пища, раньше до того скудная, что у многихъ дѣлалась такъ называемая «куриная слѣпота» на почвѣ остраго малокровія и полнѣйшаго истощенія организма, и т. д. Словомъ, въ лѣтописи рязанской учительской семинаріи директорство А. А. Флѣрова является одной изъ самыхъ блестящихъ ея страницъ.

Призванный въ 1899 году на постъ окружнаго инспектора московскаго учебнаго округа, занимаемый имъ понынѣ, Анатолий Александровичъ и здѣсь обнаружилъ на первыхъ же порахъ выдающуюся по энергіи дѣятельность. Такъ, по его инициативѣ былъ созванъ и имъ организованъ съѣздъ по вопросамъ народнаго образованія, въ которомъ принимали участіе, кромѣ чиновъ учебнаго вѣдомства, предводители дворянства, предсѣдатели земскихъ управъ и представители духовенства. Всѣ главнѣйшіе вопросы народной школы затронулъ и обсудилъ этотъ съѣздъ, давшій сильный толчокъ развитію начальнаго народнаго образованія въ округѣ, способствовавшій выясненію его нуждъ и правильному пониманію взаимоотношеній различныхъ органовъ, вѣдающихъ столь ответственное, великое дѣло, какъ просвѣщеніе народныхъ массъ. Огромная по своему содержанію и значенію работа съѣзда, который Анатолий Александровичъ буквально вынесъ на своихъ плечахъ, потребовала отъ него не только громаднаго напряженія энергіи и работоспособности, но и исключительнаго такта: въ умѣнни примирять самыя разнообразныя взгляды и теченія, какъ въ общихъ собраніяхъ, такъ и въ отдѣльныхъ комиссіяхъ, распутывать сложный клубокъ нерѣдко противорѣчащихъ другъ другу сужденій, высказываемыхъ однимъ и тѣмъ же лицомъ, ясно и точно формулировать ихъ и ни разу при этомъ не затронуть ни одного «профессіональнаго самолюбія»,—онъ дѣйствительно обнаружилъ большое искусство.

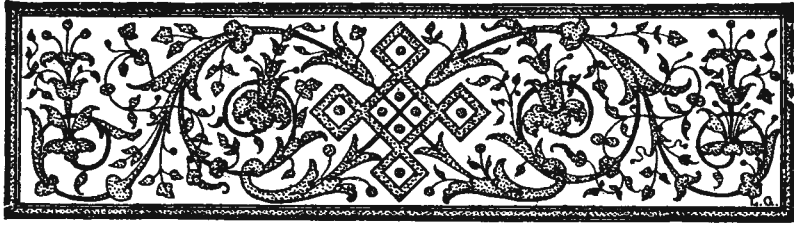
На совѣщаніяхъ въ Петроградѣ, гдѣ въ разное время, по приглашенію министерства, Анатолий Александровичъ принималъ близкое и дѣятельное участіе въ разработкѣ проектовъ положеній о начальныхъ училищахъ, о всеобщемъ обученіи, о женскихъ учительскихъ семинаріяхъ и учительскихъ институтахъ, онъ неизмѣнно обращалъ на себя вниманіе, какъ человѣкъ съ богатѣйшимъ запасомъ педагогическаго опыта, разносторонне образованный, отличающійся смѣлой инициативой, рѣдкимъ трудолюбіемъ, глубокой преданностью дѣлу народнаго образованія и широкимъ пониманіемъ его задачъ.

Кромѣ своихъ непосредственныхъ обязанностей по должности окружнаго инспектора, весьма сложныхъ и требующихъ большой затраты времени и труда, Анатолий Александровичъ несетъ еще обязанности предсѣдателя особаго испытательнаго комитета при управленіи московскаго учебнаго округа, черезъ который проходитъ ежегодно свыше тысячи молодыхъ людей обоаго пола, ищущихъ по экзамену свидѣтельства на различныя учительскія званія, на классный чинъ, на званіе аптекарскихъ учениковъ, а также удостовѣренія въ знаніи курса гимназій и реальныхъ училищъ для поступленія въ высшія учебныя заведенія.

Несмотря на многосложныя обязанности свои по службѣ, Анатолий Александровичъ находитъ еще время издавать и редактировать журналъ «Педагогическій Вѣстникъ», созданный имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ взамѣнъ прекратившихъ свое существованіе официальныхъ «Циркулярныхъ по московскому учебному округу». Благодаря умѣлому руководительству, этотъ симпатичный журналъ давно уже завладѣлъ обширнымъ кругомъ читателей, интересующихся педагогическими вопросами.

Князь Б. А. Щетининъ.

НѢМЦЫ ВЪ САМАРСКИХЪ СТЕПЯХЪ.

Очеркъ.

I.

ВЪ ЮГО-западномъ углу Николаевского уѣзда Самарской губерніи существуетъ цѣлое своего рода нѣмецкое «княжество». Это—нѣмецкія колоніи: Кано, Борегардъ, Екатериненштадтъ, Паульская, Филиппсфельдъ, Эрнестинендорфъ, Боаро, Цугъ, Обермонжъ, Гокебергъ, Брокгаузъ, Сусаненталь, Унтервальденъ, Люцернъ, Цюрихъ, Золотурнъ, Базель, Мюльгаузенъ и другія, носящія также нѣмецкія названія, за исключеніемъ двухъ колоній, Панинской и Орловской, изъ которыхъ первая названа по имени графа Никиты Ивановича Панина, покровительствовавшего нѣмцамъ, а послѣдняя—по имени графа Орлова, извѣстнаго фаворита Екатерины II.

По географической картѣ Николаевского уѣзда, составленной въ 1889 году по картѣ главнаго штаба, дополненной по матеріаламъ статистическаго бюро самарскаго губернскаго земства, колоніи занимаютъ площадь въ 150,000 десятинъ. Кромѣ того, нѣмцы владѣютъ участками земли внѣ колоній, въ южной части уѣзда, пріобрѣтенными въ разное время и составляющими въ общемъ площадь около 100,000 десятинъ.

Исторія колонизаціи нѣмцевъ въ Николаевскомъ уѣздѣ, какъ она представляется по даннымъ самарскаго и саратовскаго архи-

вовъ и преданіямъ мѣстнаго населенія, весьма интересна и поучительна.

Въ 1776 году, послѣ Пугачевского бунта, когда степи значительно опустѣли, императрица Екатерина II, преслѣдуя культурно-колонизаціонныя цѣли, по совѣту графа Никиты Ивановича Панина, разрѣшила нѣмцамъ, выходцамъ изъ Шварцвальда, поселиться въ Николаевскомъ уѣздѣ «на удобныхъ пустопорожныхъ земляхъ», по ихъ выбору, «которыя для нихъ подходящи будутъ». Шварцвальдскіе ходоки, исколесивъ всю степь Николаевского уѣзда, по которой тогда кочевали башкиры и ютились, укрываясь отъ преслѣдованія духовныхъ и свѣтскихъ властей, рѣдкія старобрядческія поселенія, облюбовали юго-западную часть съ дѣвственнымъ слоємъ чернозема въ полтора аршина, съ лѣсами, обезпечивавшими полученіе матеріаловъ для постройки и топлива, и лугами, заливаемыми Волгой. У шварцвальдцевъ, терпѣвшихъ дома крайній недостатокъ въ земельныхъ угодіяхъ и перебивавшихся скудными заработками на металлургическихъ заводахъ, рудникахъ и копяхъ, просто глаза разбѣжались отъ этого необъятнаго простора. Думали они, думали, сколько взять земли, чтобы хватило не только имъ, но и внукамъ, и правнукамъ, и даже слѣдующимъ за ними поколѣніямъ, позондировали петербургскія сферы, да и отхватили всю нынѣшнюю площадь, въ одномъ сплошномъ «холстѣ», растянувшемся верстъ на шестьдесятъ по берегу Волги, и еще попросили дать имъ льготы отъ податей и рекрутчины. Какъ тогда у насъ мало дорожили землей, можно судить по тому, что нѣмцамъ не только безпрекословно отвели всю указанную ими землю, но, по именному высочайшему указу, правительство освободило ихъ и отъ податей, денежныхъ и натуральныхъ повинностей, и отъ рекрутскаго набора срокомъ на сто лѣтъ, предоставивъ имъ, кромѣ того, привилегію пользоваться въ первыя десять лѣтъ поселенія свободной торговлей въ Поволжьѣ и правомъ безошлиннаго пригона изъ-за границы всякаго породистаго племеннаго скота и привоза сѣмянъ и разныхъ предметовъ сельскаго хозяйства, взамѣнъ чего колонистамъ вмѣнялось въ обязанность распространять среди мѣстнаго населенія «для пользы Россійской державы нужныя и наивыгоднѣйшіе способы къ обработкѣ земли и къ размноженію породистаго скота полезныя».

Получивъ разрѣшеніе на переселеніе, нѣмцы въ томъ же году съ семьями и имуществомъ двинулись изъ Шварцвальда въ Россію.

Объ этомъ переселеніи нѣмцевъ въ степи среди крестьянъ Николаевского уѣзда и до сихъ поръ сохранились преданія, рисующія ихъ далеко не въ томъ розовомъ цвѣтѣ, въ какомъ эти «культуртрегеры» въ то время представлялись Екатеринѣ II и ея вельможамъ-германофиламъ.

По преданіямъ, нѣмцы, численностью до двухъ тысячъ душъ, вступили въ самарскія степи глубокой осенью и шли таборами, растянувшись на двѣ версты. За таборами слѣдовали фургоны съ имуществомъ колонистовъ, а за фургонами гнались стада овецъ, коровъ и быковъ, которыхъ, по тогдашнимъ крестьянскимъ хозяйствамъ, державшимъ много коровъ и лошадей, и по числу колонистовъ, было очень мало. Колонисты, съ трубками въ зубахъ, одѣтые не по сезону, въ лѣтнія зеленыя и синія куртки, мягкія шляпы съ перомъ, въ чулки и башмаки съ пряжками, представляли для крестьянъ, никогда не видавшихъ нѣмцевъ, диковинное явленіе, тѣмъ болѣе, что никто изъ нихъ не зналъ, откуда и зачѣмъ нѣмцы идутъ въ степи.

— Смотри!—кричали крестьяне, толпами выбѣгая на дороги.— Каки чудны люди идутъ!

— Трубнокуры!

— Скоблены рыла!

— Нехристи!

— И къ чему это, братцы?—съ недоумѣніемъ спрашивали крестьяне другъ друга.

И рѣшали, что «къ войнѣ, али бо къ гладу и трусу». Попробовали было разспрашивать нѣмцевъ, но ничего не добились, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не зналъ русскаго языка, да и смотрѣли они на мужиковъ очень свирѣпо, отгоняя ихъ отъ таборовъ и угрожая ружьями, которыми были поголовно вооружены всѣ взрослые мужчины; сопровождавшихъ же ихъ чиновниковъ крестьяне не рѣшились разспрашивать. Только уже тогда, когда нѣмцы пришли на мѣста и начали межевать землю, строиться, пахать,—мужики наконецъ поняли, что «нѣмецъ» пришелъ къ нимъ «хресьянствовать».

— Что жъ?—одобрили старики:—пущай ево... Земли много, про всѣхъ хватить...

На первыхъ же порахъ нѣмцы повели себя въ степи, какъ въ завоеванной землѣ. Колоніи окружили высокими земляными валами и окопали глубокими канавами. Вскорѣ начались грабежи. По дорогамъ, проходившимъ въ районѣ нѣмецкихъ колоній, нельзя было ночью ни пройти, ни проѣхать. Нѣмцы выскакивали изъ-за валовъ и нападали на проѣзжихъ и путниковъ, обирая ихъ до нитки. Наконецъ дѣло дошло до того, что, не довольствуясь однимъ грабежомъ, нѣмцы стали захватывать и самихъ крестьянъ, мужчинъ и женщинъ, и, какъ «плѣнниковъ», обращать ихъ на полевыя работы, заставляя ихъ распахать цѣлину, которая у нихъ, по недостатку рабочихъ рукъ, оставалась не вспаханной. Одному изъ этихъ плѣнниковъ, казенному крестьянину Бахметьеву, удалось бѣжать, и онъ пожаловался въ нижній надворный судъ.

«Нѣмцы,—писалъ въ своей жалобѣ Бахметьевъ,—аки тати въ нощи, изловили меня да Алексѣя сына Михайлова по прозвищу Осташева въ полѣ середь бѣла дня и, отведоша насъ къ свои дома, аки псовъ заковали насъ въ ножныя желѣзы и ввергли въ погребъ, гдѣ мы и пребываніе имѣли до слѣдующаго дня и спали на сырой землѣ, безъ воды и безъ хлѣба. А по наступленіи утра вывели насъ въ поле и указали намъ пахать крѣпкую землю». Жалоба Бахметьева заканчивалась просьбой «избавить православныхъ христіанъ отъ надругательства нѣмецкихъ басурмановъ, творящихъ народу великія жестокости и держащихъ беззаконнымъ образомъ въ лютомъ полону многихъ, которые такожь по погребамъ сидятъ и въ желѣзахъ».

Жалобѣ Бахметьева былъ данъ ходъ, и назначенное слѣдствіе открыло въ колоніяхъ ужасную картину нѣмецкаго варварства. Въ погребяхъ были найдены десятки крестьянъ, мужчинъ и женщинъ, закованныхъ въ цѣпи. Женщины, подвергшіяся насилію, и мужчины одинаково, какъ скотъ, употреблялись для вспашки цѣлины, для чего ихъ впрягали въ соху по нѣсколько человѣкъ. Всѣ они были покрыты синяками и ранами отъ побоевъ и паразитами.

Дѣло было доложено императрицѣ. Вскорѣ, по распоряженію изъ Петрограда, земляные валы, окружавшіе нѣмецкія колоніи, были срыты, каналы засыпаны; но какое наказаніе постигло жестокихъ разбойниковъ-колонистовъ,—неизвѣстно.

Послѣ этого разбои прекратились. Колонисты зажили, какъ мирные жители. Построили обширные дома, школы, кирки, развели сады и огороды, запахали всю землю. Словомъ, зажили припѣваючи, безданно-безпошлинно, широко пользуясь предоставленной имъ льготой безошлиннаго ввоза въ Россію предметовъ сельско-хозяйственной промышленности. Вслѣдствіе потачки тогдашнихъ чиновниковъ, раболѣпствовавшихъ предъ нѣмцами, спѣшившихъ «услужить» имъ, какъ покровительствуемой націи, пользующейся фаворомъ при дворѣ, колонисты повезли изъ фатерланда въ Россію и другіе товары, имѣвшіе иногда весьма отдаленное отношеніе къ сельскому хозяйству, и повели выгодный торгъ. Благодаря земельному приволью, колоссальной силѣ, какая была въ тогдашней невыпаханной землѣ, и свободной торговлѣ, колоніи стали быстро богатѣть; многіе изъ колонистовъ, оставивъ за собой земельные участки въ колоніяхъ, записались въ купцы и занялись торговлей въ Екатериненштадтѣ и Саратовѣ. Екатериненштадтъ изъ сельской колоніи, напоминавшей шварцвальдскую деревушку, вскорѣ превратился почти въ городокъ, сталъ центромъ, объединившимъ всѣ нѣмецкія колоніи уѣзда, съ генеральнымъ пасторомъ, большою школой, въ которую были выписаны нѣмецкіе учителя изъ Германіи, съ клубомъ, гдѣ читались

однѣ нѣмецкія газеты, съ массою всевозможныхъ магазиновъ, лавокъ и биргалле. Тутъ шварцвальдцы наконецъ вспомнили о своей щедрой благодарительницѣ, императрицѣ Екатеринѣ II, вызволившей ихъ изъ тисковъ безземелья въ фатерландѣ, и рѣшили поставить ей памятникъ, который долженъ былъ служить украшеніемъ Екатериненштадта. Памятникъ, довольно массивный (онъ обошелся что-то около шестидесяти тысячъ на ассигнаціи), отлили въ Берлинѣ и поставили на лучшей площади въ колоніи.

Нельзя не упомянуть о комическомъ эпизодѣ, имѣвшемъ мѣсто на торжествѣ открытія памятника и характерномъ какъ для тогдашнихъ, такъ еще и для огромнаго большинства теперешнихъ «русскихъ нѣмцевъ», не знающихъ русскаго языка.

Въ день открытія памятника въ Екатериненштадтѣ съѣхались нѣмцы изъ всѣхъ колоній, а также изъ Сарепты и Саратова. Площадь, на которой возвышался массивъ памятника, покрытый полотномъ, была запружена народомъ. Всюду звучала нѣмецкая рѣчь. Когда подняли полотно, нѣмцы закричали: «гохъ!» Присутствовавшій на торжествѣ губернаторъ потребовалъ черезъ исправника, а послѣдній черезъ переводчиковъ, чтобы нѣмцы трижды прокричали по-русски «ура». Нѣмцы отвѣтили, что не знаютъ по-русски. Тогда, чтобы не огорчить начальство, исправникъ, собравъ крестьянъ, ввелъ ихъ въ толпу нѣмцевъ, окружавшихъ памятникъ тѣснымъ кольцомъ, и приказалъ имъ, когда онъ махнетъ платкомъ, кричать «ура». Когда исправникъ махнулъ платкомъ, площадь огласилась громовыми раскатами чисто-русскаго «ура», съ могучимъ, захватывающимъ подъемомъ, отъ котораго дрожатъ сердце и всѣ жилки.

— Ай да молодцы!—замѣтилъ восхищенный губернаторъ.— Какъ хорошо научились владѣть русскимъ языкомъ. Какъ русскіе!

— Да, ваше превосходительство,—согласился находчивый исправникъ.

Послѣ этого эпизода въ русскіхъ селахъ и деревняхъ, граничащихъ съ нѣмецкими колоніями, пошла въ обращеніе поговорка: «А ты, милай, по-нашему бай, а не гохай, какъ нѣмецъ», т.-е. говори такъ, чтобы тебя понимали, потому что поговорка эта употребляется крестьянами въ тѣхъ случаяхъ, когда кто-нибудь говорить, а слушатели не могутъ понять, что онъ хочетъ сказать.

II.

Со времени поселенія шварцвальдскихъ нѣмцевъ въ Николаевскомъ уѣздѣ прошло девяносто лѣтъ.

Въ 1864 году открылись земскія учрежденія, обложившія земскимъ сборомъ и земли нѣмецкихъ колоній, хотя льготный срокъ для нихъ долженъ былъ окончиться еще черезъ 11—12 лѣтъ. Но

земство обложило земли колонистовъ на томъ основаніи, что въ указѣ Екатерины II говорилось, что колонисты освобождаются отъ такихъ-то и такихъ-то денежныхъ и натуральныхъ повинностей, какія существовали въ екатерининскую и ближайшія къ ней эпохи, но не имѣлось никакихъ указаній, что колонисты должны быть освобождены также отъ повинностей и другихъ наименованій, какія могли быть установлены въ послѣдующія, позднѣйшія времена.

Всѣ колонисты, какъ одинъ человекъ, ссылаясь на указъ Екатерины II, будто бы освобождавшій ихъ отъ всѣхъ повинностей на вѣчныя времена, наотрѣзъ отказались отъ уплаты земскихъ сборовъ.

Въ первые годы введенія земскихъ учреждений, когда не окрѣпшее еще земское представительство только что начинало пускать корни среди населенія, подобный протестъ колонистовъ, съ его мотивировкою, представлялся дѣломъ новымъ, и земство, изъ осторожности, впредь до полученія отвѣта на ходатайство колонистовъ, направленное въ Петроградъ, приостановило взысканіе земскаго сбора. Разрѣшеніе ходатайства колонистовъ затянулось на нѣсколько лѣтъ. За это время нѣмцы успѣли накопить огромную недоимку, которую, съ начисленіемъ пени, наконецъ и начали съ нихъ взыскивать. Нѣмцы уперлись, отказываясь отъ уплаты, даже прогнали прибывшихъ въ колоніи для взысканія недоимки чиновъ уѣздной полиціи. Тогда въ колоніи прибыли военныя команды, и только послѣ предупрежденія, что упорствующіе будутъ подвергнуты военной экзекуціи, недоимки наконецъ были плачены.

Вскорѣ былъ обнародованъ уставъ о всеобщей воинской повинности, лишавшій нѣмцевъ льготы, предоставленной имъ указомъ Екатерины II, и въ колоніяхъ въ первый разъ за все время ихъ существованія былъ объявленъ рекрутскій наборъ. Приѣхали чиновники, выяснили лицъ, подлежащихъ призыву, составили призывные списки и обязали старостъ доставить рекрутовъ въ призывной участокъ. Но рекрута не явились въ участокъ: они бѣжали. Большинство изъ нихъ успѣли скрыться за границу; нѣкоторые же были пойманы въ разныхъ нѣмецкихъ колоніяхъ Поволжья, гдѣ ихъ укрывали отъ полиціи, и безъ жеребья отправлены въ войска.

Нѣмцы снова заволновались. Въ Петроградъ посыпались ходатайства колонистовъ объ освобожденіи ихъ отъ отбыванія воинской повинности, въ подкрѣпленіе которыхъ нѣмцы попрежнему продолжали ссылаться на указъ Екатерины II, утверждая, что они освобождены отъ воинской повинности на вѣчныя времена. Само собою разумѣется, эти ходатайства, выражаясь официальнымъ языкомъ, были оставлены «безъ послѣдствій», и самарскимъ

властямъ было указано разъяснить колонистамъ неосновательность ихъ претензій, съ предупрежденіемъ, чтобы на будущее время, подь опасеніемъ строгой отвѣтственности, колонисты не позволяли себѣ беспокоить начальство такими явно нелѣпыми просьбами.

Нѣмцы, получивъ соответствующее разъясненіе, дали подписку, что впредь будутъ подчиняться требованіямъ закона о воинской повинности, и вопросъ считался исчерпаннымъ, какъ вдругъ нѣмцы выкинули новый фортель.

Въ іюль 1876 года во всѣхъ колоніяхъ состоялись многочисленные и необычайно оживленные сходы, предметомъ для обсужденія которыхъ былъ поставленъ вопросъ объ отношеніи колонистовъ къ указу 1776 года. Нужно замѣтить, что въ прежнія времена, до введенія института земскихъ начальниковъ, для созыва сельскихъ сходовъ не требовалось разрѣшенія ни отъ волостного старшины, ни отъ уѣздныхъ властей, и сходы собирались по инициативѣ сельскаго старосты или по требованію наиболѣе видныхъ домохозяевъ общины, причемъ на обсужденіе сходовъ ставились всякіе вопросы, если сходъ соглашался обсуждать ихъ. На сельскихъ или «колоніальныхъ» сходахъ много шумѣли, грозя послать жалобу «на притѣсненія русскихъ»... князю Бисмарку, «железному канцлеру», обаяніе власти котораго, повидимому, доходило и до глухихъ нѣмецкихъ колоній въ самарской степи, но не пришли ни къ какому соглашенію и рѣшили собраться на волостной сходъ въ Екатериненштадтѣ и тамъ обсудить, что нужно сдѣлать, чтобы возстановить льготы, якобы отнятыя у нихъ правительствомъ. Тамъ же ожидалось и прочтеніе копии указа, котораго въ подлинникѣ сами колонисты никогда не читали ¹⁾.

Въ знойный полдень на Екатериненштадтской площади, противъ памятника Екатерины II, собрался сходъ нѣмецкихъ колонистовъ въ нѣсколько тысячъ человекъ, въ которомъ приняли участіе и женщины.

На сходѣ была прочитана копія указа Екатерины II, которую съ величайшимъ трудомъ выправилъ изъ саратовскаго архива Іоганнъ Куперъ, одинъ изъ богатѣйшихъ и вліятельныхъ колонистовъ, и тутъ-то впервые нѣмцы услышали, что льготы были закрѣплены за ними не навѣчно, какъ полагали они и даже отцы и дѣды ихъ, а на сто лѣтъ.

На сходѣ произошло смятеніе, не поддающееся никакому описанію.

Вся злоба нѣмцевъ обрушилась противъ памятника.

¹⁾ Подробности этого «дѣла», хранящагося въ архивѣ самарскаго губернатора, цитирую отчасти по моимъ черновымъ выпискамъ изъ него, сдѣланнымъ при работахъ въ этомъ архивѣ, отчасти же—на память. А. Д.

— Га! насъ обманули!—орали нѣмцы, грозя памятнику кулаками и испуская нѣмецкія и русскія ругательства (послѣднія они хорошо знали).—О, мы покажемъ, какъ насъ обманывать!

— Зачѣмъ мы поставили этотъ памятникъ? О!

— Долой его!

— Въ Волгу!

— Давайте канаты!

Нѣмцы притащили изъ лавокъ буксирные канаты и цѣпи, сдѣлали изъ нихъ петли и, зацѣпивъ монументъ, всей громадой, съ самымъ дѣловитымъ видомъ, какой можетъ изобразить на своей физиономіи только нѣмецъ, потащили его съ пьедестала.

Долго орали и кряхтѣли нѣмцы, безуспѣшно стараясь сдвинуть монументъ съ мѣста...

— Что вы дѣлаете, разбойники!—ругали ихъ русскіе торговцы и крестьяне, сбѣжавшіеся на это диковинное зрѣлище со всего базара.—Да развѣ можно безчестить царскій памятникъ!

— Мы иво немношка поваляй,—кричали разъяренные нѣмцы:—шобъ не обманываль!

О начавшихся беспорядкахъ крестьяне, переправившись за Волгу, въ Саратовъ, немедленно сообщили гражданскимъ властямъ. Изъ Саратова въ Екатериненштадтъ отправили роту солдатъ, которая и разогнала нѣмцевъ, захвативъ «зачинщиковъ» движенія.

Арестованныхъ судили, приговорили къ тюремному заключенію, а затѣмъ, по отбытіи ими срока заключенія, они были высланы въ отдаленныя сѣверныя губерніи.

Такъ кончился этотъ безпримѣрный въ лѣтописяхъ русской культуры «нѣмецкій бунтъ», которымъ шварцвальдцы заплатили за русскую хлѣбъ-соль, за миллионныя земли и всевозможныя льготы, которыми они пользовались около ста лѣтъ.

Посмотримъ, какъ они выполнили возложенную на нихъ высочайшимъ указомъ культурную миссію по отношенію къ мѣстному крестьянскому населенію.

III.

Въ 1902 году, т.е. двадцать шесть лѣтъ спустя послѣ выше-описаннаго событія, мнѣ вмѣстѣ съ отрядомъ земскихъ статистиковъ пришлось посѣтить большинство нѣмецкихъ колоній Николаевского уѣзда и между прочимъ Екатериненштадтъ.

Мы знали чувашскія, татарскія, башкирскія деревни, работали въ нихъ, но что такое представляютъ собою нѣмецкія колоніи,—мы не знали. Поэтому еще во время производства работъ въ сосѣднихъ съ колоніями селеніяхъ мы поспѣшили кое-что узнать о нѣмцахъ. Свѣдѣнія, какія мы получили отъ крестьянъ, были далеко не утѣшительны. Оказывалось, что нѣмцы, во-первыхъ, не только не говорятъ по-русски, но и совершенно не инте-

ресуются русскимъ языкомъ, а, во-вторыхъ, по-нѣмецки они говорятъ такъ, что ихъ съ трудомъ понимаютъ «саратовскіе молодые нѣмцы».

— По-старинному они еще балакаютъ, какъ балакали, когда ихъ здѣсь поселили,—объяснили крестьяне.

— Какъ же вы съ ними объясняетесь?

— А никакъ. Намъ и объясняться-то съ ними не приходится... дѣловъ-то съ ними, почитай, никакихъ не имѣемъ. Вотъ батраки, тѣ балакаютъ съ ними.

— А батраки балакаютъ?

— Да. Которы мужики поживуть у нихъ въ батракахъ, тѣ пичево... балакаютъ по-ихнему—хоть куда.

— А нѣмцы не учатся по-русски?

— Нѣмцы не желаютъ... на што имъ нашъ языкъ? Чай, къ намъ въ батраки не пойдутъ. Не нуждаются они. Вонъ у нихъ сколько земли-то... заблудились въ землѣ.

— А покупаете у нихъ племенной скотъ?

— Не... да у нихъ и не укупишь: дорого. Когда, случается, надо купить шленку, али бо быка,—покупаемъ у жупцовъ. И цѣна у нихъ сходная, и скотъ доброй.

— Ну, а какъ нѣмцы относятся къ вамъ, когда у васъ бываетъ неурожай?

— Это насчетъ помощи? Ну, на этотъ счетъ у нихъ туго... У рѣдкаго изъ нихъ не запасено хлѣба года на два, на три, а поди, попроси, и пудовки не выпросишь... И вотъ, поди жъ ты! Въ нашихъ мѣстахъ въ каждыя десять лѣтъ выпадаютъ три года съ засухой. Обязательно. Разумѣется, и у нѣмцевъ также: ихнія земли и наши—рядомъ... Но у насъ земляшка малая, что на ней посѣешь! Въ кой годъ что-нибудь соберешь, а бываетъ и такъ, что и сѣмянъ не выручишь. А у нихъ земли богато, посѣвы большіе... Съюютъ табакъ, горчицу... Опять же: выгона у нихъ большіе—скота могутъ держать помногу. Хлѣбъ не уродится, такъ табакъ, горчица, скотъ выручать... Одной птицы сколько держать...

— Но все-таки участвуютъ же они въ какихъ-нибудь дѣлахъ сообща съ вами? Напримѣръ, въ сеудо-сберегательныхъ товариществахъ?

— Ни въ какихъ.

Съ такими предварительными свѣдѣніями мы прибыли въ нѣмецкія колоніи. На насъ было возложено порученіе выяснить грузонапряженность грунтовыхъ дорогъ въ уѣздѣ, для чего требовалось, при посредствѣ подворнаго опроса домохозяевъ, выяснить натуральный (зерновой) бюджетъ cadaго отдѣльнаго хозяйства, т.-е. учесть размѣръ потребленія продуктовъ, размѣры ввоза и вывоза и проч. Такъ какъ среди крестьянъ невозможно найти такихъ идеальныхъ хозяевъ, которые могли бы дать интересующія

насъ свѣдѣнія въ готовомъ видѣ, то приходилось собирать сырые матеріалы, которые впослѣдствіи, по обработкѣ ихъ, должны были дать намъ эти свѣдѣнія въ точныхъ цифрахъ, т.-е. мы должны были записывать показанія крестьянъ: сколько въ данномъ хозяйствѣ ѣдоковъ, сколько высѣвается сѣмянъ, сколько намолачивается хлѣба, продается, прикупается и гдѣ именно и т. д.; при учетѣ продуктовъ для скота мы узнавали: сколько въ данномъ хозяйствѣ и какого именно скота, сколько собрали корму, сколько израсходовали, прикупили и проч. Когда такіе матеріалы собираешь въ русскихъ селахъ и деревняхъ, на купеческихъ и помѣщичьихъ хуторахъ, то дѣло идетъ, какъ по маслу; на всякій вопросъ, умѣло поставленный, можно получить болѣе или менѣе удовлетворительный отвѣтъ. Но получить эти свѣдѣнія отъ нѣмцевъ было чрезвычайно затруднительно.

Самое величайшее затрудненіе, какое намъ пришлось здѣсь встрѣтить, это—полное незнаніе колонистами русскаго языка, а затѣмъ колонисты говорили не на берлинскомъ нарѣчій, а на старомъ шварцвальдскомъ, которое могъ бы понять лишь опытный лингвистъ, а не мы, грѣшныя, безбожно путавшія сопряженія глаголовъ, склоненія и роды существительныхъ, что станетъ вполне понятнымъ, если принять во вниманіе, что большинство изъ насъ училось въ восьмидесятыхъ годахъ, когда нѣмецкій языкъ у насъ преподавали изъ рукъ вонъ плохо, такъ что если мы и знали его, то чисто-теоретически, переводили съ грѣхомъ пополамъ, съ помощью лексиконовъ, никогда практически имъ не пользовались и вскорѣ по окончаніи курса забывали его вовсе. Попробовали было объясняться съ колонистами, но ничего не вышло: мы ихъ понимаемъ изъ пятого въ десятое, да и они насъ не больше того... Стали искать переводчика. На наше счастье таковой нашелся. Это былъ шупцманъ (сотскій) колоніи Боаро, долговязый, какъ жердь, пожилой нѣмецъ, съ характернымъ «зибелевскимъ» носомъ. Колонія предоставила его въ наше распоряженіе, какъ переводчика, выговоривъ съ насъ вознагражденіе за его труды по два рубля въ день. Помню, завѣдывавшій нашими работами инженеръ С—въ, прекрасно владѣвшій нѣмецкимъ языкомъ, скрѣпя сердце, согласился на это условіе, бывшее по карману не насъ, конечно, а земство.

И вотъ началась длительная, докучная работа. Къ намъ приходили благообразные нѣмцы, домохозяева колоніи, съ трубками или сигарами въ зубахъ, чинно усаживались по мѣстамъ, какъ будто находились въ киркѣ, а не на «въѣзжей», гдѣ обыкновенно останавливаются чиновники и земскіе служащіе, и начинали медленно и неохотно давать показанія, предварительно совѣщаясь съ переводчикомъ на непонятномъ намъ шварцвальдскомъ нарѣчій.

Протекли, кажется, двѣ недѣли работы. Спрашиваемъ шупцмана:

— Неужели колонисты совсѣмъ не понимаютъ берлинскаго нарѣчія?

Шуцманъ, опустивъ зибелевскій носъ долу, смущенно отвѣтилъ:

— Нѣтъ, васъ понимаютъ... всѣ понимаютъ, но, видите ли, не знаютъ, что показывать...

— Какъ не знаютъ? Вѣдь мы же совершенно ясно ставимъ наши вопросы. И, наконецъ, тѣ вопросы, какіе мы ставимъ вамъ, какъ предусмотрѣнные общей поуѣздной программой, мы предлагаемъ и крестьянамъ, и частнымъ владѣльцамъ.

— Опасаются, какъ бы не паложили новыхъ податей...

— Но наши вопросы не имѣютъ въ виду увеличенія или введенія новыхъ налоговъ. Мы говорили объ этомъ.

— Общество рѣшило, что одному удобнѣе давать отвѣты, чѣмъ всѣмъ. Если всѣ будутъ показывать, то могутъ напутать, а когда одинъ, — то этого не можетъ случиться.

Мы такъ и не поняли значенія его словъ, и только значительно позже, когда работа въ колоніяхъ была уже окончена и результаты нашихъ изысканій начали въ Самарѣ сводить въ статистическія таблицы, мы убѣдились, что нѣмцы жестоко надули насъ, скрывъ дѣйствительное число ѣдоковъ, количество головъ скота, размѣры вывоза, ввоза и пр. Правда, подобныя вещи случались и въ русскихъ селеніяхъ; но тамъ наблюдались единичные случаи, когда какой-нибудь крестьянинъ, опасаясь увеличенія налоговъ, умышленно показывалъ меньшее число скота или понижалъ урожай, но въ колоніяхъ искаженіе свѣдѣній было массовое, подготовленное сообща всѣми домохозяевами.

Вообще враждебное отношеніе нѣмцевъ къ статистикамъ выразилось въ цѣломъ рядѣ случаевъ.

Одинъ изъ товарищей, К., молодой человекъ, ех-студентъ харьковскаго ветеринарнаго института, получивъ для своихъ работъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ отдѣльный районъ, прямо изъ сосѣдняго русскаго села проѣхалъ на хуторъ нѣмецкаго колониста, стоявшій въ степи особнякомъ, верстахъ въ 20-ти отъ другихъ поселеній.

Такъ какъ частные землевладѣльцы (купцы и помѣщики), къ которымъ причисляются и колонисты, были обязаны доставлять статистиковъ отъ одного хутора до другого на своихъ лошадяхъ, то К., подѣхавъ къ хутору, разсчиталъ и отпустилъ ямщика, спѣшившаго домой.

Обыкновенно, когда мы пріѣзжали на хутора, хозяева встрѣчали насъ на крыльцѣ, какъ дорогихъ гостей, съ тѣмъ радушіемъ, которое составляетъ традиціонную черту степняка. Но на крыльцо никто не вышелъ; дворъ былъ пустъ; только собака бѣшено лаяла и прыгала на цѣпи, сисясь сорваться и загрызть гостя. К. съ портфелемъ и маленькимъ чемоданчикомъ, направился къ дому, изъ ко-

торого черезъ отворенныя полутемныя сѣннички долетали на дворъ громкіе голоса. Отворивъ наудачу первую попавшуюся дверь, статистикъ очутился въ комнатѣ, среди цѣлой компаніи пьяныхъ нѣмцевъ, кругомъ облѣпившихъ столъ, на которомъ стояла четвертая бутылъ съ водкой, на половину опорожненная.

Изъ-за стола навстрѣчу К. поднялся нѣмецъ, здоровый верзила съ густой шапкой рыжихъ волосъ на головѣ, съ посоловѣлыми глазами, налитыми алкоголемъ.

— Вы хозяинъ?—спросилъ К.

— Та, я—хозяинъ... Карля Карличъ,—отвѣтилъ нѣмецъ коснѣющимъ языкомъ, слегка пошатываясь.—Ти кто такой?

К. назвалъ себя и сообщилъ о цѣли своего пріѣзда.

— Никакой свѣдня!—грубо отказалъ нѣмецъ, насмѣшливо улыбаясь.—Сатись, пей.

Нѣмецъ взялъ четверть, налилъ чайный стаканъ водки и, подавая статистику, грозно потребовалъ:

— Пей!

Напрасно К. увѣрялъ его, что онъ не пьетъ водки; что онъ пріѣхалъ къ нему по служебному дѣлу,—причемъ предъявилъ ему удостовѣреніе о личности и открытый листъ земской управы на получение лошадей на сельскихъ и земскихъ станціяхъ и хуторахъ,—нѣмецъ былъ непреклоненъ.

— Пей!—съ раздраженіемъ кричалъ онъ, все болѣе и болѣе повышая голосъ и стуча по столу мохнатымъ кулакомъ, обросшимъ волосами.—Какой управа? Я самъ стѣсь управа!

Остальная компанія поддерживала хозяина дружнымъ смѣхомъ.

— Пей!—настойчиво требовалъ нѣмецъ.—Сатись и пей. А то я спускай на тебя сопака!

— Представьте мое положеніе,—разсказывалъ намъ К.:—что мнѣ было дѣлать? Лошадей я отпустилъ. Кругомъ степь и—никого больше, кромѣ этихъ пяти пьяныхъ нѣмецкихъ скотовъ. Затравятъ собаками и—концы въ воду. Сѣлъ, съ отвращеніемъ выпилъ полстакана и сейчасъ же потребовалъ, чтобы меня доставили въ сосѣднее село.

— Послѣ!—крикнулъ нѣмецъ.—Ужо поѣдетъ!

Пришлось сидѣть съ этими нахалами и ждать, когда имъ будетъ угодно свернуть мнѣ шею... Ужъ поздно вечеромъ вся компанія начала собираться въ сосѣднее село, отстоявшее отъ хутора верстахъ въ 30-ти и—въ противоположномъ направленіи отъ мѣста, куда мнѣ нужно было ѣхать. Меня пригласили ѣхать вмѣстѣ. Хотя мнѣ было и не по пути, но я былъ радъ ѣхать куда угодно, только бы избавиться отъ этого пьянаго деспотизма.

Нѣмцы заложили въ русскую телѣгу тройку лошадей. Въ корню шель вороной, горячій, но объѣзженный конь; въ пристяжки же

впрягли двухъ полудикихъ, «косяшныхъ» лошадей, недавно приведенныхъ съ Урала, гдѣ эти дикари и зиму, и лѣто бродятъ табунами на подножномъ корму, свирѣпо отбиваясь отъ всякаго покушенія людей на ихъ свободу и забывая на смерть стаи нападающихъ на нихъ волковъ. Обѣ пристяжки еще не были кованы и обѣзжены, и для того, чтобы онѣ не слишкомъ зарывались въ бѣгу, не разнесли вдребезги экипажа, у каждой изъ нихъ одна передняя нога, при помощи кузнечнаго станка, была согнута въ колѣнѣ и подвязана ремнемъ, такъ что пристяжки должны были скакать на трехъ ногахъ.

Мы выѣхали поздно, когда на небѣ уже зажглись звѣзды. Всѣ пятеро нѣмцевъ навалились на телѣгу—какъ попало. Я примостился въ задкѣ, приготовившись, на всякій случай, выпрыгнуть на дорогу.

Возницей сѣлъ коренастый нѣмецъ, братъ хозяина. Онъ былъ сильно пьянъ, но говорилъ—не въ примѣръ своимъ товарищамъ—мало и только сопѣлъ, какъ запаленная лошадь.

— Гансъ! Карль! — кричалъ онъ по-нѣмецки.—Держитесь крѣпче!—И потомъ ужъ по-русски по моему адресу прибавилъ:—Смотриай, шапка держи!

Работникъ-нѣмецъ распахнулъ ворота настежь, и тройка вихремъ вылетѣла въ степь. Невозможно себѣ представить, что это была за ѣзда. Нѣмцы во всю глотку орали пѣсни. Пристяжки на трехъ ногахъ, гремя бубенчиками, мчались, какъ бѣшенныя, и скоро вспарили и замотали сильнаго коренника. Наконецъ возница потерялъ дорогу, и телѣга поскакала прямо степью. Мы долго неслись по пашнямъ, рытвинамъ и канавамъ, рискуя свернуть себѣ шею, какъ вдругъ—трахъ!—одинъ нѣмецъ вылетѣлъ и мягко шлепнулся въ пашню.

— Карля!—кричалъ онъ намъ вслѣдъ.—О, мейнъ готъ!

Но телѣга мчалась безъ остановки, безъ удержа.

— Тайтеть!—беззаботно махнулъ рукой одинъ изъ нѣмцевъ, когда я попробовалъ обратить его вниманіе на паденіе товарища.

Бѣшенная скачка продолжалась съ удвоенной силой. Нѣмцы ѣхали безъ шапокъ, которыя у нихъ посрывалъ вѣтеръ. На одной канавѣ насъ такъ трянуло, что вылетѣли мой портфель и чемоданчикъ. Не доѣзжая версты до села, я выскочилъ на ходу и отдѣлался легкими ушибами.

Добравшись до села и разыскавъ старосту, я рассказалъ ему, что случилось со мной на хуторѣ.

— И это вы еще дешево отдѣлались,—сказалъ староста, выслушавъ мой рассказъ.—Это такіе негодяи, у которыхъ нѣтъ ничего святого. Постоянно травятъ собаками нищихъ, прохожихъ... Лѣтось высѣкли урядника, пріѣхавшаго къ нимъ получать недоимку. Дѣло это они замаяли, заплативъ уряднику пять Катъ... да лошадь дали... Это—звѣри, а не люди.

— Зачѣмъ они къ вамъ пріѣхали?

— Зачѣмъ, какъ не за пьянствомъ да не за озорствомъ. Вотъ пріѣхали,—навѣрно, сидятъ у черничекъ,—нажрутся водки, наберутъ дѣвокъ и будутъ кантовать всю ночь, до зари... Больше къ намъ они низачѣмъ не ѣздятъ.

— И вы позволяете?

— Милый баринъ! И радъ бы не позволить, да нужда не велитъ. Рендатели мы ихніе... Выгонъ рендуемъ, покосы рендуемъ... Ихняя земля къ намъ подошла, клиномъ врѣзалась... А больше, акромья ихъ, рендовать не у кого. Вотъ и поди ты! Хочешь не хочешь, милъ али не милъ, а привѣчай собаку.

Этотъ рассказъ К. о его злоключеніяхъ у нѣмцевъ, кажется, лучше всего рисуетъ нравы «культуртрегеровъ», на которыхъ около полутораста лѣтъ назадъ Екатерина II и германофилы возлагали столько надеждъ.

IV.

Изъ бесѣдъ съ крестьянами предъ нами все больше и больше раскрывалась истинная подоплека нѣмецкихъ вождельній, своеобразная политика Михеля, осѣвшаго въ самарскихъ степяхъ, какъ у себя дома.

Между прочимъ, крестьяне указали на преступное отношеніе нѣмцевъ-колонистовъ къ отбыванію воинской повинности.

— Рѣдкій изъ нихъ служитъ въ русской арміи,—съ негодованіемъ говорили крестьяне.—А землей пользуются въ десять разъ больше нашего...

Какъ это дѣлается?

Подростки 16—17 лѣтъ, которымъ по семейному положенію нельзя рассчитывать на льготы, незамѣтно исчезаютъ изъ колоній, Черезъ нѣкоторое время ихъ родители подаютъ въ полицію заявленіе, въ которомъ указываютъ, что такіе-то, Гансъ или Фридрихъ, «отлучились изъ дому неизвѣстно куда и гдѣ находятся—неизвѣстно», а посему и т. д.—прѣсятъ «произвести надлежащіе розыски отлучившихся», причемъ описываются ихъ примѣты. И вотъ въ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» и «Правительственномъ Вѣстникѣ»,—которыхъ, кстати сказать, никто не читаетъ, кромѣ полицейскихъ агентовъ,—появляются составленные по извѣстной формулѣ публикаціи о розыскѣ лицъ, находящихся «въ безвѣстной отлучкѣ». По истеченіи установленнаго срока лицо, находящееся въ безвѣстной отлучкѣ, исключается изъ волостныхъ посемейныхъ списковъ и считается какъ «безъ вѣсти пропавшее». Простая формальность, не болѣе, которая никого не трогаетъ и не волнуетъ. Никто даже не задается вопросомъ: куда могъ дѣваться «безъ вѣсти пропавшій» нѣмецъ? А между тѣмъ «безъ вѣсти пропавшій» въ это время преспокойно поживаетъ себѣ за границей. Работаетъ на ка-

рой-нибудь фермѣ, служить въ кельнерахъ въ третьеклассныхъ ресторанахъ, биргалле, торгуешь и т. п., а когда наступаетъ для него срокъ призыва къ отбыванію воинской повинности, вступаетъ, какъ германскій подданный, но подъ другой фамиліей, въ ряды германской арміи или зачисляется во флотъ. Тутъ онъ проходитъ всю муштру прусской казармы, «обоими ушами» слушаетъ наставленія лейтенанта, какъ надо ненавидѣть «этихъ варваровъ русскихъ, не дающихъ никому житья на свѣтѣ», и какъ надо ихъ бить, когда наступитъ война,—и, если оказываетъ успѣхи, то увольняется въ запасъ съ унтеръ-офицерскими галунами и возвращается въ Россію, въ степныя колоніи, въ свою семью, которая и устраиваетъ его у себя, какъ пріемыша или дальняго родственника. Въ крайнемъ случаѣ—Россія велика: вездѣ можно устроиться...

Такихъ «безвѣстно пропадавшихъ» молодыхъ нѣмцевъ, успѣвшихъ отбыть въ Германіи воинскую повинность и затѣмъ вернуться въ «землю варваровъ», въ колоніяхъ—масса.

— Вы не повѣрите,—говорили намъ крестьяне:—по пяти сыновъ у другихъ и—всѣ дома. Прямо живутъ на бѣлой землѣ, изъ-за чего имъ ужъ такая и честь...

— Чего же на нихъ смотрите?

— Да кто же будетъ за ними смотрѣть? Некому. Живутъ въ особнѣ. Старшина у нихъ свой, писарь свой... Да вѣдь они—все по закону. Они законы знаютъ. Объявка была подана, ну, и значить—ихъ нѣтъ. А приходятъ—другіе. Тоже—трудно прицѣпиться...

— Но вы же знаете ихъ?

— Узнай ихъ! Уйдутъ мальчишками, а придутъ мужиками, рукой не достанешь. Кое-кого наши признаютъ, да вѣдь надо доказать...

Мы видѣли мелькомъ этихъ «безвѣстныхъ» нѣмцевъ, возродившихся въ прусскихъ рядовыхъ и унтеръ-офицерахъ. Сразу бросались въ глаза ихъ военная выправка, манеры, усвоенныя изъ жизни въ прусской казармѣ, въ большихъ городахъ. У нихъ рѣзкій, отрывистый голосъ. Читаютъ берлинскія газеты, курятъ вонючія сигары домашняго издѣлія, приготовленныя изъ табаку мѣстной культуры, громко называемаго «нѣмцемъ»—въ отличіе отъ русской махорки. Въ киркѣ и на сходѣ они занимаютъ первое мѣсто. Пасторъ къ нимъ особенно благоволитъ, а фрейлейнъ считаютъ ихъ лучшими женихами. Съ крестьянами, изъ которыхъ многіе, какъ, напримѣръ, арендаторы, находятся у нихъ въ кабальной зависимости и часто отрабатываютъ арендную плату натурой на нѣмецкихъ поляхъ, они чрезвычайно грубы, какъ можетъ быть грубъ только прусскій солдатъ, а иногда и жестоки, какъ истые тевтоны.

При насъ былъ такой случай.

Группа крестьянъ арендовала у нѣмцевъ землю подъ яръ на одинъ посѣвъ, по 30 рублей за десятину хозяйственной мѣры (40×

100). По контракту, арендаторы были обязаны уплатить нѣмцамъ половину арендной платы зимой, на масляной недѣлѣ, а другую половину—предъ возкой сноповъ съ поля. Зимній срокъ арендаторы оправдали спо́лна, но остальную половину внести не могли: на крестьянской землѣ хлѣбъ не уродился и нечего было продать, чтобы выкупить снопы у нѣмцевъ. Арендаторы пошли къ нѣмцамъ, поклонились:

— Отпустите снопы, Христа ради. Обмолотимъ, свеземъ хлѣбецъ на базаръ,—разсчитаемся честь-честью.

Куда тамъ: и слушать не хотятъ.

— Да крестьян-то на васъ есть или нѣтъ?—спрашиваютъ крестьяне.—Вѣдь дожди пошли.. сгниеть зерно-то,—что мы будемъ зиму-то жевать?

Смѣются нѣмцы.

— Подавай деньги, бери хлѣбъ.

— Что дѣлать?—разсказывалъ одинъ изъ арендаторовъ.— Собрались мужики да ночью и нагрянули... за снопами-то. Тихо подѣхали, колеса кошмой обмотали... нигдѣ не звякнетъ... Оставили одрецы (длинныя телѣги для возки сноповъ) на межничкѣ, а сами—къ снопамъ. Шагнули на наши полосы, какъ вдругъ, слышимъ, одинъ кричитъ благимъ матомъ: «Ай!» за нимъ другой... да пятеро въ волчьи капканы и влопались. У всѣхъ ноги поломало... шибко. А нѣмцы, видимъ, къ одрецамъ бѣгутъ, гужи рубятъ... Обрубили гужи, увели лошадей, а мы побрели къ дому... съ пятерыми калѣчками...

Крестьяне судились, и владѣльцы капкановъ понесли должное наказаніе. Характерно, что одинъ изъ нихъ, германскій унтеръ-офицеръ, на замѣчаніе судьи, что «русскіе крестьяне—не волки, чтобы можно было позволять себѣ ставить на нихъ капканы», отвѣтилъ:

— Мы не считаемъ ихъ за людей.

Таковы адепты нѣмецкой «культуры».

А. Дунинъ.

ПАМЯТИ МАРИИ ГАВРИЛОВНЫ САВИНОЙ.

ЖАСНАЯ вѣсть о кончинѣ Маріи Гавріиловны Савиной дошла до меня только 10-го сентября. На похороны я, конечно, поспѣть не могла. Въ имѣніи, гдѣ я была въ это время, газеты приходятъ съ опозданіемъ.

Не могу описать того страшнаго горя, которое охватило меня при этомъ извѣстіи... Я прямо онѣмѣла, а слезы неудержно текли изъ глазъ.

Не хотѣлось вѣрить, что дорогой М. Г. нѣтъ больше съ нами, что этотъ ангель-хранитель, что эта печальница всѣхъ обездоленныхъ ушла отъ насъ въ лучшій міръ.

При ея жизни и мысль не западала, что мы можемъ остаться безъ нея, что она уйдетъ отъ насъ... Видно, такъ Богу угодно!

Не могу удержаться, чтобы не подѣлиться на первыхъ же порахъ моими отрывочными воспоминаніями.

О М. Г., какъ о великой міровой актрисѣ и какъ о выдающемся общественномъ дѣятелѣ, много писалось и еще больше будетъ написано. Мнѣ бы хотѣлось передать здѣсь нѣкоторыя черты интимной жизни этой замѣчательной женщины и хотя немного освѣтить тайники ея рѣдкаго сердца. Недаромъ, какъ я слышала, ей поднесли въ юбилей ея собственный портретъ, въ которомъ на мѣстѣ сердца былъ вдѣланъ большой брильянтъ чистѣйшей воды.

Мое знакомство съ М. Г. началось лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Раньше того я видѣла ее только на сценѣ, гдѣ, къ слову сказать, она была моимъ величайшимъ кумиромъ, да уже сознаюсь, что и

посѣщала-то я Александринскій театръ только тогда, когда она играла. Въ частной жизни я не могла себѣ ее представить. Мнѣ трудно было отрѣшиться отъ моего преклоненія передъ нею, какъ передъ существомъ высшимъ, отмѣченнымъ Божіей милостью. Когда мнѣ пришлось первый разъ войти въ ея гостиную, на Фонтанкѣ, у меня несказанно замирало сердце, дрожали руки и ноги; но почти тотчасъ же все это прошло,—точно я была съ нею вѣкъ знакома. Простота обращенія, совершенно особая привѣтливость, какой-то необыкновенный, ей только свойственный «*charm*», ласковая улыбка, ея лучистые черные глаза—такъ подѣйствовали на меня, что мнѣ сразу стало легко, уютно, тепло.

Чѣмъ дальше шло мое знакомство съ М. Г., тѣмъ ярче выступило предо мною величіе ея души и рѣдкая доброта сердца. А сопоставляя это съ ея замѣчательнымъ умомъ, пожалуй, даже мужской складки, съ ея разносторонней образованностью, интересомъ и отзывчивостью ко всему, съ ея искрометнымъ остроуміемъ и всѣмъ, всѣмъ, чего даже не перечтешь,—становится понятнымъ, какое наслажденіе давали свиданія и бесѣды съ нею. Какъ хотѣлось бы все это вспомнить и рассказать въ мельчайшихъ подробностяхъ и остается только пожалѣть, что около нея не было постоянного стенографа, который бы запечатлѣвалъ все это на память потомству. Масса какихъ-то особенныхъ выраженій, яркихъ образныхъ характеристикъ и, наконецъ, рядъ отдѣльныхъ «словечекъ»—вѣдь это все были перлы совершенно исключительной красоты... И какъ щемить на душѣ, что этого больше не услышишь, что все это отлетѣло отъ насъ навсегда...

М. Г. страшно любила дѣтей. Но и дѣти платили ей тѣмъ же. Вотъ на этомъ, кажется, мое чувство къ М. Г. еще болѣе окрѣпло и усилилось. Она какъ-то сразу полюбила мою двухлѣтнюю внучку, Талочку, полюбила совсѣмъ особенно—по родственному. Ея отношенія къ этому ребенку были необыкновенно трогательны. Талочка, въ свою очередь, съ перваго знакомства пошла къ М. Г. такъ, какъ ни къ кому. Сидя у нея на колѣняхъ, лаская ее ручонками и обнимая, она все время восклицала: «Ахъ! Ахъ!» Эта сразу зародившаяся между ними любовь такъ и продолжалась все время.

Какъ-то разъ я показала Талочкѣ фотографію М. Г. и спросила: «Кто эта тетя?»—Талочка захлопала въ ладоши и радостно воскрикнула:—«Тетя... Ахъ!»—Такъ это имя и осталось у насъ за М. Г., которая въ разговорѣ съ самой Талочкой и съ нами о Талочкѣ очень любила себя называть этимъ именемъ. И вотъ теперь невольно думаешь, какъ-то встрѣтилась въ томъ мірѣ наша дорогая «тетя Ахъ» со своей любимой Талочкой, которая два года тому назадъ умерла отъ скарлатины.

Вспоминаю со слезами умиленія, какъ находила время М. Г., при своихъ многочисленныхъ занятіяхъ, для заботъ о Талочкѣ. Она

сама вязала ей и одѣяла, и платица, шила кружевные воротнички, ѣздила для нея за игрушками и, желая видѣть ее одѣтой по своему вкусу, дарила ей зачастую даже носильныя вещи, причемъ послѣднее дѣлалось ею съ какой-то особенной деликатностью и простотой,

М. Г. Савина.

какъ бы мимоходомъ. Она даже находила время сама возить Талочку въ церковь и сама подносила ее къ св. причастію.

И подумаешь, что Талочка хотя и была ея любимицей, но не была исключеніемъ: почти то же самое дѣлалось и для другихъ дѣтей, для 43-хъ ея крестниковъ, о которыхъ она такъ любила вспоминать. А какимъ материнскимъ попеченіемъ окружала она обездоленныхъ дѣтей основаннаго ею театральнаго пріюта, на Петровъ

сестеръ вѣстн., ноябрь 1915 г., т. склп.

14

скомъ островѣ. Мнѣ самой неоднократно приходилось быть свидѣтельницей трогательныхъ сценъ, когда, при ея прїѣздахъ въ прїютъ, дѣти съ неподдѣльной радостью и восторгомъ бросались къ ней на шею съ криками: «Тетя Маруся прїѣхала!»—и окружали ее, какъ цыплята насѣдку.

Но, Боже мой, какія невѣроятныя хлопоты любовно принимала на себя М. Г. постоянно передъ праздниками!

По крайней мѣрѣ за мѣсяць всѣми способами запрашивала она своихъ многочисленныхъ крестниковъ и прїютскихъ дѣтей и другихъ изъ разряда ея любимой дѣтвора о томъ, какая игрушка составляла завѣтную мечту каждаго. И тутъ начиналась ѣзда по магазинамъ для закупки игрушекъ, которыя буквально заваливали цѣлую комнату снизу доверху. Вѣдь надо было удовлетворить сотни желаній. Всѣ эти подарки она непремѣнно раздавала сама, находя для каждаго ребенка сердечную, чисто материнскую ласку. Ежегодно для этой цѣли она у себя въ домѣ устраивала елку, которая стояла разукрашенная и ежедневно иллюминировалась съ перваго дня Рождества до крещенскаго сочельника. Она же бывала устроительницей и душой ежегодной елки въ дѣтскомъ прїютѣ театральнаго общества. Вотъ еще фактъ, ярко рисующій рѣдкую душу М. Г.

Въ 1907 году за день до свадьбы моего сына, я замѣтила, что моя Талочка, подверженная горловымъ заболѣваніямъ, тяжело дышитъ. М. Г., бывшая при этомъ, сейчасъ же взяла и повезла дѣвочку показать своему доктору. Вернувшись, она успокоила меня, что докторъ не нашелъ ничего опаснаго, но просилъ привезти ребенка еще разъ, чтобы подробнѣе осмотрѣть. На другой день М. Г. въ девять часовъ утра по телефону сказала, чтобы прислать Талочку съ няней къ ней. Такъ и сдѣлали. Въ два часа М. Г. позвала меня къ телефону, и вотъ что я услышала: «Операція Талочкѣ сдѣлана, ей вырѣзали гланды. Я сама отнесла ее въ операціонную, сама приняла ее на руки отъ профессора. Теперь она покойно засыпаетъ въ кроваткѣ, въ отдѣльной комнатѣ лечебницы; я и няня около нея. Не сѣтуйте, что сдѣлала все потихоньку отъ васъ. Не хотѣла тревожить въ такой важный для васъ день, какъ свадьба сына. Операція была необходима, иначе грозило удушеніе. Не смѣйте плакать... а благодарите Бога, что все сошло благополучно».

Прошло нѣсколько лѣтъ. Талочка умерла. Въ день ея похоронъ былъ очень сильный морозъ, но М. Г. не побоялась простуды, которой такъ была подвержена, прїѣхала въ Александро-Невскую лавру, стояла заупокойную обѣдню, шла за гробомъ и уѣхала только тогда, когда выросъ холмикъ надъ могилкой и къ бѣлому кресту былъ прибитъ металлическій крестъ изъ незабудокъ отъ М. Г. Не забыла она мою Талочку и послѣ смерти. Я помню, какъ въ первый день Пасхи, придя на могилку, я нашла уже на крестѣ форфо-

ровое яичко. Это М. Г. была утромъ и похристосовалась съ умершей своей любимицей.

Сколько помощи бѣднымъ она оказывала—и тутъ въ Петроградѣ, и по письмамъ въ провинціи, и даже по наслышкѣ посылала деньги въ глухія деревни неизвѣстнымъ ей крестьянамъ. А сколько ея добрыхъ дѣлъ остались тайной!

Какой нѣжной заботливостью окружала она свою старушкуну-мать и своихъ близкихъ родныхъ!

А ея отношеніе къ мужу, Анатолю Евграфовичу Молчанову! Она всегда была его преданной помощницей и другомъ. Когда онъ уѣзжалъ на какія-нибудь важныя засѣданія, какъ она тревожилась, какъ волновалась сама и какъ успокаивала его! Если же по дѣламъ ему надо было выѣхать изъ Петрограда, она каждый день писала ему или посылала телеграммы и требовала того же отъ него, опять-таки чтобы быть въ курсѣ дѣла и во-время или успокоить его, или помочь ему участіемъ и совѣтомъ. Еще одна трогательная подробность, которая по нынѣшнимъ временамъ можетъ показаться смѣшной, но, по-моему, она внушаетъ глубокую симпатію и уваженіе. Каждый вечеръ, отходя ко сну, она непременно крестила своего мужа и требовала отъ него того же, а въ его отсутствіе крестила пространство по тому направленію, гдѣ ей казалось, что онъ находился въ это время. Она въ буквальномъ смыслѣ слова сдувала съ него всякую пушинку. Не проходило дня, чтобы она не устраивала ему какой-нибудь «аттансіонъ», какъ она сама шутливо выражалась.

А какъ она ухаживала за своимъ мужемъ, когда три года тому назадъ онъ былъ опасно боленъ воспаленіемъ легкихъ! Она буквально не отходила отъ его постели, спала, не раздѣваясь, на маленькомъ диванчикѣ, сама ставила ему по ночамъ сухія банки, когда ему особенно трудно было дышать.

Лѣтъ десять тому назадъ Анатолий Евграфовичъ лежалъ въ лечебницѣ, и ему предстояла тяжелая и опасная операція. Въ день операціи М. Г. взяла меня съ собою, и мы съ трепетомъ ожидали результата. Нужно было видѣть ея душевную муку. Она была блѣдна, какъ мраморъ, и, молча, стиснувъ зубы, ходила по коридору и только иногда, останавливаясь въ дверяхъ, глядѣла на икону и опять начинала ходить и ходить безъ конца. Страдалъ человекъ, но страдалъ молча. Я понимала и чувствовала, что въ такую минуту неумѣстно было утѣшеніе или успокоеніе. Она искала то и другое у Бога. Когда принесли больного, она перекрестила его, сама перекрестилась, и все лицо ея просіяло, какъ солнце, а слезы блестя въ ея радостныхъ глазахъ.

Какъ она умѣла молча страдать и молча радоваться! И то, и другое можно было только читать въ ея глубокихъ глазахъ и на ея выразительномъ лицѣ.

М. Г. всегда отличалась склонностью къ семейному быту, къ домашнему уюту. Она была прекрасной хозяйкой, вела свой домъ сама и съ чисто славянскимъ гостепріимствомъ любила и умѣла угостить своихъ друзей. Уютъ былъ какой-то органической ея потребностью. Она вносила его всюду съ собой—и въ номеръ гостиницы, и даже въ купе вагона. Тамъ передвинетъ диванъ, тамъ переставитъ столъ, тамъ накинеть салфеточку, тамъ положитъ подушечки, тамъ поставитъ фотографическія карточки,—и сразу получается домашній жилой уголокъ.

А сколько вкуса было у этой женщины и съ какой любовью и умѣньемъ устраивала она свой домъ на Карповкѣ! Не долго ей, голубушкѣ, только пришлось пожить въ немъ! Всю жизнь стремилась М. Г. къ семейному счастью и очагу, и только въ послѣдніе годы своей жизни она достигла этого. Въ устройствѣ своей домашней жизни М. Г. была большой сторонницей патріархальнаго быта и стариннаго уклада жизни. Въ годовщины всѣхъ знаменательныхъ дней своей жизни, въ канунъ Новаго года, она любила, чтобы у нея въ домѣ совершались церковныя службы, на которыхъ она съ рѣдкой религіозностью молилась, окруженная интимнымъ кружкомъ самыхъ близкихъ ея родныхъ. Она была глубоко вѣрующимъ членомъ въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова. Надо было видѣть, какъ она молилась! Это было не только благоговѣніе, а какое-то проникновеніе, отрѣшеніе отъ всего мірскаго. Любила она также, чтобы во всѣхъ комнатахъ передъ иконами горѣли лампадки, и очень внимательно слѣдила за этимъ. Горящая лампадка передъ иконами сопутствовала ей всюду. Во время путешествій, въ гостиницѣ, первой заботой ея было найти соответствующее мѣсто для иконъ, которыя она всегда съ собой возила, и зажечь передъ ними лампадку. Это же дѣлала она и за границей, причемъ, въ виду отсутствія тамъ деревяннаго масла, замѣняла его прованскимъ.

Любила М. Г. и нашъ русскій самоварчикъ, и бесѣду за нимъ, причемъ строго слѣдила, чтобы все было изящно сервировано и подано. Не могу не упомянуть про ея «страсть», какъ она сама говорила, «ставить чайникъ на самоваръ, самой наливать чай и въ особенности въ заключеніе чаепитія собственноручно перемывать всю чайную посуду». Она часто говорила: «А вѣдь никто не подозреваетъ, какая я *femme pot au feu*».

Теперь мнѣ остается сказать о моемъ послѣднемъ свиданіи съ М. Г. въ мартѣ нынѣшняго года, когда я на нѣсколько дней пріѣзжала въ Петроградъ. Все было охвачено войной. М. Г. со свойственнымъ ей рвеніемъ вся отдалась своему лазарету, служенію и заботамъ о нуждахъ войны, о больныхъ и раненыхъ, находившихся здѣсь въ Петроградѣ, и о доблестныхъ воинахъ, сражающихся за родину. Она работала въ лазаретѣ, работала неутомимо, самоотверженно, не брезгая никакимъ трудомъ. Я тоже работала въ

Вязьмѣ въ желѣзнодорожномъ лазаретѣ. Сидя тогда у нея на Карповкѣ, я ей передала свои впечатлѣнія; она жала мнѣ руку и шептала со слезами: «Да, да, такъ... Я васъ понимаю...»

Эта необыкновенная женщина, за какое бы дѣло она ни бралась, всегда всю душу вкладывала въ него, вся горѣла, не зная отдыха, и никогда не думала, какъ такая трудовая жизнь могла тяжело отозваться на ея здоровьи, уже пошатнувшемся за послѣдній годъ. Ради служенія ближнему она не щадила себя, и надо только удивляться, какъ хватало у нея силъ и откуда она ихъ черпала, чтобы всюду поспѣвать, помимо сценическихъ обязанностей,—поспѣвать или участіемъ, или совѣтомъ, или хлопотами о чьей-нибудь судьбѣ, или матеріальной помощью. Одно можно сказать, что ее поддерживала помощь Божья, въ которую она такъ глубоко, такъ искренно вѣрила.

Да, М. Г. была человѣкомъ, отмѣченнымъ особенной благодатью Божьей! И, дѣйствительно, тѣ евангельскія слова, которыя начертаны на могильномъ ея крестѣ, могутъ служить эпитафией ея жизни: «Больше сея любви никто же имать да кто душу свою положить за други своя».

Лидія Рихтеръ.

СЕНАТОРЪ Г. А. ТРОЙНИЦКІЙ.

ВАДЦАТЬ ПЕРВАГО ноября 1914 года сошелъ въ могилу человѣкъ, который никогда не искалъ рекламы, не выставялъ своихъ заслугъ, но который всю жизнь провелъ въ трудѣ, и тѣ, кто его зналъ, надолго сохранятъ добрую о немъ память.

Григорій Александровичъ Тройницкій происходилъ изъ старой дворянской семьи. Дѣдъ его, Григорій Устиновичъ, умеръ отъ ранъ, полученныхъ въ сраженіи съ французами въ 1813 году, во время первой отечественной войны; отецъ его, Александръ Григорьевичъ, былъ старожиломъ города Одессы и въ одно время съ графомъ А. Гр. Строгановымъ былъ избранъ одесскою городской думою почетнымъ гражданиномъ этого города, впоследствии былъ первымъ директоромъ центрального статистическаго комитета, затѣмъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ и, наконецъ, членомъ Государственнаго Совѣта. Мать его, Вѣра Ильинична, рожденная Булацель. Родился Григорій Александровичъ 26-го мая 1842 года въ Одессѣ, гдѣ и провелъ дѣтскіе годы. Тотчасъ послѣ севастопольской войны родители его рѣшили опредѣлить сыновей, которыхъ было трое, въ императорскій Александровскій лицей и уже въ 1854 году они отвезли старшаго сына Николая, недавно умершаго, тоже въ званіи сенатора, въ Петроградъ, а въ 1855 году отецъ повезъ туда же и маленькаго Гришу, которому было всего 11 лѣтъ. Сначала его отдали въ приготовительный пансіонъ, содер-

жимый С. В. Лялинымъ, а въ декабрѣ 1857 года онъ поступилъ въ 4-й классъ лицей, въ которомъ тогда были еще полуторогодовые курсы. Въ декабрѣ 1863 года Григорій Александровичъ, 18 лѣтъ отъ роду, уже окончилъ лицей по первому разряду и поступилъ на службу въ государственную канцелярію, съ чиномъ титулярнаго совѣтника.

Въ канцеляріи онъ попалъ въ отдѣлъ по устройству сельскаго состоянія и работалъ подъ руководствомъ такихъ извѣстныхъ лицъ, какъ покойные Жуковскій и Бутковъ.

Черезъ три года, въ 1866 году, онъ перешелъ на службу въ министерство государственныхъ имуществъ, во временный отдѣлъ по устройству крестьянъ царства Польскаго. Въ 1869 году онъ былъ уже назначенъ начальникомъ отдѣленія, а въ 1881 году назначенъ на должность помощника управляющаго отдѣломъ по устройству государственныхъ крестьянъ; въ 1882 году произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

Въ 1883 году онъ былъ переведенъ вице-директоромъ въ департаментъ общихъ дѣлъ и нѣсколько лѣтъ служилъ при министрѣ Валувѣ, впоследствии возведенномъ въ графское достоинство. Несмотря на строгое отношеніе къ службѣ, Григорію Александровичу не разъ случалось выдерживать нѣкоторую борьбу съ министромъ. Графъ Валувъ, отличавшійся изысканными манерами и широко образованный человекъ, не чуждъ былъ угодить сильнымъ міра и былъ немного космополитомъ въ душѣ. Если дѣло касалось остзейскихъ бароновъ или польскихъ магнатовъ, то онъ не прочь былъ сдѣлать натяжку въ ихъ пользу, даже если законъ былъ не на ихъ сторонѣ, и Григорію Александровичу приходилось вступать въ споръ съ министромъ, и если ему не удавалось убѣдить послѣдняго, то дѣло иногда передавалось для исполненія другому чиновнику.

Въ 1884 году Григорій Александровичъ перемѣнилъ вновь службу и произошло это такъ. Бывшій главноуправляющій вѣдомствомъ по учрежденіямъ Императрицы Маріи, статсъ-секретарь Константинъ Карловичъ Гротъ неожиданно пригласилъ Григорія Александровича къ себѣ и сказалъ ему, что онъ слышалъ о Григоріи Александровичѣ много лестнаго, какъ о хорошемъ работникѣ, а потому предлагаетъ ему занять постъ управляющаго дѣлами вѣдомства. Григорій Александровичъ изъявилъ на это свое согласіе, и Гротъ просилъ его пока поддержать это въ тайнѣ, пока онъ соберетъ о немъ болѣе подробныя свѣдѣнія. Черезъ нѣсколько времени Григорій Александровичъ былъ назначенъ на этотъ значительный постъ, на которомъ и прослужилъ до 1890 года, когда по несогласію со взглядами тогдашняго исправляющаго обязанности главноуправляющаго А. А. Зубова, вышелъ добровольно въ отставку. Въ то время министромъ государственныхъ имуществъ былъ Михаилъ Николаевичъ Островскій, знавшій хорошо дѣятельность Григорія Александровича и предло-

жившій ему вернуться въ знакомое ему вѣдомство. Въ томъ же 1890 г. Григорій Александровичъ былъ назначенъ состоящимъ при министрѣ, а вскорѣ сдѣланъ былъ членомъ совѣта министра и, какъ одинъ изъ старѣйшихъ и опытныхъ служащихъ, не разъ замѣнялъ товарища министра на время отпусковъ, а иногда получалъ даже Высочайшее повелѣніе подписывать бумаги «за министра». За все время своей службы какъ въ государственной канцеляріи, такъ и въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, нынѣ главномъ управленіи землеустройства, Григорій Александровичъ близко изучилъ устройство крестьянъ въ коренной Россіи и ознакомился съ сепаратными законами объ устройствѣ крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ, въ Прибалтійскомъ краѣ, хорошо зналъ законы о чиншевомъ правѣ, о сервитутахъ, о поіезуитскихъ имѣніяхъ и т. п., что принесло ему большую пользу по назначеніи въ сенатъ.

Высочайшимъ указомъ 11-го августа 1904 года онъ былъ возведенъ въ званіе сенатора и назначенъ для присутствованія во второмъ департаментѣ, вѣдающемъ дѣла крестьянскія, гдѣ и прослужилъ до дня своей кончины 21-го ноября 1914 года. Въ 1913 году Григорій Александровичъ отпраздновалъ пятидесятилѣтній юбилей своей службы. Онъ имѣлъ всѣ русскіе ордена до Александра Невскаго включительно, медаль за устройство государственныхъ крестьянъ, знакъ Краснаго Креста и Романовскій знакъ, а въ день пятидесятилѣтія получилъ брильянты на звѣзду Александра Невскаго.

Покойнаго можно было назвать человѣкомъ, вполнѣ кабинетнымъ, такъ какъ всю жизнь онъ провелъ въ Петроградѣ и дѣлили ее между службой и чтеніемъ. Нельзя сказать, чтобы онъ не зналъ Россіи. Еще въ 1866 году онъ былъ командированъ въ Вильну по дѣламъ о поіезуитскихъ имѣніяхъ; въ 1881 году ѣздилъ въ Ригу по дѣлу о регулированіи казенныхъ имѣній; въ 1883 году былъ командированъ въ Астраханскую губернію по дѣлу объ устройствѣ калмыковъ; въ 1891 году ѣздилъ въ Западную Сибирь по дѣламъ о переселенцахъ и о преобразованіи управленій государственными имуществами; въ разное время въ Пермь, Уфу, Оренбургъ и Астрахань для ревизіи управленій государственными имуществами. Когда братья его служили въ провинціи, онъ гашивалъ у нихъ въ Ярославлѣ, Вяткѣ, Рязани и Симбирскѣ. Болѣзнь заставила его нѣсколько лѣтъ проводить мѣсяца по три въ Крыму, а дѣла по имѣнію заставляли бывать въ Одессѣ, которую онъ очень любилъ, какъ мѣсто родины.

Хотя служба его проходила въ Петербургѣ, но и тутъ ему приходилось знакомиться съ разными отраслями управленія нашей обширной родины. Такъ, онъ участвовалъ въ комиссіяхъ: «о переселеніи крестьянъ» при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, «особомъ совѣщаніи по преобразованію Государственнаго банка» при мини-

Г. А. Тройницкій.

стерствѣ финансовъ, «объ устройствѣ калмыковъ» при министерствѣ государственныхъ имуществъ, «о преимуществахъ службы гражданскихъ чиновъ въ отдаленныхъ губерніяхъ», «о поземельномъ устройствѣ крестьянъ въ четырехъ губерніяхъ Сибири», «объ устройствѣ закавказскихъ крестьянъ», «объ отмѣнѣ ссылки въ Сибирь» и многихъ другихъ. Смолоду онъ отличался характеромъ серьезнымъ и хотя людей не дичился, но былъ въ отношеніяхъ съ ними и въ особенности съ женскимъ поломъ застѣнчивъ и скро-

мень; танцевъ, веселья онъ не любилъ, спортъ также и предпочиталъ другимъ развлеченіямъ чтеніе. Въ молодости онъ читалъ прежніе толстые журналы, увлекался «Современникомъ», «Русскимъ Вѣстникомъ», «Вѣстникомъ Европы», въ зрѣлыя же годы онъ какъ бы переживалъ свою жизнь вторично, вкусъ его остановился на журналахъ историческихъ, онъ былъ постояннымъ подписчикомъ, лѣтъ за тридцать, «Русской Старины» и «Русскаго Архива», читалъ «Историческій Вѣстникъ» и, наталкиваясь на какой-нибудь эпизодъ изъ петроградской жизни шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ или на чью-нибудь біографію, часто въ разговорѣ съ близкими дополнял то и другое личными воспоминаніями, которыхъ у него сохранилось множество, но записать которыхъ онъ никакъ не могъ собраться. Григорій Александровичъ свято чтилъ память своего отца Александра Григорьевича и привелъ въ порядокъ всю его переписку, сохранившуюся за всю его жизнь. Въ этой перепискѣ Александра Григорьевича находились письма покойнаго Воронцова, Щербинина, Скальковскаго, Валуева, и Григорій Александровичъ изрѣдка дѣлалъ изъ нихъ выписки и помѣщалъ въ «Русской Старинѣ» или «Русскомъ Архивѣ». Послѣ смерти Григорія Александровича вся эта переписка перешла къ племяннику его, Сергѣю Николаевичу.

Чуждаясь женскаго общества, покойный какъ-то пропустилъ время жениться. Сперва онъ усиленно работалъ на службѣ; въ 1870 году, послѣ смерти отца, онъ сталъ жить вдвоемъ съ матерью и какъ бы принялъ на себя заботу о ней, забывая о себѣ, а жизнь бѣжала и незамѣтно подошла старость, когда уже поздно было думать о женитьбѣ. Весьма строгій въ своихъ привычкахъ, не зная ни кутежей, ни картъ, Григорій Александровичъ былъ весьма бережливъ въ расходахъ и сумѣлъ не только сохранить все, что ему досталось по наслѣдству, но и увеличить свое состояніе, такъ что по смерти его осталось недвижимое имущество, имѣніе въ Одесскомъ уѣздѣ и домъ на Моховой, принадлежавшій ему въ половинной долѣ со старшимъ братомъ, стоимостью болѣе милліона рублей.

Въ 1906 году онъ впервые заболѣлъ смертельной болѣзнію, у него былъ брюшной тифъ, послѣ котораго въ организмѣ его завелся какой-то микробъ, отъ котораго онъ не могъ излечиться. У него на тѣлѣ, а чаще внутри образовывались нарывы, которые его мучили, и онъ долженъ былъ ложиться въ постель. Какъ только нарывъ прорывался, онъ чувствовалъ себя здоровымъ и опять работалъ. Приступы болѣзни чаще появлялись зимой; на лѣто же онъ уѣзжалъ въ Крымъ и, благодаря вліянію солнца, укрѣплялся настолько, что нѣсколько мѣсяцевъ болѣзнь его не беспокоила. Но всему бываетъ конецъ: въ 1914 году она настолько усилилась, что семидесятилѣтній организмъ не въ силахъ былъ ее перебороть, и Григорій

Александровичъ по-христіански, приобщившись Святыхъ Тайнъ, окруженный семьями его двухъ братьевъ, тихо отошелъ въ лучшій міръ въ ночь на 21-е ноября.

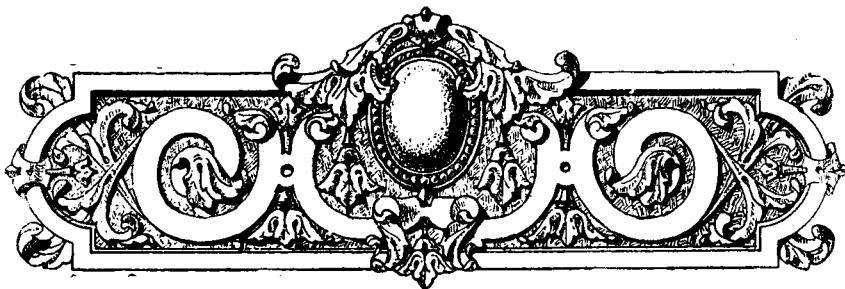
Братья Григорія Александровича довольно долго служили въ провинціи: старшій, Николай, служилъ совѣтникомъ губернскаго правленія въ Самарѣ, вице-губернаторомъ въ Ярославлѣ и губернаторомъ въ Вяткѣ и въ Рязани; младшій—Владимиръ—былъ вице-губернаторомъ въ Симбирскѣ и затѣмъ губернаторомъ въ Тобольскѣ; самъ же Григорій Александровичъ постоянно жилъ въ Петроградѣ; сначала съ родителями, затѣмъ съ матерью и наконецъ одинъ; поэтому онъ составлялъ какъ бы центръ семьи Тройницкихъ, и все знакомыя и родныя, проживающіе въ разныхъ концахъ Россіи, поддерживали съ нимъ сношенія и переписку. Многіе небогатые родные, пужаясь въ помощи, обращались къ нему и онъ никогда не отказывалъ имъ въ видѣ ли займа, или просто денежной поддержки; да и не одни родные пользовались его добротой. Въ послѣдніе годы жизни, когда болѣзнь его сдѣлалась хронической и онъ уже сталъ терять надежду на выздоровленіе, онъ рѣшилъ ликвидировать свое недвижимое имущество и заявилъ своимъ братьямъ, что онъ завѣщанія не оставляетъ, а все его имущество должно по его смерти перейти къ нимъ; а такъ какъ имъ придется платить большую пошлину за переходъ имущества, то онъ предпочитаетъ землю продать и передать имъ ея стоимость при жизни. Продажу онъ началъ по частямъ, продавъ два небольшихъ участка бывшимъ крѣпостнымъ крестьянамъ по недорогой цѣнѣ, чтобы и имъ помочь; затѣмъ онъ запродавалъ еще участки, но сдѣлка прервалась по случаю войны, а затѣмъ—наступила и смерть. Кромѣ денегъ за проданныя части имѣнія, онъ дѣлилъ между братьями въ послѣдніе годы и то, что получалъ въ видѣ дохода. Послѣднія двадцать лѣтъ онъ жилъ въ своемъ домѣ, не мѣняя квартиры, жилъ скромно и тихо, имѣя всего двѣ прислуги, одну кухарку и человѣка Григорія, служившаго въ домѣ тридцать три года и преданнаго своему господину, какъ бывали лишь преданы старинныя крѣпостныя своимъ господамъ.

Служба оставляла покойному довольно свободнаго времени, и онъ находилъ себѣ занятія въ приведеніи бумагъ покойнаго отца въ порядокъ; былъ усерднымъ членомъ лицейской товарищеской семьи; былъ товарищемъ предсѣдателя комитета лицейскаго Пушкинскаго общества, членомъ ревизіонной комиссіи лицейской товарищеской кассы, принималъ большое участіе въ изданіи памятной книжки лицейстовъ; долгое время былъ предсѣдателемъ Пантелеймоновскаго благотворительнаго братства; много лѣтъ былъ членомъ Прибалтійскаго братства, въ молодые годы былъ членомъ общества дешевыхъ квартиръ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія онъ нѣсколько лѣтъ былъ предсѣдателемъ комитета грамотности и при

содѣйствіи бывшаго министра народнаго просвѣщенія Ванновскаго добился возвращенія капитала общества, удержаннаго вольно-экономическимъ обществомъ, а во время японской войны лично трудился, пользуясь средствами общества грамотности и главное лицейскаго Пушкинскаго общества, и составлялъ и отправлялъ на театръ войны библіотечки для солдатъ.

Всего не запомнишь, можно только сказать, что рѣдкое доброе дѣло не находило въ душѣ его отклика, и много бѣдныхъ людей искренно пожалѣли о его кончинѣ, съ которой прекратились для нихъ пособія въ минуту нужды.

„БОРЬБА СЪ ЗЕЛЕНЫМЪ ЗМІЕМЪ“.

ИФРОВЫЯ свѣдѣнія о вліяніи запрещенія виноторговли на народное благосостояніе, собранныя мною отъ представителей общественныхъ учреждений по Воронежской губерніи, разумѣется, характерны, но еще болѣе цѣнны по тому же вопросу «живыя рѣчи» какъ простаго народа по деревнямъ, такъ и отдѣльныхъ выдающихся лицъ въ городѣ.

Управляющій акцизными сборами А. Ф. Гастевъ устроилъ у себя на квартирѣ свиданіе мнѣ съ очень популярнымъ священникомъ въ городѣ Воронежѣ и миссіонеромъ, Петромъ Сергіевымъ.

Разговоръ у насъ случайно начался съ «солдатокъ», получающихъ казенные пайки на себя и дѣтей.

— Картежницъ среди нихъ,—сказалъ отецъ Сергіевъ,—не замѣчается, а клязунницъ—порядочно. Желая увеличить паекъ, онѣ придумываютъ всякіе фантастическіе предлоги. Одна изъ нихъ получаетъ пособіе на двоихъ дѣтей, а жалуется на то, что у нея три ребенка. При провѣркѣ оказывается, что налицо всего двое дѣтей... «Гдѣ же третій?»—«А вонъ, въ животѣ растетъ...»—«Ну, матушка,—говоришь ей:—твоя жалоба вздорная...»—«Какъ такъ?—кричитъ баба.—Пока будутъ судъ да дѣло, ребенокъ уже и родится...»

Отецъ Сергіевъ не только не видѣлъ и не слыхалъ о картежникахъ-солдаткахъ, но и вообще воронежская крестьянка за картами не сидитъ, въ то время, какъ мужики играютъ очень сильно.

— Около города Валуйки—есть село Казацкое... Проѣзжаю его и вижу, и парни, и взрослые мужики играютъ въ карты. Почему,—спрашиваю,—вездѣ вы играете за кладбищами? «Дома жена», говорятъ. Наши бабы не дадутъ покоя игрокамъ... За ухватъ возьмутся...

— Игра все-таки шибко развита?—поинтересовался я.

— Шибко. Выроютъ парни круглую канаву и, свѣсивъ ноги, сидятъ въ ней кругомъ, а посрединѣ передъ ними остается земляной столъ. Такъ и мечутъ на немъ карты... Игра очень развивается послѣ того, какъ брошено пьянство. Чуть не шуллера завелись по деревнямъ. Надо и очень надо занять трезвый досугъ крестьянина наукой и чистыми удовольствіями, особенно, когда придутъ съ войны солдаты... Впрочемъ,—произнесъ онъ воодушевленно:— трезвость развивается повсюду, а съ нею вмѣстѣ и просвѣщеніе. Умный и трезвый народъ броситъ карты и возьметъ книгу. Побѣда надъ зеленымъ змѣемъ даетъ надежду и на побѣду надъ германцами... Я слышалъ неоднократно, какъ народъ поетъ частушку:

Эхъ, родная Русь, страна,
Извела ты пьянство,
Теперь вѣмцевъ сокруши,
Поддержи славянство...

Лицо священника дышало красотой патріотизма, которая чувствовалась и тогда, когда онъ уже грустно замѣтилъ, что духовенство нерѣдко дичится земцевъ, а тѣ—его.

Въ дальнѣйшей бесѣдѣ съ миссіонеромъ Сергіевымъ я узналъ, что въ Воронежской губерніи очень распространены «церковно-приходскія братства», стремящіяся ослабить вліяніе разныхъ сектъ и укрѣпить въ народѣ трезвость.

Я не спрашивалъ о томъ, что называютъ «братства» случаями «соблазнительнаго поведенія прихожанъ», чѣмъ вызываются посѣщенія миссіонерами частныхъ лицъ въ ихъ домахъ и чѣмъ кончаются ихъ «дружескія бесѣды». Если «братство», во главѣ съ мѣстнымъ священникомъ, стремится къ единенію съ мірянами, путемъ христіанской кротости и примѣромъ собственной жизни, то, конечно, эти братства могли бы быть жизнеспособными...

Въ народѣ такъ мало культурныхъ начинаній, особенно съ девизомъ «братства», что невольно радуешься каждому изъ нихъ.

Чрезвычайно заинтересованный этими «братствами», я поѣхалъ въ село Истобное Нижнедѣвицкаго уѣзда и посѣтилъ мѣстнаго священника Стефана Мясичева.

Онъ откровенно признался въ томъ, что въ настоящее время его «братство» не пользуется большимъ сочувствіемъ прихожанъ.

— Какъ ранѣе у меня въ «обществѣ трезвости» было пятьдесятъ человѣкъ, такъ эти же люди вошли въ составъ «братства», а новые члены вступаютъ въ него очень туго, несмотря на десятилетияное населеніе нашего села. На это есть свои причины, но съ теченіемъ времени, при лучшемъ ознакомленіи прихожанъ съ «братствомъ», взаимныя отношенія улучшатся. Наша непопулярность началась съ того, что, основавши общество трезвости, я возставалъ противъ господства водки во всѣхъ проявленіяхъ крестьянской жизни, гдѣ необходимо священнодѣйствіе. У насъ, на примѣръ, поминаніе усопшихъ всегда было «поминаніемъ водкой». Когда меня приглашали на домъ, я требовалъ, чтобы въ домѣ не было водки. Конечно, меня обманывали обѣщаніями, а когда закрыли торговлю водкой, то прихожане обвинили въ этомъ общество трезвости. Въ селахъ Кочетовкѣ, Туровѣ и Истобномъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ вело дѣятельную пропаганду нынѣ осужденное московскимъ военнымъ судомъ «революціонное братство крестьянъ». Вліяніе его также усилило недовѣріе прихожанъ къ церковно-приходскимъ задачамъ. Наше «братство», основанное въ 1912 году, какъ противовѣсь хулиганству и пьянству,—заподозрѣно народомъ въ томъ, что оно преслѣдуетъ полицейскія задачи. А между тѣмъ подкладка церковно-приходскихъ братствъ—нравственная, а не административная. Съ сектантскимъ духомъ населенія и противогосударственными ученіями мы боремся, какъ сказано въ концѣ моего отчета за 1914 годъ, «мирными, духовно-просвѣтительными средствами».

Я поинтересовался сектами и спросилъ о нихъ священника.

— Сектъ у насъ нѣтъ въ строгомъ смыслѣ этого слова,—отвѣтилъ онъ:—но сектантскій духъ очень развитъ.

« Это уже что-то новое,—подумалъ я:—по закону, преслѣдуется секта, а не ея «духъ».

Еще болѣе поразило меня разъясненіе отцомъ Стефаномъ «сектантскаго духа».

— Въ чемъ замѣчается этотъ «духъ»?

— Въ неблагоговѣйномъ отношеніи къ храму,—отвѣтилъ онъ:—въ кощунственномъ отношеніи къ иконамъ, въ нарушеніи постовъ, въ работахъ по праздникамъ, въ лжетолкованіи священныхъ словъ о томъ, что не то оскверняетъ человѣка, что въ уста идетъ, а что изъ устъ исходитъ; что царство Божіе внутри насъ и т. д.

Чѣмъ болѣе священникъ говорилъ мнѣ о «сектантскомъ духѣ», тѣмъ менѣе его слова убѣждали меня. Мнѣ казалось, что на такой почвѣ легко измельчать и самому «братству», что, значить, трудовая и трезвая жизнь народа не даетъ «братству» болѣе серьезнаго матеріала для дѣятельности... Мнѣ начинало казаться, что «братство» предпочитаетъ своей задачѣ «воплощать христіанское ученіе въ жизнь дѣлами любви и милосердія» (§ 1 «устава Истобинскаго цер-

ковно-приходскаго братства) — болѣ легкія и, несомнѣнно, растяжимыя задачи, при которыхъ очень трудно исполнить завѣтъ Святаго Писанія: «не убивайте духа, не угашайте пророчествъ...»

Мнѣ хотѣлось болѣ положительной дѣятельности въ самомъ «братствѣ» и видѣть собственную жизнь «братчиковъ», гдѣ бы прежде, чѣмъ говорить: «Господи! Господи!» люди шли бы мириться съ врагомъ, а въ другихъ случаяхъ — умѣли бы утѣшить несчастнаго, одѣть голаго, накормить голоднаго, посѣтить заключеннаго и т. д. Мнѣ даже казалось правильнымъ, что прежде, чѣмъ увѣрять въ «субботній день», надо вѣрить въ Бога, и что въ этомъ нѣтъ никакого «сектантскаго духа».

Я освѣдомился о «миссіонерскихъ пріемахъ»...

— Каждому члену братства, — сказалъ отецъ Стефанъ, — дается районъ мѣстности для наблюденія за появленіемъ въ приходѣ сектантства, крамольниковъ и выдающихся случаевъ соблазнительнаго поведенія. О всѣхъ таковыхъ случаяхъ они немедленно доносятъ своему священнику (§ 7 устава). Но борьба съ этимъ ведется, повторяю, словомъ увѣщеванія и пропагандою православнаго ученія всюду, гдѣ есть народъ... Въ ночномъ, на мельницѣ, въ трактирѣ, въ «потребилковкѣ»... Наши «братчики» осуществляютъ миссіонерскія задачи и печатнымъ словомъ, раздавая книжки противосектантской и противосоціалистической литературы.

Меня также немножко удивило то, что онъ нашелъ такую литературу въ народѣ...

— А какъ же! — перебилъ онъ меня: — у насъ очень распространены Л. Н. Толстой и Арцыбашевъ...

— Но эти писатели противоположны другъ другу. Одинъ — христіанинъ, другой — язычникъ («Санинъ», «У послѣдней черты»)...

Мои возраженія не имѣли силы...

Истобинскій священникъ досталъ «уставъ» своего «братства» и прочелъ мнѣ § 9-й: «Противники и враги церкви, кромѣ устнаго слова, пользуются въ настоящее время преимущественно печатнымъ словомъ для распространенія въ народѣ, особенно по селамъ и деревнямъ, отрицательныхъ противоцерковныхъ и противогосударственныхъ ученій, а извѣстно, что подобнаго рода литература часто, какъ искра, воспламеняетъ сердца и умы нѣкоторыхъ изъ православныхъ, особенно колеблющихся и плохо наставленныхъ въ догматахъ своей вѣры...»

Я внимательно прослушалъ текстъ означеннаго параграфа и все-таки недоумѣвалъ, гдѣ же въ нашемъ скромномъ народѣ эти «враги церкви» и эта «сектантская литература?»

Религіозная жизнь русскаго народа всегда была лучше застоя, и подозрѣнія религіозной чистоты въ народныхъ массахъ, конечно, ослабляютъ популярность церковно-приходскихъ братствъ.

Впрочемъ, самъ священникъ Стефанъ вѣритъ, что отношенія прихожанъ къ «братчикамъ» начинаютъ измѣняться къ лучшему со времени запрещенія торговли спиртными напитками. Онъ очень много говорилъ о религіозномъ энтузіазмѣ братчиковъ, и я самъ невольно заражался его увѣренностью...

Меня радовало, что духовенство уже не безучастно относится къ бытовому и умственному состоянію народа; что оно перестаетъ быть «кастой» и принимаетъ къ сердцу народныя нужды виѣ требъ и догматовъ.

Меня даже огорчало недовѣріе истобинскихъ обывателей къ моимъ словамъ объ активномъ духовенствѣ.

Одинъ изъ нихъ энергично возразилъ мнѣ:

— На словахъ вы правы... Было бы хорошо, если бы «братство» было и наше, и ваше, а въ дѣйствительности это будетъ только «батюшкино». Если у насъ будетъ народный домъ, то «батюшки» и станутъ въ немъ хозяева, а намъ всѣмъ, жителямъ, нечего будетъ дѣлать въ немъ. На это слѣдуетъ обратить вниманіе. На бумагахъ въ «братствахъ» стоятъ и земскій, и губернаторъ, и учитель, а на дѣлѣ «цѣлаго» не будетъ, а одно только духовенство. А на «житіяхъ» многого въ нашей жизни не сдѣлаешь. «Братчики» и міряне—это уже партійность, а надо одно цѣлое.

Я не хотѣлъ спорить съ предположеніями о будущемъ, и, желая думать по-хорошему, я радушно разстался со священникомъ Истобинскаго «братства».

Въ томъ же селѣ живетъ другой священникъ, Александръ, состоящій при мѣстной церкви болѣе тридцати двухъ лѣтъ и пользующійся всеобщимъ уваженіемъ. Онъ не принимаетъ участія въ «братствѣ».

— У меня,—сказалъ онъ просто,—есть церковное попечительство, есть ясли, и для меня довольно. Я не мѣшаю дѣлу отца Стефана, живемъ мы съ нимъ дружно, но постановленія «братства» не всегда исполнимы. Вотъ и въ прошломъ году онъ письмомъ увѣдомилъ меня, чтобы я въ церкви просилъ прихожанъ не работать въ полѣ всю Страстную недѣлю, а молиться Богу. Но развѣ мыслимо нашему крестьянину и въ Страстную недѣлю, и въ Пасху оставить весенніе посѣвы? Это его раззорить. Я сказалъ свое мнѣніе отцу Стефану, а тотъ говоритъ, что это постановленіе братства... Да вѣдь предсѣдателемъ братства онъ же состоитъ! Такъ я и не могъ исполнить желаніе «братства».

Послѣ бесѣды съ отцомъ Александромъ я зашелъ въ истобинское кредитное товарищество, предсѣдатель котораго по вопросу о пьанствѣ сказалъ:

— Населеніе Истобнаго ходитъ на заработки на Кавказъ, преимущественно въ Кубанскую область, около Армавира, на косябу травъ, пшеницы, молотьбу... Изъ пятисотъ человѣкъ одна треть,
«истор. вѣстн.», ноябрь 1915 г., т. схлп.

если не больше, ходить прямо на разгуль. Прежде всё они забирали у насъ изъ кассы ссуды подь отхожіе промысла, но ссуды и заработки ими пропивались; а теперь безъ водки эти ссуды были возвращены исправно, и работники явились домой съ деньгами. Притокъ денегъ (не пропитыя деньги и казенное пособіе солдаткамъ) отражается и на вкладахъ кредитнаго товарищества. Они возросли. Мы уплатили также и долгъ купцу Сидорову въ двадцать тысячъ. Крестьяне также берутъ ссуду осторожно и тратятъ также осторожно. А прежде и до дому не всякій доносили ссуду.

II.

Съ милѣйшимъ акцизнымъ чиновникомъ В. И. Новосельскимъ, наблюдательнымъ и образованнымъ человѣкомъ, я поѣхалъ «на Дѣвицу», какъ говорятъ здѣсь ямщики, когда нанимаешь ихъ со станціи желѣзной дороги ѣхать въ уѣздный городъ Нижнедѣвицкѣ.

Заѣхавъ въ уѣздную земскую управу, я засталъ въ ней предсѣдателя А. И. Харкѣевича, который какъ-то торжественно произнесъ:

— Мы не узнаемъ деревни, когда въѣзжаемъ въ нее и когда выѣзжаемъ... Это независимо отъ того, что масса народа на войнѣ. Отсутствіе водки и на большинство дѣйствовало бы отрезвляющимъ и облагораживающимъ образомъ. Это непремѣнное условіе... Тутъ двухъ мнѣній не можетъ быть. Трезвый и облагороженный народъ будетъ и продуктивнѣе, и бережливѣе, и добросовѣстнѣе. Вотъ послѣ войны непремѣнно надо будетъ привлечь вернувшійся съ войны народъ къ дѣловымъ занятіямъ и чистымъ развлечениямъ. А если—чего избави Богъ—водка опять напомнимъ народу 1905 годъ, тогда и образованіе, и развлечения не успокоятъ народъ. Безпокойству народной мысли содѣйствуютъ уже и въ настоящее время уступка врагамъ обратно Перемышля и слухи о предательствѣ господъ Мясоѣдовыхъ, выдумки о сорока закованныхъ генералахъ, якобы виновныхъ въ уступкѣ Перемышля и провезенныхъ черезъ гор. Воронежъ на смертную казнь и т. д. Народъ безсознательно ищетъ отвѣтственныхъ лицъ за событія, волнуется и близокъ къ подозрѣніямъ на всякаго рода «сюртучниковъ». Все стало иное. Теперь только нужны школы, образованіе, газеты и свободное критическое обсужденіе общественныхъ событій, во избѣжаніе кривотолковъ и легендъ.

Съ представителемъ мелкаго кредита разговоръ тоже не былъ лишенъ злободневнаго интереса.

— На общемъ собраніи кредитнаго товарищества,—сказалъ онъ,—члены были пьяные, а теперь трезвые. Потребности въ кредитѣ въ настоящее время не существуетъ: нѣтъ народа, но есть не пропитыя деньги, есть опасеніе покупать дорогой товаръ и дѣлать

изъ него запасы, и всюду идетъ сокращеніе хозяйства. Воздерживаются и отъ возобновленія аренды земель на будущее время. А деньги есть, вклады растутъ такъ же, какъ и застой въ расходахъ кассъ мелкаго кредита. Уплата долговъ иногда не поступаетъ только потому, что народъ убѣжденно говоритъ: «что-нибудь будетъ послѣ войны!» Этотъ неплатежъ ссудъ вызывается не недостаткомъ денегъ, а слухами о томъ, что можно деньги не платить и что въ такое тяжелое время кредитное товарищество не рискнетъ продавать имущество неплательщиковъ. Поддерживаются преувеличенныя надежды и письмами солдатъ съ войны о томъ, что имъ, какъ защитникамъ родины, недоимки простятся. У насъ до сорока тысячъ неуплаченныхъ ссудъ. Но все это поправится и уладится... Не дай Богъ только опять вернуться къ старому. У насъ даже бывшіе пьяницы боятся только того, чтобы не разрѣшили послѣ войны пить водку.

Я спросилъ въ заключеніе, что дѣлаетъ само земство для утвержденія народа въ трезвости. Предсѣдатель искренно отвѣтилъ:

— Добрыхъ желаній у насъ много, но до общаго собранія осенью мы не можемъ осуществить нѣкоторыя намѣренія. Мечтаемъ мы и о подвижномъ музеѣ, и о систематическомъ курсѣ чтеній и т. д. Люди у насъ есть, и деньги найдутся у общаго собранія гласныхъ. Наше земство довольно живое и отзывчивое.

Слѣдующая на нашемъ пути была деревня Никольское. Здѣсь я услышалъ характерное мнѣніе о томъ, что прежде многоземельный мужикъ сдавалъ землю въ аренду, а теперь не сдаетъ ея, а самъ обрабатываетъ; прежде сдавалъ и бралъ деньги на выпивку, а теперь этого ужъ никто не дѣлаетъ.

Въ огромной деревнѣ Семидесятое учитель школы М. А. Кузнецовъ, бывший членъ второй Государственной Думы, говоритъ, что къ нему нерѣдко обращаются крестьяне съ наивной просьбой:

— Къ нашему празднику не откроютъ ли «казенку»? Похлопочи, пожалуйста, чтобы ея не было у насъ. И хорошій плотникъ ходилъ прежде въ опоркахъ и рваной поддевкѣ, а теперь у всѣхъ завелись деньги, и всѣ пріумыслились... Не хотимъ стараго.

Будучи распорядителемъ кредитнаго товарищества, г. Кузнецовъ говоритъ, что теперь менѣе берутъ ссудъ, а больше дѣлаютъ вклады.

— Не суммы больше, а число вкладовъ больше, — пояснилъ онъ. — Прежде несли крупныя вклады купцы, а теперь сѣрый крестьянинъ несетъ. Его вклады мелкіе, но ихъ больше числомъ. Даже досрочная уплата явилась: ноябрьскую уплату уплатили уже въ апрѣлѣ и маѣ. Прежде передъ праздникомъ брали и маленькія ссуды на «винополю», а теперь не берутъ совершенно.

По возвращеніи въ Воронежъ я зашелъ въ губернскую земскую управу. Ея предсѣдатель, В. Н. Томановскій, въ крайне обстоятельной рѣчи познакомилъ меня съ положеніемъ дѣлъ въ губерніи

въ связи съ отсутствіемъ водки и между прочимъ обратилъ вниманіе на то, что деньги у крестьянъ есть...

— Это видно изъ того, что передъ заводами и складами черепицъ и бетоновъ толпы мужиковъ стоятъ длинными рядами, ожидая очереди, какъ за билетами на Шаляпина. Взносъ въ земскую управу идетъ тоже обычно, и мы не жалуемся. Солдатки не всегда вносятъ, потому что онѣ надѣются, что съ нихъ не будетъ взыску. Онѣ франтятъ, пьютъ чай въ чайныхъ и ждутъ только своихъ выгодъ у начальства. Для васъ будетъ интересенъ также кризисъ кредитныхъ товариществъ... Ничего такого не бывало ранѣе... Вклады растутъ, а ссуды сокращаются, т. е. сокращаются кредитныя операціи. Проценты на вклады товарищество должно платить; а капиталы не расходуются. Создается небывалое явленіе...

III.

Черезъ нѣсколько дней я поѣхалъ въ села Выкрестово и Усмань Воронежскаго уѣзда.

Я пріѣхалъ въ Выкрестово къ священнику Тихону Черницкому, который принялъ меня и двухъ моихъ спутниковъ изъ акцизнаго управленія безъ признаковъ суетливости или подозрительности, какъ часто бывало въ домахъ другихъ священниковъ. Отецъ Тихонъ, лѣтъ сорока пяти, красивый и высокій мужчина, съ крупными чертами лица, большимъ ртомъ и холодными, самоувѣренными глазами. Видимо, онъ привыкъ къ тому, чтобы его слушали, чтобы ему повиновались, а если не хотятъ, то онъ достигнетъ своихъ цѣлей, благодаря краснорѣчію, природному уму и, повидимому, безкорыстію.

Сидя на балкончикѣ въ тѣнистомъ садикѣ, я слушалъ его разговоръ съ В. Н. Щепетильниковымъ и П. Л. Свищевымъ, которые ѣхали въ с. Усмань читать крестьянамъ лекцію съ волшебнымъ фононаремъ и кинематографомъ Коха.

Когда рѣчь зашла о внѣшкольномъ образованіи, отецъ Тихонъ тотчасъ же заставилъ всѣхъ насъ слушать его одного.

— Крестьяне,—произнесъ онъ:—во-первыхъ, не любятъ опитанія красотъ природы и переживанія родства съ ней интеллигентныхъ писателей... Это все не мужицкія чувства. Если онъ любить природу, то болѣе просто: идетъ дождь въ маѣ—онъ говоритъ, что сыплются съ неба рубли, и любитъ этой картиной природы. «Тысячный дождь», говоритъ онъ въ восторгѣ. Май дождливый—годъ хлѣбородный... Задымилась рожь по вѣтру—это идетъ золотисто-сѣрое опыленіе ржи: каждая тычинка оплодотворяется и зрѣетъ зерно... Тяжелая красота, но сердечная и сильная! —перевѣивъ самого себя, воскликнулъ отецъ Тихонъ.

Онъ вернулся къ прежней темѣ о внѣшкольномъ образованіи:

— Народъ любитъ, чтобы въ разсказѣ для чтенія не было длиннотъ ни въ описаніи характера, ни обстановки. Ему давай скорѣе дѣйствіе. Сценичность! Лучше сократить чтеніе, но скорѣе выбрайся на гору и говори, что тамъ такое дѣлается... Еще болѣе онъ торопится къ развязкѣ, когда узнаетъ приключеніе, и, наконецъ, онъ очень равнодушенъ къ «котамъ въ сапогахъ» и другимъ сказкамъ.

— А что же по содержанію правится народу?—спросилъ я.

— Правятся,—быстро отвѣтилъ онъ,—всѣ разсказы на нравственные мотивы. Сердечная отзывчивость писателя близка народному сердцу. «Сиротка Даша» самая несчастная, но она помогаетъ всѣмъ; «Докторъ Гаазъ»—человѣкъ высокаго положенія и большаго состраданія даже въ арестантахъ. Героизмъ тоже правится нашему крестьянину. У кулака бѣднякъ-батракъ рискуетъ своей жизнью, спасая во время пожара дочь безсердечнаго хозяина. Великодушіе и прощеніе тоже очень правятся... «Отецъ Кронидъ» обезоруживаетъ грабителя лаской и кротостью, читается охотно. Разсказы по исторіи, естествознанію и агрономіи крестьяне любятъ слушать, но сами не читаютъ ихъ... Если будете разсказывать, то народъ коломъ не выгнать изъ села. Бесѣда нужна, живое слово къ прочтенному...

— Ну, а газеты какъ читаются въ народѣ?—спросилъ кто-то изъ насъ.

Отецъ Тихонъ задумался и отвѣтилъ не разомъ.

— Конечно, читаютъ про войну прежде всего, а потомъ про убійства и хулиганство. Народъ любитъ тревожить свое воображеніе приключеніями. Это вліяніе газеты на толпу не правится мнѣ.

— А замѣтно,—спросилъ я:—что народъ потянулся къ газетѣ?

— Очень. Послѣ водки онъ потянулся и къ газетѣ, и къ картамъ... Тутъ нѣтъ странности. Газета занимаетъ человѣка на минуту, а потомъ мужикъ бросаетъ ее, и остальное время у него идетъ на карты.

— А если бы онъ шелъ къ вашему «дѣтищу?»—продолжалъ я, указавъ священнику на народный домъ, который стоялъ противъ его квартиры не достроеннымъ, но уже съ красивымъ фасадомъ.

Отецъ Тихонъ радостно оживился и воскликнулъ счастливымъ голосомъ:

— Это, правда, мое дѣтище... Радуетъ оно меня, но растетъ ужъ очень медленно. Денегъ нѣтъ на его питаніе. Личными силами, моими просьбами да добровольными приношеніями прихожанъ строимъ мы его. Крестьяне даромъ берутъ матеріалъ, даромъ работаютъ, и только земствомъ дано было на первую закладку дома двѣ тысячи рублей. А вотъ видите, онъ уже о четырехъ стѣнахъ, и въ немъ уже отведены комнаты и для чтеній, и для сцены, и для бібліотеки, и для кооперативовъ... Задумано широко, но доведу ли я его до конца—Богъ знаетъ. Просилъ я помощи у богатыхъ лю-

дей и въ комитетахъ трезвости, да толку мало. А между тѣмъ народный домъ—это матка въ ульѣ пчель; это все изъ чего вырастетъ и обновится деревня... Я, можетъ быть, увлекаюсь, но это увлеченіе необходимо мнѣ, чтобы выстроить домъ и вѣрить въ его миссію. Народъ полюбитъ то мѣсто, гдѣ онъ научится уму-разуму и гдѣ отдохнетъ его сердце. Я вижу это въ школѣ на дѣтяхъ. Они съ необыкновенной любовью приготовляются къ елкѣ въ школѣ, къ пѣнію на дѣтскихъ праздникахъ, и для нихъ нѣтъ ничего ужащеннаго, исправительнаго наказанія, если сказать виновному, что ты не будешь участвовать въ елкѣ, не будешь имѣть роли въ театрѣ или не будешь пѣть въ хорѣ... Это самое большое для шалуна горе. Если онъ изъ года въ годъ привыкнетъ видѣть въ народномъ домѣ и театрѣ, и пѣніе, и образованіе, то, когда онъ вырастетъ, у него возникнетъ связь съ народнымъ домомъ и учительствомъ... Онъ всегда будетъ имѣть здѣсь и повторные курсы, и новыя; онъ всегда здѣсь найдетъ и бібліотеку, и лекторовъ... Надо только, чтобы въ устройствѣ народныхъ домовъ, а главное въ веденіи ихъ, участвовалъ самъ народъ, какъ онъ участвуетъ и въ коопераціяхъ.

Я слушалъ священника съ большимъ вниманіемъ и удивлялся про себя тому, что никто не пришелъ до сихъ поръ на помощь такому идейному дѣятелю на народной нивѣ.

Онъ самъ грустно смѣялся надъ своею судьбой.

— Крестьяне не знаютъ еще хорошо, что строить ихъ священникъ... Трогательно, когда они везутъ сюда строительный матеріалъ и, не видя конца постройки, говорятъ мнѣ: «Чего ты все строишь? Самъ не знаешь. Туманный домъ твой...»

«— Народный домъ, говорю...»

«— Что жъ это? Сажать насъ туда будутъ?»

Священникъ смѣялся самъ этой исторіи народнаго дома, выстроеннаго мужицкой самопомощью, а мнѣ, всматриваясь въ его воодушевленное смѣлой мыслью лицо, казалось, что я присутствую при зарожденіи великихъ драмъ Ибсена на русской почвѣ. Какими маленькими схоластиками передъ этимъ «Брандомъ» стали казаться мнѣ множество другихъ лицъ, съ которыми судьба меня сталкивала по вопросу о борьбѣ съ зеленымъ змиемъ.

Послѣ бесѣды съ отцомъ Тихономъ я поѣхалъ въ деревню Усмань, гдѣ мои спутники должны были въ сельской школѣ читать для народа съ волшебнымъ фонаремъ «Пѣснь о купцѣ Калашниковѣ» Лермонтова и чей-то разсказъ: «Безъ вина одно горе, а съ виномъ—старое одно да новыхъ два». Чтеніе привлекло множество народу, несмотря на рабочую пору.

Разговаривая объ этомъ уже въ Воронежѣ съ Новосельскимъ, я услышалъ отъ него интересное мнѣніе.

— Если,—говорилъ онъ,—къ крѣпкимъ напиткамъ прибѣгаютъ для полученія чувства удовольствія, разнообразія и богатства впе-

чатлѣннѣй, то единственно раціональными мѣрами для предотвращенія пьянства естественно являются мѣры просвѣтительнаго характера (вечерніе курсы, воскресныя школы по кустарному производству и различнымъ ремесламъ, народныя чтенія и бесѣды для взрослога населенія, народныя дома, бібліотеки читальни, чайныя-читальни, музеи, кинематографы) и въ то же время такія, которыя въ психическомъ отношеніи равнозначащи алкоголю, т. е. вызывали бы въ народѣ тѣ же чувства, что и алкоголь: чувство удовольствія, разнообразія и богатства впечатлѣннѣй, захватывали бы его собою и заставляли отрѣшиться отъ повседневной жизни. Такими свойствами вызывать въ душѣ человѣка эстетическія чувства обладаетъ искусство, а потому необходимо стремиться къ распространенію среди народа демократизированнаго искусства (народный театр, народный хоръ, народный оркестръ, литературно-музыкально-вокальные вечера для народа, спортивные кружки, народныя праздники, праздники древонасажденія, дѣтскія площадки).

Встрѣтивъ во мнѣ полное сочувствіе своимъ словамъ, онъ продолжалъ разговоръ о томъ же укрѣпленіи въ народѣ трезвости, причѣмъ выяснилось, что г. Новосельскимъ велись бесѣды съ священниками нижнедѣвицкаго собора и церковей селъ Першина, Спихъ Липяговъ, Хорошилова, Архангельскаго, Дмитріевскаго, Солдатскаго, Городища, Шаталовки, Краснаго, Истогнаго и Семидесятнаго о внушеніи крестьянамъ не употреблять крѣпкихъ напитковъ при свадьбахъ, крестинахъ, общественныхъ помочахъ и работахъ. Онъ также настаивалъ на учрежденіи при церквахъ обществъ трезвости, приходскихъ попечительствъ и ихъ содѣйствіи въ борьбѣ съ нетрезвостью, на собесѣдованіи духовенства съ прихожанами въ праздники послѣ вечерни. Духовенствомъ выражена была полная готовность содѣйствовать укрѣпленію въ народѣ трезвости. Но при этомъ иногда проскальзывали замѣчанія, что борьба съ нетрезвостью составляетъ обязанность полиціи и низводитъ пастырей церкви на ступень полиціи неудобно, что для духовенства являются недоумѣнными новыя функціи акцизныхъ чиновниковъ, а однимъ изъ священниковъ высказано было, что народъ нужно не развлекать, а пріучать къ труду, такъ какъ онъ ничего не дѣлаетъ и потому пьянствуетъ, и что поученіе народа—дѣло пастырей церкви, а не свѣтскихъ лицъ, которыя могутъ распространить бунаковскія идеи, какъ было въ 1905 году.

IV.

Отъ станціи Лиски за Воронежемъ я поѣхалъ въ городъ Павловскъ на пароходѣ по Дону. Тихая рѣка имѣетъ съ правой стороны мѣловыя горы, а съ лѣвой—небольшія лѣса. Не доѣзжая Бѣлогородскаго монастыря, по берегу Дона тянется владѣніе Тевяшевыхъ,

и въ ихъ имѣніи «Колыбельки» устроены на собственные средства Е. Н. Тевяшевымъ народный домъ, въ которомъ была и сцена, и аудиторія для народнаго чтенія, и библіотека. Послѣ его смерти народнымъ домомъ перестали заниматься, и онъ былъ переданъ церковному попечительству. Завѣдывающій имъ священникъ обратилъ народный домъ въ пріютъ для страдающихъ хроническими болѣзнями, и народный домъ утратилъ свое назначеніе.

Одинъ изъ совладѣльцевъ, В. Н. Тевяшевъ, съ которымъ я познакомился на пароходѣ, грустно замѣтилъ:

— Все было заведено моимъ братомъ и держалось имъ... Были и при немъ недостатки: деревенская молодежь всю ночь гуляла въ народномъ домѣ, а надо, чтобы гулянье было до опредѣленнаго часа. Но молодежь охотно слушала концерты и чтенія. Теперь и въ другихъ мѣстахъ заводятся даже путешествующіе кинематографы и возводятся народные дома, а у насъ онъ заглохъ.

На томъ же пароходѣ я разговорился и съ простонародьемъ.

Одинъ хохолъ, видимо, изъ обѣднѣвшихъ, ѣхавшій зарабатывать деньги на Кавказъ, точно кого-то оспаривая, произнесъ:

— Еслибъ народъ былъ пропившимся, то онъ такъ скоро не примирился бы съ лишеніемъ водки и не молилъ бы Бога, чтобы и впредь не было ея. Народъ нашъ не столько пилъ, сколько соблюдалъ дурной обычай: пить при случаѣ... Бѣднякъ, и тотъ бралъ для свадьбы двѣ четверти вина: одну себѣ, а другую—попу. Онъ бы и не пилъ, да нельзя. Обычай нашъ... Да бѣднякъ и не жалѣетъ послѣдней копейки. Безъ нея или съ ней—все одно не выйти ему изъ нужды. Копейка не бережетъ рубля, а рубли берегутъ доходъ. Теперь,—смѣясь, продолжалъ онъ,—народъ водку да селедку смѣнилъ на хлѣбъ съ сахарнымъ пескомъ. Нанимаясь въ работники, онъ прежде выговаривалъ себѣ стаканъ водки и селедку на закуску, а теперь водки нѣтъ, селедку запивать плохой водой нехорошо—ну, и стали работники выговаривать себѣ хлѣбъ съ сахарнымъ пескомъ... Добро. Совсѣмъ иначе стали дѣла рѣшать. Мухобоя совсѣмъ не стало на работѣ и на улицѣ.

— А одеколонъ пьете?

Рабочій-косарь опять беззаботно засмѣялся, признаваясь:

— Выпьешь его—пьянь, а завтра выпьешь стаканъ воды—опять пьянь... Добро. Шестьдесятъ въ немъ градусовъ спирта. Ну, а съ керосина пьянь не будешь, а жжетъ... Загорится внутри лучше, чѣмъ отъ винограднаго вина. Послѣднее-то не забираетъ и не царапаетъ внутренности, а только холодно... Въ Павловскѣ виноградное вино продаютъ въ лавкахъ, да мужики въ деревняхъ его не уважаютъ. Вотъ «Авражій»¹⁾ спиртъ, вмѣсто натиранья, пьемъ и мы.

¹⁾ Въ Павловскѣ былъ докторъ Авражіо, который прописывалъ для натиранія спиртъ.

Въ Павловскѣ пароходъ прибылъ довольно поздно. Было уже десять часовъ ночи, но мѣстный акцизный надзиратель сказалъ, что у него на квартирѣ меня ждутъ исправникъ и предсѣдатель уѣздной земской управы. Зная, что павловское земство и администрація были наиболѣе косны въ отрезвленіи народа, я нѣсколько удивился готовности представителей гор. Павловска удѣлить мнѣ даже ночное время для бесѣды съ ними.

Эта бесѣда, однако, не была продолжительной.

Исправникъ завелъ особыя карточки, безъ которыхъ жителямъ гор. Павловска нельзя покупать одеколонъ и злоупотреблять имъ.

— Съ аптекой труднѣе бороться,—сказалъ онъ.—Если покушки гофманскихъ капель въ день возросли до ста случаевъ, а ранѣе и двухъ-трехъ не было, то, значить, ими опьяняются. А какъ не продавать эти капли, если онѣ нужны въ каждомъ домѣ?

О свободной продажѣ винограднаго вина въ гор. Павловскѣ онъ отозвался такъ, что бутылочка-другая уже проникаетъ и въ деревни, но покуда очень мало. Что касается картежничества, то оно усиливается, даже съ шулерствомъ; но среди мѣстныхъ солдатокъ картежницъ не замѣчается.

— Цѣны на рабочія руки страшно возросли,—продолжалъ онъ.—Прежде женщина получала въ день сорокъ копеекъ, а нынѣ семьдесятъ пять копеекъ и даже рубль. Солдатки идутъ на заработки и, кромѣ того, получаютъ казенный паекъ. Всѣ ихъ получки распадаются въ нашей мѣстности приблизительно такъ: часть вносится въ банкъ, часть идетъ на наряды, часть на наемъ рабочаго для полевыхъ работъ и остальная часть на содержаніе себя и дѣтей. На карты нѣтъ денегъ.

Предсѣдатель управы все время молчалъ, и, видимо, ввѣренное ему земство беззаботно относится къ новому быту крестьянъ. На вопросъ о мѣрахъ къ утвержденію трезвости онъ дипломатично сказалъ, что всѣ средства земства идутъ на войну.

На другой день я уже выѣхалъ въ слободу Елизаветовку.

Мѣстный священникъ, отецъ Евгеній Чернышевъ, радостно отозвался:

— Неправильны слова св. Владимира о томъ, что на Руси веселіе—пити есть... Теперь у насъ веселье въ трезвости и трудолюбіи. Раньше всякій думалъ, что никакого дѣла нельзя сробить безъ горилки, а теперь не треба ея. Ни якъ не треба! На иномъ пьяницѣ и кожуха въ поминѣ не было, а теперь надѣтъ. Прежде изъ церкви шли по шинкамъ, а теперь въ волость читать газеты.

— А карты?—спросилъ я.

— Все, что имѣетъ связь съ запрещеніемъ винной торговли,—перевелъ священникъ:—все одно хорошее, а карты были и раньше. Боже сохрани, если опять откроютъ лавки.

— А какъ свадьбы идутъ безъ водки?

— Квасовъ у насъ нѣтъ, но фруктовую воду пьютъ... Поганый обычай. Непремѣнно пить, когда невѣсту поздравляютъ и когда она сама подносить. А всѣ эти сидры сдѣланы на сырой водѣ, выпиваютъ много, и у всѣхъ потомъ животы болятъ. Пьютъ сначала даже по рюмочкѣ, какъ будто горилку, а потомъ хозяинъ кричитъ жинкѣ, чтобы она въ миску лила да ложки несла... Ну, и напрутся этой воды, и хвораютъ послѣ сильно. Но и это лучше, чѣмъ прежде... Я замѣчаю, что въ пьяныхъ семьяхъ много идиотовъ среди дѣтей... Инемудрено... «Какой это праздникъ—жалуется иной крестьянинъ:—всего три раза блевалъ, а раньше каждые полчаса...» Неудивительно, что такой родитель перѣдко приносилъ и большое потомство.

Нѣсколько крестьянъ, однако, отозвались о прошломъ съ сожалѣніемъ:

— Безъ горилки—погано... Обмерзъ человекъ на плотяхъ или рыбацкѣ на Дону, али лошадь завалится весной въ зажору—какъ же спасти ихъ безъ горилки? А ранѣ вытащишь лошадь изъ холодной воды, залипнетъ она вся въ ледъ, вольешь ей въ горло полбутылки водки, она и разогрѣется, и ѣдетъ опять...

Воодушевленный доводами о полезности водки, пожилой малороссъ энергично воскликнулъ:

— Ну, якъ же це быть безъ горилки? Я захворалъ—треба горилка... Что жъ мнѣ пропадать, чи що?

Конечно, этотъ жалобщикъ не знаетъ, что даже во время осады Плевны тѣ солдаты замерзали, которые имѣли съ собою водку, и что тѣ войска въ дурную погоду дѣлаютъ значительно большіе переходы, которые обходятся безъ чарки водки.

Въ слѣдующей слободѣ Петровкѣ священникъ о. Василій Владимировъ не менѣе толково посвятилъ меня въ мѣстную жизнь.

— Наше большое мѣсто—это были базарные дни: понедѣльникъ и пятница,—сказалъ онъ.—А теперь никто не козыряетъ дурнымъ словомъ, и три призыва прошли безъ воровства. Среди хохловъ послѣ водки нѣтъ и картежничества. Пастушонки играютъ въ триплетка... Скучно имъ въ полѣ, цѣлое лѣто живутъ на полѣ со скотинкой. Ну, еще на Пасху играютъ на яйца, пока есть красныя яйца..., короткое время. Къ войнѣ относятся одинаково: жалѣютъ, что ушелъ отецъ, ушелъ мужъ, но ропота и озлобленія нѣтъ. Всѣ посѣялись, но убирать будетъ труднѣе: рабочихъ рукъ мало, особенно косарей... Для «трезваго досуга» у крестьянъ ничего не сдѣлано. Я какъ-то устроилъ читальню-библіотеку, но крестьяне малограмотны и не привычны читать. Они болѣе годны слушать, чѣмъ читать. Такъ и закрылась моя читальня. Да и досуга къ чтенію очень мало. Осенью и зимой—дни короткіе, а лѣтомъ нѣтъ времени... Какъ будто нѣтъ и надобности занимать трезвый досугъ!—воскликнулъ о. Василій.—Пустого времени, послѣ уничтоженія

водки, тоже нѣтъ... Иногда кажется, что мужики сидятъ попусту въ чайныхъ, а въ дѣйствительности и здѣсь они не бездѣльничаютъ. Эти чайныя у нихъ та же торговая биржа. Народъ у насъ не только хлѣборобы, но и кустари. Въ чайныхъ онъ наводитъ справки о цѣнахъ, о спросѣ и сбытѣ, и здѣсь же онъ получаетъ заказы. Даже зимой, у кого есть деньги, тотъ либо торгуетъ и ѣдетъ съ товаромъ по губерніи, либо беретъ лѣсную дѣлянку и разрабатываетъ ее. У кого есть лошадь, тотъ занятъ вывозкой лѣса; у кого нѣтъ лошади, тотъ работаетъ въ лѣсу топоромъ... Такъ вся зима и идетъ у здѣшняго народа. Короче скажу,—продолжалъ священникъ свою интересную рѣчь:—по нашей мѣстности закрытіе торговли крѣпкими напитками не особенно сильно отразилось. Здѣшній народъ—петровский: малопьющій и работающій со временъ Петра Великаго... Вотъ вы поѣдете далѣе и увидите казенный лѣсъ («Шиповская роща») отъ слободы Петровки до Бутурлиновки. Изъ этого лѣса Петръ Великій бралъ матеріалъ для кораблей, которые изъ Павловска сплавлилъ по Дону къ Ростову. Встрѣтите вы цѣлый рядъ деревень, связанныхъ съ трудовой дѣятельностью царя-работника: Пузово—это деревня, откуда крестьяне дѣлали кораблямъ пузо, самую лодку; Клепово—это деревня, откуда крестьяне клепали корабли; Гвозда—гдѣ дѣлали для кораблей гвозди и т. д. Весь вашъ путь усѣянъ петровскими слободами и деревнями съ необыкновенно трудолюбивымъ населеніемъ. Здѣшній крестьянинъ, если бы не дождь и не праздникъ, свалился бы съ ногъ на работѣ отъ переутомленія. Онъ круглый годъ работаетъ, отдыхая только въ весеннее и осеннее ненастье... Здѣсь народъ отменно рабочій. Совѣмъ иной, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ. Петровский народъ!

V.

Почти такой же трудолюбивый «петровский» народъ я встрѣтилъ и въ слободѣ Воронцовкѣ.

Мѣстный священникъ Михаилъ Самецкій съ похвалой отозвался о немъ:

— Обликъ народъ безъ водки измѣнился. Смотришь на него, бывало, весь онъ какой-то переутомленный, черный, а теперь посвѣтлѣлъ, и въ самомъ взглядѣ явилось сознаніе. У насъ развито кустарное производство. Дѣлаютъ тарантасы, сани, колеса... Въ отхожіе промыслы ходятъ только дѣвицы на Кавказъ. Матери у насъ не одѣваютъ дочерей. Всѣ заработки дѣвокъ идутъ на наряды. На приданое по-городски одѣваются и франтятъ. Мужики же берегутъ рубли и несутъ въ кассу. Несутъ и несутъ, а гдѣ берутъ—удивительно!

Говоря о томъ, что въ Воронцовкѣ многіе стали выписывать газеты, священникъ Самецкій прибавилъ:

— Сказать правду, нашему воронцовскому мастеровому - кустарю, работающему съ утра до вечера, некогда читать. Книжнымъ дѣломъ некогда заниматься.

Онъ повторилъ почти то самое, что я слышалъ и отъ священника Владимірова въ слободѣ Петровкѣ о труженичествѣ мѣстныхъ крестьянъ, не имѣющихъ свободнаго времени.

— Надо бы,—сказалъ священникъ Самецкій,—по праздникамъ сдѣлать, чтобы народъ гдѣ-нибудь собирался для бесѣды. Нуженъ народный домъ въ каждой большой слободѣ. Есть у насъ училище имени фельдмаршала Воронцова. Въ немъ возможны и бесѣды, и чтенія, но прежде инспекторъ городскихъ училищъ не разрѣшалъ занимать помѣщеніе училища, а теперь это разрѣшено и воронежскимъ губернаторомъ, и директоромъ народныхъ училищъ, но въ Павловкѣ председатель уѣздной земской управы требуетъ каждый разъ отдѣльнаго у него разрѣшенія... Будто бы онъ не можетъ дать согласіе разъ навсегда... Говорять такъ о немъ. Все это тормозитъ дѣло. За немѣнѣемъ куда дѣваться (нельзя же все по улицамъ таскаться) парни и дѣвки идутъ въ Шиповскую рошу (Корабельную рошу)... Тысяча человѣкъ идетъ, а современемъ сто человѣкъ останется въ ней до утра...—не досказывая своей мысли, священникъ замолчалъ.

Я обратилъ вниманіе на рошль въ его комнатѣ, и онъ опять оживленно сталъ говорить:

— Это я съ дѣтми музицирую... Съ крестьянскими дѣтми. Среди нихъ много музыкальныхъ и вокальныхъ талантовъ. Въ Воронцовкѣ женщины на улицѣ не поютъ, а поютъ въ церкви. Мужчины поютъ и на улицѣ. У меня былъ хоръ изъ шестнадцати пѣвицъ, отъ десятилѣтнихъ до пятнадцатилѣтнихъ школьницъ. Мы уже концерты платные давали во время японской кампаніи. Вечеръ въ Воронцовкѣ давалъ до ста рублей выручки. Мы играли дѣтскія оперы: «Снѣгурочка», «Золушка», «Снѣгирь и ласточка»... А 15-го января 1915 года хоръ любителей, подъ моимъ руководствомъ, пѣлъ черногорскій народный гимнъ («Славень сильный»), сербскій («Боже сильный»), бельгійскій («Оковы рабства разбивая»), англійскій («Боже, на долги дни»), французскій («Впередъ безъ страха»), русскій («Боже, Царя храни») и отдѣльныя народныя пѣсни. Чистый сборъ поступилъ на военныя нужды.

Передавая подробности своей артистической дѣятельности среди воронцовскихъ крестьянъ, престарѣлый священникъ помолодѣлъ духомъ, въ особенности, когда къ намъ пришла его жена, жизнерадостная и во всемъ ему сочувствующая. Узнавъ о дѣлѣ моихъ странствованій по слободамъ Павловскаго уѣзда, она радостно отозвалась:

— Закрытіе торговли виномъ—торжество нашихъ бабъ, а франтятъ только солдатки да гожіе... Да какъ и не пріодѣться иной женщиной, если мужъ безъ водки опять зоветъ ее по имени, а прежде все стерва да чертовка. Богъ повятіе далъ людямъ безъ водки.

Священникъ Сامةцкій слушалъ жену такъ же ласково, какъ, вѣроятно, онъ слушалъ ее, будучи еще женихомъ... Они вмѣстѣ одновременно, съ двухъ сторонъ, повѣдали мнѣ и то, что у нихъ сочинена пѣснь про тотъ Корабельный лѣсокъ, куда молодежь обоого пола за послѣдніе годы любить ходить на прогулки до поздняго часа...

— Поютъ нашу пѣсенку, — радостно продолжалъ священникъ и, по моей просьбѣ, охотно продиктовалъ мнѣ ее:

Ахъ, что же это за лѣсочекъ,
За зелененькій такой?
Ахъ, что же это за молодчикъ,
За красавчикъ молодой?
Пустиль славушку худую,
На всю улицу позоръ...
На всю улицу позоръ—
На дѣвушку наговоръ...
И всѣ люди про то знаютъ,
Всѣ сосѣди говорятъ.
За глаза его ругаютъ,
А въ глаза ее бранятъ:
«Стыдно, стыдно, дѣвчонокъ,
Поздно вечеромъ ходить,
А стыдиѣ красавицѣ
Да молодчика любить...»

Конечно, дѣло не въ этой поэтической шалости священнической музы, а въ чисто юношескомъ воодушевленіи пастырской четы, убѣжденной сѣдыми волосами и горящей искреннимъ желаніемъ просвѣтить свою паству и словомъ Божиимъ, и поэтическимъ даромъ въ пѣснѣ и звукахъ рояля... Дай Богъ больше живыхъ и отзывчивыхъ людей въ нашей церкви на всѣ запросы большой народной жизни!

VI.

Изъ Павловскаго уѣзда я переѣхалъ въ Бобровскій. Въ большинствѣ его деревень и слободъ народъ не додумался до суррогатовъ спиртныхъ напитковъ, и въ глухія мѣста даже денатуратъ не проникаетъ. Здѣсь я услышалъ мнѣніе трезвыхъ крестьянъ о томъ, что и тотъ народъ, который на войнѣ, будетъ теперь трезвъ, если запрещеніе торговли водкою останется попрежнему. Простую логику вещей они понимаютъ...

По приѣздѣ въ слободу Бутурлиновку, напоминающую размѣрами уѣздный городъ, мнѣ говорили, что киндербальзамъ и зубной бальзамъ поступили въ Бобровскій уѣздъ большой партией отъ московскаго дрогиста съ нѣмецкой фамиліей.

Говоря о немъ, бутурлиновцы поясняли:

— Гдѣ запрещенъ киндербальзамъ, туда посылали зубной, а гдѣ запрещенъ зубной эликсиръ (тотъ же подкрашенный спиртъ),

туда отправляли киндербальзамъ. А лучше пусть мы будемъ пьяными, а не тайными виноторговцами... А еще лучше ни тѣхъ, ни другихъ.

Случалось, что больные алкоголизмомъ спрашивали меня:

— Неужели къ нашему празднику не разрѣшать? Неужели до конца войны не откроютъ казенки? Неужели одинъ чай пить съ барбаристовыми конфетами?

— Шли бы въ народный домъ и послушали, что тамъ читаютъ про водку и про тѣхъ, кто отравился ею,—отвѣтилъ я...

Меня перебили тѣ же алкоголики:

— Нанимало когда-то попечительство о народной трезвости подъ народный домъ чужое зданіе... Были въ немъ читальня, библіотека, чайная... А теперь попечительство прекратило давать деньги за помѣщеніе, и владѣлецъ сдѣлалъ изъ народнаго дома частную свою чайную... Вонъ въ Козловкѣ, въ двѣнадцати верстахъ отъ Бутурлиновки, священникъ Василій Богатыревъ читаетъ каждое воскресенье народу... У него свои картины и волшебный фонарь. Народъ валомъ валить къ нему. Теперь онъ ужъ и не объявляетъ заранѣе о чтеніи. Тогда народъ, собравшись на чтеніе, всѣ окна повываивать... Вотъ учительница голодаевской школы говорила, что на устроенномъ ею въ тѣсномъ и неудобномъ помѣщеніи земской школы спектакль для дѣтей и взрослыхъ была такая тѣснота и духота, что не горѣли лампы, чуть не подавили дѣтей и она сама едва не упала въ обморокъ. Послѣ этого случая вечеровъ для публики она уже не устраивала.

— Надо строить собственный народный домъ,—отозвался я.— Спрось на чтеніе огромный, и жителей у васъ около пятидесяти тысячъ.

Кто-то изъ присутствовавшихъ замѣтилъ, что въ Бутурлиновкѣ отлично работаетъ садъ съ кинематографомъ; имѣется общественное собраніе, куда сапожники ходятъ съ женами и грудными дѣтьми.

— Играютъ въ лото,—произнесъ сбоку меня мѣстный полунинтеллигентъ. —До войны игра была запрещена, но благодаря фокусу—отчисленіе двадцати процентовъ съ дохода клуба въ комитетъ для раненыхъ—губернаторъ разрѣшилъ лотошникамъ играть... Мало развлеченій у народа. Теперь и въ церквахъ не хватаетъ мѣста... Прежде больше старухи, а теперь безъ водки всѣ идутъ молиться, и грѣховъ стало меньше. До войны судебный слѣдователь не выѣзжалъ изъ Бутурлиновки. Всякій день убійства среди сапожниковъ... Имѣлся у насъ и ледникъ для сохраненія убитыхъ, а теперь онъ пустой. Безъ водки прекратилась и попожовщина у сапожниковъ. Теперь если и отравится гдѣ одинъ или двое отъ политуры, то прежде въ той же деревнѣ двадцать человѣкъ умирало отъ водки... Это мы забыли, а надо бы помнить.

Я сталъ разспрашивать о картежничествѣ и очень былъ удивленъ отвѣтомъ «сапожниковъ».

— Пріѣзжаютъ къ намъ въ Бутурлиновку,—сказали они,—гастролеры изъ другихъ деревень въ карты играть... Вотъ и недавно пріѣхали москали изъ Орловки и обыграли кое-кого.

Въ мѣстномъ кредитномъ товариществѣ я узналъ о сокращеніи вообще торговли, несмотря на увеличеніе вкладовъ.

— Уходя на войну, сапожники оставшіяся у нихъ деньги вносятъ въ кредитное товарищество; рыночная торговля сапогами въ самой Бутурлиновкѣ уменьшилась... Сапожники работаютъ на армію, но не для рынка, и потому деньги мелкихъ скупщиковъ остаются не израсходованными и вносятся въ кассу товарищества. Наконецъ и не пропитыя деньги идутъ въ ту же кассу. А выдача денегъ сократилась: некому давать и нѣтъ нужды въ деньгахъ. Кустарь-сапожникъ избавился отъ скупщика, имѣя военные заказы, а хулиганства и совсѣмъ нѣтъ, будто что и не было его.

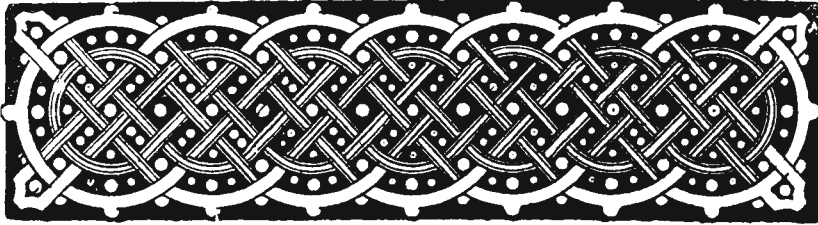
Многихъ сапожниковъ я спрашивалъ и о церковно-приходскихъ «братствахъ». Они знали, по слухамъ, о наблюденіи духовенствомъ за нравами обывателей и не мирились съ «цензурою нравовъ».

— Никакое «братство» въ Бутурлиновкѣ существовать не можетъ! восклицали многіе раздраженно и безсвязно.—Чтобы кто-то другой сдѣлалъ хорошее, а чтобы ихъ собственныя имена красовались, а сами они не дѣлали бы... У насъ полное къ нимъ недовѣріе. Никакимъ престижемъ теперь не пріобрѣтешь его. Были у насъ запросы, а отвѣтовъ никогда...

По отрывочнымъ словамъ взволнованныхъ ораторовъ я догадывался, что они ожесточены всякимъ намекомъ о сектанствѣ среди нихъ и помнятъ хорошо Высочайшій указъ 17 апрѣля 1905 г. о вѣротерпимости. Сами они даже терпимо относятся къ жителямъ села Озерки въ тридцати верстахъ отъ Бутурлиновки. По ихъ рассказамъ, тамъ живутъ русскіе мужики, но исповѣдующіе еврейскую вѣру (талмудъ). Эти «еврействующие славяне» болѣе евреи, чѣмъ сами евреи, и, тѣмъ не менѣе, бутурлиновскіе сапожники утверждаютъ, что это никому не мѣшаетъ жить и «когда Богъ дастъ попятіе, тогда человѣкъ самъ исправится»...

А. И. Фаресовъ.

ГРАФЪ СЕРГѢЙ ЮЛЬЕВИЧЪ ВИТТЕ.¹⁾

(Матеріалы для біографіи).

XXIII.

О ДОРОГѢ изъ Портсмута Витте побывалъ въ качествѣ почетнаго гостя у короля англійскаго и императора германскаго, причемъ посѣщеніе имъ Берлина оказалось чреватымъ большими политическими результатами, подробности которыхъ, къ сожалѣнію, по не зависящимъ отъ автора настоящихъ очерковъ причинамъ, невозможно еще опубликовать. Въ тѣ дни на горизонтѣ европейской жизни нависла темная туча въ образѣ Мароккскаго вопроса, и между Германіей и Франціей отношенія оказались до нельзя натянутыми; косвеннымъ образомъ такое положеніе вещей затрагивало интересы Россіи, такъ какъ въ случаѣ вооруженнаго столкновенія между западными континентальными народами терялась возможность для нашего правительства заключенія того займа, который такъ настоятельно былъ нуженъ въ интересахъ ликвидаціи послѣдствій русско-японской войны и о которомъ мы говорили въ майской книжкѣ нашего журнала. Президентъ Французской республики Лубэ и премьеръ-министръ Рувьѣ, зная о приглашеніи нашего делегата Портсмутской конферен-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историч. Вѣстн.», т. СХLI, стр. 520.

ціи въ Потсдамѣ, настоятельно просили его оказать свое воздѣйствіе на воинствующаго Вильгельма II въ направленіи необходимости мирнаго соглашенія. Дѣйствительно, русскому гостю императора германскаго не стоило большого труда убѣдить послѣдняго пойти навстрѣчу французскому правительству, и Вильгельмъ, какъ мнѣ передавалъ самъ покойный гр. С. Ю. Витте, видя любезность къ нему, далъ соответствующее согласіе на алжевирасскую международную конференцію. Этимъ были предотвращены европейскія осложненія, и, какъ нынѣ оказалось, миръ Европѣ обезпечивался на десять лѣтъ. Конечно, въ игрѣ такого практическаго дѣльца, какъ Вильгельмъ II, элементъ любезности не могъ имѣть большого значенія и за «любезностью» таились практическіе замыслы. Быть можетъ, Германія еще не вполне была готова къ войнѣ, и состояніе міроваго денежнаго рынка не позволяло приступать къ сложнымъ военнымъ операціямъ; можетъ быть, были разныя и другія вѣскія причины, но, какъ бы то ни было, честь улаженія Марокккаго вопроса остается въ лѣтописяхъ исторіи за С. Ю. Витте. Но въ скоромъ времени послѣ его посѣщенія Берлина на его же долю, какъ предсѣдателя Совѣта Министровъ, какъ перваго въ Россіи премьера въ обновленномъ государственномъ строѣ, выпало нанести императору германскому очень сильный ударъ разрушеніемъ плановъ его, созданныхъ и почти осуществленныхъ при посѣщеніи имъ нашихъ финляндскихъ шхеръ и пребываніи въ Біоркэ.

Въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, несомнѣнно, находятся документы, имѣющіе быть когда-нибудь опубликованными, изъ коихъ мы узнаемъ, какъ была близка къ осуществленію тонко задуманная игра Вильгельма. По своему положенію предсѣдателя Совѣта Министровъ гр. С. Ю. Витте сталъ на дорогѣ воинствующему германизму, и когда черезъ десять лѣтъ грянула нынѣшняя война, то Вильгельмъ послѣшилъ сдѣлать распоряженіе объ арестѣ своего бывшего гостя, пользовавшагося тогда леченіемъ въ Наугеймѣ. Но Витте удалось благополучно ускользнуть изъ Наугейма, и Вильгельмъ остался безъ той добычи, которую въ видѣ акта мщенія ему такъ хотѣлось имѣть.

Когда впослѣдствіи мнѣ приходилось касаться въ бесѣдѣ съ покойнымъ графомъ принисываемаго ему германофильства и дружбы съ кайзеромъ, онъ иронически восклицалъ:

— Да, я врагъ нынѣшней войны, ея можно было избѣгнуть, и этотъ «сумасшедшій нахаль», если бы на него во время прищипнуть, пошелъ бы на всякія уступки. Я сторонникъ русско-германско-французскаго континентальнаго союза: только на немъ одномъ можетъ покоиться политическое равновѣсіе и экономическое благополучіе всего міра, но отсюда еще далеко до моей дружбы съ Вильгельмомъ. Вотъ группа, имъ мнѣ подаренная, съ собствен-

«истор. вѣстн.», ноябрь 1915 г., т. склн.

поручнымъ автографомъ пославшаго ее, запомните ее хорошенько: она—историческій документъ. Это—свиданіе въ Біоркэ.

И тутъ онъ мнѣ разсказалъ, какъ ему удалось разрушить планы Вильгельма.

— Неужели вы думаете, что онъ можетъ когда-нибудь мнѣ простить мое вмѣшательство и разрушеніе его тонкой дипломатической паутины? Да арестуй меня онъ въ Наугеймѣ, я не знаю, что бы онъ со мной сдѣлалъ и какое бы ему было наслажденіе имѣть меня своимъ узникомъ. Вотъ тогда досужіе люди убѣдились бы, какова цѣна его расположенія ко мнѣ и каково значеніе нашей дружбы. Факты сильнѣе всякихъ силетень, и вотъ этотъ фотографическій снимокъ свиданія въ Біоркэ—непреложный историческій фактъ. Когда-нибудь онъ будетъ освѣщенъ, и тогда опредѣлится моя политическая международная роль осенью 1905 года.

По возвращеніи на берега Цевы С. Ю. Витте въ воздаяніе его заслугъ по Портсмутской конференціи былъ пожалованъ титуломъ графа, а вслѣдъ за симъ историческая волна подняла его снова на вершины русекой жизни и создала изъ него то центральное лицо, около котораго сгруппировались всѣ событія русской жизни второй половины 1905 года и начала 1906 года и съ именемъ котораго непосредственно связано обновленіе русской жизни на основахъ манифеста 17-го октября 1905 года. Историкъ-публицистъ профессоръ А. Кизеветтеръ даетъ въ № 238 «Русскихъ Вѣдомостей» (1915 г., 17-го октября) слѣдующій очеркъ по исторіи манифеста, который мы и приводимъ здѣсь въ его существенныхъ частяхъ:

«Въ концѣ августа 1904 года освободившійся за смертью Плеве постъ министра внутреннихъ дѣлъ былъ занятъ кн. Святополкъ-Мирскимъ. Новый министръ началъ свою дѣятельность съ заявленія, которое представляло собою опредѣленный отказъ отъ предшествующаго курса внутренней политики. Въ прямую противоположность политикѣ Плеве кн. Святополкъ-Мирскій заявилъ о необходимости довѣрчиваго отношенія представителей власти къ общественнымъ учрежденіямъ и вообще къ населенію. Общество рѣшило отвѣтить довѣріемъ на довѣріе и заявить правительству съ полной ясностью о той программѣ государственныхъ преобразованій, которая всѣми сознательными общественными кругами почиталась необходимымъ условіемъ государственнаго возрожденія Россіи. Авторитетнымъ органомъ этого голоса общественнаго мнѣнія явился всероссійскій земскій съѣздъ, собравшійся въ Петроградѣ въ ноябрѣ 1904 года. Въ постановленіяхъ этого съѣзда были формулированы основныя политическія требованія, направленные къ установленію въ Россіи правового государственнаго строя.

«За сѣздомъ послѣдовало принятіе многими земскими собраніями адресовъ на Высочайшее имя, въ которыхъ проводились тѣ же идеи, что и въ постановленіяхъ сѣзда. Въ то же время на происходившихъ повсемѣстно многочисленныхъ банкетахъ принимались резолюціи, въ которыхъ политическія требованія получали еще болѣе рѣшительное выраженіе.

«12-го декабря 1904 года былъ опубликованъ Высочайшій указъ Правительствующему Сенату, въ которомъ говорилось: «Когда потребность той или другой перемѣны оказывается назрѣвшею, то къ совершенію ея Мы считаемъ необходимымъ приступить, хотя бы намѣченное преобразование вызвало внесеніе въ законодательство существенныхъ нововведеній». Далѣе, послѣ упоминанія о работахъ правительства по улучшенію быта крестьянскаго населенія, въ указѣ провозглашалось неотложнымъ: 1) принять дѣйствительныя мѣры къ устраненію всякихъ произвольныхъ нарушеній закона, 2) расширить самодѣятельность и самостоятельность земскихъ и городскихъ учреждений, 3) ввести должное единство въ судебную часть, 4) ввести государственное страхованіе рабочихъ, 5) сократить примѣненіе исключительныхъ положеній, 6) ослабить стѣсненія въ области свободы совѣсти, 7) уменьшить ограниченія правъ инородцевъ и уроженцевъ отдѣльныхъ мѣстностей имперіи, 8) устранить излишнія стѣсненія печати. Разработка конкретныхъ мѣропріятій по всѣмъ этимъ вопросамъ возлагалась на комитетъ министровъ.

«Туманная неопредѣленность выраженій, въ которыхъ былъ составленъ этотъ указъ, и полное умолчаніе въ немъ о томъ основномъ политическомъ вопросѣ, который полагался во главу угла всѣхъ общественныхъ заявленій, отнимали у этого указа всякое значеніе въ качествѣ мѣры, рассчитанной на успокоеніе общественнаго броженія. 9-го января 1905 года послѣдовало кровавое столкновеніе войска и полиціи съ процессіей рабочихъ, организованной Гапономъ. Возбужденіе общества достигло исключительнаго напряженія. Въ правящихъ сферахъ на очередь былъ поставленъ вопросъ уже о коренномъ преобразованіи прежняго строя государственныхъ учреждений.

«18-го февраля 1905 года на имя новаго министра внутреннихъ дѣлъ Булыгина былъ опубликованъ Высочайшій рескриптъ, въ которомъ возвѣщалось намѣреніе Государя «привлекать достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участию въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній», однако, какъ говорилось далѣе въ указѣ, «при непремѣнномъ сохраненіи незыблемости основныхъ законовъ имперіи».

«Этимъ предвозвѣщалось введеніе въ Россіи *законосовѣтательнаго* народнаго представительства. Внимательный наблюдатель

общественной жизни могъ бы, однако, безъ труда прійти тогда къ заключенію, что созданіе законосовѣщательнаго представительства не удовлетворитъ общественныхъ надеждъ и ожиданій. Вся весна 1905 года прѣшла въ кипучей организационной общественной работѣ. Разнообразные профессиональные союзы сомкнулись въ «союзъ союзовъ». Намѣчались зачатки открытыхъ политическихъ партій. Земскіе дѣятели организовали въ Москвѣ рядъ съѣздовъ, на которыхъ были подвергнуты всестороннему обсужденію и вопросы, касающіеся организаціи народнаго представительства, и основныя положенія аграрной реформы.

«Между тѣмъ прогремѣла Цусима. Цусимская катастрофа вызвала величайшій взрывъ общественнаго возбужденія. Въ двадцатыхъ числахъ мая собравшійся въ Москвѣ «коалиціонный земскій съѣздъ» постановилъ обратиться къ Государю съ адресомъ чрезъ особую депутацію. Въ адресѣ говорилось о необходимости немедленнаго созванія народныхъ представителей. 6-го іюня депутація была принята Государемъ. Въ составъ депутаціи входили: гр. П. А. Гейденъ, кн. Г. Е. Львовъ, Н. И. Львовъ, И. И. Петрункевичъ, Д. П. Шиповъ, кн. П. Д. Долгоруковъ, Ѳ. А. Головинъ, М. М. Ковалевскій, кн. Д. И. Шаховской, кн. С. Н. Трубецкой, бар. П. Л. Корфъ, А. Н. Никитинъ, М. П. Федоровъ. Кн. Трубецкой и М. П. Федоровъ обратились къ Государю съ рѣчами, въ которыхъ было указано, какъ на единственный выходъ изъ внутреннихъ бѣдствій, на созывъ избранниковъ народа. Государь въ своемъ отвѣтѣ подтвердилъ свою непреклонную волю привлечь выборныхъ отъ народа къ государственной работѣ. Черезъ мѣсяцъ послѣ этой аудіенціи въ Москвѣ состоялся новый съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей. Къ этому времени Булыгинимъ былъ уже составленъ проектъ «Учрежденія Государственной Думы». Съѣздъ, разсмотрѣвъ этотъ проектъ, призналъ его совершенно недостаточнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ принялъ «въ первомъ чтеніи» другой проектъ, составленный С. А. Муромцевымъ, при участіи Н. Н. Львова, Н. Н. Щепкина и Ѳ. Ѳ. Кокошкина и напечатанный въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» въ номерѣ отъ 6-го іюля 1905 года. Здѣсь рѣчь шла уже не о законосовѣщательной, а о законодательной Государственной Думѣ, избираемой притомъ всеобщимъ голосованіемъ. Окончательное разсмотрѣніе этого проекта рѣшено было отложить до слѣдующаго съѣзда, назначеннаго на октябрь того же года.

«Одновременно съ этими работами земскихъ съѣздовъ шло формированіе открытыхъ политическихъ партій. Въ августѣ 1905 года на четвертомъ съѣздѣ «союза освобожденія» было постановлено приступить безотлагательно къ организаціи открытой конституціонно-демократической партіи. Тогда же состоялся первый учредительный съѣздъ всероссійскаго крестьянскаго союза.

«Что же происходило за это время въ правящихъ кругахъ? На особыхъ совѣщаніяхъ въ Петергофѣ былъ обсужденъ булыгинскій проектъ законосовѣщательной Государственной Думы, который послѣ нѣкоторой переработки и получилъ утвержденіе. Обнародованіе этого государственнаго акта, послѣдовавшее 6-го августа 1905 года, какъ и слѣдовало ожидать, не вызвало чувства удовлетворенія въ общественныхъ кругахъ. Населеніе волновалось. Эти волненія и въ городахъ, и въ деревняхъ начинали пріобрѣтать явно революціонный характеръ. Съ началомъ осени въ Петроградѣ прибылъ Витте, только что заключившій въ Портсмутѣ мирный договоръ съ Японіей. Возвращеніе Витте въ Россію совпало съ появленіемъ проектовъ объ учрежденіи диктатуры ради усмиренія разрастающейся смуты. Въ противовѣсъ этимъ проектамъ Витте составилъ докладную записку, гдѣ въ чрезвычайно осторожныхъ выраженіяхъ указывалось на необходимость сдѣлать еще шагъ впередъ навстрѣчу стремленіямъ общества. Во-первыхъ, Витте предлагалъ немедленно, не дожидаясь созыва Государственной Думы, «стремиться осуществить» свободу печати, совѣсти, собраній, союзовъ и личной неприкосновенности, съ тѣмъ, чтобы «послѣдующей нормальной законодательной разработкѣ» было предоставлено «укрѣпить» эти основы правового порядка, а также «уравнять предъ закономъ всѣхъ подданныхъ, независимо отъ національности и вѣроисповѣданія». Далѣе въ запискѣ были сдѣланы намекъ на необходимость введенія конституціи, хотя намекъ этотъ былъ закутанъ въ чрезвычайно расплывчатые выраженія и самое слово «конституція» ни разу не было употреблено. А именно въ запискѣ говорилось о необходимости «установленія такихъ учреждений и такихъ законодательныхъ нормъ, который соотвѣтствовали бы выяснившейся политической идеѣ большинства русскаго общества и давали бы положительную гарантію неотъемлемости дарованныхъ благъ гражданской свободы». Особо рекомендовалось при этомъ введеніе въ Государственный Совѣтъ выборныхъ членовъ, стремленіе къ устраненію исключительныхъ положеній, полное воздержаніе власти отъ вмѣшательства въ выборы въ Государственную Думу, поддержаніе престижа Думы, «поскольку рѣшенія ея не будутъ, что невѣроятно, кореннымъ образомъ расходиться съ величіемъ Россіи». Необходимыми условіями осуществленія этой коренной политической реформы Витте признавалъ въ излагаемой запискѣ: «однородность состава правительства» и «принужденіе всѣхъ агентовъ власти отъ высшихъ до низшихъ практически проводить въ жизнь новые стимулы гражданской свободы».

«9-го октября Витте была дана аудіенція, и въ правящихъ сферахъ на него уже начали смотрѣть, какъ на человѣка, которому предстоитъ въ скоромъ времени занять постъ главы правительства. Политическая позиція, занятая имъ въ этотъ моментъ, сво-

дилась къ отказу дѣйствовать посредствомъ военной диктатуры, за которую высказывались гр. Палень и адмираль Чихачевъ. «Если у васъ имѣется достаточная матеріальная сила,—говорилъ Витте:— то пробуйте дѣйствовать силой, вводите военную диктатуру, но я для этого не пригоденъ, ибо я мало вѣрю въ плодотворность примѣненія физической силы при наболѣвшихъ и назрѣвшихъ вопросахъ внутренней жизни».

«10-го октября началась всеобщая забастовка, быстро охватившая громадный районъ Россіи. Тогда въ правящихъ сферахъ было принято окончательное рѣшеніе пойти на крупныя уступки общественнымъ желаніямъ. Оставалось опредѣлить границы этихъ уступокъ и форму ихъ обнародованія. На обсужденіе этихъ вопросовъ ушла та недѣля, которая отдѣлила начало всеобщей забастовки отъ опубликованія манифеста 17-го октября 1905 года. До сихъ поръ мы знаемъ еще очень мало о послѣдовательныхъ перипетіяхъ этого обсужденія. Будущимъ историкамъ предстоитъ заманчивая задача вскрыть полную картину всѣхъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя непосредственно сопровождали выработку манифеста 17-го октября. Пока въ печати извѣстны лишь тѣ свѣдѣнія, которыя свель воедино П. Н. Милуковъ въ своей статьѣ о Витте въ энциклопедическомъ словарѣ Граната. Мы пользуемся здѣсь этой статьей, такъ какъ авторъ ея между прочимъ включилъ въ свое изложеніе нѣкоторыя словесныя сообщенія, полученныя имъ непосредственно отъ Витте во время написанія этой статьи.

«Послѣ начала забастовки всѣ вліятельные сановники съ самимъ Треповымъ во главѣ высказались за необходимость рѣшительныхъ уступокъ. Витте стоялъ за то, чтобы эти уступки были обнародованы въ формѣ его доклада, Высочайше утвержденного. Противники Витте заявляли о необходимости изданія Высочайшаго манифеста. И. Л. Горемыкинъ и бар. Будбергъ составили и проекты манифеста. Эти проекты имѣли двѣ особенности: 1) вмѣсто обѣщанія установить гражданскія свободы эти свободы прямо вводились тамъ въ формѣ окончательныхъ законовъ, не зато 2) тамъ чрезвычайно неопредѣленно говорилось о законодательныхъ правахъ Государственной Думы. Витте также получилъ трижды повторенное приказаніе составить проектъ манифеста. 14-го октября проектъ по порученію Витте былъ написанъ кн. Алексѣемъ Оболенскимъ и управляющимъ дѣлами комитета министровъ Вуичемъ и представленъ въ Петергофъ. На предложеніе внести въ этотъ текстъ нѣкоторыя измѣненія Витте отвѣтилъ отказомъ и заявленіемъ о томъ, что лишь при условіи одобренія его проекта безъ измѣненій онъ согласится занять постъ предсѣдателя Совѣта Министровъ. Два дня прошли въ колебаніяхъ. Наконецъ, въ виду общей паники, на сторону Витте стали, какъ выражается П. Н. Милуковъ, «очень вліятельныя лица при дворѣ», и утромъ 17-го октября проектъ ма-

нифеста получилъ одобреніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ Витте былъ назначенъ предсѣдателемъ Совѣта Министровъ.

«Манифестъ 17-го октября былъ построенъ какъ разъ обратно проектамъ И. Л. Горемыкина и барона Будберга. Въ названныхъ только что проектахъ о законодательной власти Государственной Думы говорилось весьма туманно, но зато гражданскія свободы вводились прямо въ видѣ окончательныхъ законовъ. Въ манифестѣ 17-го октября, какъ разъ наоборотъ, была лишь возвѣщена непреклонная воля Монарха «даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ»; самое же узаконеніе всѣхъ этихъ свободъ оставалось дѣломъ будущаго, но зато въ манифестѣ съ полной опредѣленностью и категоричностью Государственной Думѣ предоставлялись не законсовѣщательныя, а законодательныя права, ибо въ пунктѣ третьемъ манифеста было сказано: «установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за законмѣрностью дѣйствій поставленныхъ отъ насъ властей». Вмѣстѣ съ тѣмъ въ пунктѣ второмъ манифеста возвѣщалось предстоящее расширеніе избирательнаго права и предугадывалось въ дальнѣйшемъ «развитіе начала общаго избирательнаго права»...»

XXIV.

Не лишеныя интереса подробности относительно созданія манифеста 17-го октября приводитъ и г. А. Румановъ въ своемъ фельетонѣ въ «Русскомъ Словѣ» (№ 238, 1915 г.). Онъ говоритъ:

«Теперь, послѣ смерти С. Ю. Витте, можно слегка приподнять завѣсу надъ этимъ вѣчно интереснымъ моментомъ — моментомъ созданія манифеста.

«Самъ С. Ю. Витте обыкновенно говорилъ одни лишь общія мѣста:

«— Мои сотрудники по составленію манифеста шли дальше меня, — говорилъ онъ: — я ихъ сократилъ; но у насъ была общая цѣль: дать актъ настолько ясный, чтобы поворотъ назадъ былъ немислимъ. Эта цѣль затруднялась соображеніями практическими: отсутствіемъ твердой основы для манифеста. Не было выбора: или манифестъ, или диктатура. Нужно было идти на манифестъ...»

«Но изъ отдѣльныхъ случайныхъ разсказовъ Витте, изъ оброненныхъ имъ въ разное время словъ, изъ разсказовъ нѣкоторыхъ близкихъ С. Ю. Витте лицъ выясняется болѣе подробная картина.

«Ища выхода изъ создававшагося положенія, С. Ю. Витте остановился на мысли о необходимости созданія единой и твердой госу-

дарственной власти: Совѣта Министровъ съ премьеромъ, который имѣлъ бы неограниченную полноту власти. Этотъ премьеръ,—С. Ю. Витте, естественно, считалъ таковымъ себя,—долженъ былъ получить твердыя и непреложныя предубаженія Верховной власти и въ указанныхъ рамкахъ выработать основу конституціоннаго строя, который и былъ бы въ извѣстной постепенности введенъ въ жизнь. Въ этихъ цѣляхъ и была имъ составлена записка, сущность которой является расширеніемъ началъ указа 12-го декабря 1904 года, съ тѣмъ добавленіемъ, что создается исключительная власть объединеннаго правительства. Дума, которая создавалась въ рамкахъ этой записки, была бы булыгинской Думой улучшеннаго типа.

«Со своей запиской С. Ю. Витте поѣхалъ въ Петергофъ 12-го октября.

«Принципы записки С. Ю. Витте были одобрены, но вліятельныя лица указали ему на то, что записка недостаточно опредѣленна и выдвигаетъ въ первую голову личность ея автора, личность председателя Совѣта Министровъ. Но въ такой исторической и тяжкой моментъ этого мало,—необходимо, чтобы раздался голосъ Верховной власти. Иными словами, С. Ю. Витте предложено было составить манифестъ.

«Возвратившись въ Петроградъ, С. Ю. Витте поѣхалъ къ своему другу, князю О., съ которымъ онъ перѣдко совѣтовался, и спросилъ его, какъ быть. Князь О. указалъ, что нужно составить манифестъ, въ которомъ были бы проведены начала отвѣтственнаго кабинета и всѣхъ свободъ.

«С. Ю. Витте попросилъ князя О. составить черновикъ манифеста.

«— Набросайте всѣ свободы,—говорилъ онъ,—и чтобы былъ отвѣтственный кабинетъ.

«Утромъ 14-го октября С. Ю. Витте долженъ былъ выѣхать въ Петергофъ. Съ княземъ О. онъ сговорился, что тотъ привезетъ ему на пристань текстъ документа.

«На пристань С. Ю. Витте пріѣхалъ первымъ, и нѣкоторое время ему пришлось дожидаться князя О. Онъ стоялъ и бесѣдовалъ съ капитаномъ С. И. Зилотти, адъютантомъ морского министра, бывшимъ большимъ почитателемъ графа С. Ю. Витте. Пріѣхалъ князь О. и тутъ же, на пристани, сталъ читать С. Ю. Витте текстъ документа. Въ концѣ его былъ пунктъ съ категорическимъ требованіемъ и приказомъ кабинету въ двухмѣсячный срокъ провести такіе порядки, которые обезпечили бы незыблемыя основы новаго гражданскаго строя и осуществленіе свободъ.

«— Конецъ придется зачеркнуть,—небрежно замѣтилъ графъ Витте.—Онъ самъ собою разумѣется. Это повтореніе...

«Взявъ документъ, С. Ю. Витте вдругъ обратился къ князю О., собиравшемуся уже уѣзжать:

«— Поѣдьте съ нами. Я устрою, чтобы вы были приняты.

«Князь О. согласился, и яхта отчалила.

«Зачѣмъ С. Ю. Витте понадобилось присутствіе князя О.,—неизвѣстно, но никто не можетъ сомнѣваться, что такой осторожный и опытный человѣкъ, какъ С. Ю. Витте, ничего не дѣлалъ спроста. Преслѣдуя и тутъ извѣстную цѣль, возможно, что онъ создавалъ себѣ путь къ отступленію. Съ такимъ отвѣтственнымъ документомъ, какъ текстъ манифеста, онъ посылалъ впрямь фактическаго автора его, князя О., дабы, въ зависимости отъ того, какъ будетъ встрѣченъ этотъ документъ, дѣйствовать дальше. Будетъ одобрень проектъ,—графъ С. Ю. Витте осуществитъ его. Будетъ отвергнутъ,—графъ С. Ю. Витте не испытаетъ непріятности отказа и поведетъ дѣло дальше.

«На яхтѣ листокъ съ наброскомъ князя О. подвергся исправленіямъ. Переставлялись слова, переставлялись пункты. Правка дѣлалась карандашомъ.

«По пріѣздѣ въ Петергофъ С. Ю. Витте прежде всего попросилъ о пріемѣ князя О. На это послѣдовалъ отказъ. Князь О. не былъ принятъ, и С. Ю. Витте самъ долженъ былъ представить свой проектъ.

«С. Ю. Витте былъ отпущенъ на полтора часа—время завтрака,—послѣ чего и былъ принятъ.

«Эти полтора часа С. Ю. Витте провелъ въ запасной половинѣ дворца въ Петергофѣ, гдѣ онъ за завтракомъ съ княземъ О. окончательно отредактировалъ текстъ манифеста.

«Текстъ документа нужно было переписать. С. Ю. Витте потребовалъ машинку. Ея не оказалось, и лишь черезъ полчаса разыскали какого-то господина, который прибылъ со своей машинкой, и ему С. Ю. Витте продиктовалъ текстъ манифеста.

«Затѣмъ онъ отправился на пріемъ.

.....
«Вечеромъ С. Ю. Витте возвратился на яхтѣ въ Петроградъ.

«На пристани его встрѣтилъ взволнованный С. И. Зилотти.

«— Графъ, долженъ вамъ сообщить важную новость.

«Они отошли въ сторону.

«— Полчаса назадъ въ Петергофъ выѣхалъ на яхтѣ И. Л. Горемыкинъ.

«С. Ю. Витте буквально зашатался. Онъ зналъ, что Горемыкинъ стоитъ за проектъ созданія, вмѣсто Думы, совѣщательнаго органа при Государственномъ Совѣтѣ.

«Два дня прошло въ неизвѣстности.

«17-го утромъ баронъ Ф. былъ у графа Витте и имѣлъ длительное съ нимъ совѣщаніе. Въ тотъ же день С. Ю. Витте былъ вызванъ въ Петергофъ.

«17-го же манифестъ былъ подписанъ.

«Въ четыре часа дня изъ Петергофа раздался первый звонокъ по телефону на квартиру С. Ю. Витте.

«— Манифестъ подписанъ,—таковы были первыя слова графа С. Ю. Витте.

«Сейчасъ же по телефону былъ вызванъ директоръ «Петроградскаго телеграфнаго агентства» П. И. Миллеръ, которому было приказано встрѣтить графа Витте на пристани къ моменту прихода яхты «Нева» въ Петроградъ, чтобы, не откладывая ни минуты, манифестъ былъ разосланъ по всей Россіи.

«Одновременно было отдано распоряженіе держать наготовѣ типографію «Правительственнаго Вѣстника», чтобы ни одной минуты не было упущено.

«Миллеръ тутъ же сообщилъ радостную вѣсть.

«Въ шесть часовъ вечера текстъ манифеста былъ уже въ рукахъ Миллера».

Приведенными свидѣтельствами гг. Кизеветтера и Руманова болѣе или менѣе исчерпывается все то главное, что относится до исторіи возникновенія манифеста 17-го октября и что въ предѣлахъ возможнаго подлежитъ опубликованію. Въ эту исторію вплетается много интересныхъ подробностей, который автору настоящихъ матеріаловъ приходилось въ разное время слышать отъ покойнаго графа, но эти подробности, посящія слишкомъ субъективный личный отгѣнокъ, не подлежатъ пока воспроизведенію въ печати, а потому, опуская ихъ и переходя къ фактамъ тогдашней жизни, прежде всего воспроизводимъ всеподданнѣйшій докладъ графа Витте, которому онъ лично придавалъ первенствующее значеніе, какъ такой программъ, при послѣдовательномъ осуществленіи коей Россія избѣжала бы потрясеній, сопутствовавшихъ опубликованію самаго манифеста. Вотъ эта всеподданнѣйшая записка:

ВСЕПОДДАННѢЙШІЙ ДОКЛАДЪ СТАТСЪ-СЕКРЕТАРЯ ГРАФА ВИТТЕ.

На подлинномъ Его Императорскому Величеству въ Петергофѣ, въ 17-й день октября 1905 г., благоугодно было Собственноручно начертать:

«Принять къ руководству».

«Вашему Императорскому Величеству благоугодно было передать мнѣ Высочайшія Вашего Величества указанія относительно направленія, по которому должно слѣдовать правительство въ связи съ соображеніями о современномъ состояніи Россіи, и приказать соотвѣтственно сему представить всеподданнѣйшій докладъ.

«Вслѣдствіе сего приѣмлю долгъ всеподданнѣйше представить нижеслѣдующее:

«Волненіе, охватившее разнообразныя слои русскаго общества, не можетъ быть разсматриваемо, какъ слѣдствіе частичныхъ несовершенствъ государственнаго и соціальнаго устройства, или только какъ результатъ организованныхъ дѣйствій крайнихъ партій. Корни этого волненія, несомнѣнно, лежатъ глубже. Они— въ нарушенномъ равновѣсіи между идейными стремленіями русскаго мыслящаго общества и внѣшними формами его жизни. Россія переросла форму существующаго строя. Она стремится къ строю правому на основѣ гражданской свободы.

«Въ уровень съ одушевляющей благоразумное большинство общества идей должны быть поставлены и внѣшнія формы русской жизни. Первую задачу правительства должно составлять стремленіе къ осуществленію теперь же, впредь до законодательной санкціи черезъ Государственную Думу, основныхъ элементовъ правового строя: свободы печати, совѣсти, собраній, союзовъ и личной неприкосновенности. Укрѣпленіе этихъ важнѣйшихъ сторонъ политической жизни общества должно послѣдовать путемъ нормальной законодательной разработки, наравнѣ съ вопросами, касающимися уравненія передъ закономъ всѣхъ подданныхъ Вашего Императорскаго Величества, независимо отъ вѣроисповѣданія и національности. Само собою разумѣется, что предоставленіе населенію правъ гражданской свободы должно сопутствоваться законнымъ ограниченіемъ ея для твердаго огражденія правъ третьихъ лицъ, спокойствія и безопасности государства.

«Слѣдующей задачей правительства является установленіе такихъ учреждений и такихъ законодательныхъ нормъ, которыя соотвѣтствовали бы выяснившейся политической идеѣ большинства русскаго общества и давали положительную гарантію въ неотъемлемости дарованныхъ благъ гражданской свободы. Задача эта сводится къ устройенію правового порядка. Соотвѣтственно цѣлямъ водворенія въ государствѣ спокойствія и безопасности экономическая политика правительства должна быть направлена ко благу широкихъ народныхъ массъ, разумѣется, съ огражденіемъ имущественныхъ и гражданскихъ правъ, признанныхъ во всѣхъ культурныхъ странахъ.

«Намѣченныя здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ основанія правительственной дѣятельности для полнаго осуществленія своего требуютъ значительной законодательной работы и послѣдовательнаго административнаго устройенія. Между выраженнымъ съ наибольшей искренностью принципомъ и осуществленіемъ его въ законодательныхъ нормахъ, а въ особенности проведеніемъ этихъ нормъ въ нравы общества и приемы правительственныхъ агентовъ не можетъ не пройти нѣкоторое время. Принципы пра-

нового порядка воплощаются лишь постольку, поскольку население получает къ нимъ привычку—гражданскій навѣкъ. Сразу приготовить страну со 135-милліоннымъ разнороднымъ населеніемъ и обширнѣйшей администраціей, воспитанной на пныхъ началахъ, къ воспріятію и усвоенію нормъ правового порядка не по силамъ никакому правительству. Вотъ почему далеко недостаточно власти выступить съ лозунгомъ гражданской свободы. Чтобы водворить въ странѣ порядокъ, нужды трудъ, неослабѣвающая твердость и послѣдовательность.

«Для осуществленія сего необходимымъ условіемъ является однородность состава правительства и единство преслѣдуемой имъ цѣли. Но и министерство, составленное по возможности изъ лицъ одинаковыхъ политическихъ убѣжденій, должно еще приложить всѣ старанія, чтобы одушевляющая его работу идея стала идеей всѣхъ агентовъ власти, отъ высшихъ до низшихъ. Заботой правительства должно быть практическое водвореніе въ жизнь главныхъ стимуловъ гражданской свободы. Положеніе дѣла требуетъ отъ власти пріемовъ, свидѣтельствующихъ объ искренности и прямотѣ ея намѣреній. Съ этой цѣлью правительство должно поставить себѣ непоколебимымъ принципомъ полное невмѣшательство въ выборы въ Государственную Думу и, между прочимъ, искреннее стремленіе къ осуществленію мѣръ, предрѣшенныхъ указомъ 12-го декабря.

«Въ отношеніи къ будущей Государственной Думѣ заботой правительства должно быть поддержаніе ея престижа, довѣрія къ ея работамъ и обезпеченіе подобающаго сему учрежденію значенія. Правительство не должно явиться элементомъ противодѣйствія рѣшеніямъ Думы, поскольку эти рѣшенія не будутъ,—что невѣроятно,—кореннымъ образомъ расходиться съ величіемъ Россіи, достигнутымъ тысячелѣтней ея исторіей. Правительство должно слѣдовать мысли, высказанной Вашимъ Императорскимъ Величествомъ въ манифестѣ объ образованіи Государственной Думы,—что положеніе о Думѣ подлежитъ дальнѣйшему развитію въ зависимости отъ выяснившихся несовершенствъ и запросовъ времени. Правительству надлежитъ выяснить и установить эти запросы, руководствуясь, конечно, господствующей въ большинствѣ общества идеей, а не отголосками хотя бы и рѣзко выраженныхъ требованій отдѣльныхъ кружковъ, удовлетвореніе которыхъ невозможно уже потому, что они постоянно мѣняются. Но удовлетвореніе желаній широкихъ слоевъ общества путемъ той или иной формулировки гарантій гражданского правопорядка необходимо.

«Весьма важно сдѣлать реформу Государственнаго Совѣта на началахъ виднаго участія въ немъ выборнаго элемента, ибо только при этомъ условіи можно ожидать нормальныхъ отношеній между этимъ учрежденіемъ и Государственной Думой.

«Не перечисляя дальнѣйшихъ мѣропріятій, которыя должны находиться въ зависимости отъ обстоятельствъ, я полагаю, что дѣятельность власти на всѣхъ ступеняхъ должна быть охвачена слѣдующими руководящими принципами:

«1) Прямота и искренность въ утвержденіи на всѣхъ поприщахъ даруемыхъ населенію благъ гражданской свободы и установленіе гарантій сей свободы.

«2) Стремленіе къ устраненію исключительныхъ законоположеній.

«3) Согласованіе дѣйствій всѣхъ органовъ правительства.

«4) Устраненіе репрессивныхъ мѣръ противъ дѣйствій, явно не угрожающихъ обществу и государству.

«5) Противодѣйствіе дѣйствіямъ, явно угрожающимъ обществу и государству, опираясь на законъ и въ духовномъ единеніи съ благоразумнымъ большинствомъ общества».

«Само собою разумѣется, что осуществленіе поставленныхъ выше задачъ возможно лишь при широкомъ и дѣятельномъ содѣйствіи общества и при соотвѣтствующемъ спокойствіи, которое позволило бы направить силы къ плодотворной работѣ. Слѣдуетъ вѣрить въ политическій тактъ русскаго общества. Не можетъ быть, чтобы русское общество желало анархїи, угрожающей, помимо всѣхъ ужасовъ борьбы, расчлененіемъ государства».

А вотъ и тотъ знаменательный историческій актъ, явившійся гранью между старой и новой Россіей:

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій, и прочая, и прочая, и прочая.

«Смуты и волненія въ столицахъ и во многихъ мѣстностяхъ имперіи Нашей великою и тяжкою скорбью преисполняютъ сердце Наше. Благо Россійскаго Государя неразрывно съ благомъ народнымъ и печаль народная—Его печаль. Отъ волненій, нынѣ возникшихъ, можетъ явиться глубокое нестроеніе народное и угроза цѣлости и единству державы Нашей.

«Великій обѣтъ Царскаго служенія повелѣваетъ Намъ всѣми силами разума и власти Нашей стремиться къ скорѣйшему прекращенію столь опасной для государства смуты. Повелѣвъ подлежащимъ властямъ принять мѣры къ устраненію прямыхъ проявленій безпорядка, безчистствъ и насилій, въ охрану людей мирныхъ, стремящихся къ спокойному выполненію лежащаго на каждомъ долга, Мы, для успѣшнѣйшаго выполненія общихъ пред-

намѣчаемыхъ Нами къ умиротворенію государственной жизни мѣръ, признали необходимымъ объединить дѣятельность высшаго правительства.

«На обязанность правительства возлагаемъ Мы выполнение непреклонной Нашей воли:

«1) Даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ.

«2) Не останавливая предназначенныхъ выборовъ въ Государственную Думу, привлечь теперь же къ участию въ Думѣ, по мѣрѣ возможности, соотвѣтствующей краткости остающагося до созыва Думы срока, тѣ классы населенія, которые нынѣ совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ, предоставивъ, засимъ, дальнѣйшее развитіе начала общаго избирательнаго права вновь установленному законодательному порядку.

3) Установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за законмѣрностью дѣйствій поставленныхъ отъ насъ властей.

Призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи вспомнить долгъ свой передъ родиной, помочь прекращенію сей неслыханной смуты и вмѣстѣ съ Нами напрячь всѣ силы къ возстановленію тишины и мира на родной землѣ.

«Данъ въ Петергофѣ, въ 17-й день октября, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ пятое, царствованія же Нашего въ одиннадцатое.

«На подлинномъ Собственной Его Императорскаго Величества рукою подписано:

НИКОЛАЙ».

XXV.

Какъ же относился къ этому знаменитому историческому акту тотъ, на плечи котораго исторія взвалила бремя проведенія его въ жизнь? По сему предмету все тотъ же г. Румановъ даетъ интересныя свѣдѣнія, совершенно совпадающія съ тѣмъ, что и автору настоящаго очерка приходилось выносить изъ бесѣдъ съ покойнымъ графомъ. Можно даже сказать, что г. Румановъ нѣсколько смягчилъ тѣ выраженія, которыя опальный сановникъ иногда пускалъ въ оборотъ своей рѣчи, когда касался своего отношенія къ манифесту. Выраженія бывали чрезвычайно рѣзки, и однажды въ припадкѣ крайняго раздраженія онъ, незадолго до своей кончины, мнѣ сказалъ:

— Конечно, теперь бы я не сталъ рекомендовать того преобразованія государственнаго строя, на которомъ настоялъ десять

лѣтъ назадъ. Тогда надо было спасать положеніе вещей. Передо мною мелькалъ образъ моего внука... Раздавить поднявшіяся и разгулявшіяся буйныя силы возможно было или вооруженной рукой и потоками крови, или компромиссомъ въ видѣ народнаго представительства. Все равно, рано или поздно, Россія пришла бы къ такому, а тутъ манифестъ сыгралъ роль громоотвода, и образовавшіяся къ тому времени партіи бросились въ рукопашную другъ съ другомъ и перегрызлились между собою. Положеніе было спасено, а тѣмъ временемъ съ Дальняго Востока прибыли отсутствовавшія въ половинѣ октября 1905 года воинскія части. Съ ихъ содѣйствіемъ оказалось возможнымъ приступить и къ тушенію пожара, который охватилъ всю Россію. Да, теперь бы я не сталъ рекомендовать актъ 17-го октября. Народное представительство себя не оправдало, а октябристы, которыхъ я всей силою своей души ненавижу, ставъ на запятки колесницы г. Столыпина, исполнили самую идею представительства и своимъ лакействомъ, угодничествомъ, санкціонировали всѣ тѣ мерзости, которыя имѣли мѣсто въ нашей жизни за послѣдніе годы...

Подтверждая нерасположеніе графа Витте къ акту 17-го октября, г. Румановъ повѣствуетъ:

«Едва ли многимъ извѣстно, что графъ С. Ю. Витте относился къ этому манифесту не только безъ всякаго энтузіазма, но даже съ отгѣнкомъ предубѣжденія. Какъ Марксъ говорилъ, что онъ не марксистъ, и какъ Толстой, что онъ не толстовецъ, такъ С. Ю. Витте поражалъ людей, считавшихъ манифестъ 17-го октября палладіумомъ россійской гражданственности, своимъ холоднымъ и скептическимъ къ нему отношеніемъ.

«Объясняется это тѣмъ, что, какъ человѣкъ необычайно ревнивый, С. Ю. Витте считалъ имѣющимъ значеніе лишь то, что исходило непосредственно отъ него; все же, что не было его прямымъ дѣтищемъ, было ему въ извѣстной степени чуждо.

«Въ созданіи манифеста 17-го октября С. Ю. Витте принадлежитъ, конечно, главная и исключительная роль. Но это—роль интеллектуальнаго виновника; фактически же С. Ю. Витте о манифестѣ не думалъ, и родился онъ случайно. С. Ю. Витте вложилъ свою душу въ объяснительную записку, предшествовавшую манифесту и опубликованную вмѣстѣ съ нимъ. Эту объяснительную записку, а не манифестъ, онъ и считалъ важнѣйшимъ актомъ.

«Когда рѣчь заходила о манифестѣ 17-го октября, С. Ю. Витте обыкновенно говорилъ:

«— Перечтите, внимательно перечтите объяснительную къ нему записку: она даетъ ключъ къ пониманію всего. Если бы меня спросили, что я хочу, что бы было написано на моемъ надгробномъ памятникѣ, я сказалъ бы: «Объяснительная записка манифеста 17-го октября».

«Помню затѣмъ такія слова Витте:

«— Съ манифестомъ поторопились. Къ нему нужно было подготовить; онъ свалился, какъ спѣгъ на голову, и вотъ почему не повѣрили конституціи....

«Повиннымъ въ манифестѣ С. Ю. Витте все же почиталъ себя.

«— Въ безсонныя ночи я иногда думаю,—говорилъ онъ:—почему манифестъ не удался? Неужели онъ былъ ошибкой? Но если онъ—ошибка, то вмѣстѣ со мною ошиблось и все человѣчество. Ходъ развитія всѣхъ странъ, всѣхъ народовъ, таковъ, что другого пути, кромѣ указаннаго манифестомъ 17-го октября, быть не можетъ...

«Въ своихъ смѣлыхъ построеніяхъ С. Ю. Витте, какъ знаютъ всѣ, кому приходилось встрѣчаться съ нимъ, заходилъ довольно далеко...

«И, между прочимъ, по отношенію къ манифесту 17-го октября С. Ю. Витте доходилъ до мысли даже о возможности отмѣны его, при томъ, однако, непремѣнномъ условіи, чтобы отмѣнилъ его онъ,—онъ одинъ, графъ Витте. Исходила эта мысль у С. Ю. Витте изъ чувства вѣры въ творческія возможности самодержавія.

«— Сердцемъ я за самодержавіе. Умомъ—за конституцію. Самодержавію я всѣмъ обязанъ и люблю его, а умомъ понимаю, что намъ нужна конституція. Найдите такой парламентъ, который рѣшился бы освободить крестьянъ съ землей. Это можетъ сдѣлать только самодержавіе... При самодержавіи и порядокъ управленія можетъ быть прочнѣе. Коли ты министръ, такъ ужъ министръ и министромъ останешься, а при новомъ строѣ министры мѣняются, какъ перчатки.

«Если меня спросятъ, что я предпочитаю: манифестъ или самодержавіе,—я, конечно, отвѣчу: «манифестъ», т. е. конституцію, но конституцію полную, конституцію выполненную, а эту поддѣлку подъ конституцію, это искаженіе, ея подобіе я не перевариваю. И я пошелъ бы на отмѣну манифеста,—но какъ?

«Коль отмѣнять, такъ отмѣнять ужъ до конца. Итти назадъ, такъ итти до конца. Не на нять лѣтъ (разговоръ происходилъ въ 1910 году), а на сорокъ пять. Я возстановилъ бы въ полнотѣ судебныя уставы 1864 года. Ввелъ бы старыя земскія учрежденія во всей имперіи, далъ бы Финляндіи все, чѣмъ она пользовалась до новаго законодательства, уравнилъ бы евреевъ въ правахъ такъ, какъ это было до 1881 года, и, исходя изъ этого, пошелъ бы затѣмъ снова впередъ...

«Такія настроенія и мысли ронлись въ головѣ автора манифеста. Но нельзя не указать, что такія мысли приходили ему въ голову лишь въ минуты отчаянія.

«Основное же положеніе онъ выражалъ такимъ словами:

«— Вѣрьте: многое въ русской жизни исчезнетъ, а манифестъ 17-го октября останется».

Двойственность въ психикѣ графа, когда заходила съ нимъ рѣчь объ октябрьскихъ событіяхъ 1905 года, выражалась чрезвычайно наглядно. Какъ представитель стараго режима, откуда создалось его общественное и государственное положеніе, онъ всею душою стоялъ на сторонѣ этого самаго режима, гдѣ передъ нимъ въ своего рода величественной панорамѣ проходили дѣла и люди, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ прекрасно понималъ, что ни одна сторона его дѣятельности не даетъ ему большаго права на историческую роль, какъ именно знаменательный день 17-го октября 1905 года. Эта дата была ему близка и дорога, и золотыя слова этой даты онъ хотѣлъ видѣть начертанными на своемъ надгробномъ памятникѣ.

Заѣхавъ къ нему какъ-то утромъ зимою текущаго года, я засталъ его шагающимъ по кабинету въ безпокойномъ состояніи духа.

— Я сегодня разстроенъ. Я ѣздилъ на кладбище Александроневской лавры и выбралъ себѣ мѣсто вѣчнаго упокоенія...

— Почему такія мрачныя мысли?

— Я знаю, что я скоро умру. У меня есть къ тому предчувствіе, а я въ предчувствія вѣрю. Такъ вотъ упомяните въ моемъ некрологѣ, если вы будете писать, что я хотѣлъ бы видѣть свой памятникъ такимъ: простой чернѣй крестъ на черномъ же постаментѣ, на которомъ выгравированы слова: «Графъ Витте. 17-го октября 1905 года». Какъ вы думаете, позволять мнѣ такую надпись?

Что покойный дорожилъ всѣми документами, относившимися къ манифесту, которымъ Россіи возвѣщенъ былъ новый періодъ жизни, свидѣтельствуетъ и г. Румановъ, говоря въ цитированномъ уже выше его фельетонѣ:

«С. Ю. Витте, какъ къ реликвіи, бережно относился къ первому рукописному наброску проекта манифеста.

«Это было въ 1909 или 1910 году. С. Ю. Витте пожелалъ снять фотографію съ наброска, а оригиналь отправить за границу въ свой архивъ.

«Онъ обратился къ одному своему знакомому:

«— Окажите любезность, найдите мнѣ фотографа интеллигентнаго и честнаго. Онъ долженъ снять у меня съ моихъ документовъ фотографіи у меня же на дому.

«Графу Витте былъ рекомендованъ инженеръ О—ъ, извѣстный теперь на югѣ промышленный дѣятель.

«Инженеръ О—ъ проработалъ съ фотографическимъ аппаратомъ у С. Ю. Витте два дня. Снялъ фотографіи съ текста манифеста и отдалъ С. Ю. Витте негативы, которые тотъ тутъ же уничтожилъ.

«Во время работы графъ не отходилъ отъ инженера ни на шагъ. «Оригиналь проекта былъ отосланъ за границу».

Б. Глинскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ВЪ СТАРУЮ МОСКВУ ¹⁾.

(Изъ поѣздки великихъ князей въ 1861 году).

ВЪ 1860 ГОДУ произошелъ переломъ въ дѣлѣ воспитанія царскихъ дѣтей. Съ назначеніемъ графа Сергѣя Григорьевича Строганова попечителемъ наследника цесаревича Николая Александровича, а графа Бориса Алексѣевича Перовскаго ²⁾ главнымъ воспитателемъ великихъ князей Александра и Владимира Александровичей, кромѣ непосредственной пользы воспитательной, отъ личностей новыхъ воспитателей, достигалось и то существенное благо, что съ ними кончился навсегда періодъ педагогическихъ опытовъ надъ молодыми натурами великихъ князей. Установился правильный, спокойный и прочный порядокъ вещей. Объ этихъ опытахъ цесаревичъ Николай Александровичъ говорилъ съ юморомъ: «Всѣ эти опыты и перемѣны лицъ проходили надъ нами довольно поверхностно; мы не успѣвали ни серьезно привязаться къ лично-

¹⁾ Статья эта, возобновляя въ памяти читателей подробности пребыванія императора Александра III въ Москвѣ, въ бытность его великимъ княземъ, и рисуя любовь его къ родной старинѣ и русской исторіи, даетъ въ то же время редакціи «Историческаго Вѣстника» случай предложить ихъ вниманію снимки съ видовъ старой Москвы и нѣкоторыхъ памятниковъ московскихъ древностей.

²⁾ Графъ Перовскій въ службу вступилъ въ Кавалергардскій полкъ въ 1831 году, откуда поступилъ въ почтовый департаментъ въ 1843 г. Черезъ три года вышелъ въ отставку, а въ 1849 году вновь поступилъ въ Кавалергардскій полкъ ротмистромъ и въ этомъ же году назначенъ флигель-адъютантомъ. Съ производствомъ въ полковника, въ 1854 году, отчисленъ въ свиту его величества. Назначенъ начальникомъ штаба войскъ, расположенныхъ въ Эстляндіи, въ 1854 г. Произведенъ въ генералъ-майоры съ зачисленіемъ въ свиту въ 1858 году. Назначенъ начальникомъ штаба корпуса путей сообщенія. Въ 1860 году отчисленъ въ свиту. Получалъ содержанія: жалованья по чину и фуражныхъ—3.189 руб. Изъ придворной конторы—3.000 руб.; столовыхъ—2.624 руб.; экипажъ отъ конюшеннаго вѣдомства и квартиру во дворцѣ.

стямъ, ни подчиняться ихъ вліянію; однимъ, какъ, напримѣръ, Гроту, мы симпатизировали, къ другимъ были равнодушны»¹⁾.

И дѣйствительно, трудно себѣ представить, какія могли бы быть послѣдствія, въ видѣ отраженія на молодыхъ характерахъ великихъ князей, если всѣ эти перемѣны въ личномъ составѣ воспитателей и педагогическіе опыты производили бы на нихъ глубокое вліяніе въ томъ возрастѣ, когда натура такъ воспримчива и податлива на впечатлѣнія.

Графъ Борисъ Алексѣевичъ Перовскій никогда не былъ педагогомъ и долго отказывался отъ предложеннаго ему дѣла, говоря государю, что признаетъ себя для воспитательнаго дѣла совсѣмъ не подготовленнымъ. Но государь настоялъ на своемъ выборѣ и былъ правъ, ибо врядъ ли лучший выборъ онъ могъ сдѣлать. Государь зналъ цѣну, настаивая на своемъ выборѣ. Душа графа Перовскаго была идеально-чистая, рыцарски-благородная, теплая и открытая и въ то же время глубоко русская, въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова, горѣвшая ко всему доброму и хорошему и ненавидѣвшая все лживое, все нечестное. Благодаря этому, графъ Перовскій создалъ тоже въ мірѣ своихъ питомцевъ спокойный и ясный духовный міръ; въ этомъ мірѣ атмосфера была чистая, здоровая и благородная. Она пришлась по душѣ царскимъ дѣтямъ, въ ней, подѣ начальствомъ опытнаго руководителя, московскаго профессора Александра Ивановича Чивилева²⁾, классное дѣло пошло правильно, а такъ какъ графъ Перовскій горячо любилъ и своихъ воспитанниковъ и рядомъ съ ними цесаревича, который тоже его любилъ, то само собою установилось, что любимый другъ цесаревича, великій князь Александръ Александровичъ, сталъ вдвойнѣ воспитываться: отдѣльно, подѣ руководствомъ воспитателя и, рядомъ съ этимъ, посредствомъ дружбы со своимъ старшимъ братомъ, съ которымъ все ближе и тѣснѣе входилъ въ общеніе. Этой двойной, такъ сказать, школѣ великаго князя Александра Александровича графъ Перовскій содѣйствовалъ всѣми силами своей любящей и прекрасной души³⁾.

Помощникомъ своимъ графъ Перовскій избралъ поручика гвардейской конной артиллеріи Николая Павловича Литвинова⁴⁾, который окончилъ курсъ артиллерійскаго училища и офицерскіе

¹⁾ «Мои воспоминанія», кн. Мещерскаго.

²⁾ Членъ департамента удѣловъ. Назначенъ въ 1860 году. Содержаніе по департаменту 6.869 руб. Изъ суммъ двора—2.000 руб. Изъ удѣловъ—2.000 руб. Экипажъ придворный въ двѣ лошади и помѣщеніе въ загородныхъ дворцахъ. Въ городѣ квартира казенная при департаментѣ удѣловъ.

³⁾ «Мои воспоминанія», кн. Мещерскаго.

⁴⁾ Высочайшій приказъ 30-го марта 1861 года. «Литвинову опредѣлено: жалованье по чину; изъ придворной конторы по 1.700 руб., столовыхъ—1.945 руб., квартира во дворцѣ и экипажъ въ загородныхъ дворцахъ».

классы (что нынѣ артиллерійская академія). Подъ вліяніемъ такихъ воспитателей не могло не обнаружиться влеченіе великаго князя Александра Александровича къ русской исторіи, которая съ малыхъ лѣтъ приковывала на себѣ интересъ къ ея изученію. Исторія Ишимовой, рассказы Зонтагъ, Лажечникова: «Послѣдній Новикъ», «Ледяной домъ», «Бусурманъ», романы Загоскина— были въ дѣтскіе годы любимымъ чтеніемъ великаго князя. Въ 1855 году во дворцѣ, на половинѣ августѣйшихъ дѣтей, начались экзамены въ присутствіи государя, и великій князь Александръ Александровичъ удивилъ всѣхъ присутствовавшихъ на экзаменѣ своими основательными познаніями изъ исторіи. Онъ безъ малѣйшей ошибки начертилъ на доскѣ таблицу всего удѣльнаго періода ¹⁾. Исторія Стеньки Разина, Богдана Хмѣльницкаго, Петра Великаго, картины изъ польскихъ нравовъ и другія были настольными книгами молодого великаго князя.

При такихъ обстоятельствахъ великіе князья съ радостью встрѣтили извѣстіе о поѣздкѣ въ Москву для ознакомленія на мѣстѣ съ московскими святынями и московской стариной.

Кромѣ великихъ князей Александра и Владимира Александровичей, въ поѣздкѣ въ Москву принимали участіе: графъ Перовскій, профессоръ Чивилевъ, поручикъ Литвиновъ, докторъ Оболеневскій и учитель м-г Кэту.

«Послѣ молебна мы,—пишетъ въ своемъ дневникѣ Н. П. Литвиновъ ²⁾,—19-го августа 1861 года встали въ пять часовъ утра, приготовились къ отъѣзду и выѣхали изъ Царскаго въ шесть часовъ, чтобы поспѣть къ поѣзду, отходящему въ Москву въ семь часовъ. Великій князь Александръ Александровичъ собрался было читать Загоскина «Искусителя», но бывший при насъ полковникъ путей сообщенія Зуевъ такъ много и интересно рассказывалъ о постройкѣ Николаевской желѣзной дороги, что невольно увлеклись его рассказами и слушали со вниманіемъ. Зуевъ говорилъ, что мысль о соединеніи желѣзной дорогой Москвы съ Петербургомъ принадлежитъ императору Николаю I, который въ 1839 году командировалъ въ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты инженеровъ путей сообщенія Мельникова и Крафта для изученія постройки и эксплуатаціи американскихъ желѣзныхъ дорогъ, какъ наиболѣе соотвѣтствующихъ россійскимъ по климатическимъ условіямъ.

«Одновременно государемъ поручено было комитету министровъ разобрать всѣ проекты устройства желѣзныхъ дорогъ между обѣими столицами. По прошествіи двухъ лѣтъ комитетъ министровъ пришелъ къ заключенію, что строить желѣзную дорогу между Петербургомъ и Москвой невозможно и бесполезно, хотя вернув-

¹⁾ Рукопись Я. К. Грота.

²⁾ Рукописный дневникъ Н. П. Литвинова.

шіея изъ Америки инженеры Мельниковъ и Крафтъ доказывали противное. Императоръ Николай I, недовольный мнѣніемъ комитета министровъ, пожелалъ самъ посѣтить засѣданіе министровъ и 13-го января 1842 года объявилъ рѣшительнымъ тономъ, что онъ

Великій князь Александръ Александровичъ, въ возрастѣ 15-ти лѣтъ.

признаетъ сооруженіе желѣзной дороги между столицами вполне возможнымъ и полезнымъ и къ исполненію этого рѣшенія должно быть немедленно приступлено. Въ заключеніе императоръ сказалъ, что такъ какъ всѣ министры противъ устройства желѣзной дороги, то онъ учреждаетъ для осуществленія этого важнаго предпріятія особый комитетъ, назначая предсѣдателемъ его наслѣдника пре-

стола, цесаревича Александра Николаевича и при комитетѣ особую строительную комиссію» ¹⁾).

1-го февраля 1842 года состоялся высочайшій указъ Николая I, повелѣвавшій сооружеиіе желѣзной дороги между Петербургомъ и Москвой...

За неимѣніемъ до тѣхъ поръ въ Россіи желѣзныхъ дорогъ, исключая Царскосельской, длиною двадцать пять верстъ, русскіе инженеры не могли приобрѣсти опыта въ ихъ постройкѣ, и потому было рѣшено пригласить для совѣщаній американскаго инженера Уистлера.

Прибывъ въ Россію въ іюль 1842 года, Уистлеръ тотчасъ же приступилъ къ осмотру мѣстности и донесъ, что вся мѣстность такъ щедро одарена самой природою условіями, необходимыми къ выгоднѣйшему устройству подобныхъ сообщеній, что едва ли можно гдѣ-либо встрѣтить такой замѣчательный случай на столь большомъ протяженіи.

Для производства изысканій линія желѣзной дороги была раздѣлена на два участка. Начальникомъ перваго участка отъ Петербурга до Бологое былъ назначенъ инженеръ Мельниковъ, а начальникомъ втораго—отъ Бологое до Москвы—инженеръ Крафтъ.

Въ виду разногласія, возникшаго въ комитетѣ по поводу выбора направленій желѣзной дороги, былъ составленъ докладъ и представленъ на усмотрѣніе государя.

Прочитавъ докладъ, императоръ Николай I положилъ слѣдующую резолюцію: «Дорогу устроить по прямому направленію, ибо не нахожу ни одной уважительной причины вести ее на Новгородъ, который не лишится выгодъ, которыми и нынѣ пользуется» ²⁾).

Такимъ образомъ, вопросъ былъ рѣшенъ, и линія пошла по возможно прямому направленію. По окончаніи изысканій и утвержденіи постройки приступили къ землянымъ работамъ въ 1844 г. Главнымъ руководителемъ всего дѣла былъ графъ Клейнмихель, назначенный въ 1842 году главноуправляющимъ путями сообщенія. Самыя трудныя работы производились на Валдайскихъ возвышенностяхъ и въ особенности между рѣкой Волгой и Москвой. Здѣсь прорѣзывались глубокія выемки и сооружались громадныя насыпи. Искусственныя сооруженія состояли изъ мостовъ на каменныхъ устояхъ и быкахъ съ деревянными пролетными частями по американской системѣ. Изъ наиболѣе интересныхъ мостовъ первенство, безспорно, принадлежитъ Мстинскому мосту, достигавшему высоты надъ горизонтомъ воды рѣки девятнадцать сажень, при

¹⁾ В. Адауровъ. «Иллюстрированный путеводитель Николаевской желѣзной дороги».

²⁾ Тамъ же.

258 саженьяхъ длины. Подвижной составъ и паровозы изготовлялись на Александровскомъ механическомъ заводѣ. Желѣзная дорога строилась семь лѣтъ, и 18-го августа 1851 года первый поѣздъ прошелъ изъ Петербурга въ Москву. Въ этомъ поѣздѣ проѣхали ко дню двадцатипятилѣтія коронаванія императора Николая I въ Москву: государь, императрица, наследникъ, цесаревна съ августѣйшими дѣтьми: Николаемъ и Александромъ Александровичами, великими князьями Николаемъ и Михаиломъ Николаевичами, великою княгинею Ольгой Николаевной съ супругомъ Фридрихомъ вюртембергскимъ, великою княгинею Екатериною Михайловною съ супругомъ герцогомъ Георгіемъ-Мекленбургъ-Стрелицкимъ, съ принцемъ Карломъ Прусскимъ, принцемъ Петромъ Ольденбургскимъ и принцемъ Александромъ Гессенскимъ ¹⁾).

1-го ноября 1851 года Петербурго-Московская желѣзная дорога была открыта для общаго пользованія, а въ 1855 году получила названіе «Николаевской», по имени державнаго основателя дороги.

Въ первое время отправлялось по два пассажирскихъ поѣзда въ сутки. Въ каждомъ поѣздѣ было только пять вагоновъ для пассажировъ, одинъ почтовый и одинъ багажный. Почтовые поѣзда считались самыми важными, и на нихъ обращалось особое вниманіе; напримѣръ, поѣздъ сопровождалъ жандармъ верхомъ. Между станціями учреждены были жандармскіе посты, и при прохожденіи почтоваго поѣзда жандармъ на лошади скакалъ по бермѣ насыпи, сопровождалъ поѣздъ на разстояніи одной-двухъ верстъ. Всѣ кондуктора и прислуга при поѣздѣ были одѣты по формѣ, съ касками на головахъ, а кондукторы были вооружены тесаками.

«Мы обѣдали,—пишетъ Н. П. Литвиновъ,—на станціи Спирово, пригласивъ къ столу полковника Зуева и еще двухъ инженеровъ путей сообщенія. Обѣдъ былъ замѣчателенъ тѣмъ, что съ насъ взяли неимовѣрную цѣну—триста шестьдесятъ рублей за одиннадцать человекъ и десять людей прислуги».

Въ Москву пріѣхали въ восемь съ половиной часовъ вечера. Великихъ князей встрѣтили московскій генералъ-губернаторъ Афросимовъ, князь Трубецкой и Николай Геннадіевичъ Корсаковъ. 20-го августа, послѣ чая, великій князь Александръ Александровичъ пригласилъ Литвинова и Оболеневскаго и **м-г** Кэту осматривать Грановитую палату.

Грановитая палата построена въ 1490 году въ царствованіе царя Іоанна III Васильевича для пріемовъ посольствъ и придворныхъ пировъ. Здѣсь Іоаннъ IV Грозный торжествовалъ покореніе

¹⁾ «Русскій Инвалидъ», 1851 г., № 183.

Казани и три дня угощаль храбрыхъ своихъ сподвижниковъ, причемъ на награды издержано чотыреста пудовъ серебра¹⁾. Про пріемъ царемъ Борисомъ Годуновымъ датскаго принца въ 1603 году сохранилось слѣдующее описаніе: «Царь удивилъ иностранцевъ пышностью двора и щедростью подарковъ. Какъ только принцъ прибылъ въ Москву, то въ тотъ же день къ нему былъ посланъ царскій столъ на ста большихъ золотыхъ блюдахъ и соразмѣрно тому число золотыхъ кубковъ съ напитками. Во время аудіенціи въ Грановитой палатѣ царь и царевичъ стояли подъ богатымъ балдахиномъ, въ длинныхъ бархатныхъ порфирахъ, искусно вышитыхъ крупнымъ жемчугомъ и драгодѣнными камнями. Огромные камни блистали въ коронѣ царской. Послѣ взаимныхъ привѣтствій пошли къ столу, изготовленному въ Грановитой палатѣ, гдѣ стояли царскія кресла, изъ золота сдѣланныя. Средній столбъ Грановитой палаты сверху донизу былъ обставленъ золотыми и серебряными кубками, чашами и прочей посудой. Кушанье изготовлено было на двухстахъ блюдахъ. Въ пріемной палатѣ устроены были пирамиды изъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ».

Грановитая палата²⁾ украшена лѣпною работою въ греческомъ вкусѣ, изображающею птицъ, звѣрей и другихъ животныхъ, покрытой позолотой. Сводчатые стѣны палаты упираются на каменный столбъ, убранный цѣнною посудой. Въ углу, подъ богатымъ балдахиномъ, поставленъ царскій тронъ. Шестъ оконъ, поднятыхъ на сажень отъ пола, разливаютъ мягкій свѣтъ, пріятно отливаютъ на темно-малиновомъ бархатѣ. Здѣсь наши государи, начиная отъ царя Іоанна III и до нашихъ дней, покрытые порфирой и увѣнчанные драгодѣнной короной, во время обряда коронаванія, обойдя кремлевскіе соборы, принимали поздравленія и сажались за трапезу.

Послѣ завтрака великій князь Александръ Александровичъ отправился осматривать терема. «Онъ съ особеннымъ удовольствіемъ смотритъ на то, что носитъ отпечатокъ старины, видимо, что она производитъ на него впечатлѣніе. Онъ особенно жалѣетъ о томъ, что такъ много возобновлено и, слѣдовательно, утратило свою прелесть старины,—замѣчаетъ Н. П. Литвиновъ въ своихъ запискахъ»³⁾. Терема построены въ 1487 году⁴⁾, слѣдовательно, еще при царѣ Іоаннѣ III, а верхніе терема построены въ 1636 году царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ для сыновей его: Алексѣя и Іоанна Михайловичей. Эти терема представляютъ собой свидѣтельство зодчества и вкуса того времени. Всѣ наружныя части

¹⁾ «Историческій путеводитель Москвы» А. Мартынова. 1827 г.

²⁾ Названіе Грановитой—получила отъ граней, которыми покрыты наружныя ея стѣны. М. И. Пыляевъ, «Старая Москва».

³⁾ Рукописный дневникъ Литвинова.

⁴⁾ «Историческій путеводитель Москвы» А. Мартынова. 1827 г.

теремовъ отдѣланы фигурными украшеніями лѣпной работы и ярко раскрашены синею, красною и желтою красками; пестрота эта, сообразно вкусу древности; чрезвычайно много придаетъ виду теремамъ, напоминая времена ихъ основателя. Своды потолковъ, маленькія окна, фигурныя изразцовыя печи, желѣзныя полосы

Графъ Борисъ Алексѣевичъ Перовскій.

для скрѣпленія сводовъ чрезвычайно характерны; а расписныя стѣны и потолокъ придаютъ теремамъ оригинальный видъ старины. Крестовая палата, Золотая палата, столовая, опочивальня, молеельня, всё сохранившіеся предметы царскаго обихода и мебель того времени вызывали восторгъ и прелесть старины, чѣмъ восхищался юный великій князь.

Послѣ обѣда великіе князья поѣхали на Воробьевы горы. Великій князь Александръ Александровичъ съ графомъ Перовскимъ въ двухмѣстной коляскѣ, а великій князь Владимиръ Александровичъ съ Николаемъ Павловичемъ Литвиновымъ, докторомъ Оболеневскимъ и м-г. Кету въ четверочной. Обѣ коляски были запряжены четверками ямщицкихъ лошадей. «Мы долго любовались,— пишетъ Н. П. Литвиновъ въ своемъ дневникѣ,—прекрасной панорамой Москвы и ея окрестностей. Въ это время насъ успѣли окружить нѣсколько крестьянокъ изъ сосѣдней деревни, которыя предлагали великимъ князьямъ вишни. Александръ Александровичъ, какъ всегда при народѣ, чувствовалъ себя очень неловко и потому казался неразговорчивымъ.

«На Воробьевыхъ горахъ великіе князья осмотрѣли избушку въ деревнѣ Филахъ, въ которой происходилъ въ 1812 году военный совѣтъ, рѣшившій участь Москвы. Здѣсь они обратили вниманіе на портреты восьми боевыхъ генераловъ, участвовавшихъ въ этомъ совѣтѣ.

«Полюбовавшись видомъ, мы поѣхали въ городъ и посѣтили магазинъ Лукутина, гдѣ великіе князья разорились на покупку разныхъ коробочекъ и папиросницъ этого фабриканта. Отъ Александра Александровича я не ожидалъ рѣшимости истратить на покупку 24 рублей. Правда, онъ выбиралъ такія вещи, которыя были подешевле, и потому онъ ихъ купилъ очень много числомъ».

21-го августа, послѣ утренняго чая, великій князь Александръ Александровичъ вновь выразилъ желаніе посѣтить терема, которые ему очень понравились. На этотъ разъ великаго князя сопровождали профессоръ Ив. А. Чивилевъ, м-г Кету и докторъ Оболеневскій. Московскій профессоръ заинтересовалъ слушателей рассказами о домашнемъ бытѣ русскихъ царей, о здѣшнихъ того времени и объ искусствѣ, что пополняло объемъ свѣдѣній великаго князя.

Въ это утро пріѣхалъ во дворецъ московскій митрополитъ Филаретъ, и великіе князья просидѣли съ нимъ около получаса времени. Владыка благословилъ каждого великаго князя образомъ и предупредилъ, что при посѣщеніи Архангельскаго собора имъ назначенъ священникъ, который и дастъ имъ всѣ объясненія по достопримѣчательностямъ собора. «Послѣ завтрака мы,— пишетъ Н. П. Литвиновъ ¹⁾,—отправились въ Архангельскій соборъ. Великіе князья давно не были въ Москвѣ, такъ что если все, что они увидѣли, не было имъ совершенно неизвѣстно, то, по крайней мѣрѣ, все должно было имъ показаться въ другомъ свѣтѣ. Великій князь Александръ Александровичъ съ видомъ истиннаго знатока восхищался стариною и наивною живописью на внутреннихъ стѣнахъ

¹⁾ Тамъ же.

храма, т. е., значить, тѣмъ, что именно составляетъ характерную особенность древняго византійскаго стиля».

Архангельскій соборъ ¹⁾ построенъ въ 1333 году великимъ княземъ Иоанномъ Даниловичемъ Калитою въ память избавленія Москвы и всей Руси отъ бывшаго въ 1332 году голода. Этотъ древній храмъ, по ветхости и тѣснотѣ, былъ срытъ, и на его мѣстѣ въ 1505 году выстроенъ каменный храмъ, который стоитъ и понынѣ. Въ Архангельскомъ соборѣ покоится прахъ нашихъ государей отъ Иоанна Калиты до царя Иоанна Алексѣевича. причемъ при перестройкѣ новаго храма останки великихъ князей, почившихъ до 1505 года, были перенесены въ новый храмъ. Такимъ образомъ, съ образованіемъ Москвы всѣ великіе князья и цари русскіе допетровскаго періода хоронились въ Архангельскомъ соборѣ.

Вотъ гробъ Иоанна Калиты—основателя московскаго величія. Близъ его могилы похороненъ сынъ его Симеонъ Гордый. Пройди двѣ гробницы, священникъ обратилъ вниманіе великихъ князей на могилу Дмитрія Иоанновича Донскаго, который въ битвѣ на Куликовомъ полѣ хотя и не избавилъ русское царство отъ двухвѣковаго ига татаръ, но положилъ основаніе успѣхамъ Иоанна III разрушить могущество дикаго Мамаю. Вотъ гробница царя Василія Шуйскаго, который былъ захваченъ поляками въ плѣнъ и содержался въ Варшавѣ, гдѣ и скончался въ 1612 году. Тѣло его долго лежало на полѣ близъ Варшавы подъ столбомъ, на которомъ поляки сдѣлали надпись: «Здѣсь лежитъ царь московскій». Только въ 1635 году царь Михаилъ Ѳеодоровичъ послалъ перевезти тѣло Шуйскаго въ Москву, гдѣ похороненъ въ этой могилѣ. Позади праваго столба покоится тѣло царя Михаила Ѳеодоровича. Близъ него похороненъ царь Алексѣй Михайловичъ. У лѣваго столба находится могила царя Иоанна Алексѣевича, уступившаго престолъ брату своему Петру Первому. Подлѣ него стоитъ гробница юнаго царя Ѳеодора Алексѣевича. Прошли мимо гробницы Петра II и перешли къ южному придѣлу, гдѣ сопутствующій великихъ князей священникъ указалъ на могилу царя Иоанна Грознаго, похороненнаго здѣсь по его указанію. Въ этомъ же придѣлѣ похоронены сыновья его: Иоаннъ и Ѳеодоръ Иоанновичи. Какъ извѣстно, старшій сынъ Грознаго погибъ, какъ несчастная жертва родительскаго гнѣва. Далѣе подошли къ деревянной, обложенной серебромъ ракѣ, гдѣ покоятся мощи царевича Дмитрія Угличскаго, убитаго въ городѣ Угличѣ въ 1591 году, какъ жертва честолюбивыхъ замысловъ Годунова. Мощи царевича Дмитрія перенесены въ Москву изъ Углича при царѣ Василіи Шуйскомъ. Надъ ракой царственнаго мученика виситъ образъ Дмитрія чудной работы. У другого столба почиваютъ мощи Михаила, князя черниговскаго, убитаго въ Ордѣ. Богатая серебряная риза

¹⁾ «Историческій путеводитель Москвы». А. Мартынова. 1827 г.

князя черниговскаго, сдѣланная по повелѣнію императрицы Екатерины II, была въ 1812 году похищена французами. Теперешняя рака сдѣлана вновь. Кромѣ упомянутыхъ гробовъ, находятся другія царскія могилы, вдоль стѣнъ, и на каждой имѣется бронзовая дощечка съ надписью.

Осмотрѣвъ портреты скончавшихся царей и великихъ князей, священникъ повелѣ осматривавшихъ соборъ въ ризницу, гдѣ великій князь Александръ Александровичъ заинтересовался одеждой убитаго царевича Дмитрія.

Поблагодаривъ сопутствовавшаго священника, великіе князья вернулись во дворецъ.

Въ этотъ же день, въ два часа пріѣхалъ Иванъ Михайловичъ Снегиревъ, и великіе князья отправились на Варварку въ домъ Романовыхъ. Внутреннее расположеніе комнатъ, убранство ихъ, мебель, всё мельчайшія подробности въ высшей степени интересовали великихъ князей, и они съ жадностью слушали объясненія Ивана Михайловича, подъ руководствомъ котораго и былъ реставрированъ этотъ замѣчательный домъ. Наружный видъ дома Романовыхъ представляетъ собой древній теремъ со свѣтлицей на верхнемъ этажѣ и съ кладовой въ нижнемъ. Красиво расположенныя лѣстницы и куполь надъ ними придаютъ дому Романовыхъ оригинальный видъ. Комнаты со сводчатыми потолками и маленькими окнами напоминаютъ царскіе терема. Вотъ комната, бывшая дѣтскою царя Михаила Ѳеодоровича, пріемная комната, рабочій покой боярина Ѳеодора Никитича (впослѣдствіи патріарха Филарета), столовая комната, опочивальня—все это музейныя древности 1613 года. Мебель, изразцовыя печи, нѣкоторые предметы посуды, скатерти, оружія сохранены въ томъ видѣ, какъ они употреблялись при жизни Романовыхъ. Императоръ Александръ II возобновилъ зданіе дома Романовыхъ, но ничѣмъ не измѣнилъ первобытной постройки, этой колыбели предка царствующей династіи. Все убранство дома составляютъ вещи царя Михаила Ѳеодоровича; но оружіе и образа находятся въ московской Оружейной палатѣ. Сбереженный временемъ съ уваженіемъ къ памяти и мѣсту рожденія царя Михаила Ѳеодоровича домъ бывшаго двора Никиты Романовича, родителя патріарха Филарета, возстановленъ, какъ историческій памятникъ, усердіемъ и знаніемъ профессора Снегирева, руководившаго реставраціей зданія.

«Мы,—пишетъ Н. П. Литвиновъ,—возвратились во дворецъ около четырехъ часовъ, и графъ Борисъ Алексѣевичъ Перовскій пригласилъ обѣдать Ивана Михайловича Снегирева. Все время за обѣдомъ и долго послѣ обѣда Снегиревъ занималъ великихъ князей самыми интересными подробностями о русской старинѣ, и великіе князья долго бы остались слушать его, если бы время не было такъ дорого».

Въ пять часовъ великіе князья отправились въ Оружейную палату, гдѣ ихъ ожидалъ майоръ Яковлевъ. Онъ большой знатокъ московскихъ древностей вообще, а по части оружія въ особенности. Московская Оружейная палата ¹⁾ представляетъ собой хранилище драгоценныхъ остатковъ такъ называемой въ древности «Большой казны», которая заключала въ себѣ наслѣдственныя сокровища и движимое богатство государей русскихъ, состоящая въ серебрѣ, драгоценныхъ камняхъ, мѣхахъ, жемчугѣ и въ различныхъ издѣліяхъ русскихъ и иноземныхъ.

Со времени Иоанна III, возстановившаго границы русскаго царства и царскаго двора, Вольшая казна помѣщалась въ Кремлѣ,

Дворецъ въ Кремлѣ въ XVIII столѣтіи.

между Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ соборами, въ каменномъ зданіи. Въ 1737 году, во время большого пожара въ Кремлѣ, сгорѣла Оружейная палата, причемъ погибла часть трофеевъ, въ томъ числѣ шведскія знамена, взятая подъ Полтавой. Царская же «казна», хранившаяся подъ сводами зданія, осталась невредима.

Всѣ вещи казеннаго двора, уцѣлѣвшія отъ пожара, были собраны въ московскіе терема, а затѣмъ, въ 1806 году, по повелѣнію императора Александра I, перенесены въ новое зданіе на Сенатской площади въ Кремлѣ.

¹⁾ «Московская оружейная палата», изданіе 1860 г., напечатанное по высочайшему соизволенію.

Въ 1812 году, во время нашествія французовъ, всѣ сокровища Оружейной палаты были вывезены въ Нижній-Новгородъ, а по возвращеніи оттуда въ 1814 году хранились въ новомъ помѣщеніи.

Въ 1849 году, въ виду обнаруженной сырости въ помѣщеніи Оружейной палаты, построенной безъ каменныхъ сводовъ и потому безъ печей, императоръ Николай I повелѣлъ построить новое зданіе для Оружейной палаты въ связи съ дворцомъ, гдѣ она помѣщается и нынѣ.

Разсказавъ исторію постройки новой Оружейной палаты, майоръ Яковлевъ обратилъ вниманіе, среди другихъ древнихъ святынь, хранящихся въ палатѣ, на глубокую историческую древность—животворящее древо, которое заключается въ изображеніи шестиконечнаго креста, вставленнаго въ ковчежець, на поляхъ ковчежца греческая надпись: «Се есть животворящее древо креста, на коемъ Самъ Иисусъ Христосъ волею распятъ, подавая всѣмъ спасеніе». Крестъ этотъ привезенъ изъ Царьграда въ 1354 году. Главныя святыни, хранящіяся въ Оружейной палатѣ,—это золотой вѣнецъ, св. бармы, держава и цѣпь, присланные великому князю Владимиру Кіевскому изъ Византіи.

Со временъ князя Владимира Кіевского великіе князья и цари русскіе при вступленіи на престолъ и при смерти своей благословляли старшихъ своихъ сыновей крестомъ, золотой шапкой, св. бармами и золотой цѣпью, на которой носился св. крестъ. Въ 1642 году, по указу царя Михаила Ѳеодоровича, золотая шапка названа «Мономаховой». Для общаго коронаванія царей Іоанна и Петра Алексѣевичей въ 1682 году были сдѣланы царскія шапки по образцу Мономаховой.

Тутъ же хранится золотая шапка Казанскаго царства. Всѣ эти шапки оторочены соболинымъ мѣхомъ.

Императорская корона заключаетъ въ себѣ 2.500 алмазовъ, яхонтовъ, рубиновъ и изумрудовъ. Надъ алмазнымъ крестомъ огромный рубинъ, купленный въ Пекинѣ въ 1676 году и оцѣненный въ 60.000 рублей.

Мальтійская корона, ордена Іоанна Іерусалимскаго, принадлежавшіе императору Павлу I.

Корона царства Грузинскаго, бармы (или діадемы)—это дивное ожерелье изъ алмазовъ, изумрудовъ и яхонтовъ, державы, скиптры, жезлы и посохи—дивной работы изъ золота, съ украшеніемъ изъ камней, золотыя цѣпи для носки св. креста, орденскіе знаки—всѣ эти вещи большой цѣнности вызвали удивленіе великихъ князей, восхищавшихся чудной работой придворныхъ мастеровъ.

Царскіе престолы—самый древній, сдѣланный изъ слоновой кости, привезенъ греческой царевной Софіею Палеологъ. Интересный персидскій тронъ, украшенный алмазами, 600 рубинами,

600 саффирами, 600 изумрудами и 600 бирюзами—подаренъ персидскимъ шахомъ царю Ивану Грозному.

Пересмотрѣли древніе царскіе кафтаны, унизанные драгоценными камнями, коронаціонныя царскія одежды и женскія платья. Потомъ пересмотрѣли древнюю царскую столовую посуду, кувшины, братины, кружки и проч.,—вся посуда серебряная и золотая. Эта посуда употреблялась за царскимъ столомъ и жаловалась въ награду за службу въ знакъ благорасположенія. Осмотрѣвъ царскіе портреты, великіе князья перешли къ оружію.

Государственное знамя, мечъ и щитъ—употребляются при коронаціи.

Шлемъ Александра Невскаго, другіе предметы вооруженія великихъ князей доцарскаго періода, знамя князя Пожарскаго, сабля гражданина Минина, шпага Петра Великаго, которую онъ всегда носилъ съ надписью: «Nonny soit qui mal y pense»,—обратили особое вниманіе великихъ князей, а также драгоценное сѣдло императрицы Екатерины II, украшенное камнями, присланное при заключеніи Кучукъ-Кайнарджійскаго мира въ 1775 году отъ султана Абдуль-Гамида, и множество трофеевъ и ключей отъ взятыхъ крѣпостей.

Обошли конюшенный отдѣлъ: старинныя кареты, возки, потѣшныя кареты, коляски и линія. «Все это вызывало интересъ молодыхъ посѣтителей, и имъ не хотѣлось отходить отъ Яковлева, котораго великіе князья слушали съ большимъ вниманіемъ и видимымъ удовольствіемъ», замѣчаетъ Литвиновъ. Когда нужно было уходить, великіе князья поблагодарили Яковлева и подали ему руки.

22-го августа назначено было ѣхать въ Воскресенскій монастырь. Для этого графъ Борисъ Алексѣевичъ пригласилъ поѣхать съ нами генерала Исакова, который могъ намъ объяснить многое, потому что самъ былъ въ старомъ Іерусалимѣ, по плану котораго выстроены Воскресенскій монастырь.

«Мы выѣхали на экстренномъ поѣздѣ Ярославской желѣзной дорогѣ въ девять съ половиной часовъ,—пишетъ Н. П. Литвиновъ.—Въ святой обители насъ совершенно не ожидали, такъ что мы успѣли осмотрѣть часть храма прежде, нежели собрались игумень и священнослужители для совершенія молебна. Старичокъ-игумень началъ было показывать намъ храмъ и ризницу, но, желая избавить его отъ труда всюду ходить за нами, великій князь Александръ Александровичъ откланялся ему, и мы докончили осмотръ храма подъ руководствомъ Николая Васильевича Исакова.

«Разказы его были очень интересны; такъ какъ наружный видъ церкви и внутреннее ея расположеніе скопированы съ Іерусалимскаго храма, то великіе князья наглядно видѣли, гдѣ расположены придѣлы разныхъ исповѣданій. Мы ходили и осматривали все болѣе двухъ часовъ, очень устали и сильно проголодались. Обѣдъ былъ

заказанъ въ лѣтней монастырской гостиницѣ, находящейся недалеко отъ монастыря. Простыя щи, каша и жаркое показались великимъ князьямъ очень вкусными, а болѣе всего понравилось то, что съ насъ за все это запросили не болѣе 6 р. 50 к. Это показалось намъ очень скромнымъ, особенно сравнительно съ тѣми 360 рублями, которые запросили съ насъ на Николаевской желѣзной дорогѣ за одинъ обѣдъ. Обратио выѣхали въ четыре часа и черезъ полтора часа ѣзды по желѣзной дорогѣ вернулись во дворецъ. Поѣздка въ монастырь, сама по себѣ поучительная, повидимому, не представляла большого интереса, за отсутствіемъ памятниковъ старины, которую такъ чтутъ великіе князья.

«По прибытіи домой великіе князья тотчасъ же отправились прямо къ наслѣднику Николаю Александровичу, прибывшему безъ насъ въ Москву.

«За чаемъ у насъ собралась большая компанія; приглашенъ былъ генераль Исаковъ, а потомъ пришли наслѣдникъ съ Дмитріемъ Борисовичемъ Рихтеромъ и Иваномъ Васильевичемъ отцомъ Рождественскимъ ¹⁾. Послѣ чая великій князь Александръ Александровичъ пошелъ со мною на половину наслѣдника и усталый, вернулся къ себѣ въ девять съ половиной часовъ вечера.

«23-го августа. Среда. Послѣ завтра великіе князья и сопровождавшія ихъ лица пошли осматривать патріаршую ризницу. Монахъ, бывшій нашимъ чичероне, отлично зналъ свое дѣло, и великіе князья съ удовольствіемъ слушали его о древнихъ книгахъ, хранящихся въ ризницѣ. Ризница помѣщается въ Кремлѣ, на Сенатской площади, въ огромномъ зданіи бывшаго патріаршаго дома, построенномъ патрархомъ Никономъ. При вступленіи въ домъ все отличается древностью и внушаетъ чувство благоговѣнія къ этому мѣсту, — говоритъ монахъ, — эта лѣстница, совсѣмъ непохожая на нынѣшнія парадныя, эти сѣни, коридоры безъ всякой правильной формы, освѣщаемыя маленькими окошками съ желѣзными рѣшетками, и царствующая здѣсь какая-то мрачность вливаютъ уныніе и заставляютъ вспомнить минувшее. Здѣсь въ 1656 году патріархъ Никонъ торжественно встрѣчалъ царя Алексѣя Михайловича при возвращеніи его побѣдителемъ надъ поляками, и здѣсь царь былъ угощаемъ имъ. Въ патріаршей ризницѣ ²⁾ обращаютъ вниманіе на пять напрестольныхъ евангелій, изъ коихъ одно относится къ 1681 году. Митра большая, принадлежавшая Никону, пожалованная царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1654 году. Другая митра, пожалованная патріарху Іоакиму въ 1676 г. Показали еще нѣкоторыя митры, украшенная драгоценными камнями; потомъ осмотрѣли саккосы, унизанные жемчугомъ и вышитые золотомъ, показали древнія панагіи, посохи, разныя серебряныя

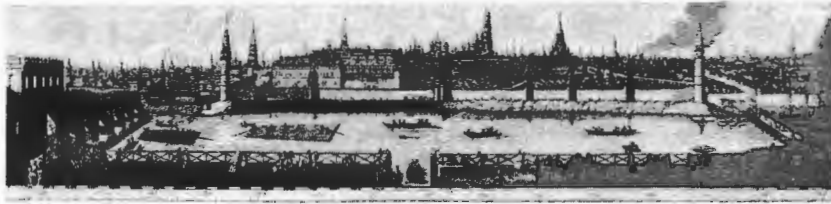
¹⁾ Законоучитель наслѣдника и великихъ князей.

²⁾ «Историческій путеводитель Москвы». А. Мартынова. 1827 г.

церковныя вещи; обратили вниманіе на два серебряные золоченые котла для варенія мира, въ первомъ изъ нихъ 5 пудовъ 28 фунтовъ, а въ другомъ 5 пудовъ 21 фунтъ. Для сливанія свареннаго мира поставлена серебряная «кадь» вѣсомъ 8 пудовъ 19 фунтовъ. На позолоту этой кади употреблено семь фунтовъ. Крыша къ этой кади имѣеть вѣсу 2 пуда 35 фунтовъ. На этихъ вещахъ имѣется надпись, что они сдѣланы по повелѣнію императрицы Екатерины II въ 1767 г.

«Большой отдѣлъ книгъ имѣеть патриаршая ризница, главнымъ образомъ на греческомъ и латинскомъ языкахъ. Здѣсь можно было увидѣть рукописное евангеліе XII вѣка; житіе святыхъ, переписанное рукою митрополита Макарія; евангеліе, прекрасно написанное рукою царевны Татіаны Михайловны; здѣсь хранятся: письмо царя Феодора Алексѣевича къ патриарху Іоакиму и два письма Петра I къ патриарху Адріану. Много хранится образовъ, наперсныхъ крестовъ, столовой утвари и проч.

«Поблагодаривъ сопровождавшаго монаха, великіе князья возвратились во дворецъ. Послѣ обѣда молодые князья отпросились

Видъ Кремля изъ Замоскворѣчья между Каменнымъ и Живымъ Мостомъ къ полудню.

навѣститъ наслѣдника, который чувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо, и пробыли у него вечеръ».

24-го августа. Послѣ чая великіе князья сходили къ наслѣднику, а въ десять часовъ пріѣхалъ къ нимъ профессоръ Иванъ Михайловичъ Снегиревъ и отправился съ великимъ княземъ Александромъ Александровичемъ въ церковь Спаса на Бору, что стоитъ на дворцовомъ дворѣ.

Исторія этого храма относится къ тѣмъ временамъ, когда о Москвѣ едва было слышно на Руси. Какой-то пустынникъ срубилъ деревянную церковь среди дремучаго бора. Въ 1237 году полчища Батя нагрянули на Москву, разграбили и сожгли въ ней всѣ церкви и монастыри. Съ тѣхъ поръ не имѣется свѣдѣнія о судьбѣ церкви на бору. Въ XIV вѣкѣ упоминается, что въ монастырь на московскомъ бору было привезено изъ монгольской орды тѣло великаго князя Михаила Тверского, принявшаго тамъ мученической вѣнецъ. Въ 1330 году Іоаннъ Калита соорудилъ, вмѣсто деревянной

церкви, чудную каменную, которую и украсил иконами, сосудами, пеленами и книгами. Этот княжескій дворцовый монастырь процвѣталъ въ Москвѣ до нашествія Тохтамыша, который разграбилъ городъ и сжегъ монастырь. Здѣсь архимандритъ Симеонъ вмѣстѣ съ братіею погибъ отъ меча татаръ. Съ восстановленіемъ Москвы князь Дмитрій Донской завѣщалъ давать ежегодно пятнадцать рублей Спасскому монастырю. Послѣ возобновленія храма, пожары 1554 года и 1737 года, испепелившіе всю Москву, коснулись и церкви Спаса на Бору. Послѣ нашествія непріятеля въ 1812 году, церковь была возобновлена и освящены главный престолъ и южный придѣлъ. Цари Михаилъ, Алексѣй и Θεодоръ въ день Преображенія слушали здѣсь литургію и всенощную. Императоръ Николай I съ августѣйшими дѣтьми въ 1846 году обзрѣвали достопримѣчательности храма и поклонялись святымъ мощамъ святителя Стефана Пермскаго, почивающимъ здѣсь 450 лѣтъ, и останкамъ погребенныхъ здѣсь старобытныхъ князей и княгинь московскихъ¹⁾. Названіе церкви «что за золотой рѣшеткой»—получилъ соборъ отъ того, что паперть его ограждена со стороны императорскаго дворца густо вызолоченною рѣшеткой.

Довольный рассказами Снегирева, великій князь Александръ Александровичъ горячо благодарилъ Ивана Михайловича.

По возвращеніи изъ церкви Спаса на Бору великій князь Александръ Александровичъ вмѣстѣ съ графомъ Перовскимъ и профессоромъ Снегиревымъ отправились въ Донской монастырь.

Среди зеленѣющихъ вѣтвей деревьевъ видны бѣлѣющія башни и блестящія главы храма Донского монастыря, построеннаго въ память битвы съ крымскимъ ханомъ. Въ 1591 году крымскій ханъ Казы-Гирей вступилъ въ предѣлы Московскаго царства. 13-го іюля онъ переправился черезъ рѣку Москву и остановился противъ села Коломенскаго. Едва лишь первый лучъ солнца блеснулъ на вершинахъ, какъ враги стремительно бросились къ столицѣ, и солнечные лучи освѣтили страшную битву русскихъ съ татарами. Ожесточенный врагъ наступалъ сильно, но русскіе отбили всѣ попытки татаръ и заставили ихъ отступить. Донское войско поднесло передъ битвой князю Дмитрію Іоанновичу образъ Донской Богородицы, который обнесли вокругъ стана русскихъ войскъ и поставили въ полотняную палатку подъ царской хоругвью. Первоначально царь Θεодоръ Іоанновичъ построилъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла палатка, маленькую церковь съ небольшими келіями и наименовалъ это строеніе Донскимъ монастыремъ. Церковь эта существуетъ и понынѣ. Въ 1684 году царица Екатерина Алексѣевна построила на свой счетъ соборный храмъ и поставила вокругъ монастыря ограду. Въ 1712 году на средства грузинскаго царя Арчила построены новый

¹⁾ «Русская Старина въ памятникахъ». Мартынова. Текстъ И. М. Снегирева.

храмъ во имя Срѣтенія. Въ 1714 г. царица Прасковья Ѳеодоровна построила церковь во имя Тихвинскія Богородицы, и, такимъ образомъ, начала образовываться обитель съ большой колокольной, построенной императрицей Анной Іоанновной. Этотъ Донской монастырь постепенно украшался разными пожертвованіями и сталъ монастыремъ перваго класса съ шестью церквами. Въ числѣ надгробныхъ памятниковъ многіе принадлежатъ къ царской фамиліи и особенно къ фамиліи царей грузинскихъ. Въ память избавленія московскаго Кремля отъ нашествія татаръ въ 1591 году царь Ѳеодоръ Іоанновичъ установилъ, чтобы всѣ люди, проходившіе черезъ Спасскія ворота, снимали съ головы шапки. Черезъ девять лѣтъ поразила Москву моровая язва, отъ которой много умирало народа. Эти два событія укрѣпили въ народѣ святость Спасскихъ воротъ и обратили сниманіе шапокъ въ обычай ¹⁾. Надъ Спасскими воротами поставленъ большой образъ Спасителя, придающій этой башнѣ большую святость.

Окончивъ осмотръ церкви Донскаго монастыря, великій князь изъявилъ желаніе посѣтить Спасскій или Вознесенскій монастырь, стоящій рядомъ со Спасскими воротами. Иванъ Михайловичъ разсказалъ исторію возникновенія этого стараго монастыря, въ которомъ хоронились русскія царицы. Вознесенскій монастырь основанъ въ 1389 году великой княгиней Евдокією, супругою князя Дмитрія Донскаго. Переживъ славнаго мужа своего, вдова Евдокія долго горевала и задумала устроить монастырь, въ которомъ приняла монашескій чинъ. Главный фасадъ монастыря здѣй выстроилъ въ готическомъ вкусѣ. Въ немъ покоится прахъ почти всѣхъ великихъ княгинь, царицъ и царевенъ русскихъ допетровскаго періода. Здѣсь на первомъ мѣстѣ стоитъ гробница строительницы этого монастыря, великой княгини Евдокіи Дмитриевны, супруги Дмитрія Донскаго, скончавшейся въ 1407 году. Далѣе идутъ могилы: царицы Маріи Милославской, супруги царя Алексѣя Михайловича, царицы Наталіи Кирилловны Нарышкиной, второй жены царя Алексѣя Михайловича—матери Петра I, царицы Маріи Петровны, супруги Василія Шуйскаго, царицы Агаѳіи Симеоновны, супруги царя Ѳеодора Алексѣевича, царицы Евдокіи, второй супруги царя Михаила Ѳеодоровича. Подвигаясь дальше, въ церкви лежатъ надмогильные камни надъ гробницами: супруги великаго князя Василія Дмитріевича, сына Донскаго, супруги Василія Темнаго, супруги Іоанна III, матери Іоанна Грознаго, потомъ идутъ могилы семи женъ Іоанна Грознаго, между ними могила царицы Марѳы, которая умерла черезъ пятнадцать дней послѣ вѣнчанія. Далѣе идутъ могилы: дочери царя Алексѣя Михайловича, четыре могилы дочерей царя Михаила Ѳеодоровича, дочери царя Шуй-

¹⁾ Мартыновъ. Путеводитель. 1827 г.

скаго, дочери царя Θεодора Иоанновича. Вотъ могила первой супруги царя Михаила Θεодоровича, а черезъ нѣсколько царственныхъ могилъ находится могила царицы Евдокии Θεодоровны, первой супруги Петра I, умершей шестидесяти двухъ лѣтъ, въ 1703 г., и по постриженіи принявшей имя Елены. Могилы покрыты покровами, нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ украшенія въ видѣ золотыхъ вышивокъ. Осмотрѣвъ убранство монастыря и помолившись передъ старинными иконами, великій князь возвратился во дворецъ, полный воспоминаніями, навѣянными разказами о былыхъ временахъ профессора Снегирева.

Священникъ Корольковъ ¹⁾ въ своихъ воспоминаніяхъ объ императорѣ Александрѣ III пишетъ, что при посѣщеніи великимъ княземъ Александромъ Александровичемъ Новодѣвичьяго монастыря для поклоненія чудотворной иконѣ Смоленской Божіей Матери случилось такъ, что въ то же время ожидался туда пріѣздъ наслѣдника Николая Александровича. Настоятельница монастыря приготовила въ даръ отъ обители святую икону и заздравную просфору. Въ отсутствіе настоятельницы монахи приняли великаго князя Александра Александровича за наслѣдника престола и поднесли ему святую икону и просфору. Когда прибылъ наслѣдникъ въ монастырь, то ошибка обнаружилась, и онъ сказалъ: «Я радъ, что назначенная мнѣ въ благословеніе святая икона и просфора досталась моему брату. Онъ достоинъ того».

«Въ восемь часовъ пришелъ къ великимъ князьямъ наслѣдникъ и, пробывъ съ полчаса, — пишетъ въ своемъ дневникѣ Н. П. Литвиновъ, — пригласилъ насъ идти съ нимъ на его половину. Между приглашенными были графъ Строгановъ съ сыномъ и генералъ Кознаковъ.

«25-го августа. Послѣ утренняго чая великій князь отправился къ наслѣднику, а въ десять часовъ подали экипажъ, въ которомъ великій князь Александръ Александровичъ съ графомъ Перовскимъ выѣхали къ литургіи въ Симоновъ монастырь. Они очень желали не быть никѣмъ узанными, но это имъ удалось только на половину. Съ часъ времени простоялъ великій князь Александръ Александровичъ въ церкви, не возбуждая ничьего вниманія, а потомъ вдругъ замѣтили, что въ народѣ возникло какое-то подозрѣніе, что всѣ съ любопытствомъ стали на него посматривать, а духовенство обращаться преимущественно въ ихъ сторону. Это заставило ихъ выйти изъ церкви нѣсколько ранѣе окончанія службы. Однако настоятель успѣлъ проводить великаго князя до экипажа».

Иванъ Михайловичъ Снегиревъ, въ виду желанія великаго князя посѣтить Симоновъ монастырь, считалъ долгомъ посвятить его въ исторію этого древняго монастыря. Симоновъ монастырь ²⁾

¹⁾ Корольковъ. «Жизнь и царствованіе императора Александра III». Кіевъ. 1901 г.

²⁾ Мартыновъ.

основанъ въ 1370 году, сначала въ селеніи Симоново, отъ котораго и сохранилось его названіе. Главная церковь, въ честь Успенія Богородицы, выстроена при великомъ князѣ Василии Дмитриевичѣ, сынѣ Дмитрія Донскаго, въ 1405 году. Съ 1771 по 1773 годъ въ монастырѣ былъ учрежденъ госпиталь для зараженныхъ морвою язвою, а съ 1788 года отданъ для учрежденія постоянного госпиталя. По ходатайству духовнаго начальства, въ 1795 году монастырь снова обращенъ въ прежнее состояніе. Свидѣтель всѣхъ бѣдствій Московскаго государства, монастырь сохранилъ свой первоначальный видъ и постепенно украшался пожертвованіями москви-

Лизинъ прудъ въ Москвѣ.

чей. Высокая колокольня монастыря далеко видна въ окрестностяхъ Москвы и своимъ видомъ привлекаетъ посѣтителей Москвы. Въ оградѣ монастыря множество надгробныхъ памятниковъ, среди нихъ обращаетъ вниманіе могила князя Мстиславскаго, царя казанскаго Симеона Бекбулатовича, пріѣзжаго вѣру христіанскую, и другія. На колокольнѣ почти всѣ колокола времени царя Михаила Феодоровича. За монастыремъ расположена небольшая слободка, въ которой находится церковь Рождества. Прежде на этомъ мѣстѣ была Симонова слободка. При входѣ во храмъ видны надгробныя плиты храбрыхъ сподвижниковъ князя Донскаго, иноковъ Осляби и Пересвѣта, посланныхъ князю преподобнымъ Сергіемъ и поло-

живших свой животъ на брани Куликова поля. Тутъ же находится знаменитый «Лизинъ» прудъ ¹⁾. Онъ не великъ, обсаженъ березками. Исторіографъ Николай Михайловичъ Карамзинъ обезсмертилъ этотъ прудъ прекрасной повѣстью про свою бѣдную Лизу.

Въ тотъ же день, послѣ обѣда, были поданы два экипажа, запряженные четверками лошадей, и великіе князья отправились за городъ, по направленію на село Коломенское. Великій князь Александръ Александровичъ сѣлъ въ первый экипажъ съ графомъ Перовскимъ, а великій князь Владимиръ Александровичъ занялъ другой экипажъ съ Н. П. Литвиновымъ и учителемъ Кэту. Пробѣжавъ почти всю Москву, экипажи свернули на Тульское шоссе и у деревни Котлы повернули на дорогу въ с. Коломенское.

Село Коломенское—это старинная вотчина русскихъ государей, извѣстная съ половины XIV вѣка. Оно было вотчиной сперва князей удѣльныхъ, потомъ великихъ князей и, наконецъ, царей и императоровъ ²⁾.

Первымъ владѣтелемъ села Коломенскаго былъ сынъ Ивана Калиты, князь Андрей Ивановичъ. Въ первой половинѣ XVI вѣка великій князь Василій Ивановичъ былъ первымъ, который обратилъ вниманіе на село Коломенское. Онъ часто посѣщалъ эту вотчину и тѣшилъ на поляхъ его охотою. Красивая мѣстность возвышеннаго берега рѣки Москвы съ далью, затопляющею противоположный берегъ, на которомъ всегда было много дичи, могла плѣнить охотника, какими были великіе князья.

Въ 1528 году великій князь Василій Ивановичъ построилъ церковь Вознесенія, существующую и до настоящаго времени. Церковь славится художественнымъ вкусомъ и красотою мѣстоположенія на высококомъ берегу рѣки Москвы.

Сынъ князя Василія, царь Иванъ Васильевичъ Грозный, уже постоянно навѣщалъ Коломенское и въ 1552 году, выступивъ въ походъ противъ Казани, остановился въ Коломенскомъ, обѣдалъ тамъ съ боярами и воеводами. Царь Иванъ Грозный любилъ Коломенское и день своего ангела, 29-го августа, всегда праздновалъ здѣсь. Въ одинъ изъ такихъ дней, въ 1554 году, онъ былъ обрадованъ вѣстью о покореніи царства Астраханскаго. Въ церкви Вознесенія, опоясанной каменной террасой, стоитъ каменный тронъ, про который преданіе говоритъ, что Грозный смотрѣлъ съ этого трона на кулачные бои, происходившіе противъ церкви на другомъ берегу Москвы.

Въ смутное время въ Коломенскомъ побывали крымскіе татары, самозванцы, польскія войска, которыя разорили Коломен-

¹⁾ Пыляевъ. «Старая Москва».

²⁾ «Село Коломенское» Корсакова.

ское. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, исцѣляя раны, нанесенныя государству нашествіемъ напріятеля, обратилъ, между прочимъ, вниманіе и на Коломенское. Возобновляя жилище русскихъ царей, Михаилъ Ѳеодоровичъ приказалъ отстроить дворецъ въ Коломенскомъ и заложилъ постройку церкви во имя Казанской Божіей Матери. Частыя посѣщенія села Коломенскаго царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ ¹⁾ утвердили за нимъ ту историческую извѣстность, какою оно продолжаетъ пользоваться до нашего времени. До сихъ поръ еще москвичи, прїѣхавъ въ Коломенское, спѣшатъ взглянуть на мѣсто двора царя Алексѣя Михайловича и отыскиваютъ извѣстный челобитный столбъ. Преданіе говорить, что столбъ стоялъ противъ самыхъ оконъ царской спальни и что когда царь, проснувшись по утру, подходилъ къ окну, то челобитчики, кланяясь до земли, опускали просьбы въ ящикъ, и добрый государь, разсмотрѣвъ ихъ, давалъ свои рѣшенія.

Любимой царя Алексѣя Михайловича забавой была соколиная охота. Онъ прїѣзжалъ въ Коломенское зимою гѣшиться на звѣря— лосей, оленей, медвѣдей, волковъ, лисицъ и зайцевъ, которыхъ ловили тенетами или травили собаками.

Наступилъ 1682 годъ. Скончался царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ. На царство былъ избранъ десятилѣтній Петръ. Стали носиться слухи о новомъ мятежѣ и объ угрозахъ правительству. «Время на Москвѣ было лихое и шатаніе великое и въ людяхъ смута»—говоритъ современникъ ²⁾. Въ это время царское семейство оставило Москву въ концѣ августа 1682 года и переѣхало въ село Коломенское. Какъ вдругъ у переднихъ дворцовыхъ воротъ нашли прибитое письмо, въ которомъ неизвѣстные люди извѣщали государей, что Хованскій «съ единомышленниками умыслили на великихъ государей, патриарха и на бояръ убійство». Дворъ тотчасъ же оставилъ Коломенское и выѣхалъ сначала на Воробьевы горы, а потомъ въ Троицкую лавру.

Въ 1680 году Петръ предпринялъ въ село Коломенское поѣздку воднымъ путемъ, Москвой-рѣкою, когда царь Іоаннъ Алексѣевичъ шелъ туда же сухимъ путемъ.

Въ виду этого, что въ учебникахъ русской исторіи упоминается о Кожуховскихъ походахъ лишь вскользь, Снегиревъ коснулся въ разсказѣ великихъ князьямъ исторіи этихъ походовъ поподробнѣе.

Въ 1694 году Петръ устроилъ маневры подъ деревней Кожухово на обширной равнинѣ между рѣками Окой и Москвой, близъ села Коломенскаго. На этой равнинѣ было построено полевое укрѣпленіе, усиленное рогатками и волчьими ямами. Положено было произвести примѣрную атаку и оборону укрѣпленія. Осажденные

¹⁾ М. Пыляевъ. Въ Коломенскомъ дворцѣ было болѣе 150 комнатъ.

²⁾ Желябужскій.

состояли изъ стрѣлецкихъ полковъ, а атакующіе—изъ потѣшныхъ. Начальникомъ осажденныхъ былъ бояринъ Бутурлинъ, а потѣшными командовалъ князь Ромодановскій. Среди потѣшныхъ войскъ были полки Преображенскій и Семеновскій. Бомбардиръ полка Петръ Алексѣевъ шелъ впереди Преображенскаго полка.

27-го сентября князь Ромодановскій собралъ стоявшія на Москвѣ-рѣкѣ суда и приблизилъ ихъ къ лагерю; въ то же время струги, связанные плетнемъ, съ помостомъ наверху изъ досокъ и бревенъ, на которыхъ были установлены пушки, съ полками Преображенскимъ и Семеновскимъ приблизились къ неприятельскому укрѣпленію, гдѣ они заняли мѣсто противъ неприятеля. На другой день Ромодановскій за два часа до разсвѣта, при сильномъ дождѣ, началъ переправу, а самъ съ гусарами, палашниками и рейтарами переправился въ бродъ. Полки Преображенскій и Семеновскій переѣхали рѣку на большихъ стругахъ и овладѣли мостомъ, что облегчило переправу остальныхъ войскъ по наведенному мосту. Бутурлинъ, желая отвлечь неприятельскую конницу отъ своей пѣхоты, отправилъ противъ нея своихъ гусаръ и рейтаровъ. Завязался бой, продолжавшійся съ перемѣннымъ успѣхомъ; наконецъ осаждающіе, сбивъ конницу осажденныхъ съ поля, гнали ее до самаго вала. Тутъ для ея подкрѣпленія вышло изъ ретрашаментанаѣскольکو отрядовъ пѣхоты, иные съ длинными палками, другіе съ тупыми копьями, и сперва отбили нападающихъ, но потомъ сами были прогнаны.

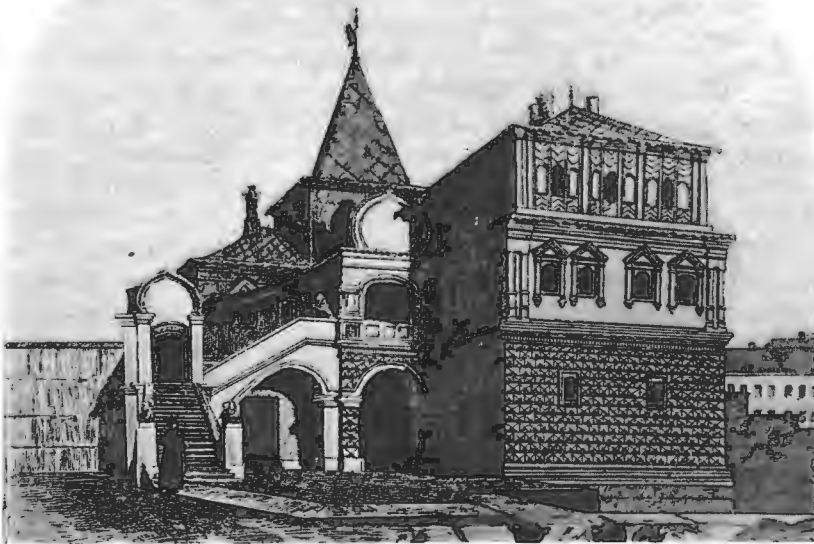
Между тѣмъ, какъ это происходило на лѣвомъ флангѣ, главный отрядъ пѣхоты осажденныхъ рѣшился сдѣлать на нее новое нападеніе. Четыре стрѣлецкихъ полка вышли изъ укрѣпленія и быстро атаковали осаждающихъ. Завязалось новое сраженіе, продолжавшееся два часа. Атака была отбита, и стрѣльцы прогнаны въ укрѣпленіе.

Послѣ перваго сраженія послѣдовало перемиріе, продолжавшееся до 1-го октября. По случаю праздника Покрова Пресвятыя Богородицы утро прошло въ бездѣйствіи. Послѣ полудня Ромодановскій приказалъ заложить два четырехугольныхъ редута, окопать ихъ ровомъ, одѣть плетнемъ и обставить рогатками.

Противъ нихъ неприятель вывелъ свои войска, которыя были атакованы съ фронта и фланговъ и отгѣснены до самой рѣки. Между тѣмъ, изъ укрѣпленія бросали ручныя гранаты, но такъ неискусно, что онѣ не причиняли имъ никакого вреда, а, напротивъ, еще ранили самого Бутурлина въ плечо. Въ это время начатыя редуты были окончены и въ нихъ поставлены гарнизоны. Въ знакъ побѣды Ромодановскій приказалъ выстрѣлить изъ пушекъ залпомъ.

2-го октября продолжались осадныя работы, и построено еще два редута. Вылазка осажденныхъ была неудачна, войска дрались до вечера, но осажденные принуждены были отступить. 3-го числа

продолжались осадныя работы, и опять вылазки были неудачны. Въ этотъ день бомбардиръ Преображенскаго полка Петръ Алексѣевъ съ нѣсколькими матросами взялъ въ плѣнь стрѣльцкаго полковника Сергѣева, за что получилъ благодарность князя Ромодановскаго. 4-го октября надо было овладѣть внѣшнимъ валомъ, — пишетъ Гордонъ, — для чего Преображенскій бомбардиръ Петръ Алексѣевъ сдѣлалъ длинную, крытую хворостомъ телѣгу, которую наполнилъ различными зажигательными составами, а въ передней части ея выходило острое копье. Телѣгу эту раскатали и пустили черезъ

Домъ бояръ Романовыхъ въ Москвѣ.

ровъ, заваленный хворостомъ; копье, пробивъ плетень, составлявшій одежду вала, ударило въ землю и остановило поступательное движеніе телѣги, и зажигательныя вещества, находившіяся въ телѣгѣ, были зажжены и произвели взрывъ и пожаръ плетня. Завязалась схватка на самомъ валу. Осажденные защищались очень храбро; бросали въ непріятеля гранаты и начиненные взрывчатыми веществами горшки, лили на нихъ изъ трубы воду и отбивались палками и длинными шестами, къ концу которыхъ были привязаны зажженные пуки пеньки, обмакнутой въ смолу, сѣру и селитру, но, несмотря на все это, должны были уступить мужеству своихъ противниковъ. Въ то время, какъ преображенцы бились на валу и осажденные обра-

тили противъ нихъ всё свои силы, отряды Семеновскаго и Гордонова полковъ, подойдя къ укрѣпленію съ другой стороны, вошли въ него. Стрѣльцы, опасаясь быть отрѣзанными, ушли въ обозъ и тамъ окопались. Укрѣпленіе же досталось побѣдителямъ.

Князь Ромодановскій объявилъ благоволеніе своимъ войскамъ и заключилъ этотъ день угощеніемъ ихъ, начиная отъ начальниковъ до нижнихъ чиновъ.

Однакоже государь былъ очень недоволенъ, что стрѣльцы такъ скоро отдали городокъ. По предварительно составленному плану маневровъ, укрѣпленіе предполагалось взять нѣсколькими днями позже для того, чтобы имѣть время испытать на практикѣ всё тѣ средства, которыя предлагаются инженерною наукою для атаки крѣпостей, но оплошность стрѣльцовъ измѣнила это предположеніе, а потому Петръ, будучи на обѣдѣ у князя Голицына, приказалъ стрѣльцамъ опять занять укрѣпленіе.

На другой день, 9-го октября, осаждающіе повели съ двухъ сторонъ минныя галереи. Чтобы отвлечь непріятеля отъ этихъ работъ, въ городокъ непрерывно бросали бомбы. Бомбардиръ Петръ Алексѣевъ пустилъ изъ верховой пушки нѣсколько бомбъ въ укрѣпленіе и въ обозъ и такъ удачно, что всё онѣ, кромѣ одной, достигли до мѣста своего направленія; одна же попала въ шатеръ Бутурлина.

Несмотря, однакоже, на эту стрѣльбу, осажденные узнали о подземныхъ работахъ непріятеля и устроили у себя контръ-мины, подслушали работу осаждавшихъ и, прокопавъ въ непріятельской минѣ отверстіе, залили ее водой. На лѣвомъ флангѣ продолжали вести галереи, но съ большой осторожностью. Кирки и лопаты, производившія большой шумъ, были брошены, и ихъ замѣнили вновь изобрѣтенными скоблями, которыми осторожно снимали землю.

Наконецъ, 15-го октября, рано утромъ, князь Ромодановскій объявилъ начальникамъ частей, что черезъ нѣсколько часовъ начнется штурмъ укрѣпленія, а потому полкамъ Преображенскому, Семеновскому, Лефортову и Гордонову расположиться передъ крѣпостью. Бомбардиръ Петръ Алексѣевъ ввелъ въ подкопъ 4 ящика съ порохомъ и телѣжку, наполненную горючими веществами, и зажегъ ихъ. Въ то же время въ укрѣпленіе начали бросать бомбы и ручныя гранаты. Отъ взрыва обвалилась значительная часть вала и образовалась брешь. Князь Ромодановскій приказалъ Преображенскому полку немедленно войти въ крѣпость по обвалившемуся валу, а полкамъ Семеновскому и Гордонову итти на приступъ съ другой стороны по лѣстницамъ.

Осажденные стрѣляли, бросали въ непріятеля ручныя гранаты, землю, горшки съ горючими веществами, лили на нихъ воду изъ трубъ и отбили наступленіе Семеновскаго и Гордонова полковъ, но не могли устоять противъ преображенцевъ, которые овладѣли

брешью и ворвались въ крѣпость. Отбитые полки вновь пошли на приступъ и на этотъ разъ заняли валъ. Городокъ сдался. Князь Ромодановскій, въ знакъ признательности къ своимъ войскамъ, угостил ихъ обѣдомъ.

17-го октября князь Ромодановскій повелъ атаку на обозъ и взялъ его, причемъ Бутурлинъ, какъ плѣнникъ, со связанными назадъ руками, былъ приведенъ въ шатеръ князя Ромодановскаго. Всѣмъ ратнымъ людямъ былъ объявленъ Государевъ указъ о милостивой похвалѣ за службу. Стрѣльцамъ, солдатамъ и потѣшнымъ государь пожаловалъ «погребъ». Такъ окончились эти историческіе маневры, и войска распущены по домамъ.

Достойно отмѣтить, что двадцатидвухлѣтній Петръ впервые произвелъ учебный маневръ, гдѣ не только руководилъ всѣми маневренными дѣйствіями, но и обучалъ начальниковъ, какъ вести войска съ учебной цѣлью на маневрахъ. Мы знаемъ, что маневры въ царствованіе Александра I были настолько неудачны, что и начальники, и войска не понимали другъ друга ¹⁾. Самъ Петръ о Кожуховскомъ походѣ говорилъ: «Хотя въ ту пору, какъ мы трудились подъ Кожуховымъ въ Марсовой потѣхѣ, ничего болѣе, кромѣ игры, на умѣ не было, однако эта игра стала предвѣстницею настоящаго дѣла». Это настоящее дѣло былъ походъ подъ Азовъ 1695 г. Послѣ побѣды подъ Азовомъ Петръ остановился въ селѣ Коломенскомъ и оттуда водилъ войска въ Москву.

Прошло тринадцать лѣтъ, и Петръ ни разу не былъ въ Коломенскомъ. Устройство Петрограда и Сѣверная война съ шведами отняли у Петра много времени. Въ 1709 году, желая отпраздновать славную Полтавскую побѣду достойнымъ торжествомъ, Петръ выѣхалъ изъ Петрограда и, не заѣзжая въ Москву, проѣхалъ прямо въ село Коломенское навстрѣчу своей побѣдоносной гвардіи. 13-го декабря прибыли въ Коломенское изъ похода полки Преображенскій и Семеновскій и начали свозить со всѣхъ ближнихъ городовъ плѣнныхъ шведовъ, пріѣхалъ князь Меншиковъ, и 21-го декабря побѣдители вошли въ Москву «съ великимъ триумфомъ» при пушечныхъ выстрѣлахъ, колокольномъ звонѣ, военной музыкѣ и при радостныхъ восклицаніяхъ народа.

Въ 1772 году Петръ опять посѣтилъ Коломенское вмѣстѣ съ Екатериной и приказалъ исправить обветшалый дворецъ. Послѣдній разъ Петръ былъ въ Коломенскомъ въ 1724 году, во время коронаціонныхъ торжествъ по случаю коронаванія императрицы Екатерины I. «11-го мая, поутру,—разсказываетъ Берхгольцъ,—повѣщено было съ барабаннымъ боемъ, чтобы къ полудню всѣ верейки и боты собрались на назначенномъ мѣстѣ, потому что

¹⁾ Примѣчаніе автора.

императору хотѣлось со всѣмъ дворомъ и нѣкоторыми вельможами повеселиться за городомъ и принять поѣздку водою вплоть до стараго царскаго увеселительнаго дворца въ селѣ Коломенскомъ, до котораго, если ѣхать по рѣкѣ, считается версть двадцать» ¹⁾). Императорская фамилія и дворъ пробыли въ Коломенскомъ три дня и возвратились въ Москву.

Послѣ смерти Петра и перенесенія столицы въ Петербургъ о Коломенскомъ совсѣмъ забыли. Однако сохранились свѣдѣнія, что Петръ II былъ въ Коломенскомъ въ 1729 году на охотѣ. Императрица Елизавета Петровна, при посѣщеніи Москвы, любила пріѣзжать въ Коломенское и угощала своихъ вельможъ по старинному царскому чиноположенію. При Екатеринѣ II ветхій дворецъ царя Алексѣя Михайловича сталъ разваливаться, а потому Екатерина приказала построить новый дворецъ на томъ же мѣстѣ ²⁾). Въ этомъ дворцѣ жила императрица и ея внуки, великіе князья Александръ и Константинъ, при посѣщеніи Москвы.

Въ 1816 году Екатерининскій дворецъ въ Коломенскомъ былъ разобранъ и уже въ царствованіе императора Николая I былъ построенъ новый дворецъ, который и до сихъ поръ стоитъ въ селѣ Коломенскомъ. Императоръ Николай I посѣтилъ Коломенское въ 1839 году и, по своему обыкновенію, прежде всего отправился въ церковь, гдѣ засталъ крестьянскую свадьбу. Дождавшись окончанія вѣнчанія, государь поздравилъ къ себѣ молодыхъ, поздравилъ ихъ и приказалъ имъ явиться въ московскій дворецъ, гдѣ они были обласканы и щедро одарены государемъ и императрицею. Въ царствованіе Николая I въ село Коломенское былъ переведенъ изъ деревни Никитино кадетскій лагерь, въ которомъ стояли кадеты перваго и втораго московскихъ корпусовъ, а впослѣдствіи тамъ же были расположены лагеремъ Александровскій сиротскій и Брестскій кадетскіе корпуса. 19-го мая 1861 года посѣтилъ село Коломенское императоръ Александръ II съ императрицею Марією Александровною и августѣйшими дѣтьми, великими князьями Алексѣемъ и Сергѣемъ Александровичами и великою княжною Марією Александровною. Государь принялъ отъ крестьянъ хлѣбъ-соль и обошелъ всѣ три церкви. Въ этомъ же году, 2-го іюня, государь снова посѣтилъ село Коломенское, осматривалъ кадетскій лагерь и пробылъ въ Коломенскомъ до десяти часовъ вечера. Во время посѣщенія царской семьей Коломенскаго дворца императрица и августѣйшія дѣти вышли на балконъ и собственноручно раздавали крестьянамъ, ихъ женамъ и дѣтямъ разные подарки, деньги, серебряныя и золотыя серьги и кольца, шелковые платки, кушаки и гостинцы. Всю исторію села Коломенскаго рассказалъ

¹⁾ «Дневникъ Берхгольца».

²⁾ М. Пыляевъ. «Старая Москва».

великимъ князьямъ профессоръ Снегиревъ, который въ яркихъ краскахъ очертилъ все значеніе Коломенскаго въ бытовой жизни предковъ царствующаго дома и особенно въ жизни Петра Великаго.

«Мы,—говорить Н. П. Литвиновъ въ своихъ «Запискахъ»,—къ сожалѣнію, не имѣли достаточнаго времени, чтобы все осмотрѣть подробнѣе; входили во дворецъ, въ которомъ не нашли ничего замѣчательнаго, кромѣ его мѣстоположенія; видѣли челобитный столбъ передъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ стоялъ старый дворецъ, и наконецъ зашли въ церковь, построенную великимъ княземъ

Коломенскій дворецъ.

Василіемъ Ивановичемъ въ 1528 году. Здѣсь насъ встрѣтилъ священникъ съ крестомъ и въ облаченіи. Поѣздка наша была очень интересна и вызвала много разсказовъ о прошломъ» ¹⁾).

Возвратившись изъ Коломенскаго въ восьмомъ часу вечера, великій князь Александръ Александровичъ пожелалъ застать всюнощную въ Успенскомъ соборѣ, куда и отправился съ графомъ Перовскимъ, но посѣщеніе собора было неудачно, потому что великій князь тотчасъ же былъ узнавъ народомъ, а, во-вторыхъ, они застали только конецъ службы и скоро вернулись во дворецъ.

¹⁾ Рукопись Н. П. Литвинова.

На другой день, 26-го августа, великій князь Александръ Александровичъ отправился поздравлять наслѣдника (день коронаціи императора Александра Николаевича) и оттуда въ десять часовъ утра вмѣстѣ съ нимъ пошли въ Успенскій соборъ, которымъ очень интересовался великій князь, какъ однимъ изъ древнихъ московскихъ соборовъ. Успенскій соборъ основанъ митрополитомъ московскимъ св. Петромъ въ 1326 году, при великомъ князѣ Іоаниѣ Даниловичѣ Калитѣ.

Послѣ разоренія монгольскими полчищами древняго Кіева митрополитъ Петръ удалился въ Москву, гдѣ склонилъ великаго князя Іоанна Даниловича къ построенію соборнаго каменнаго храма. 4-го августа 1326 года св. Петръ собственноручно положилъ первый камень въ основаніе кафедральнаго собора и самъ написалъ для него храмовую икону Успенія Божьей Матери.

Вскорѣ св. Петръ скончался, и останки его погребены были у внѣшней еще не оконченной каменной церкви. Прошло 150 лѣтъ. Московское царство все расширялось, власть великаго князя все усиливалась, и владѣнія его расширялись, и изъ маленькаго городка Москва быстро превращалась въ многолюдную столицу. Соборный храмъ становился тѣсень и ветхъ, и великій князь Іоаннъ III задумалъ соорудить новый обширнѣйшій храмъ на мѣстѣ стараго, но выше и обширнѣе Владимирскаго.

Но русскіе строители оказались плохими зодчими, и когда въ 1474 году было въ Москвѣ землетрясеніе, то своды обрушились и одна стѣна обвалилась. Приглашенъ былъ итальянецъ-зодчій Фіоравенти, который и довелъ постройку до конца. Въ 1479 году Успенскій соборъ былъ освященъ, причемъ великій князь Іоаннъ III съ сыномъ внесли въ храмъ мощи святителей, вынутыя изъ древнихъ могилъ при заложеніи фундамента собора, а именно: мощи св. Петра и Феоноста положены на старое мѣсто въ придѣлѣ, а гробницы св. Кипріяна, Фотія, Іоны, Филиппа и останки великаго князя Юрія Даниловича пришлились на новыхъ мѣстахъ, гдѣ они покоятся и теперь.

Съ тѣхъ поръ въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, при гробѣ св. Петра совершается избраніе и посвященіе русскихъ святителей, причемъ царь вручаетъ новопоставленному владыкѣ архипастырскій жезлъ. Для святителей у праваго передняго столба въ храмѣ устроено особое мѣсто, называемое «патріаршее», на которомъ они стояли за богослуженіемъ. Мѣсто это каменное, обитое бархатомъ, съ шатровою сѣнью.

Въ этомъ Успенскомъ соборѣ въ концѣ XV вѣка, по образцу церемоніала византійскихъ императоровъ, началось вѣнчаніе на царство государей російскихъ. Первымъ въ Успенскомъ соборѣ былъ вѣнчанъ Василій Темный, тогда какъ до него всѣ великіе князья вѣнчались во Владимирѣ. Власть хана монгольскаго была

такъ велика, что посолъ ханскій, по возведеніи на царство великаго князя, посадилъ Василя Темнаго на «Мономахово» мѣсто. Болѣе торжественно вѣнчался Іоаннъ Васильевичъ Грозный, который вмѣстѣ съ вѣнцомъ Мономаха принялъ и титулъ царя.

На Мономаховомъ тронѣ слушали русскіе государи божественную службу въ церемоніальныхъ случаяхъ. Когда готовилась къ коронаціи Екатерина I, то возникъ вопросъ, не лучше ли вынести изъ собора это старое мѣсто? Петръ отвѣчалъ: «Я почитаю сіе мѣсто драгоцѣннѣе златаго за его древность, да и потому, что всѣ державные предки, російскіе государи, на немъ стояли».

Въ Успенскомъ соборѣ совершалось великое торжество православной вѣры въ 1440 году, когда великій князь Василій Темный возсталъ противъ католической уніи. Въ этомъ соборѣ св. Филиппъ отказалъ въ благословеніи и не утратился сказать горькую правду Ивану Грозному, когда тотъ шумно вошелъ въ соборъ съ толпой опричниковъ, одѣтыхъ, по примѣру царя, въ черные шлыки и черныя рясы, изъ-подъ которыхъ блестѣли ножи и кинжалы. Филиппъ неустрашимо сказалъ: «Въ этомъ странномъ образѣ я не узнаю царя православнаго; не узнаю его и въ дѣлахъ царскихъ. Съ тѣхъ поръ, какъ свѣтитъ солнце на небѣ, не слыхано, чтобы благочестивые цари возмущали собственную державу... У татаръ и язычниковъ есть законъ и правда, а у насъ ихъ нѣтъ. Мы, государь, приносимъ Богу безкровную жертву, а за алтаремъ льется кровь неповинная». Такъ святитель обличилъ грознаго царя и заслужилъ гнѣвъ его, потерпѣлъ изгнаніе и мученическую смерть. Малюта Скуратовъ задушилъ его.

Въ этомъ соборѣ, послѣ освобожденія Москвы отъ поляковъ, послѣдовало избраніе семнадцатилѣтняго Михаила Ѳеодоровича Романова на царскій престолъ Россіи. Юный царь входилъ въ соборъ, проливая слезы, между тѣмъ, какъ ликующей народъ цѣловалъ полы его платья.

Въ 1812 году Успенскій соборъ подвергся большому поруганію и разграбленію отъ нашествія галловъ. Хотя наиболѣе чтимыя святыни были вывезены въ Вологду, какъ, на примѣръ, иконы Владимирской и Иверской Божіей Матери и другія, но оставались въ храмѣ раки со святыми мощами, иконы съ золотыми и серебряными ризами, серебряныя паникадила, лампы, подсвѣчники и проч. Со всѣхъ этихъ священныхъ предметовъ непріятель снялъ драгоцѣнные оклады и украшенія. Сохранилась запись, что французы похитили въ соборѣ 325 пудовъ серебра и 18 пудовъ золота.

Послѣ разгромовъ и пожаровъ усердіемъ народа и царей Успенскій соборъ вновь украсился съ большимъ блескомъ и великолѣпіемъ. При царѣ Иванѣ Грозномъ купола собора были покрыты мѣдными листами и позолочены. Царь Михайлъ Ѳеодоровичъ тща-

тельно возобновилъ всю стѣнопись, покрывши поле сплошною позолотою. Эта стѣнопись подновлялась и при послѣдовавшихъ коронаціяхъ. Всѣ стѣны и столбы храма художественно исписаны дѣянїями святыхъ или притчами евангельскими въ лицахъ, «это для того, что, когда строился храмъ, то немногіе знавшіе грамоту могли бы учить Закону Божію неграмотныхъ»¹⁾. Издавна принято было въ церквахъ, вмѣсто мертвыхъ буквъ, расписывать стѣны храма дѣянїями святыхъ, чтобы молящійся христіанинъ могъ самъ прочесть живую повѣсть въ лицахъ.

Всѣ великолѣпно украшенныя, древняго и художественнаго письма, мѣстныя иконы представляютъ историческій интересъ, какъ наглядные памятники объединенія Руси и образованія самодержавія изъ системы удѣловъ. Присоединяя къ Московскому княжеству одинъ за другимъ удѣльные и вольные города и области, московскіе государи уносили оттуда вмѣстѣ со всею добычею и завѣтныя святыни и помѣщали ихъ въ своемъ первопрестольномъ московскомъ соборѣ.

Изъ мѣстныхъ иконъ особенное вниманіе обращаетъ на себя чудотворная икона Владимирской Божіей Матери, написанная, по преданію, св. евангелистомъ Лукою и въ XII вѣкѣ перевезенная изъ Царьграда въ Кіевъ князю Андрею Боголюбскому, который поставилъ св. икону во Владимирскомъ на Клязьмѣ соборѣ. Эта икона составляетъ самую главную и самую драгоценную святыню Москвы.

Зная исторію Успенскаго собора, въ которомъ въ 1856 году державный отецъ, государь Александръ Николаевичъ, короновался въ присутствіи наслѣдника Николая Александровича и великаго князя Александра Александровича, которымъ было тогда одному тринадцать лѣтъ, а другому одиннадцать, оба великіе князя усердно молились передъ московскими святынями, вспоминая старину о возникновеніи святаго храма. При входѣ въ соборъ ихъ встрѣтилъ митрополитъ Филаретъ съ привѣтственной рѣчью. По окончаніи молебна, наслѣдникъ принялъ поднесенную ему икону съ мощами²⁾.

«Великіе князья возвратились изъ собора очень поздно и завтракали,—пишетъ Н. П. Литвиновъ,—въ часть дня. Потомъ великій князь Александръ Александровичъ поѣхалъ съ графомъ Перовскимъ къ московскому генералъ-губернатору и къ генералу Николаю Геннадіевичу Кознакову. Затѣмъ великій князь присутствовалъ на большомъ обѣдѣ по случаю празднованія дня коронаціи государя и къ вечернему чаю возвратился во дворецъ. На половину, занимаемую великими князьями, Кремлевскаго дворца при-

¹⁾ Тамъ же.

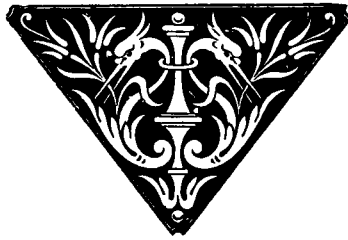
²⁾ «Московскія Вѣдомости». 1861 г. № 189.

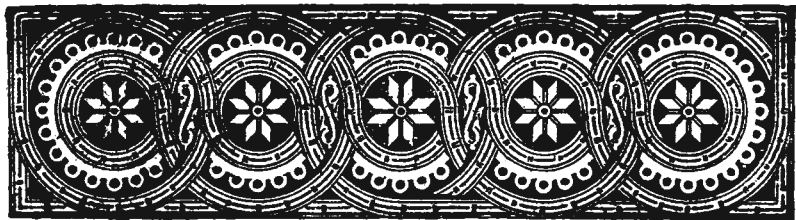
шелъ наслѣдникъ, и вечеръ провели очень пріятно. Дмитрій Борисовичъ Рихтеръ читалъ имъ очень интересный журналъ путешествія наслѣдника Николая Александровича по Россіи, и разошлись ранѣе обыкновеннаго, потому что на другой день надо было вставать въ пять часовъ утра.

«27-го августа, въ семь часовъ утра мы выѣхали изъ Кремлевскаго дворца, — пишетъ Литвиновъ, — заѣхали въ часовню Иверской Божіей Матери и уже оттуда на Николаевскую желѣзную дорогу. Во время дороги великіе князья были очень веселы и увѣряли, что имъ жаль было такъ скоро оставлять Москву».

Несомнѣнно, эта образовательная поѣздка въ Москву оставила большое впечатлѣніе въ великихъ князьяхъ. Ни одна книга, ни одинъ рассказъ не оставили такъ много воспоминаній о русской старинѣ, какъ личное знакомство съ памятниками исторіи. Много видѣли молодые князья въ Москвѣ, много слышали они отъ сопровождавшихъ ихъ знатоковъ исторіи, и при врожденной ихъ склонности къ русской старинѣ, поѣздка въ Москву оставила слѣды въ образованіи великихъ князей.

Е. Каменскій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Русскій біографическій словарь. Лабзина—Лященко. Издаваемый Императорскимъ русскимъ историческимъ обществомъ. Петроградъ. 1914. Стр. 844. Цѣна 5 р.

ВЪ УДОВОЛЬСТВИЕМЪ встрѣчаемъ новый томъ монументальнаго изданія Императорскаго русскаго историческаго общества, подающій надежду на скорое его завершеніе. Какъ и предыдущія книги «Русскаго біографическаго словаря», и предлагаемый томъ заключаетъ въ себѣ въ алфавитномъ порядкѣ біографическіе очерки замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей, скончавшихся до 1892 года включительно, и такимъ образомъ въ рукахъ лицъ, занимающихся русской исторіей, является неоцѣнимымъ справочнымъ пособіемъ. И этотъ томъ отражаетъ въ своемъ содержаніи всѣ достоинства и недостатки подобныхъ справочныхъ изданій; зависящія, главнымъ образомъ, отъ качества матеріаловъ, находившихся въ распоряженіи составителей очерковъ; случайность нахождения матеріаловъ или отсутствіе ихъ является въ большинствѣ случаевъ единственнымъ условіемъ большей или меньшей подробности біографій русскихъ дѣятелей, независимо отъ важности историческаго ихъ значенія или же знаній и умѣнья редакторовъ и сотрудниковъ «Словаря». Важнѣйшія историческія лица, біографіи которыхъ включены въ разсматриваемый томъ, представлены въ подробномъ изложеніи и научномъ освѣщеніи съ подробными бібліографическими указаніями; таковы, на примѣръ, біографія Лермонтова, составленная г. Абрамовичемъ, К. Н. Леонтьева—г. Коноплянцова, Лжедмитрія I, принадлежащая перу профессора Васенка (хотя почтенный профессоръ неосновательно считаетъ установленнымъ фактомъ,

что Лжедмитрій былъ дѣйствительно Гришкой Отрепьевымъ), Лобачевского, старательно написанная г. Васильевымъ, Ломоносова въ выпукломъ изображеніи г. Меншуткина, И. В. Лопухина, тщательно разработанная г. Барсковымъ. Тѣмъ непріятнѣе впечатлѣніе, произведенное на насъ чтеніемъ біографіи такого крупнаго художника, какъ Дмитрій Григорьевичъ Левицкій, составленной неизвѣстнымъ авторомъ крайне поверхностно и, скажемъ, неопратно, хотя послѣ трудовъ Горленка, Дягилева и барона Н. Н. Врангеля (два послѣдніе неизвѣстны автору) личность знаменитаго русскаго портретиста приобрѣла особое значеніе для исторіи русскаго искусства. Изъ числа второстепенныхъ дѣятелей русскаго искусства редакція «Словаря» не сочла нужнымъ упомянуть объ извѣстномъ дѣятелѣ павловскаго царствованія, генералѣ Линденерѣ (онѣмечившемся полякѣ Липинскомъ), хотя останавливается на другомъ Линденерѣ, извѣстномъ лишь тѣмъ, что онъ былъ произведенъ въ 1873 г. въ генералъ-майоры (1). Совѣтъ тяжелое впечатлѣніе производитъ куца біографія севастопольскаго генерала П. П. Липранди, прославившагося дѣломъ при Балаклавѣ: авторъ прерываетъ его жизнеописаніе на 1848 г., руководствуясь, конечно, попавшимся ему случайно подъ руку старымъ формулярнымъ спискомъ этого генерала и не зная о дальнѣйшемъ теченіи его службы. Эти и другіе недочеты «Словаря», о которыхъ не стоить упоминать въ рецензіи, конечно, не умаляютъ достоинствъ разсматриваемаго тома, потребовавшаго немало труда отъ его редакторовъ. Мы не можемъ, однако, удержаться еще отъ одного замѣчанія, что біографія свѣтлѣйшей княжны Анны Петровны Лопухиной попала въ этотъ томъ, конечно, только по недосмотру, потому что біографическія свѣдѣнія о княжнѣ А. П. Лопухиной, вступившей въ бракъ въ 1800 году съ кн. П. Г. Гагаринымъ, должны быть помѣщены въ «Словарѣ» на букву Г, въ біографіи княгини А. П. Гагариной.

Е. Шумигорскій.

Князь Олегъ. Петроградъ. 1915. 40+IV+204 стр. Цѣна 6 руб.

Чтеніе этой прекрасной во всѣхъ отношеніяхъ книги доставляетъ смѣшанное чувство удовольствія и острой горечи: удовольствія—отъ близкаго, интимнаго общенія съ свѣтлой личностью трагически погибшаго въ расцвѣтѣ лѣтъ «Свѣтлаго князя» и горечи—отъ не покидающаго васъ ни на минуту грустнаго сознанія, что этотъ «Свѣтлый князь», совмѣщавшій въ себѣ столько прекрасныхъ, разнообразныхъ возможностей, уже ушелъ отъ насъ навѣки. Неизвѣстные издатели книги о князѣ Олегѣ прекрасно поступили, выпустивъ ее въ свѣтъ и сдѣлавъ ее доступною для широкой публики: подобныя книги служатъ высокую службу, давая на яркомъ примѣрѣ образецъ рѣдкаго и гармоническаго сочетанія чистой души съ богатой одаренностью природы и тѣмъ нравственно поднимая читателя, очищая его самого. «Свѣтлый князь,—говоритъ авторъ въ предисловіи,—это слово неизмѣнно повторялось и во многихъ телеграммахъ, присланныхъ по поводу мученической кончины князя Олега Константиновича, и въ стихотвореніяхъ и статьяхъ, посвященныхъ его

памяти. Дѣйствительно, трудно подыскать другое выраженіе, которое болѣе мѣтко обрисовывало бы князя Олега: его свѣтлое доброе лицо, свѣтлые сосредоточенные глаза, свѣтлый жизнерадостный смѣхъ, свѣтлый пытливый умъ, свѣтлая душа, невольно приковывали къ себѣ вниманіе уже при первой встрѣчѣ съ нимъ. И, въ связи съ этимъ общимъ впечатлѣніемъ чего-то свѣтлаго, при ближайшемъ знакомствѣ раскрывался необычайно сложный духовный обликъ князя Олега, его неоцѣнимыя по своей привлекательности качества. Но много времени нужно было для того, чтобы хотя отчасти понять, какъ жила эта глубокая юная душа, чему она радовалась и чѣмъ страдала, что любила, къ чему стремилась. Врядъ ли даже онъ былъ способенъ понять къ-мъ-нибудь сполна, во всей многогранности своего внутренняго міра. Только теперь, когда смерть позволила прочесть страницы его дневника, который онъ велъ съ восьмилѣтняго возраста и въ которомъ наединѣ съ самимъ собою свободно изливалъ волновавшія его думы,—только теперь начинаешь чувствовать, какъ много пережито было безвременно погибшимъ юношей-героемъ...» Чтеніе выдержекъ изъ этихъ дневниковъ князя Олега, дѣйствительно, заставляетъ удивляться ранней умственной зрѣлости ихъ автора, его вдумчивости, наблюдательности, искренности. Князь погибъ, не доживъ и до двадцати двухъ лѣтъ, но въ немъ отчетливо сказались разнообразныя недюжинныя дарованія: съ серьезнымъ влеченіемъ къ писательству, къ работѣ въ области художественнаго слова, онъ соединялъ горячую любовь къ поэзіи, къ музыкѣ, самъ былъ недурнымъ музыкантомъ, былъ одаренъ несомнѣннымъ художественнымъ талантомъ; наконецъ, влекли его къ себѣ и занятія русскою исторіею, и изысканія историко-литературныя. Пушкинъ, его любимый поэтъ, былъ центромъ, около котораго сосредоточивалось его пытливое вниманіе; онъ изучалъ самого Пушкина, его эпоху; какъ дань поклоненія великому поэту останется вѣковѣчнымъ памятникомъ первый выпускъ образцоваго изданія снимковъ съ рукописей Пушкина, принадлежащихъ императорскому Александровскому лицію, изданный княземъ Олегомъ ко дню столѣтія лиція. О размѣрахъ и свойствахъ литературныхъ дарованій «Свѣтлаго князя» можно ясно судить по тѣмъ образцамъ его стихотвореній и повѣствовательныхъ опытовъ, которые приведены въ книгѣ въ довольно большомъ количествѣ; обширныя выдержки изъ дневниковъ, писанныхъ для себя, наскоро и безъ претензій, прекрасно дополняютъ создающееся благоприятное впечатлѣніе, а снимки съ двухъ акварелей князя Олега, сдѣланныхъ имъ съ натуры, показываютъ, что природа, вообще богата одарившая его, и въ этомъ отношеніи надѣлила его незауряднымъ дарованіемъ, которое сулило такъ много.

Слѣдуетъ отъ души поблагодарить «побившихъ» князя Олега за то, что они «рѣшили познакомить русское общество съ исторіей его недолгой жизни» (стр. IV): они даютъ этому обществу прекрасную книгу и знакомятъ его съ прекрасною жизнью. Однако, чтобы создать «Свѣтлому князю» поистинѣ вѣчный памятникъ, лицамъ, близкимъ къ нему, слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, осуществить его завѣтное намѣреніе, его любимую мечту—докончить столь блестяще начатое изданіе снимковъ съ рукописей Пушкина: такое изданіе, связавъ навѣки имя «Свѣтлаго князя» съ свѣтлымъ именемъ безсмертнаго

поэта, заставить повторять его съ всегдашнею заслуженною признательностью.

Книга, изданная со всею возможною типографскою роскошью и изяществомъ въ типографіи Голике и Вильборга; украшена многими портретами почившаго князя и видами мѣстностей, связанныхъ съ его именемъ; эти иллюстраціи служатъ прекраснымъ дополненіемъ къ тексту, написанному опытной рукою, высоко-литературно, съ тою безпритязательною, серьезною простотою и теплотою, которыя такъ идутъ къ облику князя Олега, и безъ всякой аффектаціи, которою часто грѣшатъ подобныя изданія. Хочется вѣрить, что книга встрѣтитъ радушный пріемъ въ широкихъ кругахъ русскаго общества.

Б. Модзалевскій.

Балканскій союзъ. Воспоминанія и документы. И. Е. Гешовъ. Пгр. 1915. Стр. 110. Ц. не обозначена.

Г. Гешовъ стоялъ во главѣ болгарскаго министерскаго кабинета (былъ съ 1911 г. министромъ-предсѣдателемъ стр. 7 и 67) при подписаніи въ Софіи союзаго договора Болгаріи съ Сербіею и Греціею, послѣ чего союзники объявили Турціи войну въ 1912 году съ цѣлью разрѣшить вѣковую задачу—освободиться вполнѣ отъ турокъ. Въ теченіе мѣсяца этотъ балканскій союзъ, послѣ ряда изумительныхъ побѣдъ, какъ извѣстно, достигъ своихъ цѣлей и вырвалъ изъ рукъ турокъ столько земель, сколько не могла вырвать изъ ихъ рукъ ни одна изъ побѣдоноснѣйшихъ войнъ великихъ державъ противъ султана. Но при рѣшеніи дальнѣйшей судьбы этихъ земель союзники вступили въ братоубійственную войну между собою, возникшую на почвѣ толкованія договора между ними заключеннаго (стр. 57). Замѣтимъ, что подписавшій договоръ со стороны Сербіи Миловановичъ умеръ 18-го іюня 1912 г., на его мѣсто съ 30-го августа явился Пашичъ; самъ же Гешовъ удалился до начала междуусобной войны, выйдя въ отставку, такъ что изъ подписавшихъ первоначальный договоръ оставался у дѣлъ представитель Греціи—Венизелосъ (стр. 67). Завоеванная союзниками часть Европейской Турціи подлежитъ, по праву фактическаго завладѣнія, полюбовному раздѣлу между ними; только такимъ образомъ можетъ быть обезпеченъ прочный миръ на Балканахъ. Такъ смотрѣло на ихъ дѣло наше правительство (стр. 47). Но, вопреки этому справедливому началу, прежде всего предъявило преувеличенныя претензіи греческое министерство, оно требовало себѣ территоріи съ населеніемъ около двухъ милліоновъ душъ, уступая остальнымъ союзникамъ только 1.500.000 душъ, и настойчиво держалось этого требованія. Затѣмъ и сербы въ лицѣ Пашича возбудили въ 1913 году вопросъ о непредвидѣнныхъ въ договорѣ компенсаціяхъ и объ исправленіи границъ; разногласія сосредоточивались въ вопросѣ о томъ, какъ слѣдуетъ толковать договоръ (стр. 57). Стороны прибѣгли къ посредничеству Россіи, и, когда было уже рѣшено со стороны болгарскаго правительства для окончательнаго рѣшенія по вопросу объ арбитражѣ вѣхать въ Петербургъ, вспыхнула междосоюзническая война. Вопреки этому единому рѣшенію болгарскаго правительства и безъ его вѣдома 16-го іюня по приказанію болгарскаго вер-

ховнаго командованія, вторая и четвертая болгарскія арміи напали на своихъ союзниковъ (стр. 69). Гешовъ не считаетъ самый болгарскій народъ отвѣтственнымъ за это преступное безуміе, по его словамъ, совершенное не только безъ предварительнаго согласія законодательнаго учрежденія, но и безъ того, чтобы объ этомъ знало отвѣтственное правительство. Болгарскій кабинетъ не только не зналъ, что данъ былъ приказъ напасть на войсковыя части союзниковъ, но и остановилъ позднѣе дѣйствія, начатыя безъ его вѣдома 16-го іюня. Кромѣ того, кабинетъ обратился къ русскому правительству съ настоятельной просьбой оказать энергическое воздѣйствіе и остановить враждебныя дѣйствія со стороны сербовъ и грековъ (стр. 70). Но бывшіе союзники отъ этого отказались и объявили войну Болгаріи. Въ приказѣ верховнаго сербскаго главнокомандующаго отъ 18-го іюня 1913 года указывалось, что Болгарія, вдвое увеличившаяся въ этой союзнической войнѣ, не желаетъ уступить вдвое меньшей Сербіи ни Прилѣпа королевича Марко, ни Витоля; окруженная двумя морями Болгарія не дастъ Сербіи связаться ни съ однимъ моремъ...

Вотъ одинъ изъ главныхъ выводовъ изъ цѣлага ряда дипломатическихъ документовъ, вошедшихъ въ книгу г. Гешова. Книга читается съ большимъ интересомъ, который, конечно, не мало бы увеличился, если бы авторъ принялъ на себя трудъ выяснитъ два вопроса: дѣйствительно ли Болгарія не желала уступить Сербіи ни Прилѣпа, ни Витоля, ни одного изъ морей, какъ это объявилъ сербскій верховный командующій, и второе, какимъ образомъ болгарское верховное командованіе начало войну со своими бывшими союзниками не только безъ согласія, но и безъ вѣдома своего верховнаго правительства? Это послѣднее совершенно непонятно.

П. Майковъ.

**Записки Сергѣя Михайловича Соловьева. Съ портретами. Кн-во «Прометей»
Н. Н. Михайлова. Пгр. 1915. Стр. 174. Ц. 2 р.**

Запискамъ С. М. Соловьева не везетъ: первое изданіе ихъ въ «Вѣстникѣ Европы» совпало съ тревожной эпохой нашей общественной жизни, и теперешнее появленіе ихъ отдѣльной книгой въ эпоху тяжелой войны также не можетъ привлечь къ нимъ читателей въ такомъ количествѣ, какого они заслуживали бы. Всякій мыслящій человѣкъ, сколько-нибудь интересующійся судьбами нашей родины и желающій глубже познакомиться съ причинами многихъ печальныхъ явленій въ нашей государственной и общественной жизни, прочтетъ эту книгу, не отрываясь, какъ самый интересный и увлекательный романъ. Конечно, весьма вѣроятно, что довольно значительное количество выводовъ автора покажется и одностороннимъ, и даже пристрастнымъ, но видно, что они вылились у человѣка настрадавшагося и желавшаго хоть такимъ путемъ излить свою душу. Особенно рельефно изображены тяжелые годы реакціи 1848—1855 гг. Отдѣльныя мѣста этой характеристики не только не уступаютъ «Былому и Думамъ», но иногда по силѣ выраженія стоятъ, пожалуй, выше ихъ. Вотъ примѣры: «Время съ 48-го по 55-й годъ было похоже на первыя времена Римской имперіи, когда безумные цезари, опираясь на преторіанцевъ и чернь, давили все

лучшее, все духовно развитое въ Римѣ» или по случаю назначенія министромъ князя Ширинскаго-Шихматова: «Много терпѣла древняя Россія, Московское государство, отъ нашествія татаръ, предводимыхъ его предками—князьями Ширинскими, самыми свирѣпыми изъ степныхъ наѣздниковъ; но память объ ихъ губительныхъ опустошеніяхъ исчезла; а вотъ во второй половинѣ XIX вѣка новый Тамерланъ наслалъ степного витязя, достойнаго потомка Ширинскихъ князей, на русское просвѣщеніе». Сильно скорбѣлъ авторъ и по поводу позорнаго севастопольскаго мира.

Разумѣется, ближе всего С. М. Соловьевъ зналъ университетскую среду. Здѣсь ярко очерчены фигуры тогдашнихъ ученыхъ знаменитостей: Грановскаго, Погодина, Шевырева, Каткова, Кудрявцева и многихъ другихъ. Далѣе, какъ сынъ священника, авторъ прекрасно зналъ положеніе нашего духовенства, и здѣсь читаемъ у него много горькихъ, но справедливыхъ и до сихъ поръ истинъ о положеніи этого забитаго сословія. Очень хороша характеристика извѣстнаго митрополита Филарета, который «ѣлъ одного пискаря въ день и попомъ закусы-валъ».

Систематическое изложеніе записокъ доведено до 1855 года, когда, по словамъ автора, «пахнуло оттепелью, двери тюрьмы начали отворяться».

Выдающийся интересъ содержанія примиряетъ съ тѣмъ, что изданіе представляетъ простую перепечатку изъ «Вѣстника Европы» и лишено всякаго введенія, объяснительныхъ примѣчаній и особенно необходимаго указателя именъ. Къ книгѣ приложены на четырехъ листахъ портреты историка въ разныя поры жизни, его родныхъ и снимокъ съ группы университетскихъ профессоровъ.

Л.

Сергій Бертенсонъ. Дѣдъ русской сцены. О жизни и дѣятельности Ивана Ивановича Сосницкаго. Петроградъ. 1916 г. 175 стр. + XXI. Съ тремя портретами. Цѣна 1 р. 50 к.

Наша литература по исторіи театра обогатилась новымъ изданіемъ, титулъ котораго обозначенъ выше. Это тщательная сводка всѣхъ тѣхъ свѣдѣній объ одной изъ крупнѣйшихъ силъ нашей драматическаго театра, которыя появлялись въ періодической печати. Авторъ пользовался не только печатными матеріалами, но и сообщил кое-что новое. Первоначально монографія эта печаталась въ «Ежегодникѣ Императорскихъ Театровъ», но закончена печатаньемъ не была. Причина этому—прекращеніе изданія «Ежегодника». Но причина, почему «Ежегодникъ» съ текущаго года не издается, совершенно осталась невыясненной. Сокращеніе расходовъ, дѣлаемое по случаю войны дирекціей театровъ, никоимъ образомъ не можетъ отразиться на тѣхъ нѣсколькихъ тысячахъ, которыя приходилось дирекціи приплачивать ежегодно къ своему изданію. При громаднхъ окладахъ, даваемыхъ нынѣ артистамъ, субсидія, даваемая «Ежегоднику», ничтожная.

Г. Бертенсонъ напечаталъ теперь монографію въ полномъ видѣ,—и надо правду сказать—этими пополненъ тотъ досадный пробѣлъ, который составлялъ существенную брешь въ исторіи петроградскаго театра. Сосницкій для сѣвер-

ной столицы былъ то же, что Щепкинъ для Москвы. Оба они были превосходными городничими въ «Ревизорѣ», что подтверждалось самимъ Гоголемъ. Если Щепкинъ считался отличнымъ Фамусовымъ, то и Сосницкій былъ великолѣпнымъ Репетиловымъ. Цѣлый цикл созданныхъ имъ типовъ въ русскомъ и иностранномъ репертуарѣ и долгое шестидесятилѣтнее его служеніе русскому искусству, тщательная обработка каждой роли даютъ ему право на наименованіе «Дѣда русской сцены».

463 примѣчанія, приложенныхъ въ книгѣ г. Вертенсона, исчерпываютъ почти полностью всѣ матеріалы, имѣющіеся въ печати о Сосницкомъ, и являются доказательствомъ того, съ какою тщательностью авторъ относился къ своему труду, который мы можемъ смѣло рекомендовать театральнымъ.

Г—ъ.

Депутатъ отъ Россіи (Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой). Составилъ W. Stead. Переводъ Е. С. Мосоловой. Петроградъ 1915. Т. I и II. Цѣна 2 р. 50 к. за оба тома.

Сочиненіе трагически погибшаго на «Титаникѣ» англійскаго журналиста Стэда появилось въ подлинникѣ въ 1909 г., и въ майской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за тотъ же годъ мы дали подробное изложеніе этого сочиненія, со держаніе котораго опредѣляется подзаголовкомъ книги. Затѣмъ сочиненіе Стэда очень долго печаталось частями въ журналѣ «Русская Старина» и наконецъ теперь является отдѣльнымъ изданіемъ.

Предпринятая Стэдомъ работа посвящена публицистической дѣятельности въ Англии извѣстной поборницы англо-русскаго сближенія, Ольги Алексѣевны Новиковой, рожденной Кирѣевой, и развертываетъ передъ читателемъ любопытную картину англійскихъ настроеній до 1908 г., которымъ оканчивается второй томъ сочиненія Стэда. Гладстонъ, Солисбери, Тиндаль, Фриманъ, Кинг-лэкъ и Фрудъ, съ которыми г-жа Новикова вела дѣятельную переписку, — уже одно это «краснорѣчіе именъ» показываетъ, какой высокій интерес возбуждаетъ разбираемая книга. Не входя въ болѣе подробную оцѣнку ея, мы считаемъ необходимымъ остановиться на переводѣ, который, къ сожалѣнію, оставляетъ желать многого. Ошибки въ немъ начинаются съ самаго заглавія. вмѣсто «Воспоминанія и переписка О. А. Новиковой» слѣдовало бы сказать: «Воспоминанія о О. А. Н. и ея переписка». Первые же строки введенія переданы совершенно невѣрно. «Г-жа Новикова, — сказалъ Биконсфильдъ въ грозные дни жестокаго болгарскаго волненія 1876—1878 гг. — Я называю г-жу Новикову членомъ парламента для Россіи въ Англии». Фраза и нескладная и невѣрно передающая смыслъ подлинника, гдѣ идетъ рѣчь о бурныхъ (stormy) дняхъ извѣстной, поднятой Гладстономъ агитаціи по поводу турецкихъ звѣрствъ въ Болгаріи. Далѣе выраженіе «M. P. for Russian England» должно значить: «членъ англійскаго парламента отъ (а не для) Россіи». Переводчица на стр. 2 называетъ г-жу Новикову, памфлетистомъ, между тѣмъ, какъ pamphleteer по-англійски тотъ, кто издаетъ брошюры. Тамъ же читаемъ: «г-жа Новикова явилась сорокъ лѣтъ спустя, когда эра виговъ уступила мѣсто демократизму, перенесшемуся (?) на

всю націю». Въ подлинникѣ: г-жа Новикова *явилась*... и обращалась уже ко всей націи» (and her appeal was to the whole nation). Theologian переведено «теологъ» вмѣсто «богословъ», autocratic—отократка вмѣсто «защитница самодержавія», «popconformist»—иновѣрцы вмѣсто **нонконформисты** и т. д.

Кромѣ ошибокъ въ переводѣ, попадаются и нерѣдко ошибки и противъ русскаго языка. Напримѣръ, «взявъ въ руки все свое мужество» (стр. 3). «Первый его вопросъ, входя къ ней, былъ» (тамъ же). Вообще, не мѣшало бы эту книгу проредактировать, какъ слѣдуетъ, прежде, чѣмъ пускать въ свѣтъ.

При переводѣ нѣкоторые абзацы, интересные, но трудные для перевода, выброшены совсѣмъ. Равнымъ образомъ выпущены и всѣ примѣчанія, иной разъ очень цѣнныя.

А. В.

**Воронежская старина. Выпускъ тринадцатый. Изданіе воронежскаго церковнаго историко-археологическаго комитета. Воронежъ. 1914. Стр. 109+243+115
Цѣна 2 руб. 50 коп.**

Весь первый отдѣлъ выпуска представляетъ какъ бы поминаніе скончавшагося въ 1913 году основателя комитета архіепископа Анастасія,—приведеніемъ «рѣчей», біографическихъ данныхъ, личныхъ впечатлѣній, писемъ (г. Олейникова, архимандрита Александра, о. Ширкевича, гг. Спасскаго, Маркова, о. Яковцевскаго). Многие изъ авторовъ черпаютъ тутъ изъ дневника усопшаго, а въ такомъ матеріалѣ нерѣдко особенно живо и выразительно выдѣляются человекъ и его время. Во второмъ отдѣлѣ помѣщены доклады и рефераты о. Овсянникова, гг. Казьмина, Поликарпова,—«св. Тихонъ Задонскій, какъ благоустроитель церковной жизни и дѣятель въ борьбѣ съ старообрядческимъ расколомъ въ Донской Украинѣ», «Чудотворная икона Божіей Матери, находящаяся въ Воскресенскомъ соборѣ г. Землянска», «О чудотворныхъ иконахъ св. Николая, мирликійскаго чудотворца, находящихся въ предѣлахъ Воронежской епархіи». По документальнымъ сообщеніямъ о. Овсянникова, донцы упорно отстаивали свое убѣжденіе, что «де мы и вашего архіерея не боимся для того, что у него не въ командѣ, а имѣемъ-де у себя своего главнаго командира—войскового атамана,—и ежели-де посланъ будетъ отъ него старшина, то готовы слушать». Не мало также любопытныхъ историческихъ черточекъ разсыпано и въ статьяхъ г. Никольскаго и о. Овсянникова. «Отголоски бунта Разина въ предѣлахъ нынѣшней Воронежской губерніи; «Булавинскій бунтъ, какъ раскольническое движеніе на Дону». Г. Олейниковъ отыскиваетъ еще одного изъ многихъ Петровъ Третьихъ—Кремнева, приверженцами котораго заявили—«воронежскіе попы». У Кремнева «началось съ маленькаго»: «вдавшись въ необузданное пьянство», «онъ, солдатъ» «лантъмилицкаго полку», бѣжалъ изъ полка и сталъ «шататься» по селамъ и деревнямъ. Г. Казьминъ на основаніи архивныхъ бумагъ вноситъ нѣкоторыя поправки къ біографіи И. С. Никитина. Гг. Литвиновъ и Олейниковъ зарисовываютъ изъ исторіи воронежской духовной семинаріи 1793, 1794 гг. и 1880—1888 гг., «свидѣтелей печальныхъ событій». Въ третьемъ отдѣлѣ выпуска «Воронежской Старины» г. Олейниковъ же печатаетъ «Матеріалы по исторіи Валуйскаго Успен-

скаго Николаевского монастыря», съ содержаніемъ не безъ разнообразія. Наконецъ, послѣднія страницы тома заключаютъ въ себѣ «Журналы засѣданій воронежскаго церковнаго историко-археологическаго комитета за 1913 и 1914 гг.».

А. Налимовъ.

**С. И. Лаврентьева. Пережитое (Изъ воспоминаній). Пгр. 1915. Стр. 327.
Ц. 1 р. 20 к.**

Объемистая книга мемуаровъ извѣстной дѣтской писательницы и видной дѣятельницы нашего женскаго движенія Софьи Ивановны Лаврентьевой читается съ первой и до послѣдней страницы съ не ослабѣвающимъ интересомъ. Передъ читателемъ очень живо предстаютъ любопытнѣйшія картинки изъ далекаго и близкаго прошлаго, рисуется множество выдающихся представителей литературы, художественнаго и артистическаго міровъ, пахнетъ «доброй стариной», и во весь ростъ встаетъ привлекательный образъ доброй, талантливой, работающей и, кажется, положительно всѣмъ интересующейся русской женщины, которая, въ качествѣ члена женскаго благотворительнаго общества, дѣятельно и съ увлекательной сердечностью обходитъ съ посильной помощью чердаки и подвалы петербургской нищеты, вечеромъ спѣшитъ въ итальянскую оперу или въ драму, послѣ спектакля, плача по улицѣ надъ судьбою театральныхъ героевъ, бѣжитъ домой, гдѣ ее ждетъ спѣшная работа (гравюры, иллюстраціи для различныхъ изданій) и т. д. и т. д.

Сообщивъ въ первой главѣ свѣдѣнія о семьѣ и дѣтствѣ, С. И. Лаврентьева вспоминаетъ о своемъ пребываніи въ Петербургѣ и о годахъ ученія въ Смольномъ институтѣ пятидесятихъ годовъ минувшаго вѣка. Бурные годы слѣдующаго освободительнаго десятилѣтія сильно захватили просвѣтительнымъ духомъ молодую дѣвушку, окончившую курсъ института. Она знакомится съ женскимъ движеніемъ, съ женскими артелями, успѣшно работаетъ въ рисовальной школѣ, слушаетъ лекціи на только что открывшихся бестужевскихъ курсахъ и въ то же время, благодаря серьезнымъ музыкальнымъ занятіямъ своей сестры, сходится со многими представителями артистической среды. Всѣ выдающіеся явленія и дѣятели русскаго музыкальнаго общества, консерваторіи, Александринки, Большого театра, итальянской оперы, спектакли Ольдridge, Патти, Лукки, знакомства и бесѣды съ Д. В. Григоровичемъ, А. Г. Рубинштейномъ, Н. В. Стасовой, — все это живо и интересно проходитъ, какъ въ калейдоскопѣ, передъ читателемъ. Особенно увлекательно переданъ романъ знаменитаго итальянскаго соловья, Аделины Патти, съ великолѣпнымъ баритономъ Николіни.

Въ 1873 году С. И. Лаврентьева дебютировала на литературномъ поприщѣ въ журналѣ «Дѣтское чтеніе». Послѣ описанія двухъ поѣздокъ за границу авторъ рассказываетъ о знаменитомъ итальянскомъ трагикѣ, замѣчательномъ исполнителѣ шекспировскаго репертуара, Эрнесто Росси, который своею чудной игрой покорилъ положительно всѣхъ. С. И. Лаврентьева была близко и долго знакома съ нимъ, находилась съ нимъ въ дружественной перепискѣ, и рассказы ея объ этомъ геніальномъ артистѣ полны громаднaго интереса. Любо-

пытень эпизодъ, сообщающій о томъ, какъ знаменитый теперь глава московскаго художественнаго театра Станиславскій, будучи никому не извѣстнымъ Алексѣевымъ, пригласилъ Росси, вмѣстѣ съ которымъ была и С. И. Лаврентьева, на спектакль въ Охотничьемъ клубѣ, гдѣ шелъ «Отелло» съ Алексѣевымъ-Станиславскимъ въ заглавной роли. На другой день Станиславскій былъ у Росси, который много говорилъ о состоявшемся спектаклѣ и горячо совѣтовалъ молодому артисту продолжать свою сценическую дѣятельность.

Трогательно и съ любовной нѣжностью обрисовываетъ С. И. Лаврентьева образъ Т. П. Пассекъ, знаменитой дѣтской писательницы, редактора журнала «Игрушечка», автора цѣнныхъ записокъ «Изъ дальнихъ лѣтъ». Немало любопытнаго рассказывается также и объ И. С. Тургеневѣ, гр. Д. А. Милютинѣ, А. П. Философовой и дѣятеляхъ русскаго женскаго взаимно-благотворительнаго общества. Часто путешествуя по Европѣ, авторъ сталкивался съ многими выдающимися представителями иностранной интеллигенціи и искусство и все это также тщательно занесъ на страницы своихъ воспоминаній. Оканчивается книга С. И. Лаврентьевой на 1910 году. Особенно любопытны здѣсь рассказы о знакомствѣ съ дочерью Л. Н. Толстого Т. Л. Сухотиной, о всемірной выставкѣ въ Римѣ, о встрѣчахъ съ И. Е. Рѣпинымъ, кн. С. М. Волконскимъ и пр.

Вообще, воспоминанія эти даютъ отчетливую панораму прошлой жизни, особенно петербургской, начиная съ пятидесятихъ годовъ прошлаго вѣка и почти до нашихъ дней, рассказываютъ о множествѣ очень знаменательныхъ фактовъ и явленій минувшаго и изображаютъ уже отошедшихъ дѣятелей литературы, искусства, сцены и просто представителей русской интеллигенціи и общественности. Всякій интересующійся этимъ прошлымъ съ удовольствіемъ прочтетъ «Пережитое» виднаго дѣятеля нашей общественности и литературы—С. И. Лаврентьевой.

Весь доходъ съ изданія жертвуется авторомъ на усиленіе средствъ русскаго женскаго взаимно-благотворительнаго общества въ Петроградѣ и состоящаго при немъ дѣтскаго очага для дѣтей образованныхъ труженицъ.

Д. М—ко.

Сказки и пѣсни Бѣлозерскаго края. Записали Борисъ и Юрій Соколовы. (Съ вводными статьями, фотографическими снимками и географической картой). Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. М. 1915. Стр. 665, XV, СХVIII.

За капитальнымъ сборникомъ пермскихъ сказокъ Д. К. Зеленина послѣдовало не менѣе крупное явленіе въ литературѣ великорусскаго фольклора—сборникъ, заглавіе котораго мы выписываемъ. Матеріалъ былъ собранъ гг. Соколовыми въ 1908—9 годахъ, при чемъ собираніе его встрѣчало всевозможныя затрудненія, которыя зависѣли и отъ недовѣрія къ неизвѣстнымъ для крестьянъ пріѣзжимъ лицамъ, и отъ подозрительности сельской полиціи. Съ одной стороны, высказывались подозрѣнія, что собиратели агенты тайной полиціи, съ другой, что они—бунтари и непременно сожгутъ деревню или японскіе шпіоны. Деньги, которыми они расплачивались, принимались за фальшивыя, а въ

одномъ селѣ урядникъ со старостой, чтобы не дать гг. Соколовымъ дѣлать записи, погнали крестьянъ дѣлать луга. Въ такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ приходилось работать собирателямъ. Тѣмъ не менѣе ими записанъ громадный матеріалъ и сдѣлано много очень любопытныхъ фотографическихъ снимковъ, иллюстрирующихъ текстъ обширнаго этнографическаго очерка, который собиратели предпосылаютъ своему матеріалу. Въ литературномъ отношеніи здѣсь наиболѣе любопытна часть о сказочникахъ. Возражая противъ укоренившихся воззрѣній мѣологической школы съ ея обобщающими представленіями о народѣ, какъ извѣстномъ коллективѣ, и противъ того отвлеченнаго отъ жизни изученія сказки, которое выдвинуто теоріей заимствованія, гг. Соколовы указываютъ на жизненную сторону сказки, что подчеркнул въ своемъ собраніи и г. Зеленинъ. Такъ, напримѣръ, гг. Соколовы отмѣчаютъ, что «сатирическія стрѣлы сказокъ мѣтятъ главнымъ образомъ въ два наиболѣе близко соприкасающіеся съ крестьянствомъ и сталкивающіеся съ нимъ на экономической почвѣ класса: баръ и духовенство». Особенно ясна связь того или иного сказочнаго изложенія съ личностью рассказчика. Добродушный, неряшливый, съ носомъ, вѣчно запачканнымъ нюхательнымъ табакомъ, рассказчикъ Созонтъ Петрушевичъ, несомнѣнно, вноситъ черты своей личности въ передаваемыя имъ сказки: «А былъ вотъ мужичекъ, у него было три сына: два умныхъ, а третій дуракъ, какъ и я». Типъ традиціоннаго Ивана Дурака у него сплетается съ чертами собственной наружности: «соплеватый, возгреватый, слиноватый». Въ сказкахъ онъ любитъ нравственныя темы, при этомъ въ нихъ никогда не говорится о какихъ-либо наказаніяхъ за пороки. Даже стиль его разсказа отражаетъ стремленіе Созонта къ нравственности: корабль у него пошелъ «честно, благородно», король принимаетъ дочь тоже «честно, благородно», и даже Иванъ Дуракъ насмѣхается надъ королемъ «честно, благородно». У одного сказочника преобладаетъ стремленіе къ эпическому стилю, у другого къ ритмическимъ формуламъ, у третьяго къ фантастикѣ и проч. У сказочника Пошехонова, любящаго выпить, украшеніями города непремѣнно являются «кабаки, трахтиры, заведенія», кромѣ того, онъ—нищій и потому вводитъ въ сказку эпизодъ, какъ героя забираетъ «поличія», какъ безпаспортнаго. Живавшій въ Петроградѣ сказочникъ Богдановъ помѣщаетъ одного изъ своихъ героев въ домѣ № 55, кв. 33.

Что касается самаго содержанія сказокъ, то при большомъ ихъ разнообразіи слѣдуетъ отмѣтить значительно представленный въ нихъ непечатный элементъ, какъ въ сюжетахъ, такъ и въ языкѣ. Затрудняемся дѣлать отсюда какіе-либо выводы, хотя нѣкоторыя сказки поражаютъ своимъ соединеніемъ такихъ понятій, что напрашивается мысль, говоря попросту, о хулиганской психологіи рассказчиковъ. Помѣщеніе подобныхъ сказокъ встрѣтитъ возраженія и, можетъ быть, недовольство, но зачѣмъ прикрывать истинное положеніе вещей въ народной средѣ ненаучной выборкой только безупречныхъ произведеній?

Изъ пѣсенъ гг. Соколовыми записано нѣсколько былинъ и историческихъ пѣсенъ. Однако эпическая традиція въ Бѣлозерскомъ краѣ настолько слаба, что, напримѣръ, былинныя объ Ильѣ Муромцѣ, Добрынѣ Никитичѣ и Алешѣ Поповичѣ пересказаны прозой. Изъ другихъ пѣсенъ отмѣтимъ въ сборникѣ народ-

ныя передѣлки стихотвореній и романсовъ. Такъ, здѣсь записаны передѣлки стихотвореній С. Аксакова «Уральскій Казакъ», Н. Берга «Двѣ сестры», Кольцова «Хуторокъ», Сурикова «Тихо тощая лошадка по пути бредеть», Мея «Смерть матери». Кромѣ того, обращаетъ вниманіе пѣсня (№ 664), начинающаяся словами: «Господи, помяни трехъ Матрень, Луку съ Петромъ, дядюшку Захара, Сашечку и Маню» и проч. Не отзвукъ ли это стиховъ Пушкина: «Свать Иванъ, какъ пить мы станемъ, непремѣнно ужъ помянемъ трехъ Матрень, Луку съ Петромъ»...

Нельзя не поблагодарить гг. Соколовыхъ за обогащеніе этнографической науки современнымъ матеріаломъ, который, однако, будетъ лишь достояніемъ специалистовъ, такъ какъ сборникъ не поступаетъ въ продажу.

В. Даниловъ.

Гр. Ф. де-Ла-Бартъ, докторъ исторіи западной литературы. Литературное движеніе на Западѣ въ первой трети XIX столѣтія. I. Люди сумеречной поры. II. Романтическій синтезъ (1760—1830). Лекціи. М. 1914. Стр. X+3+245. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Гр. Ф. де-Ла-Бартъ, докторъ исторіи западной литературы. Бесѣды по исторіи всеобщей литературы. Часть I. Средніе вѣка и Возрожденіе. Посobie къ лекціямъ. Изданіе 2-ое, совершенно переработанное и дополненное. М. 1914. Стр. XIV+349. Цѣна 2 руб.

Первая книга составилаь изъ лекцій, читанныхъ авторомъ въ 1906—7 гг. въ кievскомъ университетѣ и въ 1913 году на московскихъ высшихъ женскихъ и историко-филологическихъ курсахъ.

Авторъ изслѣдованій о Шатобрианѣ и о романтической поэтикѣ во Франціи, графъ Ф. де-Ла-Бартъ даетъ въ лекціяхъ своихъ богатый и разнообразный матеріалъ по исторіи литературнаго движенія первой трети XIX столѣтія въ Англіи, Германіи, Италіи и Франціи. Цѣли автора слѣдующія: 1) прослѣдить зарожденіе и развитіе тѣхъ литературныхъ теченій, которыя вошли въ общее русло романтизма, и 2) изучить исторію возникновенія и развитія романтической доктрины. Такія цѣли вытекають изъ пониманія авторомъ исторіи литературы и ея задачъ, ибо идеаломъ ему видится—опредѣленіе законовъ поэтического творчества въ его исторіи, превращеніе исторіи литературы въ историческую поэтику. Но это въ будущемъ, пока же, слѣдуя завѣтамъ А. Н. Веселовскаго, необходимо собирать матеріалы для этой исторической поэтики.

Согласно намѣченному плану, авторъ въ первой, нѣсколько большой по объему, части своей книги разсматриваетъ главнѣйшія литературныя теченія конца XVIII и начала XIX вѣка, то, что обозначено имъ наименованіемъ «предтечь романтизма»: сентиментализмъ, изученіе народной поэзіи и старины, интересъ къ Шекспиру, увлеченіе фантастикой и демонизмомъ, возрожденіе греко-римской древности въ концѣ XVIII вѣка, нео-классицизмъ въ Италіи и Франціи, французскіе элегики конца XVIII и начала XIX в., Сталь, Шатобрианъ, и т. д. и т. п.. Даже это краткое и далеко не полное исчисленіе темъ, под-

вергнутыхъ гр. де-Ла-Бартомъ обсужденію, новизна иныхъ вопросовъ и новая, иная постановка старыхъ, обиліе библиографическихъ указаній (замѣтимъ: авторъ ссылается на самыя послѣднія, новѣйшія работы, вплоть до 1913 года) дѣлають книгу чрезвычайно заманчивой. Скажемъ болѣе: для того, чтобы нагляднѣе представить дѣйствительность прошлаго, авторъ изображаетъ, напримѣръ: «День въ Парижѣ въ пору революціи»—въ формѣ исторической беллетристики. Вторая половина книги съ главы XX трактуеть о «новѣйшемъ романтизмѣ», опредѣляя его съ философской точки зрѣнія, какъ «новый методъ познанаія, основанный одновременно на вѣрѣ во всемогущество разума и на вѣрѣ въ откровеніе чувства». Дальше идутъ главы объ іенскомъ кружкѣ романистовъ, о второмъ кружкѣ—гейдельбергскомъ, Жанъ Полъ и Гоффманъ, нѣмецкой драмѣ въ пору романтизма, нѣмецкой лирикѣ въ 20-хъ и 30-хъ годахъ XIX столѣтія, англійскомъ романтизмѣ, англійской лирикѣ въ эту пору, и Шелли, Байронъ, Вальтеръ-Скоттъ и англійскомъ романѣ первой трети XIX столѣтія. Эти главы интересны едва ли менѣе главъ первой половины книги.

Тѣмъ досаднѣе, при такой массѣ именъ, отсутствіе указателя и нѣкоторыя несогласованности въ текстѣ, въ родѣ, напримѣръ: слѣдующей: на страницѣ 169 въ первомъ абзацѣ авторъ, характеризуя извѣстнаго романтика Э. А. Т. Гоффмана, какъ одну изъ тѣхъ натуръ, «которыя испытываютъ органическое отвращеніе ко всякой системѣ, будь это программа занятій или строго размѣренный образъ жизни», во второмъ абзацѣ, на той же страницѣ, пишетъ: «Гоффманъ очень аккуратно исполнялъ свои обязанности въ судѣ». Ясно, что изображеніе сложной природы нѣмецкаго романтика не удалось историку литературы. Не представляется вѣрною въ характеристикѣ того же Гоффмана и такая фраза гр. де-Ла-Барта, будто этотъ писатель постоянно бросался «изъ стороны въ сторону, отъ живописи къ музыкѣ, отъ музыки къ литературѣ». «Бросанья», на нашъ взглядъ (да и на взглядъ всякаго біографа Гоффмана), не было; это слово не то, которое здѣсь нужно. Гоффманъ занимался живописью и музыкой, былъ одновременно композиторомъ и декораторомъ, но, когда литературная дѣятельность его получила всеобщее признаніе, онъ отдался ей всѣмъ сердцемъ, не бросаясь ни въ музыку, ни въ живопись. Между тѣмъ, изъ характеристики гр. де-Ла-Барта создается объ авторѣ «Кота Мурра» представленіе, для него невыгодное.

Вторая книга профессора де-Ла-Барта по исторіи литературы среднихъ вѣковъ и возрожденія интересна не менѣе первой, нами разобранной книги. Интересна тѣмъ же обиліемъ и разнообразіемъ привлеченнаго матеріала, живымъ изложеніемъ предмета и подробнѣйшею библиографіею, помѣщенною въ концѣ книги. Невольно даже возникаетъ вопросъ: насколько пригодно такое разнообразіе въ книгѣ, предназначенной служить «пособіемъ къ лекціямъ». Тѣмъ болѣе, что авторъ, вынужденный сказать о многомъ, крайне неравномѣрно иной разъ принужденъ бывать распорядиться имѣющимъ въ его рукахъ матеріаломъ. Такъ, напримѣръ, въ то время, какъ героическому эпосу и рыцарскимъ романамъ средневѣковья отведено болѣе полутора печатнаго листа, средневѣковыми легендамъ всего пять страничекъ. Конечно, въ данномъ случаѣ могъ

играть роль вопросъ о большой или меньшей важности предмета, о цѣляхъ автора и даже о его вкусахъ.

Въ «Бесѣдахъ» авторъ пытается «прослѣдить зарожденіе и развитіе нѣкоторыхъ главнѣйшихъ теченій средневѣковой литературы и указать на ихъ связь съ литературными теченіями эпохи Возрожденія». Въ его глазахъ литература ренессанса является преемницей литературы среднихъ вѣковъ, а эта послѣдняя преемницей литературы греко-римской. Наша цивилизація—явленіе универсальное; ее создавали сообща народы Запада и Востока. Но какъ ни разнообразны вошедшіе въ нее элементы, все же въ ней два великихъ основныхъ начала: греко-римское язычество и христіанство. Средневѣковая литература, равно какъ и литература Возрожденія—равнодѣйствующая этихъ двухъ силъ. «Гуманисты XIV—XVI вѣковъ продолжали дѣло, начатое апологетами II—V вѣковъ и схоластами XII—XIII столѣтій: всѣ они стремились создать синтезъ христіанства и язычества, примирить завѣты греко-римскаго просвѣщенія съ восточнымъ мистицизмомъ, науку и разумъ съ религіей».

Влад. Кн.

**В. Герье. Философія исторіи отъ Августина до Гегеля. Москва. 1915.
Стр. II+267. Цѣна 1 р. 50 к.**

Новый трудъ заслуженнаго русскаго ученаго поучителенъ и полезенъ. Къ историкамъ-специалистамъ и дилеттантамъ-любителямъ обращается Вл. Герье. Первыхъ предостерегаетъ онъ отъ постройки историческаго зданія изъ однъ только голыхъ фактовъ, не связанныхъ философскимъ цементомъ. И заповѣдь даетъ ученый старецъ ученой молодежи: будьте философски образованы—и помните, что безъ идеализма нѣтъ исторической науки. А дилеттанты должны узнать изъ книги, что исторія совершенно неосновательно считается общедоступнѣйшей изъ наукъ. Это заблужденіе распространено широко и пустило въ обществѣ глубокіе корни. «Ни объ одномъ предметѣ не высказывается такъ много незрѣлыхъ сужденій, нигдѣ нѣтъ такъ много непризнанныхъ дѣятелей, ни въ одной наукѣ учащіеся не смотрятъ такъ легко на свою задачу, и нигдѣ они не подвержены такой опасности считать себя послѣ непродолжительнаго труда за авторитетъ и за специалистовъ. Знакомство съ ходомъ развитія исторической науки можетъ лучше всего предохранить отъ этихъ ошибокъ» (стр. 3).

Не будь у труда Вл. Герье опредѣленныхъ дидактическихъ цѣлей, можно было бы горячо оспаривать выставленныя имъ вѣхи философіи исторіи. Но разъ изслѣдователь особенно интересуется метафизикой историческаго идеализма, понятно, что двѣ трети его книги заняты теоріями Гердера, Канта, Шеллинга и Гегеля. И Гегелемъ именно неминусемо должна была закончиться работа, ибо онъ послѣдній метафизикъ исторіи.

«Философія исторіи возникла изъ желанія указать въ исторіи Промыслъ Божій, направляющій человѣчество къ опредѣленной цѣли». (Стр. 24). Но очень скоро новую науку захватили въ свои руки политики, желающіе найти въ прошломъ надежный компасъ для повседневной работы. Ихъ историческія настроенія выразили Макиавелли (стр. 24—38), Боденъ (стр. 39—60) и Вэковъ (стр. 61—79).

Первымъ чистымъ теоретикомъ философіи исторіи былъ Вико (стр. 80—92), но лишь Гердеръ (стр. 93—140) «одухотворилъ исторію и вывелъ ее изъ лабиринта мелкихъ интересовъ и страстей людскихъ, поглотившихъ все вниманіе историковъ» (стр. 119). Тринадцать страницъ посвящено въ книгѣ Канту, интересно полемизировавшему съ Гердеромъ. Далѣе идетъ двѣнадцать страницъ о Шеллингѣ и, наконецъ, сто одна о Гегелѣ. Всѣ системы изложены ясно и выпукло. И, пробѣгая знакомыя теоріи, снова наслаждаешься прихотливой игрой гениальной метафизической мысли. Какіе удивительные горизонты откроются передъ читателемъ, впервые знакомящимся по этой хорошей книгѣ съ философій исторіи!

Евг. В.

В. К. Шилейко. Вотивныя надписи шумерійскихъ правителей. Изд. Н. П. Лихачева. Петроградъ. 1915. Стр. XXXIV+24. Ц. 3 р.

Быть можетъ, въ настоящее время въ наукѣ нѣтъ вопроса болѣе жгучаго, чѣмъ вопросъ о расовой принадлежности шумерійцевъ. Безконечно далекими кажутся намъ тѣ времена, когда мнѣніе (Оппертъ, Гоммель) о туранскомъ происхожденіи шумерійцевъ принималось безъ оговорокъ. По мѣрѣ того, какъ выяснялась огромная культурно-творческая роль, которую сыграли въ свое время шумерійцы, «туранская теорія» подвергалась все болѣе энергичнымъ нападкамъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ. Пангерманисты (Гобино, Доре, Вильзеръ и др.) старались доказать, что шумерійцы были индогерманцами; другая группа ученыхъ (во главѣ съ Галеви) пыталась причислить шумерійцевъ къ семитамъ¹⁾. Ученые всѣхъ этихъ трехъ направлений выдвигали остроумные аргументы въ пользу своихъ мнѣній: сторонники туранской теоріи указывали на то, что языкъ шумерійцевъ—агглютинирующий, что сближаетъ его съ языками монгольскими; сторонники индогерманской теоріи указывали на продолговатый черепъ, прямо посаженные глаза, бритыя головы и на отсутствіе ритуальнаго обрѣзанія у шумерійцевъ; наконецъ, сторонники семитизма выдвинули теорію о подраздѣленіи бѣлой расы на ксантохроевъ (свѣтлоокрашенныхъ) и меланохроевъ (темноокрашенныхъ), каковое подраздѣленіе давало нѣкоторую возможность соединить въ одну «меланохройную группу» шумерійцевъ, чистыхъ семитовъ, евреевъ, грековъ, римлянъ и др.

Однако, въ концѣ концовъ, ни одна изъ этихъ проблемъ не увѣнчалась успѣшнымъ разрѣшеніемъ и до сихъ поръ для большинства ученыхъ шумерійцы остаются расовой загадкой. Фр. Деличъ осторожно называетъ ихъ «не индогерманскимъ и не семитическимъ народомъ»; проф. Б. А. Тураевъ признаетъ шумерійцевъ народомъ, «ближайшее опредѣленіе котораго пока не достигнуто въ наукѣ», самъ глава «панвавилонистовъ» Винклеръ принужденъ былъ сознаться, что «единственно, что можно сказать о шумерійцахъ, это то, что они не были семитами, а тѣмъ менѣе индогерманцами»; Шилейко также указываетъ, что «ни время появленія шумерійцевъ въ долины Тигра и Ефрата, ни ра-

¹⁾ Въ русской литературѣ взглядъ на шумерійцевъ, какъ на арійцевъ, высказывалъ В. А. Скиндеръ въ книгѣ «Протоевропеецъ и протоаріецъ», стр. 85 и слѣд.

совая принадлежность ихъ еще не выяснены» (стр. V). Особую страстность въ вопросѣ о шумерійцахъ проявили сторонники семитическаго происхожденія шумерійской культуры. Эта страстность особенно ясно сказывается въ книгѣ доктора Цольшана «Расовая проблема». Напримѣръ, излагая теорію А. Iegemias, онъ безъ оговорокъ принимаетъ утвержденіе, будто «самые старые изъ до сихъ поръ извѣстныхъ первоисточниковъ Лагаша все снова выдаютъ свой семитическій характеръ», а, излагая исторію Авраама (стр. 293 и слѣд.), Цольшанъ изображаетъ его переселеніе изъ Ура въ Ханаанъ, какъ протестъ противъ «новой», менѣе совершенной (вавилонской) религіи, чѣмъ связываетъ Авраама непосредственно съ древне-шумерійской религіей и дѣлаетъ намекъ на то, что прямые наслѣдники шумерійцевъ—евреи. По поводу послѣдняго обстоятельства стоитъ только указать на широко-распространенный взглядъ на евреевъ, какъ на продуктъ смѣшенія трехъ расъ: чисто семитической, арійско-аморрейской и хеттской, причемъ, по мнѣнію самого же Цольшана, отъ чистыхъ семитовъ-долихоцефаловъ евреи отличаются своей рѣзко-выраженной брахицефальностью. Поэтому, принимая во вниманіе, что шумерійцы были безусловными долихоцефалами, ихъ скорѣе можно было бы сблизить съ чистыми семитами, нежели съ евреями. Но и здѣсь существуютъ ясныя указанія на несемитическое происхожденіе шумерійцевъ: на страницѣ XII своего труда (примѣчаніе 6-ое) г. Шилейко указываетъ, что у шумерійцевъ «особый этнографическій терминъ существовалъ только для семитовъ, называвшихся, въ отличіе отъ бритыхъ шумерійцевъ, «черноголовыми» (sag-gig)». (Себя же самихъ и другихъ иноплеменниковъ они называли просто людьми). Не можемъ не замѣтить здѣсь, что, подчеркивая въ данномъ случаѣ бритые головы у шумерійцевъ, г. Шилейко нѣсколько уменьшилъ значительность того эпитета, который шумерійцы прилагали къ семитамъ. Быть можетъ, здѣсь мы имѣемъ дѣло не только съ «этнографическимъ терминомъ»: «черноголовые» не значить «волосатые», а можетъ указывать также и на цвѣтъ волосъ, изъ чего слѣдуетъ, что темная окраска волосъ, а, быть можетъ, и кожи лица, у семитовъ бросалась въ глаза шумерійцамъ, какъ нѣчто, имъ самимъ несвойственное. И намъ кажется, что существованіе этого эпитета способно до извѣстной степени подорвать мнѣніе о меланохроности шумерійцевъ... ¹⁾ Что касается мнѣнія Iegemias о «семитическомъ характерѣ первоисточниковъ Лагаша», то это по меньшей мѣрѣ вопросъ спорный, и г. Шилейко, напримѣръ, утверждаетъ, что «знаки боговъ, жрецовъ, принадлежностей культа не носятъ никакихъ слѣдовъ семитическаго вліянія. Обратное, почти всѣ термины, касающіеся религіознаго ритуала, являются явными шумеризмами въ семитическихъ языкахъ» (стр. IX—X).

Резюмируя все вышесказанное, мы должны прійти къ мысли, что старанія ученыхъ причислить шумерійцевъ къ туранцамъ, индогерманцамъ и семитамъ не увѣнчались рѣшительнымъ успѣхомъ. Причиною этого является, всего вѣ-

¹⁾ Замѣтимъ кстаті, что и сама «меланохроность» не является существеннымъ признакомъ для опредѣленія подрасы. Индусы и арабы—меланохрои, но меланохроность ихъ вызвана смѣшеніемъ съ различными антропологически племенами (у индусовъ съ дравидами, у арабовъ съ неграми),—слѣдствіе чего индусы и арабы, несмотря на свою меланохроность, глубоко отличны другъ отъ друга.

«истор. вѣстн.», ноябрь 1915 г., т. сѣщ.

роятнѣе, то обстоятельство, что шумерійцы и на самомъ дѣлѣ не принадлежали ни къ одной изъ этихъ расъ. Если признать вѣроятную гипотезу о единой протоморфной человѣческой расѣ, то, быть можетъ, окажется возможнымъ признать шумерійцевъ одной изъ вѣтвей, отдѣлившейся отъ главнаго ствола человечества до рѣзкаго раздѣленія людей на ксантодермовъ (желтыхъ) и левкодермовъ (бѣлыхъ) ¹⁾. Этимъ и объясняется, что, съ одной стороны, шумерійцы обладали агглютинирующимъ языкомъ, «но съ зачатками дальнѣйшаго флексивнаго развитія» (стр. VII, Шилейко), а съ другой стороны—по антропологическимъ признакамъ въ то же самое время приближались не къ монголамъ, а къ индоевропейцамъ. Если признать ихъ такимъ остаткомъ «первичной расы», то совмѣщеніе монголоподобнаго языка съ долихоцефаліей и прямо насажеными глазами покажется намъ не столь чудеснымъ и непонятнымъ, какъ въ томъ случаѣ, если мы будемъ стараться причислить шумерійцевъ къ одной изъ рѣзко обособленныхъ человѣческихъ расъ. Кромѣ того, признавъ это, мы счастливо минуемъ тѣ крайности, въ которыя впадаютъ панвавилонисты, «доказывая» вліяніе вавилонянъ на Индію, Китай и т. д. Профессоръ Б. Тураевъ, подвергнувъ довольно суровой критикѣ увлеченія панвавилонистовъ, тѣмъ не менѣе отмѣчаетъ «несомнѣнное присутствіе вавилонскихъ элементовъ въ культурѣ Индіи и даже Китая». Если мы замѣнимъ слово «вавилонскихъ» словомъ «шумерійскихъ» и отнесемъ къ шумерійцамъ, какъ къ остатку первичной расы, мы перестанемъ удивляться присутствію «шумерійскихъ» элементовъ въ столь различныхъ и отдаленныхъ одна отъ другой культурахъ, каковы индусская и китайская; кромѣ того, мы перестанемъ объяснять это присутствіе какимъ-то ни было «вліяніемъ», а будемъ считать его просто результатомъ общности происхождения китайцевъ и индусовъ.

Если вопросъ о шумерійцахъ будетъ когда-либо научно разрѣшенъ въ намѣчаемомъ здѣсь направленіи, то ео ipso онъ потеряетъ большую часть своей остроты для насъ и превратится въ вопросъ о культурно-историческихъ взаимоотношеніяхъ шумерійцевъ и семитовъ... Но здѣсь мы приближаемся къ другимъ вопросамъ, къ вопросамъ о происхожденіи семитовъ, о кровномъ вліяніи на нихъ со стороны меланодермовъ, т. е. къ вопросамъ, которые не вызываются темой настоящей замѣтки.

Обращаясь собственно къ шумерійцамъ и къ труду г. Шилейко, мы должны привѣтствовать этотъ трудъ, какъ первое вполне научное сочиненіе на русскомъ языкѣ, трактующее о загадочномъ народѣ и дающее переводы его литературы, сдѣланные непосредственно съ подлинниковъ. Самъ г. Шилейко далекъ отъ тѣхъ выводовъ, къ которымъ склоняются какъ пангерманисты, такъ и панвавилонисты. Сдержанность истиннаго специалиста не позволяетъ молодому ученому примкнуть ни къ одной изъ крайнихъ группъ. Болѣе того, въ настоящемъ трудѣ его интересуетъ не вопросъ о расовой принадлежности шумерійцевъ, а главнымъ образомъ ихъ исторія, борьба ихъ царей, смѣна династій,

¹⁾ Быть можетъ, въ шумерійцахъ мы имѣемъ примѣръ не удавшагося направленія эволюціи, подобно тому, какъ въ области орнитологии таковымъ явленіемъ считали (правда, безъ достаточныхъ основаній), археоптерикса.

отношенія ихъ съ окружающими народами и т. п. Къ обширному введенію присоединенъ переводъ клинописныхъ шумерійскихъ текстовъ, находящихся въ собраніи Н. П. Лихачева и имѣющихъ не малый интересъ для специалистовъ. Роскошно-изданная книга украшена семью фототипическими таблицами со снимками съ подлинныхъ шумерійскихъ надписей. Цѣна книги, сравнительно съ ея достоинствами, не особенно высока и позволяетъ надѣяться на извѣстное распространеніе этого отраднaго для нашей науки труда.

Александръ Тиняковъ.

Памятники мировой литературы. Античные писатели. Лукіанъ. Біографія. Религія. Москва. 1915. Стр. LXIV+320. Цѣна 2 руб. 25 коп.

Мы не имѣемъ на русскомъ языкѣ полного перевода самосатскаго сатирика. Между тѣмъ Лукіанъ, несомнѣнно, является однимъ изъ самыхъ даровитыхъ писателей императорской эпохи и привлекаетъ читателей какъ изложеніемъ, такъ и содержаніемъ своихъ многочисленныхъ произведеній. Онъ мастерски владѣетъ аттической рѣчью, несмотря на свое сирійское происхожденіе, съ пластичной выпуклостью рисуетъ свои образы, проявляя и тонкое чутье высоко-развитаго эстета, и недюжинную мощь остроумнаго сатирика. Пороки того времени—суевѣріе, паразитство, лицемеріе философовъ—нашли въ немъ идейнаго и безпощаднаго врага, но и нынѣшній читатель встрѣтитъ въ его произведеніяхъ не мало родственныхъ настроеній. Поэтому нельзя не порадоваться, что почтенная московская фирма братьевъ Сабашниковыхъ подарила намъ однимъ томомъ Лукіана, изданнымъ съ обычнымъ изяществомъ, и обѣщаетъ продолжить это изданіе.

Переводъ является трудомъ коллективнымъ, такъ какъ исполненъ членами студенческаго общества классической филологіи при петроградскомъ университетѣ. Обычная въ такихъ трудахъ пестрота и шероховатость изложенія настолько сглажены опытною редакціей профессоровъ *Θ. Ф. Зѣлинскаго* и *Б. Л. Богаевского*, что книга читается легко и съ интересомъ. Въ нее вошли «Сновидѣніе» и «Дважды обвиненный», важныя для біографіи Лукіана, и рядъ произведеній, характеризующихъ религіозныя воззрѣнія современниковъ нашего писателя, какъ-то: «Прометей», «Разговоры боговъ», «Зевесъ Уличаемый», «Зевесъ Трагическій», «Собраніе боговъ», «Морскіе разговоры», «Мениппъ», «Икаромениппъ», «Разговоры въ царствѣ мертвыхъ», «Любитель лжи», «Александръ», «О сирійской богинѣ».

Толково составленная г. Богаевскимъ біографія Лукіана слишкомъ уснащена выраженіями «вѣроятно», «повидимому», «быть можетъ».

Во второмъ томѣ редакторы обѣщаютъ дать сочиненія философскаго и бытового характера.

Г. Зоргенфрей.

Л. П. Карсавинъ. Основы средневѣковой религіозности въ XII—XIII вѣкахъ, преимущественно въ Италіи. Пгр. 1915. Стр. 360 Ц. 3 р.

Въ книгѣ профессора Карсавина много интереснаго, но мало системы и мало исторіи. Онъ дѣлитъ свое изложеніе на двѣ части, вульгарную догму и религіозную дѣятельность. При этомъ, однако, авторъ не объясняетъ, что надо понимать подъ вульгарной догмой, ученіе ли богослововъ, мнѣнія интеллигенціи или суевѣрія толпы. Онъ говоритъ въ одно и то же время и о Фомѣ Аквинскомъ, объ экстазѣ монаховъ, о благодати священника, о странныхъ реликвіяхъ въ родѣ молока Маріи или пальца, которымъ Іоаннъ Креститель указалъ на Христа, объ инкубахъ и сукубахъ и о мистицизмѣ образованныхъ писателей. Все это, по мнѣнію профессора Карсавина, относится къ вульгарной догмѣ, хотя это явленія разнаго порядка. О демонахъ говоритъ онъ и въ первой части и во второй. По словамъ автора, вѣра въ демоновъ вполне согласуется съ вѣрой въ метафизическое и съ интересомъ къ нему; питаетъ ихъ и сама ими интересуется (стр. 65). Но средневѣковая вѣра въ демоновъ имѣла мало общаго съ метафизикой. Бѣсъ былъ вполне реальнымъ субъектомъ, его видѣли, его изгоняли. «Можно объяснить вѣрованіе въ демоновъ очень просто,—пишетъ профессоръ Карсавинъ:—христіанство, въ свое время сдѣлавшее языческихъ боговъ бѣсами, передала XIII вѣку вѣру въ демоновъ» (стр. 75). Нельзя сказать, чтобы объясненіе это было очень просто и понятно. Демонологія—сложное ученіе. Чтобы прослѣдить его, надо начинать съ Сократа, съ добрыхъ и злыхъ демоновъ, перейти затѣмъ къ новоплатоникамъ и къ древнѣйшимъ житіямъ святыхъ. Тринадцатый вѣкъ едва ли представляетъ въ этомъ отношеніи что-либо особенное и перескочить въ него изъ первоначальнаго христіанства неудобно. Въ тѣснѣйшей связи съ демонологіей находится магія, но авторъ разсматриваетъ ее въ другомъ мѣстѣ. Во второй части своего труда авторъ говоритъ о томъ, что заклинанія демоновъ—очевидныя магическія формулы, что вульгарная магія, связанная или не связанная съ церковнымъ культомъ, была распространена очень широко (стр. 246), что въ молитвѣ видѣли магическое средство, что въ культѣ занимаютъ видное мѣсто формулы, напримѣръ, формула крещенія. Читатель невольно спроситъ: почему же все это относится къ религіозной дѣятельности, а не къ вульгарной догмѣ?

Не всегда можно удивить мысль автора. Онъ говоритъ сначала о конкретизаціи метафизическаго міра (стр. 156), а вслѣдъ за тѣмъ о томъ, что дуалистическая система становится отвлеченной, теряетъ яркія краски реалистической религіозности. И мы не знаемъ, какъ согласовать отвлеченность съ конкретизаціей? Не понятны также слѣдующія слова: «Прикасясь къ религіозной землѣ, догма, какъ Антей, проникается ея первобытными силами и разрываетъ всякую систему». Развѣ догма не система?

Заканчивая отдѣлъ о вульгарной догмѣ, авторъ говоритъ: «Предшествующія соображенія вовсе не ставятъ себѣ цѣлью изображеніе развитія религіозности XII—XIII вѣка (стр. 159)». Такимъ образомъ авторъ прямо отказывается отъ задачи историка, который прежде всего занимается эволюціей всякаго явленія.

Несмотря на нѣсколько беспорядочное изложеніе и на нѣкоторую спутанность общихъ понятій, сочиненіе Л. П. Карсавина представляетъ все же цѣнное научное приобрѣтеніе и будетъ прочтено съ интересомъ и специалистами и публикой.

Ц. В.

**Памяти Дмитрія Васильевича Ройтмана (15 октября 1872—23 декабря 1911 г.)
Петербургъ. 1914. 231 стр.**

Имя Д. В. Ройтмана неизвѣстно широкой публикѣ, такъ какъ онъ жилъ и дѣйствовалъ въ такой средѣ, которая менѣе всего способна создавать популярность. Д. В. Ройтманъ былъ преподавателемъ математики въ петроградскомъ учительскомъ институтѣ и гимназіи Мая. Въ педагогическомъ кругу, состоящемъ по большей части изъ мелкихъ карьеристовъ, дешевыхъ либераловъ или людей житейскихъ буденъ, Д. В. Ройтманъ представлялъ выдающееся явленіе. Убѣжденный послѣдователь міросозерцанія Дюринга, освѣщавшій имъ все вопросы: социальныя, экономическія, національныя, онъ и въ пониманіе математики вносилъ принципы философіи своего духовнаго учителя. Д. В. Ройтманъ написалъ нѣсколько трудовъ по математикѣ, новыхъ по методамъ, изъ которыхъ, однако, не все могли попасть въ школу, такъ какъ на ихъ пути стояло развязно-невѣжественное и завистливое самомнѣніе одного изъ тѣхъ лицъ, «въ ученый комитетъ котораго поселились и съ крикомъ требуютъ присягъ, чтобъ грамотъ никто не зналъ и не учился». Любимому философу Дюрингу Ройтманъ посвятилъ нѣсколько книгъ, изъ которыхъ главная: «Евгеній Дюрингъ—основатель новаго жизнедѣятельнаго духовнаго руководства» (1911).

Настоящая книга составлена изъ рѣчей и статей, посвященныхъ покойному педагогу. Особенный интересъ представляютъ статьи: «Д. В. Р., какъ дюрингонецъ» К. И. Петрова, «Д. В. Р., какъ поборникъ коренной реформы преподаванія математики» С. И. Шохоръ-Троцкаго, «Д. В. Р., какъ астрономъ» Н. П. Каменьщикова.

Въ книгѣ также помѣщено нѣсколько статей біографическаго характера, рисующихъ передъ нами въ выдержкахъ изъ писемъ Д. В. Ройтмана удивительно развитую личность, обладавшую глубиною мысли и широтою міросозерцанія. Несомнѣнный литературный интересъ представляетъ также написанная самимъ Д. В. Ройтманомъ «Исторія одной жизни», гдѣ авторъ излагаетъ біографію своего отца. Послѣдній происходилъ изъ евреевъ, попавшихъ въ кантонисты. Онъ буквально силою былъ отнятъ у родителей: «Соннаго въ одной рубашкѣ унесли его въ полицейскій участокъ, гдѣ и засадили вмѣстѣ съ нѣсколькими десятками другихъ еврейскихъ дѣтей. Потомъ, несмотря на свою тщедушность и малый ростъ, онъ былъ закованъ въ кандалы и отправленъ въ Кишиневъ, гдѣ и сданъ въ солдатскую службу взаменъ недостающаго рекрута». Впослѣдствіи изъ него вышелъ топографъ, служившій сначала по военному, а затѣмъ по гражданскому вѣдомствамъ въ Сибири и Туркестанскомъ краѣ при фонъ-Кауфманѣ. Несмотря на происхожденіе отъ еврея-кантониста, Д. В. Ройтманъ былъ яркій антисемитъ. «Онъ былъ убѣжденъ,—говоритъ о Ройтманѣ Н. И. Коробка:—что каждая національность имѣетъ опредѣленную фізіономію

мышления, и что еврейская мысль отличается узостью, благодаря чему сильное влияние еврейской мысли сужает человеческую мысль». — «Еврей, — писал Ройтманъ Ульриху Дюрингу, — считаются у насъ народомъ, жестоко и несправедливо угнетаемымъ, и потому говорить противъ нихъ, какъ думаютъ, значить санкционировать правительственное угнетение. Все это довольно странно: наиболѣе угнетенный человѣкъ въ Россіи, несомнѣнно, русскій мужикъ, но онъ молчитъ и о немъ молчатъ въ гораздо большей степени, чѣмъ объ инородцахъ, о несчастіяхъ которыхъ трубятъ на весь міръ». Останавливаемся на этомъ, какъ на любопытномъ психологическомъ фактѣ.

В. Д.

К. Шумскій. Очерки міровой войны на сушѣ и на морѣ. Обзоръ военныхъ дѣйствій на главныхъ театрахъ. Съ чертежами и рисунками. Изданіе т-ва А. Ф. Марсь. Пгр. 1915. Стр. 252. Ц. 1 р. 50 к.

Во время настоящей войны въ нашей журналистикѣ замѣтно выдвинулось имя К. Шумскаго, какъ талантливаго военнаго обозрѣвателя, день за днемъ объясняющаго широкой, малоосвѣдомленной въ бранномъ искусствѣ массѣ читателей новости съ театровъ войны. Новая книга г. Шумскаго, составленная отчасти изъ матеріала, уже ранѣе напечатаннаго, представляетъ, однако, собою цѣльный и отчетливый обзоръ военныхъ дѣйствій на главныхъ театрахъ. Сначала авторъ знакомитъ съ силами воюющихъ сторонъ. Задача современной войны — побѣдить врага во что бы то ни стало. Возникаетъ вопросъ: какъ это сдѣлать? Наиболѣе краткое и конкретное опредѣленіе способа «какъ побѣдить», по словамъ автора, дать Мольтке, который говоритъ, что война по существу сводится къ слѣдующей задачѣ: собрать возможно большія силы, отыскать армію противника и, наконецъ, разбить ее. Г. Шумскій начинаетъ съ выясненія этого перваго пункта. Онъ подробно останавливается на положеніи отбыванія воинской повинности въ различныхъ странахъ и приводитъ свѣдѣнія о войскахъ въ Россіи, Франціи, Англіи, Германіи и пр. въ мирное и военное время, сообщаетъ свѣдѣнія о современныхъ средствахъ борьбы, о новыхъ военныхъ изобрѣтеніяхъ, каковы, на примѣръ, авіація, автомобилизмъ, тяжелая артиллерія, сенсационныя сорокадвухсантиметровыя пушки и пр. Далѣе онъ переходитъ ко второму пункту, къ вопросу о томъ, какъ разрѣшается вторая задача современной войны — отыскать армію противника. Эта задача подразумеваетъ извѣстный планъ, въ силу котораго производятся различныя передвиженія, наступленіе на тѣ или иные пункты и пр. И г. Шумскій очень тщательно выясняетъ планъ настоящей войны, какъ то вытекаетъ изъ дѣйствій воюющихъ сторонъ, останавливается на роли, сыгранной Бельгіей, слѣдитъ за ходомъ дѣлъ во Франціи, на нашемъ фронтѣ, далѣе переходитъ къ характеристикѣ операцій турокъ и повсюду отмѣчаетъ многочисленныя ошибки и отклоненія нѣмцевъ отъ основнаго плана войны, который также подвергнутъ авторомъ достаточному критическому анализу. Далѣе авторъ повѣствуетъ о воздушной войнѣ, причемъ не придаетъ авіаціи такого громаднаго значенія въ дѣлѣ войны, какъ то склонно было предполагать общество до войны, и видитъ роль ея лишь въ качествѣ одного

изъ вспомогательныхъ родовъ оружія современной арміи. Заканчивается книга описаніемъ войны на морѣ и современнаго положенія флотовъ воюющихъ державъ.

Книга г. Шумскаго написана легко и общедоступно, снабжена множествомъ иллюстрацій, географическихъ картъ и плановъ и помогаетъ болѣе осмысленно разобратъся въ текущихъ военныхъ сообщеніяхъ, давая читателю цѣлый рядъ свѣдѣній о военномъ и стратегическомъ положеніи борющихся народовъ.

М—о.

В. П. Семенниковъ. Матеріалы для исторіи русской литературы и для словаря русскихъ писателей эпохи Екатерины II. На основаніи документовъ архива конференціи императорской академіи наукъ. Петроградъ 1915. Стр. 161.

Напечатанные въ приложеніи къ журналу «Русскій Библиофилъ» въ 1914 г. эти «матеріалы» выпущены теперь съ различными добавленіями и указателемъ именъ отдѣльнымъ изданіемъ, въ количествѣ всего двухсотъ экземпляровъ. Можно отъ души привѣтствовать выходъ этой работы въ видѣ книги. Съ полною добросовѣстностью и точностью, методически дѣйствуя по опредѣленному плану, г. Семенниковъ пересмотрѣлъ всѣ дѣла и журналы архива конференціи императорской академіи наукъ, выбирая изъ этой бумажной груды, исписанной самыми разнообразными, самыми неразборчивыми подчасъ почерками все относящееся къ области русской литературы, оригинальной и переводной, все относящееся къ дѣятельности историковъ, писавшихъ на русскомъ языкѣ, а также все касающееся анонимныхъ книгъ, какого бы содержанія послѣднія ни были. Цѣлью работы было: 1) собрать матеріалы, касающіеся писателей Екатерининскаго времени, т. е. біографическія о нихъ данныя, ихъ письма, ихъ доношенія и т. д.; 2) разъяснить имена авторовъ и переводчиковъ, а также имена издателей и, когда была къ тому возможность, сотрудниковъ журналовъ. Всѣ документы и разысканія расположены въ алфавитномъ порядкѣ именъ авторовъ. Въ приложеніи напечатаны дополненія къ библиографіи изданій XVIII вѣка, замѣтка къ исторіи журналовъ, издававшихся академіей наукъ, «Собесѣдникъ любителей російскаго слова» и «Новыя ежемѣсячныя сочиненія»), характерную для писательской манеры кн. Дашковой ея статью—«Записки тетюшки» и оду А. П. Сумарокова на обрученіе вел. кн. Павла Петровича съ вел. кн. Натальей Алексѣвной. Въ «матеріалахъ» собраны свѣдѣнія о шестидесяти девяти писателяхъ. Наиболѣе полно представленъ Сумароковъ, всѣ изданія котораго печатались въ академической типографіи. Здѣсь сообщены его письма и доношенія въ академію, а также данъ хронологическій перечень напечатаннаго имъ съ 1762 по 1775 г. Интересно представлены также И. Богдановичъ, кн. Дашкова, Новиковъ, Радищевъ, Фонвизинъ, Чулковъ. Цѣненъ свѣжій, фактический матеріалъ, столь важный для научной работы, появляющійся впервые. Внѣшность книги прекрасна, безукоризненна, вплоть до заставокъ и концовокъ и воспроизведеній семи автографовъ: кн. Дашковой, Клушина, Лукина, Сумарокова, Фонвизина, Чулкова и Эмина.

Послѣ нелѣпныхъ библиографій, никому не нужныхъ, безконечныхъ словарей столичнаго и провинціального производства, мы въ правѣ гордиться этою работою и считать ее образцомъ, достойнымъ всякаго подражанія.

В. Кя.

П. С. Коганъ. Прологъ. Мысли о литературѣ и жизни. Пгр. 1915. Стр. 63. Ц. 80 к.

Антимоніи чистаго разума способствуютъ жизненности парадоксовъ. Искусство наиболѣе антимоничная сфера, а, слѣдовательно, и наиболѣе удобная для парадоксовъ. «Общія мѣста наизнанку»—вотъ опредѣленіе, данное послѣднимъ, кажется, со стороны Тургенева. И въ самомъ дѣлѣ. «Исторія литературы есть исторія прочитаннаго, но не исторія написаннаго». «Поэтъ, не нашедшій типографіи, въ наше время не поэтъ» и т. п. изреченія Когана съ неменьшимъ успѣхомъ могутъ быть перевернуты вверхъ ногами. Убѣдить кого-либо, кромѣ лицъ, среднихъ автору по духу, эти афоризмы также не могутъ. Для меня, напримѣръ, всегда останутся «реликвіями» нѣкоторые предметы домашняго обихода великихъ людей, воскресающихъ въ воображеніи всякій разъ при созерцаніи даннаго предмета. Такова ужъ психологія человѣка, и глава Когана «О фетишизмѣ» не измѣнитъ ея. Также понятно для меня существованіе генія безъ среды, которую онъ самъ часто создаетъ, «передавая свой трудъ грядущимъ поколѣніямъ», вопреки мнѣнію автора (9 стр.).

Упадокъ таланта и славы совсѣмъ мнѣ не свидѣтельствуетъ объ изсякнущей энергіи «среды», а только объ ограниченности даннаго творца. Рылѣевъ, Ботатынскій, Батюшковъ и др. изсякли, но Пушкинъ, вождь той же эпохи, до полуденныхъ дней величественно высится на Парнасѣ. Слѣдовательно, секретъ заключается какъ разъ въ индивидуумѣ, а не въ неясномъ для трезваго разума накопленіи общественной энергіи, какъ то думаетъ Коганъ. (21 стр.).

Но вмѣстѣ съ тѣмъ брошюра Когана читается легко и съ удовольствіемъ.

Причина лежитъ въ любовномъ отношеніи автора къ избранному предмету и въ томъ едва замѣтномъ налетѣ интимности, который придаетъ всей брошюрѣ прелесть экзотическаго плода, покрытаго нѣжнымъ матомъ. Вся она—скорѣе поэтическое произведеніе, а потому и не подлежитъ строгому взысканію за свои шаловливые переливы радужной мысли.

И. В.

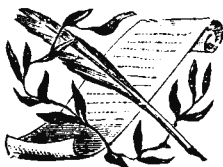
В. И. Рубцовъ. Учебный курсъ исторіи новѣйшей русской литературы. Для среднихъ учебныхъ заведеній. Пгр. 1915. Стр. 363. Ц. 1 р. 35 к.

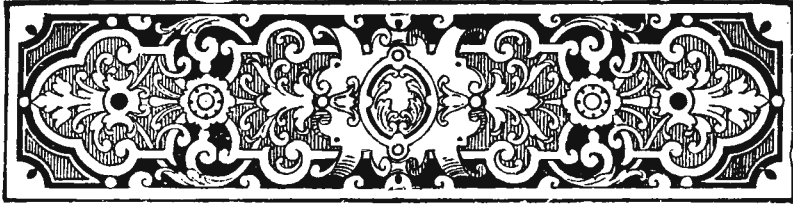
Названный учебникъ исторіи новѣйшей русской литературы охватываетъ собою періодъ отъ 40-хъ по 80-е годы прошлаго XIX столѣтія и въ краткомъ сжатомъ видѣ даетъ своему читателю ясное и отчетливое представленіе объ этой эпохѣ расцвѣта нашей художественной литературы. Обрисовавъ во введеніи тотъ новый путь—путь реализма, на который вступила наша литература въ

сороковых годах, авторъ знакомитъ съ тогдашними критиками, главнымъ образомъ съ В. Г. Бѣлинскимъ, теоретическія воззрѣнія и идеи котораго оставили надолго неизгладимый слѣдъ на дальнѣйшемъ развитіи критической и художественной литературы. Попутно авторомъ дается также понятіе и о другихъ менѣе значительныхъ представителяхъ нашей критики, каковы, на примѣръ, Полевой и Надеждинъ. Въ главѣ о Бѣлинскомъ и далѣе авторъ съ достаточной подробностью выясняетъ также значеніе кружка Станкевича, зарожденіе и постепенное развитіе двухъ школъ—славянофильской и западнической. Вообще г. Рубцовъ въ главахъ, посвященныхъ одному какому-либо крупному писателю, напр., Тургеневу или Островскому, Некрасову, сообщаетъ не только біографическія свѣдѣнія о нихъ однихъ, но и вмѣстѣ съ тѣмъ старается представить общую картину развитія и движенія русской общественной мысли, поскольку оно находило себѣ отраженіе въ произведеніяхъ нашей художественной литературы. Авторъ указываетъ на тѣ вліянія, на тѣ явленія общественной жизни, на ту политическую атмосферу, подъ воздѣйствіемъ которыхъ находился тотъ или иной писатель и которая такъ или иначе отразилась на его творчествѣ. Такимъ образомъ, книга г. Рубцова даетъ свѣдѣнія не только о развитіи и судьбахъ художественной литературы, но знакомитъ съ общимъ унастроеніемъ эпохи, съ общественно-политическими идеями и положеніями, какъ они были высказаны нашими критиками. Такого рода нововведеніе въ учебномъ курсѣ отечественной литературы нужно привѣтствовать. Затѣмъ нельзя не отмѣтить и того, что авторъ при составленіи настоящей своей работы пользовался при разборѣ творчества близкихъ намъ по времени писателей не только критикою Бѣлинскаго, Добролюбова, Анненкова, но и работами позднѣйшихъ изслѣдователей, каковы: Венгеровъ, Мережковскій, Овсяннико-Куликовскій, Котляревскій и др. Это обстоятельство придаетъ наибольшій объективизмъ при оцѣнкѣ разсмотрѣнныхъ писателей. Г. Рубцовъ въ своей книгѣ разобралъ главнымъ образомъ произведенія Бѣлинскаго, Тургенева, Гончарова, Майкова, гр. А. Толстого, Островскаго, Л. Толстого, Достоевскаго, С. Аксакова, Григоровича, Фета, Полонскаго, Тютчева, Некрасова, Чехова, Добролюбова, Аполона Григорьева.

Написана книга В. И. Рубцова простымъ и общепонятнымъ языкомъ, читается и усваивается легко и можетъ служить надежнымъ пособіемъ не только для учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, но и для лицъ, ищущихъ самообразованія.

М—о.

НОВОСТИ ИСТОРИИ.

Петербургскіе поджоги въ воспоминаніяхъ Е. И. Ламанскаго.—Оберъ-прокурорское засилье и владычній трепеть. (Изъ переписки Побѣдоносцева и архіепископа Никанора).—Начальникъ цензуры М. П. Соловьевъ, обличаемый перомъ бывшаго со-служивца.—Теоктистовъ и «крамола» поэта Полонскаго.—Пушкинскій праздни-къ въ освѣщеніи современнаго Собакевича.

ВЪ ВОСПОМИНАНІЯХЪ извѣстнаго Е. И. Ламанскаго въ «Русской Старинѣ» возстановлена любопытная страница изъ тревожной жизни Петрограда въ 1862 году.

Управлявшій государственнымъ банкомъ, Ламанскій былъ обезпокоенъ въ маѣ этого года появленіемъ анонимныхъ писемъ, обѣщавшихъ поджоги въ столицѣ. На стѣнахъ и колоннахъ банка кѣмъ-то ночью были расклеены объявленія, что банкъ будетъ подожженъ. О томъ же говорило и безыменное письмо управляющему банкомъ. За отсутствіемъ барона Штиглица, бывшаго тогда за границу, Ламанскій повезъ это письмо петербургскому генералъ-губернатору, князю Суворову, съ просьбой оградить банкъ отъ угрожавшей ему опасности.

— Что я могу сдѣлать?—отвѣтилъ Суворовъ, возвращая письмо:—принимайте сами свои мѣры.

Можно понять, что въ тѣ дни настроеніе въ банкѣ было тревожное. Если и не ожидали навѣрное поджога, то, во всякомъ случаѣ, къ нему готовились.

Однажды, возвращаясь съ дачи, уже на станціи Варшавской дороги Ламанскій почувствовалъ необыкновенное движеніе. Народъ бѣжалъ куда-то. Дальше Садовой извозчикъ не могъ пробраться. На вопросъ, что такое случилось, от-

вѣчали: «Горить рынокъ и банкъ». «Легко себѣ представить мое состояніе,— читаемъ въ воспоминаніяхъ.—Я велѣлъ извозчику скакать какъ можно скорѣе. Путь по Садовой былъ закрытъ, и мы подѣхали къ банку со стороны канавы. Здѣсь взорамъ моимъ предстала страшная картина. Апраксинъ и Щукинъ были объяты пламенемъ. Цѣлый океанъ огня виденъ былъ у Чернышева переулка. Пожаръ бушевалъ въ зданіи театральной дирекціи и въ домахъ министерства внутреннихъ дѣлъ, а на другой сторонѣ Фонтанки горѣлъ какой-то дровяной складъ. Весь рынокъ былъ объятъ пламенемъ, но банкъ, по счастью, не былъ тронутъ огнемъ, хотя въ угловыхъ зданіяхъ рамы загорались отъ жара.

«Войдя въ банкъ, я распорядился, чтобы всѣ кассы были въ порядкѣ и окружены людьми. Дворники были посланы мною на крыши съ водою. Между тѣмъ изъ лавокъ Апраксина рынка выносили товары и кидали ихъ на дворъ банка. Вѣтра въ нашу сторону не было, тѣмъ не менѣе въ центральномъ зданіи банка, отдѣленномъ дворомъ и цѣлой улицей отъ рынка, окна накаливались до такой степени, что во избѣжаніе возгоранія надо было поливать ихъ водою. Постепенно начиналъ тлѣть и весь фасадъ банка.

«Въ это время прибылъ государь въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ. До Чернышева переулка онъ доѣхалъ верхомъ, но тутъ жаръ былъ такъ силенъ, что онъ долженъ былъ сойти съ коня и пѣшкомъ, подъ прикрытіемъ вынесенныхъ изъ лавокъ кожъ, которыя образовали собою какъ бы щитъ, поливаемыя для охлажденія водою,—вступилъ въ большой дворъ банка. Сложенные здѣсь товары изъ лавокъ заставляли опасаться, что, въ случаѣ ихъ возгоранія, огонь можетъ быстро перейти и на кладовыя банка. Государь спросилъ меня, есть ли опасность для кассъ. Я отвѣтилъ, что опасности нѣтъ, что всѣ мѣры приняты и что за кладовыя и кассы банка я нисколько не боюсь. Суворовъ предложилъ мнѣ, пока есть время, перенести всѣ цѣнности изъ кладовыхъ и кассъ въ другое учрежденіе, подъ конвоемъ батальона солдатъ. На это я, однако, не согласился, боясь, что такая перевозка будетъ сопряжена съ еще большими опасностями. Я просилъ только Суворова усилить карауль. Книги и прочіе документы были въ полной сохранности, и все было приготовлено къ отправкѣ, въ случаѣ распространія огня. Но дѣйствительной опасности для банка быть не могло, такъ какъ пожаръ простирался въ другую сторону».

Весь день прошелъ въ волненіи. Впрочемъ, не было недостатка, конечно, и въ курьезахъ. Такъ, во время пожара къ Ламанскому прибѣжала впоыхахъ одна чиновница съ просьбой.

— Ваше превосходительство, извольте помѣстить меня куда-нибудь! Мнѣ надо спать.

— Куда же я васъ помѣщу? Ищите сами себѣ мѣсто.

— Да какъ же это, помилуйте! Я жила здѣсь столько времени на казенной квартирѣ!

— Что же вы хотите,—раздѣлить со мною кровать?

Всю эту ночь рассказчикъ провелъ на ногахъ. Пожарные были истомлены,— ихъ поливали водою. День или два продолжался пожаръ. Внутренній дворъ банка оказался заваленнымъ товарами. Изъ среды самихъ погорѣвшихъ тор-

говцевъ была образована особая комиссія для разбора, кому какіе товары принадлежали, и съ ея помощью скоро состоялась выдача товаровъ владѣльцамъ.

Для будущей біографіи Побѣдоносцева немало характерныхъ штриховъ дастъ обширная переписка съ нимъ въ свое время очень извѣстнаго архіепископа херсонскаго и одесскаго Никанора, печатаніе которой продолжается въ «Русскомъ Архивѣ».

Какъ извѣстно, среди іерарховъ Побѣдоносцевъ признавалъ весьма немногихъ, но Никаноръ былъ изъ такихъ, и ихъ роднила, повидимому, довольно искренно, общность старинныхъ понятій обо всемъ, въ частности о власти и подчиненныхъ. Обыкновенно только строгій и властный въ своей перепискѣ, Побѣдоносцевъ на этотъ разъ склоненъ даже на проявленія своеобразной сердечности. Онъ утѣшаетъ Никанора, взволнованнаго всяческими анонимными письмами, шедшими и къ нему, и къ оберъ-прокурору. Оказывается, К. П. презиралъ эту литературу, но исходилъ изъ своеобразно-циническаго взгляда, что... дѣйствительность хуже всякихъ доносовъ. «Если бы принимать ихъ къ сердцу,—довольно благодушно пишетъ всевластный князь церкви,—я давно съ ума бы сошелъ. Я знаю, что зла дѣйствительно гораздо больше, чѣмъ можно описать въ анонимныхъ письмахъ (!), но фирма эта лжива, и вѣрить ей не слѣдуетъ, пользуясь только про себя въ нѣкоторыхъ случаяхъ указаніями на частности и подробности, которыя возможно провѣрить».

Не только оскуднѣніе архіерейской власти, но и самоуменьшеніе ея, вошедшее въ традицію въ синодскій періодъ, блистательно развертываются въ перепискѣ архіепископа Никанора. Всесильные въ своихъ епархіяхъ владыки, повидимому, чувствуютъ себя безъ оберъ-прокурора какъ безъ головы. Они трепещутъ, какъ бы кто-нибудь и въ особенности этотъ властный чело­вѣкъ съ пергаментнымъ лицомъ не заподозрѣлъ ихъ въ превышеніи власти, въ тѣни самостоятельности. И прокуроры—и этотъ, и прежніе—сами отлично знаютъ это и съ осторожностью, доходящей до явной неучтивости, держатся въ сторонѣ тогда, когда имъ не хочется, чтобы изъ случайнаго общенія съхавшихся владыкъ вышло какое-нибудь, хотя бы и ничтожное рѣшеніе.

«Когда съѣзжались архіереи на юбилей кievской духовной академіи,—рассказываетъ архіепископъ Никаноръ:—то оберъ-прокуроръ Д. А. Толстой виталъ въ тѣ дни гдѣ-то невдалекѣ отъ Кіева, но никакъ не въ Кіевѣ. И это принято было архіереями за тонкое внушеніе, что они ни о чемъ, касающемся церкви, разсуждать не должны, а могутъ только отпраздновать, съѣсть свои обѣды и за бокалами шампанскаго пожелать другъ другу многихъ лѣтъ. Когда, лѣтъ пять спустя, явились нѣкоторые архіереи на юбилей митрополита Исидора въ Петербургъ, то старецъ встрѣтилъ ихъ словами: «Ну, вотъ, вы всѣ тамъ озабочены теперь проектомъ преобразования духовнаго суда...» Всѣ архіереи поняли это, какъ указаніе, чтобы ни одинъ изъ нихъ и не заикался о проектѣ. А графъ Д. А. Толстой на эти дни отбылъ изъ столицы. Опасаюсь, что безъ прямой инициативы и непосредственнаго руководства съ вашей стороны въ богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ (тогда ожидался съѣздъ въ сто­льномъ городѣ) и нынѣ, поклонившись кievскимъ святынямъ, мы съѣдимъ одинъ-два

обѣда, пожелаемъ старцу митрополиту премногихъ лѣтъ въ дополненіе къ его многимъ лѣтамъ и мирно отбудемъ восвоися».

И какъ ни старается Никаноръ выдержать тонъ полного добродушія, дальнѣйшія его слова выдають и обиду за приниженную власть, и расписку въ пониженіи способностей іерарховъ-современниковъ.

«Отвыкли мы,—сказать ли?—принимать общія дѣла церкви къ сердцу. Мы о нихъ толкуемъ только дома, въ келейномъ уединеніи, да развѣ изливаемъ свою тоску иногда только въ секретной бесѣдѣ, при рѣдкихъ свиданіяхъ архіерея съ архіереемъ да въ братски довѣренныхъ другъ другу посланіяхъ. И винить насъ за это—imbecillitas! (глупость). И я лично сдѣлалъ наблюденіе, что архіереи даже въ Петербургѣ разучиваются и мыслить, и говорить превосходно. Таковы были на моей памяти...»—и онъ перечисляетъ нѣсколькихъ сановниковъ, обладавшихъ этимъ улетучившимся даромъ.

Если бы Богъ продлилъ вѣку Никанору, онъ былъ бы свидѣтелемъ тому, какъ, по приказу того же Побѣдоносцева, разогнано было съ помощью полицейскихъ столичное петроградское духовенство, явившееся выразить сочувствіе митрополиту Антонію, неугодному оберъ-прокурору.

Бывшій цензоръ, посѣдѣвшій на службѣ въ цензурномъ вѣдомствѣ, подписавшійся Сергѣемъ Изгоевымъ, печатаетъ въ «Нашей Старинѣ» рядъ воспоминаній изъ прошлаго, захватывающихъ еще времена Θεоктистова и Соловьева. Всего лучше въ такихъ цензорскихъ воспоминаніяхъ всегда тонъ благороднѣйшаго осужденія гасильникамъ мысли, хотя такая «независимость заднимъ числомъ» и столь же малоубѣдительна, какъ возвышенная проповѣдь въ устахъ Рейнке-Лиса, подъ старость одѣвшаго власяницу. Оставляя это въ сторонѣ, здѣсь можно найти довольно выразительныя иллюстраціи нелѣпаго цензурнаго произвола, которымъ запятналъ себя хотя бы пресловутый М. П. Соловьевъ, эта «богато одаренная» и «въ высшей степени оригинальная» натура, совмѣщавшая поэтическое занятіе выжиганія по дереву или рисованія миниатюръ тончайшей кисточкой съ инквизиціоннымъ преслѣдованіемъ мысли.

«Началось съ календарей,—разсказываетъ Изгоевъ объ этой погонѣ Соловьева за мухой съ обухомъ, отбрасывающей девяностые годы къ двадцатымъ:—стали искать «крамолу» на оборотной сторонѣ ихъ отрывныхъ листковъ, несмотря на совѣты не заваривать этой каши, такъ какъ для прокламацій существуютъ другія болѣе подходящія мѣста, чѣмъ мѣстечко въ ладонь на оборотѣ календарнаго листика. Затѣмъ, совершенно вопреки цензурному уставу, стали доискиваться до «тайнаго смысла рѣчи», и на этой почвѣ разыгрался, на примѣръ, такой эпизодъ. Цензоръ Пеликанъ пропустилъ эту Рубакина, напечатанный въ одномъ изъ приложеній къ журналу, подъ заглавіемъ «Восхожденіе на Араратъ». Въ немъ описывалась экскурсія разнообразныхъ туристовъ, взбравшихся на снѣжныя вершины Арарата и постоянно встрѣчавшихъ на пути всевозможныя препятствія. У нѣкоторыхъ это вызвало досаду, другіе весело смѣялись и обмѣнивались шутками и анекдотами. Этотъ разсказъ вдругъ почему-то показался подозрительнымъ и аллегорическимъ:

подъ вершиной Арарата заподозрѣли идею власти, а подъ туристами—стремящіеся захватить ее въ свои руки прогрессивные элементы нашего общества. Нѣкоторое время цензоръ Пеликанъ находился въ очень непріятномъ положеніи и даже говорили объ его ближайшемъ удаленіи. М. П. Соловьевъ вызывалъ его къ себѣ и всячески выпытывалъ, словно въ эпоху «слова и дѣла», какъ онъ могъ пропустить такой рассказъ? Къ чести Пеликана слѣдуетъ замѣтить, что онъ всякій разъ спокойно возражалъ, что нѣтъ такихъ строкъ въ какомъ угодно текстѣ, которыя бы не могли явиться инкриминирующимъ мѣстомъ для смертнаго приговора, и этимъ спасъ свое положеніе.

Кары тогда сыпались направо и налево и касались изданій, благонамѣренность которыхъ была выше подозрѣній. Рассказчикъ передаетъ, какъ однажды, по приказу Соловьева, онъ долженъ былъ составить докладную записку о вредномъ направленіи «Петербургскихъ Вѣдомостей». Соловьевъ лично «поддалъ жару»,—и князь Ухтомскій оказался крамольникомъ.

По счастью, записка не имѣла дальнѣйшаго хода, ибо, очевидно, не встрѣтила одобренія наверху.

Пожалуй, удивительнѣе всего въ этомъ архивѣ «комическаго времени на Руси» то, что начальники, такъ беспощадно изображенные, сплошь и рядомъ, однако, оказываются, все-таки, болѣе терпимыми, чѣмъ подвѣдомственные имъ чиновники-цензора. Такъ, случилось, что легендарный Θεоктистовъ былъ свободенъ отъ чисто маньяческой мнительности тамъ, гдѣ его подчиненному видѣлась самая несомнѣнная крамола.

Рядъ анекдотовъ, которые были бы смѣшны, когда бы не были такъ грустны, увеличиваетъ Изгоевъ рассказомъ о томъ, какъ однажды попалъ подъ подозрѣніе такой невиннѣйшей изъ писателей, какъ Полонскій. Въ восьмидесятыхъ годахъ онъ написалъ юмористическую поэму «Собаки», гдѣ подъ видомъ собакъ были осмѣяны ходячіе человѣческіе типы, куда съ меньшею мѣткостью и язвительностью, чѣмъ это встарину дѣлалъ хотя бы Крыловъ. Велико было удивленіе старика-поэта, когда онъ узналъ, что рукопись задержана и что въ ней найдено множество нецензурныхъ мѣстъ.

Взволнованный, онъ поѣхалъ къ Θεоктистову. Тотъ затребовалъ экземпляръ «Собакъ» и вызвалъ цензора.

— Успокойтесь,—говорилъ Θεоктистовъ поэту:—у насъ въ комитетѣ всегда воображаютъ Богъ знаетъ что, когда приходится читать разныя аллегоріи. Вѣдь вотъ, напримѣръ, перепечатанную изъ какого-то англійскаго юмористическаго листка карикатуру, изображающую колоссальнаго медвѣдя, который отмахивается въ разныхъ позахъ отъ несносно пристающей къ нему мухи, наша цензура истолковала въ весьма неудобномъ для карикатуры смыслѣ, такъ что пришлось вести переписку съ канцеляріей министерства императорскаго двора.

Явился цензоръ съ экземпляромъ «Собакъ» и бережно положилъ его на письменный столъ передъ начальникомъ. Экземпляръ былъ почти весь переложень закладками на тѣхъ страницахъ, которыя казались «опасными».

Θеоктистовъ сталъ перелистывать рукопись,

— Почему здѣсь закладка?

— Я въ этомъ усмотрѣлъ намекъ на...—и цензоръ называетъ весьма извѣстное въ служебной іерархіи лицо.

— А это?

Опять называетъ другое лицо.

— Боже мой! Ну, скажите, а это, а это, а это ?

Изъ устъ оторопѣлаго цензора послѣдовалъ цѣлый рядъ высокопоставленныхъ именъ.

— Скажите, пожалуйста, безъ стѣсненія: а не нашли ли вы здѣсь и моего портрета?

Цензоръ скромно опускаетъ очи и утверждаетъ, что портрета его превосходительства здѣсь нѣтъ.

Полонскій сидитъ ни живъ, ни мертвъ,—онъ рѣшительно ни на кого никакихъ портретовъ не писалъ.

Феокистовъ засмѣялся и, вытащивъ однимъ взмахомъ руки всѣ закладки цензора, бросилъ ихъ въ корзину подь столъ.

— Вашу поэмѣ я разрѣшаю цѣликомъ,—сказалъ онъ.—Я васъ никогда за «краснаго» не считалъ, и вы напрасно такъ перепугались!.. А вы не должны читать между строкъ, а то придется, пожалуй, и самого Крылова запретить. «Свѣжо преданіе»...

Иногда можно пожалѣть, что наши официальные ученые общества такъ мало заботятся о популяризаціи своихъ изданій, гдѣ среди матеріаловъ, по большей части дѣйствительно очень специальныхъ и сухихъ, мелькаютъ иногда страницы, полныя живого и общаго интереса. Слабая распространенность этихъ изданій дѣлаетъ то, что страницы затериваются, непрочитанныя и незамѣченныя—ускользая впослѣдствіи даже и отъ вниманія специалистовъ-ислѣдователей.

Въ «Трудахъ тульской губернской ученой архивной комиссіи» напечатанъ любопытный отзывъ современника (М. А. Веневитинова) о знаменитомъ московскомъ торжествѣ въ 1880 году, по случаю открытія памятника Пушкину. До насъ дошло много и официальныхъ сообщеній о знаменательномъ днѣ, и частныхъ разсказовъ благожелательныхъ людей, нашедшихъ откликъ въ своемъ сердцѣ этому празднику русской интеллигенціи. Веневитиновъ выступаетъ въ совершенно новой роли—въ роли Собакевича или Терсита, которому все не понравилось на этомъ праздникѣ, но сквозь озлобленность его прорываются, можетъ быть, и не лишеныя справедливости нотки, отмѣчающія ту фальшь, безъ которой, къ сожалѣнію, не обходится ни одно изъ человѣческихъ предпріятій. Вотъ подлинный разсказъ Веневитинова подь такимъ угломъ зрѣнія о знаменитомъ писательскомъ выступленіи 6—8 іюня.

«Когда Каменская, пропѣвъ послѣдній номеръ, удалилась со сцены, занавѣсъ опустился, и за нимъ стали раздаваться удары чего-то, изобличавшіе какія-то приготовленія... Взвился занавѣсъ, и глазамъ публики представился бюстъ Пушкина на невысокомъ пьедесталѣ, поставленномъ посреди сцены. Изъ за правой кулисы вышла Каменская, затѣмъ Климентова, потомъ писатели—Тургеневъ, Островскій, Юрьевъ, Максимовъ, Плещеевъ, Достоевскій, Григоровичъ, Потѣхинъ, Писемскій, за ними актеры—Самаринъ, Мельниковъ, Горбу-

новъ и, наконецъ, директоръ частной гимназіи Поливановъ, Богъ знаетъ, почему попавшій въ апоѳеозъ, такъ какъ въ области литературы заявилъ себя только изданіемъ какой-то учебной книги по русскому языку, кажется, грамматики.

«Всѣ прошли передъ бюстомъ Пушкина, обогнули его съ лѣвой стороны и затѣмъ сзади него выстроились рядомъ, глупо смотря на публику, пока Рубинштейнъ махалъ своей палочкой. Каждый несъ съ собою вѣнокъ, который клался имъ къ подножію бюста. Одинъ только Тургеневъ, подойдя къ бюсту, увѣнчалъ своимъ вѣнкомъ главу Пушкина. Конечно, въ залѣ тотчасъ раздались рукоплесканія, которыхъ, повидимому (?), такъ ждалъ Тургеневъ. Вообще съ легкой руки Сабурова, удостоившаго его лобзаніемъ въ университетѣ, Тургеневъ, видимо, стремился въ этотъ вечеръ сосредоточить на себѣ вниманіе публики преимущественно предъ другими писателями, находившимися въ залѣ.

«Желаніе сдѣлать себя центромъ, главнымъ виновникомъ торжества, особенно рѣзко проявилось въ выборѣ стихотвореній Пушкина, сдѣланномъ имъ для чтенія. Когда онъ прочелъ извѣстные стихи «Опять на родинѣ», то публика ясно поняла намѣреніе чтеца примѣнить къ самому себѣ тѣ чувства, какія испыталъ когда-то Пушкинъ. Раздались долго не умолкавшія рукоплесканія. Тургенева нѣсколько разъ вызывали, и на послѣдокъ онъ самъ не утерпѣлъ, подошелъ къ рампѣ, подождалъ, когда толпа затихла, и наизусть голосомъ, въ которомъ слышалось волненіе, прочелъ «Послѣдняя тучка разсѣянной бури».

«Наэлектризованная зала дружными рукоплесканіями восторженно привѣтствовала Тургенева, какъ бы чувствуя, что онъ въ самомъ дѣлѣ является «послѣднею тучей» литературнаго оживленія сороковыхъ годовъ. Высокая фигура его, съ внушительною сѣдою головою, особенно выдѣлялась въ средѣ писателей, допущенныхъ на сцену за бюстъ Пушкина. Максимовъ, Потѣхинъ и прочая литературная мелкота самодовольно улыбалась въ этомъ самодѣльномъ Олимпѣ. Даже скромная фигура Достоевскаго какъ-то стушеввалась предъ виднымъ станомъ Тургенева, выступавшаго нѣсколько впередъ и усерднѣе другихъ кланявшася въ отвѣтъ на восторженные привѣтствія.

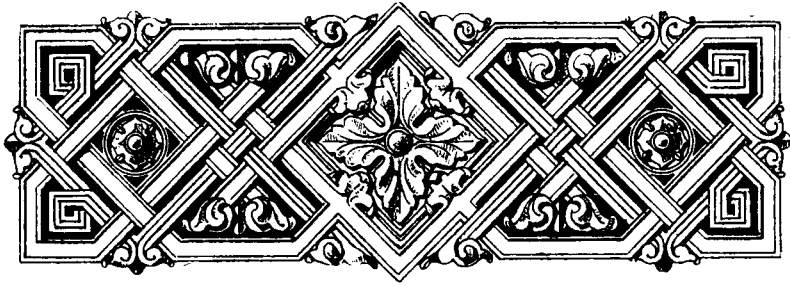
«Несмотря на свой несомнѣнный успѣхъ, апоѳеозъ этотъ, признаюсь, очень мнѣ не понравился. Обыкновенно сама публика возводитъ писателей на пьедесталъ, вѣнчаетъ ихъ лавровыми вѣнками. А тутъ сами писатели создали себѣ какой-то храмъ славы, образовали изъ себя непрошенный какой-то Олимпъ, въ который допустили не только тѣхъ, кого по заслугамъ, пожалуй, можно еще признать богами или полубогами, но даже и такихъ лицъ, которыя и въ полугерои-то едва ли годятся. Затѣмъ покорило меня это бессмысленное глазніе на публику изъ-за бюста Пушкина. Оно очень мнѣ напомнило балаганныя зазыванія, когда на подмосткахъ появляются передъ народомъ участники представленія...

«Вся эта мысль объ апоѳеозѣ, въ которомъ Достоевскій, Григоровичъ, Плещеевъ и другіе болѣе видные писатели играли такія глупыя и жалкія роли, едва ли, какъ мнѣ кажется, не принадлежала самому Тургеневу, желавшему, вѣроятно, испробовать на родной почвѣ посѣвъ западно-европейскихъ, собственно парижскихъ сѣмянъ. Апоѳеозъ какъ-то не вязался съ представленіемъ

объ обычной скромности нашихъ доморожденныхъ писателей и съ простою русскаго челоѣка. Это было что-то заимствованное, чужое, не родное намъ, а потому и вышло смѣшнымъ и жалкимъ. На второмъ вечерѣ знаменитый апоѳеозъ вышелъ еще болѣе смѣшнымъ и страннымъ, чѣмъ въ первый разъ. Повтореніе литературнаго и артистическаго Олимпа за бюстомъ Пушкина съ вѣнками, глупымъ глазѣніемъ на публику, подъ блескомъ электрическаго освѣщенія, уже теряло свой характеръ первобытной непосредственности и являлось простымъ ломаньемъ комедіи по заказу. Прохожденіе напоминало казенные реверансы институтокъ передъ важною особою, присутствующею на экзаменѣ, или фиктивныя колѣнопреклоненія мальчишковъ въ католическихъ церквахъ, когда они пробѣгаютъ мимо алтаря...

А. Измайловъ.

Съ 15 септембра по 15 октомбра въ редакцію «Историческаго Вѣстника» поступили для отзыва слѣдующія книги.

А. Липецкій. Воля къ жизни. Разказы. Пгр. 1915. Стр. 266. Ц. 1 р. 25 к.

Русская библиографія въ XVIII вѣкѣ. Планъ работы, предпринятой В. П. Семеновичевымъ. Пгр. 1915. Стр. 21. Ц. не обозн.

В. П. Семеновичевъ. Материалы для исторіи русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II. На основаніи документовъ архива конференціи Императорской Академіи наукъ. Пгр. 1915. Стр. 161. Ц. не обозн.

— Русскіе сатирическіе журналы 1769-1774 гг. Разысканія объ издателяхъ ихъ и сотрудникахъ. Пгр. 1914. Стр. 90. Ц. не обозн.

М. И. Сизовъ. Сонъ. Біологическій очеркъ. Съ рис. Изданіе П. П. Сойкина. Пгр. 1915. Стр. 36. Ц. 50 к.

Очеркъ г. Сизова посвященъ чрезвычайно интересному біологическому вопросу о снѣ. Авторъ умѣло знакомитъ читателя съ состояніемъ сна у чело-вѣка и различныхъ животныхъ, тща-тельно анализируетъ роль нервной системы во время сна, разбираетъ много-численныя причины сна, рассматри-ваетъ установленныя въ современной наукѣ теоріи сна, касается различныхъ венормальностей сна, каковы, напри-

мѣръ, летаргія, гипнозъ и т. д. Книжка г. Сизова, написанная общепонятно и украшенная многочисленными иллю-страціями, должна найти себѣ широкое распространеніе въ виду крупнаго ин-тереса затронутой авторомъ темы.

Историческое Обзорѣніе. Сборникъ Исто-рич. общества при имп. петроградскомъ университетѣ, издаваемый подъ ред. Н. И. Карѣева. Т. XX. Пгр. 1915. Стр. 221. Ц. 1 р. 50 к.

Викторъ Никольскій. Исторія рус-скаго искусства. Т. I. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1915. Стр. 250. Ц. 6 р.

Український науковий збірник. Вп-данія українскаго науковаго товари-ства у Київі. М. 1915. Стр. 132. Ц. 1 р. 50 к.

Аполлонъ Григорьевъ. Собраніе сочи-неній подъ редакціей В. Θ. Саводника. М. 1915. Вып. 7. Лермонтовъ и его испра-вленія. Стр. IV+96. Ц. 35 к.—Вып. 10. И. С. Тургеневъ и его дѣятельность. Стр. IV+134. Ц. 50 к.—Вып. 11. О па-ціональномъ значеніи творчества А. Н. Островскаго. Стр. 61.—Вып. 13. Поэзія Некрасова. Стр. 51.—Вып. 14. Русскія народныя пѣсни съ ихъ поэтической и музыкальной стороны. Стр. 60.—Ц. не обозн.

Ив. Касаткинъ-Ростовскій. «Съ войны» (Листки походной тетради). Пгр. 1915. Стр. 39. Ц. 50 к.

Стихотворенія князя Ф. Касаткина-Ростовскаго «Съ войны» въ красивыхъ поэтическихъ наброскахъ даютъ представленіе о повседневныхъ мелочахъ боевой жизни, изображаютъ рядъ трогательныхъ картинокъ о героической сѣрой массѣ нашихъ доблестныхъ защитниковъ и ярко, въ сильныхъ образахъ рисуютъ тѣ впечатлѣнія и переживанія, которыя оставили въ душѣ поэта-участника войны такой неизгладимый слѣдъ.

С. С. Лисовскій. Польская литература, исторія и древности въ 1912—1913 гг. Библиографія. Пгр. 1915. Стр. 302. Ц. не обозн.

Дм. Найгородовъ. Пѣз родной природы. Хрестоматія для чтенія въ школахъ и семьѣ. Ч. I. Изданіе пятое, т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Пгр. 1915. Стр. 262. Ц. 1 р. 30 к.

Н. Ниселевъ. Скрещенные мечи. Рассказы. Изданіе «Лукоморье». Пгр. 1915. Стр. 197. Ц. 1 р. 25 к.

Н. В. Колесниковъ. Техника и искусство современной войны. Казань. 1915. Стр. 195+40. Ц. 2 р. 50 к.

Книга Н. В. Колесникова въ общедоступной формѣ знакомитъ съ современной постановкой военнаго дѣла и выясняетъ чисто спеціальныя могущественныя элементы и факторы современной войны. Для военныхъ эта книга можетъ служить въ качествѣ надежнаго справочника, а для широкой массы штатскихъ читателей она является хорошимъ пособіемъ въ области военнаго искусства, безъ знанія самыхъ основныхъ положеній котораго невозможно вполнѣ уяснить себѣ то постепенное развертываніе историческихъ событій, о коихъ намъ ежедневно сообщаютъ все новыя и новыя извѣстія газеты.

Дмитрій Савицкій. Пѣсни любви и страданій. Пгр. 1915. Стр. 148. Ц. 2 р.

Я. Колубовскій. Международный съездъ по дѣламъ слѣпыхъ въ Лондонѣ. Изданіе попечительства императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ. Пгр. 1915. Стр. 78. Ц. 50 к.

Я. Н. Колубовскій въ своей новой брошюрѣ знакомитъ съ ходомъ занятій международного съезда по дѣламъ слѣпыхъ въ Лондонѣ, сообщаетъ въ

сжатомъ видѣ содержаніе докладовъ, прочитанныхъ на этомъ съездѣ представителями организацій по дѣлу помощи слѣпымъ въ различныхъ странахъ, и передаетъ свои впечатлѣнія о посѣщеніи имъ союзовъ, обществъ, заведеній и вообще учреждений для слѣпыхъ въ Англии, гдѣ дѣло помощи этимъ несчастнымъ людямъ стоитъ на должной высотѣ. Первоначально названная работа г. Колубовскаго была напечатана въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1915 годъ.

Бельгійскія народныя сказки. Перевелъ А. Н. Гальбинъ. Иллюстраціи С. Ф. Плошинскаго. Пгр. 1915. Стр. 285. Ц. 2 р.

Появленіе настоящей книги нужно горячо привѣтствовать. Наши дѣти должны знать геройскій народъ Бельгій возможно больше, должны познакомиться съ его идеалами и стремленіями, съ его возвышенной поэтической народной словесностью, тѣмъ болѣе, что изданныя нынѣ бельгійскія народныя сказки очень занимательны и читаются съ большимъ интересомъ.

Юрій Слезкинъ. Собраніе сочиненій. Т. III. Повѣсти и рассказы. Изданіе «Лукоморье». Пгр. 1915. Стр. 255. Ц. 1 р. 75 к.

Обзорніе трудовъ по славяновѣдѣнію подъ редакціей В. Н. Бенешевича. 1911 г. Указатель личныхъ именъ. (Приложеніе къ «Извѣстіямъ Отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ»). Пгр. 1915. Стр. LIX. Ц. не обозн.

Обзорніе трудовъ по славяновѣдѣнію. Подъ редакціей В. Н. Бенешевича. 1913 г. Вып. I (до января 1914 г.), 1) Языкознаніе, 2) Чешско-словацкая литература, исторія и древности, 3) Польская литература, исторія и древности. Пгр. 1915. Стр. 302. Ц. 1 р. 50 к.

Христіанскіе праздники. Всестороннее освѣщеніе каждаго изъ великихъ праздниковъ со веѣмъ его богослуженіемъ. Кн. I. Рождество Пресвятыя Богородицы. Изданіе журнала «Проповѣдническій Листокъ» подъ ред. проф. Скабаллановича. Кіевъ. 1915. Стр. IV+134. Ц. не обозн.

Л. С. Стихотворенія. Вып. I. Пгр. 1914. Стр. 95. Ц. 1 р.

Л. Сочава. Стихотворенія. Вып. 2. Пгр. 1915. Стр. 114. Ц. 1 р.

Отчетныя свѣдѣнія о дѣятельности землеустроительныхъ комиссій на 1-е января 1915 года. Изданіе главнаго упра-

вления землеустройству и земледѣлю. Пгр. 1915. Стр. 109. Ц. не обозн. 40

К. Чуковский. Заговорили молчаливые. Томми Аткинсъ на войнѣ. Изданіе т-ва А. Ф. Марксъ. Пгр. 1915. Стр. 178. Ц. 1 р.

И. С. Симоновъ. Изъ исторіи журнала для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній. Пгр. 1914. Стр. 59. Ц. 35 к.

Систематическій указатель статей, напечатанныхъ въ неофициальной части педагогическаго сборника за 50 лѣтъ (1864—1914). Составилъ С. А. Переселенковъ. Пгр. 1915. Стр. X+288. Ц. 1 р. 20 к.

Борисъ Садовской. Лебединые клики. Кн-во бывш. М. В. Попова. Пгр. 1915. Стр. 197. В. 1 р. 25 к.

А. А. Поповъ. Популярныя таблицы по исторіи философіи, составленныя по В. Виндельбанду, кн. С. Н. Трубецкому и др. источникамъ. Ч. I. Древняя и средне-вѣковая философія. (Таблица I и II).— Ч. II. Новая философія отъ Возрожденія до Канта и отъ Канта до Ницше. (Таблица III и IV). Пгр. 1916. Цѣна каждой части 75 к.

В. Молтевъ. Новое солнце (Вѣхи національнаго пробужденія). Картины истекшаго (1905—1915) десятилѣтія. Пьеса въ 5 дѣйствійхъ. Кострома. 1915. Стр. 61. Ц. не обозн.

Матеріалы для исторіи гангутской операціи. Вып. II. Донесенія и письма Петру Великому 1713 и 1714 гг. и шведскому королю Карлу XII 1714 г. Пгр. 1915. Стр. IV+549. Ц. не обозн.

В. И. Рубцовъ. Учебный курсъ новѣйшей русской литературы (40—80 гг. XIX в.). Для средн. учебн. заведеній. Пгр. 1915. Стр. 363. Ц. 1 р. 35 к.

П. Г. Виноградовъ. Очерки по теоріи права. М. 1915. Стр. 153. Ц. 1 р. 50 к.

Труды грузинскаго общества науки, искусства и литературы. Выпускъ I. Н. В. Романовская. Грузинская царица Тамара и ея время. М. 1915. Стр. 35. Ц. 35 к.

Новое общество весьма удачно де-
батируетъ съ біографіей популярной
и поэтической грузинской царицы.

Г-жа Романовская даетъ живой и ин-
тересный очеркъ біографіи Тамары, со-
ставленный по авторитетнымъ пособіямъ

Основы латинскаго языка въ популяр-
номъ изложеніи. Введеніе въ чтеніе рим-
скихъ авторовъ. По образцу книги С. Рей-
нака составилъ С. О. Цыбульскій. Изд.
т-ва М. О. Вольфъ. Пгр.—М. 1915. Стр.
III, 226, XII. Ц. 1 р. 35 к.

Одной изъ причинъ нелюбви уча-
щихся къ латинскому языку является
старинный, схоластическій методъ пре-
подаванія этого предмета, навѣянный
главнымъ образомъ германскими обра-
зами. Предлагаемая книжка построена
по совершенно другому плану; здѣсь
собранъ богатый матеріалъ для того,
чтобы сдѣлать изученіе латыни воз-
можно болѣе живымъ и интереснымъ.
Знанія и опытъ французскаго знамени-
таго ученаго и извѣстнаго русскаго
педагога, значительно передѣлавшаго
книжку примѣнительно къ нашимъ
школамъ, служатъ надежнымъ руча-
тельствомъ въ пользу успѣха руко-
водства.

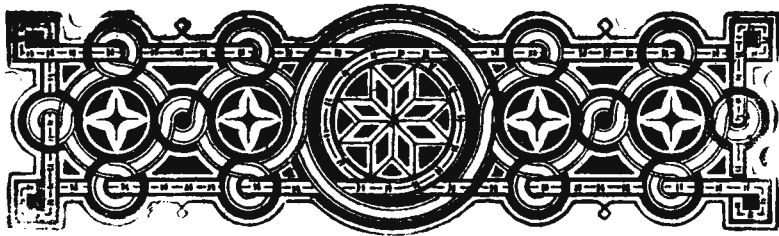
П. А. Гнѣдичъ. Матеріалы по народной
словесности Полтавской губерніи. Ро-
менскій уѣздъ. Вып. II. Часть I. Пѣсни
необрядовыя. Изданіе полтавской ученой
архивной комиссіи. Полтава. 1915. Стр.
IX+224. Ц. за обѣ части II вып. 1 р. 20 к.

Георгій Гурвичъ. «Правда воли монар-
шей» Θεофана Прокоповича и ея западно-
европейскіе источники. Подъ редакціей
и съ предисловіемъ проф. Θ. В. Тарнов-
скаго. Юрьевъ. 1915. Стр. IX+III.
Ц. 70 к.

Н. Яницкій. Экономическіи кризисъ въ
Новгородской области XVI вѣка. (По
писцовымъ книгамъ). Сборники студенч.
историко-этнографическаго кружка при
императ. у-тѣ Св. Владимира подъ ру-
ководствомъ проф. М. Д. Довнаръ-За-
польскаго. Вып. VI. Кіевъ. 1915. Стр.
VIII+235. Ц. не обозн.

В. А. Алексѣевъ. Письма Н. П. Ломо-
носова консулу Θ. А. Бакунину о средне-
азиатскихъ дѣлахъ. Пгр. 1914. Ц. 40 к.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

орода во Франціи теперь и прежде. — Какъ извѣстно, французы съ начала войны называютъ пѣмцевъ не иначе, какъ «бошами» (bosche), а своихъ солдатъ poilus (волосатыми или бородатыми). По этому поводу нѣкто Даниэль Кальдинъ написалъ въ «Chronique Medicale» цѣлое изслѣдованіе о бородѣ во Франціи, изъ котораго газета «Le Temps» дѣлаетъ любопытное извлеченіе. Съ древнѣйшихъ временъ борьба считалась признакомъ особой храбрости и силы. Такъ, въ античномъ мірѣ греки не могли себя представить героя иначе, какъ съ бородой. Спартанцы обрѣзали бороду трусамъ, бѣжавшимъ съ поля сраженія. Бороду носили и римляне болѣе ранней эпохи. У галловъ бороду обязательно носили друиды. Черная или бѣлокурая борода считалась признакомъ силы, сѣдая — признакомъ мудрости и жизненной опытности.

Мода на бороду пережила, однако, немало колебаній. Въ одиѣ эпохи она являлась какъ бы свидѣтельствомъ высокаго общественнаго положенія, въ другія — признакомъ безчестія и рабства, и послѣ цѣлыхъ вѣковъ презрѣнія къ себѣ вновь заявляла свое право на уваженіе съ тѣмъ, чтобы потомъ опять его лишиться и т. д.

Что касается міра чисто латинскаго, то такія колебанія случались тутъ довольно часто и трудно объяснить себѣ ихъ причину. Галлы, какъ извѣстно, брили себѣ подбородокъ и щеки и носили длинные усы, говорятъ, только для того, чтобы отличаться отъ римлянъ. Эти послѣдніе съ незапамятныхъ временъ носили бороду, но въ послѣдніе годы республики измѣнили этому обыкновенію. Сципіонъ Африканскій ввелъ въ моду бритыя фізіономіи. Франты тотчасъ же послѣдовали этому примѣру. Вскорѣ было издано официальное распо-

ряженіе, чтобы непременно брились все граждане въ возрастѣ отъ двадцати до сорока девяти лѣтъ. Тѣ, которые перешагнули этотъ возрастъ, наоборотъ, должны были носить бороду.

Около 120 года нашей эры императоръ Адрианъ, замѣтивъ, что на его подбородкѣ образовались рубцы, рѣшилъ скрыть этотъ недостатокъ и отказался отъ бритвы. Черезъ недѣлю-другую все порядочные люди въ имперіи ходили бородатыми, какъ самъ Нептунъ. Такъ шло нѣсколько столѣтій, пока опять не наступила мода на бритые подбородки. Преждевременно вздумалъ было ввести эту моду французскій король Людовикъ VII. Возвращаясь, не особенно побѣдоносно, изъ крестоваго похода, этотъ неудачливый государь, желая пококетничать съ своей супругой Элеонорой Гіеннъской, вздумалъ сбрить себѣ бороду, которая за время его пребыванія въ странѣ невѣрныхъ приобрѣла довольно неряшливый видъ. Элеонора, оскорбленная такимъ нарушеніемъ добрыхъ нравовъ, объявила, что она въ ужасѣ отъ бритой фисіономіи своего супруга, что она выходила замужъ за короля, а не за монаха. Въ концѣ концовъ она добилась развода, и Людовикъ VII потерялъ вслѣдствіе своего неумѣстнаго кокетства не только жену, но и богатое приданое, которое она съ собой принесла— Гіеннь, Гасконь и другія земли. Хуже всего было то, что мстительная Элеонора вскорѣ вышла замужъ вторично за англійскаго короля, Генриха Плантагенета, который, такимъ образомъ, оказался обладателемъ четвертой части всей Франціи. Это привело обѣ страны къ Столѣтней войнѣ.

Такимъ образомъ, Людовикъ VII успѣлъ уже умереть, сошли въ могилу даже его правнуки, а французы и англичане все еще продолжали воевать потому, что онъ когда-то не въ добрый часъ сбрilъ себѣ бороду.

Мода, введенная было Людовикомъ VII, скоро потеряла свою силу. Послѣ взятія Константинополя турками стало считаться признакомъ хорошаго тона носить бороду, и притомъ возможно болѣе длинную. Даже сами папы, изъ которыхъ ни одинъ не носилъ бороды за цѣлыя семь столѣтій, не могли противостоять этому повѣтрію, и Юлій II, напримѣръ, могъ соперничать бородою съ самимъ Моисеемъ, какъ его изобразилъ Микель-Анджелло.

Короли изъ дома Валуа все носили бороду. Когда на престолъ вошелъ десятилѣтній Людовикъ XIII, придворные рѣшили, что было бы неприлично щеголять бородой, разъ ея нѣтъ у короля, и вотъ, послѣ двухсотлѣтняго покоя, все бритвы опять пришли въ движеніе. Взятіе Бастиліи и эпоха террора не измѣнили этого историческаго направленія, и подбородки попрежнему продолжали оставаться гладкими. Нужно было разразиться революціи 1830 г., чтобы борода появилась опять. Но теперь она приобрѣла уже символическій характеръ, украшая людей республиканскаго образа мыслей. При Наполеонѣ на сцену является введенная императоромъ эспаньолка—символь бонапартизма и милитаризма. Катастрофа 1870 года положила конецъ всемъ этимъ символамъ и рядомъ съ свободой политической ввела настоящую анархію въ ношеніи бороды.

— Кто былъ Кантъ.—Въ связи съ занятіемъ германцами литовскаго края, въ Парижѣ сталъ издаваться особый журналъ «Pro Lithuania», посвященный защитѣ литовскаго народа и литовской культуры. Въ одномъ

изъ номеровъ этого журнала напечатана любопытная статья на тему: «Быль ли Кантъ нѣмцемъ?»

Въ біографическихъ словаряхъ обыкновенно говорится, что знаменитый философъ Эмануиль Кантъ родился въ Кенигсбергѣ и былъ шотландскаго происхожденія. Его отецъ занимался приготовленіемъ сѣделъ и т. д. Статья доказываетъ, что Кантъ, столь рѣзко осуждавшій милитаризмъ и вообще обнаруживавшій въ себѣ мало нѣмецкаго духа, былъ вовсе не нѣмецъ, а литовець.

«Въ 1667 году,—говоритъ авторъ статьи,—прадѣдъ Канта, Рихардъ Кантъ, жилъ въ Верденѣ, гдѣ содержалъ кофейню. Его сынъ Гансъ, наслѣдовавшій дѣло послѣ отца, переселился сначала въ Мемель, потомъ въ Тильзитъ. Его сынъ—отецъ будущаго философа—былъ шорникомъ и имѣлъ лавку въ Кенигсбергѣ, гдѣ и родился Эмануиль Кантъ.

Такимъ образомъ ясно, что три поколѣнія, предшествующія появленію Канта, жили въ Восточной Пруссіи, гдѣ 80% населенія составляютъ литовцы, и совершенно невѣроятно, чтобы онъ былъ чистокровнымъ нѣмцемъ.

На литовское происхожденіе Канта указываютъ, по мнѣнію журнала, самое его имя. Слово Kant—литовскаго корня. Kantus, Kantia по-литовски значить «терпѣливый», «терпѣніе». Производныя слова отъ этого корня до сихъ поръ можно слышать въ окрестностяхъ Мемеля очень часто, особенно въ названіи мѣстныхъ деревень и урочищъ.

Въ 1760 году въ Кенигсбергѣ вышла грамматика литовскаго языка, составленная нѣкимъ Мильке, и Кантъ написалъ къ ней предисловіе. «Красота литовскаго языка,—писалъ философъ,—и его характерныя особенности являются достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы его сохранить какъ въ церкви, такъ и въ школѣ. Относительно самого литовскаго народа я долженъ сказать, что въ немъ гораздо больше чувства собственнаго достоинства, чѣмъ у его сосѣдей» (т.-е. стало быть, нѣмцевъ).

Все предисловіе написано въ такомъ же духѣ. Оно, во-первыхъ, доказываетъ, что Кантъ прекрасно зналъ этотъ языкъ, а, во-вторыхъ, свидѣтельствуетъ о его симпатіяхъ къ литовцамъ, которыми нѣмцы никогда не отличались.

Самый складъ ума Канта, обнаружившійся въ его философіи, нисколько не похожъ на нѣмецкій, и вопросъ о не нѣмецкомъ происхожденіи Канта поднимался еще въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія и въ нѣмецкой наукѣ, но, конечно, быстро былъ снятъ со столбцовъ газетъ и журналовъ.

— В а л ь т е р ь - С к о т т ь о п р у с с а к а х ь ¹⁾.—Никто, даже сами нѣмцы не могутъ заподозрѣть знаменитаго романиста въ томъ, что онъ невѣрно передастъ то, чему онъ былъ свидѣтелемъ. Немногіе обладаютъ такой способностью не только ясно изображать то, что они видѣли, но и вызывать въ читателѣ ощущение полной достовѣрности описанія. Если извлечь изъ переписки Вальтеръ-Скотта мѣста, гдѣ онъ говоритъ о пруссакахъ, то получается впечатлѣніе, что нынѣшніе пруссаки не далеко ушли отъ той грубости, которую

¹⁾ «Spectator», № 4550.

они проявляли и сто лѣтъ тому назадъ, хотя многіе склонны думать, что въ эпоху Гете и Шиллера нѣмецкій народъ былъ совсѣмъ иной.

Какъ извѣстно, битва при Ватерлоо произошла 18-го іюля 1815 года, а въ концѣ іюля Вальтеръ-Скоттъ уже выѣхалъ изъ своего Эдинбурга, чтобы осмотрѣть поле знаменитой битвы и отправиться дальше во Францію, которая его очень интересовала. Пруссаки были въ то время въ союзѣ съ англичанами. Блюхеръ самъ встрѣтилъ его и сильно ухаживалъ за нимъ. Казалось, знаменитый писатель и горячій патріотъ долженъ былъ бы чувствовать себя хорошо въ этой средѣ, а между тѣмъ письма его, написанныя подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ, дышатъ глубокимъ недовольствомъ. «Что касается пруссаковъ, пинегъ онъ изъ маленькаго французскаго городка въ Пикардіи, то компанія ихъ кавалеристовъ, столующаяся въ нашей гостиницѣ, истребляетъ все самое лучшее, что у бѣдняковъ осталось, нѣмцы требуютъ для себя лошадей и смѣются хозяину въ лицо, если онъ вздумаетъ предъявить имъ счетъ». «Французы,— читаемъ въ письмѣ изъ Парижа,—покоряются съ печальной учтивостью вымогательствамъ пруссаковъ и вознаграждаютъ себя на счетъ англичанъ, которымъ приходится платить втридорога. Пруссаки доводятъ здѣсь до крайности свою сверхъестественную способность пить и ѣсть. Сухощавый прусскій молодецъ, за которымъ я однажды наблюдалъ, съѣлъ за одинъ день столько же, сколько могутъ съѣсть три англійскихъ пахаря. Аппетитъ этого молодца положительно напоминаетъ восточную сказку о челоуѣкѣ, котораго вытащили изъ моря и который потомъ пожралъ на кораблѣ весь запасъ провизіи. Ненужное разрушеніе, которое пруссаки оставляютъ послѣ себя, дѣлаетъ ихъ присутствіе особенно непріятнымъ. Всѣ замки, въ которыхъ останавливались пруссаки, были ограблены ими дочиста. Въ прекрасномъ замкѣ Монмаранси дивныя залы, богато украшенныя золотомъ и рѣзбою, были превращены ими въ казармы для гусаръ, самыхъ дикихъ и грязныхъ, какихъ только мнѣ приходилось видѣть. Вообразите, что эти люди сдѣлали съ бархатной обивкой и тонкими кружевными занавѣсами! Я самъ видѣлъ, какъ одинъ изъ этихъ уродовъ кипятилъ свой походный котелокъ на кострѣ изъ обломковъ дорогой рамы отъ картины. Сама картина была, кажется, увезена въ Пруссію».

Далѣе Вальтеръ-Скоттъ передаетъ маленькій эпизодъ, рисующій отношеніе Блюхера къ населенію занятыхъ нѣмцами мѣстностей. «Во время одной изъ прогулокъ дамы сильно устали, и одинъ изъ молодыхъ дипломатовъ, состоявшихъ въ распоряженіи лорда Кестльри, былъ отправленъ въ ближайшую деревню, чтобы привести оттуда нѣсколькихъ ословъ. Скоро, однако, дипломатъ вернулся одинъ и объявилъ, что жители деревеньки запросили такую цѣну, что онъ не можетъ согласиться на этотъ грабежъ. Блюхеръ, не говоря ни слова, кивнулъ одному изъ адъютантовъ. Черезъ нѣсколько минутъ показалось цѣлое стадо ословъ, которыхъ гнали прусскіе гусары. За ними плелось съ плачемъ все населеніе непокорной деревеньки».

Въ одномъ изъ писемъ Вальтеръ-Скоттъ, со словъ очевидца, рассказываетъ, какъ послѣ битвы при Ватерлоо пруссаки преслѣдовали разбитыхъ и бѣгущихъ французовъ. Подъ предлогомъ, будто нѣсколько дней тому назадъ французы добывали раненыхъ нѣмцевъ, ихъ легкая кавалерія избивала солдатъ Напо-

леона безъ всякой жалости и пощады. Слѣдуя за пруссаками до самаго Парижа, знаменитый романистъ рассказываетъ далѣе, съ какимъ сочувствіемъ относились къ англичанамъ жители Валансьена и какъ они проклинали нѣмцевъ, когда тѣ заняли ихъ городъ.

Трагическое нерѣдко чередуется въ жизни съ комическимъ. «Однажды,— пишетъ Вальтеръ-Скоттъ,— французскіе крестьяне, везшіе хлѣбъ, встрѣтились съ отрядомъ пруссаковъ. Дорога была тѣсная, и крестьяне стали очищать нѣмцамъ путь. Убѣдившись, что никто изъ нихъ не понимаетъ по-французски, крестьяне принялись ругать нѣмцевъ вслухъ, осыпая ихъ такими названіями, какъ *voleurs* (воры), *coquins* (мошенники), *brigands* (разбойники) и т. п. А нѣмцы, не понимая этихъ восклицаній и видя, что крестьяне очищаютъ для нихъ путь, приговаривали съ важнымъ видомъ: «*Das ist gut—sehr wohl*» (прекрасно, превосходно).

«Когда нашъ путь шелъ вдоль прусскихъ линій,— пишетъ Вальтеръ-Скоттъ,— мы встрѣчали однѣ лишь разоренныя деревни. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жители бѣжали отъ нѣмцевъ въ лѣса, а въ деревняхъ оставались лишь старики и старухи, просившіе у насъ милостыню. Такъ какъ крестьяне, убѣгая, запирали свои дома, то нѣмцы почти всегда взламывали замки, стрѣлая въ замочную скважину изъ ружья. Почти всегда они выламывали двери, разбивали окна, разрушали мебель, а иногда и сжигали самый домъ»,—то есть дѣлали то, что они продолжаютъ дѣлать и въ наше время.

— П р и к л ю ч е н і я а м е р и к а н к и в ъ Г е р м а н и и.— Въ газетѣ «*Le Temps*» напечатанъ рядъ статей, въ которыхъ рассказывается о томъ, какъ одна американка вздумала съѣздить по дѣламъ изъ Швейцаріи въ Берлинъ и что изъ этого вышло. Рассказъ миссисъ Дербанъ приподнимаетъ завѣсу надъ тѣмъ, что дѣлается теперь въ Германіи, и потому мы считаемъ небезынтереснымъ привести его съ нѣкоторыми несущественными сокращеніями.

«Что вы будете дѣлать на этой катергѣ?» писала мнѣ одна швейцарка, вышедшая замужъ за нѣмца, узнавъ, что я собираюсь въ Германію,— **начинаетъ свой рассказъ эта отважная женщина.**— Путешествіе не особенно улыбалось мнѣ, но были спѣшныя дѣла. Мои берлинскія знакомства, знаніе мною нѣмецкаго языка и моя американская національность давали мнѣ, казалось, достаточныя гарантіи. Въ германскомъ консульствѣ мой паспортъ былъ визированъ безъ всякихъ препятствій и никакихъ вопросовъ мнѣ не предлагали.

Изъ гостиницы я выѣхала въ семь часовъ утра. Желѣзнодорожная станція, обыкновенно столь оживленная, была безлюдна и закрыта. Было холодно и угрюмо.

Минуть черезъ двадцать мой извозчикъ остановился. Германская граница. Далѣе путь былъ загражденъ столбами. Налѣво—какой-то домъ, окруженный и внутри биткомъ набитый германскими солдатами. При видѣ ихъ остроконечныхъ касокъ мною овладѣло такое тяжелое чувство, что я готова была повернуть обратно, но мой багажъ уже лежалъ на таможенномъ прилавкѣ. Прежде въ нѣмецкихъ таможахъ спрашивали: «Не имѣете ли чего-нибудь запрещеннаго?» Теперь спрашиваютъ: «Что у васъ есть запрещеннаго?» Разница очень важная для характеристики современнаго настроенія нѣмцевъ.

Вотъ, наконецъ, все перерыто, осмотрѣно, обнюхано. Ничего подозрительнаго. Но съ этого момента всякое дѣйствіе германскихъ властей становится не чѣмъ инымъ, какъ «предупредительной мѣрой».

Послѣ долгаго ожиданія попадаю наконецъ въ маленькую комнатку, набитую солдатами, и предъявляю свой паспортъ—Какой-то чиновникъ съ ушами въ видѣ вѣера требуетъ отъ меня письменнаго объясненія о цѣляхъ моего путешествія. Отвлеченная созерцаніемъ этой *Ohrfeigengesicht* (физиономіи, напрашивающейся на пощечину), я не слышу его, за что получаю грубый окрикъ. Я предъявляю два письма изъ Берлина и вхожу въ сосѣдную комнату, гдѣ какой-то офицеръ уже держитъ въ рукахъ мой паспортъ, водя пальцами по страницѣ какой-то огромной книги.

Лейтенанту извѣстно все: онъ знаетъ мою дѣвичью фамилію, знаетъ мой литературный псевдонимъ, знаетъ, что я издаю феминистскій журналъ, что раньше я была шанисткой. Ему извѣстно, что столько-то лѣтъ я была въ Парижѣ и столько-то времени я жила въ Брюсселѣ. Пораженная его знаніями, я спросила, не извѣстно ли ему и то, какія кушанья мнѣ нравятся и какіе я предпочитаю цвѣта.

— Здѣсь не мѣсто для шутокъ,—отвѣчалъ лейтенантъ.—*Gnädige Frau*, я имѣю приказъ арестовать васъ.

— За что?

— Не знаю.

Меня увѣряли, что въ Германіи все совершается въ тайнѣ, ибо никто не знаетъ. И это дѣйствительно такъ. Разъ данъ приказъ—всѣ преклоняются передъ нимъ, не доискиваясь его причины.

Лейтенантъ позвалъ нижняго чина. Бросилось человѣкъ десять. Опять появился мой багажъ. Опять начался тщательный осмотръ. Внимательно изслѣдовали подкладку моихъ платьевъ, поддержали надъ свѣчей мои бумаги, не обнаружатся ли на нихъ магическія чернила,—ничего подозрительнаго. Вдругъ тревога. На днѣ чемодана подъ бумагой оказываются гвоздикъ и головная шпилька. Ихъ вынимаютъ съ тысячами предосторожностей и присоединяютъ къ маленькому календарю, подозрительному потому, что противъ нѣкоторыхъ дней въ немъ стоитъ N.

Послѣ этого приступаютъ къ обыску. Является какая-то женщина. Она такъ удивилась моей худобѣ, что чуть было не забыла своихъ обязанностей. На ея просьбу указать ей средство отъ полноты я говорю ей: «Не пейте пива».

— И такъ не придется больше пить,—отвѣчаетъ она, тяжело вздохнувъ и потупивъ глаза.

Является лейтенантъ.

— Скажите, пожалуйста, какое преступленіе вы совершили противъ Германской имперіи?—спрашиваетъ онъ.

— Можетъ быть, вы будете любезны сами сказать мнѣ это.

— Я этого не знаю. Но вы, очевидно, совершили какое-то преступленіе. Мнѣ приказано доставить васъ въ Леррахъ, куда васъ повезетъ солдатъ.

Носильщикъ беретъ мои чемоданы, и мы—по другой сторонѣ баррикады, на печальной и пустынной дорогѣ. Сопровождающій меня солдатъ очень доброду-

шень. Это сорокatreхлѣтній ландштурмисть, у котораго жена и пятеро малолѣтнихъ дѣтей. Онъ пропускаетъ впередъ носильщика и тихонько сообщаетъ мнѣ, что я шестьдесятъ четвертая, которую онъ ведетъ въ Леррахъ.

— А вѣдь насъ много! Не знаютъ, куда и помѣщать арестованныхъ. Женщины,—продолжаетъ онъ урывками, безпрестанно оглядываясь,—женщины въ отчаяніи и плачутъ. Если вы заплачете—вы погибли! Nur nicht weinen! Nur nicht weinen!

Вдругъ, спохватившись, онъ прибавилъ:

— Ни слова! Вездѣ измѣна!

Вездѣ измѣна! Вотъ теперешній режимъ въ Германіи. Нѣтъ никого—ни отца, ни матери, ни сестеръ, ни жены, кому можно было бы довѣрять. Каждое слово здѣсь обдуманно и взвѣшено. Если у кого-нибудь случайно вырвется вздохъ или восклицаніе, люди съ безпокойствомъ останавливаются, озираются и стараются разсѣять впечатлѣніе какими-нибудь смягчающими эффектъ словами.

Въ Леррахъ, памятно, конечно, всѣмъ, кто объявленъ въ Германіи «нежелательнымъ», меня ведутъ въ высшее военное управленіе. Довольно долго приходится ждать въ пріемной, гдѣ спуютъ во всѣхъ направленіяхъ озабоченные солдаты. Мой бѣдный ландштурмисть то и дѣло «беретъ на караулъ». Въ короткіе промежутки времени онъ шепчетъ мнѣ откровенныя слова. Но стоитъ послышаться шуму, какъ онъ мгновенно превращается въ столбъ.

— Плохо ваше дѣло,—шепчетъ онъ черезъ четверть часа.—Иначе насъ давно уже послали бы въ Оттербахъ.

Наконецъ меня приводятъ опять къ какому-то лейтенанту, который принимаетъ меня съ изысканной любезностью. «Съ дамами мы всегда любезны», шепчутъ всѣ кругомъ. Лейтенантъ проситъ подтвердить тѣ свѣдѣнія обо мнѣ, которыя у него имѣются.

— Для чего вы ѣдете?

— Чтобы переговорить съ берлинскимъ издателемъ о новомъ изданіи моихъ нотъ для фортепіано и заключить контрактъ на новое изданіе сочиненія моего мужа о скрипкѣ.

— Вы говорите о книгѣ вашего мужа о техникѣ смычка, которая выходитъ вторымъ изданіемъ?

Однако... Они знаютъ рѣшительно все!

Послѣ строгаго допроса я прошу разрѣшенія послать телеграмму американскому консулу въ Бернѣ.

— Американскій консулъ тутъ ничего не можетъ сдѣлать,—отвѣчаетъ лейтенантъ.—Нейтральные для насъ не существуютъ. Кто не съ нами, тотъ противъ насъ. Идите въ пріемную, пока не будетъ полученъ отвѣтъ по телефону изъ Линдау.

Въетъ двѣнадцать часовъ, и мнѣ разрѣшаютъ отправиться позавтракать въ ресторанъ съ тѣмъ, чтобы явиться опять къ двумъ часамъ.

Мой ландштурмисть исчезъ, но зато мнѣ по дорогѣ попадаетъ какъ бы случайно нѣсколько разъ какой-то штатскій.

Въ залѣ ресторана одни мужчины. На всѣхъ стѣнахъ висятъ огромные портреты Гинденбурга. Открываю иллюстрированные журналы: открытіе въ Берлинѣ

памятника Гинденбургу столь огромных размѣровъ, что одна голова равняется росту нѣсколькихъ человѣкъ, поставленныхъ другъ на друга. Гинденбургъ и Мекензенъ во всѣхъ позахъ. Потомъ идутъ берлинскія моды... комическое чередуется съ трагическимъ.

Къ завтраку я едва притрогиваюсь: онъ состоитъ главнымъ образомъ изъ бычьяго жира и маринованныхъ вишенъ. Хлѣба получить невозможно: у меня нѣтъ Brodkarte.

Выходя изъ ресторана, опять встрѣчаю своего штатскаго. На окнахъ писчебумажныхъ магазиновъ безраздѣльно царить все тотъ же Гинденбургъ. Въ магазинахъ готоваго платья дѣтскіе костюмы—походнаго цвѣта и по военному образцу. Всюду солдаты на костыляхъ. Никакого «не поддающагося описанію» энтузіазма, какъ трубятъ нѣмецкія газеты, въ нихъ незамѣтно.

Возвращаюсь въ высшее военное управленіе, но со мною нѣтъ солдата и меня не пропускаютъ туда. Иду гулять въ небольшой садъ съ знаменитыми корзинами для отбросовъ. Едва я хочу сѣсть на скамейку, какъ около меня мой вѣчный спутникъ, штатскій.

— Я долженъ вамъ сообщить печальное извѣстіе,—говоритъ онъ.—Я только что получилъ приказъ отправить васъ въ тюрьму. Завтра васъ препроводятъ въ Линдау.

Тюрьма полнехонька. Дочь тюремщика ходитъ со мной изъ этажа въ этажъ. Вотъ, наконецъ, свободная камера.

На двери этой камеры какой-то заключенный вырѣзалъ надпись: «Brüder, lasst den Mut nicht sinken» (Братцы, не падайте духомъ). Въ теченіе восемнадцати часовъ, которые мнѣ пришлось провести въ этой камерѣ, я часто вспоминала эту надпись...

Въ сосѣдней камерѣ кто-то кашляетъ черезъ равномѣрные промежутки. Становится все холоднѣе и холоднѣе, несмотря на мѣхъ, который я успѣла вынуть изъ чемодана. Около восьми часовъ тюремный сторожъ приноситъ мнѣ одѣяло и отпираетъ кровать, прикрѣпленную на день къ стѣнѣ.

— Въ чемъ вы виноваты?—спрашиваетъ онъ.

— Сама не знаю.

— А я знаю. Вы пріѣхали изъ Женевы! Женева вѣдь въ самомъ разгарѣ войны. Тамъ сосредоточены всѣ французскія войска. О, мы все знаемъ, все.

— А кто это кашляетъ рядомъ?

— Это ...одинъ эльзасецъ... Мейеръ... шпіонъ.

Не очень-то удобны эти тюремныя кровати. Матрасъ какъ деревянный. Темно, хотя глазъ выколи. На дворѣ къ желѣзной рѣшеткѣ то и дѣло бросается съ свирѣпымъ лаемъ собака, настоящій бульдогъ—типъ всей германской расы.

Съ лѣстницы несутся крики: съ кѣмъ-то изъ женщинъ сдѣлался нервный припадокъ, и эта исторія, очевидно, продолжится до утра.

Въ семь часовъ меня будитъ тюремщикъ.

— Auf, fix (сейчасъ вставать!) Въ девять часовъ васъ отправятъ въ Линдау.

При свѣтѣ дня я замѣчаю, что простыни грязны до ужаса. Одѣяло, когда-то желтое, давно стало чернымъ. Въ маленькой лоханкѣ чуть-чуть воды. Ни мыла, ни полотенца.

Голодь начинается порядочно меня мучить. Я замѣчаю маленькій кусочекъ хлѣба, который вчера мнѣ принесъ тюремщикъ и который я не взяла вслѣдствіе его отвратительнаго запаха. Теперь я не такъ разборчива. Но за ночь хлѣбъ совсѣмъ высохъ. Изъ всѣхъ силъ стараюсь его разломать. Но это невозможно, даже если помочить его въ лоханкѣ съ водой.

Въ половинѣ девятаго является тюремщикъ.

— Какъ! вы еще не убрали камеру? Какая лѣнь! Складывайте сейчасъ же простыни и одѣяло. Ужъ не хотите ли вы, чтобы я убиралъ за вами самъ?

Мною овладѣваетъ неудержимый смѣхъ.

Въ конторѣ тюрьмы меня уже ожидаетъ мой штатскій. Ему-то и поручено «препроводить» меня въ Линдау.

На станціи Леррахъ. Я отказываюсь покупать себѣ билетъ въ Линдау. Мой штатскій неохотно раскошеляется. Что же касается моего багажа, который доставленъ сюда по распоряженію военнаго управленія, то платить за него приходится мнѣ во избѣжаніе его задержки въ Леррахъ.

Нѣмцы бываютъ только двухъ родовъ: испуганные или обнаглѣвшіе. Средины между ними нѣтъ. Въ коридорѣ вагона я вижу одни угрюмыя лица: это ихъ нѣмецкая природа. Съ нахмуренными бровями и опущенными углами рта они монотонно ведутъ разговоры, но не о войнѣ. Съ радостью я узнаю, что въ поѣздѣ есть вагонъ-ресторанъ. Бросаюсь туда и натываюсь на *verboten* (запрещено). Теперь десять часовъ утра, и, стало быть, раньше десяти часовъ вечера перекусить не удастся!

Въ Фрибургѣ въ Бризгау на набережной множество солдатъ и перевязочныхъ пунктовъ, около которыхъ стоятъ сестры милосердія, вытянувшись, словно часовые. Всюду виднѣется Красный Крестъ, раздается военная команда.

Поѣздъ вступаетъ наконецъ въ такъ называемую «Адскую долину». Вагоны набиты какими-то дѣвками, ѣдущими на экскурсію. Онѣ всѣ безъ шляпъ. Теперь это мода въ Германіи: дѣвочки жертвуютъ для войны своими шляпами, а мальчики—башмаками. Экономія и солидарность. Мужчинъ въ возрастѣ отъ семнадцати до пятидесяти лѣтъ совсѣмъ не видно. Какая-то молодая женщина говоритъ монотоннымъ голосомъ своей подругѣ: «Какой чудесный видъ! Всѣ страны завидуютъ нашему Шварцвальду!»

— Должно быть, изъ-за этого Франція и объявила войну Германіи,— сказала я.

— Совершенно вѣрно,—отвѣчала моя собесѣдница самымъ убѣжденнымъ тономъ.

На каждой станціи новыя толпы пассажировъ—все такихъ же безобразныхъ и грубыхъ. Ихъ шляпы и туалеты просто карикатурны. Дѣти тупы и пугливы. Когда входитъ контролеръ и осматриваетъ всю толпу инквизиторскимъ взглядомъ, они съеживаются и перестаютъ дышать. Рабство полное—и всякій вполне зависить отъ того, кто стоитъ выше его.

Какой-то господинъ рассказываетъ, что его сынъ получилъ пятую рану и на этотъ разъ послѣднюю, ибо она оказалась смертельной,—и глупо смѣется, содрогаясь тройнымъ подбородкомъ.

Мой штатскій мало-по-малу становится разговорчивымъ.

— Скажите, пожалуйста, почему это меня въ Леррахъ отпустили на свободу, отъ двѣнадцати до трехъ?

Полицейскій теряется и бормочетъ:

— Право, не знаю.

Но я догадываюсь. Не найдя противъ меня уликъ, нѣмецкія власти вздумали испытать, не сяду ли я въ поѣздъ, который идетъ къ швейцарской границѣ, столь близкой отсюда. Сдѣлай я это, меня обвинили бы въ нарушеніи приказа императора, и этого было бы совершенно достаточно, чтобы меня разстрѣлять.

— Вѣдь вы не открыли противъ меня никакихъ уликъ. Зачѣмъ же было посылать меня такъ далеко?—спрашиваю я, пристально глядя на полицейскаго.

Тотъ колеблется и бормочетъ: «Ахъ, если бы можно было говорить!»

Все время только и слышишь эту фразу: «Если бы въ Германіи можно было говорить!» Но Германія не заговоритъ и будетъ молчать, хотя бы самъ императоръ приказалъ ей говорить,—молчать по привычкѣ.

Въ Линдау мы прибыли въ воскресенье. Мой провожатый въ ярости: ему велѣно «доставить» меня, а всѣ присутственныя мѣста закрыты. Наконецъ мы находимъ какого-то лейтенанта, который тихо отдаетъ моему спутнику приказаніе, и мы опять отправляемся.

— Куда мы идемъ?!

— Въ тюрьму.

Тюрьма въ Линдау помѣщается въ новомъ зданіи съ покрытыми сыростью стѣнами. Тюремщикъ принимаетъ отъ меня вещи, считаетъ и пересчитываетъ мои деньги. Я энергично требую, чтобы мнѣ дали чего-нибудь поѣсть. Вопреки моимъ ожиданіямъ, онъ предлагаетъ мнѣ потребовать изъ ресторана, что мнѣ угодно, и ведетъ меня въ камеру, холодную и сырую, какъ погребъ. Черезъ часъ онъ возвращается съ кускомъ мяса. Потомъ онъ запираетъ дверь и оставляетъ меня въ абсолютной темнотѣ.

Десять часовъ. Вдали слышенъ хоръ мужчинъ, которые поютъ «Deutschland über Alles». Глухо звучатъ шаги какого-то прохожаго. Я ошупью отыскиваю свой кусокъ мяса и разрываю его руками.

Едва я успѣваю заснуть, какъ цѣлый потокъ свѣта бьетъ мнѣ прямо въ глаза. Около меня стоитъ тюремщикъ съ лампой и кричитъ: «Вставайте! Черезъ четверть часа вы отправляетесь!»

Нѣсколько минутъ спустя онъ возвращается и кричитъ: «Маршъ!»

Наскоро собираю свои вещи и спускаюсь внизъ въ тюремную контору.

Тамъ меня уже ждетъ фельдфебель. Тюремщикъ передаетъ мнѣ деньги и получаетъ отъ меня расписку. Я считаю деньги по-англійски.

— Здѣсь нельзя говорить по-англійски,—ворчитъ тюремщикъ и, почтительно наклоняясь къ фельдфебелю, прибавляетъ:—Hiddekk!

— Hiddekk!—отвѣчаетъ фельдфебель.

Это «Hiddekk» замѣнило теперь устарѣвшее «Gott strafe England». Теперешняя магическая формула составила изъ первыхъ буквъ слѣдующихъ словъ: Hauptsache ist, das die Engländer Keile kriegen»,—т.-е. главное дѣло въ томъ, чтобы англичане получили взбучку.

Уплативъ за вчерашнее мясо, я сунула остальные деньги въ ридикюль. Оба цербера переглянулись, тяжело вздохнувъ.

— Сколько денегъ! Какая несправедливость!—пробормотала одинъ изъ нихъ.

«Бѣдняжки! Денегъ они, видимо, давно уже не видали у себя».

— Куда же мы теперь поѣдемъ?

— Въ Мюнхенъ.

Дѣло принимало серьезный оборотъ.

На станціи отказываюсь покупать себѣ билетъ. Но у фельдфебеля сейчасъ нѣтъ денегъ, а слѣдующаго поѣзда не будетъ до пяти часовъ вечера. Придется опять вести меня въ тюрьму.

— Заплатите, а потомъ потребуете обратно,—совѣтуетъ онъ.

Въ нашемъ отдѣленіи много унтеръ-офицеровъ и солдатъ. Всѣ смотрять на «арестантку» съ какимъ-то уваженіемъ. Въ Германіи всегда относятся съ уваженіемъ ко всякому, кто хорошо одѣтъ. Фельдфебель не отходитъ отъ меня ни на шагъ и внимательно слѣдитъ за каждымъ моимъ жестомъ. Насъ вознаграждаетъ какая-то дама, ѣдущая на похороны своего сына, умершаго въ одномъ изъ мюнхенскихъ лазаретовъ. Она рассказываетъ такія веселыя вещи, что солдаты грохочутъ и пассажиры собираются изъ другихъ отдѣленій, чтобы развлечься въ этой веселой компаніи.

Въ восемь часовъ утра мы прибываемъ въ Мюнхенъ. На улицахъ уже началось движеніе. Мы отправляемся въ главную комендатуру. Это настоящій лабиринтъ. Вездѣ солдаты, указывающіе дорогу. Безконечные коридоры съ дверьми, надъ которыми висятъ нумера.

Мы входимъ въ одну изъ комнатъ, гдѣ работало нѣсколько офицеровъ. Всѣ сейчасъ же почували «француженку». Прождавъ стоя съ четверть часа, я замѣтила огромный умывальникъ, соответствующій по размѣрамъ саженному росту баварскихъ офицеровъ, и смѣло усѣлась на немъ. Всѣ въ ужасѣ. Въ дверяхъ показывается капитанъ,—все передъ нимъ трепещетъ,—высокій и прямой, какъ палка.

— Въ чемъ васъ обвиняютъ?—спрашиваетъ онъ.

— Вы сами это должны знать. А если не знаете, постарайтесь разузнать. Мнѣ эта шутка наконецъ надоѣла.

Капитанъ уходитъ въ свой кабинетъ. Всѣ смотрять на меня съ удивленіемъ: никогда еще они не слыхали, чтобы кто-нибудь говорилъ такъ съ ихъ капитаномъ.

— Надо встать, когда съ вами говоритъ г. капитанъ,—шепчетъ мнѣ фельдфебель.

— Это нужно вамъ, а не мнѣ,—громко отвѣчаю я.

Фельдфебель блѣднѣетъ и дѣлается, какъ деревянный. Вѣдь офицеры могутъ услышать, что мы разговариваемъ!

Капитанъ нѣсколько разъ зоветъ къ себѣ фельдфебеля, который докладываетъ ему о моихъ подвигахъ. Наконецъ онъ приказываетъ подать себѣ «списокъ». Это огромная книга въ нѣсколько сотъ страницъ, которую солдаты едва-едва поднимаютъ. Сколько тутъ «нежелательныхъ»!

Безпрестанно приходят за справками разные люди. Поразительно, съ какимъ страхомъ относится къ военнымъ эта штатская публика! Голосъ у нихъ такъ дрожить, что нельзя разобрать, въ чемъ дѣло. На чисто вымытомъ полу я замѣчаю множество царпинъ. Это солдаты, безпрестанно становясь во фронтъ, оставляютъ на полу слѣдъ своихъ каблуковъ.

Часа черезъ три капитанъ подходитъ ко мнѣ и объявляетъ:

— Вамъ запрещено путешествовать по Германіи и васъ отправятъ обратно въ Швейцарію.

Убѣдившись, что я не совершила никакого преступленія противъ кайзера и что булава и гвоздь еще недостаточныя улики, чтобы меня разстрѣлять, мой фельдфебель быстро мѣняетъ свое обращеніе со мной. Мы идемъ въ желѣзно-дорожный буфетъ. Пока я вознаграждаю себя впервые за долговременный постъ, мой спутникъ довольствуется стаканомъ пива и маленькой сосиской безъ хлѣба (его хлѣбная карточка, выданная ему въ Линдау, уже не дѣйствительна въ Мюнхенѣ). Мнѣ удается вырвать у него признаніе, что на свое пропитаніе онъ долженъ тратить не болѣе одной марки двадцати пфенниговъ (т.-е. около пятидесяти пяти копеекъ) въ день. Я предлагаю ему съѣсть что-нибудь на мой счетъ.

— Это запрещено,—тяжко вздохнувъ, медленно произносить онъ.

Предлагаю ему нанять экипажъ, чтобы осмотрѣть городъ.

— Это запрещено,—опять повторять онъ.

Отправляемся пѣшкомъ къ казармамъ принца Арнульфа. Около какого-то объявленія стоитъ кучка народа.

— Это объявленіе о призывѣ новобранцевъ,—говоритъ фельдфебель и стремительно увлекаетъ меня прочь.

Удивляюсь, кого еще могутъ призывать! Призванъ даже одинъ изъ моихъ друзей—крупный художникъ, страдающій чахоткой и съ большими предосторожностями сохранявшій свою жизньъ.

Подступы къ казармамъ заняты солдатами, которые дѣлаютъ на караулъ фельдфебелю, но онъ имъ не отвѣчаетъ. Въ Германіи низшихъ вообще не замѣчаютъ. Зато тотъ же фельдфебель вдругъ вытягивается и дѣлается деревяннымъ, стоитъ только показаться лейтенанту.

На дворѣ казармъ стоятъ въ видѣ четырехугольника солдаты.

— Сейчасъ пять тысячъ рекрутовъ будутъ приносить присягу,—поясняетъ мнѣ совсѣмъ забывшій обо мнѣ фельдфебель.—Вотъ принцъ Леопольдъ,—шопотомъ прибавляетъ онъ.

Знаменитый принцъ Леопольдъ, портретами котораго усѣяны всѣ баварскіе журналы, въ двухъ шагахъ отъ меня. Онъ высокаго роста,—всѣ генералы высокаго роста,—съ большою бородой. Видъ у него такой, какъ будто онъ хочетъ сказать. «Это я, побѣдитель при...» Со всѣхъ сторонъ несется гортанная команда. Офицеры проявляютъ такую грубость, которая возмущаетъ меня до глубины души. Дѣлаютъ знакъ приготовиться музыкантамъ. Тѣ испуганно ожидаютъ сигнала. Пароксизмъ сверхъожиданія, какой-то паники свидѣтельствуешь о томъ, что готовится нѣчто необыкновенное. И дѣйствительно, появляется королевскій экипажъ, предшествуемый пике-

ромъ. Ужасающее «Deutschland, Deutschland über Alles» заканчиваетъ этотъ апофеозъ.

Король выходитъ изъ экипажа. Его встрѣчаетъ принцъ Леопольдъ. Въ король нѣтъ ничего воинственнаго и онъ, видимо, присутствуетъ зѣсь по необходимости.

Выступать впередъ какой-то чиновникъ въ шляпѣ съ плюмажемъ и читаетъ текстъ присяги. Разобрать ничего нельзя. Раздается команда снять шапки, и я удивляюсь, какъ медленно дѣлаютъ это баварскіе солдаты.

Король выходитъ впередъ и держитъ рѣчь къ войскамъ. Но ни они, ни я рѣшительно ничего не слышимъ.

Присяга гг. офицеровъ даетъ картину большей активности. Они машутъ саблями и, пожавъ руку королю, впадаютъ въ столбнякъ, словно на нихъ посмотрѣла Медуза.

Пропустивъ войска церемональнымъ маршемъ, король уѣзжаетъ подъ звуки національнаго гимна, а солдаты расходятся по казармамъ. На лицахъ ихъ неизмѣнное выраженіе усталости, страданія и покорности.

— О, мы еще можемъ послать на фронтъ огромное количество солдатъ. Немобилизованныхъ у насъ цѣлый легионъ,—говоритъ мой фельдфебель.

Гдѣ они эти «еще не мобилизованные»? Въ администраціи, можетъ быть, откуда ихъ нельзя взять: администрація у нѣмцевъ поглощаетъ людей едва ли не больше, чѣмъ армія. Нѣмецкая администрація—это тонкая сѣть, которая покрываетъ каждый вершокъ занятой нѣмцами территоріи. Это постоянный спрутъ, щупальцы котораго шевелятся день и ночь.

На обратной дорогѣ въ Линдау я завязываю разговоръ съ австрійскимъ артиллеристомъ, сражавшимся на восточномъ фронтѣ и раненымъ гдѣ-то подъ Варшавой... Несмотря на то, что въ коридорѣ вагона вездѣ висятъ надписи: «Солдаты, вы окружены шпионами», онъ, принимая меня за нѣмку, болтаетъ довольно откровенно. Онъ въ восторгѣ отъ Макензена, который дѣлаетъ все развѣдки самъ. «Сколько разъ русскіе могли бы убить его! Но они никогда ничего не знаютъ!» Потомъ онъ начинаетъ говорить о кронпринцѣ. «Вотъ шикарный малый! Одно его появленіе приводитъ въ трепетъ офицеровъ его полка!»

— Вы довольны, что вы теперь на свободѣ?

— О, еще бы!

Вдругъ онъ спокойно останавливается, бросаетъ бѣглый взглядъ на фельдфебеля, который дѣлаетъ видъ, что дремлетъ, а на самомъ дѣлѣ наблюдаетъ за нами, и медленно говоритъ:

— Да, какъ сказать...

И вдругъ тихонько прибавляетъ:

— Ахъ, если бы можно было говорить!..

Это «ахъ, если бы можно было говорить» преслѣдуетъ васъ въ Германіи всюду.

Линдау. Въ таможенѣ съ полдюжины солдатъ и офицеръ въ остроконечной каскѣ. Настоящій колоссъ съ голубыми глазами и бѣлокурой бородой.

— Если вы вернетесь еще разъ въ Германію,—говоритъ онъ мнѣ:—васъ разстрѣляютъ.

— О, будьте покойны, не вернусь. Я ужъ видѣла довольно.

Непростительная неосторожность! Мой фельдфебель замеръ отъ ужаса. Колоссы, сжавъ кулаки, бросился ко мнѣ, но въ это время раздался крикъ кондуктора: пароходъ отправляется!

Фельдфебель схватываетъ мой багажъ, солдаты отмѣчаютъ что-то въ списокѣ. Сердитый офицеръ сопровождаетъ меня до самаго парохода, чтобы самолично убѣдиться, что такая опасная персона, какъ я, дѣйствительно, уѣхала отъ нихъ.

Я смѣюсь надъ ними: мостикъ парохода поднять, и я уже внѣ ихъ досягаемости...

— Изъ воспоминаній о Дюма. — Въ одной изъ книжекъ «Историческаго Вѣстника» мы привели въ извлеченіи воспоминанія американскаго піаниста Френсиса Грирсона о музыкальномъ Парижѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка. Въ октябрьскомъ номерѣ журнала «Century» напечатано продолженіе этихъ воспоминаній, касающееся на этотъ разъ литературнаго Парижа и главнымъ образомъ Дюма-отца.

«Въ это время,—пишетъ Грирсонъ,—Дюма занималъ прекрасную квартиру на одной изъ новыхъ и лучшихъ улицъ—бульваръ Мальзербъ недалеко отъ церкви св. Магдалины.

Передъ тѣмъ, какъ отправиться къ Дюма, ко мнѣ зашелъ нашъ общій знакомый Делажъ, чтобы предупредить меня, съ кѣмъ мнѣ придется встрѣтиться.

— Мы поѣдемъ къ Дюма не ради музыки, а для того, чтобы ввести васъ въ самый центръ парижской жизни. Вы увидите въ его гостиной многихъ знаменитостей. Онъ съ радостью принимаетъ у себя всякаго талантливаго человѣка, но не будетъ докучать васъ просьбами сыграть на рояли.

Лишь только мы переступили порогъ его гостиной, я сразу почувствовала романтическую атмосферу этого мѣста. Въ центрѣ комнаты сидѣла огромная фигура самого хозяина, наполняя собою все кресло и безпечно поглядывая по сторонамъ. Едва я успѣлъ присмотрѣться къ Дюма, какъ мое вниманіе было привлечено нарисованными на стѣнахъ въ натуральную величину сценами изъ «Фауста» Гуно. Эти картины доминировали надъ всей гостиной и являлись какъ бы символомъ искусства, политики, этики французскаго общества послѣднихъ дней Вѣрой имперіи.

Дюма сидѣлъ словно какой-нибудь бонза въ буддйскомъ храмѣ. Гости стояли около него или рассказывали по гостиной, бесѣдуя другъ съ другомъ или съ хозяиномъ. Знаменитый комикъ изъ театра «Gymnase» соперничалъ въ остроуміи съ трагикомъ изъ Théâtre Français. Бойкій журналистъ бесѣдовалъ съ популярнымъ опернымъ пѣвцомъ. Длинноволосый художникъ въ огромномъ пененѣ уговаривалъ признанную красавицу разрѣшить ему написать ея портретъ. Начинаящая поэтесса и старый драматургъ спорили о новой пьесѣ. Высокая стройная русская дама, вся въ черномъ, тихо скользила по гостиной и, останавливаясь за кресломъ Дюма, клала ему на плечо свою тонкую, изящную руку. Рядомъ съ настоящимъ парижскимъ слышался и нѣмецкій, и итальянскій акцентъ.

Не зная Дюма, никто не принялъ бы его за знаменитаго писателя. Кажалось, что онъ только и дѣлалъ всю свою жизнь, что изобрѣталъ, пробовалъ и приготовлялъ великолѣпныя кушанья. Никто не могъ бы объяснить, когда онъ успѣлъ написать такую массу книгъ. Дюма любилъ все загадочное, весьма убѣжденно говорилъ о месмеризмѣ и магнетизмѣ и увѣрялъ, что жизнь есть не что иное, какъ проявленіе магнетической силы. Его рѣчь была, какъ и онъ самъ, спокойна, небрежна, безъ малѣйшаго волненія. Когда онъ говорилъ, то своимъ взглядомъ и манерами онъ какъ бы хотѣлъ сказать, что ему рѣшительно все равно, вѣрите ли вы ему, или нѣтъ».

Дюма въ то время, когда состоялось его знакомство съ Гриссономъ, почти не интересовался искусствомъ и велъ жизнь свѣтскаго человека, съ удовольствіемъ расширяя кругъ своихъ знакомствъ. На этой почвѣ съ нимъ произошелъ однажды чрезвычайно непріятный случай. Одна изъ знакомыхъ Дюма, нѣкая м-ше Одуаръ, зная страсть романиста къ новымъ знакомствамъ, вздумала познакомить его съ бывшимъ президентомъ республики Гаити, генераломъ Жеффаромъ, настоящимъ негромъ. Съ этою цѣлью она пригласила ихъ обоихъ къ себѣ на обѣдъ. Генералъ пріѣхалъ первымъ. Слѣдомъ за нимъ явился и Дюма. Онъ улыбался и казался въ самомъ лучшемъ настроеніи. Но едва онъ переступилъ порогъ, какъ его взоръ остановился на черномъ лицѣ генерала Жеффара. Дюма вообразилъ, что хозяйка желала намекнуть на его происхожденіе отъ негра и унижить его. Это страшно оскорбило его. Присутствующіе сразу сообразили допущенную безтактность, но было уже поздно. Напрасно хозяйка дѣлала героическія усилія, чтобы разсѣять создавшуюся атмосферу. Напрасны были за обѣдомъ надежды на шампанское, которое должно было поднять настроеніе. Напрасно генералъ Жеффаръ заговаривалъ съ Дюма, касаясь, какъ нарочно, его происхожденія. Писатель отдѣлывался сухими, односложными отвѣтами.

Обѣдъ пришлось окончить какъ можно скорѣе, и Дюма простился съ хозяйкой при первой же возможности.

— Ну, вашъ великій человекъ гораздо болѣе мучать, чѣмъ негръ: онъ ненавидитъ негровъ,—замѣтилъ Жеффаръ послѣ его отъѣзда.

Дюма любилъ готовить самъ разныя соблазнительныя блюда. Для этого онъ обыкновенно отправлялся на кухню и проводилъ здѣсь цѣлыя часы, отдыхая за кулинарной работой отъ своихъ литературныхъ трудовъ.

Однажды онъ пригласилъ къ себѣ много гостей изъ аристократическаго Сень-Жерменскаго предмѣстья. Тутъ были почти всѣ выдающіеся представители литературнаго и артистическаго Парижа. Дюма рѣшилъ самъ приготовить обѣдъ и принялся за него чуть не съ двѣнадцати часовъ. Все шло какъ по маслу. Гости пріѣзжали въ время и весело предвкушали готовящееся удовольствіе. А въ столовой ихъ привѣтствовалъ хозяинъ въ костюмѣ повара, съ засученными рукавами.

Для этого обѣда Дюма приготовилъ болѣе двадцати блюдъ. Въ погребѣ у него былъ большой запасъ отличныхъ винъ, и къ каждому блюду подавалось особое вино. Нужно замѣтить, что Дюма такъ сдабривалъ свои кушанья всякими пряностями, что послѣ нихъ развивалась сильнѣйшая жажда. Пилъ,

конечно, много, и это обстоятельство еще болѣе способствовало общему веселью.

— Этотъ обѣдъ будетъ въ честь того, кто угадаетъ, какое изъ поданныхъ винъ самое старое,—закричалъ вдругъ хозяинъ.

Поднялись шумные споры. Каждый старался угадать, но ближе всѣхъ пошла къ истинѣ какая-то польская графиня, которую Гривсонъ называлъ Turkeyoska (Tagnowska?) (Среди общаго веселья Дюма объявилъ, что обѣдъ дается въ честь этой дамы.

Когда пиршество не дошло еще до середины, въ дверяхъ появился самъ Дюма, неся на блюдѣ огромную индѣйку съ гигантскимъ бумажнымъ хвостомъ, на которомъ былъ изображенъ гербъ графини.

Торжество закончилось настоящимъ литературнымъ вечеромъ.

— Болгарская страна Македонія или сербская?—Въ англійскомъ журналѣ «The Near East», посвященномъ вопросамъ Восточнаго Востока, находимъ обстоятельную статью по исторіи Македоніи, которая служитъ настоящимъ яблокомъ раздора между болгарами и сербами. Историческій очеркъ начинается съ половины IX столѣтія, то есть съ той эпохи, когда на Балканскомъ полуостровѣ успѣли сложиться двѣ славянскія державы—царства Болгарское и Сербское.

Статья различаетъ въ исторіи Македоніи четыре періода: первый періодъ охватываетъ IX и X столѣтія, когда на востокъ отъ нея расцвѣло царство Болгарское, образовавшееся изъ смѣшенія прежнихъ аборигеновъ монгольскаго племени и новыхъ колонизаторовъ-славянъ, а на западѣ вступили въ эру историческаго существованія сербы. Въ политическомъ отношеніи Македонія, зажатая между обѣими этими странами, была отъ нихъ совершенно независима и составляла византійскую провинцію съ славянскимъ населеніемъ.

Около 861 г. часть Македоніи была завоевана болгарскимъ царемъ Борисомъ. Его преемникъ, знаменитый царь Симеонъ, dokonчилъ это покореніе. Но это завоеваніе оказалось непрочнымъ, и черезъ 108 лѣтъ Македонія опять отошла къ грекамъ, которымъ удалось разбить болгарскаго царя Петра.

Второй періодъ македонской исторіи обнимаетъ собою XIII и XIV столѣтія. Въ 1186 году болгары, попавшіе было въ зависимость отъ Византіи, стряхнули съ себя иго грековъ и въ 1230 году при царѣ Іоаннѣ-Асенѣ II опять завоевали Македонію. Но это завоеваніе и на этотъ разъ оказалось только временной оккупациіи и черезъ шестнадцать лѣтъ болгарамъ пришлось очистить Македонію и притомъ надолго. Такимъ образомъ страна раздора находилась подъ властью Болгарскаго царства въ общемъ всего 124 года.

Что касается сербовъ, то до конца вторичнаго завоеванія Македоніи византійцами они не имѣли никакого отношенія къ этой странѣ. Окруженное могущественными противниками, Сербское государство развивалось очень медленно. Тѣмъ не менѣе въ концѣ XIII вѣка сербскій король Милютинъ уже привелъ Македонію въ зависимость отъ Сербіи. Удачно ведя войну съ византійцами, онъ въ 1282 году отвоевалъ у нихъ большую часть западной Македоніи.

Его сын и преемник Стефанъ распространилъ завоеваніе своего отца на югъ и дошелъ почти до Охриды.

Сербскія завоеванія не остановились и на этомъ. Величайшій изъ сербскихъ царей царь Душанъ (1355—1371) покорилъ не только всю Македонію, но и теперешніе Эпиръ и Албанію. Царствование Душана кончилось, однако, очень неблагополучно. Въ 1371 году сербы, какъ извѣстно, были разбиты турками. Южная часть обширнаго Сербскаго царства, то есть Македонія, попала въ зависимость отъ турокъ, а сѣверная, то есть собственно Сербія, продолжала пока сохранять свою самостоятельность. Тѣмъ не менѣе Македонія оставалась въ составѣ Сербскаго государства, и ею управляли сербскіе цари, стоявшіе въ этомъ случаѣ въ вассальной зависимости отъ турокъ. Послѣдовавшее затѣмъ окончательное завоеваніе Сербіи турками всецѣло отдало въ ихъ руки и Македонію.

Такимъ образомъ, владычество сербовъ въ Македоніи продолжалось съ 1282 по 1394 г.г., то есть въ теченіе 112 лѣтъ, почти столько же, сколько вѣкомъ раньше явилось владычество болгарское. Но сербское вліяніе въ этой странѣ было гораздо сильнѣе и глубже. Болгары IX и X вѣковъ были еще въ полуварварскомъ состояніи, представляя собою смѣсь между дикими остатками гунновъ и иныхъ монгольскихъ племенъ, осѣвшихъ въ теперешней Болгаріи, и позднѣйшими славянскими пришельцами. Ихъ полудикое состояніе дѣлало ихъ еще неспособными для воспріятія культуры. Сербы, наоборотъ, ко времени своего господства въ Македоніи были уже гораздо цивилизованнѣе и могли принести въ завоеванную ими страну начатки цивилизаци, искусства и литературы. По крайней мѣрѣ, такой компетентный изслѣдователь православно-славянской художественной археологіи въ Македоніи, какъ академикъ Н. П. Кондаковъ, прямо заявляетъ, что архитектура, перенесенная славянами въ эту страну, носить на себѣ несомнѣнный отпечатокъ сербскаго вліянія.

Такое же глубокое вліяніе оставили по себѣ сербы и въ македонской письменности. По свидѣтельству извѣстнаго русскаго слависта Григоровича, всѣ старинныя рукописи XIV и XV вѣковъ, которыя ему приходилось видѣть въ Македоніи, также носятъ на себѣ слѣды сербскаго, а не болгарскаго происхожденія.

XVI и слѣдующее столѣтія являются третьимъ періодомъ македонской исторіи. Въ этотъ періодъ историкъ застаеъ Македонію простой турецкой провинціей,—такой же, какой стала Болгарія съ 1393 года, а съ 1459 года и Сербія.

Потерявъ политическую самостоятельность, сербы сохранили, однако, одинъ изъ объединяющихъ ихъ центровъ ихъ національной жизни. Такимъ центромъ сталъ сербскій патріархъ, имѣвшій резиденцію въ Ипекѣ. Глава сербской церкви, признанный сначала архіепископомъ, не зависящимъ отъ константинопольскаго патріарха, а впослѣдствіи и равноправнымъ ему патріархомъ, управлялъ церковью совершенно самостоятельно до самаго 1459 года, то есть до окончательной потери Сербіей ея политической самостоятельности. Но турки относились къ духовнымъ властямъ покоренныхъ имъ народовъ довольно терпимо, и черезъ 91 годъ послѣ покоренія ими Сербіи сербскіе патріаршества

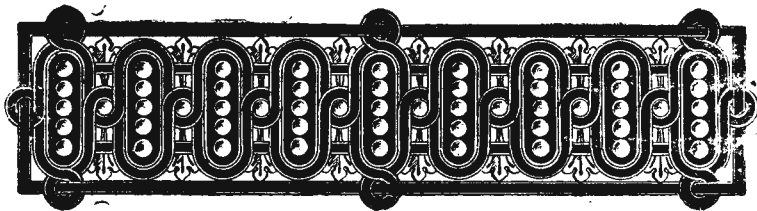
было возстановлено. Власть сербскаго патріарха распространялась и на Македонію, за исключеніем ея южной части, отошедшей въ вѣдѣніе греческихъ охридскихъ архіепископовъ. Такимъ образомъ, духовное господство сербовъ въ Македоніи продолжалось еще 210 лѣтъ до 1767 года, когда сербская церковь была подчинена константинопольскому патріарху.

То обстоятельство, что турки, вручая сербскому патріарху юрисдикцію надъ всѣми сербами въ предѣлахъ Турецкой имперіи, подчинили ему и Македонію, несомнѣнно, указываетъ, что Македонія, по крайней мѣрѣ сѣверная, въ это время была страной сербской, а не болгарской.

Ипекскій патріархатъ, являвшійся прямымъ наследникомъ Сербскаго царства, съ теченіемъ времени сталъ истиннымъ средоточіемъ сербскаго духа въ Турецкой имперіи подобно тому, какъ въ наши дни такимъ центромъ сербской жизни въ двуединой имперіи является сербскій патріархатъ въ южной Австро-Венгріи. Ипекскіе патріархи поставили себѣ задачей дѣятельно поддерживать старинные монастыри и основывать новые, собирать библіотеки сербскихъ рукописей, беречь народную старину и святыни, словомъ, охранять національный духъ сербовъ.

Въ доказательство своихъ историческихъ правъ на Македонію болгарскіе историки ссылаются обыкновенно на то, что и у болгаръ въ этотъ періодъ былъ такой же духовный глава и защитникъ въ лицѣ архіепископа охридскаго. Но, во-первыхъ, Охрида не принадлежала болгарамъ: ея владѣли сначала византійцы, потомъ сербы, потомъ турки. Во-вторыхъ, охридскій архіепископъ не могъ служить для болгаръ такимъ объединяющимъ и возрождающимъ центромъ уже и потому, что, кромѣ болгаръ, ему были подчинены и греки, а позднѣе и придунайскія княжества, изъ которыхъ потомъ сложилась Румынія. Словомъ, охридская церковь никогда не была церковью національно-болгарской, и огромное большинство охридскихъ архіепископовъ были греки, а не болгары.

Это обстоятельство подтверждается не только русскими историками православной церкви во-главѣ съ Голубинскимъ, но даже и нѣмецкими учеными. «Въ этотъ періодъ,—говоритъ одинъ изъ нихъ, Гельцеръ, изучавшій время турецкаго владычества въ Македоніи,—архіепископство охридское со всѣми зависѣвшими отъ него церквами было, въ противоположность ипекскому патріархату, совершенно греческимъ». Конечно, въ мѣстностяхъ съ вкрапленнымъ въ то время болгарскимъ населеніемъ и въ охридскомъ архіепископствѣ и въ ипекскомъ патріархатѣ могло быть не мало священниковъ болгарскаго происхожденія. Но ихъ наличие ни въ коемъ случаѣ не можетъ служить доказательствомъ того, что Македонія—страна исключительно болгарская. Въ настоящее время по этнографическому составу населенія Македонія, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, быть можетъ, скорѣе тяготеетъ въ сторону Болгаріи, но это уже явленіе этнографическо-политическое. Историческія же права болгаръ на этотъ край ничтожны.

С М Ъ С Ъ.

ВПАМЯТИ просвѣтителя Руси. 1-го октября столичное епархіальное братство въ ознаменованіе исполнившагося въ семь году девятисотлѣтія со времени кончины св. равноапостольнаго князя Владимира устроило торжественное собраніе въ залѣ общества религіозно-нравственнаго просвѣщенія. Въ сжатой воодушевленной рѣчи свящ. о. Н. Ѳ. Платоновъ охарактеризовалъ св. равноапостольнаго князя Владимира какъ просвѣтителя Руси. «Недаромъ мудрость народная, — говорилъ ораторъ, — отмѣтила князя Владимира столь чуднымъ названіемъ: «Красное Солнышко». Св. Князь Владимиръ возродилъ Русь къ жизни новой, высокой жизни христіанской. Но онъ не только возродилъ Русь, а и учредилъ на Руси первую школу, и школа эта была церковной». Св. князь Владимиръ очень близко къ сердцу принималъ просвѣщеніе школьное, и, по свидѣтельству историка, часто къ себѣ учителей призывалъ, давая имъ вмѣстѣ съ первымъ митрополитомъ на Руси, св. Михаиломъ, наставленія къ болѣе успѣшному просвѣщенію русскаго народа истинами Христова ученія. Крѣпки корни—все дерево крѣпко. Благодаря этому доброму началу—«вѣрою русской свобода, незыблема наша держава». Епархіальный наблюдатель прот. о. А. І. Запаловъ въ краткой рѣчи охарактеризовалъ дѣятельность церковныхъ школъ за 1914—1915 учебный годъ. Несмотря на скудость ассигновокъ, несмотря на возможное сокращеніе въ виду войны, число школъ съ Божіей помощью все-таки увеличилось... Свое участіе въ переживаемомъ тяжеломъ времени церковныя школы выразили весьма разнообразно. Матеріальныя жертвы весьма почетны: деньгами пожертвовано до 13 тысячъ рублей. Въ школахъ устраивались концерты, вечера, даже лоттереи—въ пользу раненыхъ. Жертвовали уча-

щіе, жертвовали и учащіяся, кто чѣмъ могъ. Въ этихъ дѣлахъ любви христіанской мы видимъ залогъ дальнѣйшаго процвѣтанія церковныхъ школъ. Съ большимъ подъемомъ хоръ при обществѣ взаимопомощи учащихъ церковныхъ школъ гор. Петрограда подъ управленіемъ свящ. о. В. В. Бсбровскаго исполнилъ рядъ церковныхъ пѣснопѣій. Собраніе закончилось пѣніемъ гимна и «Достоинство» знаменнаго распѣва.

Пятидесятилѣтній юбилей журнала «Педагогическій Сборникъ». 1-го октября 1915 г. исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со дня выхода въ свѣтъ журнала «Педагогическій Сборникъ». Празднованіе юбилея было отложено до 1-го октября текущаго года, однако и въ настоящее время, въ виду событій военнаго времени, празднованіе юбилея не могло состояться. Тѣмъ не менѣе проживающіе въ Петроградѣ сотрудники «Педагогическаго Сборника» собрались 1-го октября въ залѣ арміи и фаста на товарищескій ужинъ. Присутствовало около сорока человекъ, во главѣ съ редакторомъ журнала полковникомъ И. С. Симоновымъ. Предѣлителямъ былъ избранъ извѣстный педагогъ-математикъ М. Г. Попруженко. За ужиномъ былъ произнесенъ рядъ тостовъ и рѣчей, въ томъ числѣ М. Г. Попруженко, И. С. Симоновымъ, А. В. Полторацкимъ и др. С. И. Шохоръ-Троицкій отмѣтилъ, что въ «Педагогическомъ Сборникѣ» всегда трактовались тѣ вопросы, о которыхъ говорили и писалъ Н. И. Пироговъ. Отъ бывшаго редактора журнала А. Н. Острогорскаго, который по болѣзни не могъ присутствовать на собраніи, было получено привѣтствіе, въ отвѣтъ на которое присутствовавшіе обратились къ нему съ привѣтственной телеграммой. Въ заключеніе, по предложенію старѣйшаго изъ сотрудниковъ журнала М. В. Соболева, присутствовавшіе почтили вставаніемъ основателей журнала просвѣщеннаго графа Милютина, Н. В. Исакова, перваго редактора Н. Х. Весселя, извѣстнаго педагога К. Д. Ушинскаго, работавшаго въ журналѣ въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ его существованія, и другихъ покойныхъ сотрудниковъ журнала.

Юбилей московскаго библиографическаго общества. 4-го октября состоялось общее собраніе членовъ библиографическаго общества. Секретаремъ общества Б. С. Боднарскимъ былъ прочитанъ краткій отчетъ о дѣятельности библиографическаго общества за двадцать пять лѣтъ. Въ 1890 году одиннадцать лицъ, съ А. Д. Тороповымъ во главѣ, основали библиографическій кружокъ. Вскорѣ къ учредителямъ примкнули: Г. А. Брокеръ, Н. И. Мамонтовъ, нынѣшній пріамурскій генералъ-губернаторъ П. Л. Гондatti, И. Д. Сыгинъ и друг. Эти лица энергично принялись за развитіе общества, вдохнули въ него «душу живу». Въ настоящее время въ обществѣ состоятъ: 17 почетныхъ членовъ, 112 дѣйствительныхъ и 145 членовъ-сотрудниковъ. За 25 лѣтъ общество имѣло около 500 засѣданій, причѣмъ общихъ собраній было 187. На собраніяхъ читались доклады и рефераты по чистой библиографіи, библиотекостроенію, библиофилии и книжному дѣлу. Обществомъ были устроены въ 1895 году двѣ выставки—въ память библиографа Смирдина и въ память Д. А. Ровинскаго. Въ 1908 году была устроена выставка произведеній печати и портретовъ, въ связи съ 200-лѣтнимъ юбилеемъ введенія въ Россіи Петромъ Великимъ гражданскаго шрифта. При комиссіи библиотекостроенія въ обществѣ находится

постоянный музей библиотечныхъ методовъ. Послѣ прочтенія отчета была почтена вставаніемъ память скончавшихся учредителей кружка. Далѣе собраніе рѣшило устроить въ Москвѣ библиографическій съѣздъ, приурочивъ его ко времени празднованія юбилея общества, которое предполагается по окончаніи войны. Въ заключеніе собраніе постановило отправить привѣтственную телеграмму А. Ѳ. Кони по поводу его пятидесятилѣтняго юбилея.

50-лѣтіе профессорской дѣятельности протоіерея В. Г. Рождественскаго.

Бывшій настоятель университетской церкви и ординарный профессоръ университета по кафедрѣ православнаго богословія, а нынѣ почетный членъ университета и митрофорный протоіерей Василій Гавриловичъ Рождественскій 9-го октября справлялъ пятидесятилѣтіе своей учебно-богословской и педагогической дѣятельности. Сытъ новгородскаго протоіерея, о. Василій родился 2-го августа 1839 года, воспитывался въ тихвинскомъ духовномъ училищѣ и новгородской семинаріи, получивъ высшее образованіе въ петроградской духовной академіи со степенью магистра богословія за свою диссертацию «Матеріализмъ Бюхнера». 9-го октября 1865 г. онъ былъ опредѣленъ въ казанскую академію бакалавромъ логики, исторіи философіи и нравственной философіи, а въ 1867 г. переведенъ въ столичную духовную семинарію помощникомъ ректора по богословскимъ наукамъ; въ 1869 г. назначенъ доцентомъ родной ему академіи по кафедрѣ священнаго писанія Новаго Завѣта, а 14-го октября 1874 года, согласно избранію, утвержденъ ординарнымъ профессоромъ богословія въ императорскомъ университетѣ, бывъ вскорѣ рукоположенъ во священника университетской церкви: въ 1880 г. назначенъ также профессоромъ духовной академіи, гдѣ читалъ лекціи до 1892 г., когда былъ избранъ почетнымъ членомъ сей академіи, а въ университетъ оставилъ службу только весной 1915 года, былъ разновременно награжденъ пресвитерскою палицей, митрою и орденами св. Анны первой степени, св. Владимира второй степени и св. Александра Невскаго. Всегда строго серьезный и точный въ научныхъ изслѣдованіяхъ, о. Василій былъ ясенъ и простъ въ своихъ лекціяхъ университетскихъ и академическихъ; наиболѣе крупными достоинствами отличается его книга «Исторія ветхозавѣтнаго канона»; изъ другихъ сочиненій о. Василія отмѣтимъ: 2) «Годъ Рождества Иисуса Христа», 3) «Матеріализмъ Бюхнера», 4) «О книгахъ новозавѣтныхъ 2-го и 3-го вѣка», 5) «Фрейзингенскіе фрагменты италійскаго перевода посланій апостола Павла», 6) «Историческое обозрѣніе священныхъ книгъ Новаго Завѣта—съ таблицей facsimile древняго греческаго письма», 7) «Новѣйшая отрицательная критика и апологетика по вопросу о евангеліяхъ и евангельской исторіи», 8) «Новооткрытый отрывокъ апокрифическаго евангелія святого Петра»; а также было имъ напечатано много рецензій, проповѣдей, рѣчей и разныхъ замѣтокъ въ духовныхъ журналахъ. Въ 1900 году изданы «Университетскія лекціи по богословію», а въ 1906 г. напечатана статья «Изъ чтеній по христіанской апологетикѣ».

Нъ русскому учительству. Намъ, работникамъ русской школы, привычно ограничивать себя во многомъ. Но между нами есть учителя-инвалиды, учителя-бѣженцы, у которыхъ война отняла все. Мы никогда не могли быть вполне спокойны за участь своихъ семей. Но есть учительскія семьи, отдав-

шія войнѣ самую дорогую кровавую жертву вмѣстѣ съ единственнымъ источникомъ существованія. На мѣстѣ этихъ обездоленныхъ могъ быть каждый изъ насъ. И еще многихъ ждетъ несчастье, уже разразившееся надъ другими. Поспѣшимъ же учиться широкой товарищеской взаимопомощи. Поспѣшимъ получить увѣренность въ томъ, что организованное учительство не оставляетъ въ нуждѣ своихъ товарищей. Профессоръ и учитель грамоты, учитель дѣтей и учитель учителей—все мы должны быть въ союзѣ для общаго дѣла. Удовлетворить вопіющую нужду многихъ легко при маленькой отзывчивости всѣхъ. Лишившимся заработка, потерявшимъ работоспособность отдадимъ одинъ день нашего заработка. Именемъ второго всероссійскаго учительскаго съезда Ушинскаго всероссійскаго педагогическаго общества беретъ на себя объединеніе учительства въ дѣлѣ всероссійской учительской взаимопомощи. Оно призываетъ всѣхъ учащихъ къ добровольному единовременному отчисленію однодневнаго заработка ($\frac{1}{360}$ годового содержанія) на пополненіе фонда помощи учителямъ, пострадавшимъ отъ войны. Срокъ этого отчисленія 20-го ноября. Нужно немедленно снестись съ мѣстными учительскими обществами взаимопомощи; создать ихъ, если ихъ нѣтъ; разбудить, если они спятъ. Нужно группироваться по школамъ, по районамъ, по уѣздамъ—какъ возможно и какъ удобно, чтобы полнѣе и цѣлесообразнѣе произвести отчисленіе однодневнаго заработка при ближайшемъ полученіи жалованья. Если нужны справки, ихъ можно получить отъ совѣта всероссійскаго педагогическаго общества (Петроградъ, Демидовъ пер., 5). Сюда же можно переслать пожертвованія, если на мѣстѣ не окажется учительскаго общества. Организоваться для освѣдомленія и привлеченія всѣхъ товарищей къ общему дѣлу помощи. Организоваться для стройнаго и полнаго осуществленія «Дня учительскаго заработка» въ пользу пострадавшихъ отъ войны товарищей. Организанія, самодѣятельность, взаимопомощь—въ этомъ профессиональное сознаніе, въ этомъ культурныя задачи, въ этомъ гражданскій долгъ. Предсѣдатель совѣта и комиссіи фонда помощи С. Золотаревъ. Секретарь комиссіи Н. Румянцева.

НЕКРОЛОГИ.

АВДАКОВЪ, Н. С. Въ Харьковѣ 11-го сентября скончался извѣстный горный инженеръ, въ послѣднее время состоявшій членомъ Государственнаго Совѣта (по выбору), Николай Степановичъ Авдаковъ. Покойный, сынъ доктора, родился 16-го февраля 1847 года на Кавказѣ, въ станицѣ Щедринской. Воспитанный «въ горахъ Кавказа», онъ рано полюбилъ горное дѣло, такъ что, по окончаніи гимназическаго образованія въ Ставрополѣ, вмѣсто слушанія лекцій въ университетѣ, поступилъ въ горный институтъ. Выпущенный оттуда со званіемъ инженера (1873 г.), Н. С. поступилъ для техническихъ занятій на каменноугольныя копи въ Донецкомъ бассейнѣ и тамъ скоро занялъ мѣсто директора въ Рутченковскомъ горно-промышленномъ обществѣ, соединяя съ этою должностію званія председателя правленія общества Брянскихъ копей, директора Макѣвскаго желѣзодѣлательнаго завода, а съ 1906 года—постъ председателя «Продуголя», директора Ленскаго золотопромышленнаго товарищества и председателя совѣта съѣздовъ промышленности и торговли. Такая энергичная дѣятельность покойнаго выдвинула его въ члены Государственнаго Совѣта, гдѣ онъ и оставался до дня своей смерти. Перу Н. С. принадлежало много специальныхъ трудовъ, какъ, напримѣръ: «Описаніе Рутченковскаго мѣсторожденія каменнаго угля», «О пошлинахъ на иностранный уголь», «О состояніи донецкой каменноугольной промышленности», «О восточной Донецкой желѣзной дорогѣ», «О будущности нефтянаго топлива въ Россіи» и др. Кромѣ того, имъ напечатаны многія работы въ «Горномъ Журналѣ», «Южномъ Краѣ», а также въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», гдѣ помѣщены были его статьи: «Германскія желанія по горному дѣлу» (1892 г., № 312) и «О перевозкѣ по южнымъ желѣзнымъ дорогамъ продуктовъ горнозаводской промышленности и хлѣба» (1893 г., № 221). Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1915, № 211).

† **Кругловъ, А. В.** Въ ночь на 9-е октября въ Сергіевомъ посадѣ послѣ тяжкой болѣзни скончался довольно извѣстный русскій писатель, сорокъ пять лѣтъ поработавшій перомъ въ разнообразныхъ областяхъ отечественной литературы, Александръ Васильевичъ Кругловъ. Покойный родился 5-го іюня 1853 года въ городѣ Великомъ Устюгѣ, гдѣ его отецъ служилъ смотрителемъ народныхъ училищъ. Перевезенный ребенкомъ въ Вологду, онъ учился въ мѣстной гимназій, но вышелъ изъ нея до окончанія курса и занялся сначала частными уроками, затѣмъ корректорствомъ въ губернской типографіи, наконецъ поступилъ чиновникомъ особыхъ порученій при вологодской казенной палатѣ. Все это, однако, мало удовлетворяло любознательнаго юношу: онъ въ 1873 году покинулъ службу и, ободренный Достоевскимъ, исключительно посвятилъ себя литературной работѣ сначала въ Петроградѣ, потомъ—въ Одессѣ, за послѣдніе годы—въ Москвѣ. Впервые А. В. выступилъ въ печати зимою 1870 года на страницахъ «Русской Лѣтописи» съ корреспонденціями изъ Вологды, за подписью «А. Бишелевскій», а затѣмъ послѣдовательно сотрудничалъ въ «Искрѣ», «Недѣлѣ», «Пчелѣ», «Нивѣ», «Женскомъ Образованіи», «Будильникѣ», «Русской Рѣчи», «Дѣлѣ», «Вѣстникѣ Европы», «Наблюдателѣ», «Живописномъ Обзорѣніи», «Историческомъ Вѣстникѣ», «Русскомъ Обзорѣніи», во многихъ дѣтскихъ журналахъ, въ столичныхъ и провинціальныхъ газетахъ. Многіе изъ такихъ трудовъ, сначала помѣщенные въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, потомъ вышли отдѣльными книгами. Къ нимъ прежде всего относились его беллетристическія произведенія, какъ, напримѣръ: «Живыя души», очерки и рассказы (Спб. 1885 и М. 1895 г., два тома), «Лѣсные люди», очерки и впечатлѣнія (1887—1903 г., три изданія), «Господа земцы», провинціальные картинки (Спб. 1887 г.), «Губернскія сказки» (1890 г.), «Среди насъ», повѣсти и рассказы (1891 г.), «Свой—чужіе» (Кіевъ. 1892 г.), «Немудренное счастье», романъ (Спб. 1895 г.), «На чужомъ полѣ», очерки и рассказы (М. 1895 г.), «Господа крестьяне», деревенскіе силуэты (М. 1897 г.), «Старь и новь», повѣсти, очерки и рассказы (М. 1898 г.), «Веселыя похороны», романъ (М. 1903 г.), «Вчера и сегодня», повѣсти и рассказы (М. 1903 г.), «Мудрые и неразумные», романъ (М. 1910 г.). На ряду съ прозаическими произведеніями нѣсколько разъ выходили отдѣльными томиками и поэтическія сочиненія покойнаго, отличавшіяся необыкновенною задушевностью, то подъ простымъ заглавіемъ «Стихотворенія» (М. 1897 и 1903 гг.), то подъ слѣдующими названіями: «Любовь и истина», духовные мотивы (М. 1899 и 1902 гг.) и «Вечернія пѣсни» (М. 1912 г.). Особенно же много А. В. потрудился для русскіхъ дѣтей и юношей. Кромѣ извѣстнаго его сочиненія: «Литература маленькаго народа» (М. 1897 г., два выпуска), въ которомъ онъ далъ цѣпныя указанія относительно дѣтскаго чтенія, имъ былъ изданъ рядъ произведеній, до сихъ поръ пользующихся большимъ успѣхомъ, а именно: «Друзья-поэты», біографіи и характеристики (12 выпусковъ), «Свѣтлые годы», рассказы и поэмы, «Вечерніе досуги», «Незабудки», «Дѣти лѣсовъ», «Иванъ Ивановичъ и компанія» (четыре изданія), «Полканъ Собакевичъ» (три изданія), «Большакъ», повѣсть (семь изданій), «Котофей Котофеевичъ» (три изданія), «Геніальный поморъ—Ломоносовъ» (девять изданій), «Достоевскій для дѣтей школьнаго возраста» (два изданія) и мног. друг. Наконецъ въ послѣд.

ніе годы своей труженической жизни А. В., принимая перѣдкое участіе статьями и стихотвореніями въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», съ 1907 года предпринялъ изданіе собственнаго журнала подъ названіемъ «Свѣточъ» и «Дневникъ писателя», энергично велъ его въ теченіе восьми лѣтъ и только вслѣдствіе начавшейся болѣзни прекратилъ это любопытное изданіе въ декабрѣ прошлаго года. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1915, № 235).

† **Родионовъ, Л. М.** 12-го октября въ Москвѣ покончилъ жизнь самоубійствомъ журналистъ и видный политическій дѣятель Левъ Михайловичъ Родионовъ. Въ молодые годы Л. М. вынесъ Петропавловскую крѣпость и политическую ссылку. По образованію юристъ, по профессіи—присяжный повѣренный, онъ почти не занимался адвокатурой, къ которой не лежала его душа. Меньше всего прельщала его крупный заработокъ, потому что онъ былъ въ своихъ требованіяхъ въ благамъ жизни болѣе чѣмъ скроменъ. До старости жилъ онъ какъ студентъ. Въ 1905 году Л. М. вступилъ въ партію народной свободы. Когда въ Москвѣ стала издаваться газета партіи «Новь», Л. М. былъ ея официальнымъ редакторомъ и много работалъ въ этой редакціи. Приблизительно въ то же время онъ выпустилъ хорошо составленную популярную книжку по конституціонному праву. Писалъ онъ въ нѣкоторыхъ газетахъ и журналахъ. Въ послѣдніе годы онъ редактировалъ журналъ «Женское Дѣло». (Некрологъ его: «Русскія Вѣдомости», 1915, № 234).

† **Русовъ, А. А.** Въ Саратовѣ скончался видный статистикъ, этнографъ и украинскій общественный дѣятель Александръ Александровичъ Русовъ: Покойный А. А. родился въ 1847 году, учился сначала въ одной изъ кievскихъ гимназій во времена Пирогова—попечителя. По окончаніи кievскаго университета А. А. состоялъ учителемъ въ Златополѣ, а затѣмъ въ Кіевѣ. Въ 1871 году А. А. былъ посланъ министерствомъ за границу для осмотра гимназій. Въ 1873 и въ 1875—76 гг. ѣздилъ въ славянскія земли (австрійскія и турецкія), занимаясь одно время славистикой. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ А. А. принималъ дѣятельное участіе въ устройствѣ кievскаго отдѣла географическаго общества, и тогда въ «Запискахъ» этого отдѣла была имъ издана интересная работа о кобзарѣ Остапѣ Вересаѣ и исполняемыхъ имъ народныхъ пѣсняхъ, причемъ были сообщены и ихъ напѣвы. Затѣмъ были напечатаны труды: «Русскіе тракты въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣковъ», «Нѣкоторыя данныя о Днѣпрѣ изъ атласа конца прошлаго столѣтія» и друг. Оставивъ въ 1874 г. учительство, А. А. сталъ изучать экономическую статистику. вмѣстѣ съ П. П. Червинскимъ и В. Е. Варзаромъ, онъ организовалъ земскія статистическія работы въ Черниговской губерніи. По командировкѣ отъ московскаго археологическаго общества А. А. ѣздилъ въ Дагестанъ и раскапывалъ курганы. Въ 1881—1882 годахъ принималъ дѣятельное участіе въ газетахъ «Трудъ» и «Заря». Въ 1882—89 гг. А. А. былъ опять статистикомъ въ Херсонской губ., а затѣмъ въ Харьковѣ и Полтавѣ. Въ началѣ девяностыхъ годовъ, когда въ Полтавѣ разразились извѣстны крестьянскіе беспорядки, пріѣхавшій тогда въ Полтаву бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ Плеве почему-то обратилъ весь свой гнѣвъ на статистиковъ. А. А. было воспрещено проживать на югѣ. Онъ перѣехалъ

въ Петроградъ и поступилъ на службу въ частное транспортное общество «Надежда». Когда общество это было ликвидировано, А. А., по приглашенію директора коммерческаго института, вступилъ преподавателемъ статистики. Въѣсть съ институтомъ А. А. эвакуировался въ Саратовъ. Покойнымъ издано много специальныхъ трудовъ по статистикѣ. Трудъ А. А. «Нѣжинскій уѣздъ» былъ награжденъ географическимъ обществомъ золотой медалью. (Некрологъ его: «Кіевская Мысль», 1915, № 280).

† **Рыстенко, А. В., профессоръ.** Скончался 30-го сентября исполнявшій должность экстраординарнаго профессора новороссійскаго университета по кафедрѣ русскаго языка и словесности и преподаватель одесскихъ высшихъ женскихъ курсовъ Александръ Васильевичъ Рыстенко. Покойный былъ ученикомъ академика Истрина и принадлежалъ къ его школѣ по изслѣдованію памятниковъ древней письменности. Отъ политической дѣятельности онъ сторонился, хотя по симпатіямъ примыкалъ больше къ правой группѣ въ совѣтѣ университета. А. В. родился въ Одессѣ въ 1880 году, среднее образованіе получилъ въ третьей гимназіи, по окончаніи которой поступилъ въ новороссійскій университетъ на историко-филологическій факультетъ. Окончивъ курсъ съ золотой медалью, А. В. былъ оставленъ при университетѣ на два года для подготовки къ профессорскому званію по русскому языку и словесности. Получивъ званіе приватъ-доцента, А. В. былъ командированъ за границу для завершения своихъ работъ. Возвратившись обратно въ Одессу, онъ приватъ-доцентировалъ по своей специальности въ университетѣ. Въ 1910 году защищалъ магистерскую диссертацию въ Петроградѣ на тему: «Легенда о св. Георгіи и драконѣ въ византійской и славяно-русской литературѣ». За этотъ трудъ онъ удостоился премии Ахматова въ 500 руб. отъ академіи наукъ. А. В. былъ избранъ исполняющимъ должность экстраординарнаго профессора на кафедре по русскому языку и словесности въ 1912 году, которую и занималъ до своей смерти. Послѣдніе два года онъ состоялъ секретаремъ историко-филологическаго факультета и параллельно съ этимъ—профессоромъ одесскихъ высшихъ женскихъ курсовъ по своей специальности. Къ работамъ покойнаго, кромѣ «Легенды о св. Георгіи и драконѣ», можно отнести цѣлый рядъ мелкихъ статей и рецензій по его специальности, но смерть застала его при началѣ обработки матеріаловъ и печатаніи большой работы на докторскую диссертацию подъ заглавіемъ: «О житіи св. Нифонта». Несмотря на свое слабое здоровье, А. В. проявилъ удивительную работоспособность. Умеръ А. В. на 35 году жизни. Смерть его не была неожиданностью для близко знавшихъ его, такъ какъ онъ давно страдалъ туберкулезомъ легкихъ. (Некрологъ его: «Одесскій Листокъ», 1915, № 268).

† **Скребицкій, А. И.** Скончался въ Петроградѣ докторъ медицины Александръ Ильичъ Скребицкій, доживъ до глубокой старости (онъ умеръ 88 лѣтъ). Въ свое время покойный игралъ видную роль въ Петроградѣ и былъ хорошо извѣстенъ не только какъ искуснѣйшій врачъ-окулистъ, но и какъ авторъ двухъ выдающихся, единственныхъ въ своемъ родѣ трудовъ: «Крестьянскій вопросъ въ царствованіе императора Александра II» (за который А. И. былъ удостоенъ Уваровской премии) и «Призрѣніе, воспитаніе и образованіе слѣпыхъ на Западѣ». Первый изъ названныхъ трудовъ былъ составленъ А. И. по инициативѣ и жела-

нію великой княгини Елены Павловны, которая цѣнила этого замѣчательно трудоспособнаго, энергичнаго и честнаго человѣка. Въ лицѣ А. И. сошелъ въ могилу послѣдній изъ участниковъ памятныхъ обѣдовъ 19-го февраля. Покойный оказалъ неосцѣнимыя услуги дѣлу призрѣнія и воспитанія слѣпыхъ въ Россіи, состоя ближайшимъ сотрудникомъ и совѣтникомъ К. К. Грота, основателя Маріинскаго попечительства о слѣпыхъ. А. И. первый собралъ точныя статистическія свѣдѣнія о количествѣ слѣпыхъ въ Россіи, и первый настаивалъ на необходимости предупрежденія слѣпоты путемъ борьбы съ глазами болѣзнями и съ невѣжествомъ народа. По этому поводу онъ писалъ многочисленныя статьи и брошюры. Его же перу принадлежитъ монографія «Валентинъ Ганю, первый тифлопедагогъ въ Россіи». Книга покойнаго «Призрѣніе, воспитаніе и образованіе слѣпыхъ на Западѣ» посвящена памяти его жены, Маріи Семеновны Скребицкой (рожденной Юрьевичъ), одной изъ лучшихъ русскихъ женщинъ своего времени и извѣстной благотворительницы. Слѣдуя ея примѣру, А. И. все свое состояніе также оставилъ на дѣла просвѣщенія и благотворенія. Свою богатую бібліотеку и собраніе гравюръ, портретовъ и т. п. А. И. еще при жизни принесъ въ даръ Румянцовскому музею въ Москвѣ. А. И. сынъ майора, родился въ Бѣлостоцкѣ 2-го мая 1827 года, учился въ бѣлостокской гимназіи, затѣмъ кончилъ два факультета—юридическій и медицинскій. (Некрологъ его: «Новое Время», 1915, № 14184).

† **Соколовскій, А. Л.** Скончавшійся Александръ Лукичъ Соколовскій былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся нашихъ писателей-переводчиковъ. Лицействъ по образованію, онъ не избралъ обычной для лицейстовъ карьеры въ канцеляріяхъ, а со всѣмъ жаромъ предался изученію литературы, преимущественно англійской и нѣмецкой. Его прекрасные переводы въ стихахъ драматическихъ произведеній Гете, Байрона и Шекспира, впервые появившіеся въ концѣ шестидесятихъ годовъ, сразу обратили на себя вниманіе публики и издателей. Въ то время на русскомъ языкѣ было еще очень мало такихъ переводовъ этихъ писателей, которые замѣняли оригиналь,—и переводы А. Л., соединявшіе съ точностью передачи изящество русскаго языка и звучность стиха, создали въ своемъ родѣ эпоху. Извѣстный въ шестидесятые-семидесятые годы издатель-переводчикъ Н. В. Гербель пригласилъ А. Л. въ ближайшіе сотрудники редактируемыхъ имъ собраній сочиненій на русскомъ языкѣ Шекспира, Байрона и Гете, а также хрестоматій изъ нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ. Особенное вниманіе А. Л. обратилъ на переводы Шекспира. Впослѣдствіи, уже по смерти Н. В. Гербеля, А. Л. предпринялъ самъ изданіе полнаго собранія всѣхъ драматическихъ произведеній Шекспира въ собственномъ переводѣ, которое онъ снабдилъ подробнымъ научнымъ комментариемъ. Въ сочиненіе это А. Л. почему-то не включилъ своихъ переводовъ поэмъ Шекспира, исполненныхъ имъ съ не меньшимъ талантомъ для изданій Н. В. Гербеля. Необходимо отмѣтить также прозаическій переводъ «Донъ-Жуана» Байрона, помѣщенный въ одномъ изъ изданій Байрона, подъ редакціей Н. В. Гербеля. Это всѣмъ извѣстный трудъ, нисколько не потерявшій своей цѣны и послѣ прекраснаго стихотворнаго перевода А. П. Козлова, въ которомъ «Донъ-Жуанъ» вышелъ нѣсколько сокращеннымъ изъ-за невозможности въ русскую октаву помѣстить все содержаніе

соответственной английской октавы. Въ семидесятыхъ годахъ А. Л. вмѣстѣ съ тѣмъ же Н. В. Гербелемъ, предпринялъ изданіе полнаго перевода сочиненій Гофмана. Къ сожалѣнію, изданіе остановилось на первыхъ четырехъ томахъ, въ которые вошли только «Серапіоновы братья». Этотъ переводъ А. Л. и до сихъ поръ можетъ служить образцомъ русской изящной прозы. Помимо чисто-литературныхъ трудовъ, А. Л. обладалъ и серьезнымъ естественно-историческимъ образованіемъ. Уже въ довольно преклонномъ возрастѣ имъ были приняты рядъ популярныхъ чтеній для знакомой ему женской молодежи по астрономіи, геологіи и другимъ естественнымъ наукамъ. Лекціи эти были имъ впоследствии изданы и представили изъ себя серію прекрасно написанныхъ популярныхъ научныхъ книгъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1915, № 14178).

† **Соловьевъ, Н. В.** 14-го августа въ Петроградѣ скончался общественный дѣятель, писатель и редакторъ-издатель «Русскаго Библіофила» Николай Васильевичъ Соловьевъ. Дѣятельность Н. В. была разнообразна. Онъ былъ и гласнымъ городской думы, и членомъ правленія петроградскаго купеческаго общества, и владельцемъ одной изъ лучшихъ русскихъ книжно-антикварныхъ фирмъ, и литераторомъ, и издателемъ. Больше же всего любилъ литературу и искусство. Н. В. былъ большимъ знаткомъ гравюры и книжной иллюстраціи; въ этой области его перу принадлежатъ статьи: «Иллюстрированныя изданія о Россіи начала XIX вѣка», «Русская книжная иллюстрація XVIII вѣка», «Русская книжная иллюстрація XIX вѣка и произведенія Пушкина», «Французскіе граверы XVIII вѣка», помѣщенные въ «Старыхъ Годкахъ» и «Русскомъ Библіофилѣ». Интересуясь исторіей балета, Н. В. написалъ интересную книгу «Марія Тальони» (Спб. 1912), весьма тепло встрѣченную специальной критикой, и издалъ очерки Андрея Левинсона «Мастера балета». Въ качествѣ виднаго участника кружка любителей русскихъ изящныхъ изданій Н. В. работалъ по организаціи художественно-историческихъ выставокъ, которыя устраивалъ кружокъ («Русская женщина», «Придворная жизнь»), снабжалъ ихъ экспонатами изъ своего богатаго собранія; имъ написана большая вступительная статья къ каталогу выставки «Придворная жизнь». Какъ книгопродавецъ, покойный считался однимъ изъ «королей» русскаго книжно-антикварнаго рынка; его магазинъ доставлялъ библіофиламъ подчасъ выдающіяся рѣдкости, а нѣкоторые каталоги, выпущенные имъ («Рѣдкія книги» 1910 г., «Двѣнадцатый годъ», «Автографы и рукописи»), сохраняютъ характеръ справочныхъ изданій. Самымъ крупнымъ по размѣрамъ и значенію изъ всехъ литературныхъ предпріятій Н. В. Соловьева былъ журналъ «Русскій Библіофилъ», который онъ издавалъ съ 1911 г. Онъ усердно работалъ въ немъ, помѣщая и мелкія рецензіи, и замѣтки, и большія изслѣдованія (въ 1912 г. «Поэтъ-художникъ В. А. Жуковскій», въ 1915 г. «Исторія одной жизни А. А. Воейкова-Свѣтлана»), умѣло разыскивалъ цѣнные матеріалы, привлекалъ новыхъ сотрудниковъ. Его редакторской гордостью были «спеціальныя» нумера «Русскаго Библіофила», посвященные Пушкину (1911 г.) и Жуковскому (1912). По богатству и широтѣ содержанія, по изяществу изданія «Русскій Библіофилъ» занимаетъ первое мѣсто во всей нашей историко-литературной періодической печати. Умеръ Н. В. еще молодымъ, едва ли сорока лѣтъ. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1915, № 223).

кой положенія.—Его зовутъ Баребонъ. Это пріятель Дормера Кольвилля.

— Всякій другъ Дормера Кольвилля возбуждаетъ мой интересъ.

Мистриссъ Лорансъ быстро взглянула на гостя изъ-подъ своего обшитаго кружевами зонтика.

— Что вы хотите этимъ сказать?—сказала она тономъ, въ которомъ слышалось какое-то раздраженіе.

— Только то, что онъ отлично выбираетъ друзей,—отвѣчала банкиръ съ мнимо-простодушной улыбкой.

Его лицо отъ жары способно было загорѣться. Никто не придавъ бы особаго значенія этому толстяку съ такой добродушной внѣшностью. Даже мистриссъ Лорансъ какъ будто смягчилась и направилась къ дому, приглашая гостя слѣдовать за ней.

— Я буду откровенна съ вами,—сказала она.—Я телеграфировала вамъ, что вилла въ настоящее время, къ несчастію, переполнена гостями.

— Такъ что же? Я поѣду въ гостиницу. Тѣмъ болѣе, что я приказалъ извозчику ждать меня у воротъ. Я и самъ думалъ, что въ это время года на вашей видлѣ не совѣмъ просторно. Я только поздороваюсь съ Кольвиллемъ и потомъ поѣду. Разрѣшите мнѣ зайти къ вамъ же послѣ обѣда. Намъ нужно переговорить о кое-какихъ денежныхъ вопросахъ, если припомните.

Отвѣчать было некогда: Дормеръ Кольвилль, увидѣвъ гостя, бросился по ступенькамъ веранды ему навстрѣчу. Подойдя къ Тернеру, онъ расхохотался: круглая фигура банкира располагала большинство людей къ смѣху, тѣмъ болѣе, что, казалось, онъ и самъ приглашалъ ихъ позабавиться на его счетъ.

Встрѣча была самая радостная съ обѣихъ сторонъ. Познакомившись съ Лу Баребономъ, банкиръ тутъ же сталъ прощаться, не посвящая никого въ свои планы относительно сегодняшняго вечера.

— Можетъ быть, онъ и не придетъ,—сказала мистриссъ Лорансъ своимъ гостямъ.

Ея увѣренность подѣйствовала убѣдительно на Лу Баребона, всегда готоваго предоставить всякое дѣло судьбѣ. Но Дормеръ Кольвилль только покачалъ головой.

И дѣйствительно, титулованныя и другія важныя лица, которыя были приглашены на виллу Кордуанъ, послѣ обѣда нашли тамъ банкира, который комфортабельно устроился въ широкомъ креслѣ.

— Это мой парижскій банкиръ,—шепнула каждому мистриссъ Лорансъ.—Онъ ни о чемъ не знаетъ и, насколько я знаю, не занимается политикой. Онъ—обыкновенный банкиръ. Оставьте его въ покоѣ, и онъ скоро заснетъ.

Въ теченіе трехъ недѣль, которыя Лу Баребонъ провелъ съ такимъ удовольствіемъ на виллѣ Кордуанъ, мистриссъ Лорансъ не разъ устраивала для своихъ друзей музыкальныя развлечения и легкія пиршества. Каждый вечеръ ея гостиная, отличавшаяся значительными размѣрами, бывала переполнена. Ея друзья приводили сюда своихъ друзей и представляли ихъ хозяйкѣ дома, которая, въ свою очередь, представляла ихъ Лу Баребону. Нѣкоторые пріѣзжали издалека, изъ Ларошели и Пона. Нѣкоторые наняли для себя дачи на купальный сезонъ въ самомъ Руанѣ.

— Онъ никогда не сдѣлаетъ безтактности,—въ сотый разъ говорила изъ-за своего вѣера хозяйка дома, слѣдя глазами за веселыми и легкими движеніями Лу Баребона, который, по какому-то врожденному инстинкту, умѣлъ съ каждымъ держаться именно такъ, какъ было нужно.

Въ этотъ вечеръ больше играли и пѣли, чѣмъ разговаривали.

— Сыграйте что-нибудь, чтобы онъ поскорѣе заснулъ,—сказалъ хозяйкѣ Дормеръ Кольвилль.

И дѣйствительно, Джонъ Тернеръ скоро поддался дѣйствию какой-то мягкой сонаты. Онъ даже слегка захрапѣлъ подъ тѣнью пальмы, отчего веселость общества только увеличилась.

Только одинъ Кольвилль обнаруживалъ признаки безпокойства и, если кто-нибудь начиналъ громко говорить, просилъ держаться подальше, такъ, чтобы англичанинъ не могъ слышать. Раза два онъ бралъ Баребона подъ руку и отводилъ въ противоположный уголъ комнаты, ибо онъ всегда былъ въ срединѣ, а гдѣ былъ онъ, тамъ былъ и онъ.

— О, какъ онъ прекрасенъ,—говорили гости, прощаясь съ хозяйкой.

— Онъ не ударитъ лицомъ въ грязь, не ударитъ,—вторили мужчины, серьезныя лица которыхъ освѣщались лучами послѣдней надежды.

Почти всѣ уже ушли, когда проснулся наконецъ Джонъ Тернеръ. Чтобы вывести его изъ этого блаженнаго состоянія, Дормеръ Кольвилль нарочно уронилъ около него толстую книгу.

— Я зайду къ вамъ завтра,—сказалъ банкиръ, прощаясь съ хозяйкой.—Вамъ нужно подписать нѣсколько бумагъ, если вы дѣйствительно рѣшились продать вашу ренту и вырученныя деньги отдать въ банкъ на храненіе.

— Да, я такъ рѣшила,—весело отвѣчала хозяйка.

Когда на другой день Джонъ Тернеръ явился на виллу съ цѣлымъ портфелемъ бумагъ, онъ засталъ миссисъ Лорансъ на верандѣ одну.

— Я намекнула Дормеру Кольвиллю и его другу, и они уѣхали,—замѣтила она какъ бы невзначай во время разговора.

— Такъ внезапно?

— Ничего, съ беззаботнымъ видомъ продолжала хозяйка, твердымъ четкимъ почеркомъ подписывая лежавшія передъ ней бумаги.

Тернеръ былъ, видимо, озадаченъ.

XIX.

Въ бреши.

Маркизь де-Жемозакъ сидѣлъ у открытаго окна маленькой гостиной въ единственной обитаемой части замка. Онъ смотрѣлъ черезъ дворъ на садъ, гдѣ, словно строгіе часовые, стояли между розъ, въ полномъ осеннемъ цвѣту, высокіе кипарисы.

За садомъ, на фонѣ далекихъ равнинъ, сливавшихся въ туманѣ съ болотами, которыми окружено устье Жиронды, рѣзко вырисовывалась прямая линія стѣнъ замка.

Маркизь уже пообѣдалъ. Въ это время во Франціи обѣдали рано. Солнце склонялось къ морю на раскаленномъ, какъ мѣдь, небѣ, но съ устья рѣки доносился свѣжій вѣтерокъ, умѣрившій зной его послѣднихъ лучей.

Де-Жемозакъ отбивалъ пальцемъ тактъ: въ комнатѣ, подъ импровизированный аккомпанементъ Жюльетты, Баребонъ пѣлъ:

C'est le Hasard
Qui, tôt ou tard,
Ici bas nous seconde;
Car
D'un bout du monde
A l'autre bout
Le Hasard seul fait tout.

Онъ пересталъ пѣть и разсмѣялся. Жюльетта также засмѣялась.

— Великолѣпно, mademoiselle!—кричалъ онъ.

Маркизь сложилъ вмѣстѣ свои худыя руки.

— Это—все, что я знаю. Я умѣю пѣть только эту пѣсню.

— Но дальше, вѣроятно, есть еще слова,—сказала Жюльетта, держа руку на клавишахъ дребезжащихъ клавикордъ, которымъ было, по крайней мѣрѣ, лѣтъ сто.—О чемъ говорится въ нихъ?

— Не знаю, мадемуазель,—отвѣчалъ Баребонъ, глядя на нее сверху.—Кажется, это любовная пѣсенка.

Она припилила къ своему корсажу резеду съ сильнымъ запахомъ, какой всегда бываетъ у резеды осенью. Резеда наклонилась цвѣтками въ одну сторону. Тихонько она поправила цвѣты и наклонилась, чтобы понюхать ихъ.

— Итакъ, все дѣло въ случаѣ?—тихо спросила она.

Маркизь былъ нѣсколько глуховатъ.

— О, конечно,—отвѣчалъ Баребонъ.

Такъ какъ они говорили, не понижая голоса, то она стала тихонько наигрывать на клавикордахъ мелодію пѣсни, которую онъ только что спѣлъ.

— Все дѣло случая, мадемуазель. Развѣ вамъ этого не объясняли у «Всѣхъ Святыхъ?»

На этотъ разъ она не присоединилась къ его смѣху, который у него всегда былъ наготовѣ. Комната была вся розовая отъ лучей заходящаго солнца, вся наполненная благоуханіемъ резеды, и арія, которую она запѣла, аккомпанируя себѣ на клавикордахъ, вся состояла изъ медленныхъ кадансовъ, которые такъ характерны для веселыхъ и грустныхъ пѣсень Франціи и Испаніи.

Жюльетта быстро повернула голову и взглянула на своего собесѣдника, но не сказала ни слова. Слегка нажимая педаль, она спѣла свою пѣсню еще разъ. Въ другомъ концѣ комнаты мурлыкалъ сквозь зубы ея отецъ.

— Здѣсь въ комнатѣ жарко,—вдругъ сказала она и встала съ мѣста, не давая себѣ труда окончить пѣсню.

— Это окно не открывается, мадемуазель. Я ужъ пробовалъ его открыть,—сказалъ Баребонъ, слѣдя за ея нетерпѣливыми движеніями.

— Въ такомъ случаѣ я пойду въ садъ,—промолвила она, слегка вздохнувъ и своеобразно качнувъ головой.

Не его, конечно, вина была въ томъ, что заходящее солнце, отъ котораго люди запираютъ двери, оказалось слишкомъ жгучимъ, и въ томъ, что окно не открывалось. Но Жюльетта какъ будто хотѣла упрекнуть его за это, а, можетъ быть, и за что-нибудь другое.

Баребонъ не сразу пошелъ за ней. Сначала онъ ностоялъ нѣкоторое время у окна, разговаривая съ маркизомъ, который пустился въ воспоминанія, перебивая свою собственную рѣчь.

— А, Жюльетта опять перевѣсилась черезъ стѣну,—вдругъ вскричалъ онъ.—Давно-давно англичане пробили въ этомъ мѣстѣ брешь,—не улыбайтесь, другъ мой, вѣдь вы не англичанинъ. За цѣлыя столѣтія войны этотъ замокъ былъ взятъ только два раза. А, Боже мой! Она наклоняется еще больше! Сто разъ я говорилъ ей, что въ этомъ мѣстѣ стѣна не надежна!

— Позвольте мнѣ пойти и предупредить ее въ сто первый,—услужливо сказалъ Лу.

— Хорошо, мой другъ. Сдѣлайте это. Но скажите ей строго. Не забывайте, что она еще совершенный ребенокъ.

— Хорошо, не забуду.

Жюльетта какъ будто не слыхала его шаговъ по луку, на которомъ теперь паслись бараны. Она стояла къ нему спиной, на нѣсколько футовъ ниже него, какъ разъ въ той брещи, которую давно-давно сдѣлали эти англичане. Они, должно быть, выламывали

эти огромные камни простыми ломами и сносили ихъ внизъ голыми руками.

Жюльетта смотрѣла черезъ виноградники на рѣку, блестящую на горизонтѣ, и напѣвала про себя послѣдній куплетъ пѣсенки, которую пѣлъ Лу.

D'un bout du monde
A l'autre bout
Le Hasard seul fait tout.

И, подбирая рукой свои юбки, она обернулась.

— Мадемуазель, вы не должны идти дальше,—сказала Лу.

Она остановилась, нагнулась, чтобы подобрать свои юбки, но не оглянулась. Потомъ, прыгая съ камня на камень, она пошла впередъ. Камни едва держались въ травѣ, и, казалось, при малѣйшемъ прикосновеніи готовы были полетѣть внизъ.

— Это не я говорю вамъ, а вашъ отецъ, который послалъ меня сюда,—разъяснялъ Лу.

— Вѣдь все зависитъ отъ случая,—сказала она, глядя внизъ.

Вдругъ она обернулась и взглянула на него съ тѣмъ нетерпѣніемъ, которое позднѣе въ жизни уступаетъ мѣсто самой опасной философіи безразличія.

Ея движенія были очень быстры и порывисты, какъ будто что-то такое, чего она и сама не знала, раздражало ее.

— Вѣроятно, тоже случай спасъ нашу жизнь въ ту бурную ночь, два мѣсяца тому назадъ, вотъ тамъ,—воскликнула она, показывая рукой на спокойное теперь устье рѣки, взглядывая на него съ какимъ-то небывалымъ безпокойствомъ, проглядывавшимъ въ ея глазахъ.

Ея волосы, подвязанные внизу лентой, à la diable, какъ тогда называли эту моду, развѣвались по вѣтру.

— Да, все случай, мадемуазель,—проговорилъ Лу, смотря на рѣку черезъ ея голову.

— Произошло бы то же самое, если бъ въ лодкѣ съ вами были только Жанъ и Марія?

— Лодка была крѣпкая и канаты надежные.

— А вы вели бы себя такимъ же образомъ?—спросила дѣвушка, бросая на него пристальный взглядъ.

— О, вѣтъ,—со смѣхомъ отвѣтилъ онъ.—Конечно, я не велъ бы себя такимъ же образомъ. Но вамъ нельзя здѣсь оставаться. Стѣна не надежна.

Она пожала плечами и, полуотвернувшись отъ него, продолжала стоять на томъ же мѣстѣ и глядѣть внизъ на виноградники, тянувшіеся до самой рѣки. Щеки ея пылали.

— Вашъ отецъ поручилъ мнѣ сказать вамъ это,—продолжалъ Лу.—Если онъ увидитъ, что вы не обращаете вниманія на мои слова, онъ придетъ сюда самъ.

Жюльетта коротко разсмѣялась и стала подниматься къ нему. Аргументъ, повидимому, оказался достаточно убѣдительнымъ. Когда она поровнилась съ нимъ, онъ пошелъ по дорожкѣ, которая шла около стѣны, не къ дому, а отъ дома. Она поняла это молчаливое приглашеніе, но не могла не сказать съ легкимъ смѣхомъ:

— Не слѣдуетъ ли вернуться и сказать папѣ, что все обошлось вполне благополучно?

— Не надо.

Теперь настала его очередь быть серьезнымъ, и въ ея глазахъ явно виднѣлось удовлетвореніе. Но этого ей было мало, и ей хотѣлось разсердить сего. Она принялась смѣяться, и они, навѣрно, поссорились бы, если бы онъ не сжалъ крѣпко губы и не глядѣлъ сосредоточенно впередъ.

Они шли мимо неоконченной развалины, извѣстной подъ именемъ Итальянскаго дома, который загоразживалъ ихъ отъ оконъ той части старинныхъ конюшенъ, гдѣ маркизь де-Жемозакъ, выкупивъ замокъ у потомковъ одного изъ авантюристовъ, которому онъ достался во время Террора, устроилъ себѣ жильё. Эта часть сада кончалась липовой аллеей. Жюльетта остановилась и стала слѣдить за заходящимъ солнцемъ какъ разъ въ такомъ ея пунктѣ, котораго нельзя было видѣть ниоткуда. Лу шелъ на нѣсколько шаговъ сзади нея и остановился, какъ только остановилась она. Жюльетта съѣла ни низкую въ этомъ мѣстѣ стѣну, Лу остался стоять.

На пурпуровомъ небѣ рѣзко вырисовывался ея красивый профиль съ короткимъ подбородкомъ и красиво очерченными губами, съ орлинымъ носомъ и вьющимися волосами, которые шапкой поднимались съ ея лба. Въ ея глазахъ, полуотвернувшись отъ него, отражался блескъ заходящаго солнца. Пока она смотрѣла на закатъ, онъ смотрѣлъ на нее, и какая-то смущенная улыбка скользила по его губамъ.

Можетъ быть, ему вспомнились слова маркиза, что Жюльетта еще совсѣмъ ребенокъ. Онъ зналъ, что она чужда всякимъ житейскимъ дѣламъ, что въ монастырѣ, гдѣ она воспитывалась, она не была посвящена въ человѣческіе расчеты. Она ничего не знала, но не была уже ребенкомъ, наоборотъ, она была самой красивой женщиной, какую только приходилось видѣть Лу Баребону.

Такія мысли приходили ему въ голову, пока она сидѣла на низенькой стѣнѣ, вотъ-вотъ готовой рухнуть, и смотрѣла на закатъ, а онъ смотрѣлъ на нее и видѣлъ, какъ потихоньку вмѣстѣ со свѣтомъ солнца потухалъ и гнѣвъ въ ея глазахъ.

Послѣ долгой паузы, когда тянувшіяся на западѣ полосы облаковъ изъ красныхъ сдѣлались сѣрыми, Жюльетта спросила мягкимъ и довѣрчивымъ тономъ, какого онъ раньше отъ нея не слышалъ:

— Когда вы уѣзжаете?

— Сегодня вечеромъ.

Онъ зналъ, что ей извѣстенъ даже часъ его отъѣзда.

— А когда вы вернетесь обратно?

— Какъ только будетъ можно,—отвѣтилъ онъ, полубезсознательно.

Она повернула немного голову. Въ углахъ ея полураскрытаго рта было что-то такое, что не позволяло ему отвѣтить иначе.

— Почему?—почти шопотомъ спросила она, и вдругъ, весело засмѣявшись, прыгнула со стѣны и быстро пошла впередъ. Онъ шелъ попрежнему сзади.

— Почему?—черезъ плечо спросила она своего спутника.

Лу схватилъ ее за руку и прежде, чѣмъ она успѣла отдернуть ее, поднесъ ее къ своимъ губамъ.

— Потому, что здѣсь вы,—отвѣчалъ онъ, смѣясь.

Она опять стала серьезна, бросила на него странный, испытующій взглядъ и вдругъ свернула влѣво.

Лу Баребонъ остался стоять въ полутемнотѣ и вспомнилъ о Мириамъ Листонъ.

XX.

«Девятнадцать».

Повернувъ къ домику у воротъ замка, Жюльетта встрѣтилась съ отцомъ, который шелъ подъ руку съ Дормеромъ Кольвиллемъ. Присутствіе этого англичанина въ стѣнахъ замка не было, вѣроятно, новостью для нея, ибо она слышала, какъ у воротъ звонили въ колокольчикъ.

На Кольвиллѣ былъ костюмъ для верховой ѣзды. Это былъ его обычный костюмъ, когда онъ жилъ во Франціи, гдѣ онъ не скрывалъ, что состоитъ совладѣльцемъ большого торговаго дома въ Бордо.

— Я негласный хозяинъ,—говаривалъ онъ съ легкимъ налетомъ довѣрчивости, которая служить лучшимъ средствомъ вывѣдать у сосѣда о его дѣлахъ.—Я негласный хозяинъ, пока не подойдетъ сезонъ сбора винограда. Тогда я вдругъ появляюсь на сцену, объѣзжаю виноградники и осматриваю урожай.

Въ это время виноградъ былъ еще зеленъ, и такія поѣздки предпринимать было рано. Но всякому, кто хотѣлъ передвигаться съ мѣста на мѣсто, нужно было носить непременно костюмъ для верховой ѣзды: въ этой части Франціи земля такъ дорога, что широкихъ дорогъ не дѣлаютъ, и тропинка для верховой ѣзды считается достаточной дорогой и для путешественниковъ, и для длинныхъ и узкихъ телѣгъ, на которыхъ перевозится вино.

Со времени своего нѣсколько неожиданнаго отъѣзда съ виллы Кордуанъ Лу Баребонъ и Дормеръ Кольвилль стали неразлучными

спутниками: они и останавливались всегда вмѣстѣ. Иногда они находили убѣжище у кого-нибудь изъ друзей, иногда просили гостеприимства въ какомъ-нибудь замкѣ, иногда, довольствуясь самыми скромными удобствами, останавливались въ домѣ сельскаго священника или какого-нибудь отставнаго солдата, живущаго въ одномъ изъ тѣхъ маленькихъ провинціальныхъ городковъ, которые дешевые парижскіе журналисты высмѣиваютъ безъ устали.

Большихъ городовъ они тщательно избѣгали.

— Зачѣмъ намъ ѣхать въ большой городъ,—шутя повторялъ Дормеръ Кольвилль:—когда дѣла зовутъ насъ въ деревню?

Если кто-нибудь изъ спутниковъ начиналъ, дорогой или за столомъ, спрашивать его, онъ неизмѣнно отвѣчалъ:

— Да, я скупщикъ винъ. Мы оба покупаемъ вино и теперь переходимъ съ мѣста на мѣсто, чтобы посмотрѣть, каковъ уродился виноградъ. Вино вѣдь заключено въ виноградъ, а виноградъ уже начинаетъ зрѣть.

И случайные знакомые, познакомившіеся гдѣ-нибудь въ гостиницѣ за завтракомъ, повторяли и разносили эти слова.

— А, вотъ что! Виноградъ теперь созрѣваетъ. Это хорошо,—говорили эти знакомые, бросая взглядъ на спутника Дормера Кольвилля, который до сихъ поръ безмолвно держался въ тѣни, какъ человѣкъ, зависимый отъ крупнаго торговца и у него учащійся уму-разуму. Послѣдній, если ему приходилось принимать участіе въ разговорѣ, какъ-то само-собою невольно все говорилъ о девятнадцати.

— Вотъ пройдетъ дней девятнадцать и, если будетъ солнце, сборъ винограда будетъ обезпеченъ.

Или:

— Сегодня намъ остается пройти еще девятнадцать километровъ.

Случалось, что слово «девятнадцать» приходилось невпопадъ, словно неловкій собесѣдникъ нарочно употреблялъ его въ разговорѣ.

Нигдѣ такъ не проявляется симпатія или антипатія; какъ въ путешествіи,—фактъ, указывающій на то, какъ мудро поступаютъ новобрачные, отправляясь въ свадебную поѣздку. Но путешествовать съ Дормеромъ Кольвиллемъ значило пройти обширный курсъ разныхъ добродѣтелей. Никто не могъ такъ легко отказаться отъ эгоизма и съ такимъ трудомъ утомляться: а эти два основныхъ качества и являются истиннымъ камнемъ преткновенія во всякомъ путешествіи.

Въ теченіе мѣсяца, прошедшаго со дня отправленія Дормера Кольвилля и Лу Баребона съ дачи мистриссъ Лорансъ и до ихъ прибытія въ гостиницу въ Жемозакѣ, они до извѣстной степени сдѣлались друзьями.

Гостиница «Бѣлая Лошадь» въ Жемозакѣ была не лучше, не хуже всякой другой «Бѣлой Лошади» въ любомъ маленькомъ го-

родкѣ Франціи. Но она была безусловно лучше гостиницы городка такого же размѣра какой-нибудь другой страны.

Было нѣсколько причинъ, почему маркизь де-Жемозакъ долженъ былъ согласиться съ настояніями Дормера Кольвилля, твердившаго, что еще не время для Лу Баребона появляться въ замкѣ Жемозакъ.

— Онъ нѣсколько беззаботенъ,—шопотомъ говорилъ онъ.— По нѣкоторымъ чертамъ его характера можно легко распознать источникъ, изъ котораго течетъ его кровь. Онъ не можетъ дѣйствовать самъ, и ему надо показать, что по необходимости вмѣсто него должны дѣйствовать другіе. Ему нужно давать возбуждающаго. Пускай онъ будетъ путешествовать по Франціи и увидитъ самъ то, о чемъ онъ до сихъ поръ зналъ по наслышкѣ, изъ вторыхъ рукъ. Это будетъ дѣйствовать на него возбуждающе.

Послѣ этого была предпринята поѣздка по долинѣ рѣкъ Гаронны и Дордоньи. Другое путешествіе, на этотъ разъ пѣшкомъ, должно было окончиться въ самомъ центрѣ страны—въ Парижѣ.

Отправленіе назначено было въ тотъ же вечеръ, и Кольвилль явился сообщить, что все готово и лошади ждутъ у воротъ.

— Если бы всѣ могли любоваться такими видами, мадемуазель,—сказалъ онъ, поднимая взоръ къ залитому багрянцемъ небу и вдыхая въ себя ароматъ растущихъ кругомъ цвѣтовъ:—то люди не много успѣли бы сдѣлать въ своей жизни.

Задумчивымъ взглядомъ онъ окинулъ всю панораму, потомъ, какъ бы мимоходомъ—пристально взглянулъ на лицо Жюльетты, которая продолжала итти, молча улыбаясь.

— Она растеть, дорогой маркизь, растеть не по днямъ, а по часамъ и каждое утро просыпается новой женщиной,—конфиденціально говорилъ онъ маркизу.

На этотъ разъ онъ пошелъ искать Лу Баребона съ обычнымъ смѣхомъ добраго пріятеля. Тотъ, кого всѣ считаютъ добродушнымъ, обыкновенно никогда не бываетъ умнымъ.

Баребонъ направился къ воротамъ, не вступая въ разговоръ съ своимъ другомъ. Онъ былъ молчаливъ и серьезенъ.

— Идемъ,—сказалъ Дормеръ Кольвилль мягкимъ голосомъ.— Надо садиться въ сѣдло и ѣхать. Я говорилъ маркизу и мадемуазель Жюльеттѣ, что человекъ испытываетъ огромное искушеніе оставаться въ Жемозакѣ, пока не пройдутъ годы, когда онъ можетъ дѣйствовать.

Маркизь отвѣчалъ, что требовалось въ этомъ случаѣ отвѣтить,—что онъ надѣется дожить до того времени, когда Жемозакъ, да и не одинъ Жемозакъ, а сотни замковъ возродятся для своей прежней славы и откроются для того, кто вернетъ имъ ихъ потерянное состояніе.

Кольвилль смотрѣлъ то на отца, то на дочь. Наконецъ, уже заноса ногу въ стремя, онъ обернулся къ Жюльеттѣ, вышедшей съ ними за ворота, и сказалъ:

— Мадемуазель также не откажется, вѣроятно, пожелать намъ всякихъ удачъ? Увы, прошли тѣ времена, когда можно было получить отъ нея ленту, за которую готовы были бы сражаться! Идемте, Баребонъ, и въ сѣдло!

Жюльетта молчала.

— Желая вамъ всякаго благополучія,—промолвила она наконецъ, загадочно улыбаясь и поглаживая шею лошади Кольвилля.

Итакъ, при солнечномъ закатѣ, они тронулись въ объѣздъ, о которомъ долго потомъ говорили въ нѣкоторыхъ частяхъ Франціи. Тамъ и сямъ, въ Ангумуа, въ Гиеннѣ, въ Вандеѣ, въ западной части Бретани любопытный историкъ долго еще могъ встрѣтить какого-нибудь стараго деревенскаго кюре, который еще настаивалъ на необходимости раздѣлить Францію опять попрежнему на провинціи и рассказывалъ, какъ во дни его юности, когда онъ еще впервые совершалъ богослуженіе, послѣдняя надежда роялистовъ проѣзжала по этому краю.

Поѣздка длилась около двухъ мѣсяцевъ. Сборъ винограда былъ уже конченъ прежде, чѣмъ они проѣхали къ сѣверу отъ Луары и къ Нанту.

— Надо будетъ теперь говорить, что мы—торговцы сидромъ,—замѣтилъ Дормеръ Кольвилль, переѣзжая черезъ рѣку, которая раздѣляетъ Францію на двѣ большія части.

«Онъ держитъ себя очень спокойно и сосредоточенно. Я думаю, что изъ него выйдетъ серьезный человѣкъ», писалъ онъ маркизу де-Жемозаку, тщательно стараясь предоставлять Лу Баребону полную свободу.

— Я, въ нѣкоторомъ родѣ, обязательный для васъ лоцманъ,—весело объяснялъ онъ своему спутнику.—Корабль вашъ, и вы, вѣроятно, знаете о меляхъ гораздо болѣе, чѣмъ я. Вы, конечно, замѣчали это сами сто разъ, когда вамъ приходилось бывать въ морѣ съ этимъ старымъ морскимъ волкомъ, капитаномъ Клеббомъ. И все-таки, при входѣ въ портъ, вамъ необходимо взять обязательно лоцмана и встрѣтить его со всею привѣтливостью, хотя вы и чувствуете, что могли бы исполнить все и безъ него. Такимъ образомъ, вамъ приходится мириться съ моимъ присутствіемъ, помня, что вы можете выбросить меня вонъ, какъ только войдете въ портъ.

И дѣйствительно, никто другой не могъ бы такъ мило исполнять эту роль.

Баребонъ находилъ, что дѣлать ему приходится не очень много, и скоро приспособился къ положенію, которое требовало лишь одного: готовности выслушивать всѣхъ и терпѣливо ждать. Цѣ-

лыми часами, даже днями приходилось ему слушать рѣчи о преданности дѣлу, которое было еще сокрыто отъ сыщиковъ принца-регента, но уже тлѣло красноватыми огоньками.

Барбонъ, какъ и предсказывалъ Кольвилль, продолжалъ сосредоточиваться. Цѣлыми часами онъ ѣхалъ молча, хотя въ началѣ дня весело болталъ, рассказывая тысячи разныхъ случаевъ изъ своей жизни или заливаясь смѣхомъ при воспоминаніи о своемъ свиданіи съ какимъ-нибудь провинціальнымъ нотаблемъ, или шутя съ тѣми изъ попадавшихся на дорогѣ, которые для того годились.

Но теперь уже исчезла неопредѣленность того переворота, который совершился въ его судьбѣ. Каждый деревенскій куире, приходившій вечеркомъ выпить съ ними стаканчикъ вина въ гостиницѣ, все болѣе отгонялъ эту неопредѣленность, каждый провинціальныи дворянчикъ, привѣтствуя ихъ на порогѣ своего уединеннаго и спокойнаго дома, подтверждалъ ту блестящую дѣйствительность, которая овладѣла имъ наяву и безпокоила его во снѣ.

День за днемъ ѣхали они впередъ, останавливаясь черезъ три-четыре деревни, когда лошадямъ нужно было дать отдохнуть. Въ каждой деревушкѣ, въ каждомъ селѣ, гдѣ они останавливались и подкрѣпляли свои силы, въ каждомъ городкѣ, гдѣ они проводили ночь, ихъ непремѣнно поджидалъ кто-нибудь. И, говоря о погодѣ, этотъ челоуѣкъ всегда очень ловко упоминалъ число девятнадцать. «Девятнадцать»—таковъ былъ пароль Франціи.

Еще на берегахъ Дордоньи Лу спросилъ своего спутника, что значить это число и почему оно выбрано.

— Это значить Людовикъ ХІХ,—серьезно отвѣчалъ Кольвилль.

И теперь, когда они проѣзжали по этой земледѣльческой странѣ съ такимъ рѣдкимъ населеніемъ, что въ Англіи нельзя увидѣть ничего подобнаго, число «девятнадцать», казалось, всюду слѣдовало за ними, или, лучше сказать, бѣжало передъ ними и готовляло имъ встрѣчу.

Не разъ Кольвилль молча указывалъ своимъ хлыстомъ на цифру 19, написанную гдѣ-нибудь на воротахъ или на стѣнѣ. Въ это время Франція таинственнымъ образомъ наводнялась безчисленными изображеніями великаго Наполеона. Дни художественныхъ объявленій еще не наступили, и молодыя особы, желающія выгодно вступить въ бракъ, не имѣли еще возможности довести объ этомъ до свѣдѣнія публики въ приложеніи къ иллюстрированнымъ журналамъ. Объявленія расклеивались тогда такъ же, какъ и теперь, на стѣнахъ гостиницъ и лавокъ и конторъ дилижансовъ. И съ этихъ голыхъ стѣнъ всюду смотрѣло хорошо всѣми извѣстное лицо великаго Наполеона. Это было нововведеніе, которое быстро вошло въ употребленіе.

На каждой ярмаркѣ, въ праздникъ Иванова дня и сотни другихъ праздниковъ чисто мѣстныхъ, вездѣ можно было встрѣтить

по крайней мѣрѣ, одного бродячаго торговца съ литографіями. Чуть останавливался передъ ними покупатель, торговецъ сейчасъ же предлагалъ ему почти даромъ портретъ Наполеона.

— За такую цѣну его нельзя и напечатать, — увѣрялъ продавецъ.

И это была правда.

Ярмарки служили и до сихъ поръ служатъ соединительнымъ звеномъ между уединенными деревнями и остальнымъ міромъ. И крестьяне, особенно первое время, охотно уносили съ собой эти портреты, которые потомъ развѣшивали по стѣнамъ своихъ жилищъ. Такимъ путемъ принцъ-регентъ раздувалъ Наполеоновскую легенду.

Дормеръ Кольвилль не разъ подъѣзжалъ къ этимъ портретамъ и, обернувшись черезъ плечо на своего спутника, отрывисто смѣялся: на лицѣ Наполеона нерѣдко виднѣлась написанная карандашомъ цифра 19.

Но Баребону уже надоѣло то и дѣло смѣяться. Скоро и Кольвилль пересталъ показывать ему на этотъ условный знакъ: онъ замѣтилъ, что Лу стремится отыскивать его самъ. Если его не было, въ его глазахъ зажигался огонекъ рѣшимости, и онъ тяжело вздыхалъ, какъ бы сознавая принятую на себя отвѣтственность.

Дѣйствительность мало-по-малу овладѣла имъ съ такою силою, что то, что онъ предпринялъ наполовину въ шутку, теперь уже перестало быть шуткой. Ему казалось, что онъ двигается впередъ по дорогѣ, на которой не видно ни конца, ни поворота въ ту или другую сторону.

Когда они переѣхали черезъ Луару, Дормеръ Кольвилль опять вздохнулъ свободно, какъ человѣкъ, которому приходилось долго задерживать дыханіе. Эти холодные и серьезные люди изъ Бретани, въ сравненіи съ жителями Вандеи, казалось, представляли собою другой типъ человѣческаго рода. Эти люди рѣдко смѣялись и никогда не сворачивали съ дороги, по которой пошли, хотя бы она и не была устлана розами.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Улица Св. Іанова, д. № 8.

Между улицей Лилля и Сень-Жерменскимъ бульваромъ, въ тѣсныхъ переулкахъ, которые до сихъ поръ уцѣлѣли отъ всеокрушающей дѣятельности бывшаго парижскаго префекта барона Гаусмана, было не мало домовъ, которые не открывали своихъ воротъ со времянь великой революціи.

Одинъ изъ такихъ домовъ стоялъ на улицѣ Св. Іакова—коротенькомъ тупикѣ, не шире переулка, упирившемся прямо въ высокія стѣны. Каждый, кто вѣзжалъ въ нее, долженъ былъ потомъ, за невозможностью повернуться, пятиться задомъ.

Всѣ окна, беспомощно смотрѣвшія на голыя стѣны или глядѣвшія черезъ ворота на улицу Св. Іакова, были роялистскія окна, и переулокъ, окруженный высокими стѣнами и не дававшій повернуться, тоже былъ роялистскимъ.

Со многихъ изъ этихъ оконъ пылъ, повидимому, не обметалась лѣтъ сто, съ того самаго времени, когда ихъ опирали дрожащія руки, изъ нихъ выглядывали блѣдныя лица чтобы можно было прислушаться къ гулу голосовъ на улицѣ Du Vas, на площади возлѣ церкви St. Germain des Pres и во всемъ Парижѣ, гдѣ народъ дѣлалъ свою исторію.

Къ этому-то дому и направлялись пѣшкомъ Лу Баребонъ и Дормеръ Кольвилль, послѣ долгаго путешествія добравшіеся наконецъ до Парижа.

Почти совсѣмъ уже стемнѣло, и Кольвилль, оставивъ своихъ лошадей на постояломъ дворѣ въ Медонѣ, рѣшилъ направиться въ столицу.

— Было бы глупо,—весело сказалъ онъ своему спутнику, —выставлять въ Парижѣ напоказъ такое лицо, какъ у васъ, да еще днемъ.

Отъ Медона они доѣхали въ наемномъ экипажѣ до начала Марсова поля, которое въ тѣ времена не было еще застроено разными хрустальными павильонами и выставочными зданіями, такъ какъ Парижъ не превратился еще во всемірную ярмарку. Отъ Марсова поля они пошли пѣшкомъ по скверно вымощеннымъ и слабо освѣщеннымъ улицамъ. На улицѣ Св. Іакова былъ только одинъ масляный фонарь, стоявшій на углу. Остальная часть улицы освѣщалась окнами двухъ небольшихъ лавочекъ, торговавшихъ дровами, огурцами и черными отъ времени веревками, какъ это дѣлаютъ всѣ такія мелкія лавочки по эту сторону Сены.

Дормеръ Кольвилль показывалъ дорогу, лавируя съ одной стороны на другую около сточной канавы, которая со зловоніемъ извивалась по срединѣ улицы и направлялась къ рѣкѣ. Наконецъ онъ остановился у какихъ-то большихъ воротъ и посмотрѣлъ на то мѣсто, гдѣ обыкновенно вырѣзывается фамилія владѣльца дома; но какой-то гражданинъ въ припадкѣ энтузіазма, очевидно, выскребъ ее топоромъ.

Кольвилль осторожно взялся за ручку звонка—ту самую, которая звала привратника, чтобы онъ открылъ ворота королевѣ въ тѣ далекія времена, когда Марія-Антуанетта легкомысленно толкала монархію къ гибели.

Большія ворота не открылись на звонъ, но зато отворилась ма-

ленькая дверь, глубоко спрятанная въ боковой стѣнѣ. На этой двери висѣлъ установленный муниципалитетомъ металлическій нумеръ—№ 8. Этотъ домъ по улицѣ Св. Іакова когда-то былъ хорошо извѣстенъ королямъ подъ именемъ отеля Жемозакъ.

Человѣкъ, открывшій дверь, держалъ одной рукой фонарь, а другой не давалъ двери захлопнуться, пока онъ старался разглядѣть тѣхъ, кто звонилъ. Легко можно себѣ представить, что за этими стѣнами этотъ человѣкъ пережилъ и реставрацію и пару дальнѣйшихъ революцій.

Дворъ былъ вымощенъ булыжникомъ, величиною съ яблоко. Даже при мерцающемъ свѣтѣ фонаря можно было замѣтить, что ни на дворѣ между камнями, ни на ступеняхъ широкаго крыльца, которое вело къ открытому подъѣзду, травы не было. Домъ казался мрачнымъ и заброшеннымъ.

— Да, да, г. маркизь у себя,—говорилъ отворившій дверь человѣкъ, покашливая, какъ въ бронхитѣ, и ведя прибывшихъ по двору. На немъ было что-то въ родѣ ливреи, служившей долгіе годы. Ее, очевидно, шили на какого-нибудь молодого человѣка, и теперь на этой согбенной спинѣ она дѣлала три огромныя складки.

— Будьте осторожны,—предостерегающимъ голосомъ говорилъ онъ, зажигая въ передней сѣрную спичку.—Въ коврахъ есть дыры. Въ нихъ легко запутаться и упасть.

Онъ зажегъ свѣчку и, хорошенько заперевъ двери, повелъ гостей наверхъ. При ихъ приближеніи, которое явственно было слышно, благодаря скрипѣвшему паркетному полу, наверху лѣстницы отворилась дверь, и навстрѣчу прибывшимъ хлынулъ цѣлый потокъ свѣта.

Въ дверяхъ, высотой въ десять футовъ, стояла въ ожиданіи согбенная фигура маркиза де-Жемозака.

— А,—сказалъ онъ съ той учтивостью, которая была такъ свойственна его поколѣнію и всегда только скользила по поверхности жизни.—Путешествіе, стало быть, прошло удачно. Позвольте мнѣ...

И по обычаю своего времени онъ расцѣловалъ Баребона.

— Я слышу со всѣхъ сторонъ,—продолжалъ онъ, когда дверь закрылась:—что вы совершаете великія вещи. Со всѣхъ сторонъ вамъ несутся похвалы.

Онъ нѣсколько отстранилъ отъ себя Баребона и продолжалъ:

— Ваше лицо стало серьезнѣе. Сходство еще поразительнѣе, чѣмъ прежде. Ну, теперь вы сами знаете, сами видѣли...

— Да,—серьезно промолвилъ Баребонъ.—Я видѣлъ и знаю.

Маркизь потеръ свои бѣлыя руки, засмѣялся отъ восторга и подкатилъ кресло къ камину, въ которомъ горѣли огромныя, словно бочки, дрова. Комната была громаднхъ размѣровъ и освѣщалась множествомъ лампъ, какъ во дни пріемовъ или баловъ. Воздухъ въ ней былъ сырой и затхлый. На стѣнахъ виднѣлись сѣрыя пятна,

оставшіяся вмѣсто картинъ какого-то извѣстнаго художника великаго вѣка, которыя изображали пастушескія сцены съ купидонами и розами.

Потолокъ мѣстами обвалился, отъ мебели слегка пахло сырой гнилью.

Но все здѣсь было въ томъ изысканномъ вкусѣ, которому не могли подражать позднѣйшія, болѣе вульгарныя поколѣнія. Ничто не было скрыто; наоборотъ, съ какой-то полуцинической гордостью все это било прямо въ глаза. Все было изѣдено молью, источено червями, пришло въ упадокъ. Но все это было время монархіи. Во всемъ Парижѣ не нашлось бы и полдюжины домовъ, гдѣ, несмотря на богатство, которое нынѣ любить выставлать себя напоказъ, можно было бы отыскать столько комнатъ, меблированныхъ вещами времени Людовика Великаго. Самый воздухъ, пропитанный какимъ-то теперь забытымъ ароматомъ, дышалъ былымъ отблескомъ. И послѣдній изъ Жемозаковъ, скрывавшій свою бѣдность отъ глазъ своихъ равныхъ, не скрывалъ отъ нихъ это оскудѣніе, служившее символомъ того, отъ чего разрывались ихъ сердца и ради чего они, время отъ времени, украдкой, словно преступники, пробирались въ Парижъ.

— Какъ видите, я сдержалъ свое обѣщаніе, — сказалъ онъ своимъ гостямъ. — Я еще разъ открылъ сегодня этотъ старинный домъ. По случаю вашего пребыванія, въ Парижъ съѣхалось не мало добрыхъ друзей: мадамъ де-Шантоннэ съ Альберомъ, мадамъ де-Раше и многіе изъ Вандей и съ запада, которыхъ вы уже встрѣчали во время вашего путешествія. Сегодня можно говорить безъ страха: сегодня не будетъ ни одного человѣка, о которомъ не упоминается въ Готскомъ альманахѣ. Сегодня будутъ роялисты не изъ тѣхъ, кто изъ этого дѣлаетъ лишь развлеченіе для себя. У васъ остается времени, чтобы только переодѣнуть платье и пообѣдать. Вашъ багажъ прибылъ вчера. Пойдемте, я покажу вамъ ваши комнаты.

Онъ взялъ свѣчу и повелъ ихъ по запыленному старому дому съ такими церемоніями, какія соблюдались при дворѣ лѣтъ двадцать тому назадъ, когда на престолѣ сидѣлъ Карлъ X. Для нѣкоторыхъ въ этихъ запоздавшихъ пережиткахъ, при видѣ которыхъ большинство людей не можетъ удержаться отъ улыбки, есть своего рода паоосъ. Вѣдь монархія существовала восемь столѣтій, а революція всего восемь лѣтъ. Можетъ быть, судьба вознаградитъ за излишества этихъ восьми лѣтъ.

Большая комната была предназначена для Лу Баребона. Маркизь обращался съ нимъ съ легкой почтительностью и передъ тѣмъ, какъ оставить комнату сдѣлалъ ему поклонъ по-старинному.

— Здѣсь ваша пристань, — сказалъ Кольвилль, комната котораго имѣла сообщеніе съ апартаментами Лу. — Здѣсь ваша пристань. Тутъ вамъ пришлось бросить якорь. Теперь вы, можно сказать, миновали всѣ отмели и избѣжали большихъ волнъ.

Проговоривъ все это по-англійски, онъ замолчалъ и, вооружившись свѣчкой, съ задумчивой улыбкой сталъ осматривать комнату.

Это была, очевидно, лучшая комната въ домѣ, съ широкимъ, какъ ворота, каминомъ, въ которомъ весело горѣли большія сосновые дрова. Въ углу подъ балдахиномъ изъ гобеленовъ таинственно высилась кровать. И здѣсь въ воздухѣ чувствовался этотъ тонкій, едва уловимый запахъ павшей монархіи. Надъ каминомъ въ полинявшей рамѣ висѣлъ портретъ Людовика XVI.

— И настанетъ время, — съ меланхолической улыбкой продолжалъ Кольвилль, когда вы должны будете оставить своего лощмана, повернуться спиной къ старымъ знакомымъ и воспоминаніямъ прошлаго. Что дѣлать! Нельзя приготовить яичницы, не разбивши яицъ!

— О, да, — отвѣчалъ Барбонъ, быстро кивнувъ головой: — придется забыть о Фарлингфордѣ.

Кольвилль направился къ двери, которая вела въ его комнату. На порогѣ онъ остановился и сталъ смотрѣть на колеблющееся пламя свѣчи, которую онъ держалъ въ рукѣ. Несмотря на свой ораторскій зудъ, онъ рѣшилъ молчать и, не проронивъ ни слова, исчезъ изъ комнаты.

Лу сѣлъ передъ огнемъ въ старинное сѣрое кресло. Въ домѣ царил мертвая тишина, хотя онъ и стоялъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда было самое сердце Парижа. Это былъ одинъ изъ немногихъ домовъ въ этомъ кварталѣ, при которомъ сохранился большой садъ. По улицѣ Святого Іакова движеніе было только пѣшеходное. Вотъ почему тишина, царившая въ этомъ огромномъ дворцѣ воспоминаній, нарушалась только потрескиваніемъ горѣвшихъ въ каминѣ дровъ.

Лу долго ѣхалъ верхомъ и былъ утомленъ. Съ грустной улыбкой смотрѣлъ онъ на огонь. Можно было подумать, что онъ поглощенъ задачей, которую онъ самъ себѣ поставилъ: забыть о Фарлингфордѣ.

Сегодня въ домѣ Жемозаковъ былъ большой приемъ: его комнаты, приведенныя на скорую руку въ порядокъ послѣ двадцатилѣтняго безмолвія, были ярко освѣщены.

Какъ и обѣщалъ маркизъ, въ числѣ приглашенныхъ не было ни одной женщины, ни одного мужчины, за котораго не ручалось бы его знаменитое имя и исторія Франціи. Старикъ представлялъ ихъ своему гостю, и ихъ имена звучали какъ-то странно-знакомо для уха. Каждое лицо, взиравшее на Лу, казалось, принадлежало привидѣнію, выглянувшему изъ прошлаго, котораго міръ не забудетъ, пока будетъ существовать исторія.

Всѣ они не пускались съ Лу въ длинные разговоры, но стояли въ сторонѣ отъ него и тихими голосами бесѣдовали между собой.

Мужчины отвѣщивали ему поклоны, а на его улыбку отвѣчали серьезнымъ, испытующимъ взглядомъ. Нѣкоторые произносили при этомъ небольшую шаблонную рѣчь, которая могла значить все или ничего. Нѣкоторые запутывались во время своей рѣчи, останавливались, начинали что-то бормотать и отходили прочь, проглатывая не досказанные слова.

Дамы дѣлали ему глубокой реверансъ и смотрѣли на него съ раскрытымъ ротомъ и блѣдными лицами. Кокетства не было и слѣда. Онѣ видѣли, что онъ молодъ и красивъ, и забывали, что и онѣ могутъ представляться ему такими же. Потомъ онѣ отходили и собирались въ группы, какъ это женщины всегда дѣлаютъ въ минуты опасности или волненія, и тихо начинали говорить между собою, не смѣя, а, можетъ быть, не желая повернуться и взглянуть на него еще разъ.

— Остается только, чтобы герцогиня Ангулемская признала его права, — сказалъ кто-то. — Уже отправленъ гонецъ въ Фросдорфъ.

И Барбонъ, глядя на нихъ, понималъ, что между нимъ и всѣми собравшимися лежитъ преграда, которую никто устранить не въ силахъ: эта преграда воздвигнута прошлымъ и покоится на самыхъ основаніяхъ исторіи.

— Герцогиня уже стара, — отвѣчалъ маркизъ де-Жемозакъ тому, кто говорилъ. — Ей уже семьдесятъ два года. Пятьдесятъ восемь лѣтъ ея жизни отмѣчены величайшими несчастіями, которыя только выпадали на долю женщины. Когда ее выпустили изъ тюрьмы, у нея и слезъ-то не осталось, друзья мои. И мы не можемъ рассчитывать, чтобы она охотно обратилась теперь къ прошлому. Но мы знаемъ, что въ дущѣ она никогда не была увѣрена въ томъ, что ея братъ умеръ въ Темплѣ. Вамъ безызвѣстно, сколько разочарованій ей пришлось испытать. И намъ не слѣдуетъ беречь ея старыя раны, пока все не будетъ подготовлено. Я самъ поѣду въ Фросдорфъ. Даю вамъ это обѣщаніе. Но сегодня у насъ другое дѣло.

— Да, да, — согласились всѣ слушатели. — Нужно открыть медальонъ. Гдѣ онъ? Покажите его.

Медальонъ, который дала Кольвиллю жена капитана Клебба, переходилъ изъ рукъ въ руки. Онъ не представлялъ собою большой цѣнности, хотя былъ золотой, украшенный камнями, оправленными въ серебро и давно потерявшими свой блескъ! Онъ былъ погнутъ и запущенъ.

— За двадцать лѣтъ его не открывали ни разу, — говорили всѣ кругомъ. — Почти полстолѣтія онъ валялся въ какой-то англійской деревушкѣ.

— Виконтъ де-Кастель — онъ у насъ хорошій механикъ, — обѣщаль принести съ собой свои инструменты, — сказалъ маркизъ де-Жемозакъ. — Онъ откроетъ медальонъ, а если нельзя открыть, то взломаетъ его.

Медальонъ переходилъ изъ рукъ въ руки, пока, наконецъ, не дошелъ до Лу Баребона.

— Я уже видалъ его,—произнесъ онъ.—Помню, я видалъ его, когда былъ еще маленькимъ мальчикомъ.

Съ этими словами онъ передалъ медальонъ виконту де-Кастель который взялъ его дрожащими руками среди глубокой тишины и положилъ на столъ. Кто-то принесъ свѣчи. Виконтъ былъ очень старъ. Во время террора онъ былъ брошенъ въ тюрьму, гдѣ, какъ ходилъ слухъ, выучился дѣлать часы.

— Невозможно открыть,—бормоталъ онъ про себя.—Придется сломать.

Онъ съ усиленіемъ сталъ отдѣлывать крышку. Вдругъ петли лопнули, и крышка черезъ столъ покатила прямо въ руки Баребону.

— А,—вскричалъ онъ среди глубокой тишины:—теперь я вспоминаю. Я помню красную шелковую обивку крышки, а на другой сторонѣ медальона портретъ дамы...

Виконтъ остановился, закрывъ рукою медальонъ и пристально глядя на Лу.

Взоры всѣхъ роялистовъ Франціи сосредоточились на этомъ лицѣ.

— Молчите!—шепнулъ по-англійски Дормеръ Кольвилль, толкнувъ подъ столомъ ногу Баребона.

II.

Лоцманъ брошенъ.

— Портретъ дамы,—медленно повторилъ Лу.—Молодой и красивой. Это я помню.

Старый маркизъ продолжалъ закрывать рукою медальонъ, котораго не видалъ еще и самъ. Онъ обвелъ медленнымъ взглядомъ горѣвшія любопытствомъ лица, окружавшія столъ тройнымъ рядомъ. Онъ былъ самый старый изъ всѣхъ присутствовавшихъ и однимъ изъ самыхъ старыхъ среди парижанъ—однимъ изъ тѣхъ немногихъ, которые лично знали Марію-Антуанетту.

Не открывая медальона, онъ съ поклономъ, достойнымъ стараго режима и его собственнаго историческаго имени, передалъ его черезъ столъ Лу Баребону.

— Ваше право взглянуть на него первымъ,—сказалъ онъ.—Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта дама—мать вашего отца.

Лу взялъ медальонъ и со страннымъ блескомъ въ глазахъ и съ плотно сжатыми губами взглянулъ на него, испустилъ вздохъ, который слышали всѣ въ комнатѣ, и отдалъ медальонъ виконту де-Кастель.

Вдругъ кто-то съ шумомъ упалъ на полъ. Какая-то дама лишилась чувствъ.

— Слава Богу,—сказалъ Кольвилль на ухо Баребону, бросившись къ ней.

Баребонъ повернулся и взглянулъ на него. Лицо его было блѣдно, искажено и все покрыто потомъ. Инстинктивно онъ схватилъ его за руку и оперся на него. Въ суматохѣ никто не обращалъ вниманія на Кольвилля: всѣ суетились около упавшей въ обморокъ дамы. Въ одну минуту Кольвилль сталъ самимъ собой, хотя дѣланная улыбка какъ-то не шла къ его поблѣвшимъ губамъ.

— Ради Бога, осторожнѣй,—проговорилъ онъ и, выхвативъ изъ кармана платокъ, отвернулся.

На одну минуту всѣ забыли о портретѣ, пока не удалось привести въ чувство даму, которая наконецъ поднялась, улыбаясь и потирая себѣ локоть.

— Ничего, это пустяки,—говорила она.—Всему виною мое сердце. И съ успокаивающей улыбкой, застывшей на ея лицѣ, она добралась, шатаясь, до кресла.

Потомъ стали молча передавать другъ другу портреть. То былъ портреть Маріи-Антуанетты на пожелтѣвшей отъ времени слоновой кости. Краски почти исчезли, но лицо выступало довольно явственно. То было лицо молодой дамы, длинное и узкое, съ высокой прической безъ всякихъ украшеній.

— Это она,—сказалъ одинъ другому.—Безъ сомнѣнія, она.

— Этотъ портреть былъ сдѣланъ, когда она только что стала королевой,—пояснилъ виконтъ де-Кастель.—Я видѣлъ много ея портретовъ, но такого еще не видалъ.

Баребонъ стоялъ вѣ сторонѣ, и никто и не думалъ подойти къ нему. Дормеръ Кольвилль отошелъ къ огромному камину и сталъ тамъ, повернувшись къ комнатѣ спиной. Онъ быстро отеръ свое лицо, по которому потъ струился такъ же, какъ дождь струится по лицу какой-нибудь статуи.

Дѣло приняло неожиданный оборотъ. Маркизь де-Жемозакъ, душа всего этого общества, подѣйствовалъ на всѣхъ гораздо сильнѣе, чѣмъ онъ думалъ и могъ предвидѣть. Франція всегда была жертвою собственныхъ эмоцій.

Лу Баребонъ наблюдалъ за каждымъ взглядомъ, за всѣмъ, что происходило. Онъ вполне владѣлъ всѣми своими способностями, и никогда онъ не напрягался до такой степени, какъ въ этотъ моментъ. Никогда его бодрый умъ не работалъ съ такой силой, какъ въ этотъ вечеръ. И тѣ, кто пріѣхалъ въ отель Жемозакъ взглянуть на портреть въ медальонѣ и провѣрить подлинность претендента, уносили теперь въ своихъ сердцахъ твердое убѣжденіе, что никогда въ жизни они еще не встрѣчали человека, который бы такъ мало былъ способенъ сыграть недостойную роль обманщика.

Была уже почти полночь, когда Лу Баребонъ остался наединѣ съ Дормеромъ Кольвиллемъ. Простился, наконецъ, и послѣдній гость, и исчезъ черезъ садовую калитку, пробираясь черезъ эту заброшенную и запущенную пустыню при слабомъ свѣтѣ, отражавшемся сверху отъ облаковъ. Наконецъ и маркизь де-Жемозакъ пожелалъ имъ спокойной ночи, и они остались вдвоемъ въ огромной комнатѣ, въ которой, несмотря на дюжину свѣчей въ серебряныхъ, почернѣвшихъ отъ времени канделябрахъ, было темно и какъ-то таинственно.

Въ суматохѣ, которой сопровождался уходъ гостей, всѣ забыли о медальонѣ. Забылъ спросить о немъ и маркизь де-Жемозакъ. Онъ былъ въ карманѣ у Баребона.

Кольвилль поправилъ кончикомъ сапога дрова въ каминѣ, тлѣвшія яркими головнями. Потомъ онъ обернулся и посмотрѣлъ черезъ плечо на своего спутника.

Баребонъ вынулъ медальонъ изъ кармана своей жилетки и пошелъ къ столу, гдѣ горѣли свѣчи.

— Вы, конечно, никогда и не предполагали, кто вы такой?—спросилъ Кольвилль съ заранѣе приготовленной улыбкой.

Баребонъ взглянулъ на его улыбающееся лицо и самъ улыбнулся.

— Ну, что думалъ, то думалъ,—сказалъ онъ съ какимъ-то страннымъ смѣхомъ.

— Не принимайте поспѣшныхъ рѣшеній,—настойчиво совѣтовалъ Кольвилль, какъ будто обезпкоенный этимъ смѣхомъ.

— Я всегда хорошенько обдумываю всякое дѣло. Интересно было бы знать, кто здѣсь обманутые и кто обманщики.

У Баребона было достаточно времени, чтобы намѣтить себѣ планъ дѣйствій. Его лицо, повидимому, приводило въ смущеніе Кольвилля, который рѣдко ошибался въ своихъ сужденіяхъ о характерахъ, доступныхъ его пониманію. Но тутъ онъ увидѣлъ, что находится на самомъ порогѣ этого пониманія, несмотря на то, что уже нѣсколько мѣсяцевъ онъ день и ночь жилъ вмѣстѣ съ Баребонъ. Съ самаго начала—это было уже такъ давно, въ Фарлингфордѣ—ихъ взаимное положеніе опредѣлилось довольно ясно. Кольвилль, лѣтъ на двадцать старше своего спутника, былъ для него руководителемъ, менторомъ и другомъ—обязательнымъ лицомъ, какъ онъ самъ въ шутку называлъ себя. У него былъ прекрасный жизненный опытъ, онъ всегда вращался въ лучшемъ французскомъ обществѣ. Всѣ его знанія, все вліяніе, которымъ онъ могъ располагать, весь накопленный опытъ—все это было къ услугамъ Баребона. Разница въ лѣтахъ только усиливала ихъ дружбу, которая исключала всякую мысль о соперничествѣ. Кольвилль, несомнѣнно, былъ руководителемъ, а Баребонъ его послушнымъ ученикомъ.

И вдругъ въ одно мгновеніе ока позиціи ихъ перемѣнились.

Кольвилль теперь смотрѣлъ на Баребона глазами почти слуги и, затаивъ дыханіе, ждалъ, что онъ скажетъ дальше.

— Это вы вставили портретъ королевы въ медальонъ?—спросилъ Баребонъ.

Кольвилль кивнулъ головой, залившись смѣхомъ въ сознаніи своей ловкости, которая увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Въ голосѣ его товарища не было ничего такого, что выдавало бы скрытый гнѣвъ. Въ концѣ концовъ вѣдь все сошло какъ нельзя лучше.

— Я съ большимъ трудомъ нашелъ то, что мнѣ было нужно,—скромно прибавилъ онъ.

— Насколько я могу припомнить, въ медальонѣ былъ портретъ другой женщины, которая была гораздо старше. И одѣта она была болѣе нарядно. Прическа также была другая, съ буклями на вискахъ и на лбу—что-то похожее на голубиное гнѣздо. Такія подробности хорошо запоминаются дѣтскою памятью. Хорошо помню ихъ и я.

— Да, и благодаря этому мы чуть было не проиграли игру сегодня,—сказалъ Кольвилль, стараясь не вспоминать опять объ этихъ тяжелыхъ минутахъ.

— Ну, а настоящій портретъ... Вы его не уничтожили?

— Нѣтъ. Онъ имѣетъ свою цѣну,—наивно отвѣчалъ Кольвилль. Онъ ощущалъ свой карманъ и вынулъ изъ него серебряный портсигаръ. Портретъ былъ завернуть въ тонкую бумагу, которую онъ и принялся развертывать.

Взявъ портретъ, Баребонъ слегка кивнулъ головой въ знакъ того, что онъ узналъ его: черезъ двадцать лѣтъ память не измѣнила ему.

— Кто эта дама?—спросилъ онъ.

Дормеръ Кольвилль, видимо, колебался.

— Знаете ли вы исторію этого времени?—спросилъ онъ, подумавъ съ минуту. Теперь для него наступилъ моментъ опредѣлить свой дальнѣйшій образъ дѣйствій.

— Одинъ изъ величайшихъ знатоковъ въ этой области—Септи мій Марвинъ изъ Фарлингфорда. Я кое-чему научился у него. Эта дама, по моему мнѣнію, герцогиня де-Гишъ.

— Вы полагаете...

— Даже Марвинъ не скажетъ вамъ навѣрное,—мягко возразилъ Кольвилль.

Онъ, повидимому, не замѣчалъ, что Баребонъ сталъ теперь обращаться съ нимъ иначе.

— Отсюда выводъ, что мой отецъ былъ незаконнымъ сыномъ графа д'Артуа.

— Впослѣдствіи французскаго короля Карла X,—съ значительнымъ видомъ добавилъ Кольвилль.

— Слѣдовательно, выводъ таковъ?—настаивалъ Баребонъ.— Я хотѣлъ бы знать ваше мнѣніе. Вы, по всей вѣроятности, изучали

этотъ вопросъ самымъ тщательнымъ образомъ. Ваше мнѣніе должно быть очень интересно, хотя...

— Хотя...—повторилъ, какъ эхо, Кольвилль и сейчасъ же пожалѣлъ объ этомъ.

— Хотя невозможно сказать, когда вы говорите правду, а когда ложь.

Всѣмъ тѣмъ, кто сталъ бы сомнѣваться, что въ жилахъ Лу Барбона дѣйствительно течетъ королевская кровь, достаточно было взглянуть въ этотъ моментъ на его лицо, услышать его спокойный голосъ и уловить внезапный и почти грозный отгѣнокъ въ его глазахъ.

Съ неловкимъ смѣхомъ Кольвилль отвернулся и сталъ смотрѣть на горѣвшія въ каминѣ дрова. Потомъ вдругъ онъ опять обрѣлъ прежнюю способность рѣчи.

— Послушайте, Барбонъ,—воскликнулъ онъ.—Мы не должны ссориться. Въ концѣ концовъ изъ-за чего? Вѣдь вы просто напустили на себя сомнѣніе. Вы можете быть... тѣмъ, за кого мы васъ выдаемъ. Извѣстно вѣдь, что Марія-Антуанетта и графъ Ферзенъ ежедневно писали другъ другу. Оба они были очень умны—умнѣйшими людьми во всей Франціи, и оба они были доведены до отчаянія. Не забывайте этого. Неужели вы думаете, что они потерпѣли бы неудачу въ дѣлѣ, которое представляло огромный интересъ и для нея, и для него. Всѣ эти претенденты, Наундорфъ и другіе, доказали это совершенно ясно. Имъ не удалось только доказать, что каждый изъ нихъ и былъ именно Людовикъ XVII.

— А, по вашему мнѣнію, я могу доказать, что я Людовикъ XVII, когда я совсѣмъ другое лицо?

Вмѣсто отвѣта Дормеръ Кольвилль опять отвернулся къ камину и взялъ въ руки портретъ Людовика XVI. Это была гравюра съ портрета, написаннаго еще въ то время, когда онъ былъ дофиномъ. Снявъ съ камина маленькое зеркало, Кольвилль подспелъ къ столу, держа въ одной рукѣ портретъ, а въ другой зеркало.

— Вотъ,—рѣзко сказалъ онъ.—Посмотрите на портретъ, потомъ на зеркало. Доказать! Да самъ Господь Богъ доказалъ это за васъ.

— Намъ лучше не вмѣшивать Бога въ это дѣло, — послѣдовалъ отвѣтъ, въ которомъ отразилась солидная англійская набожность капитана Клебба.—Если мы будемъ итти дальше тѣмъ же путемъ, то будемъ достаточно честны и согласимся, что мы дѣйствуемъ гадко. Портретъ въ медальонѣ достаточно ясно указываетъ истину.

— Портретъ въ медальонѣ есть портретъ Маріи-Антуанетты,—отвѣчалъ Кольвилль, почти гнѣвно.—Никто и никогда не докажетъ противоположнаго. Никто, кромѣ меня, не будетъ знать о сомнѣніяхъ, на которыя вы теперь натываетесь. Де-Жемозакъ, Септимій Марвинъ, Клеббъ—всѣ они убѣждены, что вашимъ отцомъ былъ дофинъ.

— А миссъ Листонъ?

— И она, конечно. Я думаю, что она знала объ этомъ гораздо раньше, чѣмъ я ей сказалъ объ этомъ.

Барбонъ повернулся и смѣло посмотрѣлъ ему прямо въ глаза. Кольвиллю пришлось изумиться второй разъ.

— Почему вы это знаете?—спросилъ Барбонъ.

— О, я не знаю, почему. Но дѣло не въ этомъ. Вопросъ идетъ о вашей будущности. Вы видите, въ какомъ положеніи находится теперь Франція. Вы понимаете: Луи-Наполеонъ или монархія. Если вы не остановите его, и года не пройдетъ, какъ онъ будетъ императоромъ. И тогда онъ втянетъ Францію въ бѣду. Въ немъ гораздо менѣе бонапартскаго, чѣмъ въ васъ бурбонскаго. Припомните; это говорилъ самъ Луи-Бонапартъ. Въ своемъ письмѣ къ папѣ онъ высказалъ это очень ясно. Вамъ необходимо продолжать свое дѣло. О, скажите, что вы будете продолжать его! Пойти назадъ значило бы обречь себя на смерть. Мы не можемъ бросить этого дѣла, если бь даже и хотѣли. Я думалъ объ этомъ. Это невозможно. При одной мысли объ этомъ я чувствую, что вылетаю изъ колеи.

— Вотъ уже мѣсяць, какъ мы вылетѣли изъ колеи,—коротко согласился Барбонъ.

Онъ остановился въ раздумѣ. Кольвилль внимательно наблюдалъ за нимъ.

— Если я пойду дальше,—произнесъ онъ наконецъ:—то пойду одинъ.

— Лучше бы не одному,—замѣтилъ Кольвилль со вздохомъ облегченія.—Я самъ и то, что я знаю, все это будетъ всегда висѣть надъ вашей головой. Если вы добьетесь успѣха, я могу надѣяться вамъ требованіемъ денегъ за молчаніе.

Это было довольно сильное замѣчаніе.

— Я не боюсь этого.

— Такъ говорить нельзя,—со смѣхомъ сказалъ Кольвилль, но его смѣхъ замеръ, когда онъ взглянулъ на Барбона.—Такъ говорить нельзя.

— Умный человѣкъ не рѣшится шантажировать... короля.

— Можетъ быть, вы и правы,—продолжалъ Кольвилль, подумавъ.—Вы, кажется, уже вошли въ ваше будущее положеніе. Но я, конечно, и не подумаю сдѣлать этого. Мало ли что мы говорили другъ другу, а? Мы вѣдь такъ долго были хорошими друзьями. Вы можете дѣлать, что вамъ угодно. И если вы добьетесь успѣха, я буду очень радъ уже тому, что въ этомъ дѣлѣ есть доля и моего участія. Вы, повидимому, теперь уже освоились съ дѣломъ совершенно, но, можетъ быть, придетъ день, когда вы вспомните того, кто училъ васъ быть королемъ.

— Этому училъ меня старый шкиперъ съ Сѣвернаго моря,—отвѣчалъ Барбонъ.—Этому я научился на морѣ.

— Да, да,—нервно согласился Кольвилль.—Но вы пойдете дальше, не оставите этого дѣла, не правда ли? Подумайте объ этомъ до завтрашняго утра. А теперь я пойду. Которая моя свѣча? Подумайте объ этомъ. Не принимайте слишкомъ поспѣшныхъ рѣшеній.

Съ этими словами онъ поспѣшилъ къ двери. Онъ больше не понималъ Барбона.

— Если я пойду дальше,—отвѣтилъ тотъ ему вслѣдъ:—то ваши доводы будутъ тутъ ни при чемъ. Я сдѣлаю это единственно ради Франціи.

— Конечно, конечно,—согласился Кольвилль и затворилъ за собой дверь.

Очутившись въ своей комнатѣ, онъ оглянулся и посмотрѣлъ на дверь, черезъ которую онъ съ такой поспѣшностью вышелъ, и провелъ рукой по своему поблѣднѣвшему и влажному лицу.

— Ради Франціи!—повторилъ онъ въ какомъ-то остолебѣніи.—Ради Франціи! Чортъ возьми! Приходится убѣдиться, что это въ концѣ концовъ и есть человѣкъ, который нуженъ.

III.

Простой банкиръ.

Ни въ лицѣ Джона Тернера, ни въ окружающей его обстановкѣ не было никакихъ виѣшнихъ признаковъ, которые бы указывали на то, что онъ можетъ подавать своимъ клиентамъ дѣльные совѣты. Мелькомъ говорили, что огромное количество кліентовъ изъ благородныхъ семей досталось ему отъ отца. Для того, кто изучалъ Парижъ въ теченіе всего XIX вѣка, станетъ ясно, что и зажиточные и безденежные люди предпочитали имѣть дѣло съ англійскимъ банкиромъ.

Наружность Джона Тернера ручалась за его солидность, и въ его кабинетѣ былъ великолѣпный коверъ. Въ комнатѣ пахло сигарой, а въ конторѣ, черезъ которую должны были проходить по дорогѣ къ нему, отдавало старыми бухгалтерскими книгами.

Въ конторѣ, скромно меблированной и не знавшей несгораемыхъ шкаповъ, сидѣло съ полдюжины клерковъ. Если входилъ какой-нибудь кліентъ, одинъ изъ шести клерковъ поднималъ на него глаза, а остальные пять продолжали писать въ огромныхъ книгахъ, лежавшихъ передъ ними.

Въ одно холодное утро подъ конецъ года консьержъ конторы пропустилъ передъ собой мистриссъ Сентъ-Пьерръ-Лорансъ. Она замѣтила, что при входѣ на нее обратилъ вниманіе лишь одинъ клеркъ или, лучше сказать, не на нее, а на ея великолѣпные мѣха.

— Въ вашей конторѣ,—замѣтила она, опустившись на простой деревянный стулъ, который Джонъ Тернеръ предупредительно

поставилъ для нея около своего письменнаго стола:—повидимому, только одинъ вполне владѣть своими чувствами.

Тернеръ, сидѣвшій въ глубокихъ креслахъ за столомъ, на которомъ красовались перья, чернила и кусокъ промокательной бумаги, посмотрѣлъ на свою посѣтительницу съ широкой улыбкой.

— Я плачу имъ не за то, чтобы они смотрѣли на моихъ кліентовъ,—сказалъ онъ.

— Если бы вошла м-ше Монтихо, то, я думаю, и остальные пять не уткнулись бы въ свои книги.

Джонъ Тернеръ усѣлся въ свое кресло такъ глубоко, что казалось—онъ вотъ-вотъ соскользнетъ подъ столъ.

— Если бы вошелъ самъ архангелъ Гавриль, то и тогда они продолжали бы заниматься своимъ дѣломъ,—возразилъ онъ своимъ густымъ и тихимъ голосомъ.—Но онъ не войдетъ: онъ не состоитъ въ числѣ моихъ кліентовъ. Совсѣмъ напротивъ.

Мистриссъ Сентъ-Пьерръ-Лорансъ погладила мѣховую обшивку своей красивой кофточки и бокомъ взглянула на банкира. Потомъ она обвела глазами всю комнату.

Она была довольно пуста. На стѣнѣ висѣла единственная картина—портретъ какой-то старинной дамы. Мистриссъ Лорансъ подняла глаза и продолжала свой осмотръ. Здѣсь не было ни несоглаго шкапа, ни конторскихъ книгъ, ни записныхъ книжекъ, словомъ, никакой обстановки дѣловыхъ людей—ничего, кромѣ стола и сидящаго за нимъ Джона Тернера, безстрастно глядѣвшаго на стоявшій на простомъ каминѣ календарь.

Взглядъ мистрисъ Лорансъ устремился опять на портретъ, висѣвшій на стѣнѣ.

— У васъ обыкновенно висѣлъ здѣсь портретъ Людовика-Филиппа,—сказала она.

— Когда онъ былъ на тронѣ,—отвѣчалъ банкиръ.

— А теперь чей?—спросила мистрисъ Лорансъ, продолжая разглядывать портретъ.

— Это моя тетка со стороны матери,—промолвилъ банкиръ, дѣлая рукою жестъ и какъ бы рекомендуя ей оригиналь портрета.

— Вы ее держите словно затычку—между двумя царствованіями. Эта тетка съ материнской стороны въ настоящее время вполне безопасна.

— Нельзя же повѣсить что-нибудь республиканское, хотя многіе этого бы и хотѣли.

— Стало быть, вы роялисть?—спросила мистрисъ Лорансъ.

— Нѣтъ, я просто банкиръ,—отвѣчалъ Тернеръ, глубже опускающая подбородокъ въ свой жилетъ. Его глазъ почти не было видно изъ-подъ тяжелыхъ вѣкъ.

Этотъ отвѣтъ вмѣстѣ съ соннымъ видомъ банкира напомнилъ посѣтительницѣ о ея дѣлѣ.

— Будьте любезны распорядиться, чтобы ваши клерки дали мнѣ справку, сколько у меня здѣсь денегъ наличными,—сказала она, не безъ раздраженія поглядывая на столъ, на которомъ не было обычныхъ аксессуаровъ директора банка.

— Всего-на-всего одиннадцать тысячъ франковъ четырнадцать су,—отвѣчалъ Тернеръ съ быстротой, доказывавшей, что если у него на столѣ не было ни отчетовъ, ни разныхъ блокнотовъ, то только потому, что онъ въ нихъ не нуждался.

— Мнѣ кажется, должно бы быть больше, съ неудовольствіемъ промолвила мистриссъ Лорансъ.

Но Джонъ Тернеръ молча сидѣлъ въ своемъ креслѣ и упорно смотрѣлъ на календарь. Своей позой онъ какъ бы хотѣлъ сказать, что стулъ, на которомъ сидѣла его клиентка, сдѣлался полированнымъ отъ одеждъ другихъ кліентовъ, которые на немъ сидѣли и точно такъ же впадали въ такую же ошибку.

— Мнѣ нужно къ завтрашнему дню сто тысячъ франковъ. Вотъ въ чемъ дѣло. Нужно—и все тутъ. Банковыми билетами. Я говорила вамъ, что мнѣ понадобятся деньги, когда вы были у меня въ Руанѣ. Вы должны это помнить. Я говорила вамъ объ этомъ за завтракомъ.

— Да, за пирогомъ съ грибами. Отлично помню. Такихъ пироговъ здѣсь въ Парижѣ нигдѣ не достанешь.

И Джонъ Тернеръ печально покачалъ головой.

— Итакъ, вы можете дать мнѣ денегъ завтра?

— Помнится, я тогда же совѣтовала вамъ не продавать теперь бумаги. Это было послѣ пирога съ грибами, когда мы перешли къ слѣдующему блюду, тоже очень вкусному. Теперь очень неудобное время для продажи бумагъ. Положеніе вещей во Франціи очень неустойчиво. Нельзя даже сказать, кто теперь занимается политической стряпней. Но голова повара, очевидно, полна всякими планами.

— Пожалуйста, къ завтрашнему утру, банковыми билетами,—повторила мистриссъ Лорансъ.—Завтра утромъ, часамъ къ десяти. Банковыми билетами.

И мистриссъ Лорансъ, въ знакъ окончательнаго рѣшенія, стукнула заткнутой въ перчатку ручкой объ уголъ банкирскаго стола.

— Помнится—это было уже за десертомъ—вы говорили мнѣ, что хотите реализовать значительную сумму денегъ въ началѣ года, чтобы пустить ее въ какое-то дѣловое предпріятіе. Это будетъ частью этой суммы?

— Да,—отвѣчала посѣтительница, поправляя вуаль.

— Предпріятіе Дормера Кольвилля. Такъ, кажется, вы мнѣ говорили за кофе. Въ частныхъ домахъ всегда подаютъ кофе не достаточно горячимъ, но у васъ онъ былъ превосходенъ.

— Да,—пробормотала мистриссъ Лорансъ, быстро распутывая пальцами вуаль.

Отъ спрятавшихся подъ тяжелыя вѣки и глубоко всаженныхъ, какъ у свиньи, глазъ Джона Тернера не укрылось, что щеки его посѣтительницы вдругъ покрылись румянцемъ, который, однако, быстро исчезъ.

— Надѣюсь, вы не хотите сказать, что Дормеръ Кольвилль не вполне надеженъ въ смыслѣ дѣловаго человѣка?

— Боже сохрани!—воскликнулъ Тернеръ.—Напротивъ, онъ чрезвычайно предпримчивъ. Я не знаю никого, кто бы курилъ такія сигары, какъ Кольвилль, разумѣется, когда онъ можетъ достать ихъ. И молодой человѣкъ весьма симпатиченъ.

— Какой молодой человѣкъ?—быстро спросила мистриссъ Лорансъ.

— Его другъ, человѣкъ, который при немъ. Помнится, послѣ завтрака вы мнѣ говорили, что Кольвиллю нужны деньги, чтобы пустить въ ходъ этого молодого человѣка.

— Ничего подобнаго!—разсмѣялась мистриссъ Лорансъ, успѣвшая уже оправиться послѣ овладѣвшаго было ею смущенія.

Это была одна изъ тѣхъ счастливыхъ женщинъ, которыя проводятъ жизнь съ подбадривающимъ сознаніемъ, что онѣ гораздо умнѣе, чѣмъ тѣ, кто ихъ окружаютъ.

— Ничего подобнаго! Ничего подобнаго я вамъ не говорила. Это, должно быть, вамъ во снѣ приснилось!

— Очень можетъ быть,—кратко согласился банкиръ.—Мнѣ кажется, что я очень часто засыпаю послѣ завтрака. Можетъ быть, я дѣйствительно слышалъ это во снѣ. Но я не могу вручить такую значительную сумму дамѣ, лишенной всякой охраны, даже если бы мнѣ и удалось достать денегъ къ завтрашнему дню. Можетъ быть, Кольвилль самъ зайдетъ за ними.

— Если онъ только въ Парижѣ.

— Теперь всё въ Парижѣ,—высказалъ свое мнѣніе Тернеръ.—Будетъ еще лучше, если онъ возьметъ съ собой своего юнаго друга. Въ такія непрочныя времена одному человѣку не слѣдуетъ забирать такую сумму денегъ въ банковыхъ билетахъ.

Банкиръ замолчалъ и показалъ пальцемъ на окно, выходившее на улицу Лафайетта.

— Здѣсь всегда не мало молодчиковъ, которые слѣдятъ за тѣмъ, кто входитъ и выходитъ отъ банкировъ. Если посѣтитель выходить съ улыбающимся лицомъ, держа руки въ карманахъ, они идутъ за нимъ и, если представится благоприятный случай, грабятъ его. Лучше не носить съ собой денегъ въ билетахъ.

— Но Дормеру нужны деньги именно въ билетахъ, я знаю,—возразила мистриссъ Лорансъ, не стараясь больше обманывать этого соннаго и простаго человѣка.

— Въ такомъ случаѣ пусть онъ приходитъ за ними.

Мистриссъ Лорансъ поднялась со стула и оправила платье съ такимъ видомъ, какъ будто она исполнила какую-то задачу, очень трудную, но не невозможную для женщины, одаренной такимъ умомъ и самообладаніемъ.

— Продайте мои гарантированныя бумаги и приготовьте деньги къ завтрашнему утру, къ десяти часамъ,—повторила она еще разъ съ чисто женской настойчивостью.

— Деньги будутъ готовы къ этому времени независимо отъ того, удастся ли мнѣ продать ихъ за наличныя, или нѣтъ,—отвѣчалъ Тернеръ, неудачно стараясь подавить зѣвоту.

— Вы займете подъ нихъ?

— Никакой банкиръ не дастъ подъ нихъ—развѣ только для королей,—глуповато отвѣчалъ Тернеръ.—Это называется приспособливаться къ обстоятельствамъ.

Мистриссъ Лорансъ быстро взглянула на него изъ своего мѣхового боа, которымъ была окутана ея шея. Передъ ней былъ банкиръ, слышій богатымъ и сидѣвшій теперь въ пустой комнатѣ, гдѣ не было ни нестораемаго шкапа, ни чего-либо другого, что наводило бы на мысль о его богатствѣ; дѣловой человѣкъ, весьма извѣстный въ мірѣ дѣльцовъ, беззаботно барабанившій пальцами по столу; философъ, у котораго на все готово поучительное правило. Передъ ней былъ человѣкъ, который, казалось, могъ видѣть все, но былъ въ то же время слишкомъ вялъ, чтобы что-нибудь замѣчать. Мистриссъ Лорансъ не всегда полагалась на своего банкира, но теперь одинъ взглядъ на это круглое тяжелое лицо вернулъ ей увѣренность. Она засмѣялась и направилась къ выходу, вполне довольная тѣмъ, что ей удалось обдѣлать такое трудное дѣло такъ же легко, какъ обмотать нитку вокругъ пальца.

Она кивнула головой Тернеру, который тяжело поднялся съ своего кресла и самъ отворилъ ей дверь. Мистриссъ Лорансъ замѣтила, что онъ кинулъ при этомъ взглядъ на часы, и подумала, что онъ, очевидно, вспомнилъ о томъ, что уже время завтракать: такъ ясны для умной женщины всѣ мужскія мысли.

Затворивъ дверь за своей посѣтительницей, банкиръ вернулся къ своему письменному столу. Какъ многіе дородные люди, онъ двигался безшумно и, когда было нужно, довольно быстро.

Въ нѣсколько минутъ онъ написалъ три письма и, написавъ на нихъ адресъ, постучалъ концомъ своей трубки о столъ. Въ одно мгновеніе ока явился клеркъ.

— Я не пойду завтракать до тѣхъ поръ, пока мнѣ не будутъ доставлены расписки въ полученіи этихъ писемъ,—сказалъ банкиръ, прекрасно зная, что, пока онъ не уйдетъ, его шестеро клерковъ будутъ оставаться голодными.—Не отвѣты—пояснилъ онъ:—а собственноручныя расписки получателей.

Клеркъ съ быстротою молніи вылетѣлъ изъ комнаты и помчался

внизъ по лѣстницѣ, а Джонъ Тернеръ опустился опять въ свое кресло, устремивъ въ пространство свои тусклые глаза.

— Никто не можетъ такъ все пронюхать, какъ я,—говаривалъ онъ обыкновенно.

IV.

Путь со множествомъ изгибовъ.

Если Джонъ Тернеръ ожидалъ, что Кольвилль приведетъ съ собою въ улицу Лафита Лу Баребона, то въ этомъ ему пришлось разочароваться. Кольвилль пріѣхалъ въ наемной каретѣ съ спущенными занавѣсками.

Кучеру приказано было въѣхать на широкій дворъ дома, въ нижнемъ этажѣ котораго помѣщалась банкирская контора Тернера. Экипажи очень часто ждали здѣсь, возлѣ маленькаго фонтана, бившаго день и ночь среди небольшого четырехугольнаго бассейна.

Кольвилль вышелъ изъ кареты и остановился, чтобы сказать что-то Лу Баребону, который долженъ былъ оставаться въ каретѣ. Со времени злополучнаго вчерашняго вечера въ отелѣ Жемозакъ, когда они чуть было не поссорились, въ ихъ отношеніяхъ сквозила извѣстная сдержанность. Кольвилль остерегался касаться вопроса, по которому они расходились. Его смѣхъ не могъ заставить Лу забыть, что онъ его обманулъ и притомъ такъ, что совершенно невинный чловѣкъ сдѣлался его сообщникомъ.

Лу еще не высказалъ своего рѣшенія. Онъ выжидалъ цѣлую недѣлю, и Кольвилль все это время не рѣшался спросить его, созрѣло ли у него рѣшеніе. Въ манерахъ Лу появилось какое-то безпокойство, которое сначала сбивало съ толку и тревожило его ментора. По временамъ онъ былъ веселъ, какъ прежде, но вдругъ лицо его становилось мрачнымъ и онъ уходилъ въ свою комнату.

Возвращаться къ этому вопросу значило бы ускорить катастрофу, и Дормеръ Кольвилль рѣшилъ итти впередъ, какъ будто ничего не случилось.

— Я скоро вернусь,—сказалъ онъ Баребону съ веселымъ смѣхомъ.

Перспектива получить сто тысячъ франковъ банковыми билетами была, разумѣется, весьма пріятна, хотя обладаніе такой большой суммой, повидимому, и разрушаетъ это чувство пріятности. Лица миллионеровъ обыкновенно носятъ печальное выраженіе.

— Я скоро вернусь. Тернеръ—рабъ своего слова, и деньги, навѣрно, у него уже готовы.

Джонъ Тернеръ уже ждалъ Кольвилля и машинально всунулъ свою пухлую руку въ теплые тиски Кольвилля.

— Мнѣ все хотѣлось повидаться съ вами еще разъ,—сказалъ Кольвилль.

— Милости просимъ,—произнесъ въ отвѣтъ банкиръ, показывая рукой на пустой стулъ, на который теперь падалъ яркій свѣтъ черезъ двойное окно. Другое окно, находившееся какъ разъ противъ него, выходило на дворъ. И Кольвилль, садясь, бросилъ какъ разъ на это окно взглядъ, въ которомъ мелькнуло неудовольствіе на невольную задержку.

Тернеръ поймалъ этотъ взглядъ и подмѣтилъ неудовольствіе. Своимъ медленнымъ, но острымъ умомъ, который работалъ за этими маленькими, глубоко всаженными глазками, онъ заключилъ, что Лу Баребонъ находится въ каретѣ на дворѣ и что Кольвиллю хочется вернуться къ нему какъ можно скорѣе.

— Очень пріятно слышать это отъ васъ,—продолжалъ Тернеръ, стараясь быть любезнымъ и разговорчивымъ.—Но, дорогой Кольвилль, въ этомъ виноваты вы сами. Вѣдь вамъ извѣстно, гдѣ найти меня, когда вамъ угодно меня видѣть. Я прикованъ къ этому креслу. Но никто не знаетъ, гдѣ найти такого мотылька, какъ вы.

— Мотылекъ, у котораго къ крыльямъ прицѣплена тяжесть,—отвѣчалъ Кольвилль съ своей обычной веселой улыбкой.

Онъ сидѣлъ въ такой позѣ, которая указывала на его нежеланіе перемѣнить тему разговора.

— Что-то непохоже. Доходятъ слухи, что вы бываете то тутъ, то тамъ. Вѣроятно, вы лучше, чѣмъ кто-либо другой во Франціи, знаете о состояніи въ настоящій моментъ...

Тутъ онъ остановился и едва подавилъ зѣвоту.

— Сбора винограда. Какъ дѣла, а?

— Насколько я могу судить, дожди прошли слишкомъ поздно. Но я съ удовольствіемъ расскажу вамъ о всемъ этомъ какъ-нибудь въ другой разъ. А сегодня...

— Да, я понимаю. Вамъ нужны деньги. Я уже приготовилъ ихъ для васъ. Надо приготовить расписку въ ихъ полученіи.

Тернеръ, не торопясь, порылся въ карманѣ и наконецъ вынулъ изъ него какое-то письмо, отъ котораго онъ оторвалъ чистый листокъ. Его собесѣдникъ, нетерпѣливо слѣдившій за его дѣйствіями, то и дѣло поглядывалъ въ окно.

— Сдается мнѣ,—промолвилъ банкиръ, открывая чернильницу:— что вино урожая 1850 года будетъ пить не республика.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— А вы какъ думаете?

— Сказать по правдѣ, вниманіе мое было обращено на самый виноградъ, а на на судьбу, которая его постигнетъ. Если расписка отъ имени мистриссъ Лорансъ готова, то я могу подписать ее,—сказалъ Кольвилль, взявъ въ руки промокательную бумагу.

— Получено за счетъ и для передачи мистриссъ Сентъ-Пьерръ-Лорансъ сто тысячъ франковъ,—бормоталъ банкиръ по мѣрѣ того, какъ тотъ писалъ.

— Она—только мой клиентъ, любезный Кольвилль,—понимаете, только клиентъ,—продолжалъ онъ, накладывая на расписку промокательную бумагу.—Иначе я ни въ какомъ случаѣ не выпустилъ бы деньги такъ легко. Мистриссъ Лорансъ реализируетъ эту сумму вопреки моему совѣту.

— Если женщина чего-нибудь захочетъ...—беззаботно началъ было Кольвилль.

— Да, я знаю. Тогда всѣ доводы отскакиваютъ отъ нея, какъ отъ стѣны горохъ.—Будьте добры подписать это.

Тернеръ подаль ему расписку и перо, но все вниманіе Кольвилля было устремлено на окно, выходившее на дворъ. Непрерывное журчаніе фонтана было заглушено стукомъ колесъ кареты.

Кольвилль быстро поднялся со стула, но для того, чтобы подойти къ окну, ему нужно было пройти мимо кресла Тернера. Въ ту же минуту всталъ и банкиръ и съ шумомъ отодвинулъ свое кресло къ стѣнѣ. Такимъ образомъ подступъ къ окну оказался занятымъ массивной фигурой Тернера, и Кольвиллю пришлось обѣжать вокругъ письменнаго стола. Но и тутъ противъ него оказался Тернеръ, который, какъ будто не замѣчая, что Кольвилль старается обѣжать его, открылъ дверцу большого шкапа, вдѣланнаго въ стѣнѣ. Дверь этого шкапа окончательно закрыла собою окно.

Повернувшись на каблучкахъ съ ловкостью, которой трудно было ожидать отъ такого дороднаго человѣка, онъ увидѣлъ блѣдное лицо Кольвилля въ двухъ шагахъ отъ себя. Тотъ едва не налетѣлъ на него. Съ минуту они молча смотрѣли другъ на друга. Джонъ Тернеръ продолжалъ держать правой рукой дверь шкапа такъ, чтобы она загоразживала окно.

— Деньги у меня хранятся здѣсь, въ этомъ шкапу,—сказалъ онъ.

Пока онъ это говорилъ, по громкому стуку колесъ, отдававшему, какъ эхо, во дворъ, слышно было, что карета въѣхала изъ воротъ на улицу Лафайетта. На дворъ была только одна карета, та, въ которой Кольвилль оставилъ Лу Баребона.

— Здѣсь, въ этомъ шкапу,—повторилъ Тернеръ, какъ бы не замѣчая, что его посѣтитель его не слушаетъ.

Кольвилль быстро подошелъ къ другому окну, выходившему на улицу Лафайетта. Домъ былъ довольно высокъ, съ антресолями, и изъ окна второго этажа невозможно было видѣть улицу, не открывъ окна.

Тернеръ занеръ свой шкапъ, не переставая наблюдать за Кольвиллемъ, который тщетно боролся съ не открывавшейся рамой.

— Въ чемъ дѣло?—ласково спросилъ банкиръ:—собака убѣжала?

Но Кольвиллю удалось наконецъ открыть окно, въ которое онъ и поспѣшилъ высунуться. Шумъ уличнаго движенія заглушилъ его отвѣтъ.

Кольвилль быстро убѣдился, что онъ потерялъ въ борьбѣ съ рамою три драгоценныхъ минуты и что теперь уже слишкомъ поздно. Бросивъ взглядъ на улицу, онъ бросился въ комнату и, схвативъ свою шляпу со стола банкира, поспѣшилъ было къ двери, но вернулся обратно. Лицо его было искажено яростью.

— Чортъ бы побралъ!—закричалъ онъ, увидѣвъ лицо банкира съ его ласковыми глазами.

Хлопнувъ дверью, онъ бросился изъ кабинета въ контору.

Тернеръ въ полномъ недоумѣніи такъ и остался посреди комнаты. Онъ весь превратился въ слухъ и слышалъ, какъ хлопнула входная дверь. Потомъ онъ усѣлся опять на свое кресло, поднялъ высоко на лбу брови и печально уставился на календарь.

Когда Кольвилль оставилъ Баребона одного въ наемной каретѣ, состояніе его духа было очень неспокойно. Морская жизнь, болѣе, чѣмъ всякая другая, приучаетъ человѣка къ быстротѣ дѣйствій. Сотню разъ въ день приходится моряку исполнять съ непривычной для береговаго человѣка быстротой то, что, по его опыту, является настоятельно необходимымъ въ эту минуту. Въ морѣ жизнь много проще, чѣмъ въ городахъ, и для моряка есть только два пути: правильный и неправильный. Для торожанина, привыкшаго ходить по мощеной дорогѣ, есть много побочныхъ путей, есть длинный путь со множествомъ изгибовъ, называемыхъ компромиссами.

Лу Баребонъ вступилъ на этотъ путь въ тотъ памятный вечеръ въ отелѣ Жемозакъ въ улицѣ Св. Іакова и съ тѣхъ поръ продолжалъ идти по нему. Капитанъ Клеббъ съ большимъ успѣхомъ научилъ его различать въ морѣ правильный и неправильный ходъ. Но все это обученіе оказалось недостаточнымъ въ такомъ кризисѣ. Кромѣ того, въ жилахъ Баребона текла кровь его расы.

Поглощенный своими мыслями, Баребонъ, сидя въ каретѣ, едва ли замѣтилъ, что кучеръ его кареты сошелъ съ козелъ и пошелъ по направленію къ воротамъ, гдѣ шумъ уличнаго движенія и снованіе пѣшеходовъ незамѣтно заставили его простоять довольно долго. Черезъ нѣкоторое время онъ вернулся къ своей каретѣ, но это былъ уже другой кучеръ. На немъ была такая же ливрея, такая же шляпа, но изъ-подъ воротника, поднятаго до самыхъ ушей, виднѣлось совершенно другое лицо. Но на дворѣ никто не замѣтилъ этого маленькаго превращенія. Баребонъ даже не взглянулъ въ окно. Онъ ни разу не взглянулъ и на лицо извозчика, карета котораго стояла на углу улицы Св. Іакова, когда Кольвилль и его спутникъ вышли изъ-подъ высокихъ воротъ дома Жемозакъ.

Баребонъ съ такою тщательностью исполнялъ данные ему софты, что держался все время, откинувшись на спинку экипажа и полужакрывъ лицо воротникомъ своего пальто. Была какъ разъ середина зимы, и утро было холодное. Онъ едва взглянулъ, когда

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

Т-ва А. С. Суворина — „Новое Время“

Петроградъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ на-Д.

Книжныя Новости» магазиновъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжныя шкафы Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ ОКТЯБРѢ 1915 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 10-й.

Богословіе.

ЗАРИНЪ, С. Законъ и евангеліе по ученію Господа въ евангеліи Матоея, гл. V ст. 13—48. Выпускъ второй объясненія Нагорной бесѣды. Ц. 1 р. 20 к.
СОКОЛОВЪ, И. Православный греческій Востокъ. Вып. 3-й. Ц. 1 р.

Философія, психологія, логика.

БЕЗАНТЪ, А. Комментаріи къ Бхагавадъ-Гитѣ. Ц. 55 коп.
— Теософія и новая психологія. Ц. 65 к.
— Ученіе сердца. Ц. 45 к.
БЕККЪ, Р. М., д-ръ. Космическое сознаніе. Ц. 2 р. 50 коп.
БЪЛОЦВѢТОВЪ, Н. Религія творческой воли. Ц. 1 р.
ДЮРВИЛЛЬ, Г. Призракъ живыхъ. Выдѣленіе астральнаго призрака чело-
вѣкомъ по собственной волѣ. Ц. 1 р. 65 к.
ЛЕСЕВИЧЪ, В. Собраніе сочиненій. Т. 2. Статьи по философіи. М. Ц. 3 руб.
ЛОМБРОЗО, П. Жизнь ребенка. Ц. 60 к.
ТРОЯНОВСКІЙ, А. Астрологическій словарь. Посobie для составленія и толкованія гороскопа. Ц. 2 руб.
ФРАНКЪ, С. Предметъ знанія. Обь основахъ и предѣлахъ отвлеченнаго знанія. Ц. 3 р. 50 к.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

КОГАНЪ, М. Прологъ. Мысли о литературѣ и жизни. Ц. 60 к.

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

АМФИТЕАТРОВЪ, А. Собраніе сочиненій. Т. 35. Свѣтъ и сила. Ц. 1 р. 50 к.
БУДИЩЕВЪ, А. Вздорные рассказы. Ц. 1 р. 25 коп.
ГЕРНЕТЪ, С. Миниатюры Скальда. Ц. 1 р. 50 к.
ГРИНЕВСКАЯ, И. Поклонъ героямъ. Стихи. Ц. 60 к.
ЗАЙЦЕВЪ, Б. Дальній край. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.
КИСЕЛЕВЪ, Н. Скрещенные мечи. Рассказы. Ц. 1 р. 25 к.
КОЗЕЛЬСКІЙ, О. Записки батарейнаго командира. Вып. 1-й. Ц. 60 коп.
КРИНИЦКІЙ, М. Маскарадъ чувства. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.

«ИСТОР. ВѢСТН.». ноябрь 1915 г., т. СХЛН.

231/4

- КРИНИЦКІЙ, М. Случайная женщина. Романъ. Ц. 2 р.
 ЛЕВБЕРГЪ, М. Лукавый странникъ. Стихи. Ц. 60 к.
 ЛИПЕЦКІЙ, А. Воля къ жизни. Разсказы. Ц. 1 руб. 25 коп.
 ОНОТО ВАТАМА. Японскій соловей. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
 ОТЗВУКИ ВОЙНЫ. Сборникъ стихотвореній А. К. Ц. 60 к.
 РУССАТЪ, Е. Зарницы войны. Ц. 1 р. 50 к.
 САЛТЫКОВЪ, А., гр. По старымъ слѣдамъ. Ц. 1 р. 25 к.
 СЕРАФИМОВИЧЪ, А. На рѣкѣ. Разсказы. Ц. 1 р. 25 к.
 СОЧАВА, Л. Стихотворенія. Вып. 2-й. Ц. 1 р.
 ТАРХАНОВА, Н. и ШАГИАХМЕТОВЪ, И. Драма брака. Пьеса въ 4-хъ дѣйств. Ц. 70 к.
 ТИМКОВСКІЙ, Н. Сергій Шумовъ. Разсказы. Ц. 1 р. 50 к.
 ТОЛСТОЙ, А. Приключенія Растегина. Разсказы. Ц. 1 р. 25 к.
 ЦИТЬ. Литературный сборникъ, подъ редакц. Л. Андреева, М. Горькаго и О. Соллогуба. Ц. 1 р.
 ЭЛЬЗЕНГРЪ, Ш. Посмертное изданіе стихотвореній. Пѣсни моря. Ц. 1 р.

Исторія, біографія и археологія.

- АРСЕНЬЕВЪ, К. За четверть вѣка. (1871—94). Сборникъ статей. Ц. 3 р.
 ЕВДОКИМОВЪ, Л. «Вѣный Генераль». М. Д. Скобелевъ, въ народныхъ сказаніяхъ. Ц. 40 к.
 ИСТОРИЧЕСКОЕ обозрѣніе. Т. 20-й. Сборникъ. Ц. 1 р. 50 к.
 КОВАЛЕВСКІЙ, М. Русскій ученый XVIII вѣка. М. Ц. 45 к.
 ЛИБРОВИЧЪ, С. Загадочный фельдмаршалъ русской арміи. Историческій очеркъ. Ц. 50 к.
 СБОРНИКЪ памяти А. П. Философовой. 1837—1912 гг. Т. I, т. II. Ц. за 2 тома 10 р.
 СОКОЛОВЪ, И. Епархіана. Собраніе документовъ, относящихся къ исторіи епархіи Константинопольской церкви отъ второй половины XV вѣка до настоящаго времени. Ц. 2 р.
 ШАХОВСКАЯ, Н. Въ монастырской вотчинѣ XIV—XVII вв. (Св. Сергій и его хозяйство). М. 1915. Ц. 40 к.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика

- ВЪЛЯЦКИНЪ, С. Война и государственное вознагражденіе. Ц. 75 к.
 ВОЛКОВЪ, В. Уставъ о наказаніяхъ, палагаемыхъ мировыми судьями по офиц. изданію 1914 г. Ц. 2 р. 50 к., въ перепл. 3 руб.
 ВТОРАЯ Отечественная война, по разсказамъ ея героевъ. Вып. 6-й. Ц. 25 к.
 Г. Н. Пособіе къ изученію догмы римскаго права, по курсу проф. Д. Д. Гримма. Ц. 70 к.
 ГЕРВАГЕНЪ, Л. На чемъ основано раздѣленіе права на публичное и частное, гражданское? Ц. 30 к.
 ГЕССЕНЪ, Г. Узаконеніе, усмысленіе и вѣвѣбачныя дѣти. Ц. 1 р. 50 к.
 ЕМЕЛЬЯНОВЪ, Н. Г. Корни дороговизны. II. Организанія побѣды. Ц. 1 р.
 КАБЛУКОВЪ, Н. О повышеніи производительности труда въ русской промышленности. М. 1915. Ц. 40 к.
 КЕЛЬБЕРИНЪ, И. Черта осѣдлости. Ц. 75 к.
 МАНСЫРЕВЪ, С., князь. Нѣмецкое землевладѣніе и правила 2-го февраля 1915 г. Ц. 25 к.
 ПЕРОВСКІЙ-ПЕТРОВО-СОЛОВОВО, М. Подъ знакомъ скенписа. Вып. 2-й. Война и церкви. Ц. 1 р. 50 к.
 ПИЛЕНКО, А. Привилегія на изобрѣтенія. Изд. 9-е. Ц. 1 руб.
 ПОКРОВСКІЙ, Н. О подоходномъ налогѣ. Ц. 1 р. 50 к.
 ПРЕОБРАЖЕНСКІЙ, И. Царьградъ и святая Софія. Ц. 20 к.
 ПРЕОБРАЖЕНСКІЙ, М. Руководство для судебныхъ приставовъ, чиновъ полиціи и взыскателей по исполненію судебныхъ рѣшеній. Изд. 3-е. Ц. 3 р.
 РУНИНЪ, С. Отлики. Вып. 4-й. Война и правительство. Ц. 20 к.
 СВОДЪ законовъ Россійской Имперіи. Т. 4-й. Уставъ о воинской повинности. Ц. 45 к.
 СИНЯЯ ПТИЦА. Сербская дипломатическая переписка, относящаяся къ войнѣ 1914 г. Ц. 50 к.
 СКРОДЗСКІЙ, Н. Положенія и правила о суточномъ и другихъ видахъ денежнаго довольствія эвакуированнымъ увѣчнымъ, раненымъ и больнымъ нижнимъ чинамъ. Ц. 25 к.
 СУХАНОВЪ, Н. Наши лѣвыя группы и война. Ц. 50 к.
 ТАКЪ говоритъ Германія. Ц. 1 р.
 УКРАИНСКІЙ ВОПРОСЪ. М. 1915. Ц. 1 р.
 ЧЕРЧЪ, САМУЭЛЬ ГАРДЕНЪ. Америка о виновникахъ войны. Ц. 50 к.
 ЯКОБИ, П. Практическое руководство къ составленію обвинительныхъ актовъ и заключеній. Ц. 1 р. 25 к.

Искусство.

- БЕРТЕНСОНЪ, С. Дѣдъ русской сены. О жизни и дѣятельности П. И. Сосницкаго. Ц. 1 р. 50 к.
 ЕЖЕГОДНИКЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ. 1915. Ц. 2 руб.
 КАРАТЫГИНА, В. Скрыбинъ. Очеркъ. Ц. 1 руб.
 МАРІЯ ГАВРИЛОВНА САВИНА, біографическій очеркъ В. В. Протопопова. Вып. 1, 2, 3. Ц. по 1 р.
 ХУДЕКОВЪ, С. Исторія танцевъ. Ч. III. Ц. 10 р. и 13 р.

Естествознаніе и математика.

- ГЛИНКА, К. Почвовѣдніе. Изд. 2-е. Ц. 5 р. 50 к.
- КРОТКОВЪ, П. Какъ опредѣлить минералы? Практическое руководство къ изслѣдованію ихъ съ помощью простыхъ испытаній. М. 1916. Ц. 60 к.
- МОСТОВИЧЪ, К. Основы современной термодинамики. Ч. I (теоретическая) съ 22 чертеж. и 13 табл. въ текстѣ. Рига. Ц. 1 р. 25 к.
- РЫНИНЪ, Н. Начертательная геометрія. Ортогональныя проеціи. Ц. 3 р. 50 к.
- СВЯТСКИЙ, Д. Астрономическія явленія въ русскихъ лѣтописяхъ. Ц. 1 р. 80 коп.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

- ЯКУШЕВЪ, Д. Два года во льдахъ. Экспедиція лейт. Брусилова. Ц. 15 коп.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

- ЗЕНЗИНОВЪ, В. Очерки торговли на сѣверѣ Якутской области. М. 1915. Ц. 1 руб.

Сельское хозяйство и домоводство.

- АРЦЫБАШЕВЪ, Д. Орудія и машины сельскаго хозяйства. Съ 306 рисунк. Ц. 2 р. 50 к.
- ПЕРЕХОДЪ, В. Основы современного льноводства. Рига. Ц. 1 р. 50 к.
- ФЕДОРОВЪ, П. Прохладительныя напитки. Ц. 35 к.
- ФРИДОЛИНЪ, П. Краткое руководство по кормленію молочнаго скота для крестьянъ и мелкихъ хозяевъ. М. 1914. Ц. 25 к.
- Краткое руководство по молочному хозяйству. Ц. 25 к.
- Молочныя товарищества или артели, ихъ задачи, значеніе, устройство. Ц. 25 к.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

- БАУЭРЪ, Какъ устроена моторная лодка и какъ обращаться съ ней. Ц. 1 р.
- ГАВРИЛЕНКО, А. Механическая технология металловъ. Ч. 3. Обработка металловъ давлениемъ. Ц. 7 р.
- ГАНИЦКИЙ, И. Паровыя турбины на свеклосахарныхъ заводахъ. Ц. 50 к.
- ЛЕОНАРДЪ, Г. Руководство къ приготовленію различныхъ чернилъ. Ц. 40 к.
- НИКОЛЬСКИЙ, Р. Кожевенное производство. Ц. 30 к.
- ПЕТРОВИЧЪ, С. Основы механики сплошныхъ массъ. Ц. 3 р. 50 к.
- ПЕТРОВЪ, М. Электрическіе звонки и сигнализациа. Съ 89 рисунк. Ц. 35 к.
- СИНЕЛЬНИКОВЪ, И. Искусственный мраморъ. Приготовленіе его и другихъ камней, а также починка и полировка. Ц. 35 к.
- СТАБИНСКИЙ, П. Телефонъ безъ проводовъ. Ц. 40 к.
- ХОЛЬДЕ, ПР. Испытаніе и рациональный выборъ смазочнаго масла. Ц. 1 р.
- ШМИДТЪ, В. Протрава или окраска дерева въ различные цвѣта. Ц. 50 к.
- ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ПРОВОДА, ихъ производство, изолированіе, прокладка и расчетъ. Т. X. Ц. 4 р.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

- ЛЮБОМУДРОВЪ, А. Практическое руководство для сестеръ милосердія и лечебныхъ заведеній Россійск. общ. Красн. Креста. Правила ухода за больными и ранеными. Ц. 1 р. 75 к.
- ШУЕНИНОВЪ, С. Техника патологическаго истологическаго изслѣдованія. Ц. 1 р. 50 к.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

- АНГЛІЙСКІЯ книжки для русскихъ читателей, съ наставленіемъ для произношенія и словаремъ. №№ 3, 4, 5. Ц. по 25 к.
- БЕРЕЗИНЪ, Н. Начальная географія. Ч. 1-я. Ц. 90 к.
- ВАХЕРЪ, В. Практическій курсъ упрощенной этнографіи. Ревель. Ц. 50 коп.
- ВВЕДЕНСКИЙ, А. Логика для гимназій. Изд. 3-е. Ц. 80 к.
- ВЛАДИСЛАВЛЕВЪ, И. Что читать? Указатель систематическаго домашняго чтенія. Вып. 2-я. Ц. 50 к.
- КАЙГОРОДОВЪ, Д. Изъ родной природы. Хрестоматія для чтенія въ школахъ и семьяхъ. Ч. 1-я. Изд. 5-е. Ц. 1 р. 30 к.
- КРАСНОГОРСКИЙ, П. Этимологія русскаго языка въ примѣрахъ и выводахъ. Для младш. классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Ц. 50 коп.
- ЛАВРЕНТЬЕВЪ, Д. Законовѣдніе. Учебникъ для средне-учебн. заведеній и самообразованія. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 50 к., въ перепл. 1 р. 75 к.

МАЛЬЦЕВА, Н. Американская школа и принципъ ручныхъ работъ. Ц. 15 к. РАДЧЕНКО, В. Указатель систематическаго чтенія книгъ по литературѣ для учащихся. Т. 1-й—для 1, 2, 3 и 4 кл. Ц. 10 коп. РУБИЦОВА, В. Учебный курсъ исторіи новѣйшей русской литературы. 40 и 80 гг., для средне-учебн. завед. Ц. 1 р. 35 к. СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ указатель книгъ для дѣтей и юношества. Ч. 1-я. Сказки. Ц. 1 р. 25 к. СОКОЛОВЪ, Б. и ТУМИМЪ, Г. Работы по синтаксису. Ц. 60 к. ТАНФИЛЬЕВЪ, Г. Географія Россіи. Ч. 1. Введеніе. Исторія изслѣдованія,	учрежденія и изданія. Картографія. Одесса. 1915. Ц. 1 р. 75 к. ТЮЛЕШЕВЪ, К. Какъ читать римскихъ поэтовъ въ гимназій. Ц. 1 р. УМЪНЬЕ воспитывать своихъ дѣтей. М. 1915. Ц. 1 р. ЦЫБУЛЬСКІЙ, С. Основы латинскаго языка въ популярномъ изложеніи. Ц. 1 р. 35 коп. ЧЕРЕПНИНЪ, Н. Родная исторія. Для начальныхъ училищъ и первоначальнаго обученія. Ц. 40 к. ЧЕРНЫШЕВЪ, В. Законы и правила русскаго произношенія. Звуки, формы, сочетанія словъ. Ц. 80 к.

Книги для дѣтей и юношества.

БЕЛЬГИЙСКІЯ народныя сказки. Перевелъ А. Н. Галибинъ. Иллюстр. С. Плошинскаго. Ц. 2 р. ГЛАГОЛЕВА, Т. Ломоносовъ, какъ гражданинъ. Воронежъ. Ц. 25 к. МАНАСЕИНА, Н. Царевны. Историческая повѣсть. Ц. 3 р. 50 к.	ФАУСЕКЪ, Ю. Мѣсяць въ Римѣ, въ домахъ дѣтей Маріи Монтессори. Ц. 1 р. 25 коп. ФЕДОРОВИЧЪ-ШЕНЕЦЪ, А. Что думаютъ и говорятъ животныя о человѣкѣ. Ц. 20 к.

Справочныя книги.

ГУСЕВЪЩИКОВЪ, М. и ЧЕРМАКЪ, Л. Справочная книжка для пароходола-дѣльцевъ и машинистовъ рѣчного флота. Ц. 1 руб. «НАУКА ДЛЯ ВСѢХЪ». Энциклопедическій сборникъ. 2 тома. Ц. 6 р. УМЪНЬЕ хорошо одѣваться. Ц. 1 р.	УЧЕВНИКЪ письма на пишущей машинѣ по послѣднему американскому, десятипальцевому слѣпому методу. Ц. 2 р. 75 к., учебн. отдѣльно 50 к. ЭФРОСЪ, Г. Желѣзнодорожный счетно-отчетно-ревизионный справочникъ для служащихъ на казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ. 1915. Иркутскъ. Ц. 1 р. 75 к.

Разныя книги.

- ТЕЛЕСКОПЪ Зороастра или ключъ великой каббалы. Гадательная книга маговъ. Ц. 2 руб.

